

Девятнадцатый годъ

19:11-12

1898

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ в К^о, Пименовск. ул., собст. домъ
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ВОЗВРАТЬ. (Романъ колеблющихся настроеній).— А. А. Лу- гового. <i>Окончаніе</i>	1
II. ТОНКІЙ ЗНАТОКЪ ЖИЗНИ. Габріэлы Рейтеръ. Переводъ съ пѣмецкаго Н. Н.	56
III. ИГРОКИ.— И. Н. Потапенка	102
IV. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Пе- реводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	142
V. ЧУДАЧКА. Повѣсть.— Ем. Лѣтковой.	177
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.— Михаила Жемчужникова	204
VII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.— Н. Ѳ. Казанскаго. <i>Окончаніе</i>	1
VIII. БОЙКОТЪ.— И. О.	10
IX. ПО БЕРЕГАМЪ НОРВЕГІИ.— М. Венюкова	23
X. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА.— Вл. В. Лесевича.	46
XI. УНИВЕРСИТЕТЪ, КАКЪ ШКОЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.— Вла- димира Вагнера.	74
XII. ГРАФЪ КАМИЛЬ КАВУРЪ ПО ЕГО ПИСЬМАМЪ И СОВРЕ- МЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.— О. П. Орловой. <i>Окончаніе</i>	84
XIII. ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.— В. П. Вахтерова. <i>Продолженіе</i>	101
XIV. РУССКІЙ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ И ВОЗМОЖНАЯ ЕГО РЕОРГАНИЗАЦІЯ.— Н. П. Хитрово. <i>Продолженіе</i>	124
XV. ПУБЛИЦИСТЪ-ИДИЛЛИКЪ.— М. А. Протопопова	147

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

Газета «КУРЬЕРЪ» въ 1899 г. будетъ издаваться въ увеличенномъ форматѣ.

6 ноября минулъ первый годъ изданія газеты *Курьеръ*. Симпатіи, которыми встрѣтило общество начинанія молодого изданія, заставляютъ редакцію съ особой энергіей продолжать начатое дѣло и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы *Курьеръ* и въ будущемъ году продолжалъ быть живымъ и отзывчивымъ органомъ печати. Редакціей, между прочимъ, обращено особое вниманіе на отдѣлъ телеграфныхъ извѣстій: кромѣ обычныхъ корреспонденцій, всѣ важнѣйшія свѣдѣнія сообщаются корреспондентами *Курьера* по телеграфу, благодаря чему читатели *Курьера* имѣютъ возможность слѣдить за всѣми выдающимися событіями какъ русской, такъ и заграничной жизни безъ всякаго промедленія.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Л. Н. Андреевъ, В. И. Анофріевъ, П. П. Ашешовъ, проф. П. В. Безобразовъ, С. С. Блументаль, André Beaupier, Г. Н. Браунъ, В. М. Владиславлевъ, Глаголь, проф. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. Д. Гриневскій, В. Е. Ериловъ, И. К. Югаль, Н. С. Коганъ, проф. М. С. Корелинъ, В. М. Лавровъ, Ламі, проф. М. А. Липинскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Нестлянкъ, проф. С. П. Никоновъ, И. Д. Новикъ, И. Н. Потапенко, В. П. Преображенскій, М. Н. Ремезовъ, проф. А. Р. Свиричевскій, Н. А. Соляновъ, А. С. Скляръ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южнинъ), Д. И. Тихомировъ, Н. В. Тулузовъ, Я. А. Фейгинъ, Ант. П. Чеховъ и др.

Газета имѣетъ постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Мюнхенѣ, Неаполѣ, Нью-Йоркѣ, Паризѣ, Римѣ и друг. городахъ.

Подписная цѣна

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города Россіи:

На 1 годъ	6 руб. — коп	На 6 мѣс.	3 руб. 50 коп.
» 11 мѣс.	5 » 60 »	» 5 »	3 » 10 »
» 10 »	5 » 20 »	» 4 »	2 » 60 »
» 9 »	4 » 80 »	» 3 »	2 » — »
» 8 »	4 » 40 »	» 2 »	1 » 40 »
» 7 »	4 » — »	» 1 »	— » 75 »

При годовой подпискѣ чрезъ главную контору допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 іюля—2 р.

Подписка принимается только съ 1 числа cadaго мѣсяца и не даѣе конца года.

При перемѣнѣ адреса уплачивается 20 коп.

Главная контора газеты помѣщается въ Москвѣ, Петровскія линіи, подъѣздъ № 3, и открыта отъ 10-ти час. утра до 6-ти час. веч., а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти час. утра до 4-хъ час. дня.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 Г.
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,
VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ,
МІРЪ БОЖІЙ.

Выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 25 печатныхъ листовъ.

Въ 1899 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причѣмъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика оригинальная: «Освободилась», ром. А. Вербицкой; «Риш-тау», пов. В. Стрешевского; «Отъ Волги до Портъ-Артура» (путевые очерки), Н. Гарина; «Душная ночь» (изъ степныхъ очерковъ), разск. Ю. Безродной; «Ваннъ и Артемъ» (изъ жизни босняковъ), разск. М. Горькаго; «Въ ночномъ снѣнѣ», рассказъ изъ военного быта А. Нуприна; рассказы гг. Бунина, Потапенки, Станюковича, Чирикова.

Научныя статьи и сочиненія: «Антропологическіе очерки», проф. Брандта; «Современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ», В. Битнера; «Чарльзъ Парнелъ», Ев. Тарле; «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, П. Миллюкова; «Александръ I и его время», А. Прѣснякова; «А. С. Пушкинъ» (юбилейная статья), Ив. Иванова; «В. Г. Короленко», Ив. Иванова; «Алѣ Негри», В. Фритче; «Очерки по социальной экономіи», прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; «Послѣдствія переворота въ земледѣліи», Л. Крижвицкаго; «Положеніе труда въ Англіи», Л. Давыдовой; «Рихардъ Авенариусъ и эмпириокритицизмъ», проф. Г. Челпанова; «Экспериментальная психологія, ея настоящее и будущее», д-ра философіи В. Агри.

Переводныя сочиненія: «Очерки по исторіи социальной философіи», Людвика Штейна, перев. съ нѣмецк.; «Религія красоты» (Джонъ Роскинъ и его идеи), Сизерана; «XIX вѣкъ въ различныхъ областяхъ науки, техники и общественной жизни», компилятивныя статьи: «Изъ исторіи тайныхъ обществъ у различныхъ народовъ».

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Изъ западной литературы. На родинѣ. За границей. Научный обзоръ. Текущія научныя новости. Библиографія. Новости иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . . . 8 р.

Безъ доставки на годъ 7 „

За границу на годъ 10 „

Всѣмъ разсрочки допускается подписка:

По полугодику: Съ доставкой и пересылкой въ Россіи на полгода 4 руб. За границу 5 р. Безъ доставки—по соглашенію съ второю.

По третью года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ—3 р., въ май—3 р., въ сентябрѣ—2 р. За границу: въ январѣ—4 р., въ май—3 р., въ сентябрѣ—3 р.

Адресъ: С-Петербургъ, Лиговна, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ новыяшенія подписной цѣны. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлаются.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ В. П. Острогорскій

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли»
и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ

ПРОДАЮТСЯ

СОЧИНЕНІЯ А. ЛУГОВОГО.

Томъ 1-й—572 стр. въ 8-ю долю листа. Повѣсти и рассказы: „Не судить Богъ!“—
„Пять часовъ“. — „На куриномъ насѣстѣ“. — „За грозой—ведро“. — „Не отъ міра
ты“,—„Омѣ Ярославна“. — „Швейцаръ“. Драматическія произведенія: „За золотымъ
мѣсяцемъ“—Сцены изъ похода современныхъ аргонатовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—
„Мѣсяцъ“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Стихотворенія: „Крымскія пейзажи“. — „Опять на
рѣкѣ“. — „Боръ“. — „Русь“. — „Въ майскую ночь“. — „Жалко Гуса!“ и друг.

Томъ 2-й Грани жизни. Романъ въ 5 частяхъ 526 стр.

Томъ 3-й 614 стр. Повѣсти и рассказы: „Policeo vengo“. — „Нѣсколько подѣлу-
шекъ“. — „Тяжелое повѣяло“. — „Счастливцевъ“. — „Исполнители“. — „Простая случайность“. —
„Война къ голодающимъ“. — „Nostalgia“. — „Первая ночь“. — „Музыкантъ въ
родѣ“. — „Между двухъ смутныхъ идеаловъ“. — „Альміроръ“. Стихотворенія:
„Послѣднее проклятіе“. — „Tedium vitae“. — „Credo... quia absurdum“.

Цѣна по 2 р. за томъ, пересылка по разстоянію.

Въ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ,
Вас. Остр. 5 л., д. 28.

Сибирскій торговый домъ

МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

А. М. МИХАЙЛОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, соб. д. № 8.

ОБШИРНЫЙ ВЫБОРЪ

СИБИРСКИХЪ И АМЕРИКАНСКИХЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ВО ВСѢХЪ ИЗДѢЛІЯХЪ.

ДѢКО МОРСКИХЪ БОБРОВЪ И ВОРОТНИКОВЪ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ГОТОВЫХЪ КРЫТЫХЪ ВЕЩЕЙ.

*Иллюстрированныя Прейс-куранты высылаются по требованію
бесплатно.*

Адресъ для телеграммъ: Москва, мѣховщику Михайлову.

Открыта подписка на 1899 г.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„Русская Мысль“.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста					
Россіи	12 р.	9 р.	— к.	6 р.	3 р. — 1 р.
За границу	14 „	10 „	50 „	7 „	3 „ 50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Р. М.» безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Шереметевскій пер., домъ Шереметева 2/3, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный Проспектъ, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книж. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1898 г.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Отъ редакціи журнала Русская Мысль“.

Редакция *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя

Н. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Нассе и Лексонъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна 80 к.

Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна 80 к.

Дюкло. Пастёръ: I. „Исслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи“. Цѣна 40 к.

Вартъ: „Религіи Индіи“. Цѣна 1 руб.

Гауптъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна 50 к.

Шериданъ: „Школа злословія“. *Переводъ*: Біографическій очеркъ Шеридана. Цѣна 80 коп.

Проф. П. Гиро: „Фюстель-де-Куланжъ“. Цѣна 50 к.

Дюкло. Пастёръ: II. „Заразные болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна 40 к.

Андре Галле. „Бомарше“. Ц. 40 коп.

Дюкло. Наука и нравственность. Ц. 60 к.

По соглашенію редакціи „НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“ и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

въ книжномъ магазинѣ журн. „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ В. М. ЛАВРОВА
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

Настольный Энциклопедическій Словарь“ изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

Словарь (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ВНА: полному изданію безъ переплета 88 руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку прилагается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть указано не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ по подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впродъ до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 16 руб.) и стоимости пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выслатѣ 8 руб., 8-й—по выслатѣ всей стоимости изданія.

Гг. частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или по три мѣсяца по 6 р., впродъ до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выслатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выслатѣ всей стоимости изданія.

Ввиду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи „Снимковъ“) остается лишь сравнительно небольшое количество, такковыя будутъ высланы только лицамъ, подписавшимся на изданіе до февраля 1896 г.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered

5/29/44

Москва, типо-литографія Товарищеслав И. Н. Кушнеревъ и К°.

Пименовская улица, собствен. домъ

AP50
R875
v. 19:11-12
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ВОЗВРАТЪ. (Романъ колеблющихся настроеній).—А. А. Лу- гового. <i>Окончаніе</i>	1
II. ТОНКІЙ ЗНАТОКЪ ЖИЗНИ. Табриэлы Рейтеръ. Переводъ съ нѣмецкаго. Н. Н.	56
III. ИГРОКИ.—М. Н. Потапенка	102
IV. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Пе- реводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	142
V. ЧУДАЧКА. Повѣсть.—Ем. Лѣтновой.	177
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Михаила Жемчужникова	204
VII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.— Н. Ѳ. Казанскаго. <i>Окончаніе</i>	1
VIII. БОЙКОТЪ.—И. О.	10
IX. ПО БЕРЕГАМЪ НОРВЕГІИ.—М. Венюнова	23
X. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО РОМАНА.—Вл. В. Лесевича.	46
XI. УНИВЕРСИТЕТЪ, КАКЪ ШКОЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.—Вла- димира Вагнера.	74
XII. ГРАФЪ КАМИЛЛЪ КАВУРЪ ПО ЕГО ПИСЬМАМЪ И СОВРЕ- МЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.—О. П. Орловой. <i>Окончаніе</i>	84
XIII. ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.— . П. Вахтерова. <i>Продолженіе</i>	101
XIV. РУССКІЙ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ И ВОЗМОЖНАЯ ЕГО РЕОРГАНИЗАЦІЯ.—Н. П. Хитрово. <i>Продолженіе</i>	124
XV. ТУБЛИЦИСТЪ-ИДИЛЛИСТЪ.—М. А. Протопопова	147

823291

XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	Стр. 17
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Неурожаи и связанныя съ ними опасенія.—Наши отношенія къ Финляндіи.—Вѣротерпимость и православное духовенство.—Женскія епархіальныя учили- ща.—Е. И. Конради †.—Юбилей Е. Н. Водовозовой, А. Е. Шеллера (Михайлова) и Е. Л. Маркова	18
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО «Малый театр»: <i>Мірская вдо- ва</i> , драма изъ крестьянской жизни въ 4-хъ дѣйств., Евт. Карпова.—«Новый театр»: <i>Идеальная жена</i> , ком. въ 4-хъ дѣйств., Марко Прага, въ переводѣ Н. А. Лухмановой.—«Ху- дожественно-общедоступный театр»: <i>Царь Θεодоръ Іоанно- вичъ</i> , траг. 5-ти дѣйств., гр. А. Е. Толстого.— <i>Венеціан- скій купецъ</i> , ком. въ 4-хъ дѣйств. Шекспира. Ан. «Выставка картинъ и этюдовъ Верещагина». М. Н.	19
XIX. Я. П. ПОЛОНСКІЙ †	20
XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика. — Критика и публицистика. — Исторія, исторія литературы. — Политическая экономія, статистика. — Естествознаніе. — Меди- цина. — Сельское хозяйство. — Справочныя книги. — II. Перио- дическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь. — «Русскій Вѣстникъ», сентябрь и октябрь. — «Дѣтское Чте- ніе», 1898 г. №№ 4—11. — «Родникъ», №№ 3—10. — III. Спи- сокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября	41
XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

В О З В Р А Т Ъ *).

Романъ.

XXXIII.

Бэтъ, проявляя необычайную внимательность къ теткѣ, рѣшила теперь никого не приглашать въ свое имѣніе—ни петербургскихъ знакомыхъ, ни сосѣдей, развѣ кто случайно самъ заѣдетъ. Она не хотѣла слишкомъ шумнымъ обществомъ создавать контрастъ съ настроеніемъ Деминыхъ, хотя и не носившихъ траура, но не расположенныхъ и веселиться. Зато она почти не разлучалась съ теткой: вмѣстѣ съ ней гуляла, читала, играла ей и на роялѣ и на пандолинѣ, заставляя мужа аккомпанировать себя.

Когда Марья Дмитріевна какъ-то разъ, вмѣстѣ съ Бэтъ и сопровождавшими ихъ Владиміромъ, осматривала просторные, опрятные и содержимые домики, гдѣ жили служащіе и рабочіе, ей приходилось удивляться не только тому благосостоянію, которымъ всѣ были пользовались, но и тому, что Бэтъ все тутъ знала,—знала, кому что было нужно и кто что имѣлъ; она не дожидалась просьбъ, а сама всматривалась въ жизнь своихъ «подданныхъ», какъ шутя называла этихъ служащихъ и рабочихъ, и предлагала имъ то или другое улучшение ихъ быта.

— Бэтъ, ты, дѣйствительно, стала другая, я не узнаю тебя, — говорила ей Марья Дмитріевна.

— А что, тетя?

— Да какъ же, милая, столько заботливости о другихъ, когда при этомъ думаешь, что ты—эгоистка.

— Что же, тетя,—смѣялась Бэтъ:—въ этомъ отношеніи я все та же. Я—другая только въ томъ, что я теперь занимаюсь во

*) *Миссис Мисс* 1898 г., кн. X.

щами, которыми прежде никогда не занималась, потому что это было не мое дѣло. Тамъ, у насъ, у мамы, былъ ея домъ, ея хозяйство, — ну, и пусть она имъ занималась, какъ хотѣла. Здѣсь же царство, и я хочу, чтобъ оно было хорошо и чтобъ всѣмъ въ немъ было хорошо. Эгоистка я или нѣтъ, этого я не знаю, и мнѣ это совершенно все равно, но я дѣлаю все такъ, какъ я дѣлаю, потому что это мнѣ доставляетъ удовольствіе, а совсѣмъ не потому, что я хотѣла заслужить лавры какой-то филантропки.

— Полно, полно, милая, ты это напускаешь на себя, — нервы протестовала Марья Дмитріевна.

— Да нисколько же, тетя, — спокойно убѣждала ее Бѣтъ. Ну, какъ бы это вамъ объяснить, чтобъ вы поняли меня. Ну, во вѣдь вы знаете, что я непостоянная, что я люблю разнообразіе своихъ развлеченій. Вѣдь вы знаете, что я у сестры Сони живописи даже училась, и даже и это меня занимало. И въ самомъ дѣлѣ вѣдь это очень интересно, тетя, взять чистое полотно, краски нарисовать на немъ домики, лошадокъ, хорошенеккихъ ребятъ ишекъ играющихъ въ садикѣ... Правда, все это забавно?... Ну, а если мнѣ теперь представилась возможность рисовать все это не на полотнѣ, а прямо на землѣ, живыми красками, вѣдь это еще занимательнѣе? И это, тетя, уже продолжительнѣе, это не такъ скоро и доѣдаетъ. Картинку нарисуешь и повѣсишь на стѣнку; посмотри сегодня, посмотришь завтра, а тамъ уже равнодушно будешь ми проходить. А эта картинка — живая, постоянно мѣняется. Я только подумаю, приду и скажу: «картинка, ты вотъ измѣнись такъ-то сдѣлайся вотъ такой-то, возьми, пойдѣ, вонъ тамъ эту краску, тутъ вотъ эту» — и картинка мѣняется. Мнѣ не надо трудиться не надо бояться неудачи, я вижу, какъ мое искусство и моя изобрѣтательность сами собою дѣлаются живыми. Правда, это интересно, тетя?

— Нѣтъ, нѣтъ, Бѣтъ, все, что ты говоришь, это нехорошо и не согласна съ тобой, — сказала Марья Дмитріевна тономъ, въ которомъ слышалось истинное огорченіе. — Но то, что ты дѣлаешь — это хорошо.

— Какъ хотите, тетя, а только я говорю вамъ правду, говорю вамъ, какая я есть, и другой быть не умѣю, — просто отвѣтила Бѣтъ, и при этомъ перевела свои простодушные глаза съ Марьи Дмитріевны на Владиміра, какъ бы ожидая, что и онъ еще сдѣлаетъ ей упрекъ за ея слова.

Но Владиміръ, все время молчавшій, теперь сразу принялъ сторону и сказалъ ей:

— Я васъ вполне понимаю, и, не во гнѣвъ моей мамочкѣ будь сказано, мнѣ очень нравится то, что вы говорите.

— Ну, вотъ видите, тетя,—воскликнула Бетъ.

Марья Дмитриевна только покачала головой.

— Мамочка не согласится, — шутиливо сказалъ Бетъ Владиміръ. — Она и сама не знаетъ, какой она правотѣрный филозофъ, а вѣдь по философіи никакъ не выходитъ, чтобъ эгоистъ могъ быть добрымъ.

— Причемъ тутъ философія? — немного рѣзко прервала его Марья Дмитриевна. — Я говорю, что чувствую.

— Нѣтъ, мамочка, прости, — ласково возразилъ ей Владиміръ: — ты вотъ чувствуешь, что Катерина Михайловна поступаетъ хорошо и говоришь это. Такъ вотъ тутъ ты искренно, сама по себѣ, хвалишь то, что тебѣ нравится. А когда ты упрекаешь Катерину Михайловну за то, что она свои хорошія дѣйствія не хочетъ мотивировать чувствомъ любви къ ближнему или чѣмъ-нибудь подобнымъ, такъ ужъ это, извини, не ты говоришь — это говорятъ въ тебѣ философы.

— Никогда я ничего подобного не читала, — опять прервала его Марья Дмитриевна.

— Все равно, это дошло до тебя черезъ другихъ, такъ сказать, по преданію, массовымъ внушеніемъ, — продолжалъ доказывать свое Владиміръ. — Ты, вѣроятно, и не подозреваешь, что съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ философовъ добро, сдѣланное ради собственного удовольствія, не имѣетъ никакого нравственнаго достоинства. По Канту, наприимѣръ, добро, сдѣланное человѣкомъ противъ своего желанія, съ насиліемъ надъ собственными эгоистическими побужденіями, но изъ сознанія необходимости исполнить свой долгъ, имѣетъ несравненно большую нравственную цѣнность, чѣмъ добро, сдѣланное съ легкимъ сердцемъ, безопасно, ради наслажденія имъ. Но чортъ съ ними, съ этими философами. Я предпочитаю, чтобы міръ лучше былъ населенъ людьми, какъ Катерина Михайловна, чѣмъ злоками, думающими каждую минуту о томъ, какіе они нравственные люди, потому что они дѣлаютъ другимъ добро, когда этого имъ совсѣмъ не хочется. Пусть ужъ лучше міръ живетъ такъ, чтобы никому и въ голову не приходило о существованіи какого-то нравственнаго долга, но только пусть всѣ, для собственного удовольствія, поступаютъ такъ, чтобы всѣмъ другимъ отъ этого ничего кромѣ удовольствія, не было. Вотъ моя философія!

— Ахъ, какъ это было бы хорошо! — воскликнула Бетъ. — А то представьте, что не всѣ дѣлаютъ такъ, какъ мнѣ хочется, — съ

печальной улыбкой произнесла она: — иныхъ какъ ни просишь, они все по-своему. И тогда Митя сердится и увольняетъ ихъ со службы, а я ничего не могу подѣлать ни съ нимъ, ни съ ними.

Это наивное замѣчаніе Кетъ вызвало на нѣсколько минутъ общее молчаніе. Марья Дмитріевна посмотрѣла на Владимира и въ глазахъ ея засвѣтилась улыбка безобиднаго торжества надъ нимъ: еще не успѣвъ уяснить себѣ, какъ и въ чемъ, но она чувствовала, что послѣднія слова Кетъ становились въ явное противорѣчіе съ тѣмъ, что Владимиръ сейчасъ высказалъ. Однако она не стала развѣивать свою мысль, опасаясь сказать что-нибудь непріятное Кетъ. Смутно почувствовалъ то-же и Владимиръ, и разговоръ какъ-то самъ собой перешелъ на другое.

Николай Васильевичъ уже раньше ознакомился со всей усадьбой подъ руководствомъ самого Хрулева и въ этой прогулкѣ не участвовалъ. Когда Марья Дмитріевна, вернувшись и заставъ мужа и Дмитрія Александровича на террасѣ только-что кончившими партію въ шахматы, стала хвалить видѣнное ею и хвалить Кетъ, Дмитрій Александровичъ какъ-то неопредѣленно улыбнулся. Вставъ со стула и начавъ ходить по террасѣ, чтобы размять послѣ долгаго сидѣнья ноги, онъ сказалъ:

— Батя у меня тутъ возстановила въ отношеніяхъ къ рабочимъ нравы «добраго стараго времени», когда помѣщицы заботились о своихъ крѣпостныхъ, какъ о «родныхъ дѣтяхъ», выражаясь высокимъ тогдашнимъ слогомъ, — закончилъ онъ усмѣшкой.

— Совсѣмъ я не смотрю на нихъ какъ на крѣпостныхъ! Вотъ ты всегда такъ! — обидѣлась Кетъ, полушутя, полусерьезно. — Я только хочу, чтобъ имъ было хорошо.

Дмитрій Александровичъ въ эту минуту, остановившись около нея, взялъ ее обѣими руками за голову и, поцѣловавъ ее въ лобъ, сказалъ:

— Милая, не бойся, я не подкапываюсь подъ твой престижъ. Вѣдь и помѣщицы крѣпостныхъ временъ иногда хотѣли только хорошаго.

Владимиръ не могъ понять изъ словъ Хрулева, какъ собственно тотъ относился къ образу дѣйствій Кетъ, и это его заинтересовало.

— Развѣ вы не сочувствуете Катеринѣ Михайловнѣ въ ея... заботахъ? — спросилъ онъ Дмитрія Александровича. — Мнѣ казалось...

— Вотъ вопросъ! — шутливо осадилъ его Кетъ. — Развѣ онъ можетъ въ чемъ-нибудь не сочувствовать, когда я хочу? Онъ вмѣстѣ

съ сѣвѣлле де посе подарилъ мнѣ согласіе на все, что мнѣ вздумается дѣлать въ имѣніи.

Дмитрій Александровичъ, съ улыбкой смотря ей въ глаза, отвѣтилъ Владимиру:

— Сочувствую, пока ея дѣйствія согласуются съ моими планами или, по крайней мѣрѣ, не вредятъ имъ. Но...

— Никакихъ *но!* — запротестовала Кэтъ и, смѣясь, зажала Дмитрію Александровичу ротъ рукой. Тотъ спокойно выдержалъ это и только любовно обнялъ Кэтъ за талію. А едва она отняла отъ его губъ свою ладонь, онъ, обращаясь къ Владимиру, снова началъ:

— Но...

Кэтъ опять не дала ему говорить и шутливо-напризнымъ тономъ не то приказывала, не то умоляла:

— Митька!... Не смѣй!...

Дмитрій Александровичъ не отрывалъ мѣшавшей ему говорить руки, — напротивъ, втихомолку онъ цѣловалъ ея ладонь и стоялъ въ выжидательной позѣ, съ улыбкой въ глазахъ. Кэтъ обратилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ:

— Пойдите отсюда, тетя. Я не хочу съ нимъ ссориться... при васъ. Онъ вѣдь, противный, всегда меня переспоритъ. Это дурной приѣзъ для мужчинъ, — повела она глазами на Николая Васильевича и Владимира. — Пойдемте, тетя, я вамъ покажу, какіе я образцы полотенцевъ привезла для здѣшнихъ ткачихъ.

Освобожденный Дмитрій Александровичъ произнесъ:

— Но... — и, бросивъ любящій взглядъ на Кэтъ, онъ спокойно договорилъ, обращаясь къ Владимиру: — она мнѣ иногда портитъ людей своимъ незнаніемъ чувства мѣры въ ея материнской и художнической заботливости о нихъ.

Марья Дмитріевна не думала идти за Кэтъ, ее все-таки интересовало, что скажетъ Хрулевъ. Кэтъ, отойдя на два шага отъ мужа, остановилась, смотря прямо ему въ лицо, и ея смѣющиеся глаза, казалось, говорили: «а я все-таки буду дѣлать по-своему». А Дмитрій Александровичъ продолжалъ:

— По счастью, вѣрностное право уничтожено, и мнѣ, для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, нѣтъ надобности прибѣгать къ розгамъ или отдачѣ въ солдаты. У меня каждый день Юрьевъ день. «Вонь!» — коротко и просто. И вотъ, по ея милости, еще не давно долженъ былъ прогнать двухъ рабочихъ, которые прежде были мнѣ куда.

За что же? — спросила Марья Дмитріевна.

Облѣнились. И подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ, по за-

веденнымъ Катериной Михайловной порядкамъ, теперь много работы на себя по дому, стали, ничего не дѣлая дома, опаздывать на хозяйскую работу. Въ сущности же не хотѣть жить по-человѣчески. Я имъ тутъ давно началъ хорошіе домики строить, а они привыкли жить скотами,—ну, и пусть ихъ живутъ скотами, гдѣ хотѣть, не у меня только.

— Однако вы жестоки,—сказала Марья Дмитріевна.

— Жестокъ—нѣтъ, а что я не сентименталенъ—да,—поправилъ ее Хрулевъ.

— Но отчего же бы не постараться исправить такого человѣка, прежде чѣмъ выгнать его?—сказала, помолчавъ, Марья Дмитріевна.—Наконецъ, отчего не отнестись къ нему снисходительно, какъ къ *человѣку*?

— Вотъ изъ-за этого-то я и бранюсь иногда съ Батей,—оживленно заговорилъ Дмитрій Александровичъ: — она бываетъ или слишкомъ снисходительна къ нимъ, или желаетъ дать имъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Бать теперь уже сидѣла въ креслѣ-качалкѣ и, балансируя имъ, съ самодовольной улыбкой поглядывала на мужа. Спорить съ нимъ она не хотѣла. Очень нужно! Ей это всегда было лѣнь,—отъ этого онъ и побѣждалъ ее. А то бы!... Ну, и пусть! Все равно, она дѣлаетъ только то, что ей хочется. Стоить тутъ еще соображать, сколько можно сдѣлать для рабочихъ и сколько нельзя, когда хочется сдѣлать именно столько, сколько хочется.

Дмитрій Александровичъ, отвѣчая Марьѣ Дмитріевнѣ, продолжалъ:

— Исправлять я могу только пока это мнѣ не трудно и соответствуетъ моимъ выгодамъ. А иначе мнѣ некогда заниматься этимъ. Вѣдь и машины чинять до тѣхъ поръ, пока онѣ стоятъ этого. А то такъ ихъ просто сдаютъ въ ломъ.

— Но вѣдь человѣкъ не машина!—горячо возразила Марья Дмитріевна, и въ ея взглядѣ засвѣтился огонекъ скрытой неприязни. Ей вдругъ стала противна вся крупная фигура Хрулева, расхаживавшаго съ такой самоувѣренностью вдоль террасы. Хотя Дмитрій Александровичъ по наружности ничѣмъ не былъ похожъ на иностранца, но и его сытое, красивое, русское лицо, и коротко подстриженные волосы, и холеная бѣлокурая борода, и его самый обыденный чичувчевый костюмъ, и шелковая рубашка съ глубоко вырѣзаннымъ воротникомъ,—все производило на Марью Дмитріевну теперь именно такое впечатлѣніе, какъ будто она была не въ

Россіи и какъ будто передъ ней былъ прежній американскій рабодельецъ-плантаторъ.

Прежде чѣмъ Хрулевъ успѣлъ отвѣтить ей, къ ней обратился Владиміръ, замѣтившій, что разговоръ принялъ неожиданно болѣе страстный характеръ, чѣмъ можно было желать.

— Ты не должна такъ истолковывать слова Дмитрія Александровича, мамочка,—сказалъ Владиміръ.—Конечно, и онъ не считаетъ человѣка вообще машиной; но въ опѣнкѣ количества или качества труда—собственно человѣческое *достоинство* не при чемъ. А потому и сравненіе, употребленное Дмитріемъ Александровичемъ, имѣетъ уиѣстно.

Хрулевъ спокойно посмотрѣлъ на него, но не нашелъ нужнымъ сказать ни да, ни нѣтъ по поводу его словъ. А Николай Васильевичъ замѣтилъ:

— Я только не понимаю, какимъ образомъ Катерина Нихайловна можетъ вредить вашимъ планамъ, разъ вы тоже желали, чтобъ ваши служащіе и рабочіе пользовались благами культуры, по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, какъ рабочіи въ Западной Европѣ.

— Вотъ и я ему то же говорю,—сказала Бѣтъ, весело покачиваясь въ качалкѣ.

— Отсутствіемъ чувства мѣры, какъ я уже вамъ докладывалъ, вотъ чѣмъ она мнѣ мѣшаетъ,—отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ.—Дѣлаемъ-то мы, пожалуй, одно и то же, да у насъ съ ней точки зрѣнія разныя. Я смотрю на улучшеніе быта рабочаго и сельскаго населенія, какъ на свою личную выгоду, она—какъ на свое удовольствіе. Это... какъ бы вамъ сказать? Ну, какъ еслибъ мы рисовали одинъ и тотъ же предметъ, по я рисовалъ бы его какъ инженеръ-чертежникъ,—то-есть, вѣришь сказать, чертилъ бы его,—а она, какъ художникъ, увлекается больше непосредственностью своего пріятнаго впечатлѣнія. Я вношу въ свою дѣятельность приемы науки, она—искусства.

— Мнѣ кажется,—безъ всякой тѣни задора перебила его Марья Дмитріевна:—что и вы, и окружающіе васъ выиграли бы, еслибъ мы вносили въ вашу дѣятельность побольше человѣчности... какъ много больше человѣчности,—повторила она вроткимъ, задумчивымъ тономъ.

Она ласково посмотрѣла на Марью Дмитріевну; однако въ ея взглядѣ какъ будто проглядывало недоумѣніе: чего собственно отъ нея хочетъ, когда она все дѣлаетъ, кажется, такъ хорошо, какъ только хочется.

Посмотрѣвъ на Марью Дмитріевну и Николай Васильевичъ. Она сидѣла на плетенomъ тростниковомъ диванчикѣ рядомъ съ качалкой Кать, и ея высокая, худощавая, блѣдная фигура, въ нѣскольکو грубоватомъ сарпировомъ, черномъ съ бѣлыми полосками платьѣ, представляла рѣзкій контрастъ съ фигурой ея племянницы. Кать, молоденькая, цвѣтущая, была одѣта въ свѣтло-розовый батистъ, куски котораго рука искусницы-портнихи набросала въ перемешку съ бѣлыми кружевами во что-то неподражаемо изящное и неуловимое. У какого-нибудь знатока дамскихъ нарядовъ это платье вызвало бы сравненіе съ пронизаннымъ утренней зарей облакомъ. И быть-можетъ именно въ силу этого контраста, быть-можетъ отъ смутнаго сознанія далекости и неуловимости розовыхъ облаковъ, Николаю Васильевичу вдругъ показалась какъ-то необычайно мила и дорога его Марья Дмитріевна.

За послѣднее время, здѣсь, въ гостяхъ у Хрулевыхъ, они вообще стали какъ-то ближе другъ къ другу, чѣмъ были у себя дома, въ Отрадѣ. И Николай Васильевичъ испытывалъ не разъ странное чувство раздвоенности: не только все, что говорилъ Дмитрій Александровичъ Хрулевъ, но уже самое присутствіе его дѣйствовали на него подбадривающимъ образомъ, «заряжали его энергіей», и онъ охотно слушалъ Хрулева и поддавался его вліянію; но иногда два, три слова Марьи Дмитріевны, одинъ ея задумчивый взглядъ, одно сердечное рукопожатіе, разряжали эту энергію и направляли мысль и желанія Николая Васильевича въ другую сторону.

Такъ и теперь: онъ чувствовалъ, какъ его воля колыхалась между мажорными нотами хрулевскаго голоса и той тихой, ласкающей печалью, которою привлекала его къ себѣ сидѣвшая противъ него жена.

А Дмитрій Александровичъ тѣмъ временемъ продолжалъ:

— Вы говорите: человѣчность! Что такое человѣчность? Безконечная забота о благополучіи слабыхъ и неимущихъ или содѣйствіе расцвѣту всего сильнаго, всего годнаго для *настоящей* жизни? Развѣ не безчеловѣчно заставлять меня тратить мои силы на заботы о томъ, чтобъ увеличивать благосостояніе какого-нибудь олуха, который ни нынѣ, ни во вѣки вѣковъ не въ состояніи будетъ одѣлать что-нибудь для себя самъ. Я тоже жить хочу. Человѣчность—это я! И пусть каждый, во имя человѣчности, думаетъ прежде всего о себѣ. Если же я нахожу или найду нужнымъ заботиться о другихъ, о поднятіи благосостоянія массъ, такъ потому, что это мнѣ же можетъ быть выгодно увеличеніе числа потребителей и потребностей увеличиваетъ капиталы; увеличеніе общаго

благостоянія опять-таки увеличиваетъ отдѣльные капиталы, приростъ населенія—тоже.

— Добавочную стоимость каждаго предмета производства соизмѣнить потребленіе и потребитель, — подсказалъ за нимъ Владиміръ.

Хрулевъ только мелькомъ взглянулъ на него и, продолжалъ:

— Слѣдовательно, мнѣ, сильному, работающему между сильными, все это только выгодно. При чемъ тутъ ваша человѣчность? Я возьму съ каждаго все, что могу съ него взять, пусть въ свою очередь каждый возьметъ все, что можетъ, съ меня. А то эта вѣчная привычка ждать, не будетъ ли чья-то милость дать мнѣ чего-нибудь хорошенькаго, а чего именно, я и самъ не знаю,—это рабочее ожиданіе страшно ослабляетъ энергію и способность работать.

Дмитрій Александровичъ на минуту замолчалъ, чтобы набрать воздуха въ грудь послѣ этой продолжительной тирады. Бѣтъ смотрѣла на него, по обыкновенію, любуясь его красивой фигурой, въ сущности безучастная къ тому, что онъ говорилъ: анализъ дѣйствій ее всегда мало интересовалъ, интересовали обыкновенно сани дѣйствій. Марья Дмитриевна, слушая теперь Хрулева, ушла въ себя, и Николай Васильевичъ, съ жадностью ловившій его слова, не могъ угадать по выраженію лица жены, что она думаетъ. А Владиміръ сказалъ Хрулеву:

— Вы, конечно, знакомы съ Ницше?

Хрулевъ взглянулъ на него, помолчалъ и отвѣтилъ:

— Читать его—не читалъ, а о немъ кое-что читалъ и слышалъ. А что?

— Да вы говорите совсѣмъ въ его духѣ, — сказалъ Владиміръ.

— Очень можетъ быть, — равнодушно отозвался Хрулевъ. — Въдѣ всякій модный пророкъ соотвѣтствуетъ духу своего времени. Такъ, вѣроятно, и Ницше. Нынче всѣ и все читаютъ, такъ не разберешь: жизнь ли подсказываетъ пророкамъ идеи, пророки ли даютъ направленіе жизни. Я наблюдаю факты и на нихъ строю свои теоріи. А то въдѣ мнѣ приходится читать очень много книгъ по моей специальности, такъ ужъ я глаголамъ-то пророковъ внимаю по обыкновенію изъ третьихъ рукъ... то-есть устъ, хотѣлъ я сказать. А что говоритъ вашъ Ницше, что вы вспомнили о немъ во воду моихъ словъ?

Да онъ говорить:

Bitte nie! Lass diess Gewimmer!

Nimm, ich bitte dich, nimm immer!—

улыбнувшись, сказалъ Владиміръ.

И молодецъ!—воодушевляясь, воскликнулъ Хрулевъ.—Въ

томъ-то и дѣло, что я вотъ тоже говорю, что мы даемъ, даемъ, а что даемъ? Черезъ часъ по гомеопатической крупинкѣ. Гдѣ-жъ тутъ выльчиться человѣку отъ бѣдности! Онъ только попросту привыкаетъ пластомъ лежать. А нужно чтобъ самъ организмъ началъ реагировать. Вотъ тогда можетъ дѣйствительно быть и жизнь и здоровье. Встань, приди и возьми у меня, заставь меня дать сколько тебѣ надобно—вотъ это дѣло.

— Но вѣдь это противорѣчитъ вашимъ собственнымъ апетитамъ,—попрежнему улыбаясь, замѣтилъ ему Владиміръ: — вѣдь вы, пожалуй, и не дадите безъ борьбы.

— Такому, который сумѣетъ толкомъ взять, дамъ,—убѣжденно отвѣтилъ Хрулевъ.—Отчего не подѣлиться. У такого-то, въ свою очередь, и я найду, что взять. А то, что давать какому-нибудь пентюху, который чѣмъ больше получить, тѣмъ будетъ неподвижнѣе! Зачѣмъ мнѣ нянчиться съ человѣкомъ, у котораго идеалъ—лежаніе на печкѣ. Знаете, какъ этотъ рассказъ про хохла или козака, который говорилъ: «еслибъ я царемъ бувъ, украдъ бы сто рублей, да и утикъ». Ну, а тутъ, когда милліоны народа живутъ съ такимъ идеаломъ въ головѣ, извольте-ка съ ними возжаться. Очень мнѣ нужно! Это вонъ Батя еще можетъ, а мнѣ некогда. Я такого «идеалиста» безъ всякой церемоніи вышвыриваю за порогъ, подальше отъ моего дѣла! Вы посмотрите на западнаго рабочаго: почему онъ лучше нашего и работаетъ, и живетъ? Потому что ему *не давали*, а онъ *самъ взялъ*, и при этомъ знаетъ, что безъ усилій съ его стороны ему ничего не дастся. А нашего пентюха только развѣ тѣмъ и можно оправдать, что онъ еще настолько не развитъ, что не знаетъ, чего ему и хотѣть-то нужно, такъ ужъ куда ему думать о томъ, чтобы *взять* свою долю культурныхъ благъ.

Теперь въ разговоръ виѣшался Николай Васильевичъ и спросилъ Хрулева:

— Ну, а если этотъ пентюхъ *захочетъ* взять все, что принадлежитъ вамъ, и для собственного спокойствія начнетъ съ того, что уничтожить васъ, чтобъ вы ему не мѣшали, то-есть, попросту сказать, ограбить и убить васъ?

Дмитрій Александровичъ расхохотался.

— Да я не дамъ!—энергично произнесъ онъ, взмахнувъ головой и блеснувъ веселыми, улыбающимися глазами. И, показавъ свой увѣсистый кулакъ, сказалъ:—Я ему прежде голову разможжу. Я вѣдь не *бизъ*. Я прежде всего—*сытъе и сильнѣе!*—Помолчавъ, онъ добавилъ:—А еслибъ ему удалось осилить меня,—ну, такъ, значить, туда мнѣ и дорога.

Наш, точно на показъ, прошелся какой-то особенно твердой ступью взадъ и впередъ по террасѣ. Николай Васильевичъ скалъ ему:

— И однако я все-таки не понимаю, почему же вы въ такомъ случаѣ сейчасъ такъ горячо говорили противъ того, что, какъ вы сказали, мы все даемъ и даемъ, и, напротивъ, сами же изъяли желаніе, чтобъ къ вамъ пришли и у васъ взяли, то-есть собственно взяли.

— А это совсѣмъ другое дѣло!—воскликнулъ Хрулевъ.—Я говорилъ о томъ, что онъ долженъ умѣть взять *свою* долю, а вы хотите ограбить. Это—разница!

— Но что значить *своя* доля? Какъ ее опредѣлить?—спросилъ Николай Васильевичъ.

— А вотъ въ этомъ весь и вопросъ. По-моему—своя доля та доля, которую человѣкъ можетъ оттягать у другого равно ему по силѣ. Вотъ когда мы съ нимъ другъ другу кулаки въ носъ поставимъ, то, даже не прибѣгая къ раскровененію, мы и опредѣлимъ, кому какая доля слѣдуетъ. Это ужъ будетъ некоторымъ образомъ *contrat social*. А вы говорите—ограбить! Ни ограбить, ни убить меня ему не выгодно. Пентюхъ конечно, сдѣлать можетъ по глупости, если осилить. Но, помню, это не значить взять *свою* долю. Это все равно, что запереть курицу, несущую золотыя яйца.

— Маркса-то вы, конечно, читали?—обратился къ нему Владимиръ.

Хрулевъ бросилъ на него равнодушный взглядъ и, небрежно махнувъ рукой, сказалъ:

— Не читалъ и Маркса вашего. То-есть, нѣтъ, что-то читалъ въ него. Въ курсѣ политической экономіи какъ будто. Какъ... Давно... Да что мнѣ вашъ Марксъ! Вѣдь онъ, когда со мной свои книги, меня не читалъ. Да я вотъ и не пишу ни-чего и писать не буду. А вѣдь таковъ, какъ я есть, со мной бороться надо.

— Да онъ съ такими, какъ вы, и считался,—немножко суетился Владимиръ.

Вотъ начинала тяготиться этимъ разговоромъ. Она, любя въ немъ его силу, всегда какъ-то ѣжилась, когда онъ говорилъ рѣзко и выставивъ эту силу напоказъ. И теперь, точно желая стереть то впечатлѣніе, которое производилъ на нее самый Дми-трий Александровичъ, она сказала, ни къ кому собственно не об-ра-ти-вась:

— А я такъ люблю помогать бѣднымъ. Это такъ пріятно Правда, тетя?—и она взглянула на Марью Дмитріевну.

Та въ знакъ сочувствія кивнула ей головой.

Но Дмитрій Александровичъ былъ какъ разъ въ ударѣ, чтобы высказывать сужденія рѣзкія и самому любоваться своей диалектической удалю; и слова Кать только дали ему новый матеріалъ.

— Помогать бѣднымъ!—усмѣхнулся онъ. — «Это такъ пріятно». Настоящее дамское занятіе и дамскій взглядъ на дѣло.

Марья Дмитріевна, обиженная въ своихъ лучшихъ чувствахъ, спросила его тономъ, въ которомъ можно было подмѣтить вызовъ:

— А какой же долженъ быть мужской взглядъ?

И почти одновременно съ ней тотъ же вопросъ машинально повторила и Кать.

— Искоренять бѣдность—вотъ мужской взглядъ, вотъ задача для мужчины!—отвѣтилъ Хрулевъ.

— Ну, такъ вотъ и займитесь этимъ,—сказала ему Марья Дмитріевна.

— Не мое это дѣло,—усмѣхнулся онъ.

— Почему же?

— Потому что я, прежде всего, инженеръ и купецъ. Это моя государственная функція. Настолько я инженеръ и купецъ, что даже мои сословные интересы, какъ дворянина, занимаютъ меня лишь постольку, поскольку они могутъ содѣйствовать мнѣ какъ инженеру и купцу. А искоренять бѣдность это дѣло докторовъ.

— Не понимаю. Почему докторовъ? — спросила Марья Дмитріевна.

— Да, докторовъ-специалистовъ по лѣченію отъ бѣдности,—съ нѣкоторой настойчивостью подтвердилъ Дмитрій Александровичъ.—Потому что бѣдность есть болѣзнь. И притомъ болѣзнь заразительная. Иногда эпидемическая, иногда хроническая, или съ рецидивами, осложнениями, со всякими первичными, вторичными и третичными формами. И даже съ наследственностью. Вы смѣтрите на меня съ недоумѣніемъ. Я самъ былъ удивленъ, когда услышалъ это въ первый разъ отъ моего пріятеля доктора. Вы его знаете?

Дмитрій Александровичъ назвалъ фамилію. Демины ее въ Петербургѣ слыхали, но никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ ними лично.

— Докторъ онъ хорошій и человѣкъ очень богатый,—продолжалъ съ усмѣшкой Хрулевъ:—но отъ болѣзни-бѣдности онъ

никого не лѣчить. Онъ только говорить, что въ дѣтствѣ и юности былъ жестоко боленъ этой болѣзнью, потомъ радикально отъ нея выздѣлся и теперь очень остроумно объясняетъ свой взглядъ на нее съ научно-медицинской точки зрѣнія.

Дмитрій Александровичъ на минуту замолчалъ. Владиміръ, желая вызвать его на продолженіе объясненія, замѣтилъ:

— Это очень любопытная точка зрѣнія.

И Хрулевъ сказалъ:

— Да, очень любопытная. Я только уже не помню всѣхъ подробностей его характеристики бѣдности, какъ болѣзни. Помню, что онъ больше всего говорилъ о заразительности и при этомъ указывалъ, что въѣдъ долгое время и чахотку, и нѣкоторыя формы душевныхъ болѣзней не считали заразительными. Современемъ признаютъ заразу и въ бѣдности. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что богатый инстинктивно сторонится отъ бѣднаго, это считаютъ безнравственнымъ, а между тѣмъ это только бессознательный страхъ передъ опасностью заразы. Вы можете преклоняться предъ англичанкой Марсденъ, устраивающей колоніи для прокаженныхъ, но было бы смѣшно упрекать здороваго человѣка, если онъ боится общенія съ прокаженными. Такъ вотъ докторъ и говоритъ, что въ интересахъ человѣчества, слѣдуетъ этому инстинктивному страху дать сознательное направленіе и контагіозность бѣдности возвести къ догматъ.

— Вы меня извините,—прервала его Марья Дмитриевна, снятая улыбкой рѣзкость своего возраженія:—но я позволю себѣ сказать вамъ, что мнѣ этотъ научно-медицинскій взглядъ на бѣдность представляется просто вздоромъ! Одинъ безсердечный человѣкъ выдумалъ его, а другой безсердечный человѣкъ распространилъ.—И она еще разъ любезно улыбнулась ему.

— Извиняю и не обижаюсь,—въ свою очередь съ изысканною любезностью отвѣтилъ ей Хрулевъ:—но съ своей стороны позволю себѣ сказать вамъ, что самая эта мысль выше всякихъ обидъ и обиневаній въ безсердечіи.

— Да позвольте же! Чего вы хотите?—начинала уже горячиться и Марья Дмитриевна.—Чтобъ бѣднаго человѣка къ богатому и на море не пускали? Да? да?

— Оно такъ и есть въ дѣйствительности,—спокойно отвѣтилъ ей Хрулевъ.—Всегда люди, въ ихъ интимной, домашней жизни, группируются по степени ихъ благосостоянія. По степени, такъ сказать, ихъ абсолютнаго здоровья или ихъ предрасположенности

къ заболѣванію нищетою. Замаскированъ недугъ—человѣка пугаютъ въ общество; есть яркіе симптомы—его удаляютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возражала Марья Дмитріевна безапелляционнымъ тономъ.

— Отчего нѣтъ?—продолжалъ спокойно поддерживать мнѣніе Хрулевъ.—Въ сущности, какое хотите общественное мнѣніе можно объяснить этою теоріей. Возьмите, напримѣръ...

— Это эгоизмъ богатыхъ подсказываетъ имъ, что надо жать бѣдныхъ,—горячо прервала его Марья Дмитріевна, не давая ему привести свой примѣръ,—а вотъ человѣкъ съ сердцемъ, а онъ самъ хоть сто разъ бѣденъ, всегда поможетъ бѣдному.

— И вѣрно, и просто,—согласился съ ней Хрулевъ.—Прожестивый не боится подойти къ прокаженному. А вотъ у человѣка, предрасположеннаго къ заболѣванію холерой, при одной мысли о немъ уже колики въ желудкѣ дѣлаются. У иного мнимаго богача, одной мысли о бѣдности парализуются умъ и воля. Сведите вы людей богатыхъ,—о чемъ они будутъ говорить? О производителяхъ трудъ, о предпріятіяхъ, объ общественныхъ вопросахъ, объ несправедливостяхъ, ну, наконецъ, просто объ удовольствіяхъ. Результатъ разговоровъ—общее повышеніе ихъ рабочей энергіи, ихъ жажды жизни.

— И утомленіе безсмысленнымъ существованіемъ, и праздность, скука,—поправила его Марья Дмитріевна придирчивымъ тономъ.

— Иногда... пожалуй...—согласился Хрулевъ.—Но что-жъ скука порой является однимъ изъ факторовъ предпріимчивости, вотъ сведите-ка вы виѣстъ больныхъ нищетою. Что вы услышите отъ Іереміады по поводу ихъ бѣдственнаго положенія, жалобы на роговизну жизни, на гнетъ богачей, злобныя пожеланія, разрушительные замыслы. Результатъ такого времяпровожденія—озлобленіе и упадокъ жизненной энергіи.

Марья Дмитріевна чувствовала, что могла бы возразить; но не хотѣла этого, настолько Хрулевъ казался ей въ эту минуту правымъ. А онъ себя продолжалъ:

— Нужна полная изоляція нищеты. Нужно, чтобы богачи такъ же мало думали и говорили о ней, какъ мало говорятъ и делаютъ о корчах и мукахъ холерныхъ больныхъ люди здоровыя. Самый разговоръ о бѣдности—это уже есть насыщеніе атмосферы вредными испареніями.

— Пойдите! Допустите, что все это такъ ужасно, какъ вы говорите,—прервала Марья Дмитріевна:—однако, что же: истреблять же бѣдныхъ, какъ заразу? Долженъ же кто-нибудь заботиться о нихъ и болѣющихъ?

— Ну да,—серьезнымъ тономъ отвѣтилъ Хрулевъ:—я про это же и говорю. Должны быть врачи специалисты, санитарные бры, что ли...

— И сестры милосердія, да?—съ улыбкой спросила Кать.

— И сестры милосердія, все, что хотите,—отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ ж, улыбнувшись, добавилъ:—Только я прошу тебя хорошенько дезинфицировать себя, приходя ко мнѣ,—эта болѣзнь передается даже отъ одного какого-нибудь слова. И хотя мой организмъ справится и съ миллиономъ этихъ словъ-бациллъ, ну, а все-таки... Скажу одно,—обратился онъ опять къ Марьѣ Дмитріевнѣ:—разъ будетъ признано аксіомой, что бѣдность есть заразительная болѣзнь, вся система борьбы съ ней, вся такъ сказать умственная и нравственная гигиена богатыхъ и бѣдныхъ должна радикально измѣниться. И, авось, эта чума-нищета будетъ если не вовсе сокрушена, то, по крайней мѣрѣ, локализована.

Разговоръ этотъ продолжался еще долго, и Марья Дмитріевна осталась непримиренной въ душѣ съ Хрулевымъ. Уходя къ себѣ въ комнату, она думала: «Да, вотъ она эта новая загадочная проминія, которая пугала меня еще въ Петербургѣ. Въ сущности, Хрулевъ вѣдь петербуржецъ. Но я не могу себѣ представить, чтобъ онъ говорилъ такъ на паркетѣ петербургскихъ гостиныхъ. Для этихъ рѣчей нуженъ должно-быть воздухъ губерній, граничащихъ съ Азіей».

Она и забыла, что, говоря о бѣдности, Хрулевъ только повторилъ слова петербургскаго доктора.

Потомъ, вечеромъ, наединѣ съ Владиміромъ, Марья Дмитріевна спросила сына:

— Тебѣ не страшно слышать все, что онъ говоритъ?

— Почему страшно, мамочка?

— Да вѣдь это же ожесточенный эгоизмъ!

— Бульть, религія эгонизма, если хочешь.

— Что же ты: давеча восторгался эгонизмомъ Кать, теперь бу-
дешь восторгаться идеями Дмитрія Александровича?

— Ай, нѣтъ, мамочка, это двѣ вещи совершенно разныя,—возразилъ Владиміръ.—Съ Дмитріемъ Александровичемъ я во многомъ и во многомъ не согласенъ. Я хотя и моложе его, но чрезъ его точку зрѣнія я уже прошелъ... Бромъ вотъ теоріи о заразительности нищеты,—это для меня ново.

(минуту помолчавъ въ раздумьи, Владиміръ продолжалъ:

— Но Хрулевъ во всякомъ случаѣ человекъ цѣльный, а такіе случаи приходятъ къ хорошимъ результатамъ, чѣмъ мы, колеблю-

щиея, вѣчно рефлектирующіе. Ты смотришь на меня вопроситель-но. Тебя, кажется, удивляетъ, что я произнесъ «мы»? Да, мама, мы:—и я! На многое, въ чемъ я еще недавно былъ такъ увѣренъ, теперь я уже смотрю критически. У насъ вѣдь съ тобой только разные точки отправленія, а характеръ вибраціи нашихъ душъ одинъ и тотъ же. Вотъ, можетъ-быть, поэтому-то я такъ и восторгаюсь Екатериной Михайловной.

— Ну, это потому, что ты влюбленъ въ нее! — пошутила Марья Дмитриевна.

— Это пустое, мама, этого мы съ тобой можемъ и не касаться, — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ Владиміръ и серьезно продолжалъ: — Нѣтъ, меня и въ ней привлекаетъ цѣльность натуры. Она живетъ чувствами, она никогда не колеблется осуществить то, чего она въ данную минуту хочетъ. Она не понимаетъ, какъ отказать себѣ въ чемъ-нибудь, если это можно сдѣлать. Но это не все. Важно то, что ея хотѣнія не могутъ быть дурного свойства — вотъ что важно. Ея воля никогда не можетъ быть направлена на причиненіе вреда другому. Откуда у нея это — мы не найдемъ. Развѣ она похожа на мать, на сестеръ, на отца? Общія съ ними черты, конечно, проявляются и у нея то въ одномъ, то въ другомъ, — мы это видимъ, — но все-таки она индивидуальна, какъ нельзя болѣе. Для меня — она синтезъ всего, падъ чѣмъ работали лучшіе умы, искавшіе примиренія свободы личности съ правами общества.

Марья Дмитриевна улыбнулась и сказала:

— Ты преувеличиваешь, ты увлекаешься, какъ можетъ увлекаться только влюбленный.

— Можетъ быть, мама, можетъ быть, — безучастно согласился Владиміръ. — Во всякомъ случаѣ, если она не идеалъ, она прелестное дитя своего времени, — съ увлеченіемъ произнесъ онъ. — Мнѣ въ ней всего дороже именно ея милый эгоизмъ. Для нея добро превращается въ радующую ее игрушку, всякое зло — печалить ее. Мнѣ мило въ ней то, что хорошія ея свойства не плодъ вымученнаго самосовершенствованія, а ненамѣренный результатъ тѣхъ благоприятныхъ условій, въ которыя она была поставлена самою судьбой. Она тѣмъ хороша, что не знала горя, не знала стѣсненія своей свободы. Свобода и альтруизмъ — дѣй въ вещи несовмѣстимыя: въ лицѣ Екатерины Михайловны я нахожу примиреніе ихъ. Вѣдь эгоизмъ, доведенный до его полного расцвѣта, — до того расцвѣта, когда ужъ онъ становится ядовитымъ, — онъ доведенъ до этой формы самимъ обществомъ, потому что оно всегда эгоистично желало подчинить себѣ свободную личность. Но всякое общественное благо-

получе, созданное на счет индивидуальнаго счастья, непрочно. Я всегда говорю, что, прежде чѣмъ выработать нормальныя условія существованія общества, нужно опредѣлить, что такое нормальная личность. Батерина Михайловна даетъ мнѣ намекъ на нее.

Марья Дмитріевна внимательно слушала его; но эти объясненія представлялись ей сухими и черствыми. Нѣтъ, она не хочетъ оправданія эгоизма, она и мужа для Бетъ хотѣла бы другого, а не такого, какъ ея Дмитрій Александровичъ; но сама Бетъ, такая, какою она являлась въ жизни, дѣйствовала на Марью Дмитріевну все-таки обаятельно.

XXXIV.

На другой день послѣ этого разговора Дмитрій Александровичъ собрался по какому-то дѣлу въ село Бултуки—это было верстъ за пять отъ усадьбы—и по обыкновенію пригласилъ съ собой Николая Васильевича прокатиться. Бетъ воспользовалась этимъ, чтобы поѣхать туда съ Марьей Дмитріевной показать ей свою тамошнюю школу.

Рѣшили поѣхать все вмѣстѣ послѣ завтрака. Но такъ какъ Бетъ не любила большихъ семейныхъ экипажей, то Николай Васильевичъ съ Марьей Дмитріевной и Женей должны были ѣхать на дрожкахъ съ передней скамеечкой, Бетъ и Владиміръ на велосипедахъ, для Дмитрія Александровича осѣдлали рослаго, кровнаго жеребца, а для Миши—невысокаго, жилистаго башкиренка.

Хрулева немного задержалъ съ какими-то объясненіями приказчикъ, и чтобъ не ждать его, дрожки, запряженные сытой «купеческой» лошадкой, не изъ бойкихъ,—Марья Дмитріевна побавалась очень быстрой ѣзды,—тронулись со двора раньше другихъ и ровною рысцой покатались по гладкой полевой дорогѣ. Промелькнули мимо послѣднія усадебныя постройки, выросъ за ними покрытый кустами холмъ, небойкая лошадка добросовѣстно, все той же ровною рысцой внесла на него дрожки, и предъ Демиными открылся видъ на цѣлое море зрѣющихъ хлѣбовъ, вздымавшихся свѣтлыми волнами по горамъ и пригоркамъ, сбѣгавшихъ темною гладью въ низины и снова, будто гребень далекихъ волнъ, сливавшихся съ голубымъ небосклономъ. У Марьи Дмитріевны стало какъ-то отрадно на душѣ, точно въ отворенное окно душевной комнаты ворвалась струя свѣжаго воздуха. И ея настроеніе, неожиданно для нея само, вдругъ сказалось въ одномъ безотчетно произнесенномъ словѣ:

Русь!

Николай Васильевичъ съ сочувственною улыбкой посмотрѣлъ на нее и ничего не сказалъ. Да, онъ тоже чувствовалъ всю прелесть этого простора и приволья, и слово «Русь» пришло и ему въ голову прежде, чѣмъ Марья Дмитріевна произнесла его.

Но мало-по-малу оно вызвало у него представленія и о другой Руси, и о его собственной Отрадѣ въ Замошѣ, и о томъ, какъ «городъ воли дикой, городъ буйныхъ силъ, Новгородъ Великій тихо оночиль», и о томъ, чѣмъ была Русь и чѣмъ она стала. И онъ подумалъ: «Почему это принято считать настоящимъ русскимъ только нашу старину и то, что сохранилось отъ нея? Да развѣ все то, что растетъ и создается вновь, развѣ это не такое же родное? Почему старымъ надо дорожить, а новое встрѣчать недовѣріемъ?»

— Сторонись! Держи правый! — раздался позади дрожень громкій окрикъ.

И прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ тронуть возжами, по лѣвой сторонѣ дороги стрѣлой, безшумно, пронесли на велосипедахъ Кать и за ней Владиміръ, съ улыбкой кивнувъ головой сидѣвшимъ въ дрожкахъ. Лошадь шарахнулась въ сторону, Марья Дмитріевна инстинктивно схватила за руку Женю, чтобы та не вывалилась изъ дрожекъ. А пока кучеръ сдерживалъ напуганную и вздрагивавшую лошадь, съ громкимъ топотомъ и оставляя за собой облако пыли, проскакали, догоняя велосипедистовъ, Дмитрій Александровичъ и Миша. Лошадь испугалась еще больше, и кучеръ долженъ былъ со всѣмъ остановить ее, чтобы дать ей успокоиться.

Марья Дмитріевна со страхомъ смотрѣла теперь впередъ на крутившуюся пыль, вотъ-вотъ ожидая увидать въ ней падающаго на всемъ скаку Мишу. О, это каждый день теперь онъ доставляетъ ей эту муку! Съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій Александровичъ отдалъ въ его распоряженіе эту проклятую горячую башкирскую лошадедку, Миша, никого не слушая, цѣлые дни скачетъ по полямъ и холмамъ, и Марья Дмитріевна чувствуетъ, что она наживетъ изъ-за него болѣзнь сердца.

А Николай Васильевичъ, тоже провожая глазами молодыхъ Хрулевыхъ и своихъ двухъ сыновей, думалъ про себя: «Вотъ она, неудержимо несущаяся мимо насъ жизнь!... А мы?... Со всѣми нашими протестами, съ нашимъ исцаніемъ, истинныхъ путей къ общему благу, мы представляемъ собой, кажется, только консервативный элементъ, и больше ничего!»

Школа, которую Катя хотѣла показать Марьѣ Дмитріевнѣ въ Бултукахъ, была собственно земская. Но еще прошлымъ лѣтомъ Дмитрій Александровичъ, въ ознаменованіе своей женитьбы, построилъ для

этой школы новое помѣстительное зданіе, и Катерина Михайловна Хрулева сдѣлалась ею хотя не официальной, но дѣятельной попечительницей: она принимала горячее участіе въ благоустройствѣ класснаго помѣщенія, въ доставленіи всѣхъ удобствъ школьной учительницѣ, въ снабженіи школы учебными пособіями и книгами для чтенія; когда, минувшею зимой, Дмитрію Александровичу понадобилось съѣздить изъ Петербурга въ Култуки, Бѣтъ тоже ѣздила сюда съ нимъ, привезла для школы великолѣпный волшебный фонарь и забавлялась имъ здѣсь цѣлые вечера, сама показывая и объясняя дѣтямъ и взрослымъ невиданныя ими картины.

Теперь занятій въ школѣ не было, и учительница уѣхала на июль мѣсяцъ въ отпускъ, къ роднымъ. Но сами по себѣ, какъ преподаваніе въ школѣ, такъ и общій характеръ ея учениковъ и не могли бы представить для Марьи Дмитріевны ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что она видала въ другихъ мѣстахъ. Если Бѣтъ повезла ее сюда, то для того, чтобы показать ей одну особенность, которая ее и самой очень занимала.

Въ Култукахъ и въ окрестныхъ деревняхъ жило не мало крещенныхъ татаръ и башкиръ, и Бѣтъ, по совѣту одного изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ, помѣщика казанской губерніи, выписала еще прошлымъ лѣтомъ изъ Казани учителя изъ крещенныхъ татаръ и открыла при школѣ небольшое отдѣленіе, гдѣ татарчата и маленькія татарки могли обучаться не только по-русски, но и по-татарски, и, съ согласія мѣстнаго священника, этотъ учитель сталъ учить ихъ хоровому пѣнію русскихъ молитвъ и богослуженія на татарскомъ языкѣ, что уже давно распространено въ Казанской губерніи. Сначала такихъ учащихъ и участвующихъ въ хорѣ было нѣсколько человѣкъ; но какъ только это хоровое пѣніе начало по праздникамъ переходить изъ школы въ самыя деревни, число желающихъ поступить въ хоръ съ каждымъ днемъ начало увеличиваться, и еще зимой Бѣтъ сама насчитала болѣе шестидесяти человѣкъ поющихъ.

Сегодня, въ виду неожиданности пріѣзда Хрулевыхъ, учитель, по счастью оказавшійся дома, могъ собрать наскоро человѣкъ десять. Но, чтобы познакомить съ этимъ пѣніемъ Деминыхъ, никогда не слышавшихъ его, было достаточно и маленькаго хора. Съ странною чувствомъ вслушивалась Марья Дмитріевна въ знакомые ей съ дѣтства напѣвы «Вѣрую», «Отче нашъ», «Достойно есть», «Споди, помилуй», передававшіе тѣ же слова, только на чужомъ, вѣроятно ей языкѣ.

— Нашъ священникъ говоритъ, что это очень хорошо, — съ

серьезнымъ видомъ сказала ей довольная собой Катъ. — Онъ говорить, что это способствуетъ слиянію инородцевъ съ русскими.

Марья Дмитріевна ничего ей не отвѣтила на это. Зато она глазъ не спускала съ Катъ: еще болѣе страннымъ, чѣмъ новизна татарскаго духовнаго хора, казался ей теперь на этомъ инородническомъ фонѣ полумужской велосипедный костюмъ племянницы. Двѣ чуждыя другъ другу культуры незамѣтнымъ образомъ сплетались здѣсь воедино, и маленькіе татарки и татарчата, давно привыкшіе видѣть свою попечительницу въ ея необычайномъ для тѣхъ мѣстѣ нарядѣ, весело ласкались теперь къ ней, ожидая гостинцевъ, которыми всегда были полны карманы широкихъ шароваръ Катъ.

Обратная поѣздка изъ Култуковъ въ усадьбу была далеко не такъ пріятна, какъ поѣздка туда. Поднявшійся сильный сѣверовосточный вѣтеръ взметалъ съ дороги столбы пыли, застилалъ глаза. Но велосипедисты и всадники неслись и противъ вѣтра съ прежней быстротой, и только жмурившаяся лошадка въ дрожкахъ бѣжала потише.

Когда Марья Дмитріевна, Николай Васильевичъ и Женя пріѣхали, они увидали Хрулевыхъ, Владимира и Мишу на плоту при купальнѣ и пошли къ нимъ. Катъ уже успѣла выкупаться. На ней было теперь изящное домашнее платье, а Дуня уже уносила изъ купальни ея запыленный велосипедный костюмъ. Мужчины собирались теперь передъ обѣдомъ тоже купаться, чтобы смыть съ себя пыль, и только поджидали Марью Дмитріевну, желая предложить ей и Женѣ выкупаться раньше. Но ни у той, ни у другой, послѣ поѣздки противъ рѣзкаго вѣтра, не было охоты лѣзть въ воду, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ и тутъ продолжалъ дуть съ той же силой, что и въ полѣ.

— Мы пойдемъ умоемся въ комнатѣ, — сказала Марья Дмитріевна.

Въ это время Катъ слегка вздрогнула, и ея мужъ, озабоченно взглянувъ на ея немного посинѣвшія губы, замѣтилъ:

— Видишь, Катя, собственно, и тебѣ не слѣдовало купаться, въ особенности такъ — прямо съ велосипеда. У тебя дрожь, ты не простудилась?

— Вотъ пустяки, — разсмѣялась Катъ. — Точно въ первый разъ. Изволь, чтобы тебя успокоить, я сейчасъ согрѣюсь.

И она подошла къ краю плота, отстегнула крючокъ, которыми были прицѣплены къ плоту водяныя лыжи, взяла лежавшее на нихъ длинное двухлопастное весло и хотѣла сѣсть на укрѣпленный

на лыжах стулъ. Но подскочившій къ ней Дмитрій Александровичъ сталъ останавливать ее.

— Батя, это невозможно, — говорилъ онъ, хватаясь за весло и загромождая ей дорогу: — нельзя на этихъ лыжахъ въ такой вѣтеръ. Ты опрокинешься.

— Пусти, — шутя отбивалась отъ него Катъ: — я хочу!

— Ты съ ума сошла! — начиналъ онъ горячиться. — Садись вѣдь въ лодку, если хочешь.

— Да нельзя же, если я хочу на лыжахъ, — спокойнымъ тономъ, тихо, но настойчиво произнесла Катъ.

— А я тебѣ говорю, что платье будетъ парусить, кренить, и ты свернешься, — продолжалъ удерживать ее Дмитрій Александровичъ. — Ну, Катя, ради Бога, не глупи, — говорилъ онъ, не выпуская изъ рукъ весла. Ноты его голоса переходили изъ повелительныхъ въ умоляющія и потомъ становились опять строгими.

А Катъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ твердила:

— Пусти, я хочу, — и, крѣпко сжавъ въ рукѣ весло, не отступала ни на шагъ отъ края плота.

— Ты сумасшедшая! — пробуя уже шутить, упирался Дмитрій Александровичъ, взглядомъ прося помощи у Марьи Дмитріевны и Николая Васильевича.

— А ты трусь, трусь, трусь! — съ вызывающей улыбкой разиняла его Катъ.

Марья Дмитріевна какъ-то опѣшила и молчала, смотря на эту борьбу. Николай Васильевичъ и Владиміръ попробовали сказать нѣсколько словъ, чтобы поддержать Дмитрія Александровича, но Катъ и не взглянула на нихъ. Съ улыбкой, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ она ждала момента, чтобы поставить на своемъ. И дождалась. Боясь, чтобы какъ-нибудь нечаянно не столкнуть ее въ воду, Дмитрій Александровичъ долженъ-таки былъ выпустить изъ рукъ весло, которое она упорно тянула къ себѣ. И, съ ловкостью кошки, Катъ прыгнула на лыжи, немножко качнулась, но, удержавшись, разомъ сѣла на стулъ и взмахнула весломъ. Дмитрій Александровичъ не успѣлъ даже руки протянуть, чтобы ухватиться за концы лыжъ и удержать ихъ, какъ онѣ уже отошли аршина на два отъ плота. Онъ только покачалъ головой и не то сердито, не то безцѣленно произнесъ вслѣдъ женѣ:

Ахъ, Батя, Батя!

она, отплывъ немного, направила лыжи такъ, чтобы ей были видны стоявшіе на плоту и, повернувшись, смотрѣла на нихъ съ легкой улыбкой. Выраженіе лица ея при этомъ было такъ

спокойно, такъ мило-беззаботно, что не только нельзя было подумать, что она съ бою взяла это удовольствіе побататься и только-что вышла побѣдительницей изъ неравной борьбы, а, напротивъ, она какъ будто взглядомъ благодарила кавалера за то, что онъ любезно помогъ ей сѣсть и поѣхать. Съ плота на нее теперь смотрѣли, тоже улыбаясь, но не безъ страха. Хотя волненіе на прудѣ никогда не могло быть настолько значительно, чтобы лыжная угрожала серьезная опасность, но порывы вѣтра рвали юбку Кать, и ей то и дѣло приходилось справлять ее; а въ это время вѣтеръ, ударяя въ лопасти весла, какъ въ крылья вѣтряной мельницы, заставляя лыжи дѣлать неожиданные повороты.

— Катя, вернись же, вернись! — кричалъ ей съ плота мужъ.

Но еслибъ она и готова была теперь вернуться, это не удалось бы такъ легко. Когда, перекидывая весломъ справа налево, она напѣревалась плыть впередъ, вѣтеръ хватался то за одинъ конецъ весла, то за другой, и нѣкоторое время Катъ никакъ не могла тронуться съ мѣста.

Она рѣшила сдѣлать усиліе, чтобы поставить лыжи носомъ противъ вѣтра; а вѣтеръ вдругъ дунулъ съ другой стороны, и она, потерявъ равновѣсіе, хотѣла удержаться руками за стулъ и машинально выронила весло. Но удержаться ей не удалось: ноги ея соскользнули, а ухватившись за спинку стула, она имъ, какъ рычагомъ, перевернула на бокъ и лыжи. Она не растерялась, она даже не вскрикнула; на мгновеніе только лицо ея стало озабоченно-серьезнымъ, а потомъ она съ невозмутимымъ хладнокровіемъ тихо опустилась въ воду, при этомъ такъ крѣпко ухватившись за стулъ и быстро перекинувъ одну руку на самыя лыжи, что погрузилась только по плечи; отчасти поддержала ее юбка, которая надулась сзади, какъ пузырь, надъ поверхностью воды. И уже улыбающимся взглядомъ Катъ смотрѣла на плотъ, ожидая помощи.

Еще когда она только качнулась, Дмитрій Александровичъ прыгнулъ въ яликъ и оттолкнулся. Теперь онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ Кать. За нимъ, на большой лодкѣ, подплывали Никола Васильевичъ и Владиміръ. Марья Дмитріевна, при видѣ паденія Кать, вскрикнула и опустилась на скамейку. Женя бросилась къ матери и обняла ее, боясь, чтобы она не упала въ обморокъ. Блѣдная, обезумѣвшими глазами смотрѣла Марья Дмитріевна на то, что происходило на водѣ.

— Это ни на что не похоже, что ты дѣлаешь! — сказалъ Дмитрій Александровичъ, подплывая къ Катъ. Онъ былъ, видимо, взволнованъ, и въ его голосъ звучалъ не упрекъ, а огорченіе. Онъ про

ткнулъ Бетъ руку и сказалъ: — Хватайся сначала за руку, потомъ за бортъ.

— Нѣтъ, — невозмутимо улыбаясь, отвѣтила Бетъ: — берись и лыжи и веди меня къ купальнѣ вмѣстѣ съ ними.

— Брось ты лыжи, я тебя вытащу на лодку, — возразилъ Дмитрій Александровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ такъ удобнѣе, — настаивала Бетъ.

Спорить было некогда. Дмитрій Александровичъ пристегнулъ цѣпь ялика къ ножиѣ стула на лыжахъ и, взявъ весла, двинулся, ворной впередъ, къ плоту. Николай Васильевичъ и Владиміръ, ничего не говоря, пошли сзади.

Когда, съ помощью мужа и Николая Васильевича, Бетъ выбражалась на плотъ, она, давая водѣ стечь съ ея платья, сѣлась, осматривала сверху свою жалкую фигуру и говорила:

— Боже мой, на что я похожа!

— Безстыдница! Ты, какъ ребенокъ, дурачишься, сама не думая, чѣмъ это можетъ кончиться, — сказалъ ей Дмитрій Александровичъ. Хотя тонъ его былъ какъ будто и суровъ, но онъ уже, видимо, успокоился и былъ счастливъ, что все кончилось благополучно.

А Бетъ нѣжно посмотрѣла ему въ глаза и шаловливо-покорно произнесла:

— Виновата. Въ другой разъ... — она сдѣлала маленькую паузу и добавила: — не свалюсь.

Она подставила мужу лобъ для поцѣлуя; онъ крѣпко поцѣловалъ его, держась отъ нея немного поодаль, чтобы не замочиться около ея мокраго платья.

— Тетя, милая тетя, васъ я напугала, простите, — сейчасъ же обратилась Бетъ къ Марѣ Дмитріевнѣ.

Та, вся въ слезахъ, хотя и радостно улыбающаяся, сидѣла на скамейкѣ, смотрѣла на Бетъ и не могла произнести ни слова. Бетъ осторожно, чтобы не замочить ее, зайдя сбоку, вытянула къ ней голову и поцѣловала Марью Дмитріевну въ щеку.

— Ну, теперь иди ты скорѣе переодеваться, — сказалъ Дмитрій Александровичъ.

Бетъ весело посмотрѣла на сіяющую отъ удовольствія Женю и, шуливо погрозивъ ей пальцемъ, сказала:

— Вотъ, милая, никогда такъ не шали!

Явочка потянулась къ ней, чтобы поцѣловаться, и Бетъ, перелувшись корпусомъ впередъ, хотѣла поцѣловать ее въ губы такъ же осторожно, какъ сейчасъ Марью Дмитріевну. Но Женя,

забывъ все, бросилась къ Кэтъ на шею и, крѣпко обнявъ ее, прильнула къ ней долгимъ поцѣлуемъ. Когда она, наконецъ, выпустила Кэтъ изъ своихъ объятій, всѣ, глядя на нее, улыбнулись какъ улыбнулась и она сама: весь передъ ея платья былъ теперь замоченъ, а на глазахъ блестяли слезинки восторга.

Одинъ только Миша, въ это время всѣми позабытый, стоялъ тутъ же въ сторонкѣ и, съ серьезнымъ выраженіемъ лица смотря на все происходившее, казалось, соображалъ что-то важное.

А за обѣдомъ уже все это маленькое приключеніе было позабыто. За здоровье «спасенной» выпили шампанскаго, и оживленный разговоръ шелъ совсѣмъ о другомъ.

Но поздно вечеромъ Кэтъ опять настояла на катаньи на лодкѣ, на этотъ разъ всей компаніей.

А ночь наступала дивная! Вѣтеръ давно утихъ и неподвижный воздухъ былъ такъ мягокъ и тепелъ, какъ онъ можетъ быть только въ іюлѣ. Полная луна поднялась изъ-за горы, и озаренный ею прудъ манилъ къ себѣ своей гладкой, блестящей, хотя и черной, поверхностью.

Дмитрій Александровичъ распорядился, чтобы приготовили большую волюжскую лодку съ гребцами. И когда, полюбовавшись еще съ террасы дома открывавшейся оттуда картиной тихой ночи, хозяева и ихъ гости сошли къ пруду, ихъ встрѣтили на плоту купальни два молодыхъ рослыхъ парня, безъ шапокъ, въ красныхъ рубахахъ, казавшихся при лунномъ свѣтѣ какими-то темными.

Дмитрій Александровичъ сѣлъ въ руль, Кэтъ вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной на поперечной скамейкѣ къ нему спиной, остальные на боковыхъ скамеечкахъ.

У Кэтъ была въ рукахъ гитара, и какъ только лодка вышла на середину пруда, Кэтъ начала перебирать струны. Первые слабые аккорды незамѣтно растаяли въ ночной тишинѣ. Но потомъ, болѣе смѣлые, они постепенно наполнили собой окрестность. Въ лодкѣ всѣ молчали; только гребцы легкимъ плескомъ тихо и мѣрно опускаемыхъ въ воду веслъ словно аккомпанировали звукамъ гитары. Была ли то какая-нибудь пьеса, или просто импровизація, что играла Кэтъ, Марья Дмитріевна не знала; но она вся отдалась во власть этой музыки, она ни о чемъ не думала, она забыла, что слушаетъ гитару, — инструментъ, къ которому когда-то относилась съ пренебреженіемъ, — забыла про всѣхъ и про вся, и про самую себя.

А Кэтъ уже брала какіе-то новые аккорды, и вслѣдъ за ними Дмитрій Александровичъ запѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Демины го-

отили въ Бултукахъ, онъ пѣлъ въ первый разъ. Занятый дѣлами, привыкшій давать полную свободу гостямъ и самому себѣ, онъ нынѣ-то ни разу не нашелъ въ этому удобнаго случая. Сегодня же онъ чувствовалъ себя въ ударѣ. То, что онъ запѣлъ подь аккомпаниментъ Кэтъ, былъ одинъ изъ новыхъ романсовъ, только что появившихся въ эту зиму въ Петербургѣ. У Дмитрія Александровича былъ сильный и въ то же время мягкій баритонъ, всѣ ноты давались ему безъ малѣйшаго напряженія. Его пѣніе, простое, безъ претензій чѣмъ-нибудь блеснуть, было какъ ласка могучаго человека: оно и нѣжило, и подавляло своей силой. Для Марьи Дмитріевны въ этомъ пѣніи Хрулевъ являлся какимъ-то другимъ, не тѣмъ Хрулевымъ, котораго она знала по его разговорамъ; и, казалось, все то дурное, что тѣнью легло на немъ отъ ея предыдущихъ впечатлѣній, въ эту минуту спадало съ него, какъ чуждая ему оболочка. Марья Дмитріевна не вслушивалась даже въ слова романса, она просто поддавалась гипнотизирующему вліянію звуковъ, потому что все пѣло кругомъ: пѣлъ теплый воздухъ, пѣла черно-серебряная гладь пруда, пѣли отражающіеся въ ней темные берега и свѣтлый мѣсяцъ, умъ и сердце пѣли заодно съ луннымъ свѣтомъ, со всей природой.

Лодка подплыла къ устью ручья въ концѣ пруда. Ивы и тальники спускались тутъ по берегу до самой воды, образуя нѣчто родъ гавани, защищенной со всѣхъ сторонъ густою зеленою листвою. Дмитрій Александровичъ еще за нѣсколько сажень до этого мѣста крикнулъ гребцамъ: «Брось!» И теперь направилъ продолжавшую тихо скользить лодку подъ сводъ ивовыхъ вѣтвей. Здѣсь лодка остановилась, погруженная въ густой мракъ; видѣвшійся между тальникомъ выходъ изъ этой гавани сверкалъ подъ луной серебряной полосой. Кэтъ перестала играть. Было тихо-тихо, и всѣ точно чего-то ждали.

— Мы здѣсь какъ разбойники въ засадѣ, — пошутилъ Николай Васильевичъ.

— Гм... — усмѣхнулся Хрулевъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ гребцамъ: — Берись!

При, хватаясь руками за вѣтви, вывели лодку на чистое мѣсто. Опять дружно налегли на весла. Мѣсяцъ свѣтилъ теперь на востокъ. Женя опустила руку въ воду и наклонилась за бортъ, ловя серебристую рыбку. Марья Дмитріевна остановила ее. Кэтъ молча смотрѣла на берегъ.

Катя, «Зореньку», — сказалъ ей Дмитрій Александровичъ. Она взяла на струнахъ аккомпаниментъ, Хрулевъ запѣлъ:

— Что затуманилась зоренька ясная?...

На этомъ старомъ «разбойничьемъ» романсѣ ему было гдѣ показать силу своего голоса.

А лодка плыла теперь тихо, медленно, гребцы, точно умышленно замедляя ходъ, только спускали и поднимали весла, не напирая на нихъ.

Но, не кончивъ романса, Дмитрій Александровичъ вдругъ обрвалъ пѣніе на полусловѣ и сказалъ:

— Ну-ка, Батя—«Утесъ».

Батъ съ какой-то какъ будто и несвойственной ей нѣжной покорностью, съ тѣмъ же неподвижно устремленнымъ впередъ задумчивымъ взглядомъ, сразу переѣнила аккомпаниментъ.

Отрывисты, тихи и, какъ сдержанные рыданія на трезнѣ, были грустны эти красивые звуки:

— Есть на Волгѣ утесъ,
Весь онъ мохомъ обросъ
Отъ вершины до самого края...—

казалось, не пѣлъ, а просто и задушевно рассказывалъ пѣвецъ.

Это была легенда о Стенькѣ Разинѣ, его апофеозъ, какъ народнаго героя. По мѣрѣ того, какъ вырастала въ этомъ сказаніи его фигура, росла и сила голоса у Хрулева, ноты становились пѣвучѣе, полнѣе. Но общій тонъ и словъ и напѣва былъ все-таки величаво-печальный.

Марья Дмитриевна сама не понимала, что дѣлалось съ ней. Она ни разу не оглянулась на пѣвшаго позади нея Хрулева и ни на мгновение не отрывала взгляда отъ сидѣвшей рядомъ съ ней Батъ. Да, теперь ей казалось понятнымъ, что Батъ, безпечно-самоувѣренная Батъ такъ любила его; да, Батъ могла сказать ей про него то, что она недавно сказала ей: «За нимъ—куда угодно. Я хочу хотѣть такъ, какъ онъ хочетъ. Онъ—это я».

Хрулевъ пѣлъ:

— И хотя каждый годъ
Человѣка того
По церквамъ проклинають,
Но поволжскій народъ
Любитъ память его,
О немъ пѣсни слагають.

А Владиміръ, немного опустивъ голову и исподлобья смотря въ сторону рулевого, думалъ: «Русская жизнь, что ты такое во всей сложности твоихъ противорѣчій?... Это онъ, вотъ этотъ Дмитрій»

Александровичъ: господинъ инженеръ-кулакъ или провиденціаль-ный демагогъ?»...

Гребцы попрежнему медленно, безшумно поднимали и опускали весла. Лодка приближалась къ плоту у купальни.

Паденье съ лыжъ въ воду не прошло для Кать даромъ: дня два ее лихорадило. Но она скрыла это, и ни Демины, ни мужъ, ни даже Катальда Карловна не замѣтили въ ней никакой перемѣны.

XXXV.

Дни шли за днями, а скучать въ Култубахъ было некогда. Нѣсколько человѣкъ сосѣдей помѣщиковъ все-таки навѣстили Хрулевыхъ, тѣ въ свою очередь должны были побывать у этихъ сосѣдей, котомъ устроилось нѣсколько семейныхъ пикниковъ. Марья Дмитриевна не приняла въ нихъ участія, но дѣти, и Николай Васильевичъ съ ними, ѣздили на всѣ прогулки. Марью Дмитриевну н самое тнуло теперь къ людямъ, къ обществу, но она въ такіа минуты упрекала себя, что слишкомъ скоро забываетъ потерю Мани, слишкомъ легко примиряется съ горемъ, поэтому предпочитала пока, не жняя веселиться другимъ, оставаться наединѣ съ своею дорогою печалью.

Немалымъ развлеченіемъ служили полевые работы, для наблюденія за которыми Демины ѣздили съ Дмитриемъ Александровичемъ на самые дальніе участки, гдѣ сотни десятинъ были сплошь засѣяны хрулевской пшеницей. Когда Марья Дмитриевна смотрѣла теперь, какъ конныя жнеи, точно побѣдныя колесницы, катились по полямъ, подкашивая съ одной стороны высокіе стебли пшеницы и выбрасывая ихъ въ видѣ готовыхъ сноповъ на другую сторону, — когда Марья Дмитриевна видѣла возсѣвшими на этихъ колесницахъ, на одной самого Хрулева, на другой своего Николая Васильевича, — ей и въ голову не приходило взять серпъ и идти вслѣдъ за ними, гнуть спину и въ потѣ лица срѣзать по десятку захваченныхъ въ горстку колосьевъ.

А на Николая Васильевича всѣ эти работы, вся жизнь у Хрулевы, дѣйствовали почти опьяняющимъ образомъ. Утомленный монотонностью пребыванія въ своей Отрадѣ, онъ теперь, какъ голодный, упивался разговорами съ Дмитриемъ Александровичемъ о всякаго рода предпріятіяхъ и проектахъ. Ему теперь казалось, что онъ самъ бы взялся то за то, то за другое, и, кажется, пріѣхавъ въ Отраду, готовъ былъ бы круто повернуть съ прежняго опрощенія на улучшение всякихъ культурныхъ улучшеній въ хозяйствѣ.

Но какъ только онъ оставался одинъ, онъ чувствовалъ, что тамъ, въ Отрадѣ, ничего этого не будетъ. Самый воздухъ казался ему тамъ какимъ-то подавляющимъ. Одинъ видъ лѣниваго Ивана уже дѣйствовалъ на него гипнотически, парализуя энергію. Наконецъ самая привычка къ «опрощенію», которую они себѣ усвоили за три года, пустила уже достаточно прочныя корни въ отраднинской землѣ, и гораздо легче было бы бросить самую землю, чѣмъ выкорчевать эти корни. Николаю Васильевичу казалось, что вотъ именно здѣсь, на широкомъ привольѣ самарскихъ степей, — начинавшихся тутъ же, сейчасъ за отрогами этихъ горъ, на которыхъ была расположена усадьба Хрулевыхъ, — вотъ здѣсь онъ могъ бы развернуться! А не тамъ, *въ Замошъ!*... Мало того, жизнь въ Отрадѣ, даже при перемѣнѣ прежняго режима, не могла уже поддержать въ немъ должной энергіи. Онъ даже чувствовалъ, что для того, чтобы зарядиться энергіей, недостаточно и одного этого лѣта, проведеннаго у Хрулевыхъ. Являлась неодолима потребность пожить въ Петербургѣ, сдѣлаться снова петербуржцемъ, почувствовать себя снова частью интеллигентнаго слоя общества, послѣ неудачной попытки слиться съ черноземною силой.

Богда онъ дѣлился этими мыслями съ Марьей Дмитріевной, она соглашалась съ нимъ.

Такимъ образомъ, въ принципѣ рѣшался уже вопросъ о покинутіи Отрады и о переселеніи въ Петербургъ.

Но средства Деминыхъ теперь, послѣ выдѣленія приданнаго Нинѣ и послѣ покупки бездоходной Отрады, не были уже такими значительными, чтобы можно было жить на прежнюю ногу въ Петербургѣ, а главное — нельзя было, не хотѣлось жить тамъ безцѣльно, безъ дѣла. Прежде чѣмъ бросить совсѣмъ Отраду, пока служившую все-таки фундаментомъ, надо было придумать что-нибудь другое.

И мало-по-малу и Николай Васильевичъ, а за нимъ и Марья Дмитріевна пришли къ заключенію, что нужно согласиться на предложеніе Хрулева, съ самаго начала наметнувшаго имъ, что онъ можетъ дать Николаю Васильевичу хорошее мѣсто въ правленіи его будущаго горно-механическаго завода, — общество это должно было въ нынѣшнюю же зиму образоваться въ Петербургѣ. Не нужно было специальныхъ знаній, — всѣмъ брался руководить Дмитрій Александровичъ, — но нужна была безупречная честность, а въ наличности ея у Николая Васильевича Хрулевъ не сомнѣвался, познакомившись съ его прошлымъ и настоящимъ. Сначала Николаю Васильевичу казалось какъ-то нежелательнымъ перейти изъ теперешняго своего положенія свободнаго, независимаго землевладѣльца въ положе-

нае служащаго, дающаго отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и исполняющаго чужія предписанія. Но чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ больше примирился съ этою мыслью. Независимость мужаика съ его душевнымъ надѣломъ уже не представлялась ему такой значимой, какъ прежде; напротивъ, дѣлать большое дѣло, чувствовать себя однимъ изъ двигателей большой машины, казалось ему, подъ вліяніемъ разговоровъ съ Хрулевымъ, уже чрезвычайно интереснымъ, а при отсутствіи личной отвѣтственности за общій успѣхъ всего предпріятія—это казалось даже и привлекательнымъ. Онъ чувствовалъ, что у него лично не хватило бы ни энергіи, ни рѣшимости встать во главѣ такого дѣла, гдѣ требуется широкій размахъ, гдѣ есть рискъ, гдѣ нужно много силы воли и характера, чтобы не волноваться при неудачахъ и чтобы не кружилась голова при большомъ успѣхѣ. Онъ чувствовалъ, что онъ созданъ не изъ этого тѣста, и поэтому добровольно ставилъ себя на второй планъ. Да, онъ примирился съ ролью исполнителя, но исполнителя въ дѣлѣ, которое могло жить, трепетать и расти!

Когда онъ, еще ничего окончательно не рѣшая, сталъ, однако, болѣе обстоятельно говорить съ Хрулевымъ, Дмитрій Александровичъ не только подтвердилъ ему то, на что намекалъ раньше, но предложилъ ему даже сдѣлать его, если онъ пожелаетъ, пайщикомъ этого новаго акціонернаго предпріятія. Николай Васильевичъ задумался. Если продать Отраду, съ которой онъ все равно рѣшилъ разстаться, и присоединить все то, что у него было въ процентныхъ бумагахъ, онъ могъ бы внести въ дѣло порядочную сумму и, такимъ образомъ, сдѣлаться современемъ капиталистомъ.

Но какъ ни довѣрялъ онъ дѣловымъ способностямъ Хрулева, какъ ни наглядно могъ убѣдиться въ значительности его состоянія, они съ Марьей Дмитріевной, по обсужденіи дѣла, все-таки не рѣшились вложить всѣхъ своихъ денегъ въ новое хрулевское предпріятіе,—что-то необъяснимое словно останавливало ихъ отъ этого шага. Нѣтъ, они возьмутъ ровно столько акцій, сколько нужно, чтобы имѣть право голоса, и больше ничего. А Николай Васильевичъ займетъ свое мѣсто съ опредѣленнымъ жалованьемъ и будетъ служить, пока это будетъ ему нравиться.

атѣмъ, отчасти по собственному влеченію, отчасти, чтобы оправдать передъ Хрулевымъ свой отказъ сдѣлаться пайщикомъ въ то дѣлѣ на значительную сумму, Николай Васильевичъ убѣдилъ Марью Дмитріевну въ необходимости, продавъ Отраду, приобрести землю въ самарской губерніи, гдѣ-нибудь вблизи хрулевскаго имѣнія, чтобы начать вести хозяйство на новыхъ началахъ, съ чи-

сто-коммерческими цѣлями. И если три года тому назадъ въ вопросѣ опрощенія онъ уступалъ ей, то теперь она должна была уступить ему, когда у него явился «зудъ предприимчивости», какъ и самъ подшучивалъ надъ собой. А въ сущности, у обоихъ, несмотря на ихъ новое настроеніе, все еще сильно было тяготѣніе къ землѣ, привязанность, унаслѣдованная отъ предковъ, воспитанная съ дѣтства и вопреки всякимъ вѣяніямъ, поддерживаемая всѣмъ складомъ русской жизни.

Дмитрій Александровичъ мысль о покупкѣ земли одобрилъ и, просьбѣ Николая Васильевича, согласился руководить имъ и устройствѣ самого хозяйства; но, въ виду возможности неурожая, предостерегалъ отъ затраты на это всѣхъ свободныхъ денегъ. Николай Васильевичъ готовъ былъ слушаться его во всемъ: онъ на этотъ разъ, въ періодъ своего «зуда предприимчивости», охотился становился подъ чужую опеку. Впрочемъ, даже отъ жены, не толкнутой отъ Хрулева, держалъ онъ въ секретѣ одинъ изъ своихъ сокровенныхъ замысловъ: онъ мечталъ разводить въ самарской губерціи и выдѣлывать касторовое масло. Это сулило ему необыкновенныя выгоды!

Руководительство Хрулева было для него тѣмъ пріятнѣе, что Дмитрій Александровичъ, иногда не въ мѣру рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, отличался, какъ настоящій дѣловой человѣкъ, деликатностью въ личныхъ и въ особенности дѣловыхъ отношеніяхъ со всѣми безъ исключенія—до тѣхъ поръ разумѣется, пока не было серьезныхъ поводовъ для враждебныхъ столкновений. Тѣмъ больше оказывался онъ внимательнымъ къ Николаю Васильевичу и Марьѣ Дмитріевнѣ, какъ къ своимъ гостямъ. Такъ, зная, что они у себя въ Отрадѣ «опрощались» и зная о уступавшей у нихъ теперь реакціи, онъ, за все время пребыванія у него въ Бултукахъ, не заводилъ разговора на эту тему и произносилъ слова «опрощеніе».

XXXVI.

Старшая сестра Бѣтъ, Софья Михайловна, уже два года какъ жила за границей, то въ Мюнхенѣ, то въ Парижѣ, то въ Италіи, занятая своею живописью. Прошлое лѣто у Хрулевыхъ въ имѣніи съ мѣсяцъ гостили Зинаида Дмитріевна и Вѣра, а Софья Михайловна не поѣхала: она не хотѣла участвовать въ этомъ родственномъ нашествіи на молодыхъ. Теперь, въ половинѣ августа, неожиданно получила отъ Софьи Михайловны телеграмма съ просьбѣ

высать за ней къ такому-то дню лошадей на станцію. Бэтъ была очень обрадована, хотя отношенія сестеръ другъ къ другу никогда не отличались нѣжностью. Сгоряча она хотѣла было сама поѣхать въпритыкъ Соню, но потомъ заѣхнулась. Дѣловому Дмитрію Александровичу было не до родственныхъ встрѣчъ. Ограничились тѣмъ, что послали на станцію экипажъ и приказчика.

Софья Михайловна пріѣхала съ цѣлымъ арсеналомъ чемодановъ, чемоданчиковъ, несессеровъ, свертковъ и пакетовъ. Все это загромождало тарантасъ и частью было даже передано въ особую тележку, въ которой сопровождалъ Софью Михайловну приказчикъ. Сама Бэтъ, привыкшая брать съ собой въ дорогу чуть не цѣлый домъ, и та удивилась этому многосложному багажу и, послѣ первыхъ привѣтствій, спросила:

— Что это у тебя такое, Соня?

Та взглянула на нее съ величественною улыбкой и сказала:

— Да, натушка, поди-на повозись со всѣмъ съ этимъ! Это я въ Хиву ѣду.

— Въ Хиву?!—всплеснула руками Бэтъ. И вся сразу просіяла:—Соничка, возьми меня съ собой!

— Глупышъ! — шутливо сказала, поцѣловавъ ее, Софья Михайловна. — Что ты тамъ будешь дѣлать? Ногти чистить?

— А ты? — умышленно серьезнымъ тономъ наивно-любопытнаго ребенка спросила Бэтъ.

— Я ѣду хивинцевъ пописать, — уже оставивъ шутливость, просто сказала Софья Михайловна. — По правдѣ сказать, надоѣло мнѣ все въ Европѣ. Надоѣла даже новизна декадентства, хочется чего-нибудь новаго. Да и скучно тамъ учиться, когда видишь, что кругомъ всѣ лучше тебя пишутъ. Правда. Настолько-то я сама художникъ, чтобъ ужъ не нуждаться въ учителяхъ и понимать, что хорошо, что худо. Для меня теперь все дѣло въ томъ, чтобы совершенствоваться, практика нужна, работа съ натуры. А тамъ, въ какой-нибудь Италіи, на каждомъ шагу всѣ пишутъ все одно и то же. Смотрѣть досадно. Учась, рискуешь, вмѣсто собственной манеры, впасть въ подражаніе. Ну, а вы какъ тутъ поживаете? У васъ тутъ хорошо, — окинула она взглядомъ обстановку. — А вы, тетя, давно здѣсь? Не скучаете?

Багажъ Софьи Михайловны тѣмъ временемъ перенесли въ отведенную ей комнату. У ней съ собой былъ, кромѣ всѣхъ обычныхъ и не обычныхъ принадлежностей туалета, и запасъ консервовъ, красокъ, полотна для картинъ, была и складная дорожная кровать, и походная фотографическая камера, и складной моль-

берть, и складная палатка, и еще, и еще что-то, и все это уложенное отдѣльными маленькими ящиками для того, чтобы можно было удобно навьючить ихъ на верблюдовъ. Самый костюмъ Софьи Михайловны былъ приспособленъ для трудныхъ путешествій. На ней была довольно узкая юбка изъ прочной клѣтчатой англійской матеріи неопредѣленнаго цвѣта и свѣтло-сѣрый двухбортный пиджачокъ поверхъ мужской рубашки съ сѣрымъ же клѣтчатымъ галстукомъ. Ея густые волосы, свернутые въ простой, но красиво сложенный узелъ, были прикрыты небольшою бѣлою фетровой шляпой мужского фасона.

— И надолго вы въ Хиву?—спросилъ ее Дмитрій Александровичъ, когда они уже сидѣли въ столовой за чаемъ.

— На годъ,—просто отвѣтила Софья Михайловна.

— На годъ?—переспросила изумленная Кать. И, поморщившись, она покачала головой.

— А ты что думала, милочка!—усмѣхнулась, глядя на нее, Софья Михайловна.—Это вѣдь не прогулка, это работа, трудъ.

Кать ничего не отвѣчая, опять, съ улыбающимися глазами, сдѣлала гримаску и покачала головой. Нѣтъ, на годъ она ни за что бы не поѣхала въ такую даль! Это съ ума сойти!

— Я хочу видѣть тамъ всѣ четыре времени года. Надѣюсь найти много солнца, свѣта, много красочнаго, живописнаго и притомъ новаго,—продолжала между тѣмъ говорить Софья Михайловна, обращаясь къ Хрулеву.—Я хочу все-таки хорошенько взглянуться въ эту жизнь, не какъ поверхностный туристъ, хочу что-нибудь взять изъ нея поглубже.

— Только какимъ же путемъ вы отсюда поѣдете?—спросилъ Хрулевъ.—Вамъ надо отсюда вернуться на Астрахань, потомъ въ Узунъ-Ада...

— Нѣтъ,—прервала его Софья Михайловна.—Я поѣду сухимъ путемъ чрезъ Оренбургъ, поживу немного въ Ташкентѣ, по пути еще покочую съ киргизами...

— Ахъ, Соня, Соня!—прервала ее радостнымъ восклицаніемъ Кать.—Ты знаешь, у меня великолѣпная киргизская кибитка! Мнѣ въ прошломъ году одинъ киргизъ тутъ, купецъ, Митинъ знакомый, подарилъ. Вотъ прелесть—ты нарисуешь насъ всѣхъ въ этой кибиткѣ, да?

— Съ удовольствіемъ,—сордечно отвѣтила Софья Михайловна.—Я теперь выучилась—таки писать лица и улавливать сходство.

— Ай, какъ хорошо!—воскликнула Кать и, обратившись къ

ну, сказала:—Митя, надо велѣть разбить ябитку въ Танко-
визюгу, гдѣ она была прошлымъ лѣтомъ, да?

Дмитрій Александровичъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Хорошо.

Марья Дмитриевна смотрѣла теперь на Софью Михайловну съ большимъ вниманіемъ и какимъ-то особеннымъ расположеніемъ, что она прежде къ ней никогда не чувствовала. И тонъ, которымъ говорила Софья Михайловна, и выраженіе ея лица, ея манеры, даже ея простой мужской костюмъ—все возбуждало въ Марьѣ Дмитриевнѣ довѣріе къ племянницѣ. Она не могла дать себѣ отчетъ, въ ней ли самой произошла перемена настроенія, или измѣнилась и Софья Михайловна, но было что-то новое. Да, она вѣрила, что эта поѣздка въ Хиву не прогулка, не баловство праздношатающейся барышни, а работа; хотя обставленный всѣми условіями комфорта и доставляющій удовольствіе, это все-таки былъ трудъ; хотя дѣли Софьи Михайловны были, повидимому, эгоистическія, зная, но во всякомъ случаѣ у нея были опредѣленные задачи.

— А гдѣ мама и Вѣра? Я давно не получала отъ нихъ писемъ,—спросила Бетъ.

— Я разсталась съ ними съ мѣсяцъ тому назадъ въ Мюнхенѣ. Онѣ поѣхали въ Тироль. Вѣра тамъ гдѣ-то даже играла публично, въ какомъ-то городѣ. И, кажется, не безъ успѣха,—сказала она съ чуть-чуть замѣтнымъ сарказмомъ.—Я покажу тебѣ это мое письмо.

Бетъ теперь и не стала спрашивать ее больше: она знала, что ея старшія сестры не любили другъ друга. Обѣ одинаково горюхи въ достиженіи совершенства въ избранныхъ ими искусствахъ, онѣ относились каждая къ «не своему» искусству безъ всякаго уваженія и въ минуты раздраженія или соперничества говорили другъ другу: «Ты вызываешь себѣ жениха!»—«А ты вызываешь!»—«Моего не перезвонишь!»—«Да и ты моего не переиграешь!» Это было ниже ихъ достоинства, и ниже ихъ талантовъ, но, увы, это такъ было! И что всего больше огорчало Бетъ, что она была свидѣтельницей такихъ домашнихъ баталій, такъ же, какъ и то, что сестры, поглощенные своими живописью и музыкой, не думали искать жениховъ, а то давно были бы замужемъ.

Съ пріѣздомъ Софьи Михайловны, въ Бултукахъ жизни стало еще больше. Присутствіе новаго человѣка подновило и Марьѣ Дмитриевнѣ пріятныя впечатлѣнія отъ всего, къ чему она уже успѣла привыкнуть здѣсь. Софья Михайловна хвалила

и усадьбу, и красоту мѣстности, и сама рассказывала много тереснаго изъ своего послѣдняго путешествія.

Уже на другой день по прїѣздѣ она сошла внизъ изъ комнаты къ утреннему чаю съ ящикомъ красокъ и палитрою рукавъ.

— Ты уже собираешься работать?—спросила ее Марья Дмитріевна.

— Я нѣсколько дней не работала въ дорогѣ. Когда я на стѣ, я не пропускаю ни одного дня, чтобы не написать хоть что будь,—безъ всякаго намѣренія подчеркнуть свое трудолюбіе отила Софья Михайловна и, выглянувъ на террасу, сказала:—смотрите, какое утро, какія краски!

Она похвасталась своими успѣхами въ умѣньи писать лица даромъ. За эти годы она многому научилась. Эскизы портретовъ которые она стала набрасывать теперь — сегодня Кэтъ, за Марью Дмитріевну, послѣзавтра Хрулева, за нимъ дѣтей, потомъ Николая Васильевича, —вызывали общій восторгъ. Они были действительно мѣтко схвачены, сужьло и красиво набросаны.

Но особенно удался ей портретъ Владиміра, и она рѣшила і работать его сейчасъ же въ настоящую картину: студентъ сидѣ на скамейкѣ въ цвѣтникѣ и ощипывалъ сорванную имъ асти его смѣющеся лицо выражало увѣренность, что послѣдній листокъ цвѣтка безъ всякаго сомнѣнія скажетъ ему «любить!»

Владиміръ долженъ былъ теперь позировать для этого портета каждый день по нѣсколькѣ часовъ, и это видимо доставляло іудовольствіе. Они въ эти часы сидѣли съ Софьей Михайловнѣ вдвоемъ въ саду, и никто не подходилъ къ нимъ, чтобы не мѣшработѣ. Пока она писала, онъ всматривался въ нее и находилъ тѣмъ интереснѣе, чѣмъ проще былъ ея нарядъ; теперь она одѣлась въ самыя простыя батистовыя рубашечки и носила бѣлую імоленную шляпу съ прямыми полями. За работой они лишь і времени до времени перебрасывались короткими фразами; а иида, сдѣлавъ паузу въ работѣ, заводили болѣе сложную бесѣду. Это ихъ сближало. Бывая въ Петербургѣ у Аргамановыхъ, Владиміръ, увлеченный съ самаго начала Кэтъ и изъ-за нея не замѣчшій ея сестеръ, за послѣдніе два года и совсѣмъ позабылъ про наидившуюся за границей кузину Sophie. Она въ свою очередь до си поръ смотрѣла на него, какъ на мальчика. Здѣсь же, знакомясь блже, они начинали нравиться другъ другу. Это не было пошлой влбленностью юноши и уже весьма взрослой дѣвушки,—нѣтъ, это блла начинающаяся прочная дружба... хотя и очень опасная дружба

В ближайшее же воскресенье Дмитрій Александровичъ при-
ехалъ всѣхъ завтракать въ луга, въ кибитку.

До луговъ было версты полторы, и хотя былъ заложенъ боль-
шій наработъ, всѣ предпочли пойти туда пѣшкомъ, а въ шара-
нъ повезли только маленькій мольбертъ, фотографическій аппа-
ръ и ящикъ съ красками Софьи Михайловны. Одинъ Дмитрій
Александровичъ уѣхалъ туда впередъ на велосипедѣ, чтобы посмо-
треть, все ли готово.

Киргизская кибитка, которую теперь поставили немного поо-
тъ отъ многочисленныхъ стоговъ набошеннаго въ это лѣто сѣна,
оказалась между ними ханской ставкой среди раскинувагоса ко-
пы. Она дѣйствительно стояла того, чтобы ее показать, и, вѣ-
рно, богатъ киргизъ, сдѣлавшій Катеринѣ Михайловнѣ Хруле-
вотъ царскій подарокъ, рассчитывалъ въ будущемъ на много
родныхъ дѣлъ съ Дмитріемъ Александровичемъ, не считая всѣхъ
въ прошлыхъ съ нимъ и съ его отцомъ. Внутренняя рѣшетка
дуглой стѣны и потолка, выкрашенная киноварью, была отдѣла-
на золотой. Дверь ажурная, изъ цѣльнаго орѣха, лакированная.
На стѣнѣ и потолка—узорчатые ковры. Персидскіе ковры на
полу, турецкія шали по стѣнамъ, шелковыя подушки на низкихъ
рожныхъ сидѣньяхъ и разнообразная чеканная мѣдная и серебря-
ная утварь—составляли внутреннее убранство. Нижніе края вой-
лочныхъ стѣнъ были теперь подогнуты на поларшина отъ земли,
поднять былъ съ одной стороны и войлокъ крыши надъ рѣшет-
кой теменемъ кибитки, и воздухъ внутри нея былъ такъ же
свѣтъ, какъ и на лугу, но онъ казался въ кибиткѣ свѣжѣе,—тамъ
немо солнце.

— Какая это прелесть—такая кибитка!—сказала Софья Ми-
хайловна, какъ только они вошли въ нее.—Не будь это такъ гро-
зно, я бы купила себѣ такую для своего путешествія.

Посреди кибитки былъ накрытъ круглый столъ, сервирован-
ный по-европейски. Вокругъ стола стояли складныя табуретки съ
розовыми сидѣньями. Софья Михайловна нашла, что это нару-
шаетъ цѣльность впечатлѣнія, но Дмитрій Александровичъ ска-
залъ:

— Но зато это удобнѣе и не портитъ настроенія. А то въ дѣ-
лѣ цѣльности впечатлѣнія, пожалуй, и ѣсть надо было бы пальца-
ми, вместо вилочекъ.

Завтракъ былъ тоже европейскій. Поваръ заранѣе приготовилъ
дома и только поддерживалъ теперь горячія блюда на поход-
номъ, поставленной въ солдатской палаткѣ за кибиткой. Въ

качествъ киргизскаго блюда и *pièce de résistance* завтрака былъ по данъ жареный барашекъ. Кумысъ замѣнили шампанскимъ.

Дмитрій Александровичъ, вставъ и поднявъ бокаль, провозгласилъ тостъ:

— Господа кочевники, выпьемте за здоровье нашей гостьи художницы, посѣтившей на своемъ пути изъ Европы въ Азію и наше кочевье у Великихъ воротъ. Пожелаемъ ей успѣха въ ея поискахъ новыхъ художественныхъ откровеній на Востока.

Всѣ чокнулись съ Софьей Михайловной. Она приняла это привѣтствіе со скромностью, но и съ достоинствомъ, лишь слегка покраснѣвъ отъ удовольствія. Пребываніе среди художниковъ пріучило ее и самоѣ говорить иногда застольныя рѣчи, и она теперь сказала всѣмъ: спасибо! — не вставая съ мѣста, произнесла:

— Такъ ужъ и мнѣ позвольте отвѣтить тостомъ за здоровье хозяина, насадителя европейской культуры здѣсь, на рубежѣ Азіи, и за хозяйку, присутствующую за этимъ европейскимъ столомъ подъ куполомъ киргизской кибитки.

Опять всѣ чокнулись—съ Дмитріемъ Александровичемъ и Бетъ и не успѣли еще уѣсться, какъ Владиміръ, стоя, слегка взволнованнымъ голосомъ, громко провозгласилъ:

— Господа!.. За кибитку! За нашу великую мать—Росцію!.. За эту родную, необъятную кибитку, дающую пристанище всѣмъ кочевникамъ, взыскующимъ тучныхъ пастбищъ, кочевникамъ европейскимъ и азіатскимъ, кочевникамъ - людямъ, кочевникамъ - идеямъ!...

— Ура!—откликнулся ему на этотъ тостъ сіяющій Хрулевъ; и, среди раздавагоса со всѣхъ сторонъ «ура! ура!», обращаясь къ Владиміру, Дмитрій Александровичъ добавилъ:—Умири, Денисъ! Лучше этого ничего не скажешь.—Потомъ онъ обнялъ и поцѣловалъ Владиміра и сказалъ:—И баста всякимъ тостамъ! Такъ ужъ и будемъ продолжать пить за кибитку.

— Господа, барашекъ совсѣмъ простылъ, а вы все не ѣдите, — немножко напризнымъ тономъ, сказала Бетъ.

На Марью Дмитріевну эта сцена произвела странное впечатлѣніе. Равнодушная къ спичамъ и къ самому завтраку, она все время молчала. Но то, что сказалъ Владиміръ, ей понравилось. Это виѣсть съ нѣсколькими глотками шампанскаго немножко подбодрило и ее. Только она никакъ не ожидала такого увлеченія отъ Хрулева. И хотя самое цѣлованіе его съ Владиміромъ было ей сколько нѣсколько непріятно, она однако сказала ему:

— Вотъ я васъ больше люблю такимъ, чѣмъ когда вы пропонуеете эгоизмъ.

Ирлевъ улыбнулся и, протягивая къ ней руку съ бокаломъ, сказалъ:

— Чокнемтесь!.. Да и не упрекайте вы меня очень въ эгоизмъ. Я можетъ-быть и эгоистомъ-то въ моихъ словахъ потому что очень вамъ кажусь, что Россію-то, кибитку-то нашу, очень люблю. Миѣ вѣдь вонъ много ли надо, — засмѣялся онъ: — одерзачее слово, да стаканъ вина, и сейчасъ у меня — ура! Въпередъ! «Не посраимъ земли русской, ляжемъ здѣ костями!...» — Потому что русскій человѣкъ.

Всѣ отвѣчали на его улыбку улыбками, а онъ, хлебнувъ хотѣлъ глотокъ шампанскаго, продолжалъ:

— Я потому и за эгоизмъ такъ стою, потому что миѣ хочется, чтобъ люди сами себя уважали и другихъ заставляли уважать.

— Ну, какой же вы, въ сущности, эгоистъ, когда вы стоите за культуру, а расцвѣтъ культуры только и возможенъ при самопожертвованіи, — прервалъ его Владиміръ.

— Самопожертвованіе во имя расцвѣта культуры — согласенъ. Самопожертвованіе во имя родины, какъ носительницы этой культуры — согласенъ. Самопожертвованіе ради того, чтобы гнусавый, неумный идиотъ могъ, ковыряя въ носу, безпечно унаваживать, въ всякая скотина, землю — извините меня, ни за что не согласенъ! — уже впадая въ рѣзкій тонъ, сказалъ Хрулевъ.

И, заливъ и эти слова шампанскимъ, онъ, съ прежней улыбкой, обратился къ Марѣ Дмитріевнѣ:

— Вы не огорчайтесь, что я опять... ничего не подѣлаешь... не быть искреннимъ. Только вѣдь это тоже, какъ и на счетъ любви! — это, какъ вотъ искорки въ шампанскомъ: выдохнется — и нѣтъ ихъ. Похвалишь — и опять браниться начнешь, полюбишься — и опять смилуешься. А въ сущности изъ-за чего вы кипятишься? Право же, не изъ эгоизма. Все хочется, чтобъ родина-то была велика и сильна. Все хочется, чтобъ въ кибиткѣ-то уютно было. Вонъ вѣдь у насъ здѣсь, какъ хорошо: снизу подуть, сверху тоже клапанъ открыть, — такая вентиляція, что превосходно. А закройте-ка со всѣхъ сторонъ, такъ мы отъ духоты вонъ побѣжимъ.

Дмитрій Александровичъ взглянулъ въ это время на Николая Ивановича. Тотъ смотрѣлъ какъ разъ прямо ему въ глаза и тепло, чувственно кивнувъ ему головой, приподнялъ немного надъ

столомъ свой бокалъ и отпилъ изъ него. Хрулевъ, въ отвѣтъ ея сдѣлалъ то же самое. А Владиміръ сказалъ:

— Да если ужъ правду говорить, такъ мое сравненіе Россіи кочевой кибиткой вѣрно и въ томъ отношеніи, что мы до сихъ поръ еще не приобрѣли настоящей осѣдлости въ культурѣ. Мы все еще чувствуемъ себя какъ бы на станціи и не знаемъ хорошенько, куда намъ впередъ, или вернуться къ допетровской Руси.

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ его Хрулевъ.

— Ну, я думаю, что теперь не мы одни, а и всѣ европейскіе народы чувствуютъ себя не дома, а на станціи,—замѣтилъ Николай Васильевичъ.—Такое ужъ время мы переживаемъ.

— Ахъ, нѣтъ, это намъ только такъ кажется,—возразилъ Владиміръ.—Правда, и тамъ идетъ броженіе, но оно идетъ правильнымъ путемъ, и всѣ элементы этого броженія реагируютъ другъ на друга такъ, что продуктомъ броженія будетъ непременно какъ-нибудь хорошій напитокъ. А у насъ все можетъ уйти черезъ край въ результатъ останется воспоминаніе о лопавшихся съ трескомъ пузыряхъ и удушливомъ газѣ да загрязненный гущей полъ.

Хрулевъ энергично справившійся съ своимъ барашкомъ, утеръ салфеткой усы и подтвердилъ:

— Вѣрно. Въ Европѣ, каждый знаетъ свою роль и въ прологѣ и въ трагедіи, и въ эпилогѣ, а у насъ кто въ лѣсъ, кто по дробинѣ, что называется, своя своихъ не познаша. Мы вообще скрываемъ нашу призму составляемъ себѣ иногда совершенно невѣрное представленіе о западной жизни. Я помню одно, довольно крѣпко сохранившееся у меня впечатлѣніе изъ моей второй поѣздки за границу. Я былъ тогда еще студентомъ первокурсникомъ и горячо занимался на всѣ «запросы жизни». Былъ кстати или не кстати и немножко народникомъ, немножко славянофиломъ. И помню, что и всѣ наши русскіе интересы, русскіе вопросы казались чрезвычайно серьезными, важными, а всѣ западные—такъ какими-то пустяками. Ну, все равно, какъ съ одной стороны вопросъ о насущномъ хлѣбѣ, а съ другой—какая пудра для лица лучше и безвреднѣе: рисовая, висмутовая или какая тамъ еще есть? Словомъ, вся европейская цивилизація казалась мнѣ одной мишурой. Подъ такимъ настроеніемъ приѣзжаю я въ первый разъ въ Венецію. Ну, раздается, восторгъ!

— Конечно, восторгъ!—съ сіяющими глазами сказала Бетъ.

— Луна, море, гондолы, венеціанки!—немножко поддразнивающимъ тономъ продолжалъ, поглядывая на всѣхъ, Дмитрій Александровичъ.—Вдешь вечеромъ по Canal Grande—въ одномъ мѣстѣ

освѣщенная фонариками гондола и звуки серенады; въ другомъ — цѣлыя флотиліи гондолъ съ фонариками и опять серенада! Словомъ, очарованъ! Какъ въ чадѣ!

— Прелестъ! — опять воскликнула Кэтъ. — На будущій годъ мы съ тобой непременно поѣдемъ туда. Слышишь, Митя, непременно! Я соскучилась о Венеціи.

Онъ только съ улыбкой кивнулъ ей головой и, не останавливаясь, рассказывалъ:

— Ну, тутъ ужъ я окончательно убѣждаюсь, что все это — феерія, а не настоящая жизнь; а настоящая-то «всамдѣлшная» только у насъ, и что вся Европа всю эту феерію чуть ли не на наши деньги устраиваетъ, веселится, такъ сказать, за счетъ нашего выносливаго пахаря, а мы, російскіе путешественники, являемся этому пособниками. Даже смотрѣть тогда на эту феерію мнѣ казалось почти-что преступленіемъ.

Онъ принялъ изъ рукъ Кэтъ чашку кофе, досталъ черепаховый портсигаръ съ золотыми инициалами, положилъ его рядомъ съ чашкой на столъ и продолжалъ:

— А потомъ, какъ пошатался я все лѣто, — три мѣсяца, — по разнымъ государствамъ, да посѣтилъ со специально-учебною цѣлью разные фабричныя и промышленныя районы, да присмотрѣлся хорошенько ко всѣмъ сторонамъ тамошней жизни, — такъ потомъ, какъ вернулся въ Вержболово, такъ сразу какъ-то и почувствовалъ, что настоящая-то жизнь — вонъ она! — тамъ, по ту сторону Эйдукунена осталась, а здѣсь даже и не феерія, а плохой любительскій спектакль.

— Нѣтъ, вы положительно жестоки, — шутилъ сказала Марья Дмитріевна: — у васъ какая-то страсть преувеличивать наши слабые стороны и чрезмѣрно унижать то, что заслуживаетъ не порицанія, а скорѣе сожалѣнія и помощи.

Хрулевъ разсмѣялся.

— Да ужъ тамъ сожалѣйте или порицайте, а любительскій спектакль остается любительскимъ спектаклемъ, — настойчиво повторилъ онъ.

Всѣ улыбнулись.

— И поэтому мы всѣ какъ будто и не знаемъ, что намъ дѣлать, чего хотѣть, какъ жить.

— Учитесь у искусства, учитесь жизни у искусства, — вмѣшался въ разговоръ Софья Михайловна. — Заимствуйте у него творческіе приемы для жизни. Только искусство можетъ дать настоящій Leitmotiv.

Наступило минутное молчаніе. Всѣ, казалось, не поняли, что именно хотѣла сказать Софья Михайловна. Потомъ Дмитрій Александровичъ шутя сказалъ:

— У какого искусства, у декадентскаго, у того, что зеленыя лица подъ красными зонтиками пишетъ? Оно добру научить!

И онъ громко разсмѣялся.

— Вы имъ не шутите, — спокойно отвѣтила Софья Михайловна: — оно пока въ пленкахъ, а когда-нибудь и оно чему-нибудь васъ научить.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что Софья Михайловна сказала глубочайшую правду, — вступился за нее Владиміръ. — Мы всегда говоримъ: наука жизни, — а это не вѣрно. Точность науки совсѣмъ неприложима къ жизни, и чѣмъ мы желаемъ сдѣлать жизнь точнѣе, тѣмъ она выходитъ безобразнѣе. А жизнь — искусство. И вотъ, кстати, позвольте заступиться и за Катерину Михайловну, — обратился онъ къ Хрулеву, посмотрѣвъ въ то же время на Бетъ: — вы прошлый разъ упрекали ее, что она, въ своихъ отношеніяхъ къ вашимъ рабочимъ, дѣйствуетъ какъ художникъ, а вы — какъ чертежникъ. Можетъ-быть ея-то чувство мѣры вѣрнѣе вашего размѣриванія по циркулю.

Софья Михайловна тоже обратилась теперь къ сестрѣ и сказала:

— Да вѣдь вотъ ты, Бетъ, и мнѣ показывала твои «живыя картинки». Что-жъ, конечно, жизнь даетъ намъ только краски, а чтобъ изъ нихъ вышла хорошая картина, нужна рука хорошаго художника.

Помолчавъ, она задумчиво добавила:

— Нужно только любить свое искусство, любить до фанатизма, до самозабвенія. Иначе все будетъ жалкая посредственность.

Бетъ улыбалась, но слушала все это безъ особеннаго вниманія. Такіе разговоры мало занимали ее, и еще учиться тамъ чему-то у искусства она, конечно, и не подумаетъ. Зачѣмъ, когда она и такъ все сдѣлаетъ такъ хорошо, какъ только ей хочется!

И она была рада, что завтракъ кончился и всѣ пошли изъ кабинета, чтобы составить снаружи ея группу для эскиза, который обѣщала сдѣлать Софья Михайловна.

Стали усаживаться, кому какъ хотѣлось. Хрулевъ всталъ у кабинета, придерживая одной рукой велосипедъ. Софья Михайловна тѣмъ временемъ поставила немного подалѣ свой мольбертъ и раму съ полотномъ. Когда все было приведено въ порядокъ, Софья Михайловна сѣла на складной стулъ у мольберта, взяла карандашъ и

провела по полотну нѣсколько чертъ, набросавъ контуры кибитки и двухъ-трехъ фигуръ. Но потомъ она остановилась, стала вглядываться въ группу и задумалась. Черезъ нѣсколько минутъ она, качая головой, самымъ рѣшительнымъ образомъ встала и сказала:

— Ну, господа, извините меня, а писать я васъ не буду.

— Что такъ? Что вы? Отчего?—бросились къ ней всѣ съ вопросами.

— Не могу. Противно это моему художественному вкусу,—сказавъ, отвѣтила Софья Михайловна.

— Это, значить, мы можемъ себя поздравить!—сдѣлавъ комическую гримасу Хрулевъ.

— Ты не умѣешь?—наивно, съ простодушной улыбкой, спросила сестру Кетъ.

— Матушка, лучше не умѣть, чѣмъ писать это,—разсмѣялась Софья Михайловна. И потомъ, обращаясь ко всѣмъ, она серьезно сказала:—Нѣтъ, вы на меня не обижайтесь и не сердитесь, а писать такую группу около киргизской кибитки антихудожественно. Это то же самое, что писать рыжаго и клѣтчатаго англичанина на развалинахъ Акрополя. Выйдетъ каррикатура, а не картина. Мнѣ за васъ было бы обидно. На картинѣ не мѣсто вамъ въ этихъ костюмахъ и съ велосипедами около этой кибитки. Садитесь на прежнее мѣсто, и я сейчасъ съ васъ фотографію сниму. Фотографія все терпитъ, а у меня, у художника, кисть не слушается, чтобы писать это. Я лучше васъ всѣхъ напишу на террасѣ дома, а не здѣсь.

— Ну, отлично,—съ улыбкой сказала успокоившаяся Кетъ, и пошла занять свое прежнее мѣсто. За ней, хотя и немного разочарованные, встали на свои мѣста и другіе. А Софья Михайловна, уставшая теперь, при помощи Владиміра, фотографическій аппаратъ, продолжала говорить:

— И вотъ вамъ первый наглядный примѣръ, какъ надо учиться жить у искусства. Для истинно-художественнаго произведенія нужно единство содержанія и формы, нужна полная гармонія во всемъ. Я вотъ для этого и въ Хиву ѣду, что надѣюсь найти тамъ эту гармонію внутренней жизни людей съ внѣшними формами ихъ быта и со всей окружающей ихъ природой.

— Значить, мы здѣсь обречены на вѣчную дисгармонію?—шуточно спросилъ ее Хрулевъ.

— О, нѣтъ,—отвѣтила она,—зачѣмъ же на вѣчную! Вы найдется, какъ нѣмцы говорятъ, im Werden. Современемъ и гармоніи достигнете.

Фотографическіе снимки имѣли еще и то преимущество передъ эскизомъ, что были сдѣланы моментально—три, одинъ за другимъ. Затѣмъ, когда Софья Михайловна уложила аппаратъ и краски, всѣ пошли гулять по лугу.

На обратномъ пути домой въ усадьбу, Владиміръ шелъ рядомъ съ Софьей Михайловной и спросилъ ее:

— Вы говорите: учиться жить у искусства. Но вѣдь само искусство учится всему у природы и у жизни?

Она взглянула ему въ глаза смѣлымъ, увѣреннымъ взглядомъ и отвѣтила:

— Никогда. Искусство беретъ у природы и у жизни только матеріалъ. Творить оно по вдохновенію. А вдохновеніе—это совсѣмъ особый міръ, ничего общаго съ природой не имѣющій.

Прогостивъ двѣ недѣли, Софья Михайловна уѣхала. До желѣзной дороги ее проводили Катъ, Женья и Владиміръ. Это была веселая прогулка, и только Марья Дмитриевна съ Николаемъ Васильевичемъ могли находить ее настолько утомительной, что отказались отъ нея.

Прощаясь съ Владиміромъ, Софья Михайловна уже изъ окна вагона протянула ему руку. Онъ пожалъ ее и сердечно произнесъ:

— До скораго свиданія.

Она улыбнулась и сказала:

— Черезъ годъ, въ Петербургъ.

XXXVII.

Съ наступленіемъ осени и послѣ того, какъ Николай Васильевичъ ясно опредѣлилъ условія своихъ будущихъ дѣловыхъ отношеній къ Дмитрію Александровичу, Демины распрощались съ гостеприимными хозяевами, чтобы поѣхать закончить всѣ дѣла въ Отрадѣ, сдать все на руки старосты и въ началѣ октября устроиться въ Хрулевы въ Петербургъ.

Въ Москвѣ они ненадолго остановились, заказали здѣсь для могилъ Мани и Глаши двѣ одинаковаго размѣра мраморныхъ плиты съ надписями и чугунную рѣшетку, одну общую на обѣ могилы. Это должно было быть вскорѣ отправлено по желѣзной дорогѣ ближайшей къ Отрадѣ станціи.

Николай Васильевичъ изъ Москвы уѣхалъ въ Петербургъ снялъ одну изъ квартиръ, которая заранѣе присмотрѣлъ для нихъ Владиміръ, а Марья Дмитриевна отправилась съ дѣтьми въ Отраду — приготовляться къ отъѣзду.

Из каких бы прекрасных странъ ни возвращался человѣкъ въ «дому отечества», какой бы пышный дворецъ ни покидалъ онъ изъ многого угла, — стѣны собственнаго дома всегда производятъ въ первыхъ порахъ чарующее впечатлѣніе. Точно чувствуются что-то радостныя объятія, чья-то жданная и дорогая ласка. Такъ было и съ Марьей Дмитріевной и ея дѣтьми. Хотя теперь заботливыми руками Петровны ихъ домикъ содержался въ величайшемъ порядкѣ и чистотѣ, но начавшееся уже здѣсь въ послѣднее время рожденіе комфорта еще не успѣло сгладить всѣхъ слѣдовъ не-многого стремленія къ опрощенію и, конечно, въ Отрадѣ все было въ всякаго сравненія хуже, чѣмъ у Хрулевыхъ въ Булукахъ; все-таки Марья Дмитріевна почувствовала себя здѣсь дома, почувствовала вдругъ какое-то непонятное сожалѣніе, что все это ей надо бросить. Однако, это продолжалось недолго, и когда она зашла отдать себѣ отчетъ въ этомъ сожалѣніи, то замѣтила, что какъ будто жаль не себя за то, что она теряетъ это, а жаль нѣе усадьбу, жаль всю эту деревенскую жизнь, которая окружала ее, — жаль за то, что они, Демины, пришедшіе сюда искать покоенія, теперь, ища новыхъ бурь и простора, вѣроломно бросить и предадутъ забвенію всю эту безхитростную, сѣренькую жизнь, хотя она готова была служить имъ вѣрой и правдой и ни за что не повинна въ ихъ заблужденіяхъ. Такъ бываетъ жаль чужбѣе, котораго вы на время приблизили къ себѣ, обѣщали ему возмѣнить всѣ ваши сиды и дать ему мѣсто въ вашей душѣ, заставляли его дѣлать все такъ, какъ вамъ этого хотѣлось, были довольны его исполнительностью, и вдругъ, разочаровавшись въ своихъ собственныхъ желаніяхъ, оттолкнули его и предали забвенію, оставивъ въ его сердцѣ пустоту и недоумѣніе. Такъ было и съ Марьей Дмитріевной и Лушю, которая теперь беззавѣтно прилепалась къ Деминымъ, но которую Марья Дмитріевна не хотѣла отпускать въ Петербургъ, потому что Луша представляла бы слишкомъ резкій контрастъ со всѣмъ складомъ петербургской жизни. Уже и тогда, какъ только начался маленькій поворотъ къ барскимъ порядкамъ, Луша оказалась неспособной свыкнуться съ ними. Она не могла работать до упаду, не жалѣя силъ и не измѣняя своему веселому настроенію духа, но она никакъ не могла приучиться ставить вещи на разъ опредѣленные мѣста, не стлать скатерть, не ходить съ растрепанной косичкой, — словомъ, не могла привыкнуть того, что было второй натурой ея самой и той среды, въ которой она выросла и воспиталась.

Вопросъ о постановкѣ общаго памятника надъ утонувшими дѣвочками былъ рѣшенъ черезъ посредство отца Иннокентія еще до отъѣзда Деминыхъ къ Хрулевымъ; тогда на его предложеніе Сергѣй Михайловъ, не долго подумавъ, въ знакъ согласія только молча низко поклонился. Теперь Марья Дмитріевна хотѣла извѣстить Анну Ивановну, что памятникъ скоро прибудетъ, назначить день его постановки и панихиды. Воспользовавшись временемъ, когда Сергѣй Михайловъ куда-то уѣхалъ, она пошла къ Марѣ и послала узнать, можно ли ей прійти къ Аннѣ Ивановнѣ. Она при этомъ не имѣла прямой цѣли, но втайнѣ рассчитывала, что ей представится случай увидать на прощанье своего внука.

Анна Ивановна, разумѣется, не могла отказать ей въ пріемѣ и встрѣтила ее съ почтеніемъ, хотя безъ лишней любезности. Но Аннушки съ ребенкомъ дома не оказалось. Дѣвушка, прослышавъ, что Демины переѣзжаютъ жить въ Петербургъ, теперь еще упрямѣе отказывалась показать имъ ребенка. Она теперь уже боялась не только, что его оглазятъ, но, сама влюбленная въ него до безумія, думавшая, что нѣтъ ничего на свѣтѣ краше ея мальчика, боялась, что какъ только его увидятъ, такъ и захотятъ отнять его у нея и опять внесутъ въ ея жизнь смуту и горе, тогда какъ теперь она уже вполне освоилась съ своимъ положеніемъ, успѣла уже отказать посватавшемуся было за нее немногому жениху и ходила королевой.

А Марья Дмитріевна изъ этого посѣщенія вынесла только одно впечатлѣніе: «Черства душа крестьянина».

Николай Васильевичъ пробылъ въ Петербургѣ недѣлю; а когда онъ вернулся въ Отраду, у Марьи Дмитріевны все уже было готово къ переѣзду семьи въ Петербургъ, все уложено.

Прибыли изъ Москвы и надгробныя плиты съ рѣшеткой. Достали изъ села печника, и онъ въ нѣсколько дней выложилъ надъ могилками цоколь для рѣшетки и установилъ плиты. Въ ближайшее затѣмъ воскресенье, въ день, назначенный для отъѣзда въ Петербургъ, надъ новымъ памятникомъ отслужили панихиду.

Сейчасъ же послѣ панихиды Марья Дмитріевна устроила для маленькихъ крестьянскихъ дѣтей поминки по Манѣ. Угостивъ ребятъ блинами и медовой сытой, она стала раздавать принадлежавшія покойницѣ вещи. Марья Дмитріевна раздавала ихъ всѣ, оставивъ себѣ только ту бѣлую шляпку, которая была на Манѣ въ то время, какъ она упала въ воду, да еще нѣсколько ея бездѣлушекъ на память—себѣ, мужу и своимъ дѣтямъ. Все остальное она тер-

блжно распредѣляла теперь между собравшимися въ столовой дѣвочками и мальчиками, отдавая каждому ребенку то, что ей казалось наиболѣе для него подходящимъ: и платица, и бѣлье, и нитки, и игрушки.

А когда все было роздано, и дѣти, пролепетавъ ей каждый по-своему: «Пасибо, барыня!» — стали выходить одинъ за другимъ на крыльцо и гуськомъ потянулись мимо окна, группируясь у воротъ усадьбы и радостно хвастаясь другъ передъ другомъ полученными подарками, Марья Дмитріевна подошла къ окну и, прижавшись лбомъ къ стеклу, долго смотрѣла на уходившихъ. Вотъ, маленькая дѣвочка, Марьяна дочка, повязавъ на шею Манинъ розовый платочекъ, бѣжитъ и прыгаетъ отъ радости!... Вотъ, другая дѣвочка, бѣлокурая, пятилѣтняя Саня, дочь церковнаго сторожа и погильщика изъ Смѣшенья, тащитъ бѣлокурую, голубоглазую горящую куклу, которую Маня такъ заботливо укладывала при отъѣздѣ изъ Петербурга; и эта крошка сдвигаетъ и раздвигаетъ куклу, заставляя ее произносить «папа» и «мама», и, довольная ея послушаніемъ, цѣлуетъ ее въ ея фарфоровыя губы.

Каждая изъ вещицъ, которыя уноситъ эта вереница дѣтей, такъ хорошо знакома Марьѣ Дмитріевнѣ!... И передъ ней какъ бы вновь проносятся въ похоронной процессіи ея дорогую погибшую дѣвочку, только уже проносятся ее растерзанную на клочки...

Марьѣ Дмитріевнѣ вспоминается въ эту минуту, — вспоминается не въ подробностяхъ, а однимъ общимъ настроеніемъ, — одна изъ прогулокъ ея съ Маней по лѣсу. На дорогѣ имъ попался большой муравейникъ, отъ котораго во все стороны шли прочищенные во мху большія и маленькія дорожки, и тысяча муравьевъ бѣгали взадъ и впередъ по нимъ, отправляясь на добычу и волоча издалека въ свой муравейникъ и мелкіе прутики, и хвои, и зернышки, и лепестки цвѣтовъ, — настоящій городъ съ трудолюбивымъ населеніемъ, съ большими шоссевыми и проселочными дорогами, съ ближними и дальними рынками. Маня заинтересовалась этимъ движеніемъ и остановилась надъ кучкой муравьевъ, копошившихся на одной изъ маленькихъ дорожекъ. Присѣла, глядя на нее, и Марья Дмитріевна, и онѣ вмѣстѣ стали разсматривать, что тутъ дѣлаютъ муравьи. А муравьи поймали хорошенькую Божью коровку и терзали ее. Коровка еще копошилась, хотя они уже успѣли перевернуть ее на спину. Но вотъ два-три муравья впились въ нее, и она перестала шевелить ножками — убита. Потомъ муравьи долго, долго возились надъ ней и растерзали ее на части; они оторвали ей голову, оторвали красивыя, пестрыя крылышки, разобрали одну за

другой ножи, высосали брюшко, и эти ее останки повлекли, как добычу, въ свой муравейникъ. Маня, съ широко-раскрытыми глазами и съ сжатыми въ глубокомъ недовольствѣ губами, все время молча смотрѣла на эту сцену и, наконецъ, уткнувшись лицомъ въ колѣни матери, заплакала. Это былъ первый случай, когда Марья Дмитріевна въ душѣ усомнилась въ необходимости самаго существованія и безпечныхъ Божьихъ коровокъ, и трудолюбиваго муравья, и вспомнила, что сказала ей когда-то Софья Михайловна, что въ природѣ есть много лишняго, много ненужнаго.

И какъ Маня дождалась полного растерзанія Божьей коровки, — какъ бы все еще надѣясь, что это жестокое дѣло не совершится, — такъ теперь Марья Дмитріевна, прижавъ руку къ сердцу, съ широко раскрытыми, воспаленными глазами смотрѣла въ окно, какъ дѣти, одинъ за другимъ, до послѣдняго, уходили изъ воротъ усадьбы, унося клочки ея Божьей коровки—Маня.

И она выдержала это до конца, какъ будто только для того, чтобы потомъ упасть въ рыданія на руки стоявшаго около нея Николай Васильевича.

Ни въ этотъ вечеръ, ни въ слѣдующій они уѣхать не могли, — Марья Дмитріевна два дня пролежала въ постели, и только на третій день Николай Васильевичъ поспѣшилъ, наконецъ, увезти ее, все еще больную, изъ усадьбы.

XXXVIII.

Переездъ по желѣзной дорогѣ встряхнулъ Марью Дмитріевну и предохранилъ ее отъ возможности окончательно расхвораться. А новизна обстановки, въ которую она попала въ Петербургъ, радовала ее. И послѣ нѣсколькихъ дней приведенія въ порядокъ новой квартиры, послѣ заботъ объ учителяхъ и учительницахъ для Жени и Миши, — дѣтей рѣшено было подготовить къ соотвѣтствующимъ классамъ гимназій, — Марья Дмитріевна, какъ только у нея оказалось свободное время, почувствовала себя опять настоящей горожанкой. Она чувствовала, что опять любить Петербургъ, какъ любила его когда-то прежде, со всѣми его достоинствами и недостатками, со всею прелестью и всѣми невзгодами большого города.

Она ежедневно ходила теперь гулять съ Женей и Мишей въ городскіе скверы и на Дворцовую набережную, ходила гулять въ три часа по Большой Морской и Невскому, она точно отогрѣвалась среди той пестрой толпы, которая, послѣ дачной жизни, вернувшись домой, съ обновленною любовью къ своему Петербургу, высыпала

теперь на тротуары этихъ улицъ. А по вечерамъ Марья Дмитриевна бѣжала кататься, чтобы любоваться Петербургомъ при электрическомъ освѣщеніи. И все было ей мило въ этомъ родномъ городѣ: и вереницы экипажей, и окна магазиновъ, полныя предметовъ роскоши, и свѣтъ электрическихъ фонарей, затмевавшихъ луну, и звонки конокъ, и вся суетливая, повидимому безсмысленная, жизнь улицы, все безконечное разнообразіе лицъ, нарядовъ и походовъ. Во всемъ этомъ Марья Дмитриевна находила красоту и въ частности, и въ гармоніи цѣлаго. И какъ сама она еще не знала, какая будетъ теперь ея роль, такъ неизвѣстна была ей и роль отдельныхъ лицъ въ этой куда-то бѣгущей толпѣ; но она говорила себѣ: «Ну, да, пусть и они не знаютъ, къ чему они всѣ стремятся, пусть жизнь ихъ кажется даже безцѣльною, пустою, безсмысленною суетой; но рано или поздно, не они, такъ ихъ потомки, вступить наконецъ въ кругъ осмысленнаго, истинно человѣческаго существованія. А тамъ, въ этихъ сосновыхъ лѣсахъ, на этихъ однотонныхъ поляхъ и лугахъ, тамъ вѣчный застой, тамъ все то же, что было тысячу лѣтъ назадъ, и ничто не двигается, ничто не можетъ само по себѣ двинуться иначе, какъ вотъ упѣвившіеся за хвостъ этой «безсмысленной толпы!...»

Марья Дмитриевна въ своемъ увлеченіи представляла теперь себѣ эту городскую толпу, — не только въ ея внѣшности, но и во всемъ разнообразіи ея духовной жизни, — какъ роскошный цвѣтникъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, а рядомъ съ ней всю жизнь черноземной крестьянской силы, какъ однообразный слой мха, покрывающій въковыя болота. И у нея ни одной минуты не было сомнѣнія, чему она отдастъ предпочтеніе. Мохъ даже и не росъ, онъ только пухъ; здѣсь — цвѣтокъ смѣнялся цвѣткомъ, падалъ одинъ, зацвѣталъ другой, — все стремилось наперерывъ другъ передъ другомъ проявить свою красоту, и каждый работалъ для красоты цѣлой картины: одни давали форму, другіе — содержаніе, и хотя бытъ можетъ спотыкаясь и блуждая, но всѣ шли, всѣ вели другъ друга къ какой-то общей, завѣтной цѣли. Всѣ уходили отъ застоя, отъ дикой природы...

Но какъ выздоровѣвшій больной все еще не вѣритъ своему выздоровленію, все еще не рѣшается двинуть съ прежней смѣлостью и силой недавно болѣвшими членами, все еще боится, что вотъ-вотъ опять вернется его болѣзнь, такъ и Марья Дмитриевна минутами сомнѣвалась въ силѣ и искренности чувства любви, которая у нея опять проявилась въ Петербургѣ и цивилизаціи. Ей все еще думалось, права ли она. Не было ли ея возвращеніе въ Петербургъ

малодушіемъ, трусостью, не было ли оно простымъ бѣгствомъ «стана погибающихъ» въ «станъ ликующихъ»? И она готова была схватиться за всякую книгу, за всякую статью, которая оправдала бы ея новое настроеніе; поэтому тѣмъ охотнѣе проводила теперь цѣлыя часы въ разговорѣ съ Владиміромъ, и часто имѣла съ нимъ вдвоемъ ѣздила кататься вечеромъ по Петербургу.

Владиміръ, бывшій теперь уже на четвертомъ курсѣ, значительно измѣнился духовно. Тѣ замашки быть цинично-практичнымъ, которыя онъ проявлялъ юношей, только-что кончившимъ гимназію, замашки, казавшіяся тогда Марьѣ Дмитріевнѣ смѣшными и даже отталкивающими, теперь у него совершенно исчезли. Онъ былъ уже не мальчикъ, игравшій понравившимися ему смѣлыми теоріями и возбуждавшій этимъ негодованіе своей матери, а чужбѣ, хотя еще не искушенный жизненнымъ опытомъ, но уже безъ этого опыта умѣющій смотрѣть на всѣ явленія жизни со всѣхъ сторонъ. Если недавно, въ Булукахъ, онъ въ глаза посмѣлся надъ отцомъ, что у того «совершился обмѣнъ веществъ», тотъ благополучно переварилъ тяжелое блюдо опрощенія, то сейчасъ онъ за это время переварилъ и свой скороспѣлый марксизмъ: свое поверхностное нищезанство, и если научился становиться гранью «внѣ добра и зла», то лишь затѣмъ, чтобъ яснѣе видѣть туда и добро и зло въ каждомъ жизненномъ явленіи.

Еще самому «опрощенію» онъ относился уже не съ тѣмъ высиживаніемъ, какое обнаружилъ вначалѣ. Онъ уже видѣлъ въ отчисто-русскомъ явленіи не одну только неустойчивость настроенія русскаго общества, а видѣлъ въ немъ нашу умственную впечатлительность и сердечную отзывчивость, наше духовное превосходство надъ болѣе черствыми, болѣе эгоистичными характерами народа Запада; онъ находилъ, что и оно принесло свою долю пользы, — народу, — потому что оно не было борьбой за интересы народа, не самымъ опростившимся, сыгравшимъ служебную роль, а — оно полезно всему слою интеллигенціи, какъ извѣстная фаза развитія.

И теперь какъ-то незамѣтно, день за днемъ, Марья Дмитріевна все болѣе и болѣе умственно подчинялась сыну. Она сама постоянно вызывала его теперь на разговоры, словно желая наверстать что было не договорено между ними за время ихъ разлуки, походившей даже на взаимное отчужденіе. Въ свою очередь и Владиміръ проявлялъ теперь къ матери необычайную нѣжность и вниманіе: когда онъ теперь говорилъ съ ней, онъ все, что противорѣчило прежнимъ взглядамъ, облакалъ въ самыя мягкія формы. Онъ

надъ тѣмъ не сибѣлся, ничего не порицалъ и только все анализировалъ, не боясь показывать обратную сторону медали. И меньше всего позволялъ онъ себѣ поднимать на пьедесталъ свои собственные взгляды и теоріи и говорилъ:

— Мама, я, прежде всего, не знаю, хорошо ли, худо ли я поступаю въ своей жизни, но важно уже то, что я говорю, что я не знаю этого. Я стараюсь быть лучше, но кто мнѣ скажетъ, что именно есть самое лучшее въ мірѣ. Я вижу только, что каждый пророкъ кричитъ, что онъ одинъ знаетъ вѣрный путь къ спасенію, и кричитъ до тѣхъ поръ, пока съ полнымъ убѣжденіемъ не договорится до абсурда.

Въ другой разъ Владиміръ сказалъ матери:

— Я знаю, что, въ твоихъ глазахъ, на моей душѣ лежитъ одинъ жверный поступокъ... тамъ, въ Отрадѣ. Ну да, скажи, что я дрянной человѣкъ, что я эгоистъ, что я безнравствененъ, безсердеченъ, ну, все, что хочешь, — я не стану даже оправдываться, не буду даже объяснять это легкомысліемъ молодости, не буду даже объяснять общимъ строемъ. Я приму на вѣру всѣ обвиненія, какія ты и другіе можете возвести на меня. Въ свое оправданіе отвѣчу только одно: а можетъ-быть все это и нужно въ общемъ ходѣ мировой эволюціи, можетъ-быть я слѣпое орудіе судьбы, можетъ-быть то, что я или другіе считаемъ за зло, есть благо, и наоборотъ. Почему я знаю. *Можетъ быть.* Ренанъ обращался къ своимъ слушателямъ съ просьбой прибавлять къ каждой его мысли, которая можетъ показаться парадоксальной, слово *peut-être*. Мамочка, ты человѣкъ идеальный, на твою жизнь, не только прошлую, но и будущую, я смотрю и буду смотрѣть, какъ на новую страницу въ общемъ мартырологѣ русскихъ женщинъ. И я прошу тебя, милая, дорогая мамочка: ко всѣмъ моимъ поступкамъ, ко всѣмъ моимъ мнѣніямъ, ко всѣмъ моимъ словамъ ставь всегда только одно снисходительное слово — *peut-être*.

— Но самъ-то ты, кажется, не всегда былъ такъ снисходителенъ къ другимъ, — съ улыбкой возразила ему Марья Дмитриевна.

— Прежде — нѣтъ, теперь — да, — отвѣтилъ Владиміръ. — Но ты только, пожалуйста, не подумай, что у меня за этимъ *peut-être* скрывается полное равнодушіе ко всему, — поспѣвши онъ добавитъ съ нѣкоторою горячностью, — нѣтъ, мамочка, индифферентизмъ я не страдаю. Я знаю, что даже и такъ называемый объективизмъ не творческая сила. Но я еще не нашелъ, что любить и что не любить. Люди прежнихъ поколѣній были болѣе страстны и бо-

лѣе рѣшительны въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что были болѣе непосредственны, а мы, видѣшіе примѣры ихъ неуспѣха и ихъ разочарованій, остановились недоумѣніи, стали осторожныѣе. Мы къ нашимъ цѣлямъ еще не шли, быть-можетъ, и настоящихъ идеаловъ не выработаемъ; но о то, тѣ-то, прежніе, они вѣдь уже прошли, ихъ нѣтъ—и жизнь задъ не пойдетъ.

— Ты знаешь, мнѣ кажется, у тебя это наслѣдственное, исканіе идеаловъ, — сказала ему Марья Дмитріевна, въ раздуміе смотря впередъ безъ опредѣленной цѣли. — Я тоже...

— А я такъ даже думаю, — прервалъ ее Владиміръ: — что всѣхъ мыслящихъ людей нашего времени это наслѣдіе отъ прошлаго поколѣнія. — Помолчавъ, онъ продолжалъ: — Наше настоящее существованіе—это все еще только война цивилизаціи природой, война человѣческаго начала со звѣрскимъ. Люди—даты. Побѣждать и будутъ благоденствовать.

— И это благоденствіе будетъ заключаться въ роскоши, ли? — попрежнему задумчивая, съ оттѣнкомъ недовѣрія спросила Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, мама. Благоденствіе должно заключаться въ независимости отъ всякихъ внѣшнихъ силъ. Роскошь это только атрибутъ прогресса, а не самый прогрессъ. Телефонъ, на примѣръ, роскошь; онъ только обуславливаетъ независимость человѣка внѣшней силы, отъ силы разстоянія. Но чтобы телефонъ явился, нужна была вся обстановка современной культурной жизни. Роскошь—понятіе условное, и для массъ она нужна, какъ обрядъ—сторона религіи прогресса.

Этотъ разговоръ между матерью и сыномъ, начавшійся въ лѣсъ во время ихъ вечерняго катанья вдвоемъ, продолжался и послѣ ужина, когда Марья Дмитріевна вошла въ комнату. Онъ продолжался еще и тогда, когда было уже далеко за полночь, когда всѣ уже въ домѣ спали и были потушены огни во всѣхъ комнатахъ дома, кромѣ комнаты Владиміра.

— Итакъ, ты ни съ какой точки зрѣнія не одобряешь мои попытки къ опрощенію?—спросила Марья Дмитріевна, уже сражаясь уходить.

Хотя все, что Владиміръ говорилъ и раньше и теперь, заставляло ее ожидать только отрицательнаго отвѣта и дѣлало самый вопросъ неумѣстнымъ, она тѣмъ не менѣе задала его для се-

успокоенія, какъ бы желая еще въ послѣдній разъ удостовѣриться, что, вернувшись въ Петербургъ, она только исправила ошибку.

Владимиръ хотѣлъ было сказать ей въ отвѣтъ тѣ нѣсколько словъ, которыя у него нашлись бы въ защиту тенденціи къ опроценію, какъ временной фазы общественнаго развитія, но, посмотрѣвъ на мать и чувствуя, что ей въ эту минуту гораздо важнѣе услышать то, что поддержало бы ее въ ея новомъ настроеніи, чѣмъ что такое, что снова охватило бы ея еще не окрѣпшій духъ соображеніями, онъ заговорилъ въ успокаивающемъ тонѣ:

— Культурный человѣкъ не имѣетъ права добровольно опростаться. Опростители, думая, что они дѣйствуютъ во имя духа, не замѣчаютъ, что они все сводятъ къ самому грубому материализму. Люди, у которыхъ ноги не достаточно крѣпки и сердце не достаточно сильно, чтобъ они могли взбираться на горы культуры, хотятъ скрыть эти горы. Зачѣмъ? Это лишило бы всѣхъ возможности пользоваться благодѣтельными переменами климата. Цивилизація заботится о слабыхъ гораздо больше, чѣмъ они сами въ состояніи для себя сдѣлать. Она въ самыхъ горахъ духа проводитъ туннели и фуникулярки и стремится сдѣлать каждому доступнымъ то, что когда-то было никому недоступно. Только съ высокихъ вершинъ открываются широкіе горизонты. Каждое растение требуетъ себѣ подходящей почвы и климата для роста, такъ и идеи возникаютъ и растутъ только въ подходящей для нихъ средѣ. И истиннаго *человѣческаго* счастья нѣтъ внѣ жизни цивилизованныхъ центровъ, — есть спячка, есть мурлыканье, есть дрема въ сельской тишинѣ; но жизнь и счастье только тамъ, гдѣ каждый новый день приноситъ новые успѣхи культуры, новыя побѣды человѣка надъ природой. *Semper excelsior!*

— Значить, что же: по-твоему надо совсѣмъ упразднить сельскую жизнь, совсѣмъ забыть о существованіи деревни? — спросила Марья Дмитриевна.

— Я не говорю, этого мама, — отвѣтилъ Владимиръ спокойно. — Мы вѣдь говорили не о томъ, какія человѣчество проходитъ стадіи, идя къ неопредѣлившейся еще до сихъ поръ цѣли, — мы говорили объ «опроценіи», и я хочу доказать тебѣ, что призывъ къ нему равносильнъ призыву замуроваться заживо въ одной братской могилѣ. Червякъ превращается въ гусеницу, гусеница въ бабочку, — и возвратъ въ предшествовавшія фазы невымыслимъ. Я не хочу этимъ сказать, что интеллигентному человѣку не слѣдуетъ никогда спускаться въ деревню, — совсѣмъ нѣтъ! Но идти туда надо не затѣмъ,

чтобъ хоронить тамъ всё завѣты культуры, чтобъ закапывать тамъ на недосигаемую глубину всё надежды цивилизаціи, — ихъ тамъ надо сѣять и заботливо ухаживать за всходами.

— Значить, все-таки постоянное житье тамъ? — спросила Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, — не задумываясь, отвѣтилъ Владиміръ. — Надо обновляться. Надо, чтобы происходилъ постоянный обмѣнъ между столицей — культурнымъ городомъ вообще — и деревней. Нужно, такъ сказать, правильное кровообращеніе интеллигенціи въ организмъ страны. Прежде всего уже потому, что самая энергія культурнаго человѣка, самые нервы требуютъ соотвѣтственной пищи, а ее даетъ только городская, и въ особенности столичная, жизнь. Естественно, что сюда, какъ къ источнику, стремятся лучшія силы страны до тѣхъ поръ, пока не начинаютъ чувствовать, что имъ здѣсь становится тѣсно. Тогда начинается взаимное вытѣсненіе другъ друга. Такимъ образомъ трудность борьбы за существованіе въ культурныхъ центрахъ сама по себѣ становится факторомъ культуры, факторомъ расширенія ея периферіи.

— Однако, меня вытѣснила отсюда не борьба, — возразила Марья Дмитріевна.

— Да, не самая борьба, если хочешь, — сказалъ на это Владиміръ, — но зато видъ этой борьбы и весь тотъ сирадъ, который является неизбѣжнымъ на поляхъ битвы.

— Постой, Володя. Ты говоришь, что сюда стремятся, какъ къ источнику свѣта, а въ то же время говоришь, что меня отсюда выгналъ сирадъ борьбы.

— Что-жъ, это не противорѣчитъ одно другому, — разсѣялся Владиміръ. — Источникъ свѣта — культура — остается источникомъ свѣта, а борьба за нее — борьбой. Я вѣдь не говорю, что жизнь культурныхъ обществъ устроена идеально, — нѣтъ. Но стремленія то ихъ идеальны. Въ то время, какъ опростители, подъ предлогомъ упраздненія господъ, хотять, чтобъ всё были одинаково ничтожными рабами природы, цивилизація стремится, наоборотъ, къ тому, чтобы совсѣмъ не было рабовъ, потому что въ рабахъ не должно быть надобности, должны быть только одни господа — владыки надъ рабой природой.

— Ты знаешь, Володя, я возненавидѣла природу, — прервала его Марья Дмитріевна. Какъ бы предугадывая, что это должно показаться ему страннымъ, она добавила: — Серьезно...

Владиміръ съ улыбкой взглянулъ на нее и сказалъ:

— Ты это не отъ Софьи Михайловны заразилась?

— А что?—спросила Марья Дмитриевна.

— Да она, какъ-то въ Култукахъ, тоже говорила мнѣ по поводу любви къ природѣ, что природа всего лучше олицетворяется боделеровской «Une chagogne».

— Что это такое?

— Ты не читала это стихотвореніе? Прочти,—сказалъ Владиміръ.—Въ немъ описывается гниющая, покрытая червями падалъ. Такъ ужъ если быть послѣдовательнымъ въ любви къ природѣ, такъ надо любить каждую букашку, радоваться ея жизни, любить моль, любить червей, которые будутъ ѣсть тебя въ могилѣ.

— Я возненавидѣла природу, — спокойно повторила Марья Дмитриевна.

— Софья Михайловна хотя и не говорила этого, — смѣясь, сказалъ Владиміръ:—но она тоже находила, что въ противорѣчій законамъ природы есть своего рода святость. Пожалуй, она даже права въ одномъ отношеніи: несправедливо требовать отъ человѣка, воспитаннаго для культурныхъ задачъ, приспособленія къ условіямъ животнаго существованія. Культурному человечеству пора думать о другихъ, о новыхъ условіяхъ жизни физической. Разумѣется, пока мы этихъ новыхъ формъ не нашли, надо умѣть пользоваться старыми. Съ природой все-таки приходится жить въ мирѣ и согласіи, а ненавидѣть ее зачѣмъ же! «Любите враговъ вашихъ!» Но дѣлать изъ природы предметъ культа, какъ ты было вздумала это,—вотъ этого не слѣдовало. Это значило отречься отъ лучшей половины своего человѣческаго я.

И когда Марья Дмитриевна, простившись съ сыномъ, чтобы идти въ свою спальню, вышла изъ его комнаты въ темный коридоръ, онъ немного проводилъ ее и потомъ, подавая ей зажженную свѣчу, съ шутливой улыбкой произнесъ:

— Дѣлатели цивилизаціи, дѣлатели прогресса, это тѣ мудрыя евангельскія дѣвы, которыя встрѣтятъ жениха—общее счастье—съ зажженными свѣтильниками въ рукахъ. Тѣ же, кто противится этому прогрессу, кто идетъ назадъ къ мачихѣ природѣ, окажутся въ роли глупыхъ дѣвъ и въ критическую минуту не найдутъ ни масла для своихъ свѣтильниковъ, ни сочувствія. И если мудрые окажутся такими же безсердечными, какъ евангельскій женихъ, и не откроютъ имъ дверей въ покои, гдѣ будетъ совершаться брачное пиршество, то ихъ ждетъ печальная участь. Покойной ночи, мамочка, и желаю тебѣ увидѣть себя во снѣ въ одѣяніи мудрой дѣвы.

И онъ поцѣловалъ ея руку.

Она поцѣловала его въ голову и сказала:

— Покойной ночи, Володя.

И пошла къ себѣ.

... Да, она чувствовала себя выздоровѣвшей, она чувствовала, что уже никогда не погаснетъ данный ей судьбой въ руки свѣтильникъ, и она будетъ заботливо подливать въ него масло знанія. Но, вдумываясь въ евангельскую притчу, она не хочетъ примириться на мысли о жалкой участи глухихъ, но неповинныхъ дѣвъ, и она думаетъ о томъ, нельзя ли сдѣлать какъ-нибудь такъ, чтобы до прихода жениха разбудить ихъ всѣхъ и дать возможность и имъ встрѣтить его съ зажженными свѣтильниками...

... Она выздоровѣла, она не пойдетъ больше въ эту больницу, какой была для нея деревенская глушь; но какъ выздоровѣвшій больной съ благодарностью вспоминаетъ своихъ врачей и сидѣлокъ и отъ всей души желаетъ выздоровленія тѣмъ, кто еще остался на ихъ заботливомъ попеченіи, такъ и Марья Дмитриевна съ чувствомъ живой симпатіи вспоминала теперь Рогачевыхъ, отца Иннокентія и Игнатьевыхъ, вспоминала Лушу, Марью и Ивана, вспоминала Сергѣя Михайлова и «по милости Создателя» Савелія, и все православное крестьянство русское. Въ душѣ у нея разливалось какое-то теплое чувство къ нимъ, и въ эту минуту ей такъ хотѣлось всѣмъ имъ, какъ роднымъ, сказать: «Спокойной ночи!» — что она, улыбаясь, почти громко произнесла эти слова.

А эта мысль и эти звуки вызвали въ ея памяти стихотвореніе, когда-то въ дѣтствѣ ея любимое, теперь на половину позабытое; она силилась припомнить его все, но ея губы шептали только наиболѣе врѣзавшіяся въ памяти строки:

Пожелаемъ тому доброй ночи,

Кто все терпитъ во имя Христа...

.....

Чьи работаютъ грубыя руки,

Предоставивъ почтительно намъ

Погружаться въ искусства, въ науки,

Предаваться мечтамъ и страстямъ...

«Нѣтъ, нѣтъ!» — рѣшительно сказала она сама себѣ: — я здѣсь не затѣмъ, чтобы только предаваться мечтамъ и страстямъ. Я здѣсь, — но мое сердце будетъ возлѣ тѣхъ и память о нихъ со мной.

Эта ночь все-таки не была для Марьи Дмитриевны «покойной», —

ей мысли долго не давали ей заснуть и до утра тревожили ее сонъ, чередуя видѣнія свѣтлыя съ видѣніями мрачными.

Но утромъ она встала бодрая и спокойная: она была увѣрена, что правый путь она все-таки найдетъ!

Когда быстро, какъ-то торопливо одѣвшись, она подошла къ окну и отдернула штору, она увидала, что на улицѣ стоялъ непроницаемый туманъ. Но хотя не видно было ни улицы, ни зда- ній, туманъ казался рѣдѣющимъ, почти прозрачнымъ. Чувствова- лось, что гдѣ-то сейчасъ же за нимъ, близко, поднимается въ высь солнце. А словно напоминая, что за туманомъ скрыта не мертвая, безпредѣльная пустыня, раздался мощный ударъ колокола: былъ праздни- къ, у Исакія начинали благовѣстить.

Ал. Луговой.

ТОНКИЙ ЗНАТОКЪ ЖИЗНИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Габріэлы Рейтеръ.

Одну изъ характернѣйшихъ особенностей современнаго нѣмецкаго романа составляетъ, на-ряду съ реальнымъ изображеніемъ жизни общественныхъ классовъ, стремленіе къ психологическому анализу. Это все возрастающее стремленіе сказывается на молодой, но чрезвычайно популярной въ Германіи писательницѣ Габріэлѣ Рейтеръ. Въ началѣ 90-хъ годовъ Рейтеръ напечатала коротенькую автобіографію въ одномъ изъ нѣмецкихъ иллюстрированныхъ журналовъ, помѣстившемъ ея портретъ, хотя она тогда еще не была знаменитостью. Несмотря на шуточный тонъ этой автобіографіи, она даетъ очень интересныя свѣдѣнія о первыхъ шагахъ литературной дѣятельности молодой писательницы, объ ея поискахъ подходящаго для ея таланта матеріала. Рейтеръ родилась и провела дѣтство въ Египтѣ, около Александріи, на берегу канала Махмудіе, соединяющаго Нилъ съ моремъ. Стремленіе къ литературной дѣятельности обнаружилось у нея очень рано; но уже 14 лѣтъ она серьезно разочаровалась въ своемъ писательскомъ талантѣ. «Я не могла болѣе заблуждаться относительно того, — говоритъ она въ своей автобіографіи, — что пѣсни Гёте и Гейне благозвучнѣе моихъ. Въ то же время я навсегда простила съ драмой; а что можно проявить художественную дѣятельность въ новеллѣ и въ романѣ — эта мысль тогда мнѣ совсѣмъ не приходила въ голову». Когда три года спустя Рейтеръ выступила съ печатной работой, то она руководствовалась уже совсѣмъ другими побужденіями. «Я хочу быть добросовѣстной, — говоритъ она, — когда я 17 лѣтъ обработала для Magdeburgische Zeitung мои египетскія воспоминанія, я сдѣлала это, главнымъ образомъ, ради презрѣнной выгоды. Это было постыдно, но подумайте: изъ Египта, гдѣ моя нянька, дикая негрятинка съ юга, однажды едва не убѣжала со мной въ пустыню, гдѣ я училась бѣгать подъ сикоморами и миртами, гдѣ я вмѣстѣ съ братьями играла на берегу голубого Средиземнаго моря обломками мозаики изъ дворца Клеопатры, — отъ всего этого меня перевезли въ Нейгальденслебенъ около Магдебурга. Отецъ мой умеръ, и мнѣ предстояла пер-

хотѣла остаться всю жизнь, можетъ быть 70 лѣтъ, въ Нейгальденсле-
мѣ мало Магдебурга. Правда, въ этомъ городѣ были удовольствія: ба-
ны, собранія за кофе, прогулки въ Папенбергъ, но я не могла выно-
сить этого и стремилась вонъ. Поэтому я написала свою статейку
и тайно спрятала полученный за нее гонораръ». Надежды Рейтеръ
исполнились, и она переселилась въ Веймаръ съ цѣлью пополнить свое
образование, скудость котораго она нисколько не скрываетъ въ своей авто-
биографіи. «Моя мать и всѣ мои родственники вдругъ нашли, что я соб-
ственно необыкновенное созданіе и что было бы жалъ, еслибы умъ, который
можетъ издумывать хорошо оплачиваемые фельетоны, не получилъ необ-
ходимого возбужденія для дальнѣйшаго творчества».

«Благодаря этому сдѣлалось возможнымъ переселеніе въ Веймаръ. Въ
Веймарѣ я познакомилась съ Фаустомъ Гёте и еще кое съ чѣмъ изъ нѣ-
сколькой литературы. До сихъ поръ мое образованіе было нѣсколько въ за-
висимости отъ Губернантга, нѣсколько мѣсяцевъ въ институтѣ, а потомъ отъ 17
до 20 лѣтъ стоять у очага и «возжигать огонь», чинить панталоны
и швы, штопать ихъ чулки, а для духовной пищи Вильдермутъ, Марія
Кунцъ, пара антологій, да два тома старая Gartenlaube—вотъ и все.
Тѣмъ не менѣе Tägliche Rundschau и Вильгельмъ Фридрихъ въ Лейпцигѣ знали
меня, они навѣрное не напечатали бы моего перваго романа *Счастье и
денги* (*Glück und Geld*)».

Первый романъ Рейтеръ не богатъ художественными достоинствами.
Моя писательница еще не созрѣла и не оцѣнила своей способности тон-
ко наблюдать жизнь, глубоко проникать въ человѣческую и особенно
женскую душу, что впоследствии создало ей громкую литературную
дѣятельность. «Этой книгой,—говоритъ Рейтеръ о своемъ первомъ романѣ,—
хотѣла дать удовлетвореніе своей внутренней потребности, хотѣла сдѣ-
лать что-нибудь для христіанства, а если мнѣ теперь нужно высказать
свое мнѣніе объ этомъ романѣ, то я должна сказать, что его достоинство
состоитъ совсѣмъ въ другомъ: изображеніе египетскаго ландшафта и
жизни тамъ вѣрнѣй и правдивѣй, чѣмъ въ большинствѣ нашихъ но-
велъ изъ иностранной жизни. Но я тогда еще очень мало цѣнила самое
важное, что у меня есть: способность къ наблюденію и твердое запоми-
наніе видѣннаго. Когда мнѣ говорили, что *Счастье и денги* обнаружи-
ваютъ несомнѣнныя черты реализма, то я приходила въ такой же ужасъ,
какъ еслибы благовоспитанной молодой дамѣ сказали въ лицо, что она
живетъ въ кафе-шантанѣ. Съ тѣхъ поръ я нѣсколько ближе заглянула въ
область, на которой написано страшное названіе «реализмъ», и если
когда меня будутъ причислять къ смѣлымъ борцамъ за новое, истинное
искусство, то я лягу спать довольной. Говорить правду не такъ легко,
какъ это можно было бы думать; писать правду трудно мужчинамъ, еще
труднѣе женщинамъ, а всего труднѣе дѣвушкамъ-писательницамъ. Мы всѣ воспи-
таны съ предохранительными очками, и нужно не мало времени, пока при-
ходимъ безъ нихъ смотрѣть на ясный дневный свѣтъ и вокругъ себя.

Вотъ почему я могу назвать свои до сихъ поръ написанныя работы только попытками и переходными станціями на настоящій путь».

Первыя попытки Рейтеръ въ этомъ новомъ направленіи были двѣ веллы, появившіяся въ 1889 году: *Episode Hopkins* и *Смѣшкомъ мамо* (*Zu spät*). Въ обѣихъ новеллахъ разсказана печальная судьба молодыхъ дѣвушекъ, какъ слѣдствіе неподходящаго воспитанія. Страданія Ивы въ *Episode Hopkins* происходятъ отъ того, что она принимаетъ дѣйствительность «мечты своего сердца»; героиня другого разсказа страдаетъ вслѣдствіе того, что такая своевременно неосуществившаяся мечта сдѣлалась исключительнымъ содержаніемъ ея жизни. Обѣ новеллы показываютъ, что изображеніе женской души—самая сильная сторона литературнаго таланта Рейтеръ; тѣмъ не менѣе слѣдующій ея большой романъ *Kolonistenvolk* изъ жизни нѣмецкихъ переселенцевъ въ Америкѣ, лишъ психологическаго анализа и исчерпывается разнообразными приключеніями. Литературную извѣстность Рейтеръ создалъ ея послѣдній романъ *Изъ прошлой семьи* (*Aus guter Familie*), вышедшій года три назадъ. Основныя мысль этого романа формулируетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, солистъ Мартинъ. «Честно и откровенно скажи своимъ милымъ сестрамъ какъ складывается ихъ жизнь въ дѣйствительности,—говоритъ онъ дѣвкамъ.—Тогда, быть-можетъ, у нихъ явится смѣлость взять свою жизнь собственными руками вмѣсто того, чтобы предоставлять родителямъ и обществу предписывать, какъ слѣдуетъ жить, и дѣлаться болѣзненными, чуждыми, истерическими женщинами». Дѣйствительно, *Aus guter Familie* рѣзкое обвиненіе противъ системы воспитанія дѣвушекъ въ высшихъ классахъ общества, гдѣ ихъ портятъ физически и духовно, возбуждаютъ ихъ стремленія, которыхъ жизнь не можетъ удовлетворить, и не даютъ имъ ничего, чѣмъ и ради чего можно жить. Героиня романа Агата—са обыкновенная дѣвушка изъ хорошей семьи, получившая обычное воспитаніе. Ея фантазію развивали чудесными исторіями изъ священныхъ книгъ чудесными похождениями историческихъ героевъ, чудесной прелестью мантической поэзіи, а все естественное, жизненное заботливо устраняли, причемъ дѣвушки постоянно твердили, что «единственная цѣль ея существованія—любовь, и только любовь». При первомъ столкновеніи съ жизнью Агату непріятно поразила житейская проза, и она, отвернувшись отъ дѣйствительности, стала искать любви; но и здѣсь ее ожидало разочарованіе. Мужчины или отталкивали ее своею прозябанностью или, влюбившись, создавали себѣ фантастическій образъ, который исчезалъ при ближайшемъ знакомствѣ съ любимымъ человѣкомъ. Послѣ неудачной любви, Агата поняла, что только свой ребенокъ можетъ дать цѣль жизни, и стала принимать всѣ мѣры, чтобы выйти замужъ, хотя бы и безъ любви; и здѣсь послѣдовала полная неудача. Тогда дѣвушка попыталась найти кое-нибудь дѣло, которое наполнило бы жизнь; но полная неподготовленность сдѣлала невозможнымъ и этотъ выходъ. Опять оставалась одна любовь, и Агата начинаетъ стремиться къ ней съ такою страстностью,

кидаться въ эротическую истерію и доходить до самаго жалкаго паденія... Болѣзнь прошла, Агата возвращается въ родительскій домъ и, разбитая нравственно и физически, дотягиваетъ до могилы свое никому не нужное существованіе.

Романъ Рейтеръ имѣлъ огромный успѣхъ и въ короткое время выдержалъ много изданій; но причина этого успѣха заключалась, главнымъ образомъ, въ жизненности и въ важности затронутого авторомъ вопроса. Въ художественномъ отношеніи *Aus guter Familie* страдаетъ существеннымъ недостаткомъ—чрезмѣрной растянутостью, которая не только расхолаживаетъ впечатлѣніе отъ разсказа, но по временамъ даже дѣлаетъ его утомительнымъ и скучнымъ. Гораздо выше въ этомъ отношеніи вышедшее въ прошломъ году новое произведеніе Рейтеръ—*Lebenskünstler*, которое мы предлагаемъ вниманію нашихъ читателей. Нѣмецкая критика считаетъ эту новеллу «самымъ зрѣлымъ и самымъ глубокимъ произведеніемъ» автора, находитъ въ ней «классическое изображеніе тѣхъ эгоистическихъ побужденій, благодаря которымъ мужчины вовсе не женятся или женятся очень поздно и такимъ образомъ, желая обезпечить себѣ вѣрное счастье, кореннымъ образомъ его губятъ». Дѣйствительно, Рейтеръ называетъ своего героя д-ра Альтгауза *Lebenskünstler*,—название, которое по-русски нельзя передать однимъ словомъ. Это не холодный, беззащитный эгоистъ, которому ничего не стоитъ изъ-за личныхъ соображеній испортить чужую жизнь. Альтгаузъ только слишкомъ мудритъ надъ жизнью, не старается поглубже заглянуть въ душу тѣхъ людей, съ которыми сводитъ его судьба, забываетъ, что индивидуальное счастье зависитъ не только отъ самого себя. Но *Lebenskünstler*, пожалуй, не главное лицо разсказа; авторъ еще съ большей тщательностью изображаетъ Віолу Гервинъ, хорошую, но слишкомъ пассивную натуру, у которой не хватило смѣлости завоевать счастье и достало силъ только на то, чтобы пассивно отметить за свою неудовлетворенную любовь. Г. Рейтеръ остается и въ этомъ разсказѣ психологомъ преимущественно женской души.

Бернардъ Альтгаузъ поцѣловалъ госпожу Гервинъ въ щеку. Почему доброму пріятелю не поцѣловать пріятельницы при прощаніи на три мѣсяца? Впрочемъ, эти два человѣка, познакомившись поближе, заключили нѣкоторый, совершенно особенный союзъ, по которому должны были взаимно способствовать духовному развитію другъ друга, поскольку такая помощь возможна при различіи половъ.

Докторъ Альтгаузъ былъ нѣсколько растроганъ прощаньемъ съ недавно пріобрѣтеннымъ другомъ. Онъ охотно давалъ волю своей чувствительности, доводя ее до крайнихъ предѣловъ, потому что, — да, потому, что находилъ свои отношенія къ молодой, очень симпатичной женщинѣ черезчуръ уравновѣшенными.

Г-жа Гервинъ съ момента заключенія дружественнаго союза не стала нѣжнѣе. Напротивъ, Бернардъ постоянно испытывалъ чувство, точно она ускользаетъ отъ него и замыкается въ свой самостоятельный, независимый міръ. А этого ему не хотѣлось.

Онъ отвелъ въ своей жизни определенное мѣсто этому духовному союзу любви и не представлялъ себѣ возможности замѣнить его чѣмъ-нибудь инымъ. Онъ трудно сближался съ женщинами — по крайней мѣрѣ до степени дружбы или уваженія. Г-жу Гервинъ онъ глубоко уважалъ, потому что она съ настойчивостью стремилась къ познанію тѣхъ предметовъ, о которыхъ мужчины толкуютъ въ обществѣ только съ себѣ подобными. Когда Альтгаузъ замѣтилъ въ ней такое стремленіе, ему пришла мысль, что общепризнанныя истины должны принимать въ душѣ женщины другой образъ, чѣмъ у мужчины, и онъ, какъ писатель, съ интересомъ отнесся къ изслѣдованію этого вопроса.

Онъ не желалъ увлекать г-жу Гервинъ, влюблять въ себя, такъ какъ самъ имѣлъ намѣреніе оставаться холоднымъ. Онъ не простилъ бы человѣку съ серьезными принципами легкомысленнаго отношенія къ женщинѣ. Да, и намѣренія у него были другія. Свѣтскій человѣкъ удовольствовался бы такимъ рѣшеніемъ вопроса, но Альтгаузъ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ; наоборотъ, онъ гордился своими старомодными вѣсами. Ему нравилось, напримѣръ, когда молодыя дѣвушки обходились съ нимъ по-пріятельски и позволяли себѣ нѣкоторыя вольности, потому что «онъ не опасенъ». Альтгаузъ считалъ вопросомъ чести не злоупотреблять ихъ довѣріемъ. Онъ умѣлъ держать себя въ рукахъ.

Сидя рядомъ съ г-жею Гервинъ и мирно бесѣдуя, онъ съ чувствомъ художника наблюдалъ нѣжное очертаніе профиля золотистой женской головки, гармоническій контрастъ темнаго зимняго платья, отдѣланнаго перьями, съ нѣжной бѣлизною лица. Рядъ мелкихъ веснушекъ, расположенныхъ отъ носа къ вискамъ, всегда напоминалъ ему очаровательный рисунокъ на чашечкѣ орхидеи.

Пригнувшись, Альтгаузъ тщательно разсматривалъ красивыя вѣки склоненнаго профиля, золотистые волосы на вискахъ, чувственную складку между бровями, потому что хотѣлъ сохранить въ своей памяти ея полный образъ. Воспоминаніе о ней должно было помочь ему, утѣшить и успокоить, еслибъ у него пропало уваженіе къ женщинамъ. Сверхъ всего онъ ощущалъ, точно по нервамъ скользило тонкое, едва трепещущее чувство восторга. Онъ не поддавался бы ему, не поддавался бы желанію прильнуть къ мягкой щекѣ, — тутъ было не одно желаніе; что-то твердило у него

въ головѣ: сдѣлай такъ, это умно, благоразумно, сердечно, дружелюбно и... интересно. Поэтому, когда онъ поднялся на ноги, его глаза краснорѣчиво выражали желаніе. Но г-жа Гервинъ не поняла его. Когда она неожиданно очутилась въ его объятіяхъ и почувствовала поцѣлуй, то до того перепугалась, что Бернардъ самъ испугался ея ужаса и выраженія пламенной страсти, загорѣвшейся на ея спокойномъ лицѣ. Изумленный и потрясенный, онъ еще разъ серьезно оглянулся и молча пошелъ прочь.

За время пребыванія въ Англіи д-ръ Альтгаузь еженедѣльно обмѣнивался письмами съ своею пріятельницей. Въ нихъ заключались обстоятельныя разсужденія о различіи національнаго характера англичанъ и германцевъ; они, до извѣстной степени, составляли дополненіе къ статьямъ, которыя онъ печаталъ въ берлинскихъ газетахъ и о которыхъ г-жа Гервинъ сообщала ему свое мнѣніе.

По возвращеніи, Альтгаузь съ любопытствомъ ожидалъ первой встрѣчи. Стоя передъ г-жею Гервинъ, онъ съ тайнымъ удовольствіемъ замѣтилъ ея смущеніе. Она дрожала и губы ея складывались точно передъ слезами, между тѣмъ какъ она усиливалась улыбнуться. Отъ удовольствія Альтгаузь позабылъ воѣ слова. Г-жа Гервинъ вопросительно подняла на него глаза, еще болѣе сконфузилась, потомъ вдругъ страшно развеселилась.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ она каждое утро, каждый вечеръ и нѣсколько разъ на дню спрашивала себя, поцѣлуетъ ли ее снова Бернардъ Альтгаузь и что тогда будетъ изъ ихъ дружбы, или не поцѣлуетъ?

Онъ не могъ знать, что его поцѣлуй былъ для нея чѣмъ-то новымъ, страшнымъ. Она тщательно скрывала, что ей, очаровательной, любезной женщинѣ, бывшей недолго замужемъ, мужская ласка была совершенною новостью. Правда, она была замужемъ, но для нея навѣки осталось загадкой, зачѣмъ иные мужчины женятся и зачѣмъ женился ея мужъ.

Виола была компаньонкой у матери Гервинъ; она всегда вспоминала, при видѣ своей собственной компаньонки, г-жи Ломанъ, прежнее положеніе и поэтому позволяла тиранить себя сколько угодно.

Гервинъ жилъ у матери, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій; они ссорились съ утра до ночи, но не могли часа прожить другъ безъ друга. Ему было за сорокъ, и всѣ знакомые матери дразнили его опасною, очаровательною компаньонкой. Онъ не на-

ходилъ ее очаровательной, а ея нѣжный возрастъ не представлялъ для него опасности. Однако, всѣ были въ этомъ увѣрены.

Наконецъ, старуха Гервинъ собрала все великодушіе и сѣніе материнскаго долга, на которыя была способна, и попросила сына, не принимая ее въ расчетъ, жениться на молодой дѣвушкѣ, если она ему нравится. Гервинъ рѣшилъ обдумать вопросъ и тѣмъ спросилъ Віолу, хочетъ ли она быть его женой? Дѣвушка вѣтила: «Нѣтъ». Такой отвѣтъ возмутилъ старуху. Она употребила всю силу воли, чтобы добиться союза, къ которому всегда стремились обѣ стороны.

Такъ какъ ей самой трудно было примириться съ мыслью, сынъ ея не сдѣлаетъ блестящей партіи, то она считала, по крайнѣму, что небо, за ея жертву, даруетъ ему необычайное счастье. Віола робко сопротивлялась нѣкоторое время, затѣмъ сдалась. Тѣмъ не менѣе совѣтница Гервинъ умѣла подчинять своей воли окружающихъ.

Время до свадьбы прошло уныло и печально; постоянно происходили маленькія стычки изъ-за приданого. Віола во всемъ правилась къ желаніямъ старухи, но вещи, купленные не по вкусу, не доставляли ей удовольствія. Гервинъ общительный, сухой человѣкъ, приходя утромъ къ кофе, цѣловалъ невесту; для такого официальнаго проявленія нѣжности вызывало ревность матери. Она цѣлый день извила и колола Віолу нѣжностью жени, причѣмъ у самой дрожали въ голосъ слезы. Это заставляло Віолу предполагать, что Гервинъ старается казаться равнодушнымъ, для матери.

Когда мысль о замужествѣ пугала ее, она возлагала надежду на бракъ, какъ на мистическое откровеніе любви и вѣрности.

Послѣ свадьбы молодые должны были совершить путешествіе. Мать собиралась проводить ихъ до первой остановки. Затѣмъ, рѣшила путешествовать вѣхъ, только помѣщаться въ другіе отели.

— Сохрани Богъ, чтобы я вздумала мѣшать вамъ, — говорила она.

Въ первый вечеръ ужинали вѣхъ.

— Я провожу маму, — сказалъ Гервинъ женѣ. — Ступай нашу комнату!

Она послушно исполнила приказаніе и, сидя у окна въ чужомъ городѣ, дожидаясь чужого мужчины, потому что до сихъ поръ оставался для нея совсѣмъ чужимъ, и, глотая слезы, спрашивая себя, неужели и другимъ дѣвушкамъ такъ тяжело хоронить идею нѣжности? Посмотрѣвъ на часы, она съ ужасомъ замѣтила, что жд

уже часъ. Ей стало страшно, не случилось ли чего-нибудь со свекровью. Позвонить она не рѣшалась. Позвать кельнера и велѣть узнать, въ чемъ дѣло, было совѣстно. Идти самой — страшно: она не знала улицъ въ чужомъ городѣ. И можно ли было рѣшиться идти за мужемъ теперь, сегодня? Если что-нибудь случилось, онъ долженъ былъ увѣдомить ее.

Итакъ, она ждала и ждала, всю ночь напролетъ. Въ семь часовъ утра предполагено было ѣхать далѣе.

Въ шесть явился Гервинъ.

Виола достигла той степени нервнаго напряженія, когда женщина теряетъ способность управлять своимъ языкомъ и малѣйшій звукъ, слетающій съ ея губъ, обращается въ крикъ. Поэтому она молчала.

— Я не могъ оставить матушку, — сказалъ онъ, лѣниво зѣвая. — Съ ней сдѣлался припадокъ истерики; она въ очень возбужденномъ состояніи, совсѣмъ больна. Мнѣ пришлось ходить за докторомъ и въ аптеку. Что же, ѣдемъ далѣе?

— Мы можемъ возвратиться назадъ, — съ минуту подумавъ, равнодушно сказала Виола.

— Вотъ и прекрасно, — сказалъ мужъ съ облегченнымъ сердцемъ. — Можно позже сдѣлать небольшую поѣздку.

Такъ окончилось свадебное путешествіе Виолы. Въ домѣ свекрови она попрежнему заняла маленькую комнатку компаньонки.

Въ скоромъ времени у Гервина появились первые признаки болезни, сведшей его черезъ годъ въ могилу.

Когда Виола стала догадываться, что мужъ только безпомощный больной, состояніе оцѣпенѣнія, державшее ее точно въ тискахъ, исчезло, и она съ преданностью и добротой принялась ухаживать за несчастнымъ. При этомъ она нерѣдко задавала себѣ вопросъ, не представляетъ ли жалкій чудакъ жертвы трудной дилеммы о старыхъ и новыхъ обязанностяхъ. Она такъ и не рѣшила, чувствовала ли онъ всю неестественность ея положенія. Въ послѣдніе дни жизни онъ потребовалъ нотариуса и перевелъ на имя жены небольшое состояніе, доставшееся ему отъ отца. Такимъ образомъ она стала независимой и могла избавиться отъ свекрови.

Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ Виола оставалась сдержанной, вслѣдствіе чего они не особенно интересовались ею, и у молодой женщины хватало времени на серьезныя занятія любимыми предметами: естествознаніемъ, живописью и литературой. Послѣднимъ предметомъ, поглощавшимъ ея мысли, была дружба, къ которой она надѣялась примѣнить всю предшествовавшую работу.

Альтгаузь шагъ за шагомъ довелъ ее до такой точки зрѣнія. Нелегко ему было приобрести ея довѣріе и убѣдить, что она представляетъ изъ себя исключительное явленіе, что притягательною силой для мужчинъ въ ней служить не то, что въ другихъ женщинахъ. Она медленно и неувѣренно разставалась съ своимъ простымъ, нѣсколько устарѣлымъ взглядомъ на чувства.

Бернардъ Альтгаузь гордился, что открылъ въ Берлинѣ женщину подобную Віолѣ. Для этого надо было обладать тонкимъ чутьемъ знатока, умѣющаго находить сокровенныя драгоценности. Въ Берлинѣ! Онъ не принадлежалъ къ числу людей, считающихъ Берлинъ хранилищемъ всевозможныхъ рѣдкостей. Онъ мечталъ, и нерѣдко вслухъ, о маленькомъ городкѣ, утопающемъ въ зелени, о жизни со скромными радостями, вродѣ прогулокъ по вечерамъ и бесѣдъ съ крестьянами.

Въ настоящее время Альтгаузь принужденъ былъ проводить весну и лѣто въ Берлинѣ. Онъ намѣревался переработать собранные въ Лондонѣ матеріалы и издать ихъ въ видѣ отдѣльной книги. Ему хотѣлось дать не объективное изображеніе англійской жизни, какъ раньше, но ея субъективную оцѣнку. Впрочемъ, онъ еще не вполне уяснилъ себѣ, будетъ ли служить критеріемъ та часть его «я», которая жадно впитывала въ себя жизнь современнаго Берлина, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, или та, которую тянуло къ маленькимъ городкамъ, утопающимъ въ зелени садовъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ противопоставить обѣ столицы, какъ два культурныхъ пункта и для этого остался въ Берлинѣ. Онъ добросовѣстно и усидчиво работалъ, стараясь надѣть отдѣлкой стили.

Ежедневно, въ послѣобѣденное время, Альтгаузь посѣщалъ г-жу Гервинъ въ ея хорошенькой комнатѣ, гдѣ майское солнце, проникая сквозь красновато-коричневые листья гигантской бегоніи и тонкую японскую рѣзбу изъ слоновой кости, играло въ зеленомъ хрустальномъ приборѣ, разставленномъ на письменномъ столѣ. Даже красныя шерстяныя гардины точно дышали страстью въ это время дня, и маленькая комнатка со старомодными, выцѣтшими обоями, скромно-голубого цвѣта, приобрѣтала видъ драгоценности, поразительной красоты, чего не удалось бы достигнуть ни одному декоратору.

До опасныхъ разговоровъ, какъ боялись Бернардъ и Віола, дѣло не доходило. Къ тому времени, когда г-жа Гервинъ побѣдила наконецъ замѣшательство, въ которое впадала при появленіи Бернарда, онъ уже совершенно съ ней освоился. Иногда случались недоразумѣнія и шероховатости. Въ одинъ прекрасный день они же-

стою поздорили изъ-за какого-то пустяка и на слѣдующее утро прислуга объявила д-ру Альтгаузу, что у барыни болитъ голова. На второй день онъ снова не былъ принять.

На третій день Альтгаузъ позвонилъ очень рано, когда Віола еще не ожидала никакихъ посѣщеній и сидѣла, углубившись въ чтеніе. Бернардъ неожиданно очутился позади нея. Въ рукахъ у него была вѣтка съ желтыми цвѣтами и исключительно крупный экземпляръ темно-голубыхъ цвѣтовъ «мужской вѣрности», которые въ теченіе весны на короткое время украшаютъ почти всѣ сады.

У Віолы вырвался короткій крикъ, что-то вроде вздоха. Она быстро вскочила.

— Какъ вы сюда попали?!—вскрикнула она, звонко разсѣвшись.

— А вы думали, я не сумѣю до васъ добраться? Такъ вамъ и повѣрилъ, что никогда больше не захотите меня видѣть!

— У меня, правда, болѣла голова.

Она что-то безсвязно лепетала и при этомъ краснѣла, а увидя глубой цвѣтокъ—расплакалась.

— Не обращайтесь на меня вниманія!—всхлипывала она.—Ахъ, это ужасно, что у меня такъ мало самообладанія...

— Итакъ, миръ? — спросилъ молодой человѣкъ, взявъ холодныя руки Віолы и, крѣпко сжимая ихъ, старался согрѣть. Онъ говорилъ такъ мягко, что молодая женщина не узнавала его голоса.

У нея появилась вдругъ безумная надежда, и заикаясь она сказала:

— Потерпите немного, я опять буду благоразумна. Вѣдь я всю жизнь была благоразумной.

— Да, это правда!—сказалъ онъ задумчиво.

Альтгаузъ всегда считалъ ее неприступною женщиной. Теперь надо было собрать всѣ силы, чтобы въ четверть часа не разрушить планъ составленнаго плана. Онъ взялся за шляпу.

— Поставьте цвѣты въ воду, — сказалъ онъ, чтобы измѣнить настроеніе. Онъ чувствовалъ, что нельзя колебаться ни минуты, чтобы не поддаться взрыву страсти, которую въ юности такъ бессмысленно расточалъ и къ которой теперь относился съ презрѣніемъ.

— Зачѣмъ вы уходите?—спросила она, совершенно уничтожавъ его своимъ наивнымъ взоромъ.—Я прогоняю васъ? Нѣтъ, посмотрите, я уже совершенно спокойна.

Она сѣла противъ него на кресло и смотрѣла улыбаясь съ восторженнымъ восторгомъ, чинно сложивъ на колѣняхъ руки.

Бернардъ понялъ свое безобразіе и, какъ художественный критикъ, страдалъ за себя. Ему льстило, что Віола смотритъ на него, какъ смотрятъ на Аполлона Бельведерскаго.

— Почему вы всегда такъ скоро уходите?—спросила она.— Меня это огорчаетъ, и я становлюсь раздражительной. Вы должны сидѣть со мной долго и вести поучительныя бесѣды!—и она насмѣшливо прищурила глаза.

— Да, да, легко сказать,—пробормоталъ онъ.—У меня тоже въ жилахъ течетъ кровь.

Она удивленно открыла глаза.

— Развѣ вы не замѣчаете, что я долженъ бѣжать отъ васъ, чтобы не надѣлать глупостей. Не камень же я, чтобы оставаться хладнокровнымъ вблизи васъ.

Поднявъ головку и полуоткрывъ ротъ, она внимательно слушала его, причеиъ яркая краска понемногу залила ей все лицо. Онъ медленно, торжественно нагнулся и продолжительно поцѣловалъ ее.

Віола вся затихла отъ глубины счастья.

Онъ оставался у нея еще нѣсколько времени, и они молча сидѣли, держа другъ друга за руки.

— Еслибъ я могъ только выразить тебѣ, что теперь чувствую,—тихо сказалъ онъ.

— Не надо, не говори, я сама знаю!—просила она.

Онъ обвилъ ее руками и осторожно прижалъ къ себѣ, бези страсти, но съ нѣжною, сердечною теплотой, и любовь предсталла передъ Віолой какъ нѣчто невыразимо прекрасное.

Они завтракали вмѣстѣ, называли другъ друга въ присутствіи компаніонки «г-жа Гервинъ» и «г. докторъ», причеиъ постоянно заглядывали другъ другу въ глаза, смѣялись и дразнили другъ друга, какъ дѣти.

Потомъ Бернардъ часа два бродилъ одиноко по отдаленнымъ дорожкамъ Тиргартена.

Да,—думалъ онъ,—иномъ овладѣло почти цѣльное чувство. Я не считалъ себя болѣе способнымъ отдаться ему всеиъ существомъ. Віолѣ обязанъ былъ онъ этииъ открытіемъ... и навсегда остался ей благодаренъ.

Только бы не испортить всего чрезмѣрною страстностью. Такои сокровище надо хранить. Онъ мечталъ о будущемъ. Какъ чудно могло оно сложиться.

Полное блаженство, гдѣ будутъ жить мѣсто только чистыи

идеальныя побужденія души! И полная свобода—un bain de sapide et d'escapaillement—работа безъ помѣхи, никакихъ хозяйственныхъ и супружескихъ заботъ.

Боже! ему дано все, что необходимо человѣку, чтобъ изъ него выработался писатель, можетъ быть, даже поэтъ!

Какъ знать, не будетъ ли вліяніе Віолы такъ сильно, что его первамъ не понадобится болѣе смирная атмосфера притоновъ. Онъ не могъ беззаботно веселиться подобно другимъ молодымъ людямъ, не испытывая затѣмъ мучительныхъ душевныхъ страданій. Невольно нашлось бы женщинѣ, способныхъ дать ему то, что носилось въ его воображеніи... но она!? Она—исключеніе! Она, щедро дающая, способная на самоотверженную любовь. И нѣчто вродѣ обожанія наполнило его душу.

Віола знала, что Альтгаузъ не въ состояніи жениться. Личныхъ средствъ ей хватало только въ обрѣзъ. Кромѣ того, она не могла забыть, что старше своего друга на три года, и это казалось ей непреодолимымъ препятствіемъ. Для нея было достаточно такого основанія, чтобъ отказаться отъ союза съ нимъ. Это ее не огорчало. Она была счастлива, потому что ее любили, потому что онъ любилъ ее и находилъ въ этой любви полное удовлетвореніе. Позже—ну да, если позже и произойдетъ что-нибудь очень хорошее или отчаянно дурное—о томъ она не хотѣла теперь думать! Вѣдь завтра Бернардъ придетъ опять.

Альтгаузъ былъ пораженъ, какъ весело и просто встрѣтила его Віола. У него гора съ плечъ свалилась. Значить, и послѣ бури между ними останутся прежнія спокойныя и сердечныя отношенія. Ему приходило въ голову, что онъ долженъ чѣмъ-нибудь вознаградить Віолу за все, что она ему даетъ. И онъ предложилъ ей перестать съ его помощью на нѣмецкій языкъ книгу объ англійскомъ искусствѣ; за успѣхъ ея въ Германіи онъ ручался.

Такая работа не соотвѣтствовала рабочимъ силамъ молодой женщины. Между тѣмъ ей очень не хотѣлось дать Бернарду замѣтить, что она менѣе серьезна и способна, чѣмъ онъ думаетъ.

Она взялась за дѣло и каждое утро усердно старалась пересилить свое нежеланіе работать. Въ кругу знакомыхъ Віолы, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ почтенныхъ семействъ, какія окружаютъ обыкновенно одиноко стоящую, достаточную женщину, удивлялись ея серьезнымъ стремленіямъ. Сама она никогда раньше не испытывала такой страстной потребности отдаться мечтательной лѣни

или безцѣльному скитанію по незнакомой красивой мѣстности. Но она скрывала свои желанія изъ боязни потерять уваженіе друга.

Между тѣмъ, какъ она убивалась, желая передать хорошій нѣмецкимъ языкомъ стиль англійскаго ученаго, который въ свою очередь старался подражать Карлейлю, и, конечно, былъ еще темнѣе и непонятнѣе своего образца, въ умѣ у нея неотвязно стоялъ вопросъ, какое платье надѣть послѣ обѣда или, о чемъ говорить и что дѣлать, чтобы понравиться Бернарду.

Вопросы, которые свѣтская дама разрѣшила бы шути, мучили и возбуждали бѣдную, привыкшую къ тихой, уединенной жизни, женщину. Она боялась показаться слишкомъ молодящейся, между тѣмъ какъ зеркало говорило ей, что свѣтлые цвѣта лучше оттеняютъ ея нѣжное, скорѣе свѣжее, чѣмъ яркое лицо. Кромѣ того, ее страшно стѣсняла компаньонка, которая по ея внимательному отношенію къ туалетахъ, могла догадаться, что она хочетъ плѣнить мужчину.

Віола постоянно чувствовала себя угнетенной. Такое состояніе лишало ее естественности; въ присутствіи Ломаннъ, она впадала въ слегка аффектированный тонъ, который, изъ робости, принимала при постороннихъ. Она дѣлала это безсознательно, не подозревая, что сердитъ Бернарда.

Зачѣмъ ему подруга, если она не хочетъ допустить его въ тайники души, куда еще никто не проникалъ? Она не даетъ ему именно того, чего онъ болѣе всего желаетъ и что считаетъ приобретеніемъ для всего своего міросозерцанія. А какъ могла она удовлетворить его, если онъ не хотѣлъ знать единственнаго, что всецѣмъ наполняло ея душу?

Бернардъ задавалъ себѣ по временамъ вопросъ, благоразумно ли будетъ посвятить Віолу во всѣ свои мечты, желанія, взгляды и чувства? Онъ нерѣдко говорилъ ей о необходимости одиночества и независимаго положенія для плодотворной дѣятельности настоящаго художника. Она улыбалась, качала головой и говорила: «А я все-таки желаю вамъ найти когда-нибудь, позже, подходящую жену».

Глаза его отвѣчали ей, что такой онъ никогда не найдетъ.

Страхъ, почти трусость, мѣшалъ ему высказать свой настоящій взглядъ. Онъ не могъ себѣ представить, что выйдетъ изъ такихъ объясненій, начинающихся въ спокойномъ тонѣ. Любовныя интриги были ему знакомы; всѣ онѣ походили одна на другую. Здѣсь было нѣчто болѣе тонкое, изысканное. Кромѣ того, такъ привлекательно и интересно было наблюдать непрестанное мучительно блаженное трепетаніе нервовъ Віолы.

Онъ не вѣчно предполагалъ заниматься искусствомъ и народною жизнью въ Англіи. Въ его умѣ возникалъ уже психологическій романъ, котораго нельзя было почерпнуть изъ собственной фантазіи. Надо было терпѣливо, по крупинкѣ собирать матеріалъ, по тому, какъ работали братья Гонкуры. Можетъ быть, такимъ образомъ ему удастся подарить нѣмецкой литературѣ то произведение, котораго она въ настоящее время такъ пламенно жаждетъ, а нѣмецкая литература, даруешь ему, Бернарду Альтгаузу, высшее земное блаженство, славу!

Чтобы успокоить свою легко возмущающуюся совѣсть, Бернардъ, прежде чѣмъ идти къ своей подругѣ, честно и объективно разсуждалъ, какимъ образомъ онъ откроетъ ей новые, независимые взгляды на современные предразсудки ея среды.

Однако, когда они сидѣли вдвоемъ около стола, склонившись надъ рукописью Віолы, и ихъ головы, вслѣдствіе близорукости обоихъ, близко пригнулись другъ къ другу, плечи соприкасались, волосы Бернарда щекотали щеку Віолы, и онъ видѣлъ, какъ эта щека оживилась съ каждой минутой все ярче и пламеннѣе, ему стоило напряженнаго усилія удержаться отъ ничтожнаго движенія, котораго было достаточно, чтобы прижать любимую женщину къ сердцу; а она поминутно спрашивала себя, случится ли это сейчасъ и почему до сихъ поръ не случилось? Нельзя сказать, чтобы работа шла у нихъ въ это время особенно успѣшно.

Полуденное солнце немилосердно накаляло стекла; растенія на подоконникѣ, покрытыя пышными ярко-красными бутонами, точно прожигали къ яркому свѣту молящія руки. Стояли роскошные лѣтніе дни; но было слишкомъ душно. Віола иногда цѣлыми часами плакала. Присутствіе Бернарда не оживляло ее и не радовало.

Однажды г-жа Гервинъ потребовала, чтобы Альтгаузъ пошелъ съ ней прогуляться въ Тиргартенъ. Она не мало странствовала по аллеямъ, но такъ какъ Бернардъ не менѣе ее любилъ при жизни, то ей казалось, что на этой почвѣ можно будетъ найти гармонію, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе нарушалась.

Дѣло было къ вечеру. Равномѣрное движеніе успокоило Віолу; тихое рядомъ было гораздо пріятнѣе, чѣмъ сидѣть взаперти среди душныхъ комнатъ. Бернардъ также говорилъ и двигался свободно. Одного они не сообразили, что хорошій воскресный день привлечетъ на воздухъ много народу. Альтгаузу поминутно приходилось останавливаться. Потомъ они встрѣтили семейство, съ которымъ Віола

была въ родствѣ. Черезъ эту семью она познакомилась съ Альтгаузомъ.

— Замѣтили вы, какъ ехидно смотрѣла на насъ дама? — вскрикнула Альтгаузъ, когда они прошли мимо.

— Вотъ настоящая нѣмецкая мѣщанка, съ страстью къ сплетнямъ и клеветѣ.

Хорошаго настроенія какъ ни бывало!

Когда нѣсколько дней спустя Віола спросила, не хочетъ ли Альтгаузъ прогуляться вмѣстѣ, онъ отказался.

«Чего онъ такъ боится? — спрашивала себя Віола съ горячимъ негодованіемъ. — Вѣдь онъ знаетъ, что я равнодушна къ мнѣ людямъ».

Бернардъ принесъ ей орхидею: нѣжный, бѣлый цвѣтокъ, одуряющимъ запахомъ. Она понимала, что значитъ этотъ подарокъ, но не могла побѣдить своей грусти: благодарность ея была вяло и печально.

«Она сентиментальна, — подумалъ Бернардъ. — Почему она бросится когда-нибудь мнѣ на шею и отъ души не поцѣлуетъ меня?»

Онъ всѣми силами старался, несмотря на трудность отношеній, поддерживать тонъ, соответствовавшій его идеалу; приходило употребить всю силу своего характера.

Нелегко было ему съ Віолой, и онъ вполне сознавалъ, жертвуетъ ей слишкомъ много времени.

Такъ шли дни за днями.

Віола принялась за переписку первыхъ главъ своего перевода. Она не въ состояніи была больше работать: точно у нея разпропали умственные способности. Она съ трудомъ могла написать правильное предложеніе. Бернардъ смѣялся надъ вздоромъ, какъ она переводила; она плакала; онъ неосмотрительно грубо иронизировалъ. Это ей окончательно отравляло работу.

Компаньонка не разъ напоминала хозяйкѣ, что пора вычистить гардины, выколотить ковры, — однимъ словомъ, произвести лѣтнюю уборку квартиры. Віола все откладывала. Теперь ей казалось глупымъ нарушать ради Бернарда свои привычки, и она объявила ей, чтобы онъ не приходилъ къ ней въ теченіе недѣли.

— О-о! — сказалъ онъ. — Можно, по крайней мѣрѣ, справиться у дверей о вашемъ здоровьѣ?

— Нѣтъ, и этого нельзя!

— Мнѣ остается предположить, что здѣсь будетъ совершаться

это ужасное. Миѣ вовсе не улыбается быть вытолкнутымъ за
дверь.

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, не приходите!

— Вы сами этого не выдержите!

Она засмѣялась и покраснѣла.

— Не беспокойтесь! Прекрасно выдержу!

Въ первый же день, когда выколачивали мебель, и Віола въ
льнѣномъ фартукѣ, повязанная бѣлымъ платкомъ, стояла въ ко-
ридорѣ, позвонился д-ръ Альтгаузъ. Она увидала его черезъ желѣз-
ную рѣшетку окна, пріоткрыла дверь и со смѣхомъ закричала:

— Никого нѣтъ дома!

Онъ всунулъ ногу въ дверное отверстіе и силою проникъ внутрь.

— Только поздороваться, — просигъ онъ.

Віола очень нравилась ему въ бѣломъ платкѣ вокругъ умнаго
лица.

— Какъ это идетъ къ вамъ! — задумчиво сказалъ онъ. — По-
смотрите, что я нашелъ!

Онъ вынулъ изъ бокового кармана фотографическую карточку
и показалъ ее Віолѣ. Это была ея собственная карточка, въ мѣховой
рамочкѣ, снятая въ профиль. Фотографія была сдѣлана очень давно
и у Віолы не осталось ни одного экземпляра.

— Гдѣ вы ее достали? — спросила она въ удивленіи.

— Нашелъ въ альбомѣ фотографа. Она миѣ не мало стоила.

— Да, но какъ смѣлъ фотографъ ее продать! — закричала она
въ испугъ.

— Боже мой, чего нельзя купить за деньги, — шутиливо замѣ-
тилъ Альтгаузъ. — Наконецъ-то у меня есть вашъ хорошій пор-
ретъ. Здѣсь соединеніе зрѣлой женщины съ тѣмъ-то необыкновенно
юношескимъ. А теперь, надо убираться!

Но они стояли другъ противъ друга, среди хаоса нагроможден-
ныхъ столовъ, стульевъ, дивановъ, картинъ; присѣсть было не-
куда, а между тѣмъ имъ надо было такъ много сказать другъ другу.
Въ пустой гостиной на лѣстницѣ стояла Ломаннъ и подавала подде-
ржанцы гардины. Віолѣ не пришлось въ голову закрыть дверь: вѣдь у
нихъ не было тайнъ.

Въ слѣдующіе дни, когда Віола не видала Бернарда, она впервые
оцѣнила всю прелесть дружбы. Съ приближеніемъ часа, когда раз-
давался обыкновенно звонокъ Альтгауза, она начинала волноваться
и, не дождавшись, казалась разочарованной.

Затѣмъ, говорила себѣ, что онъ любитъ изящество и комфортъ,
поэтому лучше, если не часто будетъ видѣть ее среди хозяйствен-

ной суматохи. Въ сущности, она едва могла совладать съ страстнымъ желаніемъ его видѣть и старалась съ лихорадочною поспѣшностью привести въ порядокъ свое жилище.

Въ жаркія лѣтнія ночи, подъ грозные раскаты грома, она, утомленная, безъ сна лежала въ постели, ломала руки, убѣждая себя быть «благоразумной», и не знала, какъ совладать съ собою. Одинъ вопросъ, какъ пунуть помѣшательства, неотвязно шевелился въ мозгу и мучилъ ее:

«Любить ли онъ меня? Любовь ли это? Можетъ ли мужчина такъ обуздывать свою любовь?»

Она знала, что въ данный моментъ Бернардъ не любилъ другой женщины. Онъ сказалъ это, и она вѣрила ему. Всѣмъ ли она владела, что можетъ дать его сердце? Неужели это сердце, которое она любила болѣе своего собственнаго, было такъ бѣдно? Она чувствовала въ себѣ протестъ страсти и пугалась его. Естественно ли это? Позорная, унижительная неестественность.

Потомъ Віола перебирала въ умѣ всю свою жизнь. Какъ она была безотраднa и неполна. Бракъ, который въ сущности не былъ бракомъ... Вникнувъ поглубже въ злосчастную загадку своей собственной судьбы, она возмущилась и, сжавъ кулаки, гнѣвно пригрозила невидимому врагу. Затѣмъ прижалась мокрымъ отъ слезъ, горячимъ лицомъ къ холодной стѣнѣ и зарыдала:

«Бернардъ, Бернардъ, только ты-то люби меня, люби меня!»

Маленькая квартирка въ третьемъ этажѣ буквально сіяла чистотой; въ ней легко дышалось свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Бездѣлушки на письменномъ столѣ блестяли и искрились. Растенія весело простирали свои чистые листья по всѣмъ направленіямъ. Віола написала другу съ разрѣшеніемъ придти къ ней. Ей такъ нравилось свое маленькое царство, она была увѣрена, что и ему оно также понравится. Она купила любимый тортъ Бернарда и надѣла его любимое платье. На всѣхъ столахъ были разставлены свѣжіе цвѣты. Віола подобно многимъ тихимъ, одинокимъ женщинамъ особенно любила цвѣты. Они были для нея не предметомъ украшенія, а живымъ существомъ, которое изливаетъ съ ароматомъ нѣчто таинственное, невыражающееся ни на какомъ языкѣ. Такъ же дѣйствовали они и на Бернарда. Въ немъ было что-то женственное, утонченное; онъ испытывалъ наслажденіе, проводя по губамъ и вѣкамъ мягкимъ вѣнчикомъ розы. И насколько ему противны были надушенные женщины, настолько пріятно было присутствіе женщины среди аромата живыхъ цвѣтовъ. Віола это отлично знала.

Прошелъ цѣлый рядъ дней: розы отцвѣли, все слегка позапылилось, а д-ръ Альтгаузь не показывался. Наконецъ, онъ явился, но такъ поздно вечеромъ, что Віола уже не ждала его. У него былъ утомленный видъ, онъ жаловался на головную боль и казался разстроеннымъ.

Альтгаузь бросился въ уголъ дивана; она приготовила ему чаю, напоила возлѣ него и убѣждала не говорить.

Между тѣмъ онъ съ горячностью сталъ нападать на извѣстные, когда возмущавшіе его литературные порядки. Віола замѣтила въ его словахъ смѣсь горечи со злобой и боясь, чтобы онъ слишкомъ не разволновался, старалась отвлечь его отъ неприятной темы. Но Бернардъ сказалъ, что легче высказаться.

— Вотъ видите, — замѣтила Віола съ счастливо-печальной улыбкой, — вамъ давно слѣдовало знать, что вы дороги мнѣ не только здоровый, въ хорошемъ настроеніи духа, но еще болѣе тогда, когда чувствуете себя плохо и нуждаетесь въ уходѣ.

— Да, да, — бормоталъ онъ, уткнувъ голову въ руки. — Подчасъ бываетъ особенно мучительно, что не въ состояніи сказать всей правды на искренній вопросъ любимаго человѣка. У людей равнодушныхъ другъ къ другу разговоръ идетъ самъ собою... а здѣсь... Ну, да оставимъ это... Несчастный я человѣкъ!

— Вы больны! На васъ повліяла гроза. Отчего вы не хотите поговорить мнѣ. Иногда вы бываете поразительно сдержаннымъ, или осторожнымъ, или... я и сама не знаю, что съ вами, Бернардъ?

— Я пойду домой, — сказалъ вдругъ холодно Альтгаузь, взявъ шапку, грустно посмотрѣлъ на Віолу и вышелъ.

Она не поняла его состоянія.

Альтгаузь сталъ снова правильно посѣщать Віолу, хотя не такъ часто, какъ въ началѣ лѣта.

Въ своихъ отношеніяхъ къ молодой женщинѣ онъ тщательно избѣгалъ всего сердечнаго, искренняго, хотя выказывалъ болѣе терпимости къ ея недостаткамъ. Она робко старалась во всемъ угождать ему, но, угнетенная мыслию о возможной въ близкомъ будущемъ разлукѣ, едва была въ состояніи сохранять видимую веселость.

Ея работа была окончена и отправлена къ издателю; тотъ возвратилъ ее обратно.

— Такъ, такъ, — замѣтилъ Альтгаузь, когда она сообщила ему неприятную новость. — Это слишкомъ хорошо для публики! Жаль! Положите рукопись въ письменный столъ и забудьте о ней.

Въ ча довольно равнодушно отнеслась къ его рѣшенію.

Она должна была сознаться, что въ настоящее время Бернардъ занять исключительно самимъ собой и отъ него нельзя требовать слишкомъ многого.

Альтгаузь сначала изучалъ право, затѣмъ перешелъ на журналистику, гдѣ пробовалъ и упражнялъ свои таланты въ разныхъ областяхъ, къ двадцати шести годамъ не опредѣливъ окончательно, на чемъ остановиться: на политикѣ или беллетристикѣ и изъ какой отрасли писательской дѣятельности извлекать средства къ жизни. Онъ былъ добросовѣстенъ и имѣлъ опредѣленные идеи, но ни то, ни другое не могло замѣнить ему недостатка ловкости. Отсутствие техники дѣлало его нетерпимымъ, онъ легко понималъ суть дѣла и умѣлъ найти опредѣленные границы. Альтгаузь былъ мыслитель. Віола затруднялась рѣшить, педантъ онъ или фантазеръ. Кроме того, онъ предъявлялъ очень высокія требованія къ внѣшнему міру: ему могла доставить удовольствіе только тонко-художественная простота, чему вполне соответствовали его литературные вкусы. Изъ всей новѣйшей германской литературы онъ любилъ только романы: *Auch Einer* и *Der grüne Heinrich*—Келлера. По его совету, Віола прочла обѣ книги; послѣ этого въ ней зародилось смутное сознаніе, что всѣ ея усилія сдѣлать Альтгауза счастливымъ не доставятъ ей свѣтлыхъ минутъ. Она все больше и больше приучала себя къ мысли, что конецъ лѣта и отъѣздъ Бернарда будутъ концомъ ихъ дружескихъ отношеній. Впереди все было покрыто мракомъ.

Альтгаузь собирался въ Испанію, можетъ быть, въ Алжиръ и Египетъ; онъ стремился все шире и шире раздвигать свой умственный горизонтъ; онъ находилъ свое образованіе не достаточно обширнымъ и разностороннимъ. Дальнѣйшіе планы были смутны. В всякомъ случаѣ разлука будетъ длиться годы. Отсутствующіе всегда неправы, повторяла поминутно Віола, такъ всегда бываетъ и тамъ должно быть.

За послѣднее время она получила отъ свекрови нѣсколько писемъ, которыя ее очень разстроили. Старая дама жаловалась, что не можетъ устроиться съ экономками. Много лѣтъ отношенія женщинъ были очень холодны, теперь же старуха писала жалобно-блѣзненнымъ тономъ, упрашивая Віолу пріѣхать, чтобы вмѣстѣ поболтать о дорогомъ покойникѣ.

Г-жу ГERVINъ не манила такая перспектива.

Но, тѣмъ не менѣе, она чувствовала, что надо исполнить желаніе свекрови и заглянуть къ ней, хотя на короткое время. Она сообщила Бернарду о своемъ намѣреніи. Онъ сдѣлалъ удивленное лицо и заговорилъ о глупомъ, женскомъ сентиментальномъ самопожертвѣ

ваніи, но не постарался серьезно удержать ее на двѣ послѣднія недѣли въ Берлинѣ.

А она на это надѣялась. Въ ней шевельнулась холодная злоба. Теперь она была довольна, что уѣдетъ первая и этимъ огорчить его.

Такова была особенность ея любви къ Бернарду. Несмотря на свою хрупкость и нѣжность, Віола была воспримчива, — настоящій продуктъ нервнаго вѣка, живущій его идеалами, горестями и радостями.

Вскорѣ по пріѣздѣ къ свекрови Віола убѣдилась, что изъ визита выйдетъ серьезный уходъ за больной.

Видъ старой дамы, которая, несмотря на страданія и упадокъ силъ, хотѣла входить во всѣ мелочи хозяйства, ужаснулъ ее. Прямая рѣзкость, настойчивость, самоувѣренность старой женщины сѣялись мягкимъ, миролюбивымъ настроеніемъ; мать-природа дѣлаетъ иногда такіе подарки своимъ измученнымъ дѣтямъ передъ отходомъ ихъ въ вѣчный сонъ. Благословенный миръ, не разъ заставлявшій у постели больного или умирающаго замолкнуть старую вражду, освѣщалъ золотистыми лучами закатъ бурной жизни.

Старая женщина, повидимому, совершенно забыла свой гнѣвъ на покинувшую ее невѣстку. Она съ грустью вспоминала то время, когда сынъ ея былъ живъ, напоминала Віолѣ нѣжное вниманіе къ ней мужа. Разъ онъ купилъ ей у кружевницы отдѣлку на платье, разъ принесъ имъ обѣимъ мѣшокъ винограда. Онъ былъ всегда такъ добръ.

Да, Віола это хорошо помнила.

Попавъ снова въ шумный, хотя неинтересный провинціальный городъ, въ ту самую квартиру, гдѣ она обвѣнчалась съ Гервиномъ и гдѣ онъ умеръ, Віола почувствовала, какъ ее обступили старыя воспоминанія, едва заглушенные съ большимъ трудомъ и усиліемъ. Они прятались за каждой дверью, сидѣли на мебели, выглядывали изъ каждаго ящика, вездѣ лѣзли ей навстрѣчу. Она всюду находила платье, бѣлье, вещи покойнаго, съ которыми мать не хотѣла разставаться. Видъ ихъ не причинялъ ей боли, но какое-то постоянное безпокойство, какую-то подавленность. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ временемъ и вдали отъ Бернарда здраво взглянуть на ихъ взаимныя отношенія и хладнокровно обсудить ихъ, она все болѣе и болѣе запутывалась въ сѣть какихъ-то неопредѣленныхъ мечтаній. Она охотно поговорила бы о своихъ дѣлахъ съ незаинтересованнымъ лицомъ, спросила бы, находятъ ли

оно, подобно ей, отношенія между мужчиной и женщиной загадочными или только ей она кажутся непостижимо странными.

Понятно, что довѣриться кому-нибудь было немыслимо, да у нея и не было близкихъ людей. Дружба съ Бернардомъ незамѣтнымъ образомъ удалила ее отъ прежнихъ знакомыхъ. Въ тѣ дни, когда она ждала его послѣ обѣда, ей не хотѣлось выѣзжать съ визитами. А дней, когда она не ждала его, не было.

Виола всегда считала себя женщиной, способной на самопожертвованіе, такой считали ее и многіе знакомые. Теперь она задавала себѣ вопросъ, не вводилъ ли всѣхъ въ заблужденіе ея строгій профиль и отсутствіе завитковъ на лбу. Она не могла еще отдѣлаться отъ нѣсколько идеальнаго представленія о самой себѣ и часто пробовала вообразить, какъ бы она отнеслась къ извѣстію, что Бернардъ любитъ другую женщину такой любовью, какой она не въ состояніи была пробудить въ немъ. Въ самомъ началѣ ихъ дружбы, онъ обѣщалъ, если когда-нибудь случится, что онъ страстно влюбится, сообщить объ этомъ прежде всего ей. Причемъ прибавилъ, что считаетъ себя застрахованнымъ на много лѣтъ. Съ тѣхъ поръ (сколько перипетій произошло за это время въ ихъ отношеніяхъ) развѣ онъ не говорилъ, что его чувство къ ней измѣнилось? Можетъ быть, прежнее обѣщаніе утратило уже силу.

Трудно было Виолѣ со старухой; часто цѣлыми ночами больная отчаянно кашляла, такъ что не въ состояніи была оставаться въ постели и перебиралась въ кресло, гдѣ также не находила покоя и, боясь простудиться, снова укладывалась въ постель.

Съ нѣкоторыхъ поръ у нея появилась лихорадка. Докторъ сказалъ Виолѣ, что ползучее воспаленіе легкихъ, вѣроятно, скоро избавитъ несчастную отъ всѣхъ страданій.

Однажды ночью, послѣ сильнаго припадка кашля, больная такъ ослабѣла, что Виола съ помощью крѣпкаго вина едва вернула ее къ жизни. Старушка нѣжно погладила руку невѣстки и нѣсколько разъ повторила:

— Милое дитя мое, милое дитя мое! Ты увидишь, я о тебѣ позаботилась, ты получишь все, что у меня было. Ты будешь богатою женщиной... Я умираю! Какъ ты думаешь, умру я сегодня ночью?

Виола лаской старалась успокоить больную; такъ прошли долгіе, мрачные часы ночи. Когда послѣ кофе старая женщина задремала, Виола вышла на минуту въ садикъ, расположенный позади дома. Роскошные осенніе цвѣты блистали пурпуромъ подъ луча

сентябрьскаго солнца. Садъ содержался очень хорошо. Дижонскія розы, отягченныя свергающими каплями росы, склонились къ земле. Обвивавшій стѣны, дикий виноградъ щеголялъ своими яркими парадомъ. Среди причудливо-нарядной природы, утомленную, несчастную женщину вдругъ охватило сознание, что если старуха умретъ, то она сдѣлается богатой, и какой чудной, радостной можетъ стать для нея жизнь! Бернарду женится на ней! Его любовь, въ виду возможнаго счастья, проснется съ новою силой. И все можетъ прекрасно устроиться!

А бѣдная умирающая тамъ наверху? Виола желала ей мирной кончины... И тогда, тогда... Бурное нетерпѣнiе кипѣло у нея въ крови, и все въ ней ликовало! Она чувствовала себя необычайно возбужденно, легко, свободно, почти легкомысленно. Ей хотѣлось пить, сидѣться, танцовать, или, подобно ребенку, бѣгать по полямъ, рвать цвѣты и прижимать къ груди роскошный, свѣтлый букетъ! Вдругъ она услышала жалобный, глухой звукъ серебрянаго колокольчика, доносившійся сверху, сквозь закрытыя окна. Она поспѣшила домой.

— Гдѣ ты пропадала?— встрѣтила ее старуха. — Развѣ еще не дали газетъ? Принеси мнѣ ихъ, подай очки и подними шторы!

Въ старухѣ вернулся ея обычный, ворчливый тонъ. За короткое отсутствiе Виолы у больной наступило одно изъ тѣхъ временъ изъ улучшенiй, которыя часто замѣчаются у долго болѣющихъ людей. А Виола уже видѣла ее мертвой!

Отвращенiе и стыдъ за свои мечты о счастьи охватили ее. Ей казалось, точно она загрязнила свою любовь и никогда не въ состоянiи будетъ смыть съ нея пятенъ.

Она терпѣливо перенесла брюзжанье старухи, посадила ее въ кресло, подкатила къ огню на солнце и усердно прислуживала, мстя себѣ за несправедливость, о которой та не подозрѣвала.

Передъ обѣдомъ она получила письмо отъ Бернарда; три листа раздѣломъ, набросанные бѣгло, но сердечно, его крупнымъ, отрывистымъ почеркомъ. Нѣсколько часовъ проносила она письмо въ рукахъ, не уклавивъ минутки прочесть его. При этомъ она все больше убѣждалась, что въ письмѣ заключается что-нибудь очень важное и рѣшительное! Ея нервы трепетали и болѣзненно напрягались отъ волненiя, когда послѣ обѣда она разрывала наконецъ въ своей комнатѣ конвертъ.

Альтгаузъ покинулъ Берлинъ и поселился на хорошiе осеннiе дни въ лѣсной деревушкѣ. Онъ описывалъ домъ лѣсничаго, у котораго жилъ. Ему прислуживали три дочки хозяина: добродушныя,

веселыя, цвѣтущія созданія, вполне здоровыя и вполне естественныя, съ пухлыми, круглыми, дѣтскими личиками и мягкими, полными, не исковерканными корсетомъ фигурами. Онѣ кормили и заставляли его, какъ маленькаго ребенка. Когда онѣ отправлялся съ лѣсничимъ въ лѣсъ, онѣ старались попасться ему навстрѣчу и потомъ подолгу вмѣстѣ бродили въ лѣсу. Одна умненькая, обладала природнымъ юморомъ, и еслибы не была невѣстой, кто знаетъ — —?!

Мучительная спазма стянула Віолѣ горло. Кто знаетъ — —? Она неподвижно уставилась на два тире и ей ни на минуту не пришло въ голову, что въ концѣ концовъ они были просто шуткой. Она, конечно, знала, что Бернардъ хотѣлъ пошутить, но за шуткой скрывалась глубокая, жестокая, неумолимая, трагическая истина. Онѣ писалъ такъ весело и такъ естественно! Право! Онѣ, вѣроятно, чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ неестественности ихъ отношеній. Но развѣ *она* виновата, что такъ вышло? Вся вина ея въ томъ, что она не холодная, умная, трезвая, разсудочная женщина или не веселая кокетка, что всѣмъ своимъ существомъ она стоитъ между этими двумя типами женщинъ, побѣждающихъ мужчинъ и вселенную!

Сложная натура Бернарда нуждается въ обоихъ типахъ; для него она должна была соединять ихъ оба, не ожидая, что онѣ когда-либо свяжутъ съ ней свою судьбу. Таково было ея мнѣніе.

И развѣ такая задача ей не подсилу? Можетъ быть, она заблуждается? Можетъ быть, ему нужно самое простое. Пожалуй, дочь лѣсничаго—она видѣла ея глупую фізіономію изъ деревенскихъ разсказовъ—и есть настоящая жена для Бернарда,—для него, котораго она ставила выше всѣхъ другихъ, для кого поднималась выше своего естественнаго роста, чтобы достигнуть его высоты. Его высота! —она смѣялась, смѣялась, но такъ горько. Она могла бы тоже овладѣть имъ; надо было только иначе принятъ за дѣло. Смѣхъ перешелъ въ порывистый плачъ. Віола еще разъ прочла письмо и рѣшила предоставить Бернарда въ нераздѣльную собственность дочерямъ лѣсничаго. При этомъ она испытывала такія страданія, которыхъ, казалось ей, нельзя пережить. Затѣмъ, она совершенно успокоилась. Прекрасно, пусть все такъ и случится! Она вообразила себѣ, что бы съ ней было, еслибы это письмо пришло послѣ смерти свекрови, — въ то время, когда возможность счастья, ви́дѣнная возможность, была такъ близко! О, это было бы несравненно хуже!

Черезъ пять дней, въ теченіе которыхъ состояніе старухи, по-видимому, все улучшалось, Віола нашла ее мертвой въ креслѣ.

Она распорядилась похоронами. На слѣдующее утро послѣ церемоніи молодая женщина сидѣла утромъ за кофе и разбирала почту, когда ей доложили о пріѣздѣ д-ра Альтгауза. Онъ ничего не писалъ и пріѣхалъ, чтобы помочь въ приведеніи дѣлъ въ порядокъ. Віола часто спрашивала себя, какъ ей встрѣтиться съ нимъ? Она даже почти надѣялась, что такой встрѣчи не послѣдуетъ. И вотъ онъ обнялъ ее, тихо поцѣловалъ, причемъ она осталась совершенно холодной, точно страсть ея умерла одновременно со старухой.

Альтгаузъ былъ нѣженъ, ласковъ и обходился съ ней по-братски. Онъ нашелъ Віолу истощенной и поблекшей, но утѣшалъ, что она скоро поправится и снова расцвѣтетъ. Онъ зналъ, что смерть старой женщины не могла огорчить ее, и потому удивлялся, какъ грустно и вяло смотреть глаза Віолы.

Однажды вечеромъ Альтгаузъ вернулся отъ ея повѣреннаго. Тотъ любезно сообщилъ ему свѣдѣнія о денежныхъ средствахъ Віолы и далъ понять, что считаетъ его вправѣ наводить подобныя справки. На прощанье любезный адвокатъ очень непрозрачно наклоннулъ на предстоящій, по его мнѣнію, бракъ доктора съ г-жею Гервинъ. Альтгаузъ страшно разсердился. Онъ рассказывалъ, что пріѣхалъ сюда и такимъ путемъ навлекъ на себя подобное подозрѣніе. Въ послѣднее время мысли его были заняты совѣтъ не Віолой. Онъ необычайно радовался предстоящему путешествію. У него были гораздо болѣе широкія желанія, чѣмъ жениться на состоятельной вдовѣ. Онъ былъ радъ за Віолу, узнавъ о наслѣдствѣ. Ему пріятнѣе будетъ вспоминать о ней, представляя ее среди уютной, богатой обстановки.

— Итакъ, вы богатая женщина, — радостно вскричалъ онъ, входя къ ней. — Это очень пріятно, поздравляю васъ! Что съ вами? Въ чемъ дѣло?

Віола недовольно покачала головой.

— Оставимъ это!

— Послушайте, тутъ какая-то сантиментальная бессмыслица! Я думаю, что вы выше такого вздора. Чѣмъ была для васъ старуха? Вы должны теперь наслаждаться жизнью. Ну, представьте себѣ только: вы можете путешествовать, покупать книги! И вамъ этого мало?!

Онъ видѣлъ, какъ отъ его словъ она постепенно блѣднѣла и выраженіе сдерживаемой муки у него на глазахъ старило ее.

— Послушайте, тутъ что-то есть! Ну, выкладывайте все на-чистоту.

Она молчала.

— Будьте благоразумны. Знаете ли, я не выношу такого состоянія. Богъ мой, въ чемъ же дѣло? Говорите же! Что-нибудь касающееся насъ?

Ея глаза наполнились слезами. Она встала и хотѣла выйти изъ комнаты. Онъ крѣпко взялъ ее за руки.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Обидѣлъ я васъ, Віола?

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

У нея закружилась голова. Долгія, безсонныя ночи, психическое напряженіе и душевное волненіе ослабили волю, обуздывавшую инстинкты, и бѣдная женщина разразилась отчаянными рыданиями, беспомощно склонивъ голову Бернарду на плечо.

— Письмо,—пробормотала она и вырвалась у него изъ рукъ.

— Какое письмо?

— Оттуда... ахъ, да не все ли равно. Развѣ это... Нѣтъ! — она сдѣлала усиліе, чтобъ овладѣть собой и, видимо, снокойно спросила:—Въ которую изъ трехъ дѣвушекъ влюбились вы?

— Я?... Ахъ! — и онъ разразился громкимъ смѣхомъ. — Вы ревнуете къ дочерямъ лѣсничаго? О, онѣ прелестныя дѣвушки! Мнѣ тамъ было очень весело! Нѣтъ, я не считалъ васъ способной на что-либо подобное!

— И видите, что ошиблись, — сказала она холодно и нежно-безно.

— Да, къ сожалѣнію, вижу. Вамъ придется привыкать къ подобнымъ вещамъ. Вѣдь, тамъ ровно ничего не было. Отъ одной я получилъ на память локонъ и пошу его въ часахъ. Показать?

— Нѣтъ!

— Есть много другого, къ чему вамъ придется привыкать.

— А если не привыкну?

Онъ пожалъ плечами. Послѣдовала продолжительная пауза. Альтгаузъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я сдѣлалъ безтактность, — сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь передъ Віолой. — Съ женщинами никогда не слѣдуетъ говорить о женщинахъ. Я попалъ впросакъ потому, что былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о васъ. Я бы могъ покаяться въ худшемъ.

— Мнѣ не нужно вашего покаянія, — сказала робко Віола.

Онъ меланхолически улыбнулся.

— Моя склонность къ вамъ совершенно не страдаетъ отъ сношеній съ другими женщинами. Она неизмѣнно остается той же, какой была.

— Я этого не понимаю, — неуверенно сказала Віола.

Онъ нетерпѣливо провелъ рукой по волосамъ.

— Боже мой, неужто вы такъ мало знаете жизнь? Вѣдь вы же были замужемъ.

Віола густо покраснѣла и отвернулася. Она испытывала такое чувство, точно стоитъ на узенькомъ мостикѣ надъ пропастью и любящая рука осторожно вытаскиваетъ изъ-подъ нея доски, и при этомъ ее все болѣе и болѣе охватываетъ страхъ передъ разверзающеюся мрачною бездною невѣдомаго несчастья. И она не знала, какъ ей спастись. Она не знала, что лучше, открыть Бернарду всю правду или промолчать, бѣжать или оставаться, быть нѣжной или упрямой, гордой или смиренной?

Она хотѣла быть всѣмъ и въ сущности была равнодушна ко всему, кромѣ его любви.

— Вы внесли въ мою жизнь нѣчто прекрасное, Віола, — сказалъ Альтгаузь. — Я не хочу терять этого, я хочу тщательно ухаживать за этимъ цвѣткомъ, чтобъ онъ пышнѣе распустился. Портите мнѣ, будущее можетъ подарить намъ много драгоценныхъ часовъ радостей, которыхъ мы теперь и не подозреваемъ, потому что еще не доросли до нихъ. Не портите себѣ настоящаго глупыми измышленіями!

Віола вытерла слезы. Онъ обнялъ ее за талію и съ любовью посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Время приноситъ много новаго, дорогая Віола, — шепталъ онъ ей на ухо. — И во мнѣ ты встрѣтишь еще много неожиданнаго. Онъ еще и еще цѣловалъ ее. Она поддалась упоенію, которое возбуждалъ въ ней его нѣжныя ласки. Она плотно прижалась къ его груди, упивалась его поцѣлуями, которые становились все теплѣе и искреннѣе. Въ эту минуту въ ней было что-то вакхическое: смѣясь, съ растрепанными волосами, съ сіяющими глазами, она съ отрываясь смотрѣла на него.

— Какъ хорошо! — шептала она. — Не оставляй меня!... Ты скоро опять уѣдешь!

Этотъ стоишь, отчаянная мука, потрясли его.

— Бѣдное дитя, — шепталъ онъ, цѣлуя ее и глядя по головѣ, — вѣдь я снова вернусь. Бѣдное дитя! Сколько въ тебѣ страсти! Сколько молодости!

— Да, вѣдь я молода! Такъ молода, что ты этого и представить не можешь!

— Вижу, вижу, — сказалъ онъ смѣясь. — Шестнадцать лѣтъ! Не правда ли? Да, полно, была ли ты когда-нибудь замужемъ?

— Нѣтъ, — прошептала она, какъ слабое дуновение, — никогда!

Онъ долго молча смотрѣлъ на нее. Потомъ тихо опустилъ въ

кресло, точно любимую больную, за которой заботливо ухаживаю. Затѣмъ вдругъ сказалъ отрывисто, холодно и грубо:

— Только не заблуждайся! Мнѣ нужна совсѣмъ молодая женщина. Слышишь? Совсѣмъ молодое, глупое созданіе! Я, вообще, еще не женюсь! — онъ неестественно разсѣялся. — Ты знаешь, я вижу бракъ. Но можетъ случиться, что я женюсь, только черезъ лѣтъ спустя, а, кромѣ того, — ты должна это знать, — я очень люблю тебя, но не такъ!

Віола больше не плакала. Безпомощно и растерянно блуждала по комнатамъ ея взоры. Но въ буржуазно-изящномъ салонѣ г-жи Винъ не было на столахъ ни кинжаловъ, ни револьверовъ.

— Надѣюсь, что когда вернусь сюда завтра, между нами будетъ по-старому, — дружественно замѣтилъ Альтгаузь, уже сколько сдавленнымъ голосомъ. — Или, можетъ быть, мнѣ уже не приходится? Уже поздно, не можетъ ли дѣвушка посвятить на лѣстницѣ?

— Я позову ее, — сказала Віола, но не сдѣлала этого, а в серебряный подсвѣчникъ съ зажженной свѣчей и пошла впе-
черезъ сосѣднюю комнату. Изъ кухни вышла дѣвушка и отпирала дверь.

Альтгаузь поклонился Віолѣ.

— До свиданія!

Віола вошла въ комнату и заперла дверь. Подсвѣчникъ у ней изъ рукъ. Огонь погасъ, и она осталась въ темнотѣ. Давно стояла молодая женщина неподвижно на одномъ мѣстѣ. И такъ, узнала жизнь и любовь.

Тихо, опустивъ голову, шелъ Альтгаузь. Глаза его были вымыты. Не шутка, что онъ только что продѣлалъ! «Мнѣ слѣдуетъ предостеречь ее. Она совершенно не знаетъ... Было бы нежелательно... Женщина, подобная ей и еще съ склонностью къ экзальтаціи — какія бы требованія она стала предъявлять ко мнѣ!»

Черезъ полтора года, ранѣе, чѣмъ предполагалъ, возвратился Альтгаузь изъ своего образовательнаго путешествія въ Берлинъ. Ему предложили редакторство новой газеты. Онъ понялъ, что, занимаясь только подготовкою къ плодотворной жизненной дѣятельности, можно опоздать съ ея началомъ. Вмѣсто того, чтобы бродить по чужимъ странамъ, которыя, встать, обманули его ожиданія и гдѣ такъ плохо спалось по отелямъ, было бы гораздо лучше медленнее, но вѣрно, завоевать себѣ солидное положеніе въ литературномъ мірѣ Берлина. Тогда его работы приобретутъ

въ другую цѣну, чѣмъ выброшенные на переполненный рынокъ туді неизвестнаго автора. Воспитывать постепенно публику въ этихъ идеяхъ, затѣмъ преподнести ей въ видѣ награды эти же идеи въ сильной, захватывающей формѣ художественнаго произведенія — вотъ задача его ближайшаго будущаго. Наряду съ этимъ, Альтгаузъ серьезно обдумывалъ, какія средства могутъ способствовать тому, чтобы жизнь его сложилась совершенно сообразно съ его желаніями, и его личность была бы гармонично закончена во всѣхъ направленіяхъ.

Многое было въ услугахъ умнаго, образованнаго человѣка изъ старой семьи, но онъ хотѣлъ сдѣлать разумный выборъ. Характерно для Альтгауза было убранство его холостой квартиры: нѣмного цѣнныхъ, полныхъ вкуса предметовъ, все удобно приспособлено къ ежедневному употребленію, и главное — ничего по общепринятому шаблону.

Мысль его остановилась на Віолѣ. Онъ писалъ ей разъ, но не получилъ отвѣта. Когда онъ думалъ, что она не хочетъ больше имѣть съ нимъ дѣла, ему становилось грустно. Несмотря на то, у Альтгауза не было страстнаго стремленія быть вблизи Віолы, глубинѣ его сердца что-то требовало той любви, съ которой она имѣла къ нему и которую онъ такъ грубо оттолкнулъ. Его охватывало неприятное волненіе при малѣйшемъ сомнѣніи въ вѣрности, искренности, самоотверженности этой женской любви, которую онъ внутренне чувствовалъ за видимымъ спокойствіемъ дружбы.

Дорога по опушкѣ дремучаго лѣса съ просвѣтами на поляну, одновременно дышащій спертый лѣснымъ воздухомъ и чувствующій ласкающее дуновеніе свѣжаго вѣтерка съ поля, вотъ что для него всего болѣе по вкусу Бернарду Альтгаузу.

Оставивъ визитныя карточки въ нѣсколькихъ вліятельныхъ лицахъ, которые, какъ Альтгаузъ надѣялся, могутъ быть ему полезны ради карьеры, посѣтилъ онъ также г-жу Гервинъ. Она жила на той же квартирѣ.

Онъ пришелъ послѣ обѣда, къ чаю. Она представила его приятельствующимъ, какъ стариннаго друга. Віола казалась почти молодой, чѣмъ въ то время, когда Бернардъ покинулъ ее. Онъ не могъ не замѣтить ея блѣдный, изящный образъ вполне удовлетворялъ его эстетическое чувство. Въ ней произошла какая-то перемѣна, не рѣзкая, но онъ чувствовалъ, что многое въ ней стало чуждо, что онъ не зналъ ее уже такъ, какъ прежде. Это восхищало его, но и причиняло боль. Она, видимо, освободилась отъ его влияния и пошла своимъ путемъ.

Поговоривъ съ Альтгаузомъ нѣсколько минутъ, Віола вѣла къ общему разговору. Дѣло касалось психологическаго проса — одного изъ тѣхъ, надъ которыми задумывается какъ образованный человѣкъ, но которые рѣдко обсуждаются въ обществѣ, гдѣ есть дамы. Каждый изъ присутствующихъ свободно сказывалъ свое мнѣніе. Одинъ молодой человѣкъ, въ истрепанномъ сюртукѣ, съ вдохновенной фізіономіей, говорилъ о предметѣ всѣмъ не въ парламентскихъ выраженіяхъ. Еслибы дѣло произошло не въ домѣ Віолы, д-ръ Альтгаузъ немедленно закурилъ трубку и съ жаромъ принялъ участіе въ общемъ спорѣ. Но все, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, не вязалось съ воспоминаніями, которыя навѣвала на него эта комната. Его взглядъ съ особымъ чувствомъ останавливался на г-жѣ Ломаниъ и ея работѣ, — она, видимо, вязала все тотъ же узоръ, за который онъ не разъ видѣлъ ее въ былые, хорошіе дни.

Изъ остальныхъ дамъ никто не работалъ. Одна курила; мужчины также курили. Сигары и папиросы стояли на маленькомъ столикѣ, рядомъ съ граненымъ графинчикомъ ликеру, которыми некоторые предпочитали чаю. Передъ раскрытымъ журналомъ сидѣла опершись на локти, молодая дама, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ, и совершенно погрузилась въ чтеніе.

Многихъ мужчинъ Альтгаузъ зналъ; это были — извѣстный матургъ, два-три художника, приватъ-доцентъ философіи, и тѣльница женскаго журнала, все люди зрѣлаго возраста, но шески-пылкіе и къ чему-то стремящіеся. Бернардъ пріятно провелъ вечеръ, хотя ему не пришлось сказать двухъ словъ съ Віолой.

Когда она пригласила его черезъ недѣлю снова пріѣхать, щая приблизительно то же общество, онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе.

Визитъ этотъ подѣйствовалъ на Альтгауза какъ неожиданное испытаніе. Онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ, какъ встрѣтитъ его Віола съ глазу на глазъ? Онъ рѣшилъ повести дѣло сблизиться съ ней очень осторожно; но черезъ три дня не выдержалъ и стучалъ около ея двери.

Въ то время, какъ онъ прижалъ звонокъ, дверь отворила Віола, въ шляпѣ и навидѣвъ, одѣтая для прогулки.

— Ахъ! — сказала она въ удивленіи и, какъ ему показалось, въ испугѣ.

— Вы уходите? — спросилъ онъ тѣмъ тономъ, какимъ говорилъ прежде. — Мнѣ такъ хотѣлось повидать васъ одну. Тогда вече-

было очень хорошо, немножко необычно, но... намъ такъ много надо поразсказать другъ другу...

Она повернулась, положила зонтикъ и перчатки на стулъ.

— Такъ какъ вы застали меня, то я не могу велѣть отказать вамъ, — сказала она съ легкимъ смѣхомъ.

— А иначе вы бы отказали?

— Да!

— Это несправедливо, Віола!

— Надѣюсь, что я могу принимать и не принимать, кого мнѣ вздумается.

— Конечно! Но почему вы не хотите принимать меня?

Они вошли между тѣмъ въ гостиную. Віола подошла къ окну и раздвинула драпировки, опущенныя отъ солнца.

— Не приходите больше! — съ трудомъ выговорила она. — Прошу васъ, не приходите больше. Я думала, что, оставивъ ваше письмо безъ отвѣта, показала вамъ, что не желаю никакихъ отношеній.

Альтгаузъ испуганно смотрѣлъ на нее; затѣмъ безсмысленно обвелъ глазами комнату и въ разбѣянности взялъ съ качалки книгу. Она оказалась французскимъ натуралистическимъ романомъ; даже въ такую непріятную минуту его изумило, что Віола, непомѣрно чувствительная ко всему грубому, читаетъ подобныя вещи.

— Если я—непрощенный гость среди вашихъ новыхъ друзей, зачѣмъ тогда вы пригласили меня на свои среды? — спросилъ онъ мягко; еслибъ онъ не принудилъ себя быть мягкимъ, то наговорилъ бы рѣзкостей, причемъ самъ чувствовалъ, какъ это было бы необычайно смѣшно.

— О, нѣтъ, — сказала она, смѣясь, — вы никому не мѣшаете. Мнѣ только кажется, что одного раза въ недѣлю совершенно достаточно.

— А если мнѣ недостаточно?

— Зачѣмъ это? Оставьте меня, — сказала она усталымъ тономъ, и на ея изящномъ лицѣ появилась жесткая, суровая складка.

— Потому что я люблю васъ и вѣрю, что при нѣкоторомъ благовразуміи съ вашей стороны мы можемъ дать другъ другу очень много.

— А когда вы женитесь?

— Ахъ, до этого далеко. Теперь я менѣе, чѣмъ когда-либо, думаю о женитьбѣ.

Віола пристально посмотрѣла на Альтгауза.

— Хорошо, будь по-вашему, — тихо сказала она. — А все-таки лучше было бы теперь все покончить и не видаться болѣе, — прибавила она прежнимъ мягкимъ, грустнымъ голосомъ. — Лучше бы было.

Глаза ея наполнились слезами.

Но его она не тронула. Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, что одержалъ надъ ней побѣду.

Брѣвно сжавъ Віолѣ руку, Альтгаузь сѣлъ возлѣ нея на диванъ и сталъ рассказывать о своихъ путешествіяхъ. Никто не умѣлъ его такъ слушать, какъ Віола.

Альтгаузь нашелъ у г-жи Гервинъ все, чего ожидалъ; даже больше, гораздо больше, чѣмъ могъ ожидать. Уютная квартира въ тихой части Берлина стала дѣйствительно его духовнымъ и умственнымъ убѣжищемъ, куда онъ несъ все, что его волновало, радовало и огорчало, гдѣ онъ находилъ для всякаго настроенія подходящее слово или молчаніе, взглядъ, пожатіе руки, смѣхъ или серьезное вниманіе.

Какъ много познаній приобрѣла за послѣднее время Віола. Онъ постоянно изумлялся. При случаѣ она даже кокетничала съ нимъ, хотя въ удивительно холодномъ, ироническомъ тонѣ, что его восхищало и окончательно приковывало къ ней.

Впрочемъ, онъ не могъ бы сказать теперь съ увѣренностью, что Віола еще любитъ его; во всякомъ случаѣ, она прекрасно скрывала свои чувства, и часто, когда ея присутствіе волновало его, умѣла завести оживленный, интересный разговоръ и отвлечь отъ волновавшихъ мыслей. Віола такъ быстро переходила отъ одного предмета къ другому, что онъ съ трудомъ могъ слѣдить за ней и поражался легкостью, съ какой она распоряжалась новопріобрѣтеннымъ матеріаломъ. Въ особенно интимныя минуты онъ даже опасался, что ея сдержанность лишаетъ его поэзіи, которой окружено для него все ея существо. Да, онъ считалъ уже былую безавѣтную нѣжность Віолы невозвратно утраченной.

Однако, по временамъ она возвращалась. Наконецъ, онъ долженъ былъ благодарить Віолу за сильный умственный подъемъ, которымъ былъ ей обязанъ.

Часто ему приходило въ голову, что ея собственное я было ему теперь болѣе чуждо, чѣмъ въ первый періодъ ихъ дружбы, когда Віола, изъ болзни огорчить его, рѣдко противорѣчила и высказывала свои взгляды, но, тѣмъ не менѣе, онъ зналъ ея сердце до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ. Теперь онъ могъ безъ опасе-

ий разсказывать ей о другихъ женщинахъ и дѣвушкахъ. Она разспрашивала о нихъ, поддразнивала его то той, то другой. Если Бернарда заинтересовывалъ кто-нибудь на болѣе долгое время, онъ дѣлалъ въ присутствіи Віолы сравнительную оцѣнку этой женщины съ другими и не замѣчалъ въ своей слушательницѣ ни малѣйшаго раздраженія.

Онъ считалъ благоразумнымъ и его положительно забавляло подобнымъ образомъ испытывать ея характеръ. Относительно его будущей жены, ея душевныхъ качествъ и внѣшности, общественной среды, къ которой она должна принадлежать, ея отношеній къ нему и ихъ обоихъ къ дѣтямъ,—они давно и во всемъ пришли къ соглашенію; только до сихъ поръ не было найдено подходящей дѣвушки.

— Меня одно смущаетъ, — замѣтилъ какъ-то Альтгаузь, — то въ концѣ-концовъ я буду умирать со скуки около этого обворожительнаго существа.

— Вотъ какъ! Вы этого, правда, боитесь?—равнодушно спросила Віола. «А что, если онъ все-таки женится... — думала она, и смертельный холодъ наполнялъ ея сердце, — что, если все было напрасно?»

.....

Когда воспаленіе глазъ надолго усадило Бернарда въ комнатѣ, Віола аккуратно навѣщала его, читала вслухъ, вела за него корреспонденцію, не обращая ни малѣйшаго вниманія на любопытную физиономію экономки.

Наконецъ, ему стало лучше; приходилось еще нѣсколько дней поберечься солнечнаго свѣта. Віола сидѣла у него и болтала о всякой всячинѣ. Бернардъ уткнувъ голову въ руки и молчалъ. Она думала, что онъ утомился, и также замолчала. Нѣсколько минутъ сидѣли они молча; откинувшись на спинку кресла и опустивъ вѣки, она почти задремала. Вдругъ что-то ее заставило открыть глаза. Бернардъ стоялъ возлѣ кресла, близко наклонивъ къ ней голову. Она откинулась назадъ; сердце пугливо забилося.

«Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ внутри голосъ.— Не такъ...»

Она поднялась и сказала, что пора домой. Альтгаузь принесъ ей вещи и помогъ ей одѣться. Его движенія были нѣжны, какъ ласка, какъ мольба! Она была холодна, сдержанна и презрительна.

Выйдя на улицу и пройдя уже значительный конецъ, Віола остановилась и устремила глаза вдаль. «Что-же это? или я уже не люблю его? — съ удивленіемъ спрашивала она себя.— О, какъ бы хорошо! Можетъ быть, уже все прошло?»

И затѣмъ вдругъ прибавила: «А если пришло время? О чемъ же я хлопотала столько лѣтъ?»

— Нѣтъ, нѣтъ! — настойчиво повторялъ Альтгаузь. — Это бы бы глупо, ребячество; съ этимъ насталъ бы конецъ того прекрнаго, что меня такъ удовлетворяетъ! Жениться? Ей, навѣрное, перь около тридцати пяти. Если я не женился въ началѣ нашего знакомства, зачѣмъ это нужно теперь? Гибель всей будущности. Презъ десять лѣтъ — я знаменитость — со старой женой... Развѣ я дамъ ей лучшаго, — право, наилучшаго, — что во мнѣ есть? Она должна быть довольна и довольна на самомъ дѣлѣ. Можно ли себѣ представить что-нибудь лучше нашихъ отношеній? Единственные возможные между интеллигентнымъ мужчиною и образованной женщиной

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Альтгаузь познакомился на искихъ купаньяхъ съ молоденькой дѣвушкой и отчаянно влюбился въ нее. Она ходила съ распущенными волосами, забавлялась *plage's* съ дѣтьми и, обворожительно смѣясь, тащила взрослыхъ любоваться своими сооружениями изъ песку.

Она была дѣйствительно очень наивна, рассказывала постоянно о себѣ, о своихъ маленькихъ радостяхъ и печаляхъ, притомъ такъ забавно, что ее пріятно было слушать. Альтгаузь скоро былъ священъ въ ея музыкальныя заботы и хозяйственные тревоженія; онъ узналъ, что у нея есть экипажъ съ понни, что она выводитъ цыплятъ. Она обходилась съ писателемъ, съ знаменитостью, и съ пожилымъ человѣкомъ, которому можно повѣрить всѣ тайны. Они постоянно пикировались и поддразнивали другъ друга, — неожиданные сюрпризы смѣялись другъ друга. Альтгауза малю очень забавляла; онъ открывалъ въ себѣ неизсякаемые источники молодого веселья и дѣтской жизнерадостности! Онъ нашелъ, что ему нужно!

Чистосердечное созданіе, смѣявшееся надо всѣмъ, что встало въ жизни неразгаданнаго и труднаго и, притомъ, создававшее неглупое. Нимало! Она могла говорить вещи, наивностью напоминая народную поэзію. А кромѣ того, у нея былъ такой здравый видъ. Она постоянно рассказывала о своихъ подвигахъ силъ ловкости и смѣялась надъ подружками, которымъ такіе подвиги не были доступны. На морскомъ берегу, гдѣ дулъ свѣжій вѣтеръ, она ходила въ матросской рубашечкѣ, отложной воротникъ которой открывалъ молочно-бѣлую шею; никогда не куталась она въ плащи или кофточки.

Ея взгляды на нравственность дышали свѣжестью и здоровьемъ, хотя были нѣсколько ограничены. Она судила съ суровой строгостью неспорченной души. Альтгаузъ находилъ вообще, что изъ терпимости, которая хочетъ все понять, чтобы все простить, выходитъ мало толку. Чтобы дойти до такой точки зрѣнія, надо было въ сущности очень многое простить самому себѣ. Насколько такая точка зрѣнія была пригодна для воспитанія дѣтей, находилось подъ большимъ вопросомъ.

Зрѣлый духъ въ совѣтѣ молоденькомъ тѣлѣ — такія находки встрѣчаются не на каждомъ шагу. Онъ давно искалъ такое сокровище.

Лулу имѣла одно преимущество передъ всѣми женщинами и девушками, которыя ему раньше нравились, — наивность. Кроме того она принадлежала къ хорошей семьѣ: отецъ ея былъ богатый помѣщикъ изъ аристократовъ. Духъ деревни всегда имѣлъ притягательную силу для кабинетнаго ученаго съ расшатанными нервами. Передъ нимъ было свѣжее, но родовитое существо — полевой цвѣтокъ, взлелѣанный на жирной почвѣ англійскаго парка.

Альтгаузъ принялъ окончательное рѣшеніе и, оставшись однажды съ Лулу вдвоемъ на place'ѣ, спросилъ ее, хочетъ ли она быть его женой?

Она покраснѣла, искоса взглянула на него, плутовски сверкая глазами и спросила:

— Нѣтъ, правда? — затѣмъ, звонко разсмѣялась и вскричала: — Какъ смѣшно, какъ смѣшно! Что скажетъ мама?

— Да, но что вы-то скажете? — спросилъ Альтгаузъ.

— Я? Неужели вамъ нужна такая глупышка?

Когда онъ привлекъ ее къ себѣ, она подняла головку и прошептала ему въ ухо:

— Твое дитя и твоя жена!

Д-ръ Альтгаузъ думалъ въ эту минуту, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, ни одинъ человѣкъ не могъ быть такъ счастливъ, какъ онъ.

Онъ увѣдомилъ Віолу письмомъ о своей помолвкѣ и, возвратившись въ Берлинъ, собирался немедленно пойти къ ней. Но у него накопилось такъ много дѣлъ, что едва черезъ двѣ недѣли выбралъ онъ время побывать у нея. Въ сущности, она и не могла требовать отъ жениха, чтобы онъ тратилъ время на визиты.

Не заставъ ея дома, онъ пожалѣлъ, хотя выбралъ такое время, когда она отправляется за покупками.

Тотомъ невѣста съ матерью пріѣхали въ Берлинъ дѣлать при-

даное. Друзья д-ра Альтгауза спѣшили наперерывъ приглашать къ себѣ жениха и невѣсту. При такихъ обстоятельствахъ встрѣтился онъ въ первый разъ съ Віолой. Она пошла къ нему навстрѣчу и протянула руку.

— Будьте счастливы, — сказала она холодно и спокойно.

Альтгаузь представилъ ей Лулу; она поздравила также и молодую дѣвушку.

Бернардъ сіялъ, глядя на невѣсту. Отъ ея стройной фигурки, смѣющихся глазъ, распущенныхъ волосъ, бѣлыхъ плечъ, розовыхъ рукъ такъ и вѣяло заразительнымъ весельемъ. Ее носили на рукахъ. Съ внутреннимъ удовольствіемъ сравнилъ Альтгаузь свое «дитятко», какъ называлъ невѣсту, съ Віолой, которая сидѣла въ углу, въ группѣ дамъ и казалась утомленной, постарѣвшей, даше больной. Въ немъ шевельнулась жалость. Онъ охотно сдѣлалъ бы что-нибудь для Віолы, доставилъ бы ей какое-нибудь удовольствіе. Пока Лулу танцевала съ его пріятелемъ, онъ подошелъ къ г-жѣ Гервинъ и сталъ рассказывать ей о своемъ счастьи; могъ ли онъ теперь говорить о чемъ-нибудь другомъ?

Она терпѣливо слушала его. Онъ нашелъ очень любезнымъ, что она не побранила его за долгое отсутствіе.

— Я привезу къ вамъ невѣсту, — обѣщалъ онъ, — вы, навѣрно, полюбите ее!

Но этого не случилось. Все время было такъ много дѣла, и въ суматохѣ Альтгаузь позабылъ свое обѣщаніе.

Послѣ свадьбы д-ръ Альтгаузь уѣхалъ съ молодой женой въ Италію. Они вели себя тамъ совершенно иначе, чѣмъ всѣ совершающіе свадебное путешествіе, — умнѣе и оригинальнѣе. Они не осматривали церквей и музеевъ; классическое искусство не омрачало ихъ счастья. Въ Венеціи Лулу выучилась у гондольера, къ которому Альтгаузь почти воспылалъ ревностью, пѣть уличныя пѣсни. Въ Римѣ они поѣхали на виллу Адріана и рвали фіалки. Въ Неаполѣ Лулу купила себѣ итальянскій костюмъ, коралловыя булавки и черепаховую гребенку. Италія ей необычайно понравилась.

Лулу была очень нѣжна, очень несамостоятельна, весела и капризна — совершенно, какъ должна быть молодая женщина въ медовый мѣсяцъ. Если она замѣчала, что Альтгаузь утомленъ, разсѣянъ, недоволенъ, то умѣла снова оживить его; все время проходило въ поцѣлуяхъ, хохотѣ и суетѣ.

Но въ послѣднее время Альтгаузь сталъ поговаривать, что ра-

дуются возвращенію въ Берлинъ къ работѣ: пора положить конецъ бессмысленному ничего недѣланію. Онъ страдалъ отъ головныхъ болей и старался скрыть это отъ жены. Онъ сталъ бояться пресыщенія—періода тупого равнодушія ко всему окружающему, преимущественно къ красотѣ и веселью,—періода, отъ котораго спасали его усиленная работа и серьезное мышленіе. Точно боясь чего-то ускорилъ онъ возвращеніе назадъ. Богъ мой, не могъ же онъ сказать женѣ, разъ она у него была, что съ удовольствіемъ отдѣлался бы отъ нея на мѣсяць-другой! Худо ли, хорошо ли, а приходится устраиваться!

Когда въ Берлинѣ онъ уходилъ въ редакцію, жена не замѣчала его жалкаго, подавленного состоянія.

При такомъ настроеніи постоянная веселость Лулу раздражала его. Онъ не могъ этого скрыть: она обижалась, сердилась или просто затихала. Но скоро снова раздавался смѣхъ, сыпались остроты и подшучиванія. Этому она научилась дома. Мать говорила ей, что шутки и остроты всего болѣе пѣвняють мужчинъ.

Альтгаузъ привыкъ уже отличать, когда веселье Лулу было искреннее и когда напускное. На него оно не производило болѣе впечатлѣнія.

Бъ счастью, теща наняла молодымъ квартиру съ января, чтобы нѣтъ время лучше устроить ее, такъ что въ мартѣ они могли вернуться въ Берлинъ.

Альтгаузъ задумалъ новый романъ, отъ котораго много ожидалъ. Каждое новое произведеніе казалось ему единственно - хорошимъ, долженствовавшимъ его прославить и затмить предыдущія. Лулу была знакома съ его произведеніями, но онъ неохотно говорилъ съ ней о нихъ. Она изрекала такія тривіальныя вещи и такимъ самоуувѣреннымъ тономъ! Она гдѣ-то читала, что жена писателя должна своимъ вліяніемъ предохранять мужа отъ грубаго и банальнаго въ искусствѣ.

Это казалось ей идеальной задачей жизни. Только взгляды мужа и жены на грубое и банальное были діаметрально противоположны. Что она такъ называла, Альтгаузъ объявлялъ сильнымъ и мощнымъ; что ей казалось поэтичнымъ, онъ называлъ кисло-сладкой дрянью.

Бернардъ сообщилъ ей идею романа; она воодушевилась намѣреніемъ работать съ нимъ вмѣстѣ. Съ беззапѣтливостью, которая ему прежде такъ нравилась, давала она ему совѣты, какъ пережѣвать планъ сообразно ея взглядамъ.

Онъ поднялъ ее на смѣхъ; тогда она обнаружила поразитель-

ное тщеславіе и дала ему понять, что еще-подросткомъ писала стихи и вовсе не такъ безталанна, какъ онъ думаетъ.

Попытка не удалась. Альтгаузь рѣшилъ, что надо держать и ну вдали отъ его работъ, иначе она будетъ портить ему настроеніе. Но это было не такъ легко, какъ онъ думалъ.

Вечеромъ, когда онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, каждую пять минутъ раздвигалась портьера, просовывалась хорошенькая головка жены, затѣмъ она сама впархивала къ нему въ комнату спрашивала:

— Трудисься, сокровище мое? Дай взглянуть, что ты писалъ?

Онъ серьезно выпроваживалъ ее вонъ. Тогда по сосѣдству раздавался жалобный плачь. Что было дѣлать?

Онъ старался убѣждать ее. Тогда она мило смотрѣла на него влажными, плутовскими глазами, корчила рожицу, точно милое обиженное дитя и говорила:

— Если ты будешь цѣлыми вечерами работать, тогда у меня не будетъ мужа.

И такія сцены повторялись ежедневно. Однажды она объявила, что пойдетъ спать, но черезъ нѣсколько минутъ вернулась въ него в ней розовой фланелевой юбочкѣ пожелать Бернарду покойной ночи и такъ мило ластилась къ нему, такъ граціозно представляла себя летнюю танцовщицу и была при этомъ такъ соблазнительно красива, что онъ бросилъ перо, посадилъ ее на колѣни и позабылъ обо всемъ, кромѣ желанія быть около нея. Она, хитро прищурившись, взглянула на него и смѣясь сказала:

— Что, добилась своего!

Онъ не могъ позабыть ея словъ и взгляда. Была ли она действительно такъ проста и наивна, какъ казалась? Онъ почувствовалъ отвращеніе къ самому себѣ.

На слѣдующій день, возвращаясь изъ редакціи, Альтгаузь шелъ нѣкоторое время задумавшись; оглядѣвшись, наконецъ, онъ разразился смѣхомъ. Старая привычка привела его къ квартирѣ Гервинъ.

Потребность увидеть Виолу, потребность въ разумномъ разговорѣ съ ней упорно овладѣла имъ и наполнила сердце радостнымъ ожиданіемъ.

Такое чувство испытывалъ онъ всегда, возвращаясь къ послѣ бурнаго и обыкновенно безобразно оканчивавшагося любве

го похождения и отдыхая въ ея спокойномъ обществѣ, озаренный свѣтлой улыбкой ея глазъ.

Такъ много надо было рассказать ей, безконечно много. Она еще ничего не знала о его новомъ романѣ, основная идея котораго навѣрно встрѣтитъ ея одобреніе! А потомъ, во время его путешествія выдался вечерокъ, когда онъ одинъ уплылъ на лодкѣ изъ Неаполя... Однообразный плескъ волнъ, розоватая лазурь вечерняго моря навѣяли такія мечты, въ которыхъ онъ не могъ разобратъся, которыя давили и неотвязно мучили его, требуя разрѣшенія. Съ ней онъ могъ подѣлиться ими.

Альтгаузъ шелъ все быстрѣе, помахивая палкой. Наконецъ, онъ передъ знакомымъ домомъ. Нерѣшимость и сомнѣніе напали на него. Ему стало стыдно, точно онъ пришелъ жаловаться на Лулу, точно былъ на пути къ запрещенному удовольствію. Въ немъ шевельнулось что-то вродѣ супружеской чести, и онъ вернулся назадъ.

— Да, да! бракъ, — думалъ онъ, — что за удивительная, мистическая связь двухъ людей...

Онъ такъ много и глубоко вдумывался въ эту загадку сфинкса. Онъ наблюдалъ это явленіе всюду, гдѣ представлялась только возможность, цѣлыми часами бесѣдовалъ о немъ съ умнѣйшими людьми. Ему не давалъ покою вопросъ, какіе элементы надо привести въ соприкосновеніе, чтобы получить въ результатъ счастливое супружество. Онъ подвергъ серьезному испытанію квинтэссенцію своихъ размышленій, прежде чѣмъ выбралъ Лулу. И что же, была ли она подходящей для него женой? И былъ ли онъ мужемъ, который можетъ сдѣлать ее счастливою?

Пока еще нельзя было утверждать противнаго. Они переживали первый періодъ супружества. Въ хорошемъ брачномъ союзѣ, во свидѣтельство опытныхъ людей, приходится переживать различные кризисы большей или меньшей опасности; и только претерпѣвъ ихъ, можно считать себя спасеннымъ. Лулу — дитя, которое нужно воспитывать. Віола годами терпѣливо работала надъ собой, прежде чѣмъ сдѣлалась тѣмъ, что есть — другомъ и повѣренною лучшей части его я. Лулу должна учиться быть не только его женой, но и другомъ, чтобы замѣнить Віолу.

Зачѣмъ онъ давно не поѣхалъ къ г-жѣ Гервинъ съ своимъ «дитякомъ».

Веселый вернулся онъ домой. Выслушалъ повѣствованіе Лулу о проступкахъ прислуги, ея планы относительно новыхъ лѣтнихъ туалетовъ, сплетни о любовныхъ похожденияхъ знакомой и смѣясь зашѣлъ:

— Радость моя, завтра, когда я вернусь изъ редакціи, будь одѣта. Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать съ тобой одинъ нужный визитъ.

— Къ кому?—спросила она съ любопытствомъ.

— Къ г-жѣ Гервинъ. Кажется, я не разъ рассказывала тебѣ о ней...

— Мнѣ это тоже кажется! Слушай, я къ ней не поѣду!

— Лулу, брось ребячество. Я общалъ ей привезти тебя, когда мы были еще женихомъ и невѣстой.

— Я не пойду къ г-жѣ Гервинъ. Ни за что на свѣтъ!

— Я не понимаю...

— Я не понимаю, какъ можешь ты дѣлать мнѣ такія предложенія.

— Или тебя кто-нибудь возстановилъ противъ г-жи Гервинъ? Скажи мнѣ всю правду!

Лулу откинулась на спинку дивана, гдѣ они оба сидѣли и уставилась въ пространство.

— Она эмансипированная женщина.

— Что ты подъ этимъ подразумѣваешь?

— То самое, что представляетъ изъ себя г-жа Гервинъ.

— Но, вѣдь, ты ее совсѣмъ не знаешь.

— Я знаю о ней совершенно достаточно. И ты хочешь, чтобы съ такой особой была знакома твоя жена? Вы, мужчины, бываете иногда восхитительны!

Круглая, молодая плечики презрительно передернулись, маленький, хорошенькій дѣтскій ротикъ презрительно улыбался, ножки въ остроконечныхъ ботинкахъ нетерпѣливо выбивали по ковру презрительную трель. Бернардъ всталъ.

— Ты находишься въ полномъ заблужденіи, милая Лулу,—сказалъ онъ серьезно.—Ты жестоко несправедлива къ г-жѣ Гервинъ. Она не изъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ можно прилагать обычный масштабъ.

— Я вполне понимаю, что ты ее оправдываешь, и считаю это великодушнымъ. Но ты не можешь запретить мнѣ судить о ней иначе.

— Ты, вообще, не имѣешь права судить о ней, не зная ея! Я очень радъ, что мы заговорили, наконецъ, о г-жѣ Гервинъ. Я вижу, что въ твоей головѣ сложились такіе-то неправильныя понятія.

— Развѣ она не была твоей пріятельницей? Развѣ ты самъ не говорилъ мнѣ этого?

— Конечно, говорилъ! Но это требуетъ объясненія!

— Не вижу надобности! Я совсѣмъ не такъ глупа, какъ ты думаешь. Мама не разъ говорила, что молодыя вдовы, водящія такъ называемую дружбу съ молодыми мужчинами — всегда подозрительны.

Бернардъ нервно теребилъ бороду. Когда Лулу изрекала подобныя пошлыя сентенціи житейской мудрости, онъ почти не могъ выносить ея. Онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ она особенно часто прибѣгала къ нимъ. Она думала, что этимъ ему imponируетъ. Она разыгрывала изъ себя добродѣтельную нѣмецкую женщину, еще не вполне удачно, потому что недавно перешла на то англа.

Между тѣмъ Бернардъ съ грустью задавалъ себѣ вопросъ, несли она всегда играла комедію и что въ ней настоящее?

— Лулу, — сказалъ онъ; его голосъ звучалъ устало и безразлично, — мнѣ, твоему мужу, ты должна повѣрить! Я говорю тебѣ теперь, что изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я когда-либо зналъ, я больше всего цѣню и уважаю г-жу Гервинъ. Поняла ты меня?

У нея задрожали губы. Широко раскрытые глаза злобно смотрѣли на мужа.

— Зачѣмъ же ты женился на мнѣ, а не на г-жѣ Гервинъ?

Этотъ вопросъ ошеломилъ Бернарда и больно отозвался въ сердцѣ, хотя онъ сейчасъ же сказалъ себѣ, что долженъ былъ ожечь его.

— Отсюда ты видишь, что тебя я все-таки люблю больше, чѣмъ г-жу Гервинъ, — сказалъ онъ сердечнымъ тономъ.

Но ему не пришлось въ голову взять ее въ это время за руку и погладить по головѣ, какъ онъ дѣлалъ раньше.

Она страстно обвила его руками и прошептала:

— Правда ли это? Дѣйствительно ли это такъ? Любишь ли ты меня болѣе всего на свѣтѣ?

— Да, дитя, — сказалъ онъ тихо, и глаза его затуманились, потому что онъ вспомнилъ о глубокой, искренней любви, которую въ теченіе многихъ лѣтъ питала къ нему Віола. И въ это мгновеніе онъ не могъ поцѣловать Лулу, совершенно не могъ. Страхъ за Віолу стянулъ ему горло. Какъ перенесла она разлуку съ нимъ, и зачѣмъ онъ ее бросилъ?

Бернардъ отошелъ отъ жены, открылъ балконъ и вышелъ наружу. Ему нуженъ былъ воздухъ, просторъ, освобожденіе отъ мучительнаго гнета. «Только бы она не пошла за мной, только бы оставила одного», — думалъ онъ о Лулу.

— Послушай, муженекъ, услышалъ онъ изъ комнаты весе-

лый, свѣжій голосъ; ему показалось, что надъ ухомъ дребезжитъ серебряный колокольчикъ. — Не пообѣдать ли намъ завтра въ ресторанъ? Что ты на это скажешь? Устрицы! Ну, пожалуйста! И бутылочку шампанскаго, маленькую бутылочку! Мнѣ такъ хочется!

«Хочетъ воспользоваться своимъ триумфомъ, — подумалъ онъ съ горечью и злобой. Онъ не стоялъ болѣе за визитъ къ Біолѣ; встрѣча двухъ женщинъ была бы ему даже непріятна. Тѣмъ не менѣе онъ сказалъ твердо и рѣзко:

— Еслибы ты пошла со мной къ г-жѣ Гервинъ, то мы могли бы потомъ пообѣдать въ ресторанѣ.

Лулу разомъ вся побѣлѣла; около носа и въ углахъ рта появились желтыя пятна.

— Не хочу! — пронзительно закричала она. — Развѣ ты не слыхалъ, что я этого не хочу! Я не желаю дѣлать визитовъ къ твоимъ прежнимъ нассіямъ.

— Вѣдь я тебѣ только что сказалъ... — началъ Бернардъ въ раздраженіи.

— Это мнѣ рѣшительно все равно, — всхлипывая, говорила Лулу. — Вѣдь ты ухаживалъ за ней.

— Развѣ ты не можешь себѣ представить отношеній между мужчиной и женщиной безъ ухаживанія?

— Да, но о чемъ же вы тогда разговаривали другъ съ другомъ?

— Твои слова указываютъ на очень низменное міросозерцаніе. Ты не можешь думать такъ пошло.

— Я думаю такъ, какъ думаетъ моя мать, — сказала Лулу, и черты ея лица приняли настойчиво-угрюмое выраженіе. — Ты будешь утверждать, что никогда не любилъ г-жу Гервинъ?

— Въ твоемъ смыслѣ очень короткое время, — сказалъ Бернардъ. Въ этотъ моментъ онъ не въ состояніи былъ отдѣлаться отъ жены уклончивыми отвѣтами. — Позже наша дружба была спойнымъ обмѣномъ умственныхъ интересовъ. Къ этой цѣли должны и мы съ тобой стремиться.

— Ты самъ не позволяешь мнѣ работать съ тобой виѣсть! Ты отовсюду устраниаешь меня. Ты сказалъ, что я слишкомъ глупа, что у меня низменное міросозерцаніе.

— Но ты можешь умственно расти и развиваться.

— Вовсе не желаю, — отвѣтила Лулу и буквально завизжала. — Если я не нравлюсь тебѣ такой, какова есть, то отправляйся къ своей г-жѣ Гервинъ! Я тебя не держу! Родители примутъ меня къ себѣ.

— Ты говоришь чистѣйшій вздоръ, милая Лулу.

— И хочу говорить вздоръ, — закричала она, выходя изъ себя, и бросилась въ качалку.

— Успокойся! Ты отвратительна, когда злишься!

— Хочу быть отвратительной! Хочу, хочу! — кричала она вѣсь себя.

— Уходи къ родителямъ, сдѣлай милость! — сказалъ Альтгаузъ и вышелъ изъ комнаты.

— Пускай уходитъ, пускай уходитъ, — бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, — я не вынесу такой жизни. Вотъ какова она въ дѣйствительности. Вотъ ея настоящая фizioномія.

Онъ стоялъ у окна въ спальнѣ и смотрѣлъ на узенькій, внутренній дворъ берлинскихъ домовъ и ему представилась аналогія съ его будущимъ: со всѣхъ сторонъ замураванъ; узко, сѣро, несмотря на буржуазную чистоту.

Молодая женщина шатаясь вошла въ комнату, вымыла заплаканное лицо и причесала спутанные волосы.

— Какъ ты рѣшаешься огорчать жену въ такомъ положеніи, — проговорила она среди занятій.

Бернардъ повернулъ голову и поглядѣлъ на нее. Онъ только что обдумывалъ возможность развода. Онъ не предполагалъ, что у нихъ уже могъ быть ребенокъ. Ребенокъ, котораго будетъ воспитывать эта женщина съ узкими тривіальными взглядами. Нѣтъ, такъ нельзя! Онъ долженъ оставаться съ ней и вести борьбу! Борьбу? Ничтожную, безконечную борьбу изъ-за тысячи мелочей.

— Я думаю, вѣсто того, чтобы раздражать другъ друга, ты бы сѣздила недѣльки на двѣ погостить къ родителямъ, — началъ онъ хладнокровно. — Можетъ быть, я заработался и черезчуръ нервничалъ, — не знаю право. Такихъ сценъ между нами не должно происходить.

Лулу было бы пріятнѣе, еслибы Бернардъ попросилъ у нея прощенія и въ награду за понесенную несправедливость приласкать и побаловать. Такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то она рѣшила наказать его и поѣхать къ родителямъ. Она дала знать родителямъ о своемъ пріѣздѣ и въ тотъ же вечеръ уложила вещи. Лулу была твердо увѣрена, что Бернардъ поѣдетъ слѣдомъ за ней на ближайшемъ поѣздѣ. Понятно, она не расскажетъ родителямъ о ссорѣ съ мужемъ, а сдѣлаетъ видъ, что соскучилась по нимъ.

Когда подали экипажъ, Лулу перетрусилась. Бернардъ былъ молчаливъ и имѣлъ жалкій видъ. Когда онъ стягивалъ ремнями пледъ, она тихонько спросила:

— Ты меня проводишь?

— Конечно!

— Такъ всегда бываетъ: шилые бранятся—только тѣшатся!
Неправда ли?

Онъ вздохнулъ, и когда она протянула къ нему лицо, пошепталъ поцѣловалъ черезъ вуаль въ лобъ.

— Не смотри такъ печально! Я имѣю гораздо больше основаній сердиться! Кто знаетъ,—пробавила она игриво и погрозила ему пальцемъ, можетъ быть, ты, дрянной мужъ, пойдешь къ г-жѣ Гервинъ!

— Во всякомъ случаѣ!—сказалъ онъ холодно и коротко.—Я не имѣю намѣренія лишать себя лучшаго удовольствія ради твоего каприза.

— Бернардъ, ты говоришь это не серьезно? Или лучше я останусь.

— Дѣлай какъ хочешь! Только припишись съ мнѣю, что ты можешь быть для мужа хорошею женой, вѣрною подругой,—однимъ словомъ, многимъ, но не всѣмъ.

Кухарка съ швейцаромъ несли по лѣстницѣ вещи Лулу. Бернардъ взялъ ремни и зонтикъ; они рядомъ спустились внизъ и поѣхали на вокзалъ. Дорогой онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу поѣздовъ и просилъ передать поклонъ родителямъ.

Она ничего не отвѣчала. Усаживая ее въ купе, онъ шепнулъ ей:

— Лулу, будь благодарна!

— Ты думаешь, что я когда-нибудь прощу тебѣ?—прошептала она, откинувшись на спинку и задернула въ огонь занавѣску.

Онъ захлопнулъ дверцу и повернулся, чтобы идти.

— Да, такіе не прощаютъ. И съ какой стати ей прощать меня. Вѣдь я же не могу примириться съ ней, потому что ошибся въ ней и самъ испортилъ себѣ жизнь.

Выйдя со станціи, онъ подозвалъ извозчика и назвалъ адресъ Віолы. Въ теченіе длиннаго пути въ западную часть Берлина, Бернардъ перебралъ въ головѣ всѣ событія съ момента перваго знакомства съ Віолой до настоящаго времени. Онъ забылъ свои прежнія чувства. Только ребяческіе вопросы Лулу расшевелили ихъ снова. Да, одно время онъ почти по-настоящему любилъ Віолу...

Передъ нимъ живо возсталъ день, когда онъ не долженъ былъ приходить къ ней по случаю уборки квартиры. Тогда онъ познакомился въ кафе Бауэръ съ модисткой изъ моднаго магазина, съ которой, отъ скуки, сдѣлалъ прогулку въ лѣсъ за Шпрэ.

Это приключеніе доказало ему, что чувство къ Віолѣ не было

истинной, святой, нераздѣльной любовью, иначе оно навѣрно сохранило бы его отъ такого банальнаго удовольствія. Какъ это могло случиться?...

Онъ былъ въ очень дурномъ настроеніи; сердился на Віолу за то, что она не привязала его сильнѣе, за то, что высокое, благородное, самоотверженное чувство такъ скоро испарилось. Въ то же время онъ говорилъ себѣ, что безнадежная страсть—напрасная трата силъ; припомнилъ при этомъ свою юношескую любовь, которая была несравненно интенсивнѣе, чѣмъ чувство къ Віолѣ—и, какъ большинство людей въ затруднительномъ положеніи, утѣшился и успокоился на компромиссѣ. И вотъ онъ, знатокъ жизни, больше компромисса не пошелъ.

Надо было тогда же остановиться, надо было.

Но, въ сущности, что же потеряно? Хладнокровіе и разсудокъ помогутъ справиться съ женой; а Віола не потеряна: она все та же, что была прежде.

Дѣло вовсе не такъ плохо, какъ ему казалось въ послѣдніе дни и ночи.

Д-ръ Альтгаузъ почти съ легкимъ сердцемъ вбѣжалъ по лѣстницѣ къ квартирѣ своей пріятельницы и позвонилъ. Пораженный открытымъ онъ въ дверяхъ, пока о немъ докладывали, и смотрѣлъ на ящики, наполненные сѣномъ и загромождавшіе проходъ. Его провела въ маленькую гостиную, гдѣ неоднократно принимала его Магала.

Еще мебель стояла въ комнатѣ; сквозь обнаженные окна пролилъ блѣдный свѣтъ. Картины и украшенія, вѣроятно, уже уложены были въ ящики. Роскошныя растенія стояли на полу, приготовленные къ перевозкѣ.

— Что это значитъ?—вскричалъ Альтгаузъ, идя навстрѣчу Магаль.

— Это значитъ, что черезъ два дня за мебелью пріѣдутъ фуры и отвезутъ ее для отправки въ Мюнхенъ.

— Вы хотите покинуть Берлинъ?—съ трудомъ, едва слышно спросилъ Альтгаузъ.

— Почему же мнѣ не переѣхать въ другой городъ?—сказала Магала вѣжливымъ, салоннымъ тономъ. Мюнхенъ лежитъ вблизи Гамбурга, недалеко отъ Швейцаріи и Италіи. Можетъ быть, позже поѣду туда. Свѣтъ такъ великъ.

Разговаривая, она сѣла на chaise-longue и указала Альтгаузу кресло противъ себя. При этомъ она смотрѣла или черезъ него или въ сторону. Онъ не сѣлся. Сознаніе, что эти комнаты, гдѣ онъ

былъ такъ счастливъ, будутъ принадлежать другимъ и утратить свой характеръ, сознание, что онъ не встрѣтитъ здѣсь Віолы, мучительно давило его, и онъ готовъ былъ разрыдаться, какъ ребенокъ.

— Это рѣшено безповоротно?—спросилъ онъ.—Почему я ничего не зналъ о вашихъ планахъ? Ему пришло въ голову, что она вовсе не обязана сообщать своихъ плановъ человѣку, который полгода не показывалъ глазъ. Онъ говорилъ однѣ глупости.—Вы думаете, что съ вами такъ легко разстаться?—пробормоталъ онъ. Я недавно возвратился со свадебнаго путешествія. Моя жена—мы давно собирались къ вамъ. Въ настоящее время Лулу уѣхала...

— Развѣ нельзя измѣнить рѣшенія?—вдругъ громко и порывисто спросилъ онъ.

— Совершенно невозможно,—вяло отвѣтила Віола.

— Я упрекаю себя, — сказалъ Альтгауцъ.—Мнѣ слѣдовало раньше,—я думалъ, вы будете въ моемъ домѣ своимъ человѣкомъ, какъ я былъ у васъ.

Віола покачала головой.—Я вамъ больше не нужна.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Умное, оживленное лицо молодой женщины осунулось и поблекло. Ея печальные глаза, безучастно, какъ у умирающей, смотрѣли въ пространство. Такой тупой, равнодушный взоръ, такіе стиснутые отъ продолжительнаго страданія губы видѣлъ онъ однажды у вдовы, стоявшей возлѣ гроба мужа. Вдругъ мужество покинуло его: зачѣмъ онъ пришелъ сюда? мучить ее?

— Віола, я несчастливъ,—сказалъ онъ тихо.

Она сдѣлала движеніе.

— Поссорились съ женой?—спросила она иронически.

Онъ молчалъ.

— Такъ скоро?—спросила она.

— Такъ скоро... Вы виноваты, Віола. Вы дали мнѣ слишкомъ много.

— Да! Я это знала! Я этого хотѣла!

Віола встала и глубоко вздохнула, какъ человѣкъ, окончившій тяжелый трудъ.

— Вы хотѣли, Віола, чтобъ я былъ несчастливъ?

— Чтобы вы ни въ какомъ бракѣ не нашли удовольствія. Да, я это знала, и этого хотѣла! Я въ этомъ не разъ находила утѣшеніе!

Они смотрѣли другъ другу въ глаза; въ ней снова пробудилась жизнь, и въ ея взглядѣ онъ видѣлъ глубокую ненависть:

Віола медленно прошла мимо него. Онъ уставился въ полъ и искалъ, искалъ словъ, чего-нибудь, что измѣнило бы все происшедшее, чѣмъ бы можно было вернуть Лулу и удержать Віолу. Онъ ничего не находилъ.

Поднявъ глаза, Бернардъ увидалъ пустую, лишенную убранства и пріятныхъ воспоминаній комнату и среди нея себя—въ полномъ одиночествѣ.

Н. Н.

И Г Р О К И

I.

Бъ веснѣ у меня прихворнула жена. Докторъ сказалъ, что у нея нѣтъ никакой болѣзни, а «просто она утомилась въ борьбѣ съ жизнью». Это былъ простой докторъ, обыкновенный практикующій врачъ, которому больше рубля за визитъ не дають, хотя бы онъ спасъ жизнь. Обратились еще къ свѣтилу, но и свѣтило сказало тоже самое: «вамъ надо отдохнуть. Поѣзжайте куда-нибудь на нѣмецкія воды. У нѣмцевъ всегда тихо и благопристойно». Но, замѣтивъ по глазамъ паціентки, что у нея нѣтъ денегъ для нѣмецкихъ водъ, онъ поспѣшилъ прибавить: «Или въ деревню! Что можетъ быть лучше русской деревни лѣтомъ?»

Намъ стало стыдно передъ простымъ врачомъ и мы скрыли отъ него наше обращеніе къ свѣтилу. Мы стали думать о русской деревнѣ.

У меня нѣтъ своей деревни. Я журналистъ, пишу статьи по всякимъ общественнымъ вопросамъ. Мой псевдонимъ: Наждакъ. Странное слово для журнальной подписи, это правда. Я его выбралъ случайно. Когда мнѣ надо было подписать мою первую статью, въ это время горничная чистила ножи какой-то мазью. Я спросилъ: что это за мазь? Она отвѣтила: это наждакъ. Я взялъ и подписался: «Наждакъ». Мнѣ понравилось слово. Оно ничего не означаетъ и потому въ немъ можно найти сколько угодно смысла. Но когда меня спрашивали, почему я выбралъ такой странный псевдонимъ, я объяснялъ: «Наждакъ служить для очищенія металла отъ ржавчины, а журналистъ призванъ очищать нравы»... Но я этого не имѣлъ въ виду.

Итакъ, у меня не было своей деревни. Чтобы не осталось никакихъ недоразумѣній, я прибавлю, что у меня и теперь ея нѣтъ.

Я начал старательно просматривать четвертые страницы газетъ. «Барская усадьба, тѣмный садъ, рыбная ловля, сухая мѣстность, дѣна»... Тутъ встрѣчалось препятствіе. Цѣна превосходила мой обычный гонораръ, тѣмъ больше, что я къ лѣту хотѣлъ уменьшить свой интересъ къ общественнымъ вопросамъ. И дѣло кончилось бы такъ, какъ кончалось оно каждое лѣто: мы остались бы въ Лѣсномъ или въ Удѣльной и наслаждались бы сѣверными бѣлыми ночами, отнимающими сонъ, еслибы женѣ моей не пришла въ голову блестящая мысль.

Она сказала:

— Отчего тебѣ не написать брату Петру Ивановичу? У него довольно помѣстительный домъ и онъ навѣрно будетъ очень радъ...

— Другъ мой,—отвѣтилъ я,—ловко ли это будетъ—затруднить Петра Ивановича, когда у него на плечахъ хозяйство? При томъ у него у самого семейство...

— Пустое. Мы не доставимъ ему никакихъ хлопотъ. Я знаю, онъ любитъ тебя и это его обрадуетъ. Ты напиши ему.

Меня легко было убѣдить, такъ какъ это великолѣпно рѣшало задачу. Забраться къ Петру Ивановичу въ деревню, въ Тульскую губернію, верстахъ ѣтакъ въ двадцати отъ желѣзной дороги, гдѣ все дешево, тихо, просто, гдѣ люди ведутъ мирную, беззаботную жизнь, гдѣ нѣтъ ни общественныхъ вопросовъ, ни злости дня, ни литературныхъ партій, ни журналовъ, ни газетъ, ни бѣлыхъ ночей,—это настоящее блаженство.

И я въ тотъ же день написалъ въ Тульскую губернію письмо. Я писалъ: «Милѣйшій Петръ Ивановичъ, пожалуйста не сердись, если это письмо отвлечетъ твои мысли отъ пріятныхъ твоему сердцу хозяйственныхъ заботъ. И главное—отбрось въ сторону всякую родственную деликатность и отвѣтъ мнѣ прямо, просто, безъ обиняковъ. Дѣло вотъ въ чемъ: Лиза не такъ-то здорова. Доктора сказали, что она утомилась въ борьбѣ съ жизнью. Ей надо отдохнуть. Да и дѣти мои—Гриша и Соня—тоже изрядно утомлены въ борьбѣ, если не съ жизнью, то съ многочисленными синтаксисами и лексиконами, а это еще вопросъ, какая борьба тяжелѣе. Врачи советуютъ съѣздить на воды, но ты самъ знаешь, что бюджетъ мой, зауряднаго журналиста, не позволяетъ и мечтать о такомъ смѣломъ шагѣ. Остается деревня. Не найдется ли у тебя конуры, въ которой мы могли бы укрыться отъ вѣтра и дождя? Отвѣчай пскрепно. Если хоу каплю стѣснишь, я отказываюсь. Если нѣтъ, то дождемся, ко да дѣти окончатъ свои экзамены, и приѣдемъ. Твой Василій Силь-

ванскій. P.S. Имѣй въ виду, что мы будемъ содержать себя на свѣтъ, иначе ни за что не соглашусь».

Петръ Ивановичъ Аркановъ, родной братъ моей жены, не былъ помѣщикомъ. Своей земли у него не было. Тѣмъ не менѣе онъ сидѣлъ на землѣ уже лѣтъ восемь. Это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Раньше онъ перепробовалъ множество должностей и никакъ не могъ ни къ одной приспособить себя. Онъ и умѣлъ просто служить и зарабатывать кусокъ хлѣба, а во всемъ разыскивалъ свое призваніе, но ни въ чемъ не находилъ его. Чловѣкъ способный, онъ быстро усваивалъ новое дѣло и становился полезнымъ работникомъ. Имъ уже начинали дорожить. Но въ это время имъ овладѣвало странное настроеніе, которое онъ самъ называлъ «впаданіемъ въ философію». Онъ разбиралъ по косточкамъ свое занятіе, обязательно находилъ его ни на что не нужнымъ, чувствовалъ утомленіе и бросалъ дѣло. Лѣтъ восемь том назадъ съ нимъ произошла неожиданность: онъ вдругъ внезапно женился, взялъ въ аренду клочокъ земли, десятинъ въ триста, въ Тульской губерніи, и сдѣлался хлѣбопашцемъ. Повидимому, въ этомъ онъ нашелъ свое призваніе, потому что до сихъ поръ сидѣлъ въ деревнѣ; а года три тому назадъ возобновилъ аренду и взялъ землю на цѣлыхъ десять лѣтъ. Значить, ужъ прочно засѣлъ.

Прошло всего пять дней, и я уже получилъ отвѣтъ отъ Петра Ивановича: «Милый другъ, домишко мой состоитъ изъ шести комнатъ, изъ коихъ три занимаемъ мы, въ одной—сладъ сушеныхъ яблокъ, на которыя въ зиму не было никакой цѣны и оттого онъ залежался, еще въ одной лежатъ фосфориты, выписанные въ не большомъ количествѣ для опыта, и, наконецъ, еще въ одной мой контора. На яблоки жду цѣны со дня на день и ужъ все равно—дождусь или нѣтъ, а надо ихъ сбыть подлецу-бакалейщику, а не то они сгниютъ. Съ фосфоритами произведемъ опытъ, а конторъ перенесемъ въ баню. Вотъ тебѣ и очищается три комнаты. А будъ окажется мало, еще сушильню оборудуемъ, ибо въ настоящее время сушить въ ней нечего. Это, такъ сказать, матеріальная сторона дѣла. Что же касается до чувствъ, то я и жена въ восторгѣ, будемъ ждать съ нетерпѣніемъ и все, что въ нашихъ силахъ, сдѣлаемъ, чтобы вамъ было хорошо. Итакъ, поскорѣ собирайтесь и пріѣзжайте. Весь твой Петръ Аркановъ.

«P.S. О пріѣздѣ дня за два извѣстите письмомъ, чтобы выслать лошадей на станцію. Телеграммы не посылайте, ибо она пролежитъ три дня на станціи, а потомъ пришлютъ ее съ нарочнымъ, за что и вышлютъ два съ полтиной.

«P.P.S. Кстати: не забудь прихватить съ собой хорошую, прочную, крупную крысоловку, а также купи за мой счет фунта два персидскаго порошка».

Письмо Петра Ивановича произвело на меня и жену самое приятное впечатлѣніе. Во-первыхъ, отрадно было констатировать существованіе прекрасныхъ родственныхъ чувствъ, а во-вторыхъ, го-ловолomный вопросъ такъ легко разрѣшался. Немного смущало меня второе—*postscriptum*, на счетъ крысоловки и персидскаго порошка. Ну, порошокъ еще куда ни шло, безъ него въ деревнѣ, какъ бы, никто не обходится, но крысоловка, да еще крупная... Я выразилъ свое сомнѣніе женѣ.

— Пустое!—отвѣтила она:—это у него гдѣ-нибудь въ хлѣбѣ амбарѣ крысы завелись...

Въ самомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности, это—въ хлѣбномъ амбарѣ. Что имъ дѣлать въ жиломъ домѣ? Было досадно, что нельзя было уѣхать, такъ какъ экзамены у дѣтей были назначены въ мѣсяцъ, а дѣло происходило въ апрѣлѣ. Тѣмъ не менѣе мы стали по-маленьку собираться.

Мало-по-малу выяснилось, что намъ вовсе не предстоитъ загнѣзды въ пустынь. Оказалось, что полковникъ въ отставкѣ Порфи-рій Степановичъ Лейфертъ, въ имѣніи котораго Петръ Ивановичъ арендовалъ землю, тоже собирается провести большую часть лѣта въ деревнѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ еще съ той поры, когда Ар-темьевъ сдѣлался у него фермеромъ. Мы очень странно сошлись съ нимъ.

Полковникъ былъ человѣкъ нескучной, любилъ пожить въ своемъ имѣніи и пожилъ довольно. Въ послѣднее время онъ, впро-чемъ, прекратилъ это и каждое лѣто ѣздилъ поочередно на разные курорты, чтобы починять свой организмъ. «Пятьдесятъ лѣтъ сѣялъ,—говорилъ онъ по этому поводу,—а теперь пожинаю плоды».

Впрочемъ онъ зналъ такъ же хорошо, какъ свой собственный чело-вѣкъ, былъ на сторонѣ прогресса, но полагалъ, что онъ самъ со-бой придетъ къ намъ своевременно и ничего для этого дѣлать не нужно. Я же полагалъ, что для пришествія прогресса требуются некоторые понудительныя мѣры. Мы часто спорили, онъ гово-рилъ, что ему пріятно встрѣчать во мнѣ честнаго противника, и на-конецъ мы сошлись.

Я какъ-то встрѣтилъ его на улицѣ. Полковникъ ходилъ уже съ палкой, которая служила ему не для франтовства,—онъ действительно опирался на нее. Онъ былъ невысокаго роста, раз-сѣянный въ ширь и что-то нетвердое было у него въ походкѣ. Онъ

носила штатское платье и военного осталась у него только — привычка держаться прямо и выпячивать вперед грудь, да еще манера, здороваясь издали на улице, не приподымать шляпу, а дѣлая рукой подъ козырекъ. На его крупномъ лицѣ жизнь оставила множество неизгладимыхъ слѣдовъ, въ видѣ глубокихъ бороздъ около глазъ, надъ губами, на лбу; онъ носилъ густые усы, сильно удлинненные подусниками, и узкую наполеоновскую бородку. И то и другое онъ очень искусно красилъ въ какой-то пѣгій цвѣтъ; а на лобѣ носилъ великолѣпный парикъ съ легкой сѣдиной.

— Куда нынче на лѣто, Порфирій Степановичъ, — спросилъ его послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, — какія воды съ дѣте поглощать?

— Въ деревню. Тамъ проведу май, іюнь и іюль, а потомъ Кавказъ... — отвѣтилъ Лейфертъ.

— Какъ, вы — въ деревню? Не могу себѣ представить этого!

— Что подѣлаете! Дошло до того, что доктора прописываютъ мнѣ покой... Дѣло, значить, плохо. И надо слушаться, а не пожалуй, преждевременно наступить вѣчный покой. А это мнѣ совсѣмъ не устраиваетъ...

— А знаете, вѣдь это превосходно: мы тоже ѣдемъ въ деревню и туда же, въ ваши владѣнія, къ Петру Ивановичу!...

— Что вы? — и въ нѣсколько поблѣвшихъ глазахъ полковника въ отставкѣ блеснула радость. — Вотъ такъ подарокъ! По крайнему рѣшѣнью будетъ хоть съ кѣмъ поспорить! Отлично! А я думалъ, придется тамъ волкомъ быть отъ скуки... Отлично, отлично!

Мы поговорили еще кой о чемъ, и я сталъ прощаться. Полковникъ задержалъ меня.

— А скажите, какъ поживаетъ ваша свояченица?

— Александра Ивановна? Ничего, благодарю васъ... Она въ ра у насъ была. Здорова!...

— А, ну, вотъ и отлично! я очень радъ... И что же, она вами въ деревню ѣдетъ? — я говорю про Александру Ивановну, вашу свояченицу...

— Она? Не знаю... Объ этомъ не было рѣчи... Однако-же думаю.

— Не думаете? А почему-жь вы не думаете?

— Да такъ... Она не особенно любитъ деревню...

— Ну, кто-жь ее любить? Но тоже вѣдь отдыхъ необходимъ. А вы посоветуйте ей. Это хорошо, полезно! Мы постараемся влечь ее, вашу свояченицу... Да, такъ это отлично, что вы туда! Я очень радъ, право!

И мы разстались. Когда я пришел домой, то застал там гостей. Ну, что касается Александры Ивановны, то она была родной сестрой моей жены, а в то же время и Петра Ивановича, значить—свой человекъ. Но тутъ былъ еще Булыгинъ, молоденькій педагогъ, года два выпущенный изъ университета и преподававший исторію всѣхъ вѣковъ и народовъ. Эта парочка, когда они бывали вмѣстѣ, всегда доставляла мнѣ особаго рода удовольствіе. Моя хорошенькая, изящная свояченица безпощадно овладѣла сердцемъ юнаго педагога. Онъ имѣлъ и совершенно пасовалъ передъ нею. Симпатичный, мягкій, слабохарактерный, Булыгинъ, можетъ быть, и нравился ей, но она обращалась съ нимъ какъ кошка съ мышкой, жестоко играя и поставивъ конечную цѣлью окончательно смущать его. Онъ, кажется, ничего не имѣлъ противъ этого и именно ждалъ, когда же его вполне обратятъ въ рабство. Но Александра Ивановна не торопилась. Ей было двадцать лѣтъ, множество поклонниковъ и маленькая рента съ нѣсколькихъ тысячъ, оставленныхъ ей родителями. Такая же сумма была въ свое время у Лизы, но мы ее давно проѣли, а Петръ Ивановичъ «вложилъ въ землю». Александра Ивановна оказалась благоразумнѣе всѣхъ, и съ поддержкой этой ренты она существовала очень скромно, но зато свободно. Иногда мнѣ казалось, что у нея были какіе-то другіе, болѣе широкіе планы, а Булыгина она держала въ своихъ нѣжныхъ коготкахъ или для забавы, или на всякій случай. Но въ другое время думалось, что, пожалуй, она и любитъ его. Онъ былъ красивъ, у него были прекрасные большіе синіе глаза, высокій ростъ, онъ держался прямо, былъ недурно воспитанъ,—словомъ, обладалъ достоинствами, и если только у Александры Ивановны не было честолюбивыхъ плановъ, то она должна была считать его кандидатомъ въ прекрасные мужья.

— Итакъ, вы ѣдете къ Петѣ, въ деревню? Это рѣшено?—воскликнула Александра Ивановна:—это почти безуміе! Вы тамъ вырастаете въ землю! Вы шерстью обрастаете! Вѣдь правда, Сергѣй Николаевичъ, вы ни за что не поѣхали бы въ деревню?—прибавила она, обратившись къ Булыгину.

— Избави меня Богъ!—съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Булыгинъ.

— Ну, а мы ѣдемъ. Намъ это необходимо. Ахъ, да, знаете ли, когда я сегодня встрѣтилъ и кто очень интересовался вашей судьбой?

— Нѣтъ, не знаю и не могу себѣ представить!

— Полковникъ въ отставкѣ Лейфтеръ!

— А! Ну, и что же, онъ все еще красится и носить парикъ? Я сто мѣсяца два не видала.

— Да, онъ все еще пѣгій. Спрашивалъ про васъ, какъ вы поживаете и не пойдете ли съ нами въ деревню...

— Я? Зачѣмъ же это онъ хочетъ сослать меня въ деревню? Не бойсь, самъ катить куда-нибудь въ Виши, въ Трувилъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Его врачи посылаютъ въ деревню. Онъ будетъ тамъ жить два съ половиной мѣсяца...

— Вотъ какъ! — съ нѣкоторымъ уже интересомъ воскликнула Александра Ивановна.

— Онъ находитъ, что и вамъ полезно пожить въ деревнѣ...

— Какой нахаль, однако! — вырвалось очевидно изъ души Бултыгина.

— Отчего-жъ нахаль? Совсе не нахаль, а просто любезный человекъ! — внушительно поправила его Александра Ивановна.

— И вы послѣдуете его совѣту? — спросилъ уже заранѣе огорченный Бултыгинъ.

— Нѣтъ, я не собираюсь. Но это ничего не значить...

Разговоръ вышелъ довольно обыкновенный, но послѣдствія его были значительны. Дней черезъ пять къ намъ зашелъ Бултыгинъ и былъ при этомъ мраченъ, какъ ночь.

— Что это съ вами, Сергѣй Николаевичъ? — спросила его жена. — Отчего вы такой сумрачный?

— Нѣтъ, ничего!... — и Бултыгинъ, чтобы доказать, что въ самомъ дѣлѣ «ничего», старательно улыбнулся, но изъ этого ничего не вышло.

Его оставили въ покоѣ и вели какой-то посторонній для него разговоръ, а онъ какъ-то меланхолически молчалъ. Я въ это время сидѣлъ въ кабинетѣ и дописывалъ статью, которая должна была окупить наши дорожные расходы. Вдругъ Бултыгинъ оставилъ свое мѣсто и пришелъ ко мнѣ.

— Я вамъ не мѣшаю? — спросилъ онъ.

— Мѣшаете, но сейчасъ не будете мѣшать. Вотъ только двѣ строчки допишу и поставлю: «Наждакъ»... Садитесь.

Бултыгинъ сѣлъ, а я докончилъ статью.

— Ну-съ, признавайтесь! Разсѣивайте мракъ души вашей. Что у васъ? Навѣрное, что-нибудь по романтической части. Александра Ивановна своимъ нѣжнымъ ноготкомъ царапнула ваше сердце больше, чѣмъ слѣдуетъ, а?

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло... А объясните мнѣ, какъ это человекъ можетъ говорить одно, а дѣлать другое? — нервно сказалъ Бултыгинъ.

— Это тотъ человекъ въ данномъ случаѣ?

— Да вот видите ли... Вѣдь при васъ Александра Ивановна говорила, что ни за что не поѣдетъ въ деревню... Помните, еще удивлялась вамъ...

— Помню. И что же?

— Ну, а теперь... Я встоѣтилъ ее сегодня утромъ... Она ѣдетъ въ деревню...

— Неужто? Полноте...

— Да, ѣдетъ. Она сказала это очень твердо и рѣшила ѣхать неизмѣнно... Она даже письмо послала брату, Петру Ивановичу, по этому поводу... Вѣдь это же непослѣдовательно...

— А вы хлопочете собственно изъ-за послѣдовательности?

— Да нельзя же такъ въ самомъ дѣлѣ... Жить однимъ настроеніемъ! Вѣдь съ этимъ импрессионизмомъ можно Богъ знаетъ куда пойти.

— А вы увѣрены, что это импрессионизмъ? А можетъ быть, здѣсь имѣется вполне обдуманнѣйшій планъ.

— Какой же планъ? Я, право, даже не понимаю... Какой вы тутъ подозреваете планъ?—съ чрезвычайнымъ волненіемъ сказалъ Бултыгинъ.

— Голубчикъ, Сергѣй Николаевичъ, вы не кинитесь, пожалуйста! Какой планъ? Ну, самый простой, можетъ быть, ей нуженъ свѣжій воздухъ... для здоровья...

Мнѣ стало жаль влюбленнаго педагога, и я не высказалъ ему своихъ настоящихъ мыслей.

— Свѣжій воздухъ!... Вотъ, право, пустяки... Точно здѣсь, на дачѣ, какой-то маринать вмѣсто воздуха... При томъ Александра Ивановна совершенно здорова. Слушайте, посоветуйте вы ей не ѣздить...

— Какъ? Вы хотите, чтобъ я это совѣтовалъ ей? Но вѣдь это было бы противъ моего убѣжденія. Я думаю, что въ деревнѣ лѣтомъ и спокойнѣе, и здоровѣе, и дешевле. Наконецъ, я самъ ѣду въ деревню, какъ же я ей скажу: вамъ вредно то, что мнѣ полезно?

— Да вамъ и помѣститься тамъ будетъ трудно... У Петра Ивановича маленькій домъ.

— Ну, это пустое. Мы люди свои, какъ-нибудь помѣстимся. Во всякомъ случаѣ, Александра Ивановна имѣетъ больше правъ поселиться тамъ, чѣмъ, напримѣръ, я. Петръ Ивановичъ ей родной братъ, а мнѣ только своякъ.

Бултыгинъ ушелъ отъ меня печальный. А Александра Ивановна получила отъ Петра Ивановича самое радушное приглашеніе, при чемъ онъ и ей упомянулъ о сушильнѣ и просилъ ее напомнить

миѣ про крысоловку и персидскій порошокъ. Она рѣшительно объявила, что ѣдетъ съ нами въ деревню. Такимъ образомъ наша колонія видимо пополнялась. Только больно было смотрѣть на бѣднаго влюбленнаго педагога, который заходилъ къ намъ чаще и съ каждымъ днемъ становился худѣе.

Уже давно наступилъ май. Дѣти—блѣдныя, заморенныя, храбро сражались съ разнообразными грамматиками. Все шло благополучно. Жена обвязывала рогожей столы, комоды, шила чехлы для мягкой мебели, сундуки раскрывали свои прожорливыя пасти и воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ нафталина.

Наконецъ, на 16 мая былъ назначенъ нашъ отъѣздъ. Наканунѣ меня постигъ Бултыгинъ, но при этомъ явился рано утромъ, когда, какъ онъ зналъ, въ домѣ всѣ еще спали, кромѣ меня.

— Слушайте,—сказалъ онъ,—какъ вы думаете, вашъ родственникъ, Петръ Ивановичъ, не согласится принять меня вродѣ пансіонера?

Я, вмѣсто отвѣта, отыскалъ отвѣтное письмо Петра Ивановича и далъ ему прочесть.

— Да,—промолвилъ онъ,—это невозможно... Развѣ вотъ въ этой сушильнѣ?... Какъ вы думаете?

«Любовь иногда доводитъ педагога до готовности жить въ сушильнѣ»,—размышлялъ я въ видѣ нравоучительнаго изреченія. Миѣ очень хотѣлось помочь бѣдному Бултыгину, но не могъ я, самъ пользовавшійся любезностью Петра Ивановича, приглашать еще гостей въ его сушильню. При томъ отъ этой поѣздки я не предвидѣлъ ничего пріятнаго для Бултыгина. Вѣроломная Александра Ивановна, конечно, не безъ основательной причины переѣхала свой взглядъ на деревню. Были у нея хорошіе виды на полковника въ отставкѣ. Она его приговорила...

Тѣмъ не менѣе я пообѣщалъ Бултыгину поговорить съ Петромъ Ивановичемъ о немъ и, если въ домѣ или въ сушильнѣ останется мѣсто, устроить ему пансіонъ.

16 мая, нагруженные узлами, коробками и всякой всячиной, не считая сундуковъ, отправленныхъ раньше малой скоростью, мы ѣхали на Николаевскій вокзалъ. Александра Ивановна уже была здѣсь и возилась со своимъ багажемъ, а Бултыгинъ, съ несчастными печальными глазами, стоялъ около нея и держалъ въ рукѣ букетъ очевидно, уже поднесенный, а подъ мышкой у него была коробка съ конфетами.

Въ то время, когда я, ведя за руки дѣтей, шелъ по перрону отыскивая свой вагонъ, миѣ навстрѣчу попалась богатырская фи

гура Бурбетова, бѣжавшаго куда-то съ озабоченнымъ видомъ. Это былъ мой пріятель, странный человѣкъ, поддерживавшій свое существованіе случайными дѣлишками, по профессіи адвокатъ, но терпѣть не могшій адвокатуры. По натурѣ это былъ игрокъ и сферой его была игра. Его небольшія средства находились въ какомъ-то непрерывномъ круговоротѣ, то въ акціяхъ невѣдомой компаніи, долженствующей затопить своими фабрикатами всю Россію, то въ тотализаторѣ въ Москвѣ, то въ тотализаторѣ въ Петербургѣ. Каждую минуту, встрѣтивъ его случайно на улицѣ, можно было заставить его поддержать пари по любому поводу. Только въ карты онъ не игралъ и относился къ этому роду игры съ презрѣніемъ, утверждая, что въ картахъ нѣтъ смысла и жизни. Изрѣдка онъ врывался въ литературу, вдругъ объявляясь специалистомъ по какому-нибудь рельсо-прокатному вопросу. Все это были его слабости, но были у него положительныя достоинства: необыкновенная беззаботность по части собственного благоустройства, простой, открытый характеръ, добродушіе, отзывчивость, и я за это любилъ его.

Увидѣвъ меня въ столь неожиданномъ положеніи—съ узлами, чемоданами, съ видомъ человѣка, уѣзжающаго въ дальній путь, онъ съ разгону остановился и забросалъ меня вопросами: куда, почему, зачѣмъ?... Я объяснилъ, что ѣду въ деревню, къ Петру Ивановичу, котораго онъ хорошо зналъ.

— А, въ деревню! Вотъ жалко! Мнѣ это не пришло бы въ голову, но это отлично! И вотъ ты увидишь, я непременно нагряну! Такъ и скажи Петру Ивановичу, что я нагряну. Я давно собираюсь посмотреть, что это за штука такая—деревня. Никогда вблизи не видалъ. Новую деревню видывалъ, когда на скачки ѣздилъ, но въдь Новая деревня—не деревня... Ну, вотъ увидишь—нагряну. На счетъ мѣста—не беспокойся. Я хоть на чердакѣ помѣшусь, либо на крышѣ, на сѣновалѣ... Это не имѣетъ значенія...

— Да ты что тутъ дѣлаешь?

— Да видишь, тутъ одинъ пріятель ѣдетъ въ Москву, а завтра такъ и бѣгахъ будетъ одна преинтересная комбинація. Ну, вотъ я его и снабдилъ порученьицемъ сыграть за меня.

На это даже сказать было нечего. Мы простились. Но мнѣ показалось, что въ обѣщаніи Бурбетова вовсе не было шутки или преувеличенія и что онъ пріѣдетъ, непременно пріѣдетъ, и ужъ мнѣ начало становится жутко за Петра Ивановича. Отвѣтственность за многочисленность гостей ложилась полностью на меня, такъ какъ все это за меня цѣплялось—и Александра Ивановна, и Бурбетовъ

и, пожалуй, еще Бултыгинъ. Не вздумай мы съ женой поѣхать в деревню, всё сидѣли бы по своимъ угламъ.

Наконецъ, мы всё сидимъ въ вагонѣ и выглядываемъ въ окна. Кой-кто изъ литературныхъ пріятелей провожаетъ меня. Мы ведемъ бѣглый разговоръ, но я въ то же время слышу, какъ Александра Ивановна изъ сосѣдняго окна съ кокетливой строгостью говоритъ Бултыгину:

— Какъ? Вы думаете просидѣть здѣсь все лѣто? Въ этомъ болотѣ, туманѣ, пыли, сырости?... Вы не придѣте въ деревню? Нѣтъ, вы говорите прямо: вы придѣте?

— Я... Я непременно приѣду, Александра Ивановна, — пожимаетъ плечами Бултыгинъ, стоящій уже безъ букета и безъ конфетъ.

Раздался второй звонокъ. На перронѣ появилось новое дѣйствующее лицо: коренастая, широкая фигура полковника въ отставкѣ приближалась къ нашему вагону, усиленно опираясь на палку.

— Батюшки! Лейфертъ! — тихонько воскликнула жена.

А Лейфертъ прошелъ мимо нашихъ двухъ оконъ, мимоходомъ довольно небрежно сдѣлавъ намъ подъ козырекъ, приблизился къ окну, въ которое выглядывала Александра Ивановна и, довольно безцеремонно отодвинувъ Бултыгина, снявъ шляпу и протянувъ руку съ увѣсистой трехфунтовой коробкой конфетъ.

— Чуть было не опоздалъ! — съ трудомъ переводя духъ, сказалъ онъ, — у Балле задержали... Ахъ, эти дѣвицы! Счастливой дороги!

— Вы очень, очень любезны, полковникъ! Я просто тронута! — неподражаемо играя глазами, воскликнула Александра Ивановна. — А когда же вы въ деревню?

— О, я скоро! Очень скоро, очень скоро! Счастливаго пути!

Третій звонокъ. Бултыгинъ, блѣдный отъ негодованія, стоитъ за широкой спиной полковника и даже не снимаетъ шляпы на прощанье, очевидно, по забывчивости. Поездъ двинулся. Къ полковнику протянулась маленькая ручка въ перчаткѣ, онъ силится поцѣловать ее, но неудачно.

— Сергѣй Николаевичъ, до свиданія! Смотрите же, до скорого! — тоненькимъ голоскомъ кричитъ Александра Ивановна Бултыгину.

Бултыгинъ вдругъ встрепелся, выдернулъ изъ кармана платокъ и началъ неистово махать имъ. Ему мерещилось, что между нимъ и полковникомъ сейчасъ произойдетъ дуэль.

А въ вагонѣ мои дѣти, ничего не подозревавшіе о томъ, что происходило на перронѣ, весело поѣдали конфеты изъ обѣихъ коробокъ и находили, что тѣ и другія одинаково вкусны.

II.

Вхали мы превосходно. Ужъ я сдѣлалъ усиліе и отъ Петербурга Москвы запасся спальными мѣстами, а отъ Москвы—дневные мы нисколько не утомляли насъ.

Среди пассажировъ поѣзда наша маленькая группа представляла несомнѣнно исключительное явленіе и еслибы тутъ былъ кто-нибудь, умѣющій наблюдать, то мы составили бы для него превосходный матеріалъ. Я въ ранней юности видѣлъ деревню, въ глушь дѣтствѣ я даже жилъ въ ней, но все давно позабылъ и нарѣ что-то смутно припоминалъ. Жена моя, какъ и Александра Яновна, никогда не вызъезжали изъ Петербурга дальше дачныхъ мѣстъ, и ихъ удивляло все, что ни попадалось на пути. Дѣти, тѣ же вовсе не подозрѣвали, что существуетъ другой міръ, кромѣ родского, и каждую минуту въ вагонѣ раздавались восклицанія изумленія. Первый мужикъ, попавшійся намъ на станціи Лопасня, стоящій мужикъ съ ногами, обернутыми въ тряпки и обутыми въ истрепанные лапти, въ рваномъ зипунѣ, съ худосочными ли-
цѣмъ, обросшимъ двумя десятками бѣловатыхъ волосъ, послужилъ имъ нѣмъ предметомъ гораздо болѣе внимательнаго изученія, чѣмъ любой дикий звѣрь въ зоологическомъ саду, котораго они шли вдоль и поперекъ. Первая изба, съ содранной до половины крыши, напоминала имъ рассказы Майнъ-Рида, и имъ казалось, что они попали въ страну дикарей.

— Папа, это русскій народъ?—спрашивала меня дѣвочка, которая была моложе мальчика.

— Да, мой другъ, это и есть русскій народъ!—отвѣчалъ я съ некоторымъ смущеніемъ, какъ будто мнѣ было совѣстно, что я называю имъ русскій народъ въ такомъ жалкомъ видѣ.

— А мы... Ты, напримѣръ, тоже русскій народъ?

— Да, и я тоже...

На лицахъ полное недоумѣніе и непониманіе. И чувствую я, что они толкуютъ про себя, что есть два русскихъ народа,—такой, какъ мужикъ, и такой, какъ папа, и въ то же время кое-что припоминаютъ изъ учебниковъ географіи, исторіи, изъ хрестоматій, и въ головѣ у нихъ дикая путаница.

Мы пріѣхали на нашу конечную станцію передъ тѣмъ, какъ солнце собиралось заходить. Я, конечно, первымъ дѣломъ бросился на станціонный дворъ спросить, присланы ли лошади изъ Лейфертома. Но на дворѣ стояла только мужицкая телега, запряженная худой клячей.

— А что, изъ Лейфертовки лошадей еще нѣтъ?—спросилъ воздушное пространство.

Изъ глубины телѣги поднялась бѣлая голова безусаго парня.

— Я изъ Лейфертовки!—сказалъ парень.

— Ты? Вотъ съ этой телѣгой? Да развѣ мы на ней помѣстимся? И эта кляча развѣ къ утру довезетъ насъ, не раньше.

— Нѣтъ, я для багажа, а для васъ вотъ записка...

— Записка?

— Да, записка отъ Петра Ивановича. Вотъ, пожалуйста!

Вотъ что писалъ Петръ Ивановичъ: «Голубчикъ, не находи словъ... Извини. Съ самаго утра нынче возили навозъ. Лошади утомлены. Посылаю телѣгу для вещей. А для себя возьми тройку! Содержателя вольной почты. Сдѣлай это на мой счетъ, но больше пяти рублей не давай, потому что они, мошенники, рады содрать. Потребуй рессорный экипажъ непременно. Сошлись на меня. Обнимаю тебя. Твой Петръ Аркановъ».

Первое, но очень глубокое разочарованіе. Всѣ читали письмо и не понимали, причѣмъ тутъ навозъ и почему его непременно надобно возить именно сегодня съ утра?

Начались хлопоты о тройкѣ, о рессорномъ экипажѣ. Я торговался, съ меня драли неимоверную цѣну. Сразу сообразили, что въ безпомощномъ положеніи. Ссылка на Петра Ивановича ничемъ не помогла. За рессоры накинули лишнихъ три рубля. При этомъ вся станція отъ нечего дѣлать принимала участіе въ снаряженіи экспедиціи — два артельщика, буфетчикъ, стрѣлочникъ, сторожъ еще какіе-то чины, всѣ тащили наши вещи и всѣ потребовали на чай.

Въ концѣ-концовъ мы поѣхали. Дамъ и дѣтей я усадилъ въ экипажъ, а самъ сѣлъ на козлы рядомъ съ ямщикомъ, который всю дорогу, погоняя кнутомъ лошадей, подъ разными предлогами увѣрялъ ихъ, что господа отлично дадутъ на водку, и этимъ психологическимъ шантажемъ заставилъ меня потомъ выкинуть ему цѣлый рубль.

Но все это были, разумѣется, пустячныя приключенія, которыя показались намъ веселыми въ ту минуту, какъ мы, уже въ ночной темнотѣ, прибыли въ Лейфертовку и очутились въ объятіяхъ Петра Ивановича и его жены Анны Григорьевны.

Дѣти пріѣхали полуспящія, ихъ наскоро раздѣли и уложили, даже не посмотрѣвъ, куда. Затѣмъ началось родственное свиданіе.

Петръ Ивановичъ, котораго я не видалъ лѣтъ шесть, былъ для меня совершенно новымъ явленіемъ. Онъ сильно раздался въ ширь, и

лицо было попрежнему худъ, потемнѣлъ, обросъ, — словомъ, всячески запустилъ себя. Его клинообразная борода превратилась въ широкую, окладистую, похожую на большую лопату. Одѣтъ онъ былъ престранно: въ высокихъ сапогахъ, въ цвѣтной рубашкѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ синій короткій кафтанъ, на головѣ была длинная куча волосъ. Но больше всего изумили меня его глаза. Я никакъ не могъ найти человѣка, умиротвореннаго сельской природой, тишиной и простотой деревенской жизни и деревенскихъ отношеній. Я думалъ, что встрѣчу рѣдкій экземпляръ человѣка довольнаго, но въ глазахъ у Петра Ивановича было столько нервнаго безпокойства и какой-то истерзанности, сколько я не видалъ ни въ одной парѣ глазъ въ Петербургѣ.

Жена его, Анна Григорьевна, которую я зналъ худенькой, блондинцею, интересною блондинкой, съ страннымъ «духовнымъ» выраженіемъ глазъ, растолстѣла, поглубѣла и въ то же время въ глазахъ ея появилось выраженіе какой-то тихости, скорѣе похожей на придавленность, чѣмъ на умиротворенность.

Шипѣлъ самоваръ, шли разспросы, Петръ Ивановичъ извинялся по поводу неприсылки лошадей и объяснялъ совершенную необходимость возить навозъ.

— А ты знаешь, вѣдь Лейфертъ пріѣдетъ сюда жить! — сообщилъ я.

— Лейфертъ? — воскликнулъ Петръ Ивановичъ и вскочилъ, съ ужаленнымъ. — Неужели онъ пріѣдетъ?

— А что? Развѣ онъ тебѣ непріятенъ?

— Не то! Чортъ его возьми, онъ мнѣ безразличенъ... Но вѣдь мнѣ здѣсь будетъ воображать, что я дамъ ему денегъ.

— Какихъ денегъ? — наивно спросилъ я.

— Арендныя деньги! Какія же другія? А денегъ я ему не дамъ... Пусть хоть наизнанку вывернетъ меня и всего выпотрошитъ, — не найдетъ...

И во всей его фигурѣ, въ энергичныхъ жестахъ, въ глазахъ — во всемъ сквозило плохо скрываемое ожесточеніе.

— А развѣ у тебя срокъ? — спросилъ я

— Какой тамъ срокъ? Срокъ, братъ, давно прошелъ. Еще къ началу весны я долженъ былъ внести половину годичной арендной суммы. Я попросилъ отсрочки до мая, а почему до мая, ей-Богу и самъ не знаю... Была смутная надежда, что просо внезапно подымется въ цѣнѣ, а у меня былъ нѣкоторый запасъ проса. Да просо не только не поднялось, а упало и пришлось продать его въ убытокъ... Ну, словомъ сказать, не устоялъ... Э, да что это я тебя кормлю

своими дурацкими расчётами? Чай, господа, пейте чай! Сами вот сливки! Не дурные сливки, а вот варенье, это—прошлогоднее, разумеется... Хлѣбъ не уродился, за то этой дряни, всяких ягодъ, назрѣло столько, что хоть скотину корми ею... Лиза, любишь земляничное, вот оно!...

Онъ, очевидно, не хотѣлъ, чтобы продолжался разговоръ об арендныхъ деньгахъ, и я не возобновлялъ его. Но я и такъ понималъ, что сельско-хозяйственные дѣла Петра Ивановича плохи.

Было уже около полуночи, когда бѣлоголовый паренё привёз наконецъ, наши узлы и сундуки. При этомъ одинъ узелъ оказался весь выпачканъ въ грязи, а телёга сбоку перевязана веревкой. Въ дорогѣ что-то обломалось, часть вещей полетѣла въ лужу, а парня получились на лбу ссадины.

Жена принялась вынимать изъ сундука необходимыя для начала вещи и между прочимъ вынула крысоловку. Я поднесъ ея Петру Ивановичу.

— Гм... Узковата... Ну, впрочемъ, ничего. Умный звѣрь сюда пролѣзетъ... Только пошире бы, да повыше...

— Но развѣ это для зайцевъ?

— Нѣтъ, для крысъ. Только здѣсь крысы не тощія—петербургскія, а рослыя, вольныя крысы. Иная зайцу не уступить.

— А много ихъ у васъ?—спросила жена, боявшаяся крысъ.

— Не считалъ, мой другъ Лиза. Но мы ихъ всѣхъ переловимъ.

— А вотъ и порошокъ. Это на какихъ же звѣрей?

— Это, съ твоего позволенія, на блохъ. Ихъ здѣсь несмѣтно множество. Охъ, не догадались вы что-нибудь на мухъ привезти. Какія-нибудь тенета, что ли! Не бойсь, ничего такого тамъ у васъ не изобрѣли...

— Отъ какихъ же еще враговъ намъ придется спастись?

— Ну, это тамъ видно будетъ. Скорпионовъ нѣтъ, за это головой ручаюсь. Эй, Прокофій Матвѣичъ! Государыня Дарья Сидоровна! Ворочайтесь—ка живѣе! Дѣлайте постели! Гости спать хотятъ!

Изъ невѣдомой простому глазу конуры, оказавшейся кухней, вылѣзли два субъекта обоего пола: высокий мужикъ съ всклокоченной и свернутой на сторону бородой табачнаго цвѣта, босой, въ тиковыхъ клѣтчатыхъ штанахъ и холщевой рубахѣ съ заплатамъ изъ клѣтчатаго тика, подпоясанной веревкой и толстая баба, у которой животь, какъ казалось, начинался подъ самой шеей, а кончался у самыхъ коленъ. Баба была вся въ красномъ, а въ чемъ

менно, разобрать не было возможности. Оба они повозились тутъ, потомъ исчезли, очевидно, въ другихъ комнатахъ.

— Ну, вотъ сейчасъ и развѣстимся, — успокоительно говорилъ Петръ Ивановичъ. — Тебѣ, голубчикъ, — обратился онъ ко мнѣ, — придется двѣ-три ночи поспать съ фосфоритами... Видишь, я со мной на день жду тутъ одного человѣчка, который покажетъ мнѣ, какъ съ ними обращаться. Но это ничего, они въ сторонкѣ. А тебѣ, Лиза, запахъ сушеныхъ яблокъ не противенъ? И тебѣ нѣтъ, правда? Подлецъ бакалейщикъ такую цѣну даетъ, что я предпочитаю имъ крысъ скормить.

— А тамъ крысы? — съ ужасомъ спросила Лиза.

— Н-нѣтъ... А, впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ... Мы на всякій случай крысоловку поставимъ... А дѣтишки пусть тамъ въ конто-вахи спятъ. Завтра мы все это очистимъ и уладимъ... Оно можно и сушильню... Да тоже надо дня три провѣтривать. Тамъ у меня зимовали... Ну, идите съ Богомъ. Спокойной ночи!

Мы всѣ, точно загипнотизированные этимъ приглашеніемъ, поцоцкались и ушли въ назначенныя намъ мѣста.

— Я всю ночь не буду спать! — объявила Лиза. — Я даже не могу... крысы... Это ужасно!... Величиной съ зайца... Брр...

При этомъ она смотрѣла на поставленную въ подозрительно-мрачномъ углу крысоловку съ разинутой пастью и съ заманчиво вытаскивающимися на крючкѣ кускомъ сала. Но у дамъ по крайней мѣрѣ были кровати. Меня же положили на полу въ сосѣдствѣ съ какой-то рыжеватой массой, которая, вѣроятно, и была не что иное, какъ фосфориты. Ложась въ эту постель, я основательно считалъ, что жизнь моя здѣсь ничѣмъ не гарантирована, а во всякомъ случаѣ мнѣ было ручаться, что завтра у меня будетъ такая же наружность, какъ сегодня. Крысѣ стоило только прійти, когда я буду спать сномъ, крѣпкимъ непробуднымъ сномъ человѣка, проѣхавшаго сутки по желѣзной дорогѣ, а тамъ ужъ — отгрызть ли у меня носъ, губу, ухо или всю голову, это будетъ дѣломъ ея вкуса.

Александра Ивановна объявила, что будетъ спать сидя. Она больше всего на свѣтѣ оберегала свое хорошенькое лицо, въ которомъ заключалась вся ея карьера.

Тѣмъ не менѣе, такъ или иначе, а всѣ мы очень скоро заснули, въ сосѣдствѣ съ кучей фосфоритовъ, а дамы, — окруженныя ароматомъ сушеныхъ яблокъ и угрожаемыя крысами. Утромъ проснулись рано. Въ половинѣ седьмого солнце, сивозъ окна, лишенные ставней и шторъ, щедро осыпало насъ своими лучами. Что-то неистово скреблось гдѣ-то вблизи. Дамы боязливо подымали ноги и

боялись ступить на полъ. Я одѣлся и, попросивъ ихъ спрятаться подъ одѣяла, пошелъ къ нимъ, чтобы изслѣдовать явленіе.

Въ крысоловѣ съ захопнутою дверцей я увидѣлъ огромнаго звѣря, дѣйствительно разиѣрами не уступаващаго зайцу. Несчастная крыса, которой, очевидно, надоѣло питаться сушеными яблоками и захотѣлось сала, металась въ клѣткѣ и издавала жалобный пискъ. Я взялъ крысоловку, вынесъ ее и передалъ Петру Ивановичу.

— Это удачно!—сказалъ онъ такъ серьезно, какъ будто мы пріѣхали для охоты на крысъ:—однако, экземпляръ! Такихъ я еще не видывалъ!

— Что же ты съ нею сдѣлаешь?—спросилъ я.

— А вотъ что. Эй, Прокофій! Позови-ка собакъ!

Прокофій, точь въ точь такой же, какъ вчера, съ бородой, точно такъ же свернутой на сторону, съ тѣми же заплатами на рубашкѣ, вышелъ на середину двора и поднялъ зычный свистъ. Мохнатыя дворовые псы со всѣхъ сторонъ стрѣлой мчались къ нему, но, видя, что у него пустыя руки, разочаровались.

— Ну-ка!—скомандовалъ затѣмъ Петръ Ивановичъ и передалъ ему крысоловку.

— Что ты хочешь дѣлать? Ты будешь травить ее?

— Надо же какое-нибудь развлеченіе собакамъ!...—смѣясь, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Но вѣдь это жестокость!

— Да, нельзя сказать, чтобъ это былъ гуманнѣйшій пріемъ...

— Брось!

— Уже поздно. Теперь если имъ не дать, они Прокофья разорвутъ на части. Вишь, какъ насторожились! Посмотри, какія у нихъ звѣрскія морды... Видишь ли, это поддерживаетъ въ нихъ собачій духъ. Вѣдь собака, если ведетъ долго мирную жизнь, опускается... А дворовая собака должна быть зла, иначе добрые сосѣди все хозяйство растаскаютъ по камешкамъ.

Прокофій между тѣмъ поставилъ на землю крысоловку. Злобная крыса прижалась къ задней стѣнкѣ и, видя такое множество свирѣпыхъ враговъ съ острыми зубами, дрожала отъ страха. Она даже какъ-то уменьшилась въ объемъ и уже ей далеко было до зайца. Собаки скалили зубы и оглашали воздухъ какимъ-то особеннымъ злобѣющимъ лаемъ. Видъ у нихъ былъ такой, что, казалось, они способны растерзать не только крысу, а по-очереди и Прокофія, и Петра Ивановича, и меня. А Прокофій нарочно выдерживалъ ихъ, чтобъ онѣ побольше озвѣдали.

Но вотъ онъ приподнялъ дверцу и ловко устроилъ такъ, чтобы она оставалась открытой. Собаки взвыли, но крыса сидѣла въ своемъ углу и не хотѣла выходить. Тогда Прокофій взялъ острую палку и началъ поощрять ее. Долго крѣпился несчастный звѣрь, но, гонимый со всѣхъ сторонъ, онъ все-таки больше всего понадеялся на свободу и быстроту своихъ ногъ и выпрыгнулъ изъ дѣтки. Но напрасно. Собакъ было слишкомъ много. Онъ не далъ ему даже испустить предсмертный стонъ.

Я вздрогнулъ и, нервно кусая губы, отвернулся.

— Охъ, эти петербургскіе нервы! — иронически произнесъ Петръ Ивановичъ, а я подумалъ о томъ, что восемь лѣтъ тому назадъ Петръ Ивановичъ такъ спокойно не перенесъ бы этой сцены. И какія соображенія! Чтобы поддержать въ собакахъ собачій духъ... Чортъ знаетъ что такое!

— Ну, а бой быковъ вы тутъ не устраиваете, чтобы поддерживать бычій духъ? — спросилъ я не безъ озлобленія.

— Голубчикъ, поди выпей молока и нервы твои успокоятся! Поди, поди! — добродушно сказалъ Петръ Ивановичъ и повелъ меня на небольшую террасу, гдѣ стояла посуда, хлѣбъ и молоко.

Да, онъ огрубѣлъ, это ясно. Однако, странное вліяніе непосредственнаго соприкосновенія съ природой! И этотъ Прокофій, — съ такою живою усмѣшкой дразнилъ собакъ и потомъ пихалъ острую палку въ крысу, приглашая ее на растерзаніе: — Иди, милая, иди! Не бойся. Они тебя погладятъ по головкѣ... зубами... Иди!

Собрались дамы и дѣти и стали пить молоко. Оно оказалось горьковато, и мнѣ объяснили, что коровы, за недостаткомъ травы съѣла, питаются польнью.

— Станный у нихъ вкусъ! — воскликнула Александра Ивановна, до сихъ поръ полагавшая, что польнь существуетъ спеціально для польнной водки.

Вообще новаго здѣсь для насъ былъ непочатый край. Что ни шагъ, то открытіе. Дамы, напримѣръ, познакомявшись поближе съ Дарьей Сидоровной, женой Прокофія, узнали, что выпячиваетъ она свой животъ не спроста, а въ угоду господствующей модѣ.

— У насъ на деревнѣ считается, — у которой бабы брюхо больше выпячено, та, значить, и пригожей. У насъ и дѣвки всѣ выпячиваютъ!

И дѣйствительно, сколько мы ни встрѣчали бабъ и дѣвокъ, всѣ онѣ отчаянно перегибали спины, чтобы какъ можно больше выпячивать животъ.

И прошелъ въ хлопотахъ. Переселяли контору въ баню, оч-

щали одну комнату отъ яблокъ, даже рѣшено было фосфориты перенести въ сарай. Плотники наскоро варганили мнѣ походную кровать; дамы мастерили для себя умывальные и туалетные столы.

Александра Ивановна завладѣла комнатою, гдѣ раньше помѣщались фосфориты, жена съ дѣтьми помѣстилась въ конторѣ, а меня сослали въ бывшее помѣщеніе сушеныхъ яблокъ, гдѣ изъ мебели, кромѣ сколоченной плотниками кровати, была поставлена еще крысоловка, которой я теперь не могъ видѣть безъ содроганія. Всѣ эти хлопоты наполнили день, такъ что мы не успѣли даже познакомиться съ мѣстнымъ пейзажемъ. Но мы потомъ познакомились съ нимъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Вкругомъ были во всѣ стороны поля, гдѣ-то на горизонтѣ чернѣлъ лѣсокъ, можетъ быть, и большой лѣсъ, но что-то очень далеко. Узенькая безрыбная рѣчонка протекала въ лощинахъ, нѣсколько оживляя видъ; а около дома были изрядный фруктовый садъ, въ которомъ теперь носились ароматы цвѣтущихъ яблонь и едва распускавшейся сирени. Въ этомъ саду мы и блуждали съ утра до вечера, постоянно сталкиваясь другъ съ другомъ. Въ имѣніи былъ превосходный паркъ, который примыкалъ къ саду. Но онъ былъ обнесенъ стѣной и входъ въ него воспрещался. Этотъ паркъ Лейфертъ оставилъ для себя. Тамъ былъ его домъ, обставленный по-барски. Ключи были у приказчика, который оберегалъ полковничій паркъ съ такимъ рвеніемъ, какъ будто это былъ земной рай, а онъ самъ—архистратигъ. Ни одна душа не впускалась туда и ворота его растворялись только тогда, когда приѣзжалъ самъ полковникъ.

Погода стояла жаркая. Небо было ясно, на немъ не появлялось ни облачка. Петръ Ивановичъ ходилъ мрачный, все поглядывалъ на небо и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хмурился. При этомъ его душевная мука вся какъ бы изливалась въ перевозимый навозъ. Съ шести часовъ утра начиналось это священнодѣйствіе. Грузили телѣги и цѣлый день развозили въ нихъ навозъ по отдыхающимъ нивамъ. И онъ стоялъ при нагрузкѣ и глаза его жадно смотрѣли на эту работу, какъ будто въ этотъ навозъ онъ влагалъ всѣ свои надежды.

И не одинъ Петръ Ивановичъ, вся деревня ушла въ навозъ. Мужики; бабы, дѣвки, даже дѣти—цѣлые дни возились съ навозомъ. По извилистой дорогѣ съ утра до вечера тянулся нескончаемый обозъ. И всѣ въ то же время посматривали на небо, а если появлялось гдѣ-нибудь облачко, съ него глазъ не спускали, какъ будто рассчитывали внушеніемъ заставить его превратиться въ дождевую тучу.

Однажды я видѣлъ, какъ Петръ Ивановичъ свирѣпо поднялъ къ небу кулаки и бормоталъ какія-то сильныя слова. Я спросилъ его, чѣмъ онъ недоволенъ.

— Какъ чѣмъ? Да ты посмотри, что дѣлается. Ты видѣлъ ни-вы? Вѣдь онѣ черны, какъ твои сапоги!... Осими едва показали ность изъ-подъ земли и то кое-гдѣ... Овсы сидятъ въ землѣ и, должно быть, тамъ загдохнуть. А паръ не даетъ ни травинки... Хотя бы мохъ какой появился... Скотъ чертополохомъ питается... Вѣдь два мѣсяца ни дождинки... Все пропадетъ, понимаешь ли ты, все пропадетъ! Вѣдь это, наконецъ, ужасно!...

И онъ виѣпилъ пальцами обѣихъ рукъ въ свои кудлатые волосы. Тутъ я понялъ, что дѣло это очень серьезное, и съ этого момента нервозность Петра Ивановича, его безпокойныя заглядыванья на небо, подыманіе кверху кулаковъ, мрачный видъ, даже нѣкоторая свирѣпость—все это не казалось уже мнѣ страннымъ.

А дни проходили однообразно, тигуче. Единственное движеніе представляла перевозка навоза. Все замерло въ ожиданіи благодати или гибели.

— Господи, какая тоска!—восликала Александра Ивановна,—и какъ только ты, Петя, можешь здѣсь жить?

— А ты бы не пріѣзжала! Я не понимаю, зачѣмъ ты пріѣхала!—рѣзко отвѣтилъ ей Петръ Ивановичъ.

Александра Ивановна не сказала, зачѣмъ она пріѣхала и даже не обидѣлась на брата. Все шло по-старому.

Но однажды, въ одинъ дѣйствительно счастливый день, вся картина, точно по особому заказу, переиѣнилась. Это произошло черезъ три недѣли послѣ нашего пріѣзда.

Первой прояснилась Александра Ивановна. Приказчикъ Лейферта, отставной унтеръ-офицеръ Бозявкинъ, служившій когда-то подъ его командой, получилъ отъ полковника срочную телеграмму о предстоящемъ его пріѣздѣ. Вѣсть эта разнеслась по всей деревнѣ очень быстро и дошла до насъ.

— Наконецъ-то!—восликнула Александра Ивановна.—Хоть одинъ посторонній мужчина будетъ...

— Да тебѣ-то что отъ этого?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Господи! По крайней мѣрѣ, хоть будетъ для кого одѣться!

И въ самомъ дѣлѣ, въ ея комнатѣ можно было замѣтить нѣкоторое особаго рода движеніе. Вынимались изъ сундука разнообразныя кофточки, одна другой великолѣпнѣе, бантики, кушачки,—все это чистилось, гладилося, развѣшивалось. Дарья Сидоровна едва смела въ этотъ день сварить намъ обѣдъ, такъ какъ плита была

заставлена утюгами, да и ее самое каждую минуту призывали къ дѣлу.

Петръ Ивановичъ, наоборотъ, ругался и все повторялъ, что Лейфертъ денегъ отъ него не получитъ, хотя бы вывернулъ его наизнанку.

— Пусть посмотритъ, пусть посмотритъ, что его земля родитъ! Хотѣлъ бы я видѣть, какъ у него языкъ повернется потребовать деньги!...

И надо было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ онъ смотрѣлъ на сестру и ея туалеты, которые ожгли при извѣстїи о скоромъ прїѣздѣ полковника. Въ паркѣ нагнали десятка три бабъ, которыя расчищали дорожки, мыли окна и двери въ домѣ, чистили мебель. Населеніе деревни какъ-то оживилось, подтянулось, какъ будто Лейфертъ держалъ въ своихъ рукахъ громы и молніи и съ его прїѣздомъ должны были политься дожди.

Наконецъ, однажды мы услышали, какъ звенѣлъ колокольчикъ и увидали промчавшуюся мимо нашего дома превосходную тройку. Изъ полузакрытаго экипажа торчала толстая палка Лейферта, а его самого не было видно. Но все равно, онъ прїѣхалъ.

Полковникъ въ отставкѣ Порфирій Степановичъ Лейфертъ прїѣхалъ въ свою усадьбу.

III.

Солнце замѣтно уже склонялось къ закату, когда совершилось это событіе. Дѣло шло къ вечеру и дневная жара значительно смягчилась. Не прошло и пяти минутъ съ того момента, когда прїѣхалъ Порфирій Степановичъ, какъ появились внѣшніе признаки его присутствія. Тѣ же самыя фигуры, которыя три недѣли ходили понурья, засаленныя, затасканныя, вдругъ прїободрились, выпрямились, ноги заходили быстрѣе, рваные зипуны сидѣли приличнѣе. И вспомнилось мнѣ изреченіе, которое я когда-то, гдѣ-то встрѣтилъ, въ газетѣ или въ книгѣ: «помѣщикъ — это душа деревни». Глядя на это оживленіе, можно было подумать, что это такъ, — даже такой помѣщикъ, какъ Лейфертъ, заглядывающій въ деревню въ пять лѣтъ разъ, чтобы провести сезонъ передъ водами.

— А что, онъ, должно быть, добръ къ брестьянамъ? — спросилъ я у Прокофія.

— Да ничего. Зла мы отъ него не видали...

— А добра?

— И добра тоже.

Я былъ во дворѣ, когда Александра Ивановна вышла на крыльцо, но я въ первую минуту даже не узналъ ее.

— Ага,— сказалъ я,— и васъ подтянуть прїѣздъ помѣщика!

— Надо же когда-нибудь одѣться! — отвѣтила она, оправляя складки своей изящной юбки. — Вѣдь такъ можно утратить всякую форму...

Эти три недѣли дамы, въ томъ числѣ и Александра Ивановна, ходили въ легчайшихъ капотахъ, причесанныя кое-какъ, наскоро, плетая широкими туфлями. Теперь Александра Ивановна явилась передо мной съ таліей, перетянутой, какъ у осы, въ изящной рубенской кофточкѣ, отдѣланной легкими кружевцами, подпоясанной широкимъ бѣлымъ кушакомъ съ какою-то головокружительною прижкой. Роскошные свѣтло-золотистые волосы были собраны искусною прической, надъ ними возвышалась крупная соломенная шляпа съ цѣлою клумбой разнообразныхъ цвѣтовъ; лицо ея—свѣжее, молодое, красивое, таинственно выглядывало изъ-подъ вуали. Она приставила къ периламъ крыльца тоненькій зонтикъ и надѣвала перчатки.

— Вы не прогуляетесь со мной, Василій Алексѣевичъ?—спросила она меня. — Одной какъ-то странно...

— Куда вы хотите?

— Такъ, куда-нибудь... Обогнемъ паркъ. А, можетъ быть, надъ нами смеются и въ самый паркъ впускать...

— Безъ сомнѣнія, впускать, если попросить Порфирія Степановича. Но неловко сейчасъ его беспокоить. Надо дать ему хоть отдохнуть.

— Да, это неловко... Такъ пойдете?

Мы пошли. Проходя мимо скотскаго сарая, мы встрѣтили Петра Ивановича. Онъ осматривалъ возвращавшихся съ пастбища коровъ и овецъ и все качалъ головой.

— Вотъ, голубчикъ, ребра пересчитываю, всѣ ли, молъ, налицо! — сказалъ онъ, увидавъ меня и еще не обративъ должнаго вниманія на свою сестру. — И удивляюсь, чѣмъ только они поддерживаютъ свое существованіе, эти добродѣтельные созданія... И еще молоко даютъ и шерсть... Фу-ты, какъ разрядилась!—воскликнулъ онъ, хорошенько разглядѣвъ Александру Ивановну. — Это что же, по случаю прибытія владѣтельнаго герцога?

Александра Ивановна на это отвѣтила ему звонкимъ и добродушнымъ смѣхомъ. «Ничего, молъ, ты не понимаешь!—говорили при этомъ ея глаза:—одичалый ты человѣкъ!»

— А кстати,—сказалъ намъ вслѣдъ Петръ Ивановичъ,—если

увидите Лейферта, пожалуйста, скажите ему, что я—трудно-больной, лежу на одрѣ и не скоро встану...

— Миѣ кажется, Петръ Ивановичъ, ты преувеличиваешь!—возразилъ я.—Лейфертъ милый и любезный человекъ и, конечно, не потребуешь отъ тебя денегъ, разъ ты въ затруднительномъ положеніи.

— Ахъ, голубчикъ, меня даже не интересуетъ — потребуешь или не потребуешь. Все равно, съ меня взять нечего. Развѣ вотъ этихъ одровъ продать. Такъ за ихъ считанныя ребра нынче никто и гроша не дастъ. А меня бѣситъ, что онъ имѣетъ право потребовать и отсрочить, казнить и миловать!... Ты видишь вотъ то об-лачко?

— Вижу, какъ не видѣть!—отвѣтилъ я, взглянувъ по его указанію на юго-западъ, гдѣ мирно и тихо плыло молочно-бѣлое об-лачко, на мой взглядъ, не подававшее никакихъ надеждъ.

— Какого ты миѣнія на его счетъ? Видишь, вонъ на томъ краю его темное пятнышко... Оно, пожалуй, соберетъ тучу, а? Какъ ты думаешь?

И при этомъ глаза его смотрѣли съ какимъ-то положительно безумнымъ выраженіемъ.

— Можетъ быть, и соберетъ!—сказалъ я единственно изъ жалости къ нему. Мы съ Александрой Ивановной ушли.

— Знаете, миѣ иногда кажется, что онъ помѣшанный или скоро помѣшается... — промолвила моя спутница. — Скажите, вы не получали еще письма отъ Сергѣя Николаевича? Онъ не собирается пріѣхать?

— Нѣтъ, письма не получалъ. Онъ собирался и очень даже...

— Да?

— Да. Передъ нашимъ отъѣздомъ онъ спрашивалъ меня, не возьметъ ли Петръ Ивановичъ его пансіонеромъ. Я даже обѣщалъ поговорить, да и забылъ... Да и негдѣ ему тутъ. И намъ тѣсно.

— Все равно, онъ пріѣдетъ...

— Вы завязали этакій узелокъ въ его душѣ?

— Не знаю, какъ это называется... Онъ просто влюбленъ въ меня. Онъ уже три раза предлагалъ миѣ обвѣнчаться...

— Въ четвертый, можетъ, и не предложить.

— О, онъ еще четырнадцать разъ предложить... Смотрите, смотрите!—вдругъ воскликнула она, когда мы обогнули паркъ и очутились какъ разъ противъ его воротъ шагахъ въ двухстахъ.—Вѣдь это Лейфертъ ковыляется. Онъ увидалъ насъ и спѣшитъ сюда.

Въ самомъ дѣлѣ, въ паркѣ, на главной алеѣ, суетливо двига-

лась по направленію къ выходу, а значитъ—и къ намъ, широкая фигура полковника въ отставкѣ. Видно было, какъ онъ широко улыбался, сперва выражая что-то жестокъ, а потомъ слышался его звонкій голосъ.

— Какъ не стыдно, какъ не стыдно! Я думалъ встрѣтить васъ въ паркѣ, а вы гуляете по какимъ-то окольнымъ дорожкамъ!... Ай-ай-ай! Не по-сосѣдски!

Мы пошли быстрѣе къ нему навстрѣчу и сошлись какъ разъ въ воротахъ парка. Полковникъ снялъ шляпу и поцѣловалъ ручку у Александры Ивановны, потомъ привѣтливо протянулъ руку мнѣ. Мы, разумеется, объяснили, что насъ не пускаютъ въ паркъ, и тотчасъ же поднялась цѣлая исторія. Полковникъ замахалъ палкой, призывая къ себѣ какого-то рабочаго, который долженъ былъ сейчасъ же бѣжать и за приказчикомъ, и за садовникомъ, и за огородниками, и еще за какими-то органами, которые скоро и прибыли. Полковникъ началъ «стыдить» ихъ. Какъ они могли не впустить добрыхъ сосѣдей, въ особенности дамъ? Весь его паркъ къ нашимъ услугамъ,—цвѣты, ягоды, овощи,—все это мы можемъ разсматривать, какъ свое. Вышелъ приказъ открыть на все лѣто калитку, которая выходила къ дому арендатора.

— А я только что собирался нанести вамъ визитъ и вашего брата повидать... — сказалъ полковникъ. — Какъ поживаетъ почтеннѣйшій Петръ Ивановичъ?

Я посмотрѣлъ на Александру Ивановну, какъ бы отыскивая въ ея глазахъ нѣкую помощь. Я не зналъ, что отвѣтить на этотъ любезный вопросъ. Не сказать же, было, мнѣ въ самомъ дѣлѣ, что онъ лежитъ на смертномъ одрѣ.

— Онъ не такъ-то... не такъ-то здоровъ!—сказалъ я наконецъ.

— А что у него? Ахъ, бѣдный!—съ участіемъ произнесъ полковникъ.

— Правильнѣе будетъ сказать, что нѣсколько утомленъ хлопотами!—поправился я.

— Ха-ха-ха-ха!—вдругъ звонко разсмѣялась Александра Ивановна. — А еще правильнѣе — у него нѣтъ денегъ и онъ боится, какъ бы помѣщикъ не потребовалъ съ него арендную плату!

— О, что вы, что вы! Какъ онъ можетъ это думать?—воскликнулъ Лейфертъ. — Я глубоко уважаю Петра Ивановича и смотрю на него не какъ на арендатора, а какъ на добраго, милаго сосѣда... Я, мнѣнь быть ему благодаренъ. Помилуйте! Не живи онъ здѣсь, и началъ бы здѣсь одинъ и не имѣлъ бы удовольствія быть членомъ такого очаровательнаго общества... Скажите Петру Ивановичу,

пусть онъ объ этомъ и не думаетъ... Впрочемъ, я самъ буду у него и... Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ правѣ также навѣстить васъ?—обратился онъ, повидимому, къ намъ, обоимъ, но въ сущности главнымъ образомъ къ Александрѣ Ивановичѣ.

Затѣмъ онъ показывалъ намъ свой паркъ, который оказался превосходнымъ, потомъ затащилъ насъ въ домъ. Тутъ, въ двухъ этажахъ, было комнатъ достаточно, чтобы помѣстить цѣлую роту солдатъ. Полковникъ жилъ внизу, да и то занималъ лишь четвертую часть дома, остальное пространство, отлично меблированное, было свободно.

Появился самоваръ, варенья и печенья, которыя Лейфертъ привезъ съ собою, даже превосходный коньякъ. Уже спускались сумерки, когда мы стали прощаться.

— Ахъ, да, я чуть было не забылъ! — воскликнулъ Лейфертъ.—Я привезъ вамъ коробочку отъ Балле!... Ужъ, навѣрное, соскучились по сладостямъ!

Онъ разыскалъ угрожающихъ разиѣровъ коробку съ конфетами и далъ ее Александрѣ Ивановичѣ, но нести пришлось мнѣ, такъ какъ въ ней было фунтовъ семь. Полковникъ проводилъ насъ до вновь открытой калитки, помѣщавшейся у самого нашего дома.

— А, однако, смотрите-ка, что я сюда привезъ!—промолвилъ онъ, указывая на юго-западъ.

Я взглянулъ. Что за чудо! Облачко, на которое уповалъ Петръ Ивановичъ, превратилось уже въ изрядную синевато-сѣрую тучу, закрывавшую весь горизонтъ.

— Вотъ увидите,—продолжалъ полковникъ,—непремѣнно будетъ дождь! Это замѣчено: всякій разъ, какъ я приѣзжаю сюда, обязательно выпадаетъ дождь... Меня могли бы выписывать за деньги... Своего рода поливальная машина, еще не изобрѣтенная!...

Тутъ мы расстались съ любезнымъ полковникомъ и понесли домой конфеты и пріятное извѣстіе объ открытіи для насъ всѣхъ парка. Петръ Ивановичъ стоялъ въ это время на крыльцѣ и какъ-то странно, съ пріятнымъ волненіемъ потиралъ руки.

— Благеняется тебѣ полковникъ, велѣлъ сказать, что онъ тебя очень уважаетъ и считаетъ за честь не брать съ тебя денегъ!—шутливо сообщили мы ему.

— Я готовъ расцѣловать полковника и всю его дворню!... А посмотри-ка, посмотри, что тамъ дѣлается! Взгляни-ка на это облачко, во что оно превратилось! — вдохновенно говорилъ Петръ Ивановичъ и затѣмъ вдругъ неожиданно сбѣжалъ съ крыльца и началъ пристально осматривать небо, какъ будто замѣтилъ въ немъ

цель или какую-нибудь другую неисправность. — Откуда это? Слышишь, слышишь? Вѣдь громыхаетъ, а? Или я ошибаюсь, а?

— Да, гдѣ-то гремитъ! — подтвердилъ я.

— Будетъ дождь! Можетъ выйти великолѣпный дождь! Гляди, гали какую революцію подняли! Имъ бы спать укладываться, а овѣ галдятъ... Будетъ дождь! Да еще какой! — Петръ Ивановичъ полодевши тряхнулъ головой. — Ну, если польетъ сегодня, такъ у насъ овса будутъ вотъ какія! Вѣдь въ такую сухометь повыползли изъ-подъ земли, значить — зерно сильное... А если польетъ, такъ ихъ вотъ какъ выгонить...

Александра Ивановна смотрѣла на него, какъ на пошваннаго, да онъ и глядѣлъ имъ съ своей идее фиксѣ въ видѣ неотразимаго желанія дожда. Между тѣмъ тамъ, наверху, собиралось что-то грозное. Свинцовая сплошная туча заволокла уже все небо. Вдали, кружась надъ степью, несясь высокій столбъ пыли, порывъ вѣтра прорвался сивозъ садъ, и зашумѣли листья, заскрипѣли стволы деревьевъ. Раскаты грома становились все ближе и ближе. Петръ Ивановичъ, какъ вихорь, бѣгалъ по сараямъ и дѣлалъ распоряженія о томъ, чтобы загнали скоть, Анна Григорьевна суетилаь около домашней птицы, Дарья лихорадочно стаскивала съ протянутыхъ черезъ дворъ веревокъ развѣшенное для просушки бѣлье. Поднялась сильная буря. Мы съ Александрой Ивановной вошли въ домъ.

Здѣсь въ маленькой комнаткѣ, служившей прежде для склада фосфоритовъ, потомъ вмѣщавшей въ продолженіе ночи мою особу и, наконецъ, сдѣлавшейся будуаромъ Александры Ивановны, собрались исключительно петербуржцы, — я, моя жена, Александра Ивановна и мои дѣти, — не чувствовавшіе другой потребности, какъ только спрятаться подалеже отъ бури и грозы и плотнѣе притворить окна, въ то время, какъ хозяйева, даже ихъ дѣти, спѣшили приготовить къ благополучному воспріятію дожда разныя статьи хозяйства. Разуѣется, была открыта семифунтовая коробка, привезенная полковникомъ, и содержимому ся былъ данъ надлежащій ходъ.

Крупныя капли дожда начали стучаться въ стекла оконъ; стукъ этотъ повторялся все чаще, и чаще, и вдругъ дождь полилъ съ такою силой, какъ будто тамъ, на небѣ, прорвалось дно разомъ у насъ пона бочекъ.

Прошло минуты три, а вода уже рѣями лилась по тропинкамъ и лавкамъ, а на пролежавшей не далеко отъ нашихъ оконъ большой дорогѣ образовалась цѣлая рѣка.

Во дворъ раздался неистовый лай собакъ. Въ комнату вошла

Дарья, вся мокрая, съ плотно приставшимъ къ тѣлу сарафаномъ и обратилась ко мнѣ:

— Тамъ баринъ какой-то васъ спрашиваетъ.

— Меня?—съ удивленіемъ спросилъ я.—Кому пришла охота помогать свиданію со мной въ такую погоду?... Проси его сюда!

— Да они мокрые. Съ ихъ такъ и льетъ вода!

Александра Ивановна поднялась раньше меня.

— Это любопытно!—сказала она.—Я подозреваю!...—и сказавши это, она вышла въ сѣни и въ ту же минуту оттуда послышался ея звонкій, неудержимый смѣхъ.—Нѣтъ, вы посмотрите, на что онъ похожъ! Настоящій налимъ! Василій Алексѣевичъ, Лиза, дѣти! Взгляните на это морское чудо!

Мы всѣ выбѣжали въ переднюю, и нашимъ глазамъ представился Сергѣй Николаевичъ Бултыгинъ, весь отъ ногъ до головы измоченный ливнемъ и, благодаря этому, дѣйствительно смѣшной. Особенно пострадалъ его бѣлоснѣжный стоячій воротникъ и нѣжнаго цвѣта галстухъ, повязанный бантомъ.

— Голубчикъ мой! Откуда вы? Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Нельзя ли во что-нибудь переодѣться!—молилъ Бултыгинъ.—Я послѣ все объясню! Это цѣлая исторія...

Я потащилъ его въ свою комнату и предложилъ ему свои одежды. Кстати мы были похожи и ростомъ, и сложеніемъ. Онъ переодѣвался и объяснялъ:

— Видите ли, я пріѣхалъ еще въ полдень, но... я не хотѣлъ васъ беспокоить...

— Какъ въ полдень? Но гдѣ же вы были до сихъ поръ?

— Я искалъ себѣ помѣщеніе...

— Гдѣ?

— Тутъ, въ деревнѣ. Это оказалось не легкимъ дѣломъ. Я, наконецъ, нашелъ у какой-то вдовы, уже пожилой женщины. У нея изба состоитъ изъ двухъ половинъ, въ одной жила она, а въ другой, кажется, телята или гуси, — вообще какія-то животныя. Ну, вотъ, она согласилась животныхъ перевести въ сарай, а мнѣ уступила вторую половину за три рубля въ мѣсяцъ...

— Дешевая цѣна для дачи!...

— Да, это слишкомъ дешево. Не знаю только, гдѣ буду питаться...

— Ну, это мы уладимъ съ Петромъ Ивановичемъ. Ну, и скажите, что это за фантазія вамъ пришла! Неужели все любовь, а? Онъ покраснѣлъ.

— Мнѣ дѣйствительно стало скучно въ Петербургѣ... Я при-
выкъ къ вашему дому...

— Значить, вы пріѣхали въ одномъ поѣздѣ съ Лейфертомъ?

— Какъ, Лейфертъ пріѣхалъ? Я этого не зналъ... Впрочемъ,
мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

— Лейфертъ пріѣхалъ вечеромъ.

— А, ну, значить, онъ на скоромъ, а я на пассажирскомъ,
въ полдень. Ну, вотъ, я и готовъ. Кажется, все прилично?

— Вполнѣ! Пойдемте къ дамамъ. Тамъ и Петръ Ивановичъ.
Онъ теперь въ прекрасномъ настроеніи по случаю дождя и согла-
сится на всякія жертвы!

А дождь продолжалъ лить нѣсколько болѣе умѣреннымъ тем-
помъ. Буря стихла, громъ отошелъ куда-то далеко. Когда мы во-
шли въ комнату Александры Ивановны, здѣсь уже былъ организо-
ванъ чай. Конфеты Лейферта играли огромную роль. Петръ Ива-
новичъ съ расцвѣтшимъ лицомъ, съ широчайшей улыбкой, сидѣлъ
на предсѣдательскомъ мѣстѣ и рассказывалъ какіе-то сельско-хо-
зяйственные анекдоты. Всѣ смѣялись.

Наше появленіе вызвало общій возгласъ удовольствія. Булты-
гинъ былъ немного знакомъ съ Петромъ Ивановичемъ и съ его же-
ной, но я все-таки представилъ его.

— Вотъ человѣкъ, — сказалъ я, — который, изъ преданности
нашему дому, забрался въ здѣшнія дебри, поселился въ телятникѣ
и, въ добавокъ ко всему, весь вымокъ! Теперь отъ тебя, Петръ
Ивановичъ, зависитъ, останется ли ему жить или помирать съ
голоду.

— Милости проси! питаться у насъ, какъ у себя дома! —
радушно сказалъ Петръ Ивановичъ. — Эхъ, — обратился онъ затѣмъ
ко мнѣ, — какіе же, братецъ, овсы у меня взойдутъ! Вотъ ты уви-
дишь! Ты увидишь! И озимъ отлично поидетъ! И травка выростетъ...
Словомъ, осенью я буду богачъ-богачомъ!... Только бы еще та-
кихъ дождей съ пятокъ...

— Какъ? Еще пять такихъ дождей? Но они могутъ и не быть!

— Могутъ, какъ не могутъ? А все же начало хорошее по-
ложено!...

— Такъ вы изъ преданности къ дому Василья Алексѣевича? —
говарно шуря глаза, спрашивала Бултыгина Александра Ивановна,
очевидно, желавшая поставить его въ затруднительное положеніе.

— Я не могу отрицать моей преданности Василью Алексѣевичу
и Лизаветѣ Ивановнѣ! — на сей разъ довольно ловко вывернулся
Бултыгинъ, но все же изрядно покраснѣлъ.

Черезъ четверть часа она уже приказывала ему во что бы то ни стало достать верховыхъ лошадей и устроить прогулку. Бултыгинъ, разумѣется, почти навѣрное зналъ, что верховыхъ лошадей въ тѣхъ мѣстахъ ни за какія деньги не достанешь, тѣмъ не менѣе общалъ.

— Верховныя лошади только у Лейферта есть! — вскользя объяснилъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ мы у него и возьмемъ! — сказала Александра Ивановна.

— Съ какою стати мы будемъ брать у Лейферта? — возразилъ Бултыгинъ. — Я не имѣю съ нимъ ничего общаго...

— Я вамъ составлю протекцію! — сказала моя свояченица.

— Ахъ, Сергѣй Николаевичъ, здѣсь такія мѣста, что вѣ въліянія Лейферта нельзя повернуться... Вотъ вы, кажется, прошли черезъ паркъ? — сказалъ я.

— Да. Мнѣ сказали, что это — кратчайшій путь...

— Онъ — Лейферта...

— А вотъ вы съ аппетитомъ ѣдите конфетку, — прибавила Александра Ивановна, — она тоже отъ Лейферта...

— Да, — скрывая раздраженіе, промолвилъ Бултыгинъ, — я вижу, что здѣсь дѣйствительно все заполнено Лейфертомъ!

— О, не беспокойтесь, и для васъ найдутся уголки... въ нашихъ сердцахъ! Ну, не сердитесь, не надувайте губъ; это вамъ не идетъ... Завтра возьмемъ лошадей у Лейферта и поѣдемъ въ лѣсъ и будемъ ѣсть его конфеты...

Когда, часовъ въ одиннадцать ночи, Бултыгинъ сталъ прощаться, Петръ Ивановичъ предложилъ запрячь лошадь и довести его до жилища вдовы. Александра Ивановна не упустила этого случая и вызвалась проводить его. Это была ему награда за маленькіе уколы въ теченіе вечера, и онъ былъ, видимо, очень доволенъ.

Дождь уже пересталъ. Небо прояснилось, выглянули звѣзды. Воздухъ былъ напоенъ густымъ ароматомъ травъ и древесной коры. Петръ Ивановичъ стоялъ на балконѣ и съ умиленіемъ вдыхалъ влажный воздухъ и, должно быть, думалъ объ овсахъ и озимяхъ.

Когда Александра Ивановна вернулась, то, отводя брата въ сторону, сказала ему:

— Слушай, Петя, пошли ему, пожалуйста, сейчасъ персидскаго порошка, да побольше... Бстати, тебѣ привезли его цѣлый кулъ...

— А что у него тамъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Все... Вообще, это ужасно. Ему надо будет отыскать другое похищеніе...

Лошадей распрягли, а персидскій порошокъ былъ отосланъ съ верховымъ.

Въ эту ночь нескоро удалось мнѣ убрать Петра Ивановича съ крыльца и уговорить лечь спать. Онъ упивался картиной обильной влаги, оросившей окрестность. Настроеніе его души было почти какое-то мистическое. Ему казалось, что онъ какъ бы внутреннимъ слухомъ чувствуетъ, какъ произрастаютъ овсы, озими, травы.

— А Саша, вѣдается, хочетъ вскружить двѣ головы и потомъ выбрать себѣ ту, которая больше одурѣтъ!—сказалъ онъ, вдругъ перейдя къ общимъ дѣламъ. Онъ прибавилъ:—Что-жъ, у всякаго своя забота.

Мы пошли спать.

IV.

Слѣдующій день послѣ дождя, хотя и приходился въ четвергъ и по календарю никакого праздника не полагалось, тѣмъ не менѣе имѣлъ вполне праздничный видъ. На деревнѣ и въ маленькой экономіи Петра Ивановича никто ничего не дѣлалъ. Всѣ точно сговорились дать себѣ отдыхъ отъ всякихъ нравственныхъ терзаній. Навоза въ этотъ день вовсе не возили. День былъ еще пасмурный, хотя дождя уже не было. Высыхало очень медленно и это, разумеется, цѣнилось.

Наши дамы съ утра были одѣты, какъ въ городѣ. Ожидался визитъ Лейферта и для перваго раза рѣшили сдѣлать ему эту честь. Но Лейфертъ вставалъ поздно и дождались его не скоро. Зато Булыгинъ прибѣжалъ въ восемь часовъ утра, и при этомъ видъ у него былъ крайне возбужденный, а лицо блѣдное. Онъ встрѣтилъ только меня и Петра Ивановича.

— Что съ вами? На васъ напали деревенскія собаки? — спросили мы его.

— О, гораздо хуже, гораздо хуже!—дрожащимъ отъ волненія голосомъ отвѣтилъ Булыгинъ.—Я всю ночь не спалъ. Я попробовалъ, было, лечь вчера, но вскочилъ какъ ошпаренный и больше не ложился...

— Въ чемъ же дѣло?

— На меня разомъ напали всѣ породы, какія только могутъ жить въ здѣшнемъ климатѣ... Вы это понимаете?

— А что же вы не пустили въ ходъ персидскій порошокъ?

— Я его весь разсыпалъ по кровати и по всѣмъ угламъ, это, кажется, ихъ только больше взвинтило. Они начали напасть на меня, какъ волки... Зато самъ я одурѣлъ отъ этого порошн Словомъ, я не знаю, какъ мнѣ быть... Посмотрите, я весь красныхъ точкахъ... Кромѣ того, я боюсь войти къ вамъ въ домъ потому что навѣрно на мнѣ сидятъ цѣлыя стада...

— Вотъ что, голубчикъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ, еще ходившійся подъ обаяніемъ вчерашняго дождя:—Мы васъ вычимъ. Эй, Прокофій, ступай сюда! Сейчасъ же затопи баню.

— Какъ, баню? Но... но это какъ-то неловко.

— Баню неловко? Вотъ чудакъ!—воскликнулъ Петръ Ивановичъ.—Я понимаю, еслибъ мы васъ въ помойную яму окунуть бирались, это было бы неловко, а въ баню—дѣло чистое.

— Но все-таки... Вы, по крайней мѣрѣ, не говорите дамамъ

— Ну, это можно! Прокофій, слышишь? Баню держи въ кретѣ!... Ну, поскорѣй же растапливай. Да одежда Сергѣя Николаевича, которую онъ вчера снялъ, высохла? Ну, такъ вычисти и выгладить и въ баню подать. А засимъ—посмотрите мою шилку. Она уже три недѣли провѣтривается, и я думаю, что тамъ никакого запаха не осталось. Если понравится, мы вамъ возьмемъ тамъ нѣчто вродѣ царской кровати и вамъ будетъ раздолье! Пожалуйте!

Сушилка, которая была не что иное, какъ хорошо-закрытый рай, впрочемъ, даже съ однимъ оконцемъ, привела Бултыгина восторгъ. Послѣ вдовьей конуры, въ которую онъ вступилъ не средственнно послѣ телятъ и гусей, она произвела на него впечатлѣніе благоустроеннаго жилища.

Дамы въ это время уже начали вставать и пришлось Бултыгу на содержать въ тайнѣ, пока не поспѣла баня. Тогда его окольными путями Прокофій свелъ въ баню и даже до нѣкоторой степени замѣнилъ ему банщика. Явился онъ прямо къ завтраку съ чепуръ приглаженными волосами и неестественно краснымъ лицомъ. Дамы, разумѣется, знали и о его ночныхъ злоключеніяхъ, и о томъ что онъ парился въ банѣ, но дѣлали видъ, что ничего не знаютъ. Александра Ивановна слегка шутила надъ его излишней краснотой, а Петръ Ивановичъ докладывалъ, что Бултыгинъ претерпѣлъ годна ночью нравственные потрясенія.

Часа въ два появился Лейфертъ и, что называется, съѣздить—сперва арендатору, потомъ всѣмъ намъ. Повидимому, этого момента должны были начаться непрерывныя празднества. Такъ это и вышло. Лейфертъ больше всего на свѣтѣ боялся се

и потому, приѣхавъ въ деревню, которую не безъ основанія считалъ глѣздомъ скуки, тотчасъ же обезпечилъ себя недѣли на двѣ. Онъ изложилъ намъ цѣлую программу.

— Сегодня прошу васъ всѣхъ, господа, ко мнѣ отобѣдать. Мнѣ пріятель съ Суры прислалъ такихъ стерлядокъ, какія петербургскія и во снѣ не снились. Завтра, надѣюсь, не откажетесь позавтракать у меня. На этотъ счетъ мой приказчикъ озаботился откормить необыкновенныхъ утокъ... А вино, господа, у меня родоитое. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я купилъ это имѣніе у моего разорившагося родственника, по фамиліи тоже — Лейферта, съ отличнымъ погребомъ, и далъ клятву никогда не вывезти отсюда ни одной бутылки, а пить только здѣсь, на мѣстѣ. Ну, а такъ какъ бываю я здѣсь чрезвычайно рѣдко, то погребъ мой отлично сохранился... Послѣ завтра я приглашаю всѣхъ въ мой лѣсъ, гдѣ есть удивительная, волшебная поляна. Вы будете очарованы... Мы тамъ незамѣтно проведемъ весь день. Далѣе, господа, въ воскресенье я васъ угощу народнымъ праздникомъ. У меня во дворѣ соберется вся деревня... Въ понедѣльникъ...

— Позвольте, Порфирій Степановичъ, позвольте! — перебилъ его Петръ Ивановичъ, — но когда же дѣломъ заниматься?

— Какимъ дѣломъ? Дѣломъ теперь пусть занимается природа. Вы вспахали, посѣяли, а она растить.

— Ну, нѣтъ, знаете, на одной природѣ далеко не уѣдешь... У меня вонъ садъ, огородъ... покорно благодарю за честь, а только ужъ ваши торжества будутъ безъ меня.

— А у васъ, полковникъ, кажется, знаменитыя верховыя лошади? — спросила Александра Ивановна.

— О, да. Именно знаменитыя! Чудныя лошади! На нихъ чувствуешь себя, какъ на носилкахъ... Я вамъ ихъ покажу... Бѣ съ сожалѣніемъ, я давно уже не ѣзжу.

— Но вы мнѣ не откажете?

— Вамъ? Но съ кѣмъ же вы поѣдете? Я рѣшительно, рѣшительно не ѣзжу...

— А мы вотъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ.

— Съ м-г Бултыгинымъ?... Но м-г Бултыгинъ, если не ошибусь, педагогъ? Что общаго между педагогомъ и верховой ѣздой? — сказалъ Лейфертъ, съ видимымъ желаніемъ унижить званіе педагога.

— Но онъ отлично ѣздитъ, увѣряю васъ... Мы съ нимъ все прошлое лѣто катались въ окрестностяхъ Ораніенбаума... Это былъ чудныя экскурсіи... Не правда ли, Сергѣй Николаевичъ?

— Да, волшебныя!—со вздохомъ сказалъ Булыгинъ.

— Могу только позавидовать м-г Булыгину!—тономъ огорченія прошипѣлъ полковникъ.

— Такъ дадите намъ лошадей?—приставала Александра Боголаевна.

— Въ чему вамъ это? У меня есть пара рысаковъ, какихъ найдете во всей Москвѣ и которыми только я одинъ могу править и двухмѣстная пролетка... Хотите, я васъ прокачу?

— Полковникъ, очевидно, не довѣряетъ намъ своихъ верныхъ лошадей!—язвительно сказалъ Булыгинъ.

— Нѣтъ-съ... Не то-съ!... Но съ тѣхъ поръ, какъ я не ѣзжу мои лошади всѣ захромали!

Произошло непріятное молчаніе. Александра Ивановна сидѣла необыкновенно серьезна. Кто-то попробовалъ заговорить предстоящемъ, повидимому, исключительномъ урожаѣ на яблоки, но изъ этого ничего не вышло.

— Петя,—съ очень озабоченнымъ лицомъ обратилась Александра Ивановна къ брату,—неужели же больше нигдѣ здѣсь нельзя достать верховыхъ лошадей?

— Голубушка моя, всѣ здѣшнія чистокровныя нынче навозятъ!—добродушно усмѣхаясь, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

Полковникъ нетерпѣливо задвигался на мѣстѣ:

— Но позвольте, Александра Ивановна, вы меня не понимаете!—энергично заговорилъ онъ. — Вѣдь это мы шутимъ! Но вамъ стоитъ только приказать, и тотчасъ же приведутъ осланныхъ лошадей.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, я... я приказываю!—вдругъ вся оживившись, воскликнула Александра Ивановна.

— Будетъ исполнено!—сказалъ полковникъ, по военному ложилъ руку къ виску и выдвинулъ корпусъ впередъ. Но лицо при этомъ было непроницаемо и серьезно.

— А мы, знаете что, полковникъ? Послѣ обѣда мы съ вами прокатимся въ пролеткѣ... Въ сумеркахъ, знаете, это даже тихо!

— Отлично! Дивная мысль! Послѣ этого всѣ мои скакуны перестанутъ хромать!—восторженно воскликнулъ Лейфертъ.

— Передъ этимъ, полковникъ!

— О, все равно: и передъ этимъ, и послѣ этого!

Лейфертъ повторилъ свое приглашеніе на обѣдъ, прибавивъ, что просить всѣхъ безъ исключенія и будетъ считать себя счастливымъ, если кто-нибудь не придетъ, и удалится. Алекса

Ивановна взглянула на Бултыгина и разсѣялась. Онъ сидѣлъ выпрямившись и мрачно смотрѣлъ въ даль. Предстоящая поѣздка верхомъ очень ему нравилась, но назначенное на послѣ обѣда катанье въ пролеткѣ отравляло его душу. Но Александру Иванову тѣшило и то, и другое.

Въ этотъ день произошло переселеніе Бултыгина изъ владѣній вдовы въ сушильню и такимъ образомъ наша лѣтняя колонія была укомплектована. Начались пиры, которые иллюстрировались катаньями то верхомъ, то въ пролеткѣ. Въ первомъ случаѣ полковникъ дѣлалъ кислую мину, во второмъ—Бултыгинъ проглатывалъ аршинъ.

Погода между тѣмъ стояла жаркая. Дождь, принесшій столько радости Петру Ивановичу, больше ни разу не повторился. Онъ, разумеется, сдѣлалъ свое дѣло—поднялъ озими, выгналъ изъ-подъ земли изрядный залежавшійся тамъ овесъ, но наступившая затѣмъ новая засуха скоро остановила ихъ ростъ. Боръ зазеленѣлъ было, но не надолго. Скоро юная травка, выгнанная влагой, потемнѣла, пожелтѣла и земля опять стала черна. Плохо наливались вишни въ саду, хотя подходила ихъ пора, а яблонѣ грозилъ какой-то червякъ. Петръ Ивановичъ ходилъ какъ въ воду опущенный и опять, съ отчаянья, должно быть, принялся дѣлательно возить навозъ.

Въ это время наша колонія освѣтилась новымъ лицомъ. Курбетовъ, вскользя бросившій'ниѣ тогда на вокзалѣ угрозу пріѣхать въ деревню, однажды появился на дворѣ Петра Ивановича во весь свой огромный ростъ, съ маленькимъ чемоданчикомъ въ лѣвой рукѣ и большой палкой въ правой. Привезла его со станціи мужицкая телега, которую онъ разсчиталъ и отпустилъ.

— Хотите, не хотите, принимайте путника!—сказалъ онъ и вошелъ въ домъ.

Его нельзя было не принять. И Петръ Ивановичъ, и мы всѣ знали, что Курбетовъ никому не доставитъ хлопотъ, такъ какъ у него не было рѣшительно никакихъ прихотей. Онъ охотно прощалъ, когда подбирались подходящая компанія, пилъ тонкія вина, когда тому способствовали обстоятельства, и ѣлъ изысканныя яства; но вслѣдъ за этимъ, когда обстоятельства перемѣнялись, онъ не моргнувъ глазомъ могъ по цѣлымъ мѣсяцамъ довольствоваться дешевой колбасой, запивая ее жиденькимъ чаемъ и квасомъ, могъ спать, какъ онъ самъ говорилъ, «на деревѣ, въ вороньемъ гнѣздѣ».

Съ Петромъ Ивановичемъ онъ былъ въ прежніе годы въ большомъ пріятельствѣ, потому они много лѣтъ не видались, и Петръ Ивановичъ въ первую минуту даже слегка замаялся, повидимому,

не зная, на какую ногу стать. Но Курбетовъ сразу повелъ себя такъ, какъ будто промежутка въ нѣсколько лѣтъ не существовало, словно они вчера разстались.

— Но что же тебя принесло сюда такъ неожиданно?—спросилъ его Петръ Ивановичъ.

— А я на огонекъ пріѣхалъ. Я и въ городѣ такъ: иду мимо дома, гдѣ живетъ пріятель, и смотрю. Ежели въ окнахъ свѣтится, захожу, значить, дружеское общество собралось. Ну, а мнѣ было извѣстно, что здѣсь у васъ неугасимый огонь горитъ.

— Но однако же, ты, значить, бросилъ свои дѣла?

— Дѣла?—Курбетовъ энергично покачалъ головой. — Какія же дѣла? Мои дѣла летучія. Ты знаешь, есть въ Петербургѣ ресторанъ Кюба, на Большой Морской. Ну, вотъ это своего рода департаментъ, гдѣ я бываю ежедневно отъ двѣнадцати до трехъ, такъ сказать, на службѣ. Я вѣдь игрокъ, признаюсь въ этомъ откровенно. Прежде еще кое-какими дѣлами занимался, но бросилъ, ибо, во-первыхъ, пришелъ къ заключенію, что всякія дѣла есть въ сущности та же игра, но игра длинная, томительная и скучная, а во-вторыхъ, надоѣло.

— Во что же ты играешь?

— Во все. Играю на биржѣ, на скачкахъ, на бѣгахъ, играю въ четъ или нечетъ.

— Это что же за игра такая?

— Чудесная игра! У насъ, на Большой Морской, тайные советники въ нее играютъ. Да вотъ я тебѣ на опытъ покажу.

Онъ вынулъ изъ кармана рублевую бумажку и скомкалъ ее.

— Вотъ скажи: послѣдняя цифра номера на этой рублевой бумажкѣ четная или нечетная?

— Ну, пусть четная, что же изъ этого?—сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не пусть, а ты скажи навѣрное.

— Ну, ладно, четная!

— Отлично. Сейчасъ посмотримъ!—онъ развернулъ бумажку. — Ахъ, и везетъ же этимъ землекопамъ! Восемь, ты выигралъ!

Онъ подалъ Петру Ивановичу рублевую бумажку. Тотъ запро-тестовалъ.

— Да что ты! Богъ съ тобой! Съ какой стати!

— Ну, нѣтъ, братъ, бери! Еслибъ ты не угадалъ, я содралъ бы съ тебя рубль!

Петру Ивановичу пришлось взять. Курбетовъ продолжалъ объяснять:

— Теперь я всади́лъ почти все свои деньги въ акціи одного возрождающагося предпріятія. Риску́ю во всю и за́меръ въ о́жиданіи. По всей видимости, онъ должны подняться и тогда я — крѣзь. Но видимость часто не сбывается, а если они пойдутъ подъ гору, тогда я рабъ и червь.

— И ты все въ нихъ вложилъ? — съ удивленіемъ спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Почти. Оставилъ кой-что на прожитіе да на малую игру. Вотъ ѣздилъ въ Москву, тамъ на скачкахъ раза четыре сыгралъ и немного выигралъ. А отъ царскосельскихъ скачекъ сбѣжалъ. Не люблю я этихъ джентльменскихъ, сирѣчь любительскихъ, упражненій. Джентльменъ, который скачетъ на призь, т.-е. чтобы получить за свою скачку триста или пятьсотъ рублей, по-моему, есть уже жокей, только плохой. Ну, значить, у меня вродѣ какъ бы выигралъ, вотъ я и пріѣхалъ. Буду сидѣть и ждать, пока подыдутся мои акціи. А ты корми меня и давай кровъ.

Его поселили въ сушильнѣ вѣстѣ съ Бултыгинымъ. Разумѣется, онъ тотчасъ же былъ введенъ въ домъ полковника и принялъ дѣятельное участіе въ увеселеніяхъ, которыя не прекращались.

Вторая половина іюня опять обласкала Петра Ивановича. На небѣ стали появляться тучи, но временамъ выпадалъ дождь, не большой, но все же это было кое-что. Онъ обходилъ и объѣзжалъ свои поля и возвращался домой съ лицомъ, выражавшимъ успокоеніе.

— Рожь зацвѣла! — объявилъ онъ однажды.

— Ну, и что же? Хорошо это или дурно? — спросилъ Бурбетовъ, ничего не понимавшій въ хозяйствѣ.

— Ничего сказать нельзя... Неизвѣстно, какъ колосъ нальется.

— Ну, а если колосъ нальется исправно, такъ ужъ это значить хорошо?

— Недурно, если кузька не придетъ.

— А откуда же этотъ господинъ Кузька приходитъ? Нельзя ли предупредить его какъ-нибудь?

— Чортъ его знаетъ, откуда онъ является. Какъ ты его предупредишь?

— Ну, ладно, — допытывался Бурбетовъ, — допустимъ, что и тутъ же не пришелъ. Надѣюсь, что тогда ты уже будешь спокойно спать?

— Нѣтъ, братъ, до этого еще далеко... А представь, что въ то самое время, когда хлѣбъ собирать надо, дожди пойдутъ безпрестанно... Вѣдь тогда все погниетъ...

— Однако, вѣрное же предпріятіе, нечего сказать! Ну, наконецъ, и сборъ хлѣба благополучно конченъ, смолотилъ ты его, въ житницу собралъ,—ужь тутъ, надѣюсь, тебѣ останется только руки потирать отъ удовольствія?

— Да что хлѣбъ? Что такое хлѣбъ? Вѣдь я его весь не съѣмъ, вѣдь хлѣбъ я дѣлаю для продажи,—значить, вся суть въ томъ, какая цѣна на него будетъ. А цѣна зависитъ отъ такихъ причинъ, на которыя не повліяешь. Гдѣ-нибудь въ Бразиліи тамъ неурожай, вотъ тебѣ и накинудли гривенникъ на пудъ, въ Соединенныхъ Штатахъ переизбытокъ, вотъ ты и сбывай свой хлѣбъ за грошъ или жди цѣны, держи его въ закромахъ, а самъ живи впроголодь.

— Те-те-те! Такъ тутъ, значить, ничего вѣрнаго нѣтъ! Такъ это выходитъ вродѣ моихъ акцій!... Вотъ видишь ли, я купилъ, наприимѣръ, акціи одного почтеннаго, стараго, но находящагося въ упадѣ, завода. Я знаю, что тамъ теперь новая администрація и надѣюсь, что дѣла завода пойдутъ лучше, тогда мои акціи поднимутся, и я ихъ продамъ и здорово заработаю. Но есть другой заводъ, такой же самый, но новый, который можетъ слопать мой. Тогда я проигралъ. И такъ какъ я не люблю полумѣръ, то я и всади́лъ въ эти акціи почти все, что имѣлъ.

— Положимъ, и я всади́лъ въ землю все, что имѣлъ...

— Ага... Такъ!

— Дѣло въ томъ, что послѣдніе три года я велъ хозяйство осторожно и три года былъ неурожай. Еле-еле, съ небольшимъ убыткомъ, сводилъ концы съ концами. Ну, я и подумалъ: три года подрядъ плохихъ... Ужъ четвертый навѣрно вывезетъ. И всади́лъ все...

— Гм... Года четыре тому назадъ, я былъ въ Монте-Карло и игралъ тамъ. И вотъ именно такъ, какъ ты, ставлю, бывало, на красный цвѣтъ скромную ставку—разъ, другой, третій, все не выходитъ,—ну, по теоріи вѣроятности, думаешь, что на четвертый ужъ должна выйти непременно, и взлупишь крупную сумму. А оно и въ четвертый не вышло... Но если это такъ непрочно и случайно, мой другъ, что-жъ заставляетъ тебя продолжать? Можно и бросить...

— Э, въ томъ-то и дѣло, что нельзя... Является какое-то оше-сточеніе, чортъ побери! Три года бросаю зерно въ землю и тамъ оно осталось... И ты чувствуешь, что оно тамъ какъ будто лежитъ, что земля должна тебѣ его и обязана вернуть... И чѣмъ она меньше родить, тѣмъ больше тебя ражъ беретъ. Вотъ я на новый срокъ контрактъ заключилъ, и еще на двадцать лѣтъ заключу, я ее таки доканаю...

— Ну, значить, эврика! Понялъ, все понялъ! — воскликнул Курбетовъ.

— Что ты понялъ?

— А видишь ли, я никакъ не могъ взять въ толкъ, почему это ты, Петръ Ивановичъ Аркановъ, котораго я зналъ за человѣка безукорынного, непосѣду, человѣка, котораго не могло удовлетворить ни одно занятіе, вдругъ такъ упорно засѣлъ гдѣ-то тамъ на землѣ и криво ковыряешь почву, возишь навозъ и пр., и пр. Откуда, думаю я, такое радикальное перерожденіе? А теперь я понимаю: ты игрокъ, а это ваше землековырянье, это такая головокружительная игра, которой наша, биржевая, и въ подметки не годится.

— Какъ игра?

— Да такъ, игра, самая сумасшедшая игра! Помилуй Богъ! Я покупаю тамъ акціи гадательнаго завода и вкладываю въ это дѣло всѣ свои средства. Я могу нажить, могу и проиграть. Это игра, такое ея свойство. Но я тутъ все же до извѣстной степени хозяинъ и распорядитель своей судьбы. Положимъ, мои акціи, за которыя я сегодня заплатилъ по 200 руб., завтра падаютъ до 180,—я держусь; послѣ завтра еще на 10,—я держусь, тамъ еще на 15,—я уже разсуждаю и, можетъ быть, нахожу, что довольно, дальше рисковать нельзя; тогда я иду и продаю ихъ по 155. Я потерялъ за акцію 45 руб., но я спасъ, по крайней мѣрѣ, три четверти своего состоянія. Такъ и въ другой игрѣ: я ставлю, проигрываю, и прекращаю, когда хочу. А твоя игра—ужасна! Ты сдѣлалъ ставку, вложилъ все, что у тебя было, вложилъ все въ землю и ты болѣе не хозяйничаешь своихъ средствъ до самой осени. А кто хозяйинъ? Какія-то глупыя стихіи,—дожди, засухи, вѣтры, жуки и черви, а потомъ еще вдругъ какая-то Бразилія вмѣшивается въ твою жизнь, и всѣ твои труды, все нервное напряженіе цѣлаго лѣта гибнетъ... Ну, такъ, покорно благодарю! Это игра — проклятая и вы, господа земледѣльцы—игроки злостные! Да, такъ я и говорю: я понимаю, почему твоя непосидчивость пресѣялась на земледѣліи. Потому что ты злостный игрокъ и нашелъ самую губительную игру. Ты и застрялъ на ней. Ха! Про меня говорить, что я—игрокъ! Да я—мальчишка и щенокъ передъ тобой! Чтобъ я закопалъ всѣ свои деньги въ землю и ждалъ, пока вѣтры, дождь и градъ рѣшатъ мою судьбу,—какъ бы не такъ! А ты это дѣлаешь. Ты вѣчно горишь въ огнѣ жадности и разочарованій и это—твоя сфера, сфера игрока!

Петръ Ивановичъ не соглашался и возражалъ, но Курбетовъ продолжалъ его своими параллелями. Ему привозили газеты и онъ

прежде всего прочитывалъ биржевой отдѣлъ и наполнялъ воздухъ восклищаніями:

— Ага, мой-то поднимаются! Молодцы!...

Или:

— Чортъ возьми, опять въ лужу упали, того и гляди оанкетомъ стану!

Потомъ онъ просматривалъ отдѣлъ спорта и иногда, на основаніи какихъ-то непонятныхъ соображеній, тотчасъ писалъ какому-то пріятелю порученіе на такой-то скачекъ сыграть на такую-то лошадь, если она пойдетъ. Когда же Петръ Ивановичъ усмѣхался такому его занятію, онъ ловилъ его на томъ, что тотъ заглядывалъ на тучу и потиралъ руки отъ удовольствія, когда гдѣ-то вдали гремялъ громъ и говорилъ:

— Просто твои акціи повышаются, вотъ и все... Но ты и продать не можешь, ибо неизвѣстно еще, какъ тамъ дѣла идутъ въ Бразиліи. А я вотъ, какъ дойдетъ моя акція до 240, а она, поди, должна дойти до этого, возьму да и дамъ телеграмму: продать! заработаю на этомъ двѣ тысячи. А ты жди бразильскаго урожая. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, лучше перемѣни игру, брось аренду, перѣзжай въ Питеръ и будемъ мы съ тобой каждый день ходить въ парламентъ Бюба и высматривать, гдѣ что плохо лежитъ...

Случилось и со мной маленькое приключеніе. Послалъ я въ журналъ статью и, такъ какъ средства мои уже подходили къ концу, то ждалъ за нее гонораръ. Но вмѣсто гонорара получилъ ректорный оттискъ съ извѣщеніемъ, что цензоръ моей статьи пропустилъ. Это меня огорчило, и въ продолженіе дня у меня была такая видъ, какой бывалъ у Петра Ивановича, когда долго не шелъ дождь.

— Что, милый, видно, и твоя игра не всегда бываетъ удачна! — замѣтилъ по этому поводу Курбетовъ.

— Какая игра? Ужъ, кажется, тутъ ничего нѣтъ такого!...

— Игра, все игра... Ты вотъ что, ты ту же ставку, да на другой шансъ поставь...

— Не понимаю...

— Да очень просто: отошли въ другой журналъ, а въ другой журналъ другой цензоръ, у другого цензора другой уголъ зрѣнія, авось у него и пройдетъ... А на всякій случай напиши новую статью о томъ же предметѣ и то же самое, только заверни получи въ ватку. Словомъ, какъ настоящій игрокъ — дѣлай ходы такъ чтобы противникъ не догадывался о твоихъ намѣреніяхъ.

Мнѣ пришлось поступить такъ, какъ совѣтовалъ мнѣ Бурбетъ. Эту статью я послалъ въ другую газету и, кромѣ того, залъ за новую.

А дожди все продолжали перепадать. Любо было видѣть Петра Ивановича съ глазами, полными надеждъ. У Бурбетова акціи тоже дымались, хотя очень тихо.

Такимъ образомъ въ двухъ пунктахъ нашей лѣтней колоніи я, повидимому, шла удачно. Черезъ нѣсколько дней и я получилъ извѣстіе, что мой второй ходъ принесъ мнѣ счастье. Въ другомъ журналѣ статья прошла вполне благополучно, и я уже соби-
лся въ губернской городъ, чтобы развѣять чепъ.

Но наша игра казалась игрой въ бабки по сравненію съ той, которая велась на другомъ концѣ усадьбы, преимущественно въ домѣ полковника въ отставкѣ Лейферта. Въ послѣднія три недѣли полковника было три припадка нервныхъ болѣй въ лѣвой ногѣ, и единственный Бултыгинъ уже нѣсколько разъ собирался уѣзжать въ Петербургъ и укладывалъ свои вещи. Онъ похудѣлъ до того, что казался на чахоточнаго.

Но Александра Ивановна силою своей власти держала его при себѣ.

— Зачѣмъ ты его мучаешь? Пусть бы онъ ѣхалъ себѣ!—говорила ей Петръ Ивановичъ, сострадавшій юному влюбленному пегу.

— Ахъ, отстань, ты ничего не понимаешь... Онъ мнѣ нуженъ, мнѣ страшно нуженъ!—очень серьезно отвѣчала Александра Ивановна.

Наконецъ, произошло событіе, котораго никто не ожидалъ.

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

IV.

За Збышка боялся весь дворъ, — и рыцари, и женщины. Его все любили, а письмо Юранда ясно говорило, что справедливость на сторонѣ крестоносца. Съ другой стороны, было извѣстно, что Ротгеръ — одинъ изъ знаменитѣйшихъ братьевъ Ордена. Его оруженосецъ, фанъ-Бристъ, можетъ-быть, умышленно рассказывалъ среди мазовецкихъ дворянъ, что его господинъ, прежде чѣмъ стать вооруженнымъ монахомъ, однажды засѣдалъ за почетнымъ столомъ крестоносцевъ, а къ этому столу допускались только славнѣйшіе на свѣтѣ рыцари, которые участвовали въ походѣ въ Святую Землю или побѣдоносно сражались съ гигантами, драконами или всемогущими чернокожинынями. Слыша такіе рассказы фанъ-Бриста, а вмѣстѣ съ тѣмъ хвастливыя завѣренія, что его господинъ не одинъ разъ, съ «мизерикордіей» и топоромъ, сражался одновременно съ пятью противниками, мазуры тревожились. Нѣкоторые изъ нихъ говорили: «Эхъ! еслибъ здѣсь былъ Юрандъ, тотъ бы справился и съ двумя такими, — ни одинъ нѣмецъ ни разу не уходилъ изъ его рукъ цѣлымъ, а мальчику — бѣда! Тотъ и старше, и опытнѣе, и силы у него больше!» Другіе сожалѣли, что сами не подняли перчатокъ, утверждая, что еслибы не письмо Юранда, то они непремѣнно бы удѣляли это... «Но страшно суда Божьего...» При этомъ случаѣ, ради собственнаго утѣшенія, вспоминались имена мазовецкихъ и вообще польскихъ рыцарей, которые, и на придворныхъ турнирахъ, и на поединкахъ, одерживали многочисленныя побѣды надъ

*) Русская Мысль, 98 г. кн. X.

спадными рыцарями, въ особенности Завиша изъ Гарбова, съ которыми не могъ ибратъся ни одинъ христіанскій рыцарь. Но были и такіе, которые смотрѣли на Збышка съ доброй надеждой: «Не обгрызокъ онъ какой-нибудь, — слышно, что одинъ разъ онъ много поколотилъ ибмцевъ на утопанной землѣ». Но въ особенности всѣмъ придалъ бодрости поступокъ оруженосца Збышка, изъ Главы. Наканунѣ поединка, когда фанъ-Бристъ распространился о неслыханныхъ побѣдахъ Ротгера, пылкій молодой чехъ хватилъ фанъ-Бриста за бороду, запрокинулъ ему голову и сказалъ: «Если тебѣ не стыдно лгать передъ людьми, то посмотри веру, потому что и Богъ тебя слышитъ!» И онъ держалъ его только времени, сколько требовалось для прочтенія «Отче нашъ», а фанъ-Бристъ, освободившись наконецъ, тотчасъ же сталъ разспрашивать чеха объ его происхожденіи, и, узнавъ, что онъ изъ Моравы, тоже вызвалъ его на топоры.

Назуръ были весьма утѣшены этимъ поступкомъ и рѣшительнѣе заговорили: «Такіе люди ужъ не будутъ хромать на поединкѣ, если только правда и Богъ на ихъ сторонѣ, не уйдутъ собачьи выны, крестоносцы, съ цѣлыми костями». Но Ротгеръ до такой степени затмилъ всѣмъ глаза, что безпокойство, на чьей именно сторонѣ правда, все-таки существовало, и самъ князь раздѣлялъ это безпокойство.

И вотъ вечеромъ, передъ поединкомъ, онъ призывалъ Збышка на бесѣду, при которой присутствовала только одна княгиня, и спросилъ:

— Увѣренъ ли ты, что Богъ будетъ съ тобою? Откуда ты знаешь, что это они похитили Данусьбу? Развѣ Юрандъ говорилъ тебѣ что-нибудь? Вотъ видишь, это — письмо Юранда, почеркъ всѣдза Калеба, и печать, а въ этомъ письмѣ Юрандъ говоритъ, что не крестоносцы. Что онъ тебѣ говорилъ?

— И мнѣ говорилъ, что не крестоносцы.

— Какъ же тогда ты хочешь рисковать жизнью и становиться на Божій судъ?

Збышко молчалъ. Только челюсти его дрожали да въ глазахъ собиравлись слезы.

— Я ничего не знаю, господинъ, — наконецъ сказалъ онъ. — Изъ отсюда выѣхали съ Юрандомъ и по дорогѣ я признался, что обѣщался съ его дочерью. Сначала онъ бранилъ меня, говорилъ, что это грѣхъ передъ Богомъ, но когда я сказалъ, что не грѣхъ, а воля Божія, онъ успокоился и простилъ меня. Всю дорогу онъ говорилъ, что Данусю похитили не кто иные какъ крестоносцы, а

потомъ я ужъ и самъ не знаю, что случилось!... Въ Спыховѣ ѣхала та женщина, которая раньше привозила мнѣ въ лѣсной рецъ канія-то лѣкарства, а съ нею еще одинъ посолъ. Они зались съ Юрандомъ и о чемъ-то долго толковали. О чемъ они ирили, этого я не знаю, только послѣ разговора Юранда не узнать даже его собственные слуги. Онъ сказалъ намъ: «не носцы», Бегрова и другихъ плѣнныхъ, которые у него были, знаетъ, почему, выпустилъ изъ подземелья, а самъ уѣхалъ и взялъ съ собой ни слуги, ни оруженосца... Онъ говорилъ, что ѣтъ разбойникамъ выкупать Дануську, а мнѣ приказалъ ждать, я и ждалъ! А тутъ приходитъ вѣсть, что Юрандъ перебилъ и нѣмцевъ, а въ концѣ и самъ polegъ. О, милостивый князь, сховская земля жгла мои подошвы и самъ я чуть не ошалѣлъ. садилъ я своихъ людей на коней, чтобъ отомстить за смерть Юда, а ксѣндзъ Калебъ говоритъ мнѣ: «крѣпости ты не возмемъ войны не начинай. Поѣзжай къ князю, можетъ быть, тамъ что будь знаютъ о Дануськѣ». Вотъ я пріѣхалъ и какъ разъ поси къ тому времени, когда этотъ пѣсъ брехалъ объ орденскихъ дахъ и Юрандовомъ бѣшенствѣ... Господинъ, я поднялъ его чатку потому, что уже вызывалъ его раньше, и хотя ниче не знаю, но знаю только одно, что лжецы они адскіе,—безъ сты безъ чести и вѣры! Подумайте только, де-Фурси убили он с а весь грѣхъ хотѣли свалить на моего оруженосца. Богомъ нусъ, зарѣзали какъ быка, а потомъ къ вамъ же, государь, ишли требовать мести и вознагражденія. А теперь кто поручи что они не нагали и Юранду и не лгутъ еще разъ передъ вами. Я не знаю, не знаю, гдѣ Дануська, но я вызвалъ его, и хоти мнѣ пришлось заплатить жизнью, мнѣ лучше умереть, чѣмъ я безъ моей любви, безъ милой моей Дануськи!...

Збышко въ сильномъ волненіи сорвалъ съ головы сѣтку, что волосы его разсыпались, схватился за нихъ и разрыдался горько, что княгиня Анна Данута, сама до глубины души огорная потерей Дануси и тронутая его скорбью, положила ему р на голову и сказала:

— Богъ да поможетъ, утѣшить и благословить тебя.

У.

Князь не противился поединку, да и не могъ сдѣлать это тогдашнимъ обычаямъ. Онъ настоялъ только, чтобъ Роттеръ на салъ магистру и Зигфриду де-Лове, что онъ первый бросилъ

иу назовецкимъ рыцарямъ, вслѣдствіе чего становится противъ
 иа Ирандовны, который, впрочемъ, вызывалъ его еще раньше.
 крестоносецъ оправдывался передъ великимъ магистромъ, что если
 ѣ выходить на поединокъ безъ разрѣшенія, то потому только,
 ѣ дѣло идетъ о чести Ордена и устраненіи ужасныхъ обвиненій.
 ѣ обвиненія могли бы опозорить Орденъ, а онъ, Ротгеръ, всегда
 ѣ своею кровью окупить ихъ. Письмо тотчасъ же съ однимъ
 ѣ нашей рыцаря отправлено до границы, а дальше должно было
 ѣ до Мальборга по почтѣ, которую крестоносцы изобрѣли и ввели
 ѣ себя гораздо раньше другихъ странъ.

Тѣмъ временемъ снѣгъ на дворѣ замка утоптали и посыпали
 ѣй, чтобы ноги борющихся не увязали или не скользили бы по
 ѣдой поверхности. Во всемъ замкѣ царило необычное движеніе.
 ѣженіе такъ охватило рыцарей и придворныхъ женщинъ, что на
 ѣннѣ поединка никто не смыкалъ глазъ. Повсюду шла рѣчь о
 ѣ, что поединокъ конный на копьяхъ и даже на мечахъ часто
 ѣчивается ранами, тогда какъ нѣшій, въ особенности на страш-
 ѣхъ тонорахъ, по большей части ведетъ за собою смертельный
 ѣдь. Сердца всѣхъ, живущихъ въ замкѣ, были на сторонѣ Збыш-
 ѣ, но тѣмъ болѣе кто-нибудь былъ расположенъ къ нему или къ
 ѣмъ, тѣмъ съ большей тревогой припоминалъ, что говорилось о
 ѣ и воинской ловкости крестоносца. Многія женщины ночь про-
 ѣ въ костелѣ, гдѣ всѣмъдзъ Вышонецъ, исповѣдалъ всѣхъ и при-
 ѣмъ покаяніе Збышка. Женщины толковали между собою, глядя
 ѣ на мальчишеское лицо молодого рыцаря: «да вѣдь это почти
 ѣнокъ... можно ли такую юную голову подводить подъ нѣмецкій
 ѣ?» И тѣмъ усерднѣй онѣ молили Бога помочь ему. Но когда,
 ѣразсвѣтъ, онъ всталъ и проходилъ черезъ часовню, чтобы на-
 ѣ въ оруженіе, женскія сердца нежного пріободрились: голова и
 ѣ у Збышка были, дѣйствительно, мальчишескія, но корпусъ
 ѣ отличался силой и крѣпостью, — мужчина, хоть куда, справится
 ѣ самымъ сильнымъ человѣкомъ.

Поединокъ долженъ былъ происходить на дворѣ, окруженномъ
 ѣмъ.

Когда ужъ совсѣмъ разсвѣло, князь вмѣстѣ съ княгиней и съ
 ѣмъ заняли мѣста посерединѣ, откуда лучше былъ виденъ весь
 ѣрь. По обѣимъ сторонамъ сѣли болѣе важные придворные, благо-
 ѣмъ женщины и рыцари. Всѣ уголки балкона были заняты, че-
 ѣмъ помѣстилась за валомъ, образовавшимся изъ очищенного снѣ-
 ѣмъ, которые помѣстились на карнизахъ и даже на крышѣ. Даже
 ѣ прислуги слышалось: «Дай Богъ, чтобы нашъ устоялъ!»

День былъ холодный, влажный, но ясный. Галки, гнѣздящіяся на крышахъ и вершинахъ кровель, испуганныя непривычнымъ движеніемъ, кружились надъ замкомъ. Несмотря на холодъ, людямъ было жарко отъ волненія, а когда отозвалась первая труба, объявляющая о выступленіи противниковъ, сердца у всѣхъ присутствующихъ забились.

Противники вышли съ противоположныхъ концовъ арены и остановились у ея краевъ. Каждый изъ зрителей затаилъ дыханіе, каждый подумалъ, что пройдетъ немного времени и двѣ души улетятъ къ порогу судилища Божія, а на сѣгѣ останутся два трупа. При этой мысли щеки женщинъ поблѣднѣли, а мужчины не спускали глазъ съ противниковъ; всякій по ихъ манерѣ держать себя и по вооруженію хотѣлъ предугадать заранѣе, на чью сторону склонится побѣда.

На крестоносцѣ былъ голубой эмалированный панцырь, такіе же набедренники и шлемъ съ поднятымъ забраломъ и великолѣпнымъ павлиньимъ помпономъ на гребнѣ. Грудь, бока и спину Збышка облекалъ великолѣпный миланскій панцырь, который достался ему послѣ побѣды надъ фризами. На головѣ у него былъ шлемъ, открытый и безъ перьевъ, на ногахъ сапоги изъ бычачьей кожи. Въ лѣвой рукѣ противники держали щиты. У крестоносца сверху была изображена шахматная доска, а внизу три льва, стоящіе на заднихъ лапахъ, у Збышка — «тупая подкова». Въ правой рукѣ они держали страшные топоры, насаженные на почернѣлыя дубовыя топорщища, болѣе длинныя, чѣмъ рука рослаго человѣка. Ихъ сопровождали оруженосцы: Глава и фанъ-Бристъ, оба въ темныхъ желѣзныхъ панцыряхъ, оба съ топорами и щитами. Въ гербѣ фанъ-Бриста былъ кустъ дрока, а гербъ чеха напоминалъ Помина, съ тою разницей, что въ бычьей головѣ, вмѣсто топора, торчалъ короткій мечъ, до половины вонзившійся въ глазъ.

Труба отозвалась во второй разъ, послѣ третьяго противника, согласно условію, должны были наступать другъ на друга. Теперь ихъ раздѣляло небольшое пространство, усыпанное сѣрой золой, а надъ этимъ пространствомъ, какъ зловѣщая птица, носилась смерть. Однако, прежде, чѣмъ дали третій сигналъ, Ротгеръ приблизился къ столбамъ, между которыми сидѣло семейство князя, поднялъ свою закованную въ сталь голову и проговорилъ голосомъ настолько громкимъ, что онъ донесся до самыхъ отдаленныхъ углковъ балкона:

— Беру въ свидѣтели Бога, тебя, достойный государь и все

рыцарство этой земли, что я не буду виновенъ въ той крови, которая прольется сейчасъ.

Сердца присутствующихъ сжались, — настолько крестоносецъ былъ увѣренъ въ себя и своей побѣдѣ. Но простодушный Збышко обратился къ своему чеху и сказалъ:

— Сирадомъ несеть отъ этой орденской похвалбы, — она была бы кстатѣ послѣ моей смерти, а не до тѣхъ поръ, пока я живъ. Но у этого хвастуна на племѣ павлиній гребень... Я сначала появлялся добыть три такихъ гребня, а потомъ столько, сколько пальцевъ на рукахъ. Вотъ Богъ и посылаетъ!

— Господинъ, — спросилъ чехъ, наклоняясь и захватывая золу со сѣгомъ, чтобъ топориче не скользило въ его руцѣ, — можетъ быть, Господь дастъ я скоро управлюсь съ этимъ прусскимъ молодчикомъ, нельзя ли мнѣ тогда, если не напасть на крестоносца, то, во крайней мѣрѣ, просунуть топоръ между его ногъ и повалить наземь?

— Боже тебя сохрани! — живо воскликнулъ Збышко, — ты опозорилъ бы и себя, и меня.

Въ это время послышался третій призывъ трубы. Заслышавъ его, оруженосцы живо и горячо подскочили другъ къ другу, а рыцари сблизились медленно и важно, какъ повелѣвало имъ ихъ званіе и достоинство.

Мало кто обращалъ вниманіе на оруженосцевъ, но опытные люди и челядь, которые смотрѣли на нихъ, сразу поняли, какое ужасающее преимущество лежитъ на сторонѣ Главы. Въ рукахъ кннца топоръ ходилъ тяжелѣй, а движенія его щита зато были медленнѣй. Изъ-подъ панцыря виднѣлись его ноги, длинныя, но тощія и не такія мускулистыя, какъ могучія ноги чеха, обтянутыя узкими штанами. Глава напалъ такъ горячо, что фанъ-Бристъ долженъ былъ начать отступление чуть не съ первой минуты. Зрители сразу увидали, что одинъ изъ противниковъ налетѣлъ на другого какъ буря, что онъ напираетъ, разить, какъ громъ, а другой, въ предчувствіи, что смерть витаетъ надъ нимъ, только защищается, чтобъ какъ можно отдалить ужасную минуту. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Самохвалъ, который вступалъ въ битву только тогда, когда другого исхода ему не представлялось, понялъ, что хвастливыя и неосторожныя слова привели его къ единоборству со страшнымъ smashомъ, котораго онъ долженъ былъ бы избѣгать во что бы то ни стало, и теперь, когда увидалъ, что всякій изъ ударовъ его противника могъ бы свалить быка, совершенно потерялся. Онъ почти забылъ, что нужно не только принимать щитомъ удары, но и нано-

сить ихъ. Онъ видѣлъ надъ собою только взмахи топора и думалъ, что каждый изъ нихъ можетъ быть послѣднимъ. Заслоняясь щитомъ, онъ невольно закрывалъ глаза съ чувствомъ тревоги и сомнѣнія, откроется ли онъ ихъ еще разъ. Изрѣдка онъ и самъ наносилъ ударъ, безъ надежды, что онъ попадетъ въ противника, и только все выше и выше поднималъ щитъ, чтобы закрыть голову.

Наконецъ, онъ началъ выбиваться изъ силъ, а чехъ наносилъ все болѣе могучіе удары. Какъ отъ огромной сосны подъ ударами дровосѣка откалываются огромныя щепки, такъ подъ ударами чеха начали ломаться и отпадать чешуйки панциря нѣмецкаго оруженосца. Верхній конецъ щита погнулся и лопнулъ, правый наплечникъ уже свалился наземь вмѣстѣ съ перерѣзаннымъ и окровавленнымъ ремнемъ. Волосы фанъ-Криста стали дыбомъ и его охватила смертельная тревога. Разъ и два изо всей силы онъ ударилъ по щиту чеха, но, соображая, что съ такимъ могучимъ соперникомъ для него нѣтъ выхода и спасти его можетъ только какое-нибудь необычайное усиліе, вдругъ всею тяжестью тѣла и вооруженія бросился подъ ноги Главы.

Они оба упали и боролись, катаясь по снѣгу. Но чехъ вскорѣ оказался наверху, напрягъ усилія, чтобы подавить отчаянныя движенія противника, наконецъ придавилъ коленнымъ желѣзную сѣтку, покрывающую его животъ, и вытащилъ изъ-за пояса короткую, трехгранную «мизерикордію».

— Пощади! — тихо шепнулъ фанъ-Кристъ, смотря своими глазами въ глаза чеха.

Но Глава, вмѣсто отвѣта, вонзилъ кинжалъ въ горло несчастнаго нѣмца, потомъ поднялъ топоръ и, опершись на немъ, сталъ смотрѣть на болѣе тяжелую и упорную борьбу своего господина съ братомъ Ротгеромъ.

Западные рыцари уже привыкли къ роскоши и избытку, въ то время, когда малопольскіе, великопольскіе и мазовецкіе дворяне вели еще суровый и воздержный образъ жизни, вслѣдствіе чего даже у чужихъ и не расположенныхъ къ нимъ людей вызывали удивленіе крѣпостью тѣла и выносливостью. И теперь оказалось, что Збышко крѣпостью рукъ и ногъ настолько же превyšалъ крестоносца, насколько его оруженосецъ превyšалъ фанъ-Криста, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось, что молодой рыцарь значительно уступаетъ Ротгеру въ умѣньи владѣть оружіемъ.

Пока было видно, что выборъ оружія былъ благоприятенъ Збышку, потому что фехтовать на топорахъ вообще было невозможно.

При длинныхъ или короткихъ мечехъ надо было знать всё удары, уметь отбивать ихъ, — и тогда на сторонѣ нѣмца было бы значительное преимущество, но теперь, какъ самъ Збышко, такъ и всѣ зрители поняли, что передъ ними опытный и грозный борецъ, который, видимо, не въ первый разъ выходитъ на состязаніе такого рода. При каждомъ ударѣ Збышка Ротгеръ подставлялъ щитъ и потомъ слегка отдергивалъ его назадъ, вслѣдствіе чего самый сильный размахъ терялъ свою силу и не могъ оказать вредное вліяніе на гладкую поверхность щита. По временамъ онъ пытался, по временамъ наступалъ, но дѣлалъ это или спокойно, или такъ быстро, что его движенія едва можно было уловить глазомъ. Бнязь встревожился за судьбу Збышка, а лица мазовецкихъ рыцарей о мрачались, — имъ показалось, что нѣмецъ какъ будто нарочно играть съ противникомъ. Иногда онъ даже не подставлялъ щита, а когда Збышко наносилъ ударъ, то дѣлалъ поворотъ въ сторону такимъ образомъ, что остріе топора перерѣзывало пустой воздухъ. Это было страшнѣе всего, потому что Збышко при этомъ могъ потерять равновѣсіе и упасть, и тогда гибель его была бы неизбежна. Видѣлъ это и чехъ, стоящій надъ зарѣзаннымъ фанъ-Бристомъ, и думалъ про себя: «Блянусь Богомъ! если господинъ упадетъ, я ударю нѣмца топоромъ между лопатокъ, чтобъ онъ также шлепнулся». Збышко, однако, не падалъ. Въ ногахъ у него была огромная сила, разставлялъ ихъ онъ широко и на каждомъ шагу могъ удержать всю тяжесть своего тѣла и силу размаха.

Ротгеръ тотчасъ же замѣтилъ это, и зрители ошибались, что онъ легкомысленно относится къ противнику. Напротивъ, послѣ первыхъ ударовъ, когда, несмотря на все умѣнье владѣть щитомъ, его рука почти онѣмѣла, онъ понялъ, что съ этимъ молодымъ чело-вѣкомъ ему предстоитъ не малый трудъ и что если онъ не свалитъ его при помощи какого-нибудь ловкаго приема, то борьба можетъ окан-заться долгой и небезопасной. Онъ рассчитывалъ, что при одномъ изъ промаховъ Збышко упадетъ на снѣгъ, а когда этого не случи-лось, онъ прямо встревожился. Изъ-подъ своего стального наличника онъ видѣлъ раздувающимися ноздри и сжатые губы противника, ви-дѣлъ его блестящіе глаза и говорилъ себѣ, что запальчивость не-прегѣнно должна овладѣть имъ, что онъ забудется, потеряетъ го-лову и въ ослѣпленіи будетъ думать больше о томъ, какъ наносить удары, чѣмъ о томъ, какъ отражать ихъ. Но онъ ошибся и въ это гъ. Збышко не умѣлъ уклоняться отъ ударовъ поворотомъ, но не забывалъ о щитѣ и, поднимая топоръ, не открывалъ себя бо-
ломъ, чѣмъ слѣдуетъ. Очевидно, его вниманіе удвоилось и, понявъ

опытность и искусство противника, онъ не только ничего не забывалъ, но сосредоточился въ себѣ, сталъ болѣе осторожнымъ, а въ его ударахъ замѣчалась расчетливость, которая могла являться слѣдствіемъ не горячности, а скорѣе холодной свирѣпости.

Ротгеръ, который видѣлъ не мало войнъ и побывалъ не на одномъ поединкѣ, — стѣна ли на стѣну, одинъ ли на одинъ, зналъ по опыту, что бываютъ люди, созданные, на подобіе хищныхъ птицъ, исключительно для борьбы и исключительно одаренные природой, которые какъ будто отгадываютъ то, до чего другіе доходятъ путемъ долготѣнныхъ упражненій, и сразу сообразилъ, что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ такихъ людей. Съ первыхъ же ударовъ онъ понялъ, что въ этомъ молодомъ человѣкѣ есть что-то такое, что есть у ястреба, который въ противникѣ видитъ только свою добычу, думаетъ только о томъ, какъ бы схватить его въ когти. Несмотря на свою силу, онъ также замѣтилъ, что не сравняется въ ней со Збышкомъ и если изнеможетъ до той минуты, когда ему удастся нанести рѣшительный ударъ, то борьба съ этимъ страшнымъ, хотя и менѣе опытнымъ подросткомъ можетъ окончиться для него гибельно. Понявъ это, онъ рѣшилъ биться съ наименьшей затратой силы, прижалъ къ себѣ щитъ, не особенно напиралъ, не особенно наступалъ, собралъ всѣ силы души и руки для одного рѣшительнаго удара и ожидалъ удобной минуты.

Страшная борьба затянулась сверхъ всякой мѣры. На балконахъ воцарилась смертная тишина. Лишь отъ времени до времени слышались то визгливые, то глухіе удары острія или обуха топора о щитъ. И князю съ княгиней, и рыцарямъ и придворнымъ такіе зрѣлища были не въ новинку, но однако какое-то чувство, близкое къ ужасу, какъ бы влещами стиснуло сердца зрителей. Всѣ поняли, что тутъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы выказать свою силу, ловкость или мужество, что въ этой борьбѣ проявляется свирѣпость, великое отчаяніе и еще болѣе великая и страшная жажда мести. На этой утопанной площадкѣ предстали предъ судъ Божій съ одной стороны — кровавая обида, любовь и бездонное горе, а другой — достоинство всего ордена и глубокая ненависть.

Тѣмъ временемъ зимнее блѣдное утро произошло, завѣса тумана всколыхнулась и лучъ солнца освѣтилъ голубой панцырь крестоносца и серебристыя миланскія латы Збышка. Въ часовой зазвонили и при первомъ ударѣ колокола стаи галокъ снова сорвались съ кровли замка, затрепетали крыльями и закаркали, какъ радуясь при видѣ крови и трупа, который неподвижно лежалъ въ снѣгу. Ротгеръ во время битвы взглянулъ на него разъ, взглянулъ

другой и вдруг почувствовал себя страшно одинокимъ. Всѣ глаза, которые были обращены на него, были глаза враговъ. Всѣ молитвы, пожеланія и тихіе обѣты, которые давали женщины, были на сторонѣ Збышка. Кромѣ того, хотя крестоносецъ былъ совершенно увѣренъ, что чехъ не бросится на него сзади, но присутствіе и близость этой грозной фигуры охватывали его такимъ невольнымъ безпокойствомъ, каковымъ людей охватываетъ видъ волка, медвѣдя или буйвола, отъ которыхъ его не отдѣляетъ рѣшетка мѣтени. И онъ тѣмъ болѣе не могъ освободиться отъ этого чувства, что чехъ, желая слѣдить за ходомъ поединка, переходилъ съ мѣста на мѣсто, наклоня голову и злобще смотря сивозъ желѣзный наличникъ шлема.

Наконецъ крестоносцемъ начало овладѣвать утомленіе. Разъ за разомъ онъ нанесъ два короткихъ, но страшныхъ удара, направляя ихъ на правую руку Збышка, но тотъ отразилъ ихъ щитомъ съ такою силой, что топориче зашаталось въ рукѣ Ротгера, а самъ онъ долженъ былъ сразу отступить назадъ, чтобы не упасть. Съ той поры онъ только и дѣлалъ, что отступалъ. Не только силы его истощились, но и хладнокровіе, и терпѣніе. При видѣ его отступления изъ груди зрителей вырвался крикъ торжества, который еще болѣе возбудилъ въ немъ злость и отчаяніе. Удары топоровъ посыпались чаще. Лбы противниковъ были покрыты потомъ, а изъ груди сивозъ стиснутые зубы вырывалось хриплое дыханіе. Зрители перестали сохранять спокойствіе и каждую минуту слышалось то мужское, то женское восклицаніе: «Бей его! Наказаніе Божіе! Помоги тебѣ Богъ!» Князь движеніемъ руки пробовалъ было прекратить шумъ, но не могъ унять своихъ придворныхъ. Крики все усиливались; дѣти, толпящіеся на балконѣ, также заголосили, а у самого уха князя какой-то рыдающій женскій голосъ воскликнулъ:

— За Данусю, Збышко! за Данусю!

А Збышко и безъ того зналъ, что дѣло идетъ о Данусѣ. Онъ былъ увѣренъ, что крестоносецъ также участвовалъ въ ея похищеніи и, сражаясь съ нимъ, хотѣлъ отплатить за ея обиду. Но, какъ человѣкъ молодой и охочій до стычекъ, онъ въ эту минуту думалъ только о поединкѣ. Но этотъ крикъ вдругъ напомнилъ ему его утрату. Любовь, горе и месть подлили огня въ его жилы. Сердце его завывало отъ внезапно пробужденной боли и его всецѣло охватило воинственное опьяненіе. Крестоносецъ уже не могъ слѣдить и трепать его страшные, громоносные удары. Збышко ударилъ съ нимъ щитомъ по его щиту съ такою нечеловѣческой силой, что рѣзакъ вдругъ онемѣла и безсильно опустилась внизъ. Онъ

въ тревогѣ и ужасѣ отступилъ, отклонился назадъ, но въ эту же минуту его глаза ослѣпилъ блескъ топора и какая-то тяжесть, какъ молнія, обрушилась на его правое плечо.

До балкона долетѣлъ только одинъ раздирающій крикъ: «Исусъ!...» — потомъ Ротгеръ сдѣлалъ еще шагъ назадъ и упалъ навзничъ на снѣгъ.

Въ ту же секунду на балконѣ поднялся такой шумъ и движеніе, какъ это бываетъ на пасѣкахъ, когда пчелы, пригрѣтыя солнцемъ, начинаютъ двигаться и жужжать. Рыцари цѣлыми толпами сбѣгали по лѣстницамъ, челядь перепрыгивала черезъ снѣжный валь, чтобы посмотрѣть на трупы. Повсюду раздавались возгласы: «Вотъ что значить судъ Божій!... Хорошій наслѣдникъ у Юранда!... Честь ему и благодарности! Этому парню только и владѣть топоромъ!» Другіе прибавляли: «Смотрите и дивитесь! Лучшаго удара не нанесъ бы и самъ Юрандъ!» Вскорѣ вокругъ трупа Ротгера образовалась цѣлая толпа любопытныхъ, а онъ лежалъ на спинѣ, съ лицомъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, съ широкого раскрытыми устами и съ окровавленнымъ плечомъ, такъ страшно разсѣченнымъ отъ шеи до самаго паха, что оно держалось лишь на нѣсколькихъ мускулахъ. Одни дивились его росту, — такое большое пространство занималъ онъ на полѣ битвы, а послѣ смерти казался еще болѣе огромнымъ, чѣмъ при жизни; другіе — павлинѣму гребню, отливающему на снѣгу всевозможными красками, третьи — панцирю, который стѣбилъ цѣлой деревни. Но чехъ Глава съ двумя слугами Збышка уже приближался къ Ротгеру, чтобы снять съ него доспѣхи, и любопытные окружили Збышка, прославляя его и превознося до небесъ. Они правильно разсуждали, что его слава озаритъ все мазовецкое и польское рыцарство. Тѣмъ временемъ его освободили отъ меча и топора, чтобы облегчить его. Мрокота изъ Моцажева снялъ съ него шлемъ, а влажную голову прикрылъ своею красною суконною шапкою. Збышко стоялъ въ остолебѣніи, тяжело переводя дыханіе, съ огнемъ, еще не угасшимъ въ глазахъ, съ лицомъ поблѣднѣвшимъ отъ изнуренія и свирѣпости. Его подхватили подъ руки и подвели къ князю съ княгиней, которые ожидали его возлѣ камина, въ жарко-нагретой комнатѣ. Збышко преклонилъ передъ ними колѣна, а когда всѣмъ Вышонецъ перекрестилъ его и прочелъ заупокойную молитву за души умершихъ, князь обнялъ молодого рыцаря и сказалъ:

— Предвѣчный Богъ разсудилъ вашъ споръ и управлялъ твою рукою, за что да будетъ благословенно имя Его, аминь!

Потомъ онъ обратился къ рыцарю де Лоршу и другимъ присутствующимъ и добавилъ:

— Тебя, чужестранный рыцарь, и всѣхъ васъ я беру въ свѣдѣтели того, о чемъ свидѣтельствую и самъ, что они сражались согласно закону и обычаю и что судъ Божій здѣсь совершился такъ же по-рыцарски и по-божески, какъ совершается и повсюду.

Мазовецкіе рыцари привѣтственнымъ крикомъ приняли слова князя, а когда ихъ перевели господину де Лоршу, онъ всталъ и заявилъ, что не только свидѣлствуетъ, что все произошло по-рыцарски и по-божески, но еслибы кто-нибудь въ Мальборгъ или при какомъ-нибудь владѣтельномъ дворѣ осмѣлился усомниться въ этомъ, онъ, де Лоршъ, немедленно вызоветъ его на конный или пѣший поединокъ, будь это не только обыкновенный рыцарь, а какой-нибудь великанъ или чернокожикъ, превышающій магическою силой самого Мерлина.

Тѣмъ временемъ княгиня Анна Данута, наклонясь, говорила Збышку, который припалъ къ ея колѣнамъ:

— Отчего же ты-то не радуешься? Радуйся и благодари Бога, потому что если Богъ по милосердію своему охранилъ тебя отъ опасности, то и впредь не оставитъ тебя и наградитъ счастьемъ.

А Збышко отвѣтилъ:

— Какъ же мнѣ радоваться, милостивая госпожа? Богъ далъ мнѣ побѣду и дозволилъ отомстить этому крестоносцу, но Дануса какъ не было, такъ и нѣтъ, и я такъ же далекъ отъ нея, какъ былъ прежде.

— Самые страшные враги твои, Данфелдъ и Готфридъ уже умерли,—отвѣтила княгиня,—а о Зигфридѣ всѣ говорятъ, что онъ гораздо справедливѣе ихъ, хотя и жестокой человѣкъ. И за это прославь милосердіе Божіе. А господинъ де Лоршъ говорилъ еще, что если крестоносецъ падетъ, то онъ отвезетъ его тѣло, а потомъ отправится въ Мальборгъ и будетъ ходатайствовать за Дануса передъ самымъ великимъ магистромъ. Они не посмѣютъ послушаться самого великаго магистра.

— Дай Богъ здоровье господину де Лоршу,—сказала Збышко,—и я съ нимъ поѣду въ Мальборгъ.

Княгиня испугалась этихъ словъ, какъ будто Збышко сказалъ, что безоружный пойдетъ на волковъ, которые зимою цѣлыми стадами собирались въ глубокихъ лѣсахъ Мазовіи.

— Зачѣмъ?—воскликнула она.—На вѣрную погибель? Сейчасъ же послѣ поединка тебѣ не помогутъ ни де Лоршъ, нипись-

ма, который Ротгеръ отправилъ вчера. Помочь ты никому не можешь, а себя погубишь.

Но Збышко всталъ, сложилъ крестообразно руки и отвѣтилъ

— Клянусь Богомъ, что я поѣду въ Мальборгъ и хотя за море. Да благословить меня Христосъ, а я буду искать ее послѣдняго издыханія и не перестану, пока не погибну! Мнѣ легче бить нѣмцевъ и драться съ ними, чѣмъ сиротѣмъ стонать въ темницѣ. Ой, легче, легче!

Онъ говорилъ это, какъ и всегда, когда упоминалъ о Давидѣ, съ такимъ волненіемъ, съ такою болью, что иногда рѣчь его прерывалась, какъ будто кто-то схватывалъ его за горло. Княгиня поняла, что его бесполезно отговаривать, и если кто захочетъ удержать его, тотъ долженъ его сковать и ввергнуть въ подземелье.

Тѣмъ не менѣе, Збышко не могъ выѣхать тотчасъ же. Тѣмъ дашнему рыцарю можно было не взирая ни на какія преграды не дозволялось нарушать рыцарскаго обычая, который полагалъ, чтобы побѣдитель провелъ на мѣстѣ битвы цѣлый день до слѣдующей полуночи, въ знакъ того, что онъ остался господиномъ поприща, а также и въ знакъ готовности къ новому состязанію, еслибъ кто-нибудь изъ родныхъ или друзей побѣжденнаго захотѣлъ его вызвать вторично. Обычай этого придерживались даже войска, иногда теряя выгоды, которыя могла бы принести имъ спѣшность послѣ побѣды. Збышко даже не пытался освободиться изъ-подъ власти неумолимаго закона и, подкрѣпивъ немного силы вновь надѣлъ доспѣхи и пробылъ до полуночи на замковомъ дворѣ, подъ хмурымъ зимнимъ небомъ, ожидая врага, который не явился ни откуда.

И лишь въ полночь, когда герольды, при звукѣ трубъ, въ слѣдній разъ объявили его побѣду, Николай изъ Длуголяса позвалъ его ужинать, а потомъ на совѣтъ къ князю.

VI.

На совѣтѣ князь заговорилъ первый:

— Вотъ горе, что у насъ нѣтъ никакого письма и никакаго свидѣтельства противъ комтура. Хотя наши подозрѣнія, кажется, справедливы и я самъ думаю, что Юрандовну схватили они, а кто-нибудь другой, но что-жъ изъ этого? Они отопрутся. А если ликій магистръ потребуетъ какого-нибудь доказательства, что покажемъ ему? Но этого мало, само письмо Юранда говорить о нихъ.

Тутъ онъ обратился къ Збышку:

— Ты говоришь, что это письмо они выманили отъ него угрозою. Можетъ быть, пожалуй, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, потому что еслибъ справедливость была на ихъ сторонѣ, то Господь не помогъ бы тебѣ противъ Роттера. Но коль скоро они вынудили одно, то могутъ вынудить и другое. Можетъ быть и теперь у нихъ въ рукахъ свидѣтельство Юранда, что они невинны въ похищеніи дѣвочки. Если они покажутъ его магистру, что будетъ тогда?

— Да вѣдь они сами, милостивый господинъ, признались, что отбили Данусю у разбойниковъ и держатъ ее у себя.

— Это я знаю. Но теперь они говорятъ, что ошиблись.

— Ихъ ложь, словно лѣсъ,—сказалъ Николай изъ Длуголяса.—Съ краю еще что-нибудь видно, а чѣмъ глубже, тѣмъ глуше, ты заблудишься такъ, что совсѣмъ потеряешь дорогу.

Онъ перевелъ господину де Лоршу свои слова по-нѣмецки, а тотъ сказалъ:

— Самъ великій магистръ лучше ихъ, да и у брата его душа хотя дерзкая, но рыцарская.

— Это вѣрно,—отвѣтилъ Николай,—магистръ человекъ добрый, но онъ не умѣетъ сдерживать ни комтуровъ, ни капитулъ, не можетъ устранить несправедливостей Ордена, но не радуется имъ. Побѣждайте къ нему вы, рыцарь де Лоршъ, и расскажите все, что случилось. Чужихъ они больше стыдятся, чѣмъ насъ, чтобы при иностранныхъ дворахъ они не рассказывали о ихъ предательствахъ и преступныхъ дѣлахъ. А когда магистръ потребуетъ отъ васъ доказательствъ, скажите ему такъ: «Знать правду—это Божеское дѣло, а человеческое дѣло—это искать ее, и если вы хотите доказательства, то поищите ихъ, прикажите перетрахать всѣ замки, разспросите людей, позвольте искать и намъ, потому что это одна глупость и басня, что они отбили сиротку у пограничныхъ разбойниковъ».

— Глупость и басня,—повторилъ де Лоршъ.

— Разбойники не подняли бы руки на княжескій дворецъ, на дочь Юранда. А еслибы даже они и похитили ее, то для выкупа и сами дали бы знать, что она у нихъ.

— Я все это скажу и отыщу де-Бегрова,—проговорилъ лотарингекъ.—Мы изъ одной страны и, хотя я его не знаю, говорятъ, что онъ какой-то родственникъ графа Гельдеринскаго. Отъ былъ въ Циттѣ, пусть расскажетъ магистру, что видѣлъ онъ.

Збышко кое-что понялъ изъ этихъ словъ, а чего не понялъ,

то ему объяснилъ Николай, и такъ вѣжливо обнялъ де Лорша, что рыцарь застоналъ.

Князь спросилъ у Збышка:

— Ты рѣшительно хочешь ѣхать?

— Рѣшительно, милостивый господинъ. Что же мнѣ остается дѣлать? Я хотѣлъ было взять Щитно, хотя бы мнѣ пришлось грызть зубами крѣпостной валъ, но какъ же я могу начать войну безъ разрѣшенія?

— Всякій, кто начнетъ войну безъ разрѣшенія, будетъ казненъ подь мечомъ палача, — сказалъ князь.

— Извѣстно, законъ закономъ, — отвѣтилъ Збышко. — Да что? Я хотѣлъ вызвать на поединокъ всѣхъ, кто были въ Щитнѣ, не говорятъ, что Юрандъ перерѣзалъ ихъ всѣхъ, какъ воловъ, и я не знаю, кто живъ, кто убитъ... Но клянусь Богомъ и святымъ крестомъ, что я не оставляю Юранда до его послѣдняго издыханія!

— Ты хорошо говоришь и твои слова мнѣ нравятся, — сказалъ Николай изъ Длуголяса. — А что ты самъ не полетѣлъ въ Щитно, это показываетъ твой разумъ, хотя бы и дуракъ догадался, что они не держатъ тамъ ни Юранда, ни его дочь и должны были бы увезти ихъ въ какую-нибудь другую крѣпость. А вотъ за то, что ты прѣхалъ сюда, Богъ наградилъ тебя Ротгеромъ.

— Да, — сказалъ князь, — а отъ Ротгера мы слышали, что изъ тѣхъ четверыхъ живъ только старый Зигфридъ, остальныхъ же Богъ покаралъ рукою Юранда. Что касается Зигфрида, то онъ честнѣе другихъ, хотя, можетъ быть, еще болѣе жестокій человѣкъ. Плохо одно, что Юрандъ и Дануса въ его рукахъ и ихъ нужно спасать, какъ можно скорѣе. Но чтобъ и съ тобой не приключилось чего-нибудь другого, я дамъ тебѣ письмо къ магистру. Только слушай хорошенько и пойми, что ты ѣдешь не какъ посолъ, а какъ посланный, а магистру я пишу вотъ что: «Коль скоро они когда-то посягнули на нашу особу, потомка ихъ благодѣтелей, то возможное дѣло, что они же похитили и Юрандовну, такъ какъ питаютъ особую злобу къ Юранду». Я прошу магистра, чтобъ онъ приказалъ искать ее и, если хочетъ моей дружбы, тотчасъ же отдалъ бы ее въ мои руки.

Збышко, услышавши это, бросился къ ногамъ князя и, обнявъ его колѣна, заговорилъ:

— А Юрандъ, милостивый господинъ, а Юрандъ? Вступитесь и за него! Если раны его смертельны, пусть онъ хоть умретъ въ своемъ домѣ, среди своихъ дѣтей.

— И о Юрандѣ есть рѣчь, — благосклонно сказалъ князь. —

Магистръ долженъ прислать двоихъ своихъ судей и я вышлю двоихъ, чтобъ они разсмотрѣли на основаніи рыцарскихъ законовъ чести поступки комтуровъ и Юранда, а всѣ эти четверо судей изберутъ еще одного, который былъ бы ихъ главою, и какъ они рѣшатъ, такъ и будетъ.

Тутъ совѣщаніе и кончилось, послѣ чего Збышко простился съ княземъ, такъ какъ разсчитывалъ тотчасъ же двинуться въ дорогу.

Но опытный и знающій крестоносцевъ Николай изъ Длуголяса отвелъ его въ сторону и спросилъ:

— А этого оруженосца; чеха, ты тоже возьмешь съ собою?

— Конечно, возьму, потому что онъ не отстанетъ отъ меня.

А что?

— Да то, что мнѣ его жалко. Парень онъ на славу, а ты соображай, что я скажу тебѣ: ты изъ Мальборга выйдешь съ цѣлою головою, конечно, если не станешь тамъ биться съ кѣмъ-нибудь и не попадешь на болѣе ловкаго, но чехъ непремѣнно погибнетъ.

— Почему?

— Потому что собачьи сыны обвиняли его, что онъ убилъ де-Фурси. Объ этомъ они должны были писать магистру и, конечно, написали, что во всемъ виновенъ чехъ. Этому ему въ Мальборгѣ не простятъ. Его ждетъ судъ и отищеніе, ибо какинъ же образомъ ты докажешь магистру его невинность? Кромѣ того, онъ сломалъ руку Данфельда, а Данфельдъ былъ родственникомъ великаго госпиталита. Жаль мнѣ его, но я повторяю, что если онъ поѣдетъ, то на вѣрную смерть.

— Онъ не поѣдетъ на смерть, потому что я оставляю его въ Спыховѣ.

Но случилось не такъ, потому что явились обстоятельства, по которымъ чехъ не могъ остаться въ Спыховѣ. Збышко и де-Лоршъ вышли на другой день вмѣстѣ со своими слугами. Де-Лоршъ, котораго ксѣндъ Вышонецъ освободилъ отъ обязательствъ къ Ульриху де-Эльнеръ, ѣхалъ счастливый и весь преданный мечтамъ о красотѣ Ягеньки изъ Длуголяса, Збышко разговаривалъ съ Главой, который до сихъ поръ ничего не зналъ о предполагаемомъ путешествіи въ страны крестоносцевъ.

— Мы ѣдемъ въ Мальборгъ, — сказалъ Збышко, — а когда я вернусь, одному Богу извѣстно... Можетъ быть скоро, а можетъ быть весною, можетъ быть черезъ годъ, а можетъ быть и совсѣмъ не вернусь, — понимаешь?

Понимаю. Ваша милость вѣроятно ѣдете для того, чтобы

биться съ тамошними рыцарями. И слава Богу, потому что у нашего рыцаря есть свой оруженосецъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Збышко. — Я ѣду не затѣмъ, что драться съ рыцарями, развѣ только это случится само собою, а и совсѣмъ не поѣдешь. Ты останешься дома, въ Спыховѣ.

Чехъ ужасно огорчился и началъ умолять молодого господина не оставлять его.

— Я поклялся, что не оставляю вашей милости, поклялся въ стомѣ и честию. Если васъ встрѣтитъ какая-нибудь невзгода, и кими глазами я буду смотрѣть на мою госпожу въ Эгожелицахъ! Вѣдь я поклялся ей! Смилюйтесь надо мною, чтобъ я не осрамилъ передъ нею.

— А ты не клялся ей, что будешь слушаться меня? — спросилъ Збышко.

— Какъ не клясться! Во всемъ, только не въ томъ, чтобъ оставить васъ. Если вы оттолкнете меня, я поѣду поодаль, чтобы случаю надобности быть у васъ подъ рукою.

— Я тебя не отталкиваю и не оттолкну, — сказала Збышко, но была бы сущая бѣда, еслибъ я не могъ бы послать тебя хоть въ самую дальнюю дорогу или отвязаться отъ тебя хоть на одинъ день. Не будешь же ты безпрестанно стоять надо мною, какъ лачъ надъ грѣшною душой! А въ поединкѣ, чѣмъ ты мнѣ поможешь? Я не про войну говорю, — на войнѣ люди сражаются бучею, а при столкновеніи одинъ на одинъ, вѣдь не можешь же ты бить за меня. Еслибъ Ротгеръ былъ крѣпче меня, не на нашемъ вѣлѣ лежали бы его доспѣхи, а мои на его возу. Кромѣ того, знай, тамъ мнѣ съ тобой будетъ хуже и что ты можешь подвергнуть мою опасности.

— Это почему же такъ, ваша милость?

Збышко началъ объяснять ему, что слышалъ отъ Николая Дрогогояса. Бомтурамъ нельзя было признаться въ убійствѣ де-Фурси, вотъ они и обвинили его и будутъ преслѣдовать своею местию.

— А если они схватятъ тебя, — закончилъ онъ, — то я не могу оставить тебя, какъ кость въ собачьей пасти, а за это, пожалуй, заплачу головой.

Чехъ омрачился, услыхавъ эти слова. Онъ вполне понималъ ихъ основательность, но все-таки попробовалъ настоять на своемъ.

— Да вѣдь тѣхъ, которые видѣли меня, нѣтъ въ живыхъ, одного, какъ говорятъ, убилъ старый спыховскій панъ, а Ротгеръ убили вы.

— Тебя видѣли слуги, которые тащились за ними, да и те

перый крестоносецъ еще живъ и навѣрно сидитъ въ Мальборгѣ, а если не сидитъ, то скоро явится, потому что, великій магистръ, всѣхъ, вызоветъ его туда.

На это чехъ не могъ найти отвѣта и молча ѣхалъ до Спыхова. Тамъ все было въ полной военной готовности; старый Тулима считывалъ, что или крестоносцы ударятъ на городокъ, или ѣзжико, возвратившись, поведетъ выручать стараго господина. И тамъ, стража стояла вездѣ, на дорогахъ, ведущихъ черезъ болота къ самому городкѣ. Въ замкѣ Збышка и де-Лорша принялъ всѣхъ Калебъ и тотчасъ же послѣ ужина показалъ пергаментъ съ печатью Юранда, на которомъ была изображена послѣдняя воля шовскаго рыцаря.

— Онъ диктовалъ это въ ту ночь, когда уѣхалъ въ Спыховъ, — сказалъ всѣмъ. — Видимо, онъ не надѣялся вернуться.

— Отчего же вы не говорили мнѣ ничего?

— Я не говорилъ оттого, что онъ мнѣ открылъ свои намѣренія на исповѣди. Упокой его, Господи, въ селеніяхъ праведныхъ...

— Подождите молиться за него, онъ еще живъ. Я знаю это по имени крестоносца Ротгера, съ которымъ я дрался при дворѣ князя. Между нами былъ судъ Божій и я убилъ его.

— Тѣмъ вѣрнѣй Юрандъ не возвратится... Одна надежда на милость Божію.

— Я ѣду вотъ съ этимъ рыцаремъ, чтобы вырвать его изъ ихъ рукъ.

— Значить, вы не знаете ихъ рукъ, а я знаю. Прежде чѣмъ Юрандъ пріютилъ меня въ Спыховѣ, я пятнадцать лѣтъ былъ священникомъ въ ихъ краю. Юранда можетъ спасти одинъ Богъ.

— Богъ и намъ можетъ помочь.

— Аминь.

Всѣмъ Калебъ развернулъ пергаментъ и началъ читать его. Юрандъ записывалъ всѣ свои земли и достояніе Данусъ и ея потомковъ, а въ случаѣ ея бездѣтности, ея мужу, Збышку изъ Богданъ-града. Въ концѣ онъ обращался къ покровительству князя: «А ежели что написано не согласно законамъ, то пусть княжеская милость обратить въ законъ». Конецъ этотъ былъ прибавленъ потому, что всѣмъ Калебъ былъ силенъ только въ каноническомъ правѣ, а Юрандъ, вѣчно занятый войной, — только въ рыцарскомъ. По этому всѣмъ прочиталъ документъ старшимъ слугамъ, которые тотчасъ признали молодого рыцаря господиномъ и поклонились ему въ вѣрности.

Они думали, что Збышко тотчасъ поведетъ ихъ выручать ста-

раго господина и радовались этому, потому что въ ихъ груди билось сердце мужественное, привязанное къ Юранду. Каково же было ихъ огорченіе, когда они узнали, что останутся дома, а Збышко съ малочисленнымъ отрядомъ отправится въ Мальборгъ и не для того, чтобы биться, а чтобы жаловаться. Эту печаль раздѣлялъ и чехъ, хотя съ другой стороны радовался такому значительному приумноженію достоянія Збышка.

— Вотъ кому была бы радость, — это старому пану изъ Богданьца! Сумѣлъ бы онъ похозяйничать тутъ! — сказалъ онъ. — Что значить Богданецъ въ сравненіи со Слыховомъ!

А Збышка въ эту минуту охватила тоска по дядѣ, кабая часто овладѣвала имъ, въ особенности въ трудныя и тяжелыя минуты жизни, и, обратившись къ оруженосцу, онъ сказалъ, почти не думая:

— Что тебѣ сидѣть понапрасну. Поѣзжай въ Богданецъ, повезешь письмо.

— Если мнѣ нельзя ѣхать съ вами, то, конечно, я предпочелъ бы поѣхать туда, — обрадовался оруженосецъ.

— Позови сюда ксѣндза Калеба, пускай онъ напишетъ все, что тутъ случилось, а дядѣ письмо прочтетъ Кшесненскій пробощъ или аббатъ, если только онъ въ Згожелицахъ.

Но, сказавъ это, онъ ударилъ себя рукою по губамъ и проговорилъ, какъ бы про себя:

— Да, аббатъ!

И передъ его глазами промелькнула Ягенка, голубоглазая, темноволосая, красивая, какъ лань, со слезами, дрожащими на рѣсницахъ. И ему сдѣлалось такъ нехорошо, что онъ долго потиралъ рукою лобъ, прежде чѣмъ сказать:

— Грустно тебѣ будетъ, дѣвушка, но не грусти же, чѣмъ мнѣ!

Тѣмъ временемъ пришелъ ксѣндзъ Калебъ и засѣлъ за писанье. Збышко пространно диктовалъ ему все, что случилось съ минуты, когда онъ пріѣхалъ въ лѣсной дворецъ. Онъ ничего не утаилъ, зная, что старый Мацько, когда хорошенько разберется во всѣхъ этихъ дѣлахъ, то и самъ будетъ радъ.

Дѣйствительно Богданьца и думать было нечего сравнивать съ обширнымъ и богатымъ Слыховомъ, а Збышко зналъ, что Мацько ужасно охочъ до такихъ вещей.

Когда, послѣ долгихъ трудовъ, письмо было окончено, Збышко снова крикнулъ оруженосца и сказалъ ему:

— Можетъ быть, ты пріѣдешь сюда съ дядей. Вотъ я былъ бы радъ!

Вся фигура чеха выражала смущеніе. Онъ переступалъ съ

ноги на ногу и ушелъ не раньше, чѣмъ молодой рыцарь сказалъ ему:

— Если ты хочешь сказать еще что-нибудь, то говори.

— Я, ваша милость, хотѣлъ бы... я хотѣлъ бы спросить, что мнѣ говорить тамошнимъ людямъ?

— Какимъ людямъ?

— Не въ Богданцѣ, — нѣтъ... а по сосѣдству... Конечно, они хотятъ разузнать обо всемъ.

Збышко, который уже рѣшилъ не скрывать ничего, пылливо посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Тебѣ не люди нужны, а Ягенка изъ Згожелицъ.

Чехъ вспыхнулъ, потомъ вдругъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Она, господинъ...

— А почему ты знаешь, можетъ быть, она вышла замужъ за Чтана изъ Рогова или за Вилька изъ Бжозовой?

— Паненка ни за кого не вышла, — рѣшительно сказалъ оруженосецъ.

— Ей могъ приказать аббать.

— Аббать самъ слушается паненку, а не она его.

— Такъ чего-жъ тебѣ надо? Говори правду какъ ей, такъ и какъ другимъ.

Чехъ поклонился и ушелъ, нежного разсерженный.

«Дай Богъ, — думалъ онъ о Збышкѣ, — чтобы она забыла о тебѣ. Моги ей Богъ кого-нибудь получше тебя. Но если она не забыла тебя, то я скажу ей, что ты женатъ, но безъ жены, и что скорѣе поведешь ее въ опочивальню».

Однако, оруженосецъ, привязавшійся къ Збышку, жалѣлъ и Данусю, но Ягенку любилъ больше всего на свѣтѣ и съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о женитьбѣ Збышка, носилъ боль въ своемъ сердцѣ.

Тѣмъ временемъ Збышко рвался въ путь, и если ужъ его не было занято какими-нибудь другими дѣлами, испытывалъ страданіе при мысли о Данусѣ и Юрандѣ. Но нужно было остаться въ Смыховѣ хотя на одну ночь, хотя для господина де-Лорша и для приготовленій, которыхъ требовала такая дальняя дорога. Самъ Збышко былъ также изнуренъ выше всѣхъ мѣръ поединкомъ, бессонницей и огорченіями, и, когда свечерѣло, бросился на твердое Юрандово ложе въ надеждѣ, что сонъ навѣститъ его хоть не на долгу. Но не успѣлъ онъ заснуть, какъ въ комнату вошелъ Зандерусъ, поклонившись, сказалъ:

— Господинъ, вы спасли меня отъ смерти и мнѣ при васъ было такъ хорошо, какъ давно не бывало. Богъ теперь послалъ вамъ

большую деревню, вы теперь богаче, чѣмъ были, да и спыховская казна не пустая. Дайте мнѣ какой-нибудь кошелекъ, а я поѣду въ Пруссію, буду переѣзжать изъ замка въ замокъ, и хоть теперь мнѣ тамъ угрожаетъ опасность, можетъ быть, я окажу вамъ услугу.

Збышко въ первую минуту хотѣлъ было вышвырнуть его изъ комнаты, но потомъ задумался надъ его словами, досталъ изъ стоящей возлѣ постели дорожной сумки объемистый мѣшокъ съ деньгами и бросилъ Зандерусу.

— Возьми и уходи. Если ты негодяй, ты насмѣешься надъ мной, если хорошій человѣкъ, заплатишь добромъ.

— Я насмѣюсь, какъ негодяй, господинъ, — сказалъ Зандерусъ, — только не надъ вами, а, какъ хорошій человѣкъ, заплачу добромъ вамъ.

УП.

Зигфридъ де-Лѳе собственно собирался выѣзжать въ Мальборгъ, какъ почтовый слуга неожиданно принесть ему письмо отъ Ротгера съ описаніемъ событій, происшедшихъ на мазовецкомъ дворѣ.

Событія эти до глубины души взволновали стараго крестоносца. Изъ письма прежде всего было видно, что Ротгеръ отлично представилъ и велъ передъ княземъ Янушемъ дѣло Юранда. Зигфридъ улыбнулся, читая, что Ротгеръ даже потребовалъ, чтобы князь въ вознагражденіе за потери Ордена отдалъ крестоносцамъ Спыховъ, зато другая половина письма заключала новости неожиданныя и менѣе благопріятныя. Ротгеръ извѣщалъ также, что, для вящаго засвидѣтельствованія невинности Ордена въ похищеніи Юрандовны, онъ бросилъ мазовецкимъ рыцарямъ перчатку, вызывая каждого сомнѣвающегося на судъ Божій, то-есть на единоборство въ присутствіи всего двора. «Перчатки моей никто не поднялъ, — писалъ Ротгеръ, — всѣ знали, что за насъ свидѣлствуетъ письмо самого Юранда, всѣ боялись справедливости Божіей, но вдругъ отозвался тотъ мальчишка, котораго мы видѣли въ лѣсномъ дворцѣ, пазвался мужемъ Юрандовны и принялъ мой вызовъ. И вы не удивляйтесь, благочестивый и мудрый братъ, что я опоздаю своимъ возвращеніемъ, такъ какъ, сдѣлавъ вызовъ, я долженъ предстать на поединокъ. А такъ какъ я сдѣлалъ это для славы Ордена, то надѣюсь, что этого въ вину мнѣ не поставятъ ни Великій Магистръ, ни вы, котораго я чту п люблю сыновнимъ сердцемъ. Мой противникъ почти ребенокъ, а для меня битва, какъ вы знаете, не по-

нина, и я легко пролью его кровь во славу Ордена, а въ особенности при помощи Господа Христа, Который, видимо, болѣе заботится о тѣхъ, кто носитъ Его крестъ, чѣмъ о какомъ-нибудь Юрандѣ или несчастія ничтожной дѣвчонки изъ мазовецкаго народа».

Зигфрида прежде всего удивило извѣстіе, что Юрандовна была мнужемъ. Старый контуръ почувствовалъ даже нѣкоторое безпокойство, что въ Спыховѣ можетъ засѣсть новый и грозный врагъ. Очевидно, — думалъ онъ, — онъ не оставитъ свою месть, а тѣмъ болѣе, когда отыщетъ жену и когда она скажетъ ему, что именно мы и похитили ее изъ лѣснаго дворца. Да, тутъ сейчасъ же обнаружилось бы, что мы заманили Юранда только для того, чтобы побить его и что никто не думалъ отдавать ему дочь». Тутъ Зигфриду пришло въ голову, что, вслѣдствіе писемъ князя, магистръ, во всей вѣроятности, прикажетъ сдѣлать въ Щитиѣ обыскъ, хотя и для того, чтобы самому оправдаться передъ тѣмъ же княземъ. Идти и для магистра, и для капитула было очень важно, чтобы, въ случаѣ войны съ могучимъ польскимъ королемъ, мазовецкіе князья остались въ сторонѣ. Мазовецкое рыцарство было многочисленно и храбро, къ силамъ князей нельзя было относиться легкомысленно, мирный союзъ съ ними обезпечивалъ орденскую границу на огромномъ протяженіи и давалъ крестоносцамъ возможность располагать такъ угодно своими войсками. Въ Мальборгѣ объ этомъ съ Зигфридомъ говорили не разъ, — не разъ утѣшали себя надеждой, что, послѣ побѣды надъ королемъ, найдется удобный случай затѣять ссору съ Мазовіей и тогда ужъ никакая сила не вырветъ эту страну изъ рукъ крестоносцевъ. Разсчетъ былъ и огроменъ, и вѣренъ, потому вѣроятнымъ являлось и то, что магистръ сдѣлаетъ все, чтобы не раздражать князя Януша, потому что этого государя, женатаго на дочери Кейстута, труднѣе склонить на свою сторону, чѣмъ плочаго Земовита, жена котораго, неизвѣстно почему, всецѣло была предана ордену.

При этихъ мысляхъ старый Зигфридъ, который, при всей своей готовности ко всяческимъ преступленіямъ, измѣнамъ и свирѣпости, все-таки любилъ Орденъ и его славу, началъ сводить счеты съ собою. «А не лучше ли будетъ выпустить Юранда и его дочь? Житіе и позоръ покроютъ безславіемъ имя Данфельда, а онъ уже умеръ. Да хотя бы великій магистръ сурово наказалъ меня и Роттера, — мы все-таки помогали Данфельду, — не лучше это будетъ для Ордена?» Но тутъ его мстительное и свирѣпое сердце начало волноваться при одной мысли о Юрандѣ.

Выпустить его, этого угнетателя и налача орденскихъ людей,

побѣдителя въ столькихъ сраженіяхъ, причину такого позора, уби Данфелда, Мейнегера, Готфрида и Хьюга, того, кто въ самой Шци пролилъ больше нѣмецкой крови, чѣмъ ея проливается въ какибудь стычекъ во время войны... «Не могу, не могу!» — повторъ въ душѣ Зигфридъ, и при одной этой мысли его хищные пальцы дорожно сжимались, а старой, изсохшей груди не хватало дыха. И, кромѣ того, развѣ это дѣйствительно принесетъ пользу и сл Ордену? Если бы нара, которая въ такомъ случаѣ падетъ на живущихъ виновниковъ преступленія, могла смягчить до с поръ враждебнаго князя Януша и привлечь его къ союзу съ крестоносцами... «Они вспыльчивы, — думалъ старшій комтуръ, — но! съ ними подобрѣе и они тотчасъ же забываютъ свои обиды. Бы мы схватили въ его собственной странѣ, а онъ все-таки не мот намъ за это вооруженною рукой». Онъ началъ прохаживаться залѣ въ страшномъ духовномъ разладѣ, наконецъ, останови передъ распятіемъ, которое занимало почти весь простѣнокъ, тивоположный входнымъ дверямъ, преклонилъ колѣна у его ногъ и заговорилъ:

— Просвѣти меня, о, Господи! Научи меня, ибо я не з что дѣлать! Если я отпущу Юранда и его дочь, то наши дѣяніи нарушатся во всей правдѣ и люди не скажутъ: «это сдѣлалъ фельдъ или Зигфридъ», а скажутъ: «крестоносцы», — и безс можетъ пасть на весь Орденъ, а ненависть къ намъ еще б увеличится въ сердцѣ князя Януша. Не выдамъ я, скрою ихъ умерщвлю, на Орденъ все-таки останется тѣнь подозрѣнія долженъ осквернить свои уста ложью передъ магистромъ. Чт лучше, Господи, научи меня, просвѣти! Если меня обуяла ме осуди меня потомъ по Своей справедливости, но теперь научи и просвѣти, ибо здѣсь не я страдаю, а твой Орденъ, и что Ты велишь мнѣ, то я и сдѣлаю, хотя бы потомъ мнѣ пришлось въ земель, въ цѣпяхъ, ждать смерти и освобожденія.

И онъ припалъ головою къ дереву креста, но въ его голов на минуту не промелькнула мысль, что молитва его неправа и хульна. Всталъ онъ успокоенный, предполагая, что милость кр наго древа послала ему ясную мысль и что-то сверху рекло: «Встань и жди возвращенія Ротгера». Да, нужно было ждать! геръ, конечно, убьетъ этого мальчишку, а потомъ нужно или с Юранда и его дочь, или выпустить ихъ». Правда, въ первомъ чаѣ князь не забудетъ о нихъ, но, не имѣя полной увѣренн въ томъ, кто похитилъ дѣвушку, будетъ искать ее, посылать и ма къ магистру не съ обвиненіемъ, а съ разспросами, и дѣло сн

стинется. Въ другомъ случаѣ радость по поводу возвращенія Юрандовны будетъ больше желанія отмстить за ея похищеніе. Да, наконецъ, можно сказать, что мы нашли ее уже послѣ нападенія Юранда». Эта послѣдняя мысль совсѣмъ успокоила Зигфрида. Что касается Юранда, то старый рыцарь вмѣстѣ съ Ротгеромъ давно уже придумали способъ лишить его возможности не только мстить, но даже и жаловаться. Жестокая душа Зигфрида радовалась при мысли объ этомъ способѣ. Точно также онъ радовался при мысли о судѣ Божіемъ, который долженъ былъ произойти на дворѣ Цехановскаго князя. Насчетъ исхода смертельной битвы у него не было ни малѣйшаго безпокойства. Онъ вспомнилъ одинъ турниръ въ Бродовѣ, гдѣ Ротгеръ одолѣлъ двухъ знаменитыхъ рыцарей, которые въ своей странѣ считались непобѣдимыми борцами. Вспомнилъ онъ и битву подъ Вильномъ съ нѣкимъ польскимъ рыцаремъ, дворяниномъ Спытка изъ Мельстына. И лицо Зигфрида прояснилось, а сердце преисполнилось гордостью, потому что Ротгера — ужъ и тогда знаменитаго рыцаря — онъ первый водилъ на бой съ Литвою и научилъ его лучшимъ приемамъ, какъ бороться съ этими чужеземцами. А потомъ онъ полюбилъ его, какъ сына, такую глубокую любовь, къ которой способны только тѣ люди, которые долгое время должны были подавлять въ своемъ сердцѣ силу и желаніе любить. А теперь его сыночекъ прольетъ еще разъ ненавистную ему польскую кровь и возвратится, осіянный славой. Вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ это и судъ Божій, и Орденъ будетъ освобожденъ отъ всякихъ подозрѣній... Судъ Божій!... На одно мгновеніе ока старое сердце стиснуло чувство, сходное съ тревогою. Да вѣдь Ротгеръ долженъ предстать на смертный бой въ защиту невинности крестоносцевъ, а вся вина лежитъ на ихъ сторонѣ, — значитъ, долженъ заплатить за ложь... А вдругъ случится несчастье? Но прошла минута и Зигфриду это снова показалось невозможнымъ. Да, Ротгеръ справедливо пишетъ, что Христосъ видимо болѣе заботится о тѣхъ, кто носитъ Его крестъ, чѣмъ о какомъ-то Юрандѣ или о несчастіи ничтожной дѣвчонки изъ мазовецкаго народа. Да, да, черезъ три дня Ротгеръ возвратится, и возвратится побѣдителемъ. Успокоившись такимъ образомъ, старый крестоносецъ сталъ думать о томъ, не лучше ли ему выслать немедленно Данусю въ какой-нибудь отдаленный замокъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ бы подвергнуться нападенію мазуровъ, но вскорѣ отказался отъ такого намѣренія. Придумать нападеніе и стать въ его главѣ могъ бы только мужъ Юрандовны, но онъ долженъ погибнуть въ чужихъ краяхъ Ротгера... Потомъ со стороны князя и княгини будутъ

разспросы, развѣдки, письма и жалобы, но именно вслѣдствіе этого дѣло окончательно запутается и затемнится, не говоря уже затажкѣ безъ конца. «Прежде, чѣмъ они дойдутъ до чего-нибудь, — сказалъ себѣ Зигфридъ, — я умру, а можетъ быть и Юрандовъ состарѣется въ орденской темницѣ». Но на всякій случай онъ разпорядился, чтобы въ замкѣ все было готово къ оборонѣ, а таварыши и къ дорогѣ, потому что самъ не зналъ, чѣмъ окончится его сошествіе съ Ротгеромъ, и ждалъ.

Послѣ того срока, который самъ Ротгеръ назначилъ для своего возвращенія, прошло два дня, прошелъ третій и четвертый день, но никакого отряда не показывалось передъ Шитненскими воротами. И только на пятый день, передъ сумерками, передъ башней привратника послышался голосъ трубы. Зигфридъ, который только что окончилъ вечернюю молитву, послалъ слугу узнать, что пріѣхалъ.

Слуга вскорѣ возвратился со смущеннымъ лицомъ, но Зигфридъ не могъ замѣтить этого смущенія, потому что огонь горѣлъ въ глубокомъ каминѣ и скудно освѣщалъ большую комнату.

— Пріѣхали? — спросилъ старый рыцарь.

— Да, — отвѣтилъ мальчикъ.

Но въ голосѣ его слышалось что-то такое, что сразу встревожило крестоносца, и онъ переспросилъ:

— А братъ Ротгеръ?

— Брата Ротгера привезли.

Зигфридъ поднялся съ кресла. Долго онъ держался за поручень, какъ будто боялся упасть, потомъ проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Дай мнѣ плащъ.

Слуга набросилъ ему плащъ на плечи, а Зигфридъ, видимо, внось собрался съ силами, потому что самъ надвинулъ капюшонъ на голову и вышелъ изъ комнаты.

Вскорѣ онъ очутился на замковомъ дворѣ, посреди уже съ всѣмъ сгустившагося мрака, и медленнымъ шагомъ направлялся къ скрипучему снѣгу къ отряду, который, пройдя ворота, остановился не вдалекѣ отъ нихъ. Тамъ стояла густая кучка людей и свѣтилось нѣсколько факеловъ, которые принесли солдаты гарнизона. Бнехты при видѣ стараго рыцаря разступились. При блескѣ огня видѣлись только одни встревоженные лица, во мракѣ слышались тихія восклицанія:

— Братъ Ротгеръ...

— Братъ Ротгеръ убить...

Зигфридъ приблизился къ санимъ, на которыхъ лежало покрытое плащомъ тѣло, и поднялъ край плаща.

— Посвѣтите!—сказалъ онъ, отбрасывая капюшонъ.

Одинъ изъ кнехтовъ наклонилъ факель, при свѣтѣ котораго старый крестоносецъ увидалъ голову Ротгера и лицо, блѣлое, какъ нѣтъ, окоченѣлое, обрамленное темнымъ платкомъ, который былъ завязанъ узломъ подъ подбородкомъ, очевидно, для того, чтобы помѣшать рту раскрываться. Все лицо Ротгера какъ-то похудѣло и измѣнилось такъ, что стало почти неузнаваемымъ. Вокругъ глазъ, закрытыхъ рѣсницами, и на вискахъ—синія пятна, на щекахъ стекловидная плѣнка мороза.

Бомтуръ долго стоялъ среди всеобщаго молчанія. Всѣ присутствующіе съ участіемъ смотрѣли на него: всѣ знали, что онъ по-прежнему любилъ покойнаго. Но изъ очей Зигфрида не вытекло ни одной слезы и только лицо его стало еще болѣе суровымъ и чувствовалось въ немъ какое-то холодное спокойствіе.

— Такъ вотъ какимъ они отослали его!—сказалъ онъ, наконецъ, но тутъ же обратился къ эконому замка:

— Пускай до полночи сколотятъ гробъ и поставятъ тѣло въ часовню.

— Изъ тѣхъ гробовъ, которые сдѣлали для убитыхъ Юрановъ, остался одинъ,—отвѣтилъ экономъ.— Я прикажу только обить его сукномъ.

— И прикрыть плащомъ,—сказалъ Зигфридъ, набрасывая плащъ на лицо Ротгера,—но не такимъ, а орденскимъ.

Немного погодя, онъ добавилъ:

— А крышку не заколачивать.

Въ санимъ приблизилась прислуга замка, Зигфридъ снова наклонился на голову капюшонъ, но передъ отходомъ видимо вспомнилъ что-то, потому что вдругъ остановился и спросилъ:

— А гдѣ фанъ-Бристъ?

— Также убить,—отвѣтилъ одинъ изъ слугъ,—но мы должны были похоронить его въ Цехановѣ, потому что онъ началъ гнить.

— Это хорошо.

Проговоривъ эти слова, онъ ушелъ медленнымъ шагомъ и, возвратившись въ залу, сѣлъ на то же самое кресло, на которомъ его застала страшная новость. Съ окаменѣвшимъ, неподвижнымъ лицомъ онъ сидѣлъ такъ долго, что слуга мальчикъ началъ все больше и больше беспокоиться и чаще просовывать голову въ дверь. Часъ улизывалъ за часомъ, обычное движеніе въ замкѣ пре-

крашалося, только со стороны часовни доходилъ глухой, неясный стукъ молотка, да издали доносились овлики стражи.

Было уже около полуночи, когда старый рыцарь очнулся, какъ бы отъ сна, и позвалъ слугу.

— Гдѣ братъ Ротгеръ?—спросилъ онъ.

Но мальчикъ, разстроенный тишиной, ужаснымъ случаемъ безсонной ночью, очевидно, не понявъ вопроса, посмотрѣлъ на Зигфрида съ тревогой и отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Не знаю, господинъ.

Но старикъ усмѣхнулся раздирающей улыбкой и мягко сказалъ:

— Дитя, я спрашиваю: онъ уже въ часовнѣ?

— Да, господинъ.

— Хорошо. Скажи Дидериху, чтобъ онъ пришелъ сюда съ фонаремъ и ждалъ бы меня, пока я не возвращусь. Пусть захватитъ котелокъ съ угольями. А часовня освѣщена?

— Вокругъ гроба горятъ свѣчи.

Зигфридъ взялъ плащъ и вышелъ изъ комнаты.

На порогѣ часовни онъ осмотрѣлся, нѣтъ ли кого - нибудь вокругъ него, потомъ старательно замкнулъ дверь, приблизился къ гробу, отставилъ двѣ свѣчи изъ шести, которыя горѣли вокругъ въ большихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, и упалъ на колѣни.

Губы его не двигались, онъ не молился. Онъ только смотрѣлъ на застывшее, но пока еще прекрасное лицо Ротгера, какъ будто хотѣлъ подмѣтить въ немъ слѣды жизни.

Вдругъ, въ тиши часовни, онъ началъ звать тихимъ голосомъ:

— Сыночекъ, сыночекъ!

И умолялъ. Казалось, онъ ждетъ отвѣта.

Потомъ, протянувъ руку, онъ засунулъ худые пальцы, похожіе на когти хищной птицы, подъ плащъ, покрывающій грудь Ротгера, и началъ ощупывать ее: онъ искалъ всюду, и по срединѣ и съ боковъ, ниже реберъ и возлѣ ключицы, наконецъ, сѣвось сунулъ нащупалъ шрамъ, тянущійся отъ вершины праваго плеча до самаго паха, запустилъ въ него пальцы, провелъ по всей длинѣ раны и заговорилъ голосомъ, въ которомъ звучала жалоба:

— О... какой немилосердный ударъ!... А ты говорилъ, что ты—сущій ребенокъ!... Все плечо, все плечо! Сколько разъ оно служило тебѣ, чтобъ поднимать оружіе въ защиту Ордена! А теперь оно разрублено польскимъ топоромъ... Вотъ тебѣ и конецъ! Вотъ ты и дошелъ до рубежа! Христосъ не благословилъ тебѣ должно быть, Ему болѣе важна обида одного человѣка, чѣмъ ве-

...и Орденъ... Клянусь Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ, неправое дѣло ты защищалъ, ради неправды погибъ, безъ покаянія... и, можетъ быть, твоя душа...

Слова оборвались на его устахъ, губы дрогнули и въ часовнѣ снова воцарилось глухое молчаніе.

— Сынокъ, сыночекъ!

Теперь въ голосъ Зигфрида слышалась мольба. Говорилъ онъ еще тише, какъ люди, спрашивающіе о какой-то важной и страшной тайнѣ:

— Милосердый Христосъ!... Если ты не осужденъ на вѣчныя муки, то одѣлай какой-нибудь знакъ, — пошевели рукой, или хоть на мгновенье открой глаза, а то мое сердце воетъ въ старой груди... одѣлай какой-нибудь знакъ... я такъ любилъ тебя... отзовись!...

И, опершись ладонями на края гроба, онъ устремилъ свои ястребиные глаза на рѣсницы Ротгера и ждалъ.

— Да... какъ же ты можешь отвѣтить, — сказалъ онъ наконецъ, — отъ тебя вѣетъ холодомъ и тѣніемъ. Но если ты молчишь, то я скажу тебѣ кое-что, а твоя душа пускай спустится между этими горящими свѣчами и слушаетъ.

Съ этими словами онъ наклонился къ лицу трупа.

— Ты помнишь, какъ капелланъ не дозволилъ убить Юранда и въ чемъ мы появились? Ну, хорошо. Я выполню клятву и возведу тебя, гдѣ бы ты ни былъ, хотя бы самъ долженъ подвергнуться вѣчнымъ мукамъ.

Онъ отступилъ отъ гроба, поставилъ на мѣсто подсвѣчники, прикрывъ трупъ плащомъ и вышелъ изъ часовни.

У дверей залы спалъ объятый глубокимъ сномъ слуга-мальчикъ, а внутри комнаты ждалъ распоряженій Зигфрида Дидерихъ.

Это былъ низкій, крѣпкій человѣкъ, съ дугообразными ногами и съ квадратнымъ лицомъ, которое отчасти заслонялъ темный капюшонъ, спадающій на плечи. Его туловище было охвачено кафтаномъ изъ невыдѣланной буйволовои кожи, вокругъ бедеръ такой же поясъ, на которомъ висѣла связка ключей и короткій ножъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ потайной жестяной фонарь, въ лѣвой — рѣдкий котелокъ и факель.

— Ты готовъ? — спросилъ Зигфридъ.

Дидерихъ молча поклонился.

— Я приказывалъ, чтобъ у тебя въ котелкѣ были уголья.

Низкій человѣкъ снова ничего не отвѣтилъ, но подошелъ къ камину, положилъ стоящей возлѣ него желѣзною лопаткой уголь въ котелокъ, зажегъ фонарь и ждалъ.

— А теперь слушай, собака,—сказал Зигфридъ.—Когда-то ты проболтался о томъ, что приказалъ тебѣ сдѣлать Данфелдъ, и комтуръ приказалъ вырвать у тебя языкъ. Но ты умѣешь все показывать капеллану на пальцахъ. Такъ вотъ я предупреждаю тебя, что если ты хоть однимъ знакомъ покажешь ему то, что сдѣлаешь по-моему приказу, то я прикажу тебя повѣсить.

Дидерихъ снова молча поклонился, только лицо его зловѣще исказилось отъ страшнаго воспоминанія: языкъ у него вырвали совсѣмъ не по той причинѣ, о которой говорилъ Зигфридъ.

— Ступай впередъ и веди меня въ Юрандово подземелье.

Палачъ схватилъ своею гигантскою рукою ручку котелка, поднялъ съ полу фонарь и вышелъ вмѣстѣ съ Зигфридомъ изъ залы. Они направились не къ главнымъ дверямъ, но къ узкому коридору, который тянулся вдоль всего зданія и заканчивался тяжелой калиткой, скрытой въ нишѣ стѣны. Дидерихъ отперъ ее и они снова очутились подъ открытымъ небомъ, на небольшомъ дворикѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ крѣпкими амбарами, въ которыхъ хранились запасы зернового хлѣба на случай осады замка. Подъ однимъ изъ этихъ амбаровъ, на правой сторонѣ, были подземелья для плѣнниковъ. Возлѣ нихъ не было никакой стражи, потому что узникъ, хотя бы онъ и сумѣлъ вырваться изъ подземелья, очутился бы во дворѣ, единственнымъ выходомъ изъ котораго представлялась калитка.

— Подожди!—сказалъ Зигфридъ.

И, опершись рукою о стѣну, онъ остановился, потому что почувствовалъ, что съ нимъ творится что-то недоброе, что ему не хватаетъ дыханія, какъ будто его грудь была закована въ очень тѣсный панцырь. Весьма понятно, — все, что испыталъ онъ, превышало его старыя силы, онъ чувствовалъ, что лобъ его покрывался каплями пота, и рѣшилъ отдохнуть минуту.

Послѣ хмураго дня наступила необыкновенно погожая ночь. На небѣ свѣтилъ мѣсяцъ и весь дворикъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ. Зигфридъ съ жадностью вдыхалъ свѣжій, слегка морозный воздухъ. Но ему тотчасъ же припомнилось, что именно въ такую же свѣтлую ночь Ротгеръ уѣзжалъ въ Цехановъ, а возвратился оттуда трупомъ.

— А теперь ты лежишь въ часовнѣ,—тихо проговорилъ онъ.

Дидерихъ, думая, что комтуръ говоритъ съ нимъ, поднялъ фонарь и освѣтилъ его лицо, страшно блѣдое, почти мертвенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣпое и хищное.

— Веди!—сказалъ Зигфридъ.

Они пошли дальше, а вслѣдъ за ними, качаясь, поплылъ желтый кругъ свѣта фонаря. Въ толстой стѣнѣ амбара была еще ниша съ тяжелою желѣзною дверью. Дидерихъ отворилъ ее и началъ спускаться по лѣстницѣ въ глубину черной, зіяющей пасти, высоко поднимая фонарь, чтобъ освѣтить контуру дорогу. Въ концѣ лѣстницы видѣлся коридоръ, а по правой и по лѣвой его сторонѣ низенькія двери, ведущія въ камеры, гдѣ помѣщались узники.

— Бъ Юранду!—сказалъ Зигфридъ.

Петли одной камеры заскрипѣли, но въ ямѣ было такъ темно, что Зигфридъ приказалъ зажечь факель и вскорѣ, при свѣтѣ его сильнаго пламени, увидалъ Юранда, лежащаго на соломѣ. У плѣнника на ногахъ были надѣты оковы, а на рукахъ цѣпь, такая, которая позволяла ему подносить пищу ко рту. Онъ былъ въ томъ же самомъ посконномъ мѣшкѣ, въ которомъ стоялъ передъ комтурами, но теперь на немъ видѣлись темныя слѣды крови. Въ тотъ достопамятный день, когда происходила щитненская битва, конецъ ей удалось положить лишь тогда, когда обезумѣвшаго отъ боли и бѣшенства рыцаря опутали сѣтями. Кнехты хотѣли добить его и нанесли ему своими алебардами нѣсколько ранъ. Щитненскій капелланъ воспротивился этому, раны оказались не смертельными, но зато изъ Юранда вышло столько крови, что въ темницу его оттащили еле живого. Въ замѣкъ всѣ думали, что онъ вотъ-вотъ умретъ, но его гигантская сила превозмогла смерть, и Юрандъ остался живъ, хотя его ввергнули въ страшное подземелье, въ которомъ и днемъ съ потолка падали капли сырости, а ночью, да еще въ морозъ, стѣны покрывались толстымъ слоемъ инея и кристаллами льда.

И вотъ, онъ лежалъ на соломѣ, въ оковахъ, безсильный, но такой огромный, что производилъ впечатлѣніе какого-то обломка скалы, который обтесали на подобіе человѣка. Зигфридъ приказалъ направить свѣтъ прямо ему въ лицо и нѣсколько минутъ молча всматривался въ него, потомъ обратился къ Дидериху и сказалъ:

— Видишь, у него только одинъ глазъ,—выжги его.

Въ голосѣ его слышалась какая-то вялость и безсиліе, но можетъ быть поэтому-то именно страшное приказаніе казалось еще болѣе страшнымъ. Факель слегка дрогнулъ въ рукѣ палача, тѣмъ не менѣе, онъ наклонилъ его и вскорѣ на глазъ Юранда начали падать большія, горящія капли смолы и наконецъ совершенно залили его отъ брови до выдающейся части щеки.

Лицо Юранда скорчилось, его русые усы поднялись кверху и обжали стиснутые зубы, но онъ не проронилъ ни одного слова

и, то ли отъ изнеможенія, то ли изъ упорства, сроднившагося съ его страшною натурой, не издалъ ни единого стога.

А Зигфридъ сказалъ:

— Тебѣ общались, что тебя отпустить на волю. Тебя отпустить, но ты не станешь больше обвинять орденъ, потому что языкъ, которымъ ты извергалъ хулу на него, будетъ вырванъ.

И онъ снова далъ знакъ Дидериху, но палачъ издалъ странный, горловой звукъ и знаками показалъ, что ему нужно имѣть обѣ руки свободными и чтобы комтуръ посвѣтилъ ему.

Тогда старикъ взялъ факелъ и держалъ его дрожащею рукой, но однако повернулъ голову и смотрѣлъ на заиндевѣлыя стѣны, когда Дидерихъ придавилъ колѣнами грудь Юранда.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ темницѣ слышался лязгъ цѣпей, ускоренное дыханіе человѣческой груди, что-то вродѣ глухого, глубокаго стога, потомъ наступила тишина.

Наконецъ, снова послышался голосъ Зигфрида:

— Юрандъ, кара, которой ты подвергся, и такъ не должна была миновать тебя, но, кромѣ того, я общалъ брату Ротгеру, котораго убилъ мужъ твоей дочери, положить въ гробъ твою руку.

Дидерихъ, который было поднялся съ пола, услыхавъ эти слова, вновь наклонился къ Юранду.

Немного погодя старый комтуръ и Дидерихъ снова очутились на дворикѣ, залитомъ зеленымъ свѣтомъ мѣсяца. Пройдя коридоръ, Зигфридъ взялъ изъ рукъ палача фонарь и какой-то темный предметъ, обернутый въ тряпку, и громко сказалъ самому себѣ:

— Теперь въ часовню, а потомъ въ башню.

Дидерихъ проницательно посмотрѣлъ на него, но комтуръ приказалъ ему идти спать, а самъ, размахивая фонаремъ, потащился въ часовню, по направленію къ свѣтящимся окнамъ. По дорогѣ онъ думалъ о томъ, что произошло. Онъ чувствовалъ какую-то увѣренность, что и ему приходитъ конецъ и что это—его послѣднія дѣянія, за которыя ему придется держать отвѣтъ только передъ Богомъ. Но вѣсть съ тѣмъ его душа, по натурѣ болѣе жестокая, чѣмъ лживая, подъ вліяніемъ неумолимой необходимости, до такой степени привыкла къ уверткамъ, хитростямъ и оправданіямъ кровавыхъ дѣлъ ордена, что онъ могъ бы отстранить отвѣтственность за истязанія Юранда какъ отъ себя, такъ и отъ ордена. Дидерихъ нѣмъ, онъ ничего не скажетъ, и хотя могъ бы объяснить что-нибудь знаками капеллану, но отъ страха не сдѣлаетъ этого. А еще что? Кто узнаетъ, что Юрандъ получилъ эти раны не во время битвы? Бѣсъ легко могло попасть ему въ ротъ, мечъ или топоръ могъ отру-

бить правую руку, а глазъ у него выбили, когда онъ въ безуміи бросился одинъ на весь щитненскій гарнизонъ. Ахъ, Юрандъ! Последняя радость въ жизни на минуту заставила вздрогнуть сердце стараго престолосца. Да, если онъ перенесетъ все это, его выпустятъ на волю. Тутъ Зигфридъ вспомнилъ, какъ онъ когда-то держалъ объ этомъ совѣтъ съ Ротгеромъ и какъ младшій братъ сказалъ, смѣясь: «Пусть онъ тогда идетъ, *куда глаза глядятъ*, а если не сразу упадетъ, то пусть *спроситъ* о дорогѣ въ Спыховъ». И то, что случилось, до нѣкоторой степени уже было рѣшено между ними. Но теперь, когда Зигфридъ снова вошелъ въ часовню и сложилъ у ногъ Ротгера окровавленную руку Юранда, эта последняя радость, которая такъ недавно всколебала его сердце, точно также въ послѣдній разъ отразилась на его лицѣ.

— Видишь, — сказалъ онъ, — я сдѣлалъ больше, чѣмъ мы условились: король Іоаннъ люксембургскій еще вступалъ въ бой, несмотря на свою слѣпоту, и потомъ погибъ со славой, но Юрандъ на бой не выйдетъ и издохнетъ, какъ собака, подъ плетнемъ.

Тутъ онъ снова почувствовалъ, что ему недостаетъ дыханія, какъ въ то время, когда онъ шелъ къ Юранду, почувствовалъ, что его голову точно угнетаетъ какой-то тяжелый желѣзный племъ, но это продолжалось не дольше мгновенія ока. Зигфридъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ, и мнѣ пришло время. Одинъ ты у меня былъ, а теперь нѣтъ никого. Но если мнѣ суждено жить дольше, то я обещаю тебѣ, сынокъ, что положу на твою могилу и ту руку, которая убила тебя, или самъ погибну. Твой убійца еще живъ.

Его зубы стиснулись, по тѣлу пробѣжала такая судорожная дрожь, рѣчь его оборвалась и только послѣ долгаго молчанія онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Да, убійца твой еще живъ, но я найду его... а прежде, чѣмъ найду, подвергну его мукѣ, которая будетъ страшнѣе самой смерти...

И онъ умолкъ.

Минуту спустя онъ всталъ, приблизился къ гробу и заговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Ну, простися... Въ послѣдній разъ я посмотрю на твое лицо, можетъ быть увижу, радъ ли ты моему общанію. Въ послѣдній разъ!

Онъ открылъ лицо Ротгера, но тотчасъ же отступилъ назадъ.

— Ты смѣешься, — сказалъ онъ, — но какъ страшно ты смѣешься...

Тѣло оттаяло подъ плащомъ и отъ близкаго сосѣдства свѣчей начало разлагаться съ неимоверною быстротой. Лицо молодого комтура стало дѣйствительно страшно, его синія губы искривились въ какую-то улыбку.

Зигфридъ торопливо закрылъ плащомъ это ужасающее лицо.

Потомъ онъ взялъ фонарь и вышелъ изъ часовни. По дорогѣ опъ въ третій разъ испыталъ приступъ удушья, а возвратившись въ комнату, бросился на свое твердое, монашеское ложе и нѣсколь-ко времени пролежалъ безъ движенія. Онъ думалъ, что ему удастся заснуть, какъ вдругъ его охватило странное чувство. Ему представилось, что сонъ никогда уже не придетъ къ нему, но зато, если онъ останется въ этой комнатѣ, къ нему тотчасъ же придетъ смерть.

Зигфридъ не боялся смерти. Въ теперешнемъ своемъ безмѣрномъ утомленіи, безъ надежды уснуть, онъ видѣлъ въ ней желанное успокоеніе, но не хстѣлъ ей поддаться именно въ эту ночь, и, усѣвшись на постели, проговорилъ:

— Дай мнѣ срокъ до завтра.

И въ это время онъ ясно услышалъ, какъ какой-то голосъ говорить ему на ухо:

— Выходи изъ этой комнаты. Завтра будетъ поздно и ты не совершишь того, что обѣщалъ... Выходи изъ этой комнаты!

Комтуръ съ трудомъ поднялся съ постели и вышелъ. На валахъ и башняхъ перекликались стражники. Изъ оконъ часовни на снѣгъ падалъ желтоватый огонь. Среди двора, возлѣ каменнаго колодца, двѣ черныхъ собаки играли какою-то тряпкой, — вокругъ все было пусто и глухо.

— Такъ, значить, непременно этой ночью? — сказалъ Зигфридъ. — Ахъ, какъ я усталъ... но иду... Всѣ спятъ. Юрандъ, утомленный мукой, можетъ быть, также спать, только я не засну. Я иду, иду, потому что въ комнатѣ смерть, а я обѣщалъ тебѣ... Но потомъ пусть и смерть приходитъ, коли не приходитъ сонъ. Ты вонъ тамъ смѣешься, а мнѣ не хватаетъ силъ. Ты смѣешься, доволенъ, радъ... Только видишь, что, — пальцы у меня окостенѣли, руки обезсиляли и самому мнѣ этого не сдѣлать... Сдѣлаетъ послушница... она спать съ нею.

Онъ все говорилъ и шелъ, шелъ тяжелыми шагами къ башнѣ, стоящей у воротъ. Собаки, которыя играли у колодца, подбѣжали къ нему и начали ласкаться. Въ одной изъ нихъ Зигфридъ узналъ медянского пса, неотступнаго товарища Дидериха. Въ замѣкъ даже говорили, что онъ служить палачу подушкой.

Собака, приласкавшись къ комтуру, тихонько тѣвнула разъ и другой, повернулась къ воротамъ и направилась къ нимъ, какъ бы почуввъ мысль человѣка.

Зигфридъ вскорѣ очутился передъ узенькими дверями башни, которыя на ночь запирались извнѣ. Отодвинувъ засовъ, онъ нащупалъ поручень лѣстницы, которая начиналась тутъ же за дверями, и началъ взбираться вверху. При теперешнемъ разстройствѣ мыслей, онъ забылъ взять фонарь и шелъ наугадъ, ступая осторожно и касаясь ногой ступенекъ.

Вдругъ, послѣ нѣсколькихъ шаговъ, онъ остановился, потому что выше, надъ собою, слышалъ сопѣнье человѣка или звѣря.

— Кто тамъ?

Отвѣта не было, только сопѣнье сдѣлалось болѣе учащеннымъ.

Зигфридъ былъ человѣкомъ неустрашимымъ. Онъ не боялся смерти, но и его отвага и самообладаніе истощились до дна въ теченіе этой страшной ночи. Въ его головѣ промелькнула мысль, что то Ротгеръ загораживаетъ ему дорогу, а то можетъ быть и злой духъ, и волосы дыбомъ стали на его головѣ, а на лбу выступилъ холодный потъ.

Онъ отступилъ назадъ почти до самой двери.

— Кто тамъ?—вновь спросилъ онъ подавленнымъ голосомъ.

Но въ ту же минуту что-то толкнуло его въ грудь съ такою рашною силою, что старикъ, лишившись чувствъ, навзничъ свалился въ отворенныя двери и не издалъ ни одного звука.

Воцарилась тишина. Потомъ изъ башни появилась какая-то темная фигура и быстро помчалась къ конюшнямъ, лежащимъ возлѣ мѣхауза, по лѣвой сторонѣ двора. Большой меделянскій песъ Дирриха молча послѣдовалъ за ней, другая собака также побѣжала за ними и скрылась въ тѣни стѣны, но скоро появилась снова съ вущенной головой и сноваала взадъ и впередъ, какъ будто отыскивала слѣдъ.

Такимъ образомъ она приблизилась къ неподвижно лежащему Зигфриду, старательно обнюхала его и, наконецъ, усѣвшись возлѣ него, подняла голову вверху и завывала.

Вытье собаки продолжалось долго и точно новымъ горемъ и тревогой дополняло и безъ того страшную ночь. Наконецъ, двери, рывъ въ углубленіи большихъ воротъ, заскрипѣли, и на дворѣ появилась фигура привратника съ алебардой въ рукахъ.

— Подохнуть бы тебѣ!—сказалъ онъ.—Научу я тебя выть по ману.

И онъ хотѣлъ было пырнуть собаку остриемъ алебарды, ту же минуту увидалъ, что кто-то лежитъ у открытыхъ башни.

— Негг Jesus! Что это?

Онъ наклонился, заглянулъ въ лицо лежащаго человѣка и началъ кричать:

— Сюда, сюда, на помощь!

Потомъ онъ подбѣжалъ къ башнѣ и изо всѣхъ силъ началъ гать за веревку колокола.

В

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧУДАЧКА.

(Повѣсть).

I.

Анна Евграфовна Муранова ходила изъ комнаты въ комнату и натирала лампы,—приходя уже была полна копотью и черныя очки усыпали и шубы, и визитныя карточки на ясеневомъ подзеркальникѣ; въ гостиной изъ одной лампы поднималась черная ниточка и разсыпалась по всей комнатѣ медленнымъ чернымъ дождемъ.

— Альвина! И эта коптитъ... Что же вы смотрите? — съ отчаяніемъ крикнула Анна Евграфовна горничной.

— Развѣ усмотришь! Двѣнадцать ламповъ зажгла! — проворчала горничная съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Отворайте скорѣе форточки!... Снимайте абажуры!... Да трясите копоть съ мебели! Господи!... На скатерти-то что дѣлается!...

Черныя точки все покрыли чернымъ налетомъ.

— Это изъ прихожей сюда натянуло! — точно въ утѣшеніе сказала горничная.

— Не говорите глупостей! Посмотрите, на кого вы похожи... точно трубочистъ!...

— У васъ, барыня, тоже носикъ черный.

Анна Евграфовна взглянула на себя въ зеркало и ахнула: носы были совсѣмъ черныя и глаза окружились черными кругами.

— Смотрите, какъ вы абажуры надѣли! Совсѣмъ криво!

Громадный красный абажуръ въ видѣ китайской крыши совершенно свернулся на бокъ, и Аннѣ Евграфовнѣ стоило не мало трудовъ выпрямить его; съ голубымъ же она такъ и не могла справиться.

— Ахъ какое мученье! Каждый разъ вы мнѣ всѣ абажуры испортили.

— Позвольте, барыня...

— Оставьте, пожалуйста... У васъ руки какъ ерюпки... дотрогивайтесь... Соня, Соня!... Попросите барышню.

Черезъ минуту въ гостиную вбѣжала дѣвушка лѣтъ двадца въ бѣлой ночной кофточкѣ и съ распущенными волосами. Правъ рукой она придерживала горячіе щипцы, съ закрученною на нихъ прядью волосъ.

— Что-жъ ты это, милая моя?—въ ужасѣ проговорила мать.

— Я сейчасъ, мама... Черезъ десять минутъ...

— Да ты съ ума сошла!... Девятый часъ, а ты чуть не голъ ходишь.

— Настасья Андреевна до сихъ поръ платья не принесла.

— Надѣнь зеленое.

— Опять?! Я двѣ среды въ немъ была.

— Ну сѣренькое.

— Гадость! Старье! Рукава—какъ пузыри надуты.

— Да вѣдь сейчасъ собираться стануть...

— Раньше десяти никто не пріѣзжаетъ.

— А Орловъ? Того и жди позвонить.

— Ну и посидить одинъ... Не велика персона!

— Изволь идти и сію минуту одѣваться!—строго проговорила мать. — Для кого эти среды нужны? Для меня, что ли? Я и сто уберу, и сандвичи приготовь, и комнаты осмотри...

— А горничная на что?

— Да! Можно имъ довѣриться!... Лампъ заправить какъ съ дуется не умѣють...

Раздался звонокъ. Соня убѣжала къ себѣ, Анна Евграфовна заѣмнила въ свою комнату; она тоже не была еще совсѣмъ готова: нужно было надѣть брошь, припудриться, пригладиться, вымыть лицо и руки послѣ сандвичей и лампъ. Все это брало не мало времени.

— Господи! Орловъ пришли,—доложила горничная.

— Ахъ! — досадливо крикнула Анна Евграфовна. — Скажи Петру Ивановичу.

Она отлично знала, что мужъ пошлетъ «къ чорту» и горничную, и Орлова, и всю среду за этотъ докладъ; она знала, какъ Петръ Ивановичъ не любилъ эти joint fixe'ы; но развѣ сама-то она любила ихъ? Господи! Да она не знала, куда бѣжать отъ нихъ. Сколько хлопотъ, сколько заботъ и кромѣ тоски и утомленія для нея—ничего! Самъ Петръ Ивановичъ и затѣялъ ихъ. Правда, это было лѣтъ двадцать тому назадъ, когда въ обществѣ чувствовалась потре

сть «общія мысли», когда спорили до слезъ, отставивъ свои вѣдѣнія, когда говорили о новыхъ журналахъ, о новыхъ проектахъ, когда чего-то ждали, на что-то надѣялись. Петръ Ивановичъ бралъ на свои среды «выдающихся» людей, угощалъ ихъ знаменитостями, приглашалъ на нихъ артистовъ и умѣлъ «поднести» своимъ гостямъ. Тогда «Мурановскія среды» стали славиться въ Петербургѣ. На нихъ ѣздили охотно и долго вспоминали ихъ. Тотъ, какъ-то незамѣтно, эти среды пережѣнили характеръ, но петербуржцы привыкли къ нимъ. Знаменитостей смѣнилъ винтъ и зѣвкой на нихъ стала Анна Евграфовна. Петръ Ивановичъ иногда не показывался гостямъ, всѣ знали, что онъ «страшно занятъ», никто не удивлялся, что онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ. Когда выросла Соня и стала выѣзжать, среды еще разъ пережѣнили свою экономію. Это сдѣлалось какъ-то само собой. Молодежь оттѣснила мать къ стѣнкамъ и сама завладѣла салономъ. Тутъ началось новое трудное время для Анны Евграфовны. Жизнь дѣлалась все дороже и дороже, средства не прибавлялись, а потребности росли. Ѣзды дочери требовали постоянныхъ расходовъ. Одни туалеты стоили! А кареты!... Мужу и Сонѣ, конечно, дѣла не было до ать. Анна Евграфовна должна была изворачиваться какъ умѣла. Каждый мѣсяцъ у нея не хватало «хозяйскихъ денегъ», т.-е. денегъ, выданныхъ ей Петромъ Ивановичемъ на хозяйство, и она затывалась все больше и больше. А тутъ еще среды!... Ихъ четыре мѣсяцъ... А сколько каждая изъ нихъ стоитъ? Хоть и безъ киновъ, а все-таки... И чай, и печенье, торты разные, и фрукты, сэндвичи... А главное—никогда не знаешь, на сколько человѣкъ считать. Можешь собраться десять человѣкъ, а можешь и со- рѣ. Вотъ и дѣлай какъ знаешь. Наготовишь много — останется, а слѣдующей среды засохнетъ все, бутерброды скорчатся; если мало—каждый новый посѣтитель какъ ножъ въ сердце, а надо улы- баться, говорить какія-то глупости.

«Сбыть бы Соню, да и прикончить эти фиксы»,—подумала Анна Евграфовна и вошла въ гостиную.

— Извините, пожалуйста, Александръ Петровичъ. Я думала бѣжать съ вами,—любезно обратилась она къ Орлову, уныло разматривавшему альбомъ.

Орловъ—красивый блондинъ, съ безцвѣтными волосами и глазами, былъ постояннымъ посѣтителемъ Мурановскихъ средъ, но это не мешало Мурановымъ ничего не знать о немъ. Когда рѣчь заходила объ Орловѣ, то всѣ признавали, что онъ очень приличный человекъ, но кто онъ, что, откуда, чѣмъ занимается? — никто не

зналъ. Онъ не пропускалъ ни одного joint fixe'a у знакомыхъ, бралъ всегда хорошо одѣтъ, всѣхъ зналъ и всѣ знали его.

Анна Евграфовна заговорила по привычкѣ объ оперѣ, но вспомнила, что Орловъ музыку не признавалъ, и сейчасъ же перевелъ разговоръ на французскій театръ.

— Вы вѣдь по вторникамъ бываете?

— Да... Абонементъ...

«Что это Соня не идетъ?... Понадобилось новое платье и премънно».

— Не надоѣдаетъ?

— Нѣтъ... Напротивъ, привыкаешь...

«Бажется, опять гдѣ-то коптитъ. Вотъ мука-то!» — подумала Анна Евграфовна, а сама въ это время говорила:

— Мы не ѣдимъ! Помилуйте! Такія ужасныя пьесы все дѣлать... Невозможно возить барышень... Одни наши знакомые повѣрили, барышни уговорили, что «ничего», «всѣ ѣздить»... И что въ Во второмъ актѣ убѣждали... Неприлично до послѣдней степени!

«Хоть бы скорѣе собирались... Ничего нѣтъ скучнѣе этихъ черновъ въ началѣ!... А Соня не идетъ! Всѣ на нѣе выѣзжаютъ!»

И Анна Евграфовна позвонила, чтобы послать горничную дочь. Но въ это время и въ прихожей раздался звонокъ. Въ стиную вошли двѣ барышни Бурлаковы. Онѣ были дальними родственницами Мурановыхъ и потому пріѣзжали иногда однѣ.

— Маня! Нина! Наконецъ-то!... А мама?

— Мама попозже... Сегодня вѣдь «Евгеній Онѣгинъ»...

— Вы знаете, какое это ей наслажденіе!...

— Ну, еще бы! «Онѣ» поетъ...

— Она только въ оперѣ и оживаетъ... А Соня гдѣ?

— Пойдите, вытащите ее... Я не знаю, что ее задержало...

Барышни побѣжали въ Сонину комнату, а Анна Евграфовна нашла удобнымъ перейти въ столовую. Тамъ, за столомъ, разговаривалось все-таки легче, но о чемъ она будетъ говорить съ этилошнымъ Орловымъ? О чемъ?

Раздался еще звонокъ.

«Часть отъ часу не легче!» — подумала Анна Евграфовна, уви входящаго молодого человѣка во фракѣ. Она помнила только, что ей представили его на какомъ-то вечерѣ, потому она нашла у себя его карточку, но забыла его имя и фамилію.

— Вотъ это мило! Встрѣтила она его. Садитесь, пожалуйста. Вы не знакомы? Алексѣй Петровичъ Орловъ... Брр... брр... брр... пробормотала она вмѣсто фамиліи вновь пришедшаго.

— Софья Петровна здорова?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Да... Она сейчасъ... Альвина!—обратилась она къ горничной.—Попросите барышню сюда.

Въ это время раздался новый звонокъ, и опять Альвина бросилась въ прихожую. Пріѣхали двѣ сестры Штокманъ, старыя, толстыя и добродушныя. Онѣ всюду бывали вдвоемъ, одѣвались одинаково и одинаково хвалили всѣхъ и всегда. У Мурановыхъ онѣ бывали рѣдко и бывали только для того, чтобы на нихъ не обидѣлись, что не хотятъ ѣздить, хотя никто никогда не обижался на нихъ.

— Наконецъ-то вы насъ вспомнили!—радушно воскликнула Анна Евграфовна.—Очень, очень рада... Садитесь, пожалуйста... Вотъ сюда... Вы не знакомы? Алексѣй Петровичъ Орловъ... Брр... брр... брр... Какъ вы поживаете?

— Благодарю... Очень холодно сегодня...

— Неужели? Мнѣ казалось тепло... Впрочемъ, я не выходила...

— Вѣдь мы съ Васильевскаго...

— Да, порядочный конецъ.

— Ужасныя разстоянія... А вотъ въ Москвѣ...

«Ну, слава Богу, кажется, пошло»,—подумала Анна Евграфовна.

Явилась Соня съ двумя подругами и представила имъ молодого человѣка; Анна Евграфовна услышала, что его фамилія Строевъ, и успокоилась, что можетъ теперь называть его громко, а не бормотать Богъ знаетъ что.

Звонокъ трещалъ почти не умолкая. Среда выходила удачнѣе, чѣмъ ожидала Анна Евграфовна. За чайнымъ столомъ разговоръ шелъ хотя и не бойко, но непрерывно. Говорили объ «ужасной» петербургской погодѣ, о придворныхъ балахъ, о слухахъ, о великосвѣтскихъ новостяхъ. Говорили о людяхъ, которыхъ никто изъ присутствующихъ не зналъ, о новостяхъ, которыя никого не интересовали, о мнѣніяхъ, съ которыми никто не считался. Анна Евграфовна сидѣла за никелевымъ самоваромъ, счастливая и сіяющая, что ей не надо прискивать темы для разговора.

— Вы знаете,—вняжна Свѣтлицкая выходитъ за Дурасова?

— Да, да... И, говорить, не любить совсѣмъ. Влюблена въ другого...

— А у Дурасова миллионъ и дворецъ на Англійской набережной.

— Но и Свѣтлицкіе богаты...

— Что же? Милліоны никогда не мѣшаютъ. Особенно для такой красавицы, какъ княжна... Вы ее видали?

— Нѣтъ, никогда...

— А я видала ее въ оперѣ... Она абонирована по средамъ.

— А слышали вы, графиня-то Б. отличилась на костюмированномъ балу?

— Да... да..

— А что?

— Прекрасной Еленой явилась... Неужели не слышали? Всѣ только и говорятъ объ этомъ...

— А! Марья Александровна!

Въ комнату вошла т-те Бурлакова, маленькая, худенькая, съ моложавымъ лицомъ при сѣдыхъ волосахъ, съ пріятливою улыбкой и какимъ-то виноватымъ выраженіемъ.

— Вы изъ оперы?

— Да... Чудно, чудно!...

— Большія оваціи?

— Какъ всегда...

— А ужъ вы каждый разъ?

— Да, это для меня единственное удовольствіе въ жизни... Вотъ «моя» не признаютъ...

И она добродушно кивнула маленькою головкой на дочерей. Тѣ снисходительно улыбнулись, и Нина сказала:

— Мы, мамочка, тебѣ не мѣшаемъ восхищаться...

— Да... Но не раздѣляете моего восхищенія...—и она крѣтко прибавила, обращаясь къ хозяйкѣ:—Вѣчно трунить надо мной... Маня мнѣ на именины дѣлуетъ дюжину его портретовъ подарила... Что-жъ? Я рада... Теперь у меня двадцать девять его портретовъ.

Разговоръ объ оперѣ оживилъ почти всѣхъ. Послышались громкіе возгласы: Яковлевъ, Фигнеръ, заговорили о холодности третьяго абонеента, о невозможности попасть въ оперу тѣмъ, кто не удостоился абонироваться. Всѣ зашумѣли, заволновались, и Анна Евграфовна нашла удобнымъ перевести часть гостей въ другія комнаты, такъ какъ въ столовой уже нечѣмъ было дышать.

Въ гостиной сидѣла молодая хозяйка, окруженная подружками и молодежью. Они говорили тоже объ оперѣ, но объ итальянской.

— Я тридцать четыре раза слышала «Риголетто» съ Мазини,—говорила одна изъ барышень.

— Тридцать четыре раза?!... Если вспомнить, что куплеты *La donna è mobile* онъ повторяетъ четыре раза, то, значитъ, вы слышали ихъ 136 разъ!... Терпѣнье!

— И все мало! Мы бы его 136 тысячъ разъ готовы слушать.
 — Да вѣдь ему 65 лѣтъ!
 — Хоть сто!
 — Умреть онъ когда-нибудь на сценѣ отъ вашихъ взыговъ и приговъ, тогда что вы будете дѣлать?

Всѣ весело разсмѣялись.

Анна Евграфовна подошла къ группѣ молодежи съ довольнымъ видомъ. Ей было пріятно, что ея Соня «умѣетъ вести разговоръ» и что у нея въ домѣ барышни не садятся за винтъ, какъ это дѣлается у Бурлаковыхъ. Она находила это безобразіемъ. «Фиксы» существуютъ для того, чтобы дочерей замужъ выдавать, а совсѣмъ не заигрывать, чтобы онѣ въ шлемахъ ремизились.

— Мама! Тетя Маша пріѣхала! — весело воскликнула Соня и вышла навстрѣчу входившей дамѣ. — А Маруся? Опять не пріѣхала? Тетя Маша безнадежно махнула рукой и прошла съ Анной Евграфовной въ маленькую гостиную, гдѣ ужъ за двумя столами играли винтъ.

— Бѣдная тетя Маша! — сказала Соня, садясь опять въ кружокъ молодежи.

— А что?

— Да все Маруся чудитъ!

— Неужели? До сихъ поръ?

— Да... Хуже!... Ужъ совсѣмъ нигдѣ не бываетъ... Я съ осени два раза ее видѣла, не больше... Бѣ намъ она не ѣздитъ, къ ней приходишь, — чувствуешь, что не во-время. То она читаетъ, то пишетъ что-то и все прячетъ...

— Еще бы! Вы смѣтаетесь надъ ней, она и прячетъ, — сказала Анна Бурлакова.

— Никто не смѣтается. Всѣ жалѣютъ тетю Машу...

— Нѣтъ, смѣтается... Я сама слышала, какъ ты — еще недавно — поддразнивала ее при чужихъ, что ей «стыдно жить»... И всѣ кругомъ смѣялись...

— Ахъ, это?!... Да, мы всѣ смѣемся надъ этимъ: представьте, разъ, за большимъ обѣдомъ, — это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — мы всѣ собрались на рожденіе тети Маши, и Маруся заявила, что все наше существованіе пошло и безсовѣстно... Всѣ рассердились, тетя Маша расплакалась, а Маруся въ видѣ извиненія призналась, что ей не даетъ покоя стыдъ жизни... Ну, конечно, мы всѣ подняли ее на смѣхъ...

— И какъ-то недавно, при мнѣ, всѣ на разные лады повторяли: «стыдно жить»... И всѣ смѣялись.

— И ты смѣялась!... — и Соня, обращаясь къ чужимъ, прибавила: — Мы постоянно подтруниваемъ надъ ней... Но на нее не дѣйствуетъ; затвердила свое: пошло, эгоистично, стыдно... И знать ничего не хочетъ...

— У нея съ дѣтства былъ духъ противорѣчія... — сказала Маня Бурлакова. — А теперь она въ постоянной борьбѣ со всѣмъ, что намъ дорого, что уже вѣка руководить обществомъ, что стало традиціями и культами... И ужь особенно съ тѣхъ поръ, какъ тетя Маша не пустила ее къ мужикамъ!...

— Когда это?

— Помните, былъ большой голодъ?... До тѣхъ поръ Маруся была еще ничего... нормальная... Правда, всегда и училась, и стремилась куда-то... Но все-таки была и веселая, и остроумная, выѣзжала, любила танцевать... Вдругъ голодъ... Помните, нѣсколько лѣтъ назадъ? Всѣ заговорили о мужикахъ, о тифахъ, о какой-то мякинѣ... Наша Марина точно съ ума сошла, стала бывать на этихъ лекціяхъ для голодающихъ, читать все, что о нихъ писано, и затвердила фразу: стыдно жить, какъ жила до сихъ поръ...

— Чудачка!

— И всегда была какая-то странная, — авторитетно заявила Катя Бородина, подруга Сони.

— Нисколько.

— Полно, пожалуйста, Соня... — продолжала Катя. — Я была вмѣстѣ съ Мариной въ гимназіи, и она всегда всѣмъ «такимъ» интересовалась... Всегда читала «такія» книжки...

— А все-таки, по окончаніи гимназіи, выѣзжала, какъ всѣ, и танцевала, и занималась собой.

— Этого мать хотѣла... Она только слушалась... Всѣ знаютъ, какъ она обожаетъ мать...

— Обожаютъ! Такая же точно поза, какъ и все въ ней... Всѣ говорятъ: обожаетъ! обожаетъ! Почему же теперь она не дѣлаетъ ничего, о чемъ тетя Маша ее просить? Какъ опять заговорили о голодѣ, наша Марина опять зачудила, опять плачетъ цѣлыми ночами, во всемъ себѣ отказывается, посылаетъ деньги на какія-то столовые и дошла до того, что захотѣла сама ѣхать въ деревню «поработать».

Въ кружкѣ раздался сдержанный смѣхъ. Но смѣялись не всѣ.

— Почему же бы ей и не поѣхать? — сказалъ одинъ студентъ. — Многие ѣдутъ и кормятъ голодающихъ.

— Барышни?

— Да! И барышни...

— Н-не знаю! Не слыхала!

— Очень жаль.

— Я не жалѣю, что у меня нѣтъ знакомыхъ такихъ барышень... Да и не вѣрю я этому... Все поза: «надо отречься отъ себя...» «Надо пострадать!» «Стыдно жить!» Громкія фразы!...

Студентъ хотѣлъ что-то возразить, но Соня быстро обернулась къ своей сосѣдкѣ и сказала:

— Ольга Петровна! Неужели вы сегодня не сыграете намъ? Нѣтъ? Ну, пожалуйста!

— Я боюсь помѣшать разговаривать...

— Какая вы злопамятная... Это оттого, что въ прошлую среду... Нѣтъ... Всѣ будутъ молчать... Михаилъ Николаевичъ! Откройте крышку рояля... Можетъ быть, это соблазнить Ольгу Петровну.

Черезъ минуту раздались громкіе, увѣренные аккорды. Всѣ притихли.

— Я скоро выть буду отъ этого непрощеннаго угощенія любительской музыкой, — сказалъ довольно громко Орловъ и взялся за шляпу.

II.

Марина Снопина лежала въ кровати, закинувъ руки подъ голову, и думала все одну и ту же думу. Вотъ и еще зима проходитъ въ безплодной борьбѣ съ матерью, и она проводитъ день за днемъ уныло, безцѣльно, въ постыдномъ бездѣльи. Вчера опять была «исторія». Мать хотѣла непременно, чтобъ она поѣхала съ ней на вечеръ къ теткѣ, — Марина отказалась; Марья Андреевна сказала, что дочь «срамитъ» ее, что про нее Богъ знаетъ что говорить, и пошла, и пошла. Кончилось опять слезами. И теперь, навѣрное, дней пять она не будетъ говорить съ дочерью.

Марина взглянула на блѣдную полоску свѣта, пробивающуюся изъ-подъ красной шелковой шторы, и сообразила, что должно быть уже не рано. Она и сегодня проснулась, какъ всегда, еще до разсвѣта и не могла и не хотѣла встать. Она слышала, какъ прислуга стала убирать сосѣднюю комнату, слышала шаги горничной Паши, ходившей взадъ и впередъ мимо ея двери: это значило, что «господинъ проснулся» и что «имъ» подается кофе въ постель.

И Марина лежала и точно ждала: вотъ откроется дверь и придетъ мать и скажетъ ей:

— Ну, хорошо... я согласна... я все поняла...

У Марины даже духъ захватило отъ одной этой мысли. Она быстро сѣла на кровать, хотѣла вставать, но потомъ вспомни что-то и безсильно опустилась на спину. Опять борьба, опять слезы, опять огорченное лицо матери. Последнее было для нея тяжѣ всего. Она не могла выносить, когда мать печальна или огорчена. И это всегда такъ было съ тѣхъ поръ, какъ Марина помнитъ себя. А помнить она себя чуть не съ двухъ лѣтъ. И особенно хорошо помнить и любить вспоминать свое дѣтство. Можетъ быть оттого и помнить хорошо, что часто вспоминаетъ о немъ; и она ея представленіи является какимъ-то розовымъ. Не въ розовомъ свѣтѣ, — нѣтъ, а въ буквальномъ смыслѣ... Она помнить, какъ и была восходъ солнца; выскочить, бывало, съ постели, босая, при на балконъ и смотреть, какъ кругомъ все розовеетъ и свѣтитъ розовыми искорками: и деревенская церковь, и рѣка подъ горой, зарѣчные луга, и лѣсъ съ розовыми стволами молодыхъ березъ. И, бывало, такая радость жизни забьется у нея въ груди, что сердце готово разорваться. И теперь, когда она вспоминаетъ свое дѣтство та же безотчетная радость бьется у нея въ груди: все оно представляется ей залитымъ радостнымъ свѣтомъ восходящаго солнца и мать-красавица, и кроткій отецъ, и привольная жизнь въ деревнѣ, и липовый садъ со сладкимъ запахомъ меду, а главное — не поэтичная, недостижимая, хрупкая и безконечно-милая.

Марина не только любила ее, она постоянно ее жалѣла и то же время гордилась ею.

Эту гордость внушилъ ей, конечно, отецъ. Онъ всю жизнь носился къ женѣ снизу вверхъ. Позже Марина поняла, отчего такъ вышло. Мать ея была изъ старой русской семьи, изъ разорившейся, но съ гербомъ и съ родословнымъ деревомъ. Она получила и питаніе въ пансіонѣ (она выговаривала на французскій ладъ: *pension'нѣ*), но потомъ много читала и — благодаря прекрасной памяти — очень много знала.

Отецъ былъ военнымъ изъ недоучекъ, некрасивый, добродушный, веселый, съ простымъ сердцемъ и простымъ умомъ. Должно быть, это былъ бракъ по любви, такъ какъ, хотя средства у него и были, но Маруся сама не знаетъ, какъ уже съ юныхъ лѣтъ знала, что мама была сначала влюблена въ отца, потомъ эта влюбленность прошла, и она осталась хорошей женой только изъ чувства долга. И это ставило ее въ глазахъ дочери еще выше. Отецъ молился на жену всю жизнь; онъ считалъ ее неизмѣримо выше себя и это сквозило во всемъ... Онъ и дочери передалъ то же

ство къ матери. Маруся съ благоговѣніемъ смотрѣла на ея высокую, хрупкую фигуру, съ лѣнивыми движеніями, на ея маленькую, блѣлую головку и блѣдное лицо со страдальческимъ выраженіемъ. Мать постоянно хворала; что у нея болѣло—Марина не сумѣла бы сказать, но она была бы искренно удивлена, если бы хоть разъ увидала мать совсѣмъ здоровой, да къ ней и не пошло бы это. Ей именно шло, чтобы за ней ухаживали, чтобы ее нѣжили. И весь складъ семьи Сноповыхъ былъ приуроченъ къ этому.

Маруся—какъ и всѣ почти въ домѣ—вставала рано, но все утро весь домъ шепталъ или молчалъ изъ боязни разбудить барыню, которая просыпалась къ двѣнадцати часамъ. И Маруся молчала и едва дышала до двѣнадцати часовъ. Когда раздавался звонокъ изъ барыниной спальни, Маруся бросалась туда и не отходила уже отъ матери. Ей было необыкновенно пріятно видѣть, какъ мать приподниметъ головку, чтобы дать возможность горничной подложить подъ нее лишнюю подушку, какъ добро улыбнется, если дѣвушка не сладитъ съ этимъ сразу, какъ изящно возьметъ чашку кофе и начнетъ пить маленькими глотками. Даже то, что мама кушала съ кофеемъ только одинъ сухарь, ей очень нравилось. У Марины былъ громадный аппетитъ, она была очень здорова («вся въ отца»), развивалась на свободѣ и ѣла за двоихъ. И ей нравилось, что мама кушала какъ птичка; до чернаго хлѣба не дотрогивалась, не любила ничего тяжелого, жирнаго. Когда дѣвочкѣ съ отцомъ подавали щи, для матери готовили отдѣльный бульонъ, и Маринѣ казалось, что это такъ и надо ей, неземной.

Марина и до сихъ поръ помнить, съ какимъ восторгомъ она смотрѣла на мать, когда она вставала съ постели: выставить, бывало, худенькія ножки изъ-подъ малиноваго атласнаго одѣяла и горничная, стоя на коленяхъ, надѣваетъ на нихъ тонкіе чулки; иногда горничная терла ей подошвы пемзой... Вообще Марья Андреевна любила холить себя, и это къ ней шло. Бывало, она цѣлыми часами отдѣлывала себѣ ногти: раньше округлить ихъ пилочкой, подчистить кругомъ, чтобы не нарастала кожа на нихъ, потомъ возьметъ на замшу розовой помады, помажетъ каждый ноготокъ и затѣмъ отполируетъ съ пудрой замшевой подушечкой. Марина не знаетъ, понравилось ли бы ей все это въ комъ-нибудь другомъ, но къ матери ее все восхищало и умиляло. Она чувствовала себя такой ничтожной передъ ней, что готова была ей ноги цѣловать. Мать была добра съ ней; она со всѣми была ласкова; съ дочерью, конечно, ласковѣе, чѣмъ съ другими, но Маринѣ постоянно казалось, что мать недостаточно любить ее...

Марина тревожно повернулась на постели. Крупный слез ползли у нея по щекамъ. Ей такъ ясно вспомнилось, какъ она любила мать, любила съ мучительною нѣжностью и какъ мама была холодно-справедлива къ ней. Никогда она ее не обижала, никогда не наказывала, но маленькой Марусѣ хотѣлось совсѣмъ много отнoшенія. И ей стало вдругъ такъ жаль довѣрчивую, беззащитно-любящую дѣвочку, что она горько расплакалась.

— Нервы! — прошептала она и, закрывъ глаза руками, вся отдалась своимъ воспоминаніямъ дѣтства.

Она вѣдь ни минуты не чувствовала, что мать не любитъ ее, да этого и не было. Бывало, съ той минуты, какъ мать встанетъ, Маруся почти не отходитъ отъ нея и она никогда не прогонитъ ее. Марья Андреевна страстно любила цвѣты и сама ухаживала за ними: надѣвала перчатки, — земля портитъ руки и ногти, — подвизывалась фартучкомъ и сама пересаживала и подрѣзывала цвѣты. Для Маруси это былъ праздникъ, она помогала матери, носила ей въ лейкѣ воду, снимала горшки съ оконъ, вообще дѣлала всю черную работу. Марина была очень сильная, хотя росла туго. Ее наполняло какой-то гордостью то, что она можетъ быть полезна и нужна матери. Вся, бывало, обольется, замажется, ухитрится даже лицо выпачкать землей. Мать только взглянетъ на нее, улыбнется и скажетъ:

— Какая ты, Маруся, ловкая!

Марина очень хорошо знала, что это иронія, но не обижалась. Позже у Марьи Андреевны эта фраза превратилась въ поговорку. Маруся и до сихъ поръ счита себя неуклюжею; прежде же, — особенно когда была подросткомъ, — непременно повалить что-нибудь, разобьетъ, зальетъ скатерть. А мать кротко подразнить ее:

— Какая ты, Маруся, ловкая!

И Марина все это вспоминала съ восторгомъ. Она вспоминаетъ, что все въ мамѣ приводило ее въ нѣжное умиленіе. Да и не ее одну. Всѣ кругомъ молились на нее.

Бываютъ такіе люди, что какъ-то пассивно умѣютъ внушать чувства. Думаютъ обыкновенно, что любить тѣхъ, кто самъ умѣетъ любить. Вздоръ!...

У Марины была нянька Дарья Семеновна; у нея тоже было какое-то обожаніе Марьи Андреевны. Она заботилась о дѣвчкѣ ради того, чтобы не беспокоить барыню; обшивала Марусю, покупала ей башмаки, заказывала шляпки. Если бы мать и захотѣла думать о Марусѣ, — ей не оставалось о чемъ заботиться, все было сдѣлано няней. Всѣмъ въ домѣ казалось невозможнымъ чѣмъ бы то ни было

«обезнокомть барыню». «Онѣ такіа слабенькіа», говорила постоянно няня. Марина такъ и привыкла жалѣть ее, относиться къ ней какъ къ «маленькой». Но въ сущности такая слабость — самая страшная сила. Она порабощаетъ все кругомъ. Какъ обидѣть безпомощнаго ребенка? У кого поднимется рука на больного? И нѣкоторые отлично понимаютъ силу такой слабости.

Мало-по-малу мать приняла въ воображеніи Маруси образъ всѣхъ тѣхъ фей и принцессъ, о которыхъ она стала рано читать въ сказкахъ. Избалованность и впечатлительность Марьи Андреевны стали для нея источникомъ тысячи мелкихъ услугъ и лишеній, которыя она изобрѣтала, чтобы быть полезной и пріятной матери.

— Счастье, что ты у меня крѣпышъ, — бывало, говорила Марья Андреевна.

И съ четырехъ лѣтъ Маруся сознавала, что она «крѣпышъ», что она существуетъ для матери, и ей въ голову не приходили никакія нѣжности. Въ деревнѣ, лѣтомъ, она спала въ комнатѣ матери и тутъ положеніе ея рабы было для нея истиннымъ счастіемъ. Особенно памятно ей одно лѣто. Марусѣ шелъ восьмой годъ. Мать была беременна. Сознавала ли это Марина, или нѣтъ, но она очень хорошо помнитъ, что постоянно жалѣла маму и каждую минуту думала, какъ облегчить ей ея положеніе. По ночамъ, только что мать начинала тяжело дышать, Маруся вскакивала съ постели и бѣжала открывать окно, зная, что мамѣ душно отъ ея «толщины». Размечется ли она во снѣ, — Марина подкрадется къ ней и укутаетъ ее, какъ ребенка, чтобы она не простудилась. Марина была весь день насторожѣ: уронитъ мать платокъ, дѣвочка бросается поднимать его; лужно ей подвинуть кресло, — Маруся тутъ какъ тутъ. Женскій инстинктъ, или беззавѣтная дѣтская любовь диктовали ей все это — она не знаетъ, только и до сихъ поръ ясно помнитъ, какъ она съ утра до вечера была наполнена сознаніемъ всей важности маминой «болѣзни», внушавшей дѣвочкѣ какую-то мучительную нѣжность къ матери. Она была точно биткомъ набита этой нѣжностью; ей было тѣсно въ груди, хотѣлось плакать. Марина и заплакала, когда увидала мать на постели такую же бѣлую, какъ ея подушка, а рядомъ въ кружевахъ и лентахъ маленький красненькій кусочекъ челоуѣка. Марина плакала, какъ взрослая, тихими, крупными, обильными слезами.

— Оставь, это она отъ счастья, — чуть слышно проговорила мать, когда нянька стала уговаривать Марусю.

Отъ счастья? Едва ли! Позже она поняла, что это были слезы

горя, бессознательныя слезы; горе, почуяное дѣтскимъ, почти животнымъ инстинктомъ.

Новая «сестрица» чуть не отняла отъ Марины мать. Дѣвочка родилась такая же худенькая и слабенькая, какъ Марья Андреевна, съ такими же кроткими, сѣрыми глазами. У матери скоро пропахло молоко, пришлось переимѣнить нѣсколько кормилицъ, дѣвочка почти не переставая плакала. Мать не отходила отъ нея ни на секунду, Маруси точно не существовало для нея. А потомъ маленькая отъ постоянной переимѣны молока заболѣла такъ опасно, что доктора сочли долгомъ предупредить мать. Она всѣ ночи просиживала надъ дѣвочкой и какимъ-то чудомъ отходила ее. Это еще сильнѣе прививало ее къ Нинѣ, она вся ушла въ свою привязанность и для Маруси погибла, казалось, навсегда.

Тутъ начались страданія Марины, первыя ея страданія. Она возненавидѣла сестру, она безумно ревновала къ ней мать; иногда ей даже являлась мысль отдѣлаться отъ нея, уничтожить ее. Но должно быть, боязнь огорчить мать не допускала ее ни до чего «такого». Эта боязнь плавала надо всѣмъ и, насколько теперь Марина можетъ представить себѣ чувство девяти-десятилѣтней дѣвочки, ею, т.-е. матерью, начинались и кончались всѣ ея мысли, всѣ ея дѣйствія.

Такъ прошло два года. Маринѣ было уже лѣтъ десять, когда умерла сестра. Это было ужасное горе для Марьи Андреевны, но еще большее горе для Маруси. Она не могла видѣть слезъ матери и сознавала себя совершенно безпомощной утѣшить ее. И разъ, когда она вмѣстѣ съ отцомъ стояла у двери и, боясь дышать, слушала, успокоилась ли мама,—она вдругъ все поняла. Она поняла, что мать только позволяла имъ любить себя, а не любила ихъ. Но это не охладило ее къ матери; напротивъ, она испытывала особенное счастье въ сознаніи, что она жалѣетъ ее, любить и взаимно получаетъ очень мало.

Имѣніе продали; Марья Андреевна не могла видѣть того дома, тѣхъ мѣстъ, гдѣ она потеряла свою любимицу. Марусю отдали въ гимназію въ Петербургъ, а на лѣто уѣзжали на дачу, или за границу. Марья Андреевна постоянно хворала и постоянно лѣчилась. Дочь все свободное отъ уроковъ время сидѣла около нея и ухаживала за ней. Когда Маруся была въ пятомъ классѣ гимназіи у нея умеръ отецъ, умеръ почти внезапно, въ нѣсколько дней, отъ осложненной инфлуэнціи. И онъ съ матерью остались вдвоемъ. Впрочемъ, уже послѣдніе годы отецъ мало бывалъ дома, онъ попрежнему былъ

нѣжнѣ и ласковѣ съ женой, но охотно уходилъ изъ дому. Позже, гораздо позже, Маруся узнала, что у него была въ Петербургѣ вторая семья. И она не любила вспоминать объ этомъ.

III.

Какъ же случилось, что онѣ съ матерью стали говорить на разныхъ языкахъ? Почему же въ гимназiи Марина во многомъ не соглашалась съ нею, и почти каждый ихъ теоретическiй разговоръ кончался если не ссорой, то раздраженiемъ съ обѣихъ сторонъ? Почему, несмотря на нѣжную привязанность къ матери, явилось несогласiе съ ней во всемъ, о чемъ бы онѣ ни заговорили: о литературѣ, о политикѣ, о религiи, о жизни—онѣ сейчасъ же становились въ положенiе воюющихъ сторонъ и не могли уже говорить спокойно? Марина обыкновенно замыкалась и умолкала, Марья Андреевна спорчалась и плакала. Послѣ смерти мужа—она вся принадлежала дочери, то-есть все ея время принадлежало Маринѣ; она не разставалась съ ней ни на одинъ день, даже стала меньше «выѣзжать», а больше приглашала къ себѣ. Марья Андреевна не могла жить безъ общества, не могла ни одного вечера провести безъ постороннихъ. Она любила играть въ винтъ, любила и просто болтать, вообще любила быть на народѣ, какъ она говорила. Она много читала, очень много знала, съ ней всѣмъ было прiятно и весело, всѣ ее любили и охотно ѣхали къ ней. Маруся сидѣла иногда около матери, когда она играла въ карты, но при малѣйшей возможности уходила къ себѣ заниматься. И изъ-за этого у нихъ очень часто выходили столкновениа: Марья Андреевна хотѣлось, чтобы дочь ни на минуту не отходила отъ нея, чтобы постоянно была вмѣстѣ съ нею. Маруся охотно подчинялась, но мало-по-малу ей стало это очень тягостно. Только что начались сознательныя занятiя, открылись какiя-то знанiя, появилась жажда что-то уяснить и приходилось отрываться и тратить время не съ матерью, а на то, что мать считала кому-то или для кого-то нужнымъ.

По окончанiи гимназiи Маруся «выѣзжала» и принимала у себя. Марья Андреевна сдѣлала большой вечеръ, который далъ и ей и Маринѣ заботъ чуть не на два мѣсяца: приглашенiя, приготовленiя къ котильону, устройство или скорѣе разстройство квартиры (изъ гостиной сдѣлали залу, изъ спальни Марьи Андреевны—гостиную, изъ Марусиной комнаты—дамскую уборную). Марья Андреевна съ утра ѣздила «по дѣламъ вечера», какъ она говорила, и страшно уставала.

Маруся, непрактичная и неумѣлая, не могла ничѣмъ помочь ма-

тери, несмотря на искреннее желаніе быть полезной. А главное—очень многое въ этихъ хлопотахъ казалось ненужнымъ и она могла не сказать объ этомъ.

Разъ онѣ съ матерью возвращались съ какого-то вечера.

— Какая адская тоска у нихъ всегда,—сказала Марья Андреевна, какъ только захлопнулась дверца кареты.

— Да!—съ радостью подхватила Марина.—А развѣ у Антроповыхъ веселѣе?

— Тоже всё скучаютъ: и молодежь, и старики.

— И отъ насъ, мама, пойдутъ,—во всѣхъ каретахъ тѣ слова говорить будутъ?...

Марья Андреевна добродушно усмѣхнулась и сказала:

— Конечно.

— Такъ зачѣмъ же мы ихъ всѣхъ собираемъ?

— А Антроповы зачѣмъ собираютъ? А Пещерскіе? А Костинъ?

— Тоже не понимаю...

— Мы всюду бываемъ съ тобой... Должны же хоть разъ зиму собрать всѣхъ...

— Мамочка! Милая! Да зачѣмъ намъ-то къ нимъ ѣздить?

— А то какъ же?

Марья Андреевна сказала это такимъ тономъ, точно и мы не допускали измѣнить что-нибудь въ ихъ жизни.

Но съ тѣхъ поръ Маруся невольно чаще и чаще стала возвращаться къ этой темѣ.

Марья Андреевна хотѣла, чтобы Маруся послѣ гимназій получила свое образованіе. Она считала, что женщина должна въ можно больше знать и тогда она будетъ силой и въ обществѣ, и дома. Ей хотѣлось бы дать дочери возможность изучить языки, исторію и исторію литературы. Маруся охотно согласилась учиться, но оказалось, что для этого нужны большія средства. Она не хотѣла слышать не хотѣла; и вообще она не хотѣла разставаться съ дочерью, а приглашать профессоровъ оказалось дорого. Маруся видѣла, какъ тяжело было матери отказать въ этомъ и не могла себѣ уяснить, въ чемъ собственно вопросъ. Она знала, что послѣ смерти отца осталась хорошая пенсія, да продажи имѣнія очистилась какая-то сумма, дававшая нѣсколько тысячъ въ годъ. Но она уже съ дѣтства привыкла къ жалобамъ безденежья. Съ этихъ жалобъ начинались или ими кончались бесѣды родителей между собою, и Маруся такъ привыкла къ нимъ, что не вдумывалась въ смыслъ ихъ, какъ это всегда бываетъ привычными явленіями и словами.

Но когда пришлось отказаться от мысли продолжать образованіе, она остановилась на этомъ вопросѣ. Въ сущности на что уходитъ большая часть средствъ? На всякія ненужности и осложненіе жизни. Она знала, что онѣ—какъ большая часть ихъ знакомыхъ—живутъ выше средствъ, знала, что онѣ должны портнихѣ, должны въ угловомъ фруктовомъ магазинѣ и еще въ десяткахъ мѣсть и какъ-то высказала все это матери. Зачѣмъ имъ жить, «какъ всѣ»? Зачѣмъ у нихъ должны быть такія же комнаты, какъ у всѣхъ? Зачѣмъ онѣ должны задыхаться отъ пыли ковровъ, мягкой мебели, мириочекъ и скамеечекъ? Зачѣмъ онѣ закрываютъ послѣдній свѣтъ въ окнахъ какими-то пестрыми тряпками? Почему онѣ не могутъ «выѣзжать» иначе, какъ въ каретѣ и сидѣть въ театрѣ выше бельэтажа? Почему?

Марья Андреевна расплакалась и кротко сказала:

— Ты упрекаешь меня въ неумѣньи жить... Это правда!... И твой отецъ всегда меня упрекалъ этимъ... Еслибъ ты знала, какъ ты мнѣ дѣлаешь больно! Ты даже говоришь, какъ онъ: тѣ же слова, тѣ же интонаціи.

Маруся умоляла. Она знала, что она «вылитый отецъ» и ей было непріятно это. Она помнитъ, какъ нѣсколько разъ въ дѣтствѣ знакомые жалѣли, что у такой красивой матери, такая некрасивая дочь.

— А дѣвушка необходима красота,—прибавляли они.

И Марину очень мучило, что она некрасива; мучило не за себя, за мать; она думала, что для матери—съ ея любовью ко всему красивому и изящному, должно быть, тяжело видѣть, какъ некрасива ее дочь.

Съ годами она выравнилась, ее даже называли красивой, но она знала, что все-таки оставалась «вылитый отецъ»: коренастая, широкоплечая, съ крупными чертами лица, съ непослушными вихристыми волосами. Она знала, что Марью Андреевну огорчала ее коренастость, это лишало ее той distinction, которую прежде всего ценила Марья Андреевна. Дочь была сильна—поэтому не изящна, Марья Андреевна постоянно добродушно подчеркивала это. Маруся видѣла, какъ мать заботилась объ ея туалетахъ, не жалѣла ни денегъ, ни времени, ни силъ, чтобы одѣть «къ лицу» свою «дѣвочку».

И Марину мучило это стремленіе матери сдѣлать ее по красивѣе, она принимала его только оттого, что боялась огорчить мать; она любила одѣваться и считала очень многое лишнимъ и нѣсколько разъ говорила объ этомъ съ матерью.

— Мамочка! Брось ты это... Мнѣ больно видѣть, какъ ты бѣгаешь цѣлыми часами по гостинному двору, чтобы подобрать или какой-то зеленовато-сѣроватый аграмантъ «въ тонъ» къ платью.

— А кто же это будетъ дѣлать? Портнихъ поручить? Ну, и поставить втрое дороже.

— Такъ и не надо... Изящный туалетъ только тогда пріятен когда онъ дѣлается легко, безъ всякихъ страданій.

— Легко? Какія же средства для этого нужны?!

— Такъ и не надо аграманта. Когда я вижу сотни дамъ у шавковъ, которые тратятъ сотни часовъ на пріисканіе отдѣлки «тонъ», на подбораніе блѣсточекъ, да непременно такого-то цвѣта или такой-то формы, тратятъ и силы и самолюбіе, чтобы выторговать гривенникъ на аршинъ, — мнѣ становится жалко ихъ, жалко женскую душу.

— Все это громкія слова! И сама съ удовольствіемъ надѣне красивое платье.

— Конечно... Пойми, мама... Я такъ смотрю: надо всегда вѣсить плюсы и минусы. Если красивая обстановка или туалетъ или разныя житейскія ненужности дѣлаются при большихъ средствахъ, — отлично... Я же не проповѣдую, что изъ принципа и но сокращать потребности (я еще не доросла до этого), но я точно не могу примириться, что надо бѣгать, искать, уговаривать, натягивать изъ-за того, что нужно что-то купить, что-то заказать, средствъ нѣтъ... Такъ или нѣтъ?

Марья Андреевна огорченно молчала. Иногда, если споръ не принималъ слишкомъ рѣзкой формы — Маруся бросалась къ матери и она добродушно шептала: «Выродокъ ты у меня какой! Посмотрю кругомъ — всѣ барышни, какъ барышни, а ты какъ то чудачка».

IV.

Такъ шли дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Марина училась, много читала, чего-то все ждала, куда-то стремилась, спорила съ матерью, замыкалась, мирилась, опять спорила, все-таки жила, какъ этого хотѣла Марья Андреевна.

Разъ на одномъ изъ петербургскихъ вечеровъ она услышала названіе своего уѣзда, т.-е. уѣзда, гдѣ было когда-то имѣніе, она провела свое раннее, «розовое» дѣтство. Говорили о голодѣ, руса и изъ газетъ, и изъ рассказовъ уже знала, что въ нѣрныхъ мѣстностяхъ Россіи неурожаи, читала, расспрашивала

не знала и не умѣла узнать настоящую правду. Тутъ, когда она услышала ими своего уѣзда и рассказъ про то, что тамъ творится, она пересѣла на другой край стола и забывъ, что не отвѣтила кому-то на какой-то вопросъ—стала слушать. Говорили статскій и военный о какой-то помѣщицѣ, которая пріѣхала «оттуда» и читала лекцію, то-есть просто рассказывала то, что творится въ ихъ уѣздѣ.

— Преувеличено очень... Рисовки много...

— Полноте, она всю душу положила въ это дѣло... Какая тутъ рисовка? Вѣдь она рассказываетъ факты, даетъ цифры, приводитъ свидѣтельства мѣстнаго священника.

— И вы вѣрите, напримѣръ, этой исторіи о замерзшемъ парнѣ?

— Конечно...

— Нѣтъ, ужъ извините... Это изъ области беллетристики... Чтобы двадцатидвухъ-лѣтній парень замерзъ оттого, что ему покусать не дали—взоръ. Сказки...

Марина такъ заинтересовалась этимъ разговоромъ, что обратилась къ военному, котораго она едва знала, и спросила:

— Какъ это случилось?

— Госпожа Ртищева устроила у себя столовую... Голодающихъ кругомъ сотни. Она не могла кормить всѣхъ и объявила, что въ столовую принимаются только старики и дѣти... И выдерживала это... Въ одинъ изъ послѣднихъ морозовъ къ ней пришелъ молодой мужикъ, худой, блѣдный и попросилъ накормить его... Она сказала ему, что если накормить его, то надо не отказывать и другимъ, а этого дѣлать она не можетъ... Онъ постоялъ, постоялъ и ушелъ... А вечеромъ ея работникъ, возвращаясь изъ лѣса, верстъ за шесть отъ ея усадьбы наткнулся на спящаго человѣка. Онъ не могъ разбудить его, ввалилъ на дровни и привезъ въ село... Ртищева узнала въ немъ того парня, которому она отказала въ обѣдѣ... Конечно, онъ умеръ не только оттого, что ему не дали «покусать», а потому, что его истощенный организмъ не могъ бороться съ морозомъ... Онъ едва волочилъ ноги, сѣлъ у дороги, задремалъ, упалъ и заснулъ навсегда... И когда Ртищева рассказывала это, многіе плакали...

Статскій крутилъ усы и проницески улыбался. Маруся чувствовала, какъ внутри нея что-то оборвалось. И вдругъ все кругомъ представилось ей въ другомъ свѣтѣ.

— Многіе не вѣрятъ ей,—продолжалъ военный,—какъ не вѣрять или не хотять вѣрить голоду... А я вѣрю потому, что всю зиму получаю изъ имѣнія письма отъ священника и вѣрю, что онъ

не лжетъ. Батюшка объясняетъ это по-своему. «Послѣднія времена настали... Антихристъ близокъ...» Но мнѣ не объясненія его важны, я не считаюсь съ изреченіями пророка Сафонія: «Все истреблю съ лица земли, говоритъ Господь, истреблю людей, скотъ и звѣрей, истреблю птицъ пернатыхъ и рыбы!» Мнѣ не это важно, важны факты... Ужъ съ октября не было ни зерна кругомъ... Я посылаю, сколько могъ, открылъ двѣ столовыя, съ помощью священника и учительницы въ нашемъ селѣ... Но все это капля въ морѣ.

— Ну, а на счетъ пьянства какъ?—ядовито спросилъ статскій.

— То-есть, что насчетъ пьянства? Вы сейчасъ будете говорить, что русскій мужикъ пьяница, что онъ лежебока и если его кормить, то онъ не только недомоетъ не заплатитъ, а и ничего платить не будетъ. Пѣсни знакомыя, скучныя, но такія, которыя оспаривать невозможно. Фактами васъ не убѣдишь, цифрамъ вы не вѣрите... Затвердили: народъ—пьяница, лѣнтяй и попрошайка и вамъ вѣрять всѣмъ тѣмъ, кому удобно въ это вѣрить... Спокойнѣе!

— Не спокойнѣе-съ, а правильнѣе!—заговорилъ съдой господинъ, давно прислушивающійся къ этому разговору.—Дайте потачку мужику—онъ вамъ на шею сядетъ... Кормить его даромъ?! Пожалуйте, кушайте, бѣдные мужички!... Это—развратъ! Вы съ такимъ народомъ потомъ ужъ ничего не подѣлаете-съ! Зачѣмъ ему работать? Прокормить и даромъ.

— Я не буду спорить съ вами... Есть и пьяницы и обманщики... Но лучше и ихъ накормить, чѣмъ изъ-за нихъ обречать всѣхъ на голодъ, болѣзни и...

— На голодную смерть? Да?

— Да, и смерть!... Читали на-дняхъ сообщеніе, незначительное, мелкимъ шрифтомъ напечатано: мать-крестьянка повѣсилась въ овинѣ надъ своими ребятами потому, что ей нечѣмъ было кормить ихъ... Сиротъ всякій пожалѣетъ,—сказала она передъ ѣтимъ своей сосѣдкѣ.

— Да развѣ можно вѣрить газетамъ?

— Многіе же ѣздили и изъ Петербурга, видѣли нужду настоящую, привозили образцы хлѣба... Просто кусочки навозу какого-то.

— Да это развѣ только нынѣшній годъ? Удивить захотѣли хлѣбомъ съ мякиной.

— Тѣмъ хуже!

— Нѣтъ-съ, не это «хуже», а вотъ ваше баловство! Попробуйте нанять теперь работника въ такъ называемыхъ голодающихъ мѣстностяхъ. Попробуйте!

— Это все клевета!

— Не клевета, а фактъ. Не идутъ! Рубль въ день—не идутъ!
 — Кто слышалъ?
 — Почитайте-съ! Въ газетахъ постоянно пишутъ.
 — Я сказалъ бы вашею же фразой: «Развѣ можно вѣрить газетамъ?», да не хочу,—съ нескрываемымъ раздраженіемъ проговорилъ военный и всталъ, показывая, что не желаетъ продолжать разговоръ.

Когда Марина возвращалась съ матерью, она спросила ее:

— Мама! Кто живетъ теперь въ нашей Васильевкѣ?
 — Не знаю, милая! Какой-то купецъ Жмотовъ. Мы продали Сапоговымъ, они уѣхали за границу, не платили процентовъ въ банкъ, она и пошла съ молотка. За безцѣнокъ, говорятъ, купилъ этотъ Жмотовъ. А что?

— Нѣтъ, я такъ.
 — Не понимаю я тебя!... Почему послѣ веселаго петербургскаго бала тебѣ вспомнилась наша скучнѣйшая Васильевна.
 — Въ Т—скомъ уѣздѣ голодъ,—тихо проговорила Марина.
 — Тамъ всегда плохо родилось... Не изъ-за одного же моего приза твой отецъ продалъ это имѣніе.

— Да, но въ этомъ году ничего не вышло. Сѣмянъ не собрали... Смертность такая, что въ нѣкоторыхъ семьяхъ унесло всѣхъ людей до одного, дворы всѣ раскрыты, коровы и лошади ревуть отъ голода. Ревутъ и дѣти, ревутъ и взрослые.

Марья Андреевна молчала. Она сѣла въ карету въ самомъ лучшемъ настроеніи,—она любила бывать у Петровскихъ: и квартира, и обстановка, и прислуга, и ужинъ—все было изящно, все первыя сорта, что такъ цѣнила и любила Марья Андреевна.

Она ничего не отвѣтила Марусѣ и сѣла глубже въ уголъ кареты.

У.

Въ ту зиму очень много говорилось о голодѣ. Изъ провинціи писали тревожныя письма, общество призывалось къ пожертвованіямъ, сообщалось печатно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ цыганки хватали цѣлыя деревни, писали, что глаза лопались и люди пухли отъ голода; смерть носила ихъ сотнями.

Маруся жадно читала все это и постоянно стремилась дѣлиться своими впечатлѣніями съ матерью.

— Мама! знаешь, достаточно одного рубля, чтобы человѣкъ прожить цѣлый мѣсяцъ.

— Такъ что же?

— А сколько этих рублей проходить кругомъ на разныя потребности?

— Я не понимаю о чемъ ты говоришь? Выдумываешь какія-то свои слова... Что такое за «ненужности»?

— Да развѣ все перечтешь? Ими полна наша жизнь... Только вдуматься: и въ одеждѣ, и въ столѣ... Всѣ эти выѣзды и приѣзды, скучнѣйшіе обѣды и никому ненужныя сборища... Да тысячи, тысячи ненужностей...

— Наивная ты, Маруся, право!

И Марья Андреевна снисходительно улыбалась.

— Мама,—говорила въ другой разъ Маруся, когда онѣ, усталыя и раздраженныя, возвращались отъ портнихи, которая такъ выѣзжала «проймы» въ бальномъ лифѣ Маруси, что хотъ бросай его.—Мама, оставимъ все это!

— Что «это»?

— Да вотъ: бальные платья, примѣрки, возню съ портнихами, раздраженность изъ-за пустяковъ, трату времени на пустяки, трату всей жизни на глупости.

— И одѣнемся во власяницы и будемъ питаться дикимъ медомъ?—спросила Марья Андреевна.—Ахъ, милая, какой ты у меня еще ребенокъ!

И она съ ласковымъ сожалѣніемъ глядѣла на дочь.

Но хотя Марья Андреевна и отвѣчала Маринѣ шутками, дочь все-таки начинала беспокоить ее. Отчего она потеряла всю беззаботность, свойственную юности? Откуда взялся у нея этотъ протестъ противъ всего, чѣмъ онѣ жили? Марья Андреевна знала всѣхъ, кого видѣла, съ кѣмъ была знакома Маруся, и была спокойна, что никто не могъ внушить ей «такихъ» идей. Откуда же у нея это?

Марья Андреевна была религіозна, но не любила или забывала проявлять это, но при всякомъ огорченіи у нея являлась потребность пойти въ церковь и помолиться. Марина стала замѣчать, что мать все чаще и чаще уѣзжала по утрамъ, и разъ спросила ее:

— Мама! О чемъ ты все молишься?

— О тебѣ,—полуплутя отвѣтила Марья Андреевна.—Чтобы Господь образумилъ тебя... Да... забыла тебѣ передать: княжна Верейская тебѣ кланяется.

— Ты видѣла ее?

— Да... Я вчера была въ монастырѣ; послѣ обѣдни зашла къ ней... Какая умища! Вотъ съ кѣмъ тебѣ говорить бы...

Марина не придавала значенія этимъ словамъ. Но черезъ нѣсколько дней Марья Андреевна сказала ей:

— Поѣдемъ завтра въ монастырь... Княжна просила тебя прійти...

— Нѣтъ, уволь, меня! Я такихъ ханжей терпѣть не могу.

— Ей очень хочется тебя видѣть, — стараясь быть мягкой, сказала Марья Андреевна.

— А мнѣ совсѣмъ не хочется...

Потомъ, видя, что мать огорчена этимъ отвѣтомъ, Маруся прибавила:

— Мама! Въ жизни такъ много лжи—якобы необходимой, что, право, не грѣшно не искать и не создавать еще новую... Я не люблю Верейскую, считаю ее фальшивой, «не настоящей», а пріѣду къ ней, и не только не покажу ей этого, а еще буду стараться показать совсѣмъ противоположное... зачѣмъ? И почему ты ее отыскала?

Мать молчала. Замолчала и Марина.

Княжна Верейская была богатая дѣвушка лѣтъ сорока пяти-семи, отказавшаяся лѣтъ десять тому назадъ отъ свѣта и поселившаяся въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Она не была монахиней, но ходила въ монашескомъ одѣяніи; она не была и свѣтской, но съ утра до вечера въ ея кельѣ сидѣли гости. Монахини ухаживали за ней, — она дѣлала монастырю пожертвованія, а «сестрамъ» подарки, и жила въ монастырѣ, ни въ чемъ не отказывая себѣ. Хотя она выезжала, какъ монахиня—въ коляскаѣ съ поднятымъ верхомъ—но лошади и выездъ были прекрасные. Хотя она ѣла постное не только въ посты, но и по средамъ и пятницамъ, но поварь у нея былъ отличный и вся провизія была отборная.

Марина слышала это когда-то отъ матери и онѣ тогда вдвоемъ возмущались лицемѣріемъ княжны. Почему же теперь Марья Андреевна стала посѣщать Верейскую? Зачѣмъ она понадобилась ей? Марина, рѣшившая быть всегда совершенно искренней съ матерью, спросила ее объ этомъ. Та только тяжело вздохнула.

На новый годъ Марина получила изъ монастыря картонку. Въ ней лежала тонкая батистовая накладка на подушку, вся вышитая, вся отдѣланная прошивками и кружевами. Къ ней была приколота записка:

«Любезная Марина Львовна! При обновленіи Новаго лѣта, Господь благодатной своей струей ороситъ васъ и вашу милую шатапу полнотѣ здоровіемъ. Укройте свою подушку прилагаемымъ попричаломъ, чтобы ваша граціозная головка, покоясь на немъ, осво-

бождалась отъ тяжелыхъ думъ и находила миръ и пониманіе въ своихъ ближнихъ.

Бн. Софья Верейская».

Марина улыбнулась и передала эту записку матери. Когда она увидѣла, что Марья Андреевна не пріятны послѣднія слова ея—она такъ поняла это: мать навѣрно ѣздила къ княжнѣ жаловаться на Марусю и просила, какъ это часто дѣлають матери, «повліять на дочь». И княжна начала вліять...

— Неужели ты не поѣдешь поблагодарить за такое вниманіе?—спросила Марья Андреевна.

— Придется поѣхать.

— Ты говоришь это такимъ тономъ, точно для тебя это жертва.

— Ну, мамочка, что намъ повторять все то же? Завтра Новый годъ... Не будемъ спорить... Я поѣду...

Марина сознавала, что эти маленькія уступки ведутъ къ большимъ, и что въ сущности онѣ-то и опредѣляютъ жизнь,—но ей было такъ страшно огорчать мать, такъ жаль ее, когда она была блѣдная, грустная, что она, бывало, сама первая шла на уступки. Затѣмъ она стала уступать послѣ нѣкоторой борьбы, а въ послѣднее время каждая уступка доставалась ей тяжелѣе и тяжелѣе. Еще ничего, если приходилось уступать только матери, ея желанію, даже капризу, быть можетъ,—тутъ было сознаніе хотя бы маленькой жертвы на алтарь любви къ матери. Но когда Марина видѣла, что на сторонѣ Марьи Андреевны всѣ знакомые, все «общество» съ его убѣжденіями, требованіями, и приличіями, то каждая уступка уже казалась Маринѣ компромиссомъ, недостойнымъ ея, и она раздражалась и становилась, по словамъ матери, невыносимой. Она давала себѣ слово молчать, боролась безмолвно, но иногда не выдерживала...

Разъ—это былъ день рожденія Марьи Андреевны—къ Сноповымъ собрались на семейный обѣдъ всѣ друзья и родственники. Марья Андреевна только что встала послѣ довольно тяжелой болѣзни, во время которой Марина ни днемъ, ни ночью не отходила отъ нея. Наканунѣ въ первый разъ выѣхали покататься, и Маруся не наглядѣлась на мать, какъ она сразу посвѣжѣла, какая была добрая и веселая.

Обѣдъ шелъ оживленно и дружно. Смѣялись, болтали, конечно спорили, но спорили весело и дружелюбно. Маруся была въ духѣ и каждую минуту любовно взглядывала на мать. Такъ какъ дѣла было въ мартѣ, то не миновали и разговоръ о дачахъ.

— Вы куда на лѣто?—обратилась Марья Андреевна къ Аннѣ Евграфовнѣ.

— Ахъ, не спрашивайте! Ыздила въ Павловскъ... Уже все подходящее взято, остались или развалины, или такія цѣны, что приступу нѣтъ... Хочу поискать въ Царскомъ...

— А вы бы въ Парголово. Тамъ дешевле.

— Нѣтъ, Соня не можетъ безъ музыки... Вы знаете, музыка ея жизнь... А только въ Павловскѣ и есть лѣтомъ настоящая музыка. А вы куда?—спросила въ свою очередь Анна Евграфовна свою сосѣдку, хорошенькую Катю Бородину.

— Мама хочетъ въ деревню... Такой ужасъ!

— Почему же?

— Вотъ еще тоска! Нашъ управляющій писалъ намъ, что кругомъ больные... Во - первыхъ, цынга! Какая гадость... Во - вторыхъ, куриная слѣпота... Онъ писалъ, что передъ заходомъ солнца встрѣчаются цѣлыя партіи крестьянъ, бѣгущихъ домой, чтобы успѣть въ-время...

— Какой ужасъ!

— Отчего это?

— Отъ голода... Вѣдь мы въ неурожайной полосѣ... Управляющій еще осенью писалъ намъ за границу, что кругомъ на сотни верстъ не родилось буквально ничего; треть домохозяевъ даже и не убрали съ поля... Мы даже и сѣмянъ не выручили... А теперь пишутъ, что у крестьянъ весь скотъ распроданъ или погибъ, у многихъ не осталось ни коровы, ни лошади... Управляющій устроилъ у насъ столовую, но приходило такъ много, что надо было закрыть... Не набраться на всѣхъ... Ну, что же туда ѣхать. Кругомъ—ирочныя лица, болѣзни, стоны, жалобы. Хорошъ лѣтній отдыхъ!

Всѣ умоляли. Маруся взглянула на милое, доброе лицо матери и сказала:

— А мы пять блюдъ ѣдимъ за однимъ обѣдомъ!

Марья Андреевна такъ сконфузилась, что сначала покраснѣла, а потомъ поблѣднѣла.

— Какія ты глупости говоришь, Маруся!

— Ну, будемъ мы одинъ черный хлѣбъ ѣсть,—весело сказала тета Бородина,—развѣ мы поможемъ этимъ? Только сами въ голодающихъ обратимся...

— Всегда, во всѣ времена были богатые, были и бѣдные... Не намъ измѣнять это...—сказала тета Соня.

— Конечно,—огорченно заговорила Марья Андреевна.—И всѣ

эти стоны о голодающихъ, нападки на роскошь и комфортъ я считая рисовкой... Все это неискренно... Все это тщеславіе и желаніе пооригинальничать.

Маруся съ ужасомъ взглянула на мать. Никогда еще она была такъ оскорблена ея словами, какъ теперь, при всѣхъ этихъ спокойныхъ и сытыхъ людяхъ, къ которымъ она, мама, не можетъ, не должна причислять себя.

— Мама! Что ты говоришь?

— А предложите всѣмъ этимъ сочувствующимъ отказать отъ удобной кровати, отъ вкуснаго обѣда или хотя бы отъ лишняго блюда, — увидите, какъ ихъ сочувствіе платонично и эфемерно, все болѣе и болѣе озлобясь, сказала Марья Андреевна, не смотравъ на дочь.

— Мама! Да сколько же человѣкъ поѣхало кормить голодныхъ? Живутъ тамъ въ нетопленныхъ избахъ, ѣдятъ то же, чѣмъ кормятъ и мужиковъ... А сколько жертвуютъ? Зачѣмъ такъ горючить? Я тебѣ еще вчера рассказывала про нѣсколькихъ барышень уѣхавшихъ изъ Петербурга, про одну даму, которая поѣхала Казанскую губернію... Ты сама хвалила ихъ, точно сочувствовала имъ. Потому что ты умная и добрая, значить, и понимаешь, чувствуешь, что, наприимѣръ, такая жизнь, какъ наша, глупа и безцѣльна.

— Тебѣ рано еще приговоры изрекать! — строго сказала Марья Андреевна.

Но Маруся уже не могла остановиться.

— Ты не можешь не согласиться, мама, что такъ стыдно жить! Стыдно!

Маруся никогда не забыла, что сдѣлалось съ матерью послѣ этихъ словъ: она вся поблѣднѣла и закричала какимъ-то совсѣмъ не своимъ голосомъ:

— Ты съ ума сошла! Смѣешь критиковать жизнь матери.

— Мама, родная! Я не критикую... Я только...

— Молчать!

Марья Андреевна расплакалась такъ сильно, что ее увели въ спальню и уложили въ постель. Марусю къ ней не пускали, она все-таки вошла, мать стала плакать еще громче и горьче. Маруся должна была уйти отъ нея. Гости спѣшно простились и ушли; при Марьѣ Андреевнѣ остались только тетя Соня и воспитанница Nadine.

Марина сидѣла, не смѣя пошевелиться, у двери въ спальню.

татери и невольно слышала, не смѣя вмѣшиваться—весь разговоръ, происходившій тамъ.

— За что? За что она такъ оскорбляетъ меня?—говорила сквозь рыданія Марья Андреевна.—Вѣдь кромѣ нея у меня никого въ мірѣ нѣтъ... Я ради нея жизнь готова отдать... За что же? За что?

— Марья Андреевна! Успокойтесь, милая! Она хорошая дѣвочка, она любитъ васъ...

— Не любить! Не любить! Развѣ нынѣшнія дѣти любятъ кого-нибудь, кромѣ самихъ себя? Всю душу положишь, всю жизнь отдашь, и вотъ что получаешь взаменъ...

— Тетя Marie! Не плачьте! Вамъ вредно. Выпейте еще воды. Маруся слышала, какъ пила мать воду и говорила сквозь всхлипыванья:

— Я никому не говорю, никому не жалуюсь, но что мнѣ придется переносить отъ дочери каждый день!... Все не такъ, всѣмъ недовольна, все критикуетъ... Я только и думаю, какъ бы угодить ей, душу готова отдать ей...

Рыданія опять становились тяжелѣе и горьче.

— Чудачка! Молода еще!—снисходительно сказала тетя Соня...—Вотъ поживетъ—иначе заговорить... Стыдно жить! Что придумала!

— Стыдно жить!—задорно и молодо повторила Nadine.

— Стыдно жить! За что она такъ оскорбляетъ меня?—съ отчаяніемъ проговорила Марья Андреевна и зарыдала еще громче.

Маруся не выдержала, ушла къ себѣ въ комнату и заперлась на ключъ. Тетя Соня и Nadine стучались къ ней, хотѣли простить—и, можетъ быть, хотѣли сказать, что мать прощаетъ ее,—она не откликнулась на ихъ стукъ.

Ем. Лѣтнова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

•
• •

Когда сижу одинъ въ полночной тишинѣ
И гаснетъ мой каминъ, чуть тлѣя подъ золою,
А снѣжная метель, запутавшись въ окнѣ,
Стучится о стекло и шепчетъ что-то злое, —
Невольная тоска сжимаетъ сердце мнѣ,
Невольно предо мной проносится бывшее:
Я вижу край иной, гдѣ нѣтъ морозныхъ тучъ,
Гдѣ ясны небеса и теплѣе солнца лучъ.

Пускай, стучась въ окно, тоскливо плачетъ вьюга,
Мнѣ скорбь ея скучна, какъ блѣдная печаль,
Унылыхъ дней моихъ ревнивая подруга.
Летитъ моя мечта въ заманчивую даль,
Туда, гдѣ солнца свѣтъ, туда, гдѣ небо юга,
Туда, гдѣ я любилъ, какъ люблю едва-ль!...
И вьются предо мной минувшаго видѣнья,
Какъ незабываемыхъ сновъ живыхъ отраженья...

Михаилъ Менчужниковъ.

Народное образованіе въ Астраханской губерніи *).

VIII.

Татарское населеніе Астраханской губерніи, представляющее въ настоящее время остатки бывшаго Астраханскаго царства, сосредоточено главнымъ образомъ въ г. Астрахани (до 12 т. душъ об. пола) и въ уѣздахъ—Астраханскомъ (12 т.) и Красноярскомъ (12¹/₂ т.). Всего татаръ насчитывается въ губерніи до 37 т. Преобладающее занятіе татаръ—садоводство и огородничество. Несмотря на то, что астраханскіе татары въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ живутъ бокъ-о-бокъ съ русскимъ населеніемъ, они до сихъ поръ держатся особнякомъ и многіе изъ нихъ даже не понимаютъ русской рѣчи, что служитъ для нихъ большимъ стѣсненіемъ въ жизни. Причина этого явленія лежитъ, главнымъ образомъ, въ мусульманской религіи и ея представителяхъ—мусульманскомъ духовенствѣ, пользующемся значительнымъ вліяніемъ на татарское простонародье. Въ рукахъ мусульманскаго духовенства всецѣло находится и обученіе татарскихъ дѣтей.

Идеаль татарскаго образованія—знаніе наизусть Корана. Къ достиженію учащимися этого идеала и направляются все усилія мусульманскихъ педагоговъ. Татарскія школы раздѣляются обыкновенно на 2 разряда: мектебе и медресе. Медресе по своей программѣ отличается отъ мектебе такъ же, какъ русское одноклассное министерское училище отличается отъ начального. Въ сущности все различіе между училищами того и другого типа сводится къ тому, что въ медресе «великая книга» (Коранъ) усваивается больше, чѣмъ въ мектебе.

Мальчики и дѣвочки обучаются отдѣльно: обученіе мальчиковъ происходитъ подъ руководствомъ приходскаго имама, а обученіе дѣвочекъ—подъ руководствомъ его жены. Обученіе ведется на арабскомъ языкѣ, на которомъ написанъ Коранъ, и начинается съ изученія арабскихъ и турецкихъ буквъ и комбинированія ихъ въ слова. Это продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Когда дѣти освоятся съ азбукой, то приступаютъ къ чтенію книги, соде жащей въ себѣ выбранныя мѣста изъ Корана, наиболѣе легкія для чтенія или важныя въ религіозномъ отношеніи. При изученіи этой книжки

дѣти впервые знакомятся съ искусствомъ читать нараспѣвъ, т.-е. въ одномъ мѣстѣ повысить тонъ, въ другомъ—понизить, въ одномъ—растянуть звуки, въ другомъ—произнести ихъ быстрее. Одновременно съ изученіемъ первой книжки идетъ преподаваніе молитвъ. Слѣдующая ступень въ обученіи—изученіе Корана. Слова Корана заучиваются по порядку; при этомъ обращается большое вниманіе на произношеніе заучиваемыхъ словъ.

Изученіе Корана считается наиболѣе труднымъ и отнимаетъ у учениковъ очень много времени. Впрочемъ, всю книгу изучаютъ только тѣ, которые стремятся попасть въ муллы. Большинство же учащихся ограничиваются изученіемъ большей или меньшей части Корана. Заучиваніе Корана происходитъ чисто-механическимъ путемъ; главную роль при этомъ играетъ память. Учитель обыкновенно запоминается съ каждымъ ученикомъ отдѣльно, и каждый ученикъ при заучиваніи своего урока предоставляется самъ себѣ. Картина школьныхъ занятій получается слѣдующая: учитель сидитъ впереди всѣхъ; передъ нимъ въ молитвенной позѣ сидитъ ученикъ, отвѣчающій урокъ, и распѣваетъ съ соответствующими жестами стихи изъ Корана; далѣе на полу рядами сидятъ въ обыкновенной восточной позѣ другіе ученики: впереди азбучники, за ними—ученики, изучающіе избранныя мѣста изъ Корана и молитвы, и сзади—старшіе ученики, изучающіе Коранъ; передъ каждымъ изъ нихъ находится наклонная доска для письма вышиною въ четверть аршина. Ученики держатъ у себя на колѣняхъ изучаемую книжку, и каждый погруженъ въ заучиваніе заданнаго ему урока. Въ классной комнатѣ стоитъ шумъ, крикъ, переходящій иногда въ какое-то дикое завываніе. Урокъ отвѣчаютъ ученики по-очереди. Удручающее однообразие и бессмысленность занятій сильно утомляютъ дѣтей, и они, забывъ зазубриваемыя священныя строки Корана, стараются развлечься разговорами и шалостями. Виновные сейчасъ же наказываются хлыстомъ, который играетъ видную роль въ каждой татарской школѣ; нарушенный порядокъ водворяется, но не надолго.

Такимъ образомъ, картина обученія дѣтей въ татарскихъ школахъ получается непривлекательная. Она будетъ еще болѣе мрачной, если къ вышеизложенному присоединить хотя краткое описаніе школьныхъ татарскихъ помѣщеній.

«Что можетъ быть печальнѣе и безобразнѣе школьныхъ татарскихъ зданій! Въ селахъ и деревняхъ—это жалкіе камышевые шалаши или землянки, въ городахъ—самыя жалкія, сгнившія, сырыя, холодныя и до невозможности грязныя лачуги. И вотъ въ этихъ-то лачугахъ проводятъ цѣлыя дни, съ ранняго утра до поздней ночи десятки, а нерѣдко и сотни дѣтишекъ!» (*Астраханскій Вѣстникъ* 1896 г., № 2089).

Преподаваніе находится въ рукахъ муллъ, изъ которыхъ «большинство сами не занимаются обученіемъ и посѣщаютъ школу разъ въ недѣлю только при сборѣ съ учениковъ платы; поэтому часто дѣти воченѣютъ въ школахъ одни. Иногда муллою нанимается за нищенскую плату какой-нибудь толмачъ, больше для виѣшняго порядка, водворяемаго обыкновенно хлыстомъ».

(*Ibidem*). Татарскія школы содержатся на средства татарскихъ о-въ. Сборы и пожертвованія на школы производятся при богослуженіяхъ. Помимо этихъ сборовъ, ученики обязываются доставить учителю за науку особую плату. Такимъ образомъ школьное обученіе для муллъ очень выгодно и, къ тому же, сопряжено съ очень небольшимъ трудомъ. Этимъ, между прочимъ, и объясняется та ревность и стойкость, съ какою мусульманское духовенство противодействуетъ учрежденію среди татарскаго населенія правильныхъ общеобразовательныхъ школъ. Находясь подъ влияніемъ своего духовенства, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ во вредъ себѣ и татарское населеніе. Наприм., въ 1896 г. обществу лучшаго и ближайшаго къ г. Астрахани татарскаго селенія Запаревскаго предложено было обсудить вопросъ объ открытіи въ с. Запаревскомъ одноклассной начальной школы, причемъ отъ с-за требовалось единственно отопленіе школы и назначеніе вознагражденія муллѣ-вѣручителю. Несмотря на такіа льготныя условія открытія школы, общество предложеніе отклонило (*Астр. Вѣстн.*, 1896 г., № 2089).

Таково общее отношеніе татарскаго населенія къ русской грамотѣ. Замѣчаются, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ запросы и на русское образованіе, но они единичны и сравнительно рѣдки. Всѣ попытки открыть русскую школу, исходившія до сихъ поръ изъ татарской среды, или со стороны инспекціи народныхъ училищъ, не осуществлялись или по недостатку средствъ, или по отсутствію среди о-въ свѣдующихъ и энергичныхъ руководителей.

Потребность у астраханскихъ татаръ въ русской грамотѣ въ настоящее время удовлетворяется путемъ одной татарской мужской школы, существующей въ Астрахани съ 1882 г. Школа эта содержится частью на средства казны (600 р.) и частью на городскія (въ 1895 г. 938 р. 73 к.). Въ ней, кромѣ Корана, изучается русскій языкъ и 4 правила ариметики, такъ что эта школа близко подходитъ къ русскимъ начальнымъ училищамъ. Учителемъ состоитъ окончившій курсъ въ казанской татарской учительской школѣ. Преподаваніе ведется значительно лучше, чѣмъ въ другихъ татарскихъ школахъ. Учениковъ въ этомъ училищѣ было: въ 1883 г. 23 учен., въ 1890 г. 40 уч. и въ 1895 г. 67 уч. Очевидно, что потребность въ русской грамотѣ среди татарскаго населенія постепенно растетъ.

Число другихъ татарскихъ школъ въ Астраханской губ. и учащихся въ нихъ въ 1895 г. было слѣдующее:

Названіе городовъ и уѣздовъ.	Число школъ.	Число учащихся.		
		М.	Д.	Всего.
Астрахань	7	323	35	358
Царевъ	1	40	—	40
Астраханскій уѣздъ	24	593	153	746
Царевскій	2	49	—	49
Красноярскій	1	15	—	15
Черноярскій	2	120	—	120
Итого	37	1,140	188	1,328

Изъ общаго числа школъ (37) 4—медресе.

Сравнивая 1895 г. съ 1883 г., мы увидимъ, что число татарскихъ школъ черезъ 12 лѣтъ почти осталось то же самое: въ 1883 г. въ Астраханской губ. было 33 школы съ 829 учащимися. Въ 1878 г. число татарскихъ школъ даже было болѣе, чѣмъ въ 1895 г.: тогда ихъ насчитывалось 44 съ 970 учащимися.

Изъ всего сказаннаго о татарскихъ школахъ можно сдѣлать только тот выводъ, что оставлять образованіе татарскаго населенія въ рукахъ мусульманскаго духовенства значитъ оставлять населеніе въ невольствѣ и въ замкнутости, которая наблюдается до сихъ поръ. «Настоятельная потребность обезпечить татарскому населенію общеобразовательныя учрежденія помимо общихъ образовательныхъ цѣлей, вызывается, съ одной стороны, вошедшимъ въ силу съ 1891 г. высочайшимъ повелѣніемъ, установившимъ общеобразовательный цензъ для занятія духовныхъ должностей въ мусульманскихъ приходахъ, и съ другой—административными цѣлями, такъ какъ обособленность татарскаго населенія въ нѣкоторыхъ пунктахъ губерніи настолько значительна, что, въ силу поголовнаго незнанія татарами русскаго языка, для администраціи представляется труднымъ установить болѣе близкія и живыя отношенія къ населенію» (Отчеты инспектора народныхъ училищъ за 1893 и 1895 гг.).

IX.

О развитіи школьнаго образованія въ Астраханской губ. въ послѣдніе 20 лѣтъ говоритъ слѣдующая таблица:

Г о д ы.	Число училищъ.		Число учащихся.	
		М.	Д.	Всѣхъ.
1875	216	6,398	1,971	8,369
1880	215	6,770	2,695	9,465
1885	279	9,670	3,185	12,855
1890	350	11,550	4,117	15,667
1895	397*)	14,470	5,610	20,080

Отношеніе числа сельскихъ школъ къ пространству уѣздовъ въ 1895 было такое:

У ѣ з д ы.	Пространство въ квадратныхъ верстахъ.	Число школъ безъ школъ грамоты.	На сколько верстъ приходится одна школа.	Число школъ со школами грамоты.	На сколько верстъ приходится одна школа.
Астраханскій . .	6,515	45	144,8	53	121,0
Красноярскій . .	9,351	17	550,0	30	311,7
Енотаевскій . . .	2,024	40	50,6	43	47,1
Черноярскій . . .	10,055	51	197,0	61	164,8
Царевскій	19,403	77	252,0	95	204,2
Итого	47,348	230	205,9	282	167,9

*) Въ это число не вошли мусульманскія школы, съ которыми въ 1895 г. насчитывалось около 470 училищъ съ 22 т. учащихся.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ уѣздовъ по рѣдкости школъ выделяется Краснопярскій. Въ Киргизской степи на 1 русско-киргизскую школу приходится 4.176,5 кв. вер., въ Калмыцкой степи—13.021,7 кв. в. При этихъ вычисленияхъ мусульманскія школы (въ уѣздахъ и Киргизской степи) и хулуныя (въ Калмыцкой степи) не принимались во вниманіе.

Такъ какъ рѣдкость школъ можетъ быть отъ рѣдкости заселенія уѣздовъ, то для болѣе правильнаго сужденія о развитіи школьнаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ сопоставимъ число школъ съ числомъ селеній.

У ѣ з д ы.	Число населенныхъ пунктовъ.	Число поселеній съ организованными школами.	Число поселеній безъ таковыхъ школъ.	Изъ нихъ въ сколько есть школы грамоты.	Всѣхъ всѣхъ школъ.
Астраханскій . . .	524	32	492	7	485
Краснопярскій . . .	252	15	237	11	226
Енотаевскій . . .	429	26	403	1	402
Чернопярскій . . .	307	30	277	9	268
Царевскій . . .	2,480	34	2,446	5	2,441
Итого . . .	3,992	137 *)	3,855	33 *)	3,822

Изъ этой таблицы усматривается, что школы имѣютъ только $\frac{1}{23}$ часть всѣхъ поселеній губерній и что наиболѣе бѣдны школами, по сравненію ихъ съ числомъ населенныхъ пунктовъ, Царевскій уѣздъ, въ которомъ школы находятся только въ $\frac{1}{70}$ части поселеній. Величину поселеній губерній вообще и въ частности величину населенныхъ пунктовъ, имѣющихъ и не имѣющихъ школы, показываютъ слѣдующія таблицы.

Число населенныхъ пунктовъ, имѣющихъ душъ обоего пола:

У ѣ з д ы.	Отъ 1 до 50.	Отъ 50 до 100.	Отъ 100 до 500.	Отъ 500 до 1 т.	Свыше 1 т.	Всего.
Астраханскій . .	374	36	64	26	25	524
Краснопярскій . .	147	33	62	6	4	252
Енотаевскій . .	367	24	11	7	20	429
Чернопярскій . .	193	44	35	8	27	307
Царевскій . .	2,267	121	51	9	32	2,480
Итого . .	3,348	258	222	56	108	3,992

Такимъ образомъ, громадное большинство населенныхъ пунктовъ Астраханской губ. имѣетъ не болѣе 50 жителей. Свыше этого числа имѣютъ только 644 селенія. Большинство селеній, имѣющихъ до 50 жителей, есть не иное какъ хутора, которыхъ особенно много находится въ Царевскомъ уѣздѣ и вообще въ сѣверныхъ уѣздахъ губерній и которые въ большинствѣ имѣютъ отъ 1 до 5 дворовъ, затѣмъ рыбные промыслы, рас-

Число селеній, имѣющихъ церковныя школы, взято изъ отчета о церковныхъ дѣлахъ за 1894—95 учебный годъ.

положенные преимущественно въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ фруктовые сады (въ Астраханскомъ уѣздѣ) и другія мелкія поселенія. Безъ школъ остаются большею частью селенія мелкія и среднія, имѣющія до 500 жителей; въ этомъ можно убѣдиться изъ таблицы, которая показываетъ число крестьянскаго населенія:

УѢЗДЫ.	Въ селеніяхъ съ организованными школами.			Въ селеніяхъ со школами грамоты.			Въ селен. не имѣющихъ никакихъ школъ.		
	М.	Ж.	Всего.	М.	Ж.	Всего.	М.	Ж.	Всего.
Астраханск.	17,002	17,184	34,186	1,901	1,701	3,602	22,003	18,794	40,797
Красноярск.	4,752	5,726	11,478	2,130	2,209	4,339	6,167	5,752	11,919
Енотаевск..	28,719	29,216	57,935	395	376	771	3,746	3,398	7,144
Черноярск..	32,504	32,393	64,897	4,662	4,582	9,244	7,033	6,798	13,831
Царевскій .	77,316	77,029	154,345	1,317	1,313	2,630	21,044	23,351	44,395
Итого..	161,293	161,548	322,841	10,405	10,181	20,586	59,993	58,093	118,086

Слѣдовательно, въ 170 селеніяхъ, имѣющихъ школы, числится жителей 343,407 человекъ обоюго пола, тогда какъ въ 3,822 населенныхъ пунктахъ, не имѣющихъ никакихъ школъ—118,086 человекъ, на каждое изъ 170 селеній приходится въ среднемъ 2,020 человекъ, а на каждое изъ 3,822—всего 31 человекъ. Все-таки болѣе $\frac{1}{4}$ сельскаго населенія почти вовсе не имѣетъ возможности пользоваться школой, такъ какъ эта часть населенія находится вдали отъ школы, въ условіяхъ, затрудняющихъ пользованіе ею.

Вслѣдствіе ограниченности числа сельскихъ школъ, школа недоступна не только для населенія, находящагося вдали отъ нея, но во многихъ случаяхъ и для дѣтей, живущихъ рядомъ съ ней. Объ этомъ говоритъ слѣдующая таблица, относящаяся къ селеніямъ, имѣющимъ школы. Въ этихъ селеніяхъ считается:

У Ѣ З Д Ы:	Дѣт. школ. возр. отъ 8 до 11 лѣтъ.	Изъ нихъ учащихся.	Остающихся въ школѣ.
Астраханскій. . .	2,645	2,034	611
Красноярскій. . .	1,107	913	194
Енотаевскій . . .	4,109	1,907	2,202
Черноярскій . . .	5,190	2,440	2,750
Царевскій	10,988	4,786	6,202
Итого . .	24,039	12,080	11,959

Такимъ образомъ, существовавшія въ 1895 г. сельскія школы могли вмѣстѣ только половину тѣхъ дѣтей школьнаго возраста, которыя жили рядомъ со школой. Для послѣдней таблицы мы вычислили число дѣтей нормальнаго школьнаго возраста (при трехлѣтнемъ курсѣ—отъ 8 до 11 лѣтъ), принявъ процентное отношеніе ихъ ко всему населенію въ 7%. Предполагая, что всѣ существующія школы полны учащимися, и пользуясь принятымъ способомъ вычисленія, мы получаемъ слѣдующее общее для уѣздовъ число дѣтей школьнаго возраста, которыя не могутъ получить въ существующихъ школахъ начальнаго образованія:

У ѣ з д ы:	Дѣтей школьнаго возраста.	Изъ нихъ оо- тается въ школы.
Астраханскій.	5,501	3,467
Красноярскій.	1,942	1,029
Енотаевскій.	4,610	2,703
Червоярскій.	6,158	3,718
Царевскій.	14,096	9,310
	<hr/> 32,307	<hr/> 20,227

Отсюда слѣдуетъ, что для введенія въ уѣздахъ Астраханской губер. всеобщаго обученія нужно построить для 20 т. дѣтей, не имѣющихъ въ настоящее время возможности попасть въ школу, еще около 400 школъ по 50 человѣкъ на каждую).

Для уѣздныхъ городовъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія разрѣшается легче. Въ Астраханской губ. уѣздные города по числу жителей уступаютъ многимъ селеніямъ, среди которыхъ есть имѣющія отъ 10 до 20 т. жителей. Въ такимъ селеніямъ относятся: сл. Николаевская (20 т. жит.) Пришибъ (16 т.), Средне-Ахтубинское (13 т.), Заплавное (12 т.). По сравненіи съ этими числами, количество жителей уѣздныхъ городовъ называется небольшимъ: Красный Яръ имѣетъ 5,753 человѣка, Енотаевскъ—2,646, Черный Яръ—6,116 и Царевъ—6,069. Во всѣхъ этихъ городахъ въ совокупности число дѣтей школьнаго возраста не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ т. На это количество дѣтей имѣется 4 городскихъ и 12 начальныхъ училищъ (съ 2-мя казачьими). Учащихся въ городскихъ училищахъ—319, въ начальныхъ—608, всего 927. Для остальныхъ дѣтей школьнаго возраста, слѣдовательно, требуется всего 12 училищъ (при одномъ учителѣ на училище).

Въ Астрахани, которая имѣетъ жителей обоого пола 113,075 человѣкъ, дѣтей школьнаго возраста приблизительно 7,900 человѣкъ, начальныхъ школъ около 50, учащихся въ нихъ около $2\frac{1}{2}$ т., для всеобщаго начального образованія требуется основать еще болѣе 50 приходскихъ училищъ (при 2 учителяхъ и при числѣ учащихся въ 100 человѣкъ въ каждомъ училищѣ), или болѣе 100 начальныхъ школъ, при среднемъ числѣ учащихся въ 50 человѣкъ на школу, или же совмѣстить открытіе новыхъ приходскихъ училищъ съ учрежденіемъ при нихъ и при существующихъ параллельныхъ классовъ. Несмотря на сильную потребность въ образованіи, городъ въ послѣднія 15 лѣтъ почти вовсе не заботится о дальнѣйшемъ развитіи начального образованія. Въ 80-хъ и 90-хъ гг. число приходскихъ училищъ въ Астрахани увеличилось только на 2 (въ городскихъ училищахъ г. Астрахани первоначальнаго обученія нѣтъ). Такой медленный ростъ числа начальныхъ школъ не соответствуетъ ни росту городского населенія, ни (особенно) увеличенію потребности въ начальномъ образованіи. Результатомъ всего этого получается громадный %, неграмотныхъ (по сообщенію *Астраханскаго Вѣстника* 1896 г., № 2020, негра-

мотныя женщины составляютъ 80% всего женскаго населенія г. Астрахани), а вмѣстѣ съ этимъ, какъ продуктъ невѣжества, и тѣ печальныя недоразумѣнія, которыя наиболѣе рельефно проявляются, обыкновенно, въ годы народныхъ бѣдствій (наприм., астраханскіе холерные безпорядки).

Обзоръ историческаго развитія современнаго состоянія образованія Астраханской губ. приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ для полученія начальнаго образованія находится населеніе казачьяго войска; за нимъ въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуютъ: населеніе городовъ, затѣмъ русское и инородческое населеніе уѣздовъ и, наконецъ, полукочевое населеніе Киргизской и Калмыцкой степей.

Какъ на общія для всѣхъ начальныхъ школъ нужды въ области и роднаго образованія за небольшими исключеніями, которыя слѣдуетъ считать для школъ казачьихъ, укажемъ на слѣдующія:

1. Недостатокъ мѣстныхъ и отпускаемыхъ казной средствъ для дальнѣйшаго развитія школьнаго дѣла.
2. Отсутствие правильной школьно-административной организаціи и единства въ школьныхъ мѣропріятіяхъ.
3. Недостаточность существующихъ для удовлетворенія назрѣвшей и нарождающейся потребности въ образованіи.
4. Тѣснота школьныхъ помѣщеній и несоотвѣтствіе ихъ устройству требованіямъ школьной гигиены.
5. Недостатокъ учебныхъ пособій и крайняя бѣдность школъ книгами для внѣкласснаго чтенія учениковъ.
6. Недостаточная подготовка (общая и спеціальная) значительной части педагогическаго персонала, недостаточный размѣръ учительскаго жалованья и полная необеспеченность учителей на случай болѣзни и старости.
7. Почти полное отсутствіе сельско-хозяйственнаго и ремесленнаго образованія.
8. Крайне слабое развитіе внѣшкольныхъ способовъ распространенія знаній.

Главными мѣрами для устраненія указанныхъ недостатковъ могутъ служить:

1. Увеличеніе отпускаемыхъ казной суммъ на школьное образованіе замѣна 7½ к. частнаго земскаго учебнаго сбора съ ревизской души бывшихъ государственныхъ крестьянъ, составляющаго единственный фондъ для поддержанія сельскихъ училищъ губерніи и не соотвѣтствующаго временнымъ условіямъ народной жизни, сборомъ земскимъ, обще-губернскимъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ настоящее время (Отчетъ инспектора народныхъ училищъ за 1895 г.).

2. Привлеченіе къ заботамъ о народномъ образованіи мѣстныхъ общественныхъ силъ путемъ введенія въ Астраханской губерніи земскихъ учреждений.

3. Болѣе легкій доступъ къ просвѣтительной дѣятельности для частныхъ лицъ и обществъ, желающихъ работать въ области народнаго образованія, и большій просторъ для сказанной дѣятельности.

4. Помимо увеличенія вознагражденія за учительскій трудъ, организація пенсіонной учительской кассы, губернской и уѣздныхъ учительскихъ библиотекъ, учительскихъ о-въ взаимопомощи, ежегодныхъ учительскихъ съѣздовъ и курсовъ.

5. Учрежденіе при земскихъ и городскихъ управахъ, для разработки вопроса объ устраниніи школьныхъ нуждъ, школьныхъ комиссій изъ городскихъ и земскихъ гласныхъ съ участіемъ мѣстныхъ учителей, избранныхъ для представительства въ комиссіяхъ на учительскихъ съѣздахъ.

6. Устройство въ Астрахани инородческой учительской семинаріи и сосредоточеніе главнаго управленія инородческими школами въ училищный совѣтъ, организованномъ при этой семинаріи.

Н. Казанскій.

Бойкотъ.

За последнее время газеты на Западѣ, а въ особенности Швейцарии Америки, чуть ли не каждый день приносятъ извѣстія о новыхъ и новыхъ бойкотахъ. Тамъ бойкотируютъ какого-нибудь крупнаго пивовара, тутъ мѣстъ фабриканта шляпъ, здѣсь редакцію какой-нибудь газеты и т. д. Но прежде скажемъ, что такое бойкотъ, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ.

Бойкотъ есть средство борьбы организованнаго рабочаго класса предпринимателями: рабочій классъ (или какой-нибудь союзъ или группа союзовъ) объявляетъ, что лица, принадлежащія къ данной организаціи, должны покупать продукты того или другого предпринимателя, т. е. должны, напримѣръ, покупать и носить шляпъ извѣстной фирмы, если идетъ о шляпномъ фабрикантѣ, не должны курить сигаръ извѣстной марки, пить пива такого-то завода, посѣщать пивныхъ или кафе, владельцы которыхъ выписываютъ газету, редакція которой за помѣщеніе той или другой статьи, вредной интересамъ рабочаго класса, подверглась бойкоту, брать товаровъ въ тѣхъ мелочныхъ лавкахъ, которыя держатъ продукты бойкотированныхъ фирмъ и т. д.

Можете себѣ представить, какъ долженъ отражаться этотъ бойкотъ на предпринимателяхъ, имѣвшихъ несчастье подвергнуться ему. Потери очевидны. Бойкотъ какой-либо газеты отражается очень тяжело и слѣдней: дѣло въ томъ, что не только уменьшается спросъ на нее, но и сокращается помѣщеніе объявленій, такъ какъ многія изъ послѣднихъ рассчитаны на рабочій классъ, и какъ только послѣдній перестаетъ читать газету, то естественно, что цѣлая группа предпринимателей, торговцевъ и т. д. перестаетъ помѣщать объявленія.

При объявленіи бойкота той или другой газеты, запрещается этимъ лицамъ, примкнувшимъ къ бойкоту, запрещается держать ее въ своихъ пивныхъ и т. д. подъ угрозой подвергнуться бойкоту и эти пивные и даже запрещается помѣщать въ нихъ объявленія, рекламы, и фабриканты и предприниматели той или другой категорій, нарушившіе этотъ законъ сами подвергаются бойкоту *).

*) *Jahrbuch. Conrad's N. F. II B., стр. 5.*

Въ какихъ широкихъ размѣрахъ примѣняется бойкоттъ относительно прессы, видно изъ того, что осенью 1885 г. «рыцарями труда» (Knights of Labour) былъ опубликованъ списокъ бойкоттированныхъ газетъ, гдѣ мы находимъ слѣдующія изданія: *New-York Tribune, Philadelphia Press, New-York Mail and Express, New-York Commercial Advertiser, Utica Herald, Troy Times, Buffalo Commercial, Albany Journal, New-York Advertiser, Chicago Times, St. Louis Republican, Buffalo Courier, New-York Evening Post, Boston Post, Atlanta Constitution, New-York Journal of Commerce, Kansas City Times, Pittsburgh Post, Detroit free Press, Philadelphia free Press, Philadelphia Labour World, Pittsburgh Leader, Illinois Evening and Sunday State Journal* *).

Бойкоттированіе той или иной газеты, какъ мы уже выше упомянули, тотчасъ же отражается на количествѣ публикацій, помѣщаемыхъ въ ней. Въ бойкотту весьма чувствительны бюро публикацій. Эти послѣднія имѣютъ свою спеціальную задачу составлять рекламы, рекомендовать желающимъ рекламировать свои продукты наиболѣе подходящія для этой цѣли газеты, для чего бюро издають особый листъ съ указаніемъ рекомендуемыхъ газетъ, съ показаніемъ количества жителей того мѣста или города, гдѣ газета издается; здѣсь же отмѣченъ и тарифъ за помѣщеніе анонсовъ.

Укажемъ здѣсь на такое интернаціональное бюро рекламы, какъ бюро Haasenstein и Vogler въ Римѣ, имѣющее свои отдѣленія во Флоренціи, Генуѣ, Миланѣ, Туринѣ, Венеціи, Гамбургѣ, Берлинѣ, Бернѣ, Бреславлѣ, Карлсруѣ, Хемницѣ, Кельнѣ, Дрезденѣ, Лозаннѣ, Женевѣ, Люцернѣ, Лугано, Прагѣ, Вѣнѣ и т. д. Представители этого бюро находятся во всѣхъ городахъ міра. Оно посылаетъ своихъ агентовъ на домъ къ лицамъ, желающимъ сдѣлать рекламу, составляетъ послѣднюю, переводитъ на всѣ языки, берется помѣстить ее въ какихъ угодно журналахъ и газетахъ и всѣ хлопоты принимаетъ на себя, затѣмъ провѣряетъ напечатанныя объявленія и т. д. **).

Естественно, какъ всякій бойкоттъ долженъ сказываться на уменьшеніи числа заказовъ со стороны такихъ бюро рекламъ, даваемыхъ той или другой газетѣ. Убытки огромны; особенно если мы вспомнимъ, какія суммы тратятъ на рекламу въ Америкѣ, гдѣ газеты часто вполне или въ значительной части оплачиваются тѣми суммами, которыя онѣ получаютъ отъ помѣщенія объявленій, а деньги, получаемыя отъ продажи газеты, составляютъ чистый барышъ редакціи.

Бъ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ о томъ, сколько извлекаютъ газеты отъ рекламы. Но, чтобы дать представленіе объ этомъ, сообщимъ слѣдующій фактъ. Газета *Figaro* при описаніи какой-либо выставки, по

) „Boycotten, ein neues Kampfmittel der americanischen Gewerkvereine“ von A. Sart von Waltershausen въ Jahrbücher Conrad's Neue Folge II Band, стр. 9.

* См. брошюру, опубликованную упомянутымъ бюро Haasenstein и Vogler „La publ. sistematica“.

словамъ автора одной статьи въ *Vossische Zeitung* *), брать съ каждого экспонента по 500 фр. и болѣе только за то, чтобы имя этого экспонента было упомянуто.

Авторъ этой статьи, нечислятъ огромные дивиденды, которые такимъ путемъ французскія газеты собираютъ по случаю каждой выставки, видятъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ, почему французская пресса всегда стоитъ за организацію выставокъ... По этому поводу невольно приходятъ на умъ слова редактора одной берлинской газеты: *Ich bin offen, ich bin einmal die Hure von Berlin* **). Здѣсь приводится остроумная и злая характеристика редакцій такого типа газетъ: *Gewölbe, wo Publicität verkauft wird* ***).

Теперь возникла цѣлая литература о томъ, какъ лучше всего анонсировать свое предпріятіе: какъ составить рекламу, каковымъ шрифтомъ ее напечатать, въ какіе сроки ее слѣдуетъ повторять и т. д. Относительно размѣровъ издержекъ на расходы по анонсированію идетъ соревнованіе между отдѣльными фирмами. У нѣкоторыхъ фирмъ анонсъ состоитъ въ томъ, что онѣ публикуютъ ту сумму, которая затрачивается ими на рекламу. Одна фирма, купившая себѣ мѣсто въ газетѣ для рекламы, постоянно анонсировала слѣдующее въ переводѣ на русскій языкъ: «Это мѣсто нанято фирмой на годъ для анонсовъ, но наше дѣло идетъ такъ хорошо, что фирма отказывается отъ рекламы» ****), и далѣе слѣдовало огромными буквами имя фирмы съ указаніемъ приготавлиаемаго ею вида products.

Анонсы для торговли и промышленности теперь до извѣстной степени замѣщаютъ прежнія ярмарки: если прежде производитель и покупатель сходились на рынкѣ, и здѣсь покупатель узнавалъ о предлагаемыхъ ему товарахъ, то съ паденіемъ ярмарокъ эта роль перешла къ газетѣ *****).

Опираясь на такую преемственную связь рынка и анонсовъ, нѣкто Schmöder стоитъ даже за огосударствленіе всего института анонсированія. Онъ высказывается въ ниже цитированной нами книгѣ за созданіе общаго «указателя» (Anzeiger) для всего государства и особыхъ государственныхъ же «указателей» для отдѣльныхъ провинцій и округовъ (Kreise). Мотивы впрочемъ, побудившіе Schmöder'a къ такому проекту, лежатъ въ томъ характерѣ, который часто носятъ анонсы, помѣщаемые въ газетахъ, какъ, напримѣръ, анонсы разныхъ бюро, предлагающихъ свои услуги по напечатанію проповѣдей для проповѣдниковъ, диссертаций для желающихъ полу-

*) *Vossische Zeitung* 1880, № 342. „Presse und Geschäft“ von Hermann.

**) *Wuttke*: „Die deutschen Zeitschriften“ 1875, стр. 30.

***). Beta сообщаетъ о соглашеніи всѣхъ фабрикантовъ разныхъ чудотворныхъ лѣчебныхъ средствъ съ нѣкоторыми газетами, по которому послѣднія обязаны принимать всѣ анонсы отъ этихъ фабрикантовъ. Beta въ *Deutsch und Streit-Fragen*. Heft. II.

****) *Wehle Reclame*, стр. 4.

*****) *Schmöder*: „Das Inseratenwesen ein Staatsinstitut“. 1879, Köln.

тить ученую степень, а то и просто нѣкоторыя бюро или лица анонсируютъ о возможности черезъ нихъ за извѣстную сумму безъ всякаго труда получить титулъ доктора или тотъ или другой орденъ. Такого рода анонсы очень распространены въ Англіи и Германіи.

Только этимъ сильнымъ развитіемъ рекламы и можно объяснить ту удивительную дешевизну газетъ, которою отличается западная пресса. Исчисления, приводимыя однимъ авторомъ, показываютъ, что у нѣкоторыхъ газетъ одна бумага, не считая печати и оплаты сотрудниковъ, превышаетъ по стоимости всю ту сумму, которая получается отъ подписной платы; следовательно, отсюда видно, какую огромную роль въ бюджетѣ редакцій играютъ суммы, получаемыя за помѣщеніе анонсовъ и рекламъ. И естественно, что для этихъ послѣднихъ цѣлей заинтересованныя лица выбираютъ лишь самыя распространенныя газеты, только тогда анонсъ имѣетъ смыслъ. Всякій же бойкоттъ газетъ, въ особенности, если онъ сильно сокращаетъ кругъ читателей даннаго журнала, необходимо быстро отражается и на количествѣ помѣщаемыхъ въ газетѣ рекламъ и объявленій.

Но бойкоттъ не есть средство борьбы въ рукахъ лишь одного класса рабочаго, — этимъ средствомъ прекрасно умѣетъ пользоваться и классъ предпринимателей, когда послѣдній хочетъ заставить нѣкоторыхъ своихъ членовъ подчиниться тѣмъ или другимъ правиламъ и предписаніямъ союза, или жаловаться на неповорныхъ за ослушаніе. Примеры этого рода бойкота — предпринимательскаго — мы увидимъ далѣе. Даже вопросъ споренъ, кто здѣсь является ученикомъ и кто учителемъ, т.-е. предприниматели ли научили рабочихъ этому средству, давши имъ въ руки очень опасное и могущественное орудіе борьбы, или рабочій классъ въ борьбѣ за условія своего существованія напалъ на эту форму. Если смотрѣть на бойкоттъ широко и подводить подъ это понятіе и прежнія формы, наприм., составленіе такъ называемыхъ черныхъ листовъ съ указаніемъ въ нихъ предпринимателями именъ рабочихъ, которымъ запрещается давать работу, то самая изобрѣтенія этого средства принадлежитъ предпринимателямъ. При шовномъ строѣ, если рабочій (Geselle) подвергался со стороны цеха ошельмованію (Veitstuf), то никто не могъ работать съ нимъ вмѣстѣ у мастера, при перемѣнѣ же рабочимъ мѣста посылалось письмо въ его новое мѣстоимательство. При бойкоттѣ мастера, рабочіе (Gesellen) не могли болѣе работать у него, бойкоттированный мастеръ не могъ продавать своихъ товаровъ вмѣстѣ съ другими мастерами, но лишь на извѣстномъ разстояніи отъ нихъ и т. д.

Но мы предполагаемъ въ нашей статьѣ ограничиться лишь бойкоттомъ, какъ формой экономической борьбы со стороны рабочаго класса противъ предпринимателей и предпринимателей другъ съ другомъ, такъ что не будемъ останавливаться на его прежнихъ историческихъ формахъ, а ознакомимся лишь съ его современными видами.

И къ, цѣль бойкота, когда онъ исходитъ изъ рабочаго класса, это прежде всего лишеніе того или другого предпринимателя потребителей. Но

естественно, что это ставить и известные рамки применению бойкота. Такъ, предметами, подлежащими бойкоту, могутъ быть лишь предметы массоваго потребления, такъ какъ только на сбытъ этого рода продуктовъ рабочий классъ, перенося свое потребление къ другому производителю, можетъ оказывать давлѣніе.

Затѣмъ многое зависитъ здѣсь и отъ дисциплины и сплоченности рабочихъ организацій: чѣмъ послѣднія крѣпче, чѣмъ больше гарантій, тѣ члены данной организаціи будутъ выполнять предписаніе своего центрального комитета, наложившаго бойкотъ, тѣмъ и бойкотъ общается болѣе успѣха.

Важное вліяніе на степень успѣшности бойкота оказываетъ еще и характеръ рынка, на который рассчитана бойкоттированная фирма. Если этотъ рынокъ чисто-мѣстный, исключительно зависящій отъ потребления мѣстнаго населенія, то естественно, что бойкотъ большой группы населенія можетъ очень губельно отозваться на фирмѣ; наоборотъ, при сбытѣ главнымъ образомъ рассчитанномъ на отдаленные или даже внѣшніе рынки, бойкотъ оказываетъ или слишкомъ слабое вліяніе, или даже ровно никакого.

Наконецъ, большое значеніе имѣетъ и организація контроля при проведеніи бойкота. Какъ бы ни была сплочена рабочая организація или предпринимательская, но часто эгоистическія собственныя выгоды будутъ превѣшивать общіе интересы, и можно съ увѣренностью сказать, что всегда найдутся отщепенцы, которые будутъ готовы нарушить запретъ своей организаціи, — вотъ для лицъ этой-то категоріи необходимъ известный контроль: особенно потребность въ послѣднемъ чувствуется въ Германіи и Швейцаріи при наложеніи бойкота на пиво; часто тогда подвергается бойкоту именно тотъ сортъ пива, который данное лицо привыкло потреблять, и для послѣдняго невозможно его замѣнить другимъ видомъ, и привычки часто превозмогаетъ запретъ организаціи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы перейдемъ къ фактамъ, что лучше всего уяснить намъ сущность интересующаго насъ явленія.

За послѣднее время наиболѣе крупный бойкотъ имѣлъ мѣсто въ Берлинѣ въ 1894 г.

Причиною этого послужили отказы пивоваренъ освободить рабочихъ отъ занятій перваго мая и одновременное рѣшеніе предпринимателей исключить съ заводовъ на 7 дней тѣхъ, кто будетъ праздновать первое мая. Слѣдствіемъ этого была стачка 200 рабочихъ, и 6 мая собраніе рабочихъ постановило бойкоттировать двѣ пивоварни. Тогда и другія берлинскія пивоварни объявили себя солидарными съ бойкоттированными и отвѣтили на рѣшеніе рабочихъ о бойкоттѣ двухъ упомянутыхъ фирмъ лишеніемъ работы 15% всего числа рабочихъ, занятыхъ на берлинскихъ пивоварняхъ. Тогда 11 мая рѣшеніемъ 9 рабочихъ собраній были бойкоттированы и другія 6 пивоваренъ, и борьба объявлена была принципиальной борьбой рабочаго класса съ крупнымъ капиталомъ.

Одиннадцатого іюля въ Берлинѣ состоялось ни много, ни мало какъ пѣ-
ныхъ 31 рабочихъ митинга, и бойкоттъ былъ растянута на всѣ пивоварни.
бойкоттъ, по рѣшенію рабочихъ митинговъ, долженъ былъ продолжаться
до тѣхъ поръ, пока пивоварни не примутъ снова исключенныхъ рабочихъ
и не вознаградятъ ихъ за понесенные убытки, причиненные прекраще-
ніемъ работы; затѣмъ пивовары должны были признать рабочую органи-
зацію, объявить первое мая праздникомъ и согласиться на учрежденіе бюро
присканія работы (Arbeitsnachweise).

Берлинскій промышленный судъ (Gewerbegericht) выступилъ было по-
редникомъ, но пивовары нѣкомъ образомъ не соглашались на принятіе
3 рабочихъ, особенно скомпрометированныхъ въ ихъ глазахъ. И только
4 декабря былъ достигнутъ компромиссъ, а именно было рѣшено, что
принадлежность рабочихъ къ союзу не можетъ служить мотивомъ непри-
ятія рабочаго, исключенные должны быть приняты на работу снова при
первой возможности, и упомянутые 33 наиболѣе опасныхъ рабочихъ также
должны быть допущены искать себѣ занятія при помощи бюро для при-
сканія работы (Arbeitsnachweis), но безъ преимущества на исключитель-
ное замѣщеніе мѣста при первомъ случаѣ. Вслѣдствіе этого компромисса
8 декабря 16 народныхъ собраній постановили снятіе бойкотта. Этимъ
бойкоттъ въ Берлинѣ и закончился.

Въ концѣ сентября 1894 г. союзомъ пивоваровъ былъ образованъ осо-
бый миллионный фондъ гарантій для покрытія убытковъ на случай новаго
бойкотта, а въ февралѣ 1895 г. былъ учрежденъ особый центральный со-
юзъ нѣмецкихъ пивоваровъ, имѣющій цѣлью бороться съ такъ называемыми
Stufenberklagungen. Этотъ послѣдній союзъ теперь состоитъ изъ 14 мѣстныхъ
отдѣленій *).

Любопытно тѣ средства, которыя примѣняются рабочими союзами во
время бойкотта. Для этого мы познакоимся съ бойкоттомъ швейцарскаго
союза пивоваровъ, объявленнымъ организаціей швейцарскихъ рабочихъ.

Вопросъ шелъ о признаніи рабочихъ организацій со стороны швейцар-
скихъ пивоваровъ. Бойкоттъ имѣлъ здѣсь мѣсто въ 1896 г. и продолжал-
ся отъ 23 мая до 20 сентября, но не имѣлъ успѣха для рабочихъ.

Во время бойкотта публиковались въ газетахъ, въ легучихъ листовкахъ
имена тѣхъ ресторановъ, гдѣ продается свободное отъ бойкотта пиво. Въ
юрихѣ были вывѣшены особые плакаты съ указаніемъ этихъ лицъ и
лѣтъ, и по утрамъ всѣ тротуары украшались надписями: «Trinkt kein
Ingbier!» (т.-е. не пейте пива бойкоттированныхъ фирмъ).

Бойкоттными коммисіи выбрали особыхъ лицъ (Bierspritzel), которыя
шѣли за тѣми ресторанами, гдѣ продается бойкоттированное пиво, чтобы
рассказать о тѣхъ членахъ рабочихъ союзовъ, которые посѣщаютъ ихъ, и
именные подвергались штрафу или даже исключенію изъ союза, а имена
ихъ публиковывались въ органахъ партій.

* Em. Struve: „Der Berliner Bierboykott von 1894. Ein Beitrag zur Geschichte
der sozialen Klassenkämpfe der Gegenwart.“ Berlin, 1897, p. 371.

Въ Цюрихѣ для бутылочной торговли пивомъ, по настоянію бойкотной комиссіи, введены были для контроля особыя контрольныя марки, которыя при вскрытіи бутылки разрывались, такъ что второй разъ нельзя было пользоваться одной и той же контрольной маркой. Рабочіе были обязаны покупать лишь бутылки съ пивомъ, снабженныя этими марками, а специальная, назначенная для этого бойкотная комиссія въ Цюрихѣ обходила рестораны и наклеивала марки, при этомъ съ каждой бутылки взимался налогъ въ $\frac{1}{2}$ сантима въ пользу рабочихъ, уволенныхъ фабрикантами. До 9 сентября было взято въ Цюрихѣ 143,000 такихъ марокъ *).

Контрольными марками пользуются и при другихъ продуктахъ, жала этимъ указать, какіе изъ нихъ бойкоттированы, и какіе свободны отъ бойкота; марками снабжаются шляпы, сигары, штиблеты, бѣлье и т. д. **). Въ особенности къ этому средству прибѣгаютъ во время борьбы съ такъ называемой «sweating system».

Наиболѣе бойкоттъ нашелъ себѣ примѣненіе въ сѣверо-американскомъ рабочемъ движеніи, такъ что тамъ прямо можно говорить о «бойкотной эпидеміи». «Бойкоттъ здѣсь, бойкоттъ тамъ,—говоритъ Sorge,—бойкотты были вездѣ, иногда было трудно и требовалась особая ловкость и предусмотрительность, чтобы какъ-нибудь не нарушить бойкота»,—такъ много было наложено бойкоттовъ на разные фирмы ***).

Бойкоттъ вызывается самыми разнообразными причинами по поводу тѣхъ или другихъ условій работы или, наконецъ, совершенно сторонними мотивами, какъ это имѣло мѣсто въ Саксоніи.

Въ Саксоніи (особенно Лейпцигѣ и Дрезденѣ) въ 1880 г. нѣкоторые содержатели ресторановъ, располагавшіе большими залами, рѣшили не давать болѣе ихъ для собранія социаль-демократовъ. Тогда послѣдніе бойкоттировали этихъ хозяевъ. Затѣмъ то же самое имѣло мѣсто въ послѣдующіе годы въ Берлинѣ, Магдебургѣ, Гамбургѣ. Обычно въ такихъ случаяхъ въ органахъ партій печатаются имена бойкоттированныхъ фирмъ и сообщаются ихъ адреса ****).

Родъ бойкота иногда примѣняется рабочими относительно работодателей въ болѣе ограниченной формѣ, а именно въ формѣ «Sperre». Это родъ специального бойкота: здѣсь рабочіе союзы, не касаясь условій сбыта фирмы, запрещаютъ членамъ своей ассоціаціи работать у послѣдней, о чемъ и сообщается членамъ путемъ печати.

Бойкоттъ, какъ мы уже говорили выше, не есть исключительное средство борьбы только рабочаго класса съ предпринимателями, но и средство борьбы самихъ предпринимателей противъ тѣхъ членовъ, которые

*) *Kiechti*: „Die Verrufserklärungen“. 1897, стр. 33—4.

**) *Hadwörterbuch der Staatswissenschaft I—er Supp-Band*. Jena, 1895. „Der Berliner Bierboycott“ Oldenberg'a, стр. 105.

***). *F. A. Sorge*: „Die Arbeiterbewegung in den Vereinigten Staaten“ N. Zeit. 1894—5, стр. 333.

****) *F. Bar*: „Wider den Boycott“. Dresden, 1895.

они не хотятъ присоединиться къ организаціи предпринимателей, или нарушаютъ статуты ея. Такъ любопытный примѣръ примѣненія бойкота въ этомъ случаѣ былъ въ швейцарскомъ кантонѣ С.-Галленѣ.

Въ кантонѣ С.-Галленѣ развита кружевная промышленность, и въ концѣ 1870 и 80-хъ годовъ, подъ влияніемъ поднятія цѣнъ, наступило перепроизводство, такъ какъ много новыхъ лицъ обратилось къ этой отрасли индустріи. Благодаря этому цѣны понизились, качество товаровъ ухудшилось, заработная плата пала,—все это угрожало будущему всей промышленности. Въ 1885 году образовался здѣсь союзъ—первоначально лишь изъ нѣсколькихъ фабрикантовъ—для урегулированія производства, установленія минимальной платы и т. д.

Но шесть фирмъ не присоединились къ союзу и своею конкуренціей, благодаря пониженной заработной платѣ, сильно вредили союзу.

Тогда послѣдній объявилъ этимъ фирмамъ, что если онѣ не вступятъ въ этотъ союзъ въ теченіе извѣстнаго времени, то всякія торговыя сношенія съ ними будутъ порваны.

Бойкоттъ долженъ былъ состоять не только въ прекращеніи сношеній съ этими шестью фирмами членовъ общаго союза, но съ ними должны были порвать сношенія и поставщики сырыхъ матеріаловъ, съ которыхъ союзъ взыскъ подписку, что они по объявленіи бойкота шести фирмамъ прекратятъ съ послѣдними всякія сношенія подъ угрозой бойкоттированія ихъ самихъ. Даже рабочимъ было объявлено, что по истеченіи 3 мѣсяцевъ по объявленіи бойкота они должны оставить бойкоттированныя фирмы, иначе для нихъ навсегда будутъ закрыты двери фабрикъ, принадлежащихъ къ общему союзу.

Когда эти шесть фирмъ увидали, что дѣло идетъ о серьезномъ бойкотѣ, онѣ еще до истеченія срока всѣ присоединились къ союзу.

Въ 1890 г. однако бойкоттъ былъ примѣненъ противъ двухъ фирмъ, нарушившихъ уставъ организаціи. При этомъ всѣ поставщики и производители побочныхъ продуктовъ (Hülfsindustriellen) до послѣдняго столера, дѣлающаго ящики, обязались порвать сношенія съ этими фирмами. Банки присоединились къ бойкотту, и характерно было заявленіе одного извозчика, что и онъ болѣе ни за что не повезетъ членовъ бойкоттированныхъ фирмъ. Аппаратъ работалъ превосходно послѣ того, какъ бойкоттъ былъ опубликованъ, и черезъ мѣсяцъ всѣ шесть фирмъ вступили въ союзъ.

Такой же бойкоттъ нерѣдко примѣнялся противъ непослушныхъ членовъ и швейцарскимъ союзомъ пекарей и кондитеровъ (Der Schweizerische Bäcker—und Konditorenverband). Цѣль помянутаго союза была бороться съ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ, и, по постановленію союза въ 1893 году, всякое лицо, которое понизитъ цѣну на хлѣбъ ниже нормы, установленной съѣдомъ въ томъ же году, должно быть бойкоттировано. Такимъ бойкоттированными пекарямъ подъ угрозой штрафа и бойкота ни одинъ мельникъ во всей Швейцаріи не могъ отпускать муки: въ этомъ смыслѣ была и те заключена конвенція союзомъ пекарей съ союзомъ мельниковъ. Бой-

коттъ объявляется въ органѣ союза пекарей (die Schweizerische Bäcker- und Konditerzeitung). Бойкоттъ примѣнялся здѣсь не одинъ разъ и всегда съ успѣхомъ, что и дастъ возможность поддерживать цѣны на хлѣбъ *).

Въ Германіи такой же бойкоттъ примѣнялся союзомъ книжныхъ торговцевъ. Этотъ союзъ поставилъ одною изъ своихъ цѣлей бороться съ тѣми изъ своихъ сочленовъ, которые продаютъ дешевле книги, чѣмъ поставилъ союзъ, т.-е. дѣлаютъ скидки въ большемъ размѣрѣ (такъ называемые Schleuderer). Бойкотту была подвергнута, между прочимъ, одна крупная берлинская книгопродавческая фирма.

Мало того, страховыми обществами въ Швейцаріи въ 1894 г. былъ произнесенъ бойкоттъ надъ всѣмъ кантономъ Гларусъ. Последний ввелъ у себя обязательное кантональное страхование движимости, а частнымъ страховымъ обществамъ было предоставлено принимать на рискъ лишь промышленныя предпріятія. Это, конечно, лишило страховыя общества многихъ выгодъ, и они отказались вовсе производить какихъ-либо операций въ цѣломъ кантонѣ; такимъ образомъ вся индустриальная собственность осталась незастрахованной, самому же кантону брать ее на страхъ было рискованно, и на это кантонъ не рѣшался. Кантональное правительство обращалось съ жалобой на страховыя общества къ союзному совѣту (Bundesrath), но жалоба осталась неудовлетворенной; и въ концѣ-концовъ кантонъ вынужденъ былъ измѣнить законъ и допустить выѣстъ съ кантональнымъ страхованиемъ и конкуренцію частныхъ страховыхъ обществъ къ принятію на рискъ движимости **).

Въ Америкѣ синдикаты (Trusts) также пользуются бойкоттомъ, чтобы уничтожить своихъ конкурентовъ, не вступающихъ въ синдикатъ, или чтобы вынудить ихъ войти въ этотъ послѣдній ***).

Въ Швейцаріи теперь бойкоттированы и потребительныя общества, въ особенности сельско-хозяйственныя, со стороны мелкихъ и крупныхъ купцовъ. Сельско-хозяйственныя потребительныя общества объявили смерть мелкой торговлѣ—«Tod jedem Zwischenhandel!»—и въ 1893 г. были осно-

*) *Eug. Liechti*: „Die Verrufserklärungen“, стр. 28—9.

**) *Liechti*, стр. 38—9. Какъ курьезъ сообщимъ здѣсь изъ практики той же самой Швейцаріи слѣдующій случай. Въ прошломъ (1897) году многочисленная группа гражданъ въ маленькомъ швейцарскомъ городѣ Баденѣ (кантонъ Ааргау) угрожала бойкоттировать городъ и скопомъ покинуть его. Дѣло въ томъ, что въ городѣ появился въ большомъ количествѣ одинъ вредный жукъ, который быстро поѣдаетъ растительность, особенно на декоративныхъ растеніяхъ, посаженныхъ по улицамъ города. Муниципалитетъ обязалъ каждаго изъ жителей города собирать известное количество этого жука и за невыполненіе предписанія назначалъ штрафъ. Штрафъ разомъ пришлось примѣнить къ массѣ баденскихъ обитателей (кельнершамъ, горничнымъ, боннамъ, нянкамъ и т. д.). И вотъ тогда въ газетахъ эти лица, приговоренныя къ штрафу, опубликовали письмо, требуя отъ нихъ мѣры или въ противномъ случаѣ угрожая бойкоттировать городъ—оставить его. См. *Corriera della Sera* 1897, 1—2 octob.

****) Sartorius v. Waltershausen*: „Der Moderne Socialismus in den Vereinigten Staaten“, стр. 397, а также *Джамулъ*: „Промысловые синдикаты“. Сиб., 1895 г.

ванъ союзъ торговцевъ, состоящій изъ трехъ группъ — торговцевъ желѣзомъ, мануфактуристовъ и торговцевъ колоніальными товарами.

Членамъ этого союза запрещено всякое сношеніе съ швейцарскими сельско-хозяйственными потребительными обществами. Члены союза не могутъ снабжать эти общества товарами ни прямо, ни косвенно и не могутъ даже вѣсть торговыхъ сношеній съ тѣми фирмами, какъ швейцарскими, такъ и иностранными, которыя стоятъ въ прямомъ или косвенномъ сношеніи съ потребительными обществами.

Отъ всѣхъ фирмъ швейцарскихъ и иностранныхъ, которыя стоятъ теперь въ сношеніяхъ съ потребительными обществами, было затребовано прекратить эти сношенія и присоединиться къ союзу швейцарскихъ купцовъ. Имена фирмъ, которыя отказываются порвать сношенія или которыя затѣмъ вновь откроютъ торговые связи съ потребительными обществами, дѣлаются извѣстными всѣмъ членамъ швейцарскаго союза купцовъ, и каждый членъ этого послѣдняго долженъ тогда прекратить всѣ торговые сношенія съ этими фирмами. Мануфактуристы и торговцы желѣзомъ ввели особые, такъ называемые красные листы, посредствомъ которыхъ публикуются упомянутымъ союзомъ имена бойкоттируемыхъ фирмъ. Такимъ образомъ сельско-хозяйственные, а отчасти и всѣ потребительныя общества Швейцаріи стоятъ теперь подъ бойкотомъ. Правда, сообщает *Liechti*, не удастся этому союзу купцовъ достигнуть единенія въ своей средѣ *), и потребительныя общества продолжаютъ процвѣтать.

Но, съ другой стороны, перспектива болѣе полнаго бойкота съ улучшеніемъ организаціи бойкоттирующей лиги заставляетъ потребительныя общества серьезно думать объ организаціи производства за свой счетъ **).

Видъ бойкота примѣняется и союзами работодателей противъ скомпрометированныхъ въ ихъ глазахъ рабочихъ — это такъ называемый институтъ «черныхъ листовъ». Имена рабочихъ, которые скомпрометировали себя чрезъ агитацію въ стачкѣ или по какимъ-либо другимъ мотивамъ, присутствіе бовъ на фабрикѣ является нежелательнымъ, сообщаются всѣмъ членамъ ассоціаціи фабрикантовъ; сообщаются эти имена или непосредственно, или черезъ особое центральное мѣсто, куда доставляются эти списки отдѣльными членами, и гдѣ публикуется уже общая ихъ сводка или въ отдѣльных циркулярахъ, или же въ органахъ ассоціаціи.

Итакъ, предъ нами прошли разнообразныя формы бойкота, разнообразныя и по тѣмъ цѣлямъ, которыми онѣ вызываются къ жизни, и по тѣмъ сторонамъ, которыя принимаютъ въ нихъ участіе: здѣсь выступаютъ или одни фабриканты предприниматели противъ членовъ ослушниковъ своей собственной организаціи, или одновременно рабочіе и предприниматели; затѣмъ, здѣсь опять нападающею стороною могутъ быть то рабочіе, то предприниматели.

*) *Liechti*, стр. 38.

**) См. *Dr. H. Müller*: „Die Schweizerische Consumvereine“. Basel, 1896.

По своему содержанию бойкоттъ (за исключеніемъ черныхъ листовъ и «Sprege»), какъ мы могли уже видѣть, является теперь въ троякой формѣ: потребительнаго бойкотта (Konsumptionsboykott), поставочнаго (Lieferungsboykott) и полнаго (Totalboykott).

Первый направляется лишь на запрещеніе употребленія продуктовъ данной фирмы и обычно примѣняется рабочими. Бойкоттъ второй формы имѣетъ цѣлью лишить производителя сырыхъ продуктовъ, нужныхъ для продолженія производства, и практикуется обычно ассоціаціями самихъ предпринимателей (берлинскій союзъ книгопродавцевъ, союзъ швейцарскихъ пекарей и т. д.). И, наконецъ, *полный* бойкоттъ—это соединеніе и перваго, и второго вида бойкотта, иногда съ присоединеніемъ сюда еще такъ называемаго «Sprege», т.-е. запрещенія рабочимъ наниматься у данной фирмы.

Послѣдній характеръ имѣлъ бойкоттъ одного ирландскаго управляющаго въ 1879 г., который вызвалъ противъ себя неудовольствіе своихъ арендаторовъ,—и онъ былъ вполне отрѣзанъ отъ всякаго экономическаго оборота и, не будучи даже въ состояніи достать рабочихъ для уборки полей, въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ выселиться въ Америку. «Boykott»—было собственное имя этого управляющаго, сдѣлавшееся съ того времени нарицательнымъ для обозначенія этого средства борьбы. Такимъ же полнымъ бойкоттомъ былъ и бойкоттъ, объявленный швейцарскимъ союзомъ кружевныхъ фабрикантовъ противъ нарушителей ихъ устава.

Конечно, чтобы бойкоттъ былъ дѣйствителенъ, онъ долженъ удовлетворять нѣкоторымъ условіямъ. Такъ, Lieschi для потребительнаго бойкотта ставитъ слѣдующія условія.

Во-первыхъ, бойкотирующіе должны оказывать сильное вліяніе на употребленіе бойкотируемаго продукта, и такъ какъ эта форма бойкотта примѣняется рабочей массой, то, слѣдовательно, и самый выборъ продуктовъ этимъ уже заранее предопредѣляется. Не можетъ быть потребительный бойкоттъ объявленъ рабочими противъ фабриканта предметовъ роскоши, такъ какъ употребленіе этихъ послѣднихъ рабочими не играетъ почти никакой роли въ сбытѣ продуктовъ этой категоріи; поэтому бойкоттъ этого рода направляется главнымъ образомъ на предметы обыденнаго употребленія—напитки, платье, шляпы, сигары и т. д.

Затѣмъ должна существовать возможность получать эти продукты изъ другого источника, помимо бойкотируемой фирмы, такъ какъ бойкоттъ не означаетъ для бойкотирующей группы полнаго воздержанія отъ употребленія этого рода продуктовъ. Поэтому невозможно бойкоттировать продукты первой необходимости, всѣ производители которыхъ объединены въ одинъ союзъ, или если внѣ союза стоятъ очень немногие производители, такъ что поставляемый послѣдними на рынокъ продуктъ не можетъ удовлетворить всего спроса; слѣдовательно, съ развитіемъ синдикатовъ сфера примѣненія бойкотта будетъ суживаться.

Далѣе труднѣе бойкоттировать фирмы, чьихъ продукты потребляются всѣми классами населенія, и легче,—сбытъ которыхъ имѣетъ нѣкоторое зна-

чение и, главнымъ образомъ, находить себѣ потребителей въ бойкотирующемъ классѣ. Конечно, затѣмъ, и группа, постановляющая бойкоттъ, должна быть значительною по своей численности, чтобы прекращеніемъ своего потребления действительно нанести сбыту чувствительныя потери.

При бойкоттѣ второго вида необходимо, чтобы всѣ поставщики были объединены, и чтобы, слѣдовательно, невозможно было для производителей получать нужные имъ матеріалы изъ какого-либо другого источника помимо союза. Если же бойкоттъ устраивается не самими поставщиками, то, конечно, бойкотирующая группа должна имѣть для успѣшности бойкота сильное вліяніе на поставщиковъ.

Битта Лихти, которую мы здѣсь въ значительной степени пользуемся, посвящена, главнымъ образомъ, вопросу, насколько бойкоттъ юридически дозволительное дѣйствіе, и потерпѣвшія стороны имѣютъ ли право на возмѣщеніе убытковъ.

Здѣсь авторъ разсматриваетъ «Boykott-Uebereinkunft и Boykott-Aufforderung». Первое *) имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда организованное определенное количество лицъ рѣшаетъ порвать связи съ определенной группой продавцовъ, и члены этой организации взаимно обязуютъ другъ друга къ этому. Лихти слѣдующимъ образомъ аргументируетъ: такъ какъ никто не имѣетъ спеціальнаго права на потребителя (Kundschaft) или на продолжительныя услуги своихъ поставщиковъ, то такое соглашеніе не нарушаетъ ничьихъ юридически защищенныхъ интересовъ и потому является дѣйствіемъ вполне законнымъ: каждый можетъ брать товары, гдѣ онъ хочетъ, а слѣдовательно, и группа лицъ можетъ дѣлать то же самое, т.-е. перенести свой спросъ отъ одной фирмы къ другой.

Точно также и относительно второго случая «Boykott-Aufforderung» **) авторъ не видитъ нарушенія чьего-либо права, пока средства, употребленные для этого не носятъ въ себѣ чего-либо противозаконнаго ***). Лихти допускаетъ и дозволительность требованія въ прессѣ со стороны бойкотирующей группы строгаго соблюденія бойкота, пока опять-таки не соединены съ этимъ противозаконныя дѣйствія ****). Всякое принужденіе путемъ нравственныхъ средствъ въ цѣляхъ, дозволенныхъ правомъ, не противозаконно, говоритъ Лихти. Авторъ, конечно, называетъ эти формы борьбы «въ высшей степени достойными сожалѣнія явленіями нашей соціальной жизни»; но всякое изданіе законовъ противъ нихъ онъ считаетъ невозможнымъ.

*) Т.-е. „Boykott-Uebereinkunft“. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвается простое соглашеніе группы лицъ прекратить всякія сношенія съ тою или другою фирмой—въ формѣ ли прекращенія закупокъ, доставки товаровъ и т. д.

**) Подъ этимъ терминомъ Лихти подразумѣваетъ тотъ случай, когда организованная группа лицъ проситъ и третьихъ лицъ фирмы ничего не покупать у бойкотирующей, ничего ей не поставлять, или не работать у ней.

***) „An sich ist also die Aufforderung zu Boykott und Sperre eine Kraft allgemeiner Freiheit erlaubte Handlung“.

****) См. также *Neue Zürrich. Zeitung* 1897, 7 Sept., № 248, *Morgenblatt*.

Здѣсь было бы, по мнѣнію Лихти, то же самое, что и съ синдикатами, которые съ изданіемъ законовъ противъ нихъ сдѣлались тайными. «Теперь, — говоритъ Лихти, — при явности борьбы путемъ бойкотта, можно судить средствахъ, употребляемыхъ при бойкоттѣ съ точки зрѣнія ихъ правового дозволенности (...die Kampfmittel in Bezug auf ihre rechtliche Qualität prüfen...). При тайномъ же примѣненіи бойкотта борющимися сторонами и сдѣлалось бы невозможнымъ; затѣмъ такіе законы легко могли бы приобрести характеръ классоваго законодательства» *).

Бойкоттъ, организованный въ той или другой формѣ рабочими или противъ предпринимателей, или союзомъ послѣднихъ противъ кого-либо изъ своихъ членовъ, часто наноситъ огромный матеріальный ущербъ, конечно если только бойкоттъ сопровождается наличностью тѣхъ условій, которыми выше кратко охарактеризовали.

Въ практикѣ мы имѣемъ случаи, когда сторона, потерпѣвшая отъ бойкотта, обращалась въ судъ съ искомъ о вознагражденіи ея за понесеніи ею отъ бойкотта убытки. Мы уже видѣли, какъ теоретически рѣшаетъ этотъ вопросъ Лихти, признающій вообще дозволенность бойкотта, слѣдовательно съ его точки зрѣнія, не можетъ быть и рѣчи о вознагражденіи за убытки причиненные бойкоттомъ. Но практика на этотъ счетъ еще не установилась: явленіе это совершенно новое, а потому въ судахъ, къ которымъ стороны обращаются съ исками, наблюдается колебаніе. Въ практикѣ есть случаи, когда бойкоттированные лица получали возмѣщеніе убытковъ, вызванныхъ бойкоттомъ: такъ, это имѣло мѣсто относительно двухъ хлѣбопековъ подвергнутыхъ бойкотту со стороны швейцарскаго союза хлѣбопековъ и кондитеровъ **); то же самое имѣло мѣсто относительно берлинской книгопродавецкой фирмы, уже упомянутой нами выше, которая была бойкоттирована нѣмецкимъ союзомъ книгопродавцевъ: ей было присуждено вознагражденіе за убытки, причиненные бойкоттомъ, хотя двѣ первыя низшія инстанціи отказали въ искѣ. Теперь разсматривается въ цюрихскихъ судахъ и пивоварни Наас, предъявленный ею къ комитету швейцарскаго рабочаго союза о вознагражденіи за убытки, понесенные во время послѣдняго, упомянутого нами, пивного бойкотта этою фирмою (бойкоттъ начался съ фирмы, и она наиболѣе пострадала отъ него).

«Бойкоттъ, — говоритъ Sartorius von Waltershausen, — вовсе не являясь средствомъ соціальной реформы, но острымъ орудіемъ соціальной борьбы. Но, конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о запрещеніи бойкотта путёмъ государственной власти ***).

И. О.

*) *Liechti*, стр. 148—9.

**) *Liechti*, стр. 29.

***) *Ibid.* *Jahrbuch*. Conrad'a N. F. II B., стр. 18.

По берегамъ Норвегіи.

Норвегія теперь между туристами въ модѣ, почти настолько же, какъ была въ небреженіи. Каждый годъ являются коллекціи описаній странъ, по частямъ и въ цѣломъ, и авторами ихъ состоятъ разныя миссы, стрісъ, леди, фрау и фрейлейны, не говоря уже о мужчинахъ разнаго званія и національности. Неаполитанскій заливъ и Везувій промѣняе на Гардангерскій фіордъ и Нордкапъ, маркизы и кардиналы на рыцарей и пасторовъ, картины Рафаэля и Тиціана на семгу, треску и сельди. Только русскихъ путешественниковъ мало, почти совсѣмъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ такихъ, которые бы записывали свои впечатлѣнія и потомъ показывали имъ, — можетъ быть, потому, что «сѣверной природы» у насъ и дѣвать некуда. Поѣдьте познакомиться съ этою модною страной, гдѣ каждый годъ бываетъ императоръ Вильгельмъ и гдѣ нѣмцы вообще «нужны», вѣроятно, въ предвидѣніи момента, когда норвежцы войдутъ въ составъ нѣмецкой національности, — къ которой вѣдь и причисляются въ качествѣ этнографинъ, и тѣмъ дополнять Германскую имперію, въ которой имъ еще мало, не то что во владѣніяхъ Россіи или Англіи, гдѣ господствующее племя окружено цѣлыми группами народовъ подвластныхъ и покоренныхъ, но инородческихъ.

Если вы бѣломоръ, олончанинъ или вологжанинъ, то, разумѣется, чтобы добраться до Нордкапа, вы сядете на пароходъ въ Архангельскѣ, доѣдете до Бориса и Глѣба, а тутъ и рукой подать, черезъ Варангеръ, до крайняго сѣвера Норвегіи. Будь вы, по словамъ одного пошехонца лейбъ-камеральнаго происхожденія, обитатель Чухляндіи, то-есть прибалтіецъ въ какомъ-нибудь смыслѣ этого слова, то ничего нѣтъ проще, какъ изъ Гельсингфорса, Пытары и Балтишпорта доѣхать, на финляндскихъ пароходахъ, до Стокгольма, откуда имѣется желѣзная дорога до старой столицы Норвегіи, Трондгейма. Стокгольмъ вѣдь на то и передовая станція Европы, изъ него: какъ выѣзъ изъ «окна», такъ и разъѣзжай по усмотрѣнію въ Швецію, Христіанію, Копенгагенъ и во всѣ заморскія земли. Ну, а если вы не чухонецъ, а природный русскій, съ Волги, Оки, Дона, Днѣпра, то не забывайте: Берлина или хоть Кенигсберга и Любека не минуете,

несмотря на завѣты г. Золотарева, данные имъ публично, на лекціи, въ Петербургѣ. Что-жь? Дышать нѣмецкимъ воздухомъ придется всего два дня: изъ Любека вѣдь есть ежедневные пароходы въ Кьобенъ-Гавнъ, то-есть въ столицу Даніи, гдѣ тотъ же языкъ, что и въ Норвегіи, языкъ норманновъ или варяговъ, людей намъ близкихъ не только съ 1860 гт., но съ 860 по Р. Хр. Изъ Кьобенъ-Гавна всего 20 часовъ ѣзды и 31¹/₂ кроны расхода на переѣздъ въ Христіанію.

Но если вы наѣзжаете въ Норвегію изъ западной Европы, то не только Германію, но и Данію можете обойти. Для этого стоить только сѣсть на пароходъ въ Антверпенъ или Амстердамъ, и черезъ двое сутокъ, даже менѣе, вы въ Христіанзандъ, одно изъ южно-норвежскихъ городовъ, а еще черезъ полдня и въ Христіаніи. Въ частности, нынѣшнимъ лѣтомъ одна учено-промышленная компанія устроила для скучающихъ парижанъ особую пароходную прогулку къ Нордкапу изъ Дюнкирхена, взадъ и впередъ за 1,300 франковъ. Это, очевидно, дорого, а потому бельго-голландская дорога выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что въ Норвегіи вы уже свободны выбирать потомъ маршрутъ, не стѣсняясь произволомъ французскаго капитала и кухонными вкусами французскаго пароходнаго комиссара, которые больше всего хлопочуть о выручкѣ на продовольствіи, въ три недѣли франковъ по 400—500 съ персоны. Охотниковъ, конечно, и на этотъ пароходъ найдете, потому что теперь Норвегія «въ модѣ»; но лучше ѣхать въ Христіанію на бельгійскомъ пароходѣ, а потомъ довольствоваться норвежскими, почтовыми и компанейскими. Эти и дешевле, и море знаютъ лучше, и гостиницы заранѣе могутъ рекомендовать вамъ, на случай, если вы пожелаете отдохнуть дня два-три отъ плаванія и прогуляться въ живописныя горныя долины и даже на вершины. Одно горе въ Норвегіи, — правда, общее всѣмъ пароходамъ и ѣздящимъ на нихъ туристамъ: — нельзя разсчитывать на продолжительный періодъ прогулокъ: мѣсяца три, съ половины мая до половины августа—и довольно. Это почти вдвое короче, чѣмъ сезонъ горныхъ экскурсій въ Швейцаріи, гдѣ притомъ гостиницы лучше и многочисленнѣе; а между тѣмъ Норвегія въ восемь разъ больше альпійской республика и значительно бѣднѣе ея дорогами. Для туристовъ это—важная разница, и ей они должны подчинить всѣ свои расчеты: эстетическіе, гігіеническіе и денежныя.

Въ Нѣмецкомъ морѣ, разумеется, качка, какъ только выйдешь изъ устья Шельды въ сосѣдство Ламанша. Чуть ли еще не хуже въ Каттегатѣ, съ приближеніемъ къ Христіаніи. Это ужъ таково свойство всѣхъ узкихъ морей, особенно открытыхъ съ одного конца. Зато тѣмъ пріятнѣе, послѣ 60 часовъ плаванія войти въ спокойный Христіанскій фіордъ. Капитану, правда, и тутъ зѣвать нельзя, потому что много мелкихъ острововъ и скалъ; но пассажиръ можетъ вздохнуть и успокоиться. Особенно какъ пройдутъ Хортенское расширеніе фіорда и встанутся въ узкій каналъ, напоминающій рѣку и предшествующій Христіанскому заливу-озеру. Около Дробаха (на восточной сторонѣ канала), на островкѣ среди пролива стоитъ

ольшая крѣпость Оскарборгъ, Кронштадтъ Христіаніи и самый важ-
укрѣпленный пунктъ въ цѣлой Норвегии. Дальше ужъ стелется Хри-
ская лужа, какъ у насъ подѣ Петербургомъ—Маркизова; а тамъ
и наконецъ портъ, открытый къ югу, но вполне безопасный. Съ
бы парохода ступаешь на каменную набережную и притомъ почти въ
трѣ города.

Разумѣется, мы въ Христіаніи не надолго, а потому остановимся въ
кайшетъ къ пристани, хотя и самоѣ дорогое, отелѣ, *Викторіи*, и,
водвореніи немедленно отправимся на улицы Дронингенъ и Карла-Іоан-
лучшія въ городѣ и взаимно перпендикулярныя. Последняя приведетъ,
о парламента и университета, къ королевскому замку, лежащей на
тѣ, среди парка. Дома на улицѣ не высоки: многіе лишь въ два этажа,
то въ четыре; но впечатлѣніе отъ нихъ пріятно. Точно въ лучшихъ
этажахъ Антверпена или Брюсселѣ. Королевскій замокъ или дворецъ
этажный, очень простой архитектуры, и напоминаетъ англійскій дво-
въ въ Петергофѣ, только побольше его; или, пожалуй, дворецъ грече-
го короля въ Афинахъ, только онъ менѣе его похожъ на казарму. Пар-
еатъ тоже трехэтажный, но лишь въ части постройки, и изяществомъ
отличается. Для маленькой націи, какъ норвежская, которой числен-
въ не достигаетъ числа населенія Рязанской губерніи, все однако хотъ
и оба названныя зданія далеко лучше рязанскихъ губернскаго прав-
и казенной палаты. Разумѣется, Рязань имѣетъ всего 33,000 жи-
и, Христіанія же 150,000; а потому требовать отъ первой того же,
отъ второй, нельзя.

Отъ королевскаго дворца и парка повернемте назадъ и остановимся на
тку противъ университета. Главное зданіе его стоитъ на дворѣ, а на
у Карла-Іоанна выходятъ лишь флигеля, изъ которыхъ въ одномъ
щается актовая зала и норвежскія древности. На дворѣ университета
тъ памятникъ какому-то профессору-правовѣду. Все это надобно осмо-
тъ потомъ; а пока чтѣ—поворотимъ на югъ и отыщемъ вокзалъ запад-
железной дороги, изъ котораго предстоитъ отправляться въ Конгсбергъ,
ственную мѣстность внутри страны, которую я рѣшился посѣтить, пред-
тая во всѣхъ другихъ случаяхъ держаться береговой линіи и паро-
Вокзалъ вблизи морского берега, и отъ него, на востокъ, по Думской
тѣ (Radhus-Gade), дорога прямо домой, въ Викторію. На Думской улицѣ,
иѣется, дума, которая какъ разъ въ сосѣдствѣ съ Викторіей и усту-
тъ ей по объѣму. Время обѣдать.

Послѣ этого, вечеромъ, чтѣ прикажете дѣлать? Идти въ театръ, какъ
ковенно дѣлаютъ всюду туристы, ради ознакомленія съ «обществомъ»
тѣ—съ его костюмами и театральными обычаями... Но я норвежскаго
за не знаю, да и спектакля сегодня, кажется, нѣтъ. Идемте еще разъ
уляться по городу, благо лѣтомъ даже въ полночь свѣтло. Съ Дронингъ-
выходимъ опять на улицу Карла-Іоанна, но поворачиваемъ уже не къ
мъ, а къ востoku. Тутъ скорехонько упираемся въ восточный вокзалъ,

изъ котораго желѣзная дорога ведетъ въ Стокгольмъ, въ Фридрихсгальдъ въ пѣлый рядъ другихъ мѣстностей. Это главная станція въ Христіаніи. И бродивши въ окрестностяхъ и убѣдясь, что южная часть города раскидана такъ же правильно, какъ Нью-Йоркъ, Одесса или Васильевскій островъ въ Петербургѣ, идемъ домой спать.

Назавтра утромъ, чтобы получить ясное понятіе о совокупномъ видѣ пѣлаго города, идемъ на лежащую сѣверо-западнѣе отъ него высоту Гансгангенъ и смотримъ на югъ и западъ. Высота недовольно велика, а потому видны только крыши домовъ и лежащее сзади море. Направо отъ середины пейзажа выглядываетъ профиль дворца, на лѣсистомъ холмѣ тянутся городскія постройки, сгущенныя въ долину рѣки Аверсстока озера Маридалъсъ, находящагося верстахъ въ шести отъ города. Крайнѣе западѣ, т.-е. направо, вдали, виднѣется королевская дача Оскарсгаль; но она лежитъ по ту сторону залива Фрогнеръ, верстахъ въ двухъ отъ городского королевскаго дворца, на прибрежномъ холмѣ, и напоминаетъ итальянизированный, полуготическій замокъ какого-нибудь англійскаго лорда. Горизонтъ съ сѣвера замыкается высотами Тривандсъ-хайсаженъ въ 250 надъ уровнемъ моря. Нѣсколько ручьевъ сбѣгаетъ съ нихъ къ югу, орошая страну, населенную далеко не такъ густо, какъ бы казалось вокругъ столицы.

Съ Гансгангена дорога къ юго-востоку, въ городъ, ведетъ мимо кладбища и церкви св. Олафа (святого, очевидно, норманскаго происхожденія); отъ послѣдней повернемъ круто направо, въ улицу имени того же святого, потомъ налѣво, въ Университетскую, и мы будемъ у музея изящныхъ искусствъ, стоящаго бокомъ къ университету и лицомъ къ химической лабораторіи. Внизу у него залы ваянія, вверху живописи, коихъ цѣль довольно многочисленныя и недурныя, хотя уступающія шведскимъ. Стокгольмъ. Въ скульптурномъ отдѣленіи, ради обученія искусству, разумѣется, немало гипсовыхъ слѣпковъ съ такъ называемыхъ классическихъ фигуръ, намозолившихъ глаза въ музеяхъ всей Европы; но есть и оригиналы, впрочемъ, не равняющіеся торвальдсеновскимъ въ Копенгагенѣ. И жду живописцами, очевидно, образовалась національная школа, которую можно характеризовать наклонностью къ воспроизведенію видовъ природы. Изъ 350 или болѣе норвежскихъ картинъ въ Христіанскомъ музеѣ едва не половина—ландшафты, да еще мѣстные, что и неудивительно въ такъ живописной странѣ, какъ Норвегія. Одному Гардангерскому фіорду, въ рѣчныхъ его развѣтвленіяхъ, посвящено нѣсколько десятковъ изображеній, и вообще вѣрныхъ природѣ и вмѣстѣ изящныхъ. Иногда лишь цвѣта и тѣ кажутся утрированными для жителя средней Европы; но это замѣчаніе всегда согласно съ истиной. Есть и жанры очень хорошихъ качествъ, много драматическаго содержанія, вроде сельскихъ похоронъ, сидѣнья въ тюрьмѣ и т. п. Портретовъ, сравнительно, мало, можетъ быть, потому что музы возникъ всего 50 лѣтъ назадъ, и разныя «знаменитости» не успѣли набить своими изображеніями. Въ западно-европейской коллекціи (болѣе 4

картинъ) не то: тамъ есть даже само-портреты, если такъ можно сказать, т.-е. изображенія, сдѣланныя живописцами съ ихъ собственныхъ особъ, обыкновенно слегка польщенныхъ и назначенныхъ не допускать портретовъ, дѣланныхъ *другими*. Мнѳологическія картины рѣдки въ Христіаніи.

Изъ музея изящныхъ искусствъ всего лишь нѣсколько шаговъ, черезъ улицу, до университета, въ которомъ есть цѣлый рядъ научныхъ коллекцій, обычныхъ въ заведеніяхъ этого рода. Намъ некогда заниматься всѣмъ ими, но есть двѣ - три группы предметовъ, отличительныхъ для Христіаніи и потому заслуживающихъ, чтобы около нихъ остановиться. Это, во-первыхъ, викинги, т.-е. покойные вожди нормановъ, точнѣе — ихъ корабли, найденные во второй половинѣ нашего вѣка въ наносахъ южной Норвегіи, гдѣ они были погребены не случайными бурями, опрокинутыми суда, а намѣренно, какъ почетные люди. На сухомъ пути неоднократно бывало можно въ средніе вѣка видѣть королей или военачальниковъ хоронимыми не только въ ихъ парадной одеждѣ, съ оружіемъ, но и съ ихъ лошадьми, если не съ любимымъ слугою; на морѣ лошадь замѣнялась лодкою, въ которой ѣзжалъ покойный. Вотъ двѣ изъ такихъ лодокъ, — и довольно большія, одна въ 15 сажень длины, — были найдены въ 1867 и 1880 годахъ, откопаны и перенесены въ Христіанію, гдѣ ихъ помѣстили на университетскомъ дворѣ, подъ навѣсомъ. Это были обыкновенныя, одномачтовыя лодки, и курьезъ ихъ въ архитектурно-морскомъ отношеніи былъ тотъ, что руль у нихъ прикрѣплялся съ праваго бока кормы. По бортамъ шли уключины для весель, въ срединѣ, у мачты, устраивались каюты для вождей-покойниковъ; такихъ вождей, впрочемъ, не было найдено; вѣроятно, ихъ унесли прежде для похоронъ на сушѣ. Дерево лодокъ, вымокшее въ морской водѣ, просолившееся, порядочно сохранилось.

Въ зданіи университетской аѳлы, сверхъ этой актовой залы, помѣщается собраніе сѣверныхъ древностей, — другая особенность Христіаніи, хоть не единственная въ своемъ родѣ, но интересная. Чего тутъ нѣтъ? Токарныя и столярныя издѣлія изъ дерева, металлическое оружіе, другія бронзовыя и желѣзныя *) издѣлія большой давности, брачныя вѣнцы, женскія украшенія, царскія двери изъ церквей и вообще все, что напоминаетъ старину, до самой реформациі. Это — нашъ московскій историческій музей, нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Болѣе современные бытовые предметы собраны въ музей этнографическомъ, шеголяющемъ особенно манекенами: такихъ изящныхъ мнѣ не приходилось видѣть въ другихъ столицахъ Европы. Посмотрѣвъ, въ дополненіе къ этнографической коллекціи еще виды разныхъ мѣстностей Норвегіи, выставленные въ «Діорамѣ», получаешь наглядное представленіе о странѣ. «Формула» дана: остается «развернуть скобки» путешествіемъ.

Ѣдемъ развѣртывать. Отдохнувъ во вторую половину дня, пообедавъ и выпившись послѣ письменныхъ занятій, встаемъ рано и направляемся

*) Есть даже остатки каменнаго вѣка, немногочисленные.

къ западному вокзалу. Желѣзная дорога къ Драмелу вьется отчасти вдоль морского берега, отчасти среди холмовъ; встрѣчаются вдоль нея довольно многолюдныя деревни и дачи: это, вѣдь, пожалуй, самая густо-населенная часть Норвегіи. Драмель — длинное большое село, растянутое вдоль рѣки двумя узкими полосами домовъ. Большая торговля досками и бревнами, которыя отправляются за море по сосѣднему фіорду. Ради этого лѣсного торгова съ заграничными мѣстностями здѣсь есть даже консульства, а обороть торговцевъ доходитъ до 5.000,000 кронъ, что составляетъ около одной шестой части цѣны всего лѣсного отпуска изъ Норвегіи. Жителей въ городѣ, который я сейчасъ называю селомъ, около 21,000 душъ; по характеру населенія это именно скорѣе всего село, съ двумя церквами, на обѣихъ сторонахъ рѣки.

За Драмеломъ желѣзная дорога идетъ по южному берегу рѣки того же имени, въ узкой долинѣ, до Гугсунда, гдѣ приходится переходить въ другой поѣздъ, направляющійся въ Консбергъ. Здѣсь населеніе становится уже довольно рѣдкимъ, и около Консберга страна принимаетъ гористый видъ, почти какъ у насъ на Уралѣ. Самъ Консбергъ есть опять длинное, узкое село въ долинѣ рѣки Лаагентъ. Съ запада надъ нимъ господствуетъ горный массивъ Йонскнутъ, и въ глубинѣ его-то находится серебро. Но добыча его нынѣ въ упадкѣ, отчасти за упадкомъ цѣны на бѣлый металлъ (причина общая), отчасти за увеличеніемъ трудности добыванія (причина мѣстная), потому что въ Консбергѣ надобно спускаться подъ землю на цѣлыя 300 сажень, чтобы добыть серебряную руду. Вотъ почему теперь изъ Консберга вывозится серебра всего на 185,000 руб., и нѣкогда знаменитое мѣстечко не растеть, а падаетъ: въ немъ не болѣе 5,000 душъ. Кто не бывалъ въ рудникахъ, тотъ, пожалуй, заинтересуется спуститься внизъ; но у меня, бывавшаго на Алтаѣ и Уралѣ, охоты не было. Сутки можно бы считать потерянными, еслибы не ознакомленіе съ внутренностью норвежскаго материка: теперь пойдутъ все фіорды, т.-е. озера и заливы, а влѣво отъ нихъ — океанъ.

Пароходовъ изъ Христианіи на западъ Норвегіи есть нѣсколько; намъ показалаcя наиболѣе подходящею линія бергенскаго пароходства (Det Bergenske Dampskibsselskab), начинающая рейсъ въ четвергъ въ 3 часа пополудни. На-завтра, въ 7 часовъ утра, мы были въ Арендагъ, въ 1 часъ пополудни — въ Христиансандъ, въ 10 вечера — въ Эггесундъ, а въ субботу поутру, часовъ въ 7, — въ Ставангеръ. Этотъ, нѣсколько быстрый бѣгъ, да еще съ боковымъ вѣтромъ, порядкомъ утомителенъ; почему въ Ставангерѣ мы и сошли на берегъ. Это губернский городъ юго-западной Норвегіи, съ 24,000 жителей и, главное — для туриста, съ хорошими гостиницами, въ придачу еще не особенно дороги, несмотря на порядочный столъ. Ставангеръ городъ старинный, ровесникъ Новгороду, пожалуй даже старше его, построенъ по безтолковому плану, вѣрнѣе — совсѣмъ безъ плана; но заслуженно привлекаетъ туристовъ, и не только потому, что стоитъ у входа

и въ фіордовъ, а потому, что въ немъ и въ окрестностяхъ есть что посмотреть. Есть большая церковь, стоящая съ самаго введенія христіанства съ X вѣка. Норвежцы крестились почти въ одно время (995 года Р. Х.) съ нами, русскими. Есть порядочный, правда, загородный, для гулянья, съ музыкой и хорошими видами на море; есть, наконецъ, музей, скромный, но не плохой, особенно для натуралистовъ-биологовъ. Ставангеръ, одна изъ столицъ сельдяного царства, а сельдь ли не главный продуктъ Нѣмецкаго моря. Въ заключеніе, около Ставангера начинаются длинныя западо-норвежскіе фіорды, изъ которыхъ Лисъ-фіордъ, имѣетъ до 30 верстъ длины, при $1\frac{1}{2}$ —2 вер. ширины и 20 саженьхъ глубины. При отвѣсныхъ почти берегахъ и при направленных почти прямолинейномъ, онъ имѣетъ видъ коридора, почти совершенно чуждаго. Въ немъ жутко, т.-е. онъ производитъ впечатлѣніе захватывающее, особенно на новичка, не видавшаго ни фіордовъ, ни горныхъ видовъ Комо или Бриенцкаго. У восточнаго конца фіорда, гдѣ, на южномъ берегу, высится гора Кирагъ, иногда наблюдаютъ странный фактъ: шума и потомъ появленія надъ водою горизонтальнаго пучка, какъ изъ освѣщенной комнаты черезъ окна. Но я этого феномена не могу объяснить и объяснять его не берусь. «Должно быть шалить какой-нибудь электрический газъ, по временамъ прорывающійся внаружу», какъ выразился норвежецъ.

Лисъ-фіордъ есть одно изъ южныхъ развѣтвленій Ставангерскаго заливъ, имѣются очень живописныя и на сѣверъ. Самый путь туда по морю, черезъ острововъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ материка, поражаетъ сначала разнообразіемъ. Пароходъ направляется прямо на островокъ; вотъ-вотъ онъ достигнетъ скалу: не бойтесь, онъ выльнулъ направо или налево, и опять въ проливъ. Въ крошечной бухточкѣ Іольсѣ остановка на короткое время: тутъ пріемъ и высадка пассажировъ, съѣхавшихся съ разноточковъ Ставангерскаго залива, буквально со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта; потомъ снова въ путь по Сандовскому фіорду, на сѣверъ и на востокъ. Это—большая рѣка, вродѣ Волги у Камышина, пожалуй, еще шире, и высоты лежатъ по обоимъ берегамъ, а не по одному правому. Они мало-по-малу растутъ, и въ составъ пейзажа появляется новый элементъ—каскады, сначала небольшіе, потомъ многоводные, особенно въ нижнихъ развѣтвленіяхъ фіорда, называемомъ Хильсѣ-фіордомъ. Последній въ восточномъ своемъ концѣ, гдѣ онъ врѣзывается въ высокія скалы, особенно грандіозенъ, а каскады тутъ усиливаютъ впечатлѣніе величавой силы своимъ шумомъ. Изъ Хильсѣ-фіорда надобно вернуться на ночь въ Сандъ, гдѣ есть порядочная гостиница: этотъ переходъ отъ поэзіи къ прозѣ совершенно необходимъ; да и Сандъ вовсе не прозаченъ по своему положенію: нѣчто вродѣ Фицнау на Фирвальдштетскомъ озерѣ, въ Швейцаріи.

Назавтра—обратно въ Ставангеръ, но не совсѣмъ по прежнему пути, а черезъ на сѣверо-западъ, въ Сандейдъ-фіордъ, кругомъ него, а по-

томъ черезъ Нѣстрандъ и Ютербергъ. Глазъ уже присмотрѣлся къ крас-
тамъ плаванія по фюрдамъ, а потому на этотъ разъ вы довольно равно-
душны, хотя указанная прогулка гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ очень бы
нравилась. Въ Ставангерѣ не только все благополучно, но и пароходъ въ
Бергенъ возвѣщенъ назавтра поутру: это вѣдь путь на Гардангеръ.

Есть въ каждой странѣ мѣста, приближеніе къ которымъ возбуждаетъ
особое любопытство, вызываетъ своего рода трепетъ, ожиданіе чего-то не-
обыкновеннаго, поразительнаго, чарующаго. Чтобы не пускаться далеко въ
область географической психологіи, назову здѣсь для Швейцаріи Церналь и
озеро Четырехъ Кантоновъ, въ Италіи—Неаполь съ окрестностями, въ Тур-
ціи—даже одинъ Стамбулъ, безъ окрестностей. Для Норвегіи это будутъ
Нордкапъ и Гардангеръ. Гумбольдтъ, въ анализѣ причинъ, вызывающихъ
любовь къ изученію природы, пропустилъ такіа мѣстности, точнѣе—онъ ихъ
объединилъ подъ общимъ и отвлеченнымъ названіемъ «изысканныхъ ландшаф-
товъ, чарующихъ своею индивидуальною прелестью». Пусть для соотечествен-
ника и современника нѣмецкихъ философовъ, говорившихъ изысканнымъ язы-
комъ, это будетъ такъ; но напыщенная фразеологія ничего не объяснитъ въ
томъ, отчего одни названія знаменитыхъ географическихъ предметовъ возбу-
ждаютъ легкую и, притомъ, пріятную лихорадку. Вотъ мы приближаемся къ
Гардангеру: отъ чего «нервы высоко настроены»? Мы вѣдь еще его не видали.
Пароходъ коснулся океана, потомъ опять вошелъ въ чашу острововъ, за-
ходитъ на многія пристани, но не встрѣчаетъ ни одного значительнаго города,
ни одного величаваго созданія человѣческихъ рукъ, потому что не считая
за таковое колонку въ 8 сажень высоты, которую патріотическое усердіе
норвежцевъ создало въ 1872 году у Гогесунда, предъ входомъ въ Гардан-
геръ, на память о побѣдѣ Гаральда Прекрасноволосаго, впервые объѣз-
дившаго Норвегію за тысячу лѣтъ назадъ. И не деревушка Лервикъ, отъ
которой отходятъ собственно гардангерскіе пароходики, поразитъ васъ
чѣмъ-нибудь особеннымъ, — нѣтъ, но вдали, на востокѣ, мелькнула въ
снѣжная масса Фольгефонда: это центръ гардангерскаго района. Фюрда
оглаживаетъ горный массивъ, увѣнчанный снѣгами, и вы чувствуете себя въ
высокой горной странѣ, хотя и на уровнѣ моря. Разность уровней въ
и сосѣднихъ горныхъ массъ даетъ себя чувствовать не только глазу, но
и всему организму: вы находите себя погруженными въ ущелье, изъ ко-
тораго выходъ, очевидно, одинъ—назадъ. Но пароходъ подвигается все
сѣверо-востоку, хотя и съ большими извилинами. У Розендала вы видите
себя въ сосѣдствѣ съ Фольгефондомъ; нѣсколько верстъ далѣе, у Энес-
вступая въ бухту Морангеръ-фюрда, одно изъ развѣтвленій которой по-
водитъ къ моренѣ ледника, отдѣляющагося отъ Фольгефонда: тутъ одинъ
изъ самыхъ величавыхъ пейзажей Норвегіи. Масса льда и снѣга вы-
ходитъ изъ промежутка между двумя горами и расплывается въ
ихъ общему скату къ западу. Холодно, хотя все еще на уровнѣ моря
подниматься вверхъ не охота. Это мѣсто напоминаетъ ронскій ледникъ.

точѣ, гдѣ его касается шоссе черезъ Фурку. Полюбуйтесь, но поѣзжайте поехать далѣе къ сѣверу, въ Йондалъ: тамъ есть гостиница.

Изъ Йондала, если есть охота и крѣпкія ноги и грудь, можно назавтра идти по хорошей дорогѣ, на гору, до фермы Флатебо, въ красивой величавой мѣстности, между обѣими вѣтвями Гардангеръ-фіорда, западной и восточной. При настойчивомъ желаніи, идите на спускъ къ послѣдней, т.-е. Соръ-фіорду, — спускъ оканчивается у Блен; но я не пойду. Блен увидимъ немного позднѣе, съ парохода, когда онъ придетъ въ Соръ-фіордъ, обогнувъ Фольгевондскій полуостровъ. Отъ Йондала же двинемся къ сѣверо-востоку, по Гардангеръ-фіорду, заѣдемъ въ Норгеймсъ-фьордъ (Сандвенъ) и потомъ опять впередъ, впередъ, по величаво-живописному заливу, который тутъ обставленъ скалистыми берегами, до поворота къ востоку и далѣе. За этимъ поворотомъ мы дѣлаемъ заѣздъ къ Эйде, къ концу небольшого, но живописнаго фіорда, но не остановимся въ немъ, несмотря на то, что гиды оглашаютъ его однимъ изъ центровъ гардангерскихъ прогулокъ, а переѣдемъ снова на южный берегъ Гардангера и поѣдемъ въ Утне у подножія горы Гане-Канба (1,095 м. = 3,500 ф.). Гостиница хорошая и виды изъ нея тоже.

Сегодня важный день въ лѣтописи гардангерской прогулки, съ утра было рѣшить: ѣхать ли въ Утне по-прежнему на сѣверо-востокъ, въ Соръ-фіордъ, или повернуть къ югу, въ Соръ-фіордъ? Послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшились на первое, чтобы Соръ-фіордъ сохранить для десерта. Было не совсѣмъ благоразумно, потому что если сегодня погода хорошая, то завтра ее можетъ смѣнить дождь, даже снѣгъ, благодаря соседнему холодному Фольгевондскому морю; но сказано — сдѣлано. Нашъ маленькій пароходъ направляется къ востоку, потомъ къ сѣверо-востоку, и мы среди скалъ съ версту шириною, обставленной лѣсистыми горами. Въ одномъ мѣстѣ большой лѣсопильный заводъ, въ другомъ, почти напротивъ, черезъ заливъ, стоитъ снѣговая гора Онель (1,570 м.); дальше заливъ суживается, и получаетъ названіе Смидалъ. Это — вершина Гардангера. Повернувъ оттуда къ югу, подходимъ къ Вику и высаживаемся на берегъ. Меня приглашаютъ поѣхать къ Вѣрингфосу, знаменитому во всемъ краѣ каскаду; но я отказываюсь, потому что это далеко, а я и безъ того утомился. Жаль только: она миновала давно.

Возвращаясь поэтому на пароходъ, я пріѣзжаю назадъ въ Утне еще среди скалъ дѣлаю небольшую пѣшеходную прогулку по берегу, гдѣ есть дорога, идущая и на югъ, въ послѣднемъ направленіи не доходящая, впрочемъ, до южного конца фіорда. Вечеромъ сажусь писать замѣтки о прогулкѣ и нахожу, что онѣ бѣдны свѣдѣніями о людяхъ, о населеніи. Тутъ гардангерскіе норвежцы — народъ нѣсколько своеобразный. На маленькихъ клочкахъ земли у самыхъ береговъ фіорда, страна ихъ состоитъ изъ горъ, гдѣ земледѣліе невозможно, отчасти вслѣдствіе каменной почвы, отчасти отъ холоднаго климата. Чѣмъ же они живутъ, и какъ съ достаткомъ, какъ не трудно замѣтить? Въ Швейцаріи, по бли-

зости горныхъ озеръ, не грѣхъ было бы сказать, что гельветовъ кормитъ заѣзжіе иностранцы, что они сами по себѣ не могли бы жить въ довольствѣ; но про Норвегію этого сказать нельзя, потому что число иностранныхъ туристовъ не велико, и сезонъ ихъ наѣзда очень коротокъ. Норвежцы очевидно, умѣютъ устраиваться собственными средствами. Главныя изъ нихъ суть рыба въ водѣ и лѣса по горамъ, а у гардангерцевъ еще и кустарныя промыслы: тканье ковровъ, плетенье кружевъ, приготовленіе издѣлій изъ серебра и даже золота. Семга, треска и сельди доставляютъ Норвегіи ежегодно 40—44 милліона кронъ дохода на одномъ ихъ вывозѣ за границу: на душу населенія приходится по 20—22 кроны барыша, не считая собственнаго пріобрѣтенія. Лѣсные промыслы доставляютъ, опять-таки по одному заграничному вывозу, отъ 45 до 50 милл. кронъ, и гардангерцы тутъ изъ первыхъ! доходности ихъ земли. Я думаю, каждый изъ нихъ, въ среднемъ, имѣетъ годъ кронъ 30, если не болѣе, не считая стоимости и поддержки ихъ собственныхъ жилищъ, отопленія и пр. Въ заключеніе, они могутъ сказать «земля наша велика, за рѣдкостью населенія, достаточно обильна, и порывовъ, выгодныхъ для народа, въ ней больше, чѣмъ гдѣ-нибудь». Послѣдніе притомъ, нисколько не будутъ хвастовствомъ... Оттого съ удовольствіемъ видѣлъ я на Гардангерѣ крестьянъ одѣтыми лучше парижскихъ рабочихъ въ такую же, но крѣпкую одежду и обувь, ихъ женъ, по праздникамъ, въ сатиновыхъ дорогія украшенія, а въ будни чисто одѣтыми; дѣтей опрятными, хорошо накормленными... Прекраснымъ представителемъ этого благоухающаго народа можно бы выставить Хансена; но онъ вѣдь уже горославецъ и докторъ, а я пока говорю лишь о деревенскомъ населеніи Гардангерской земли или, пожалуй, воды и земли.

Въ теченіе дня многіе изъ жителей гостиницы выбыли на проходимыя пароходы, зато другіе прибыли; вернулись и тѣ, которыхъ я оставилъ въ Викѣ. Составилось довольно большое общество для переѣзда въ Осло, такъ что на пароходѣ, въ слѣдующее утро, стало тѣсно. Это вѣдь бы переѣздъ по лучшей части Гардангера, который тутъ представляетъ одноплесь, совершенно прямой, въ 38 верстъ длиною и до 2 верстъ ширины. То же, что на Лисъ-фіордѣ, близъ Ставангера, но въ гораздо болѣе великихъ размѣрахъ. Руслѣ фіорда заключено между высокими берегами; изъ каскадовъ падаетъ съ послѣднихъ. Мѣстами у воды образовались изъ валуновъ маленькія узенькія площадки, и на нихъ люди построились и занялись хозяйствомъ, въ которомъ съ удовольствіемъ видишь вишни и яблони. Ширина Осло, южнаго конца залива, почти та же, что Сестрорѣкъ подлѣ Петербурга, гдѣ, сколько помнится, яблонь нѣтъ: это — въ Гольфъ-стрима, приносящаго теплоту изъ-подъ тропиковъ. Природы Соръ-фіорда, т.-е. «южнаго залива», такъ привлекательна, что многіе заѣзжіе иностранцы, особенно англичане, остаются тутъ по недѣлямъ въ гостиницахъ, гдѣ-нибудь въ Лофтусѣ, Гримѣ и другихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, особенно же въ Осло. Въ послѣднемъ, куда мы прибыли за 3 часовъ дня имѣется цѣлый рядъ гостиницъ, хорошо содержимыхъ

иногда переполненныхъ туристами, иностранными и даже туземными. Я рѣшился провести тутъ лишнія сутки и началъ осмотръ, разумеется, съ самаго городка. Онъ лежитъ у южнаго берега озера, въ лощинѣ, составляющей продолженіе озерной долины и очень низкой надъ уровнемъ фіорда. Небольшая рѣчка бѣжитъ по этой лощинѣ и составляетъ стокъ озера Сандвена, въ свою очередь наполняемаго водою изъ ручьевъ, сбѣгающихъ съ тѣхъ высотъ на югѣ, западѣ и востокѣ, которыя отдѣляютъ бассейнъ Гардангера отъ водоема Ставангера, южныхъ вѣтвей самого Гардангера и истоковъ рѣкъ, текущихъ на юго-востокъ, къ Скагерраку. Въ мѣстечкѣ Одде, сверхъ церкви, четырехъ гостиницъ и пастората, есть нѣсколько домовъ зажиточныхъ крестьянъ-хозяевъ, телеграфная станція и почтовая контора. Шоссированныя дороги ведутъ отсюда къ Ставангеру, Христиансанду и въ такъ называемыя Тегемарки, высокія плоскости, покрытыя озерами, болотами и лѣсами. Существованіе этихъ плоскостей доказываетъ, что водораздѣльнаго *хребта* ни по границѣ Норвегіи со Швеціей, ни въ самой Норвегіи нѣтъ. Заливы океана (фіорды) посылаютъ свои развѣтвленія далеко внутрь страны, въ высокія ея части; но найти *хребтъ*, нѣкъ обставляющій съ востока, нельзя,—его нѣтъ.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Одде самый интересный предметъ есть, конечно, снѣжный массивъ Фольгефондъ, лежащій на массивѣ кристаллическихъ горныхъ породъ, омываемомъ Гардангеромъ съ запада, сѣвера и востока. Мы уже видѣли одно изъ развѣтвленій этого снѣгового пласта, лежащее на западѣ, къ Морангеръ-фіоду; теперь посмотримъ другое, спускающееся къ востоку. Это—ледникъ Буарбрэ, залегающій въ 3-хъ верстахъ къ западо-юго-западу отъ Одде и питающій своимъ стокомъ озеро Сандвенъ. Его подошва находится на высотѣ всего 300 метровъ надъ моремъ, а вершина слишкомъ на 1,000 м.: при короткости горизонтальнаго заложения, скатъ выходитъ крутой, и ледникъ въ послѣдніе годы, видимо, спускается книзу, подъ влияніемъ собственной тяжести и нарастанія сверху, во время снѣговъ и морозовъ. Среди ледника есть островокъ-скала, съ моренами, какія находятся и по наружнымъ его сторонамъ. Это очень красивый ледникъ; вода въ немъ выходитъ изъ ледяной пещеры; но посѣщать такую нельзя. Другая природная замѣчательность въ близкихъ окрестностяхъ Одде есть каскадъ или водопадъ Абоельвъ — маленькая Ніагара, въ которой озеро Эри замѣнено Сандваномъ. Изъ сосѣдства съ этимъ каскадомъ имѣется широкій видъ на Соръ-фіордъ, а нѣсколько далѣе къ югу, по той же дорогѣ, съ сосѣднихъ ей скалъ, виденъ ледникъ Буарбрэ. Пролѣзая идти по той же дорогѣ далѣе на югъ, достигаешь до Гренсдала съ многообразнымъ видомъ на Соръ-фіордъ во всемъ его объемѣ; потомъ будутъ любопытные каскады: Лотефосъ, Скарсфосъ и Эспеландфосъ, изъ которыхъ послѣдній представляетъ тонкую водяную занавѣску или вуаль, сквозь которую видны сзади лежащіе предметы. Отсюда пѣшеходу надо вернуться той же Одде.

Если же хочется дѣлать болѣе далекія прогулки, то нужно прибѣгать

къ лошадямъ. Последнія дадутъ возможность, напримѣръ, по той же дорогѣ добраться до глубоко лежащаго треугольнаго озера Горсевида узенькимъ каскадомъ, падающимъ въ него съ большой высоты, и съ такимъ великолѣпнымъ видомъ на Фольгфондъ и всю окрестную горную страну, что онъ считается лучшимъ горнымъ видомъ въ Норвегіи. А это не мало.

Нужно же было пойти дождю, чтобы заставить меня покинуть Олде направиться къ выходу изъ Гардангера, то-есть прежде всего назадъ Юндаля. Изморозь или мокрый туманъ сопровождали насъ всю дорогу, пароходный капитанъ, изъ осторожности, шелъ потихоньку, а мы по сторонамъ почти ничего не видали, даже изъ виднаго прежде. Но зато на завтра, съ выходомъ изъ Юндаля, на другомъ уже пароходѣ, солнце насъ привѣтствовало, и мы скоро дошли до Розендала, а потомъ снова, «по новымъ флагамъ», повернули на сѣверъ, къ Бергену.

Теперь бергенцамъ принадлежать сто пароходовъ и двѣсти пятьдесятъ парусныхъ судовъ: портъ обыкновенно заставленъ кораблями, такъ что въ три его могутъ уже плавать лишь гребные лодки. Дома мѣстами построены у самой воды, чтобы сдѣлать удобными погрузку и выгрузку. Другая сторона тѣхъ же домовъ нерѣдко выходитъ на главную улицу города, Страдгаде, и тутъ вы видите магазины, какъ въ любомъ европейскомъ городѣ. Великолѣпныхъ зданій нѣтъ; многіе дома изъ дерева, но въ два и три этажа и съ широкими окнами и дверьми, чтобы легко было грузить товары и имѣть больше свѣта въ покояхъ, особливо зимою. Довольство жителей видна, хотя это простые люди: рыбаки, матросы, лодчаны, купцы. Есть банки консульства, большія купеческія конторы, иностранныя и туземныя агентства, даже особые бюро для туристовъ и, разумеется, конторы пароходства — вездѣ бойкая жизнь! Но по части гостиницъ Бергенъ подгулялъ и нѣтъ—посредственны. Видно, что аристократическіе путешественники тутъ рѣдки. И въ мѣстномъ ученомъ и художественномъ музеѣ главныя вещи—рыбы и предметы рыболовства.

Бергенъ входитъ большимъ угломъ на страницы исторіи своей страны и не одни истреблявшіе другъ друга короли даютъ ему на это право. Истекающемъ XIX вѣкѣ два крупные норвежскіе дѣятели, заставившіе народъ почитать ихъ монументами, получили эти монументы на площади Бергена. Это суть: Кристи, президентъ перваго норвежскаго стортинга и сейма, вотировавшаго соединеніе Норвегіи со Швеціею, и Гольбергъ—рожденный начальникъ современной датско-норвежской литературы, поэтъ и историкъ, жившій въ XVIII вѣкѣ въ Бергенѣ. Вообще, городъ этотъ, по традиціямъ по демократическому духу его гражданъ популярнѣе Христианіи у норвежцевъ и если Норвегія станетъ снова самостоятельнымъ государствомъ, то здѣсь, въ Бергенѣ, будетъ его столица, гдѣ исчезнутъ преданія Копенгагена и Стокгольма съ ихъ данничей, Христианіей, и «сеймъ будетъ дома». Только, когда это будетъ? «Да въ XX столѣтіи, — отвѣтилъ мнѣ одинъ норвежецъ не изъ Б.

на и не изъ Христіаніи,—мы въ этомъ не сомнѣваемся». Но вѣдь Христіанія больше, населеннѣе, богаче и ближе къ Европѣ. «Бисмарковской, Но мы хотимъ сосѣдства Европы свободной... даже Америки! Вѣдь нѣтъ въ послѣдней много». Но климатъ Бергена не изъ лучшихъ и большинство норвежскаго населенія живетъ южнѣ бергенской параллели. «Климатъ здѣсь не хуже христіанійскаго, только подождливѣе. Но въ Трондгеймѣ онъ еще хуже; однако, этотъ городъ былъ же столицей старой Норвегіи, и наши короли тамъ короновались въ соборѣ. Теперь короноваться, конечно, не будутъ, и Бергенъ для правительства будетъ наилучшею мѣстностью». — А полагаете ли вы, что изъ Бергена выйдетъ хорошій умственный центръ страны? Вѣдь вонъ въ Христіаніи университетъ, а здѣсь только коммерческое училище. И вашъ теперешній главный писатель, Ибсенъ, не живетъ въ Бергенѣ. — «Ибсенъ! Да умственно, я хочу сказать, вообще, думаю, это—нѣмецъ, вродѣ философа Нитцше, и если беретъ данныя изъ нѣмецкой жизни, то лишь чтобы оправдывать свои нѣмецкія измышленія. Университетъ въ Бергенѣ—дѣло наживное, и его можно построить, оставивъ и прежній, въ Христіаніи. Вѣдь есть же у швейцарцевъ четыре университета на страну въ семь разъ меньше нашей: мы не глушѣ швейцарцевъ». — Но малочисленнѣе и разбросаннѣе. — «Это неважно. Сообщеніе между различными частями страны у насъ не трудны, и Бергенъ для Норвегіи—не центральный пунктъ, чѣмъ Христіанія. А это важно. Мы не хотимъ, чтобы столица страны была съ краю ея, какъ въ Россіи Петербургъ, вмѣсто Москвы: тамъ размножаются люди чужіе своей странѣ, бездушные ея эксплуататоры». Я приподнял шляпу, чтобы отдать честь патриотизму норвежца, улыбнулся. Разговоръ нашъ пресѣлся.

Бергенъ обставленъ горами съ юга и сѣвера. Последнія служатъ мѣстомъ прогулки для горожанъ, и я отправился туда на второй день поутру, благо погода была хороша. Дорога на гору идетъ большими зигзагами и приводитъ на плоскогорье Флонфельдеты въ 250 метровъ надъ моремъ. Тутъ имѣется кафе или трактирчикъ, а внизу виднѣются городъ, горы и высоты противоположнаго берега залива. На последнемъ имѣется мѣсто для наблюденія города и порта, Лѣвстакенъ; говорятъ, что оттуда еще лучше, но я не пошелъ, за дальностью. По дорогѣ въ Лѣвстакенъ, не далеко отъ станціи желѣзной дороги, можно зайти въ Норманскъ, сравнительно небольшой паркъ, а потомъ, на обратномъ пути, въ музей. Тутъ останется по улицѣ Кристи вернуться въ кварталъ, въ банкъ и думы, чтобы покончить обзоръ города, что я и сдѣлалъ, хотя нѣсколько ближе узнать его на обратномъ пути.

Зуда однако же ѣхать далѣе? Прямо ли въ Трондгеймъ или въ промежуточные мѣста, не исключая Согнефіорда, длиннѣйшаго изъ всѣхъ заливовъ въ Норвегіи, какъ Гардангеръ—прекраснѣйшій? Посоветовавшись кое-какъ изъ знающихъ край и пароходныхъ расписанія и обычая, рѣшился ѣхать въ Алесундъ или даже прямо въ Мольде, станцію, знаменитую мѣстами туманами. Въ «Бюро путешественниковъ» сейчасъ разъяснили, какой

пароходъ слѣдуетъ взять, потому что ихъ отходить на сѣверъ нѣсколькихъ. Поѣдемъ до Алезунда, а тамъ увидимъ далѣе, сообразно съ ходомъ плаванія. Не особенно веселое это занятіе вилать между шхерами, а между тѣмъ все плаваніе отъ Бергена до Алезунда состоитъ въ этомъ. Цѣлыя сутки даже болѣе, тащились до Статланды и, наконецъ, выскочили на время на океанъ, но лишь затѣмъ, чтобы узнать, что тутъ начинаются другого рода неприятности. Отъ полуострова, а вмѣстѣ и высокаго мыса, Статланды среднее направленіе норвежскаго берега измѣняется, вмѣсто меридианнаго становится сѣверо-восточнымъ; полярнымъ вѣтрамъ больше свободы, и они даютъ себя чувствовать. А пароходъ, какъ на зло, держитъ путь съ вѣтренной стороны фіордовъ, а не съ внутренней, гдѣ острова охраняютъ судно отъ волны и качки. Въ заключеніе, береговныя скалы, какъ будто становятся выше и отвѣснѣе. Была одна такая, что кажется нависшею и это при верстовой почти вышины. Разумѣется, отъ нея надобно спастись.

Но вотъ и Алезундъ. Это порядочный городокъ, съ 8,000 населенія, съ большою торговлею трескою. Можете догадываться о запасѣ въ портѣ. Городокъ расположенъ на двухъ сосѣднихъ островкахъ и существуетъ вотъ шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ, это—сынъ XIX столѣтія, бойкій и быстрый, его обороты достигаютъ шести милліоновъ кронъ въ годъ. Порядочныя гостиницы, таможня, церковь и школа. Туристы лѣтомъ тутъ многочисленны, ради большого числа пароходовъ, сплывающихъ въ разныя стороны, по сосѣднимъ фіордамъ. Невдалекѣ отсюда жилъ нѣкогда викингъ или корсарь Хрольфъ-Галеръ или Хорольфъ. Въ 912 г. онъ собралъ шайку соратниковъ и отвоевалъ у слабыхъ потомковъ Карла Великаго Нормандію. А потомъ, полтора ста лѣтъ спустя, одинъ изъ его потомковъ, Вильгельмъ завоевалъ цѣлую Англію. Храбрые были люди! Одной треской не довольствовались.

Отъ Алезунда рукой подать до Мольте: четыре часа ѣзды и два часа хода въ день. Мѣстечко Мольте, на фіордѣ того же имени, издавна служитъ центромъ экскурсій, водяныхъ и сухопутныхъ. Въ немъ менѣе 2,000 населенія, но есть церковь, почта, телеграфъ, аптека и цѣлый рядъ гостиницъ, въ которыхъ иногда бываетъ такъ много постояльцевъ, что не найти комнатъ, даже кровати. Приходится просить пристанища у мѣстныхъ жителей, охотно, впрочемъ, дающихъ его. Оставаться долго въ этой мѣстности собственно для ней почти не стоить: совершилъ прогулку на близкомъ холмѣ Рекнесъ, гдѣ разведенъ паркъ и откуда хорошіе виды на окрестности,—ну, и довольно. Но есть соблазнъ съѣздить изъ Мольте въ уицъ Ромсдаль и особенно въ Эйкисдаль; только тутъ предстоитъ много ѣзды по дорогамъ, а не водю, и видѣть «старую исторію» горъ, болѣе или менѣе покрытыхъ снѣгомъ, чего и впереди, за Трондгеймомъ, предстоитъ много, какъ будто не охота. Передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на эти поѣздки, которыхъ потребовалось бы дня два-три, а можетъ и больше, я повторю русскую сказочную поговорку: «утро вечера мудренѣе» и легъ спать.

автра же до сухопутныхъ прогулокъ охота пропала, и я оставилъ промовутое Мольте для переезда въ Трондгеймъ.

По дорогѣ, одинъ изъ безчисленныхъ въ Норвегіи Христіанъ-градовъ, а этотъ разъ Христіансундъ, городъ на четырехъ островахъ съ портомъ посрединѣ и запасами въ немъ трески-дроша, особаго разряда, вывозимаго предпочтительно въ Испанію. Желалъ бы я, чтобы кто-нибудь далъ себѣ трудъ написать статистику лова и потребления этой не совсѣмъ благовонной рыбы. Извѣстный любитель и знатокъ скандинавскаго сѣвера, Шарль Рабо, недавно обнарудовалъ нѣкоторые, относящіеся сюда, цифры; но все же мы не знаемъ, гдѣ именно и сколько есть на свѣтѣ трескоѣдовъ. Я по опыту знаю, что треску ѣдятъ даже въ порядочныхъ ресторанахъ Парижа, конечно, со смягчающими соусами; но все же кажется, что это рыба матросская и извозничья и популярная болѣе между сѣверянами, чѣмъ южанами. Кромѣ мускуловъ этой рыбы, идущихъ въ пищу, изъ нея извлекаютъ жиръ, не знаю почему признаваемый чѣмъ-то лѣкарственнымъ и, въ всякомъ случаѣ, препротивный. Чтобы получить русскій фунтъ этого жира, нужно имѣть въ своемъ распоряженіи отъ 100 до 200 рыбъ, смотря по ихъ величинѣ: тутъ же его цѣна.

За Христіансундомъ почти немедленно мы уходимъ изъ океана въ проливы, отдѣляющіе отъ материка довольно значительные острова Смѣленъ, Литтеренъ и другіе, все скалистые и мѣстами высокіе. Зеленъ, особливо лѣсная, тутъ уходитъ вдаль отъ океана и его вѣтровъ и соленой водяной пыли или мелкихъ брызгъ; однако, гдѣ есть деревья, то это далеко не одніе березы, а липы, осины, даже клены. Теплота Гольфъ-стрима продолжаетъ называть свое вліяніе на растительность береговой полосы Норвегіи; и только вдали отъ береговъ, съ подъемомъ нагорья, растительный его покровъ смѣняется снѣжнымъ. У входа въ Трондгеймскій фіордъ есть станція Бейенъ, гдѣ нѣмцы пересаживаются на пароходъ, идущій прямо къ сѣверу, въ полярныя мѣстности; но я хочу видѣть старую столицу Норвегіи и направляюсь еще на востокъ. Скоро мы достигаемъ этого города, котораго портъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что состоитъ изъ ряда бассейновъ, отдѣляемыхъ отъ моря плотинами, какъ въ Шербургѣ и отчасти въ Одессѣ. Искусство тутъ помогло природѣ изъ уваженія къ историческому центру города.

За исключеніемъ нашего Архангельска (64°34' ш.), нѣтъ сколько-нибудь значительнаго города въ Европѣ, который бы находился столь же близко къ полюсу, какъ Трондгеймъ (63°25'). Чтобы стянуть и удерживать людей этими широтами 25,000 жителей съ европейскими потребностями и обычаями, надобны были исключительныя условія физико-географическія и политическія, а чтобы сдѣлать, хоть на время, изъ этого города столицу довольно обширной страны, требовалось исключительное стеченіе обстоятельствъ, благопріятныхъ тому. Климатъ мѣстности не хуже другихъ, такіе есть на западномъ приморьѣ Норвегіи; топографія города имѣетъ ту особенность, что прежде изобрѣтенія артиллеріи его нельзя было штурмо-

вать, потому что онъ окруженъ почти отовсюду широкой и глубокой рѣкой; наконецъ, передовая его историческая роль опредѣлилась тѣмъ, что къ сѣверу отъ него живутъ уже финны и лопари, долгое время бывшіе враждебными пришлымъ съ юга готамъ-норвежцамъ. Короли норвежцевъ здѣсь долго жили и продолжаютъ короноваться въ мѣстномъ соборѣ. Наконецъ, вѣками установилось торговое значеніе Трондгейма, какъ средоточія продажи и покупки не одной рыбы, но и мѣховъ. Тутъ и до сихъ поръ можно пріобрѣтать въ розницу и оптомъ шкуры бѣлыхъ медвѣдей и разныхъ другихъ полярныхъ звѣрей, несмотря на систематическое ихъ истребленіе охотниками. И для ловли китовъ въ Сѣверномъ океанѣ Трондгеймъ есть удобная точка отправленія морякамъ. Столицей Норвегіи Трондгеймъ сдѣлался при Олафѣ, современникѣ Владиміра Краснаго Солнышка; а упалъ политически особенно послѣ реформациі, отнявшей у бывшихъ тутъ католическихъ церквей ихъ религіозное значеніе, наприм., черезъ увозъ куда-то мощей покровителя города, Святого Олафа. Увеличиваться и уменьшаться городу было не особенно трудно, потому что онъ искони былъ деревяннымъ, какъ наши Новгородъ и Псковъ, да и доселѣ остается отчасти такимъ же. Не знаю, какъ было въ древности, но въ наше время этотъ, не особенно же многочисленный, городъ отличается довольно широкими улицами, въ виду предостереженія отъ охвата пожарами, которые въ прежніе вѣка истребляли его пятнадцать разъ. Дерево въ судьбѣ Трондгейма играетъ и другую важную роль: изъ него здѣсь строятся многочисленныя парусныя суда, оно же идетъ на потребности мѣстнаго морского арсенала, принадлежащаго казнѣ.

Съ желѣзнодорожной станціи Трондгейма отходятъ поѣзда въ двухъ направленіяхъ: на востокъ въ Стокгольмъ, на югъ въ Христіанію. Это даетъ городу не малое преимущество надъ другими западо-норвежскими населенными пунктами, не исключая, пожалуй, и Бергена. Многіе любители крайняго сѣвера пріѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ Стокгольма и Христіаніи и тамъ уже садятся на «пароходъ туристовъ». Это вѣдь официальное названіе большихъ пароходовъ, плавающихъ къ Нордкапу въ теченіе лѣта. Можно садиться на пароходы этого разряда много раньше, но я пріѣхнулъ къ нимъ лишь въ Трондгеймѣ, между прочимъ, потому, что рѣшился высаживаться на берега какъ можно меньше и лишь тамъ, гдѣ это принято большинствомъ туристовъ. Иначе предстояло бы растянуть поѣздку на слишкомъ долгое время и много странствовать по фіордамъ, которыхъ основной мотивъ вездѣ одинъ и тотъ же: длинный, узкій заливъ, со множествомъ изгибовъ и вѣроятностью небольшихъ ледниковъ въ верховьяхъ. «Пароходы туристовъ» выходятъ изъ Трондгейма вечеромъ по понедѣльникамъ и четвергамъ; но надо записаться заранее, чтобы получить мѣсто: такъ много охотниковъ, а періодъ навигаціи такъ коротокъ! Плаваніе до Нордкапа требуетъ четырехъ дней; и въ дѣйствительности расходуетъ ихъ пять, даже болѣе, такъ что вся прогулка на Нордкапъ изъ Трондгейма совершается, впередъ и назадъ, въ десять дней. Мѣсто на пароходѣ,

съ продовольствіемъ, обходится въ 420 или 350 франковъ, смотря по ка-
штѣ и добавкѣ къ обѣду полубутылки вина, которое въ этихъ широтахъ
получается издалека. Англичане, т.-е. большинство туристовъ, обходятся
линомъ или джинномъ, смотря по погодѣ и личному вкусу. Первый сутки
пароходъ идетъ вдоль берега, мѣстами прикрываясь отъ волнъ океана
шхерани, иногда даже порядочными островками. Мы не заходимъ въ Мам-
лазъ, лежащій на боковомъ фіордѣ, а проходимъ въ одномъ мѣстѣ узкій
проливъ Норезундъ, отдѣляющій отъ материка островъ Индревигтенъ, а
потомъ болѣе широкій проливъ, отграничивавшій островъ Лекё. Шхерный
міръ, какъ извѣстно, имѣетъ своихъ любителей, а я не изъ ихъ числа.
Мнѣ все кажется, что съ пароходомъ повторится исторія эскадреннаго бро-
васеца *Гомеуда*; но норвежскіе мореходцы, повидимому, свои моря зна-
ютъ хорошо, и мы идемъ, хоть и вялая по временамъ, но безъ приключе-
ній и съ немалой скоростью. Показывается вѣтвь сахарная голова, точ-
нѣе—коническая шапка, въ 120 сажень вышины, называемая Торгетанъ:
это курьезъ, и общественное вниманіе возбуждено. Дѣло въ томъ, что
мѣсти на половинѣ этой горы или немного ниже ея вода промыла сквоз-
ное отверстіе въ скалѣ и его можно видѣть со стороны. Пароходъ зави-
саетъ надлежащимъ образомъ и попадаетъ въ направленіе галлерей - от-
верстія: тогда сквозь послѣднее виденъ кусочекъ неба. Немедленно тре-
буется шлюпка, и любители отправляются осматривать «чудо природы».
Эта остановка входитъ въ программу плаванія и убѣждаетъ, что въ горѣ
есть дѣйствительный пещеровидный проходъ въ 10 сажень высоты и 80
длин. Стѣны его порядкомъ отшлифованы; мѣстами на полу навалены
купи шлифованныхъ камней, нѣкогда движимыхъ моремъ. Явленіе любо-
пытное; но когда оно было? Теперь дно пещеры на 60 сажень выше мор-
ского уровня, и волны туда не достигаютъ. Мѣстные простолюдины раз-
сказываютъ про пещеру цѣлую азычскую легенду. Было, видите ли, два
брата или героя, влюбленныхъ въ одну и ту же красавицу. Одинъ силой
унизилъ ее, а другой послалъ въ догонку стрѣлу, которая и пронзила ска-
лу, за которую хищникъ думалъ спрятаться...

Мы теперь приближаемся къ полярному кругу, т.-е. скоро не будетъ
ничей ночей, а только дни.

Тѣмъ и Альстенъ, у Вассенъ - фіорда, двѣ живописныя мѣстности,
въ которыхъ можно нѣсколько успокоить глазъ, соскучившійся по зелени,
потому что шхеры — голыя скалы, желто - бураго, а иногда почти чер-
наго цвѣта, по берегамъ же фіорда стоятъ густо-зеленые лѣса. Въ прида-
чу, тутъ открывается видъ на хребетъ «Семь Сестеръ», т.-е. горныхъ вер-
шинъ, большую часть года покрытыхъ снѣгомъ. Красавицы, впрочемъ, та-
мъ и облажаются подъ вліяніемъ іюльскаго солнца. Къ сѣверу отъ Аль-
стена, на островѣ Коббардалъ, есть обширный источникъ, утятиникъ, въ
которомъ практическіе норвежцы держутъ гагаръ. Эти богатые пухомъ
птицы ловятся тутъ массами и приносятъ населенію доходъ. За Коббар-
далемъ открывается входъ въ Ранетъ-фіордъ, самый живописный изъ сѣ-

верныхъ, но почему-то не посѣщаемый пароходами туристовъ. Онъ особенно богатъ строевымъ лѣсомъ, изъ котораго сооружена большая часть строений норвежскаго сѣвера.

Продолжая плыть къ сѣверу и сѣверо-востоку, по шхерамъ, скоро прибываешь подъ 66°30' широты, т.-е. на полярный кругъ, да кстати и на параллель южнаго конца Свартиса, знаменитаго въ Норвегіи ледника. По принятому порядку, хлопаютъ изъ пушки и изъ бутылки съ шампанскимъ. Здѣсь знакомятся впервые съ тѣмъ полярнымъ освѣщеніемъ, которому средне-европейцы не вѣрятъ, видя его на картинахъ норвежскихъ художниковъ. Оно однако же существуетъ на дѣлѣ: «ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ», какъ демонъ у Лермонтова, точнѣе—свѣтъ, разведенный пятнами мрака, соответствующими облакамъ. *Совсѣмъ* солнце не заходитъ; но вечерняя заря, именно полумрачная и разноцвѣтная, длится нѣсколько часовъ и постепенно переходитъ въ утреннюю, не переставая, въ строгомъ смыслѣ, быть днемъ, потому что солнце не исчезаетъ подъ горизонтъ, хотя и касается его. Въ слѣдующія сутки оно и касаться перестанетъ, а поднимется выше.

Съ приходомъ въ приполярныя страны, ожидаешь встрѣтить плавающіе приполярные льды, тѣмъ болѣе, что на западной сторонѣ Атлантическаго океана, у береговъ Исландіи и Гренландіи, они массивны и очень обильны. Ничего подобнаго у норвежскихъ береговъ, подъ тѣми же широтами, нѣтъ. Вода въ океанѣ и даже въ фіордахъ совершенно чиста ото льда. По наблюденіямъ, сведеннымъ норвежскимъ физикомъ и метеорологомъ Мономъ, термометрическая ось Гольфстрима проходитъ въ 200 верстахъ отъ Норвегіи, и если теплота къ краямъ потока убываетъ, то не въ такой мѣрѣ, чтобъ у скандинавскаго берега вода замерзала. Вспомнимъ наши ледяныя массы въ Охотскомъ морѣ, даже въ Татарскомъ проливѣ, на цѣлыя 20' широты къ югу; вспомнимъ Владивостокъ, подъ 43° шир., замерзающій на цѣлыхъ четыре мѣсяца, и поздравимъ Норвегію съ ея счастливымъ климатомъ. На Нордкапѣ зимою, въ январѣ, бываетъ не холоднѣе, чѣмъ въ Астрахани о ту же пору.

Но въ вертикальномъ направленіи холодъ на норвежскихъ горахъ быстръ, растеть съ поднятіемъ вверхъ, едва ли не быстрѣе, чѣмъ въ Альпахъ и на Кавказѣ. На горномъ массивѣ Свартисѣ, подъ 67°41', снѣгъ лежитъ въ чистымъ слоемъ, даже въ самое теплое лѣто, когда въ окрестностяхъ Бодѣ т.-е. даже нѣсколько сѣвернѣе, но на 1,000 метровъ ниже, растеть прекрасная флора средней Европы. Въ Швейцаріи для такого же геоботаническаго скачка, пожалуй, потребовались бы цѣлыя 2,000 метровъ. Это конечно, зависитъ отъ того, что нижнія, приморскія части Норвегіи защищены отъ морозныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ горами, а верхнія, именно эти самыя горы нѣтъ.

Бодѣ хоть и уѣздный городъ, но по наружности походить на деревню, пожалуй, на село, съ 3,600 душъ населенія: дома въ немъ деревянные. Есть въ немъ, однако, одно выдающееся, каменное и не красное или жел

тое, а блѣое зданіе: это тюрьма. Только зачѣмъ чиновники построили ее? Арестантовъ обыкновенно нѣтъ! Есть и еще кое-какія не крестьянской архитектуры постройки, наприм. церкви; но, въ общемъ, это село—самое большое—мѣстечко, впрочемъ, съ порядочною гостиницею. Изъ окрестностей больше всего привлекаетъ туристовъ Салгстремъ, водоворотъ, скорѣе, впрочемъ, въ вертикальномъ, чѣмъ въ горизонтальномъ направленіи, позволяющій судамъ проходить изъ одного фіорда въ другой иначе, какъ во время прилива, т.-е. два раза въ день. Болѣе отдаленную замѣчательность Бодѣ составляетъ гора Сулительма, высшая изъ норвежскихъ; но до нея надобно ѣхать нѣсколько часовъ по фіорду и потомъ по сухому пути. Высота ея 1,883 метра, т.-е. она немногимъ выше швейцарской вершины Риги, близъ Лютерна; но темя ея покрыто вѣчнымъ снѣгомъ.

Бодѣ и не далекіе отъ него Лафоденскіе острова составляютъ важные центры рыболовства, особливо для заготовленія въ прокъ трески. Эта рыбная ловля поглощаетъ у населенія всѣ первые четыре мѣсяца въ году, причемъ мужчины ловятъ, а женщины потрапаты и солятъ. Пароходы возятъ туристовъ на Лафодены именно ради наблюденія различныхъ сценъ рыболовства. Кромѣ того острова заслуживаютъ посѣщенія и по причудливой конфигураціи ихъ почвы, очень гористой, съ высокими пирамидальными пиками. Выходъ изъ нихъ архипелага къ сѣверу, въ океанъ, можно бы считать у острова Андо, подъ 69° широты, но это предѣлъ совершенно условный, ибо если у Андо мы касаемся океана, то вслѣдъ за тѣмъ снова входимъ въ рядъ проливовъ и фіордовъ, продолжающихся до островка Лёгё, всего въ 290 верстахъ отъ Нордкапа. Но это уже сѣвернѣе Тромзё, который въ этихъ мѣстахъ для путешественниковъ есть лучшая точка для ориентировки, хотя бы по своей населенности (6 тыс. д.) и по существованію двухъ гостиницъ, и ряда церквей, и порядочныхъ лавокъ съ европейскими товарами. Въ Тромзё сверхъ этихъ предметовъ и даже впереди ихъ, по новостямъ интереса, стоятъ еще станъ лопарей, къ которому и спѣшатъ обыкновенно путешественники. Лопарскія юрты, круглыя, съ отверстиями для дыма въ срединѣ крыши, напоминаютъ жилища нѣкоторыхъ туземцевъ Сибири, а сами лопари уже оленеводы, а не только рыбаки. Есть у нихъ и нѣкоторые кустарные промыслы, наприм., приготовленіе одежды и обуви изъ оленьихъ шкуръ, ложекъ изъ оленьихъ роговъ. Оленье молоко изъ любимая пища; но они не прочь и отъ водки или вообще алкоголя въ разныхъ его видахъ, легко добываемыхъ въ Тромзё отъ европейцевъ.

Сухопутная прогулка къ лопарямъ нѣсколько утомила меня, и, вернувшись на пароходъ, я рѣшился впередъ не дѣлать такихъ, чтобы сберечь силы для Нордкапа. До него вѣдь ужъ недалеко, всего какихъ-нибудь 290 миль и сутки съ небольшимъ ѣзды. Вотъ мы снова плывемъ по какому-то зунду (проливу) и у какого-то островка выходимъ въ океанъ, впрочемъ все придерживаясь береговъ. Красивыя, гористыя мѣста, со счастливымъ сочетаніемъ двухъ главныхъ элементовъ всякаго порядочнаго пейзажа.

зажа—горь и воды. Передъ самымъ выходомъ въ океанъ, на островѣ Каагё, стоитъ гора въ 1,200 метровъ высоты и съ ледникомъ, съ нея спадающимъ. Дальше снѣжныя горы и ледники перестаютъ быть рѣдкостью; таковъ, наприм., пикъ Юкельфильдъ, съ котораго спускаются два ледника, въ заливамъ Бергсъ-фіордъ и Оксъ-фіордъ; такова гора Ядеи на о-вѣ Сейландѣ.

За Сейландомъ «въ пяти шагахъ» Гаммерфестъ, до послѣдняго времени считавшійся самымъ сѣвернымъ городомъ на землѣ ($70^{\circ} 40'$ ш.). Здѣсь уже «пахнетъ Русью», потому что есть русскій консулъ, хотя и нѣтъ «русскаго духа». Отсюда, напротивъ, къ намъ, на Новую Землю, отходятъ корабли норвежскихъ рыболовъ. Китоловы же плаваютъ изъ Гаммерфеста въ сторону Шпицбергена и въ такъ называемое Баренцево море. Въ городкѣ готовятъ тресковый жиръ, почему воздухъ непривлекательно пахнетъ. Какая-нибудь обитательница Ниццы пришла бы въ ужасъ отъ необходимости дышать имъ. За то астрономы могутъ радоваться въ Гаммерфестѣ: тутъ стоитъ гранитный столбъ съ слѣдующею надписью по-латыни и по-норвежски:

«Сѣверная оконечность дуги меридіана въ $25^{\circ} 20'$ измѣренной между Ледовитымъ океаномъ и Дунаемъ, черезъ Норвегію, Швецію и Россію, по повелѣнію и подъ покровительствомъ императоровъ Александръ I и Николая I, и короля Оскара I. Геометры трехъ націй трудились съ 1816 по 1852. Шир. $70^{\circ} 40', 11, 3''$ ».

Итакъ, сѣверный конецъ самой длинной изъ вымѣренныхъ на землѣ дугъ меридіана находится не на Нордкапѣ, какъ говорили мнѣ въ Петербургѣ, а въ Гаммерфестѣ. Здѣсь же въ 1823 году дѣлалъ наблюденіе надъ маятникомъ Себайнъ: для славы городка, съ двумя тысячами душъ населенія, этого за-глаза довольно.

Отъ Гаммерфеста на сѣверо-востокъ, къ Нордкапу, частію по океану, частію по проливамъ между островами, совершенно голыми скалами, которые, правда, смягчаютъ приливъ волнъ океана, но за то мѣшаютъ видѣть издалека желанную цѣль путешествія. На двухъ изъ этихъ острововъ есть небольшія церкви и дома полицейскихъ чиновниковъ. Передъ самымъ островомъ Магерё, на которомъ находится знаменитый мысъ, пароходъ туристовъ дѣлаетъ поворотъ направо и обходитъ островъ съ юга, чтобы подойти къ мысу съ юго-востока: онъ отсюда представляется величавѣе, хотя большая часть фотографій изображаетъ его съ запада. Здѣсь, подъ $71^{\circ} 10'$ широты убѣждаешься, что на сѣверѣ отъ мыса дѣйствительно ничего нѣтъ кромѣ воды, на далекое разстояніе, но на западѣ, если погода ясна, видны островки Хельмсе и Инго, а на востокъ—Нордкингъ, настоящая сѣверная оконечность европейскаго материка ($71^{\circ} 6'$ ш.), связанная съ нимъ неразрывно. Пароходная пристань у Нордкапа называется Хоривикъ, и отъ нея на высокое плоскогоріе ведетъ искусственная дорога. Чтобы не скользить по

во время частыхъ здѣсь дождей и тумановъ, устроены поручни изъ ста, прикрѣпленнаго къ ряду желѣзныхъ скобъ. Гидъ гласитъ, что нахождение нужно 50 минутъ; но это предполагаетъ бѣдекеровскія ноги: большинства публики такихъ ногъ и крѣпкихъ легкихъ нѣтъ;—нуженъ крайней мѣрѣ часъ, да и то лишь для подъема на плоскогорье, а потомъ еще 25 минутъ на достиженіе передовой высоты мыса, т.-е. Нордкапа собственно. И тутъ идти слѣдуетъ вдоль желѣзной проволоки, держась за нее, а то можно поскользнуться и полетѣть внизъ. На самомъ концѣ пункта мыса стоитъ гранитный столбъ въ память посѣщенія императоромъ Оскаромъ II; около него лица, желающія видѣть солнце въ полночь, пьютъ обыкновенно въ этотъ торжественный моментъ шампанскаго. Между моими спутниками шла рѣчь о томъ, чтобы построить тутъ новую кѣтку и въ нее вложить книгу для записыванія именъ. Но я отказался, что это—пустое тщеславіе и не подписался; да и многіе другіе были то же. Удивляюсь, что мѣстный сторожъ давно не догадался изобрѣсти людскому тщеславію... А можетъ быть запрещено...

Послѣ свиданія съ солнцемъ въ полночь, остается «вернуть оглобли назадъ», что, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ было впередъ по скользкости обыкновенно покроватаго грунта. Такъ или иначе достигаешь парохода и отправляешься обогнуть Нордкапъ съ сѣвера. Спасибо пароходной компаніи за предложенный ею способъ обходить островъ Магерё въ направленіи, противъ солнечному теченію. На память о Нордкапѣ остается лучший его видъ съ запада. Массивная, почти черная скала, съ выдавшимся налѣво носомъ, передъ угломъ при горизонтѣ равенъ 65 или 70 градусамъ, потомъ, налѣво, почти горизонтальная, высокая площадь сланцеватой толщи Магерё—вотъ что представляетъ Нордкапъ съ запада. Теперь поѣдемте въ Гамфестъ нѣсколько отдохнуть, записать эти строки и приготовиться къ новымъ экскурсіямъ, намѣренно пропущеннымъ пароходною компаніею въ передній путь.

Первая изъ этихъ экскурсій направляется въ Линге-фіордъ, между Гамфестомъ и Тромсё, ближе къ послѣднему. Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ живописнѣйшихъ фіордовъ сѣверной Норвегіи, обставленный съ западной стороны высокими горами, съ которыхъ спускающіеся ледники достигаютъ до уровня моря. У кого есть охота, тотъ можетъ подняться мѣстами снѣговой массивъ, даже пересѣчь его и спуститься къ Ульфс-фіорду; любители снѣжныхъ горъ найдутъ удовольствіе въ прогулкѣ къ Пингвуду (1,232 м.), съ котораго падаетъ ледникъ. Въ Лингенѣ, у начала второй половины фіорда, расположена обычная въ Норвегіи группа изъ зданій: церкви, пастората и дома врача, а по сосѣдству высится Гольборре, въ 1,250 м. высоты. Удивляешься сначала, изъ кого состоитъ церковный приходъ, по, осмотрѣвшись по берегамъ фіорда, замѣчаешь присутствіе нѣсколькихъ домиковъ-одиночекъ: ихъ хозяева—прихожане пастора и пациенты врача. Кабака на «погостѣ» нѣтъ, что, пожалуй, было бы какого-нибудь олончанна или новгородца; но мѣстный лѣн-

десмэнъ, староста, даетъ пріютъ заѣзжмъ на погостѣ согражданамъ норвежцамъ и даже иностранцамъ, дѣлающимъ прогулки по живописнымъ окрестностямъ.

Другая дополнительная, «обратная» экскурсія парохода направляется въ Майозундъ и Салансель-фіордъ, между Тромсё и Бодё. Здѣсь также на первомъ планѣ снѣжныя горы и ледники (наприм., Факстиндъ, въ 1,218 м.), что не исключаетъ и не замерзающихъ каскадовъ. Вслѣдствіе узкости проливовъ, величавое впечатлѣніе сосѣднихъ высокихъ массъ выигрываетъ. Далѣе на югъ, за Лафоденами и особенно за Бодё, ледники играютъ меньшую роль въ строеніи норвежскаго побережья; однако даже невдалекѣ отъ Трондгейма еще имѣется снѣжный массивъ Свартисъ, болѣе ста верстъ длиною и отъ 20 до 25 шириною: о нихъ, кажется, я уже говорилъ въ передній путь. Къ югу отъ полярнаго круга страна становится замѣтно теплѣе, и мы на обратномъ пути парохода заходили въ оазисъ Намсоса, гдѣ уже имѣется правильное воздѣлыванье полей, несмотря на $64\frac{1}{2}^{\circ}$ широты. Повидимому, и на животномъ царствѣ перемѣна климата къ лучшему отзывается: въ Намсосѣ гораздо болѣе ловятъ лососну, чѣмъ треску, но возможно, что это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ свойства воды: Намсосъ лежитъ хоть и на морскомъ заливѣ, но при устьѣ рѣки. О природѣ окрестностей Трондгейма я уже говорилъ.

Съ возвращеніемъ въ древнюю столицу Норвегіи и по оставленіи «парохода туристовъ», самъ собою возникъ для меня вопросъ: куда же теперь ѣхать? Разумѣется, ѣхать къ югу, то-есть домой. Въ Трондгеймѣ соблазнъ великъ: есть двѣ желѣзныя дороги, и можно, не повторяя задовъ къ сторонѣ Бергена, проѣхаться на Стокгольмъ или еще прямѣе, на Христианію, сухопутно. По послѣднему пути нужно всего одна сутки для перѣзда черезъ всю недосмотрѣнную Норвегію. Но это была суша, а я хотѣлъ сдѣлать прогулку преимущественно морскую: поэтому христіанійская дорога была оставлена въ сторонѣ (она же и скучна, судя по описаніямъ), и я сѣлъ на пароходъ въ Бергенъ, но съ билетомъ только до Согнесъ-фіорда. Норвегія вѣдь страна фіордовъ, явленія, болѣе не повторяющагося ни въ Европѣ, ни въ Азіи, ни въ Африкѣ, а Согне-фіордъ есть самый большой изъ нихъ: ѣдемъ смотрѣть его! Кстати вспомнимъ, что онъ имѣетъ 175 верстъ длины, обыкновенно 2—3 версты ширины и часто болѣе версты глубины: это такая наполненная водою трещина или щель въ земной корѣ, которую стоить видѣть въ подлинникѣ, а не только на картахъ и въ сочиненіяхъ по геологіи. Верховья его притомъ окружены снѣговыми горами, и снѣгъ на нихъ таетъ лѣтомъ, производя полноводія, такъ что верховья фіорда становятся похожими на рѣку, съ теченіемъ воды къ низу, тогда какъ обыкновенно въ фіордахъ вода стоячая или двигается лишь приливами и отливами, приходящими съ моря и періодически измѣняющими направленіе.

Въ Согнефестѣ, гдѣ начинается плаваніе по фіорду и гдѣ, конечно, приходится мѣнять пароходъ, этихъ судовъ нрѣдко собирается по нѣ-

сколку: одни съ сѣвера, другія съ юга, третьи съ востока, четвертыя—
 исходящія на востокъ, ибо по Согне-фіорду не одна линія, а двѣ, правая
 и лѣвая, впрочемъ съ перекрещивающимися путями. Населеніе по берегамъ
 фіорда довольно густое, а главное—живущее по цѣлому ряду мелкихъ за-
 ливовъ, направо и налѣво. Для туриста важно знать, что иногда эти-то
 заливы и представляютъ наиболѣе живописныя мѣстности. По мѣрѣ дви-
 женія къ востоку уровень фіорда все болѣе и болѣе врѣзывается въ релье-
 фъ почвы, т.-е. берега становятся выше и круче. Уже у Вика, въ 60 вер-
 стахъ отъ входа, виднѣются въ сосѣдствѣ снѣжныя горы, потомъ онѣ
 становятся все чаще и чаще, не подходя впрочемъ къ самому фіорду ра-
 вѣ Молдена или даже Дёзена, на Листерѣ, сѣверномъ верховьѣ Согне-фіор-
 да. Шёльдентъ, самая крайняя точка фіорда къ сѣверо-востоку, гдѣ есть
 гостиница, окружёнъ снѣжными горами съ трехъ сторонъ, и охотники мо-
 гутъ отсюда пускаться въ самую глубь средненорвежскихъ альповъ. Еще
 лучше сдѣлаютъ тѣ, которые высадятся у Марнферена, черезъ который
 проходитъ колесная дорога на сѣверъ, вдоль по рѣкѣ Лостедалю. Возвра-
 щеніе изъ Шёльдена въ Согнефестъ имѣетъ также свою прелесть, хотя
 это—обратное повтореніе вчерашней прогулки: нныя мѣстности, прежде не
 замѣченныя, представляются въ привлекательномъ видѣ. Но нѣтъ каска-
 довъ, столь очаровательныхъ на Гардангерѣ.

Отъ Согнефеста до Бергена всего четыре часа плаванія по шхерамъ.
 Потомъ я воспользовался остановкою въ этомъ городѣ, чтобы сходить на
 важный *point de vue*, Лёветаккенъ, откуда видъ на заливъ и городъ дѣй-
 стительно лучше, чѣмъ съ сѣвера, гдѣ я былъ прежде. Въ пароходной
 конторѣ торопятъ, такъ что не дали времени пообѣдать въ гостиницѣ:
 найдитесь, молъ, на пароходѣ, на этотъ разъ англійскомъ! Вскорѣ валъ съ
 крыльями завертѣлся и зашумѣлъ. Съ выходомъ въ море мы усѣлись за
 столъ... Прощай, Норвегія! По пути къ западу тебя скоро теряютъ изъ
 виду, хотя ты едва ли не лучшая представительница Запада на европей-
 скомъ Сѣверѣ.

М. Венюковъ.

Р.8. Замѣтки эти были окончены, когда я вернулся въ Парижъ, и
 подписали немедленной отправкѣ въ Москву, когда одинъ членъ париж-
 ского географическаго общества обратилъ мое вниманіе на самыя *сопере-
 жимыя* доказательства «моды» на Норвегію, развившейся у парижанъ.
 Три тома, съ иллюстраціями, вышли въ свѣтъ нынѣшней весною въ одномъ
 Парижѣ и одинъ изъ нихъ принадлежитъ члену французской академіи Аль-
 берту Вандалю (3-е изданіе), другой Ант. Саллёсу, агенту французскаго
 министерства народнаго просвѣщенія въ Скандинавіи, а третій извѣстному
 знатоку Сѣвера, Шарлю Рабо. Видно, потребность въ такихъ книгахъ
 есть даже у французовъ (не говоря уже про англичанъ и нѣмцевъ).

Происхожденіе современнаго романа.

1. Genere picaresco, его возникновеніе, значеніе и распространеніе.

I.

Современный романъ, поскольку онъ является всестороннимъ выраженіемъ жизни дѣйствительной, представляется продуктомъ весьма продолжительной и сложной эволюціи. И если въ настоящее время мы замѣчаемъ въ немъ извѣстную опредѣленность и полноту замысла, извѣстную законченность и выработанность исполненія, то все это, вмѣстѣ взятое, не встрѣчается еще и не можетъ встрѣтиться на первыхъ ступеняхъ его развитія. И хотя таланты, отмѣчающіе зорю этого рода литературы, и принадлежать къ числу первостепенныхъ, произведенія ихъ все же не могутъ не носить на себѣ печати своего вѣка, не могутъ не носить слѣдовъ, неизбежно присущихъ первымъ шагамъ на новомъ поприщѣ. Служа свидѣтельствомъ великихъ силъ, ихъ произведшихъ, они обнаруживаютъ въ то же время нѣкоторую неполноту и односторонность, безъ которой эти первые попытки не могли осуществиться. Пытаясь пользоваться наблюденіями дѣйствительности, какъ основнымъ своимъ матеріаломъ, авторы этихъ первыхъ попытокъ останавливаются сперва на той или другой, особенно привлекающей ихъ вниманіе, сторонѣ жизни: надъ рыцарскими приключеніями, любовными похождениями, пастушескими сценами, и лишь позже переходятъ къ болѣе полному захвату окружающихъ ихъ явленій. Затѣмъ, послѣ того, какъ въ романѣ рыцарскомъ, любовномъ и пастушескомъ, имъ удастся развить до извѣстныхъ предѣловъ специфическій характеръ избранныхъ ими особенностей, они на этомъ и останавливаются, не пытаясь расширить круга своихъ наблюденій до болѣе широкаго захвата жизни. Разработанные ими частности такъ и остаются поэтому обособленными и чуждыми стремленію установить гармоническое сочетаніе своего содержанія съ другими сторонами жизни. Поэтому всѣ эти одностороннія формы романа и являются лишенными способности распространенія своихъ темъ до тѣхъ границъ, въ которыя могла бы войти вся полнота и все разнообразіе дѣйствительности; поэтому они и обрываются безъ филиалціи. Такимъ образомъ, на романы рыцарскіе, пастушескіе и любовные и можно смотрѣть

лишь какъ на подготовку грядущей стадіи развитія этого рода литературы, какъ на первое мерцаніе зари ея, и только.

Когда же событія обыденной жизни остановили, наконецъ, на себѣ вниманіе писателей, тогда явилась и возможность расширить повѣствованіе до неопредѣленныхъ границъ и придать такимъ образомъ картинѣ дѣйствительной жизни такую широту, при которой могла осуществиться вся полнота охвата всѣхъ сторонъ человѣческаго существованія. Отправнымъ пунктомъ могъ быть избранъ и какой-нибудь отдѣльный уголокъ повседневнаго быта людей, но этотъ отправный пунктъ долженъ былъ не исключать возможности выступленія за предѣлы избранной частности и органическаго сліянія съ нею сопредѣльныхъ сторонъ вводимой въ общія рамы дѣйствительности. И если,—какъ то и было на самомъ дѣлѣ—отправнымъ пунктомъ избрана была жизнь плутовъ, то ничто не препятствовало прослѣдить ее во всѣхъ ея проявленіяхъ и показать роль ея во всѣхъ слояхъ даннаго общества. Повѣствованіе и получало такимъ образомъ ту всесторонность и то разнообразіе, которое при сохраненіи основного социально-психологическаго характера отправнаго пункта и могло дать то содержаніе, которое имѣетъ или долженъ бы имѣть современный романъ.

Переходъ, на который я указываю, совершился въ испанской литературѣ ранѣе, чѣмъ въ литературахъ другихъ европейскихъ странъ,—Испанія и считается поэтому родиной современнаго романа. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы первотипъ современнаго романа можно было бы считать возникшимъ въ Испаніи,—чтобы съ достаточнымъ основаніемъ можно было бы указать, напримѣръ, на Ласарильо Тормескаго и утверждать, какъ это дѣлаетъ Морель Фасіо, что «этотъ романъ есть образецъ новаго рода, подлинный отецъ, такъ называемыхъ «nouvelles picaresques», стихъ неисчислимыхъ испанскихъ повѣстей о плутахъ (picares), появившихся въ теченіе XVI и XVII столѣтій и давшихъ въ позднѣйшее время Жиль-Блаза. Всѣ испанскіе повѣствователи (novelistas) происходятъ отъ Ласарильо, всѣ ему обязаны чѣмъ-либо;—Сервантесъ столько же, какъ и другіе (А. Morel Fatio: Recherches sur Lazarille de Tormes. Въ его «Etude sur l'Espagne, première série». Paris, 1888, p. 115). На самомъ дѣлѣ, какъ я постараюсь доказать это далѣе, Ласарильо Тормесскій никакъ не можетъ быть названъ романомъ, и не къ нему можетъ быть сводимъ интересъ къ описаніямъ жизни плутовъ,—интересъ, являющійся истиннымъ источникомъ столькожъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. На самомъ дѣлѣ, въ Испаніи, гораздо ранѣе появленія Ласарильо, возникли нрвыя проявленія «gusto picaresco», создававшего почву типу современнаго социально-психологическаго романа. Процессъ образованія этого романа былъ далеко не такъ быстръ, чтобы могъ достигнуть завершенія своего въ Ласарильо, да и другія отрасли романа продолжали еще жить, такъ что самый путь формированія новаго романа нельзя еще считать въ это время достаточно выяснившимся, хотя начало этого пути и слѣдуетъ находить задолго до появленія Ласарильо.

Въ интересномъ «Catalogo razonado de los libros de caballerias», приложенномъ Гайянгосомъ къ его изданію Анадиса и Еспландіана (Bibl. de autoges esp. T. XIV), можно видѣть точное указаніе годовъ выхода въ свѣтъ *Ланселота*, *Тристана*, *Гуарина*, *Пальмерина*, а также *Амадиса Испандіана* и мног. друг. рыцарскихъ романовъ. Далекими отъ насъ представляются всѣ эти, столь сильно владѣвшіе умами и сердцами своихъ современниковъ, герои. Всѣхъ ихъ заслоняетъ теперь отъ насъ послѣдній рыцарь—«рыцарь печальнаго образа» и, благодаря ему, всего ярче обозначается для насъ отрицательный характеръ всей этой обширной литературной семьи. Дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ, характеръ этотъ представляется еще въ болѣе яркой окраскѣ, чѣмъ та, которую намъ далъ Сервантесъ. Для насъ рыцарскій романъ представляется не только одностороннимъ, искусственнымъ и лживымъ, но и проникнутымъ всѣми тѣми отрицательными свойствами, которыя были присущи тому сословно-клерикальному учрежденію, жизнь котораго въ немъ отражалась. Въ той мѣрѣ, въ которой рыцарство явилось оплотомъ и тормозомъ умственного развитія, въ той же мѣрѣ и служившая его выраженіемъ литература, какъ показала Бокль, тоже являлась преградой всякаго прогресса. Цѣлый долгій періодъ исторіи Испаніи носить на себѣ отпечатокъ обоснованнаго рыцарскими понятіями режима. Мышленіе, изслѣдованіе, сомнѣніе оказываются подавленными суевѣріемъ, и слѣпое преклоненіе передъ авторитетами преданія получаетъ преобладающее значеніе. Соответственно такому умственному состоянію общества, рыцарскій романъ является показателемъ устойчивости традиціонной старины и недоступности къ воздѣйствію новыхъ вѣяній. Пока живъ рыцарскій романъ, духъ среднихъ вѣковъ нельзя еще считать побѣжденнымъ и сошедшимъ съ исторической сцены.

И все же, въ рыцарскомъ романѣ содержались и такіе элементы, которые не были обречены на погибель съ нимъ, которые претерпѣли новую переработку и могли быть введены въ новое русло. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить безчисленные слѣды народныхъ сказаній, легендъ, сказокъ и т. п. фольклорнаго матеріала: имъ продолжали пользоваться и въ позднѣйшее время и вводили въ повѣствованіе въ совершенно новомъ освѣщеніи. Затѣмъ, рыцарскій романъ допускалъ иногда эпизоды, нарушавшіе его цѣлостность и вносившіе противорѣчія въ сплетеніе его искусственныхъ условностей. Эпизоды эти, отмѣченные правдивостью и простотою, по временамъ отодвигаютъ на задній планъ дикія битвы, кровавые подвиги, турнирные свалки и пелѣныя проявленія рыцарскаго этикета,—этой лицензированной маски грубой чувственности,—и всей вообще конвенціональной лжи, царившей въ этой общественной средѣ, и выдвигаютъ впередъ черты общечеловѣческія, проявленія искреннаго чувства и непосредственныхъ душевныхъ движеній. Тикноръ, въ своей исторіи испанской литературы, приводитъ въ недостаточно точной передачѣ,—впрочемъ, «полной естественности, простоты и нѣжности»,—отрывокъ изъ *Амадиса Гальскаго*, а Барбьеблиажаетъ другой отрывокъ, представляющій «очаровательный образецъ

выраженія той глубокой, тихой и нѣжной печали, которая ищетъ уединенія, дѣлается воспоминаніями и сожалѣніями». Въ такихъ проявленіяхъ чувства, замѣчаетъ при этомъ случаѣ Барэ, «мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ чувствительность новѣйшаго времени, начинающуюся будто бы только съ Руссо и, благодаря его вліянію, такъ глубоко проникнувшую въ современную литературу» (*De l'Amadis de Gaule*. Paris, 1873, p. 119). Амадисъ, удаляющійся межъ пустынныхъ скалъ и обильно проливающимъ тутъ слезы и постигшемъ его горѣ, трогаетъ насъ прежде всего потому, что въ его лицѣ передъ нами является одинъ изъ героевъ того литературнаго рода, о которомъ уже въ XVI вѣкѣ высказано было, что «вся ихъ прелесть заключается въ открыто совершаемыхъ убійствахъ и наглomъ сводничествѣ, а благороднѣйшимъ рыцаремъ считается тотъ, кто убилъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ наибольшее число людей и совершилъ самыя смѣлыя любовныя похищенія при помощи наихитрѣйшихъ уловокъ». (*Le Roman au temps de Shakespeare par J. J. Jusserand*. Paris, 1887, p. 27).

Нѣжная чувствительность представляла, конечно, нѣчто не вполне гармонизирующее съ основнымъ фономъ рыцарскаго романа, а потому она сама по себѣ тяготѣла уже къ самостоятельной обособленности и не замедлила образовать отдѣльное развѣтвленіе въ ходѣ развитія романа. Нельзя поэтому не согласиться съ Арибо, который утверждаетъ, что любовную повесть (*novela amatoria*) можно считать существующею ранѣе ея обособленія, такъ какъ мы ее встрѣчаемъ уже въ формѣ эпизодовъ рыцарскаго романа (*Bibl. de autores esp.* Madrid, 1879. Т. III, p. XXVIII). Арибо пересчитываетъ цѣлый рядъ этого рода повѣстей; изъ этого перечисленія видно, что онѣ начали появляться лѣтъ черезъ десять послѣ появленія перваго изданія Амадиса, т.-е. съ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка. Простота и ясность изложенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, проявленное искреннее чувство въ другихъ, и мастерская обработка нѣкоторыхъ изъ нихъ—имѣютъ значеніе главнымъ образомъ потому, что сопровождаютъ переходъ этого рода романовъ въ романъ приключеній. Этотъ же послѣдній, видоизмѣняясь, становится ужъ, какъ полагаетъ Фитцморисъ Келли, романомъ «del genero picaresco», умственное развитіе котораго окончательно заслоняетъ то сравнительно узкое содержаніе, которое даетъ «novela amatoria» (см. *J. Fitz Maurice Kelly: The picaresque. Novel. The New Review*. Juli, 1895). Въ какомъ дѣлѣ, тогда какъ въ настоящее время еще можно съ интересомъ читать произведенія въ «плутовскомъ вкусѣ», никто не сочтетъ, конечно, за удовольствіе чтеніе какой-нибудь *Historia de Clureo y Florisea* Нуньеса де-Ренкосо или даже *Selva de Aventuras* Херонимо де-Контрераса, перепечатанные въ собраніи Арибо, какъ лучшія этого рода.

Каковы бы ни были, впрочемъ, достоинства этихъ произведеній, для исторіи романа остается важнымъ то обстоятельство, что они выдѣлились изъ специфически-рыцарскаго рода и, расширивъ рамки содержанія романа, способствовали развитію его разносторонности и разнообразія. Сверхъ того, избранная повѣсть достойна вниманія еще и потому, что выдѣляла изъ себя

особый родъ пастушескій. Выдѣленіе это, какъ замѣтилъ Морильо, обособилось на той мысли, что «описание любовныхъ похощеній должно было много выиграть отъ обособленія въ среду наиболѣе для нея благопріятную (P. Morillot въ *Hist. de la langue et de la litt. fr. publiée sous la direction de L. Petit de Julleville*. Paris, 1897. T. IV. 1-ге partie, p. 411) Хотя такое обособленіе и имѣетъ, главнымъ образомъ, отрицательное значеніе, но и оно, будучи добыто путемъ опыта, не осталось безъ благихъ послѣдствій для общаго дѣла, особенно же еще потому, что вліяніе пасторали было въ свое время громадно. Появляясь впервые въ Италіи, пастораль была скорѣе перенесена въ Испанію и достигла у Монтенанора (*Diana enamorada*, 1542) той формы, которая для современниковъ представлялась въ высшей степени обаятельной. Обаянію этому поддалъ даже и Сервантесъ, произведшій свою пастораль (*Galatea*, 1584), а къ концу вѣка — французы, зачитывавшіеся *Дианой* въ цѣломъ рядѣ переводовъ. Увлеченіе это въ началѣ слѣдующаго столѣтія произвело *Астрей* Оноре д'Юрфа (1610), это, по мнѣнію Морильо, первый по времени французскій романъ и современномъ значеніи этого слова.

Еслибы эта аттестація *Астры* была вѣрна, родословная современнаго романа претерпѣла бы значительное сокращеніе и ему пришлось бы не считатьсѣ нѣсколькихъ своихъ предковъ, самыхъ, притомъ же, славныхъ. На самомъ дѣлѣ, приписываніе *Астры* значенія романа въ современномъ смыслѣ этого слова ошибочно уже потому, что произведеніе это все же та пастораль, т.-е. искусственный, условный родъ: жизнь дѣйствительная и можетъ еще найти въ немъ своего выраженія, она скрывается въ туманѣ олицетворенныхъ отвлеченностей, въ узкомъ и призрачномъ сплетеніи и былицъ. И форма романа тоже очень ужъ далека отъ выполненія современныхъ требованій: пять томовъ, наполненныхъ описаніями любовныхъ томленій пастушковъ и пастушекъ, — какой же это современный романъ? И если разработка проявленій любви идетъ у д'Юрфа въ перемежку съ безчисленными приключеніями, въ которыхъ и живой дѣйствительности не водится свой уголокъ, то это показываетъ только, что въ *Астрѣ* намъ предлежитъ одинъ изъ предвѣстниковъ романа въ современномъ значеніи этого слова, а никакъ не самый этотъ романъ.

Подтвержденіемъ этому мнѣнію служить и то обстоятельство, что и пасторали, по свойству ея содержанія и формы, не открывался и не могъ открываться выходъ къ тому широкому, многообъемлющему развитію, которое является удѣломъ современнаго романа. Путь развитія пасторали точно такъ, какъ и путь развитія рыцарскаго романа, былъ прегражденъ своимъ Донъ-Кихотомъ. И если этому Донъ-Кихоту и не досталось рѣшительной роли героя Ламанчи, то по замыслу оба Донъ-Кихота совершенно равны значущи. *Сумасбродный пастухъ* (*Le Berger Extravagant*) Сореля явился черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ *Астры*, — это молодой парижскій буржуа, который, вмѣсто того, чтобы скромно отиѣривать сукно въ ламотца, превращаетъ себя въ пастуха во вкусѣ д'Юрфа и пускается въ те

ту экстравагантностей: у него есть своя Дульцинея—случайно встрѣчен-
ная имъ толстая баба; старая отъ любви къ ней, онъ кропаетъ ей стихо-
сборныя восхваленія въ то время, какъ, облеченный въ условный пастуше-
скій костюмъ, пасетъ кучку паршивыхъ овецъ на берегу Сены и чувствуетъ
себя счастливецомъ. Этотъ забавный дуралей не возымѣлъ достоюжнаго
значенія лишь благодаря нѣкоторымъ ошибкамъ самого Сореля: пастораль
погибла потому не отъ его руки, а все же такъ отрицательное имъ су-
масбродство ясно вскрывало несостоятельность пастушескаго рода и отчет-
ливо указывало на то, что дальнѣйшее развитіе романа находится не въ
этомъ направленіи, которому слѣдовали д'Юрфэ и его подражатели.

II.

Сумасбродный пастухъ Сореля въ роли Донъ-Кихота пасторали имѣетъ
и то особое значеніе, что самъ Сорель принадлежитъ къ числу пред-
шественниковъ того новаго рода литературы, который именно теперь и высту-
паетъ въ качествѣ плодотворнѣйшаго фактора въ ходѣ развитія романа.
Желая устранить пастораль, Сорель въ то же самое время впервые вво-
дитъ во Францію «genere picaresco». Я упомянулъ уже ранѣе, что на ро-
динѣ этого литературнаго рода—въ Испаніи успѣло уже появиться къ этому
времени нѣсколько замѣчательныхъ произведеній этого уже прославленнаго
рода «genere picaresco». Интересъ къ пикарамъ обозначается здѣсь уже въ
концѣ XIV вѣка. Первымъ пикаромъ является герой произведеній Хуана
Рукса, архипресвитера Итскаго или, точнѣе, самъ Хуанъ Рунсъ, лишь только
частію скрывающійся за вымышленнымъ третьимъ лицомъ. Онъ окруженъ
любимыми ему распутными личностями, первымъ изъ которыхъ является
рядомъ нами его слуга Донъ-Фуронъ—«лгуны, пьяница, воръ, плутъ, обман-
щикъ, забіяка, обжора, болтунъ, богохульникъ, колдунъ, ворожей, разврат-
никъ, неучъ и лѣнтяй,—человѣкъ, который, если не считать этихъ четыр-
надцати недостатковъ, все же таковъ, что лучшаго и не сыскать». Затѣмъ
это ужъ самая выдающаяся личность изъ почтенной компаніи Донъ-
Рукса—передъ нами нѣкая старушка, особа довольно двусмысленная, имѣю-
щая амбигу повѣренной или посредницы во всѣхъ любовныхъ интрижкахъ.
Она носитъ прозвище «trota conventos», что буквально значитъ «побѣгушка
по монастырямъ», и это согласно старинному словоупотребленію нашихъ
предковъ,—говоритъ комментаторъ мадридскаго изданія *Селестины* 1822 г.,—
«известно почему» значило «сводня». Такова первая группа пикаровъ
испанской литературѣ. Рядомъ съ нею мы встрѣчаемъ у того же Хуана
Рукса и первопитицъ всѣхъ пикаровъ—плутовку-лису, выступающую въ бас-
няхъ Эзопа и Федра, помѣщенныхъ тутъ же въ переводѣ на испанскій
языкъ. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и въ романѣ о *Renart*ѣ, животный
миръ играетъ роль одного изъ первоисточниковъ, причѣмъ къ этой роли
придается, вѣроятно, не только Эзопъ и Федръ, но и мѣстный сказоч-

ный фольклоръ *). Въ стародавней этой основѣ примыкають, конечно, чисто-литературныя вліянія, — героевъ Петронія, Лукіана, Апулея, — но значеніе этихъ вліяній слѣдуетъ считать все же таки лишь второстепеннымъ, а главнымъ факторомъ неизбежно является сама жизнь, такъ какъ въ возможныхъ заимствованіяхъ осуществимы лишь постольку, поскольку и можно было поставить въ связь съ ея явленіями.

Что до испанской жизни, то матеріалъ во вкусѣ «*picarresco*» былъ и ней всегда обилѣнъ, а съ конца XV вѣка сталъ сильно возрастать. И хотя рыцарскій и пастушескій романы въ теченіе XVI вѣка, какъ я имѣлъ уже случай упомянуть, и не сходятъ со сцены, но «начало конца» ихъ процвѣтанія можно все же считать въ это время уже наступившимъ. Пастухи и пастушки, бывшіе всегда лишь фиктивными, успѣли уже порядочно утѣшить своими кривляньями и своею призрачностью, а рыцарство, хотя и удержалось въ Испаніи долѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, успѣло уже утратить свой первоначальный характеръ и все замѣтнѣе сводило на турниры, на исканіе приключеній и поединки. Эти послѣдніе приобрѣли даже, — какъ, напримѣръ, въ извѣстномъ «*passo honroso*», — нѣсколько парикатурный пошибъ. Все, вмѣстѣ взятое, принимало уже складку, которая точно ждала рѣшающаго вердикта Сервантеса. Слово «рыцарь» стало уже «праздно вращаться на устахъ», точно такъ, какъ то было съ словомъ «добродѣтельный человѣкъ» во времена Гоголя; и какъ Гоголю «пришло припречь подлеца», такъ и испанскимъ писателямъ, успѣвшимъ уразумѣть что «лицемѣрно призываютъ» героя-рыцаря, пришлось припречь «пикара» который и поднесъ не перестаетъ оставаться истиннымъ представителемъ живой дѣйствительности. И, какъ рядомъ съ Чичиковымъ идутъ невыносимые Селифаны и Петрушки, такъ и у испанскихъ писателей рядомъ съ заправскими пикарами идутъ пикары подневольные. И если наши писатели Чичикова потерпѣли съ тѣхъ поръ весьма существенную метаморфозу, если они были переведены изъ сферы юридической въ сферу экономическую, то масса полу-пикаровъ, кишавшихъ на испанской территоріи никакой существенной метаморфозы не потерпѣла и значеніе пикаровской литературы не измѣнилось здѣсь настолько, чтобы потребовались новыя комментаріи какого-нибудь испанскаго Салтыкова, который показалъ новаго рода «рыцарей», могущихъ «вселенную слопать», еслибы «гнѣвъ Божій не тяготѣлъ надъ ними» и «ихъ мыслящія способности не бы опутаны пеленою, а уста поражены косноязычіемъ». Для Испаніи старопикаровская литература сохранила еще все свое жизненное значеніе.

*) На предположеніе это наводитъ найденный Жюсераномъ рядъ рисунковъ рукописи первой половины XIV в., представляющихъ сцены изъ походовъ Ласары въ бытность его проводникомъ слѣплого нищаго (*J. J. Jusserand: „English wayfarer's life in the middle age“*. London, 1897, p. 27, 28 and 405). Это указаніе Жюсерана замѣту при семъ случаѣ, дѣлаетъ сомнительнымъ обычное утвержденіе, будто III спѣрь въ восклицаніи Бенедикта (*Много шуму изъ ничею*, актъ II, сд. 1) имѣлъ виду Ласарилью.

Въ этой юдоли бѣдности, невѣжества, суевѣрія и одичалости, въ которой издревле и по сей день коси́тъ народъ въ Испаніи, всякія разглагошества на тему о добродѣтели и всякихъ высокихъ истинахъ сводятся въ чисто-академическое упражненіе въ краснорѣчіи: на всякую нравственную сентенцію злополучный пикаро, весь погруженный въ безысходность своихъ невзгодъ, могъ бы всегда, не рискуя отклониться отъ правды, повторить остроумное замѣчаніе Скаррона:

„Cette sentence est bonne et belle,
Mais en enfer de quoi sert elle?“

И затѣмъ, зная, до какой степени всеу призывается имя честнаго и безкорыстнаго человѣка, голая, голодная и навѣки распрощавшаяся со всякими мечтаніями и надеждами толпа пикаровъ,—толпа, обманутая даже и тогда, когда шла на смерть на поляхъ битвъ въ колоніяхъ,—могла бы найти гораздо болѣе удовлетворенія боли своего всескорбящаго сердца и гораздо болѣе назиданія, еслибы кто-нибудь, вмѣсто сентенцій о добродѣтели и справедливости, предложилъ ей повѣствованіе о похожденияхъ пикаровъ, предупредивъ при этомъ, что—

„Для тебя, ой ты, голь пережатая,
Пережатая голь, непокрытая!
Для тебя моя сказка сложилась,
Чтобы ты, голытьба, распотѣшилась,
Да сквозь слезы свои въковычнися
Хоть разокъ отъ души разсмѣялася!“

Такой запѣвкѣ и въ самомъ дѣлѣ до известной степени отвѣчаетъ знаменитая *Селестина* и въ гораздо большей—прославленный во всемъ свѣтѣ *Ласарильо*.

Селестина появилась въ 1499 году; она была перепечатываема въ въ Испаніи несмѣтное число разъ и также безъ счету разъ переводилась на разные европейскіе языки; подражаній и переработокъ насчитывается тоже громадное количество *). «Въ настоящее время если ея слава и поуменилась, — говоритъ Фитцморисъ Кэллі, перепечатавшій четыре года тому назадъ старинный переводъ *Селестины* Мэбба (1631 г.),—то значеніе ея, несомнѣнно, возросло: справедливо замѣчаетъ одинъ изъ первыхъ ея переводчиковъ на французскій языкъ: «le fruit que produit ce livre, pour vieillir ne perd jamais saison».

Селестина, такъ названная по имени главнаго дѣйствующаго лица, носитъ въ подлинникѣ еще и другое заглавіе, а именно: *Трам-комедія Калиста и Мелибен*. Заглавіе это, пожалуй, вѣрно указываетъ на ея содержаніе, но далеко не даетъ вѣрнаго представленія объ ея формѣ. Да и какимъ терминномъ обозначить эту форму, когда форма *Селестины* представляется нѣчто единственное въ своемъ родѣ и никакого соответствующаго

*) Подробности см. въ цитированной выше статьѣ Арибо и у *Menéndez y Pelayo* — *La Celestina* — въ его „*Estudios de critica literaria*“, segundo serie. Madrid, 1895.

шаго ей термина не существуетъ. *Селестина* не повѣсть, но она и не трагикомедія, или, вообще говоря, не драма. Правда, она раздѣлена на акты по такимъ актовъ двадцать одинъ, и затѣмъ, хотя акты эти и проведенъ диалогически, но единству дѣйствія въ сценахъ не придано никакого значенія: попадаютъ сцены, протекающія въ разговорѣ при переходѣ дѣствующихъ лицъ съ мѣста на мѣсто, или такія, начало которыхъ происходитъ при входѣ въ домъ, а продолженіе—въ самомъ домѣ и т. п. Одни называютъ *Селестину* «драматическою повѣстью», другіе — «*novela dialógica*»; но, какъ мы ее ни назовемъ, придется признать, что вліяніе ея и привлеченіе интереса къ міру пикаровъ было громадно. Этотъ интересъ выдвигается моею точкою зрѣнія на первый планъ, и споръ о литературныхъ формахъ произведенія самъ собою падаетъ. Мы ровно ничего не принимаемъ отъ этого, такъ какъ все наше вниманіе сосредоточено на розысканіи тѣхъ элементовъ дѣйствительной жизни, которые разными путями приходили въ процессъ формулированія современнаго романа, и не идемъ въ слѣдъ тѣхъ критиковъ, которые безысходно возвращаются въ роковой кругъ разъ навсегда затверженныхъ рубрикъ. Отмѣчу только при случаѣ, что если Делюжо находить возможнымъ считать *Селестину* испанскимъ *Roman de la rose*, то я останавливаюсь надъ этою возможностью только постольку, поскольку она еще разъ подтверждаетъ то отрицательное отношеніе къ роли *Ласарильо* въ процессѣ происхожденія современнаго романа, которое я провожу вопреки мнѣнію, успѣвшему стать чуть не общимъ мѣстомъ.

Въ «траги-комедіи *Калиста и Мелибен*» главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ Селестина—неумиравшій типъ извѣстной уже намъ *Trota-conventos* Хуана Руиса, являющійся вновь въ болѣе яркой обрисовкѣ среди болѣе сложной и болѣе разнородной обстановки. Она попрежнему занимается разными темными дѣлами: посредничествомъ по части любовныхъ интригъ, знахарствомъ, колдовствомъ и нивѣсть еще чѣмъ. Она была уже приговариваема къ стоянію у позорнаго столба и не разъ подвергалась публичному обысканію перьями (*de tres veces emplumada*), но не потеряла бодрости и осталась при прежней практикѣ. Ко всему этому, она въ данный моментъ, продолжаетъ еще попрежнему держать притонъ для горюющихъ собою женщинъ и, въ связи съ этого рода занятіемъ, втягивается во многія такія дѣла, благодаря которымъ не сходитъ съ дорожки могущей вновь привести ее къ пережитымъ ею ранѣе злоключеніямъ. Провсемъ томъ, или вѣрнѣе—благодаря всему этому, ея совѣтъ, указаніе, по мощъ высоко цѣнятся во всей округѣ и богатыми и знатыми, и священными и духовными,—всеми пикарами вообще, на какой ступени общественной лѣстницы они бы ни находились, лишь бы по волѣ или по неволѣ они бы вели пикаровское существованіе. Сама же она, какъ всесовершеннѣйшій и всеполнѣйшій пикаро, занимая центральное положеніе круга своихъ кліентовъ, подобно ея славному правнуку Фигаро, оказывается всецѣло необходимой,—отъ раззолоченныхъ палатъ графа Альмавивы до лачуги не

вѣднато оборванца. Всѣ толпятся вокругъ нея, всѣ ждутъ отъ нея великихъ и богатыхъ милостей, у всѣхъ есть дѣла, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ нея, хотя золотые годы ея уже и миновали и она уже начинаетъ утрачивать способность всюду поспѣвать.

«Само собой разумѣется,—говорить она одной изъ своихъ дѣвицъ,—ты не могла еще знать меня въ тѣ годы, когда мнѣ жилось хорошо,—такъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Ахъ, кто меня зналъ тогда и видитъ меня теперь, у того сердце должно разрываться отъ горя. Въ тѣ годы, душа моя, за этимъ самымъ столомъ, за которымъ сидишь ты со со своими подружками, сидѣвало до пяти дѣвчонокъ, такихъ же молоденькихъ какъ ты,—старшей было не больше, какъ лѣтъ восемнадцать, и ни одной изъ младшихъ не насчитывалось менѣе четырнадцати. Все въ мірѣ идетъ своимъ чередомъ, все проходитъ черезъ свои трубы, будь такъ онѣ пусты или не пусты,—все равно. Таковъ ужъ законъ судьбы: ничто не остается долгое время неизмѣннымъ; все неизбѣжно подвергается измѣненіямъ. Не могу я вспомнить безъ слезъ о томъ, каковы почетомъ я въ тѣ времена пользовалась... А вотъ за грѣхи мои и постигло меня пониженіе этого чета, а по мѣрѣ того, какъ я приближаюсь къ склону моихъ дней, уменьшаются и мои доходы. Не даромъ въ старинной пословицѣ говорится, что все въ мірѣ возрастаетъ или уменьшается, все держится въ своихъ границахъ, во всемъ есть свои степени. Вотъ и мой почетъ: достигъ вершины въ тѣ минувшія времена и теперь неизбѣжно идетъ книзу, такъ какъ и я сама приближаюсь къ моей кончинѣ... Будучи твердо увѣрена во всемъ этомъ съ давнихъ поръ, я переносу бѣду мою терпѣливо, хотя и не въ силахъ вполне подавить удручающаго меня горя: вѣдь не иначе же создана я сравнительно со всякимъ другимъ человекомъ?... Все то, о чемъ я сейчасъ говорила, доставляло мнѣ не заботу, а отраду и утѣшеніе: всѣ мнѣ повиновались, всѣ меня почитали, всѣ меня уважали... Ни одна не выходила у меня изъ повиновенія, ни одна не сомнѣвалась въ благотворности всякаго моего распоряженія: всякой я отдавала, что ей слѣдовало. Онѣ не требовали больше, чѣмъ я имъ отсчитывала; онѣ охотно принимали къ себѣ всякаго, кто мнѣ дороже платилъ, будь то кривой, хромой или калѣка. Мнѣ оставался доходъ, на нхъ долю падала забота. Въ прислужникахъ, ради нхъ, у меня никогда не было недостатка: молодые, старые, аббаты, епископы, причетники... У входа въ церковь передо мною ломали шапки, какъ передъ принцессой; чѣмъ кому меньше было до меня дѣла, тѣмъ менѣе значительнымъ того считали. Завидѣвъ меня за полыми, они все бросали и подходили ко мнѣ по-одиночкѣ и вдвоемъ, осведомлялись, не надо ли мнѣ чего и спрашивали—каждый о своей. Когда же я входила, то всѣ такъ смущались, что и говорили и поступали невпопадъ. Одинъ называлъ меня сеньорой, другой—тетушкой, третій—вѣщалъ меня своей милрой, четвертый—почтенной старушкой. Тутъ сговаривались о посѣщеніи моего дома, тамъ о свиданіи съ вами; тутъ предлагали деньги, такъ—всякіе подарки; цѣловали край моей мантии или

же меня цѣловали въ лицо, чтобы доставить мнѣ тѣмъ болѣе удовольствіе. А теперь судьба довела меня до того, что мнѣ только и осталось мнѣ горе и ничего больше... Не мало было, конечно, старыхъ ханжей, съ которыми дѣлѣ у меня не было, и которые не могли даже на меня смѣяться, думается мнѣ, потому, что очень ужъ завидовали онѣ вертѣвшимся вокругъ меня. Кларъ въ тѣ времена былъ громаденъ: довольно было всякаго народа; были воздержные, были и иные, всегда готовые послужить процвѣтанію моего ремесла; въ такихъ, полагаю, и теперь нѣтъ недостатка. У нихъ было обыкновеніе посылать слугъ своихъ сопровождать меня до самаго моего дома, и, чуть я входила въ комнаты,—и являлись куры, цыплята, гуси, куропатки, горлицы, окорода, торты, и росыта... Всякій посылалъ мнѣ то, что ему самому доставалось отъ достаточнаго сбора, и затѣмъ онъ же и приходилъ съ просьбою принять и это и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить ему прійти ко мнѣ пообѣдать въ комнатѣ своей любезной. И потомъ еще, вина! Лучшія, какія только можно было отыскать въ городѣ, всегда доставлялись мнѣ въ изобиліи. Я и теперь еще хорошо помню вкусъ этихъ винъ, хотя, право, позабыла ихъ названія... Теперь я не наплачусь, вспоминая о томъ счастливомъ времени, когда мнѣ возможно было вести такую жизнь! Всѣ такъ заботились обо мнѣ, что всякая новинка и всякая первинка, о которыхъ другіе еще не смѣли и помышлять, подавались уже у меня къ столу. Въ моемъ домѣ только и можно было достать то, что изъ-за прихоти какой-нибудь божественной дамы напрасно стали бы искать по всему городу».

Монологъ этотъ, обрисовывая необыкновенную героиню трагикомедіи, даетъ понятіе и объ окружающемъ ее обществѣ: оно все точно сматывается въ одинъ клубокъ вокругъ «учрежденія» достопочтенной Селестины,—и кругъ этой «escuela de las traiciones y academia de los vicios» (школы предательства и академіи пороковъ) и, за немногими исключеніями, вполне ей стоитъ. Паденіе курса самой сеньоры и всѣми уважаемой старушки только подчеркиваетъ свойства ея антуража, такъ какъ курсъ упалъ не все не вслѣдствіе ослабленія спроса, а лишь только потому, что центральная агентура стала не въ силахъ поддерживать предложеніе на высшемъ спросѣ. И по той картинѣ, которая развертывается передъ глазами читателя теперь, остается только заключить, какова была бы картина эта и въ томъ случаѣ, еслибы бойкость Селестины стояла на уровнѣ готовыхъ и предъявленію appetitовъ. И теперь, по старой памяти, всякій знаетъ, что рядомъ съ ея главнымъ занятіемъ идетъ исполненіе по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, требующимъ тайны и вмѣстѣ съ тѣмъ ловкости, изворотливости, находчивости и главное—способности ничѣмъ не стѣсняться. Все это создаетъ Селестинѣ репутацію какого-то всемогущества и даетъ ей шансы получать иной разъ порученія и отъ порядочныхъ людей въ такихъ случаяхъ, когда люди эти сочтутъ задуманное дѣло недостижимымъ при посредствѣ усилій обыкновенныхъ смертныхъ. И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, является одинъ изъ такихъ случаевъ. Трагикомедія начинается съ того

что нѣкій знатный юноша Калисто, страдая отъ любви къ нѣкоей знатной дѣвицѣ, Мелибей, замышляя свиданіе съ нею, попадаетъ на дорожку, ведущую прямо къ Селестинѣ. Калисто, юношу неопытного, удастся убѣдить, что никому, кромѣ Селестины, не удастся обойти бдительность охраны, которою окружена Мелибей,—никто не ухитрится передать записку, сговориться. Хорошенько не зная, на что способна Селестина, полагаясь на увѣреніе своихъ слугъ—пикаровъ изъ числа обычныхъ посѣтителей дома Селестины, Калисто довѣряется проницательной старухѣ, а эта рада случаю пустить въ ходъ всю свою ловкость. Подстрекаемая щедростью любименнаго юноши, Селестина очертя голову бросается въ это заманчивое для нея предпріятіе и ведетъ его съ такою ловкостью, съ какою могла бы повести его и встарь. Не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, она проникаетъ въ домъ родителей Мелибей и при помощи различныхъ ухищреній добивается отъ Мелибей обѣщанія явиться на свиданіе съ Калисто въ назначенное мѣсто и время. Все идетъ какъ будто бы и удачно: свиданіе устраивается, вознагражденіе получается; но тутъ-то и наступаетъ трагическій моментъ: пикары, окружающіе Селестину, не могутъ мирно подѣлать добычи и первую жертвою возникшихъ изъ-за дѣла столкновеній падаетъ сама Селестина. Страстные темпераменты, отъ давнѣйшаго до сихъ поръ одной только чувственности, закипѣли теперь любостыжаніемъ и кровожадностью. Только что мелькнувшіе передъ читателемъ сцены свиданія Калисто и Мелибей, нарисованныя твердою рукою сильнаго художника-реалиста, смѣняются теперь такими же яркими картинами слѣдующихъ одна за другою катастрофъ и доводящихъ до нихъ предательствъ. За казнью убійцы Селестины слѣдуетъ замыселъ убійства Калисто, считаемаго любовниками казенныхъ виновникомъ ихъ гибели; затѣмъ идетъ появленіе новыхъ пикаровъ—преступниковъ закоренѣлыхъ и на все готовыхъ. Смертью Калисто и самоубійствомъ Мелибей заканчивается пьеса.

Этотъ сжатый очеркъ содержанія *Селестины* не можетъ, конечно, дать и приблизительнаго даже понятія о рельефности, живости и яркости картинъ, изъ которыхъ она вся, сплошь отъ начала до конца, состоитъ. Думаая остановиться на той или другой,—не знаешь которую выбрать: всѣ онѣ одинаково отличаются силою, простотою, естественностью и правдивостью; нигдѣ не замѣчается напряженія, искусственности или вычурности. Каждая обнаруживаетъ ту великую силу таланта, благодаря которой испанское общество конца XV вѣка живетъ и движется передъ нашими глазами, заставляя насъ переживать глубокія душевныя волненія. Выѣстъ съ тѣмъ мы не можемъ не задумываться надъ страшными язвами этого общества, не можемъ не оставаться пораженными контрастомъ между ними и блестящими и пышными декораціями, вѣщавшими міру объ испанскихъ богатствахъ, испанской силѣ, славѣ и мировомъ значеніи. Геніаленъ былъ, конечно, тотъ писатель, который тогда уже могъ указать на глиняныя ноги колосса, но до фактическаго подтвержденія истины такого указанія было еще далеко.

III.

«*Селестина*, — говорит Менендес и Пелайо въ цитированной выше статьѣ, — написана прозой и по этой причинѣ влияние ея на испанскій театр, усвоившій форму стихотворную, было гораздо менѣе, чѣмъ влияние оказанное ею на повѣсть, въ особенности же на повѣсть, такъ называемая «*гепега рисагеско*», стоящаго очень далеко отъ *Селестины* своими приемами и обычными въ ней типами, но связаннаго съ нею своимъ реалистическимъ характеромъ и тою энергіей, съ которою онъ вскрываетъ жизнь низшихъ общественныхъ слоевъ, изображаемыхъ въ *Селестинѣ* побочно, въ повѣстяхъ же рода «*рисагеско*» — имѣющихъ существенное и главное значеніе». Изъ этого видно, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о литературныхъ формахъ, не помѣшавшихъ «трагикомедіи» больше вліять на повѣсть, чѣмъ на театръ, переходъ отъ *Селестины* къ повѣстямъ пикаровскаго рода не можетъ быть сведенъ на переходъ «побочнаго» элемента въ «существенный и главный». Этотъ же послѣдній осуществляется, по моему мнѣнію, измѣненіемъ самой точки зрѣнія на избираемое для литературнаго произведенія содержаніе. Событія, избранныя авторомъ *Селестины*, выхвачены изъ жизни изображеніе ихъ беспощадно реалистично, — это такъ; но все же событія эти — исключительныя, выходящія изъ повседневнаго ряда обыденной жизни, — необыкновенныя. «Трагикомедія» рисуетъ намъ жизнь действительную но вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь, захваченную въ тотъ моментъ, когда она сорвалась со своей заурядной нормы, вышла изъ своей привычной колеи сильно приподняла свой будничныи тонъ. Предстояло сдѣлать еще одинъ шагъ по направленію къ міру пикаровъ и попытаться рассмотреть этотъ міръ въ его обыкновенномъ коловращеніи. Предстояло «вызвать наружу» то, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю габину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которые кипитъ наша земля, подчасъ горькая и скучная дорога, и вѣрною силою неумолимаго рѣзца... выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи. И затѣмъ, если писатель, ставшій на такую точку зрѣнія по отношенію къ окружающей его средѣ, найдетъ, что Аванасій Ивановичъ, Пульхеріа Ивановна, Костанжогло, Улинька представляются «немногими исключеніями въ «омутѣ» ежедневно вращающихся образовъ», — онъ не коснется и ихъ и такимъ образомъ, герои его окажутся въ послѣднемъ итогѣ лишь Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи, — словомъ пикары, и описаніе ихъ и установитъ тотъ «гепега рисагеско», который, действительно, и возникъ въ Испаніи черезъ полвѣка послѣ выхода въ свѣтъ *Селестины*. *Ласарильо Тормесскій, его несчастія и бѣдствія* *), появившійся въ Бургосѣ въ 1554 г. и представляетъ собою первое произведеніе этого рода. Написанное съ большимъ талантомъ, оно перепечатывалось и переводилось безъ счету раз-

*) О передачѣ словъ: „fortunas y adversidades“ см. *Morel Fatio. Etudes*, p. 11.

Искашая передо мною послѣдняя перепечатка сдѣлана Бетлеръ Кларкомъ *) въ 1897 году съ перваго бургосскаго изданія и отличается строгою точностью воспроизведенія оригинала, отсутствіемъ всякихъ приписокъ, пропущеній и иныхъ искаженій. Имъ я и пользовался для перевода нѣкоторыхъ отрывковъ и пересказа содержанія этого произведенія, которые читатель и найдетъ далѣе.

Простота изложенія *Ласарильо* вполне соответствуетъ простотѣ его содержанія. Жизнь Ласарильо—мальчика, служившаго сперва проводникомъ у слѣпого нищаго, а потомъ слугою у разныхъ господъ, рассказана имъ самымъ почти съ такою простотою, съ какою въ самомъ дѣлѣ могъ бы сдѣлать это такой мальчикъ. Я говорю «почти», потому что ссылокъ на классиковъ, которые могъ нахватать, пожалуй, Ласарильо у патеровъ—бывшихъ своихъ господъ, современный авторъ, конечно, не допустилъ бы: онъ не совсѣмъ въ тонѣ рассказа, который, за этимъ единственнымъ исключеніемъ, такъ натураленъ и простъ, что можетъ считаться образцомъ совершенства своего рода. И его всегда такъ и оцѣнивали въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій.

Автобіографія Ласарильо—это исторія голоднаго о голодномъ; она не останавливается ни на какихъ изъ ряда вонъ выходящихъ происшествіяхъ и изображаетъ только «бѣдность, да бѣдность, да несовершенство жизни, выплывавая людей изъ отдаленныхъ закоулковъ»,—весь интересъ ея только въ этомъ.

Послушаемъ теперь этого необыкновеннаго своею обыкновенностью разсказчика:

«Да будетъ вамъ извѣстно прежде всего,—говоритъ онъ,—что зовутъ меня Ласаро Тормесскимъ и что я сынъ Томе Гонсалеса и Антоніа Пересъ, уроженцевъ Техареса—деревни близъ Саламанки. Мое рожденіе произошло въ самой рѣкѣ Тормесъ, отъ которой я и получилъ свое прозвище. Случилось же это такимъ образомъ: отецъ мой,—царство ему небесное,—стоялъ завѣдующимъ помоломъ на водяной мельницѣ, стоявшей у берега этой самой рѣки, и былъ на ней мельникомъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Разъ, ночью, когда моя мать находилась на мельницѣ, настало ей время родить, и она тутъ же родила меня, такъ что я въ самомъ дѣлѣ могу считать себя рожденнымъ на рѣкѣ.

«Когда я былъ ребенкомъ восьми лѣтъ, отца моего обвинили въ прозываніи привозимыхъ на мельницу мѣшковъ. По этому поводу онъ былъ взятъ и допрошенъ. Ничего не утаивая, онъ признался во всемъ и терпѣлъ за правду. Питаю надежду, что Господь принялъ его въ царство свое вѣдь такіе именно и названы въ Евангеліи блаженными.

Въ это самое время снаряжено было войско противъ мавровъ; отецъ мой, посланный изъ мѣста жительства вслѣдствіе только что упомянутого

*) *Lazarillo de Tormes*. Conforme a la edicion de 1554. Publicado a sus expensas H. B. ler Clarke. Oxford, 1897. (Выпущено въ количествѣ 250 экз.).

несчастья, поступилъ погонщикомъ муловъ къ служившему въ этомъ войскѣ дворянину и, какъ вѣрный слуга, окончилъ жизнь вмѣстѣ съ своимъ господиномъ. Овдовѣвъ, моя мать, оставшаяся безъ мужа и безъ пристанища, рѣшилась обратиться къ добрымъ людямъ и сойтись съ ними, а потому и переселилась въ городъ. Тутъ она наняла домикъ и стала держать столъ для студентовъ и стирать бѣлье конюхамъ командора ордена Магдалины. И такъ какъ ей приходилось часто бывать поэтому на конюшняхъ, то она и познакомилась тамъ съ однимъ мавромъ, изъ числа тѣхъ, которые при- сматривали за лошадьми.

«Этотъ мавръ сталъ иной разъ приходить къ намъ и затѣмъ уходилъ лишь утромъ; другой разъ онъ, подъ предлогомъ покупки яицъ, появлялся у нашихъ дверей днемъ и входилъ въ нашъ домъ. На первыхъ порахъ онъ былъ мнѣ очень не по-сердцу и я боялся его за темный цвѣтъ его лица и неприглядную его паружность. Когда же я замѣтилъ, что вслѣдъ за появленіемъ его у насъ пища наша улучшалась, я сталъ его любить: онъ всегда приносилъ хлѣба, мяса, а зимою—дровъ, которыми мы согрѣвались.

«Продолжающееся гостепримство и собесѣдованія привели къ тому, что моя мать подарила меня прехорошенькимъ негретенкомъ, котораго я укачивалъ и уходу за которымъ я оказывалъ всякую помощь. И, какъ теперь помню, какъ мой черный отчимъ забавлялся бывало съ мальчуганомъ, а этотъ, видя, что моя мать и я бѣлые, а отецъ его черный, бросался со страхомъ въ объятія матери и, указывая на отца пальцемъ, кричалъ: «мама, бука!» А онъ, смѣясь, отвѣчалъ: «плутишка!» Я же хотъ и былъ еще очень малъ, замѣтилъ эти слова моего братишки и думалъ про себя: «сколько такихъ должно еще быть на свѣтѣ людей, которые убѣгаютъ отъ другихъ потому, что самихъ себя не видятъ».

«Волею судьбы о сношеніяхъ Саида—такъ звали мавра—узнать дворецкій командора и, произведя обыскъ, открылъ, что Саидъ воровалъ половину того зерна, которое отпускалось лошадямъ; сѣно, дрова, скребниці, передники, попоны, оказались пропавшими и, сверхъ того, обнаружилось, что, за немѣніемъ чего другого, онъ расковывалъ лошадей,—все для того, чтобы помогать моей матери вырастить моего братишку. Послѣ этого, нечего удивляться, видя, какъ какой-нибудь патеръ или монахъ обкрадываетъ бѣдныхъ или свою же обитель для набожныхъ прихожанъ и на другое—разное, если и нашъ бѣднаго поддался тому же тоже изъ-за любви. Все это было обнаружено, даже и того болѣе, такъ какъ меня допрашивали съ угрозами, и я, какъ ребенокъ, обо всемъ рассказывалъ и въ страхѣ открывалъ все, вплоть до тѣхъ подковъ, которыя, по порученію матери, я носилъ продавать кузнецу.

«Репутація моего отчима была запятнана и онъ самъ былъ подверженъ наказанію плетьюми, а моей матери, сверхъ обычной сотни ударовъ, воспрещено было посѣщать домъ упомянутого командора и принимать въ себя злополучнаго Саида. Чтобы не выпускать изъ рукъ веревки вслѣдъ

в ведромъ, моя несчастная мать съ болью въ сердцѣ должна была подчиниться этому приговору и, предотвращая всякую опасность и вмѣстѣ съ тѣмъ скрываясь отъ злыхъ языковъ, она нанялась въ служанки на постоялый дворъ «de la Solana» и здѣсь, претерпѣвая тысячи невзгодъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы только вырастить моего братишку и дожидаться, когда онъ станетъ ходить, и пока я стану настолько большимъ, что буду въ состояніи бѣгать покупать вино, свѣчи и исполнять разныя другія порученія постояльцевъ.

«Въ это время, къ намъ, во дворъ, зашелъ одинъ слѣпой нищій. На-завтра, что я гоюсь ему въ проводники, онъ сталъ выпрашивать меня у потери. Она, отдавая меня, сказала нищему, что я сынъ хорошаго человека, положившаго жизнь свою во славу вѣры въ сраженіи съ маврами, но она, полагаясь на волю Божию, думаетъ, что я буду не хуже отца, что нищій будетъ относиться ко мнѣ хорошо и будетъ присматривать за мною, такъ какъ я сирота. Онъ отвѣчалъ, что такъ именно и сдѣлается, что принимаетъ меня не какъ провожатаго, а какъ сына. Такимъ образомъ началась моя служба у этого новаго и вмѣстѣ съ тѣмъ стараго хозяина.

«Пробывъ нѣсколько дней въ Саламанкѣ, хозяинъ мой нашелъ, что дворъ здѣсь недостаточенъ, а потому и рѣшился идти далѣе. И когда настала часъ отбытія, я пошелъ проститься съ матерью; мы оба плакали, она благословила меня и сказала: «Я знаю, сынъ мой, что не увижу тебя болѣе; старайся быть хорошимъ человѣкомъ, и да поможетъ тебѣ Богъ. Я тебя вырастила и отдала хорошему хозяину. Прощай!» И затѣмъ вернулся къ нищему, который ожидалъ моего прихода.

«При выходѣ изъ Саламанки мы подошли къ мосту; тутъ, при самомъ вѣходѣ, стоитъ каменная статуя, похожая на быка. Слепому захотѣлось пошептать къ этому быку. Остановясь здѣсь, слѣпой сказалъ мнѣ: «Ласаро, приложи ухо къ быку и послушай, какой внутри его шумъ». Я просто-напросто послушался, думая, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, а онъ, замѣтивъ, что я держу голову у самаго камня, размахнулся и далъ мнѣ такую встрясину, что я крѣпко ударился объ этотъ чортовъ камень и три дня не могъ избавиться отъ произведенной этимъ ударомъ боли. «Учись, дитя», — сказалъ онъ при этомъ, — что провожатый слѣпца долженъ быть умнѣе самого чорта», и онъ сталъ очень смѣяться своей шуткѣ.

«Мнѣ показалось, что въ эту минуту я точно воспрянулъ отъ той простоты, въ которой, какъ дитя, пребывалъ отъ самаго рожденія, и почувствовалъ самъ про себя: «вѣдь онъ правъ, утверждая, что мнѣ слѣдуетъ приложить ухо востро: промышлять-то о себѣ вѣдь приходится теперь мнѣ самому!»

«Мы продолжали нашъ путь, и черезъ нѣсколько дней онъ научилъ меня жаргону своего ремесла и, находя меня понятливымъ, очень радовался. «Я не могу дать тебѣ, — сказалъ онъ, — ни серебра, ни золота; но я тебя научу, какъ надо жить». И въ самомъ дѣлѣ, онъ, хотя и слѣпецъ, освѣтилъ однако же мой жизненный путь, и послѣ Бога я ему всѣмъ обязанъ.

«Мнѣ пріятно рассказывать вамъ объ этихъ дѣтскихъ испытаніяхъ для того, чтобы показать, какія достоинства возводятъ человѣка отъ низшаго состоянія къ высшему, и какіе пороки низводятъ съ высшаго положенія на низшее».

Такъ рассказываетъ Ласарильо о томъ первомъ періодѣ своей жизни, когда онъ вращался еще въ мірѣ пикаровъ подневольныхъ; теперь, съ поступленіемъ на службу къ слѣпому нищему, онъ переходитъ въ міръ пикаровъ, частью профессиональныхъ, частью, такъ сказать, принципиальныхъ. Онъ оставляетъ наивную вѣру въ чистоту намѣренія, освещающую всякій поступокъ, и оставляющую человѣка честнымъ, хорошимъ, достойнымъ блаженства въ будущей жизни, вопреки его дѣяніямъ, какъ бы выпадающимъ на него извнѣ,—оставляетъ ту простоту, въ которой пребывалъ съ дѣтства, и начинаетъ учиться искусству пикаровъ; отнынѣ онъ не станетъ уже ссылаться на Евангеліе и толковать о добродѣтеляхъ отца и отчима, а примется за теоретическое и практическое изученіе всякаго рода плутней. Успѣхи его въ этомъ направленіи, какъ онъ и повѣствуетъ дальше, оказываются поразительными: вскорѣ онъ ужъ не только провожаетъ, но и проводитъ своего учителя. Да и какъ быть? Безъ этихъ хитрыхъ уловокъ ему навѣрно пришлось бы умереть съ голоду! Много разъ улучаемый и избиваемый безжалостнымъ слѣпцомъ, онъ вскорѣ улучшаетъ минуточку и жестоко мститъ своему ментору и вслѣдъ затѣмъ бросаетъ его окончательно. «Случилось это,—рассказываетъ онъ,—слѣдующимъ образомъ: ходили мы по городу и собирали милостыню, а въ предшествовавшую ночь шелъ сильный дождь. И, такъ какъ и въ продолженіе дня дождь не прекращался, то мой хозяинъ и простоялъ весь день на церковной паперти подъ сводами, гдѣ было побольше народа, и здѣсь молился. Но, такъ какъ и съ наступленіемъ ночи все еще шелъ дождь, то слѣпой и сказалъ мнѣ: «Ласаръ, это дождь упорный, и чѣмъ дальше, тѣмъ становится сильнѣе; пойдемъ-ка за время на какой-нибудь постоялый дворъ». По дорогѣ туда намъ приходилось переходить черезъ ручей, вода въ которомъ теперь такъ и бурлила; я и сказалъ ему: «дядюшка, ручей тутъ сталъ очень ужъ широкъ, а вотъ, если хотите, я найду такое мѣсто, гдѣ намъ можно будетъ перейти его оставаясь сухими; тамъ дальше онъ суживается, мы перепрыгнемъ и не подмочимъ себѣ ногъ». Совѣтъ этотъ ему понравился и онъ сказалъ: «Смѣливый ты мальчикъ, зато я и люблю тебя. Сведи меня къ тому мѣсту, гдѣ ручей суживается: теперь вѣдь зима, вода вредитъ, особенно нехорошо теперь промочить ноги». Видя, что желаніе мое близко къ исполненію, я вывелъ его изъ-подъ сводовъ паперти и вывелъ какъ разъ противъ каменнаго столба,—одного изъ числа тѣхъ, на которые опирались выступы стоявшихъ тамъ домовъ, и сказалъ ему: «дядюшка, вотъ гдѣ самое узкое мѣсто ручья». Такъ какъ дождь лилъ словно изъ ведра и бѣдныя ужъ порядочно промокъ, да къ тому же мы очень спѣшили поскорѣе выбраться изъ-подъ падающихъ на насъ потоковъ, а главное—потому, что Богъ затмилъ ему въ это время разутокъ и помогъ мнѣ въ мо-

ей мести, онъ мнѣ повѣрилъ и сказалъ: «поставь же меня какъ разъ, гдѣ слѣдуетъ, а самъ скачи первый». Я его и поставилъ какъ-разъ насупротивъ столба и въ одинъ прыжокъ очутился позади столба, какъ это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда ждутъ нападеніе быка, и сказалъ ему: «прыгайте какъ только можно дальше, чтобы не ступить въ воду». Чуть успѣлъ я произнести эти слова, какъ злосчастный слѣпецъ устремился точно козель; отступилъ шагъ назадъ для лучшаго разбѣга, ударился головой объ столбъ такъ, что зазвенѣло будто отъ разбитой тыквенной сулги, и упалъ навзничъ съ разбитой головой. «А, что? Нюхалъ колбасу, а столба не нюхалъ! Нюхай же, нюхай!» *),—сказалъ я, и съ этими словами бросился къ сторонѣ городскихъ воротъ, оставивъ несчастнаго слѣпца на пощеченіе людей, сбѣжавшихся къ нему на помощь. Ранѣе наступленія ночи я былъ уже въ Торрихасѣ и о томъ, что стало съ этимъ нищимъ, ничего болѣе не слыхалъ, да и не заботился разузнавать о немъ».

Съ этого времени Ласарильо начинаетъ уже жить совершенно самостоятельно. Сперва ему ничего другого не остается, какъ только попрошайствовать, но затѣмъ онъ навивается въ услуженіе къ разнымъ господамъ. На первый разъ онъ попадаетъ къ патеру. Разъ, когда онъ попросилъ милостыни у этого патера, ему пришлось прежде всего отвѣтить на вопросъ: умѣетъ ли онъ прислуживать при мессѣ. А такъ какъ слѣпецъ научилъ его и этому, то оказалось возможнымъ поступить на службу къ этому новому хозяину. Здѣсь для несчастнаго Ласаро начинается такая голодовка, съ которой прежнія не могутъ и сравниться. Опять пришлось прибѣгать къ разнаго рода продѣлкамъ, къ разнымъ приемамъ пикаровской практики; но что же дѣлать, если нѣтъ никакой иной возможности существовать? Не разъ приходилось, само собою разумѣется, и попадаться; не разъ приходилось расплачиваться за неудавшіяся уловки: патерь былъ до послѣдней степени скупъ, а жестокость его превосходила жестокость нищаго слѣпца. Открывъ пропажу хлѣбовъ, которыя онъ тщательно держалъ подъ замкомъ, злой патерь такъ нещадно избилъ бѣднаго Ласарильо, что тотъ чуть не умеръ. Голодный, изнеможенный, едва державшійся на ногахъ, несчастный мальчикъ былъ изгнанъ изъ дома его второго хозяина и еще разъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Положеніе его было поистинѣ ужасно. Вынужденный «извлекать силы изъ своихъ немощей», Ласаро удалось залѣчить свои раны, и онъ опять принялся за выпрашиваніе подаеній. Дѣла пошли у него крайне плохо послѣ того, какъ зажившія раны не возбуждали уже болѣе состраданія прихожанъ, и нерѣдко вмѣсто милостыни онъ получалъ добрый совѣтъ наняться къ какому-нибудь хозяину. «И откуда только возьмется этотъ хозяинъ?—думалъ онъ про себя при такихъ случаяхъ,—если только Богъ не создастъ его, какъ онъ создалъ міръ». Разсуждая такъ, онъ шелъ разъ по улицѣ и встрѣ-

*) Намекъ на предшествовавшее столкновение изъ-за колбасы, за которое Ласаро въ плоть жестоко поплатился.

тѣмъ прилично одѣтаго, хорошо причесаннаго, осанистаго и важно-выступающаго дворянина, который обратилъ на себя его вниманіе тѣмъ, что взглянулъ на него. Дворянинъ этотъ былъ изъ числа тѣхъ всегда многочисленныхъ въ Испаніи «гидалго», которые даже и въ томъ случаѣ, еслибы въ ихъ время существовалъ для нихъ специальный банкъ, не могли бы все же-таки воспользоваться его кредитомъ по той простой причинѣ, по которой, какъ извѣстно, разъ какъ-то не стрѣляли изъ пушекъ, хотѣли стрѣлять и слѣдовало. Столь же голодный, какъ и высокомѣрный, столь и праздношатающійся, сколь и преисполненный самолюбія, дворянинъ этотъ былъ, надо полагать, всего болѣе обезпеченъ отсутствіемъ при немъ свиты или хотя паж. Онъ и нанялъ подвернувшася ему Ласарильо, и мѣтивъ при этомъ, что такое счастье выпало, конечно, бѣдному мальчику за усердія его молитвы. Слѣдуя за своимъ новымъ хозяиномъ, Ласарильо размышлялъ о томъ, что этотъ разъ ему навѣрно ужъ попалъ именно такой хозяинъ, какого ему давно было нужно: наружность его, и самое дѣло, общала какъ много! На первый разъ, пройдя по городу и церковь, отстоялъ службу и слѣдуя затѣмъ далѣе, до того дома, гдѣ жила дворянинъ, Ласаро могъ замѣтить только, что хозяинъ его идетъ между съѣстныхъ лавокъ и, несмотря на поздній часъ, ничего такого, что могло бы предвѣщать утоленіе голода, не покупаетъ; въ скромномъ жильѣ, куда хозяинъ со своимъ слугою вскорѣ затѣмъ прибыли, тоже ничего такого, чѣмъ можно было перекусить, не оказалось. А между тѣмъ въ поведеніи дворянина было столько выдержки и величавости, что Ласаро, какъ и ломалъ голову, ровно ничего понять не могъ. Въ восьмомъ часу вечера новый хозяинъ объявилъ своему слугѣ, что позавтракавъ утромъ, онъ и перъ ѣсть ничего не будетъ, а Ласаро пусть поступаетъ какъ самъ знаетъ до ужина. Хотя голодный мальчикъ и очень смутился отъ этихъ словъ, сообразивъ, что его опять ожидаетъ нескончаемая голодовка, но, стараясь поддержать свое достоинство, онъ сказалъ: «Сеньоръ, я такой мальчикъ, который, слава Богу, особенно объ ѣдѣ не заботится. Между всѣми моими сверстниками я могу похвалиться наибольшою умѣренностью; зато и голода, у которыхъ я до сихъ поръ служилъ, всегда очень меня хвалили». «Умѣренность—добродѣтель,—сказалъ хозяинъ,—и за это я буду любить тебя еще больше: обжираются однѣ только свиньи; порядочные люди ѣдятъ регулярно». Дѣло было ясно. Ласаро, забившись въ уголъ, сталъ грызть выпрошенные имъ еще утромъ куски хлѣба. «А подойди-ка сюда, парнишка! Что ты тамъ такое ѣшь?»—спросилъ его хозяинъ, и, увидя куски хлѣба, онъ изъ трехъ, бывшихъ въ рукахъ Ласаро, выбралъ самый большой и лучшій и, похваливая, съѣлъ его съ удовольствіемъ. Остатокъ дня прошелъ въ разспросахъ, какіе дворянину вздумалось дѣлать ему слугѣ, и затѣмъ, все съ тою же выдержкою разъ навсегда усвоенной величавости, дворянинъ принялся учить Ласаро, какъ слѣдуетъ приготавливать ему на ночь постель, которая вся-то и заключалась въ одной или двѣхъ циновокъ и обратившемся въ лепешку матрацѣ, такъ что и дѣлать, соб-

ственно говоря, было рѣшительно-таки нечего. Когда наступила ночь, дворянинъ, обратясь къ слугѣ, замѣтилъ: «Ласаро, теперь уже поздно, а отсюда до рынка далеко; къ тому-жъ, въ этомъ городѣ шляется много разбойниковъ, которые ночью того и гляди ограбятъ. Устройся поэтому сегодня, какъ можешь, а завтра, съ наступленіемъ дня, Богъ намъ поможетъ. Когда я жилъ одиноко, не было мнѣ надобности дѣлать запасы, а за эти дни мнѣ приходилось закусывать внѣ дома... Теперь же обойдемся какъ-нибудь иначе». — «Сударь, обо мнѣ вамъ нечего заботиться; я могу провести ночь, а не то и больше, безъ всякой пищи». — «Зато и будешь ты всегда здоровъ, такъ какъ ничто такъ не способствуетъ долгой жизни, какъ умѣренность въ пищѣ». Слыша эти изреченія Ласарильо подумывалъ про себя, что ему, должно быть, и умереть никогда не придется: онъ вѣдъ всегда повеловѣ слѣдовать высказанному его хозяиномъ правилу.

Утромъ дворянинъ опять облачился въ свой кафтанъ, опоясался ремнемъ, къ которому была прикрѣплена шпага, накинулъ плащъ, надѣлъ шляпу и опять попрежнему вышелъ прохаживаться взадъ и впередъ по улицамъ, мечтая, конечно, о томъ, съ какими изумительными умѣньемъ удастся ему поддерживать свое дворянское достоинство. Его размѣренная поступь, его привычка всегда держаться прямо, изящный поворотъ его головы, его плащъ, закинутый на плечо, опертая въ бокъ правая рука и, въ довершеніе всего, эта толедская шпага, «за которую онъ не взялъ бы золота всего свѣта», — что за картина съ ногъ до головы, что за патріотъ своего отечества съ головы до ногъ! Кто, увидавъ этого осанистаго и преисполненнаго собою гидадьго, не признаетъ въ немъ цвѣта и гордости своей страны? Въ тѣ времена, какъ и теперь, они ни на минуту не забывали о своемъ столь же великомъ, какъ и неувловимомъ значеніи, и только все похаживали и, не удара палецъ о палецъ, не уставали повторять: «о, родина! о, вѣра нашихъ отцовъ!» Должно быть и по сей день они еще ничего не забыли и ничему не научились.

Но вернемся къ нашему голодному Ласаро. Дальнѣйшая исторія его пребыванія у злуполучнаго дворянина представляетъ массу характернѣйшихъ подробностей, дорисовывающихъ картину знакомаго уже намъ бездѣлья и нераздѣльной его спутницы фанаберіи, которой конца краю не отыщется. Питаясь отъ подаванія, собираемаго слугой, дворянинъ этотъ только и говоритъ о томъ, чѣмъ бы онъ могъ быть, еслибы положеніе его соответствовало его достоинствамъ; онъ говоритъ это, мечтая, конечно, о томъ, до какой степени сытое бездѣлье во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ бездѣлье голодное. Ласаро глубоко сожалѣлъ его, кормилъ своею милостынею и не питалъ къ нему тѣхъ враждебныхъ чувствъ, которыя внушали ему прежніе его хозяева. Все это кончилось тѣмъ, что этотъ разъ въ Ласаро бѣжалъ отъ своего господина, а самъ господинъ, испуганный требованіемъ уплаты за квартиру, скрылся и оставилъ Ласаро объясняться за себя и съ домохозяиномъ, и съ альгуасилемъ.

Народъ, духовенство, дворянство проходятъ такимъ образомъ передъ

нашими глазами, разоблачая всю подноготную своего существованія; оставшее въ разсказѣ Ласарильо не важно, да и не представляется въ той обработкѣ, какъ первыя три главы. Автобіографія его оканчивается на томъ, что онъ пристраивается къ казенному мѣсту и женится на служанкѣ пэтера, къ слухамъ о поведеніи которой относится съ полнымъ недоверіемъ. «Въ это время, — говоритъ онъ въ заключеніе, — я пользовался полнымъ достаткомъ и достигъ вершины своего благополучія».

Такова повѣсть о несчастіяхъ и невзгодахъ Ласарильо Тормесскаго, рисовывающая вслѣдъ за *Селестиной* печальную картину испанской жизни, развертывающейся за блестящими кулисами колоссальной и гордой своими внѣшними успѣхами монархіи. Скрытые за шумомъ и трескомъ побѣдъ, пышныхъ турнировъ и всякихъ вообще празднествъ и торжествъ, убожество, голодъ, невѣжество, суевѣріе въ ихъ особаго рода торжественномъ шествіи рука объ руку съ праздностью, спѣсью, лицемеріемъ и насиліемъ, представляли ту глубокую и неисцѣлимую язву, которая неизбѣжно должна была рано или поздно завершить свое разрушительное дѣло и раскрыть истинное положеніе вещей и передъ согражданами, и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

IV.

Никто не станетъ теперь переводить или перепечатывать рыцарскіе или пастушескіе романы, а *Селестина*, *Ласарильо* и цѣлая масса слѣдовавшихъ за ними произведеній въ этомъ родѣ перепечатываются и переводятся и теперь. Благодаря имъ, за предѣлами Испаніи, какъ замѣтилъ Арибо, составилось высокое мнѣніе объ испанской литературѣ и интересъ къ ней у всѣхъ культурныхъ народовъ оказывается неизсякаемымъ. И въ самомъ дѣлѣ, «генего пісагеско», самъ по себѣ въ высшей степени достойный вниманія, представляетъ нѣсколько произведеній, которыя повсюду признаны образцами совершенства своего рода и никогда не теряющими своей свѣжести сокровищами литературы. Вполнѣ правъ поэтотому Пересь де Гусманъ, утверждая, что произведенія эти всегда являются современными, когда бы ихъ ни напечатали (см. предисловіе къ *Marco de Obregon*. Барселонск. изд. 1881 года). Словомъ сказать, главнѣйшія произведенія пикаровской литературы по своей жизненности, общественному своему смыслу и высокой талантливости признаны истинными перлами творчества повсюду.

Такая твердо установившаяся репутація выдающихся образцовъ испанскаго «генего пісагеско» можетъ служить, какъ я думаю, неопровержимымъ подтвержденіемъ столько разъ вездѣ цитируемой мысли Гёте:

„Greift nur hinein in's volle Menschenleben!
Ein jeder lebt's,—nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt—da ist's interessant!“

Интересное было вѣрно выхвачено изъ жизни гениальными создателями «генего пісагеско»; въ томъ не можетъ, конечно, существовать сомнѣнія.

Да и что же, наконецъ, интереснѣе вскрытія истины, тщательно прикрываемой показною, шумливою и, повидимому, всеильною ложью? Я не касаюсь при этомъ вопроса о томъ, сумѣетъ и сможетъ ли общество утилизировать полученный имъ урокъ, найдетъ ли въ себѣ силы для преподобія развѣдающаго его зла, окажется ли способнымъ вступить на новый путь и найдетъ ли средства для исцѣленія своего, вѣками окрѣпшаго, быта? Этотъ вопросъ — дѣло будущаго; въ данный же моментъ поразительнымъ по своей силѣ и значенію фактомъ является мощный голосъ тѣхъ проницательныхъ умовъ, которые въ самую яркую минуту блеска торжествующей пикардін прозрѣли мишурность этого блеска, признали его блескомъ однихъ лишь кулисъ и позади нихъ указали совершенно реальный упадокъ, совершенно несомнѣнное разложеніе. У нихъ была еще одна замѣчательная особенность: они заговорили о поставленномъ ими діагнозѣ такимъ тономъ, какимъ столь печальныя вѣсти обыкновенно не провозглашаются: они допустили «видимый міру смѣхъ»; но, «questo, che rag uoglio ed è dolore», съ выдающеюся въ глаза несомнѣнностью являлись для всякаго сколько-нибудь внимательнаго и вдумчиваго наблюдателя. Они стояли на стражѣ общественныхъ интересовъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они послужили и родной литературѣ, «не допустивъ низведенія ея до игры и времяпрепровожденія, такъ какъ въ ней только и можно еще было отыскать твердую опору для возрожденія отечества», какъ писалъ въ позднѣйшее время болящій о бѣдствіяхъ своей родины многострадальный Леопарди (*Epistolario*, I, p. 458). Да и кто, кромѣ торгашей и шарлатановъ, станетъ отвергать, что мѣсто писателя — не «среди ликующихъ и праздно болтающихъ», а тамъ, гдѣ его указалъ великій поэтъ «мести и печали», мы, какъ выразилъ ту же мысль въ обращеніи къ своимъ соотечественникамъ Джозуэ Кардуччи:

„A noi fra i tormentati or convien ire,
 Tesoreggiando le vendette e l'ire“.

Что касается литературныхъ приемовъ первыхъ представителей пикаровскаго рода, то приемы эти являются крайне простыми: сперва мы имѣемъ автобіографіи пикаровъ, не представляющія иного замысла, какъ одну лишь элементарную нить случайныхъ встрѣчъ и неожиданныхъ привлеченій, возможныхъ въ жизни бездомнаго скитальца, а затѣмъ является еще новелла, получающая уже у Сервантеса почти такую именно форму, въ которой ее желалъ видѣть Гёте, — коротенькую, хорошо придуманную и продуманную, правдивую, естественную и не пошлую, дающую столько дѣйствія, сколько необходимо, столько принципиальности, сколько нужно, подвигающейся не спѣшно, но и не топчущейся на мѣстѣ, и въ которой люди представляются не совершенными, а интересными. Автобіографія и коротенькая повѣсть—это, конечно, еще не романъ; но, замѣтить надо, матеріалъ, который послужилъ для этихъ двухъ первоначальныхъ формъ «егого *piscesco*», и есть именно тотъ, изъ котораго при болѣе и болѣе

совершенствующейся технике и возникнет современней реалистическій и социально-психологическій романъ нашего вѣка.

Дѣло шло такимъ образомъ о расширеніи сближенія произведеній викаровскомъ вкусѣ и осложненіи этого содержанія до захвата всей вообще полноты жизни. Если первый проявленія пикардін въ литературѣ какъ бы предполагаютъ исключеніе всего специфически-непикаровскаго, то дальнѣйшій ходъ эволюціи этого литературнаго рода соотвѣтствовалъ въ общемъ смыслѣ частному замыслу Гоголя по отношенію къ отдѣльно взятому пикару-скупщику мертвыхъ душъ. Какъ Гоголь, въ предисловіи къ 2-му изданію своей «поэмы», указывалъ на «сближеніе между сословіями на почвѣ темы его «поэмы», такъ точно такое же сближеніе дѣйствительно совершилось или само собой разумѣлось въ сказаніяхъ пикаровъ о ихъ подвигахъ. «Селестина», какъ мы видѣли, никого не пощадила. «Ласарильо» затронулъ народъ, духовенство и дворянство. Уже и тутъ слѣдовательно, имѣлась въ наличности «вся Испанія», какъ вѣрно замѣтилъ Морель Фасіо. Дальше шло все тоже: Гусманъ Альфарачскій «сближая сословія», не стѣсняется вводить въ кругъ своихъ наблюденій даже и кардиналовъ. Широкою кистью рисуя среду, которую онъ самъ называетъ «la florida picardia», онъ по всей справедливости получилъ наименование испанскаго Протея, пишущаго по-испански, но «вдохновляющаго гениемъ человечества» (Тихпоръ, III, стр. 192). И, затѣмъ, Сервантесъ—величайшій изъ мастеровъ слова, обрабатывая темы, выхваченныя изъ жизни пикаровъ (которыя я только и имѣю въ виду), постоянно даетъ намъ широкіе абрисы испанской жизни вообще. Возьмемъ хоть его *Знаменную судомойку*,—эту прелестную повѣсть, полную юмора и жизненности, правды,—въ ней ужъ совсѣмъ не замѣчается пикаровской специализаціи: размахъ кисти художника уже настолько широкъ, что напиши эту повѣсть какой-нибудь современный, мѣтящій на краснорѣчіе, повѣствователь, пришлось бы признать, что полетъ такого повѣствователя и безъ помощи эволюціи вдругъ оказался невѣроятно высокимъ. Но вернемся къ *Судомойке*. Въ этой повѣсти передъ нашими глазами происходитъ превращеніе знаменитого бургонскаго дворянина въ совершеннѣйшаго пикаро, достигающаго высшей стадіи своего новаго положенія на нѣкихъ рыбныхъ ватагахъ считавшихся крайнимъ предѣломъ пикаровской науки. Повѣствуя о похожденияхъ этого пикаро, Сервантесъ бросаетъ по временамъ взглядъ и на далеко болѣе обширные круги. Такъ, напримѣръ, по поводу одного затрунительнаго дѣла намъ приходится выслушать крайне интересное соображеніе хозяина толедской гостиницы: «Тутъ, въ городѣ, есть одна значительная особа, могущая имѣть большое вліяніе на представителей правосудія,—это именно одна благочестивая сеньора—родственница коррекадора; онъ вѣдь водить его, что называется, за носъ. Теперь же у прачки, стирающей на тотъ монастырь, гдѣ проживаетъ эта самая сеньора, есть дочь состоящая въ самой тѣсной дружбѣ съ сестрою монаха—добраго пріятеля духовника опять-таки этой же сеньоры, и вотъ, такъ какъ та прачка ст

расть бѣлье и на гостиницу, то и надо только, чтобы она попросила свою дочь,—что она навѣрно и сдѣлаетъ,—чтобъ она сказала сестрѣ монаха, тобы та поговорила съ своимъ братомъ, чтобы этотъ братъ сказалъ духовнику, а духовникъ—сеньорѣ, и если только эта сеньора,—что сдѣлать не трудно,—дать записку коррекадору, то можно будетъ надѣяться на счастливый исходъ дѣла». Или еще примѣръ: увидя водовозовъ, играющихъ въ крупную азартную игру, герой повѣсти замѣчаетъ, что «они играютъ не какъ водовозы, а какъ архидіаконы»; или еще такая мимоходомъ бросается фраза, что-де «постояльцы гостиницы встрѣтятъ такое вниманіе со стороны женской прислуги, какое не допускается даже и каноникамъ отъ ихъ служанокъ». Поразительна, наконецъ, картина ужаса, овладающая всѣмъ населеніемъ гостиницы при появленіи въ стѣнахъ ея коррекадора со святою исполнителей его приговоровъ.

Неудивительно послѣ этого, если Сервантесъ такъ горько чувствовалъ необходимость «прикусывать себѣ языкъ», вполне сознавая при этомъ, что высказаться все же-таки необходимо «такъ какъ слова слетаютъ на языкъ, какъ мухи на сладкое вино, а долгъ писателя повелѣваетъ называть вещи ихъ настоящими именами, а честно написанныя или сказанныя слова служатъ признакомъ честности высказавшаго ихъ...» А между тѣмъ, «чтобы молчать по-испански и говорить по-латынѣ потребно благоразуміе», причемъ не теряется изъ виду, что «хорошее знаніе латинскаго языка нисколько не мѣшаетъ этимъ самымъ знатокамъ быть ослими». При всѣхъ такихъ разсужденіяхъ выражается надежда увидѣть «въ быстрой смѣнѣ событій низверженіе высоко стоящихъ гордецовъ и поднятіе смиренныхъ изъ ихъ угнетеннаго положенія».

Какъ бы такія рѣчи ни назывались, онѣ были прежде всего живыя рѣчи живыхъ людей, и послѣ нихъ нельзя было возвращаться къ рыцарямъ или пастушкамъ. Пикары и утверждаются окончательно въ испанской литературѣ; но этого имъ мало: они предпринимаютъ теперь триумфальное шествіе изъ Парижа и далѣе—за Ламаншъ. Во Франціи они находятъ себѣ второе отечество: ихъ прославляютъ—Сорель, Скарронъ, Фюртьеръ, Лессажъ, Бомарше... Въ Англіи ихъ тоже принимаютъ съ распростертыми объятіями: Нэшъ, Хэдъ, Дефо надолго удерживаютъ на ихъ подвигахъ вниманіе читателей. Все это, вмѣстѣ взятое, захватываетъ цѣлыхъ три вѣка!

Само собою разумѣется, что въ теченіе столь долгаго времени пикаро претерпѣваетъ существенныя измѣненія и въ концѣ только что отмѣченнаго періода, не представляющаго, впрочемъ, предѣла его существованія, является передъ нами совсѣмъ инымъ. Заложенные въ немъ возможности выйдутъ изъ скрытаго состоянія, развертываются,—и герой нашъ оказывается совсѣмъ неузнаваемымъ. Изъ пикаро превратись въ Фигаро, онъ овладѣваетъ уже и сценою, и теперь вовсе ужъ не считаетъ себя вынужденъ имъ «прикусывать языкъ», а прямо и смѣло бичуетъ и общественное неустройство и является бодрымъ провозвѣстникомъ той быстрой смѣны соб тій, которая когда-то казалась не болѣе, какъ мечтой. Преисполняя

радостью сердца всѣхъ обреченныхъ влечь пикаровское существованіе поневолѣ и противъ воли, онъ ведетъ рѣчь, конечно, не по-латыни и не молчать на родномъ языкѣ, онъ говоритъ твердо, ясно, опредѣленно, потому что онъ уже прозрѣваетъ будущее. Его провозвѣстительство, какъ вѣрно замѣтилъ Канту, «было создано на то, чтобы возрастать, и оно возросло» (*C. Cantù: «Storia di cento anni»*. Firenze. 1855, II, p. 259). Онъ утверждаетъ, что «съ того времени, какъ было замѣчено совершаемое вѣками превращеніе стараго вздора въ мудрыя изреченія, и было констатировано порожденіе крупныхъ истинъ изъ первобытной, на удачу пущенной въ обращеніе лжи,—эта послѣдняя повторяется на тысячу ладовъ» (*Mariage de Figaro*, IV, 3). Слушать эти и подобныя разглагольствія людямъ оковѣвшимся въ преданіи, считавшимся обладающимъ абсолютною устойчивостью, значило переживать миллионъ терзаній. «Какъ? Мы взяли на себя трудъ родиться, и только! Трудъ родиться!... Что за фраза, что за бессмыслица!» А приходилось однако выслушивать эти бессмыслицы и быть еще свидѣтелемъ возбуждаемаго ими безграничнаго восторга.

А что же творилось въ Испаніи, въ этой самой Испаніи, гдѣ за четыре вѣка до Фигаро послышался голосъ первыхъ пикаровъ—донъ Ружа, доня Фулона и доньи Трота-конвентось? Здѣсь долго еще вертели и переморачивали излюбленную тему біографіи пикаро, превращая Ласарилью то въ Гусмана Альфаратскаго, то въ Марка Аврагона, то въ плутовку Хустину, но между возможностью богатнаго воздѣйствія этихъ произведеній на общество неодолимою стѣною высилось несокрушимое довѣріе къ традиціи, непобѣдимая боязнь свободнаго изслѣдованія, безнадежная косность и полнѣйшая неспособность къ самодѣятельности. И хотя отъ конца XV до конца XVI столѣтія, т.-е. именно въ эпоху процвѣтанія обличительной литературы, исторія Испаніи представляетъ рядъ непрерывныхъ внѣшнихъ успѣховъ, но успѣхи эти не расшевелили испанцевъ, не вдохнули въ нихъ новой жизни;—они, напротивъ того, способствовали еще укрѣпленію духа нетерпимости, изуверства и національнаго чванства. Паденіе Испаніи было на полномъ ходу уже при внѣшнемъ, кажущемся ея процвѣтаніи. Затѣмъ, дажѣ, оно шло неудержимо и быстро. И если въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія густыя тѣни, наложенныя на исторію Испаніи Боклемъ, и могли показаться чрезмѣрными, то позже и вплоть до нашихъ дней выяснилось, надо полагать, окончательно глубокая проницательность гениальнаго соціолога, уразумѣвшаго совершенно для другихъ смыслъ этого «поучительнаго, хотя и печальнаго сюжета».

Заслуга обличительной литературы, заговорившей въ эпоху триумфовъ, вполне теперь очевидна. Литература, по вѣрному замѣчанію Лаузера «показала обратную сторону жизни и рядомъ съ побѣдными торжествами Карла V представила испанскій народъ» (*W. Lauzer: «Der erste Schelmerroman»*. Stuttgart, 1889, S. 25). И если, оставивъ въ сторонѣ рутину условныхъ литературныхъ рубрикъ, мы займемся разъясненіемъ не перестав

романа въ пикаровскомъ вкусѣ, а *перваго* появленія *самыхъ пикаровъ* въ испанской литературѣ, то намъ ясно представится наличность зла въ то время, когда обычно приводимыя условія его возникновенія еще не существовали. Не американское золото, не мечта о всемірномъ владычествѣ—зло,—они только обострили его. Герои Хуана Руажа точно такъ же стремятся «прожигать» жизнь и не работать, какъ и тѣ дворяне, о которыхъ Навахиаро говорить, что «сила всего свѣта, кажется, не достанетъ, чтобы одолѣть ихъ чванство, или, какъ они выражаются, ихъ фантазій».

Но если начало бѣдствія отодвигается въ даль вѣковъ и если при этомъ оно оказывается устойчивымъ и прогрессирующимъ, то это значитъ, что и корни ихъ въ общественномъ строѣ идутъ въ глубины, для обличительной литературы не достигаемыя. И если гениальные умы, создавшіе эту литературу, и покрыли себя вѣчною славой, если они могли оказать могущественное воздѣйствіе на мнозешныя литературы, то у себя дома число искреннихъ почитателей и глубоко-проникнутыхъ ихъ мыслями сторонниковъ было у нихъ всегда такъ мало, что испанская жизнь не переставала вплоть до нашего времени давать преизобиліе пикаровскаго матеріала, проявляя такимъ образомъ тщету обличительной проповѣди и постоянство губящаго ее зла. Сокрушительно печаленъ и высоко-назидателенъ рядъ свидѣтельствъ, которые на выдержку можно привести для подтвержденія указываемой здѣсь стойкости общественного разложенія. Еще Сервантесъ указывалъ, что «охотниковъ жить не работая въ Испаніи очень много. Здѣсь поэтому такъ много людей, занимающихся показываніемъ маріонетокъ, объясненіемъ образовъ, продажей булавокъ или стихковъ. Еслибъ эти люди вздумали перевести весь свой скарбъ на деньги, то они бы не смогли выручить и столько, чтобы прожить одни сутки, а между тѣмъ они не выходятъ изъ кабацковъ и погребковъ круглый годъ: ясное дѣло, что источникъ ихъ разгула не въ ихъ ремеслѣ, а гдѣ-то на сторонѣ. Всѣ они—бродяги, бесполезный, нигуда не годный народъ; они тянутъ вино какъ губки и жрутъ хлѣбъ, какъ саранча». Въ концѣ того же вѣка m-me d'Aulnoy, путешествуя по Испаніи, видѣла лишь нищету и пышность, позолоту и рубища,—всеобщій упадокъ, коренящійся въ психологическихъ свойствахъ, присущихъ самому народу. Эти свойства здѣсь, какъ и вездѣ, обуславливаютъ ту или другую судьбу страны и влекутъ ее къ утѣхамъ или къ бѣдствіямъ» (см. *H. Taine: «Essais de critique et d'histoire»*. Paris, 1887, p. 334). И, наконецъ, чтобы не затягивать этихъ цитатъ, вотъ что говоритъ современный романистъ, изображая возбужденіе общества по поводу мимолетно навѣяннаго на него впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ объ убійствѣ, совершеннымъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ:

«Промешествіе это, при всей своей необыкновенности, не было новостью въ гетонисяхъ Мадрида. На мѣстѣ происшествія шли, разумѣется, самыя оживленные толки. «Это ужъ шестой случай этого рода!» «Ужасенъ убійца вообщѣ, но убійца въ тринадцать лѣтъ... Какъ назвать его?» «Что за страша!» «Въ самомъ дѣлѣ, что за страна!» «Въ Малагѣ такіе случаи не

рѣдкость». «Да и въ Мадридѣ тоже». «А мы занимаемся школами! Тюрьмы—вотъ что намъ необходимо». «Пенитенціарныя школы или же учебныя тюрьмы—вотъ моя тема!» «Это ужасно! Сердце разрывается при видѣ такого злодѣйства». «Школа!» «Тюрьма!» «А я твержу: фребелевскіе сады!» «Но гдѣ же убійца, гдѣ убійца? Городовые, ищите же убійцу!... Что за страна!... Одново же, городовые... да гдѣ же это они... гдѣ городовые? Суматоха, начавшаяся на мѣстѣ происшествія, сдѣлалась всеобщею въ городѣ, когда на другой день газеты помѣстили свѣдѣнія своихъ репортеровъ о томъ, что и какъ произошло. Со всѣхъ сторонъ посыпались самыя энергическія восклицанія на тему нравственнаго и умственнаго состоянія страны, приведены были свѣдѣнія о соотвѣтственныхъ происшествіяхъ въ Мадридѣ, Валенсіи и Малагѣ, и, въ заключеніе, было рѣшено единогласно, что настоятельно необходимо сдѣлать что-либо. Что-либо непременно! Необходимо посвятить много времени и денегъ для излѣченія общественнаго организма. Поднявшаяся на ноги пресса агитировала въ теченіе цѣлаго ряда дней, слѣдовавшихъ за происшествіемъ, не безъ результата: образовались комитеты, собрались коммисіи, въ свою очередь назначавшія подкоммисіи, которыя стали вырабатывать разные проекты. Начались прочувственныя рѣчи, покрываемыя аплодисментами... и засіяли ораторы. Многіе жаждавшіе при случаѣ сдѣлать имена свои извѣстными, приобрѣли недвѣльную славу, потомъ отъ нихъ ускользнувшую. И вся эта суета, вся эта болтовня, всѣ эти проекты школъ, колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, всѣ эти планы тюремъ, одиночныхъ, общихъ, смѣшанныхъ,—все это въ одинъ прекрасный день точно провалилось, исчезло, какъ исчезаютъ дѣтей игрушки подъ вліяніемъ иллюзіи новой забавы. Новая же забава тѣхъ дней заключалась въ проектѣ, подданномъ городскому управленію,—проектѣ, столь же практичномъ, какъ и выгодномъ. Этимъ проектомъ занялись теперь комитеты и коммисіи, и на этотъ уже разъ выработали такъ удачно, что въ самомъ скоромъ времени на одной изъ городскихъ площадей возвысилось грандіозное, заorno-изящное, монументальное, новое, свирѣпо-красное зданіе для боя быковъ (*Perez Galdós: «La Desheredada»*. Madrid, 1881).

Такъ говоритъ продолжатель цѣлаго ряда обличителей, представляющихъ попрежнему то ничтожное меньшинство, которое, вскрывая язвы своей страны, оказывается безсильнымъ сдвинуть ее съ мертвой точки, незыблемо укрѣпленной вѣками ея злополучной исторіи.

И вотъ теперь—потрясающая трагедія послѣдней войны: Манила, Сантъ-Яго... и опять герои наживы отъ всеобщаго разоренія... и общественная немощь, поразительная неспособность реагировать на такіе удары! Уже надо писать диссертациі для введенія всѣхъ этихъ событій въ общую связь со всѣмъ тѣмъ, что имъ предшествовало?

И однако же, при всей своей очевидности, связь эта не усматривается въ некоторыми доктринерами: не согласуется де съ шаблонами тѣхъ непогрѣшимыхъ авторитетовъ, которыми мы живемъ, движемся и существуемъ! Что

тутъ подѣлаешь? Справедливо говорить Лэнгъ, что легче схватить комету за хвостъ, чѣмъ бороться съ такого сорта «убѣжденіи!» Сперва твердили: «чѣмъ возьмешь, — еще посмотримъ!» Ну, это еще куда ни шло: нельзя же всѣмъ быть проникательными. А потомъ стали горевать по поводу катастрофы, забывая о вѣроломствѣ, коварствѣ и звѣрствѣ испанцевъ въ колоніяхъ; и, далѣе, стали выискивать какія-то тонкости международнаго права, несоблюденіе которыхъ и старались взвалить на американцевъ, какъ будто американцы должны были довѣрять Испаніи съ голубиною кротостью упражнявшихся въ постановкѣ тезисовъ публицистовъ? О Вейлерѣ, о трочахъ, о «сосредоточиваемыхъ», т.-е. собственно говоря, систематически-истребляемыхъ тысячахъ людей, говорили вскользь.

«Покوشаюсь надѣяться», что смутно различаемое съ той высоты, на которую вознеслись представители только что указанныхъ теорій, само по себѣ очень просто и ясно: жребій, выпавшій нынѣ Испаніи, совершенно неизбеженъ и вполне ею заслуженъ; это послѣдній итогъ давно подготовлявшихся и долго назрѣвавшихъ историческихъ условій. Лѣнь, суевѣріе, чванство когда же нибудь должны дать свой плодъ! Все это ясно, какъ простая гамма, и будь авторитеты непогрѣшимѣе самого папы, они этого никакъ не выфилософятъ.

Вотъ, если пережитый опытъ окажется достаточнымъ для внушенія руководящимъ классамъ въ Испаніи новаго взгляда на жизнь, а существованіе низшихъ классовъ станетъ иное, тогда явится основаніе и судить иначе. Если испанцы научатся жить, т.-е. не презирать трудъ, чтить независимое отъ традицій изслѣдованіе, дорожить знаніемъ... если они научатся «давать жить другимъ», т.-е. отречутся отъ изуверства, національной вражды и исповѣдуемаго человѣконенавистничества и сметутъ прочь Вейлеровъ и его присныхъ, тогда дѣло иное: тогда можно питать увѣренность, что испанцы станутъ грудью ужъ только за правое дѣло и тогда на сторонѣ Испаніи вѣрныя доктринеры окажутся иные люди. Тогда окажется также, что существовала возможность и въ Испаніи приносить пользу перомъ, такъ какъ осуществляются, наконецъ, желанія и надежды и громкихъ, и не громкихъ витій.

Вл. Лесевичъ.

Университетъ, какъ школа преподавателей.

Послѣ статьи: *Университетъ и средняя школа* *) въ нашей периодической печати появилось нѣсколько другихъ, авторы которыхъ, признавая необходимость болѣе цѣлесообразной подготовки преподавателей къ ихъ дѣятельности, чѣмъ та, которой они располагаютъ въ настоящее время **), вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ такую высшею для нихъ школою одни—наши университеты, другіе—особыя спеціальныя для того заведенія.

г. Зенченко ***), ставитъ себѣ именно такую задачу: доказать, во-первыхъ, что университетъ преподавателей не даетъ, давать не можетъ и не долженъ, такъ какъ это не его дѣло, и, во-вторыхъ, что для подготовки преподавателей должно существовать спеціальное заведеніе.

Изъ этихъ двухъ положеній мы остановимся особенно внимательно на первомъ, такъ какъ оно стоитъ въ коренномъ противорѣчій съ нашимъ мнѣніемъ по этому предмету.

Свое положеніе авторъ аргументируетъ очень многими соображеніями.

Первое изъ нихъ, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что «задача университета дать будущему преподавателю научныя знанія, а потому изъ университета выходить дѣйствительные студенты, кандидаты (по прежней терминологіи), но не преподаватели».

Не трудно замѣтить, однако, что въ этомъ первомъ положеніи, служащемъ исходною точкою отправленія для цѣлага ряда другихъ, кроется внутреннее противорѣчіе: «задача университета—*дать научныя знанія*, поэтому... слѣдовало бы ожидать, что поэтому именно его школа и *необходима* для каждаго преподавателя, а у г. Зенченко выходитъ наоборотъ: потому именно, что университетъ даетъ научныя знанія, онъ *не даетъ преподавателя*».

*) См. *Русская Мысль* 1898 г., кн. II.

**) Исключеніе составляетъ только статья г. Випера: *Спеціальная подготовка преподавателя средней школы, или поднятіе (?) его образованія (?)*. Статья эта, однако, свидѣтельствуетъ о такомъ поспѣшномъ отношеніи автора къ предмету, и такомъ скромномъ его пониманіи, что серьезно считаться съ ея «идеями» рѣшительно невозможно.

***) «О подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній къ педагогической дѣятельности» (*Вѣстникъ Воспитанія*. Отд. отгласъ).

Можно считать даваемые университетомъ знанія недостаточными для преподавательской дѣятельности, можно говорить о необходимости ихъ, вслѣдствіе этого, дополнить, — все это понятно. Но утверждать, что изъ университета не выходятъ преподаватели потому, что онъ даетъ научныя знанія, памъ представляется соображеніемъ болѣе чѣмъ рискованнымъ.

«Университетъ, — поясняетъ далѣе свою мысль авторъ, — даетъ своимъ воспитанникамъ научное знаніе, которое, въ силу современнаго состоянія науки, раздѣлено на множество специальныхъ отраслей. При этомъ университетъ не считается съ тѣмъ, къ чему будетъ примѣнять усвоенныя знанія окончившій въ немъ курсъ молодой человѣкъ: будетъ ли онъ земскимъ дѣтелемъ, преподавателемъ, врачомъ, юристомъ, директоромъ фабрики» и т. п.

Здѣсь опять новое противорѣчіе: еслибъ университетъ не считался съ тѣмъ, «къ чему будетъ примѣнять усвоенныя знанія окончившій въ немъ курсъ молодой человѣкъ», то зачѣмъ же бы онъ раздѣлялся на факультеты? Г. Зенченко отвѣчаетъ на это, что такое раздѣленіе будто бы происходитъ «въ силу современнаго состоянія науки», но останавливаться на такомъ утвержденіи едва ли стоить: ни современное состояніе, ни будущее состояніе науки не можетъ обуславливать ея *дѣленія* на такія *группы*, которыя представлены факультетами, ибо между этимъ факультетскимъ дѣленіемъ и наукой нѣтъ рѣшительно никакого отношенія.

Университетъ раздѣляется на факультеты потому, и только потому, что таково современное состояніе требованій *жизни*, а не науки: чтобы стать врачомъ, надо кончить медицинскій факультетъ; чтобы стать судьей, прокуроромъ, адвокатомъ, — необходимо кончить факультетъ юридическій, чтобы стать филологомъ — преподавателемъ, необходимо пройти курсъ филологическаго факультета. Когда жизнь не предъявляла спроса на группу наукъ, проходимыхъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, онъ пустовалъ, и было время, когда весь выпускъ Московскаго университета, напримѣръ, на этомъ отдѣленіи былъ представленъ *однимъ человекомъ*.

Правда, университетъ ничего не даетъ для подготовки земскихъ дѣтелей и директоровъ фабрикъ, но это потому, что жизнь требуетъ послѣднихъ не отъ университета, а отъ специальныхъ техническихъ училищъ, а такихъ специальныхъ научныхъ познаній, которыя необходимы земскому дѣтелю, и не существуетъ.

Взглядъ на университетъ, какъ на высшую школу, которая, ставя на верховъ планъ чистую науку, съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣетъ права оставаться глухой къ запросамъ практической жизни, давно уже высказывался передовыми умами западно-европейскихъ дѣтелей на поприщѣ чистой науки, и университеты, по рутинѣ хлопотавшіе усилить антагонизмъ «между теоріей и практикой» и вибивавшіе себя въ добродѣтель презрѣніе къ практическимъ требованіямъ жизни, съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, и самая эта традиція приобретаетъ характеръ анахронизма.

Гёттингенскій профессоръ Клейнъ въ своемъ докладѣ (*Университетъ и высшія техническія школы*), обратившимъ на себя общее вниманіе и давно закончившаго свои занятія съѣзда натуралистовъ и врачей въ Дюсельдорфѣ, отмѣчаетъ очень интересный и характерный для нашего времени фактъ:

«Не покидая идеальныхъ научныхъ началъ,—говоритъ профессоръ,—университетское преподаваніе начинаетъ считаться съ практическими условіями жизни, и пониманіе утилитаризма въ этомъ смыслѣ проникаетъ только въ медицинскіе факультеты, которые волей-неволей всегда должны считаться съ запросами практики, но и къ филологамъ, историкамъ юристамъ и даже математикамъ».

Въ качествѣ характерныхъ примѣровъ проф. Клейнъ приводитъ изъ опыта Гёттингенскаго университета: расширеніе задачъ физическаго кабинета измѣреніями динамо-машинъ и введеніе такъ называемыхъ каникулярныхъ курсовъ для учителей гимназій.

«Въ первомъ случаѣ,—говоритъ онъ,—происходитъ сближеніе физико-математическихъ наукъ съ проблемами инженернаго искусства, во второе же—устанавливается постоянная связь между университетомъ и практикой средней школы. Отъ такого сближенія теорія, навѣрное, ничего не теряетъ, жизнь же только можетъ выиграть» *).

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ частному вопросу объ отношеніи университета къ подготовкѣ преподавателей, мы оказываемся передъ слѣдующимъ фактомъ: прежде спросъ жизни въ преподавательской дѣлѣ удовлетворялся тѣмъ, что ему давалъ университетъ, — въ настоящее время, вслѣдствіе того именно, что уровень этого спроса значительно поднялся, сумма даваемыхъ на факультетскихъ курсахъ познаній болѣе его не удовлетворяетъ. Этотъ фактъ, различнымъ образомъ мотивируемый, признается всѣми; но выходъ изъ положенія представляется не всѣмъ одинаковымъ.

Мы, ссылаясь на практику американскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ университетовъ, видимъ этотъ выходъ изъ неудовлетворяющаго жизненный спросъ положенія дѣла въ томъ, чтобы поднять въ университетѣ уровень того *научнаго знанія*, которое формулируетъ педагога, какъ оно поднято по всѣмъ другимъ дисциплинамъ науки, формирующимъ юриста, судью, доктора, филолога и пр.

Г. Зенченко думаетъ иначе. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что университетъ

*) Приводя здѣсь эти строки, я отнюдь не хочу сказать ими, чтобы такая форма содѣйствія университета преподавательскому дѣлу была самою рациональною; упомянутый фактъ, (кстати сказать: одинъ изъ числа очень многихъ) свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что университеты признали необходимымъ дать новую форму своему содѣйствію въ подготовкѣ преподавателя средней школы и сдѣлать это содѣйствіе болѣе полнымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Учрежденіе специальныхъ съ этою цѣлью кафедръ въ американск. универс. ведетъ къ той же цѣли несравненно болѣе надежнымъ путемъ.

педагоговъ не даетъ, но полагаетъ, что больше того, что онъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ, ничего и не требуется, что возлагаемая на него въ этомъ смыслѣ задача разрѣшается сполна и вполне удовлетворительно.

«Факультеты историко-филологическій и физико-математическій, поставившіе преподавателей,—говоритъ онъ,—даютъ будущимъ учителямъ научное знаніе, изъ котораго тѣ будутъ черпать факты и выводы для сообщенія ихъ ученикамъ».

Мы согласны съ нѣкоторыми оговорками признать вслѣдъ за г. Зенченко, что задача университета по отношенію къ преподавателямъ—дать имъ *научное знаніе*, но мы полагаемъ, что онъ *можетъ* давать имъ, какъ таковымъ, нѣчто большее въ томъ смыслѣ, въ какомъ даетъ другимъ питомцамъ, выступающимъ по выходѣ изъ университета на разные пути практической дѣятельности. А если это такъ, то выводъ, что университетъ долженъ давать такіа знанія, является уже самъ собою.

Повторимъ во избѣжаніе недоразумѣній, что мы ведемъ рѣчь исключительно о тѣхъ требованіяхъ, которыя жизнь предъявляетъ къ преподавателю въ смыслѣ *научныхъ основъ* педагогическаго дѣла, которыхъ теперь онъ не получаетъ, а вовсе не о *классныхъ приѣмахъ* преподаванія и техники въ веденіи дѣла, о томъ, что составляетъ его искусство, котораго, выражаясь словами г. Зенченко, университетъ «отчасти не даетъ, отчасти дать не можетъ». Считаться съ этой послѣдней стороной дѣла и отрицать значеніе университета въ подготовкѣ преподавателей средней школы на томъ основаніи, что онъ «отчасти не даетъ, отчасти не можетъ дать» педагогическаго *искусства* и техническихъ приѣмовъ преподавательской дѣятельности, какъ это дѣлаетъ г. Зенченко, на нашъ взглядъ, представляется невозможнымъ уже потому, что, оставаясь послѣдовательнымъ, автору пришлось бы утверждать, что университетъ не даетъ и не можетъ дать... ну, хоть юристовъ, напримѣръ, потому что имъ, кромѣ научнаго знанія, тоже вѣдь необходимо обладать еще *искусствомъ* и спеціальными техническими приѣмами, которыхъ университетъ «отчасти не даетъ, отчасти дать не можетъ». На этомъ, однако, едва ли будетъ настаивать и самъ г. Зенченко. Мало того: онъ, вѣроятно, согласится признать, что хотя «искусству» юристовъ университетъ и не обучаетъ, тѣмъ не менѣе, однако, это не мѣшаетъ ему готовить научно образованныхъ юристовъ, которые получаютъ въ университетѣ то именно, что имъ получать надлежитъ.

Съ другой стороны, г. Зенченко, вѣроятно, согласится какъ съ тѣмъ, что современный курсъ на юридическомъ факультетѣ университета значительно отличается отъ того, чѣмъ онъ былъ 30—40 лѣтъ назадъ, такъ и съ тѣмъ, что это его измѣненіе сложилось и выработалось если не сполна, то въ значительной степени *подъ вліяніемъ жизненнаго спроса*. А если такъ, то гдѣ же основаніе утверждать, что тѣхъ научныхъ познаній, которыя университетъ давалъ будущему педагогу 30—40 лѣтъ назадъ, *столтъ достаточно* и въ наше время? Гдѣ основаніе отрицать роль университета

въ этой подготовкѣ, потому что онъ отчасти не даетъ, отчасти даетъ не жетъ тѣхъ знаній, которыя составляютъ *искусство* педагогическаго дѣла.

Этими основаніями являются соображенія, которыя, на нашъ взглядъ, приводятъ къ заключеніямъ какъ разъ противоположнымъ идеѣ г. Зенченка.

Онъ спрашиваетъ: «есть ли у преподавателя тотъ педагогическій *сг* который они должны всѣ исповѣдовать, какъ бы ни были различны! подаваемые ими предметы? Знаютъ ли они духовный ростъ ребенка, и рію его души, послѣдовательные періоды его умственного развитія?» — отвѣчаетъ: «бъ сожалѣнію, нѣтъ!»

Формулируемъ поставленные г. Зенченкомъ вопросы нѣсколько прѣтъ это дѣлаетъ авторъ, и сдѣлаемъ изъ даваемого имъ на нихъ отъ соотвѣтствующій выводъ.

Бъ чему сводится его утвержденіе, что преподаватели не имѣютъ дагогическаго «сredo», который должны исповѣдовать? Оно сводится тому, что они не имѣютъ опредѣленнаго понятія о единствѣ науки единствѣ научнаго метода, о единствѣ цѣли преподаванія, — утверждаъ которымъ, по отношенію къ нѣкоторой части преподавателей бытъ жетъ нельзя не согласиться.

Но... гдѣ же и кто можетъ дать на эти вопросы лучшіе и болѣе учные отвѣты, чѣмъ университетъ и его профессора? Г. Зенченко не гаеть, что «талантливые самоучки-преподаватели» рѣшаютъ эту задачу луч

Пусть не посѣтуетъ на меня уважаемый авторъ, но я не могу скрыть что его идея напомнила мнѣ анекдотическую исторію «здраваго смысла» которымъ нѣкоторые реформаторы въ свое время проектировали замѣнъ науку. Не сомнѣваюсь, во всякомъ случаѣ, что еслибы г. Зенченко считалъ раздѣленіе университетскаго преподаванія на факультеты сѣ ствлемъ современнаго состоянія *науки*, еслибы онъ припомнилъ, что у верситетская наука прежде всего потому и университетская, что она ст мится сдѣлать науку единой, какъ и ея методъ, что таковымъ именно д жонъ быть *сredo* каждаго истиннаго ученаго, то онъ, конечно, не усомни бы въ томъ, что только университетъ — и одинъ только университетъ — жетъ дать то, чего нѣтъ у преподавателей и что, по справедливому зам ченію самого г. Зенченка, должно быть.

Итакъ, первое основаніе говорить не за, а противъ идеи г. Зенчен

Второе основаніе г. Зенченка въ отвѣтѣ на вопросъ, который формулируется такимъ образомъ: знакомы ли преподаватели съ логикой и психологіей? — и на который онъ даетъ условно-отрицательный отвѣтъ (философы знаютъ, но плохо, такъ какъ предметы эти читаются обыкновенно на ии шемъ курсѣ и не такъ, какъ слѣдуетъ; слушатели же физико-математи

*) Нужно ли педагогу, *познакомившись* съ научными основами своего дѣла, пройти курсъ практическаго его изученія техническихъ приѣмовъ или не нужно? — это у другой вопросъ, ничего не имѣющій въ основномъ положеніи воззрѣній на р университетовъ въ подготовленіи преподавателей средней школы.

каго факультета и вовсе не знаютъ этихъ предметовъ, ибо ихъ не слушаютъ) — ничего не прибавляетъ къ убѣдительности его идеи.

Въ отвѣтъ на его соображеніе мы снова поставимъ вопросъ: кто же лучше можетъ помочь дѣлу, какъ не университетъ и его профессора?

Любопытно, что на этотъ разъ роль университета въ образованіи преподавателей признаетъ и самъ г. Зенченко!

Въ концѣ своей статьи и, повидимому, упустивъ изъ виду, что такое это признаніе стоитъ въ коренномъ противорѣчій со всѣмъ, что онъ говорилъ раньше, авторъ пишетъ: «Курсы общей педагогики и дидактики должны читаться въ университетѣ особыми профессорами педагогики и дидактики. Для этого при университетахъ образуется соответствующая кафедра. Посѣщать эти лекціи могутъ всѣ желающіе изъ студентовъ всѣхъ факультетовъ».

Выходитъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, что университетъ преподавателей давать не можетъ, и что для этого нужна специальная школа, а съ другой — что самый важный для будущаго преподавателя предметъ тотъ, который, по заявленію г. Зенченка, для него безусловно необходимъ и котораго онъ не имѣетъ, то-есть знакомство съ логикой, психологіей и педагогикой должны имъ слушаться не въ проектируемой г. Зенченкою специальной школѣ, а въ университетѣ! Поучительнѣе всего, что даже тѣ конкретные случаи, которыми г. Зенченко иллюстрируетъ неудовлетворительное состояніе *приемовъ* педагогическаго дѣла, къ которому, по его мнѣнію, университетъ никакого отношенія имѣть не можетъ, въ концѣ-концовъ оказываются явленіями, исправленію которыхъ кореннымъ образомъ и по мнѣнію того же г. Зенченка можетъ содѣйствовать не кто иной, какъ университетъ.

Такихъ примѣровъ онъ указываетъ два, и оба свидѣлствуютъ объ одномъ и томъ же.

Онъ пишетъ: «На урокахъ языковъ и математики во время письменныхъ работъ дѣтямъ предоставляется сидѣть и писать, какъ имъ угодно; между тѣмъ на своихъ урокахъ учитель чистописанія учить ихъ сидѣть правильно, правильно держать перо и тетрадь. А такъ какъ количественно уроки чистописанія незначительны, то и всѣ усилія учителя этого предмета разбиваются о дружное, но безсознательное противодѣйствіе преподавателей другихъ предметовъ, требующихъ большого числа письменныхъ упражненій. Кстати замѣчу, — продолжаетъ г. Зенченко, — что и требованія учителя чистописанія сидѣть правильно, держать тетрадь правильно — очень относительной цѣнности. И это «правильно» — правильно лишь постольку, поскольку требуется кодексомъ каллиграфіи, но не гигиѣны, о которой много учителя чистописанія не имѣютъ и представленія: съ ихъ точки зрѣнія сидѣть хорошо важно для почерка».

Кто же, спросимъ мы г. Зенченка, можетъ научить обращать вниманіе на эти явленія? Кто можетъ дать истинный отвѣтъ на вопросъ о томъ, что

такое *правильное* сужденіе? Г. Зенченко справедливо отвѣчаетъ: *никогда*. Но вѣдь гигиена—часть *педагогики* (ея отдѣлъ о физическомъ воспитаніи), педагогике будущіе преподаватели должны, по требованію самого же г. Зенченка, изучать именно въ университетѣ...

Другой примѣръ: «преподаватель родного языка заботится о томъ, чтобы дѣти свои устные отвѣты давали правильнымъ языкомъ; преподаватели остальныхъ предметовъ, не считаясь съ этимъ требованіемъ, позволяютъ дѣтямъ говорить самымъ неправильнымъ образомъ и даже на дѣлаемыя замѣчанія и указанія возражаютъ, что это не ихъ дѣло».

«Подобное же разногласіе, подобный разбродъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ,—поясняетъ г. Зенченко,—происходитъ отъ того, что у дѣятелей нѣтъ объединяющихъ началъ, исходя изъ которыхъ они дѣйствовали бы дружно, сообща; у нихъ нѣтъ общаго критерія при оцѣнкѣ явленій ихъ дѣятельности; идя по одной дорогѣ, они не составляютъ единомышленниковъ и часто, не обладая критеріемъ, проходятъ мимо нѣкоторыхъ явленій, не замѣчая ихъ; если же случайно и замѣтятъ, то не оцѣняютъ, не поймутъ ихъ и не воспользуются ими».

Но кто же,—спрашиваемъ мы опять г. Зенченко,—можетъ научить преподавателей этимъ критеріямъ? Кто можетъ научить ихъ дѣлать то, что имъ надлежитъ дѣлать, и чего они дѣлать не умѣютъ? Г. Зенченко справедливо отвѣчаетъ: *педагогика*. Но вѣдь педагогике будущіе преподаватели, по требованію того же г. Зенченка, должны изучать опять не гдѣ въ иномъ мѣстѣ, какъ въ университетѣ... А онъ утверждаетъ, что университеты педагоговъ не дадутъ и давать ихъ не могутъ!..

Таковы главнѣйшія основанія, которыя выставляетъ въ защиту своей идеи г. Зенченко. Къ нимъ онъ присоединяетъ лишь нѣсколько, такъ сказать, *дополнительныхъ соображеній*, служащихъ не столько доводами въ пользу его идеи по существу, сколько иллюстраціями, рисующими будущее, если университеты, вопреки своимъ ближайшимъ задачамъ, возьмутъ на себя чуждое для нихъ дѣло.

Одна *теоретическая подготовка*,—говоритъ авторъ,—«требуетъ такого количества часовъ», которое едва ли окажется въ распоряженіи студента. Если же ограничиться лишь общими положеніями, то такая постановка дѣла не будетъ соответствовать важности предмета: получатся педагогическіе «взглядъ и нѣчто», студенты будутъ смотрѣть на педагогическіе вопросы какъ на неважный придатокъ; какъ смотрѣли и смотрятъ въ университетѣ на новые языки, изъ которыхъ надо держать экзаменъ, безъ чего нельзя получить кандидатскій дипломъ. А всѣ знаютъ, какъ занимались новыми языками въ университетѣ и какъ изъ нихъ держали экзамены.

Г. Зенченко, очевидно, упустилъ изъ виду, что между такими крайностями, какъ огромный, поглощающій пропасть времени, курсъ, съ одной стороны, а съ другой—ничего не стоящій «взглядъ и нѣчто»—лежитъ

огромная полоса *середины*, по которой именно и движется университетское преподаваніе. Еслибъ этотъ фактъ, — а мы имѣемъ основаніе считать его таковымъ, — былъ принятъ во вниманіе авторомъ разбираемой статьи, то вѣроятно положеніе профессоровъ не представлялось бы ему иллюстраціей столь безотраднaго характера, а нововведенія въ интересахъ педагогическаго дѣла столь рискованными.

Не болѣе основательны и тѣ соображенія, которыми г. Зенченко иллюстрируетъ положеніе студентовъ, пожелавшихъ воспользоваться «нововведеніями».

Онъ пишетъ: «на всѣхъ факультетахъ, на всѣхъ курсахъ университета занятія должны имѣть въ виду возможно полное усвоеніе научныхъ свѣдѣній, причемъ, естественно, на старшихъ курсахъ эти занятія принимаютъ и болѣе серьезный, и болѣе спеціальный характеръ».

Для серьезныхъ занятій на старшихъ курсахъ необходимо очень много времени, какъ въ университетѣ, такъ и дома. Какъ извѣстно, большинство студентовъ въ теченіе университетскаго курса принуждены давать уроки, которые отнимаютъ и много времени, и много силъ. Такъ что студенты скорѣе (?) не имѣютъ достаточно времени для серьезной, самостоятельной научной работы въ университетѣ. Если же при указанныхъ условіяхъ студенты будутъ еще заниматься подготовкой себя къ преподавательской дѣятельности, то получится непримиримое противорѣчіе: именно тѣ, которые въ качествѣ будущихъ преподавателей особенно хорошо должны быть знакомы съ наукой, будутъ поставлены въ худшія условія для ознакомленія съ нею, чѣмъ тѣ, которые, наприм., наѣбренны поступить въ банкъ, въ канцелярію и т. п. учрежденія».

Соображеніе это представляется намъ еще менѣе убѣдительнымъ, чѣмъ первое. Мы согласны, что студентамъ старшихъ курсовъ нужно много времени для самостоятельныхъ работъ, что нѣкоторая ихъ часть для заработка денегъ даетъ уроки и пр., и пр., по... причемъ же здѣсь лекція по предметамъ, имѣющимъ въ виду подготовку преподавателей? Если студентъ не собирается быть педагогомъ, то эти лекціи для него не обязательны, въ противномъ случаѣ онъ можетъ только благодарить судьбу за то, что онъ будетъ имѣть возможность ихъ слушать.

Мы абсолютно отказываемся понимать опасенія г. Зенченка за то, что студентъ, имѣющій посѣщать 4—5 лекцій въ недѣлю, будто бы лишится возможности хорошо ознакомиться «съ наукой?»

Спрячутъ отъ нихъ эту «науку» что ли, или назначать лекціи «по минутѣ» въ тѣ именно часы, когда они ходятъ слушать новыхъ лекторовъ?

Тотъ, кто знакомъ съ распорядками лекцій въ университетѣ, тотъ отлично знаетъ, разумеется, всю несостоятельность такихъ ни на чемъ не основанныхъ опасеній. А если припомнимъ цитируемыя самимъ же г. Зенченкою слова Ушинскаго, который, «разсказывая въ своемъ письмѣ о двухъ шкалахъ, наполненныхъ педагогическими книгами, найденныхъ въ Гатчин-

скомъ институтѣ, горячо замѣчаетъ: «Этимъ двумя шапками я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и Боже мой! отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, еслибы познакомился съ этими двумя шапками прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще»; если припомнить эти слова, если представить, сколько труда и времени выиграетъ будущій педагогъ, которому университетъ дастъ уже въ готовой обработкѣ и научномъ осмысленіи тотъ матеріалъ, что долженъ былъ, работая на педагогическомъ поприщѣ, усвоивать и перерабатывать Ушинскій, то едва ли эти «иллюстраціи» г. Зенченка кому-нибудь могутъ показаться убедительными.

Не доказываютъ ли намъ всѣ эти промахи аргументаціи г. Зенченка того, что его основное положеніе не выдерживаетъ критики, что оно—заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, вслѣдствіе котораго всѣ сдѣланные изъ него выводы неизбежно являются шаткими, спорными и противорѣчивыми. Выводы эти при ихъ надлежащей провѣркѣ доказываютъ съ полною очевидностію, что университетъ и можетъ и долженъ давать такую подготовку преподавателю среднеобразовательной школы, которая стояла бы на высотѣ требованій современной жизни, то-есть какъ разъ противное тому, что при ихъ помощи хотѣлъ доказать г. Зенченко. Его выводы, его примѣры, его доводы не только въ общемъ опровергаютъ его идею о томъ, что университетъ не можетъ и не долженъ давать преподавателя, —они *детально* устанавливаютъ его ошибки, перечисляя по пунктамъ, что именно можетъ, а стало быть и долженъ давать университетъ въ этомъ направленіи, они иллюстрируютъ детали конкретными фактами.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу спеціального заведенія, проектируемаго г. Зенченко для преподавателей средней школы.

Этому вопросу авторъ посвящаетъ три главы изъ четырехъ всей своей статьи; мы удѣлимъ ему лишь нѣсколько строчекъ, такъ какъ вопросъ этотъ представляется намъ сполна мертворожденнымъ.

Г. Зенченко начинаетъ съ того, что русское правительство давно знавало недостаточность университетской подготовки преподавателей средней школы и организовало для этого спеціальныя школы, которыя, послѣ болѣе или менѣе кратковременнаго прозябанія, закрывались. Факты эти, давно уже набившіе всѣмъ оскомину, давно сданы въ архивъ, и потому мы говорить о нихъ не будемъ вовсе.

Скажу два слова лишь о причинахъ неудачи этихъ спеціальныхъ школъ, какими ихъ считаетъ г. Зенченко. Опъ видитъ ихъ не въ томъ, что въ свое время указывалось нашими педагогами, а въ томъ, что центръ тяжести этихъ школъ лежалъ въ теоретическихъ занятіяхъ, которыми руководили профессора университета, которые готовить преподавателей средней школы не могутъ и не должны и т. д., и т. д. —знакомые мотивы, какъ видитъ читатель, только на новый ладъ.

Опровергать эти соображенія значить повторять тѣ же аргументы, которые мы привели выше, такъ какъ сущность и нить разсужденія остаются тѣми же.

Мы ни минуты не сомнѣваемся въ томъ, что подобныя заведенія процвѣтутъ, но лишь при условіи, чтобы *начальство учебныхъ заведеній было обязано прилащать къ себѣ оканчивающихъ въ немъ курсъ «умниковъ» и такимъ образомъ обезпечить себѣ «сбытъ производства»*. Но при такихъ условіяхъ пойдетъ въ ходъ всякое «заведеніе», какъ это доказала въ министерствѣ гр. Толстого фабрикація «классическихъ педагоговъ»; при иныхъ условіяхъ такіе спеціальныя фабрикаты—сбыта не найдутъ: въ нихъ современная жизнь, по достоинству оцѣнившая значеніе шаблона, надобности не имѣетъ.

Владиміръ Вагнеръ.

Графъ Камиллъ Кавуръ по его письмамъ и современнымъ запискамъ *).

VIII.

Сравнительный покой, который последовалъ за бурнымъ лѣтомъ 1860 года, могъ только съ внѣшней стороны казаться затишьемъ, и не напрасно пишетъ Кавуръ Вильяму де-ла-Ривъ: «моя теперешняя задача болѣе затруднительна и тяжела, чѣмъ была доселѣ. Организовать Италію, свести въ одно тѣ различныя струи, которыя входятъ въ ея составъ, слить съ-веръ съ югомъ представляетъ столько же затрудненій, какъ война съ Австріей или борьба съ Римомъ».

Мы, дѣйствительно, видимъ, что съ очереди не сходятъ и финансовыя затрудненія, и административныя безпорядки въ Неаполѣ; тревожить продолжительное сидѣніе короля Франциска въ Гаэтѣ, причемъ онъ пользуется нѣкоторой поддержкой европейскихъ державъ, тѣхъ самыхъ, которыя порвали свои сношенія съ Туринномъ; а послѣ паденія Гаэты присутствіе Франциска въ Римѣ дурно вліяетъ на переговоры съ папой и враждебно настраиваетъ послѣдняго противъ туринскаго кабинета. Поселившись въ Римѣ, въ своемъ родовомъ дворцѣ Фарнезе, Францискъ имѣлъ еще настолько значительный престижъ, что ему предоставлялось королевское право производить смотры французскому войску; достойное, почти геройское, поведеніе королевы, его жены, привлекало выраженіе почтенія и удивленія и поддерживало сношенія павшаго двора съ аристократическимъ миромъ всей Европы.

Гнетутъ Кавура и трудныя отношенія къ республиканцамъ и еще болѣе тяжелыя къ Гарибальди, котораго, при всемъ уваженіи къ его личности, необходимо сдерживать, почти что покорять; къ тому же репрессивныя мѣры по отношенію къ нему кажутся еще жестче въ виду его искренняго безкорыстія.

Какъ ни сложны всѣ вышеприведенныя заботы Кавура, онъ все-таки изживаются по мѣрѣ теченія времени. Но одинъ вопросъ стоитъ безсмѣн-

*) *Русскія Мысли*, кн. IX, 98 г.

но на очереди, ему посвящены всѣ помыслы Кавура, надъ нимъ его мысль работаетъ все интенсивнѣе.

Вопросъ этотъ какъ будто старый—все то же стремленіе къ объединенію Италіи. Но теперь, по отношенію къ Риму, недостаточно одного присоединенія Папской области; нельзя обойтись съ правительствомъ Рима, какъ можно было это сдѣлать во Флоренціи и Неаполѣ; нельзя упразднить римскую курію; надо создать почву для дальнѣйшихъ отношеній. Мысль Кавура намѣчала слѣдующее: провозглашеніе Рима городомъ итальянскимъ и признаніе его исторической столицей Италіи. Распространеніе на Папскую область представительныхъ учрежденій новаго итальянскаго государства, его законовъ и судовъ—это было необходимо для правильныхъ управленій политической и гражданской жизни Италіи; замѣна французскихъ войскъ, охраняющихъ папу отъ демократовъ и либераловъ, отъ Мадзини и Гарибальди, войсками новаго итальянскаго королевства; эти войска оградилъ бы главу церкви отъ всякаго наслія, подобнаго тому, которое заставило папу укрыться въ 1848 году въ Гаэтѣ, а его предшественниковъ въ древнія времена—въ Авиньонѣ.

Кавуръ былъ готовъ на всѣ уступки, совмѣстныя съ цѣлью объединенія Италіи; онъ готовъ былъ допускать, предлагать самую полную независимость и широкую свободу дѣйствій духовнымъ іерархамъ взаимнѣ свѣтской власти римскаго первосвященника. Свѣтская власть папы должна была безъ шума, но фактически, разъ навсегда, исчезнуть, оставивъ за собой римскому первосвященнику лишь имуществъ, почетъ, неприкосновенность царственнаго лица. Св. отецъ долженъ былъ сохранить, при гарантіи правительства, обширныя удѣльныя имѣнія въ Италіи, собственность на многія виллы и дворцы, начиная съ Ватикана; итальянское правительство должно было отказаться отъ нѣкоторыхъ правъ, которыми располагало относительно церковныхъ имуществъ, и замѣщенія епископскихъ кафедръ, и оно обязывалось воздерживаться отъ всякаго вышаташества въ распоряженія духовной администраціи.

Святѣйшему отцу при такихъ условіяхъ предоставлялась возможность управлять дѣлами римской всемірной церкви и направлять ихъ, не подчиняясь никакимъ временнымъ теченіямъ дѣлъ въ Европѣ, никакимъ личнымъ стремленіямъ или наклонностямъ католическихъ государей.

Но папа и особенно іерархи римской куріи, даже будь они вполне искренни, даже имѣй они въ виду лишь благо и величіе того духовнаго учрежденія, той католической церкви, которой они считались служителями, были слишкомъ проникнуты богословскою схоластикой, чтобы поддаться свѣжимъ впечатлѣніямъ новаго міровоззрѣнія. Царскія права, при всей ихъ фиктивности, имъ были понятнѣе и дорожее тѣхъ средствъ для духовной свободы и дѣйствительной независимости, которыя предоставлялись гла ѣ церкви условіями новаго времени. Прибавимъ къ этому всю муть личныхъ цѣлей и корыстныхъ интересовъ, которымъ удовлетворялъ старыя порядки, и мы поймемъ, что многимъ римскимъ прелатамъ выигрышъ

настоящей минуты затмевать дальнейшую судьбу и Италиі, и Римской курии.

Кавуръ умеръ, не исполнивъ задуманнаго; нельзя поэтому знать, какъ осуществилась бы его мысль, во всякомъ случаѣ, повторяемъ, онъ бы пошелъ на уступку по всякому второстепенному вопросу, лишь бы, присоединивъ Римъ къ Италиі, стать въ мирныя и жизненныя отношенія къ папѣ. Такъ, очень вѣроятно, что Римъ надолго бы остался фактически нераздѣльно за папой, сталъ бы своего рода Меккой, священнымъ городомъ, только не папскимъ, а итальянскимъ; центръ же правленія, дворъ короля могъ бы, по всей вѣроятности, оставаться внѣ Рима, по меньшей мѣрѣ, на все время жизни папы Пія IX.

Италиа, ставъ въ эти новыя отношенія къ папѣ, становилась сразу какъ бы великой державой; ея положеніе уже не прощалось ей католическимъ міромъ единственно въ силу внѣшней удачи, а признавалось за ней какъ естественное развитіе послѣдовательныхъ данныхъ.

Обратимся теперь къ словамъ графа Кавура въ его письмахъ и рѣчахъ по римскому вопросу. Среди писемъ встрѣчаются также и пространныя записки, проееты, писанные рукой Кавура, договоры, параграфы которыхъ подробно разобраны и помѣчены тоже его рукой. Число напечатанныхъ писемъ за эту зиму, касающихся исключительно дѣлъ въ Римѣ, насчитывается около 80; изъ нихъ болѣе двухъ третей адресованы доктору Панталеоне.

Панталеоне былъ человѣкъ образованный, много путешествовавшій; онъ, по своей профессіи и какъ свѣтскій человѣкъ, имѣлъ много сношеній какъ въ иностранной колоніи, такъ и въ свѣтскомъ и духовномъ высшемъ римскомъ обществѣ. Духовная полиція, зорко слѣдящая за образомъ мыслей гражданъ вѣчнаго города, скоро поняла значеніе обширной переписки доктора Панталеоне, что заставляло его не разъ сжигать свои бумаги, такъ что число уцѣлѣвшихъ писемъ къ нему графа Кавура много меньше числа написанныхъ. Приведемъ изъ нихъ нѣсколько.

Изъ письма графа Кавура къ доктору Панталеоне въ Римъ, 28 ноября. «...Предложенія вступить въ переговоры, исходящія отъ официального лица, были бы вѣроятно отвергнуты безъ вниманія, и такимъ образомъ была бы погублена или отсрочена на неопредѣленное время возможность попытки сговориться съ св. отцемъ, которую мы имѣемъ въ виду... Необходимо беречь всѣ имѣющіяся у насъ въ распоряженіи орудія и средства чтобы завязать сношенія со св. престоломъ. Образъ дѣйствій имѣетъ въ данномъ случаѣ громадное значеніе, какъ по спеціальной природѣ папскаго двора, такъ и вслѣдствіе несогласій среди лицъ этого двора... По-моему, можно дѣйствовать тутъ двояко—открыто или тайно...»

«...Первый способъ заключался бы въ томъ, чтобы смѣло поставить вопросъ на судъ общественнаго мнѣнія. Напримеръ, я или кто другой изъ членовъ кабинета, или даже король, мы бы нарочно или случайно, при какой-нибудь рѣчи, при обнародованіи официальной бумаги, при обраще-

къ избирателямъ или просто при запросѣ въ палатѣ, объявимъ—какимъ нагѣреніемъ правительства по отношенію къ церкви.

«Второй способъ состоялъ бы въ томъ, чтобы послать въ Римъ тайнаго агента, присутствіе котораго было бы скрыто отъ лицъ, несочувствующихъ намъ, поэтому отъ Антонелли *). Этотъ агентъ зналъ бы въ совершенствѣ нагѣреніе нашего правительства и пользовался бы вполне имъ довѣріемъ, что дало бы ему въ свою очередь достаточно вѣса, чтобы убѣдить въ достовѣрности предпринятыхъ переговоровъ... эти два способа, возможны ли? Цѣлесообразны ли? Обдумайте и напишите...

«Съ одной стороны нельзя закрывать глаза на громадныя послѣдствія переворота, который мы хотимъ произвести, съ другой стороны нельзя сказать, что всюду, среди учительскаго, среди судебнаго персонала, среди образованныхъ и даже либеральнаго склада мыслей очень сильныя убѣжденія противъ свободы въ дѣлахъ церковныхъ.

«Я не раздѣляю этихъ предубѣжденій; я не боюсь свободы ни въ казенныхъ примѣненіяхъ; ручаюсь, что проведу этотъ принципъ со всей энергіей, на которую способенъ; скажу болѣе—я вполне надѣюсь на успѣхъ...

«Р. & Былъ у меня г. Шарль Ремюза (публицистъ); онъ ѣдетъ въ Римъ... онъ не слишкомъ склоненъ къ либеральнымъ идеямъ; говорилъ я, что онъ, съ нимъ совершенно теоретически... познакомьте его съ отцемъ Галла»...

Предполагаемыя въ этомъ письмѣ сношенія были дѣйствительно завязаны чрезъ посредство доктора Панталеоне, и такъ какъ скрытность была однимъ изъ условій успѣха, то они держались въ тайнѣ и многія подробности останутся навсегда неизвѣстными; повидимому, римская курія поддавалась лишь мнимо на эти переговоры; она только рассчитывала помощью проникнуть до затаеннаго замысла нечестиваго піемонтскаго министра.

Изъ письма гр. Кавура къ г. Гуалтеріо въ Перуджію (безъ числа)... другой другъ, думаю, что всякія демонстраціи съ цѣлью повудить короля въ Римъ, были бы несвоевременны и вредны.

«Римскій вопросъ, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ Франціи. Поэтому, если идти войной, то въ соглашеніи съ Франціей; звать же короля въ Римъ, пренебрегая французами—безсмысленно. Но, напротивъ, я думаю, что проявленія недовольства папскимъ правительствомъ, доказательства его непопулярности могутъ теперь быть очень кстати.

«Постарайтесь вашимъ вліяніемъ на друзей направить ихъ дѣйствія въ эту сторону. Я увѣренъ, что вамъ не трудно будетъ внушить имъ полное довѣріе къ правительству, которое отнынѣ создало Италію».

Изъ письма гр. Кавура къ г. Матеучи (профессоръ королевскаго университета въ Пизѣ), 2-го декабря: «...мой отвѣтъ таковъ: необходимо дождаться времени, когда здравыя мысли одержатъ верхъ въ лонѣ святой кол-

* Кардиналъ-министръ.

лѣгін. Время—могучій союзникъ тѣхъ, на сторонѣ которыхъ и разумъ, и прогрессъ».

Изъ письма гр. Кавура къ королю Виктору-Эммануилу въ Неаполь, 18 декабря: «...Вимеркати *) вернулся въ Парижъ. Я ему поручилъ увѣрить императора въ живомъ и искреннемъ желаніи вашего величества прійти къ соглашенію съ святѣйшимъ отцемъ, лишь бы условія соглашенія не противорѣчили единству Италіи съ ея столицей—Римомъ.

«Посылаю вашему величеству брошюру о выкупѣ Венеціи, написанную по внушенію императора».

Изъ письма графа Кавура къ доктору Панталеоне въ Римъ, 27 декабря: «Императоръ чрезвычайно желаетъ, чтобы король и папа пріишли къ соглашенію, что позволить ему отозвать французскій гарнизонъ изъ Рима. Но мысли императора объ этомъ соглашеніи пока очень неясны. Я надѣюсь, что нашъ проектъ, когда станетъ ему извѣстенъ, обратитъ его на нашу сторону, и такимъ образомъ намъ прибавится лишнее условіе успѣха...»

Изъ письма гр. Кавура къ Вимеркати въ Парижъ, 4 января 1861 г.: «Отвѣчаю на ваши вопросы. Король и министерство совершенно согласны въ ходѣ дѣлъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ... Король не считаетъ свое призваніе оконченнымъ; онъ знаетъ, что обязанъ работать, чтобы установить на твердыхъ началахъ единство и независимость Италіи. Это будетъ доступно, когда разрѣшатся вопросы Венеціи и Рима, согласно надеждамъ итальянцевъ. Что касается римскаго вопроса, вы знаете, что я о немъ думаю... къ тому же я думаю, что стремленія настоящаго времени направлены къ той же цѣли, которой добиваюсь и я. Прогрессъ идей, развитіе гражданственности ведутъ туда же. Правительства могутъ ускорять или задерживать разрѣшеніе вопроса, но не въ ихъ власти закрыть его.

«Въ будущемъ вѣкъ раздѣленіе церкви и государства будетъ совершившимся фактомъ, который будетъ признанъ всѣми партіями... несмотря на это глубокое убѣжденіе, я сознаю, что указанный намъ изъ Парижа путь—благоразуменъ и умѣстенъ...

«Вести переговоры мы будемъ съ величайшею осмотрительностью, и мы избѣгнемъ заключать что-либо, не условившись предварительно съ Франціей. Вы можете въ этомъ быть увѣрены.

«Что касается Венеціи или, лучше сказать, Австріи, вопросъ тутъ гораздо проще,—достаточно немного здраваго смысла, чтобы его разрѣшить...»

Депеша отъ сардинскаго консула въ Римъ, барона Течіо, къ графу Кавуру отъ 13 января: «По порученію Панталеоне сообщамъ: кардиналъ Сантучи, несмотря на мои просьбы, все передаетъ самому панѣ, который у него спросилъ, о какихъ переговорахъ дошелъ до него слухъ. Кар-

*) Неявный агентъ короля.

диналь Сантучи выставилъ необходимость отказаться отъ свѣтской власти. Папа сдавался какъ будто благодушно. Позвали Антонелли: этотъ сперва боролся, потомъ тоже уступилъ и такъ же, какъ и Сантучи просилъ папу разрешить ихъ отъ присяги, какъ государю. Они переговорають съ Пассалья въ пятницу, и Пассалья просить отъ ихъ имени, чтобы было назначено лицо для веденія переговоровъ, пока неофициально. Желаютъ быть вперёдъ извѣщенными о выборѣ лица и просятъ, чтобы это былъ не адвокатъ.

«Панталеоне посылаетъ курьера до границы. Если хотите выиграть время, телеграфируйте Панталеоне, что посылаете ему ваши указанія черезъ англійскаго курьера. Онъ телеграмму покажетъ».

Эта важная депеша, отправленная 13, дошла до Турина 31 января.

Причина этой задержки осталась тайной, но она не могла не быть злонамеренной. Въ Римѣ всѣ средства казались годны, лишь бы побороть противника. Какъ ни преданы были Панталеоне, Пассалья, Течіо, какъ ни внимательны къ важной своей мисси, въ Римѣ сумѣли ихъ обойти; задерживалась своевременная доставка свѣдѣній, перепутывался обихъ де-шепъ, тайная полиція и духовный надзоръ стѣсняли дѣйствія и мѣшали свободному проѣзду между Римомъ и Туриномъ тѣхъ самыхъ лицъ, съ которыми Кавуру необходимо было видѣться; возбуждались недоразумѣнія, итальянскими агентамъ сообщались невѣрно извѣстія, полученные во французскомъ посольствѣ, нагло объясняя потомъ ошибку неточнымъ пониманіемъ французской редакціи и т. п. Но вернемся къ письмамъ Кавура.

Изъ письма графа Кавура къ Вимеркати въ Парижъ 16 января: «Было бы большимъ облегченіемъ императору, еслибъ ему можно было отозвать своихъ солдатъ изъ Рима, съ согласія папы и убѣдивъ послѣдняго въ необходимости примирить церковь съ цивилизаціей... Король ѣдетъ въ Миланъ на карнавалъ *), принцы ѣдутъ во Флоренцію,—такимъ образомъ стараемся понемногу удовлетворять всѣхъ».

Депеша Кавура къ сардинскому консулу въ Римѣ отъ 23 января: «Скажите Панталеоне, что, прежде чѣмъ представить опредѣленные предложенія, необходимо словесно объясниться. Пусть убѣдитъ онъ отца Пассалья пріѣхать на нашъ счетъ въ Туринъ. Думаю, что Панталеоне долженъ согласиться на свое избраніе (въ члены парламента), если оно не закрыто за нимъ воротъ Рима».

Депеша Кавура къ сардинскому консулу въ Римѣ отъ 6 февраля: «Если отецъ Пассалья еще не уѣхалъ, скажите, чрезъ Панталеоне, чтобы онъ сохранилъ инкогнито,—для него у меня будетъ комната, и ему съ вокзала можно прямо ко мнѣ».

Изъ письма графа Кавура къ другу X. отъ 14 февраля: «Отецъ Пассалья былъ здѣсь; мы сговорились: онъ везетъ точный и опредѣленный

* Удлиненный на пять дней карнавалъ, мѣстный миланскій обычай.

проектъ. Онъ надѣется, что успѣхъ за нами. Пустая ли это надежда, отвѣтить можетъ одинъ Антонелли.

«Во всякомъ случаѣ, много значить, что одинъ изъ ученыхъ и почтенныхъ богослововъ, профессоръ каноническаго права въ Римѣ, совѣтникъ папы въ вопросѣ о безгрѣшномъ зачатіи (Пресв. Дѣвы) выслушалъ и одобрилъ наши предложенія».

Отъ того же числа 14 февраля, Кавуръ пишетъ къ г. Бозини: «Прошу васъ доставить вашему римскому корреспонденту письмо слѣдующаго содержанія: Поговоривъ съ графомъ Кавуромъ, я убѣдился, что онъ готовъ вступить въ дѣйствительные переговоры съ римскимъ дворомъ съ цѣлью утвердить на широкихъ началахъ прочное соглашеніе между церковью и государствомъ».

«Графъ очень высоко ставитъ умъ и способности кардинала Антонелли, поэтому я полагаю, что графъ легко согласится сдѣлать угодное кардиналу и его близкимъ (famiglia), лишь бы расположить его въ пользу предполагаемаго мирнаго договора. Надѣюсь, что въ отвѣтъ на это сообщеніе вы мнѣ сумѣете указать болѣе точно тѣхъ лицъ, отъ стараній которыхъ успѣхъ переговоровъ будетъ зависѣть».

Изъ письма графа Кавура къ Вимеркати въ Парижъ отъ 21 февраля «Отецъ Пассалья, вернувшись, дасть мнѣ знать, что почва довольно хорошо подготовлена. Поэтому отправляю сегодня лицо съ проектомъ договора, съ указаніями и замѣтками для Панталеоне и Пассалья. Желю представить точную картину нашихъ дѣйствій императору, посылаю вамъ французскій переводъ проекта и перечень документовъ, къ нему приложенныхъ. Пассалья проситъ соблюсти все это въ секретѣ; прошу поэтому императора пока ни о чемъ не извѣщать Грамона (французскій посланникъ при папскомъ дворѣ)».

Изъ письма графа Кавура къ другу X. отъ 4 марта: «Бѣдный монахъ вернулся *) въ Туринъ, еще не оправившись отъ страха, который нагналъ на него въ Чивита Векіа его римскіе братья».

«Дѣло въ томъ, что св. отецъ находится подъ вліяніемъ бурбонскаго двора, а враждебные намъ кардиналы рады этому; пользуясь слабой волей папы, они успѣли заставить его запретить всякіе переговоры и возбуждаютъ его гнѣвъ противъ Пассалья и Сантучи».

«Надобно теперь ждать реакціи, которая всегда слѣдуетъ за приступами возбужденія у папы, и только тогда возобновить сношенія».

Депеша графа Кавура къ сардинскому консулу въ Римѣ отъ 9 марта: «Для Панталеоне: я полагаю, что вы получили черезъ Неаполь указанія и письма. Нахожу, что наступило время слѣдовать совѣтамъ Сантучи и торопить переговоры».

Депеша изъ Рима отъ сардинскаго консула къ графу Кавуру отъ 9

*) Отецъ Пассалья наравнѣ съ Молинари были ночными записочниками и депешниками между Туриномъ и Римомъ.

марта: «Панталеоне говорить: ни писемъ, ни указаній, ни извѣстій о бумагахъ изъ Неаполя. Бертети говорить: Я полагаю, что все обратное увезено въ Туринъ 2 марта. Скрываю все это отъ Сантучи и Паскаля, которые въ отчаяніи отъ замедленій. Не знаю, что думать и что дѣлать?»

Ухудшеніе положенія не ограничилось тѣмъ, что тайныя, но тѣмъ не менѣе офиціозныя сношенія были порваны. Папа въ торжественной «аллекулціи» возвѣстилъ, что не подастъ во вѣкъ руку новѣйшей цивилизаціи; курія циркулярно протестовала передъ европейскими дворами противъ завоеваній и титула короля итальянскаго, противозаконно присвоенныхъ Викторомъ-Эммануиломъ; но Кавуръ не поддавался. Онъ надѣялся на успѣхъ; онъ разсчитывалъ выиграть партію посредствомъ публичныхъ среній; его сила была въ парламентѣ, въ довѣріи страны, въ томъ громадномъ значеніи, которое его мнѣніе представляло для общества; онъ чувствовалъ, что содѣйствіе и единомысліе лучшихъ людей и умовъ страны ему обезпечены, и онъ рѣшился вопросъ перенести въ палату. 16 марта Кавуръ пишетъ къ Вимеркати въ Парижъ: «На будущей недѣлѣ будутъ сренія въ палатѣ по дѣламъ Рима. Я произнесу очень примирительную рѣчь, и я надѣюсь, что большинство палаты поддержитъ мои воззрѣнія».

Запросомъ въ палатѣ Кавуру хотѣлось обратить вниманіе Европы и вызвать выраженіе общественнаго мнѣнія касательно своихъ сношеній съ Римомъ; онъ былъ убѣжденъ, что симпатіи въ большинствѣ случаевъ окажутся на его сторонѣ и проявятся въ главныхъ органахъ европейской печати. Кавуръ открыто заявлялъ... «Пока Римъ не станетъ столицей Италіи, Италія не можетъ окончательно организоваться и миръ не будетъ устойчивъ... Въ этомъ положеніи вся сила нашей аргументаціи, когда мы убѣждаемъ и католическій міръ, и державу, его олицетворяющую, соглашаться на присоединеніе Рима къ Италіи... Въ доказательство истинны этого положенія изложу слѣдующее: предположимъ, что мѣстопробываніе вѣнецкаго первосвященника было бы не въ центрѣ Италіи, не въ Римѣ, на которомъ сосредоточено столько воспоминаній, а на окраинахъ итальянскаго полуострова, въ городѣ значительномъ, но безъ историческаго престожа; предположимъ, напримѣръ, что древняя патриаршая Аквилея *) не исчезла, и что папскій престолъ въ ней утвержденъ. Полагаете ли вы, что тогда было бы легко получить согласіе католическихъ державъ на отдѣленіе, въ этомъ углу Италіи, власти свѣтской отъ власти духовной? Нѣтъ, синьоры... дипломаты намъ бы отвѣтили, что... подобно тому, какъ мы согласны видѣть Мальту во власти англичанъ, мы можемъ согласиться видѣть территорію, не необходимую для единства Италіи, подъ свѣтскимъ господствомъ первосвященника... Римъ долженъ быть столицей Италіи... и необходимо, чтобы это было признано и Европой, и Италіей прежде, чѣмъ приступить къ римскому вопросу... и почему имѣемъ мы право, скажу

*) Уничтожившійся городъ на берегу моря, не вдалекѣ отъ Удины.

болѣе, обязаны мы искать, требовать, чтобы Римъ былъ присоединенъ къ Италіи?—потому что безъ Рима Италія не сольется воедино...

«...Столица страны не стоитъ въ зависимости отъ климата, мѣстопоженія, отъ условій стратегическихъ; еслибъ эти условія первенствовали Лондонъ, конечно, не былъ бы столицей Великобританіи и даже, можетъ быть, Парижъ не сталъ бы столицей Франціи. Выборъ столицы въ зависимости отъ нравственныхъ причинъ, и чувство народа является здѣсь рѣшающимъ моментомъ. Римъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ историческимъ, умственнымъ, нравственнымъ, наличие которыхъ необходима въ столицѣ значительнаго государства. Римъ—единственный городъ Италіи въ которомъ нѣтъ муниципальных традицій. Со временъ цезарей исторія Рима имѣетъ значеніе, простирающееся далеко за предѣлы страны... Поэтому, мы должны вступить въ Римъ, но при двухъ условіяхъ: мы должны вступить въ него, не нарушая дружескихъ отношеній съ Франціей, и убѣдивъ большинство католиковъ, какъ въ Италіи, такъ и внѣ Италіи, что присоединеніе Рима къ Италіи не повлечетъ за собой униженія церкви. Иными словами, надобно, чтобы мы вступили въ Римъ, не уменьшая ничѣмъ независимости главы церкви... Надобно, чтобы мы вступили въ Римъ, не давая государственной власти касаться области церковныхъ дѣлъ... Эти два условія необходимы, чтобы наше вступленіе въ Римъ не навлекло гибель на судьбы Италіи...

«Я не могу себѣ представить, синьоры, большаго несчастья для цивилизованнаго народа, какъ соединеніе въ однихъ рукахъ власти духовной и власти гражданской.

«...Исторія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ доказываетъ это; вездѣ гдѣ такое соединеніе состоялось, цивилизація сперва задерживалась, а потомъ регрессировала... Водворялся самый нестерпимый деспотизмъ, и это происходило безразлично—переходила ли гражданская власть въ руки духовнаго главы, духовная ли власть довѣрялась калифу или султану. Вездѣ это гибельное соединеніе привело къ однимъ результатамъ. Да избавить Богъ Италію отъ подобной участи... Я не приписываю тѣхъ бѣдъ, которыя переносятъ страна, тѣмъ лицамъ, которыя ею управляютъ. Я полагаю, что еслибы всѣхъ чиновниковъ папскихъ провинцій смѣнить и замѣнить людьми самыми образованными и либеральными, то порядокъ все-таки не замедлитъ бы вернуться къ прежнему уровню. Какъ только обѣ власти соединены, невозможно избѣжать, чтобы онѣ не мѣшались и чтобы страна не управлялась дурно...

«...Я вовсе не желаю навести на непочтительное сравненіе, однако же мнѣ кажется полезнымъ указать на аналогичный фактъ. Двадцатилѣтъ Европа стремится выдумать реформы для Оттоманской имперіи. Все умѣнье дипломатовъ, всѣ усилія могущественныхъ вліяній были тутъ приложены и по справедливости можно прибавить, что многіе, пожалуй большинство, оттоманскихъ министровъ готовы были принять измѣненія, которыя согласили бы управленіе имперіи съ требованіями гражданской жизни.

«Я имѣлъ удовольствіе знать нѣсколькихъ изъ выдающихся государственныхъ людей этой имперіи; всѣ меня удивляли широтой своихъ взглядовъ, либеральностью своихъ принциповъ; однако же ихъ труды остались безплодны. Почему? Потому что въ Константинополѣ, какъ въ Римѣ, власть духовная и гражданская соединены въ одномъ лицѣ...

«Я полагаю возможнымъ доказать искреннимъ католикамъ, что папа будетъ гораздо болѣе независимъ, что могущество его духовное будетъ реальнѣе, когда, отказавшись отъ свѣтской власти, онъ скрѣпитъ и въ Италіи посредствомъ этой самой свободы церкви.

«...Затрудненія состоятъ не въ этомъ: съ этимъ согласится самый трогій богословъ, если онъ искрененъ. Можно лишь въ одномъ затрудниться—гдѣ гарантія той свободы, которую мы сулимъ церкви?... Гарантія этой свободы мы находимъ въ самыхъ свойствахъ итальянскаго народа. Народъ этотъ вполне католическій; не разъ въ прошломъ стремился онъ измѣнить правительство папы, но никогда не возставалъ народъ противъ церкви. Таковы же были стремленія нашихъ мыслителей во всѣ эпохи—Данте, Саванарола, Сартти... Всѣ хотѣли реформъ въ свѣтской власти папы, но никто не желалъ погубить католичество».

Графъ Кавуръ былъ убѣжденъ, что разъ епископы будутъ совершенно независимы отъ всякаго ограниченія со стороны государственной власти, они тотчасъ въ своихъ епархіяхъ почувствуютъ себя болѣе солидарными съ населеніемъ въ его реальныхъ интересахъ и будутъ менѣе зависими отъ Рима.

Такъ графъ Кавуръ, вѣрный поборникъ свободы, былъ увѣренъ, что требуется лишь удаленіе тѣхъ искусственныхъ стѣсненій, которыя извращаютъ равновѣсіе общественныхъ силъ; онъ былъ увѣренъ, что этого удаленія было достаточно для восстановленія того общаго движенія, которое обуславливается жизнь общественнаго организма. Въ этомъ заключалась вся суть его формулы—свободная церковь въ свободномъ государствѣ.

Приведемъ еще слѣдующія выдержки изъ рѣчей графа Кавура въ палатѣ: «Я напомнимъ, какъ доказательство искренности моихъ предложеній, что они согласуются со всей нашей системой. Мы полагаемъ, что принципъ свободы долженъ быть примѣненъ ко всѣмъ общественнымъ функциямъ—какъ духовной, такъ и гражданской; мы желаемъ свободы экономической, свободы въ управленіи, свободы совѣсти, всей политической свободы, совместной съ сохраненіемъ общественнаго порядка; и какъ послѣдствіе такого порядка вещей, какъ довершеніе воздвигаемаго нами зданія, мы желаемъ, повторяю, примѣнить принципъ свободы въ отношеніяхъ церкви къ государству.

«...Многоуважаемый депутатъ Феррари сказалъ, что онъ не любитъ заговорщиковъ, даже когда они сидятъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Многоуважаемый депутатъ такимъ образомъ сдѣлалъ мнѣ честь назвать меня заговорщикомъ,—остается благодарить, и я воспользуюсь этимъ случаемъ,

чтобы заявить палатѣ, что я былъ заговорщикомъ цѣлыхъ 12 лѣтъ. Да синьоры, я былъ заговорщикомъ всѣми моими помыслами, и цѣль моего заговора была независимость отечества; приемы моего заговора были не заурядные; я провозглашалъ и въ газетахъ, и въ палатѣ, и на европейскихъ совѣщаніяхъ цѣль своего заговора. Весь парламентъ оказался моимъ соумышленникомъ; моими соумышленниками за послѣдніе годы оказались почти всѣ члены національнаго общества, а теперь со мной заговорщиками состоятъ 26 милліоновъ итальянцевъ... Что касается конфиденціальныхъ депешъ, я увѣренъ, что многоуважаемый депутат навѣрное не потребуетъ, чтобы въ обращеніи къ палатѣ я сообщалъ о томъ, что написалъ конфиденціально письмо въ Римъ, чтобы убѣдить богослова А., сказать то-то монсиньору Б.; или объявилъ бы, что написалъ такимъ-то вліятельнымъ лицамъ въ надеждѣ черезъ нихъ подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Римѣ... Министерство не изложитъ передъ палатой, въ какомъ положеніи находятся переговоры, не укажетъ ту ступень, до которой они дошли, если таковыя и ведутся; но министерство вамъ выяснитъ всегда точно и опредѣленно принципы своей политики и предполагаемыя имъ примѣненія этихъ принциповъ...

«Министерство вамъ высказало, что разъ положеніе о возможности присоединенія Рима и Италіи безъ урона для церкви будетъ допущено католиками... можно будетъ рассчитывать, что вѣнценосный первосвященникъ признастъ правоту нашего замысла... Мы ему скажемъ: святой отецъ, свѣтская власть вамъ болѣе не гарантія вашей независимости; откажитесь отъ нея и мы доставимъ вамъ ту свободу, которой напрасно домогались вы, вотъ уже три вѣка, обращаясь ко всѣмъ великимъ католическимъ державамъ... за ограниченную долю этой свободы вы въ различныхъ конкордатахъ платили привилегіями, порой даже предоставляли пользоваться громами духовныхъ каръ... Мы же, ваши преданные сыны, вамъ предлагаемъ эту свободу во всей полнотѣ; мы готовы провозгласить въ Италіи великій принципъ—свободной церкви въ свободномъ государствѣ».

Кавуръ не ошибся въ своемъ расчетѣ,—палата поняла, чего ожидало отъ нея правительство, и довѣріе министерству было сформулировано въ слѣдующемъ заявленіи: Палата увѣрена, что достоинство, авторитетность и независимость папы и полная свобода церкви будутъ всегда соблюдены и уважены; палата увѣрена, что принципъ невмѣшательства будетъ выдержанъ совместно съ Франціей, и палата свидѣтельствуетъ, что нація единодушно желаетъ, чтобы Римъ былъ столицей Италіи.

Нѣсколькими днями позже, 2 апрѣля, Кавуръ пишетъ доктору императора Наполеона, г. Бонно: «Когда исчезнетъ раздражающій вопросъ о свѣтской власти, папа будетъ въ Римѣ болѣе могущественъ, чѣмъ когда-либо были его предшественники, потому что Италія всегда будетъ ревнивымъ и преданнымъ стражемъ папства (papato), этого самаго пышнаго учрежденія нашей націи».

Того же 2 апрѣля Кавуръ пишетъ къ NN.: «Хотя папа провозгласилъ Пап-

салоне и во всемъ отказалъ отцу Пассалья, но у него такъ измѣнчива и лаба воля, что онъ неспособенъ долго придерживаться одного рѣшенія. Поэтому очень можетъ быть, что онъ не откажется выслушать наши предложенія, когда они будутъ представлены съ легкими измѣненіями—новымъ лицомъ».

7-го апрѣля Кавуръ пишетъ Виммеркати въ Парижъ: «Очень сожалѣю о безпокойствіяхъ, причиняемыхъ императору римскимъ вопросомъ. Думаю, впрочемъ, что они ему представляются въ преувеличенномъ видѣ. Всѣ доходящіе до меня свѣдѣнія обнаруживаютъ, что какъ въ Парижѣ, такъ и въ Туринѣ, направленіе, котораго держится императоръ, толкуется публичной благопріятно. Общественное мнѣніе болѣе и болѣе къ нему расположено... Въ виду этого я возбуждаю пренія въ сенатѣ. Они будутъ имѣть мѣсто во вторникъ. Несмотря на вызывающій задоръ Рима и на раздраженіе папы, я буду еще умѣреннѣе и еще болѣе церковнымъ, чѣмъ я былъ въ палатѣ... пренія обязательно должны быть публичными. Только помощью открытыхъ, публичныхъ объясненій мы можемъ образумить папу...»

Приведемъ здѣсь выдержки изъ рѣчей Кавура въ сенатѣ:

«Да, вопросъ Рима имѣетъ первенствующее значеніе для внутренней организаціи.

«Необходимо, чтобы Римъ пересталъ быть мѣстомъ сборища всѣхъ враговъ Италіи и всѣхъ противниковъ свободы, а также мѣстомъ сборища заговорщиковъ... Необходимо для полнаго единомыслія въ народѣ, чтобы миръ былъ возстановленъ между церковью и государствомъ.

«Антагонизмъ, теперь существующій, за который правительство не можетъ быть отвѣтственнымъ, эксплуатируется интригой, честолюбіемъ, недовольствомъ...

«Но, синьоры, естественно, что католическое общество не можетъ принять безъ нѣкоторыхъ опасеній и сомнѣній принципъ свободы. Какъ могло бы быть иначе?... Принципъ свободы совѣсти, примѣненный къ католическому обществу, составляетъ явленіе совершенно новое. Нѣтъ нужны восходить до первыхъ вѣковъ христіанства, когда церковь была то угнетасна, то угнетала. Средніе вѣка не знали свободы. Она также чужда эпохѣ великихъ реформъ. Великіе реформаторы XVI вѣка боролись съ церковью не во имя религіозной свободы, а во имя другого догмата, лишь допускающаго большій просторъ для человѣческаго разума.

«Ни папа Климентъ VII и Павелъ V, ни Кальвинъ и Лютеръ не знали принципа свободы вѣры. Нельзя поэтому удивляться сомнѣніямъ, возникающимъ у католиковъ по отношенію принципа, еще не вполне признаннаго даже у протестантовъ... Мы видѣли, что во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка... навязывали духовенству гражданскій уставъ наперекоръ свободѣ церкви. Мы видѣли, что требовалась отъ священниковъ присяга, несогласная съ ихъ совѣстью... Все это, синьоры, объясняетъ сомнѣнія и опасенія, выражаемыя церковью... Смѣшиваютъ наши принципы съ тѣми, которые господствовали въ то гибельное время...

«Но Италия, синьоры, та страна въ мірѣ, которая болѣе всякой другой способна примѣнить великій принципъ, мною изложенный. Почему?—потому что въ Италиі либеральная партія насчитываетъ гораздо болѣе вѣрныхъ католиковъ, чѣмъ гдѣ-либо.

«Въ Италиі, поэтому, скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, соглашеніе, которое мы имѣемъ въ виду, можетъ состояться и привести къ счастливымъ результатамъ. Такимъ образомъ, если святѣйшій престолъ искренно отнесется къ нашимъ предложеніямъ и, примирившись съ Италией, примѣнить принципъ свободы, можно предвидѣть, что въ непродолжительномъ времени перевѣсъ въ правительствѣ будетъ на сторонѣ католической партіи... и я вполне мирюсь съ мыслью, что окончу свои дни въ рядахъ оппозиціи...

«... Но теперь, и я надѣюсь скоро, избранная часть католическаго общества убѣдится въ лояльности нашихъ намѣреній... и съ разныхъ точекъ католическаго міра раздадутся эти слова... святѣйшій отецъ... примите договоръ, предлагаемый Италией... Увѣнчайте этимъ возрожденіе Италиі и дайте миръ народу,—тому народу, который наиболѣе вѣренъ истинному католическому духу».

Выраженіе довѣрія со стороны парламента укрѣпило, конечно, министерство, но вѣстѣ съ тѣмъ оно связывало существованіе этого министерства съ вопросомъ, съ которымъ оно должно было или восторжествовать, или погибнуть.

Кавуръ доселѣ никогда не подчинялся настолько будущему исходу открытаго вопроса, но онъ хотѣлъ торжественностью своихъ заявленій обратить вниманіе Европы и, съ нравственнаго согласія большинства католиковъ, присоединить Римъ къ Италиі. Впрочемъ, съ настоящей минуты Кавуръ могъ рассчитывать на поддержку Франціи; ему наконецъ удалось убѣдить Наполеона, что Италия и Римъ должны быть предоставлены другъ другу, и доказать, что прочный порядокъ въ Римѣ можетъ быть водворенъ лишь по почину самихъ римлянъ и съ содѣйствія Италиі.

Дѣло улаживалось, по крайней мѣрѣ, временно, а тамъ—*tempo e galant* попо, говоритъ итальянская пословица.

Принцъ Наполеонъ, по порученію императора, обмѣнивался съ Кавуромъ длинными записками съ подробной разработкой новыхъ отношеній, вытекающихъ изъ предполагаемаго договора.

Приведемъ изъ записки Кавура лишь главные пункты. Договоръ будетъ заключенъ непосредственно между Франціей и Италией безъ вмѣшательства римскаго двора. Франція, увѣрившись въ безопасности папы относительно чужеземнаго вторженія, отзоветъ изъ Рима свои войска въ опредѣленное и возможно короткое время, наприм., въ 2 недѣли, самое большее 1 мѣсяцъ. Итальянское королевство будетъ признано въ тотъ же день, въ который предстоящій договоръ будетъ подписанъ. Развязка дѣйствительно была близка.

Въ первой половинѣ іюня представитель Франціи долженъ былъ прибыть въ Туринъ съ своими вѣрительными грамотами и въ самый день

признанія Франціей новаго Итальянскаго королевства, папское правительство должно было быть извѣщено, что французская военная охрана прекращается.

10-го мая изъ Парижа Вимеркати пишетъ къ другу Бавура, М. Ка-стелли: «Послѣ безконечныхъ препирательствъ пришли къ соглашенію; къ 20-мъ числамъ *) признаніе новаго Итальянскаго королевства будетъ совершившимся фактомъ, и возвращеніе французскихъ войскъ уже начато... Говорю тебѣ это по секрету: императору хочется, чтобы я, повидимому, потерпѣлъ неудачу... во избѣжаніе запроса въ палатѣ и въ сенатѣ; поэтому необходимо, чтобы ничего не было извѣстно до 10-го іюня, когда и депутаты и сенаторы разъѣдутся по дачамъ».

Всѣ тонкости и извороты римской куріи оказывались тщетными, и Бавуръ побѣждалъ. Но 6-го іюня Бавура не стало, — побѣдилъ Антонелли.

До этой роковой катастрофы намъ остается еще упомянуть, хоть вкратцѣ, о тѣхъ заботахъ и тревогахъ, которыя выпали на долю послѣднихъ недѣль жизни графа Бавура.

Съ внѣшней стороны самымъ крупнымъ эпизодомъ была его борьба въ палатѣ съ Гарибальди. Гарибальди удался въ ноябрѣ изъ Неаполя въ Капреру, рѣшительно отвергнувъ и почести, и деньги **), но едва скрывая тотъ гнѣвъ и то чувство обиды, которые вызывало въ немъ запрещеніе исполнить задуманный имъ походъ на Римъ и Венецію. Республиканцы и революціонеры, которые окружали диктатора въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ, не могли мириться съ естественнымъ исходомъ пережитаго бурнаго времени; они безпощадно растравляли душу Гарибальди, напоминая о неволѣ Ниццы, уступленной Франціи, и еще болѣе раздражали его представленіями объ участи его сподвижниковъ — добровольцевъ: военное министерство не находило возможнымъ сохранить ихъ отряды и они были раскассированы по кадрамъ арміи; но требованія, предъявленные къ офицерамъ для поступленія въ регулярные полки, были такъ высоки, что многимъ нельзя было болѣе служить тому правительству, за которое такъ недавно они готовы были жертвовать жизнью. Можетъ быть принципъ, принятый министерствомъ былъ правильный и лишь педантическія его приложенія были безразсудны или жестоки, но причины гнѣва и возбужденія Гарибальди этимъ не ограничивались. Агенты социалистовъ побуждали бѣдняковъ среди населенія обращаться къ Гарибальди, въ которомъ видѣли силу, способную поспорить со всякимъ узаконеннымъ порядкомъ. Многія депутаціи отъ разныхъ союзовъ фабричныхъ рабочихъ и мастеровыхъ отправлялись въ Капреру, чтобы ставить свои интересы подъ знамену знаменитаго героя. Демонстраціи эти увлекли Гарибальди и, согласившись принять президентство новой революціонной итальянской ассоціаціи онъ пересталъ воздерживаться не только въ письмахъ и частныхъ

*) Іюня.

) Гарибальди былъ предложенъ герцогскій титулъ и 1.000,000 франкъ.

* А XI, 98 г.

бесѣдахъ, но и въ публичныхъ обращеніяхъ, отъ рѣзкаго осужденія настоящей политики правительства. Слухи объ этомъ образѣ дѣйствій, распространяясь повсемѣстно, возбудили негодованіе многихъ членовъ палаты, что и побудило Гарибальди оставить Капреру и явиться въ Туринъ для объясненій. Враждебныя чувства Гарибальди къ Кавуру, какъ олицетворяющему политику кабинета, были такъ извѣстны, что можно было ожидать потрясающей сцены отъ ихъ публичнаго свиданія, и въ тотъ день зала парламента была переполнена народомъ; всѣ члены присутствовали; галлерей съ трудомъ вмѣщали слушателей; весь дипломатическій корпусъ былъ на-лицо.

Послѣ формальныхъ запросовъ и объясненій о состояніи южной арміи, по поводу регламентовъ и уставовъ военнаго министерства, Гарибальди, мало-по-малу воодушевляясь, произнесъ страстную рѣчь, которая оканчивалась словами: «оставляю присутствующимъ здѣсь представителямъ націй по совѣсти разсудить, могу ли я подать руку тому, по винѣ котораго я сталъ чужимъ у себя на родинѣ»... Но и это безпощадное слово не удовлетворило Гарибальди, и далѣе онъ еще упомянулъ о братоубійственной войнѣ *). Тутъ Кавуръ не сдержался и, обратившись къ председателю палаты (Ратацци), требовалъ призванія Гарибальди къ порядку. Члены палаты были вовлечены въ словесную распрю, такую бурную, что пришлось прервать засѣданіе палаты. Печальное столкновеніе однако же заключилось обмѣномъ формальныхъ, но примирительныхъ объясненій. Кавуръ сумѣлъ достаточно овладѣть собою, чтобы первому сказать: «я признаю, что существуетъ фактъ, который образовалъ пропасть между мною и генераломъ Гарибальди. Я считалъ своимъ долгомъ, самымъ тяжелымъ долгомъ, выпавшимъ въ моей жизни, согласиться на уступку Ниццы и Савон... По испытанному мною тогда горю, я могу судить о горѣ, которое поражаетъ генерала, и если онъ мнѣ этого горя простить не можетъ, я въ томъ не упрекну его...»

Изъ отвѣта Гарибальди приведемъ слова: «хотя я противникъ графа Кавура, я не сомнѣваюсь, что онъ не меньше моего преданъ Италіи»...

Эти тягостныя объясненія не исчерпали инцидента. Король пожелалъ видѣть обоихъ противниковъ и заставилъ ихъ при себѣ подать другъ другу руку. Нѣсколько словъ объ этомъ свиданіи во дворцѣ находимъ въ письмѣ Кавура къ Вимеркати: «Наше свиданіе съ Гарибальди было приличное, но не сердечное. Мы оба остались въ выжидательномъ настроеніи. Я ему объяснилъ направленіе, котораго намѣрено держаться правительство какъ по отношенію Австріи, такъ и Франціи; я убѣждалъ, что тутъ не можетъ быть никакихъ уступокъ. Онъ меня увѣрилъ, что признаетъ эту программу и ручается, что ничѣмъ не будетъ препятствовать намѣреніямъ правительства; онъ ограничился тѣмъ, что просилъ болѣе вниманія къ судьбѣ южной

*) Намекъ на замѣну гарибальдискіхъ отрядовъ колами кіементской арміи въ виду отпора революціи на югѣ.

мин. Я ничего не общалъ, но сказалъ, что буду стараться лучше об-
служать участь его офицеровъ».

Какъ ни сдержанно выражается Кавуръ въ этомъ письмѣ, какъ ни ка-
жется онъ спокойнымъ, трагическое столкновѣніе съ Гарибальди сильно
отрясло его, — за нимъ стали замѣчать какую-то возбужденность, какое-то
раздраженіе, когда ему противорѣчили, что доселѣ было ему совершенно
чуждо. Онъ самъ упоминаетъ о своей усталости, объ отсутствіи сна, о мыс-
ляхъ, которыми онъ не можетъ овладѣть, или, напротивъ, которыхъ не
можетъ до времени отстранить.

Въ послѣднихъ числахъ мая вниманіе Кавура было обращено на стачку
булочниковъ, разыгравшуюся въ Туринѣ. Кавуръ былъ противникомъ
такой социализма того времени, находя въ нихъ отрицаніе той свободы, кото-
рая въ его глазахъ была лучшею формулой внутренней политики; но онъ
вѣдь съ тѣмъ допускалъ, что частная инициатива людей образованныхъ
и смѣлѣйшихъ можетъ способствовать порядку и облегченію жизненныхъ
нуждъ рабочаго населенія; поэтому, при упомянутой стачкѣ булочниковъ,
Кавуръ, собравъ свѣдѣнія и заручившись фактическими данными, принялъ
стачку булочниковъ-хозяевъ, и на другой день долженъ былъ принять
стачку рабочихъ-пекарей; но въ этотъ же день силы ему измѣнили. Уже
вечеромъ, 29-го мая, онъ говорилъ, со словъ записанныхъ его племянни-
цей: «Мнѣ не въ мочь; но, дѣлать нечего, отдыхать еще нельзя; можетъ
быть глѣбомъ можно будетъ мнѣ поѣхать въ Швейцарію»; ночью, почувство-
вавъ сильныя боли, онъ потребовалъ доктора, говоря, что боится апоплек-
сического удара.

Мы имѣемъ два описанія послѣднихъ дней графа Кавура. Одно — въ
письмахъ его друга М. Кастелли; другое — написанное его племянницей,
Альфьерм. Оба рассказа подтверждаютъ другъ друга. Больше по-
дробностей, больше словъ, произнесенныхъ больнымъ, находится въ запи-
скахъ племянницы. Она вписываетъ и слова, произнесенныя въ бреду, ста-
ясь расположить ихъ въ нѣкоторой другъ отъ друга причинной связи.
Мы предпочли держаться болѣе общаго наброска записокъ М. Кастелли:

Графъ Кавуръ заболѣлъ жестокими желудочными болями, къ которымъ
присоединились рвота, что напоминало тѣ гастрическіе приступы, которыми
онъ не разъ страдалъ за послѣднія 10 лѣтъ.

Средства, испробованныя докторомъ, оказались тщетными, и болѣзнь
стала лишь повтореннымъ въ первый день до трехъ разъ кровопусканіемъ.
На другой день графъ Кавуръ, пробуя читать *L'histoire du Con-
sul et de l'Empire* Тьера, замѣтилъ, что не былъ въ состояніи слѣдить
за чтеніемъ. Были позваны на консультацію новые врачи и по просьбѣ
больного снова сдѣлано было ему кровопусканіе. Онъ повторялъ: «Мнѣ моя
жизнь необходима; дѣла важны»...

Несмотря на нѣкоторое улучшеніе въ состояніи больного, слуги графа
тогда не надѣялись на выздоровленіе: они указывали на появляющійся

неопредѣленный легкій бредъ, говорили, что графъ тяжело боленъ, что ему много хуже, чѣмъ полагають.

Однако же, Кавуру было, повидимому, настолько лучше, что онъ потребовалъ къ себѣ министровъ, которые и пробыли съ нимъ болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ онъ еще говорилъ о дѣлахъ съ Нигра и Артономъ.

Послѣ этихъ занятій обраружилось лихорадочное состояніе, наступилъ бредъ, который прерывался лишь изрѣдка и на короткія мгновенія.

Весь день 3-го іюня прошелъ въ бреду. Ночью позвали, по желанію больного, его друга, только что удалившагося, Кастелли. При его появленіи Кавуръ громко позвалъ: «Кастелли, Кастелли!» Но затѣмъ сознаніе опять затемнилось, бредъ вернулся, больной не переставалъ говорить о политикѣ, но вполне безсвязно. Медики прибывали, совѣщанія учащались, но положеніе больного становилось все болѣе тяжкимъ.

Населеніе города, сознавая опасность, стояло и день, и ночь на улицѣ у дома, толпилось у входовъ, наполняло лѣстницу.

Изъ церкви Мадонны дельи Анджели пришелъ аббатъ, брате Джіакомо, который причастилъ больного. Онъ потомъ дорого поплатился за это въ Римѣ, гдѣ, между прочимъ, былъ отрѣшенъ отъ права совершать богослуженіе.

Толпа снаружи все прибывала и проникала все больше въ домъ больного. Въ вечеру посѣтилъ Кавура Викторъ-Эмиануилъ. Больной его тотчасъ призналъ возгласомъ: «O, Maesta, — затѣмъ забылся и не слушалъ обращенныхъ къ нему словъ короля; но черезъ нѣсколько минутъ прервалъ ихъ, быстро самъ заговоривъ:—Эти бѣдные неаполитанцы, они умны... но развращены, ихъ надо мыть, всѣхъ мыть (si lavi, si lavi),—потомъ черезъ минуту прибавилъ:—Завтра утромъ, въ 5, мнѣ нуженъ Артомъ, нельзя терять времени». Затѣмъ бредъ сталъ усиливаться, и король удалился, незамѣченный умирающимъ. Бредъ больше не прерывался и въ началѣ ночи до самой передней слышенъ былъ голосъ больного, громкій и возбужденный, обращающійся къ членамъ палаты. Долго можно было различать произносимыя безсвязно имена, обрывки фразъ, предположенія, обращенія, но потомъ голосъ сталъ слабѣть, а къ 4-мъ часамъ онъ замолкъ и началась агонія. Въ 6 часовъ 6-го іюня Кавура не стало. Не преувеличивая, не прибѣгая къ гиперболамъ, можно сказать, что онъ умеръ съ именемъ Италія на устахъ, что онъ этимъ именемъ и своею преданностью этому имени какъ бы боролся со смертію.

О. Орлова.

Нравственное воспитаніе и начальная школа *).

VI.

Есть люди, додумывшіеся до высоких и чистыхъ идеаловъ, но неспособные провести ихъ въ жизнь по недостатку энергіи воли. Обломовъ могъ бы додуматься до самыхъ великодушныхъ идей своего времени, могъ бы опредѣленно и ясно формулировать свои идеалы и въ то же время не двинуть и пальцемъ для того, чтобы воплотить ихъ въ дѣйствительности. Можно указать на Кольриджа, вся жизнь котораго представляетъ разительный контрастъ между огромной силою ума, богатствомъ воображенія съ одной стороны и безсиліемъ воли съ другой. Люди этого типа здраво рассуждаютъ, знаютъ, что имъ надо дѣлать, но не могутъ взяться за дѣло съ должною энергіею. Когда мы серьезно и глубоко думаемъ, мы переживаемъ состояніе противоположное тому, когда мы энергично дѣствуемъ. Но мы впадемъ въ большую ошибку, если на этомъ основаніи станемъ противопоставлять энергію воли уму. Въ нашемъ мозгу всѣ органы такъ тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, что при гармоническомъ развитіи всѣхъ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ всѣ три главныхъ способности души помогаютъ, а не противорѣчаютъ другъ другу. Поэтому необходимо одновременно развивать и умъ, и чувства, и волю, отдавая первое мѣсто уму. Для нашей дѣятельности, для нашей воли нуженъ стимулъ, а этимъ стимуломъ можетъ служить только чувство; но у насъ нѣтъ никакого другого способа пробудить въ себѣ чувство, какъ посредствомъ представленія, образа, идеи, а это относится къ сферѣ ума. Прежде, нежели стремиться достигать нашихъ желаній и приступить къ дѣйствию, мы должны представить себѣ этотъ предметъ желаній въ нашемъ умѣ; но холодное, не согрѣтое чувствомъ представленіе тоже недостаточно, чтобы заставить насъ дѣйствовать. Надо, чтобы вызванное въ умѣ представленіе было окрашено, оттѣнено и согрѣто чувствомъ. Чувство пріятнаго заставитъ насъ стремиться къ предмету, чувство отвращенія заставитъ его избѣгать.

*) *Русская Мысль* 1898 г., кн. X.

Итакъ, безъ образа, безъ представленія, безъ идеи нѣтъ чувства, а безъ чувства нѣтъ произвольнаго дѣйствія, для котораго нужна еще энергія воли. Всякое ощущеніе заключаетъ въ себѣ извѣстную долю чувства и извѣстную долю волевого элемента. А такъ какъ образы по своей природѣ сродны съ ощущеніями и представляютъ собою простое, хотя и ослабленное воспроизведеніе ощущенія, то и въ образахъ мы найдемъ тѣ же три элемента: умственный, чувственный и волевой. Умъ, чувство и воля—вотъ три неразрывно-связанные звена одной цѣпи, вотъ три колеса, одно за другое цѣпляющіяся,—вотъ три силы въ одномъ соединеніи, гдѣ въ дѣйствительности можетъ играть преобладающую роль каждая изъ трехъ силъ, но гдѣ главенство должно принадлежать первой изъ этихъ силъ—уму. Специальное назначеніе нашихъ нервныхъ центровъ состоитъ въ томъ, чтобы претворять наши впечатлѣнія въ движенія. Головной мозгъ не только органъ сознанія, но въ то же время и органъ, управляющій движеніями. Всякое состояніе сознанія стремится перейти въ дѣйствіе, подобно тому, какъ всякое раздраженіе въ рефlekсахъ влечетъ за собою движеніе. И если та или другая идея или образъ не повлечетъ за собою никакого движенія, то это значить, что вся его сила ушла на внутреннюю работу, на то, чтобы вызвать въ сознаніи другія связанные съ нимъ представленія и идеи. Психическая сила каждого изъ насъ имѣетъ извѣстные предѣлы, и расходуя слишкомъ большую часть ея въ одномъ направленіи, мы естественно ослабляемъ на этотъ моментъ ея другія проявленія. Итакъ, каждое состояніе сознанія переходитъ либо во внѣшнюю дѣятельность, либо на то, чтобы возбудить другія состоянія сознанія, т.-е. на внутреннюю душевную дѣятельность. О связи между волею и сознаніемъ свидѣлствуютъ и опыты физиологовъ.

Физиологи пришли къ единодушному заключенію, что исходною точкою волевыхъ импульсовъ служатъ нервные центры сѣрой коры мозговыхъ полушарій. Искусственно удаляя сѣрую кору мозговыхъ полушарій у животныхъ, ученые ограничиваютъ область произвольныхъ движеній, и животные, лишеныя обонхъ полушарій, превращаются въ автоматовъ. Они становятся способными производить только рефlekтивные, отраженные движенія, вызываемыя внутренними или внѣшними физико-химическими раздражителями. Стоить только устранить внѣшнія раздраженія—и всѣ произвольныя мускулы погружаются въ состояніе полного покоя. Животныя еще живутъ, дышутъ; ихъ сердце бьется; какъ автоматы, они отвѣчаютъ непроизвольно на каждое раздраженіе, но они не могутъ задержать ни одного изъ своихъ рефlekтивныхъ движеній, не могутъ безъ внѣшняго раздраженія вызвать ни одного произвольнаго движенія. Сила сѣраго вещества мозговыхъ полушарій—вотъ что, съ точки зрѣнія физиологій, обусловливаетъ и энергію нашей воли, и ея постоянство, и ея быстроту. Чѣмъ быстрѣ истощается мозговая энергія, тѣмъ менѣе продолжительность и постоянство волевыхъ усилій. При каждомъ усилии воли освобождается часть мозговой силы и направляется либо на произвольныя мускулы, вы-

зывая соответствующія движенія, либо на мыслительные центры, возбуждая идеи, представленія, воспоминанія, настроенія, чувства. Какое механизмы возникновенія волевыхъ усилій въ сѣромъ веществѣ мозга,—это пока неизвѣстно; но опыты показываютъ, что каждому волевому импульсу предшествуетъ извѣстное молекулярное измѣненіе нервнаго вещества, проявляющееся въ томъ, что въ немъ развивается электрическое напряженіе. Это доказывается прямыми гальванометрическими изслѣдованіями. Приставляя одинъ электродъ къ переднимъ частямъ полушарія у животнаго, а другой къ заднимъ и наблюдаютъ, что всякому произвольному движенію оконечностей предшествуетъ уклоненіе стрѣлки гальванометра. Всякое волевое движеніе имѣетъ центробѣжное направленіе, начинается въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій и распространяется по нервнымъ путямъ.

Волевые усилія, какъ особая форма нервнаго возбужденія, носятъ общій характеръ, свойственный всѣмъ другимъ видамъ нервнаго возбужденія: они имѣютъ извѣстную продолжительность, распространяются по нервамъ съ такою же строго опредѣленною скоростью, какъ и всякое другое нервное возбужденіе.

Но при этомъ физиологія доказываетъ, что наша воля всего тѣснѣе связана съ сознаниемъ, съ областью ощущеній, представленій, чувствъ и идей. Органы воли и сознанія заложены въ одной и той же сѣрой корѣ головного мозга. Когда прекращается сознаніе, перестаетъ дѣйствовать и воля. Если вырѣзать у животнаго полушарія мозга, то оно теряетъ не только волю, но и сознательное чувство и разумъ, и обращается въ сложную машину, дѣйствующую только автоматически. То же самое наблюдается въ естественномъ снѣ, въ обморокѣ, во время наркоза. Все, что ослабляетъ сознаніе, расслабляетъ и волю, и наоборотъ. Во время мозгового утомленія обнаруживается усталое сознаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усталая воля. Достаточный отдыхъ, или усиленное кровообращеніе въ области головного мозга, вызванное какимъ-нибудь напиткомъ возбуждающаго характера, восстанавливаетъ и дѣятельность сознанія, и дѣятельность воли. Подобно тому, какъ не бываетъ рефлекса безъ раздраженія, такъ точно не бываетъ и дѣйствія воли безъ ощущенія образа или идеи.

Связь между волею и міромъ представленій, идей и образовъ мы можемъ прослѣдить и на слѣдующей группѣ явленій.

Непосредственное вліяніе въ области физиологической наша воля оказываетъ почти исключительно только на мышцы скелета. Вся сфера кровообращенія и пищеваренія находится внѣ прямого вліянія нашей воли. Независимо отъ нашей воли совершается и дыханіе; хотя здѣсь наша воля можетъ то ускорять, то замедлять, или задерживать, то ослаблять, то усиливать этотъ процессъ. Гораздо обширнѣе даже въ физиологическомъ смыслѣ посредственное вліяніе нашей воли. Воля управляетъ нашимъ вниманіемъ, а учителямъ хорошо извѣстно, что все обученіе сводится въ сущности къ развитію вниманія. Не менѣе важна роль внушенія и въ области чувства. Неправленая не на мускулы, а на область представленій, наша воля мо-

жить заставить насъ воспроизвести, напримеръ, чувство страха, что вызоветъ сокращеніе сосудовъ лица и блѣдность кожи, или представленіе о вкусномъ блюдѣ, что вызоветъ усиленную дѣятельность слюнныхъ желѣзъ. Воля можетъ управлять до извѣстной степени нашими настроеніями, оказывающими такое могущественное дѣйствіе на всѣ функціи организма. Такимъ образомъ прямо или посредственно наша воля можетъ то подавить извѣстное рефлекторное движеніе, замедлить, задержать или ослабить тотъ или другой процессъ, но можетъ и вызвать его, усилить или ускорить, и является регуляторомъ въ психическихъ и даже физиологическихъ процессахъ. Выходитъ, что умъ и чувство являются главными факторами въ развитіи воли; но и воля въ формѣ произвольнаго вниманія является мощнымъ факторомъ въ развитіи чувства и ума.

Далеко не всякое влеченіе будетъ проявленіемъ нашей воли. Иногда какая-нибудь прочитанная фраза или видъ случайно подвернувшагося предмета можетъ разбудить въ насъ спавшее до тѣхъ поръ опасное стремленіе. Часто рассказываютъ, какъ картинное описаніе какого-нибудь преступленія находило подражателей. Намъ рассказывали о попыткахъ одного простолюдина подражать разбойнику Чурмину, описанному въ одной драматической книгѣ Никольскаго рынка. Для этого нѣтъ необходимости даже, чтобы мы сознавали данную идею. Разъ она существуетъ хотя бы въ нашей безсознательной памяти, она можетъ вліять на наши поступки даже тогда, когда мы какъ будто забыли о ней и не сознаемъ ее. Мы не думаемъ постоянно о какомъ-нибудь поразившемъ насъ несчастіи, но оно и въ несознаваемой нами формѣ вліяетъ на наше настроеніе даже тогда, когда всѣ наши мысли поглощены другимъ.

Фовилль рассказываетъ про одну женщину, которая въ состояніи безпричинной грусти сдѣлала попытку лишить себя жизни. Когда ее спасли, она сказала, что не сознавала никакого желанія лишить себя жизни и ничего не помнить о своемъ покушеніи.

Такихъ побужденій, не доходящихъ до сознанія, особенно много наблюдаютъ у истеричныхъ больныхъ и у эпилептиковъ.

Вызванное такимъ настроеніемъ, сознаннымъ или нѣтъ, все равно, такимъ случайнымъ образомъ или идеей внушеніе не будетъ дѣломъ воли. Совершенно напротивъ, оно часто вызывается наперекоръ усилію слабой воли, которая не можетъ съ нимъ справиться.

Рассказываютъ про одну умную и образованную маркизу, которая часто во время разговора вдругъ обзываетъ собесѣдника грубымъ и непристойнымъ словомъ. Она сознаетъ все непримчиве такого поступка, конфузится и краснѣетъ, но импульсъ сильнѣе ея воли и она не можетъ сдержаться. И такихъ наблюденій надъ непреодолимыми импульсами сдѣлано тысячи. Бильо рассказываетъ, что одна развѣтная и образованная женщина, прекрасно сознавая, какъ неудобно разглашать свои семейныя тайны, не въ силахъ была сдержаться и, подчиняясь непреодолимой потребности излить свою злобу, очень часто жалуются на свою семью

Этот типъ совершенно противоположенъ типу людей съ ослабленною способностью дѣйствовать. Тамъ стимулъ къ дѣйствию, обыкновенно сопровождающій идеи, ослабленъ и падаетъ до нуля; здѣсь онъ достигъ невѣроятнаго развитія. Нормальный типъ лежитъ посрединѣ между этими крайностями. Каждое представленіе, каждая идея несетъ съ собою и извѣстное влеченіе, извѣстное влеченіе. Дѣйствіе воли начинается тогда, когда мы усиливаемся каждое свое влеченіе согласить или подчинить своему разуму, своимъ принципамъ, своей личности, когда мы вносимъ во всё наши стремленія, во всё поступки—единство своего я. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ развитѣе наша воля, тѣмъ послушнѣе ей наши влеченія, наши желанія, тѣмъ больше у насъ вѣры въ свои силы, тѣмъ менѣе опасны для насъ наши страсти, наши инстинкты, случайныя, внѣшнія влеченія. Итакъ, первое условіе для того, чтобы управлять собою, это—сильная воля, достаточный запасъ энергіи въ сѣромъ веществѣ мозговыхъ полушарій. Но одной энергіи мало. Необходимо еще опредѣлить направленіе этой энергіи. Нужна идея предмета, на который воля должна быть направлена. Надо дать содержаніе нашимъ волевымъ импульсамъ, а это можетъ сдѣлать только міръ идей и образовъ, окрашенныхъ чувствомъ,—наши идеалы, наши взгляды, наши принципы, наши идеи, какъ объ этомъ мы подробнѣе говорили въ предыдущей главѣ. Существеннымъ признакомъ развитой воли служатъ единство и постоянство въ дѣйствіяхъ и сила. Мы встрѣтимъ эти черты и у Канта, и у Цезаря, и у Микель-Анжело. Но что иное это единство и постоянство въ поступкахъ, какъ не постоянство цѣли, какую поставили себѣ эти великіе характеры, какъ не стройность ихъ вѣрнаго самоу себя, согласованнаго во всѣхъ своихъ частяхъ міра идей, чувствованій и обуславливаемыхъ ими стремленій?

Эта тѣсная зависимость между умомъ и волею бросаетъ свѣтъ и на то, почему такая большая разница существуетъ между проявленіями воли у неразвитого человѣка и у образованнаго, у дикаря, и у культурнаго современнаго европейца, у ребенка и у взрослого человѣка. Идеи невѣжды, ограниченныя въ числѣ, мало связанныя одна съ другою, близки по своему характеру къ ощущеніямъ. Всякое возбужденіе у такого человѣка ограничивается одною какою-либо частію нервныхъ центровъ, не связывается и не вызываетъ возбужденія въ другихъ областяхъ коры мозговыхъ полушарій, не встрѣчаетъ противоясія со стороны другихъ идей и потому рѣшенія такого человѣка быстры, почти внезапны, почти ничѣмъ неумѣряемы ихъ порывы обладаютъ большою силою. Хорошо еще, если немногія изъ идей, проникшихъ въ ихъ ограниченную психику, не представляютъ ничего опаснаго. Въ противномъ случаѣ много бѣдъ въ состояніи надѣлать такой человѣкъ. Къ этому типу людей относятся, на примѣръ, дикари. Это дѣти со страстями взрослого человѣка, по выраженію Тейлора. Они порывисты, легкомысленны, непредусмотрительны, подвижны и болтливы. Они способны и на самопожертвованіе, но въ то же время и на грубое насилие.

10 наблюденіямъ путешественниковъ, умственная дѣятельность для нихъ

настолько тяжела, что десятиминутный разговоръ объ ихъ простой системѣ счисленія причиняетъ имъ жестоку головную боль. Одинъ миссіонеръ желая сдѣлать дикарей болѣе внимательными къ своимъ бесѣдамъ, обещалъ имъ дать по окончаніи разговора мясо; но очень скоро дикари прервали его слѣдующимъ замѣчаніемъ: «ты много говоришь, а намъ нужно только набить брюхо».

Естественно, что почти всякое возбужденіе тотчасъ же, почти безъ размышленій, выражается у нихъ дѣйствіемъ. Понятна также ихъ поразительная склонность къ подражанію. Ихъ не богатому идеали уму болѣею частью нечего противопоставить естественной склонности перенимать. Путешественники рассказываютъ, что жители Огненной земли и австралійцы въ разговорѣ съ собесѣдникомъ воспроизводятъ всѣ его жесты и движенія... Они руководятся волею другихъ людей; но, вѣдь, они въ то же время и думаютъ мыслями другихъ людей. Тутъ также полная аналогія между умомъ и волею. Совсѣмъ другое дѣло, если новое впечатлѣніе встрѣчается съ одною изъ немногихъ идей, уже затвердѣвшихъ въ мозгу дикаря. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преклоненіемъ предъ рутинною неразвитого человѣка. Разъ ужъ въ его дѣвственномъ мозгу проложены извѣстные пути, ему нечего противопоставить имъ изъ своего убогаго умственнаго багажа. Отсюда его упрямство, его консерватизмъ. Всѣ дикари и невѣжды, какъ и дѣти, упрямы консерваторы, и будутъ горячо отстаивать всѣ принятые ими вѣрованія и выводы, хотя бы они основывались на самомъ незначительномъ и случайномъ опытѣ.

Одна мать рассказываетъ о своемъ маленькомъ сынѣ слѣдующее: «Близкодневно предъ наступленіемъ ночи я должна сначала поцѣловать его самого и подать ему руку, а затѣмъ наградить поцѣлуемъ и его мальчика, т.-е. куклу, который спитъ съ ребенкомъ, и пожать объ ея ручки; потомъ я обязана подать руку четыремъ копытамъ крохотной лошади, которая поконится на постели ребенка у его ногъ. Когда все это выполнено, мальчикъ приподнимается и проситъ: поцѣлуй меня еще разъ и пожелай мнѣ опять покойной ночи». Эту церемонію прощанья со всею пунктуальностью, безъ малѣйшаго упущенія мать должна исполнять строжайшимъ образомъ. Я зналъ ребенка 5 лѣтъ, который очень любилъ слушать сказки своей бабушки; но если рассказчица замѣняла въ извѣстной ребенку сказкѣ одно выраженіе другимъ, напримѣръ, вмѣсто «уцѣпилась» говорила «ухватилась», это новшество вызывало горячій протестъ со стороны ребенка.

Быстрота рѣшенія и дѣйствія съ одной стороны и упрямая настойчивость на привычномъ образѣ дѣйствій—вотъ характерныя черты неразвитого въ умственномъ отношеніи человѣка. Но и здѣсь направленіе воли даютъ только идеи. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ идея, образъ, впечатлѣніе вызываетъ одинъ изъ инстинктовъ или склонностей, которыя бы безъ того непробудно спали въ душѣ человѣка.

Почти всякая возникающая въ умѣ идея обрамливается чувствомъ, и чѣмъ больше доля этого чувства, тѣмъ сильнѣе идея дѣйствуетъ на нашу

волю. Не окрашенная чувствомъ идея безсильна,—это правда. Еще Фенелонъ подмѣтилъ, что «изъ всѣхъ трудностей воспитанія нѣтъ ничего мудрейшаго, какъ воспитывать дѣтей, лишенныхъ чувствительности; всѣ ихъ мысли носятъ характеръ разсѣянности, они все слушаютъ и ничего не ощущаютъ».

Роль чувства особенно бросается въ глаза при наблюденіяхъ надъ психическими больными. По свидѣтельству Рибо, субъекты, умъ которыхъ здоровъ, а чувствительность глубоко нарушена душевною болѣзнію, неспособны ни къ какому дѣйствію, зависящему отъ воли. Если же затѣмъ чувствительность восстанавливалась, то вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялась и способность желать и дѣйствовать. Бильо рассказываетъ про одного больного, лишившагося всякой силы воли, неспособнаго почти ни къ какому произвольному дѣйствію. Однажды этотъ больной увидалъ, какъ экипажъ сбился съ ногъ женщину и перѣхалъ ее. И вдругъ больной почувствовалъ въ себѣ присутствіе необычайной для него энергіи и бросился первымъ на помощь. Несомнѣнно, что эту энергію воскресило въ немъ чувство, вызванное несчастнымъ случаемъ.

Но зато, какъ мы уже сказали выше, нѣтъ никакого другого средства вызвать и чувство, какъ только посредствомъ идеи или образа, вызваннаго или онъ только что полученнымъ впечатлѣніемъ, созданъ ли онъ нашимъ воображеніемъ, или выведенъ на свѣтъ Божій изъ области воспоминаній. Шарко рассказываетъ, что одинъ изъ его пациентовъ, обладавшій превосходной зрительной памятью, вдругъ потерялъ ее и не могъ вспомнить ни формы, ни цвѣта предметовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и его чувствительность. Прежде онъ очень любилъ свою мать, но она умерла, когда онъ былъ уже боленъ, и больной почти не почувствовалъ горя. Недостатокъ зрительныхъ образовъ помѣшалъ этому.

«Прежде я былъ впечатлительнъ,—разсказывалъ больной,—легко впадалъ въ энтузіазмъ, у меня было богатое воображеніе; теперь я спокоенъ и холоденъ, мое воображеніе не увлекаетъ болѣе моихъ мыслей; я гораздо меньше способенъ чувствовать радость или печаль». Психіатры, описывая, напримѣръ, меланхолію, характеризуютъ эту форму душевной болѣзни задержаніемъ и задержкою мышленія, ограниченіемъ игры ассоціацій въ области идей; но въ то же время тоскою и грустью, равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ, угнетеніемъ и пониженіемъ въ области чувства, а въ области воли апатією, малоподвижностью, молчаливостью, ослабленіемъ влеченія къ обществу, другому полу. И тотъ же результатъ въ области воли получается и при слабоуміи, гдѣ недостатокъ идей ведетъ за собою апатію и пассивное состояніе. Съ другой стороны, экзальтація характеризуется психіатрами преувеличенною оцѣнкою своихъ силъ, ускореннымъ теченіемъ идей, богатою игрою ассоціацій въ области ума и въ то же время благодушнымъ, веселымъ, приподнятымъ настроеніемъ въ области чувства, а въ области воли усиленнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, суетливостью, игнорированіемъ всѣхъ препонъ и затрудненій къ достиженію своихъ желаній. Подобные примѣры служатъ иллюстраціей того, какъ съ ослабленіемъ спо-

способности воспроизводить представления и образы ослабѣваютъ и чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленія нашей воли, и, наоборотъ, какъ вмѣстѣ съ ускореннымъ теченіемъ образовъ и идей усиливается и чувствительность и энергія воли.

Мы говорили до сихъ поръ о томъ, какъ идеи и образы, черезъ посредство чувства, возбуждаютъ волевые движенія; но роль нашего ума, т. е. нашихъ идей, образовъ, воспоминаній имѣетъ еще и другое, — задерживающее значеніе. Когда та или другая идея вызвала къ жизни извѣстное стремленіе, оно даже въ неразвитомъ человѣкѣ почти никогда не появляется въ обособленномъ состояніи. Въ нашемъ умѣ идеи связываются одна съ другою по законамъ ассоціаціи. Въ нашемъ мозгу насчитывается болѣе 600 милліоновъ клѣтокъ, а число волоконъ между ними считается милліардами. Безчисленныя связи между клѣтками головного мозга могутъ служить выраженіемъ связей между идеями. Вызванная въ сознаніи идея вызываетъ и другія такъ или иначе связанныя съ нею, и тѣмъ развитіе въ умственномъ отношеніи человѣка, тѣмъ большее количество воспоминаній вызываетъ та или другая идея или образъ. Онъ припоминаетъ соотвѣтствующіе прошлые опыты и ихъ послѣдствія, онъ представляетъ себѣ свое настоящее, онъ выведетъ заключеніе о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ предстоящаго поступка въ будущемъ. Одни изъ этихъ послѣдствій ему нравятся, а другія нѣтъ. Такимъ образомъ почти всякому дѣйствію развитого человѣка предшествуетъ борьба между собою пробуждаемыхъ въ сознаніи многихъ идей, окрашенныхъ многими же чувствами, дѣйствующими часто въ противоположныхъ направленіяхъ. На эту борьбу нужно время, и вотъ почему умъ оказываетъ часто задерживающее вліяніе на нашу волю. Франклинъ имѣлъ обыкновеніе, прежде нежели принять какое-нибудь рѣшеніе, записывать всѣ доводы про и contra, затѣмъ зачеркивать равнозначущіе, положительные и отрицательные доводы, и полученный такимъ путемъ остатокъ опредѣлять, надо ли принять данное рѣшеніе, или отвергнуть его. Нѣчто подобное происходитъ и въ душѣ человѣка, прежде нежели онъ приметъ какое-нибудь сознательное рѣшеніе. Мы могли бы также сравнить нашъ выборъ дѣйствій съ собраніемъ или обществомъ, гдѣ рѣшенія принимаются на основаніи голосованія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ. Но мы видѣли уже, что въ рѣшеніи нашей воли надо принять въ расчетъ относительную силу cadaго образа. Рѣбо удачно сравниваетъ наши рѣшенія дѣйствовать съ рѣшеніемъ суда послѣ бурныхъ преній обѣихъ сторонъ и опроса свидѣтелей. Почти всякое рѣшеніе развитого человѣка вызывается не тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ, идеей, образомъ, а идетъ по направленію равнодѣйствующей всѣхъ идей, пробуждающихся въ его сознаніи и отчасти даже забытыхъ, хранящихся въ области безсознательнаго, слѣдовъ былого. И тѣмъ сложнее и богаче міръ идей въ нашемъ мозгу, тѣмъ болѣе задерживающее вліяніе оказываетъ онъ на внѣшніе стимулы, на волевые движенія. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе возможныхъ путей представляетъ онъ себѣ для того, чтобы отвѣтить на то или другое

тѣмъ большее возбужденіе, тѣмъ сложнѣе его душевная забота, но тѣмъ без-
различнѣе будетъ и принятое имъ рѣшеніе, тѣмъ менѣе порывистымъ,
менѣе слѣпымъ и неудержимымъ становится каждое изъ его побужденій,
тѣмъ рѣже онъ будетъ рисковать, бросать себя въ дѣйствіе, очертя голову,
тѣмъ далѣе будетъ стоять онъ отъ состоянія загипнотизированнаго или
маньяка, у котораго одна какая-нибудь идея является господствующей надъ
всѣми остальными. Кромѣ того, сильный умъ обладаетъ широкимъ взгля-
домъ, онъ видитъ всѣ идеи и дѣйствія въ ихъ относительномъ значеніи и
единственности, ясно отличаетъ важное и существенное отъ мелкаго и ни-
чтожнаго, поэтому онъ не станетъ увлекаться пустяками, хотя бы всѣ его
окружающіе переносили на нихъ всю свою страстность; онъ охотно от-
дастъ свою жизнь большому дѣлу, но сохранить ее, когда дѣло идетъ о
пустякахъ. Чѣмъ строинѣе, чѣмъ болѣе согласованы другъ съ другомъ идеи
и образы, живущіе въ душѣ человѣка, тѣмъ болѣе единства и постоянства
будетъ въ его дѣйствіи, тѣмъ рѣже будутъ встрѣчаться въ его поступкахъ
колебанія то въ ту, то въ другую сторону, тѣмъ устойчивѣе будетъ его
характеръ.

Сильный умъ, пользуясь энергическою волею, подавляетъ одни изъ
побужденій, которыя онъ считаетъ ничтожными по своему относительному
значенію, и даетъ просторъ другимъ, увеличивая и ихъ силу, и ихъ про-
должительность. Онъ измѣняетъ и силу желаній, и ихъ направленіе. Онъ
можетъ измѣнять даже относительное значеніе и инстинктовъ, и въ этомъ
нѣтъ ничего удивительнаго. Прошло то время, когда считали инстинкты
чѣмъ-то не подлежащимъ исправленію. Послѣ Дарвина приходятъ къ выводу,
что инстинкты измѣняются даже въ животномъ мірѣ, гдѣ они болѣе устой-
чивы, чѣмъ у человѣка. В. Джемсъ рассказываетъ, со словъ фермеровъ въ
Адирандаки, что если корова отелилась въ лѣсу и ее не скоро найдутъ,
теленочекъ дѣлается дикимъ, какъ лань; напротивъ, теленокъ, появившійся
на свѣтъ въ скотномъ дворѣ, не обнаруживаетъ никакихъ признаков ди-
кости. Подобныхъ примѣровъ очень много и они показываютъ, какую боль-
шую роль играютъ первыя впечатлѣнія. Разъ свивши себѣ гнѣздо на ка-
кой-нибудь вѣткѣ, птица въ слѣдующемъ году возвращается на ту же
вѣтку. Дикія травоядныя, разъ побывавъ на какомъ-нибудь пастбищѣ, снова
возвращаются туда же. Если можно бороться съ инстинктами въ животномъ
мірѣ, гдѣ они до послѣдняго времени считались навсегда опредѣленными и
неизмѣнными, то тѣмъ болѣе это возможно въ человѣческой средѣ, гдѣ
инстинкту никогда не отводилось роли чего-то безусловно-непреложнаго.
И сама сила инстинкта уступаетъ уму. Но умъ нуждается въ союзницѣ—
въ развитой волѣ. Нужна еще увѣренность, что мы въ силахъ исполнить
требованія нашего ума.

Когда присматриваешься къ людямъ, то видишь, что многіе изъ нихъ
восприимчивы къ добру, что они имѣютъ довольно опредѣленные мнѣнія о
необходимыхъ улучшеніяхъ въ личной, семейной и общественной жизни.
И часто они не приступаютъ къ этимъ улучшеніямъ только потому,

что имъ не достаетъ увѣренности въ своихъ силахъ, убѣжденія въ то, что они добьются необходимыхъ улучшеній, если твердо захотятъ эти Ихъ воображеніе рисуетъ передъ ними тысячи всевозможныхъ преградъ затрудненій, дѣйствительныхъ и мнимыхъ опасностей. Эти сомнѣнія не лишаютъ ихъ воли, сковываютъ ихъ руки, передаются имъ друзьями знакомыми, обрекаютъ на бездѣйствіе и сонъ цѣлыя группы умныхъ знающихъ людей, создаютъ въ общественной жизни атмосферу стоящаго гнилого болота. Скептицизмъ заразителенъ и свѣжіе люди, попадающіе такую среду, тоже теряютъ вѣру въ свои силы, у нихъ тоже таетъ энѣрзія, засыпаютъ воля, исчезаетъ энергія.

Значеніе вѣры въ свои силы легко объяснить на самыхъ обыкновенныхъ мѣрахъ. Для того, напримѣръ, чтобы помочь другимъ, намъ надо поборъ въ себя, во имя долга, цѣлый рядъ корыстныхъ побужденій: намъ жъ нашихъ денегъ, нашихъ трудовъ, нашего времени, нашихъ лишеній, и е мы думаемъ, что мы не въ состояніи справиться съ этими эгоистическими мотивами, мы не сдѣлаемъ даже попытки къ дѣятельной любви. Такъ поступаютъ и пьяница, отказывающійся бороться съ своими недугами. Прекрасно знаетъ, что пьянство подтачиваетъ его организмъ, губитъ общественное положеніе, ослабляетъ его умственные способности; онъ бросилъ пить, еслибы твердо вѣрилъ въ свои силы. Но вотъ стоило гни тизеру внушить несчастному вѣру въ себя, въ свои силы, и вчерашній исправимый пьяница сегодня дѣлается надолго, а можетъ быть и навсегда трезвымъ человекомъ. Шарко и Рейпольдъ описали нѣсколько случаевъ болѣзни воли, когда воля больного парализована только потому, что бо ной воображаетъ себя такимъ. И все лѣченіе здѣсь состоитъ только томъ, чтобы разсѣять вредное убѣжденіе больного. Разъ только болы сочтеть себя способнымъ дѣйствовать, въ немъ возбуждается воля. Бу приводитъ нѣсколько примѣровъ женщинъ, которыхъ онъ вылечилъ средствомъ внушенія имъ вѣры въ выздоровленіе. Психіатры знаютъ и жество примѣровъ такого излѣченія силою вѣры въ выздоровленіе и и гіе изъ этихъ случаевъ настолько поразительны, что напоминаютъ собою чудо. Стоитъ каждому изъ насъ твердо повѣрить въ свои силы, и при достаточномъ развитіи воли, въ состояніи будемъ бросить каку нибудь изъ своихъ вредныхъ привычекъ; каждый часъ побѣды надъ бою все болѣе будетъ убѣждать насъ въ твердости нашей воли, мы дѣмъ считать часы и дни нашихъ побѣдъ надъ привычкою, радость побѣ надъ самимъ собою будетъ намъ высшею наградою, она будетъ поддержи вать насъ въ дальнейшей борьбѣ. Это будетъ уже воспитаніе воли, начало ему положено было вѣрою въ свои силы. На примѣръ пьяни бросающаго вино, и на примѣръ курильщика, бросающаго табакъ, какъ на всякихъ другихъ подобныхъ простыхъ примѣрахъ, легко объяснить е роль, какую играютъ воля и разумъ въ томъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ. Въ такомъ человекѣ борются двѣ силы, два желанія: одно—страсть, другая—это желаніе,—мысль, подсказываемая разумомъ, что куръ

идутъ, по тому-то и по тому-то. Безъ вмешательства воли возмѣтъ въ несомнѣнно первое побужденіе. Но вотъ человѣкъ увѣровалъ въ силу воли, онъ свободно отдаетъ ее въ распоряженіе разума, и воля, если достаточно сильна, дѣлаетъ то, что беретъ верхъ не первое желаніе, первое. Намъ приходится употреблять усилія воли въ двухъ случаяхъ. Первыхъ, когда мы хотимъ задержать импульсъ привычки, страсти или инстинкта и во-вторыхъ, когда мы боремся съ своею лѣнью, апатіею, рокою. Но въ обоихъ случаяхъ есть нѣчто общее и оно состоитъ въ томъ, что тамъ и тутъ мы встрѣчаемся съ сопротивленіемъ. Сопротивленія, оно быть и усилія воли не бываетъ только тогда, когда нашъ выборъ импульсъ совпадаютъ, когда дѣйствіе, доставляющее намъ удовольствіе, является и разумомъ. Если этого нѣтъ, воля должна сдѣлать усилія, и задержать проявленія низшихъ инстинктовъ или привычекъ. И если кто въ этой борьбѣ одерживаетъ побѣду разумъ, то это потому, что онъ стоитъ все наше я, весь нашъ характеръ, и мы вѣримъ въ его силу. Не надо смѣшивать упрямства съ вѣрою въ силу своей воли. Упрямство не то, кто обладаетъ твердою волею, а тотъ, кто противопоставляетъ свое мнѣніе всѣмъ другимъ, кто не хочетъ слушать никакихъ доводовъ, хотя бы самыхъ разумныхъ. Упрямство—это нетерпимость и оно не идетъ рядомъ со слабою волею, рядомъ съ неумѣньемъ справиться со своими постыдными для самого упряма привычками и склонностями. Можно быть терпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ, можно быть готовымъ изменить своимъ мнѣніямъ о данномъ предметѣ, если будутъ представлены факты опроверженія нашихъ заблужденій, и въ то же время обладать твердою волею, имѣть силы побороть въ себѣ любой импульсъ, осужденный разумомъ и совѣстью. Говорятъ, что человѣкъ существо свое-разумное. Онъ видитъ въ своей душѣ борьбу различныхъ желаній, свободно выбираетъ одно изъ нихъ, одобренное разумомъ, и съ помощью воли подавляетъ всѣ другія враждебныя желанія.

Но все это возможно лишь при условіи сильной, развитой воли. Нѣтъ ничего трагичнѣе этой безсильной борьбы съ своими эмоціями и страстями у слабо развитого человѣка, но одареннаго слабою волею. Мюссе разсказываетъ о себѣ: «Черезъ четверть часа послѣ того, какъ я ее оскорбилъ, я былъ у ея ногъ; какъ только я переставалъ обвинять, такъ я началъ просить прощенья, отъ насмѣшки я переходилъ къ слезамъ». По словамъ близкаго знавшей его Жоржъ-Зандъ, «онъ повиновался неустойчивой слабости, испытываемой многими юношами, убивать или уничтожать то, что имъ нравится до страсти». Онъ былъ страстнымъ обожателемъ чистой любви, но разъ согрѣшивъ, онъ ищетъ забвенія, не можетъ смыть съ души грѣхъ, падаетъ все ниже, хотя въ мечтахъ не перестаетъ подниматься. Эта душевная драма ярко отразилась и въ его поэзіи, гдѣ пессимизмъ, безграничная нѣжность и грубый цинизмъ идутъ рядомъ.

Такова участь развитыхъ и высоко-одаренныхъ людей, лишенныхъ твердой воли. Они, по остроумному выраженію Паскаля, падаютъ, глядя на небо.

Они обладают достаточнымъ умомъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выбрать наиболѣе разумное и справедливое рѣшеніе; но ихъ въѣ напоминаетъ писанные, но невыполняемые законы. Имъ недостаётъ энергии, чтобы привести свое рѣшеніе въ дѣйствіе. Но какъ развить въ насъ энергію воли? Для этого существуетъ только одно средство и другого нѣтъ—это цѣлесообразныя упражненія воли.

У воли, какъ мы уже видѣли, есть свой органъ въ сѣрой корѣ мозговыхъ полушарій, и потому волевая энергія, какъ всякая другая органическая способность, можетъ развиваться и возрастать отъ цѣлесообразныхъ и сильныхъ упражненій, перемежающихся съ достаточнымъ отдыхомъ. Воля, неспособная сегодня на извѣстное усиліе, можетъ стать достаточно подготовленной для этого черезъ извѣстный періодъ времени послѣ правильно организованныхъ упражненій.

Давно извѣстно, что функція создаетъ органъ. Еще вѣрнѣе сказать, упражненіе усиливаетъ органъ. Хорошо иллюстраціей этого положенія служатъ опыты излѣченія глухонѣмыхъ. Наблюденія показали, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ у людей, считающихся совершенно глухими, слухъ не вовсе отсутствуетъ, а только ослабленъ до чрезвычайной степени. Вотъ глухому, который не реагируетъ на самыя сильнѣйшіе крики, раздающіеся надъ его ухомъ, приставляются телефонныя трубки микрографа, издающаго громоподобные звуки. Глухой приходитъ въ крайне возбужденное состояніе, жестикулируетъ, кричитъ, скачетъ по комнатѣ, шуметь не можетъ устоять на мѣстѣ. Онъ испыталъ невѣдомыя для него радостныя ощущенія. Онъ самъ затѣмъ ищетъ звуковъ, колотитъ въ стѣны, стукаетъ по столу. Въ слѣдующій разъ онъ различаетъ уже менѣе громкіе звуки. Постепенно уменьшая силу звука, мало-по-малу доводятъ глухого до того, что онъ начинаетъ различать звуки самаго обыкновеннаго человѣческаго голоса, и глухонѣмой отъ рожденія начинаетъ понимать рѣчь, говорить самъ, можетъ учиться въ обыкновенныхъ школахъ наравнѣ съ другими. Этотъ законъ физиологіи относится ко всему организму. Если путемъ цѣлесообразныхъ упражненій можно было создать органъ слуха, то можно также самыми средствами развить и всякій другой органъ и въ томъ числѣ органъ воли.

Но этого мало. Всѣ наши произвольныя движенія по мѣрѣ повторенія переходятъ въ механически-заученныя движенія, не требующія затѣмъ отъ насъ никакихъ волевыхъ усилій. Умъ и воля намѣчаютъ только начатокъ движенія, и разъ оно заучено, дальнѣйшія движенія совершаются сами собой, предоставляя намъ возможность пользоваться волею для другихъ цѣлей. Для изученія какого-нибудь труднаго гимнастическаго приѣма требуются большія усилія воли, а когда онъ основательно изученъ, гимнастика дѣлается для него совершенно механически, безъ всякаго напряженія воли. Такъ и всякое дѣйствіе ребенка совершается сначала съ большими усиліями воли, крайне медленно, но потомъ вслѣдствіе повторенія и привычки становится для насъ все легче и легче, требуетъ все меньше и меньше времени.

усилій и подъ конецъ становится почти безсознательнымъ актомъ, тѣмъ-то родѣ инстинкта. Можно привыкнуть не только къ дѣйствию, что будетъ дѣлательной привычкой, но и къ состоянію, когда, напримѣръ, ученики привыкаютъ къ шуму во время урока въ плохо дисциплинированной школѣ и не замѣчаютъ его; или же къ тишинѣ, и тогда всякое нарушеніе тишины вызоветъ неудовольствіе и протестъ со стороны самихъ учениковъ,—это будетъ уже пассивная привычка. Роль привычекъ превосходно выражена еще Шекспиромъ: онъ называетъ привычку то демономъ, то благодѣтельнымъ ангеломъ. Какъ видно изъ данныхъ примѣровъ, и пассивныя привычки играютъ важную роль въ воспитаніи; но привычки активныя безспорно важнѣе. Значеніе привычки такъ велико, что нѣкоторые изъ знаменитыхъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Дарвинъ, считаютъ привычками не только приобретённые нами самими наклонности, но и тѣ задатки, которые мы получаемъ при рожденіи по наслѣдству отъ нашихъ предковъ. По ихъ мнѣнію, привычки, приобретённые людьми, передаются потомству, какъ наслѣдственные инстинкты. Если эта теорія справедлива, а ее трудно оспаривать, то благотворное вліяніе воспитателя, когда онъ образовалъ въ воспитанникѣ хорошія привычки, простирается не только на всю послѣдующую жизнь его питомцевъ, но и на будущія, можетъ быть, даже очень отдалённые поколѣнія. Въ убогой классной комнатѣ скромный учитель нерѣдко рѣшаетъ до известной степени судьбы тѣхъ, кто будетъ жить, когда умремъ не только мы, но и наши питомцы. Считается безспорнымъ, что привычки труднѣе прививаются въ зрѣломъ возрастѣ и несравненно легче въ періодъ дѣтства. Нѣкоторые думаютъ даже, что у дѣтей нѣны привычки образуются чуть ли не съ перваго раза, какъ, напримѣръ, привычка къ грамотному или безграмотному начертанію даннаго слова, къ правильному или неправильному его произношенію. Мало того, привычки, приобретённые въ дѣтскомъ возрастѣ, гораздо сильнѣе и прочнѣе, нежели привычки, приобретённые позже.

Степень развитія привычки можетъ быть измѣрена. Чѣмъ быстрѣе ребенокъ отвѣчаетъ заученнымъ дѣйствиемъ на данный стимулъ, тѣмъ совершеннѣе привычка. Хорошими примѣромъ здѣсь могутъ служить уроки гимнастики, когда по командѣ учителя: «руки вверхъ!»—все ученики моментально исполняютъ данное движеніе. Мы можемъ также измѣрять силу привычки по степени усилій, какія мы вынуждены употребить, чтобы воздержаться отъ привычнаго дѣйствія. Привычка, значить,—это слѣды уже совершенныхъ нами дѣйствій, но въ то же время и тропинка для нашей будущей дѣятельности. Ребенокъ консерваторъ по своей природѣ. Когда онъ восторгается что-нибудь, онъ требуетъ при этомъ особенной точности. Задача учителя проложить хорошіе пути для нашей будущей дѣятельности. Итакъ, воля полагаетъ начало привычки, но привычка затѣмъ облегчаетъ работу воли и самую волю освобождаетъ для другихъ цѣлей.

Привычка—самый надежный союзникъ хорошаго учителя. На первыхъ порахъ учителю не легко бываетъ пріучить дѣтей на урокахъ письма си-

дѣть прямо, правильно держать корпусъ, перо, бумагу, сидѣть тихо и т. п. Не легко это потому, что первымъ условіемъ образованія привычекъ является непрерывность повторенія, неослабность выполненія данныхъ требованій при данныхъ условіяхъ. Если учитель, напримѣръ, въ отношеніи письма будетъ возвращаться къ своимъ требованіямъ время отъ времени, а въ промежуткахъ дѣти будутъ сидѣть какъ попало, то дѣло образованія привычекъ проиграно. Но вотъ учитель съ первыхъ же поръ приучить дѣтей сидѣть, какъ слѣдуетъ. Онъ теперь можетъ уже предоставить ихъ самимъ себѣ. Ему на помощь придетъ образовавшаяся имъ привычка. Дѣти будутъ какъ бы инстинктивно, безъ всякихъ напоминаній и надзора сидѣть, какъ надо. Силы учителя, его вниманіе освобождено: онъ направляетъ эти силы уже на другія болѣе важныя задачи. Освобождены и силы, и вниманіе самихъ учениковъ. Имъ уже не надо и самимъ слѣдить за собою. Все дѣлается по привычкѣ, безсознательно, само собою. Теперь можно воспользоваться ихъ свободными силами и вниманіемъ уже для другихъ, болѣе важныхъ и болѣе трудныхъ задачъ. Учителю стоитъ большихъ усилій поддерживать на первыхъ порахъ порядокъ и тишину во время урока, предполагая, конечно, что онъ достигаетъ этого не мѣрами строгости, а интересомъ и техникою преподаванія. Но вотъ у дѣтей образовалась пассивная привычка къ тишинѣ и порядку. И тишина уже поддерживается сама собою даже тогда, когда учителю не удастся заинтересовать всѣхъ дѣтей какою-нибудь, напримѣръ, самостоятелною работою. Даже невнимательный ученикъ сидитъ тихо, не мѣшая другимъ. И ему это не стоитъ большого труда. Ему помогаетъ привычка. Точно также стоитъ дѣло и съ привычками вѣжливаго отношенія дѣтей къ другимъ. Сначала это требуетъ заботъ и усилій и со стороны учителя, и со стороны самихъ учениковъ, а потомъ, когда на помощь приходитъ привычка, все дѣлается чисто-механически, почти безъ всякихъ усилій воли. Снабжая ребенка хорошими привычками, мы снаряжаемъ его тѣмъ, что необходимо для него на широкой, самостоятельной жизненной дорогѣ, гдѣ онъ не будетъ пользоваться ни нашей помощью, ни нашимъ надзоромъ.

По отзывамъ народныхъ учителей, доставлявшихъ мнѣ сообщенія о своихъ школахъ въ уѣздахъ, гдѣ мнѣ приходилось руководить учительскими курсами, привычки къ класснымъ порядкамъ, къ аккуратности, чистотѣ и опрятности, вѣжливости и т. п. приобретаются во многихъ школахъ легко и быстро. Можно привить даже самымъ маленькимъ дѣтямъ привычки нравственнаго характера. Въ колоніи Роберта Оуэна была младѣшеская школа, гдѣ записывались три молодыхъ дѣвушки. Онѣ успѣли возбудить къ себѣ любовь дѣтей своею кротостью и лаской. И, опираясь на эту любовь, онѣ успѣвали внушить дѣтямъ, что не слѣдуетъ обижать товарищей, что надо, напротивъ, доставлять имъ удовольствіе. Онѣ умѣли во-время мягко предупредить всякое отклоненіе отъ этого принципа; но, разъ усвоенный дѣтьми, онъ дѣлался регуляторомъ ихъ поведенія, оно становилось привычнымъ и безъ труда сохранялось и въ среднихъ, и въ высшихъ классахъ.

Правильно поставленные школьные занятія даже въ смыслѣ преподаванія являются незамѣнимымъ средствомъ для развитія и укрѣпленія воли. Здѣсь каждая самостоятельная работа, каждый вопросъ учителя, каждая задача, при цѣлесообразной постановкѣ дѣла, заставляетъ ученика преодолевать извѣстныя трудности, но никогда не приводитъ ученика въ отчаяніе, потому что работы подбираются такимъ образомъ, чтобы онѣ были посильны для ученика. Ни одна работа не должна быть ни слишкомъ трудной, ни слишкомъ легкой. Ученику школы приходится преодолевать затрудненія не тогда, когда ему придетъ желаніе приняться за ту или другую работу, а немедленно, какъ только ему данъ вопросъ, задача или упражненіе. Ему приходится, значитъ, еще бороться съ своей лѣнью, разсѣянностью, нерѣшительностью. Все это требуетъ усилій воли, достаточно трудныхъ, чтобы служить ея образованію и развитію, но не чрезмѣрныхъ, чтобы они могли поколебать въ ученикѣ вѣру въ свои силы. Вотъ ребенокъ наливаетъ тетрадь другому, это для него огромная побѣда надъ собою. Онъ отдалъ своему товарищу кусокъ калача: эта побѣда еще больше, потому что надо было побѣдить въ себѣ желаніе съѣсть самому весь калачъ. Желаніе это подсказывается эгоизмомъ, а эгоизмъ въ ребенкѣ такъ силенъ. Ребенку хочется играть, а онъ во имя долга садится за книгу. Это уже настоящая побѣда надъ самимъ собою. Она будетъ еще больше, когда ребенокъ во имя долга сумѣетъ побороть въ себѣ чувство обиды, воздержится отъ того, чтобы дать сдачу обидчику. Каждая такая побѣда стоила ребенку не только усилій, но и лишеній, и страданій; и онъ добровольно шелъ на нихъ. Это уже нравственный подвигъ. Чѣмъ болѣе побѣдъ надъ своими низшими побужденіями во имя высшихъ дѣлаетъ ребенокъ, тѣмъ болѣе крѣпнетъ его воля, тѣмъ тверже становится его вѣра въ свои силы.

Самымъ труднымъ дѣломъ въ этомъ отношеніи будетъ заставить ребенка добровольно въ первый разъ принести маленькую, вполне доступную ему жертву для другого. Стимуломъ для этого у ребенка служить чувство удовольствія, какое мы испытываемъ, приходя на помощь другому, но прежде надо знать, что такіе поступки доставляютъ удовольствіе, а для этого нуженъ опытъ. Вотъ ребенокъ помогъ своему младшему товарищу приготовить урокъ, подѣлился сладостями съ сосѣдомъ, рѣдко пробовавшимъ лакомства. Онъ видитъ, какое удовольствіе онъ доставилъ своимъ подаркомъ другому и онъ не можетъ и самъ не почувствовать радости отъ достигнутого имъ такимъ образомъ результата. Учитель, одушевленный великодушными идеалами, поставившій одною изъ своихъ задачъ развитіе добрыхъ, основанныхъ на любви, отношеній дѣтей другъ къ другу, видѣлъ этотъ случай и самъ не скрываетъ своего удовольствія и радости по поводу такого поступка. А это одобреніе любимаго учителя еще болѣе усиливаетъ радостное чувство ребенка, рѣшившагося на маленькую жертву. И онъ не забудетъ этой минуты удовольствія и отрады. Завтра онъ захочетъ пережить такія же минуты и снова придетъ на помощь кому-либо

другому. Если учитель не забудет выражать свое искреннее, неподдельное удовольствіе по поводу такихъ маленькихъ жертвъ, у сардобольныхъ ученика найдутся подражатели, взаимная помощь станетъ обычнымъ явленіемъ въ школѣ. Позже воля, развитая путемъ постепенныхъ и посильныхъ упражненій, будетъ въ состояніи справиться и съ другими, еще болѣе сильными изъ эгоистическихъ побужденій. Предъ нами будетъ человѣкъ все болѣе и болѣе приближающійся къ нормѣ нравственнаго существа, умѣющаго побѣждать или по крайней мѣрѣ примирять свои личные интересы съ общественными, помѣщать ихъ въ одною русло, гдѣ они будутъ помогать, а не противорѣчить другъ другу.

Большія затрудненія для дѣтей представляетъ искусство побѣждать злые импульсы. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ очень важнымъ слѣдующее правило. Надо бороться, надо направлять волю не прямо и не посредственно на желаніе сдѣлать недобрый поступокъ,—у ребенка не хватить на это энергій воли. Надо направить волевыя усилія на самую мысль отвлечь свое вниманіе отъ предмета или образа, вызывающаго злое чувство; надо не думать объ этомъ предметѣ, изгнать его изъ своего сознанія, направивъ вниманіе на другой предметъ, достаточно интересный и близкій, чтобы было легко сосредоточить на немъ свои мысли. Ребенокъ обиженъ и чувство обиды толкаетъ его дать сдачи обидчику. Если онъ будетъ думать объ обидѣ, онъ не справится съ своимъ импульсомъ. Но ребенокъ любитъ картинки, игрушки, у него есть начатая, заинтересовавшая его книга, онъ любитъ какую-нибудь игру; и если онъ сейчасъ же займется разсматриваніемъ интересныхъ картинокъ, любимую игрою, онъ забудетъ о своей обидѣ. Вы боретесь съ какою-нибудь дурною привычкою, на примѣръ—съ привычкою къ табаку. Васъ соблазняетъ и мучитъ мысль выкурить папиросу. Если вы будете думать о табакѣ и въ то же время воздерживаться отъ своей привычки, очень возможно, что вашей воли не хватитъ на эту нелегкую борьбу. Но даже слабой воли достаточно, чтобы дать вашимъ мыслямъ другое направленіе, чтобы занять ваше вниманіе другимъ интересующимъ васъ предметомъ.

Вы боретесь съ мрачнымъ настроеніемъ, чувствомъ горя обманутой надежды или досады. Если вы оставите въ своемъ сознаніи образы, составляющіе истинную причину непріятнаго чувства, вамъ трудно будетъ справиться съ собою; но вотъ вы усиліями воли направляете свое вниманіе на другіе образы, способные приковать ваше вниманіе; или, если возможно, вы путемъ размышленія вносите въ самый образъ, вызывающій мучительное чувство, поправки, открываете въ немъ новыя стороны утѣшительнаго характера; и ваше настроеніе мѣняется само. Это знаютъ матери отвлекающія вниманіе ребенка отъ предмета ужаса, гнѣва или печали. Это знаютъ государственные люди, отвлекающіе общественное мнѣніе отъ слобыхъ сторонъ управленія объявленіемъ войны. Объ этомъ говорятъ психіатры. Сикорскій приводитъ любопытный отчетъ о томъ, какъ онъ заставлялъ ребенка забыть неудовольствія голода, привлекая его вниманіе

исаіемъ процесса приготовленія пищи. Надо подгонять коня, а не оглядываться, говорить пословица; надо бороться не съ слѣдствіемъ, а съ причиною: причина же всякаго волевого импульса лежитъ въ идеѣ, въ образѣ, въ представленіи, окрашенномъ и согрѣтомъ чувствомъ, которое толкаетъ къ опредѣленному дѣйствію.

Очень важно путемъ опыта довести ученика до убѣжденія, что онъ не можетъ дѣйствовать по первому впечатлѣнію и побужденію; что онъ долженъ воздерживаться отъ импульсивныхъ поступковъ, долженъ предвидѣть и взвѣшивать послѣдствія поступка прежде, нежели онъ сдѣлалъ его. Сегодня въ подлѣніи подъ влияніемъ минутной вспышки обидѣлъ своего товарища. Онъ видитъ затѣмъ, какъ это огорчило учителя, какъ недовольны были имъ его товарищи, какъ его мучили затѣмъ и стыдъ, и совѣсть. Позже въ аналогичномъ случаѣ онъ припомнитъ предшествующій опытъ, представитъ себѣ нежелательныя слѣдствія поступка, станетъ уже взвѣшивать и соображать, возбудитъ борьбу между непосредственнымъ импульсомъ и представленіемъ о дальнѣйшихъ результатахъ готового перейти въ дѣйствіе побужденія. Можетъ быть, одержитъ надъ собою нравственную побѣду.

Путемъ упражненій, соразмѣренныхъ съ своими силами, ребенокъ постепенно развиваетъ энергію воли. И онъ скоро самъ замѣтитъ, какъ растутъ его силы, какъ работа, казавшаяся ему трудной сначала, становится легкой. Рядъ побѣдъ надъ своею лѣнью, разсѣянностью, нерѣшительностью, даетъ ему еще болѣе укрѣпляетъ его вѣру въ свои силы, даетъ ему бодрое, свѣтлое настроеніе. Нѣсколько лѣтъ такой непрерывной работы надъ собою, постоянной борьбы съ своими капризами и неразумными желаніями могутъ остаться безъ результатовъ и способны выработать стойкій характеръ, — человѣка, умѣющаго управлять собою, своимъ вниманіемъ, своими дѣйствіями, своими наклонностями и стремленіями, сознающаго свои слабости и вѣрящаго въ нихъ. При условіи, что работа, предлагаемая ученикамъ, представляетъ переходъ отъ легкихъ задачъ къ труднымъ, но посильнымъ для дѣтей, въ школѣ не будетъ мѣста унынію, разочарованію, чего въ основѣ долженъ бояться учитель. Задача послѣдняго выпустить изъ школы сильныхъ, бодрыхъ, способныхъ къ работѣ юношей, а не разслабленныхъ, больныхъ волею, не вѣрящихъ въ свои силы скептиковъ. Съ этою цѣлью учитель располагаетъ всѣ занятія такимъ образомъ, чтобы каждый имѣлъ достаточнымъ и по напряженію, и по продолжительности успѣхъ слѣдовать и достаточный отдыхъ. Вотъ почему число уроковъ въ школѣ должно быть ограничено, а перемѣны между уроками удлинены. Многіе цѣлыми рядомъ опытовъ доказываютъ необходимость отдыха для развитія воли. Вотъ наиболѣе простая изъ демонстрацій этого рода. Человекъ среднимъ пальцемъ руки періодически поднимаетъ и опускаетъ тяжесть на опредѣленную высоту. Скоро онъ устаетъ и несмотря на все свое усиліе не можетъ сдвинуть тяжести съ мѣста. Весь рядъ этихъ движеній записывается посредствомъ особаго аппарата — эргографа. Но стоитъ лишь раздражить нервномышечную систему электрическимъ токомъ и па-

лецъ попрежнему поднимается тяжесть. Стало быть, когда наступаетъ усталость, то утомленными оказываются не мускулы и не нервы, а усталы мозговые центры, служащіе органомъ воли. Стоить только возбудить въ головномъ мозгу усиленное кровообращеніе, что достигается, напримѣръ, приѣмомъ рюмки водки или стакана чаю или, наконецъ, музыкою, и тогда же замиравшія отъ усталости волевые движенія восстанавливаются и тяжесть поднимается снова. То, что здѣсь достигается искусственно и едва ли безъ вреда для здоровья, то вполне естественно достигается достаточнымъ отдыхомъ.

Въ числѣ мѣръ, имѣющихъ въ виду дать надлежащее направленіе волѣ ребенка, видное мѣсто въ школьной практикѣ занимаютъ запрещенія и приказанія. Однако этотъ способъ воздѣйствія на учениковъ, повидимому, такой простой и легкій, требуетъ отъ учителя и находчивости, и осторожности, и предусмотрительности. Запрещенія очень часто достигаютъ какъ разъ обратнаго результата. Это знаютъ даже составители рекламы. Рассказываютъ объ одномъ остроумномъ способѣ обратить вниманіе публики на рекламу. На одной сторонѣ доски пишутъ: «не смотрите на другую сторону»; а на другой сторонѣ помѣщаютъ рекламу въ полной увѣренности, что она послѣ прочитаннаго запрещенія непременно станетъ предметомъ вниманія публики. Единственное средство сдѣлать дѣйствительными приказанія и запрещенія въ глазахъ учениковъ это въ понятной и убѣдительной для учениковъ формѣ мотивировать ихъ. Въ своихъ требованіяхъ хорошій учитель прежде всего обращается къ сознанію дѣтей, онъ достигаетъ того, что каждое его требованіе является разумнымъ и необходимымъ не только само по себѣ, но и въ глазахъ учениковъ. Исполняя эти требованія, ученикъ исполняетъ въ то же время требованія своего разума. Еслибъ учитель воспитывалъ рабовъ, ему не было бы надобности обращаться къ ихъ разуму,—это было бы даже вредно; ему нужно было бы развивать только слѣпое повиновеніе безъ всякихъ разсужденій, безъ думъ, безъ вопросовъ, безъ сомнѣній. Но современный учитель готовитъ свободныхъ людей и потому онъ долженъ приучить ихъ къ тому, чтобы ихъ воля была послушнымъ орудіемъ ихъ разума и ихъ совѣсти. Когда ученикъ станетъ взрослымъ, вокругъ него не будетъ никого, кто бы контролировалъ его поведеніе и образъ жизни. И потому, чѣмъ раньше мы приучимъ ученика руководиться своимъ разумомъ, тѣмъ меньше будетъ для него опасности перейти изъ положенія опекаемаго въ положеніе самостоятельнаго человѣка. Необходимо поэтому постепенно приучать дѣтей къ самостоятельности, предоставляя имъ все болѣе и болѣе свободы въ распоряженіи собою. Нельзя предоставить четырехлѣтнему ребенку играть съ заряженнымъ ружьемъ, но не будетъ вреда дать ружье юношѣ привыкшему управлять собою. Изъ всѣхъ системъ воспитанія въ этомъ отношеніи надо предпочесть англійскую, гдѣ самостоятельности и самостоятельности дѣтей предоставленъ такой широкій просторъ. «Чѣмъ ранѣе начнете вы обращаться съ мальчикомъ, какъ со взрослымъ человѣкомъ, тѣмъ

онъ скорѣ дѣлается человѣкомъ», сказалъ Локкъ, и это изреченіе сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ англійской педагогики. Иностранцы поражаются, когда видятъ десятилѣтнихъ англичанъ, умѣющихъ всюду поддерживать свое человѣческое достоинство, находчивыхъ, обо всемъ смѣло разсуждающихъ. Въ англійскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ рѣшающую роль играютъ не управленіе директора или учителей, а самоуправленіе учащихся, и это является обычнымъ правомъ, прочно укоренившимся въ заведеніи. Именно этою системою англійскаго воспитанія Каннингъ объясняетъ, почему въ этой странѣ могло быть столько людей, которые въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ явились ея опорою, сильные не только на словахъ, но и на дѣлѣ, почему Англія ни въ одной области управленія не ощущаетъ недостатка въ людяхъ, способныхъ справиться съ самыми величайшими затрудненіями. Джонъ-Стюартъ Милль прекрасно выразилъ мнѣніе англичанъ о воспитаніи, когда, разсказывая о себѣ, замѣчаетъ, что «дѣти энергическихъ родителей бываютъ лишены энергіи оттого, что родители ихъ всегда имѣютъ привычку на мѣсто ихъ воли ставить свою». «Въ этомъ замѣчаніи,—говоритъ другой писатель,—есть очень опредѣленное указаніе для учителей. Первая забота ихъ должна состоять въ томъ, чтобы не заглушить въ ребенкѣ инициативы и самостоятельности, безпомядно замѣняя ихъ волю своею собственною и требуя отъ нихъ пассивнаго повиновенія, потому что въ такомъ случаѣ они подготовили бы лишь слабые и вялые характеры, неспособные вести себя въ жизни и беззащитные отъ всякихъ увлеченій».

«Помните,—пишетъ Спенсеръ,—что задача даваемого вами воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы образованъ существо, способное управлять самимъ собою, а не быть управляемымъ другимъ».

Но тотъ плохо понимаетъ систему воспитанія, основанную на самостоятельности ученика, кто думаетъ, что это значитъ предоставлять просторъ всѣмъ капризамъ ребенка. Воспитаніе воли состоитъ въ томъ, чтобы приучать дѣтей слушаться только своего разума, а не подчиняться случайнымъ прихотямъ, фантазіямъ, вспышкамъ гнѣва. Последнее служило бы напротивъ признакомъ слабой воли, неумѣнья владѣть собою, отсутствіемъ выдержки. Въ видахъ развитія воли, надо помочь ученику подавлять въ себѣ побужденія, несогласныя съ его разумомъ.

Едва ли надо доказывать, что учителю придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по возможности, индивидуализировать мѣры воспитанія. Одну и ту же способность,—напримѣръ, чувствительность,—придется развивать у одного ученика, обладающаго черствымъ, сухимъ сердцемъ, т. е. доставлять ему возможно частые случаи для ея упражненія, и задерживать ее, т. е. утишать случаи ея проявленія у другого, если его чувствительность и безъ того болѣзненно развита и преобладаетъ и надъ его умомъ, и надъ его волею, образуя такъ называемый истерическій характеръ. Едва ли кто будетъ спорить въ наше время о томъ, что цѣлью нравственнаго воспитанія должно быть гармоническое развитіе всѣхъ трехъ способностей ре-

бенка: ума, чувства и воли съ преобладаніемъ ума. При этомъ условіи получается такъ называемый типъ уравновѣшеннаго человѣка. Примеръ такого характера мы видѣли уже въ Кантѣ, подчинившемъ всё свои склонности требованіямъ своего разума. При недостаточномъ развитіи чувства, хотя бы при развитомъ умѣ и волѣ, получится типъ черстводѣльца-эгоиста, каковъ, напримѣръ, Каренинъ въ романѣ Л. Толстого; при недостаткѣ воли сентиментальный характеръ, каковъ сладко-мечтающій совершенно неспособный къ практической жизни, запустившій и свои дѣла и крестьянское хозяйство Маниловъ; при преобладаніи чувства и воли типъ страстнаго человѣка, какъ, напримѣръ, Отелло Шекспира. Ребенокъ перваго типа воспитатель постарается предоставить побольше случаевъ которые могли бы въ немъ вызвать чувство жалости къ другимъ людямъ; втораго онъ станетъ приучать дѣйствовать, давать исходъ своей чувствительности въ желательныхъ поступкахъ, онъ окажетъ поддержку слабой волѣ ученика своею волею, настойчивостью, внушеніемъ ему вѣры въ свои силы, посильными упражненіями; у третьяго онъ усиленно станетъ культивировать умственные способности. Особенное вниманіе придется обратить учителю на раздражительныхъ дѣтей. Наибольшею опасностью угрожаютъ и чаще всего встрѣчаются въ дѣтскомъ возрастѣ вспышки гнѣва. Это чувство представляетъ наслѣдство, переданное намъ безчисленнымъ множествомъ всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній, когда жизнь, полная самой грубой и ожесточенной борьбы за существованіе, особенно усиленно культивировала это чувство. Неудивительно, что гнѣвъ просыпается въ ребенкѣ еще на рукахъ матери, что раздражительные дѣти встрѣчаются такъ часто. Малѣйшее препятствіе, какое встрѣчаетъ раздражительный ребенокъ на пути къ удовлетворенію какого-либо своего желанія, уже приводитъ его въ гнѣвъ, иногда въ ярость. Не умѣя справиться съ собою, онъ бьетъ иногда даже неодушевленные вещи, кричитъ, ломаетъ, что попадется подъ руку, дерется, кусается. Воспитаніе такихъ дѣтей представляется наиболѣе трудною изъ задачъ. Лѣнь, тупость обыкновенно легче уступаютъ исправленію и ужъ во всякомъ случаѣ не доставляютъ столько непріятныхъ хлопотъ воспитателямъ, какъ подобная необузданная раздражительность. Защитники строгихъ мѣръ и наказаній все чаще ссылаются именно на такихъ дѣтей, которыхъ, по ихъ мнѣнію, ничѣмъ нельзя исправить, кромѣ наказаній. И однако же хорошо извѣстные примѣры, какъ самыя дикія вспышки гнѣва уступали разумному и гуманному воспитанію. Вотъ какъ Сень-Симонъ характеризуетъ одного царственнаго юношу, совершенно переродившагося подъ вліяніемъ хорошихъ воспитателей. «Герцогъ Бургундскій,—по его словамъ,—отъ рожденія былъ ужасенъ и первая его юность приводила въ трепетъ окружающихъ: онъ былъ жестокъ и гнѣвливъ до послѣднихъ крайностей, даже относительно неодушевленныхъ вещей запальчивъ до ярости, неспособенъ переносить малѣйшее сопротивленіе безъ того, чтобы не прійти въ неистовство, заставлявшее опасаться, чтобы все не порвалось въ его тѣлѣ. Чрезвычайно упрямый, страстный:

каго рода наслажденіямъ...., онъ любилъ также вино и вкусную ѣду, страстью предавался охотѣ; музыка приводила его въ нѣкотораго рода торжъ; кромѣ того онъ любилъ игру, но не выносилъ проигрыша, такъ играть съ ними было очень опасно. Предаваясь всѣмъ страстямъ и живая всѣми наслажденіями, онъ часто бывалъ дикъ и по природѣ склоненъ къ жестокости, безжалостенъ въ насмѣшкахъ и съ убійственной вѣрностью умѣлъ выставить смѣшныя стороны людей». Еслибы не было при томъ никакихъ мѣръ, изъ этого юноши, навѣрное, вышелъ бы человѣкъ, напоминающій нашего Іоанна Грознаго, нервнаго, раздражительнаго и страстного. Это—люди, повидимому, одного типа. Всѣ мы читали въ исторіи, какъ Грозный въ дѣтствѣ своемъ бросалъ съ вышины дворцоваго крыльца вѣнчиковъ, скакалъ по люднымъ улицамъ и давилъ людей. И однако же герцога Бургундскаго вышелъ не жестокий и подозрительный деспотъ, а истинный самъ и сдѣлавшій несчастными тысячи семей, убійца своего естественнаго сына, прославившій себя безчисленными множествомъ страшныхъ казней то по подозрѣнію, то по капризу, человѣкъ, въ которомъ современные психіатры отыскиваютъ явные слѣды умственнаго расстройства. Воспитаніе сдѣлало въ этомъ случаѣ чудо: благодаря стараніямъ управляющихъ принца Бургундскаго людей, характеръ юноши совершенно смѣнился, и когда принцъ достигъ восемнадцатилѣтняго возраста, дѣло воспитанія было окончено и изъ подобной пропасти вышелъ принцъ приличный, кроткій, человѣчный, умѣренный, терпѣливый, скромный, склонный къ раскаянію и, поскольку это соответствовало его положенію, а также и больше того, смиренный и строгій къ себѣ.

Мы знаемъ средства, которыя употреблялись для исправленія этого недѣльнаго характера. Фенелонъ сочинялъ для него діалоги и басни, нацеленные противъ недостатковъ своего питомца. «Почти всѣ басни,—говоритъ біографъ Фенелона,—относились къ какому-нибудь только что случившемуся случаю, впечатлѣніе котораго было еще такъ близко, что не только ученику уклониться отъ приложенія ихъ къ себѣ: они были такъ живы, въ которыхъ онъ поневолѣ узнавалъ себя и которое часто представляло черты мало лестныя для его юнаго самолюбія». Напримѣръ, баснѣ «Причудникъ» описаны были всѣ неровности и увлеченія герцога. Желая внушить своему воспитаннику мысль о кротости, Фенелонъ пишетъ, «какъ солнце остерегается нарушить сонъ молодого принца, какъ кровь его могла освѣжиться и желчь успокоиться, чтобъ онъ освѣжилъ свои силы и чтобъ онъ приобрѣлъ нѣжную кротость, которой ему не хватаетъ».

«Какъ смѣешь ты смѣяться надъ сыномъ Юпитера?»—говоритъ въ одной баснѣ молодой Вакхъ фавну. «А какъ сынъ Юпитера смѣетъ сдѣлать что-нибудь ошибку?»—отвѣчаетъ фавнъ. Воспитатель въ своей борьбѣ съ ужасными наклонностями своего питомца обращался къ его разуму и къ его совѣсти, и результаты, какъ мы уже знаемъ, вполне оправдали эту борьбу.

Опытъ показываетъ также, что одна изъ лучшихъ мѣръ противъ вспышечивости — это хладнокровіе присутствующихъ, молчаливое неодобреніе и удивленіе. Упреки, даже увѣщанія во время гнѣвной вспышки иногда служатъ какъ бы пищею для всплывшаго ребенка, а потому активное внимательство, обращеніе къ его разуму и совѣсти гораздо умѣстнѣе уже послѣ того, какъ пройдетъ вспышка гнѣва и ребенокъ придетъ въ спокойное состояніе.

Скептики могутъ противопоставить приведенному нами выше примѣру перевоспитанія герцога Бургундскаго противоположные примѣры, гдѣ усилія воспитателей не имѣли успѣха. Укажутъ, какъ это чаще всего дѣлается, на Нерона, порочную, унаслѣдованную отъ родителей природу котораго не могъ исправить стоикъ Сенека. Но мы удивляемся скорѣе тому, какъ могъ такой ловкій царедворецъ и искусный актеръ, какъ Сенека, чьи слова такъ часто были не въ ладу съ дѣлами, такъ долго утѣрять жестокія наклонности Нерона, какъ могъ онъ хотя бы и временно вліять такъ сильно на своего ученика, когда поступки самого воспитателя были далеко не безупречны. Красивыя фразы о добродѣтели могутъ оказывать дѣйствіе лишь тогда, когда онѣ оправдываются жизнью самого проповѣдника. Въ этомъ отношеніи примѣръ одного исправленія стѣнитъ сотенъ примѣровъ противоположнаго характера, какъ одинъ удачный опытъ, которому мы обязаны какимъ-нибудь научнымъ открытіемъ, стѣнитъ больше всѣхъ предшествующихъ неудачныхъ попытокъ.

Въ дѣтскомъ возрастѣ импульсъ играетъ главную роль. Поступки большинства дѣтей носятъ импульсивный характеръ. Будемъ бороться съ дурными импульсами, но постараемся воспользоваться самою импульсивностью ребенка, чтобы направить его къ добру. Въ рукахъ учителя такъ много средствъ внушить ребенку добрые импульсы. Для этого стоитъ только заставить ребенка полюбить дѣло, какое мы ему даемъ, и это сдѣлаетъ привлекательность нашего собственнаго примѣра, очарованіе красивыхъ и яркихъ образовъ, въ какіе мы одѣнемъ въ глазахъ ребенка его дѣло, взявъ эти образы изъ доступныхъ пониманію ученика біографій, рассказовъ произведеній изящной словесности. Но будемъ избѣгать отвлеченныхъ поученій. Они слабо дѣйствуютъ на волю даже взрослого человѣка и совсѣмъ не дѣйствуютъ на ребенка. Будемъ дѣйствовать такъ, какъ поступаетъ романистъ, желающій внушить читателямъ любовь къ своему герою и его дѣятельности. Будемъ показывать въ образахъ, движеніи и краскахъ красоту доступныхъ пониманію и силамъ ребенка дѣлъ добра и правды. Любовь дастъ направленіе импульсамъ ребенка. И намъ вмѣсто того, чтобы вести утомительную для обоихъ борьбу съ его импульсами, останется только использовать эту могущественную силу дѣтскаго возраста.

Индивидуализація мѣръ воспитанія въ школѣ ставитъ предѣлы значительное число учащихся. Школа — не семья, гдѣ можно возможно соображать всякій урокъ, всякую мѣру нравственнаго воздѣйствія съ особенностями темперамента, характера, наклонностей и инстинктовъ ребенка. И

тому въ большинствѣ случаевъ учителю начальной школы придется пользоваться мѣрами, рассчитанными на весь классъ, если только не считатьъ чисто-исключительными болѣзненными типами. Всѣ дѣти одинаково нуждаются въ развитіи альтруистическихъ чувствъ и въ подавленіи или, по меньшей мѣрѣ, задержкѣ эгоистическихъ наклонностей. Всѣ они нуждаются въ возможномъ развитіи способности мыслить, наблюдать, различать, обобщать, классифицировать, всѣ они нуждаются въ обогащеніи своего ума идеальными идеями, образами; всѣмъ имъ въ той или другой степени остается умѣнья сдерживать свои порывы, владѣть собою; у всѣхъ у нихъ долженъ быть приблизительно одинъ и тотъ же идеалъ нормальнаго члена; у всѣхъ изъ нихъ надо сдѣлать возможно болѣе чуткою ихъ совесть. Совесть просыпается въ человѣкѣ въ очень раннемъ возрастѣ. Нѣчто подобное совѣсти удавалось наблюдать даже въ мѣрѣ животныхъ. Ромашевъ приводитъ яркій примѣръ того, какъ проявилось что-то похожее на совесть въ дѣвочкѣ, когда ей въ первый разъ въ жизни пришлось украсть: «Будучи очень одною, она стащила со стола котлету и отправилась подъ диванъ. Я былъ свидетелемъ ея преступленія, но притворился, что ничего не вижу; лежа подъ диваномъ, собака нѣсколько минутъ колебалась,—въ ней, очевидно, происходила борьба между голодомъ и чувствомъ долга, но послѣднее, наконецъ, взяло верхъ, и преступница принесла котлету къ моимъ ногамъ, а сама не забываясь, — ласки, напротивъ, видимо ее конфузили, и она чрезвычайно быстро отворачивала отъ меня свою морду. Надо замѣтить, что я никогда не былъ своей собакой, такъ что все вышеописанное было продѣлано ею не изъ страха тѣлеснаго наказанія. Я поэтому принужденъ видѣть въ поступкѣ такое высокое развитіе совѣсти, какое только можетъ быть въ логикой чувства, то-есть такое же, какое мы встрѣчаемъ у дикарей, у дѣтей, у животныхъ, у большинства идиотовъ и глухо-нѣмыхъ, оставленныхъ безъ воспитанія».

Чувство раскаянія пробуждается въ ребенкѣ каждый разъ, какъ онъ отступаетъ отъ своего идеала, отъ своего долга, сознавъ свой недостатокъ, слабость, ошибку. Раскаяніе, какъ слѣдствіе развитого нравственнаго чувства, это великая воспитательная сила, это судъ человѣка надъ самимъ собою, это чувство ответственности, которое указываетъ человѣку и напоминаетъ его за всякую совершенную имъ неправду, всякое зло, хотя бы онъ другой и не подозрѣвалъ о совершенномъ дѣяніи. Въмѣстѣ съ развѣшеною волею раскаяніе дѣлаетъ чудеса въ дѣлѣ исправленія человѣка. Пусть даже, что чувство раскаянія слабо, что какая-нибудь страсть борется гораздо сильнѣе чувства долга. Но вотъ страсть удовлетворена и остается больше, по крайней мѣрѣ на время, а чувство раскаянія остается, въ рубецъ на тѣлѣ, на всю жизнь, какъ кровь, ничѣмъ несмываемая въ рукахъ леди Макбетъ. Сила нравственнаго чувства въ его постоянствѣ.

В. Вахтеровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизація *).

V.

Наша литература по изслѣдованію постепеннаго развитія военной правосудности, не отличается разнообразіемъ и солидностію, за исключеніемъ труда сенатора Бобровскаго, по изслѣдованію законодательныхъ памятниковъ, преимущественно относящихся къ восемнадцатому столѣтію **).

Укажемъ, однако, на сочиненія Розенгейма подъ заглавіемъ: *Очерки исторіи военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра Великаго*, лекціи Шендзиковского по исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства и его же диссертацию подъ заглавіемъ: *Сравнительный обзоръ порядка измѣненія, исправленія и обжалованія военно-уголовныхъ приговоровъ по русскому и французскому праву*, но Шендзиовскій и Розенгеймъ начинаютъ свои изслѣдованія съ семнадцатаго столѣтія, оставляя такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса о судимости ратныхъ людей въ древнѣйшій періодъ русской исторіи совершенно открытымъ ***).

Нельзя отрицать, что наша литература, по организаціи войскъ, военному искусству и военному хозяйству, въ обширномъ значеніи слова, довольно полна и не уступаетъ по качеству своему литературѣ Западной Европы, но никто однако изъ писателей не затрогиваетъ вопроса о судимости нашихъ ратныхъ людей въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи.

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1898 г.

**) Труды сенатора Бобровскаго относятся къ изслѣдованію законодательныхъ памятниковъ не только восемнадцатаго, семнадцатаго, но даже отчасти и шестнадцатаго столѣтій.

***) Покойный Розенгеймъ скорѣе извѣстенъ какъ талантливый поэтъ, а не какъ историческій изслѣдователь, почему и сочиненіе Розенгейма страдаетъ отсутствіемъ критическаго анализа. Впрочемъ, трудъ Розенгейма весьма важенъ по приложеніямъ, въ конехъ помѣщены не только нѣкоторыя главы изъ уставовъ пушкарскихъ, ратныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки, но и различныя указы семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій: сравнительная таблица преступленій, образцы формъ судопроизводства, приговоры и т. д.

Правда, нѣкоторые изъ писателей указываютъ на существованіе въ войскахъ древней Россіи законовъ дисциплины, такъ между прочимъ, князь Голыцынъ говоритъ, что «неизвѣстно, былъ ли огражденъ въ древности особыми законами воинскій порядокъ въ войскахъ, вѣроятно, однако, что былъ, хотя письменныхъ законовъ съ этою цѣлью не было, но существовали обычаи, замѣнявшій законъ, такъ какъ до монголовъ важнѣйшія военныя преступленія наказывались смертью, а болѣе легкія различнаго рода пенями или окупомъ по общимъ законамъ уголовнымъ. Во времена монгольскаго ига въ войскахъ введены и наказанія тѣлесныя, а смертью взымали чаще» *). Далѣе князь Голыцынъ, рассматривая состоянія нашихъ военныхъ силъ съ четырнадцатаго столѣтія замѣчаетъ, что «съ четырнадцатаго столѣтія для поддержанія порядка въ войскахъ наказанія ратнымъ вѣдямъ усиливаются и смертная казнь принимается чаще, чѣмъ въ предыдущія столѣтія» **). Соображенія князя Голыцына довольно основательны.

Дѣйствительно, если прослѣдить всѣ законодательные памятники, начиная съ договора Олега съ греками до судебника царя Іоанна IV Васильевича включительно, то нигдѣ не найдемъ такихъ законоположеній, гдѣ бы рисовывались особенности ратныхъ людей.

Такимъ образомъ указъ царя Іоанна IV Васильевича отъ 7058, т. е. 1550 года является какъ бы первымъ законодательнымъ памятникомъ, опредѣляющимъ до нѣкоторой степени отношеніе военныхъ начальниковъ къ своимъ подчиненнымъ, или правильнѣе сказать, указомъ этотъ парализуетъ стародавнее мѣстничество ***), а потому до шестнадцатаго столѣтія законъ, а обычай устанавливалъ извѣстные требованія дисциплины.

Военная сила существовала у насъ съ древнѣйшихъ временъ, но до князя Рюрика, Синеусомъ и Труворомъ волостей принадлежавшихъ славянамъ ильменскимъ и финскимъ: Весь, Чудь и Моря, силу эту составляло родное ополченіе и только со второй половины девятого столѣтія военная сила распадается на ополченіе земское и дружину, а съ уничтоженіемъ удѣльной системы и сосредоточеніемъ власти въ лицѣ великаго князя московскаго, дружины отдѣльных князей упраздняются, и военную силу составляетъ только ополченіе земское, что продолжается до второй половины шестнадцатаго столѣтія, когда въ царствованіе царя Іоанна IV Васильевича были сформированы стрѣльцы, какъ постоянное войско.

Дружины были у князей и бояръ ****), которые въ свою очередь вѣдѣтъ

*) Князь Голыцынъ: „Русская военная исторія съ древнѣйшихъ временъ“.

**) Тоже сочиненіе, часть вторая.

***) Въ указѣ царя Іоанна IV Васильевича отъ 7058, т. е. 1550 г. между прочимъ говорится: а въ полкахъ быть князьямъ и дѣтемъ боярскимъ, съ воеводами безъ вѣсти, ходите на всякія дѣла, со всеми воеводами для вѣщенія людямъ и въ томъ честу ихъ имѣть униженія“. Затѣмъ въ томъ же указѣ далѣе говорится: „а съ кѣмъ же безъ вѣсти, кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и меньше, а воеводѣ государь прибераетъ“.

****) По замѣчанію Кавелина „Бояринъ—былъ званіе, а не чинъ“.(Соч. Кавелина, т. II). Имя же Сергіевича названіе „бояринъ“ не выражало чина, а опредѣляло выдающаго

съ своими дружинами входили въ составъ дружинъ княжескихъ, но то въ военное время.

Выраженіе дружина не совмѣщаетъ въ себѣ, однако, понятія вооруженнаго корпоративнаго: такъ бояре новгородскіе сгруппировывали около себя отъ изъ охочихъ людей, для извѣстной какой-либо определенной цѣли, на примѣръ, для нападенія на сосѣднія владѣнія, съ цѣлью грабежа, захвата территорій и т. д. *).

Вступать въ княжескую дружину могли всѣ принадлежащіе къ составу свободного населенія древней Руси, а также и иностранцы. Въ периодъ варяжскаго владѣнія, что продолжалось до Владимира Святого, дружина князя состояла преимущественно изъ варяговъ **).

Послѣ крещенія Руси дружинники князя и бояре должны были обязательно исповѣдывать христіанскую вѣру, а потому евреи и язычники въ дружину не допускались. Положеніе дружинъ Бѣляевъ раздѣляетъ на три періода: до раздѣленія древней Руси на удѣлы и со времени образованія удѣльной системы ***).

Въ періодъ до раздѣленія древней Руси на удѣлы дружинники, группируясь около князя, существовали на его средства и совершенно уклонились отъ пріобрѣтенія недвижной собственности. Правда, Рюрикъ раздаетъ своимъ мужамъ, т.-е. старшимъ дружинникамъ волости, но не для управленія, а въ потомственное владѣніе. Князья Олегъ и Святославъ раздаютъ своимъ дружинникамъ волостей, да и дружинники ихъ не слѣдуютъ за князьями, а остаются на волостяхъ. По раздѣленіи древней Руси на удѣлы дружинники князей становятся уже собственниками недвижныхъ имуществъ: охотой владѣютъ земельными надѣлами и начинаютъ постепенно сливаться съ земщиной. Дорожа своими земельными владѣніями, дружинники становятся къ земщинѣ, тѣмъ къ своему князю-владыкѣ и нерѣдко въ личныхъ интересахъ оставляютъ князя: такъ дружина князя Юрія Давыдовича остается въ Кіевѣ при своихъ угодьяхъ, несмотря на то, что князь перемѣщается въ сѣверныя волости древней Руси.

основаніе людей по матеріальному богатству, около которыхъ группировались мелкіе люди, вступившіе на ихъ счетъ (Сергиевичъ: „Русскія юридическія древности“, т. I, „Населеніе и территория“, изд. 1891 г.). Въ „Русской пространной Правдѣ“ Ярослава I говорится о боярской дружинѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что бояре въ древнѣйшія времена военачальниками. Срезневскій производитъ слово бояре отъ существительнаго „боя“, и прилагательнаго „бый“, болій, а отъ того и другого слова съ прибавкою обидительнаго слога „оръ“ или „аръ“ онъ допускаетъ и выраженіе бояръ, бояляръ и (Срезневскій: „Мысли объ исторіи русскаго языка“).

*) Бѣляевъ: „Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“.

**) Дружина Олега состояла изъ варяговъ и варяги вообще признавались въ то время господами: такъ договоръ Олега съ греками подписанъ со стороны русскихъ только варяжскими именами, какъ-то: Карломъ, Инегельдомъ, Вересмудомъ и другими, а между лицами, подписавшими договоръ Игоря съ греками, со стороны русскихъ встрѣчаются уже и славянскія имена (Рейцъ: „Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“, пер. Моршкина).

***). Лекціи Бѣляева по исторіи русскаго законодательства.

въ Ярослава Перваго дружинники князя называются не соратниками, слугами, но слугами вольными, а потому дружинникъ—не холопъ и не рабъ. Какъ выше было замѣчено, въ дружину князя могъ поступить и свободный принадлежавшій къ населенію свободному, хотя Сергѣевичъ и полагаетъ, что купцы, какъ совершавшіе въ древности перемѣщеніе по дѣловымъ, никогда не входили въ составъ дружинъ княжескихъ *). Каждая дружина дѣлилась на младшую, дѣтскихъ и отроковъ, и старшую, бояръ и думцевъ князя. Лицо, поступившее въ дружину, закрѣпляло свое обязательство за князя крестнымъ цѣлованіемъ на вѣрность князю, что, при наличности вольнаго перехода составляло лишь одну формальность, ибо дружинникъ могъ во всякое время покинуть князя, и такое дѣло не признавалось измѣною.

Князь могъ давать дружиннику различныя порученія, но съ согласія дружинника. Короче говоря, отношенія дружинника къ князю, по замѣчанію Сергѣевича **), опредѣлялись тѣмъ, что дружиннику нельзя было приказать, а надо было его убѣждать, а потому, по всей вѣроятности, и въ Рейца ***), вполне устойчиво, что между дружинникомъ и княземъ заключались даже письменные договоры.

Важнѣе дружинники князя получали судебныя должности, что же касается до бояръ, то они назначались намѣстниками въ провинціи, гдѣ были не только администраторами, но и судьями ****).

Отношенія дружинъ къ своимъ князьямъ были крайне неопредѣленны. При вѣрности, честности, щедрости и храбрости князя дружина не только оставалась при князѣ до конца его жизни, но нерѣдко переходила и къ его дѣду, такъ дружина Владиміра Мономаха отличается постоянствомъ, а у Рюрика Ольговичей и Изяславичей замѣчаются постоянныя шатанія и перемѣны. Князь дорожить своею дружиною, да и въ періодъ удѣльнаго уклада князь безъ дружины почти ничего не значилъ. Наконецъ, дружины постоянно исполняютъ требованія своихъ дружинъ, хотя бы эти требованія и не согласовались съ желаніемъ князей: такъ, напримѣръ, Игорь Рюриковичъ на древлянъ по желанію своей дружины, а въ 1177 г. Всеволодъ Чермный беретъ на свой щитъ городъ Торжокъ не по собственному желанію, а по настоянію своей дружины.

Въ общемъ отношеніе дружинъ къ князьямъ вполне гармонировало съ

Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“. Т. I, „Населеніе и территорія“.

Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, т. I, „Населеніе и территорія“.

Рейца: „Исторія русскіхъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“, М. Морозкина. Сочиненіе это составляетъ въ настоящее время библиографическую ценность, но въ Рейца сомнѣются Сергѣевичъ, Владимірскій-Будановъ и другіе.

Владимірскій-Будановъ: „Хрестоматія по исторіи русскаго права“. Обрисовывая отношенія бояръ, какъ управителей провинцій, Владимірскій-Будановъ, между прочимъ говоритъ, что въ древности каждая провинція въ сферѣ гражданского и уголовного права дѣйствовала самостоятельно. Конечно, жалобы на несправедливое судилище до князя.

отношеніемъ къ князьямъ населенія. Волости призываютъ князей, но волости и изгоняютъ ихъ. Князья безъ согласія народа, даже въ періодъ монгольскаго владычества не могутъ занять стольныхъ городовъ-волостей *).

Вѣче, существовавшее не только въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, но и въ другихъ городахъ древней Руси, значительно ограничивало власти князей **). Монголы до Куликовской битвы смотрѣли на древнюю Русь какъ на свой «улусъ» ***), но такое положеніе не измѣняетъ нашей внутренней политики, ибо, несмотря на монгольское владычество, продолжается цѣлое столѣтіе междоусобица князей.

Порядокъ наслѣдованія князей переходомъ волости отъ отца къ сыну вполне игнорируется ****).

Населеніе древней Руси, хотя и распадалось на несвободныхъ холоповъ и свободныхъ, которые въ свою очередь раздѣлялись на классы, но въ сущности, по справедливому замѣчанію Рейца, до Іоанна III Васильевича у насъ существовало полное политическое безразличіе; дѣйствительно жители, напримѣръ, городовъ: Вышгорода и Кіева—жалуются своему князю Всеволоду на пристрастный судъ и вымогательство его тиуновъ, а тиунъ, какъ холопъ, по «Русской Правдѣ» Ярослава I, не могъ быть даже ни объектомъ, ни субъектомъ права.

Въ древности у насъ, какъ извѣстно, кто управлялъ, тотъ и судилъ, и наши древнія законодательства были построены на почвѣ народныхъ воззрѣній, а потому и уголовный процессъ имѣлъ въ виду скорѣе не государственный, а частный интересъ. Наконецъ, по замѣчанію Владимірскаго Буданова, основами для начертанія нашихъ древнѣйшихъ законовъ служили отдѣльные юридическіе случаи и судебные приговоры.

При наличности такихъ жизненныхъ и бытовыхъ условій, конечно, въ древности у насъ не могли образоваться и развиваться спеціальныя военные законы, формальныя и матеріальныя, такъ какъ такіе законы не согласовались бы съ нравственнымъ воззрѣніемъ народа, основаннаго на неустойчивомъ положеніемъ власти вообще.

*) Кіевляне изгоняютъ Ізяслава и сажаютъ на его мѣсто врага его Всеслава, вѣто, что Ізяславъ не соглашается по требованію кіевлянъ оборонять Кіевскую волость отъ набѣга половцевъ. 1371 г. Михаилъ Тверской, опираясь на ханскій армію, намѣренъ былъ занять Владиміръ, но владимірцы не пускаютъ Михаила, желая имѣть своимъ княземъ Дмитрія Московскаго, (см. «Исторія Россіи» Соловьева и Карамзина и «Русскія юридическія древности» Сергиевича. Т. 2).

**) Сергиевичъ: «Русскія юридическія древности», т. 2.

***) Андреевскій: «О правахъ иностранцевъ въ Россіи».

****) Какъ извѣстно, на съѣздѣ князей въ Любичѣ, по инициативѣ Владиміра Мономаха, былъ установленъ, въ интересахъ Ольговичей, порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, но кіевляне не подчинились такому приговору и, изгнавъ Ольговичей, призвали къ себѣ Владиміра Мономаха. Такимъ образомъ порядокъ престолонаслѣдія у насъ въ Россіи былъ вполне закрѣпленъ только при великомъ князѣ московскомъ Василіи Темномъ (см. Погодина: «Русская Исторія до монгольскаго ига»). Томъ II, а также Соловьева и Карамзина: «Исторія Россіи».

Въ своей параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, Погодинъ замѣчаетъ, что «въ нашей исторіи нѣтъ рѣшительно ни одного явленія, подобно характеристическимъ явленіямъ государствъ западныхъ, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія и подобія» *).

Анализируя положенія «Русской Правды», Калачевъ, между прочимъ, говоритъ, что бояре и дружинники князя судились лично княземъ, а не по правдѣ Ярослава I **), но такой судъ все-таки не имѣлъ формы суда специально-военнаго, а лишь составлялъ привилегіи высшаго сословія. Послѣ раздѣленія древней Руси: на восточную, западную и юго-западную и съ группированіемъ волостей около княжества московскаго, власть великаго князя московскаго пріобрѣтаетъ надлежащую устойчивость и, постепенно усиливаясь, доходитъ почти до власти неограниченной. Къ этому времени власть оставшихся удѣльныхъ князей настолько умалется, что они становятся въ прямую зависимость отъ великаго князя московскаго, а дружины окончательно сливаются съ земщиною, и военную нашу силу уже составляетъ только «временное земское ополченіе правильно собираемое съ «сохъ» во время войны.

Въ такомъ положеніи находилась наша военная сила до царствованія Іоанна VI Васильевича, когда было образовано постоянное поселенное войско—стрѣльцы.

По мнѣнію Шендзиковскаго, «стрѣльцы и пушкарѣ въ мирное время судились за маловажныя преступленія общія, а также и воинскія въ своихъ сѣбѣзжихъ избахъ: пушкарѣ—пушкарскими головами, а стрѣльцы—стрѣлецкими головами. За разбой, грабежъ и татьбу съ личнымъ стрѣльцы и пушкарѣ подлежали вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, а именно судамъ губнымъ, народнымъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ судовъ не было—судамъ воеводъ. Высшую судебную инстанцію для военной силы составляли приказы: стрѣлецкій, пушкарскій, рейтарскій и иноземный, причемъ переходъ судебныхъ дѣлъ изъ низшихъ инстанцій въ высшую былъ точно не опредѣленъ, но дѣла судебныя иногда восходили до царя» ***).

Если прослѣдить всѣ законодательныя памятники времени царя Іоанна IV Васильевича, то изъ нихъ только два указа имѣютъ отношеніе къ ратному строенію, а именно: указы 7058 (1550) и 7064 (1556) годовъ. Относительно содержанія указа отъ 1550 г. было уже сказано. Что же касается до указа 1556 г., то указомъ этимъ главнымъ образомъ устанавливался правильный наборъ въ земское ополченіе ратниковъ съ земли, но относительно военныхъ судовъ и военной подсудности въ упомянутыхъ указахъ ничего не говорится, а стало быть если и существовали у стрѣль-

*) Погодинъ: „Русская Исторія до монгольскаго ига“. Томъ I.

**) Калачевъ: „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“. Изд. 1861 г. о „Русской Правдѣ“.

***) Шендзиковскій: „Сравнительный обзоръ порядка измѣненія, исправленія военно-уголовныхъ приговоровъ по русскому и французскому праву“.

цовъ и пушкарей отдѣльные суды, то суды эти скорѣе были сословныя, а не специально-военныя.

Такимъ образомъ, опираясь на законодательные памятники, необходимо признать, что во время царствованія Іоанна IV Васильевича особаго военнаго суда вовсе не существовало.

Существовали въ шестнадцатомъ столѣтіи правильно - организованные военныя суды только не у насъ, а въ Малороссіи, которой король польскій Стефанъ Баторій далъ правильное устройство и, назначивъ гетманомъ Рожнипскаго, раздѣлилъ всю территорію малороссійскаго казачества на восемь областей, причемъ населеніе каждой области и составляло полкъ, «повѣтъ», а количество реестровыхъ казаковъ было опредѣлено въ шесть тысячъ человѣкъ.

Реестровые казаки были расположены на границѣ территорій малороссійскаго казачества. За преступленія специально военскія реестровые казаки судились въ своихъ полковыхъ судахъ, имѣвшихъ коллегіальный составъ, а по дѣламъ земскимъ и за преступленія общаго уголовнаго реестровые казаки судились областными судами *).

Во всякомъ случаѣ порядокъ, установленный въ царствованіе Іоанна IV Васильевича, для судимости нашихъ ратныхъ людей въ мирное время остается неизмѣнимымъ и въ царствованіе Θεодора Іоанновича и Бориса Θεодоровича Годунова, хотя въ царствованіе Бориса Θεодоровича Годунова организація нашей военной силы была расширена и благоустройство улучшено.

Есть данныя, на основаніи которыхъ приходится прійти къ убѣжденію, что Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, призывая иноземцевъ въ нашу ратную службу, намѣренъ былъ сдѣлать первый шагъ къ образованію регулярнаго войска, но встрѣтилъ въ этомъ противодействие не столько со стороны стрѣльцовъ, сколько со стороны бояръ, крѣпко оцѣнившихъ въ своихъ вотчинахъ, и не только нерадѣвшихъ къ ратному дѣлу, но и совершенно не думавшихъ о прогрессивномъ развитіи своего отечества **).

*) *Байтышъ-Каменскій*: „Исторія Малороссіи“. Изд. 1830 г. Томъ I. Сочиненіе Байтышъ-Каменскаго составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость и весьма важно по приложеніямъ, гдѣ помѣщены, между прочимъ, всѣ льготныя грамоты, дарованныя королями польскими малороссійскому казачеству.

**) „О нравственномъ состояніи русскаго общества въ XVI столѣтіи“. См. соч. Преображенскаго, подъ заглавіемъ: „Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI столѣтіи“, по Максиму Греку и современнымъ ему источникамъ. Впрочемъ, соч. Преображенскаго, или, правильнѣе сказать, его диссертация на бакалавра составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость.

Гудимъ-Левковичъ въ своей „Русской военной исторіи“, опираясь на дѣтонисы, характеризуетъ нашихъ бояръ въ XVII столѣтіи такъ: „Дорохо царю послужить и жалованіе отъ него доброе получать, но только лишь рать и увѣче не наносить и сабли не вынимать“.

Несмотря на указъ царя Іоанна IV Васильевича отъ 7-го 1664 (1556) года, количество нѣтчиковъ, т.-е. людей не явившихся по призыву на ратную службу постоянно уменьшалось.

Какъ извѣстно, же-Димитрій намѣренъ былъ преобразовать нашу военную силу по образцу войска Рѣчи-Посполитой, но это ему не удалось, такъ какъ онъ былъ свергнутъ съ престола и убитъ московскою невѣжественною толпою, руководимою опытнымъ и хитрымъ вожакомъ.

Василій Іоанновичъ Шуйскій по вступленіи на престолъ повернулъ къ старинѣ, для чего и распустилъ всѣ иноземные отряды, состоявшіе на русской службѣ. На второй годъ царствованія Василія Іоанновича Шуйскаго наступило для русской земли тяжкое смутное время, а потому, убѣдившись въ крайне неудовлетворительномъ состояніи нашего ратнаго строенія, царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, желая дать русскому войску, «на дѣле русскаго царства», правильное строеніе, въ 1607 году *) повелѣлъ дьяку московскаго приказа Онисиму Михайлову, перевести съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій «Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки».

Переводъ упомянутаго устава былъ однако оконченъ только въ 1621 г., т.-е. въ царствованіе Михаила Феодоровича.

Послѣ низверженія Василія Іоанновича Шуйскаго съ престола, русское государство вступаетъ въ періодъ междуправствія, которое и заканчивается избраніемъ въ цари Русскаго государства Михаила Феодоровича. Конечно, въ періодъ междуправствія никто не думалъ объ упорядоченіи нашего ратнаго строенія, такъ какъ этому даже препятствовали обстоятельства, и только съ царствованія Михаила Феодоровича начинаютъ появляться законы и наказы, опредѣляющіе въ войскѣ порядокъ подчиненности и степень власти начальниковъ, а также устанавливающіе для ратной силы особые суды съ отдѣльною подсудностью, даже и по мирному времени **).

личивалось, а въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго земское ополченіе, собираемое лишь въ четвертый разъ, сформировать было невозможно, за неименіемъ ратниковъ даже изъ провинцій не отложившихся отъ Москвы.

*) Въ томъ же 1607 году Василіемъ Іоанновичемъ былъ изданъ и обнародованъ указъ о полномъ закрѣпощеніи крестьянъ, за тѣми вотчинниками и помѣстными владѣльцами, на земляхъ коихъ крестьяне проживали. Не лишено интереса то обстоятельство, что упомянутый указъ не только воспрещалъ крестьянамъ всякій переходъ отъ одного владѣльца къ другому, но и всякія дѣйствія, какъ-то: наниматься на работу и вступать въ бракъ крестьяннинъ могъ только съ разрѣшенія своего господина вотчинника. Конечно, такой указъ, въ виду смутнаго времени въ царствованіе Василія Іоанновича, не получилъ примѣненія на практикѣ, но важно то, что указъ этотъ получилъ силу въ царствованіе Михаила Феодоровича.

Если же указъ 1607 г. не можетъ быть названъ гуманнымъ, то, съ другой стороны, указъ этотъ устанавливалъ до извѣстной степени власть вотчинника надъ своими крестьянами, что было весьма важно по отношенію къ земскому ополченію, такъ какъ вотчинники, въ большинствѣ случаевъ, являлись и начальниками земской рати.

**) Въ Новгородской республикѣ до ея паденія въ пятнадцатомъ столѣтіи существовала тоже военная сила, которая распадалась на ополченіе земское и рать постоянную, носящую первоначальное названіе гридьбы или гриди, а затѣмъ получившее названіе земскихъ людей. Впрочемъ, князь и посадникъ имѣли свои отдѣльные дружины.

стоявшие на русской ратной службѣ иноземцы, составлявшие у насъ отдѣльные отряды и полки, судились, какъ полагаетъ Шендзиковскій въ своихъ лекціяхъ по исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства, своими судами и подобно тому, какъ судились наемныя войска въ государствахъ Западной Европы, но на подсудности иноземцевъ остановились впоследствии.

Такимъ образомъ, выше приведенное соображеніе Погодина можно дополнить еще тѣмъ, что до второй половины шестнадцатаго столѣтія наша военная сила развивалась и совершенствовалась также при условіяхъ, со-

Съ двѣнадцатаго столѣтія князь въ Новгородѣ почти не пользовался никакой властью и даже не могъ арестовать новгородца безъ согласія посадника.

Главою новгородскаго войска признавался, однако, посадникъ старшій, а не степенный посадникъ, управлявшій дѣлами Новгорода. Рисуя общественный строй новгородскаго общества, Бѣлиевъ въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Исторія Новгорода Великаго съ древнѣйшихъ временъ“ ничего не говоритъ о существованіи какихъ-либо особыхъ судовъ съ военною подсудностью въ мирное время для грѣбни. Да и, по всей вѣроятности, такихъ особыхъ судовъ въ мирное время существовать не могло, такъ какъ въ новгородскомъ войскѣ устанавливался порядокъ не отдѣльными военными законами, а обычаями, хотя въ войскахъ существовали, однако, власть и подчиненность. По всей вѣроятности, грѣбни за маловажные преступленія судились своими начальниками, которые, — какъ, напримѣръ, тысяцкіе, — входили и въ число лицъ, управлявшихъ дѣлами Великаго Новгорода. Кроме того, въ Великомъ Новгородѣ вущи, составлявшие отдѣльную общину, имѣли также свои дружины, что вызывалось необходимостью при переѣздахъ по торговымъ дѣламъ съ одного мѣста на другое. Такія дружины имѣли также свой судъ, но только для преступленій маловажныхъ. Относительно повольниковъ, „охотчихъ людей“, Бѣлиевъ замѣчаетъ, что, вступая на службу къ боярамъ и купцамъ, они обязывались подчиняться суду своихъ владыкъ. За преступленія важныя, влекущія за собой тяжкія наказанія, какъ, напримѣръ, смертную казнь, всѣ новгородцы, а въ томъ числѣ и постоянная рать, судились судомъ вѣча. Костомаровъ, въ своемъ превосходномъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада“, между прочимъ говоритъ, что хотя новгородцы были люди по преимуществу торговые, коммерческіе, но умѣли, однако, защищать свою независимость, и если совершилось паденіе Великаго Новгорода, то это произошло не отъ недостатка его военной силы, а вслѣдствіе нравственнаго разложенія новгородскаго общества, происходившаго отъ постоянной борьбы партій. Обстоятельства, вызвавшія паденіе Великаго Новгорода, ярко обрисованы Благосвѣтловымъ въ его статьѣ „Москва и Новгородъ“ (Сборн. ст. Благосвѣтлова, вышедшихъ послѣ его смерти).

Псковъ, какъ извѣстно, былъ республикой демократической, и, какъ говоритъ Бѣлиевъ въ своемъ сочиненіи „Исторія города Пскова и Псковской земли“, война была волею-неволею постояннымъ удѣломъ псковитянъ и, притомъ, война мелкая, а потому каждый земледѣлецъ Псковской земли былъ воинкомъ и какъ бы сѣвернымъ казакомъ. Вотъ почему въ Псковской землѣ существовала постоянная, поселенная на границахъ республики, земская стража, на обязанности коей лежало защищать границы Псковской республики отъ вторженія непріятеля. Земская стража судилась общимъ судомъ, а если кто изъ земской стражи не исполнялъ возложенныхъ на него обязанностей, то отъ него отбиралась, по приговору вѣча, земля. Кроме того, въ Псковѣ были постоянныя войска, жолнеры и пицальники, но войска эти были образованы только въ пятнадцатомъ столѣтіи. Судились ли жолнеры и пицальники особыми судами — неизвѣстно.

вершенно не солидарныхъ съ условіями, при которыхъ развивалась военная сила въ государствахъ Западной Европы, и когда въ пятнадцатомъ столѣтіи въ Западной Европѣ успѣли уже установиться военные суды съ правильно опредѣленною подсудностью, у насъ только въ семнадцатомъ столѣтіи начинаютъ появляться какъ бы зародыши такихъ судовъ и, притомъ, съ подсудностью крайне неопредѣленною. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, а именно съ воцаренія Михаила Теодоровича, наше правительство начинаетъ обнаруживать свое намѣреніе относительно образованія отдѣльныхъ для войскъ судовъ и въ мирное время, а потому при дальнѣйшихъ изложеніяхъ уже и не встрѣчается надобности касаться до военной организаціи, такъ какъ по установленію военной подсудности существуетъ цѣлый рядъ законодательныхъ памятниковъ.

Въ 1614 году, на второй годъ послѣ воцаренія Михаила Теодоровича, данъ былъ наказъ стрѣльцкому головѣ Дмитрію Дернову. Въ наказѣ этомъ, между прочимъ, говорится: «А будетъ который стрѣлецъ доведетъ до какой пошнѣ и ему, Дмитрію, ихъ смирать, смотря по внаѣ, въ тюрьму сажать или батогами бить, кто чего доведетъ, а будетъ стрѣльцу на стрѣльца искать, и Дмитрію ихъ судить во всякихъ управныхъ дѣлахъ, опричь разбои и татьбы съ поличнымъ, а въ татьбѣ и разбоѣ судить воеводамъ и ему, Дмитрію, быть съ воеводами тутожъ».

Наказъ, такимъ образомъ, опредѣляетъ для стрѣльцовъ два вида судовъ: судъ низшій, единоличный, стрѣleckаго головы, и высшій, коллегіальный, воеводы, съ участіемъ стрѣleckаго головы, — конечно, того полка, въ которому принадлежалъ обвиняемый. Подсудность низшимъ судамъ распространялась на дѣла уголовныя и гражданскія, но въ послѣднемъ случаѣ, когда истецъ и отвѣтчикъ были стрѣльцы. Начальствующія стрѣleckія лица низшаго ранга, какъ-то: сотники и другіе офицеры, низшему стрѣleckому суду, какъ полагаетъ Шенданиковскій въ своихъ лекціяхъ по исторіи военно-уголовнаго законодательства, не подлежали.

Воеводы, какъ извѣстно, были не только военными начальниками, но и гражданскими администраторами и судьями по важнымъ уголовнымъ дѣламъ, — конечно, тамъ, гдѣ не было губныхъ судовъ, — а стало-быть и стрѣльцы подлежали за разбой, грабежи и татьбу съ поличнымъ вѣдѣнію губныхъ судовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ такіе суды существовали.

Изъ наказа 1646 года архангелогородскому стрѣleckому головѣ видно, что стрѣleckіе головы по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, въ случаѣ сомнѣнія, обязаны были совѣтоваться съ воеводами.

При стрѣleckомъ судѣ былъ подъятій, а при судѣ воеводы — дьякъ. Дѣлопроизводство въ судахъ было письменное.

Вышними судами для войска въ мирное время были приказы, подъ вѣдѣніемъ конихъ и состояли войска. Такими приказами являлись: стрѣleckій, пушкарскій, иноземный, рейтарскій и разрядный, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича еще и казачій. Впрочемъ, вышними судами для войска, сообъ азуюсь съ мѣсторасположеніемъ войска, были и другіе приказы, какъ,

напримѣръ, Казанскаго дворца. Въ разрядномъ приказѣ судились полконики и вообще высшія начальствующія лица русскаго строя, а полковники и высшія начальствующія лица иноземнаго строя судились въ приказѣ иноземномъ. Что же касается до офицерскихъ чиновъ низшихъ ранговъ, то они подлежали судамъ воеводъ. Для дѣлъ ратныхъ, рѣшенныхъ низшими судами, приказы составляли послѣднюю, высшую судебную инстанцію.

Въ судахъ жалобы провѣрялись свидѣтелями, и вообще судопроизводство въ судахъ военныхъ въ мирное время ничѣмъ не отличалось отъ общаго уголовного и гражданскаго судопроизводства. Въ главѣ седьмой Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича говорится о судебной присягѣ.

Необходимо замѣтить, что въ семнадцатомъ столѣтіи, до образованія регулярной арміи въ царствованіе императора Петра Великаго, всѣ нѣмцы войска раздѣлялись на войска русскаго и иноземнаго строя *).

Между разнообразными указами Священной Римской имперіи встрѣчается указъ, позволяющій нѣмецкимъ подданнымъ вступать наемниками на русскую службу въ государства даже не союзныя съ означенною имперіею, подъ условіемъ соблюденія военныхъ постановленій Священной имперіи. Основаніемъ же этихъ постановленій было принято за правило, что если большинство полка принадлежало къ одной національности, то примѣнялись военные законы той націи, къ которой принадлежало большинство.

При полной разновидности, военные законы примѣнялись той національности, къ которой принадлежалъ начальникъ, на вербовавшій полкъ. Въ постановленіяхъ этии, какъ полагаетъ Шендзиковскій **), руководствовались находившіяся у насъ на службѣ иноземныя войска, и, дѣйствительно, въ штатѣ полка Лесли упоминается о «шультгейсѣ», т.-е. судѣ, а въ полку Герберта существовалъ профосъ. Впрочемъ, за общія тяжкія преступленія, какъ-то: за разбой, грабежъ и тѣбу съ полчищамъ иноземныя ратники подлежали у насъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ и судамъ наравнѣ съ русскими, по русскимъ законамъ, но за исключеніемъ полковниковъ и другихъ иноземныхъ высшихъ чиновъ, которые судились въ приказѣ иноземномъ. По дѣламъ гражданскимъ, тяжбы, исковымъ ратники иноземцы судились своими судами, но только въ томъ случаѣ, когда истецъ и отвѣтчикъ были иноземцы.

*) Въ семнадцатомъ столѣтіи русская военная сила состояла изъ ополченія русскаго и войска постоянного, которое въ свою очередь распадалось на войска русскаго строя и строя иноземнаго. Русскаго строя стрѣлцы составляли пѣхоту, и варки—артиллерію и кавалерійскіе полки, состоящіе изъ боярскихъ дѣтей, дворянъ, жельцовъ и крещеныхъ князей татарскихъ и мурзъ. Кромѣ того были казаки: степные и гвѣзды, городовые. Войско иноземнаго строя составляли рейтары и драгуны. Законы дисциплины попрежнему оставались не вполне опредѣленными, а на личныя мѣстничества много препятствовала установленію правильнаго порядка въ войскахъ. См. соч. „Русская военная сила“, составл. группою офицеровъ Генеральнаго штаба. Купинерова.

**) Лекціи по исторіи русскаго военно-уголовнаго законодательства, читаны профессоромъ Военно-Юридической академіи Шендзиковскимъ.

Сфера юрисдикции особыхъ судовъ для ратныхъ иноземцевъ постоянно, однако, суживалась, такъ что въ царствованіе Алексѣя Михайловича иноземцы нерѣдко судились и за преступленія по службѣ по законамъ русскимъ.

Особымъ порядкомъ судопроизводства выделялись дѣла о «пѣтчикахъ» и лицахъ, бѣжавшихъ изъ войска. Такія уклоненія отъ ратной службы, въ семнадцатомъ столѣтіи, были явленіями заурыядными, да и уклонялись преимущественно мѣстные владѣльцы, боярскіе дѣти и дворяне.

Разыскивать пѣтчиковъ и лицъ совершившихъ побѣгъ изъ службы поручалось воеводамъ, городovýmъ и областнымъ, а назваппыя лица отъ себя назначали для розыска приставовъ или особыхъ сыщиковъ. Задержанныхъ пристава и сыщики заключали въ тюрьму, а по спятіи съ нихъ допросовъ, порядкомъ розыскнымъ, дѣла о нихъ отсылали въ разрядный приказъ. При розыскѣ допускалась пытка и пытали не только пѣтчиковъ и бѣглыхъ, но и пристаподержателей и укрывателей такихъ лицъ, какъ это видно изъ указовъ 1654 и 1659 гг. Всѣ дѣла о пѣтчикахъ представлялись Разряднымъ приказомъ на усмотрѣніе самого царя, отъ котораго и зависло опредѣленіе наказанія.

Какъ выше было замѣчено, въ 1621 году уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки, былъ переведенъ и получить примѣненіе на правѣтѣхъ.

Упомянутый уставъ раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ, по только въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отдѣловъ обрисованы преступленія воинскія и главнымъ образомъ относящіяся до специальности пушкарей, а также порядокъ судопроизводства въ судахъ военныхъ по мирному и военному времени.

По уставу этому низшимъ судомъ для пушкарей былъ судъ пушкарскаго головы, но самое разбирательство дѣлъ производилось особымъ органомъ, посящимъ названіе «профоса».

Сфера юрисдикции пушкарскихъ судовъ была ограничена только преступленіями не тяжкими воинскими и общими, «безъ головами», а стало-быть тоже не тяжкими. Профосъ судилъ и постановлялъ приговоры, но приводилъ ихъ въ исполненіе только съ согласія пушкарскаго головы, которому онъ и докладывавалъ судныя дѣла.

Впрочемъ, такой порядокъ устанавливался только для мирнаго времени, а въ военное время профосъ могъ только судить по дѣламъ явнымъ, очевиднымъ, а въ дѣлахъ сомнительныхъ профосъ долженъ былъ задержать подозрѣваемое лицо и затѣмъ передать это лицо на судъ полевого маршала.

При постановленіи своихъ приговоровъ профосъ руководствовался наказами, въ мирное время, стрѣлцаго головы, а въ военное время полевого маршала *).

*) Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки, предусматриваетъ различнаго рода преступленія, которыя могутъ быть совершены какъ въ военное, такъ и въ мирное время, причемъ эти преступленія распадаются на преступленія, имѣющія общій военный характеръ, и спеціально пушкарскій—артиллерійскій. Къ серьезнымъ пушкарскимъ преступленіямъ отнесены преступленія по

Въ 1647 году былъ переведенъ у насъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ, какъ полагають генераль Обручевъ и покойный генераль Карцевъ, съ устава Карла V «Уставъ хитрости ратнаго строя». Въ уставѣ этомъ, между прочимъ, обрисованы нарушенія караульной службы, а также упоминается о полковомъ профосѣ, какъ судѣ.

Въ 1649 году было обнародовано Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Въ Соборное Уложеніе, какъ извѣстно, вошли положенія: изъ судебника царя Іоанна IV Васильевича, псковской судной грамоты, литовскихъ статутовъ и византійскихъ законовъ, преимущественно градскихъ.

Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича усматриваетъ наказанія за различныя преступленія довольно строгія, а смертная казнь примѣняется гораздо чаще, чѣмъ въ Судебникѣ царя Іоанна Васильевича. Собственно говоря, въ Соборномъ Уложеніи находится только нѣсколько главъ, специально относящихся до ратныхъ людей. Но законы формальные, военные остаются тѣ же, какіе существовали во время царствованія Михаила Феодоровича. Въ Соборномъ Уложеніи главы: седьмая, восьмая, десятая, вторая и двадцать четвертая могутъ быть отнесены къ законамъ, имѣющимъ до нѣкоторой степени военный характеръ: въ главѣ седьмой говорится вообще о службѣ ратныхъ людей, въ главѣ восьмой—о службѣ стрѣльцовъ, въ главѣ двадцать четвертой—объ атаманахъ и казакахъ, а главою девятой опредѣляется порядокъ военнаго судопроизводства. Вообще порядокъ военнаго судопроизводства устанавливается Соборнымъ Уложеніемъ, но мирному времени, нижеслѣдующій: для стрѣльцовъ и пушкарей постоянные полевые суды, а для иноземцевъ особые суды. Всѣ эти суды—низшіе, а высшіи судами были попрежнему суды воеводъ и приказы: стрѣleckій, пушкарскій, иноземный и разрядный. Судьями въ низшихъ судахъ были: стрѣleckіе и пушкарскіе головы и иноземные полковники. Однимъ словомъ, власть административная не отдѣлялась отъ власти судебной и кто управлялъ, тотъ и судилъ.

Въ такомъ положеніи находилось военное судопроизводство по мирному времени до полновлѣстія Петра Великаго. Впрочемъ, въ промежутокъ этого времени совершился фактъ весьма знаменательный, а именно: въ 1682 г. разрядныя книги и другіе документы, доказывающіе родовитость бояръ, были, по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича и съ согласія земскаго собора, сожжены, чѣмъ и облегчилось окончательное уничтоженіе мѣстничества.

Собственно говоря въ періодъ времени съ воцаренія Михаила Феодоровича до полновластнаго самодержавія Петра Великаго, у насъ, въ общар-

предмету сбереженія, храненія артиллерійскихъ орудій и снарядовъ и притомъ въ военное время. Не лишено интереса, что нарушеніе законовъ дисциплины пушкарями въ мирное время, какъ-то: ослушаніе, упорное неповиновеніе и уходъ со службой отнесены къ проступкамъ маловажнымъ, облагаемымъ незначительными наказаніями, причѣмъ, если же ованье пушкарю было не уплачено, то онъ могъ оставить службу безнаказанно. См. «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій до кончины Петра Великаго», соч. Розенгейма.

въ значеніи слова, военныхъ судовъ въ мирное время не существовало, или суды сословные. Состояніе нашей ратной силы, въ указанный періодъ времени, представляло крайне печальную картину. .

Подчиненность и степень власти военныхъ начальниковъ хотя и была сдѣлана, но охранять законы дисциплины было невозможно при наличности нравственной расшатанности военной силы, такъ что въ правленіе Софьи Алексѣевны нашему правительству приходилось вступать съ московскими стрѣльцами даже въ соглашеніе, чтобы прекратить своеволие стрѣльцовъ *).

Будучи еще юношей, Петръ Великій не только былъ свидѣтелемъ своего и необузданности московскихъ стрѣльцовъ, но вынужденъ даже былъ уходить отъ наслѣдія этого пресловутаго войска, умѣвшаго требовать, а подчиняться **). Вотъ почему, сдѣлавшись полновластнымъ самодержцемъ, основываясь съ порядками, существовавшими въ то время въ Западной Европѣ, Петръ Великій и рѣшился не только упразднить стрѣльцовъ, а образовать регулярную армію, но и всѣ общественные русскіе порядки сдѣлать по западно-европейскому масштабу ***).

Но въ характерѣ Петра Великаго было идти путемъ медленнымъ, не выходясь отъ бытовой народной почвы, а потому и понятно, что для доведенія намѣченной цѣли Петръ Великій рѣшился прибѣгнуть не къ соименію, а къ устрашенію.

Дѣйствительно, наказанія, опредѣляемые краткимъ воинскимъ уставомъ, кнутаго, и воинскимъ уставомъ Петра Великаго были не только строги, а жестоки: такъ, напримѣръ, смертная казнь распадалась на нѣсколько видовъ: сожженіе, расстрѣліаніе, повѣшеніе, четвертованіе, колесованіе, выкалѣваніе кусками тѣла, наказаніе шпидерутенами до конца живота и отсѣ-

*) Въ Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича наказаніе за побѣги изъ войскъ установлено крайне тяжкія, а именно: за первый побѣгъ наказаніе кнутомъ, за второй—наказаніе кнутомъ, денежное взысканіе и лишеніе одной десятой части земельной собственности, а за третій побѣгъ нещадное наказаніе кнутомъ и полное лишеніе недвижимой собственности.

Крайнею оригинальностью отличается распоряженіе правительства въ царствованіе Теодора Алексѣевича по отношенію къ вѣтчикамъ: такъ, если помѣстные владѣльцы скрывались изъ своихъ вотчинъ съ цѣлью уклониться отъ ратной службы, то преступные скрывавшіеся владѣльцы заключались въ тюрьму, гдѣ и находились до извѣстнаго владѣльца или до добровольнаго его возвращенія въ свою вотчину. См. исторію военно-судныхъ учрежденій въ Россіи до кончины Петра Великаго“, А. Розентейма.

**) Въ прекрасномъ сочиненіи Погодина подъ заглавіемъ: „Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни императора Петра Великаго 1672 1689 гг.“, подробно изложены бунты и ихъ причины.

***) Кавелинъ въ своемъ сочиненіи „О Россіи“, т. II, между прочимъ, говоритъ, что „Россія до Петра Великаго находилась въ очарованномъ кругу восточныхъ привычекъ и обычаевъ, и только съ Петра Великаго начинаетъ проникать въ Россію съ запада просвѣщеніе.“

ченіе головы, а наказанія исправительныя нерѣдко соединялись съ членогредительствомъ: отсѣченіемъ руки, ноги, языка и ушей. Если прослѣдить уголовные кодексы Западной Европы до конца первой половины восемнадцатаго столѣтія, то нельзя не замѣтить, что въ государствахъ Западной Европы наказанія были тоже жестоки, какъ, напримѣръ, въ Каролинѣ, т. е. въ уголовномъ кодексѣ императора Карла V. Кромѣ того, нѣкоторые преступленія въ Западной Европѣ были сформулированы на суетвѣрной почвѣ, что отчасти и перенесено въ наши уголовные законы въ царствованіи Петра Великаго.

Желая имѣть опытныхъ военныхъ инструкторовъ изъ иностранцевъ, Петръ Великій издалъ 16 апрѣля 1702 г. манифестъ, конемъ и приглашались иностранцы на службу въ наше войско.

Упомянутый манифестъ былъ распространенъ въ Западной Европѣ подъ названіемъ «плаката». Въ манифестѣ, изложенномъ довольно подробно, между прочимъ, говорится, что для завѣдыванія всѣми иностранцами, состоящими на русской службѣ, учреждается военная тайная коллегія, которая непосредственно и подчиняется самому царю. Кромѣ того, тѣмъ же манифестомъ устанавливались для иностранцевъ, состоящихъ на русской службѣ, особые суды, а на президента и членовъ военной тайной коллегіи возлагалось составленіе краткаго воинскаго артикула.

Краткій воинскій артикулъ былъ оконченъ въ 1706 г. и въ томъ же году получилъ примѣненіе на практикѣ.

Впрочемъ, до изданія краткаго воинскаго артикула, были проектированы, не получившіе однако примѣненія на практикѣ, Воинскій Уставъ генерала Вейде и Уложеніе генерала Шереметева *).

По краткому воинскому артикулу военные суды для мирнаго времени были двухъ видовъ: суды полковые низшіе и высшій генеральный; составъ судовъ коллегіальный. Президентами полковыхъ судовъ назначались штабъ-офицеры, а президентомъ генеральнаго суда былъ генералъ. Въ члены полковыхъ судовъ назначались: оберъ-офицеры по два отъ каждого чина и нижніе чины отъ сержанта до рядового включительно, тоже по два отъ каждого ранга. Членами генеральнаго суда были штабъ-офицеры по два отъ каждого чина и два капитана. Въ составъ полковыхъ судовъ входили аудиторы, а въ составъ генеральнаго—генералъ-аудиторъ. Лица эти были обязаны наблюдать за исполненіемъ судами требованій закона.

Приговоры судовъ поступали на конфирмацію военно-административной власти.

*) Въ Воинскомъ Уставѣ генерала Вейде, составленномъ въ 1698 г., упоминается о должности генерала-аудитора. Уложеніе генерала Шереметева, какъ полагаетъ Розенгеймъ въ своемъ сочиненіи: «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра Великаго», есть не болѣе какъ переводъ датскаго воинскаго артикула, короля датскаго Христіана V. Подсудность по уложенію распространялась не только на преступленія общія, но и воинскія.

Всѣ нижніе чины и оберъ-офицеры были подсудны полковымъ судамъ и не только за преступленія воинскія, но и общія. Генеральному суду были подсудны тоже за преступленія воинскія и общія штабъ-офицеры и чины интендантства, комиссаріатства. Кромѣ того, разсмотрѣнію генеральнаго суда подлежали дѣла по преступленіямъ, учиненнымъ цѣлыми командами.

Дѣла разсматривались въ судебныхъ засѣданіяхъ не публично.

Какому суду подлежали генералы, въ краткомъ артикулѣ ничего не говорится.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ обнародованія краткаго артикула, по повелѣнію императора Петра Великаго была составлена коммиссія для начертанія воинскаго устава, названнаго Воинскимъ Уставомъ Петра Великаго. Въ составъ коммиссіи вошли генералъ Вейде, генералъ-фельдцейх-мейстеръ Брюсъ и генералъ Винусъ, всѣ иностранцы, плохо знавшіе русскую бытовую жизнь.

Впрочемъ, при начертаніи Воинскаго Устава принималось въ соображеніе Соборное Уложеніе 1649 г. царя Алексѣя Михайловича, хотя главными источниками были: Уложеніе императора Карла V «Каролина» по преступленіямъ общимъ и военно-уголовные уставы: шведскій, саксонскій и датскій по законоположеніямъ военнымъ.

Воинскій Уставъ Петра Великаго, собственно говоря, раздѣляется на три части. Первая часть заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, постановленія административнаго характера, хотя въ этой части и говорится о скорорѣшительномъ судѣ и о нѣкоторыхъ должностяхъ военно-судебнаго и военно-полицейскаго характера.

Вторая часть посвящена изложенію постановленій, относящихся до военнаго артикула и законахъ формальныхъ, подъ заглавіемъ: «Краткое изображеніе процессовъ и судебныхъ тяжбъ».

Наконецъ, въ третьей части заключается постановленіе объ экзерциціяхъ, приготовленіяхъ къ маршу и о должностныхъ полковыхъ чинахъ.

Воинскій Уставъ Петра Великаго былъ оконченъ въ 1719 г., хотя вторая часть этого Устава была окончена еще ранѣе, а именно въ 1716 г., и въ томъ же году дѣйствіе военнаго артикула и краткаго изображенія процессовъ были распространены не только на военное вѣдомство, но и на гражданское, чѣмъ однако дѣйствіе въ гражданскомъ вѣдомствѣ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича не отменялось. Постановленія Воинскаго Устава Петра Великаго, а именно вторая часть этого Устава продолжала дѣйствовать въ военномъ вѣдомствѣ, правда, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, до 1839 г., т.-е. до изданія военно-уголовныхъ законовъ.

Нельзя однако не замѣтить, что многія постановленія второй части Воинскаго Устава Петра Великаго вошли въ Сводъ Военно-уголовныхъ законовъ 1839 года.

Впрочемъ, въ 1812 г. было издано Полевое Уложеніе, но Уложеніе это дѣйствовало въ военномъ вѣдомствѣ крайне недолго. Воинскій артикулъ

заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, законы матеріальныя *), имѣющіе лишь косвенное отношеніе къ намѣченной настоящей статьёю цѣли, а по-тому и перейдемъ къ краткой обрисовкѣ законовъ формальныхъ.

По Воинскому Уставу Петра Великаго, военные суды распадаются по мирному времени на два вида: суды полковые и генеральный судъ. Суды эти коллегіальныя, но непостоянныя и собираемыя на время по распоряженію высшей административной власти, которая и сформировываетъ составъ судовъ.

Относительно генеральнаго суда Шендзиковскій говоритъ, что судъ тотъ учреждался при арміи, т.-е. въ военное время, но едва ли это вѣрно, такъ какъ до подчиненія военныхъ судовъ военной коллегіи, для полковыхъ судовъ, судъ генеральный являлся судомъ высшей инстанціи.

Полковые суды въ мирное время учреждались при губернаторахъ и комендантахъ.

Составъ полковыхъ судовъ былъ нижеслѣдующій: президентъ штабъ-офицеръ и шесть ассессоровъ изъ оберъ-офицеровъ, два капитана, два поручика и два прапорщика.

До 1721 г. въ составъ полковыхъ судовъ входили и нижніе чины отъ сержанта до рядового включительно, но затѣмъ право участія въ составѣ полковыхъ судовъ нижнихъ чиновъ было уничтожено.

Президентомъ генеральнаго суда былъ главнокомандующій генералъ-аншефъ или генералъ высшаго ранга, а ассессорами назначались генералы и штабъ-офицеры по два отъ каждаго чина.

Въ виду того, какъ говоритъ Воинскій Уставъ, что въ полковомъ судѣ, крѣгъ-рехтѣ, «обрѣтаютъ только офицеры, отъ которыхъ особеннаго искусства въ правахъ требовать не можно», и были учреждены аудиторы, какъ опытные юристы, «ибо отъ нихъ Воинскій Уставъ требуетъ добраго искусства въ правахъ». Аудиторы, составляя какъ бы постоянный судебный органъ, раздѣлялись на классы: генераль-аудиторъ, оберъ-аудиторы и аудиторы. Лица эти обязаны были наблюдать не только за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, но также и за тѣмъ, чтобы суды рѣшали дѣла безъ всякаго лицепріятія.

*) Воинскій артикулъ гредусматриваетъ и преступленія, построенныя на суевѣрной почвѣ и перенесенныя изъ „Каролины“, причемъ за чернокнижіе, волшебство и заговоръ ружья опредѣлено сожженіе только въ томъ случаѣ, когда будетъ обнаружено явное сношеніе съ дьяволомъ. Въ царствованіе императора Петра Великаго иногда обвинялись въ волшебствѣ и въ сношеніи съ дьяволомъ цѣлыя селенія. Насколько трудно было производить разслѣдованіе по такимъ преступленіямъ видно изъ примѣчанія В. Н. Татищева. Къ одному изъ указовъ царя Іоанна IV Васильевича Грознаго см. изданія академика Миллера подъ заглавіемъ „Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича и указы сего царя и его преемниковъ, собранныя В. Н. Татищевымъ и дополненныя его примѣчаніями“. Сочиненіе это издано въ 1763 г. и составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость.

Полковымъ судамъ были подсудны нижніе чины и оберъ-офицеры за всѣ преступленія, какъ общія, такъ и воинскія, а также полковымъ судамъ подлежали дѣла гражданскія.

Генеральному суду были подсудны генералы и штабъ-офицеры за всѣ преступленія какъ общія, такъ и воинскія. Кроме того, генеральный судъ разсматриваетъ дѣла по преступленіямъ, совершеннымъ цѣлыми командами, а также судить нижнихъ чиновъ и оберъ-офицеровъ за оскорбленія Его Императорскаго Величества, фельдмаршала и высшихъ офицеровъ.

Генераль-аудиторъ заведывалъ военною канцеляріей, а въ военное время исполнять обязанности чисто-дипломатическія.

Помощниками генераль-аудитора были оберъ-аудиторы, а письмоводствомъ въ генеральномъ судѣ заведывалъ секретарь или протоколистъ. Въ полковыхъ судахъ аудиторы записывали сами. Дѣла разсматривались въ судахъ не публично и всякое оглашеніе судебныхъ дѣлъ воспрещалось закономъ.

Короче говоря, военно-уголовный процессъ имѣлъ характеръ процесса тайнаго, инквизиціоннаго.

Суды функционировали до 1719 г. подъ наблюденіемъ главнокомандующаго генераль-аншефа, кому и представлялись на конфирмацію приговоры военныхъ судовъ, а съ 1719 г. право наблюденія за всѣми военно-судебными учрежденіями было перенесено на военную коллегію, гдѣ и сосредоточивались всѣ судебные приговоры. Приговоры о нижнихъ чинахъ военная коллегія конфирмовала сама, объ офицерахъ представляла на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Воинскій Уставъ Петра Великаго высказываетъ какъ общее правило, что «никого ниточію не наказывать ниже штрафовать безъ фергерунга и криксъ-рехта». Подъ фергерунгомъ разумѣлось слушаніе въ судѣ дѣла, а подъ криксъ-рехтомъ рѣшеніе дѣла.

Впрочемъ, военно-административной власти было предоставлено широкое право наложенія наказаній порядкомъ дисциплинарнымъ.

Преданіе суду по Воинскому Уставу Петра Великаго предоставлено военно-административной власти, которой, собственно говоря, и принадлежало право возбуждать уголовное преслѣдованіе, хотя право это отчасти распадалось между военнымъ начальствомъ и фискалами.

Фискалы, по Воинскому Уставу Петра Великаго, состояли при полкахъ, дивизіяхъ, крѣпостяхъ и арміи. Всѣ фискалы подчинялись генераль-фискалу, находившемуся при арміи.

Фискалы были обязаны доносить о совершенныхъ военно-служащими преступленіяхъ, соединенныхъ съ ущербомъ казны, генераль-криксъ комиссару, а безъ ущерба для казны непосредственно военнымъ судамъ. Возбуждать уголовное преслѣдованіе по преступленіямъ, соединеннымъ съ ущербомъ казны и учиненнымъ военно-служащими, предоставлено генераль-криксъ комиссару, отъ котораго зависѣло направлять дѣла порядкомъ судебнымъ или административнымъ.

По дѣламъ о казнокрадствѣ офицеры, согласно указа отъ 7 мар 1721 г., судились въ сенатѣ.

Въ виду неаккуратнаго поступленія въ казну подушныхъ денегъ, которыя, главнымъ образомъ, обращались на содержаніе арміи, императоръ Петръ Великій «плакатомъ» и инструкціями къ командирамъ полковъ отъ 24 іюня 1724 г. повелѣлъ образовывать полковые суды. Суды эти были обязаны не только заботиться о правильномъ сборѣ подушныхъ денегъ, но наблюдать за мѣстною администраціею. Кромѣ того, на полковые суды учрежденные при полкахъ, было возложено разсмотрѣніе дѣлъ по личнымъ обидамъ, нанесеннымъ жителями воинскими чинами, и обратно, но безъ причиненія увѣщій.

По второй части Воинскаго Устава Петра Великаго процессъ въ военныхъ судахъ можетъ быть раздѣленъ на три отдѣла.

Въ первому отдѣлу должны быть отнесены всѣ дѣйствія приготовительныя, такъ: по искамъ гражданскимъ челобитчикъ подаетъ жалобу, отвѣтчикъ даетъ отвѣтъ на жалобу, челобитчики на отвѣтъ возраженіе, а отвѣтчикъ на возраженіе опроверженіе.

Всѣ эти дѣйствія могутъ быть словесныя или заключаться въ производствѣ письменномъ. По дѣламъ уголовнымъ слѣдовалъ предварительный розыскъ, но только въ случаѣ несознанія обвиняемаго. Челобитчикъ можетъ подавать жалобу и фискалу. Челобитчикъ и фискалъ за ложныя жалобы ложные доносы подвергались тяжкимъ наказаніямъ.

Второй отдѣлъ процесса составляетъ допросъ въ судѣ обвиняемаго свидѣтелей, проверку письменныхъ доказательствъ и сопоставленіе уликъ. Въ числу уликъ отнесенъ и пристрастный допросъ, т.-е. пытка. Свидѣтели сортируются по ихъ общественному положенію такъ: показаніе мужчины признается болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ показаніе женщины, показаніе духовнаго лица—передъ свѣтскими, ученаго—передъ не ученымъ и т. д.

Показаніе не менѣе двухъ свидѣтелей признается за вѣсомую улику. Показаніе обвиняемаго и свидѣтелей записывалось въ журналы, въ полковыхъ судахъ аудиторами, а въ генеральномъ—секретаремъ.

Въ 1723 году письмоводство въ полковыхъ судахъ увеличено тѣмъ, что аудиторы, по преступленіямъ общимъ обязаны были составлять выписки изъ дѣлъ.

Третья часть процесса заключается въ постановленіи приговоровъ, хотя приговоры постановлялись по большинству голосовъ, но не по внутреннему убѣжденію судей, а на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ. Приговоры постановлялись: обвинительные, оправдательные, оставленіе въ подозрѣніи.

Въ 1721 году была учреждена коммиссія для пересмотра Воинскаго Устава Петра Великаго. Въ составъ оной коммиссіи вошли: генералы—Банинъ, Матюшкинъ, полковники—Болтинъ, Пестриковъ, Есиповъ, Сукинъ, генераль-аудиторъ Центеровъ. Труды коммиссіи извѣстны, но вполнѣ

Въи уже, послѣ кончины императора Петра Великаго, артикулъ былъ исправленъ и наказанія смягчены. Такимъ образомъ въ царствованіе императора Петра Великаго у насъ, по примѣру западно-европейскихъ государствъ, устанавливается вполнѣ уголовный процессъ тайнаго инквизиціоннаго характера въ судахъ не только военныхъ, но и общихъ уголовныхъ. Существовавшіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія различные приказы въ концѣ царствованія императора Петра Великаго окончательно упраздняются или преобразовываются въ канцеляріи и все переформируется по западно-европейскому масштабу, а все прежнее старое бытовое окончательно разрушается и уничтожается.

Вопросъ о подсудности не только военной, но и общей въ царствованіе императора Петра Великаго не былъ вполнѣ разрѣшенъ. Юрисдикція судовъ не была точно опредѣлена, а потому и судамъ общимъ нерѣдко приходилось разсматривать дѣла о воинскихъ чинахъ и по преступленіямъ даже воинскимъ. Принималось въ соображеніе скорѣе не сословное положеніе лицъ, а мѣсто совершенія преступленія.

Вотъ почему послѣ кончины императора Петра Великаго наше правительство обнаруживаетъ свою заботливость по предмету разрѣшенія вопроса о военной подсудности. Въ царствованіе императрицы Екатерины I указомъ отъ 3 марта 1726 года военная подсудность ограничена была только преступленіями специально воинскими, а за учиненіе преступленій общихъ воинскіе чины подлежали вѣдѣнію судовъ общихъ уголовныхъ. Тотъ же указъ и упразднялъ полковничьи суды, образованные императоромъ Петромъ Великимъ, главнымъ образомъ, для урегулированія сборовъ подушныхъ и наблюденія за провинціальною администраціей. Впрочемъ, для сужденія членовъ гвардіи былъ установленъ особый порядокъ.

Съ царствованіе императрицы Анны Іоанновны военная подсудность начинаетъ расширяться: такъ, указомъ отъ 1733 года запрещалось воинскихъ чиновъ, задержанныхъ въ Москвѣ, судить полицеймейстерской канцеляріи и повелѣвалось такихъ чиповъ высылать для сужденія въ свои полки.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны *) военная подсудность все болѣе и болѣе расширяется, такъ что по вопросу о подсудности воинскихъ чиновъ уже возникаютъ пререканія между военною коллегіей и сенатомъ. Въ 1761 г. военная подсудность была распространена на горное вѣдомство, а въ царствованіе императрицы Екатерины II **) и на землемѣровъ, но только по преступленіямъ, тѣсно связаннымъ съ ихъ профессиональною дѣятельностью. Въ то же царствованіе были восстановлены полковничьи суды, но только для разсмотрѣнія дѣлъ о личныхъ обидахъ, нанесенныхъ мѣстными жителями офицерамъ и обратно. Суды эти назывались съѣздными, такъ какъ въ составъ ихъ входили и гражданскія лица.

*) Въ 1754 г. была отмѣнена смертная казнь, хотя на практикѣ она и примѣнялась по государственнымъ преступленіямъ.

** Въ 1779 г. отмѣнена пытка и пристрастный допросъ.

Въ 1780 году воспрещено ревизіонной комиссіи при сенатѣ вмѣшиваться въ дѣла, подлежащіе разсмотрѣнію военныхъ судовъ, даже если дѣла и были соединены съ казеннымъ интересомъ. Хотя въ 1780 году инскіе чины могли судиться за преступленія общія въ уголовныхъ судахъ гражданскаго вѣдомства, но только въ случаѣ отдаленности полковыхъ судовъ отъ мѣста задержанія преступника, причемъ общіе уголовные суды должны были постановленные ими приговоры о воинскихъ чинахъ представлять на копфирмацію военно-административной власти.

Въ 1792 году, однако, было разъяснено, что общіе уголовные суды могли судить только нижнихъ чиновъ, но не изъ дворянъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II слѣдствіе было вполнѣ отдѣлено отъ судебного производства. На недостаточную профессиональную подготовку аудиторовъ было обращено вниманіе еще императоромъ Петромъ Великимъ, но только лишь въ 1765 году въ Шляхетскомъ кадетскомъ вѣдѣніи была учреждена каеэдра по юриспруденціи, и въ аудитеры выпускались воспитанники, неспособные къ строевой службѣ. Въ 1795 году появились гражданскіе, тяжбамъ и искамъ военно-служащіе были уже подсудны судамъ гражданскимъ.

Въ царствованіе императора Павла I военная подсудность вполнѣ упрочивается, а военные суды получаютъ полное обособленіе отъ судовъ гражданскихъ уголовныхъ и гражданской администраціи. Высшимъ судебнымъ органомъ для судовъ военныхъ является генераль-аудиторіатъ, учрежденный въ 1797 году.

Слѣдствія объ офицерахъ и унтеръ-офицерахъ производятся уже аудиторами, состоящими при полкахъ. Учрежденные въ царствованіе императрицы Екатерины II въ С.-Петербургѣ постоянный «крикъ-рехтъ» и генеральный судъ въ царствованіе императора Павла I были упразднены.

Въ 1805 году генераль-аудиторіатъ былъ преобразованъ. Главою генераль-аудиторіата былъ генераль-аудиторъ, который въ обширномъ значеніи слова завѣдывалъ военно-судною частью не только арміи, но и флота. Составъ генераль-аудиторіата былъ коллегіальный. Генераль-аудиторіату принадлежала также власть копфирмовать приговоры о нижнихъ чинахъ.

Въ 1812 году генераль-аудиторіатъ былъ раздѣленъ на два департамента: одинъ для военно-сухопутнаго вѣдомства, а другой для морскаго. Военные суды въ царствованіе императора Павла I и императора Александра I были не постоянные, а временные, собираемые по каждому дѣлу отдѣльно. Составъ судовъ былъ коллегіальный, и въ засѣданіи суда присутствовалъ аудиторъ или оберъ-аудиторъ.

Военная подсудность въ царствованіе императора Александра I была распространена не только на военно-служащихъ и чиновниковъ военны

*) Въ Наказѣ императрицы Екатерины II проводится мысль, что каждый долженъ быть судимъ ему равными. Наказъ императрицы Екатерины II составляетъ передѣлку извѣстнаго въ то время сочиненія Бекарія.

вѣдомства, но и на вѣдомства: горное, путей сообщенія, межевое и по государственному коннозаводству. Кромѣ того, военными судами судились гражданскія лица за политическія преступленія.

Въ царствованіе императора Николая I, а именно въ 1832 году, аудиторскіе департаменты были преобразованы по примѣру департаментовъ сѣнатовъ. Генералъ-аудиторамъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ была предоставлена власть наблюденія, порядкомъ ревизіоннымъ, за военно-судебными дѣлами и учрежденіями. Кромѣ того, аудиторіатскимъ департаментамъ было предоставлено право составленія проектовъ по военнымъ законоположеніямъ.

Въ томъ же году была образована аудиторская школа для подготовленія аудиторовъ.

Въ 1836 году временные военные суды были преобразованы въ постоянные. Суды эти находились при комендантскихъ управленіяхъ, «ордонансгаузахъ». Суды состояли изъ постоянныхъ презуса и ассессора, назначаемыхъ изъ офицеровъ безъ всякой юридической подготовки и, притомъ, нередко причисленныхъ къ комитету о раненыхъ. Въ судѣ принималъ участіе аудиторъ, который не только охранялъ законъ, но и руководилъ судебнымъ засѣданіемъ. Процессъ былъ тайный, письменный. Аудиторы обязаны были дѣлать выписки изъ дѣлъ, а приговоры представлялись на конfirmaцію военнаго начальства.

Военная подсудность въ царствованіе императора Николая I была расширена до послѣдняго напряженія. Военнымъ судамъ подлежали до тридцати категорій лицъ и до сорока категорій общихъ преступленій. Независимо отъ военно-служащихъ были подсудны военнымъ судамъ за всѣ преступленія: гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, офицеры, состоящіе на службѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, нижніе чины, находящіеся въ безсрочномъ и въ продолжительномъ отпускахъ, кантониеты, находящіеся на воспитаніи у родственниковъ, поступившіе изъ кантонистовъ на службу по гражданскимъ учрежденіямъ Закавказскаго края, назначенные изъ унтеръ-офицеровъ смотрителями почтовыхъ станцій, арестанты въ крѣпостяхъ, члѣны вѣдомства въ обширномъ значеніи слова по горному, дѣльному, межевому, путей сообщенія и т. д. Кромѣ того, военнымъ судамъ были подсудны гражданскія лица за извѣстныя, между прочимъ, преступленія, какъ, на примѣръ: за вражду военнаго имущества, сопротивленіе евреямъ къ отбыванію воинской повинности, за контрабанду, нарушеніе карантинныхъ правилъ, поединки дерптскихъ студентовъ и за другія важныя общія преступленія.

Объяснить такое расширеніе военной подсудности можно, пожалуй, тѣмъ, что военные суды, находясь въ полной зависимости отъ военной администраціи, отличались неподкупностью. Наконецъ, въ военныхъ судахъ отсутствовало волокитство дѣлъ. Что же касается до аудиторовъ, то хотя они и не имѣли научной юридической подготовки, но были опытные въ примѣ-

неніи законовъ. Не останавливаясь, однако, на всѣхъ изгнбахъ нашего стараго военнаго судопроизводства, перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ военно-судебной реформы, послѣдовавшей въ царствованіе императора Александра II, и указанію тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ возможна полная реорганизация нашего военно-уголовнаго процесса *).

Въ заключеніе краткаго историческаго очерка еще необходимо замѣтить, что установившемуся вполнѣ, со времени Наказа императрицы Екатерины II, теоріей формальныхъ доказательствъ продолжали руководствоваться военно-судебныя учрежденія въ Сибири до 1888 г., когда въ указанной мѣстности были учреждены военные суды новаго образца.

Н. П. Хитрово.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Въ царствованіе императора Николая I смертная казнь, по мирному времени, для нижнихъ чиновъ непривилегированнаго сословія была замѣнена (наказаніемъ плетеными до шести тысячъ ударовъ).

Публицистъ-идилликъ.

(М. О. Меньшиковъ: «Думы о счастьѣ». Спб., 1898 г.—Онъ же: «О писательствѣ». Спб., 1898 г.)

„О, я прамехонько иду въ гѣса Аркадіи счастливой!“
Крыловъ („Волкъ и кукушка“).

„Всякое судебное мѣсто снисходительнѣе
осуждаетъ, нежели записные филантропы и
люди, сознающіе себя честными и добрыми“.
Герценъ („Капризы и раздумье“).

I.

«Книга—корабль мысли,—говоритъ Бэконъ.—Выпуская эту небольшую книгу въ океанъ времени, гдѣ волнуются человѣческія сердца,—авторъ желаетъ ей не слишкомъ жестокихъ бурь и гостепріимныхъ береговъ. Naveat sua fata libelli... Я не желаю своей книгѣ иной судьбы, чѣмъ та, которую она заслуживаетъ».

Такъ, не безъ нѣкоторой торжественности, говоритъ г. Меньшиковъ въ предисловіи къ своей книгѣ *О писательствѣ*. Другая, болѣе значительная, книга того же автора *Думы о счастьѣ* не снабжена предисловіемъ, но, конечно, только-что цитированныя нами слова всецѣло примѣняются и къ ней. Съ своей стороны, мы присоединяемся къ пожеланіямъ автора и разделяемъ его надежды: обѣ его книги не заслуживаютъ бурь и вправѣ рассчитывать на гостепріимство читателей. Это не большіе корабли, которымъ предстоитъ большое плаваніе, это красивенькія любительскія яхточки, предназначенныя для мирныхъ прогулокъ по какому-нибудь средиземному морю, давнымъ-давно вдоль и поперекъ изѣзженной, имѣющему превосходныя карты. Все будетъ благополучно,—не надо только за Геракулесовы столбы заплывать и отъ Сциллы и Харибды стараться подалѣе курсъ держать. Г. Меньшиковъ не обидится, если я предложу ему свои услуги въ качествѣ лопсана,—не обидится потому, что въ томъ же предисловіи онъ самъ говоритъ: «не учить я хочу,—это не моя эра,—а лишь подѣлиться впечатлѣніями человѣка, желающаго научить».

ся». Вотъ и прекрасно: будемъ дѣлиться впечатлѣніями, будемъ учиться другъ у друга, будемъ совѣтоваться другъ съ другомъ—и намъ, быть-можетъ, удастся достигнуть тихой гавани Истины. Съ перваго же раза я совѣтовалъ бы г. Меньшикову оставить курсъ на Элладу, потому что хоти въ Элладѣ и находится Аркадія, но я вѣрно увѣренъ, что въ Аркадіи не находится того, что намъ нужно.

Какое изобиліе метафоръ! Поводъ къ нимъ однако подалъ ниѣ самъ г. Меньшиковъ, съ которымъ теперь читателю и предстоитъ познакомиться. Поздравляю читателя: онъ дѣлаетъ интересное и полезное знакомство. Г. Меньшиковъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, во всѣхъ литературахъ немногочисленныхъ писателей, которые смотрятъ на свое дѣло не какъ на ремесло, а какъ на миссію. «Это мои думы о томъ, о чемъ думаетъ каждый, кто со страхомъ и трепетомъ смотритъ на служеніе Слову», такъ говорить г. Меньшиковъ въ своемъ предисловіи, и это въ его устахъ, кажется, не фраза. Общій тонъ его писаній отличается не только глубокою серьезностью, но и какою-то тихою задумчивостью и почти молитвенною сосредоточенностью. Г. Меньшиковъ не улыбнется, не пошутитъ и по сторонамъ не оглядывается,—онъ держитъ себя въ литературѣ такъ, какъ религиозный человѣкъ держитъ себя въ храмѣ. Правда, онъ часто противорѣчитъ самъ себѣ, но искренность его несомнѣнна и тогда, когда онъ говоритъ «да», и тогда, когда онъ по тому же вопросу говоритъ «нѣтъ»: онъ только недостаточно продумалъ свои темы, вотъ и все. Противъ логики онъ, дѣйствительно, часто погрѣшаетъ, но противъ совѣсти—никогда. Казалось бы, какъ это возможно? Какъ возможно на одной страницѣ съ убѣжденіемъ утверждать, а на другой страницѣ съ не меньшимъ убѣжденіемъ отрицать? А я попрошу читателя вспомнить знаменитаго Каратаева изъ романа *Война и миръ*. По замѣчанію Толстого, «Каратаевъ часто говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то, и другое было справедливо»,—и это самое можно сказать о г. Меньшиковѣ. Дѣло въ томъ, что Каратаевъ говорилъ поговорками и пословицами, г. Меньшиковъ говорить афоризмами и сентенціями, и именно поэтому они оба неизменно, несмотря на свои противорѣчія: всякая пословица, какъ и всякій афоризмъ, представляютъ собою нѣкоторое огульное наблюденіе и нѣкоторое общее сужденіе, непремѣнно заключающее въ себѣ свою долю истины, которую надо только пристроить къ надлежащему мѣсту. «На Бога надѣйся, а самъ не плошай», скажетъ Каратаевъ въ одномъ случаѣ; «на Бога положишься—не обложишься», скажетъ онъ въ другомъ случаѣ; «Божью власть не руками скласть», скажетъ онъ въ третьемъ случаѣ, и во всѣхъ случаяхъ будетъ правъ, потому что и случаи, по поводу которыхъ онъ изрекаетъ, были между собою существенно различны. Да, бываетъ и такъ, что человѣкъ выручаетъ изъ тисковъ сама судьба, помимо всякихъ усилій со стороны самого субъекта, выручаетъ такъ называемый счастливый случай,—и тутъ Каратаевъ скажетъ свое мудрое «не обложишься»; бываетъ такъ, что человѣкъ побѣждаетъ обстоятельства единственно силою своей энергіи,—

и тутъ Каратаевъ изречетъ: «вотъ что значить самому не плошать»; бы-
 ваетъ, наконецъ, и такъ, что въ результатъ борьбы человѣка съ жизнью
 получается нѣчто непредвидѣнное, худое или хорошее, но нигдѣ не ожи-
 данное, и это будетъ значить, что «Божью власть не руками слагать».
 Каратаевъ окажется опять правъ. То же самое мы находимъ и у г. Менъ-
 шикова, точно такова и его всегдашняя искренность и «правота». Вотъ,
 наприм., на стр. 7 своей книги *Думы о счастьи* г. Менъшиковъ утверж-
 даетъ, что «въ сущности любить, какъ и ненавидѣть—можно только дру-
 гихъ, *тотъ маленький міръ близкихъ, съ которыхъ живешь душою*»
 (курсивъ мой), а на стр. 46 онъ же говоритъ: «тепличное существованіе
 несносно. Живой душѣ хочется благодатнаго *климата* (курсивъ автора),
 любви, родственной, атмосферы, чего не даетъ кружокъ друзей и что *мо-
 жетъ дать лишь большой человеческій міръ* (курсивъ мой), вамъ сочув-
 ственный». Какъ вамъ это нравится? Или вотъ другой примѣръ: на стр. 28
 той же книги г. Менъшиковъ съ убѣжденіемъ говорить, что «выросшая и
 остающаяся въ деревнѣ престолярная интеллигенція, не имѣющая со-
 словнаго и профессиональнаго отчужденія отъ народной массы,—развѣ она
 не желательна? Нѣкоторые видѣли въ ней прямо спасеніе Россіи, хотя и
 не вѣрно полагали, что такая интеллигенція можетъ создаться путемъ пере-
 селенія образованныхъ людей «на землю». Переселеніе изъ городовъ едва
 ли возможно въ замѣтныхъ размѣрахъ». Помните же, читатель: не стоитъ
 садиться «на землю», это *неверная* мысль. Но на стр. 49 читаемъ: «Только
 поселившись въ деревнѣ и сдѣлавшись крестьяниномъ (насколько это воз-
 можно), образованный человѣкъ искренно пожалеетъ народъ, только тогда
 онъ восчувствуетъ въ себѣ народную душу, найдетъ родство съ ней. Это
 не будетъ смертью интеллигенціи,—совсѣмъ напротивъ!—это будетъ ея воз-
 рожденіемъ». Третій примѣръ: воздѣйствіе нашей неслужилой интеллиген-
 ціи на практическій ходъ дѣлъ совершенно ничтожно,—вотъ мысль автора.
 «Даже при искреннемъ желаніи быть полезной своей странѣ, при наличіи
 литературныхъ дарованій, русская политическая печать все-таки ничтожна,
 она представляетъ собою голосъ, очень робко и фальшиво вопіющій въ
 пустынь: мнѣніе департаментскаго столоначальника значить гораздо больше,
 нежели статья талантливаго публициста». Это напечатано на стр. 39, а
 на стр. 59 читаемъ: «несправедливо было бы утверждать, что министерства
 вовсе не пользуются трудами общества: если труды серьезные, то канце-
 ларія имъ очень рады, и если не всегда принимаютъ къ дѣлу, то не отъ
 недостатка желанія». Такъ какъ я пока не спорю съ г. Менъшиковымъ,
 а только характеризую его, то этихъ трехъ примѣровъ достаточно. Ника-
 кая діалектика не ухитрится примирить логически утвержденія г. Менъши-
 кова съ его отрицаніями (я привелъ только три, но берусь привести хоть
 сто три примѣра), но его искренность во всѣхъ случаяхъ не подлежитъ
 сомнѣнію. Благодаря афористической манерѣ своего изложенія, г. Менъши-
 ковъ легко не замѣчаетъ своихъ противорѣчій, а по существу его утвержде-
 нія также какъ и его отрицанія, не представляютъ собою ничего явнаго

premise

нелѣпаго. Интеллигенція наша должна садиться на землю—это мысль. Интеллигенція наша не должна садиться на землю—это тоже мысль. Обѣ эти мысли—совсѣмъ не аксіомы уже по одному тому, что онѣ взаимно уничтожаютъ другъ друга, въ равной мѣрѣ нуждаются въ доказательствахъ, въ детальной разработкѣ, должны явиться не предпосылками, а выводами, въ концѣ, а не въ началѣ и не въ серединѣ рѣчи. Г. Меньшиковъ придерживается другой, гораздо болѣе легкой манеры. Онъ, совершенно какъ Каратаевъ, богатъ не доказательствами, а разными благомысленными реченіями, которыхъ у него большой запасъ, чужого и собственного изобрѣтенія, и онъ пользуется этими реченіями широко, придавая имъ, посредствомъ маленькой и простенькой частицы *не*, то положительный, то отрицательный смыслъ: интеллигенція должна, интеллигенція *не* должна, человекъ можетъ любить только друзей, человекъ *не* можетъ любить только друзей. Почему должна или не должна, можетъ или не можетъ? Только и единственно потому, что такъ слѣдовало сказать по общему ходу мыслей той главы книги, которую въ ту минуту писалъ г. Меньшиковъ. И онъ во всѣхъ случаяхъ правъ, но *по-каратаевски*. Да, при извѣстныхъ условіяхъ извѣстная часть интеллигенціи *должна* садиться на землю, при отсутствіи этихъ условій *не должна*. Да, любить (одного рода любовью) можно только немногихъ близкихъ людей, но любить (другого рода любовью) можно только большой человѣческій міръ—свое отечество, наприм. Да, наша политическая печать лишена всякаго officialнаго вліянія; да, къ голосу нашей политической печати прислушиваются люди позначительнѣе департаментскихъ столоначальниковъ. О какой печати рѣчь? О политической, отвѣчаетъ г. Меньшиковъ. Такъ, но, видите ли, Чернышевскій былъ талантливый политическій писатель и Катковъ былъ талантливый политическій писатель, но въ «канцеляріяхъ» ихъ писанія находили весьма различный приѣмъ. *Какая интеллигенція, какая любовь, какая печать?* Только поставивъ эти вопросы, мы становимся сами на почву дѣйствительнаго анализа, обобщающаго положительные результаты. Но г. Меньшиковъ не любитъ анализа или точнѣе—не владѣетъ его оружіемъ, хотя, впрочемъ, и синтеза настоящаго у него тоже нѣтъ. Онъ говоритъ «вообще», подкрѣпляя одинъ афоризмъ другимъ, который въ свою очередь подкрѣпляется третьимъ, а этотъ четвертымъ или просто оставляется на вѣру читателю. Развѣ такъ можно рѣшать какіе бы то ни было вопросы? *)

*) Г. Меньшиковъ, кажется, математикъ по образованію, и я, собственно для него, предложу ему сравненіе изъ области низшей математики. Дана такая система уравненій первой степени: $x = \frac{y}{2}$, $y = \frac{z}{2}$, $z = 4x$. Какъ найти неизвѣстныя? Всякій математикъ тутъ улыбнется и скажетъ, что никакой системы уравненій тутъ нѣтъ, а есть неопредѣленное уравненіе, допускающее безчисленное множество одинаково удовлетворительныхъ рѣшеній. Нѣтъ системы уравненій, потому что нѣтъ условій, связующихъ ихъ въ одно цѣлое, а есть только замаскированное повтореніе этихъ условій: если x равенъ половинѣ y , который равенъ половинѣ z , то, *implicit*, x равенъ четверти z . Если мы дадимъ z определенное значеніе, тогда, дѣйстви-

Г. Меньшиковъ не столько публицистъ, сколько поэтъ, и статьи его— не теоретическія разсужденія, а лирическія «стихотворенія въ прозѣ». Онѣ имѣютъ значеніе не по своему *построенію*, а по своему *настроенію*, не по своей *убѣдительности*, а по своей *заразительности*. Недавно г. Меньшикова постигло несчастье выслушать въ печати (въ очень распространенномъ органѣ къ тому же) упрекъ себѣ въ *фарисействѣ*. Назвать писателя фарисеемъ гораздо болѣе обидно, нежели назвать чиновника карьеристомъ или купца — кулакомъ, или офицера — трусомъ. Хуже всего, что писатель лишентъ всякой возможности оборониться отъ такого упрека, потому что искренность писателя чувствуется, а не доказывается,—доказать ее можно только трудомъ или даже подвигомъ цѣлой жизни:

И только трутъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймуть,
И какъ любилъ онъ, ненавида!

Но вѣдь до примиренія и оправданія черезъ смерть писателю надо еще жить и, быть можетъ, долго жить, и каково же ему работать подъ тяжестью всенароднаго обвиненія въ неискренности, въ лицемеріи, въ фарисействѣ? Такъ вотъ *эту* тяжесть мнѣ хотѣлось бы снять съ г. Меньшикова *). Это нужно сдѣлать не только въ видахъ отвлеченной справедливости, но и въ интересахъ практической необходимости: если г. Меньшиковъ неискрененъ, то нѣтъ писателя Меньшикова и нѣтъ смысла подвергать его какой-либо критикѣ. Г. Меньшикову, какъ публицисту, какъ строителю формъ жизни, какъ мыслителю, я сказалъ бы всего только двѣ строки изъ сатиры старика Кантемира:

Уме незрѣлый, плодъ недолгой науки,
Покойся! Не понуждай къ перу мои руки!

И это не было бы высокомеріемъ, а было бы только справедливостью: главная логика г. Меньшикова много отношенія къ себѣ не заслуживаетъ. А я, однако, считаю г. Меньшикова замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ—особенно для нашей эпохи—и не изъ ироніи, но вполне серьезно поздравляя выше читателя съ знакомствомъ съ нимъ. Постоянно высокий строй мысли г. Меньшикова, его тихое, но никогда не ослабѣвающее воодушевленіе, его глубокая вѣра въ призваніе и достоинство человека, его

только, мы будемъ имѣть систему уравненій, имѣющихъ только одно рѣшеніе. Точно также, если г. Меньшиковъ убѣдительно обоснуетъ хоть одинъ свой главный афоризмъ, онъ получитъ систему воззрѣній, которой у него теперь нѣтъ, а есть вотъ что: народъ нашъ прекрасенъ, ибо чуждъ нашей гнилой цивилизаціи ($x = \frac{y}{2}$), а цивилизація гнила, ибо убиваетъ въ человѣкѣ его лучшія свойства ($y = \frac{x}{2}$), а цивилизація убиваетъ, ибо, посмотрите, въ нецивилизованномъ народѣ эти свойства сохранились ($x = 4x$). Такъ нельзя, г. Меньшиковъ...

*) Я достаточно опытный человѣкъ и писатель, чтобы не предвидѣть и себѣ обиды въ *кумостѣ* и потому не лишнимъ считаю замѣтить, что не имѣю удовольствія знать г. Меньшикова лично и даже никогда въ глаза его не видалъ.

религиозность, въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова, — все это такія достоинства, которыя не часто встрѣчаются. Подлинные ипсемы и фарисеи не говорятъ, не могутъ, не умѣютъ говорить, наприм., такимъ языкомъ: «Чѣмъ же должна быть жизнь? Она должна быть *богослуженіемъ*, непрерываемымъ священнодѣйствіемъ предъ лицомъ Создателя. Какъ богослуженіе, жизнь должна быть торжественна, серьезна, полна вдохновенной радости общенія съ Богомъ, полна поэзіи и мысли, направленной къ вѣчности. Въ этомъ священнодѣйствіи жрецомъ долженъ быть каждый изъ людей-братьевъ; молитвою ихъ должна быть любовь, которая «исправится», какъ кадило благовонное. Жизнь съ Богомъ — величайшее счастье и завершеніе счастья». Апеллирую къ читателю: что онъ скажетъ объ этомъ? Пусть онъ обратится не только къ нравственному, но и къ элементарному эстетическому своему чувству и съ помощью ихъ рѣшить, есть ли эти слова — «словеса лукавствія», или гимнъ неподдѣльнаго чувства? По-моему, это не слова, а тихія слезы, это въ одно время и религиозный экстазъ, и поэтическое вдохновеніе. Въ непосредственно-практическомъ отношеніи совѣты или требованія г. Меньшикова не дорого стоятъ:

Насъ давить времени рука,
Насъ изнураетъ трудъ,
Воссиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ.

Какое ужъ тутъ богослуженіе и гдѣ ужъ тутъ помышлять о вѣчности! Но вѣдь *минуты*, для которыхъ живемъ мы, не всегда походятъ одна на другую какъ капли воды, и выпадаютъ между ними такія, когда смиряется души нашей тревога, когда расходятся морщины на челѣ и счастье можемъ мы постигнуть на землѣ и въ небесахъ мы видимъ Бога. Въ эти рѣдкія минуты г. Меньшиковъ — драгоценный собесѣдникъ.

II.

Нѣтъ, ошибся Лермонтовъ, — не учался вѣкъ эпическихъ поэмъ! Эпическая поэма г. Меньшикова (*Думы о счастьи*) подраздѣляется на семь пѣсень или главъ, носящихъ такія многозначительныя заглавія: *Семья, Народъ, Природа, Трудъ, Цивилизація, Прогрессъ, Богъ*. Каждая изъ этихъ темъ много разъ была и еще много разъ будетъ предметомъ и научныхъ, и философскихъ, и метафизическихъ изслѣдованій, обстоятельныхъ, подробныхъ, трудныхъ, но у г. Меньшикова каждой изъ этихъ темъ аккуратно отпущено по полтора печатныхъ листа, т.-е. по двадцати съ небольшимъ страничекъ разгонистой печати. Слишкомъ ясно, что для изслѣдованія, хотя бы и журнально-публицистическаго, этихъ страничекъ чересчуръ мало, но ихъ вполне достаточно, чтобы пролить лирическую слезу и въскользко разъ воздохнуть отъ душевнаго сокрушенія. Это самое мы, главнымъ образомъ, и находимъ у г. Меньшикова, т.-е. глубокіе вздохи и горькія слезы, искренность которыхъ, какъ я уже говорилъ, не подлежитъ

нѣннѣ. Но г. Меньшиковъ все-таки не лирикъ-поэтъ, а публицистъ-про-
никъ и потому не можетъ же онъ такъ и завздыхать и заплакать съ пер-
вой строки или съ перваго абзаца. Чтобы не показаться страннымъ, онъ
нужно подготовить читателя къ своимъ изліяніямъ какою-нибудь аргу-
ментацией, и вотъ на эту-то сторону дѣла мы теперь и обратимъ внима-
ніе. Видъ какъ бы то ни было, не *идеальный*, а *дум* о счастіи предлагаетъ
г. Меньшиковъ. Грезить можно о чемъ угодно съ помощью только
своей фантазіи, но для *дум* нужно хоть сколько-нибудь ума-разума и
хоть сколько-нибудь логики.

Прежде всего, я не понимаю схемы г. Меньшикова: *Семья, Народъ,
Природа, Трудъ* и т. д. Сама по себѣ, схема хоть куда, но все-таки чѣмъ
лучше, наприим., такой схемы: *Личность, Любовь, Наука, Искусство,
Счастье, Человѣчество, Богъ*. Если семья, трудъ, природа являются
условіями или элементами нашего счастья, то вѣдь и самосознаніе нашей
личности, наука, искусство и пр. — условія и пути для счастья не менѣе
важны. Ни выборъ, ни порядокъ членовъ своей схемы г. Меньшиковъ
никогда не обосновалъ и даже не подумалъ объ этомъ. Я пойду дальше
предложу такую схему счастья: *Женщина, Вино, Пѣсня* (вспомните
известное двустишіе Лютера), *Старыя, Карты* и т. д. Уже кто другой,
г. Меньшиковъ не имѣетъ права смѣяться даже надъ такой схемой, по-
тому что видитъ въ картахъ одно изъ средствъ къ общенію людей между
собой: «*винтъ*» (карточная игра) искусственно свинчиваетъ души партне-
ровъ хотя на нѣсколько часовъ, и хотя бы на очень пустомъ предметѣ,
создаетъ насущную потребность человѣка въ людяхъ» (стр. 17). Ну,
если винтъ свинчиваетъ души, то женщина смягчаетъ, вино раскрываетъ,
пѣсня убаживаетъ, пѣсня увеселяетъ наши души и, стало-быть, все это
способствуетъ общенію людей, т.-е. способствуетъ ихъ счастью. Факторовъ
счастья людей — многое множество, начиная съ языка и кончая всѣми
видами спорта, всѣ они, въ качествѣ таковыхъ, могутъ войти въ составъ
идеала счастья, но съ равнымъ ли правомъ? Очевидно, здѣсь нужна
точная классификація, о которой г. Меньшиковъ даже не подумалъ,
онъ не подумалъ о ней въ свое время и Писаревъ, въ схемѣ котораго
(*любовь, знаніе и трудъ*) тоже не сдѣлано различія между категоріями
необходимого (какъ трудъ), *полезного* (какъ научное знаніе) и *приятнаго*
(какъ похотѣвшая любовь). Но пусть будетъ такъ. Примемъ схему г. Мень-
шикова въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее предлагаетъ, и будемъ разсма-
тривать ея элементы въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ поставляетъ.
Начнемъ:

Семья. Весьма неожиданно, г. Меньшиковъ начинаетъ эту главу раз-
рѣшеніемъ вопроса о самоубійствахъ, которые, будто бы, «растутъ въ
исключительномъ числѣ». Г. Меньшиковъ чувствуетъ «какое-то неразрѣшимое,
какое недоумѣніе» передъ фактомъ самоубійствъ, онъ ищетъ «разгадки
этой тайны самоубійства». Въ поискахъ этихъ г. Меньшиковъ обна-
ходитъ большую нежность своего сердца и не меньшую хрупкость своей

логики. О нѣжности сердца свидѣтельствуютъ слѣдующія его слова: «Какъ бы вы ни были далеки отъ погибшаго, всегда при вѣсти о самоубійствѣ его изъ жизни васъ начинается мучить въ тайныхъ уголкахъ сердца какое-то тревожное сознание, что какими-то образомъ и вы причастны этой смерти, какъ будто и вы въ чемъ-то виновны. Точно пришедшій къ вамъ гость вдругъ уходитъ раньше времени, обидѣвшись чѣмъ-то или соскучившись. Такъ и здѣсь, невольно говоришь себѣ: можетъ быть и не убилъ бы онъ себя, еслибъ я во-время подошелъ къ нему и заглянулъ въ его душу, еслибъ я, какъ родной братъ къ брату, приблизился къ нему и взялъ на себя половину его ужаса, погоревалъ бы съ нимъ, поплакалъ бы, обнялъ бы его и умолялъ его пощадить себя...». Вотъ гдѣ уместно вспомнить заглавіе какого-то водевиля: «бѣда отъ нѣжнаго сердца!» Именно бѣда, такъ какъ самоубійства случаются едва ли не ежедневно и вѣсти о нихъ не прерывно доходятъ до г. Меньшикова, потому что печатаются въ газетахъ; онъ долженъ хронически пребывать въ «тревожномъ сознаниі» собственной виновности. Всѣхъ не оплачешь, всѣхъ не обвинишь, ко всѣмъ въ душу не заглянешь, г. Меньшиковъ! Къ чему эта чрезмѣрная сантиментальность? Еслибъ я не имѣлъ полнѣйшей увѣренности въ искренности г. Меньшикова, я упрекнулъ бы его въ фразѣрствѣ, въ пристрастіи къ «жалкимъ словамъ», упрекнулъ бы по праву, потому что всего черезъ сорока-пятидесяти страницъ (5 и 73) г. Меньшиковъ о тѣхъ же самоубійцахъ говоритъ совсѣмъ инымъ тономъ: «при заржавленности организма, мудрено ли, что жизнь, этотъ даръ мгновенный, даръ прекрасный обращается въ нѣчто случайное и напрасное, въ медленную казнь, но словамъ поэта? эта казнь заслужена. Въ первоисточникѣ всѣхъ нашихъ бѣдъ лежитъ преступленіе противъ природы, наследственное или личное. Современный пессимистъ—а огромное большинство образованныхъ людей тайные пессимисты—самъ не знаетъ, отчего онъ несчастенъ; онъ среди роскоши и комфорта изнываетъ, душевно гнѣтъ и разлагается. Медленный, безсознательный самоубійца, онъ превращается часто въ сплошную язву: природѣ изъ милости сердца остается убрать эту живую заразу, и если несчастный имѣетъ хоть немного совѣсти, онъ благословляетъ смерть. Часто онъ самъ становится своимъ палачомъ»... Часто онъ самъ становится своимъ палачомъ... Прав препикантная получается картина: г. Меньшиковъ подходитъ «какъ родной братъ» къ «сплошной язвѣ» или «живой заразѣ», горюетъ и плачетъ о ней, обнимаетъ «заразу» и умоляетъ ее пощадить себя... Это на одной сторонѣ картины. А на другой сторонѣ тотъ же г. Меньшиковъ говоритъ «язвѣ»: если у тебя есть «хоть немного совѣсти» уберись, ты себя, пожалуйста.

«Зачѣмъ вы все это говорите? спроситъ читатель. Вы собрались о семъ разсуждать, а толкуете о самоубійцахъ. Зачѣмъ?» А я и самъ не знаю за чѣмъ, читатель. Не знаю и не вѣдаю. Я рѣшилъ идти за г. Меньшиковымъ шагъ за шагомъ,—куда онъ, туда и я, о чемъ онъ, о томъ и я,—и если топчусь теперь на одномъ мѣстѣ, то единственно потому, что топчется тутъ и г. Меньшиковъ. По правдѣ-то говоря, намъ съ нимъ по

дѣлать больше ничего: хотъ мы и написали въ заголовкѣ *Семья*, по въ действительности никакой семьи нѣтъ. «Какъ такъ нѣтъ семьи?» А вотъ такъ: «Въ современныхъ городскихъ условіяхъ искренняя семья невозможна. Въ городѣ глава семьи, погруженный въ свою спеціальность, непонятную ни женѣ, ни дѣтямъ, органически не связанъ съ ежедневною домашнею жизнью,—такой глава семьи часто гость у себя дома». А между тѣмъ какое это великое благо—семья! «Родное гнѣздо, жена—какъ второе сердце мое, милыя дѣти, стихія горячей любви и дружбы—вотъ основное счастье человѣка. Кроткій пламень «семейнаго очага»—единственный свѣтъ, согревающий и не жгущій, около котораго душа обрѣтаетъ миръ. Но для того, чтобы сложился этотъ очагъ, для того, чтобы не померкалъ этотъ святой огонь, необходима постоянная трудовая и житейская близость всей семьи, необходимъ непрерывный общеніе всѣхъ впечатлѣній и мыслей, интересовъ и надеждъ. Такая семья возможна лишь въ патріархальномъ быту деревни (гдѣ деревня не разстроена вмѣшательствомъ города)». Итакъ, читатель, мы съ вами, горожане, лишены «основного счастья». У васъ есть жена и дѣти и у меня есть жена и дѣти, но семьи у насъ все-таки нѣтъ и «кроткій пламень семейнаго очага» никогда не согревалъ и не согреетъ насъ. За что такъ? А за то, что вы пишете «бумаги», а я пишу статьи, которыми наши жены и дѣти не интересуются, изъ чего неопровержимо слѣдуетъ, что онѣ и нами лично интересоваться не могутъ. Мы съ вами не люди: вы *только* чиновникъ, я *только* писатель и если наши жены говорятъ намъ «другъ мой», если наши взрослые дѣти говорятъ намъ «отецъ», а малыя дѣти кричатъ «папочка», то это все одно лицемѣріе съ ихъ стороны: «искренняя семья въ городскихъ условіяхъ невозможна». Лицемѣримъ, конечно, и мы съ вами, когда вытягиваемъ изъ себя жилы для того, чтобы воссѣять и порадоваться жилось этимъ *чужимъ* намъ людямъ. Чужимъ людямъ? Гораздо того хуже. «Глава семьи съ ужасомъ чувствуетъ, что жена и дѣти—холодные, присосавшіеся къ нему паразиты, которымъ отъ него нужно только содержаніе, только ѣда, одежда, квартира и больше ничего». Вотъ что и вотъ какъ, по словамъ умнаго человѣка, мы съ вами чувствуемъ, а это была большая наивность съ нашей стороны воображать, что и мы любимъ, и насъ любятъ, что семья для насъ—не просто мѣсто для ночлега, а мы для семьи—не просто батраки, обязанные всѣми правдами и неправдами зарабатывать деньги на ея матеріальныя потребности. Мы думали... Впрочемъ, мало ли что мы думали и мало ли какія иллюзіи имѣли! Теперь, просвѣщенные г. Меншиковыми, мы ужъ твердо будемъ знать, что всякая городская интеллигентная семья не что иное какъ клоповникъ, въ которомъ мы играемъ роль связанныхъ по рукамъ и ногамъ узниковъ, а наши жены и дѣти—это вившіеся въ насъ кровожадные клопы. Искренно прошу читателя сдержать свое негодованіе или хотъ только повременить съ нимъ.

У мужика—совсѣмъ иное. Крестьянская семья работаетъ одно общее дѣло, а именно «выцарапываетъ изъ земли хлѣбъ» (по выраженію Петровъ-Вавилскаго - Каронина) и оттого въ ея средѣ тишь, да гладь, да Божья

благодать. Это не то, что у насъ: мужъ въ департаментъ или въ кабинетъ, за письменный столъ, а жена въ кухню или въ дѣтскую. Тамъ ужъ если надо навозъ возить — то всѣ возятъ; если косить — то всѣ на лугу; если пахать или жать — то всѣ на полѣ. И вотъ, исполнивши сообщая своей дневной трудъ, крестьянская семья разсаживается вокругъ «кроткаго имени, согрѣвающего, но не жгущаго». На первомъ мѣстѣ, подъ образами, самъ глава — патриархъ, по правую его рученьку свѣтъ — Ивановна, богданная супружница, по лѣвую рученьку соколъ — Ванюшка, ненаглядный первенецъ, насупротивъ ягодка дочка — Марьюшка, рядомъ съ ней милые сношенька Аленушка, а кругомъ дѣтушки-подросточки и малые внученьки. То не рѣчка журчитъ — разливается, то драгой жемчугъ-разговоръ по избу разсыпается. Истово, любовно, благомысленно ведетъ мудрую рѣчь многоопытный дѣдушка — батюшка. Ужъ вы дѣтушки мои милые, ужъ вы соколи мои ясные...

Однако, не довольно ли, читатель? Истинно говорю вамъ: противно! Противна эта слащавая народническая идеализация горькой дѣйствительности, противна эта подмалеванная, декоративная Аркадія! Для увеселенія соскучившагося читателя, а главнымъ образомъ для вразумленія заговорившагося г. Меншикова расскажу одинъ характерный анекдотецъ, который циркулируетъ въ моей родной (Костромской) губерніи, въ качествѣ, впрочемъ, не анекдота, а истиннаго происшествія. Въ одномъ большомъ селѣ поднимали на колокольную колоколъ. Какъ водится, сбѣжалось на званіи все село и даже изъ окрестныхъ деревень, и всѣ мужчины, старъ и младъ, взялись за веревки. Начали тянуть, колоколъ пошелъ, но на половинѣ пути вышла какая-то заминка и колоколъ остановился. Распорядитель работъ (мѣстный мужикъ) не могъ понять въ чемъ дѣло и рѣшилъ, что такъ вышло не спроста, а «по грѣхамъ». Онъ немедленно нашелся: «снохачи, прочь отъ веревочк!» — скомандовалъ онъ, и что же? Человѣкъ двѣнадцать русо и сѣдобородыхъ мужиковъ, самыхъ зажиточныхъ, почтенныхъ и влиятельныхъ членовъ общины, отошли въ сторону, сконфуженно почесывая въ затылкахъ. Вотъ ужъ именно: се non è vero, è ben trovato; т.-е. по-русски можетъ и не правда, да похоже на правду! И какая же это горькая правда, г. Меншиковъ! И уже тутъ никакъ нельзя свалить вину на городъ, который *разстраиваетъ* деревню: анекдотъ относится къ мѣстности, о которой сложилась специальная поговорка, что ее чортъ три года искалъ и ногу себѣ сломалъ. Вспомнимъ еще Некрасова: въ числѣ текущихъ «деревенскихъ новостей» ему между прочимъ рассказываютъ, что

...Пастуха

Грономъ во стадѣ убило.
Въ Шаховѣ свекру сноха
Вилами бокъ просадила —
Было за что...

Какъ вы думаете, за что, г. Меншиковъ? Не хочу смущать вашу невинность разъясненіями, но не знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, пѣсни о

мучинушки, которую *свекровь* *лютая* водой залила? Или другой пѣсни о *волонкахъ-колотовкахъ*, *проблтыхъ* *чертовкахъ*? Или третьей пѣсни о томъ, что «плетка свистнула, кровь пробрызнула, я и тутъ млада не спокаялась»? Я привожу эти образчики на память, но если заняться этимъ дѣломъ серьезно, не мимоходомъ, то я берусь представить не менѣе пяти десятковъ чисто народныхъ пѣсенъ или легендъ, или повѣрій, имѣющихъ одинъ смыслъ, тотъ смыслъ, что семейное (слышите, г. Меньшиковъ—*семейное*) положеніе нашей деревенской женщины по-истинѣ ужасно. А если ужасно семейное положеніе *женщины*, т.-е. положеніе матери, жены, дочери и т. д., это значитъ, что ужасно состояніе деревенской семьи вообще, потому что безъ счастливой женщины нѣтъ и счастливой семьи. А стало быть не зачѣмъ было и восторгаться семейной деревенской идилліей.

Что же касается насъ, интеллигентовъ-горожанъ, и нашего семейнаго уклада, то намъ даже защищаться отъ нападеній г. Меньшикова не зачѣмъ, потому что онъ самъ не знаетъ, о чемъ говорить. Онъ говоритъ, наприм., вотъ что: «Въ городской семьѣ нѣтъ общаго психическаго центра, нѣтъ общаго сотрудничества, объединяющаго всѣ отдѣльныя способности и потребности. Мужъ женѣ не товарищъ: онъ не можетъ интересоваться ея туалетами, французскими романами, благотворительностью да сплетнями, дакъ и жена мужу, такъ какъ его канцелярія для нея китайская грамота». Такъ какъ г. Меньшиковъ упоминаетъ о *канцеляріи*, то, значитъ, рѣчь идетъ о чиновникахъ, и я спрошу петербургскихъ начальниковъ отдѣленій и столоначальниковъ: что скажете, господа? Я спрашиваю именно ихъ потому, что они—чиновники *средняго* служебнаго положенія. Беру на себя смѣлость отвѣтить за нихъ: наши жены, г. Меньшиковъ, благотворительностью не занимаются, потому что на наши 1,500—4,000 р. благотворить нельзя, а надо думать лишь о томъ, какъ бы дома концы съ концами свести. Французскихъ романовъ наши жены не читаютъ за полнѣйшимъ недосугомъ: ихъ трудовой день начинается раньше и кончается позже, нежели нашъ, потому что жизнь департамента приостанавливается на большую часть сутокъ, жизнь семьи успокаивается едва лишь на нѣсколько часовъ. Туалетами нашихъ женъ мы, вопреки вашему мнѣнію, очень интересуемся, какъ весьма расходными статьями, но, къ счастью, это случается рѣдко: два-три раза въ годъ, не чаще, по причинѣ, о которой и вы догадаетесь. Канцелярія наши для нашихъ женъ въ техническомъ смыслѣ, дѣйствительно, китайская грамота, но наша *служба* въ канцеляріяхъ, какъ содержаніе нашей жизни и какъ источникъ нашего существованія, для нихъ не китайская грамота, а предметъ высочайшаго интереса. Наши служебныя задачи и неудачи радуютъ и огорчаютъ ихъ даже болѣе, нежели насъ, не только потому, что наши жены, какъ женщины, впечатлительнѣе насъ, но и потому, что онѣ лучше насъ знаютъ о значеніи лишней тысячи и даже сотни рублей въ бюджетѣ домашняго обихода. Кромѣ того, онѣ раздѣляютъ съ нами и то скромное честолюбіе наше, которое мы считаемъ позволительнымъ для себя. Какъ видите, г. Меньшиковъ, «общихъ психическихъ

центровъ» у насъ довольно, а главнѣйшимъ изъ этихъ центровъ являе-
 семья. Дѣтей надо вырастить, воспитать, обучить, образовать и если бы
 только знали, какая масса хлопотъ и всяческаго безпокойства скрывает-
 за этими небольшими словами! Нѣтъ, мы своимъ женамъ товарищи и на-
 жены намъ сотрудницы и ваше отрицаніе этого факта,—скажемъ казенны
 выраженіемъ,—*не соответствуетъ обстоятельствамъ дѣла.*

То же самое, разумѣется, *mutatis mutandis*, могутъ сказать г. Мень-
 шиковъ и интеллигенты всѣхъ другихъ профессій, такъ что въ его неос-
 римомъ обладаніи останутся только тѣ семьи, гдѣ мужъ по цѣлымъ днямъ
 не видитъ жены, потому что живутъ они на своихъ «половинахъ» и
 своихъ интересахъ дѣйствительно не имѣютъ, потому что вообще не имѣ-
 живыхъ интересовъ, а создаютъ себѣ искусственные. Г. Меньшиковъ—
 это у него обычное дѣло—на фундаментѣ, имѣющемъ площадь въ од-
 квадратную сажень, силится построить зданіе величиной съ Хеопсову
 пирамиду. Вполнѣ понятно, что вмѣсто пирамиды получается или воздуш-
 замокъ, для котораго и вовсе фундамента не надо, или карточный домикъ
 для котораго одной квадратной сажени болѣе чѣмъ достаточно.

Переходимъ ко второму члену схемы г. Меньшикова—къ *народу*. «И-
 шительно необходимо, чтобы изъ редакцій были вытѣснены низкіе и гру-
 бые элементы и замѣнены другими». Господи помилуй! Что такое? А вы
 читатель, точная цитата (стр. 57) изъ той главы книги г. Меньшикова
 которая трактуется о «народѣ». Да чему же вы собственно удивляете-
 Пора бы ужъ вамъ и попривыкнуть къ неожиданнымъ зигзагамъ мы-
 г. Меньшикова, образчики которыхъ мы и выше видѣли. Ну, слѣдуетъ
 этимъ зигзагами—занятіе въ самомъ дѣлѣ скучное и неблагодарное и на-
 употребить другой приемъ. Изъ разсужденій г. Меньшикова я возьму ли-
 то, что дѣйствительно имѣетъ отношеніе къ предмету, а изъ этого я в-
 беру лишь то, что имѣетъ наиболѣе общій характеръ. Профильтрирован-
 такимъ способомъ разсужденія г. Меньшикова явятся вамъ въ формѣ тре-
 положеній общаго характера, положеній, которыя я представлю въ подли-
 нныхъ выраженіяхъ автора. Положеніе *первое*: «Насильственное и иску-
 ственное введеніе западной культуры со времени Петра I внесло и по-
 должаетъ вносить печальнѣйшее расстройство въ народную душу. Этотъ кру-
 переворотъ принесть нѣкоторую одностороннюю пользу (безмѣрно преувели-
 ваемую), но въ то же время психически расчленилъ Россію, создалъ чу-
 дные другъ другу и органически враждебные классы, враждебныя бу-
 туры и міросозерцанія» (стр. 37). Конечно, это болѣе чѣмъ не ново, а
 дряхло. Правовѣрные славянофилы времени Аксакова и покоренія Кры-
 истолкли эту тему въ мелкій порошокъ, давно уже превратившійся
 историческую пыль. Однако, эта пыль пріобрѣтаетъ довольно злокачествен-
 ное свойство, если съ ней соединить *второе* положеніе г. Меньшикова
 которое гласитъ слѣдующее: «Съ раскрѣпощеніемъ крестьянъ была раз-
 вана хотя и безобразная, но вѣковая *политическая* связь народа съ вы-
 шними классами; всадникъ сброшенъ съ коня, оба свободны, но оба у-

нужды и ненужны другъ другу. Крѣпостное право должно было исчезнуть, но на мѣсто дурного связывавшаго начала нужно было бы создать лучшее, выгодное для обѣихъ сторонъ: слѣдовало выработать новую форму живого сотрудничества и взаимнаго проникновенія сословій, дабы въ государствахъ былъ одинъ народъ, а не два, одна общая душа, а не двѣ» (стр. 43).

Это начало, читатель, право ничего и г. Меньшиковъ совсѣмъ не виновать. Видъ онъ не публицистъ, отъ котораго мы вправѣ требовать строгой логики и точныхъ выраженій, г. Меньшиковъ поэтъ, да еще второстепенный, т.-е. такой, который не управляетъ своими образами, а бессознательно увлекается ими. Его воображеніе прельстилось образомъ коня—народа и всадника—высшихъ сословій, ему примерещилось «живое сотрудничество и взаимное проникновеніе» между конемъ и всадникомъ, въ его фантазіи возникла могучая фигура centaвра и вотъ его мысль въ плѣну: крѣпостное право было безобразіемъ, но какъ жаль, однако, крѣпостного права! Надо было бы вмѣсто него что-нибудь другое въ томъ же родѣ придумать... Такіе пассажи могутъ случаться даже съ крупными поэтами, если сила фантазіи значительно превосходитъ у нихъ силу ума и разсудка: вспомните Гоголя и его знаменитую тройку. Разумѣется, спорить съ г. Меньшиковымъ по существу приведеннаго выше морсо я не стану, но любопытно сопоставить между собою *первое* и *второе* положенія г. Меньшикова. Реформы Петра I *психически* расчленили Россію, создавъ въ ней враждебныя культуры и міросозерданія. Реформы Александра II разорвали вѣковую *политическую* связь народа съ высшими классами. Отсюда можно сдѣлать нѣсколько заключеній. Если реформаторская дѣятельность Петра I и Александра II одинаково привели Россію къ внутреннему разладу, хотя и не въ одинаковыхъ отношеніяхъ (въ психическомъ, въ политическомъ) и если реформы Петра подлежатъ осужденію именно за этотъ произведенный ими разладъ, то не въ такой ли мѣрѣ подожать за то же самое осужденію и реформы Александра II? По логикѣ несомнѣнно такъ, но по г. Меньшикову не такъ: нѣтъ, хотя отиѣна крѣпостного права и произвела разладъ, но эта отиѣна была благотѣльна, ибо крѣпостное право было *безобразіемъ*. Прекрасно, но отсюда очевидно слѣдуетъ, что достоинство реформъ (Петровыхъ и всякихъ другихъ) измѣряется не степенью вносимаго ими въ жизнь разлада, а чѣмъ-то другимъ, какимъ-то другимъ критеріемъ. Для насъ съ читателемъ (въ которомъ я всегда предполагаю обыкновеннаго интеллигентнаго человѣка, уважающаго и логику, и разсудокъ, и здравый смыслъ) относительно этого критерія не можетъ быть колебаній: онъ заключается въ степени соответствія реформы прежде всего съ идеей общаго блага, а затѣмъ съ идеями права, справедливости и просвѣщенія. Для г. Меньшикова этотъ критерій не пригоденъ: того, что мы называемъ просвѣщеніемъ, онъ терпѣть не можетъ и вѣчески принижаетъ его, а на общее благо и на справедливость у него особѣй взглядъ, поэтический или эстетическій. Дворянство (беру метафору

г. Меньшикова) сидеть верхомъ на крестьянствѣ—какъ красиво! Какъ могучій центавръ! Какое дивное единеніе сословіи! «Всадникъ сброшенъ съ коня» и что же вышло? «Оба чужды и ненужны другъ другу»,—мы же тутъ общее благо и какая же справедливость! Какъ тутъ спорить, и тутъ сказать? Развѣ только одно: г. Меньшиковъ, освѣдомьтесь у «коня» котораго вы такъ любите, очень или не очень скучаетъ онъ по своимъ всадникѣ, очень или не очень хочетъ, чтобы его вновь взнуздали осѣдлали?

Въ *третьему* положенію г. Меньшикова мы подойдемъ не сразу. Форма Петра произвела *психическій* разладъ въ народѣ. Въ чемъ онъ и разился? Конечно, въ томъ, что мы, дѣти и наслѣдники этихъ реформъ растратили свою душу до того, что даже собственную свою семью не можемъ любить искренно и видимъ въ ней только нашихъ паразитовъ, тогда какъ народъ сохранялъ въ неприкосновенности всѣ свои душевные сокровища. Далѣе, реформы Александра II произвели *политическій* разладъ въ народѣ. Это что значить? По аналогіи съ результатами психическаго разлада нужно ожидать, что реформы Александра II привели насъ, интеллигенцію, къ политическому безсилію, совершенно такъ, какъ реформы Петра I привели насъ (по г. Меньшикову) къ безсилію нравственной. Такъ оно именно и есть—на этотъ разъ г. Меньшиковъ блеснулъ логикой: «Я думаю—коротко и ясно заявляетъ г. Меньшиковъ,—что и родъ имѣетъ, при всей своей приниженности, политическую роль, а мы не имѣемъ» (стр. 51). Въ этомъ состоитъ его *третье* положеніе.

Какъ видите, г. Меньшиковъ шутить не любитъ. Лишивъ насъ образа и подобія Божія (чего ужъ! собственныхъ дѣтей любить искренно не можетъ г. Меньшиковъ лишаетъ насъ теперь образа и подобія гражданскаго. Прово, это напоминаетъ сцену изъ повѣсти Достоевскаго *Дядюшкинъ сон* когда разсерженные губернскія дамы напали на князя: «Вы безногіе-съ, еще и беззубые-съ, вотъ вы какіе-съ. Да еще и одноглазыи!—закричала Марья Александровна.—У васъ корсетъ вмѣсто реберъ-съ!—прибавила Наталья Дмитриевна.—Лицо на пружинахъ! Волосъ своихъ нѣтъ-съ! И усики-то у дурака накладные,—скрѣпила Марья Александровна.—Да ханосъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна, настоящій!—вскричалъ князь ошеломленный такими откровеніями». Г. Меньшиковъ неумолимъ, какъ Марья Александровна, Наталья Дмитриевна и Марья Степановна, выскрикнувъ, и намъ, подобно князю, остается только закричать: «Да хоть и политическую-то роль настоящую признайте за нами!» Нѣтъ, ни за что!—отвѣчаетъ г. Меньшиковъ. «Вѣдь что такое—политическая жизнь?—тогда спрашиваетъ онъ.—Это участіе разумомъ и совѣстью въ нравственные интересы страны,—не въ будничныхъ мелочахъ, всегда эгоистическихъ, а въ возвышенныхъ всеобщихъ задачахъ». Ну, не совѣмъ такъ... «Участіе разумомъ и совѣстью»—а участіе *знаніями*? «Нравственные интересы страны»—почему политическіе интересы есть интересы нравственные даже *только* нравственные (о другихъ г. Меньшиковъ даже не упоминаетъ).

на)? Союзъ Россіи съ Франціей—это для Россіи «интересъ» огромной важности, но этотъ интересъ—политическій или нравственный, или экономическій? Надо быть поощрительнѣе, г. Меньшиковъ! Какъ бы то ни было, въ политическую жизнь, играть политическую роль, значить принимать участіе въ возвышенныхъ всеобщихъ задачахъ своей страны,—вотъ предѣленіе, на которомъ мы можемъ сойтись съ г. Меньшиковымъ. Что же теперь? Я чувствую себя въ затрудненіи, потому что мнѣ ужъ слишкомъ легко говорить и даже совсѣмъ не о чемъ говорить. Можетъ ли принимать участіе въ общихъ задачахъ своей страны человекъ, не знающій ея исторіи, ни ея географіи, ни даже численности и состава ея населенія, не имѣющій понятія ни о функціяхъ, ни объ органахъ государственной власти,—ни о чемъ, что лежитъ за предѣлами его волости или уѣзда и не стоитъ повыше исправника и земскаго начальника? Скажу шире: можетъ ли принимать участіе въ *рѣшеніи* задачъ, не имѣя понятія о самомъ *существованіи* этихъ задачъ? И, однако, вся народная масса наша находится именно въ такомъ положеніи. Всѣ вопросы и всѣ задачи нашей жизни вѣтрятся интеллигенціей, она регулируетъ внѣшнія отношенія государства, она издаетъ законы, создаетъ или улучшаетъ нормы народной жизни, судитъ въ судахъ, управляетъ въ администраціи, учитъ въ школахъ, проповѣдуетъ въ церквахъ, обучаетъ народъ въ арміи—и оказывается, что она не имѣетъ въ странѣ никакой политической роли! Съ чѣмъ образно такое утвержденіе? Численный перевѣсъ, разумѣется, находится на сторонѣ народа, но вѣдь не это же подразумѣвалъ г. Меньшиковъ, когда говорилъ о перевѣсѣ политическаго значенія народа? Конечно, настѣ, русской интеллигенціи, едва ли наберется миллионновъ 5—6, а прочая столичная масса состоитъ изъ безграмотныхъ и малограмотныхъ людей, такъ что народъ въ этомъ смыслѣ значительнѣе насъ въ двадцать разъ, вѣдь и туловище человека вѣситъ приблизительно тоже разъ въ двадцать болѣе головы; но все-таки не рукамъ, не ногамъ, не желудку приписывать руководящая роль, а именно головамъ. Больше говорить по этой сторонѣ дѣла не стоитъ, потому что само дѣло за себя въ этомъ случаѣ говоритъ.

Третій членъ схемы—*природа*. Любезная природа!—воскликнуть однажды Карамзинъ и заплакать. Такъ же восклицаетъ и такъ же плачетъ г. Меньшиковъ на протяженіи цѣлаго печатнаго листа, но плачетъ не сладкими слезами карамзинскаго умиленія, а слезами досады. Человекъ поступаетъ въ природѣ возмутительно: «Подъ дурными внушеніями, накопляющимися годами, человекъ выходитъ изъ естественнаго міра и создаетъ себѣ иной, искусственный міръ, въ непрерывномъ крушеніи котораго и самъ гибнетъ. Онъ создаетъ себѣ смрадную атмосферу городовъ, вырубаетъ тѣнистые лѣса, превращаетъ благоуханную степь въ пустыню; онъ истребляетъ и рыбъ морскихъ, и птицъ небесныхъ и всякую живую душу, данную для счастія человека» (стр. 64). Какъ тутъ не плакать чувствительному человеку! Дѣло въ томъ, однако, что природа вовсе не «любезная», а по

отличному выраженію Пушкина—«равнодушная». Ей нѣтъ дѣла до «утѣшенія» человѣка, которому приходится самому о себѣ думать. Онъ виртуально «тѣнитъ дѣла» не подъ вліяніемъ какихъ-то «дурныхъ внушеній», изобрѣтенныхъ г. Меньшиковымъ, а подъ вліяніемъ чувства самосохраненія: надо построить себѣ жилище и надо согрѣвать его, надо дороги проложить, мѣсто для напаша расчистить и пр., и пр. Рыбы морскія (и не только морскія—тоже и прѣсноводныя) и птицы небесныя истребляются человѣкомъ по той же причинѣ: питаться надо, г. Меньшиковъ. Подъ пологомъ счастливой Аркадіи, можетъ быть, нѣтъ надобности ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ животной пищѣ, но въ нашихъ широтахъ безъ нихъ никакъ нельзя. Человѣкъ «превращаетъ благоуханную степь въ пустыню»,—совершенно наоборотъ, г. Меньшиковъ: пустыню и болото превращаетъ человѣкъ въ цвѣтущій садъ и даже, благодаря своему уму и знанью, благодаря своей *культуре*, у самаго океана отвоевываетъ почву. Прочтите объ этомъ въ популярныхъ книжкахъ, хорошо извѣстныхъ даже дѣтямъ.

Г. Меньшиковъ идетъ дальше,—именно ужъ за Геракуловы столбы. Превознеся первобытнаго человѣка за его физическую силу и красоту, г. Меньшиковъ говоритъ: «Но не только тѣло, а и самый духъ человѣка вполне сложились до начала исторіи». Каково! А мы-то думали, что исторія человѣка есть прежде всего исторія развитія духа человѣка путемъ постепеннаго развитія общественности отъ семьи, рода, племени до современнаго государства. *Non va pas changé tout cela*—даже этихъ смѣхотворныхъ оправданій г. Меньшиковъ не удостоиваетъ прикрыться. Онъ знаетъ никого и ничего не хочетъ, никакихъ изслѣдованій, никакихъ теорій, никакихъ чужихъ авторитетныхъ мнѣній, и съ невозмутимой серьезностью фантазируетъ на чисто-научныя темы: «На просторѣ степей, среди лѣсовъ и горъ или на уединенныхъ островахъ океана иногда слагались удивительно разумныя отношенія человѣка къ природѣ и истинно-гуманныя отношенія его къ своимъ ближнимъ: слагалась высокая и умственная и нравственная *культура*, дававшая здоровое, не отравленное счастье. Затерянное среди природы племя не имѣло ни науки, ни даже письменности, но обладало множествомъ свѣдѣній, взятыхъ изъ живой дѣйствительности, обладало чуткою интеллигентною душой, которая откликалась радостно на всѣ впечатлѣнія бытія. Свѣжая, мощная раса отдавалась не тяжелому, живительному труду; люди были свободны, беззаботны и великодушны, ихъ взаимность слагалась въ союзы братства и нѣжнаго береженія всѣми всѣхъ» (стр. 65).

Если все это наука или, по крайней мѣрѣ, публицистика, то г. Меньшиковъ *обязанъ* былъ подтвердить свои утвержденія какими-нибудь авторитетными свидѣтельствами, ссылками на источники, цитатами. Если же все это поэтическая фантазія, то г. Меньшиковъ *обязанъ* былъ поставить это обстоятельство на видъ читателю, чтобы не вводить его въ заблужденіе. Спорить съ г. Меньшиковымъ о чемъ же? Съ Шехераздой спорить нельзя, ее можно только слушать или не слушать. Пока г. Меньшиковъ не дастъ указаній болѣе определенныхъ, нежели его «на просторѣ степей, среди лѣ-

въ и горь, на уединенныхъ островахъ», до тѣхъ поръ мы будемъ только жмать плечами, слушая его вѣщанія. А я съ своей стороны заранѣе объявляю, что такихъ указаній г. Меньшиковъ не представитъ, потому что въ наукѣ *нѣтъ*, такъ что вся глава о *природѣ* представляетъ собою одно сплошное недоразумѣніе.

Четвертый членъ схемы — *трудъ*. Конечно, трудъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ счастья и обойти его нельзя. Здѣсь г. Меньшикову предстояло идти по широкой и торной дорогѣ, потому что о соиномъ трудѣ и его условіяхъ написано на всѣхъ европейскихъ языкахъ болѣе чѣмъ достаточно. Дѣйствительно, противъ своего обыкновенія, Меньшиковъ въ этой главѣ не ограничивается изготавленіемъ сентенцій, старается обосновать свои мысли, призываетъ на помощь науку, ссылается на авторитеты и т. д. Какъ-то даже странно читать у г. Меньшикова, хотя бы, наприм., такіа тирады: «Работа мозга и остальныхъ тканей неизбѣжно сопровождается тротой ихъ и разрушеніемъ; продукты этого зрушенія представляютъ сильнѣйшіе яды (такъ называемые *лейкомаины*). Организмъ спасается отъ нихъ тѣмъ, что или сжигаетъ ихъ въ кислородѣ крови, или обезвреживаетъ въ особомъ аппаратѣ—печени и выводитъ вонъ чечками. Итальянскій ученый Моссо и пр.». Каковъ г. Меньшиковъ! Конечно, не совсѣмъ это ладно, что онъ таинственно называетъ печень «особымъ аппаратомъ»,—точно вчера только узналъ о ней,—но все-таки ужъ не сентенціи домашняго приготавленія, а какаа ни есть «наука». Къ жалѣнію, г. Меньшиковъ относится къ показаніямъ авторитетовъ безъ критики. Говоря о переутомленіи, онъ ссылается, наприм., на Макса Нордхейма (ужъ и авторитетъ же!), который говоритъ: «населеніе Европы даже удвоилось въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, а его трудъ увеличился въ десять, а иногда и въ пятьдесятъ разъ». Г. Меньшиковъ не только принимаетъ на вѣру это показаніе, но и прибавляетъ отъ себя: «членъ цивилизованнаго общества работаетъ теперь отъ пяти до двадцати пяти часовъ больше, чѣмъ полвѣка тому назадъ». Гм... Значитъ, если полвѣка назадъ цивилизованный человекъ работалъ *одинъ* часъ въ сутки (не меньше), то теперь мы работаемъ по *двадцати пяти* часовъ въ сутки... Дѣйствительно, это многонокъ, не мудрено и переутомиться. Ларчикъ открывается чрезвычайно просто: г. Меньшиковъ не отличаетъ *количества* работы отъ *производительности* работы. Между тѣмъ, въ другой книгѣ Меньшикова (*О писательствѣ*) мы находимъ такой примѣръ: «одинъ номеръ *Figaro*, издаваемый въ форматѣ книги in 8°, даетъ 240 страницъ текста; печатая же газету въ количествѣ 100,000 экземпляровъ въ теченіе каждой минуты (6 часовъ), типографія въ общемъ отпечатываетъ 24 милліона страницъ. Чтобы выполнить эту работу триста лѣтъ тому назадъ, въ тѣ же 6 часовъ, потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, 500,000 переписчиковъ въ огромный городъ для ихъ помѣщенія. Теперь же, при помощи машинъ, на всей работѣ требуется лишь сто человекъ». Итакъ, производительность ручнаго типографіи увеличилась въ сравненіи съ производительностью пе-

реписчика въ пять тысячъ разъ, но количество труда, измѣряемое временемъ, осталось прежнее—шесть часовъ. Это—огромный, сказочный успѣхъ культуры, но г. Меньшиковъ ненавидитъ культуру и потому ея успѣхъ превращаетъ въ ея вину: посмотрите, посмотрите, до чего довела культуру современнаго человѣка, онъ по двадцати пяти (и даже гораздо больше) часовъ въ сутки долженъ работать, несчастный! *Только въ деревнѣ...* надеюсь, читатель, вы теперь ужъ заранѣе знаете, что должно слѣдовать дальше? Ну, конечно! «Только въ деревнѣ, на просторѣ и въ тишинѣ природы, при органическомъ срастаніи съ землею, при культурѣ бѣдной и скромной, возможно возстановленіе души человѣка и ея власти» (стр. 91). Я скажу г. Меньшикову вотъ что. Пусть онъ возьметъ для сравненія нынѣшняго съ прошлымъ такую сферу труда, въ которой вліяніе машинъ чувствоваться не можетъ, наприм., нашъ писательскій (не типографскій) трудъ. Работая всего по *шести* часовъ въ сутки, можно,—вы это по собственному опыту должны знать,—безъ особаго напряженія написать *три* печатныхъ страницы или семь съ половиной тысячъ буквъ. Полагая одну недѣлю на чтеніе матеріаловъ и на соображеніе состава статьи, мы въ остальные три недѣли мѣсяца напишемъ слѣдовательно *четыре* печатныхъ листа большого формата. Скажите, кто изъ современныхъ писателей нашихъ даетъ ежемѣсячно по четыре листа? А тридцать пять лѣтъ назадъ Писаревъ, наприм., ежемѣсячно давалъ по 5—6 листовъ, а шестьдесятъ лѣтъ назадъ Николай Полевой почти единолично выполнялъ всѣ отдѣлы своего журнала (*Московского Телеграфа*). То же самое и во всѣхъ другихъ сферахъ труда, гдѣ машины не помогаютъ и не могутъ помогать работнику: современный художникъ пишетъ не больше картинъ, нежели Рафаэль или Рубенсъ, современный скульпторъ трудится не больше Кановы и т. д. Если въ настоящее время петербуржецъ можетъ пріѣхать въ Москву менѣе чѣмъ въ сутки, тогда какъ прежде онъ долженъ былъ бы для того же дѣла употребить не менѣе четырехъ сутокъ, то это совсѣмъ не значитъ, что теперешній петербуржецъ долженъ потратить на поѣздку четверо больше энергіи и усилія, нежели петербуржецъ сороковыхъ годовъ.

Сдѣлавъ упрекъ «городской культурѣ» за мнимое переутомленіе современнаго человѣка, г. Меньшиковъ далѣе ставитъ ей въ еще тягчайшую вину «раздѣленіе труда». Безъ сомнѣнія, «раздѣленіе труда» въ своихъ крайнихъ, обостренныхъ формахъ—явленіе пагубное, но г. Меньшиковъ и въ этомъ, давно и хорошо обследованномъ вопросѣ не могъ избѣгнуть путаницы. Онъ говоритъ: «человѣкъ просто, самъ для себя живущій и себѣ довольющій, уже неизвѣстенъ: всѣ мы или чиновники, или доктора, или офицеры, писатели, столяры, сапожники и внѣ ремесла—мы никто». Не правда, г. Меньшиковъ: внѣ ремесла—мы люди, мы граждане, мы мужья и отцы. Наше ремесло занимаетъ у насъ 4—5 часовъ въ сутки и неужели же въ остальные двадцать часовъ наши способности и потребности бездѣйствуютъ? Раздѣленіе труда—это не зловердная выдумка культуры, это—властное указаніе и требованіе самой природы. Вотъ три человѣка, кото-

звать Салтыковъ, Чайковскій, Крамской. Какіе бѣдные, односторонне-обмашиненные люди! Одинъ только и знаетъ, что писать сатиры, другой только и умѣетъ, что сочинять музыкальныя произведенія, третій—только картины и портреты рисуетъ. Съ точки зрѣнія г. Меньшикова чрезвычайно-прискорбно, что Чайковскій не написалъ и не собирался писать *Писемъ тетенькѣ*, Салтыковъ не написалъ *Христа въ пустынь*, а Крамской не написалъ *Пиковой дамы*. Читатель, однако, безъ труда разсудить, о комъ и дѣйствительно слѣдуетъ скорбѣть—объ этихъ ли людяхъ, или о г. Меньшиковѣ. Да, конечно, въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ начало раздѣленія эта ведетъ къ возмутительнымъ результатамъ. Ужасны эти рабочіе, изъ которыхъ одинъ только и умѣетъ, что рѣзать на равные куски проволоку, другой—заострять съ конца эту проволоку, третій—придѣлывать съ другого конца головку къ этой проволоцѣ, но эти—не *окультуренные*, а *обмашиненные* люди—чье созданіе? Отнюдь не культуры, какъ таковой, а капитализма, уродливаго дѣтища культуры. Въ эту бы сторону г. Меньшикову направить свои удары.

Пятый и шестой факторы счастья—цивилизация и прогрессъ—должны быть разсматриваемы совмѣстно, потому что ихъ и въ логическомъ смыслѣ трудно раздѣлнить. Когда мы говоримъ о *прогрессѣ*, мы всегда подразумеваемъ именно *прогрессъ цивилизаціи*. Если существующая цивилизація—зло, то процессъ ея развитія, — *прогрессивный* процессъ, — тоже благо. Если цивилизація—зло, то благомъ для насъ долженъ представляться противоположный, регрессивный процессъ, туда, въ доисторическую глубину, къ тропатамъ, къ пещернымъ и свайнымъ жилищамъ (по-нашему) или къ «своимъ, беззаботнымъ, великодушнымъ людямъ съ чуткою, интеллигентною душой» (по г. Меньшикову). Говорить о прогрессѣ значить говорить не о злѣ, а о доблѣ, какъ о *динамикѣ цивилизаціи* и вотъ почему мы соединяемъ эти двѣ темы г. Меньшикова въ одну общую тему.

Должно сознаться, что неясность мысли и сбивчивость анализа г. Меньшикова выразились въ этихъ главахъ его книги съ особенною рельефностью. Это теперь за г. Меньшиковымъ просто опасно: какъ разъ уподобишься ему легендарному пошехонцу, который въ трехъ соснахъ ухитрился закрутиться. Съ другой стороны, трудно воспользоваться и другимъ нашимъ средствомъ—сдѣлать выборку изъ разсужденій г. Меньшикова и обсудить дѣло по существу: какъ тутъ выбирать, на чемъ остановиться въ этомъ ряду колеблющихся «да», «нѣтъ», и опять «да» и опять «нѣтъ»? Вотъ, напримеръ, г. Меньшиковъ говоритъ на стр. 154: «ошибочное внушеніе, что счастье въ насъ, заставляетъ современнаго человѣка весь капиталъ души своей вкладывать въ переустройство внѣшняго міра». Ну, и чудесно. На стр. 162 читаемъ: «всякому народу и во всякое время необходимы гуманность, просвѣщеніе, свобода и т. п., и все это необходимо не въ высшей, не въ средней, а въ *полной мѣрѣ*» (курсивъ автора), какъ чистый воздухъ для груди одинаково нуженъ и для лорда, и для мужика. Все это *неизбѣжныя и самыя важныя условія счастья*» (курсивъ нашъ). Именно.

Однако вѣдь «чистый воздухъ» (т.-е. гуманные порядки, просвѣщеніе, свобода) кажутся не внутри, а внѣ человѣка находится? А вотъ переверните листочекъ и на стр. 164 читайте: «главнѣйшее вниманіе человѣка должно быть обращено на развитіе своего живого, личнаго прогресса, всякій иной приложится къ нему». То-есть заведите чистый воздухъ внутри себя, а е внѣшнемъ чистомъ воздухѣ не безпокойтесь,—онъ самъ собою явится. Вотъ и судите, какъ тутъ быть критикѣ г. Меньшикова, на чемъ остановиться, которую изъ двухъ противоположныхъ мыслей считать подлиннымъ убѣжденіемъ автора? Надо поискать косвенныхъ свидѣтельствъ, которые выдали бы намъ, наконецъ, настоящую мысль автора. Вотъ г. Меньшиковъ ссылается, наприм., на прогрессистовъ, не какъ на союзниковъ, а какъ на своихъ противниковъ, но это ничего, мы догадливы и сумѣемъ воспользоваться отрицательными указаніями такъ же, какъ и положительными. «Попробуйте,—говорить г. Меньшиковъ,—заявить объ этомъ (объ *этомъ*, т.-е. о необходимости для человѣка *внѣшняго* чистаго воздуха), вамъ сейчасъ же отвѣчаетъ хоръ прогрессистовъ: «мы еще не созрѣли! Нужны постепенныя стадіи развитія... Подождите, все придетъ въ свое время». Такъ рассуждали прежде о крѣпостномъ правѣ, задержавъ его отиѣну на цѣлое столѣтіе, такъ иногда рассуждаютъ и теперь» (стр. 162). Вы это серьезно, г. Меньшиковъ? Правое?

Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни наяву,
Не видалъ до этихъ норъ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ!

Не видалъ я прогрессистовъ, которые, во имя постепенности, вставали бы противъ либеральныхъ реформъ, и не слыжалъ я о прогрессистахъ, которые задержали, будто бы, на цѣлое столѣтіе отиѣну крѣпостного права! Были такіе люди, была и есть такая партія, но называть ихъ прогрессистами это совершенно то же, что придиѣлывать къ ведрамъ мѣдныя шпоры. Лѣтъ двадцать назадъ люди этой партіи рекомендовали поставить «точку къ реформамъ», чѣмъ и возбудили общій хохоть среди прогрессистовъ, теперь же они вотъ говорятъ: «Не *спереди* безъ страха и сомнѣнья слѣдовало бы внушать толпѣ, а скорѣе—«остановитесь и осмотритесь», одумайтесь, разглядите дорогу и вспомните, куда вамъ нужно идти, да и нужно ли». Какъ видитъ читатель, это тоже «точка». «Князь—точка», какъ его тогда прозвали, долженъ быть извѣстенъ всякому старому и памятивому читателю, но ему, конечно, никакъ не догадаться, кто является нынѣ продолжателемъ князя—точки: это г. Меньшиковъ, къ нашему искреннему сожалѣнію. Только что цитированныя слова читатель найдетъ на 155 стр. его *Думъ*.

Опять скажу читателю: отнюдь не негодуйте на г. Меньшикова,—никакихъ затаенныхъ реакціонныхъ замысловъ онъ не читаетъ, и если виновать, то лишь въ томъ, что взялся рассуждать о предметѣ, ему, очевидно, вполне незнакомомъ. Только отъ глубины невинности можно сказать, на примѣръ, вотъ эталосъ: «Еще печальнѣе примѣры загубленныхъ лѣтъ и цѣ-

ных столетий в жизни народов, следующих теорий прогресса. Возьмите хотя бы нашу соседку, Персию». Да, буквально так и напечатано на 160 стр. Персия загублена своими прогрессивными стремлениями... Я берусь разгадать читателю этот ребус. Дело в том, что г. Меньшиков не видит решительно никакого различия между прогрессистом и фаталистом. Он утверждает, что «прогрессисты договариваются буквально до предопределения, до полной бесполезности борьбы со злом, до полной неминуемости всех гадостей» (стр. 153). Если так, то понятно, каким образом Персия является самой прогрессивной страной: страна мусульманства, она, наряду с Турцией, представляет собою очаг фаталистических учений всевозможных оттенков, и вот вам вся разгадка ребуса. Кто фаталист, тот и прогрессист и, следовательно, Персия и Турция переполнены прогрессистами. Так, ясно. Жаль однако, что г. Меньшиков не указывает—кто из прогрессистов, где и когда, договорился до фатализма. Если бы названы были имена и вообще приведены были хоть какие-нибудь доказательства, можно было бы попытаться оправдаться, а теперь нам, прогрессистам, остается только молчать даже и тогда, когда г. Меньшиков обзывает мысль прогрессистов—«тупой и несомненно честной мыслью». Да, жаль! Острая и совсем честная мысль г. Меньшикова напрасно прикрывается анонимностью.

А, впрочем, г. Меньшиков тоже прогрессист и даже «разумется» прогрессист. Вы этого не ожидали? Но вот его слова: «отрицая теорию вечного, непрерывного прогресса, я, разумется, не думаю отрицать прогресса конечного». Люди должны идти вперед, заявляет он через несколько строк, совершенно забывая, что всего за десяток страниц перед тем он находил, что люди должны остановиться, одуматься и вспомнить, куда им нужно идти, да и нужно ли (цитировано выше). Итак, что же, наконец, мы должны делать?

И удивление народы не знают, что делать:
Ложиться спать или вставать?

Затем, мы можем уверить г. Меньшикова, что о вечном прогрессе человечества мы не думаем, потому что вечен только космос, а планета наша и даже вся солнечная система—конечны. Что же касается непрерывности прогресса, то необходимо условиться насчет этого термина. Прогресс непрерывен в том смысле, что баланс человечества за каждое прошедшее столетие или даже десятилетие сводится без дефицита, с явным и несомненным перевесом приобретений над потерями. Но нам не известно о существовании в истории не только акций, но и реакций, а также о существовании застоя. В нередких случаях прогрессисты терпят полное поражение, но это ни мало не ослабляет их энергию, потому что непоколебимо их убеждение в конечном торжестве добра, правды и разума. А убеждение это основывается не на фаталистической вере, а на знании, на данных исторического опыта и науки о человеке.

вообще. Золотой вѣкъ лежитъ не далеко позади, а далеко впередъ насъ,—нора бы ужъ это и поэтѣмъ признать.

Заключительная глава книги г. Меньшикова, озаглавленная *Богъ*, самая важная по предмету, въ тоже время и самая маленькая по объему: въ ней всего-на-всего шесть страницъ, но этихъ немногихъ страницъ достаточно, чтобы примирить читателя съ авторомъ. Намъ кажется, что съ точки зрѣнія, устанавливаемой авторомъ въ этой главѣ, не только возможно, но и логически обязательно для него кореннымъ образомъ измѣнить свой отрицательный взглядъ на насъ, людей, и на наши дѣла, общая совокупность которыхъ именно и составляетъ то, что называется цивилизаціей и культурой. Точка зрѣнія, устанавливаемая г. Меньшиковымъ, слѣдующая: «Жизнь принимаетъ прекрасный, волшебный видъ тотчасъ же, какъ вы внимательно, т.-е. религиозно, къ ней отнесетесь. Все кажется страннымъ, загадочнымъ, нездѣшнымъ, и мелкія, привычныя явленія жизни оживаютъ: изъ механическихъ и мертвыхъ превращаются въ яркія, полныя интереса событія. Все интересно, если во всемъ видишь раскрывающуюся тайну,—все теряетъ интересъ, когда тайна непроницаема. Начало міра близко и доступно: сознаніе этого навѣваетъ на человѣка возвышенное, покорное благой Воли настроеніе, полное жажды слиться съ нею».

Очень хорошо сказано. Но неужели г. Меньшиковъ не видитъ, что онъ противъ себя говоритъ? Если даже мертвыя, механическія явленія оживаютъ и превращаются въ полныя интереса событія съ религиозной точки зрѣнія, то неужели такой огромный, не только историческій, но и органическій фактъ общечеловѣческой жизни, какъ вся наша цивилизація, лишена внутреннего глубокаго смысла? Нѣтъ мѣры усиліямъ и нѣтъ числа жертвамъ, которые сдѣлали люди, вырабатывая свою общественность, свою культуру, и что же,—эти усилія шли въ разрѣзъ съ наміреніями Воли, были бунтомъ противъ нея, эти жертвы были принесены Ваалу? Но вѣдь тогда жизнь превращается, по выраженію Достоевскаго, въ «дѣявольскія водевиль», вся земля наша является въ такомъ случаѣ какъ бы документомъ, доказывающимъ побѣду злого начала надъ благимъ. Если этотъ выводъ ужаснетъ г. Меньшикова,—онъ долженъ будетъ отказаться отъ большей части своей книги. Я упорно отгоняю отъ себя всякое подозрѣніе въ неискренности г. Меньшикова, но единственнымъ средствомъ для этого является допущеніе въ немъ самой крайней непослѣдовательности. Можно быть парадоксальнымъ, но нельзя быть до такой степени нелогичнымъ. Книга г. Меньшикова сама себя съѣдаетъ на глазахъ у читателя. Это не *Думы о счастьи*, а *думы о несчастьи*,—о несчастьи интеллигентнаго человѣка, не имѣющаго ни родины, ни семьи, ни политической роли, ни настоящихъ знаній, ни общенія съ природой, ни здороваго труда, ни вѣры въ Бога. «Только въ деревнѣ» и т. д., и т. д. Но и въ деревнѣ, оказывается, ничего хорошаго нѣтъ, въ живой, реальной деревнѣ: «я говорю, — заявляетъ г. Меньшиковъ, — не о современной русской деревнѣ: она далека, конечно, отъ типа истинной, живой культуры. Нынѣшняя деревня уже не та старинная деревня, которая

напоминала библейскія времена по простотѣ и строгости жизни. Развѣ только въ глуши, гдѣ-нибудь въ раскольниковыхъ селахъ, въ дальнихъ лѣсныхъ поселкахъ или въ степныхъ станицахъ можно встрѣтить еще первобытную чистоту нравовъ, глубокую религіозность, нравственную дисциплину и новизну, неизмѣнно сопутствующія цѣломудренной жизни» (стр. 91). Какова идиллія? Но, во-первыхъ, въ этой идилліи остается огромнѣйшая часть крестьянской, деревенской Россіи, а не одна только интеллигенція, и, во-вторыхъ, ужасомъ преступленія и тѣнѣмъ смерти отдастъ отъ этой идилліи. Точно нарочно для г. Меншикова жизнь представила всего полтора года назадъ торжественный démenti. Около города Тирасполя, Херсонской губ., въ уединенномъ раскольниковомъ поселкѣ разыгралась такая дѣйствительная драма, рядомъ съ которой сочиненная идиллія г. Меншикова превращается въ злую шутку. Все было тутъ на-лицо, чего требуетъ г. Меншиковъ: простота и строгость жизни, чистота нравовъ, нравственная дисциплина и глубочайшая, фанатическая религіозность. Не было одного, того самаго, за что такъ караетъ насъ г. Меншиковъ: умственного развитія, сознательности, просвѣщенія, культурности. Дальнѣйшее всѣмъ извѣстно: переносъ, кривотолки о ней темныхъ людей, боязнь «антихристовой печати» и въ результатѣ—замурованіе заживо двухъ десятковъ людей. Герой этой драмы, Федоръ Ковалевъ, замуровавшій въ числѣ другихъ свою жену и малолѣтнюю дочь—герой вполне во вкусъ г. Меншикова: его нравственная дисциплинированность—изумительна, его чистота нравовъ—несомнѣнна, его религіозность—фанатична. Но развѣ этотъ изувѣръ не преступникъ передъ людьми и передъ самимъ Богомъ? Онъ не вѣдалъ, что творилъ—вотъ его оправданіе. Въ нравственныхъ интересахъ самого г. Меншикова то же самое оправданіе я примѣняю и къ нему, и къ его книгѣ.

III.

Достаточно будетъ немногихъ страницъ, чтобы характеризовать другую, гораздо менѣе значительную книгу г. Меншикова *О писательствѣ*. Переходомъ къ такой характеристикѣ намъ послужитъ одно замѣчаніе, сдѣланное авторомъ въ его *Думахъ*. Замѣчаніе вотъ какое: «мыслитель или художникъ должны какимъ-нибудь инымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ, наприм., какъ апостолы, дѣлавшіе черную работу, шившіе, какъ Павелъ, палатки. Въ божественномъ откровеніи душа должна быть свободна, какъ въ любви: продавать мысль—все равно, что продавать любовь. Человѣкъ продающій зависитъ въ своемъ трудѣ отъ покупающаго, онъ долженъ приспособляться къ чужимъ вкусамъ. Въ физическомъ трудѣ это необходимо, но трудъ психическій долженъ быть свободенъ отъ всякаго приспособленія и не имѣть цѣны. Онъ долженъ быть общимъ достояніемъ, а наградою артисту должно быть то чувство счастья, которое даетъ высокое творчество художнику и публикѣ» (стр. 117). Г. Меншиковъ можетъ такъ говорить, потому что онъ нашелъ для себя такую норму жизни, которая

намъ не по плечу: «норма человѣка—кусокъ хлѣба и стаканъ воды, чистый воздухъ, легкій трудъ, любовь и свобода» (стр. 137). Какая аркасская невинность! Едва ли однако многіе писатели считаютъ свой трудъ легкимъ: какъ бы то ни было, намъ приходится затрачивать на свой трудъ изрядную дозу и мозговой, и нервной, и мышечной энергіи, и для пополненія этой траты намъ необходимъ не кусокъ хлѣба, а кусокъ мяса, да побольше, и не стаканъ воды, а, по крайней мѣрѣ, бутылка хорошаго пива. Такъ-то покрѣпче дѣло будетъ! Нѣмцы лишь нѣсколько утрируютъ, утверждая, что *der Mensch ist was er isst*. Вотъ почему мы безъ всякихъ угрызений совѣсти получаемъ съ своихъ редакцій гонораръ, который намъ и уплачивается безъ всякихъ споровъ, какъ должное, тогда какъ редакция *Недѣли*, гдѣ сотрудничаетъ г. Меньшиковъ, вѣроятно, каждый разъ оказывается въ затрудненіи, что ей дѣлать съ деньгами, заработанными г. Меньшиковымъ? Какъ-нибудь навязать ихъ ему—было бы не деликатно: вѣдь это значило бы уподобить своего почтеннаго сотрудника блудницѣ, а ужъ это на что-жъ похоже! А, можетъ быть, на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ? Кажется, что такъ. По крайней мѣрѣ я, прочитавъ строгій репримандъ г. Меньшикова, поспѣшилъ взглянуть на обложку его книгъ и нашелъ тамъ чрезвычайно прозаическія надписи: «цѣна 1 р.» на *Думахъ*, «цѣна 1 р. 50 к.» *О писательствѣ*. О «счастьи творчества», какъ о единственной достойной наградѣ за психическій трудъ г. Меньшикова, говорится только въ текстѣ, а на обложкѣ значится: два съ половиной пожалуйте! Такъ, можетъ быть, г. Меньшиковъ и гонораръ беретъ? По всей вѣроятности. Зачѣмъ же онъ себя и своихъ товарищей—писателей къ блудницѣ приравнялъ? Ну, Боже мой, для красоты слога! Г. Меньшиковъ очень часто пишетъ исключительно для красоты слога.

Тема эта однако имѣетъ самое близкое отношеніе къ вопросу *О писательствѣ*, и г. Меньшиковъ—не первый (раньше его въ томъ же смыслѣ говорилъ г. Мережковский) и, вѣроятно, не послѣдній, подавляющій насъ, сребролюбцевъ, своимъ сверхъестественнымъ благородствомъ. Такъ вотъ для нихъ мы скажемъ разъ навсегда, чтобы на авторитетъ апостола Павла они не ссылались, а искали бы себѣ другой опоры: Павелъ не осудитъ бы насъ за корыстолюбіе и не восхитился бы ихъ безкорыстіемъ. Великій апостолъ зналъ жизнь, зналъ человѣка и его благовѣствованіе не было проповѣдью аскетизма. Въ посланіи къ филиппійцамъ онъ пишетъ: «Я весьма возрадовался въ Господѣ, что вы уже вновь начали заботиться о мнѣ; вы и прежде заботились, но вамъ не благопріятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть: умѣю жить и въ скудѣ, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ, насыщаться и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ. Впрочемъ, вы хорошо поступили, принявши участіе въ моей скорби. Вы знаете, филиппійцы, что въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кромѣ васъ однихъ; вы и въ бес-

«алоннику и разъ и два присылали мнѣ на нужду» (IV, 10 — 16). А въ первомъ посланіи къ Тимофею апостолъ, говоря о томъ же предметѣ, ссылается на Писаніе: «Ибо писаніе говоритъ: не заграждай рта у вола молотящаго; и трудящійся достоинъ награды своею» (V, 18). Можно было бы привести изъ «посланий» еще нѣсколько мѣстъ того же самого смысла. Ясно, что ссылка г. Меньшикова на высокій авторитетъ болѣе чѣмъ неудачна.

Не трудно, но послѣ сдѣланнаго уже нами обзора первой книжки г. Меньшикова, утомительно и скучно было бы слѣдить за его разсужденіями о литературѣ, о писательствѣ: это все такъ же и все то же, toutjours perdrix! Одной рукой г. Меньшиковъ напишетъ, а другой рукой написанное—сотретъ; почти каждому его утвержденію можно противопоставить его же собственное отрицаніе; а такъ какъ въ книгѣ почти триста страницъ, то гдѣ-жъ намъ за нимъ угоняться! Вотъ, напримѣръ, общій вопросъ о происхожденіи и значеніи нашей литературы. Читатель помнитъ взглядъ г. Меньшикова на петровскія реформы: «насмѣшственное и искусственное введеніе западной культуры со временъ Петра I внесло и продолжаетъ вносить печальнѣйшее разстройство въ народную душу». Кажется, ясно сказано? Читайте же теперь вотъ это мѣсто изъ книги *О писательствѣ*: «До тѣхъ поръ, пока бѣдная, хотя и сильная народнымъ духомъ, старая культура закупорена въ самой себѣ (наприм., наша московская культура до Петра), она бесплодна; великія силы дремлютъ, застаиваются и отъ бездѣйствія отмираютъ; но стоитъ напряженному духу народному подвергнуться иному, иноземному вѣянію,—тотчасъ же, какъ отъ сближенія разнородныхъ полюсовъ электрической цѣпи, зажигается яркимъ свѣтомъ народное сознаніе, проявляется могучій токъ до того незамѣтной психической силы. Инерція покоя переходитъ въ инерцію движенія. Внезапно (въ нѣсколько десятилѣтій) во всѣхъ сферахъ повѣи и мысли является рядъ великихъ произведеній, отливающихъ въ вѣчныя вещественныя формы тѣ состоянія духа, которыя дотогѣ существовали въ скрытомъ напряженіи. Всѣ страны переживаютъ эти рѣдкіе, счастливые моменты расцвѣта культуры, оплодотворенія души народной инымъ, родственнымъ геніемъ» (стр. 19). Это написано тѣмъ же г. Меньшиковымъ, который писалъ о злополучномъ психическомъ разъединеніи народной души пагубными петровскими реформами. «Ну, да что-жъ такое,—скажетъ читатель,—оставьте г. Меньшикова самому разобраться въ его противорѣчіяхъ и обсуждайте его мысли по существу». Обсуждать... А вы помните, какъ г. Меньшиковъ въ своихъ *Думахъ* осуждалъ прогрессистовъ за ихъ мнимое пристрастіе къ *постепенности*? «Мы еще не созрѣли! Нужны постепенныя стадіи развитія!»—такъ будто бы постоянно говорятъ трусливые и безтолковые прогрессисты. А вотъ какъ разсуждаетъ г. Меньшиковъ въ книгѣ *О писательствѣ* тотчасъ же вслѣдъ за признаніемъ благотѣльности петровскихъ реформъ: «Чужая цивилизація должна вліять постепенно, чтобы дѣйствовать *органически*; это вліяніе требуетъ извѣстнаго времени, чтобы новое срослось со старымъ, вошло

въ кровь и нервы и претворилось въ нихъ. *Первое* прикосновеніе чужой культуры похоже на вспыскиваніе сказочною живую водой. Оно даетъ толчокъ скрытой энергіи народа, не разсѣивая ее. Но если культура, хотя бы и весьма высокая (и даже чѣмъ выше, тѣмъ хуже), падаетъ на подготовленную почву не тихимъ дождемъ, а цѣлыми потоками,—она является настоящимъ бѣдствіемъ для страны. Она смываетъ накопленное въ почвѣ удобреніе и самыя сѣмена, обнажая бесплодные нижніе слои. Она обезличиваетъ и духовно разоряетъ общество» (*О писательствѣ*, 21). Теперь позвольте спросить, которую изъ мыслей г. Меньшикова я долженъ «осуждать по существу?» У него три мнѣнія по одному предмету, и это для г. Меньшикова естественно: онъ мыслить образами, сравненіями, уподобленіями, которыми, точно колыями, онъ подпираетъ свои афоризмы, воображая, что укрѣпляетъ, *доказываетъ* ихъ. Петровскія реформы *психически расчленили* Россію—уподобленіе первое; петровскія реформы зажгли яркимъ свѣтомъ народное сознаніе, какъ отъ *обмѣшенія разнородныхъ полюсовъ электрической цѣпи*—уподобленіе второе; петровскія реформы *закнули на русскую землю не тихимъ дождемъ, а цѣлыми потоками*—уподобленіе третье. При богатствѣ воображенія можно найти, а при слабости логики принять еще три или хоть двадцать три красивыхъ уподобленія, но что съ ними дѣлать критикѣ? Приходится оцѣнять эти уподобленія съ эстетической точки зрѣнія, но нельзя и этого, потому что съ своими электрическими цѣпами и тихими дождями авторъ незамѣтно подбирается къ большому выводу чисто-публицистическаго характера: «Страна, оставаясь въ существѣ своею прежнею, принимаетъ новый обликъ; происходитъ культурное разложеніе и психическій упадокъ. *Такой упадокъ собственнаго творчества переживаетъ теперь Россія*» (стр. 21). Курсивъ мой, да и какъ не подчеркнуть этия страсти! Послушайте, г. Меньшиковъ: есть творчество государственное, творчество научное, творчество художественное, творчество литературное, творчество нравственное (въ религіозныхъ движеніяхъ, наприм.), творчество культурное (въ изысканіи новыхъ формъ общественной жизни). Въ которой изъ этихъ сферъ мы оскудѣли творческими способностями? Потрудитесь, во-первыхъ, опредѣлить *это*, а во-вторыхъ, потрудитесь доказать, что оскудѣніе дѣйствительно существуетъ и вызвано такими-то причинами. Г. Меньшиковъ не различаетъ никакихъ родовъ творчества и говоритъ вообще, доказываетъ же онъ упадокъ у насъ творчества на свой обычный ладъ: «При столкновеніи съ Европой (я непосредственно продолжаю цитату) Россія приобрѣла, конечно, множество важныхъ выгодъ въ развитіи знаній, въ смягченіи нравовъ и проч.; это столкновеніе выбросило Русь изъ ея историческаго *кривого* русла. Но, выброшенная изъ него столь стремительно, Россія не нашла пока никакого русла, общественный духъ ея утратилъ опредѣленное направленіе, разсѣялся, обратился въ развалины, которыя, при всей ихъ живописности, не годны, чтобы жить въ нихъ. Культурныя руины, правда, полны своего рода летучими мышами, пауками, мокрицами» и пр. и пр. Вотъ какъ доказалъ авторъ

оскуднѣніе нашего творчества! Сначала у него, въ роли аргументовъ, явились тихіе дожди и потоки, а потомъ руины, пауки, мокрицы и проч. А тутъ, черезъ нѣсколько строкъ, и глава благополучно кончается,—кончается, вѣстать сказать, новымъ уподобленіемъ: «Какъ душевно-больные иногда заражаютъ психіатра безуміемъ, такъ...» и проч. И это называется публицистикой! Я серьезно рекомендую г. Меньшикову попробовать свои силы въ беллетристику: картины и образы тамъ важнѣе и нужнѣе, нежели логическіе выводы и фактическія доказательства.

Въ своихъ сужденіяхъ о литературѣ «о писательствѣ», г. Меньшиковъ столько же неумолимъ, сколько и въ своихъ сужденіяхъ вообще объ интеллигенціи. Его приговоры огульны, рѣшительны, лаконичны и ровно ничѣмъ не мотивированы. «Я думаю,—съ хладнокровною непреклонностью говоритъ г. Меньшиковъ,—что въ годы общаго оскуднѣнія слѣдуетъ призвать къ отвѣту и общество — мозгъ народа, и литературу — сознаніе общества» (стр. 5). Оскуднѣнія г. Меньшиковъ ничѣмъ не доказалъ, но къ отвѣту за оскуднѣніе онъ требуетъ и общество, и литературу. Его судъ надъ обществомъ, т.-е. надъ интеллигенціей, мы уже видѣли, а его судъ надъ литературой продолжается всего нѣсколько минутъ. Виновна ли литература въ несчастіяхъ русскаго народа? такъ ставитъ вопросъ г. Меньшиковъ и отвѣчаетъ на него кратко и ясно: «Да, виновна. Она виновна, какъ разумъ, который долженъ не только все предвидѣть и отъ всякой опасности предостеречь, но и обязанъ быть достаточно сильнымъ, чтобы заставить волю повиноваться себѣ. Литература виновна въ недостиженіи своихъ хорошихъ цѣлей уже тѣмъ, что ихъ не достигла» (стр. 6). Позвольте замѣтить, г. Меньшиковъ, что разумъ, который *еще* предвидитъ и все заставляетъ повиноваться себѣ, есть разумъ не человѣческій, а божественный. А вѣдь русская литература, какъ и всякая другая, дѣло человѣческое. Г. Меньшиковъ знать ничего не хочетъ и продолжаетъ: «Русская литература говорила много, но, очевидно, слѣдовало говорить еще больше. Она говорила иногда правильно и ясно, но слѣдовало говорить еще правильнѣе и яснѣе. Иногда вспыхивалъ въ этой литературѣ яркій огонь, зажигавшій чуткую совѣсть, но слѣдовало разгораться цѣлымъ пожаромъ и накалять даже каменные сердца» (стр. 6). Ясно, что отъ такого суда спасенія нѣтъ и быть не можетъ. Вы талантливы? Вы виновны, потому что слѣдуетъ быть еще талантливѣе. Вы много сдѣлали? Вы виновны, потому что слѣдовало сдѣлать еще больше. Вы воспламеняли сердца? Вы виновны, потому что слѣдовало воспламенять даже камни. Разумнымъ требованіемъ есть предѣлъ мѣра, но полету фантазіи не положено никакихъ границъ. Г. Меньшиковъ показываетъ дажѣ свою фантастическую мѣрку воочию: «Предположимъ, что въ надлежащее время и въ должномъ числѣ у насъ явились бы литературные пророки, которые ясно увидѣли бы ложь жизни и истинный смѣлительный путь, которые имѣли бы силу открыть это людямъ, поднять ихъ, возбудить, воспламенить, облагородить,—наша исторія сложилась бы совсемъ не такъ, какъ сложилась». *Предположите* это, читатель, сдѣлайте

такое удовольствіе автору. Однако, подражая г. Меньшикову, я скажу ему: вы виновны, потому что *предположить* можно и лучше что-нибудь. Предположимъ, наприм., что среди насъ «въ должномъ числѣ» явились чудотворцы, которые камни превращаютъ въ хлѣбъ, глупцовъ въ умниковъ, фантазёровъ въ разсудительныхъ людей: наша исторія сложилась бы ужъ совсѣмъ не такъ, какъ сложилась. Тогда даже и исторіи никакой бы не было, потому что каждый сидѣлъ бы подъ кущею своею и подъ смоковницею своею, спокойно насыщаясь чудотворнымъ хлѣбомъ. До чего мы съ вами договорились, г. Меньшиковъ? И это называется литературною критикою! Обращаю вниманіе г. Меньшикова на слова Герцена, взятые мною эпиграфомъ къ статьѣ.

М. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Путешествіе императора Вильгельма II въ Константинополь и въ Святую Землю окончилось. Приѣмъ былъ блистательный и горячій. Императоръ и султанъ неоднократно подчеркивали свою дружбу и обмѣнивались подарками. Повелитель православныхъ получилъ палку Фридриха Великаго.

При современномъ состояніи турецкихъ финансовъ расходы на встрѣчу и проводы германской императорской четы должны отозваться тяжело; но въ нравственномъ отношеніи турки несомнѣнно въ выигрышѣ. Въ столицу ихъ государства прѣзжалъ монархъ, правящій грозною военною державою, выступающій въ то же время какъ покровитель на Востокѣ христіанъ-протестантовъ и католиковъ. Въ привѣтствіяхъ ему говорилось о радостныхъ чувствахъ не однихъ турокъ, но и трехсотъ милліоновъ магометанъ, и императоръ Вильгельмъ заявлялъ, что выступаетъ другомъ султана и всего магометанскаго міра. Это не можетъ остаться безъ вліянія, не можетъ не вызвать повышенія мусульманскаго самочувствія, съ чѣмъ придется считаться Великобританіи и нашему отечеству.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій торжественнаго возвѣщенія германо-турецкой дружбы былъ отказъ начальниковъ турецкихъ войскъ въ Бандін очистить городъ. На этотъ разъ британская энергія оказала добрую услугу дѣлу справедливости и культуры: англійскій адмиралъ немедленно приготовился бомбардировать турецкія казармы, и туркамъ пришлось сдаться. Несчастный Критъ въ скоромъ времени вступить въ новую жизнь.

Другое столкновеніе англичанъ—съ французами—имѣетъ, къ сожалѣнію, совершенно иной характеръ. Послѣ рѣшительной побѣды англо-египетскихъ войскъ подъ Омдурианомъ почти достигнута цѣль, къ которой настойчиво стремилась Англія: не много осталось для того, чтобы связать ея африканскія колоніи отъ мыса Доброй Надежды до Египта. Но въ это время къ верховьямъ Нила двигалась французская экспедиція Маршана, и въ разгаръ англійскихъ успѣховъ она достигла Фашоды, на берегу Нила, и такимъ образомъ пересѣкла англичанамъ дальнѣйшій путь къ югу. Что такой шагъ французскаго правительства могъ вызвать протестъ со стороны Англіи, интересы которой имъ нарушались,—это вполне естественно; но протестъ былъ высказанъ въ грубой формѣ. Англійское правительство потребовало, чтобы Маршанъ немедленно оставилъ Фашоду, угрожая въ про-

тивномъ случаѣ войною. Въ этому Франція не приготовлена и потому вынуждена была исполнить требованіе. Дипломатическіе переговоры при успокоительномъ характерѣ, но національному самолюбію французовъ и сень тяжелый ударъ.

Неизвѣстный авторъ статьи въ ноябрьской книжкѣ *Revue de l'* (она подписана тремя звѣздочками, — не Ганото ли?) о французской и тикѣ за двадцать восемь лѣтъ упрекаетъ правительство за то, что не сумѣло установить хорошихъ отношеній ни съ Англіей, ни съ Германіею противъ этихъ двухъ государствъ, вѣсть взятыхъ, Франція безсильна. Дѣло однако въ томъ, что легкомысленно направленная экспедиція Маршана была снаряжена въ бытность Ганото министромъ иностранныхъ дѣлъ. Правда, тогда побѣды подъ Омдурманомъ еще не было, но нельзя было предвидѣть, что въ концѣ-концовъ англичане справятся съ магдистами вновь утвердятся въ Хартумѣ. Еслибъ этого не случилось теперь, то Маршану грозила бы почти неминуемая гибель отъ тѣхъ же магдистовъ, которые не согласились бы признать французское владычество на своей территории. Экспедиція Маршана пришла въ Фашоду отъ Убанги и страшно утонула такимъ образомъ отъ своихъ опорныхъ пунктовъ. Возвращаться не будетъ, вѣроятно, черезъ Абиссинію, въ Обокъ.

Замутились вновь отношенія между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Испаніей вслѣдствіе требованія первыхъ уступить всѣ Филиппинскіе острова. Новая великая военная держава обнаруживаетъ ужасный аппетитъ: она сразу желаетъ присоединить къ себѣ Кубу, Порто-Рико и Филиппины. На возвратномъ пути изъ Іерусалима въ Германію *Генцоллер* зайдетъ въ Кадиксъ, и въ печать проникъ слухъ, что Вильгельмъ II посѣтитъ Мадридъ. Не выступитъ ли германскій императоръ въ пользу Испаніи?

Да, многого оставляютъ желать современныя международныя отношенія. Въ октябрѣ нынѣшняго года минуло 250 лѣтъ со времени заключенія вестфальскаго мира. Это событіе поминалось въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ. Есть что, разумеется, вспомнить: 24 октября 1648 года былъ положенъ конецъ ужасающей тридцатилѣтней войнѣ. По великому значенію этого мира для Европы и въ особенности для Германіи его сравниваютъ только съ вѣнскимъ конгрессомъ 1814—15 годовъ.

Берлинскій и франкфуртскій, въ особенности, договоры сильно испортили международныя отношенія. При современныхъ техническихъ условіяхъ жданной тридцатилѣтней войны невозможно, но и тридцатилѣтній вооруженный миръ (1871 — 1900) дѣйствуетъ пагубнымъ образомъ на благосостояніе и на нравственное состояніе европейскихъ народовъ. Всѣ друзья подлиннаго мира съ нетерпѣніемъ ждутъ повтому созыва конференціи, вызванной великодушнымъ предложеніемъ Императора Николая II. Трудно предположить, чтобы она повела за собою непосредственно даже постановку, не говоря уже о сокращеніи вооруженій; но на ней можетъ быть правильно постав-

*) *Vingt-huit ans de Politique étrangère.*

спросъ о третейскихъ судахъ, о мѣрахъ къ предотвращенію рѣшенія международныхъ столкновеній желѣзомъ и кровью.

Вѣрнымъ признакомъ приближающагося торжества мира служить то обстоятельство, что въ агитаціи ради этой великой цѣли все большее и большее участіе принимаютъ женщины. Въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилось слѣдующее письмо предсѣдательницы женской лиги международного разоруженія, княгини Вишневецкой: «Женская лига международного разоруженія съ величайшей радостью привѣтствовала великодушный починъ Императора. Мы усмотрѣли въ немъ грандіозное проявленіе усилій, много лѣтъ прилагавшихся лигой, съ цѣлью указать на извѣстному мнѣнію опасности чрезмѣрныхъ вооруженій, разоряющихъ міръ въ теченіе 25 лѣтъ. Война создала вооруженный міръ, еще болѣе опасный, чѣмъ она сама, потому что война кратковременна, тогда какъ вооруженный міръ длителенъ и служитъ постоянной угрозой.

Большая идея Его Величества Императора Николая II вызвала неописанный восторгъ во всемъ мірѣ, потому что она откликнулась на задушевные чувства всѣхъ народовъ и на ихъ самыя дорогія желанія. Я могла увѣриться въ этомъ изъ единодушнаго сочувствія, съ какимъ съ перенесены встрѣчена была лига разоруженія, которую я основала 18 марта 1894 года. Нами были получены со всего міра тысячи писемъ поощренія и насія, и наша идея росла, какъ лавина. Нѣкоторыя газеты, — между прочими были и миролюбивыя, — высказали мнѣ, однако, что идея нашей лиги международного разоруженія хотя прекрасна и благородна, но преждевременна и неосуществима. Были и такія, которыя совѣтовали мнѣ даже исключить изъ названія нашей лиги слово «разоруженіе», какъ скороспѣлое дерзновенное.

Но я настояла на своемъ, непоколебимо вѣруя, что государи и главы государствъ въ одинъ прекрасный день выскажутся за частичное и окончательное разоруженіе всѣхъ для спасенія своихъ странъ отъ финансоваго разоренія. Когда я излагала эти надежды въ газетахъ въ 1896 и 1897 гг., я не ожидала, что цѣль нашей лиги будетъ освящена такъ скоро могущественнымъ Монархомъ.

Несмотря на благородный призывъ Русскаго Императора, пронесшійся вѣтромъ какъ молнія, освѣщающая омраченное и насыщенное электричествомъ небо, находятся еще скептики, которые спорятъ или требуютъ задержки и рѣшенія всѣхъ самыхъ щекотливыхъ международныхъ вопросовъ, тянущихъ въ себѣ будущую войну.

Невозможно, конечно, допустить, чтобы столь важныя разногласія, требующія многихъ лѣтъ размышленія, могли быть разрѣшены одной конференціей.

Слѣдовало бы отдѣлать многосложные и запутанные вопросы отъ простой и ясной идеи, которою руководствовался могущественный Государь и въ отношеніи къ которой согласіе между кабинетами несомнѣнно возможно.

Куда подумаешь, что переговоры о международной конвенціи для разоруженія

ненныхъ, состоявшейся въ Женевѣ, длились двадцать лѣтъ, не и отъ предстоящей программы ничего, кромѣ взаимнаго примиренія съ цѣлью достигнуть европейскаго мира хоть на десятилетіе, теченіе которыхъ всѣ недоразумѣнія между народами должны быть решены международнымъ третейскимъ судомъ. Если правительства и тогда ни къ какому соглашенію, они вынуждены будутъ отложить военныя дѣйствія до истеченія этого десятилѣтія.

«Въ теченіе этого времени взаимная ненависть уляжется, сойдутся, народы опомнятся и не допустятъ другъ друга до повторенія перваго десятилѣтняго опыта, можно будетъ въ новой жизни заняться вопросами болѣе широкими и придти къ разоруженію обществу. Если прочесть исторію одного только нашего столѣтія, увидѣть, что абсолютнаго status quo не существуетъ, что народы, живя единицы переживаютъ всемірный законъ эволюціи, и думать, чтобы на будущей конференціи народы, довольные status quo, не предложили идею возможныхъ измѣненій къ лучшему.

«Въ то время, какъ многіе мужчины видятъ только препятствія, женщины видятъ возможности, мы, женщины, охотно отдаемъ свое сердце сердечному влеченію; мы поняли и благословляемъ Державно-мудрое до насъ съ высоты Престола, благословляемъ его какъ и зерно великаго будущаго для человѣчества.

«Наша лига дѣлаетъ уже пропаганду воззваніями и черезъ общественнаго мнѣнія, въ пользу великаго почина Русскаго Императора, какъ знаменія новой эры.

«Желаю удвоить наши усилія, я прошу редакцію оказать содействие этому письму и нашему воззванію къ русскимъ женщинамъ, мы приглашаемъ присоединиться къ нашей лигѣ, съ цѣлью великую манифестацію отъ имени общественнаго мнѣнія въ пользу разоруженія».

Воззваніе французскихъ женщинъ къ русскимъ составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Русскія матери, жены и сестры! Мы принимаемъ увѣреніе въ нашей любви и симпатіи къ вамъ и вашимъ народамъ. Мы взываемъ къ вашимъ чувствамъ, чтобы тѣснѣе связать у насъ связующія оба наши отечества, и выразить нашу благодарность обществу Императора Николая II. Составимъ же новый союзъ, въ которомъ женщины обоихъ странъ обязались бы приложить всѣ свои силы и употребить все свое социальное вліяніе въ цѣляхъ международного разоруженія.

«Женщинамъ нашей эпохи не подобаетъ болѣе восхищаться побѣдителями; онѣ видятъ теперь, что уничтоженіе человѣка есть варварскій анахронизмъ, настолько же несогласный съ волею Бога-Создателя и съ ученіемъ Іисуса Христа, сколько и съ идеями человѣческой солидарности, недавно пробудившейся во всемъ ч

«Нѣтъ женщины, которая въ качествѣ матери или воспитательницы не

могла бы работать надъ этой великой реформой; для этого достаточно отдать себя на внушеніе юношеству, дѣвочкамъ или мальчишкамъ, любви къ человечеству и глубокой ненависти къ несправедливостямъ и жестокостямъ войны.

«Русскія сестры! Мы протягиваемъ дружескую руку. Протяните намъ и вашу и позвольте намъ надѣяться на полученіе сердечнаго отвѣта на эти строки, которыя, хотя и далеко не совершенно, говорятъ вамъ, однако, какими чувствами преисполнены наши сердца, и въ то же время высказываютъ твердую нашу увѣренность въ томъ, что союзъ между обѣими нашими странами призванъ распространить свое благотворительное вліяніе еще и на другіе болѣе обширные круги.

«Мы просимъ васъ принять увѣренія въ нашихъ искреннихъ чувствахъ во имя нерасторжимаго союза, любви и мира» *).

Одною изъ злыхъ неизбежностей современнаго милитаризма является международное военное шпионство, на почвѣ котораго разыгралось дѣло Дрейфуса. Въ сентябрѣ нынѣшняго года въ одной изъ брауншвейгскихъ газетъ (*Neueste Nachrichten*) мы встрѣтили статью о международномъ шпионствѣ Г. О. Крамера, котораго редакция рекомендуетъ, какъ знатока дѣла. Крамеръ признаетъ систематическое шпионство, съ поддѣлками, подкупамъ, кражами документовъ и т. п., необходимою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, утверждаетъ онъ, военнымъ властямъ приходится имѣть и непосредственныя сношенія со шпионами. Авторъ ссылается при этомъ на книгу русскаго офицера, г. Клембовскаго, переведенную на нѣмецкій языкъ, *Военное шпионство во время мира и войны*. Крамеръ говоритъ, что эта книга является отличнымъ руководствомъ для шпионовъ.

Министерство Бриссона пало подъ натискомъ реакціонеровъ и клериковъ, къ которымъ присоединились единомышленники Мелина и Кавеньяка. Новый кабинетъ, во главѣ котораго сталъ Дюпюи, обманулъ однако ожиданія противниковъ Бриссона: четыре министра павшаго кабинета вошли въ новый; декларация, прочитанная Дюпюи, составлена въ прогрессивномъ духѣ, подчеркиваетъ верховенство гражданской власти надъ военною, объявляетъ, что правительство преклонится въ дѣлѣ Дрейфуса предъ судебнымъ приговоромъ.

Бриссону принадлежитъ великая заслуга: онъ настоялъ на томъ, чтобы вопросъ о пересмотрѣ этого несчастнаго дѣла былъ рѣшенъ правильнымъ судебнымъ порядкомъ. И французскій кассационный судъ оказался на высотѣ своего положенія.

Докладчикъ Баръ, генеральный прокуроръ Мано, председатель Лэвъ и адвокат Морнарь неотразимо доказали вопіющія неправильности въ процессѣ, который кончился осужденіемъ Дрейфуса. Кассационный судъ по-

*) *Ligue des femmes pour le désarmement international*. Paris, rue du Débarcadère, 7—Мв.

становилъ, что онъ самъ произведетъ дополнительное слѣдствіе, соберетъ всѣ юридически необходимыя свѣдѣнія и тогда приступитъ къ пересмотру дѣла. Пяти бывшимъ военнымъ министрамъ: Бильо, Мерсье, Кавоньяку, Цурлиндену и Шануану—пришлось уже подвергнуться продолжительному допросу. Правосудіе побѣдоносно двигается впередъ. Это должно искренно порадовать всѣхъ друзей Франціи и справедливости. Приговоръ кассационнаго суда и заявленія Бриссона и Дюпюи возвращаютъ Французской республикѣ уваженіе міра.

Добросовѣстно заблуждавшіеся противники пересмотра перешли теперь, послѣ блистательныхъ разъясненій въ кассационномъ судѣ, на сторону пересмотра. Ротшоръ и его союзники клерикалы и антисемиты неистово нападаютъ на трибуналь; но общественное мнѣніе начинаетъ относиться къ нимъ со спокойнымъ презрѣніемъ. Весьма значительная, даже главная заслуга въ этой побѣдѣ нравственного чувства и здраваго смысла принадлежитъ газетѣ *L'Aurore*, Эмилю Золя и Жоржу Клемансо. Въ передовой статьѣ, въ которой редакторъ этой газеты, Эрнестъ Воганъ, говоритъ о первой ея годовщинѣ, со справедливою гордостью указывается на борьбу, веденную *Zareu*. Она не получаетъ никакихъ доходовъ, кромѣ подписной платы и законной цѣны за объявленія, устраняя рекламы; она выступила противъ парламента, правительства и сбитаго было съ толку общественного мнѣнія и можетъ теперь торжествовать побѣду. *L'Aurore* одержала побѣду и въ матеріальномъ отношеніи: она расходится теперь больше, чѣмъ въ ста тысячачъ экземплярахъ.

Нужно замѣтить, что первоначально Воганъ и его ближайшіе сотрудники, за исключеніемъ Бернара Лазара, не вѣрили въ невинность Дрейфуса. Виѣшательство Шереръ-Кестнера и указанія Клемансо на юридическую неправильность процесса измѣнили отношенія *L'Aurore* къ этому дѣлу.

Плохо кончается для Цислейтаніи юбилейный годъ царствованія императора Франца-Иосифа. Борьба австрійскихъ нѣмцевъ съ чехами и другими славянскими народами ведется съ упрямою ненавистью. Вожди оппозиціи произносятъ въ парламентѣ рѣчи, призывающія виѣшательство въ пользу австрійскихъ нѣмцевъ германскаго императора. Въ запальчивой и въ высшей степени рѣзкой рѣчи Шенереръ нападалъ на Габсбургскую династію и открыто призывалъ австрійскихъ нѣмцевъ разрушить Австрію, какъ самостоятельное государство, и войти въ составъ Германской имперіи.

Засѣданія палаты депутатовъ продолжаютъ и правительственный проектъ соглашенія съ Венгріей подвергается обсужденію. Увѣряютъ, какъ извѣстно, что это не входило въ планы министра-президента, который рассчитывалъ на прежнюю обструкцію нѣмцевъ. Тогда графъ Тунъ распустилъ бы парламентъ и соглашеніе состоялось бы на основаніи § 14 конституціи, одностороннимъ актомъ верховной власти. На принятіе парламентомъ законопроекта надежда у сторонниковъ правительства не велика, потому что соглашеніе невыгодно для Цислейтаніи, и отвѣтственность за него не

хочетъ брать на себя никакая партія, естественно опасаясь народнаго неудовольствія.

Такъ какъ Испанія, по всей вѣроятности, придется лишиться всѣхъ колоній и вступить въ новую и тревожную фазу исторіи, то особый интересъ имѣютъ свѣдѣнія, рисующія современное положеніе этой несчастной страны. Читатели найдутъ такіа свѣдѣнія въ статьѣ В. В. Лесевича, напечатанной въ этой же книгѣ нашего журнала. Любопытна корреспонденція изъ Мадрида, напечатанная недавно въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* *). Военный министръ, — пишетъ корреспондентъ, — требуетъ 30 милліоновъ пезетъ на укрѣпленіе Болеарскихъ и Канарскихъ острововъ. Маршалъ Бланко съ Кубы шлетъ требованіе денегъ на уплату жалованья войскамъ. «Вслѣдствіе возвышенія налоговъ на газъ и электричество производители повысили цѣны, и теперь въ Барселонѣ и Валенсіи открылись стачки потребителей: съ 6 часовъ всѣ лавки закрываются, въ театрахъ и частныхъ домахъ употребляется керосинъ, ацетиленъ и даже масло, и это вызываетъ ропотъ какъ среди торговаго класса, такъ и вообще населенія». Отовсюду несутся жалобы на сборщиковъ налоговъ на съѣстные припасы. При вѣздѣ въ городъ, они безцеремонно обыскиваютъ всѣхъ и требуютъ больше, чѣмъ по тарифу. «Нужно замѣтить, — говоритъ корреспондентъ, — что и этотъ налогъ правительство отдало въ аренду одной торговой компаніи, такъ что откупщики, которые приобрѣли себѣ столь дурную славу въ древнемъ Римѣ и во Франціи передъ революціей, еще существуютъ въ Испаніи, какъ постыдный и вредный анахронизмъ. На дняхъ мы видѣли у заставы Cuatro Caminos (четыре дороги), какъ приказчики этой компаніи, малые плутоваго и наглаго вида, въ какихъ-то форменныхъ фуражкахъ, обыскивали, спорили и получали деньги съ крестьянъ, привезшихъ въ Мадридъ свои продукты. Два карабинера въ клеенчатыхъ рогатыхъ треуголкахъ, въ черныхъ мундирахъ съ желтыми и красными выпушками и нашивками, съ ружьями безъ штыковъ, охраняли эту таможену, которая уже нѣсколько разъ подвергалась разгрому, производимому обыкновенно населеніемъ предѣлѣтъ въ городской чертѣ».

Одни ждутъ диктатуры, призываютъ Донъ-Карлоса; другіе видятъ единственное спасеніе въ преобразованіи государства въ федеральную республику. Корреспондентъ посѣтилъ Кастиляра, который о ближайшемъ будущемъ Испаніи самаго безотраднѣе мнитъ. Бѣдность, невѣжество населенія, непримиримый фанатизмъ католическаго духовенства въ высшей степени затруднили бы преобразовательную и умиротворяющую роль самаго сполнаго правительства, а кабинетъ Сагасты ничего не сдѣлалъ и умѣлъ то лько прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ по отношенію къ печати и къ собраніямъ.

В. Г.

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 277.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неурожай и связанный съ ними опасенія. — Наши отношенія къ Финляндскому терпимости и православному духовенству. — Женскія епархіальныя училища. — Конради †. — Юбилей Е. Н. Водовозовой, А. К. Шеллера (Михайло Маркова).

По официальнымъ свѣдѣніямъ и по извѣстіямъ изъ частныхъ источниковъ положеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, въ тревогу. Главное управленіе общества Краснаго Креста отправлено моченныхъ въ губерніи Казанскую, Симбирскую, Вятскую, Пермскую, Самарскую и Уфимскую для наилучшаго распредѣленія населенію. Притокъ пожертвованій, по заявленію главнаго управленія, не соотвѣтствуетъ неотложнымъ нуждамъ, и поэтому отчислило на нихъ 200,000 р. изъ своего запаснаго на военныя капиталы. Съ воззваніями о помощи обращаются путемъ петицій частныя лица. Министръ внутреннихъ дѣлъ во время своей поездки въ пострадавшія отъ неурожая губерніи въ совѣщаніяхъ съ представителями земства и администраціи опредѣлялъ разныя формы помощи, съ которою должно придти въ данномъ случаѣ правительству.

Благодаря принятымъ и принимаемымъ мѣрамъ, бѣдствія не такъ дурно устранены или смягчены. Но тревожно въ особенности то, что дожди у насъ часто повторяются, что неурожай надолго разстроитъ крестьянское хозяйство, въ которомъ, въ огромномъ большинствѣ, нѣтъ никакихъ запасовъ на черный день. Въ журналѣ попечительства о труде въ домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ, въ официальной *Трудовой Мощи*, приведены числовыя данныя о печальномъ состояніи въ мѣстностяхъ сельскаго и фабричнаго населенія. *Трудовая Мощь* пишетъ, что къ приведеннымъ ею фактамъ обобщенія этого населенія относится равнодушно. «А между тѣмъ, — продолжаетъ журналъ, — значеніе ихъ постоянно усиливается новыми временными бѣдствіями, съ которыми страна. Въ теченіе восьми лѣтъ Россію постигло много урожая.

«Когда грозный и ужасный вопросъ о систематическомъ управленіи

стоитъ передъ глазами, когда призракъ бѣды угрожаетъ всему, чѣмъ дорожитъ человечество, тогда необходимо собрать все силы, все средства, все, чѣмъ располагаемъ мы, чтобы спѣшить на борьбу съ надвигающимся зломъ».

Почти девятнадцать лѣтъ тому, во «Внутреннемъ Обзорѣніи» *Русской Мысли*, мы указывали на эту опасность и на необходимость такой борьбы. Мы говорили тогда, что «физическія силы населенія слабѣютъ, оно, страшно сказать, начинаетъ вырождаться. Къ послѣднему вопросу у насъ склонны относиться или съ легкомысліемъ, или съ пренебрежительнымъ недоверіемъ. Но факты на-лицо» *). Далѣе мы приводили свѣдѣнія объ исполненіи воинской повинности и т. п. Теперь къ этому вопросу обращается г. Дедюлинъ въ газетѣ *Русскій Трудъ*. На его статью послѣдовало возраженіе со стороны военнаго министерства, вызвавшее вторую статью того же автора. Въ виду чрезвычайной важности вопроса мы познакоимъ съ нею читателей.

Г. Дедюлинъ прежде всего приноситъ благодарность военному министру А. Н. Куропаткину за его просвѣщенный починъ внести въ изслѣдуемый вопросъ побольше свѣта и правды: «Только этимъ путемъ,—говоритъ г. Дедюлинъ,—мнѣ, наконецъ, удалось заполучить ту точную искомую цифру (хотя бы только за семь лѣтъ) неспособнаго населенія, которую я, чувствуя ея невѣрность (?), въ теченіе десяти мѣсяцевъ тщетно искалъ и нигдѣ найти не могъ» **).

Г. Дедюлинъ произвелъ тщательныя вычисленія, пользуясь всеми достоящими источниками, и результаты этихъ вычисленій очень печальны.

«Не такъ давно,—говоритъ авторъ,—по численности негодныхъ къ военной службѣ, въ средѣ европейскихъ государствъ Россія занимала послѣднее мѣсто (*Ридиеръ*: «Комплектованіе и устройство вооруженныхъ силъ»), а въ настоящее время она стоитъ уже на третьемъ мѣстѣ, выше Франціи и даже Италіи! Другими словами, оставаясь страной земледѣльческою, Россія непродуманною (неспособною) рабочею силою превысила страны съ промышленностью обрабатывающей (фабрично-заводской)».

Ростъ неспособныхъ къ воинской службѣ громаденъ. Въ 1887 г. такихъ молодыхъ людей было 117,189 человекъ, въ 1896 г.,—страшно сказать,—258,240 человекъ ***).

«Въ то время,—говоритъ г. Дедюлинъ,—когда потребность государственной обороны въ личномъ составѣ арміи возросла за 23 года только на 8%, призывной возрастъ увеличился на 48%, здороваго состава того же возраста уменьшилось на 20%, осталось же за наборомъ: здороваго состава, основного призывного возраста, на 31%, меньше, а неспособнаго, больнаго состава увеличилось на 100%, по отношенію же послѣдняго года къ 1890 г. (къ началу типичнаго возраста) получилось, что, составъ арміи

*) *Русская Мысль* 1880 г., кн. IV.

*) Г. Дедюлинъ: *Да! Русскій народъ вырождается* (Отвѣтъ на возраженіе военнаго министерства). *Русскій Трудъ*, № 41.

**) Въ 1879 г. ихъ было 50,000 (на 325,000 освидѣтельствованныхъ).

возросъ только на 0,33%, основной призывной возрастъ увеличился на 6,75%, здорового состава, явившагося къ набору, уменьшилось на 11%, осталось же за наборомъ: здорового состава на 9%, меньше, а больного на 9%, больше. Среднее ежегодное увеличеніе больного состава за всѣ 23 года набора составило около 0,75% ($\frac{3}{4}$), для послѣднихъ же 7 лѣтъ увеличеніе это выражается въ 1,25%, т.-е. на 0,50% больше. Сравнивая же послѣдній годъ (1896) набора съ 1874 и 1890 годами въ ‰, получимъ цифры, указанныя въ таблицѣ 3-й.

Наибольшее повышеніе численности больныхъ и пониженіе численности здорового состава призывныхъ относится къ послѣднему отчетному селѣтію (1890—96 гг.).

Въ основѣ зла лежатъ, конечно, экономическія причины, недостатки просвѣщенія и врачебной помощи. На кievскомъ сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, въ августѣ нынѣшняго года, шла рѣчь о борьбѣ съ народною нуждою и о мѣрахъ для возстановленія народнаго здоровья. Постепенный упадокъ крестьянскаго хозяйства обсуждался на секціи агрономіи и подсекціи статистики. На основаніи постановленія соединеннаго собранія членовъ кievскаго общества сельскаго хозяйства и X сѣзда, предсѣдателемъ общества разосланы на обсужденіе вопросы, поставленные въ этомъ засѣданіи (28 августа).

Фактъ упадка крестьянскаго хозяйства подтверждался всѣми членами засѣданія, принимавшими участіе въ преніяхъ. Главнымъ вопросомъ, который вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, было предложеніе священника Н. Н. Блинова. Въ докладѣ, озаглавленномъ *Коренная жьра къ умучиенію крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ*, Н. Н. Блиновъ защищалъ слѣдующіе тезисы:

1. Для умучиенія быта крестьянъ, гдѣ къ тому представляется возможность, долженъ быть примѣняемъ выкупъ сосѣдней земли при посредствѣ правительства.
2. Равно приобрѣтеніе земли вновь для крестьянъ предпочтительно выгоднѣе для нихъ при участіи правительства, а не кредитныхъ обществъ *).
3. Гарантіей исправной уплаты крестьянами выкупныхъ платежей въ каждомъ селеніи должна служить организація товариществъ въ 6—12 семействъ, получающихъ участки въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ для обработки сообща.
4. Обработка земли крестьянскими товариществами и раздѣлъ полученнаго урожая зерномъ, причемъ опредѣленная часть его поступаетъ на покрытіе выкупныхъ платежей, есть наилучшая форма крестьянскаго землепользованія.

Большая часть ораторовъ отнеслась сочувственно къ предложенію г. Бли-

*) Авторъ здѣсь отдастъ преимущество выкупной операціи передъ установленными способами поземельнаго кредита, которые для крестьянства, стоящаго на низкой ступени развитія, мало подходящи, подтвержденіемъ чему служатъ частыя продажи крестьянскихъ земель, купленныхъ съ помощью крестьянскаго банка.

ова, но были и противники, которые указывали на то, что община и артель стѣсняють личную самостоятельность, и ссылались на процвѣтаніе индивидуальнаго крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ, въ частности у чеховъ и моравовъ. Интересно мнѣніе извѣстнаго знатока дѣла, профессора И. А. Стебута. Онъ не сторонникъ выкупа казенныхъ земель, «но сторонникъ того, чтобы крестьяне арендовали казенныя земли и ввели на нихъ болѣе высокую культуру, къ чему естественно и казна должна стремиться, давая крестьянамъ агрономическое руководство. Будучи знакомъ съ условіями хозяйства центральныхъ губерній, я долженъ признать, что причиною объединѣнія крестьянъ является чрезмѣрное дробленіе семействъ и, вслѣдствіе этого, полная беспомощность населенія. На почвѣ разобщенія такъ происходитъ слѣдующее явленіе. Съ одной стороны, постоянно увеличивается количество безземельныхъ и безлошадныхъ крестьянъ, но одновременно другая часть крестьянъ, такъ называемыхъ богатѣевъ, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все большее и большее количество земли, заводитъ все больше лошадей и начинаетъ вести хозяйство съ помощью батраковъ. И наступаетъ новый фазисъ ихъ господства. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени изъ среды крестьянъ выдѣлится классъ болѣе крупныхъ земельныхъ собственниковъ, въ томъ нельзя не видѣть стремленія крестьянъ создать на почвѣ такъ называемаго кулачества болѣе крупную земельную единицу. Если нежелательно, чтобы большая часть населенія оставалась бѣдной и чтобы развивалось крупное крестьянское хозяйство, то необходимо обезпечить возможность возникновенія крестьянскихъ товариществъ и артелей. Правительство, держа въ своихъ рукахъ землю, могло бы образовать артели, для чего необходимы два условія: поднятіе развитія и образованія крестьянской массы, *предоставленіе ей въ возможно широкихъ размѣрахъ мелкока кредитъ*. Кредитъ дастъ возможность сплотиться маломощному крестьянству въ товарищества и артели, которыя послужатъ основою развитія ихъ благосостоянія и вырвутъ ихъ изъ рукъ кулаковъ».

Въ общемъ, по нашему мнѣнію, со взглядомъ И. А. Стебута нельзя не согласиться.

Въ *Юридической Газетѣ* помѣщенъ рядъ статей, озаглавленныхъ *Росія и Финляндія*. Въ нихъ разбирается извѣстный трудъ профессора Іеллинека и статья г. Философова, о которыхъ мы говорили въ прошломъ обзорѣ. Іеллинекъ, какъ мы сообщали, считаетъ Финляндію *государственнымъ фрагментомъ*. Несмотря, однако, на то, что Финляндія только государственный фрагментъ, ея правовое положеніе не можетъ быть измѣнено безъ ея согласія. «Кто же утверждаетъ,—говоритъ Іеллинекъ,—что суверенное государство можетъ нарушить эти границы своихъ правомочій по отношенію къ подчиненному «краю», тотъ становится на ту точку зрѣнія, которая отождествляетъ суверенитетъ съ неограниченностью, отрицаетъ

возможность самоограниченія и сѣмиваетъ силу съ правомъ» *). Эти точки зрѣнія не хотѣтъ признать *Новое Время*, *Московскія Вѣдомости* и нѣкоторые другія газеты. Для нихъ сила давно является синонимомъ права.

Финляндія съ самаго присоединенія къ имперіи и до нашихъ дней отличается лояльностью. Наши государи многократно и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ заявляли это. Чего же хотѣтъ отъ финляндцевъ наши публицисты-охранители? Языкъ, природа, вѣроисповѣданіе финляндцевъ составляютъ ихъ особенности; ихъ государственно-общественное устройство исторически сложилось иначе, чѣмъ въ имперіи. Во имя какой идеи, какого общеперскаго блага надо вести борьбу съ этими особенностями?

Насъ интересуютъ юридическая и политическая сторона дѣла. Специально-военный вопросъ о преобразованіи финляндской арміи не находится въ области нашей компетенціи. Мы думаемъ, что испытанная лояльность и благоразуміе подскажутъ въ этомъ отношеніи финляндскому сейму рѣшенія, соответствующія и предложеніямъ нашего правительства, и особенностямъ края,—этого государственнаго фрагмента.

Важно, разумѣется, познакомиться съ финляндскою печатью, какъ выразительницею общественнаго мнѣнія. Въ петербургскихъ газетахъ напечатаны извлеченія изъ статьи одного изъ серьезнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ ораторовъ этой печати, изъ *Nya Pressen*. Газета говоритъ, что «было бы вопіющимъ неблагодарностью не признать открыто долга, который лежитъ на насъ по отношенію къ Россіи и ея Монархамъ. Каждый гражданинъ нашей страны вполне сознаетъ это. Но пусть съ русской стороны не ставятъ намъ въ упрекъ, что мы оберегаемъ заботливо національный характеръ нашихъ учрежденій, обуславливающихъ возможность существующей здѣсь культуры. Когда обвиняютъ насъ въ сепаратизмѣ, какъ въ чемъ-нибудь преступномъ, за то, что мы лояльно оберегаемъ свои законы, то забываютъ, что обвиненіе должно прежде всего пасть на того Монарха, который впервые утвердилъ права Финляндіи и отнесъ нашъ народъ «къ числу народовъ», а затѣмъ на Его преемниковъ, которые подтверждали и расширяли эти права.

«Для лучшихъ элементовъ Россіи,—въ этомъ мы попрежнему увѣрены,—предположенія о лишеніи Финляндіи ея автономіи съ цѣлью предупредить, дабы не быть предупрежденнымъ, должны представиться абсурдомъ, чтобы не сказать—преступною затѣею, даже для собственныхъ интересовъ Россіи. Процвѣтаніе Финляндіи подъ покровительствомъ Россіи, лояльное сохраненіе правъ, нѣкогда ей обезпеченныхъ, дали одному изъ великодушнѣйшихъ государственныхъ людей нашего столѣтія, Гладстону, поводъ поставить эту всемірную державу въ ея отношеніи къ нашей странѣ приѣздомъ для другихъ современныхъ государствъ. Въ такомъ признаніи политическаго противника содержится побѣда высшаго порядка, чѣмъ та, которая одерживается на полѣ брани. Повиновеніе, основанное на силѣ, принудительно. Уваженіемъ пользуется лишь та политика, которая неулыбно

*) Юридическая Газета, № 59.

идутъ «принципы правды и справедливости». Приобрѣтеніе уваженія довь путемъ такой политики должно имѣть большую цѣну, даже для сильной изъ державъ, чѣмъ воззванія къ исключительному національному чувству съ цѣлью нарушенія правъ слабѣйшаго, — воззванія, которыя продолжаютъ дѣлать публицисты и писатели безъ чувства отвѣтственности и поэтому безъ уваженія къ требованіямъ правды и справедливости».

Финляндская газета права: русское общество относится къ Финляндіи не доброжелательно, именно съ уваженіемъ къ справедливости. Проявленіе нетерпимости, — религіозной и національной, — которая ведется изъ части нашей печати, находитъ откликъ только въ малоподготовленныхъ къ политической мысли слояхъ общества, которые не видятъ различія въ статьяхъ разныхъ Кукольниковъ нашей лже-патріотической печати.

Пыталась эта печать раздуть и дѣло всендза Бѣляковича. Мѣстный мѣръ, губернаторъ, католическій епископъ отрицаютъ въ его фанатическихъ дѣйствіяхъ присутствіе какой-либо вражды къ русскимъ, какую-политическую подкладку. А *Септъ* (темный, по остроумному выраженію *Курьера*) продолжаетъ вопіять о необходимости тащить и не пущать. И такъ поступаетъ г. Комаровъ, который на славянскомъ съѣздѣ въ Варшавѣ всерьѣзъ говорилъ о славянскомъ мірѣ, славянскихъ интересахъ! Нетерпимость не въ русскомъ характерѣ, и широкая терпимость нашей государственной власти является ея прозорливостью и честностью. Приведемъ трогательный случай, свидѣтельствующій о томъ же восточномъ духѣ, которымъ проникнуты лучшіе русскіе люди. По сообщенію *Южнаго Обозрѣнія*, въ Геническѣ недавно праздновался тридцатилѣтній юбилей священника Экземпларскаго, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ. «Интереснѣе всѣхъ», — говоритъ газета, — по своей важности была депутація отъ евреевъ. Геническій раввинъ, докторъ Барановъ, прочиталъ отъ еврейской депутаціи прочувствованный адресъ, напечатанный золотымъ шрифтомъ, а затѣмъ евреи поднесли о. Экземпларскому Евангеліе въ богатомъ и изящномъ серебряномъ переплетѣ изъ бѣлаго золота.

Юбилляръ, между прочимъ, горячо говорилъ о вѣротерпимости. Рѣчь его была растрогала присутствующихъ. О евреяхъ принято думать, что это расчетливый и сухой народъ. Это правда, — они расчетливы, но не такъ же, какъ и русскіе, «широкія натуры», способны и они увлечься. Въ нихъ есть эта восточная возбуждаемость, которую Спенсеръ называетъ импульсивностью и которая отливается очень быстро на все новое. Одинъ изъ членовъ еврейской депутаціи, Л. И. Шапира, вдругъ пожертвовалъ двѣ тысячи рублей въ пользу церковно-приходской школы, а за двѣсти рублей онъ просилъ раздать мѣстнымъ христіанскимъ бѣднякамъ «хлебъ и соль», какъ онъ культурно выразился) и еще прибавилъ 500 руб.

для раздачи бѣднякамъ тѣхъ приходовъ, священники которыхъ вали на торжествѣ. Примѣру Шапиры послѣдовали другіе. Кто сто рублей, кто триста, кто пятьдесятъ».

Какъ отнесутся къ этому *Новое Время*, *Московскія Вѣсти*, отецъ Экземплярскій не исключеніе,—русское духовенство не фанатизмомъ католическаго. Это доказывается его отношеніемъ къ земской народной школы.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего непріязненнаго, никакой власти (исключенія, конечно, есть, но мы имѣемъ въ виду преобладающее большинство случаевъ). Это г. Грингмутъ желаетъ отобрать земства, а не православное духовенство. Желаніе это, не совпадающее съ требованіями справедливости, противорѣчитъ и повелѣніямъ здраваго смысла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ попечитель петербургскаго учебного округа М. Н. Капустинъ, указавъ на то, что священники и діаконы сельскихъ приходовъ не могутъ обучать во всѣхъ народныхъ школахъ. А число этихъ школъ все увеличивается. *Сынъ Отечества* обвиняетъ на всевозрастающій недостатокъ законоучителей. Это неблагоприятно отражается на распредѣленіи школъ по уѣздамъ: школа открывается не въ томъ пунктѣ, гдѣ она нужнѣе въ населенія, а ближе къ селу, въ которомъ есть церковь. «Крошечный» недостатокъ неблагоприятно вліяетъ также и на преподаваніе Закона Божія. Часто сельскій священникъ соглашается быть законоучителемъ въ силу необходимости, т.-е. единственно потому, что кромѣ этого нечего поручить преподаваніе Закона Божія. Въ результатѣ получается, что священникъ числится законоучителемъ и получаетъ отъ земства жалованье, а Законъ Божій преподаетъ учитель или учительница.

На такое ненормальное положеніе указываетъ, напримѣръ, уѣздное земство. Управа сообщаетъ, что къ ней нерѣдко появляются учителя о выдачѣ имъ дополнительнаго вознагражденія за преподаваніе Закона Божія. Малмыжскій инспекторъ народныхъ училищъ въ управу: «При обзорѣ училищъ въ началѣ второй половины учебнаго года, при наблюденіи за должнымъ строемъ учебнаго дѣла, въ нѣкоторыхъ училищахъ, прямо въ ущербъ этого строя, мнѣ приходилось съ чувствомъ прискорбнымъ отмѣчать крайнюю и слабую дѣятельность оо. законоучителей по преподаванію Закона Божія, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ давали себѣ трудъ не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, вслѣдствіе чего положеніе Закона Божія какъ предмета обученія, находится въ этихъ училищахъ въ очень плохомъ, слабомъ видѣ».

Но дѣло въ томъ, что осуждать за это сельскихъ священниковъ возможно. Мы не отрицаемъ того, что среди нихъ могутъ быть и небрежно относящіеся къ исполненію своихъ учительскихъ обязанностей.

*) *Сынъ Отечества*, № 295.

строинномъ большинствѣ случаевъ однако священнику, занятому богослуженіемъ и требами, нѣтъ времени вести въ школахъ правильного преподаванія Закона Божія.

Сынъ Отечества справедливо замѣчаетъ, что съ введеніемъ всеобщаго преподаванія недостатковъ въ преподавателяхъ Закона Божія сдѣлается еще больше. И теперь уже нѣкоторые земства задумываются надъ этимъ вопросомъ. Елизаветградское уѣздное земское собраніе пришло къ тому заключенію, что единственнымъ выходомъ изъ затрудненія будетъ предоставленіе для преподаванія въ начальной школѣ Закона Божія лицамъ, не получившимъ специально богословскаго образованія. Въ этомъ смыслѣ елизаветградское земство рѣшило возбудить ходатайство.

Петербургская газета полагаетъ, что такіа ходатайства «едва ли можно встрѣтить какія-либо существенныя возраженія. Въ положеніи о начальныхъ училищахъ прямо указано, что «Законъ Божій можетъ быть преподаванъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ или приходскимъ священникомъ, или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію инспектора народныхъ училищъ». Слѣдовательно, стороны закона нѣтъ препятствій къ тому, чтобы учителя взяли на себя преподаваніе Закона Божія; для этого нужно только, чтобы инспекторъ представилъ», а духовное начальство «утвердило» представленное лицо въ личности законоучителя».

Важный вопросъ, близко касающійся нуждъ православнаго духовенства, поднимаетъ въ *Недѣлѣ* священникъ Д. Въ этомъ письмѣ съ юга *) рѣчь идетъ о судьбѣ епархіалокъ. Оно указываетъ на полную нецѣлесообразность существованія женскихъ духовно-учебныхъ заведеній. «Прежде всего,—пишетъ священникъ Д.,—при опредѣленіи дѣтей въ эти училища требуется такъ много молитвъ, что ребенку 10—11 лѣтъ положительно нѣтъ возможности запомнить всѣ эти молитвы. Далѣе, такъ много уроковъ назначено на славянскому языку, церковному пѣнію, изученію церковнаго богослуженія и т. д., что мало остается времени на изученіе другихъ предметовъ. Изученіе, наприм., священной исторіи преподается со всѣми подробностями въ 1-мъ классѣ (надо знать, напримѣръ, сколько было вѣсу въ Голіафа и т. п.). Дѣтямъ весьма затруднительно все это запомнить. Они начинаютъ говорить, что отъ нихъ теперь требуютъ, чтобы окончившія ученіе епархіальныхъ женскихъ училищахъ могли стать на клиросѣ и сами могли отправить службу церковную. Чѣмъ вызвано это требованіе? Чувствуется недостатокъ въ священно- и церковно-служителяхъ мужскаго пола? Если же не можетъ быть намѣренія допустить женщинъ къ этимъ званіямъ, то для чего готовить къ нимъ женщинъ?»

Дѣвочки учрѣждаютъ тонкостями церковно-славянскаго языка и не получаютъ познаній, необходимыхъ для нихъ по выходѣ изъ учебнаго

*) *Недѣля*, № 41.

заведенія. Мало заботятся въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ и физическомъ развитіи дѣтей. «На гулянья ихъ нигде изъ своего заведенія не отпускаютъ, да и въ заведеніи дѣти очень мало гуляютъ, и отпущенныя выходятъ изъ заведенія физически неразвитыми. Далѣе, дѣвки какъ рѣдко видятъ чужихъ людей, становятся очень боязливыми, отъ боя чужихъ людей, отъ воспитанницъ не добьешься слова. Желательно было, чтобы обращено было вниманіе на ненормальности въ постановкѣ обученія и вообще воспитанія въ нашихъ женскихъ епархіальныхъ училищахъ».

Въ прошломъ мѣсяцѣ скончалась одна изъ наиболѣе выдающихся русскихъ женщинъ, Евгенія Ивановна Конради. Она родилась въ Москвѣ, 1838 году, и была дочь тульского помѣщика Бочечкарова. Родители ея были богатыми людьми, но разорились, и двадцати лѣтъ Евгенія Ивановна няла мѣсто классной дамы, въ Москвѣ, но вскорѣ вышла замужъ за тербургскаго врача Павла Карловича Конради.

Въ Петербургѣ Евгенія Ивановна стала заниматься переводами и писать статьи въ журналахъ. Какъ на первую ея самостоятельную работу г. Стасовъ (въ *Новостяхъ*) указываетъ на очеркъ *Рабство въ Америкѣ* (напечатанъ въ *Русскомъ Словѣ* Благосвѣтлова). Затѣмъ Конради только участвовала въ *Женскомъ Вѣстникѣ*, въ *Недѣлѣ*, одно время была главнымъ редакторомъ этого журнала, потомъ работала въ *Знаменитѣ* и въ другихъ изданіяхъ.

Изъ трудовъ Е. И. Конради особенно слѣдуетъ отмѣтить *Исповѣдь матери*, *Общественныя задачи домашняго воспитанія* (книга для матерей) и превосходную, по нашему мнѣнію, статью о Гладстонѣ, напечатанную въ *Русской Мысли* въ ноябрѣ и декабрѣ 1889 года.

Г. Стасовъ указываетъ на то, что всѣмъ этимъ не исчерпываются заслуги покойной. Она совершила дѣло, которое оставило глубокий и благотворный слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія и общественнаго развитія. «Не посоветовавшись ни съ кѣмъ,—пишетъ г. Стасовъ,—ни съ кѣмъ не обмѣнявшись даже мнѣніями, никому ровно ни слова не сказавъ, она въ одинъ прекрасный день, въ декабрѣ 1869 г., пришла въ большую залу С.-Петербургскаго университета, гдѣ тогда засѣдалъ, въ первый разъ и день, I-й сѣздъ русскихъ естествоиспытателей, и подала председателю написанную ею рукою «петицію» о допущеніи русскихъ женщинъ въ слушанію всѣхъ лекцій въ нашемъ университетѣ, наравнѣ со всѣми студентами.

«Большая актовая зала университета была въ тотъ день полна,—рассказываетъ въ своихъ *Запискахъ* моя покойная сестра, свидѣтельница того, что тогда происходило.—Е. И. Конради подала свое прошеніе секретарю общества, профессору ботаники А. Н. Бекетову. Предсѣдателемъ былъ профессоръ Е. О. Кеслеръ. Прошеніе было громко прочитано профессоромъ Андр. Серг. Фаминцынымъ, и за прочтеніемъ послѣдовали громкія, несомнѣваемые рукоплесканія всей залы, можно сказать, единодушныя...»

«Съѣздъ принялъ «петицію» необыкновенно сочувственно, она была напечатана впоследствии въ *Трудахъ* съѣзда. Дѣло пошло въ ходъ, скоро возросло до громаднѣхъ размѣровъ; была еще лѣтомъ подана университету новая «петиція» отъ русскихъ женщинъ, но уже съ 400 подписями. Были многочисленныя затрудненія, препятствія, сопротивленія, однако-жъ, въ концѣ-концовъ, страстно и давно желѣмая русскими женщинами идея вошла до своего осуществленія и стоитъ теперь крѣпко, прочно, кажется, навѣки неизмѣнно.

«То, что было начато молодою 30-лѣтнею женщиною, съ вѣрою и непоколебимымъ убѣжденіемъ, принесло громадныя плоды навѣки *).

Вѣчная и благодарная ей память!

Въ октябрѣ праздновались тридцатилѣтніе юбилеи А. Б. Шеллера (Михайлова), Е. Н. Водовозовой и Е. Л. Маркова. *Русская Мысль* желаетъ юбилярамъ многихъ лѣтъ плодотворнаго труда на благо нашей литературы и просвѣщенія.

*) *Новости*, № 287.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театр: *Мирская вдова*, драма изъ крестьянской жизни въ 4-хъ.
Евт. Карпова.—Новый театр: *Идеальная жена*, комедія въ 3-хъ дѣйств.
Прага, въ переводѣ Н. А. Лухмановой.—Художественно-общедоступный
Теодоръ Иоанновичъ, трагедія гр. А. К. Толстого въ 5-ти дѣйств., *Венец.
комедія* въ 5-ти дѣйствіяхъ Шекспира. — Выставка картинъ и этюд
цагина.

Писать драмы—мы разумѣемъ «хорошія» драмы—дѣло, воо
кое; а написать красивую и занимательную драму «изъ крест
зни» и совѣмъ уже мудрено, главнымъ образомъ, потому, что
жизнь даетъ мало такихъ положеній, которыя переходили бы
драматическіе конфликты прежде, чѣмъ наступитъ ихъ разрѣш
либо актомъ полубезсознательнаго насилія. Въ большинствѣ
дѣйствительной «крестьянской» жизни, при обычной опредѣлен
ныхъ отношеній, конфликты завязываются на почвѣ имуществ
канчиваются просто и грубо, безъ особенныхъ психологическ
неній. На этомъ, въ сущности, построены почти всѣ драмы
янской жизни», начиная съ *Чужое добро въ прокъ не идетъ*
Властью тьмы,—съ *Около денегъ* и кончая *Мирскою вдов*
не сравниваемъ, а только сопоставляемъ напоминанія ради, что
отношеніи послѣдняя драма г. Карпова не представляетъ собо
нія. Слова: «любовь» и «люблю», конечно, извѣстны въ к
быту, только въ деревенской жизни они имѣютъ нѣсколько и
и другое значеніе, чѣмъ въ обиходѣ людей образованных.
отношенія, создающіяся этими словами, являются подъ солом
шамъ совѣмъ иными, чѣмъ въ «господскихъ хоромѣхъ». Въ
ской» огромное большинство романовъ и драмъ построено на
деревнѣ, при томъ, какъ тамъ понимается «любовь», на так
немного насочиняешь варіаций. *Мирская вдова* г. Карпова по
стороны газетныхъ критиковъ не только осужденію, но и осмѣ
незаслуженнымъ, по нашему мнѣнію. Мы думаемъ, что главна
томъ, что онъ назвалъ свое произведеніе «драмой», тогда ка
дѣлѣ это—«сцены» изъ крестьянскаго быта. Тутъ нѣтъ ро

рамен. «Кресты́нская вдова» Улья́на Петро́ва Ба́тина (г-жа Ермо́лова), по смерти мужа, сама ведет свое хозяйство, держит надѣлъ на двѣ души, работает не хуже мужика и за нѣкоторое вознагражденіе отъ «мира», правитъ въ деревнѣ должность десятскаго. У нея двое дѣтей: парнишка-подростокъ Симка (г-жа Копнина) и ребенокъ въ люлькѣ. Борисъ Кудринъ (г. Падаинъ), тоже вдовецъ, мужикъ крѣпкій и исправный, предлагаетъ Ульянѣ выйти за него замужъ, соединить въ одно ихъ два хозяйства. Дѣловитая и работающая баба очень по душѣ хозяйственному мужику. Но у Бориса въ домѣ живетъ старуха мать и есть дѣти. Ульяна опасается попасть подъ власть свекрови, навязать себѣ на руки пасынковъ и свести своихъ ребятишекъ съ чужими дѣтьми. Какъ ни тяжело ей управляться одной, она предпочитаетъ оставаться свободною, хотя и при тяжелой, почти непосильной работѣ. Ульяна—баба сильная и неробкая; ее не пугаютъ ни ужиманія, ни угрозы міроѣда-кабатчика Улыбина (г. Рыбаковъ), пытающагося то обѣщаніями, то насиліемъ одержать побѣду надъ одинокою женщиною... За Ульяну вступаются мужики, прибѣжавшіе на ее крикъ. Улыбинъ, съ его богатствомъ и вліяніемъ кулака-міроѣда, отвергнуть и посрамленъ. На вдову онъ жестоко злобствуетъ и задумываетъ «разсчитаться» съ нею «по-своему». Во второмъ дѣйствіи на сценѣ—деревня, съ полною ребятишекъ, дѣвокъ и бабъ, стариковъ и старухъ, со всѣми ее насущными нуждами и злобами: «общество» дѣлитъ покосы. Послѣ дѣлежа остаются «отрѣзки», которыми міръ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Вдова Ульяна проситъ «пожертвовать» ихъ ей, по ее сиротству. А у Улыбина уже глаза разгорѣлись на эти «отрѣзки». Старосту (г. Яковлевъ 2) онъ ублажаетъ льстивыми словами и рублевкой, одного старика припугиваетъ взысканіемъ стараго долга, спившагося и заматавагося мужичонку, Григорія Зарцова (г. Садовскій) беретъ къ себѣ на службу, а сходкѣ предлагаетъ за отрѣзки три рубля деньгами и полведра водки. Деревенская сходка шумитъ, галдитъ, ругается, но въ концѣ-концовъ принесенная водка соблазняетъ мужиковъ, и отрѣзки остаются за міроѣдомъ Улыбиннымъ, несмотря на кривилые протесты бабъ. Особенно энергично возстаетъ на Улыбина вдова Ульяна. Кабатчикъ придирается къ какому-то слову Ульяны и спѣшитъ «присвидѣтельствовать», что она ему грозила. Въ третьемъ дѣйствіи вечеръ наступаетъ, потомъ—ночь. Деревня по-прежнему успокаивается, тревожится только Ульяна,—у нея телушка не вернулась изъ стада. Симка бѣгала за телушкой и не нашла. Ульянѣ приходится самой идти на поиски. Тѣмъ временемъ Улыбинъ успѣлъ совсѣмъ овладѣть слабою волей заматавагося пьяницы Григорія Зарцова. Кабатчикъ даетъ ему 25 р. и водкой его накачиваетъ за то, чтобы Григорій поджогъ его, Улыбина, застрахованный сараишко, стоящій на-отшибѣ, далеко отъ деревни. Когда Григорій соглашается, соблазненный деньгами и водкой, Улыбинъ суетъ ему въ руки висѣвшую на плетнѣ рубаху вдовы Ульяны. Рубаха нужна въ качествѣ улики «мірской вдовы» въ томъ, что она со злобы на кабатчика подожгла его сарай. Показывается зарево, раздаются

страшные крики: «Пожар! горим!» Вся деревня поднимается въ смятении и ужасѣ, кто кидается тушить пожаръ, кто суетливо вытаскиваетъ изъ домовъ заспавшихся ребятешекъ и свою немудрающую движимость. Передъ хорошо знающими деревню проносится совершенно живая—и замѣчательная вѣрная картина «изъ крестьянской жизни». Четвертое дѣйствіе—въ избу Ульяны мирная сценка семейнаго обѣда. Вдругъ—тревога и шумъ, выливается толпа, во главѣ ея урядникъ и староста, за ними Улюбинъ въ качествѣ обвинителя Ульяны въ поджогѣ. Урядникъ принимается за дознание. Всѣ ушли противъ вдовы. Урядникъ приказываетъ связать ее и отправить въ городъ. Крестьянскій «міръ» не вѣритъ въ ея виновность, всѣ чувствуютъ, что тутъ совершается великая «неправда», что-то злодѣйское, всѣ вступаются за вдову, готовы даже «оказать сопротивленіе законной власти урядника». Присутствующій здѣсь Григорій Зарцовъ соображаетъ, наконецъ, какое онъ страшное дѣло совершилъ: погубилъ неповинную женщину съ ея дѣтьми-малолѣтками, и ведетъ подъ тяжелейшій отвѣтъ всѣхъ односельчанъ своихъ, весь деревенскій «міръ». Въ заматавшемся пропойцѣ просыпается «крестьянская» совѣсть, и онъ во всебѣгается. Связанными отправляютъ въ городъ не Ульяну, а кабатчина и Григорія. Изъ нашего пересказа достаточно ясно, что никакой драмы тутъ нѣтъ и нѣтъ даже никакихъ элементовъ для драмы. Но надо видѣть эту вещь на сценѣ нашего Малаго театра для того, чтобы съ нами согласиться и признать, что авторъ далъ достаточный матеріалъ для ряда правдивыхъ картинъ изъ деревенскаго быта, а наши артисты и режиссеры исполнили эти картины блистательно и образцово, какъ то подобаетъ истиннымъ художникамъ и большимъ мастерамъ своего дѣла.

Мы уже говорили, какиѣ симпатичныя учрежденіемъ представляется намъ «Новый театръ» или «Театръ молодыхъ силъ». До сихъ поръ на этой «молодой» сценѣ играла только молодежь, изъ старшихъ принимали участіе въ спектакляхъ одинъ г. Правдинъ. И молодежь старалась, играла радостно и съ увлеченіемъ, достигла такого дружнаго исполненія, которое мало чѣмъ уступаетъ прекраснѣйшему ансамблю сцены Малаго театра. Уважаемая Н. М. Медвѣдова (въ пьесѣ г. Невѣжина *Друзья дѣтства*) показала нашимъ «набольшимъ» артисткамъ и артистамъ путь на «новую» сцену. Это превосходно, это необходимо было, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что примѣру г-жи Медвѣдовой послѣдуютъ другіе первые артисты и артистки. Мы же, съ своей стороны, желали бы, однако, чтобы пьесы съ ихъ исполнителями Малаго театра переносились на «новую» сцену не цѣликомъ и сполна, а чтобы «старшіе» выступали лишь по-одиночкѣ, вмѣстѣ съ «молодыми» силами, давали бы имъ только тонъ и поддерживали преобладающую славныхъ традицій и отнюдь не заслоняли бы собою «молодыхъ». Большую службу сослужили бы «старшіе», еслибъ они не всегда ставились въ «Новомъ театрѣ» на первыя роли, а брали бы иногда на себя исполненіе вторыхъ, но отвѣтственныхъ, ролей, какъ то въ старые годы дѣлали въ Маломъ театрѣ Садовскій, Щепкинъ, Живоксинъ и др. Этихъ

«старшие» показали бы и доказали бы, что для больших талантов нѣтъ, въ сущности, ни вторыхъ, ни третьихъ ролей, и что артистъ всегда можетъ сдѣлать крупную и выдающуюся фигуру, типическую и образцовую, при маленькой, повидимому, роли. Простое же перенесеніе пьесъ со всѣмъ ихъ персоналомъ со старой сцены на «новую» мы считаемъ ненужнымъ, ибо «молодые» артисты уже видѣли ихъ въ Маломъ театрѣ, и такое перенесеніе мы находимъ вреднымъ для «молодыхъ силъ», ибо на нихъ это можетъ отразиться удручающимъ и обезкураживающимъ образомъ. А ихъ нужно только подбадривать, поднимать и поддерживать ихъ энергію. Да еще нужно всѣми мѣрами не допускать на «новой» сценѣ возможности создаваться «своимъ премьерамъ» и «своимъ премьершамъ». Въ эти высокіе чины въ свое время сами выйдутъ наиболѣе талантливыя «молодыя силы» любовью къ дѣлу, стараніемъ и трудомъ, и въ свое время онѣ займутъ подобающія имъ мѣста въ первой труппѣ Россіи. Мы уже въ предыдущей статьѣ говорили о необходимости тщательнаго отбора въ средѣ «молодыхъ силъ» во избѣжаніе переполненія персонала безполезностями, и говорили также о желательности привлеченія даровитыхъ сценическихъ дѣятелей изъ частныхъ и провинціальныхъ труппъ.

Послѣднею новинкой на сценѣ «Новаго театра» была трехактная комедія Марко Прага, *Идеальная жена*, въ переводѣ Н. А. Лухмановой. Комедія эта должна быть отнесена къ такъ называемому «легкому», — чтобы не сказать «легкомысленному», — репертуару. Биржевой дѣлецъ Андрей Кампиани (г. Правдинъ) преблагополучно поживаетъ съ молодой женой Юліей (г-жа Яблочкина), которая всячески ублажаетъ супруга своею заботливостью, нѣжностью и ласками. Она — «идеальная жена», по убѣжденію потешнаго Андрея Кампиани. Это не мѣшаетъ, однако, Юліи вѣшаться самымъ безстыднымъ образомъ на шею адвоката Велати (г. Рыжовъ), другу ея мужа. Связь эта длится уже два года, но мужъ ничего не видитъ и не подозреваетъ, совершенно ослѣпленный «идеальностью» своей Юліи, несмотря на то, что объ ея прелѣкахъ знаетъ чуть не весь городъ. Адвокату Велати она надоела; ему опротивѣла эта недостойная и небезопасная игра, а главное — онъ самъ хочетъ жениться. Но у него не хватаетъ характера прямо и откровенно сказать это Юліи, смѣлой до дерзости и нежелающей выпустить его изъ своихъ мягкихъ, но цѣпкихъ лапокъ. Этой борьбѣ «идеальной» негодницы съ вырывающимся отъ нея любовникомъ посвящены всѣ три акта пьесы, написанной ловко, умѣло, и мѣстами очень забавной, хотя и довольно грубой, какъ большинство итальянскихъ пьесъ. Дѣло кончается разрывомъ Юліи съ адвокатомъ, весьма ею посрамленнымъ. Кампиани остается непоколебимо увѣреннымъ въ своемъ полномъ счастьи съ «идеальной женой». Юлія убѣждена въ томъ, что она всѣ супружескія обязанности исполняла добросовѣстно, что такъ и должна вести себя всякая хорошая жена, стойко охраняющая покой мужа и непоколебимость «семейнаго очага». Изъ всѣхъ перипетій разыгранной ею комедіи она выноситъ только глубочайшее презрѣніе ко всѣмъ мужчинамъ, которыхъ она считаетъ

дрянными и лгунами изъ трусости, тогда какъ сама она жетъ долгу идеальной жены». Пьеса исполнена превосходно, безукоризненно съ тѣмъ увлекающимъ задоромъ, какимъ издавна славятся французы, очень рады, что можемъ констатировать огромные успѣхи г-жи, которыхъ она достигла на сценѣ «Новаго театра» серьезнымъ трудомъ. Позволять себѣ оцѣнку ея дарованія мы считаемъ временнымъ, но думаемъ, что, работая усердно въ томъ же направлении, молодая артистка можетъ достигнуть очень многого, если она не слишкомъ торопливо браться за то, что ей пока еще не по силамъ, пожалуй, мой ей совѣтъ: много поработать надъ тѣмъ, все еще слишкомъ юное щебетаніе передѣлать на болѣе солидное. Очень хороши были г. Рыжовъ и г. Падаринъ (въ роли Агонтъ и рица адвоката Велати). Хотя они и значатся въ числѣ «молодыхъ», но исполненіе ими этихъ ролей было нисколько не ниже исполненія артистовъ и шло совершенно въ тонъ съ отличною игрой. Созданныя для нихъ авторомъ комическія положенія переданы просто, безъ малѣйшаго покушенія на подчеркиванія, не раздражая въ шаржъ даже у болѣе опытныхъ актеровъ въ поговѣрки и апплодисментами публики. Такое исполненіе, какое мы видѣли въ *Жизни*, служить несомнѣннымъ доказательствомъ большой и яснаго пониманія трудно опредѣлимаго, но огромнаго различія между комическимъ и смѣшнымъ. Въ добрый часъ и впередъ, наши «молодые» по пути старыхъ традицій Малаго театра!

Очень извѣстными Москвѣ и, несомнѣнно, очень талантливыми и искренно любящими драматическое искусство (гг. К. С. Станиславскій, Вл. И. Немировичемъ-Данченкомъ), основанъ въ нынѣшнемъ «Художественно-общедоступный театръ» въ старомъ помѣщеніи въ «Картинномъ ряду». Объявленный и отчасти уже исполненный репертуаръ очень интересенъ для «Бѣлокаменной», особенно вѣроятно засѣвшей «въ своемъ болотѣ». Въ свое время ее неминуемо постигнутъ мейнингенцы. То была встряска случайная и скоротечная, очень полезная. Гг. Станиславскій, Немировичъ-Данченко и ихъ товарищи взяли на себя не легкую, но очень хорошую задачу — не только на сценѣ, но и въ жизни, «почивать» на лаврахъ и на сборахъ. Это было бы привѣтствуемъ доброе начинаніе. Первою пьесой на сценѣ «Художественнаго театра», — для краткости мы его будемъ называть «Художественнымъ», — шла трагедія гр. А. К. Толстого *Царь Ѳеодоръ*, средняя пьеса изъ его знаменитой трилогіи: *Смерть Иоанна Грознаго*, *Царь Ѳеодоръ Иоанновичъ* и *Царь Борисъ*. До этого раза трагедія Толстого никогда не была играна, а въ прошедшемъ мѣсяцѣ она была именно поставлена на сценахъ «Художественнаго» театра. Малаго театра г. Суворина въ Петербургѣ. Инициаторы «новаго» театра потратили очень много труда и не остановились ни передъ какими трудностями для того, чтобы съ перваго раза показать, что они хотятъ

Что они хотѣть сдѣлать,—мы уже сказали,—это превосходно, а они могутъ сдѣлать, или что они пока сдѣлали,—объ этомъ надо поинтересоваться ради успѣха ихъ симпатичнаго начинанія. Однимъ речами и восклицаніями, можно, конечно, очень угодить инициаторамъ, но всѣмъ нельзя имъ помочь продолжать ихъ дѣло въ желательномъ, по нашему мнѣнію, направленіи. Вотъ почему, сочувствуя ихъ задачамъ и желая полную справедливость ихъ стараніямъ, мы считаемъ своимъ долгомъ въ первыхъ же порахъ, указать имъ ихъ промахи,—поскольку сами имъ таковы. Одностороннее «мейнингенство», т.-е. вѣдущая въ постановки изображаемому времени, — дѣло хорошее, но увлекаться имъ «мейнингенствомъ» не слѣдуетъ: это очень опасно, какъ художнику отдавать слишкомъ много труда на выписку деталей въ картинѣ. Можетъ случиться, что детали выйдутъ на первый планъ, отвлекутъ вниманіе зрителя и заслонятъ собою самую картину. Художественнаго бы то ни было произведенія отнюдь не въ изображеніи мелкихъ аксессуаровъ, а въ гармоническомъ сочетаніи всего, что даетъ такое впечатлѣніе, сообщающее картинѣ ее настоящій и надлежащій смыслъ. Чѣмъ ни одинъ художникъ, въ какой бы ни было области искусства, не долженъ забывать того, что въ его воспроизведеніи дѣйствительности «художественная» неизмѣримо важнѣе «реальной правильности». Чѣмъ же болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, реально-точное изображеніе дѣйствительности невозможно и нежелательно. На сценѣ все условно и все условно, начиная съ освѣщенія и кончая рѣчами дѣйствующихъ лицъ, движущихъ «въ сторону» или произносящихъ монологи въ одиночку. По нашему мнѣнію, распорядители «Художественнаго» театра нѣсколько извлеклись «постановкою», вѣдущею своихъ представленій,—случай такъ, что у нихъ «за деревьями не видно лѣса». И это даже въ томъ смыслѣ въ трагедіи *Царь Федоръ*, въ первой картинѣ втораго дѣйствія, гдѣ наставленные у рамы деревья заслоняютъ собою всю сцену, а напущенная на сцену «ночь» такъ реально темна, что не видно движущихъ лицъ и слышно ихъ плохо за посвистываніемъ яго бы со стрекотаніемъ кузнечиковъ. Въ царскихъ палатахъ сдѣланы такія и низкія двери, что входящимъ и выходящимъ приходится низко кланяться и протискиваться въ нихъ, потрясая всю декорацию. Мы не знаемъ, какого размѣра были двери во дворцѣ московскихъ царей концѣ XVI вѣка, но, во-первыхъ, это некрасиво, во-вторыхъ—невероятно, въ-третьихъ—очень далеко отъ реальности, ибо каменные стѣны трескались. Костюмы на сценѣ «Художественнаго» театра превосходны, по крайней мѣрѣ мы судить можемъ, вѣрны изображаемому времени; но вотъ мы находимъ совершенно невѣрными: княжна Мстиславская (г-жа Рокко) является въ садъ на свиданіе съ княземъ Шаховскимъ съ непокрытой головой и распущенными волосами; благочестивая и скромная Татьяна (въ третьемъ дѣйствіи) ходитъ тоже «простоволоской» и «распущенная». Ни того, ни другого,—въ особенности, послѣдняго,—никакъ

не могло быть въ то время «строжайшаго обряда» даже въ с-ной жизни. Мы очень сомнѣваемся въ томъ, чтобы князь Ива-могъ входить съ палкою въ рукѣ въ кабинетъ царя, а тол-могла бы держать себя тамъ же такъ развязно и шумно, п-Переходя къ исполненію, мы находимъ, что г. Москвинъ даетъ такой образъ царя Федора, какимъ создалъ его авторъ. По-г. Москвина, это человѣкъ не только слабой воли, но и сла-особливо въ первыхъ сценахъ. Какимъ былъ сынъ Ивана I-дѣйствительности, это вопросъ другой, но въ трагедіи гр. Тол-нюдь не слабоумный, а такой именно, какимъ изображаетъ его-въ сценѣ примиренія Годунова съ Шуйскими и въ послѣдующи-въ которыхъ артистъ дѣйствительно очень хорошъ. Годуновъ-скій) не говоритъ, а изрекаетъ и вѣщаетъ, что неестественно, тонъ съ другими лицами и не соотвѣтствуетъ характеру из-лица. Очень хорошъ своею молодостью и пылкостью Шаховской-ровъ) и такъ же хорошъ удалой купчикъ Иванъ Красильнико-скій). Тихій и нѣжный образъ царицы Ирины прекрасно пер-Книпперъ, и г-жа Самарова превосходно олицетворила Васили-особливо въ сценѣ съ г. Санинымъ, отличнымъ исполнителемъ-нина. Массовыя сцены исполнены довольно живо и картинно, только, что въ проходахъ Шуйскихъ у Яузскаго моста недо-рода и слишкомъ неподвижны женщины, стоящія на колѣняхъ-что-то вяло причитающія. Костюмы и аксесуары роскошны-музеума взяты.

Комедія *Венеціанскій купецъ* поставлена такъ же старат-стяще, какъ трагедія гр. Толстого. Г. Дарскій—отличный испо-Шейлока, жаль только, что этому очень талантливому и силь-пришла несчастная мысль придать «венеціанскому еврею» дрян-бердичевского жидка. Съ такимъ же акцентомъ говорить и его-Тубаль (г. Сонинъ). Это совершенно неумѣстно, искажаетъ-Шекспира и жестоко портитъ впечатлѣніе. Отличная декорація-Венецію, костюмы доподлинно венеціанскіе, а, слушая это ко-вы чувствуете себя, какъ будто гдѣ-то въ Вильнѣ или Минск-фигура Шейлока принижается до уровня освирипѣвшаго Ицки, актеръ напоминаетъ вамъ рассказчика «жидовскихъ» анекдот-вой эстрады. И невольно приходитъ на мысль: что, если такъ-чать *Натана Мудраго*... что если въ трагедіи *Уриель Акост*-заговаривать по «бердичевски?... За театръ, за искусство стано-но. Артистъ, положимъ, можетъ увлечься подобнымъ яко бы-такъ, вѣдь, его должны остановить распорядители «Худож-театра и объяснить артисту, что это анти-художественно и-стоинство сцены и самого артиста, который безъ этой приск-думки» могъ бы дать превосходный образъ венеціанскаго евр-И безъ уродливаго говора всѣ видятъ и знаютъ, что Шейлок

чтобы подчеркнуть это сильнѣе,—если только это нужно еще подчеркнуть, — есть гримъ и своеобразныя племенные манеры, которыя, по моему мнѣнію, допустимы лишь до извѣстной степени, но нисколько не избыточны въ такихъ произведеніяхъ, какъ *Венеціанскій купецъ*, *Намъ Мудрый* и *Уріель Акоста*. Разъ дирекція допустила «бердичевскій» веръ для Шейлока, то она оказалась непослѣдовательною, не настоявши на томъ, чтобы заѣзжій въ Венецію «принцъ Мароккскій» говорилъ съ какою-нибудь «арабскимъ» акцентомъ, весьма напоминающимъ въ Египтѣ инсѣ въ говорѣ по-русски, рѣчь нашихъ казанскихъ татаръ. То-то вышло изъ спектакля на славу! Къ слову сказать, этотъ принцъ Мароккскій (г. Лужинъ) проявлялъ свой экзотизмъ тѣмъ, что необычайно сопѣлъ и какъ-то особенно фыркалъ,—должно быть, «по-мароккски». Принцъ Аррагонскій (Мейерхольдъ) тоже довольно каррикатуренъ и напоминаетъ донъ-Кихота. Вообще же сцена въ замкѣ Порціи (г-жа Андреева) поставлена великолепно и художественно. Зато въ залѣ суда мы обязаны отмѣтить лишь эффектъ совершенно не «художественный». На авансценѣ стоитъ скамья съ приспособленіями для пытки. Судъ присуждаетъ Шейлоку «фунтъ мяса» изъ груди Антоніо (г. Вишневскій), тогда какіе-то люди въ красныхъ одеждахъ, вродѣ палачей, растягиваютъ Антоніо на этой скамьѣ, хватаютъ колодками его шею и ноги, заковываютъ въ цѣпи, какъ и пытки. Очень некрасиво, болѣе того—противно и ни на что не нужно. Пропускать сценическіе эффекты надлежитъ съ величайшею осторожностью, равно должно соблюдать строгую мѣру въ подробностяхъ постановки и въ употребленіи бутафорскихъ принадлежностей, подъ опасеніемъ заслонить драматическое искусство «искусствомъ бутафорскимъ». Это послѣднее, какъ и костюмерное дѣло, доведено въ «Художественномъ» театрѣ до большаго совершенства,—хоть отбавляй. А излишняя погоня за реализмомъ иногда до добра не доводитъ. Мы сочли своимъ долгомъ предостеречь дирекцію «Художественнаго» театра отъ увлеченія «мейнингенщиной» и поавоочными фокусами.

Ан.

«Выставка картинъ и этюдовъ В. В. Верещагина», открытая 25-го октябрю въ залахъ Строгановскаго училища, и количественно, и качественно значительно уступаетъ прежнимъ выставкамъ этого художника. Всѣхъ картинъ на выставкѣ только 8, да и изъ нихъ одна—*Пожаръ въ Кремлѣ*—разъ была выставлена. Тѣмъ не менѣе новыя результаты художественной работы г. Верещагина не лишены интереса и заслуживаютъ вниманія. Какъ художникъ, г. Верещагинъ отличается одною особенностью. Обладающа виртуозною техникой и способностью уловить и перенести на полотно не только красоту сюжета, но и то душевное настроеніе, которое вызвалъ въ художникѣ и долженъ вызвать въ зрителѣ, г. Верещагинъ не ограничивается случайною передачей своихъ художественныхъ впечатлѣній отъ разнообразныхъ явленій жизни. Онъ имѣетъ въ виду не только развивать

своими картинами эстетическій вкусъ публики, но и видѣръ з дѣленныя этическія чувства и даже опредѣленное пониманіе явленій современной и прошлой дѣйствительности. Въ силу э дожественныя произведенія распадаются на нѣсколько *поэмъ* при чемъ къ каждому циклу относится цѣлый рядъ картинъ содержанія. Такъ, среднеазиатскій циклъ заключаетъ въ себѣ бо тинъ; менѣе многочисленны картины изъ индійской жизни, и освобожденіе болгаръ, изъ библейской исторіи; но всѣ карти цикла проникнуты одною идеей, однимъ настроеніемъ. Такое женное направленіе г. Верещагина въ связи съ его выдающи ственнымъ талантомъ и широкою извѣстностью за границей со критическую литературу на всѣхъ языкахъ о его художествен ности, при чемъ нерѣдко онъ подвергался крайне рѣзкимъ напа денціозность, преимущественно въ батальныхъ картинахъ и в библейскихъ сюжетахъ. Мы не сторонники публицистики въ и признаемъ за каждымъ художникомъ неотъемлемое право имѣ дить въ жизнь путемъ художественнаго творчества свои рели ческія и историческія воззрѣнія, но лишь подъ тѣмъ условіемъ идеи не искажали художественной правды и не оскорбляли э чувства. Съ этой точки зрѣнія военныя картины г. Верещагин держать самую строгую, но безпристрастную критику, такъ к войны, хотя бы и неизбежной по своимъ причинамъ и спра своимъ цѣлямъ, изображены у него съ могучимъ этическимъ и безъ малѣйшаго нарушенія художественной правды. Переноса ужасы войны, художникъ сумѣлъ схватить и внутреннюю кр вѣтнаго исполненія долга на-ряду съ «красою вѣчной» окруж роды, и мы считаемъ большою потерей для русскаго искусств ніе г. Верещагинымъ его картинъ *Окружили—преслѣдуютъ, Вошли*. Другое дѣло его библейскія картины; но мы не считаемъ говорить о нихъ въ нашемъ журналѣ, такъ какъ онѣ, къ со сихъ поръ остаются неизвѣстными русской публикѣ.

За послѣднее время г. Верещагинъ избралъ предметомъ св ственной дѣятельности грандіозную эпопею 1812 года. Этотъ жетъ дать безконечно-разнообразный матеріалъ кисти худож 1812 года представляетъ собою прежде всего рѣдкое въ исторі ніе на первый планъ въ громкихъ событіяхъ народной массы ный подъемъ подъ влияніемъ доступнаго всѣмъ и каждому чу тизма. Изображеніе этого момента сильно приподнятой историч народной массы—достойная задача искусства, но она требуетъ наго таланта, способнаго проникнуть въ душу толпы, постичь на полотно ея патріотическое одушевленіе, выразавшееся подч быхъ и даже звѣрскихъ формахъ. Г. Верещагинъ въ своихъ пр тинахъ—*Партизаны—дай подойти!* и *Партизаны—разс* едва намекаетъ на эту тему. Съ другой стороны, походъ Н

Россию были первым, но решительным поражением космополитических идей XVIII века и основанного на них плана всемирной монархии при столкновении с национальным чувством и с выросшими на национальной почве нравами и учреждениями. Трезвый и холодный, ненавидящий идеологию и презиравший идеологов, Наполеон обнаружил своим введением в Россию более глубокое непонимание народной жизни, чем многие из презираемых им идеологов. Его поход в Россию был роковым шагом от великого к смешному, при чем комизм этого шага заключался в наивном непонимании действительности, а трагизм — в колоссальных бедствиях войны, в десятках тысяч человеческих жизней. Всемирно-исторический смысл столкновения с Россией «галлов и с ними двенадцати языков» едва ли по своей отвлеченности доступен наглядному художественному истолкованию; но его отражение в живой действительности и в душе Наполеона — превосходный сюжет для гениального художника. Г. Верещагин в прежних картинах не раз касался этой темы. Его картины: *Въ Успенскомъ соборѣ*, *На этапѣ* и *Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ* иллюстрируютъ отношеніе человека XVIII столѣтія къ народной вѣрѣ; но на насъ, по крайней мѣрѣ, онѣ въ свое время не произвели сильнаго впечатлѣнія. Превосходно выписанный новенькій иконостасъ Успенскаго собора, въ которомъ французы поставили лошадей, а также внутренность какой-то церкви съ Наполеономъ около царскихъ дверей и Даву въ алтарѣ Чудова монастыря — все это только констатируетъ фактъ, очень краснорѣчивый самъ по себѣ, но не болѣе того. Весьма многіе мемуары этой эпохи, описывающіе аналогичные эпизоды, производятъ иногда болѣе сильное впечатлѣніе. Еще охотѣе изображаетъ г. Верещагинъ показнаго героя грандіозной трагикомедіи — самого Бонапарта. На настоящей выставкѣ Наполеонъ фигурируетъ на первомъ планѣ въ двухъ картинахъ, изъ которыхъ одна изображаетъ его на Бородинскихъ высотахъ. Г. Верещагинъ написалъ въ каталогѣ длинный комментарий къ этой картинѣ и подвергаетъ въ немъ стратегической критикѣ диспозицію войскъ, а также приводитъ показанія нѣсколькихъ очевидцевъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Наполеонъ былъ боленъ въ день битвы и потому не принималъ въ ней обычнаго участія. Эти показанія, а также рисунокъ очевидца, помѣщенный на заглавномъ листѣ каталога, должны убѣдить зрителя, что поза Наполеона, который сидитъ на стулѣ, положивъ одну ногу на барабанъ, исторически весьма правдоподобна. Очень возможно, что въ день Бородинской битвы былъ такой моментъ, когда Наполеонъ сидѣлъ на стулѣ, а около него группировалась свита въ блестящихъ, съ иголочья новенькихъ мундирахъ; но и самый внимательный зритель, подготовленный къ картинѣ не однимъ только комментариемъ г. Верещагина, едва ли уловитъ въ ней внутренний смыслъ великаго момента, его сущность. Болѣе сильное впечатлѣніе производитъ вновь выставленная въ переработанномъ видѣ старая картина г. Верещагина *Пожаръ въ Кремлѣ*. Наполеонъ и здѣсь на первомъ

планъ, и его злобно-задумчивое лицо краснорѣчиво соответствуетъ моменту, весьма характерны также недоумѣвающія лица нѣкоторыхъ генераловъ, причемъ комичная поза одного изъ нихъ, на котораго сейчасъ упадетъ горящая головня, нисколько не вредитъ серьезности общаго впечатлѣнія.

Три другія картины изъ цикла 1812 г. иллюстрируютъ бѣдствія войны. Въ одной изъ нихъ: *Наполеонъ въ сожженной Москвѣ* — г. Верещагинъ также присоединилъ комментарий, который заставляетъ сожалѣть, что художникъ не выбралъ для своей картины другого, болѣе характернаго момента. На картинѣ представлена обгорѣлая улица; по ней раннимъ утромъ проѣзжаетъ со свитой самъ Наполеонъ, мелкую фигурку котораго съ трудомъ можно различить среди другихъ всадниковъ; на первомъ планѣ обгорѣлый домъ и нѣсколько обуглившихся деревьевъ. Картина не лишена настроенія, но не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Другая картина — *Заря въ Замоскворѣчьи* съ очень эффектнымъ колоритомъ и съ выдающимися техническими достоинствами ничѣмъ не характеризуетъ историческаго момента. Гораздо характернѣе послѣдняя картина этого цикла *Ночной привалъ великой арміи*. Свирѣпая зимняя вьюга почти совсѣмъ занесла длинный рядъ представителей великой арміи; ни лицъ, ни фигуръ совсѣмъ не видно, торчатъ только ружья, да съ трудомъ можно рассмотреть треугольные плащи и разное тряпье, которымъ старались прикрыться замерзающіе. Даже отъ огромной пушки, помѣщенной на первомъ планѣ картины, виднѣтся одно только колесо, и зрителю ясно, что наступающая ночь будетъ вѣчною ночью для несчастныхъ, заброшенныхъ историческими силами въ снѣжные равнины чужой и ненужной для нихъ Россіи... Художественная эпопея войны 1812 года далеко еще не кончена г. Верещагинымъ, и нельзя сказать, чтобы всѣ его картины стояли на высотѣ этой грандіозной задачи, но выдающійся талантъ художника и вся совокупность его предшествующей дѣятельности даютъ полное основаніе надѣяться, что онъ въ концѣ концовъ справится съ трудностями задачи и обогатитъ русское искусство цикломъ историческихъ картинъ, одинаково замѣчательныхъ какъ по сюжету, такъ и по исполненію.*

Три большихъ картины на выставкѣ изображаютъ горные пейзажи, чудной красоты *Снѣга Гималаевъ* воспроизведены съ замѣчательною живостью, и художнику вполне удалось передать суровое величіе вѣчнаго холода безжизненныхъ вершинъ; двѣ другія картины, изображающія Казбекъ и Эльбурсъ, названы *Споръ*, *стихотвореніе Лермонтова*, и въ каталогѣ напечатано самое стихотвореніе. Стихи Лермонтова очень поэтичны, и обѣ картины г. Верещагина замѣчательно красивы, но уловить внутреннюю связь между разнородными художественными произведеніями чрезвычайно трудно. Правда, эффектное ярко-розовое освѣщеніе придастъ живые снѣжнымъ вершинамъ Кавказа, особенно сравнительно съ мертвой красотою Гималаевъ; но спорить Казбекъ и Эльбурсъ г. Верещагина могутъ только о томъ, кто изъ нихъ красивѣе.

Кромѣ большихъ картинъ, г. Верещагинъ выставилъ еще 23 этюда, изъ которыхъ многіе представляютъ собою вполне законченныя произведенія. Большая часть этихъ этюдовъ изображаютъ Кавказъ и Крымъ, изъ нихъ намъ особенно понравились *Скала подъ Инкерманомъ* (два этюда), *Входная дверь въ старую церковь на Кавказѣ*; весьма эффектенъ, особенно издали, *Набросокъ Ялты ночью, со стороны Мазарача*. Очень хороши также этюды Казбека и Эльбурса, повторяющіе въ небольшихъ размѣрахъ картины *Споръ*. Изъ этюдовъ, изображающихъ сѣверную природу, превосходно переданъ трескучій морозъ на улицѣ какого-то городка.

М. Н.

Я. П. Полонскій †.

18 октября угасть послѣдній поэтъ—носитель пушкинскихъ представлений и чувствованій сороковыхъ годовъ, умъ уровень съ вѣкомъ. Кто не знаетъ его знаменитаго стихотворенія *Солнце и мѣсяцъ*, кто не читалъ его *Кузнечика-музыканта* и другихъ лирическихъ стихотвореній. Въ произведеніяхъ Полонскаго постоянно симпатіей относился Тургеневъ, ихъ сочувственныя Добролюбовъ. Полонскій высоко ставилъ призваніе писателя, выступалъ за права своихъ литературныхъ противниковъ, за

„Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы;
Или не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
А не сила неподкупнаго пера?“

Первая книга перваго года изданія *Русской Мысли* была посвящена стихотвореніемъ Якова Петровича: *Сфинксъ*. Мы приведемъ изъ напечатаннаго его стихотворенія, вписанное рукою автора въ редактура-издателя *Русской Мысли*.

П ѣ с н я.

Отчего это, братцы, и голосъ есть,
Да не громко поетъ—обрывается...
Отчего это, братцы, и пѣсня есть,
Да наводитъ тоску, словно мается...
Гдѣ та сила, та грудь богатырская,
Что пѣвала подъ гусли звончатая,
На пирахъ, въ теремахъ, передъ боемъ въ ша...
Народится ли вновь на святой Руси
Та живая душа, тотъ великій духъ,
Чтобъ отъ моря до моря, по всѣмъ степямъ,
Вдоль широкихъ рѣкъ, въ глубинѣ лѣсной,
По проселкамъ, по селамъ, во всѣмъ городамъ
Провеслась его пѣсня какъ Божій громъ.
И чтобъ вся-то Русь православная
Изъ конца въ конецъ ей откликнулась,
Откликаючись, встрепенулась!...

Похоронили Полонскаго на родинѣ, близъ Рязани, въ Олеховѣ. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Рязани и другихъ городахъ были посвященъ памяти поэта, до конца дней своихъ литературѣ, ея независимости и достоинству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь

1898 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Критика и публицистика. — История, исторія литературы. — Политическая экономія, статистика. — Естествознание. — Медицина. — Сельское хозяйство. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь. — «Русскій Вѣстникъ», сентябрь и октябрь. — «Дѣтское Чтеніе», 1898 г. №№ 4—11. — «Родникъ», №№ 3—10. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1898 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія К. К. Случевского“. Томы IV, V и VI.

Сочиненія К. К. Случевского, въ шести томахъ. Томы IV, V и VI. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. Мы уже говорили о первыхъ трехъ томахъ сочиненій К. К. Случевского, въ коихъ напечатаны его стихотворныя произведенія. Последніе три тома, лежащіе передъ нами, заняты исключительно прозой, весьма разнообразною. Тутъ на первомъ мѣстѣ стоятъ „повѣсти“; за ними слѣдуютъ „сказки“, только отнюдь не дѣтскія; потомъ: „Мурманскіе рассказы“, „Типы“, „Наброски“, „Подражанія“, „Историческія“ повѣствованія и другія. По разбѣрамъ, самыя большія — двѣ „повѣсти“: *Виртуозы* и *Застрѣльщики*. Мы бы назвали ихъ „романами“, — настолько крупно, полно и закончено ихъ содержаніе. Главныя дѣйствующія лица повѣсти *Виртуозы* принадлежатъ къ разряду петербургскихъ и, отчасти, великосвѣтскихъ дѣлцовъ, доходящихъ въ своемъ плутовствѣ до настоящей „виртуозности“. Они устраиваютъ свои темныя дѣла и дѣлишки не только смѣло и безстыдно, разсчетливо и дальновидно, но почти вдохновенно и восторженно. Каждый изъ нихъ, — а ихъ много — представляетъ собою яркій и обособленный типъ своего рода „специалиста“, для котораго нѣтъ въ жизни ничего завѣтнаго и святого, разъ дѣло идетъ о достиженіи какой-либо цѣли, разумѣется, чисто-эгоистичной, какъ-то: составленія карьеры, приобрѣтенія средствъ на широкое житье, захвата всякихъ „лакомыхъ“ кусковъ, начиная съ женщинъ и дѣвушекъ и кончая грабительскими подрядами въ тылу арміи въ разгаръ кровопролитной борьбы подъ Плевной и на Балканахъ. Эти страшные „виртуозы“ и женщины, ихъ вольныя и невольныя сообщницы и пособницы, всѣ они, отъ мала до велика, отлично подобранные и превосходно написанные типы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ они — доподлинныя живыя лица, а не выдуман-ныя сочинителемъ негодяи и злодѣи. Такихъ мы не очень часто, правда, но и не особенно рѣдко, встрѣчаемъ въ нашемъ обществѣ и на нѣкоторыхъ его ступеняхъ, мы иногда видимъ и знаемъ ихъ омерзительныя продѣлки, и у насъ не хватаетъ „чего-то“, чтобы отъ такихъ

людей отстраниться, оградить отъ нихъ наши семьи и наши не подать имъ руку и назвать ихъ громко тѣмъ именемъ „дворянское“, которое имъ далъ г. Случевскій. И „виртуозы“, огражденные „тѣмъ-то“, чего у насъ не хватаетъ, безпрепятственно продолжаютъ разыгрывать свои гнусные концерты до тѣхъ поръ, пока не съ „виртуозомъ“ болѣе сильнымъ или болѣе ловкимъ, который мѣшаютъ въ его покушеніяхъ на безопасность общества и государства. Фабула романа, очень сложная, непередаваема въ пересказѣ. Интрига—или, вѣрнѣе, рядъ интригъ—переплетается изъ разныхъ комбинаціяхъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Закавказьи, въ богатыхъ гостиницахъ, въ роскошныхъ дачахъ, въ сраженіяхъ, въ разоренныхъ болгарскихъ городкахъ, и въ интригахъ, передается авторомъ стройно, послѣдовательно и такъ, что получается впечатлѣніе какъ бы истинныхъ событій, изъ сказанныхъ ихъ очевидцемъ. Въ общемъ передъ нами разная картина, изображающая наше общество, опутываемое „виртуозами“, признающими никакихъ законовъ, кромѣ удовлетворенія своихъ инстинктивныхъ аппетитовъ.

Въ другой повѣсткѣ *Застрѣльщики* авторъ ведетъ насъ въ „царство“ уральскихъ горныхъ заводовъ. Тутъ фабула менѣе значительна уже, сводится къ простой семейной исторіи, относящейся къ домѣ управляющаго огромными заводами старика Бирской, — и картина получается значительно меньшихъ размеровъ, хотя и столько же колоритная. Жизнь завода, съ его громаднымъ населеніемъ рабочихъ и заведующихъ работами, разнородными и наименованій, составляетъ лишь фонъ или задній планъ картины. Въ этомъ фонѣ крупными рельефами выступаютъ фигуры „застрѣльщика“, насадителей культуры и промышленности на Уралѣ, въ Сибири, гдѣ они наглѣйшимъ образомъ грабятъ заводское имущество, наивныхъ башкиръ, обворовываютъ своихъ знатныхъ доверчивыхъ въ столицѣ. Всѣ рассказанныя авторомъ событія происходятъ въ связи съ ревизіей завода, которую, по порученію старой княгини, выполняетъ ея преданный другъ, докторъ Фирсъ Константиновичъ, самый симпатичный человѣкъ, пользующійся своимъ вліяніемъ и влияніемъ для того, чтобы помогать всѣмъ несчастнымъ и обманутымъ. Въ этомъ романѣ, кромѣ фигуры доктора, замѣчательно интересны: важная аристократка княгиня Бирская, добрая, простая женщина, бѣднякъ заводскій аптекарь, загнанный суровыми путанными людьми, но чистый сердцемъ и свѣтлый духомъ, который глубоко сочувствовать всякому страданію и помогать ему, и обиженный, чѣмъ только онъ можетъ помочь. Очень любопытны въ романѣ два чисто эпизодическихъ лица: молодой магнатъ графъ Борисъ, рисовичъ, покинувшій не угодившій ему Петербургъ и переехавшій въ своею далекомъ помѣстьѣ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ столицы изъ провинціи, и проживающій у этого графа въ изгнанный родственникъ. Этотъ графъ Борисъ—въ своемъ „застрѣльщикъ“ будущей цивилизаціи края“. Онъ, несомненно, честный, только едва ли пригодный просвѣщать и помогать становиться въ глухой провинціи. Ему денегъ не нужно, онъ живетъ въ изысканномъ, но его манятъ карьера и власть, и этимъ обусловливается вся его цивилизаторская миссія, для которой земская дѣла просвѣтительныя работы никакъ не цѣль, а лишь средство къ достиженію ему наиболее вѣрнымъ и быстрымъ... Очень красивъ и

мъ Елены, падчерны управляющаго заводомъ. Въ пересказѣ этотъ разсказъ долженъ настолько потускнѣть, что мы не рѣшаемся касаться дѣла.

Одною изъ значительныхъ повѣстей К. К. Случевского мы считаемъ произведение, озаглавленное *Профессоръ безсмертія*. Считаемою эту повѣсть особенно значительною не по ея объему и художественности, а по вложенной въ нее философской идее объ индивидуальномъ безсмертіи души. Докторъ медицины, Петръ Ивановичъ Стуловъ, человѣкъ очень большого ума и обширной, многосторонней интуиціи, сильный и смѣлый мыслитель, удалился, такъ сказать, отъ міра, поселился съ молодою красавицею женою въ своемъ маленькомъ домѣ гдѣ-то на Волгѣ, „посвятилъ себя даровому лѣченію всякихъ болезней и „проповѣдуетъ“ что-то очень дикое, а именно доказываетъ, — какъ онъ выражается, — по даннымъ, совсѣмъ научнымъ, что душа человѣка не можетъ не быть безсмертною, но, въ то же время, въ церковь не ходитъ“. Такъ одинъ господинъ, хорошо знающій доктора Абатуллова, рекомендуетъ его Семену Андреевичу Подгорскому, живущему на Волгу, и совѣтуетъ Подгорскому посѣтить этого необыкновеннаго человѣка, прозваннаго „профессоромъ безсмертія“. Докторъ охотно принимаетъ гостя, очень охотно бесѣдуетъ съ нимъ и излагаетъ ему свое ученіе о безсмертіи души, выводимое на основаніи новыхъ наукъ, помимо какихъ-либо метафизическихъ умозаключеній. Но отдать полную справедливость почтенному „профессору“, свойство онъ развиваетъ блистательно и даже увлекательно, вплоть до изведенія итоговъ, ради чего онъ все-таки оказывается вынужденъ отъ положительныхъ знаній перейти къ вѣрѣ, со ссылками на Священнаго Писанія. По положеніямъ „профессора“, почерпнутыя отъ науки, „весь запасъ силъ движенія перейдетъ въ тепло, а это, въ свою очередь, — въ равновѣсіе температуры. Тогда исчезнетъ всякая измѣненность, какой-либо жизни, тогда наступитъ послѣдній застой рѣшительно во всѣхъ жизненныхъ отправленіяхъ природы, тогда окончится жизнь растений, животныхъ, человѣка, вселенная, по словамъ Гельмгольца, будетъ обречена войти въ вѣчный покой. „Вѣчный покой!“ — восклицаетъ профессоръ, — но вѣдь это молитвенный стихъ! Но вѣдь это значить безсмертіе покоя. Безъ известнаго градуса температуры, безсмертіе, или *statu quo*, мало ли?“ Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ Библии, а потомъ профессоръ прямо говоритъ: „Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, я долженъ остановиться, достигнувъ периферіи того свѣтлаго пространства, въ которомъ назначено намъ мыслить и трудиться. Ни пяди далѣе не могу я идти безъ того, чтобы не удариться въ метафизику...“ Несмотря на увлекательность и, мѣстами, большую поэтичность доводовъ „профессора“, мы остаемся при такомъ мнѣніи, что отъ положительной науки невозможно доказать „безсмертіе души“ индивидуальной, при заключенной въ брѣнную оболочку человѣческаго тѣла. Передъ „профессоромъ“ мы вынуждены остановиться, вмѣстѣ съ „профессоромъ“, или намъ предстоитъ, слѣдомъ за нимъ, пускаться въ непроходимые туманы метафизики, если для cadaго изъ насъ они не освѣтятся вѣрою въ „жизнь будущаго вѣка“.

Въ *Сказкахъ*, не для дѣтей, конечно, и въ иныхъ мелкихъ *Разсказахъ* серьезная философская мысль почти всегда облечена въ поэтическую форму, необыкновенно увлекательную даже въ тѣхъ случаяхъ, когда читатель не склоненъ соглашаться съ основными положеніями.

пѣями автора. *Историческіе рассказы*, особливо изъ перестановки, замѣчательно красивы своею простотою и тѣмъ и любви, который переноситъ насъ во времена „евангеліи Іосифа Аримоевскаго, въ окрестности Іерусалима, въ рассказы, равно какъ и взятые изъ „свѣтской“ исторіи переноситъ насъ въ старыя времена, дають небольшія, но очень разнообразныя картины былого, а *Мурма* живо раскрываютъ передъ нами бытъ обитателей далекаго сѣвера. И во всемъ — въ большой повѣсти, какъ и въ брошкѣ — авторъ неизмѣнно даетъ типическія фигуры, водить идеи добра и гуманности, равно доступныя и по возрасту и по возрасту и для молодежи.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

„Бѣлинскій о воспитаніи индивидуальномъ и общественномъ“. Л. Сѣдовъ. М., 1898 г. Сост. А. Н. Саминковъ. — „Принципы критики“. П. Бамталоу. — „Братская помощь пострадавшимъ въ Ту...“ 2-е изд.

Бѣлинскій о воспитаніи индивидуальномъ и общественномъ. Л. Сѣдовъ. М., 1898 г. Отъ большинства юбилейныхъ Бѣлинскомъ эта брошюра выгодно отличается двумя особенностями: она написана на основаніи подновленныхъ и свѣжихъ впечатлѣній великаго критика, а не по старымъ и поблекшимъ воспоминаніямъ; въ ней мало „условнаго восторга“ и „лирическихъ впаденій“ внесенныхъ изъ старой ложно-классической оды въ современную лирическую литературу. Въ ней много теплоты и искренняго вниманія къ мысли Бѣлинскаго и довольно тонкаго анализа. Намѣчены своеобразныя колебанія и переливы взглядовъ „неистоваго Виссаріона“, ихъ ростъ и обостреніе. Чувствуется не только хорошее знаніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, но и знакомство съ литературой о немъ и объ его эпохѣ.

Отъ души присоединяемся и къ основному выводу Г. Сѣдова: очень многимъ и существеннымъ вопросамъ воспитанія нравственнаго въ частности, идеи, и до сихъ поръ не имѣющія лучшаго достоянія общества, были — или въ полномъ забвеніи, или хотя бы въ зародышѣ — провозглашены уже давно. И притомъ провозглашены съ такою страстностью и убѣжденностью, что онѣ не могли не дѣйствовать обаятельно даже на самые сердца, не могли не заставить зазвучать даже заглохшія струны. А это не мѣшаетъ лишній разъ вспомнить и съ благомыслиемъ имя того, кто былъ если и не родоначальникомъ этихъ идей, — онѣ явились результатомъ дружной совместной работы „идеалистовъ“, — то самымъ пламеннымъ и убѣжденнымъ изъ нихъ въ жизнь. У насъ слишкомъ коротка память, мы слишкомъ забываемъ своихъ предковъ, „и съ дерева невѣдомаго не безпечно мы срываемъ“... Конечно, не вся еще исторія достигнута Бѣлинскаго, долго и мучительно придется намъ достигнута ея русскому обществу, и правъ былъ о своемъ поколѣніи: „Да, наше поколѣніе — израильтяне по степи, и которымъ никогда не суждено увидѣть обѣщанной земли“.

И всѣ наши вожди—Моисеи, а не Навины. „Скоро ли явится сей ждѣ?“ Но если не Навиномъ, то однимъ изъ Моисеевъ своего поколѣнія Бѣлинскій, несомнѣнно, былъ. И онъ не только давалъ законъ, и училъ исполненію его, являясь не только теоретикомъ, но и фактикомъ общественнаго воспитанія“ (стр. 57—8).

Рекомендуемъ эту брошюру вниманію читателей.

В. Г. Бѣлинскій объ искусствѣ (основы эстетики). Составилъ Н. Сальниковъ. М., 1898 г.—Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. Ц. Балталона. М., 1898 г. Брошюры эти рассчитаны, повидимому, на широкую публику и учащуюся молодежь.

Г. Сальниковъ имѣлъ цѣлью „представить въ настоящей книгѣ кодексъ эстетическихъ воззрѣній великаго русскаго критика“ и предлагаетъ сравнить ихъ со взглядами Л. Н. Толстого на искусство, чтобъ убѣдиться, „кто ближе къ истинѣ—гениальный ли критикъ, или великій романистъ“; г. Балталонъ хочетъ содѣйствовать своимъ изложеніемъ выясненію въ сознаніи общества и молодого поколѣнія истинныхъ задачъ литературной критики и поэтическаго творчества“. Высокія, но трудно достижимыя цѣли!

Г. Сальниковъ упростилъ значительно свою задачу: онъ располагаетъ по довольно случайнымъ рубрикамъ выхваченныя на удачу цитаты изъ Бѣлинскаго, не обращая вниманія на то, что онѣ иногда слабо вяжутся другъ съ другомъ. Въ общемъ этотъ аггломератъ случайныхъ выписокъ производитъ довольно сумбурное впечатлѣніе.

Брошюра г. Балталона „сдѣлана“ гораздо хитрѣе: ея задняя мысль—доказать сопоставленіемъ цитатъ, что Бѣлинскій смотрѣлъ на вопросы искусства совсѣмъ такъ, какъ на нихъ смотритъ г. Балталонъ. Не можемъ отказать такому самооправданію Бѣлинскимъ въ извѣстномъ остроуміи, но не считаемъ его серьезной работой. Пользуясь такими же приемами, любой „патріотъ своего отечества“ могъ бы доказывать свою генетическую связь съ Бѣлинскимъ—на основаніи отрывочныхъ мѣстъ, вызванныхъ внѣшнимъ давленіемъ, и знаменитыхъ статей о „разумной дѣйствительности“... Право, Бѣлинскій—предтеча „эстетики“ г. Балталона ничѣмъ не хуже Бѣлинскаго—предтечи *Моисеевскихъ Вѣдомостей*, положимъ...

Продуктивная научная разработка эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго возможна только *при строгомъ проведеніи историческаго метода*, мечты же объ учебникѣ эстетики, составленномъ на основаніи сочиненій Бѣлинскаго, совершенно неправильны.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изданіе. Весною вышло первое изданіе этой книги, выпущенной въ 3,600 экземплярахъ, а черезъ четыре мѣсяца потребовалось уже второе изданіе. Такой необычный у насъ спросъ на книгу объясняется не только благою цѣлью изданія, но также внутренними и внѣшними ея достоинствами. Роскошно напечатанный литературно-научный сборникъ, съ массою иллюстрацій, портретовъ и автографовъ, отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Понятно, поэтому, то единодушіе въ сочувственныхъ отзывахъ о сборникѣ, которымъ встрѣтила наша печать 1-е его изданіе. Теперь вышло второе изданіе. Мы убѣждены, что оно разоидется столь же быстро, какъ первое. Книга издана роскошно, дополнена многими новыми статьями, а цѣна ея понижена съ 5 рублей на 3 рубля. Несмотря на большое разнообразіе статей, напечатанныхъ въ сборникѣ, впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія ихъ, вполне *цѣлостное*.

стическаго воззрѣнія на религію. Несогласенъ Бороздинъ и со старой теоріей Шапова о социальныхъ причинахъ раскола, но и взглядъ Шапова останавливаетъ вниманіе автора только строкъ на двадцать (стр. 159). Своего собственнаго взгляда Бороздинъ точно также не высказываетъ подробно; онъ сводится въ общемъ къ признанію раскола движеніемъ, возникшимъ исключительно на почвѣ церковнаго протеста и потому только усвоившимъ себѣ элементы національные и общественные. Повидимому, выводъ этотъ долженъ вытекать непосредственно изъ данныхъ, приводимыхъ въ изслѣдованіи, но изъ массы нагроможденнаго матеріала и рада цитатъ сдѣлать его (если вообще этотъ взглядъ можетъ быть отвлеченъ отъ собраннаго авторомъ матеріала) читателю очень трудно.

Итакъ, первымъ крупнымъ недостаткомъ книги является отсутствіе классификаціи общественныхъ, религіозныхъ и умственныхъ движеній того времени, невниманіе ко взглядамъ предшествовавшихъ изслѣдователей въ этой области, невыполненіе программы, такъ хорошо намѣченной авторомъ въ предисловіи.

Въ біографіи Аввакума г. Бороздинъ занятъ изложеніемъ отдѣльныхъ моментовъ его жизни и передачей сочиненій. Что касается до спеціально біографическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, то здѣсь сдѣлано кое-что новое: исправлены ошибки предыдущихъ біографовъ, вродѣ, напримѣръ, опроверженія ошибочнаго мнѣнія, что Аввакумъ былъ справщикомъ, и сообщены нѣкоторыя неизвѣстныя до сихъ поръ подробности жизни Аввакума. Впрочемъ, черты эти несущественны. Въ семи главахъ жизнь Аввакума изложена довольно подробно и точно, гораздо, напримѣръ, обстоятельнѣе, чѣмъ въ книжкѣ г. Мясотина, но указанный выше пробѣлъ сказывается и здѣсь. Нѣтъ перспективы, нѣтъ общаго фона, на которомъ выдѣлялась бы своеобразная фигура протопопа, сильно теряющая отъ этого въ опредѣленности; отъ того нѣкоторые поступки его по временамъ являются вовсе непонятными.

Что касается до изображенія внутренней жизни Аввакума и борьбы подъ постоянными гоненіями его міросозерцанія, какъ оно отражалось въ его сочиненіяхъ, — сторона работы, на которой сосредоточено главное вниманіе изслѣдователя, — все это разобрано хорошо и изображено вѣрно. Жаль только, что отдѣльныя черты разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, такъ что впечатлѣніе получается расплывчатое, много разъ повторительно излагаются взгляды протопопа на церковь, на іерархію, на самосозженіе и т. д.

Трудъ г. Бороздина, именно біографическая часть его, стоитъ выше предшествующихъ работъ, касающихся жизни протопопа Аввакума. Только напрасно авторъ загромодилъ изложеніе массой часто ненужныхъ и неинтересныхъ подробностей и придалъ книгѣ такую тяжеловѣсность. Къ чему, напримѣръ, съ такимъ усердіемъ перечислять отдѣльные факты, въ которыхъ отражаются столкновенія русскихъ съ западными иноземцами? эти факты вовсе не характерны для исторіи религіознаго мышленія и иногда невѣрны, преувеличены несприятности, причиняемыя иностранцами русскимъ, преувеличено враждебное отношеніе обѣихъ сторонъ, причѣмъ сквозитъ несочувственное отношеніе автора къ западному вліянію (стр. 37 — 47). Внѣшняя сторона изложенія заставляетъ желать лучшаго, текстъ слишкомъ испещренъ длинными вставками, утомляющими вниманіе и часто ненадобными; авторъ не пожалѣлъ красокъ и придалъ картинѣ слишкомъ пеструю внѣшность, языкъ шероховатый и отъ сосѣдства, должно быть, съ массой

читать принялъ нѣсколько архаичный характеръ (наприм., стр. 43). Кроме того, изложеніе блѣдно; такъ что даже центральная яркая фигура самого Аввакума вышла тусклою; неуживчивый, часто нелѣпый въ своихъ поступкахъ, упрямый, полный огня Аввакумъ не возсоздаетъ авторомъ, читателю предлагается только одинъ матеріалъ.

Документы, приложенные къ диссертациі, изданы хорошо, за исключеніемъ мелкихъ недочетовъ. Возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе, напримѣръ, принадлежность Аввакуму *Ответа А. Плещееву*, несмотря на аргументъ г. Бороздина на стр. 129.

Итакъ, недостатками книги слѣдуетъ признать отсутствіе картинъ общаго движенія духовной жизни у насъ въ XVII вѣкѣ, сомнительный общій взглядъ на это движеніе и техническое несовершенство изображенія жизни Аввакума. Тѣмъ не менѣе, книга представляетъ крупный трудъ по исторіи раскола: она концентрируетъ много свѣжаго матеріала около жизни одного человѣка, соединяетъ вмѣстѣ массу жизненныхъ чертъ великаго религіознаго движенія, до крайности своеобразнаго, и является очень полезной для лицъ, интересующихся расколомъ.

Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсень. А. Н. Пыпина. Спб., 1898 г. Съ обычною эрудиціей и широтой взгляда подошелъ А. Н. Пыпинъ къ выбранному имъ своеобразному вопросу. „Старина и новизна“ дали намъ рядъ искусныхъ и неискусныхъ литературныхъ фальсификацій. Нѣкоторые изъ этихъ поддѣлокъ получили своевременно довольно широкую огласку, всѣ онѣ вообще представляютъ изъ себя довольно любопытный историко-литературный фактъ: за ними можно разглядѣть тенденцію фальсификаторовъ, культурный и научный уровень довѣрчивыхъ поклонниковъ фальсификацій и т. д. Обманъ бывалъ то сознательнымъ, то полусознательнымъ; иногда онъ оригинально сливался почти съ полной научной и общей невѣроятностью. Въ немъ отражалось слишкомъ приподнятое патріотическое чувство, болѣзненное самолюбіе и тщеславіе коллекціонера, желающаго всѣхъ затмить сокровищами своихъ собраній,—наивное непониманіе элементарныхъ научныхъ требованій и т. д. Въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка даже ученые были почти безпомощны передъ фальсификаціей и иногда шли на очень грубый обманъ.

Среди фальсификаторовъ народно-поэтическихъ произведеній слѣдовало бы помѣстить и Кулиша. Въ его *Записки объ южной Руси* вошли рано собранные имъ этнографическіе матеріалы. Часть ихъ была издана въ дословномъ польскомъ переводѣ Грабовскаго въ журналѣ *Rubon*, почти всѣ были напечатаны въ московскихъ *Чтеніяхъ*, но ихъ задержала цензура, такъ что они вышли въ свѣтъ недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вездѣ одни и тѣ же рассказы, одни и тѣ же указанія на расказчиковъ и мѣсто записи, но разный текстъ: несомнѣнно, Кулишъ очень свободно обращался съ нимъ и не безъ тенденціозности передѣлывалъ его на разные лады—сообразно съ ростомъ своего этнографическаго и лингвистическаго опыта.

Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій 1814—1896. Написалъ (?) Ш. Сеньобосъ. Части I—II. Пер. съ французск. Спб., 1897 г.—То же. Пер. подъ редакціей В. Поссе. Изд. Поповой. Спб., 1898 г.—То же. Пер. подъ ред. проф. А. Трачевскаго, съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русской публики. Изд. Павленкова. Спб., 1898 г. Передъ нами цѣлыхъ три перевода ловкой, но въ сущности далеко не важной французской компіляціи по исторіи XIX вѣка. Это показ-

вызываетъ, что авторъ написалъ книгу, привлекающую къ себѣ у насъ общій интересъ. Интересна она уже по самому своему сюжету—исторіи нашего столѣтія, а также по приемамъ, примѣненнымъ авторомъ къ ея составленію. Авторъ ограничился изученіемъ монографій, специальныхъ исторій и ежегодныхъ сборниковъ, составленныхъ на основаніи первоисточниковъ, и не обращался къ оригинальнымъ документамъ, въ то же время онъ отказался отъ подстрочныхъ примѣчаній и ограничился критической библіографіей въ концѣ каждой главы, указывая сочиненія общаго характера, въ которыхъ читатель найдетъ ссылки на специальные труды, а также главнѣйшіе сборники документовъ и наиболѣе надежныя и удобныя монографіи по каждому вопросу. Этотъ „сокращенный методъ чтенія и ссылки“ заставилъ его ограничиться изложеніемъ только общихъ событій политической жизни, не допускающихъ никакихъ сомнѣній, и отказаться не только отъ всякой полемики и критики текстовъ, но и отъ подробнаго описанія событій. Авторъ ставилъ себѣ задачей ознакомить читателя съ организаціей государствъ, правительствъ и партій, съ постановкой политическихъ вопросовъ въ теченіе XIX вѣка и съ тѣми рѣшеніями, какія они въ это время получали. При этомъ онъ ограничилъ себя рамками политической исторіи и устранилъ всѣ социальные явленія, не имѣющія прямого вліянія на политическую жизнь. Свой трудъ авторъ раздѣлилъ на три части. Изъ нихъ въ первой, самой крупной, онъ разсматриваетъ внутреннюю исторію европейскихъ государствъ, слѣдуя географическому порядку, соответствующему степени развитія въ нихъ политической жизни. Во второй части, самой короткой, онъ слѣдуетъ логическому порядку и соединяетъ въ группы нѣкоторыя политическія явленія, общія разнымъ странамъ; это—измѣненіе матеріальныхъ условий политической жизни и вліяніе международныхъ партій. Наконецъ, въ третьей части разсматриваются внѣшнія отношенія европейскихъ государствъ по періодамъ, отмѣченнымъ преобладаніемъ отдѣльныхъ державъ; при этомъ имѣется въ виду не столько пересказъ военныхъ и дипломатическихъ операцій, сколько характеристика политики великихъ державъ и перемѣнъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніи на общее положеніе дѣлъ. Въ общемъ можно сказать, что авторъ удачно справился съ своею нелегкою, хотя и скромною задачею и далъ намъ книгу, гдѣ политическая исторія XIX вѣка изложена въ главныхъ чертахъ съ чисто-французскою послѣдовательностью и ясностью. Въ то же время нельзя не замѣтить, что такъ названный имъ „сокращенный методъ чтенія“ не могъ не отразиться нѣсколько на изложеніи книги, лишая его свойственной хорошей компіляціи продуманности и придавая ему характеръ чересчуръ конспективный; авторъ слишкомъ ужъ старается не пропустить мало-мальски значительныхъ фактовъ и отводитъ много мѣста простымъ перечнямъ, предпочитая ихъ болѣе поучительнымъ общимъ характеристикамъ. Помимо „сокращеннаго метода чтенія“, эти особенности изложенія, повидимому, стоятъ въ связи съ неясностью общихъ воззрѣній автора. Въ этомъ отношеніи особенно характерно заключеніе книги. По мнѣнію автора, исторія XIX вѣка не подтверждаетъ мысли, будто великія событія вызываются столь же крупными причинами. Почти во всей Европѣ съ 1814 по 1870 г. происходятъ цѣлый рядъ переворотовъ, вызванныхъ внезапными событіями—революціями 1830 и 1848 гг. и войною 1870 г.; но первая изъ нихъ была дѣломъ кучки республиканцевъ, вторая — дѣломъ горсти демократовъ и социалистовъ, а послѣдняя—личнымъ дѣломъ Бисмарка;

выходить, что политическая эволюція современной Европы была обусловлена тремя случайными событиями. Далѣе, для характеристики общихъ воззрѣній автора интересна также крохотная глава, посвященная измѣненію матеріальныхъ условій эпохи. Стоитъ она совсѣмъ особнякомъ и сказано въ ней такъ мало, что опущеніе ея прошло бы совсѣмъ незамѣтно. Не всегда удачны также рѣдкія экскурсіи автора въ исторію другихъ періодовъ, — наприм., такое замѣчаніе: въ эпоху реставраціи даже между англичанами было общепринято объяснять революцію 1640 г. конституціоннымъ и финансовымъ столкновеніемъ; только недавно Гардинеръ окончательно доказалъ, что революція эта носила религіозный характеръ и началась въ Шотландіи. Единственнымъ объясненіемъ этого страннаго упрека по адресу Гизо и другихъ историковъ переворота служить привычка автора бѣгло читать свои пособія.

По-русски свѣжихъ сочиненій по исторіи XIX в., особенно его второй половины, почти нѣтъ; самое новое изъ нихъ — IV томъ курса г. Карѣва — останавливается на 1830 г. Въ виду этого, переводъ книги Сеньбоса, при всѣхъ ея недостаткахъ, представлялся очень желательнымъ. Сознаніе этого и побудило нашихъ издателей напечатать на „ходовую книгу“ съ такою жадностью, что въ теченіе одного года вышло три ея перевода. Это ужъ, несомнѣнно, слишкомъ много, и съ точки зрѣнія общей экономіи книжнаго рынка можно было бы пожелать болѣе разсчетливаго расходованія его наличныхъ средствъ. Общая особенность всѣхъ трехъ переводовъ — пропускъ главы, посвященной Россіи и Польшѣ; только въ изданіи г. Павликова мы находимъ указаніе, что пропускъ главы обусловленъ ея неполнотою для русскихъ читателей. Изъ переводовъ хуже другихъ, повидимому, первый, анонимный. Сравнень часть II тома его съ оригиналомъ, мы замѣтили, наприм., что *l'Ouest* переводится словомъ *востокъ*, а *l'Est* — *западъ* (стр. 390), *Cologne* — *Ковно* (стр. 428), *Ecole normale primaire* — *начальная нормальная школа*, а не учительская семинарія (стр. 428), Саксонія и Чехія оказываются въ южной Горманіи (стр. 457), *avant Sadowa* переводится *подъ Садовой* (стр. 458); на страницахъ 457, 465, 466 перепутаны ссылки на главы. Какъ этотъ переводъ, такъ и второй, редактированный г. Поссе, по внѣшности изданы недурно, но и стоятъ недешево, — столько же, сколько, даже при нашемъ курсѣ, стоитъ щеголеватый французскій оригиналъ. Преимущество второго перевода надъ первымъ составляетъ еще присоединеніе къ нему русской библіографіи, портретовъ главныхъ дѣятелей и статьи редактора *Esrona* отъ 1897 г., запоздавшей, правда, выходомъ и, вѣроятно, поэтому приложенной не ко всѣмъ экземплярамъ. Третье изданіе редактировано извѣстнымъ историкомъ и стоитъ слишкомъ вдвое дешевле прочихъ; предпосланное ему предисловіе автора оказывается коротенькимъ письмомъ къ издателю, гдѣ выражается удовольствіе по поводу появленія на русскомъ языкѣ третьяго перевода книги, болѣе полного, чѣмъ прочіе, такъ какъ въ составъ его вошли не напечатанныя въ оригиналѣ 16 страницъ по внѣшней исторіи. Зато этотъ переводъ напечатанъ въ два столбца и въ немъ пропущены нѣкоторые примѣчанія и библіографія послѣднихъ главъ.

Талмудъ и его критики. Д-ра Л. Р.—ся. Астрахань, 1898 г. Ц. 1 р. Эта книга написана горячо и убѣдительно, и авторъ ея обнаруживаетъ глубокое знаніе древне-еврейской литературы. Но, къ сожалѣнію, онъ даромъ потратилъ свой трудъ и время и выказалъ нѣкоторую наивность. Дѣло въ томъ, что цѣль его книги — полемическая.

Онъ желаетъ доказать ученымъ оріенталистамъ изъ *Наблюдателя*, что Талмудъ вовсе не представляетъ собою мрачнаго кодекса злобы и фанатизма, какимъ хотять его изобразить недобросовѣстные враги іудейства. Намѣреніе г. Р—са симпатично, но оно принадлежитъ къ области неосуществимаго. Еслибы между юдофобами и евреями происходилъ серьезный теоретическій споръ, тогда послѣдніе могли бы прибѣгать къ аргументамъ, вродѣ тѣхъ, какіе употребляетъ авторъ. Но когда грубѣйшая тенденціозность антисемитизма не останавливается передъ фальшивыми цитатами, когда рѣчь идетъ не объ истинѣ, а о завѣдомой лжи и человеконенавистничествѣ, когда прокурорами еврейства выступаютъ гг. Пятковский и Окрейцъ, *Наблюдатель* и *Московский Листокъ*,—тогда имѣетъ ли смыслъ обращаться къ этимъ лицамъ и къ этимъ органамъ съ разумнымъ и честнымъ словомъ? Кто его выслушаетъ и кто его пойметъ? Напрасно г. Р—съ надѣется, что „среди писателей, увлекшихся моднымъ антисемитизмомъ, найдутся люди, ищущіе правды и стремящіеся къ истинѣ“, напрасно „ради этихъ десяти писателей и ради десятковъ тысячъ ихъ довѣрчивыхъ читателей“ (стр. 30) рѣшился онъ написать свою книгу. Довѣрчивые читатели“ юдофобовъ не будутъ довѣрчивы по отношенію къ г. Р—су, потому что онъ—еврей и его объективность будетъ заподозрѣна. И его выдержки изъ Талмуда сумѣютъ ли противостоять выдержкамъ изъ *Сценъ изъ еврейскаго быта* Павла Вейнберга, откуда юдофобы почерпаютъ самыя ядовитыя обвиненія и насмѣшки по адресу евреевъ? Лучшіе же русскіе люди и безъ г. Р—са знаютъ, на чьей сторонѣ правда. Они знаютъ, что въ теоретическомъ изложеніи основъ религіи и жизни апріорно не можетъ быть ничего безнравственнаго, ибо всякій народъ, который возвысился до книги, до религіознаго кодекса, этимъ самымъ обнаруживаетъ и свою моральную зрѣлость, хотя онъ и можетъ грѣшить въ своей практической дѣятельности. Нѣтъ ни одного народа, которому его религія и накопившаяся вѣками мудрость теоретически предписывали бы зло. Племена, которыя исполняютъ отталкивающіе религіозные обряды, не имѣютъ теоретическихъ канонѣвъ. А отъ дурныхъ пережитковъ стараго суроваго времени народъ, обладающій книгой, съ прогрессомъ культуры всегда отрывается, и онъ умѣетъ отдѣлять чистое зерно отъ плева. Гдѣ есть высокіе интеллектуальные интересы, гдѣ есть письменность, тамъ нѣтъ мѣста для тѣхъ чудовищныхъ правилъ, которыми юдофобы, играющіе въ ученость, желали бы наполнить Талмудъ; и тотъ народъ, который впервые провозгласилъ нетлѣнную заповѣдь любви къ ближнему, *психологически* не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ его рисуютъ его враги. Въ Талмудѣ, книгѣ, которая создавалась въ теченіе вѣковъ, которая пережила различныя историческія эпохи, въ этой книгѣ отложились разныя наслоенія, и въ ней есть много лишняго, случайнаго, даже смѣшнаго—и это г. Р—съ безпристрастно показываетъ; но въ ней не только нѣтъ ничего безнравственнаго, а наоборотъ, она раскрываетъ такую сокровищницу благоволенія къ людямъ, такое строгое воззрѣніе на обязанности человѣка къ человѣку, что можетъ служить школой нравственнаго поведенія. Въ восьмидесятыхъ годахъ на страницахъ *Русской Мысли* была напечатана превосходная статья Вл. С. Соловьева объ еврействѣ и Талмудѣ. Изъ нея читатели давно уже могли узнать все то, что говорить въ своей книгѣ д-ръ Л. Р—съ. Г. Соловьевъ привелъ изъ Талмуда перлы его нравственныхъ поученій и показалъ тѣмъ, кто хотѣлъ видѣть, что не стыдомъ, а гордостью евреевъ должна быть эта изумительная книга. Что-жь? Статья высоко-

даровитаго автора убѣдила ли тѣхъ, кого думаетъ убѣдить г. Р—съ? Сдѣлала ли она невозможнымъ появленіе инсинуаций *Наблюдателя*? Нѣтъ, и не съ *Наблюдателемъ* говорила она, не его хотѣла она привлечь въ свою вѣру... А г. Р—съ мечтаетъ своею книгой остановить потоки злобныхъ, глупыхъ и ложныхъ рѣчей, которые разливаются въ руслахъ нѣкоторыхъ органовъ печати... Платонически мы можемъ, конечно, пожелать успѣха его честной книгѣ.

Жаль, что кое-гдѣ въ работѣ г. Р—са встрѣчаются неправильныя русскія выраженія („переселенческій вопросъ, принявшій въ послѣднее время характеръ бродяжничества“ — стр. 5; „грозить того“ — стр. 11; „на всѣхъ ладахъ“ — стр. 28). По этимъ изъяснамъ, впрочемъ, нельзя судить о фizioноміи всей книги; въ общемъ она написана вполне складно и легко.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Переселенцы-арендаторы Тургайской области“. 2-я часть отчета *Кауфмана*. — Отчетъ по дѣльному управленію министерства земледѣлія и государств. имуществъ. — „Отчетъ по выкупной операціи за 1896 г.“. — „Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1896 г.“. — „Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ.“. Вып. II и III.

Переселенцы-арендаторы Тургайской области (2-я часть отчета старшаго производителя работъ *Кауфмана* по командировкѣ въ Тургайскую область). Спб., 1897 г. (Департам. земл. и госуд. имущ.). Трудъ автора главнымъ образомъ основанъ на изученіи статистическаго матеріала, собраннаго по этому вопросу официальнымъ путемъ, и состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ даетъ общую свѣдку матеріала, а въ другой — поселенныя данныя (монографическія описанія 28 хуторовъ и поселковъ).

Общій выводъ автора о значеніи переселенія для поселенцевъ благоприятный: оказывается, что матеріальное положеніе послѣднихъ повысилось, хотя, правда, есть группы и проигравшія на переселеніи (см. стр. 177—8). Авторъ отмѣчаетъ вредное вліяніе на весь складъ поселенцевъ земельного неустройства, т. е. неустойчивости, временности арендныхъ отношеній: „поселенецъ не имѣетъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, — онъ не знаетъ, не откажутся ли киргизы черезъ 2—3 года отъ возобновленія аренды и не придется ли ему, поселенцу, искать себѣ другого мѣста водворенія...“ (стр. 192). „Теперь мы „народъ бродячій“, сами характеризуютъ себя поселенцы“, а „потому, — прибавляетъ г. *Кауфманъ*, — другъ къ другу нѣтъ довѣрія, нѣтъ кредита, постоянно происходятъ столкновенія изъ-за аренды киргизской земли...“ (стр. 193). „Прочное устройство въ земельномъ отношеніи, — резюмируетъ г. *Кауфманъ*, — можетъ совершенно измѣнить весь строй ихъ хозяйства и изъ переселенцевъ-кочевниковъ и хищниковъ обратить ихъ въ настоящихъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ“ (стр. 193). Самая цѣнная часть работы — это приложенія, гдѣ даются монографическія описанія отдѣльных хуторовъ, разработка же авторомъ этихъ матеріаловъ, на нашъ взглядъ, недостаточна: такъ, наприм., резюме автора относительно странствованія отдѣльных переселенческихъ партій до окончательнаго ихъ поселенія — очень кратко и, повидимому, не обнимаетъ всего матеріала, имѣвшася въ рукахъ у автора (см. стр. 204—5).

Отчетъ по лѣсному управленію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за 1896 г. (Лѣсной департаментъ). Спб., 1897 г. Несмотря на обширность нашей лѣсной площади, казна получала у насъ до послѣдняго времени слишкомъ мало отъ эксплуатаціи нашихъ лѣсныхъ богатствъ. Такъ, еще въ 1887 г. весь чистый доходъ по этой статьѣ достигалъ всего 8¹/₂ милліоновъ рублей, и лишь съ этого года онъ началъ почти правильно расти: такъ, въ 1888 г. онъ достигъ уже 10,4 мил., въ 1889 г.—13 мил. и т. д., въ 1895 г. лѣса дали уже 22 мил. и разбираемый нами отчетъ за 1896 г. констатируетъ новое увеличеніе дохода почти на пѣлыхъ 4¹/₂ милліона рублей, т.-е. чистый доходъ достигъ 26,472,000 рублей (см. стр. 162 отчета). Итакъ, за 10 лѣтъ доходъ отъ лѣсовъ поднялся втрое; это, конечно, благопріятное явленіе. Обратно съ этимъ мы должны отмѣтить и другія темныя стороны нашего лѣсного хозяйства: медленность лѣсоустроительныхъ работъ, отвлеченіе членовъ лѣсной стражи мелкими заботами, какъ-то: выдачей свидѣтельствъ на собираніе грибовъ, ягодъ въ казенныхъ лѣсахъ (доходъ отъ этой послѣдней статьи фигурируетъ въ отчетѣ въ размѣрѣ 43,261 руб., см. стр. 101 отчета).

Не можемъ не отмѣтить одну мѣру, имѣвшую мѣсто въ отчетномъ 1896 году, а именно—новый циркуляръ объ облегченіи продажи лѣса крестьянамъ безъ торговъ изъ казенныхъ дачъ. Какъ извѣстно, циркуляромъ 1893 г. такая продажа была разрѣшена, но требовалось удостовѣреніе отъ земскаго начальника, мирового посредника или уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ томъ, что данное лицо, желающее приобрѣсти лѣсъ, дѣйствительно нуждается въ лѣсѣ, что, конечно, стѣсняло пользованіе крестьянами этимъ ихъ правомъ покупки лѣса безъ торговъ. Въ 1896 г. это требованіе удостовѣренія было отмѣнено и, притомъ, дѣйствіе циркуляра распространено на всю Россію, тогда какъ въ 1893 г. оно было ограничено извѣстнымъ райономъ. И эта мѣра имѣла, несомнѣнно, благопріятное вліяніе на приобрѣтеніе лѣса крестьянами, а именно—послѣдними въ отчетномъ году приобрѣтено лѣсу болѣе на 66,648 рублей, т.-е. на 66,6% болѣе противъ прошлаго года при дѣйствіи стараго циркуляра (см. стр. 90).

Отчетъ по выкупной операціи за 1896 годъ. Министерство финансовъ по департаменту окладныхъ сборовъ. Спб., 1898 г. Отчетъ этотъ содержитъ въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ данныхъ по выкупной операціи за 1896 годъ.

Подробными таблицами иллюстрируются здѣсь операціи по разрѣшеннымъ въ 1896 году выкупнымъ ссудамъ, а равно состояніе крестьянскаго выкупного долга правительству, досрочнаго выкупа, оклада выкупныхъ платежей, срочныхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ и недоимокъ отсроченныхъ и разсроченныхъ.

Остатокъ непогашеннаго долга крестьянъ къ концу 1896 г. выразился въ 486,004,552 р. 11 к., составляющихъ по отношенію ко всему окладному долгу крестьянъ 71%. Что касается досрочныхъ взносовъ, то за время съ начала выкупа по 1 января 1897 г. поступило всего 19,518,340 р. 80 к. Въ среднемъ выводѣ за истекшее по 1895 годъ 35-лѣтіе ежегодный зачетъ взносовъ опредѣляется въ 557,666 р. 88 к., но въ 1896 г. поступило всего 178,972 р. 30 к., т.-е. даже меньше, чѣмъ въ 1895 г., когда поступило всего 202,177 р. 66 к. Фактъ этотъ, конечно, объясняется вліяніемъ закона 14 декабря 1893 г., оказавшимся неблагопріятнымъ для досрочнаго выкупа по ст. 165 Положенія о выкупѣ. Окладъ выкупныхъ платежей, исчисленный на 1896 годъ въ

вить вопросъ о всеобщемъ обученіи" (см. стр. 8). Во II выпускѣ помещена интересная статья о народныхъ чтеніяхъ съ свѣтовыми картинками въ училищахъ С.-Петербургской губ. Оказывается, что изъ 557 училищъ всѣхъ разрядовъ и вѣдомствъ, находящихся въ губерніи, въ 5 училищахъ, т.-е. въ 17%, велись народныя чтенія. Отзывы лицъ, устраивающихъ чтенія, объ интересѣ слушателей къ чтеніямъ очень благопріятны. Всѣ эти отзывы почти единогласно утверждаютъ, что населеніе относится къ чтеніямъ хорошо, благосклонно, сочувственно, съ большимъ интересомъ, очень одобрительно, крайне симпатично, что населеніе любитъ чтенія, приходитъ на нихъ за 5—6 верстъ, справляются, скоро ли будетъ слѣдующее, и ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ... Особенно нравятся населенію чтенія, сопровождаемыя, кромѣ картинъ, еще и пѣніемъ. Насколько населеніе заинтересовано чтеніями, показываетъ фактъ пожертвованія посѣтителями чтеній въ трехъ пунктахъ Шлиссельбургскаго уѣзда—78 руб. на покупку специально для своихъ училищъ волшебныхъ фонарей (см. стр. 62). Въ томъ же II выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе и статья о народныхъ бібліотекахъ и читальняхъ въ Петербургской губ. Всего народныхъ бібліотекъ въ Петербургской губ. въ 1896 г. было 35. „Населеніе относится къ бібліотекамъ очень сочувственно, хорошо и съ большимъ интересомъ; поощряетъ ихъ и беретъ книги съ охотою и очень радо существованію бібліотекъ" (стр. 45). Здѣсь же констатируется фактъ, что сами крестьяне иногда жертвуютъ деньги или иногда отчисляютъ сборъ съ распортовъ въ извѣстномъ размѣрѣ на устройство бібліотекъ (стр. 46). Все это говоритъ намъ о назрѣвшей потребности среди крестьянскаго населенія къ чтенію. Какой грустью поэтому должна отдаваться въ насъ одна изъ таблицъ, приведенныхъ въ томъ же II выпускѣ—„отказы въ приѣмъ учениковъ". Изъ нея видно, что въ среднемъ училищѣ вынуждено было отказать въ приѣмѣ за недостаткомъ помѣщенія 142 ученикамъ. Главнымъ образомъ вынуждаются къ отказу земскія школы (27,6% всего ихъ числа), затѣмъ школы министерства народн. просвѣщенія (24,5%) и т. д.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Инстинкты и нравы насѣкомыхъ". Фабра. — „Experimental Morphology". М. В. Дарвинпортъ. — „The development of the frog's egg". Тѣ. Н. Моргана.

Инстинкты и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній Фабра. Переводъ съ французскаго Е. И. Шевыревой, подъ редакціей Ив. Шевырева. Съ 213 рис. Спб. Не будучи профессиональнымъ ученымъ, Фабръ, авторъ *Souvenirs entomologiques* (1879—1891 гг.) приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своими замѣчательными наблюденіями надъ множествомъ интереснѣйшихъ явленій жизни насѣкомыхъ. Наблюденіямъ этимъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, насколько это удавалось при постоянной заботѣ о заработкѣ, и потому неудивительно, что въ каждой строкѣ сквозитъ неподдѣльное увлеченіе предметомъ и горячая любовь къ нему, что, конечно, весьма подкупаетъ читателя въ пользу автора. Матеріалъ, обработанный Фабромъ, чрезвычайно богатъ и, хотя въ русскомъ переводѣ сдѣланы сокращенія, разбираемая книга представляетъ собою цѣлую энциклопедію по вопросамъ біологіи насѣкомыхъ. Важнымъ достоинствомъ книги является свѣжесть сообщаемыхъ фактовъ, въ томъ смыслѣ, что они являются

всѣ плодомъ личныхъ наблюденій и опытовъ автора, а не компиляція чужихъ данныхъ, къ которой мы такъ привыкли, особенно въ книгахъ, написанныхъ популярно. А Фабръ, несмотря на серьезность и научность своихъ наблюденій, описываетъ ихъ вполне популярно, иногда, пожалуй, даже слишкомъ увлекаясь легкостью слога и дѣлая ненужныя отступленія. По характеру изложенія книга весьма своеобразна: съ одной стороны, это и научное изслѣдованіе, но написанное внѣ обычныхъ приемовъ научныхъ работъ, т.-е. безъ изложенія исторіи вопроса, почти безъ всякой критики данныхъ предыдущихъ авторовъ и почти безъ ссылокъ на литературу, такъ что читателю нѣрѣдко ошибочно кажется, будто Фабръ первый наблюдалъ тотъ или иной интересный фактъ; съ другой стороны, это и популярная книга, но тоже необычнаго характера, сплошь наполненная личными наблюденіями, тогда какъ обыкновенно популяризаторы главнымъ образомъ пробавляются компиляціей. Во всякомъ случаѣ книга весьма интересна и нельзя не поблагодарить лицъ, стараніями которыхъ она является въ русскомъ переводѣ. Редакторъ перевода, извѣстный энтомологъ Шевыревъ, сдѣлалъ съ одной стороны сокращенія противъ оригинала, а съ другой—и нѣкоторыя дополненія, главнымъ образомъ относительно рисунковъ, широко позаимствованныхъ для русскаго перевода изъ другихъ книгъ, что, конечно, весьма оживило изданіе и сдѣлало его болѣе доступнымъ пониманію широкой публики. Недостаткомъ перевода является весьма странная мѣстами передача латинскихъ названій на русскій языкъ, т.-е. переписки ихъ русскими буквами: переводчица и редакторъ забыли, что, переводя книгу съ французскаго языка, нельзя латинскія слова снабжать *французскимъ* произношеніемъ; нельзя писать „малмьиньята“, желая этимъ передать латинское „*malmignatha*“ (названіе паука), или „мегашила“ считать равнымъ латинскому „*Megachile*“ (названіе пчелы) и т. д. Издана книга очень изящно, но, къ сожалѣнію, цѣна на ней не обозначена. Это неудобство, котораго бы издателямъ слѣдовало избѣгать.

Experimental Morphology. Ch. B. Davenport. New-York, 1897.
Вліяніе среды на организмы всегда обращало на себя вниманіе изслѣдователей, и относящіяся сюда вопросы должны считаться основными вопросами біологіи. Въ новѣйшее время, отчасти въ связи съ усиленным развитіемъ физическихъ и химическихъ знаній и усовершенствованіемъ методовъ изслѣдованія, произведенъ цѣлый рядъ наблюденій надъ вліяніемъ различныхъ факторовъ на жизненные явленія низшихъ организмовъ, тогда какъ сравнительно недавно фізіологи строили свои выводы главнымъ образомъ на опытахъ съ кроликами, собаками и лягушками. Авторъ разбираемой книги задался цѣлью собрать разбросанныя по тысячамъ статей давнія о вліяніи различныхъ факторовъ окружающей среды на организмы. Изученіе этихъ вліяній можетъ повести насъ къ раскрытію нѣкоторыхъ законовъ построенія органическихъ формъ, почему авторъ и рѣшился назвать свою книгу *Экспериментальной морфологіей*. Мы имѣемъ передъ собой пока только первую часть, въ которой заключается изложеніе результатовъ вліянія различныхъ физическихъ и химическихъ факторовъ на живую протоплазму и о какихъ-либо выводахъ *морфологіи* въ истинномъ значеніи того слова пока еще нѣтъ рѣчи. Авторъ излагаетъ дѣйствіе на живое вещество ядовъ, свѣта, теплоты, электричества, силы тяготѣнія и т. п. Литература, обработанная при составленіи книги, подавляетъ своей обширностью и уже самый фактъ сводки этой литературы въ одно цѣлое составляетъ великую заслугу автора. Въ виду того, что всѣ затронутые въ книгѣ да-

экспорта вопросы имѣютъ прямое отношеніе къ основному вопросу о сущности жизненныхъ явленій, книга эта является необходимой справочной книгой для всякаго, серьезно интересующагося біологіей. Изложеніе сжатое, ясное, снабженное рисунками, чертежами и диаграммами.

The development of the frog's egg. An introduction to experimental embryology. Th. H. Morgan. New-York, 1897. Въ настоящее время въ области эмбриологіи весьма рѣзко обозначилось особое направление, которое можно назвать „экспериментальной эмбриологіей“. Правда, направление это не ново, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ уже производились работы, имѣвшія цѣлью выяснить вліяніе того или иного фактора внѣшней среды на развитіе организмовъ, но въ настоящее время число такихъ работъ возросло въ значительной степени, а главное—эти работы или, вѣрнѣе, авторы этихъ работъ группируются какъ бы въ особую школу изслѣдователей, специально задавшихся цѣлью ввести опытъ въ ту область изслѣдованія, которая, главнымъ образомъ, разрабатывалась чисто-описательнымъ методомъ. Настоящее сочиненіе американскаго ученаго представляетъ собою сводку всѣхъ данныхъ опытной эмбриологіи, добытыхъ на классическомъ объектѣ множества изслѣдованій—на лягушкѣ. Авторъ излагаетъ въ ихъ естественномъ порядкѣ всѣ процессы развитія зародыша лягушки, причемъ относительно каждаго изъ нихъ сначала даетъ описаніе нормальнаго хода дѣла, а затѣмъ излагаетъ данныя, добытыя путемъ опытовъ. Изложеніе въ высшей степени простое, ясное, систематичное, такъ что книга можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для основательнаго ознакомленія съ главными данными эмбриологіи. Многочисленные рисунки поясняютъ текстъ. Въ виду сильно разившейся въ нашемъ обществѣ потребности къ серьезному естественно-историческому чтенію желатель-но бы видѣть эту книгу въ русскомъ переводѣ.

МЕДИЦИНА.

Высочайше разрѣшенный 2-й сѣздъ русскихъ дѣтелей по техническому и профессиональному образованію. X секція. — „Охрана материнства“. *Думъ Франка, д-ра Лейффера, Луи Мекки.* — „Занканіе; его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе“. *И. К. Хитлеескаго.* — „Занканіе, лепетаніе, шепелявость и ихъ лѣченіе“. *Григоря Филарозе.*

Высочайше разрѣшенный 2-й сѣздъ русскихъ дѣтелей по техническому и профессиональному образованію 1895—1896 г., X секція. Школьная гигиена и физическія упражненія. Издано подъ редакціей секретаря X секціи А. Д. Соколова. М., 1898 г. Настоящій выпускъ „трудовъ“ названнаго въ заголовкѣ сѣзда заключаетъ въ себѣ подлинный текстъ 20-ти сообщеній, заслушанныхъ членами X секціи, краткое изложеніе преній по каждому сообщенію и тѣ резолюціи, которыя явились результатомъ обсужденія возбужденныхъ докладчиками вопросовъ. Несмотря на то, что со времени 2-го сѣзда русскихъ дѣтелей по техническому и профессиональному образованію прошло уже около трехъ лѣтъ, всѣ доклады, пренія и резолюціи секціи школьной гигиены, касавшіеся разнообразныхъ условій школьной жизни, такъ или иначе вліяющихъ на физическое благосостояніе учащихся, сохранили всецѣло свое значеніе и въ настоящую минуту. Странное въ самомъ дѣлѣ впечатлѣніе выносишь, когда читаешь одинъ за другимъ эти рефераты почтенныхъ и извѣстныхъ специалистовъ по

школьной гигиены, такъ убѣдительно и доказательно излагающихъ свои требованія, касающіяся улучшенія общей санитарной обстановки нашихъ школъ, развитія мѣръ, относящихся къ улучшенію физическаго развитія и здоровья учащихся, въ связи съ воскреснымъ отдыхомъ и личною гигиеной, къ огражденію зрѣнія воспитанниковъ, къ устройству лѣтнихъ вакаціонныхъ колоній, образовательныхъ прогулокъ и путешествій и т. д., и т. д. Огромное большинство всѣхъ этихъ требованій такъ настоятельно необходимы и такъ давно уже ожидаютъ своего примѣненія къ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, такъ легко исполнимы, что остается только изумляться, почему же дѣйствительная жизнь, текущая въ нашихъ школахъ, такъ слабо и ничтожно отзывается на всѣ эти справедливыя требованія и ходатайства людей науки и опыта. Въ чемъ же заключается разгадка того крайне характернаго явленія русской жизни, согласно которому намъ приходится вѣчно испытывать и наблюдать рѣзкій антагонизмъ между наукой и жизнью, между идеаломъ и дѣйствительностью. И добро бы наука требовала отъ жизни трудно исполнимаго, а идеалы были бы черезчуръ возвышенны. Въѣдъ все, чего добиваются, напримѣръ, отъ нашей школы въ области лучшей охраны здоровья учащихся дѣтей, все это давнымъ давно примѣнено уже съ успѣхомъ въ сосѣднихъ съ нами западныхъ государствахъ, а у насъ продолжаетъ оставаться въ области мечтаній, докладовъ, резолюцій, ходатайствъ и проч. Мудрено ли послѣ этого, что русскій путешественникъ, попавшій, наприм., въ Берлинъ, останавливается съ чувствомъ зависти передъ случайно встрѣченной имъ веселой и жизнерадостной толпой дѣтей разныхъ возрастовъ, выходящихъ изъ мѣстной классической гимназій по окончаніи уроковъ. Сколько здоровья на этихъ свѣжихъ лицахъ, сколько граціи и увѣренности въ движеніяхъ, какой богатый запасъ здоровой энергіи и дѣтской живости въ этой пестрой толпѣ учениковъ нѣмецкой гимназій, одѣтыхъ притомъ не въ форменные картузы съ установленными кантами и значками и не въ мундирчики со свѣтлыми пуговицами, дѣлающими изъ дѣтей маленькихъ чиновниковъ, а кто во что гораздъ: любящій матери одѣли своихъ гимназистовъ каждая по своему вкусу и средствамъ, но не безъ заботы объ удобствахъ, красотѣ и практичности костюма. Всѣ эти подробности характерны въ томъ отношеніи, что, какъ извѣстно, существуетъ убѣжденіе, что будто бы прототипомъ нашихъ классическихъ гимназій являются нѣмецкія, между тѣмъ какъ заимствована не сущность дѣла, а только форма (мертвые языки), да и та извращена. Въ результатъ, глядя на нѣмецкое учащееся юношество, мы можемъ имъ только любоваться, а созерцая своихъ дѣтей — еще и еще разъ писать рефераты объ улучшеніи санитарныхъ и гигиеническихъ условій нашихъ учебныхъ заведеній и возбуждать безконечныя ходатайства, остающіяся гласомъ вопіющаго въ пустынь. Такъ почти и во всѣхъ сферахъ жизни. Передъ нами докладъ г. Курнина въ томъ же выпускѣ *Трудовъ*, озаглавленный „Трудъ и отдыхъ учениковъ торговыхъ и ремесленныхъ заведеній г. Москвы“. Коротенькій этотъ докладъ полонъ краснорѣчивыхъ цифръ, свидѣтельствующихъ въ сотый разъ о необходимости придти на защиту здоровья малолѣтнихъ ремесленныхъ учениковъ, рабочій день которыхъ простирается, согласно цифрамъ доклада, до семнадцати и больше часовъ въ сутки (въ сапожныхъ и портновскихъ заведеніяхъ, за 2½ мѣсяца передъ Рождествомъ и Пасхой и за 2 недѣли передъ Троицынымъ днемъ и друг. большими праздниками), до 16½, 16 и 15 часовъ въ средней

и съѣстной, булочной, желѣзной торговлѣ, пивныхъ и ренсковыхъ (въ теченіе круглаго года). Такія нормы даетъ дѣйствительная жизнь при существованіи ст. 141, кн. 2, т. XI свода законовъ, говорящей, что *ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ 6 ч. у. до 6 час. веч. исключая 1/2 часа на застрѣхъ и 1 1/2 часа на обѣдъ и отдыхъ*. Кромѣ этихъ безграничныхъ правъ на дѣтскій трудъ, хозяева заведеній могутъ еще пользоваться, согласно примѣч. къ ст. 37, отд. V, кн. II, св. закон. XI, уст. торг., правомъ навазывать малолѣтнихъ сидѣльцевъ за шалости *розгами*. И такое крѣпостное право, царящее надъ малолѣтними „учениками“ ремесленныхъ и торговыхъ заведеній, до сего времени, несмотря на всѣ рефераты и на многократныя заявленія печати, остается въ полной своей силѣ, несмотря также на то, что оно существуетъ, какъ видно, даже вопреки закону.

Какой же злой рокъ тяготеетъ надъ русскою жизнью?

Охрана материнства. Луи Франка, д-ра Кейффера, Луи Менжи. Переводъ д-ра А. Н. Рахманова, съ предисл. проф. А. М. Матѣева. М., 1898 г. Ц. 1 р. Авторы посвятили свой трудъ чрезвычайно важному вопросу въ жизни бѣднаго трудящагося (преимущественно на фабрикахъ и заводахъ) люда—вопросу объ охранѣ какъ матерей въ періодъ дѣтороженія, такъ и рожденныхъ ими дѣтей. Ростъ во всѣхъ государствахъ фабрично-заводской промышленности и вызываемое имъ быстрое увеличеніе контингента рабочихъ дѣлаютъ этотъ вопросъ дѣйствительно назрѣвшимъ. Во многихъ государствахъ приняты рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлю, съ одной стороны, улучшить положеніе роженицъ и родильницъ-работницъ, а съ другой—заботиться объ участи новорожденныхъ дѣтей. Авторы книги *Охрана материнства*, а также и переводчикъ ея на русскій языкъ заслуживаютъ признательности за пропагандированіе идей, къ которымъ не должно оставаться глухимъ ни законодательство, ни общество. Трудъ ихъ распадается на нѣсколько частей. Сначала они рассматриваютъ физиологическую сторону вопроса и опредѣляютъ продолжительность воздержанія отъ фабричнаго труда, которая должна быть предписана женщинамъ немущаго класса передъ родами и послѣ нихъ. Затѣмъ рассматриваются различныя попытки регламентаціи разными законодательствами женскаго труда съ точки зрѣнія покровительства фабричнымъ работницамъ въ періодъ дѣтороженія. Опытъ показалъ недостаточность этихъ законовъ въ однихъ государствахъ и непримѣнность ихъ въ другихъ. Наконецъ, авторы подробно останавливаются на анализѣ желательныхъ реформъ и, съ своей стороны, предлагаютъ принципъ взаимнаго страхованія матерей. Книга богата фактическими данными, и ознакомленіе съ ними для русской публики должно представлять большой интересъ. Книга издана на русскомъ языкѣ съ благотворительною цѣлю: доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу вновь учреждаемаго въ Москвѣ, по инициативѣ переводчика книги, д-ра А. Н. Рахманова, общества при городскихъ родильныхъ пріютахъ для оказанія матеріальной помощи бѣднымъ роженицамъ и родильницамъ.

Заканіе. Его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе. И. К. Хмѣлевскаго. Одесса, 1897 г. Ц. 1 р. — Заканіе, лепетаніе, шепелявость и ихъ лѣченіе педагогическо-дидактическими приѣмами... на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и собственнаго опыта популярно разработано. Грегора Фильрозе. Рига-1897 г. Ц. 30 к. Авторъ первой брошюры весьма справедливо указываетъ на недостатокъ популярной русской литературы по вопросу о

заиканіи. Не преслѣдуя цѣли дать читателямъ лѣчебникъ или „руководство къ совершенному искорененію заиканія“, авторъ старается выяснитъ сущность и причины этого невроза и указать на возможность предупредительныхъ мѣропріятій и на способы лѣченія. Брошюра изложена хорошимъ языкомъ, даетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія по затронутому вопросу и съ большою пользою можетъ быть протрена родителями и педагогами. Что касается второй названной выше брошюры, то, нисколько не выясняя ни сущности, ни причинъ, ни лѣченія невроза, брошюрка эта имѣетъ единственную цѣль рекламы собственнаго заведенія для лѣченія заикающихся.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1895 г.“. Сост. А. Д. Педашенко.—„Указатель изданій министерства земледѣлія и государств. имуществъ по сельско-хозяйств. и лѣсной части“. Сост. И. И. Мамонтовъ.—„Первое дополненіе къ тому же указателю“.—„Литература по русскому почвовѣднію съ 1765 по 1896 г.“. Сост. П. В. Отоцкий.—„Промышленное плодководство въ Сѣверной Америкѣ“. Сост. Я. Нямцы.

Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1895 г. Составилъ А. Д. Педашенко. Спб., 1898 г. Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельско-хозяйственной и лѣсной части. Составилъ И. И. Мамонтовъ. Спб., 1897 г. Первое дополненіе къ тому же указателю. Спб., 1898 г. Литература по русскому почвовѣднію съ 1765 по 1896 г. Составилъ П. В. Отоцкий. Спб., 1898 г. Цѣна 1 руб. Библиографическая литература въ Россіи понемногу начинаетъ развиваться, что, конечно, должно отразиться на успѣхахъ научной разработки отдѣльныхъ вопросовъ. Въ области сельско-хозяйственной библиографіи начало было положено департаментомъ земледѣлія, издавшимъ первый списокъ текущей литературы за 1884 годъ; съ 1885 года періодическіе списки сельско-хозяйственныхъ книгъ и статей печатаются при изданіяхъ, озаглавленныхъ „18... годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Послѣдніе выпуски этихъ списковъ поступаютъ и въ отдѣльную продажу; къ сожалѣнію, цѣна на самыхъ „Указателяхъ“ не обозначается, и лишь изъ другого „Указателя“ (И. И. Мамонтова) мы узнаемъ, что, напримѣръ, „Указатель“ за 1894 и 1895 гг. стоятъ по 50 к. Составителемъ періодическихъ указателей съ 1889 года продолжаетъ быть А. Д. Педашенко. Объемъ указателей въ послѣднее время расширяется: изданный въ 1898 г. указатель литературы 1895 года имѣетъ 191 страницу, а его предшественникъ имѣлъ 170 стр. Указатели А. Д. Педашенка становятся необходимѣйшими пособіями при всякой надобности въ обзорѣ сельско-хозяйственной литературы по отдѣльнымъ вопросамъ. Жаль, что къ изданіямъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ не прибавляются книги и статьи, печатающіяся въ Россіи на польскомъ языкѣ; опытъ такого включенія былъ сдѣланъ В. И. Филипповымъ въ указателѣ за 1887 г., но въ послѣдствіи почему-то не продолжался *).

Указатели И. И. Мамонтова относятся исключительно къ казеннымъ

*) Напомнимъ кстати объ указателѣ книжной сельско-хозяйственной литературы—И. Пехе и Н. Н.—въ: „Россійскія отдѣльныя книги по сельскому хозяйству съ 1730—1884 г.“ 2 выпуска.

изданіямъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Основной указатель обнимаетъ публикаціи съ апрѣля 1894 года по іюль 1897 года; первое дополненіе захватываетъ годичный срокъ съ іюля 1897 г. по іюль 1898 г. Здѣсь даны не только заглавія, но и подробныя оглавленія многихъ изданій, но исключительно опубликованныхъ министерствомъ земледѣлія. Къ указателямъ И. И. Мамонтова приложены ключи (индексы) по предметамъ, по авторамъ и по мѣстностямъ. Присутствіе этихъ ключей, составляющихъ издавна необходимую принадлежность многихъ англійскихъ изданій, слѣдуетъ особенно привѣтствовать.

Работа П. В. Отоцкаго, изданная Вольно - Экономическимъ Обществомъ, даетъ списокъ 1,619 книгъ и статей по русскому почвовѣдѣнію. Здѣсь тоже имѣются три индекса, облегчающіе пользованіе указателемъ. Географическій индексъ можно было бы сдѣлать поузднымъ. Инициаторомъ работы П. В. Отоцкаго явился самый энергичный изъ русскихъ почвовѣдовъ, профессоръ В. В. Докучаевъ. Сравнительно съ указателемъ П. В. Познякова (изданнымъ въ концѣ 1895 г. подъ редакцію А. Н. Сабанина) представляется нѣсколько дополненнымъ, хотя бы уже потому, что прибавлено около 200 публикацій 1896 года. Все-таки составителю слѣдовало упомянуть объ указателѣ П. В. Познякова, которымъ онъ, конечно, пользовался.

Расположеніе матеріала хронологическое. Дополненіемъ служить списокъ картъ, изъ которыхъ многія имѣются только въ рукописяхъ. Всего въ указателѣ 1,619 нумеровъ. Безъ неточностей, разумѣется, нельзя было обойтись въ такомъ сложномъ и не легкомъ у насъ дѣлѣ, какъ составленіе указателя по специальному вопросу для всей русской литературы. Напримѣръ, изданіе подъ № 879 въ 1890 г. едва ли выходило; во всякомъ случаѣ имя автора приведено невѣрно; земскій сборникъ по Саратовскому уѣзду (съ почвенною картою) вышелъ въ 1883 году, и названное г. Отоцкимъ лицо не имѣло къ этому сборнику никакихъ отношеній. При бѣгломъ просмотрѣ мы не нашли указаний на западно - сибирскій сводъ, изданный въ 1894 г. министерствомъ земледѣлія („Крестьянское землепользованіе“ со статьею Ю. Н. Вагнера о почвахъ). Недочеты и неточности, конечно, будутъ исправлены въ новомъ критико-библиографическомъ „Обзорѣ“, который изготовляется г. Отоцкимъ при участіи многихъ специалистовъ, а пока мы не колеблемся присоединиться къ словамъ предисловія о томъ, что „данный голый литературный списокъ сослужить свою службу“.

Промышленное плодоводство въ Сѣверной Америкѣ. Составилъ Я. Нѣмецъ. Изд. департамента земледѣлія. Спб., 1898 г. Авторъ книги былъ командированъ въ 1895 году русскимъ министерствомъ земледѣлія въ Соединенные Штаты и въ Канаду для ознакомленія съ тамошнимъ промышленнымъ плодоводствомъ. Первые главы общаго содержанія: здѣсь даны указанія относительно садоводственного образованія въ Америкѣ, торговли саженцами и сѣменами, приемы воздѣлыванія садовыхъ растений, приемы уборки плодовъ и приготовленія консервовъ. Затѣмъ отдѣльно описана культура яблони, груши, сливы, персика, абрикоса, черешни, вишни, винограда и ягодныхъ растений.

Книга обильно иллюстрирована (223 рисунка) и снабжена схематическою картою Соединенныхъ Штатовъ.

Широкое распространеніе потребленія фруктовъ въ Америкѣ авторъ ставитъ въ связь съ распространенностью мясной пищи (вѣроятно,

разумѣя противодѣйственное значеніе фруктовъ). Коммерческому плодоводству помогаютъ климатическія условія, широкое развитіе кредита, рядъ специальныхъ обществъ и специальныхъ школъ. Касаясь истребленія развитія плодоводства въ Россіи, авторъ высказывается противъ пошлѣйшаго на привозные американскіе фрукты, которые вскорѣ могутъ появиться на русскомъ рынкѣ: отсутствіе конкуренціи, по мнѣнію автора, только ослабило бы энергію плодоводовъ.

Несмотря на значительныя различія между нашими и американскими условіями, книга г. Нѣмца представить много интереснаго русскимъ практикамъ и учащимся. Цѣна книги (1 р. 50 к.), почему-то не помѣченная на обложкѣ, должна быть названа низкою (за 25 печатныхъ листовъ).

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона“. Полутомы 45, 46 и 47.

Энциклопедическій Словарь, подъ редакціей К. К. Арсеньева и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Издатели: Ф. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Полутомы 45, 46 и 47. Первый изъ указанныхъ полутомовъ начинается статьей „Патенты на изобрѣтенія“, послѣдній, т.-е. 47-й, заканчивается словами: „Полярныя координаты“. Въ этихъ трехъ книгахъ болѣе 1,400 страницъ въ двѣ колонки мелкаго и убористаго шрифта. Изъ этого можно заключить, какую массу справочныхъ свѣдѣній даетъ *Словарь*, при чемъ нѣкоторыя статьи большою обстоятельностью своею и научностью, — порою излишнею и тяжеловатою, — представляютъ собою сжатые, но цѣльныя монографіи. Изъ наиболѣе выдающихся мы отмѣтить можемъ: „Патріаршество въ Россіи“, „Паяльная трубка“, „Пелопонезская война“, „Перелетъ птицъ“, „Переплетное мастерство“, „Переселенія крестьянъ“, „Переутомленіе“, „Перикль“, „Петрашевичъ“, статьи о Персіи, ея литературѣ и искусствѣ, статьи о Польшѣ и ея литературѣ, „Печатаніе тканей“, „Печатное дѣло“, „Плетенныя издѣлія“, „Плодоводство“, „Плугъ“, „Погода“, „Подводныя лодки“, обширныя и интереснѣйшія работы о „Поземельной общинѣ“ — въ Западной Европѣ, въ древней Руси, въ Великороссіи, въ Малороссіи, въ Литвѣ и въ Сибири, и о современномъ положеніи Поз. общины; затѣмъ нѣкоторыя статьи объ ученыхъ и философахъ древности и о нѣкоторыхъ ересяхъ и расколахъ съ яснымъ изложеніемъ ихъ ученій, начиная съ „Пелагіанъ“ и кончая „Пашковцами“. Всѣ, или почти всѣ, перечисленные нами статьи написаны живо и вполне общедоступно. Нѣкоторыя статьи изъ непоименованныхъ нами представляются намъ недостаточно популярно написанными для *Энциклопедическаго Словаря* и для того круга людей, которымъ такой *Словарь* въ особенности нуженъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ историческаго содержанія излишне, по нашему мнѣнію, выступаютъ наружу субъективныя взгляды автора на большихъ дѣятелей и на историческія событія. Мы думаемъ, что въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* это не совсѣмъ уместно и слѣдовало бы быть болѣе неуклонно объективнымъ. *Словарь*, по прежнему, иллюстрированъ прекрасными полнотипажамъ въ текстъ и нѣтъ текста и превосходными картами, между которыми особенно выдаются карты Польши въ различныя времена ея тревожной исторіи.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Вѣстникъ Европы, сентябрь и октябрь. — Русскій Вѣстникъ, сентябрь и октябрь. —
Дѣтское Чтеніе, 1898 г. №№ 4—14. — Родникъ, №№ 3—10.

Дѣтъ тридцать назадъ вмѣшательство государства въ промышленную дѣятельность съ цѣлью охраненія интересовъ рабочаго класса было тѣмъ пунктомъ программы прогрессивной части нашего общества, къ близкое осуществленіе котораго возлагалось мало надежды. Но, неожиданно, постъ министра финансовъ занялъ гуманный, просвѣщенный и высоко справедливый человѣкъ Н. Х. Бунге. Съ большимъ трудомъ, настойчивыми усиліями удалось ему заложить первый камень фабричнаго законодательства. Какъ ни скромно было это начало, какъ ни ограниченны были права фабричныхъ инспекторовъ, гитация противъ вмѣшательства государства для охраненія интересовъ рабочихъ велась непрерывно и страстно. Преемникъ Бунге, министръ финансовъ, не скрывалъ своего нерасположенія къ фабричному законодательству. Дѣятельность инспекторовъ была при немъ значительно стѣснена, но на отмѣну этого законодательства не рѣшились. При новомъ министрѣ финансовъ для фабричнаго законодательства наступили лучшіе дни. Сфера дѣйствія этого законодательства значительно расширилась и продолжаетъ расширяться. Необходимость его настолько уже вошла въ общественное сознаніе, что теперь можно быть увѣреннымъ въ жизнненности этого законодательства. Правда, наши фабричные законы далеко еще не такъ полно охраняютъ интересы рабочаго класса, какъ это дѣлаютъ законодательства европейскихъ государствъ. Но все большее и большее приобщеніе нашей родины къ развитой европейской культурой идеямъ гуманности и гражданской ответственности служить порукой, что и въ дѣлѣ фабричнаго законодательства мы сравняемся съ Западною Европой.

Въ ряду европейскихъ фабричныхъ законовъ однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ является швейцарское законодательство. Насколько всесторонне охраняетъ оно интересы рабочаго класса, объ этомъ хорошо понятіе даетъ статья г. Сѣверова, напечатанная въ октябрьской книжкѣ Вѣстника Европы. Фабричные законы въ Швейцаріи обнимаютъ обширную сферу промышленнаго труда; они применяются ко всѣмъ заведеніямъ, имѣющимъ болѣе 5 рабочихъ, а также къ заведеніямъ, пользующимся трудомъ малолѣтнихъ, хотя бы въ нихъ работало и менѣе 5 человѣкъ. При устройствѣ заведенія вновь или переустройствѣ требуется представленіе плана и подробнаго описанія самаго производства. Открытіе заведеній, употребляющихъ при работахъ вредныя вещества, какъ, напримѣръ, свинецъ, ртуть, мышьякъ, фосфоръ, азотныя кислоты, бензинъ, анилинъ и т. п., разрѣшается на особую, смотря по характеру вещества, основанія, и федеральному праву предоставлено относить къ разряду подобныхъ веществъ все, что „опытъ и наука будутъ указывать“. Хозяевамъ заведеній, перерабатывающихъ вредными веществами, приходится волей-неволей принимать всѣ указываемыя наукою и практикой мѣры къ устраненію глупаго влияния на здоровье вредныхъ веществъ, ибо, въ противномъ случаѣ, имъ грозитъ серьезная отвѣтственность. Хозяева и ихъ представители отвѣтственны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при исполненіи чего-либо относящагося къ ходу промышленнаго дѣла будутъ причинены служащему или рабочему смерть, раны, увѣчья, болѣзнь и привлеченный къ отвѣтственности не докажетъ, что причиною несчаст-

стія были неопределимая случайность, чѣм-либо преступныя дѣйствія или собственная вина потерпѣвшаго. Матеріальная отвѣтственность хозяевъ, весьма значительна. Въ случаѣ смерти рабочаго, хозяинъ уплачиваетъ издержки по попыткѣ къ излѣченію и по похоронамъ; возмѣщаетъ потери, понесенныя покойнымъ отъ невозможности во время болѣзни имѣть заработокъ; обезпечиваетъ членамъ его семьи—женѣ или мужу, дѣтямъ, родителямъ и ближайшимъ родственникамъ—тѣ средства къ существованію, которыя покойный доставлялъ имъ при жизни. При ранахъ или увѣчьи уплачиваются издержки за лѣченіе и уходъ, вплоть до выздоровленія, и понесенные за это время потери отъ невозможности работать; увѣчному обезпечивается получавшійся имъ заработокъ. Далѣе слѣдуетъ весьма важная статья закона, гласящая о томъ, что хозяева заведеній, употребляющихъ при работахъ вредныя вещества, подлежатъ точно такой же отвѣтственности еще и въ томъ случаѣ, если *смерть, увѣчье или болѣзнь служащаго или рабочаго будутъ имѣть причиной не несчастье, а лишь неизбежное разрушительное вліяніе близости этихъ веществъ, или техническія условія производства*. Въ своемъ циркулярѣ къ кантональнымъ властямъ федеральный совѣтъ требуетъ „принять всѣ мѣры къ самому строгому исполненію этихъ постановленій“. Въ соответствии съ указанными постановленіями фабричный законъ предписываетъ, чтобы рабочія залы, мастерскія, машины и всякаго рода снаряды приспособлялись, устанавливались и содержались въ расчетѣ на достиженіе возможно большей безопасности для здоровья и жизни рабочихъ; чтобы помѣщенія во время работъ хорошо освѣщались, атмосфера въ нихъ очищалась, какъ можно лучше, отъ пыли и другихъ связанныхъ съ характеромъ производства постороннихъ примѣсей, и вообще, чтобы все могущее способствовать охраненію здоровья рабочихъ и предотвращенію несчастныхъ случаевъ принималось неуклонно и своевременно, отвѣчая указаніямъ опыта и новѣйшимъ требованіямъ науки. Фабричные инспектора въ Швейцаріи пользуются большою властью и широкими полномочіями, благодаря чему практическое осуществленіе закона отличается стройною, всестороннею дѣятельностью, направленною къ возможно полному развитію духа фабричнаго законодательства. Охраняя энергично здоровье рабочихъ, швейцарскій законъ не могъ отнестись къ работѣ несовершеннолѣтнихъ и къ ночной работѣ иначе, какъ съ большою строгостью. Дѣти моложе 14 лѣтъ совершенно не допускаются къ фабричнымъ работамъ. Отъ 15 до 16 года они допускаются лишь въ часы, свободные отъ занятій въ школѣ. Ночныя работы допускаются только какъ исключеніе, по спеціальному въ каждомъ случаѣ разрѣшенію, и зависятъ отъ доброй воли рабочихъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ночная работа вызывается крайнею неотложностью, но требуетъ больше одной ночи, необходимо разрѣшеніе общинныхъ властей, а на болѣе долгій срокъ—властей кантональных. Женщинамъ ночныя работы абсолютно воспрещены. Законъ этотъ,—говоритъ авторъ статьи,—вытекаетъ изъ самаго склада жизни и понятій швейцарцевъ, считающихъ правиломъ быть не позднѣе 10 час. вечера въ постели. Съ наступленіемъ ночи здѣсь прекращается не только всякая работа, но и движеніе внутреннихъ поѣздовъ, пароходовъ; перестаютъ дѣйствовать также телеграфъ и телефонъ. Мы сказали, что фабричные инспектора въ Швейцаріи имѣютъ широкія полномочія; вмѣстѣ съ тѣмъ должность эта обставлена такъ, чтобы лица ее занимающія пользовались большою независимостью. Съ этою цѣлью фабричные инспек-

тора назначаются высшимъ учрежденіемъ страны, а именно федеральнымъ совѣтомъ и зависятъ только отъ него. Получаемое ими содержаніе сравнено съ содержаніемъ высшихъ должностныхъ лицъ. Швейцарскимъ фабричнымъ инспекторамъ принадлежит не только ревизія фабрикъ и заводовъ, всестороннее примѣненіе закона, — имъ принадлежитъ также законодательная инициатива въ промышленной сферѣ. Въ своихъ отчетахъ федеральному совѣту они дѣлаютъ *мотивированныя предложенія новыя административныя и законодательныя мѣры*.

Фабричное законодательство сократило продолжительность рабочаго дня и тѣмъ самымъ увеличило досугъ трудового люда. Это обстоятельство, въ связи съ ростомъ культурности народныхъ массъ, создало вопросъ на организацію здоровыхъ развлеченій для народа. Въ обществѣ всѣхъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ обществѣ, есть люди, понимающіе всю важность такого дѣла и отдающіе свои силы и матеріальныя средства на его организацію и на ея расширение въ ширь и глубь. Но нигдѣ, кажется, дѣло это не выдвинулось съ такою силой, какъ въ Англіи, и выдвинулось оно, притомъ, лишь въ самое послѣднее время. Какая крупная перемена произошла за послѣднія 15—20 лѣтъ въ народныхъ развлеченіяхъ этой страны, объ этомъ идетъ рѣчь въ статьѣ „Англійскіе рабочіе на досугѣ“, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Лѣтъ двадцать назадъ проф. Джевонсъ мечталъ объ одномъ или двухъ хорошихъ концертахъ для народа; а въ настоящее время въ лондонскихъ паркахъ играетъ одновременно не два, а сорокъ прекрасныхъ концертовъ. Музыка эта стоила въ прошломъ году городу около 80,000 руб. Извѣстно, что англичане очень любятъ физическія упражненія. Идя навстрѣчу этому запросу, та же лондонская дума отвела въ паркахъ, расположенныхъ въблизи рабочихъ кварталовъ, мѣста для игры въ мячъ. Заберитесь, — говоритъ авторъ статьи, — въ глубь лондонскихъ рабочихъ кварталовъ, въ паркъ Викторія или Батерси, заберитесь сюда въ четвергъ пополуночи, а еще лучше въ субботу, и передъ вашими глазами развернется такая картина, какой нигдѣ, кромѣ Англіи, не увидишь. Огромная часть площади зеленого парка вся кишитъ народомъ. Мальчики, юноши и взрослые бѣгаютъ, кричатъ и выдѣлываютъ разныя движенія руками и ногами.

Подкидываемые ими вверхъ резиновые мячи десятками и сотнями несутся по воздуху, и удивляешься, какъ играющіе не путаются мячами, не сбиваются другъ съ другомъ и не мѣшаютъ другъ другу. Все поле разбито на квадраты приблизительно въ акръ величины каждый; одинъ квадратъ отъ другого отдѣленъ линіями, проведенными по травѣ бѣлою краской. На этихъ квадратахъ происходитъ самая популярная въ Англіи игра — крикетъ. Другимъ любимѣйшимъ удовольствіемъ англійскаго народа являются сценическія представленія. Въ Лондонѣ имѣется до десяти хорошихъ народныхъ театровъ, помѣщающихся въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ, по преимуществу, живетъ трудящійся людъ. При этомъ сценическія представленія не ограничиваются одними подмостками театровъ. То тотъ, то другой политическій клубъ, то церковь, то какое-нибудь общество устраиваютъ музыкально-литературные вечера для народа. Кромѣ того, по воскресеньямъ, рабочій можетъ присутствовать на концертахъ воскресной лиги, общества воскреснаго хора, камерной музыки въ Соутсъ-Плэсъ и другихъ концертахъ, даваемыхъ въ 15 — 20 мѣстахъ Лондона одновременно. Концерты эти очень хорошіе; музыканты, пѣвцы и пѣвицы, участвующіе въ нихъ —

артисты съ именемъ. Большое значеніе въ дѣлѣ саморазвитія турнаго воспитанія народной массы имѣютъ „рабочіе клубы“—явленіе лишь послѣдняго времени. Клубы эти раздѣляются на политическіе и социальныя. Послѣдніе чужды всякой партійной борьбы. Въ настоящее время въ одномъ Лондонѣ насчитывается до пяти тысячъ клубовъ. Изъ нихъ 78 политическіе и 73 социальныя. Клубы служатъ средствомъ къ саморазвитію рабочихъ, клубы предоставляютъ также мѣсто развлеченій. Подобно многимъ другимъ рабочіе клубы имѣютъ свои годичныя обѣды, свои ежемѣсячныя еженедѣльные концерты, танцы, драматическія представленія, празднества и собранія.

Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* напечатанъ французскаго сержанта Бургоня объ отступленіи наполеоновской арміи въ Березинѣ. Разсказъ полонъ живыхъ красокъ и даетъ яркую картину того, какія испытывала великая армія при своемъ отступленіи въ Березинѣ. Вотъ, на примѣръ, картина шестивой арміи, командованной Бургонемъ и Пикаромъ, отставшіе по болѣзни, нагнали ея въ Березину. Было 25 ноября, часовъ семь утра; еще не сѣло. Первыми показались генералы, нѣкоторые изъ нихъ верхами, но большинство, по неимѣнію лошадей, шли пѣшкомъ со многими другими высшими офицерами. Пѣшіе тащились почти у всѣхъ ноги были отморожены и завернуты въ тряпичныя клочки овчинъ. За ними шли остатки конной гвардіи. Затѣмъ шелъ императоръ, пѣшкомъ и съ палкою въ рукахъ. Онъ былъ одѣтъ въ большую шинель, подбитую мѣхомъ, на головѣ у него была красная бархатная шапка, опушенная черною лисицей. По правую сторону отъ него шелъ король Мюратъ, по лѣвую—принцъ Евгений, герцогъ Италиі; за ними маршалъ Бертье, принцъ невшателъ, генералъ Мортъе, Лефевръ и другіе маршалы и генералы, войска которыхъ были отчасти уничтожены. За императорскою свитой слѣдовали офицеры—восемьсотъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; они шли пѣшкомъ и въ глубочайшемъ молчаніи несли орды полковъ, которые принадлежали и которые сколько разъ водили къ побѣдѣ. За ними шли остатки слишкомъ шестидесяти тысячъ людей. Затѣмъ шла императорская гвардія и гренадеры. За ними слѣдовали больше тридцати тысячъ солдатъ; почти у всѣхъ были отморожены руки и ноги. Они опирались на палки. Генералы, полковники, офицеры, солдаты шли перемежку, прикрытые обгорѣлыми, худыми шинелями и пухлыми куртками въ лохмотья сукна, въ бараньи шкуры, словомъ, только можно было достать для защиты отъ холода. Они не ропотали и еще готовились бороться по мѣрѣ силъ, если непрепятствовуетъ переправѣ. Присутствіе императора внушало надежду. „Онъ снова найдетъ способы выручить насъ изъ бѣды“. Императоръ оставался для арміи по-прежнему великимъ геніемъ, и какъ бы ни была несчастна, съ нимъ она всюду была увѣрена въ свою судьбу. Въ время отступленія это множество людей продолжало оставаться живыми, мертвыхъ и умирающихъ. Ближайшіе кандидаты на это полагались длиннымъ хвостомъ за отступавшею арміею. Эти люди до крайней степени истощенія. Они не въ состояніи уже были идти въ Березину, отъ которой армія находилась такъ близко. Всѣхъ погребли на нашей землѣ.

Начнемъ настоящій обзоръ нашей дѣтской журналистики *) со старшаго журнала *Дѣтское Чтеніе* (тридцатый годъ изданія), которое послѣдніе четыре года выходитъ въ Москвѣ подъ редакціей Д. И. Комарова (извѣстный педагогъ, авторъ талантливыхъ руководствъ по русскому языку).

Направленіе журнала вообще и дѣтскаго въ частности, проведенное цѣльно и послѣдовательно, даетъ жизненность и ту внутреннюю силу, которая имѣетъ важное воспитательное значеніе для подрастающихъ поколѣній, открывая имъ очи на то, что есть и что должно быть, окрыляя ихъ умъ, облагораживая сердце и укрѣпляя волю для мушкетерскаго, производительнаго труда въ неустанномъ стремленіи къ свѣтлымъ идеаламъ. Пути къ этому въ журналистикѣ часто разные; но всѣ они должны вести къ одной цѣли—давать здоровый духовный хлѣбъ, а не злѣю и камень.

Направленіе журналамъ даютъ ихъ редакторы-журналисты, группирующіе въ своихъ журналахъ талантливыхъ сотрудниковъ, изображающихъ правдиво, увлекательно, въ живыхъ художественныхъ образахъ то, что можетъ знакомить читателей съ жизнью. Съ этой стороны, именно со стороны группировки состава книжекъ, упомянутыхъ журналовъ, дающей ту или иную фیزیономію журналамъ, придется вольно или невольно показать духовный обликъ и направленіе ихъ руководителей-журналистовъ.

Посмотримъ, что каждый изъ нихъ далъ и чѣмъ занялъ читателей, куда ихъ велъ и что имъ открылъ жизненнаго, поучительно-интереснаго, надъ чѣмъ они могутъ задуматься, что можетъ захватить ихъ въ сердце.

Дѣтское Чтеніе за 1898 г. въ названныхъ книжкахъ дало три большихъ беллетристическихъ произведенія: *Два таланта*—повѣсть И. Н. Потапенка (о первыхъ главахъ этой повѣсти было говорено въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли*). Въ іюльской книжкѣ *Два таланта* уже закончены. Въ настоящее время эта повѣсть вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ въ серіи книгъ „Библіотека дѣтскаго чтенія“. По нашимъ наблюденіямъ, она читается и дѣтьми, и взрослыми съ большимъ интересомъ. Въ ней авторъ съ истиннымъ искусствомъ изобразилъ двухъ представителей таланта въ музыкальномъ мірѣ,—скромнаго работника съ среднимъ дарованіемъ (нѣмецъ) и представителя обширнаго размаха таланта (русскій), но вѣрящаго прежде всего только въ свой талантъ и въ концѣ-концовъ убѣдившагося, что безъ труда и большого дара будетъ лишь забавой для любителей, ищущихъ показныхъ эффектовъ, но не дастъ того, что онъ можетъ дать, чѣмъ онъ можетъ глубоко захватить, зачаровать и поднять духъ слушателей по своей силѣ. Въ этомъ большое значеніе повѣсти *Два таланта* въ воспитательномъ отношеніи, ея правдивая, жизненная сторона и ея художественная поучительность,—такъ какъ она ярко живописуетъ то, что мы всѣ знаемъ, что большинство русскихъ талантливыхъ людей страдаетъ именно тѣмъ, что, надѣясь на свой талантъ, мало и рѣдко занимается его обработкой. *Светлячки*—сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка. Прекрасныя, поэтическія картинки природы ночью, гдѣ остроумно проведена жизнь двухъ маленькихъ свѣтлячковъ. Ми-

*) Обзоръ первыхъ №№ названныхъ журналовъ за 1898 г., см. *Русская Мысль*, апрѣль.

моходаютъ скажемъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, какъ русскій сказочникъ, можетъ быть названъ единственнымъ и оригинальнымъ мастеромъ въ этой области искусственной сказки въ настоящее время. *Сестра милосердія*—П. А. Сергѣенка. Правдивая повѣсть, въ которой изображается, какъ заболѣла дѣвочка коклюшемъ, пріѣхавъ съ матерью въ столицу къ родной теткѣ, какъ взволновалась тетка и вся ея семья, боясь заразиться, какъ мать переѣхала съ ней въ гостиницу, гдѣ всѣ живущіе тоже всполошились отъ страха и потребовали удаленія больной изъ общества здоровыхъ и, въ концѣ-концовъ, какъ она попала въ общину сестеръ милосердія. Живо очерчены добродушный докторъ, чудакъ-оригиналъ, начальница общины и „сестра“ Калинина. Здѣсь много трогательныхъ картинъ, изображенныхъ просто, сердечно, которыя должны проникнуть глубоко въ душу отзывчиваго читателя. Далѣе идутъ въ *ММ* журнала въ первомъ беллетристическомъ отдѣлѣ рядъ законченныхъ рассказовъ въ каждой книжкѣ, изъ которыхъ особенно выдаются рассказы К. Д. Носилова, отличающіеся той искренностью, правдой и милой трогательностью, которая невольно увлекаютъ читателей,—это живые очерки—*Несчастный случай* (изъ пасхальныхъ воспоминаній), *Первый стыдъ*, *Дядушкины журавли*, *Пріездъ архіерея*. Въ нихъ въ жизненныхъ сценкахъ проведены гуманно-воспитательныя отношенія ребенка и взрослыхъ къ природѣ и окружающимъ людямъ. Особенно хороши старецъ-дѣдушка, простой, добродушный русскій „бабушка“ въ рассказахъ: *Первый стыдъ* и *Дядушкины журавли*, гдѣ авторъ изображаетъ, какъ этотъ старецъ-священникъ умно, сердечно будитъ совѣсть во внука, шаловливомъ ребенкѣ, случайно разорившемъ гнѣздо ласточки, желая во что бы то ни стало словить эту птичку, говоря ему душевно: „Ахъ, Костусъ, Костусъ, что ты надѣлалъ! Посмотри, что ты надѣлалъ. Она летѣла сюда за тысячи верстъ для этого вотъ яичка, чтобы вывести дѣтеныша, она ранней весной несла къ намъ изъ-за моря съ вѣсточкой о веснѣ. Она щебетала про нее у нашего окна, она радовалась нашему хлѣву, гдѣ она родилась и воспиталась, она въ маленькомъ кюльчикѣ натаскала сюда на отъну комочекъ ила, чтобы починить его, поврежденное отъ вѣтра и мороза за зиму, она собирала эти перышки, чтобы было тепло ея дѣткамъ, она трудилась цѣлые дни, а ты однимъ часомъ, разбилъ ея гнѣздо, разбилъ ея надежды, разбилъ ея яйца, все, все... для чего жила, живеть эта птичка“. Въ рассказѣ *Журавли* особенно трогательна картинка, какъ этотъ же душевный дѣдушка кормитъ со внуками журавлей, и какъ онъ любитъ этими птицами, улетѣвшими на волю, но на минуту, потомъ вернувшимися къ нему. Въ этомъ искренно-тепломъ изображеніи чувствуется библейская простота и добрая жизнь старца въ природѣ и полностью съ природой, какъ „трава растетъ“, какъ цвѣтетъ, зрѣетъ хлѣбъ, какъ зеленѣютъ въ свое время деревья и какъ потомъ увядаютъ. Далѣе мы должны обратить вниманіе на рассказы: *Маминъ* И. Воронова, въ которомъ очерчена жизнь деревенской школы просто и увлекательно. *Много мѣтъ назадъ*, рассказъ А. Осипова, гдѣ рисуется правдиво дошкольная жизнь ребенка въ помѣщичьей семьѣ. *Ученая экспедиція* М. Поспѣлова. Остроумно очерчена затѣя гимназистовъ въ ихъ путешествіи за городъ. А. Федора-Давыдова—*Шуркина затѣя*, оригинальный рассказъ по своему замыслу, гдѣ живо нарисована картинка, какъ школьники создали свой журналъ, представленъ и одинъ номеръ его. Все это написано бойко, живо, заниматель-

но, а нѣкоторые мѣста должны наводить читателя даже на раздумье о страстности и развитіи болѣзненнаго самолюбія въ дѣятеляхъ литературы даже при первыхъ ихъ наивныхъ движеніяхъ на этомъ великомъ и отвѣтственномъ пути. *Ганя*, эскизъ А. Піотровской. Ганя, болѣзненная дѣвочка хромоножка, ея душевные страданія отъ физическаго недостатка, ея раздражительность, ея озабоченность, ея волненія привели дѣвочку къ одиночеству, отчужденію вообще отъ людей близкихъ и знакомыхъ. И вотъ ночью въ канунъ Пасхи, подъ вліяніемъ ожившей природы, подъ теплымъ вліяніемъ сердечной пріязней тети, подъ вліяніемъ свѣтлой пасхальной утрени, Ганя перерождается. Она сразу выросла умственно и поняла, что она воскресла для новой жизни. Ганя тутъ только узнала, „что для того, чтобы быть любимой, надо прежде всего любить другихъ и... прощать. Все прощать, не помня обидъ, платя за нихъ любовью!“ Добрая, гуманная мысль, проведена психологично въ поэтической обстановкѣ ночи (весна на югѣ, тихій садъ, предутреннее пѣніе соловьевъ, радостный колокольный звонъ, свѣтлое пасхальное пѣніе въ храмѣ), захватываютъ читателя и располагаютъ къ хорошимъ мыслямъ и душевнымъ отношеніямъ вообще къ людямъ и къ страдающимъ въ особенности. *Первые шажки. Изъ прошлаго*—Л. М. Медвѣдева. Выпускные экзамены гимназистовъ—кѣвлянъ, ихъ прощанье съ гимназіей, и первые шаги въ жизни предъ началомъ студенчества, когда путь широкъ впереди, когда не страшна нужда, когда не гнетутъ лишенія, а скорбы бодрятъ и будятъ энергію и когда первый найденный урокъ „въ двадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ“ вызываетъ искреннее, радостное восклицаніе у бѣдняка юноши: „Что деньжищъ-то, что деньжищъ-то... теперь, братецъ мой, всю заживемъ!“ Эта живая картинка напомнитъ многимъ и взрослымъ читателямъ то пріятное молодое время, которое ушло отъ нихъ повозвратно, но которое и они переживали свѣтло и радостно, съ полною вѣрою въ успѣхъ и торжество труда впереди, что невольно должно бодрить вообще читателя. *Возстановитель фамиліи славъ*—К. С. Баранцевича. Оригинальный рассказъ по замыслу съ добродушнымъ юморомъ, гдѣ выведенъ банковскій сторожъ Троканусъ, выигравшій на свой билетъ двадцать тысячъ кронъ и начавшій „чудить“, подражая во всемъ своему банковскому бухгалтеру. Въ этомъ рассказѣ много комичныхъ положеній и сценокъ. Читается онъ легко, наводитъ и на раздумье. Въ семи книжкахъ журнала помѣщено нѣсколько хорошо обработанныхъ по языку и содержательныхъ по мысли миниатюръ,—какъ, напримѣръ: *О чемъ шумѣли дождевыя капли*, *Гроза*, *Старая рыбака*, *Незабудка*, *Фиалка*, *На озерѣ*, *Что было и что бываетъ*, *Орленокъ*, *Осенью*. Фамиліи нѣкоторыхъ авторовъ этихъ миниатюръ-картинокъ мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ печати и только въ *Дѣтскомъ Читаніи*,—видимо, это начинающіе молодые люди, но и въ ихъ маленькихъ по объему произведеніяхъ видна Божья искра и живая любовь къ родному языку, что обѣщаетъ при ихъ дальнѣйшихъ работахъ принести не малую пользу читателямъ. *Дѣвчонки*, комедія въ 1 дѣйствіи Е. П. Гославскаго. Въ ней талантливо очерчены отношенія и запросы подростокъ дѣвчонокъ и мальчиковъ. Комично и забавно изображены ихъ споры; читается комедія живо и легко можетъ быть поставлена на домашней или школьной сценѣ въ праздничное время. Журналъ далъ не мало и переводныхъ рассказовъ съ занимательнымъ содержаниемъ, какъ, напримѣръ: *Два дня изъ жизни Пичино*, рассказъ мисъ Бернети съ англійскаго. гдѣ живо очерчена жизнь итальянскихъ

бѣдняковъ и маленькаго героя Пичино, красиваго мальчика, но динья, любившаго больше всего природу и своего осла, въ хлѣвушкѣ въ которомъ онъ спалъ себѣ залпосто, не въдаля и въ нуждѣ гори и печали. Вдругъ заѣзжая туристка, богатая англичанка, одинокая вдова, плѣнившись красотой малютки Пичино, беретъ его изъ родной семьи на воспитаніе. Выкупивъ осла, котораго продаютъ отъ нужды, она дорого платитъ матери Пичино и увозитъ его въ ближайшее мѣстечко. Богатая англичанка стремится облагодѣлать его, прибѣгая къ вынѣмамъ, которыхъ Пичино страшится, какъ грѣшникъ ада. У богатой англичанки при роскошной обстановкѣ мальчикъ томится, какъ невольникъ, находя отрадныя минуты только въ обществѣ цѣнной собаки, съ которой сводитъ дружбу. Въ концѣ-концовъ, онъ убѣгаетъ въ одну изъ ночей изъ этого богатого, тяжелаго для него дома и радостно встрѣчается со своимъ другомъ ослѣмъ, въ томъ же хлѣвушкѣ, дома, откуда по капризу богатой дамы былъ увезенъ въ чуждую ему обстановку, и счастливо засыпаетъ, припавъ головою къ вѣрному другу-ослу. *Пумъ* П. В. Маргерита, пересказъ съ французскаго Е. Т. Рядъ живыхъ, занимательныхъ очерковъ изъ жизни маленькаго мальчика Пума, полныхъ остроумія и живыхъ картинокъ, начиная съ первыхъ лѣтъ ребенка до его школьнаго возраста. *Местъ кузнечика*, съ французскаго. Трогательная картинка. Уличный мальчикъ—музыкантъ, которому владѣтельница замка отказала въ кускѣ хлѣба и приютѣ на часъ въ холодные дни, сказавъ, „поди попляши“,—спасаетъ ея утомившихъ дѣтей позднѣе, лѣтомъ, того же года, и отказывается отъ всякаго вознагражденія, отвѣтивъ: „я лучше попляшу“. *Цѣтокъ Билла Джэджа*. Жизнь бѣднаго уличнаго мальчика Билла Джэджа, любившаго подаренный ему случайно цѣтокъ и при сильной болѣзни мальчика попавшій въ руки его товарища,—это страшно поразило его, такъ что онъ совсѣмъ слегъ на старый матрацъ, но передъ смертю цѣтокъ этотъ ему возвращаетъ, и послѣднія слова Джэджа къ товарищу Густусу были: „Посмотри, посмотри, Густусъ, большой бутонъ, наконецъ, распрѣлъ“, и лицо его сдѣлалось неподвижно, и онъ скоро заснулъ на вѣки. *Ахметъ, сынъ Туссума*, съ нѣмецкаго. Разсказъ о шестилѣтнемъ мальчикѣ Ахметѣ, сынѣ Туссума, подмастерья токаря въ Каирѣ, обратившемъ на себя вниманіе сильнаго паши, большого любителя трубокъ, искусной обработкой чубуковъ; съ большими притѣвленіями потомъ Ахметъ проникъ во дворецъ паши и такъ плѣнилъ его своей прямою и наивною, что паша занялся его образованіемъ и въ послѣдствіи Ахметъ сталъ важнымъ лицомъ въ Каирѣ, похоронилъ своего покровителя и до конца жизни сохранилъ себѣ трубку съ ясеннымъ чубукомъ, съ которымъ онъ такъ смѣло въ первый разъ пробрался во дворецъ паши. *Пятиугольникъ*, съ нѣмецкаго. Содержательный разсказъ, гдѣ проведена мысль, съ простотой, доступной и малому ребенку, что страсть къ наукѣ не должна удалять человека отъ живой жизни и живыхъ интересовъ ея. Графъ, владѣтель замка, такъ ушелъ въ математическія вычисленія, что занимался ими, проводя дни и ночи въ своей башнѣ, не обращая вниманія на нужды, горе и печали своихъ крестьянъ, жившихъ вблизи его замка. Въ неутолимой страсти къ математикѣ графъ хотѣлъ постоянно видѣть углы и трехугольники и заказалъ булочнику хлѣбъ—пятиугольникъ по своему геометрическому чертежу. И вотъ однажды, когда нужда въ деревнѣ стала расти и расти, ежедневно отъ хлѣба его пятиугольника убѣгать одинъ уголокъ. Графъ при помощи подростка—булочника прослѣдилъ, что эти уголки пяти

угольника убѣгаютъ къ кому-нибудь изъ нуждающихся. И тогда онъ позналъ радость жизни и „узналъ дорогу въ сердце страждущихъ“, сталъ имъ неустанно помогать и „увидѣлъ, что нищета изъ его деревни уходитъ, даетъ мѣсто довольству: начали расти трудъ, развиваться промыслы, торговля. Потомъ, когда графъ умеръ, деревня раскинулась широко, стала городомъ, въ которомъ всѣ булочники пекли хлѣбъ пятиугольники въ память благотворительнаго графа для того, чтобы не забывали богатые, что они не одни на Божьемъ свѣтѣ,—если дано имъ много, то они должны дѣлиться избытками съ тѣми, кто имѣетъ мало, и помогать имъ трудиться и зарабатывать свой хлѣбъ честно“. Въ семи книжкахъ *Дѣтскаго Читенія* напечатано двадцать пять стихотвореній: это показываетъ, что редакторъ журнала, зная и наблюдая по школамъ, какъ педагогъ-словесникъ, что дѣти любятъ звучную форму въ языкѣ, что это воспитываетъ ихъ слухъ, чувство, даетъ такое обильное число стихотвореній—въ большинствѣ лирическихъ, очень благозвучныхъ по стиху, нѣкоторыя изъ нихъ содержательны и по мысли. Особенно выдающіяся изъ нихъ: *Встало солнце* П. Тулуба,—очень звучное и поэтичное по своимъ краскамъ; *Лѣтнія тѣни* Ив. А. Бунина,—картинное описание природы; *Пожаръ* В. П. Лебедева,—ярко изображена картина пожара и гибель пожарнаго — „того, кто, страхъ забывъ невольно свой, съ огнемъ боролся смѣло, и кто для нихъ пожертвовалъ собой“. *Памяти сына* Л. М. Медвѣдева,—очень трогательное стихотвореніе, пѣснь о рано ушедшемъ изъ этого міра ребенкѣ; *Герой*—глубокое по мысли и сильное по впечатлѣнію стихотвореніе; *На мортъ* В. Мюра,—картинное изображеніе моря въ его покоѣ и бурѣ,—звучные, образные стихи. Второй научный отдѣлъ *Дѣтскаго Читенія* такъ же богатъ и разнообразенъ по содержанію, какъ и первый беллетристическій отдѣлъ. Въ немъ есть статьи историческія, біографическія, этнографическія очерки, статьи по естествознанію, корреспонденція и путешествія въ отдѣлѣ „По бѣлу свѣту“, цѣльно и содержательно сгруппированы свѣдѣнія по разнымъ предметамъ въ отдѣлѣ „Изъ книгъ и журналовъ“ и мелочи въ видѣ остроумныхъ шутокъ, загадокъ и шарадъ. Изъ историческихъ очерковъ мы должны отмѣтить большую повѣсть г-жи Сизовой *Наканунъ михайлы*. Время и судьба Лжедмитрія перваго. Написана она занимательно, живо, въ ней много движенія. Лица и событія обрисованы исторически вѣрно. *Волостное юре*, историческій рассказъ Д. Солодовникова, рисуетъ время прикрѣпленія къ землѣ и къ помѣщику крестьянъ. Эта небольшая картинка—восемь, десять печатныхъ страницъ—написана оригинально, своеобразно, яркимъ языкомъ и живо выдвигаетъ и лицъ, и ихъ борьбу изъ-за права и личности, изъ-за владѣнія землей. Видимо, это молодой, начинающій авторъ, такъ какъ работу его встрѣчаемъ въ первый разъ и только въ *Дѣтскомъ Читеніи*, общаетъ по силѣ дарованія своего при дальнѣйшихъ очеркахъ въ этомъ родѣ быть очень замѣтнымъ и дать здоровый историческій матеріалъ читателямъ. Изъ біографическихъ очерковъ талантливо, интересно, содержательно и горячо написаны: *Национальная героиня Франціи, Блѣвская, Императоръ Александръ II*—Ив. Ив. Ивановымъ. По отдѣлу естествознанія прекрасно написаны статьи: *Отцы и дѣти* и *Куда дѣлись наши мѣтлы тѣхъ-то птицъ?*—Вл. А. Вагнера, а также *Всюду жизнь*—занимательный очеркъ Н. В. Сорокина, *Всѣмъ знакомый незнакомецъ*—А. Меча и маленькія статейки по физикѣ А. Полина. Изъ этнографическихъ очерковъ выдаются статьи *Абхазцы*—А. Солодовникова, *Чехія и чехи*—В. М. Большой, содержательный

очеркъ о странѣ, народности и бытѣ. Интересный историко-біографическій культурный очеркъ *Дѣтскіе юды Шекспира*—Д. А. Коропцескаго. Сжатый, но содержательный очеркъ *Франц Палацкій*—В. К. Три очерка: *Великій старецъ* (Гладстонъ), *Суровый патриотъ* (Вимаркъ), *Графъ Левъ Николаевичъ Толстой*—W, написаны по поводъ современныхъ событій: кончины двухъ первыхъ и семидесятилѣтняго третьяго,—трехъ гениальныхъ людей нашего времени, такъ различныхъ по духу, темпераментамъ и жизненнымъ значенію и направленію, равнъ занимавшихъ и занимающихъ всѣхъ образованныхъ людей. Въ отдѣлѣ „По бѣлу свѣту“ живо ведется переписка двухъ друзей, путешествующихъ по Европѣ подруги къ ея подругѣ, оставшейся въ Россіи. Въ отдѣлѣ „Странички изъ исторіи и географіи“ даны очень разнообразныя статьи, какъ, напримѣръ, *Происхожденіе Чудскаго озера*—съ картой, *Хабаровскъ*—съ картой, его движенія на сѣверъ, *Могила Чингисъ-хана*, *Петръ Великій въ Вильнѣ, въ Дюнкирхенѣ, Митрополиты Филаретъ и Иннокентій, Трогательные эпизоды изъ дѣтскихъ лѣтъ императора Александра II, Хива*—съ картой, *Семенъ Дежневъ, Деусотый юбилей юрода Тачанрога*. Видимо, журналъ этотъ стремится отвѣчать на живые запросы времени, быть жизненнымъ и быть именно журналомъ, а не сборникомъ случайныхъ статей. Въ этомъ видно его направленіе—познакомить дѣтей, чтѣ живо и жизненно, въ формѣ доступныхъ художественно и просто написанныхъ статей. Задача добрая, конечно, не легкая, но стремиться къ ней долженъ каждый истинный журналистъ, не останавливаясь на полпути и на однихъ лишь добрыхъ желаніяхъ. Сколько мы видимъ и какъ мы показали сжато, къ этому и стремится *Дѣтское Чтеніе* послѣдовательно и настойчиво, съ каждымъ годомъ больше и больше, въ чемъ мы и желаемъ ему успѣховъ въ интересѣ, прежде всего, читателей.

Родникъ (семнадцатый годъ изданія) выходитъ въ Петербургѣ подъ редакціей (Алексѣя Н. Альмедингена (редактировалъ съ основанія журнала, въ началѣ съ Е. А. Сысоевой, послѣдніе годы исключительно одинъ)).

Въ *Родникѣ* съ № 3 по 10 включительно по отдѣлу оригинальной беллетристики помѣщены: *Михрютка*, рассказъ В. Тихонова; *Ворона, Пасха среди самоподозъ*, рассказы К. Носилова; *Кладъ*, историческая повѣсть К. Теплова; *Яша Поляновъ*, изъ воспоминаній дѣтства, графа Л. Л. Толстого (сына), начало въ январьской книжкѣ, конецъ въ майской. Пять названій въ восьми книжкахъ журнала. Отсюда видно, что редакция *Родника* мало признаетъ современную русскую беллетристику и даетъ оригинальныхъ произведеній немного. О воспоминаніяхъ молодого графа Л. Л. Толстого *Яша Поляновъ* въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли* было уже говорено. Характеръ и манера автора этихъ воспоминаній одна и та же, что и въ первыхъ двухъ книжкахъ журнала, написаны они литературно, тепло, въ нихъ видна большая подражательность автора своему знаменитому отцу. Теперь мы скажемъ о четырехъ остальныхъ произведеніяхъ: *Михрютка*, герой рассказа ротная собака, не имѣющая хозяина, бродячая отъ одной части къ другой во время турецкой войны, прозванная въ отрядѣ всѣми „вѣщей собачкой“, потому что въ какую бы часть она ни являлась, эта часть вскорѣ вступала въ бой. Рассказъ передаетъ именно такой случай, какъ *Михрютка* внезапно появился около поручика Батурина, назначеннаго изъ гвардейской части въ пѣхотную, какъ ровно черезъ сутки Батурина назначили на развѣдки съ горстью солдатъ въ двадцать пять

человѣкъ, какъ Михрютка пошелъ съ охотниками, и когда охотники были перебиты и поручикъ Батуринъ лежалъ раненый, „вѣщая собачка“ поставила въ роту донесеніе съ планомъ обходнаго пути къ непріятельскому лагерю, хотя и была ранена въ ногу. Благодаря этому донесенію, дѣло было выиграно. Подпоручикъ Батуринъ и Михрютка попали въ одинъ и тотъ же госпиталь. Батурину отняли ногу, Михрютѣ тоже; Батуринъ долженъ былъ выйти въ отставку, а Михрютка и на троихъ ногахъ незамѣтно скрылся изъ госпиталя и началъ снова свою боевую службу. Онъ былъ при взятіи послѣдней крѣпости, и когда полковой командиръ Макѣевъ вошелъ въ это укрѣпленіе, Михрютка на пожарищѣ остановилъ его отчаяннымъ лаемъ, бросился въ огонь и тѣмъ заставилъ и командира и людей войти туда, гдѣ въ тряпѣ оказалась ребенокъ-дѣвочка, которую такимъ образомъ и была спасена „вѣщей собачкой“. Командиръ Макѣевъ, по заключеніи мира, сталъ крестнымъ отцомъ и воспитателемъ этой дѣвочки, тогда Михрютка остался при нихъ, особенно привязался къ спасенной дѣвочкѣ Маріаннѣ. Разсказъ написанъ живо, картинно, боевая обстановка и люди боя очерчены ярко; брошена, хотя и мимоходомъ, здоровая и гуманная мысль, высказанная Макѣевымъ Батурину, когда послѣдній, потерявъ ногу, вдругъ затуманился: „Да полноте, голубчикъ, не грустите! Знайте, что мирные подвиги нисколько не ниже военныхъ, а подчасъ они бывають труднѣе и почтеннѣе. Крѣпко стоять на своемъ посту, честно дѣлать свое, можетъ быть, и маленькое дѣло, служить примѣромъ для другихъ,—о, это подвиги высокіе и не менѣе трудные, чѣмъ храбро идти впередъ на непріятеля и подставлять свою грудь подъ его выстрѣлы“. Разсказъ этотъ является лучшимъ въ названныхъ книжкахъ *Родника*. *Ворона*, поэтическая картинка, гдѣ трогательно обрисованы отношенія человека къ воронѣ, особенно у самоѣдовъ, у которыхъ существуетъ даже повѣрье, что ворона прилетаетъ къ нимъ только тогда, когда почуетъ покойника, а потому самоѣды и преслѣдуютъ ее, какъ опаснаго и непріятнаго вѣщуна. *Пасха среди самоѣдовъ*. Оригинальная картина встрѣчи свѣтлаго пасхальнаго дня среди снѣговъ въ чумѣ безъ радостнаго церковнаго гнѣнія. На открытой снѣжной равнинѣ у креста съ иконой и единственной горящей свѣчой авторъ читаетъ Евангеліе самоѣдамъ, христосуетъ у креста, водруженнаго въ снѣгъ съ вечера, потомъ разговляется въ чумѣ жареными утками, наканунѣ убитыми, съ семьей самоѣдовъ и двумя маленькими бѣлыми медвѣжатами, которые тоже лакомятся косточками отъ утокъ и кренделями, лакомствомъ самоѣдскихъ дѣтей, которыя возятся съ медвѣжатами и цѣлуютъ ихъ. Чуть брезжитъ утро и самоѣды стрѣляютъ изъ ружей, выражая этимъ радость наступившему Великому празднику. Оба разсказа написаны со свойственными этому автору достоинствами,—просто, искренно и душевно. *Кладъ*, повѣсть изъ времени борьбы вольнаго Новгорода съ Москвой при великомъ князѣ Иванѣ III. Центральныя лица: Марья Борецкая, властная женщина, посадница, собиравшая около себя партію недовольныхъ Москвой, сносившаяся съ Польшей и Ливоніей, мечтавшая даже „царствовать“ въ великой вольной общинѣ Новгородской, и партія, тяготеющая къ Москвѣ, во главѣ съ новоизбраннымъ архіепископомъ Теофиломъ. Въ этой повѣсти изображены три похода на Новгородъ сдержаннаго, но рѣшительнаго Ивана III,—первый походъ съ нѣкоторыми военными подробностями движенія московскаго князя, послѣдніе два—очень сжато. Авторъ рассказываетъ, какъ Марья Борецкая ведетъ битву противъ московскаго князя, какъ скрываетъ свои богатства

въ то время, когда жизнь ея старшаго сына и молодого вятя уже закончена при самомъ началѣ войны. Марѳа Борецкая уже не разъ фигурировала во многихъ нашихъ старинныхъ повѣстяхъ; она изображена, при всей ея типичности, нельзя сказать, чтобы ярко, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не совсѣмъ блѣдно, но говорить она современнымъ съ нами языкомъ, болшею частью общими мѣстами, дѣйствуетъ, какъ кулакъ-баба, рѣшительно, но не всегда умно. Въ молебнѣ у Евангелія Марѳа сначала обдѣлываетъ темное дѣльце въ бесѣдѣ съ казначеемъ Пименомъ, направляетъ его прислать ей какъ можно больше церковныхъ денегъ, на подкупъ голытьбы-вѣчниковъ, чтобы безъ жеребья выбрать Пимена въ архіепископы; потомъ въ той же молебнѣ мечтаетъ о выходѣ замужъ за красавца-литвина, только что пріѣхавшаго въ намѣстники отъ польскаго короля. Думаемъ, все это не въ характерѣ женщины того времени, именно—заниматься такими мыслями и дѣлами въ молебнѣ. Лучше и характернѣе очерчена Марѳа у дѣда своего, отшельника, старца Теодосія, и въ ея повѣздкѣ со своими богатствами въ топи Водской патины на рѣчку Ушачку, чтѣ нынѣ станція Ушати Н. жел. дор., а тогда заросшую лѣсами и покрытую непроходимыми топями къ сѣверо-западу отъ Новгорода, гдѣ она отводитъ воду въ рѣкѣ, зарываетъ всѣ свои сокровища на днѣ этой рѣки и снова пускаетъ воду по ея теченію. Въ этой главѣ—„Черезъ лѣса и болота“—прекрасно очерчена сѣверная природа и живо выступаютъ пятистепенныя лица повѣсти: вѣрный слуга Марѳы, старикъ Василько, и проводникъ-корель. Говорятъ вообще, вводныя лица, какъ, напримѣръ, отшельникъ и другіе, выступаютъ ярче, живѣе главныхъ лицъ,—они, видимо, оказались болѣе по плечу автору. Представители партіи московской изображены значительно слабѣе представителей партіи Марѳы Борецкой, какъ и самъ великій князь Иванъ III, хотя и вѣренъ исторіи Карамзина, но образъ его очерченъ очень блѣдно; волненія вѣча и вѣчниковъ разработаны довольно слабо; архіепископъ Теофилъ мало дѣйствуетъ. Языкъ повѣсти не вездѣ литературенъ и чистъ и мѣстами наполненъ ненужными, рѣзкими слухъ словечками, какъ, напримѣръ: „кособрюхѣ“, „задали лататы“, „расчехвостилъ“, и др., и такими нерусскими оборотами и повторительными уснашеніями, какъ напримѣръ: „кухарн, готовясь къ циршеству (!), гдѣ готовились гости къ ѣдѣ“, „въ главѣ главнаго стола смерды (!) слуги“ (спутаны понятія и названія смердовъ и слугъ), „проступала краска“, „голоса стали дѣлаться громче“, „пока не развязало языки“, „подъ душными потолками“, „наконецъ наканунѣ“, „Волховъ спалъ“ (?) (по ходу рѣчи надо разумѣть—погрузился въ сонъ, а не „опала“ его вода), „дорога стала дѣлаться уже, уже“, „какъ только освоится съ обращеніемъ съ оружіемъ“ и пр. Такихъ оборотовъ не мало въ цѣлой повѣсти, которые представляютъ порчу языка, что непріятно и нежелательно встрѣчать вообще въ беллетристическихъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе, предназначенныхъ для дѣтей и юношества, такъ какъ подростки, читая свои журналы, должны усвоивать красоты своего языка, тѣмъ болѣе, всего этого можно было избѣгать и автору, не лишенному дарованія, и заботливой редакціи, не спѣша, просмотрѣвъ и проредактировавъ небезынтересную повѣсть со стороны мелкихъ недочетовъ ея въ языкѣ. Къ беллетристическому отдѣлу, какъ мы думаемъ, редакція *Родника* отнесла и четыре легенды: *Какъ зазеленѣлъ Эйлендъ*, кельтское преданіе; *Подъ властью птицъ*, шотландское преданіе; *Корентинскій птенецъ*, кельтская легенда, Е. Балобановой и *Озеро Каякуль-деря*, ирландская легенда, В. Фир-

Всѣ четыре легенды разнаго характера; отъ двухъ первыхъ въ сказочность, въ послѣднихъ двухъ лежитъ болѣе жизненныхъ и менѣе фантастичности. Онѣ, конечно, переданы беллетристическимъ языкомъ, но сюжеты ихъ или полностью заимствованы съ иностранныхъ языковъ, или отчасти переведены съ подлинника, въ силу чего мы не можемъ ихъ отнести къ оригинальной беллетристикѣ, такъ какъ онѣ составляютъ переходъ къ переводнымъ произведеніямъ, которыя, хотя и въ маломъ количествѣ, тоже есть въ *Родникѣ*. Лучшія изъ четырехъ легендъ по своей содержательности и идейности двѣ: *Корентинскій пѣвецъ* и *Озеро Каянуль-деря*. Идея легенды *Корентинскій пѣвецъ* очень симпатична и по содержанію она болѣе поэтична, чѣмъ мелкихъ и незначительныхъ недочетовъ въ языкѣ. Пѣвецъ, плывшій море, гдѣсь и доли на своей родинѣ, пускается въ путешествіе, ищетъ счастья и славы въ чужихъ мѣстахъ, оставивъ мать и горю любившую его дѣвушку. Долго онъ бродитъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ рѣдкій пѣвецъ, обладавшій чуднымъ даромъ, высказывая всю открыто, что пѣсни его неподкупны, что онъ не торгуетъ Божьимъ даромъ. Расчетливость сильныхъ людей, которыхъ онъ пѣвнаетъ, хочетъ пѣніемъ, всюду хочетъ захватить его; но онъ отовсюду уходитъ, ставаясь вѣрнымъ себѣ, и въ концѣ-концовъ возвращается на родину къ слабой больной матери и постарѣвшей уже, любящей его дѣвушкѣ, и именно и находитъ свое счастье. Все это можетъ захватить вдумчиваго читателя и навести на хорошія мысли. Но досадливые недочеты въ языкѣ и здѣсь, какъ осеннія мухи, тревожатъ слухъ, особенно при логическомъ изложеніи всего текста легенды, какъ, напримѣръ: „не обратясь было духовъ“, „пиши пропало“, „захотѣлось ему воздуха повъ“, „постучалъ въ открытыя (?) ворота“ и пр. Въ легендѣ *Озеро Каянуль-деря* рассказываются ужасы и междуусобицы въ Персидской импѣріи. Обрисованы властная парица съ царевной дочерью. Мать-парица ведетъ войны; робкое существо царевна-дочь мечтаетъ о радостяхъ мира. Жрецъ открываетъ передъ ней картину борьбы Ормузда и Аримана отъ созданія міра, развиваетъ, что жизнь—борьба, въ борьбѣ—счастье, безъ этой борьбы нѣтъ жизни, не можетъ быть и радости, и говорить: „не хочешь принять ужасовъ борьбы, отдай твою жизнь за счастье другихъ людей,—въ этомъ высшая радость жизни“. Человѣкъ, любившая царевна отказывается отъ семейной жизни, устранившись отъ князей-князей, ведущихъ другъ съ другомъ жестокія междуусобицы, и при послѣдней ужасной борьбѣ ихъ, когда на нихъ идутъ уже полчища кочевниковъ-магометанъ, самоотверженно входитъ на костеръ и приноситъ себя въ жертву, какъ чистое существо, по обычаю своей религіи, у озера, сама поджигаетъ костеръ при неудержимомъ общемъ народномъ плачѣ, и этимъ прекращаетъ междуусобицы персидскихъ князей и водворяетъ миръ въ странѣ. По содержанію легенда производитъ сильное впечатлѣніе, которое было бы еще сильнѣе, еслибы Фирсовъ не растянулъ ее въ изложеніи, особенно не занялся бы большими подробностями религіозной бесѣды жреца съ самоотверженной царевной и въ общемъ сжалъ бы всю легенду, отчего выигралось бы болѣе впечатлѣніе. Досадливые недочеты въ языкѣ и неправильность оборотовъ рѣчи встрѣчаются и у г. Фирсова, какъ, напримѣръ: „ремень превратился въ юношу“, „дѣлать добро весело“ (!), „который не толость и добивается твоей руки“, „позовемъ другого жениха“, „небъ раздѣлалось“, „надежда соотъла“ (!) и пр. Въ названныхъ книжкахъ *Родника* встрѣчаемъ четыре біографіи: *Другъ несчастныхъ*, *док-*

торъ Гаазъ, В. Г. Бѣлинскій, Архимедъ, Великій старикъ Гладстонъ. Всѣ четыре имени, каждый въ своей дѣятельности, крупны, хотя и имѣютъ связующей нити общей дѣятельности, но любопытны и поучительны. Съ журнальной стороны два имени—Гладстонъ и Бѣлинскій—имѣютъ свою сезонность въ настоящемъ году. Великій Гладстонъ, какъ человѣкъ и политическій дѣятель, въ этомъ году удалился на вѣчный покой въ Вестминстерское аббатство,—это, по выраженію автора, „великолѣпное зданіе, представляющее какъ бы *мѣстописи* всего великаго, замѣчательнаго“ (Гладстонъ, по образному выраженію автора, легъ и успокоился въ *лѣтописи*!),—явленіе, которое журналъ и долженъ былъ отмѣтить своевременно, что имъ и сдѣлано. Гениальному критику Бѣлинскому исполнилось пятидесятилѣтіе со дня его кончины, — событіе тоже нынѣшняго года. Великій математикъ древняго міра Архимедъ является въ журналъ очеркомъ христоматійнымъ изъ любого сборника любыхъ *лѣтъ*. Будь онъ напечатанъ пять *лѣтъ*, десять *лѣтъ* тому назадъ, это было бы все равно для читателей журнала. Да объ Архимедѣ уже писано и печатано было не разъ, и въ своемъ очеркѣ г. Н. Ивановъ, — скажемъ мимоходомъ, очень сухо, — обработалъ матеріалъ очень слабо и неинтересно. Г. Ивановъ не сказалъ ничего новаго, кромѣ нѣкоторыхъ давно уже извѣстныхъ и старыхъ анекдотовъ. Такія статьи въ журналахъ и при такой обработкѣ, не въ обиду будь сказано, неизбѣжно являются лишнимъ балластомъ. Очеркъ Бѣлинскій написанъ живо, хотя фактическая сторона сгруппирована отрывисто и почему-то говорится, что Бѣлинскій пріѣхалъ въ Москву „бѣднымъ, необразованнымъ *малышомъ*“ (какъ будто восьми или десяти *лѣтъ*), что невольно сбиваетъ читателя, какъ сбиваютъ читателя и такія объясненія, — напримѣръ, почему мы Пушкина и Гоголя называемъ *родными* нашими писателями, — а это, видите ли, очень просто: потому, что „стихи Пушкина и рассказы Гоголя такъ же дороги намъ, какъ дорога семья наша, братья и сестры, и любимыя наши родныя мѣста, нашъ домъ и садъ, все то, что окружаетъ насъ съ младенческихъ *лѣтъ*“, — признаться, очень наивныя, хотя и поэтичныя съ внѣшней стороны объясненія понятія „родные писатели“; „чтобы понимать Бѣлинскаго и интересоваться имъ, — говоритъ авторъ, — нужно быть *постарше*, нужно кое-что и знать изъ нашей *исторіи* (какой исторіи—русской или исторіи литературы?), а главное — нужно хорошо знать *другихъ писателей* его времени“. Иной бойкій читатель, хотя бы и подростокъ, невольно можетъ сказать: стало-быть, я могу понимать Бѣлинскаго только тогда, когда буду постарше, когда узнаю кое-что изъ нашей исторіи, — какой, пока не знаю, авторъ мнѣ не говоритъ, — для кого же онъ пишетъ, должно быть не для меня. По исторіи, кромѣ упомянутой оригинальной повѣсти *Кладъ*, о которой мы сказали выше, помѣщена переводная статейка *Изъ воспоминаній Элизы Белькомбъ о Наполеонѣ I*. Въ ней рассказывается о пребываніи Наполеона I на островѣ св. Елены довольно отрывочно, анекдотично, хотя очень живо. Передаются шутки Наполеона, его игривость съ дѣтьми въ той семьѣ, гдѣ онъ вначалѣ жилъ, что онъ „имѣлъ обыкновеніе сажать въ себѣ дѣтей на колѣни и позволялъ имъ играть своими орденами“ (Наполеонъ почему-то постоянно ходилъ въ орденахъ на островѣ св. Елены, гдѣ онъ жилъ, какъ изгнанникъ, это что-то очень странно!) Элиза Белькомбъ, какъ видно изъ рассказа ея, въ то время дѣвочка-подростокъ, продѣлываетъ надъ нимъ всевозможныя шалости. Наполеонъ, напри-., идетъ въ общество графа Ласъ-Казаса его сына, Жю-и-и

Белькомбъ и самой Элизы подъ горку въ домъ, гдѣ онъ игралъ съ
 ними въ вистъ; по узкой дорожкѣ Наполеонъ спускается внизъ, идя
 впередъ. Элиза нарочно отстаётъ, идетъ позади и школьничаетъ: тол-
 каетъ сестру, которая падаетъ „съ вытянутыми впередъ руками на
 маленькаго пажа, тотъ, въ свою очередь, падаетъ на отца Ласъ-Ка-
 саса, который, къ своему великому ужасу, ударяется о спину Напо-
 леона, герой-изгнанникъ съ трудомъ удерживается на ногахъ“. Стран-
 ная, школьная продѣлка дѣвушки-подростка и, полагаясь, мало инте-
 ресная. Такихъ странныхъ отношеній этой дѣвушки къ Наполеону
 приводится нѣсколько: то она схватываетъ его дорожку шпагу за ру-
 коятку, начинаетъ размахивать ею во всѣ стороны надъ головой На-
 полеона, надъ грудью его, дѣлая видъ, что хочетъ нанести ему ударъ,
 принуждаетъ его отступать и прижимаетъ къ стѣнѣ, чѣмъ волнуетъ
 оберъ-камергера, глаза котораго мечутъ молніи и, какъ ей казалось,
 онъ готовъ былъ превратить ее въ пепель; Наполеонъ смѣется, де-
 ретъ ее за ухо, беретъ за носъ. Большинство случаевъ приводится въ
 этомъ родѣ. Переводныхъ произведеній въ этихъ книжкахъ Родника
 три: рассказъ *Сошлись* Киплинга, *Малютка Лазара* съ французскаго,
 Роберта Гильта, повѣсть, помѣщена въ четырехъ книжкахъ журнала,
 и рассказъ *Искусственное привидѣніе* Джакобса. Послѣдній очень без-
 содержательный и является какимъ-то недоразумѣніемъ. Среди очень
 ограниченнаго количества беллетристическихъ произведеній, такой
 балластъ совсѣмъ уже странный. Въ *Искусственномъ привидѣніи* раз-
 сказывается о черномъ котѣ, сыгравшемъ роль привидѣнія на парус-
 номъ суднѣ. Рассказъ этотъ, видимо, рассчитанъ на остроуміе, но кто
 прочитаетъ его, остроумія никакого въ немъ не найдетъ. Переведенъ
 онъ тяжелымъ языкомъ, есть въ немъ и неудачные, дубоватые оборо-
 ты рѣчи, какъ напримѣръ: „Почешите спинку, почешите спинку попкѣ!“
 прокричалъ Полли (попугай), подвигаясь бокомъ по жердочкѣ къ стѣн-
 кѣ кѣтки и вытягивая шею *въ ожиданіи (!) ласки*; онъ привыкъ, что
 это считалось всегда необыкновенно остроумной шуткой“, или „появле-
 ніе новаго звѣря“ (это попугай-то звѣрь!); или „съ отлично поддѣлан-
 нымъ изумленіемъ“ и др. Стихотвореній въ восьми книжкахъ три:
Потѣшная охота А. Ѳеодора-Давыдова. Содержаніе очень приподня-
 то, но стихъ хорошъ, потому *Я плыву, качаюсь сонною волною*, въ во-
 семь строкъ, И. М.—ъ, крайне слабое, рассчитанное на ливризмъ, но
 говорящее, что сей стихотворецъ хотя, быть можетъ, въ душѣ и поэтъ,
 но стихомъ владѣетъ слабѣе школьника. Вотъ его полный текстъ: „Я
 плыву, качаюсь (!) сонною (!) волною; звѣзды загорѣлись ярко на до-
 мню. Мой челнокъ безъ шума раздѣляетъ (!) волны; и вода, и небо
 тихой тайны полны. Зачарованъ воздухъ на рѣчномъ просторѣ (!), раз-
 летѣлись (!) мысли о житейскомъ горѣ... Мать моя природа (!) подъ
 твоихъ дыханьемъ (!) *полонъ я надежды сладкимъ упоеньемъ*“ (послѣд-
 няя строка совсѣмъ неграмотна). Того же искусника-пѣты И. М.
 третье стихотвореніе: *Люблю я лѣтнюю порою* съ такими же красота-
 ми и такою же грамотностью, гдѣ встрѣчаются выраженія: „въ траву
 залѣгли“, „и обоніе природы на память милые ведетъ (!) мои ребя-
 чіе годы,—однажды мой дѣтскій страхъ встаетъ“. Какъ видите, на-
 боръ словъ, отсутствіе правильной художественной образности и гра-
 мотности. При такомъ ограниченномъ количествѣ стиховъ и такіахъ вир-
 ши Научный отдѣлъ въ *Родникѣ* представляетъ двѣ трети всего со-
 держимаго въ немъ; большое число страницъ выпадаетъ на долю ра-
 сѣ, какъ *Ваниль*, *Роза*—въ двухъ книжкахъ, *О милетизмѣ* или

мимикрии (подражательность то-жъ), *Еще о способахъ самозащиты и нападенія животныхъ* А. Парамонова. Лучшая статья изъ нихъ *Ваниль* Александра Альмедиянгена. Написана она живо, интересно и даетъ много свѣдѣній объ орхидейныхъ, паразитныхъ растеніяхъ, о плантаціяхъ ванили,—но почему нужны особенныя свѣдѣнія о ванили, играющей незначительную роль въ хозяйственномъ человѣческомъ обиходѣ, судить не беремся. Статья *Роза* Павла Вольнегорскаго очень фельетоннаго характера, съ самыми разбросанными свѣдѣніями, начиная съ Адама до нашихъ дней,—тутъ и Египетъ съ фараонами, и греки, и римляне и пр., и пр. народы; тутъ и царица Клеопатра, и Сидионъ Африканскій, и лѣтописецъ Несторъ, и поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ, которые пѣли о розѣ или упоминали слово „роза“. Въ концѣ-концовъ, на нѣсколькихъ столбцахъ говорится о розѣ, какъ растеніи, и производствѣ розовой воды, розоваго масла, а также странное филологическое производство отъ слова *роза* слова *русалка*. Какъ видите, чего-чего тутъ нѣтъ, но что останется у читателя послѣ прочтенія такой статьи,—думаемъ, ничего. Статьи г. Парамонова *Миметизмъ* и еще, и еще, и еще *О способахъ самозащиты* и такъ далѣе, были бы очень интересны, особенно при хорошихъ рисункахъ, помѣщенныхъ въ нихъ, если бы написаны были простымъ, популярнымъ языкомъ. Факты приводятся очень любопытные съ научной стороны, но изложены они сухо, и мѣстами тяжелымъ языкомъ, какъ напримѣръ: „но зато въ постоянной обстановкѣ, кажется, нѣтъ ни одного предмета, образъ котораго не принимало бы то или другое существо на этомъ природномъ маскарадѣ...“ Что это за изложеніе! Что тутъ пойметъ подростокъ-читатель, да, пожалуй, и любой взрослый задумается, соображая, что этимъ хочетъ сказать ученый авторъ. Или: „этотъ примѣръ можно поставить *по серединѣ* между миметизмомъ и охранительной окраской“, или „*очень* постепенно, какъ все въ природѣ“ и др. *Хивинскій походъ 1873 года* Абазы. Статья съ хорошими рисунками, написана просто, но, къ сожалѣнію, наполнена для не военныхъ читателей военными подробностями, вычисленіями частей и состава отряда, вродѣ того: „двѣнадцать ротъ кавказской пѣхоты, 400 казаковъ, 16 орудій, ракетная команда и саперы, а всего 2,200 человѣкъ и 500 лошадей“, *головной эшалонъ, поэшалонно*,—все это для военныхъ людей, конечно, выраженія обычныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ все это ничего не говоритъ не военному читателю, какъ равно охлаждаетъ впечатлѣніе и подробное описаніе добыванія воды, исканіе колодезѣй, точныя свѣдѣнія о числѣ погибшихъ людей въ тяжеломъ переходѣ по песчаному пути. *Вдоль и поперекъ острова Явы*, изъ дневника очевидца, доктора А. Л. Зандера, съ прекрасными рисунками; ведется какъ дневникъ, просто, съ географическими и этнографическими описаніями, и даетъ много любопытныхъ свѣдѣній. *Мифы и легенды древней Индіи* В. Поворинской (№№ 7, 9). Статья еще не кончена. Это—компиляція объ Индіи, индусахъ, ихъ міровоззрѣніи, творческой фантазіи, законахъ Ману, религіи, ученіи о переселеніи душъ и пр., и пр. Статья начинается сказочно: „За широкими морями, за высокими горами, лежитъ чудесная страна—Индіа“. Далѣе все въ сокращеніи по Ленорману, Шеру и др. передается уже обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ книжнымъ языкомъ. Какъ пополненіе учебника исторіи, статья эта можетъ быть полезна, но какъ журнальная работа, она представляетъ уже второстепенный интересъ, и заполняя много страницъ, отнимаетъ мѣсто у чего-либо болѣе современнаго, именно, того, чего не найдетъ читатель

въ учебникахъ. На воздушномъ шарѣ, разсказъ Джоржа Гриффита. Перелетъ на шарѣ Королевы Запада съ береговъ Англіи черезъ Лаваншъ во Францію; впечатлѣнія и ощущенія воздухоплавателей. Статья переводная, свѣдѣнія не новыя, но интересныя. Языкъ переводчицы г-жи И. Жаринцевой испещренъ многими красотами вродѣ такихъ: „продолжались валиться куда-то въ глубину, только не прямо, а наискось“, „разорвалась куча (!) облаковъ“, „зачертила линія юго-восточной желѣзной дороги“, „теплота согрѣла“, „на сѣрой стѣнѣ, окружавшей насъ со всѣхъ сторонъ, появилось отраженіе „Королевы Запада“ съ корзиной и нашими фигурами, окруженное кольцомъ яркой радуги“, „до смѣшного крошечныя суда“, „лабучки густого дыма“, „откупоривъ бутылку содовой воды, я выпилъ воду, бросивъ пустую бутылку“, „зеленая точка исчезла надъ зеленоватымъ лугомъ“, „наша Королева молла неожиданно съезжиться и спуститься по своему собственному усмотрѣнію“ и т. д., и т. д. Въ такомъ „солидномъ“ журналѣ подобныхъ красотъ къ языкѣ не хотѣлось бы встрѣчать. Къ научнымъ же статьямъ въ *Родникѣ* надо отнести и постоянный отдѣлъ его подъ заглавіемъ: *Дѣло и Отдыхъ*, который ведетъ А. П. Печавъ кратко и живо. Это статейки: *Любопытное свойство кварцевъ*, *Теплота въ кристаллахъ*, *Кристаллы изъ расплавленной массы*, *Какъ составить коллекцію кристалловъ*, *Что дѣлается въ кучѣ шмелей мистеевъ*. Статейки эти съ рисунками. Характеръ всѣхъ статей, о которыхъ мы уже говорили довольно подробно, рисуетъ, въ общемъ и въ частности, направленіе *Родника* въ текущемъ году ни какъ журнала, который захватываетъ тѣ или другіе современные интересы, современную жизнь, но какъ сборника случайныхъ статей, выходящихъ хотя и періодически, ежемѣсячно, подъ общимъ названіемъ *Родника*, но не связанныхъ ни съ чѣмъ современнымъ. Правда, есть въ *Родникѣ* небольшой отдѣлъ подъ заглавіемъ *Изъ современной жизни*, куда большею частію вошли фамиліи вѣстныхъ лицъ, въ виду или празднованія ихъ юбилеевъ или памяти кончины, или столѣтій, или пятидесятилѣтій со дня ихъ рожденія или смерти, какъ напримѣръ: *Памяти П. Н. Кудрявцева*, *Захарій Топелиусъ*, *Чествованіе памяти Бѣлинскаго въ Москвѣ*, *Пріездъ въ Петербургъ Хансена*, *Столѣтіе со дня рожденія поэта Леопарди*, *Пуало Тосканелли и Америго Веспуччи*, юбилей *Мишле въ Парижѣ*, вотъ и вся современность жизненныхъ вопросовъ. Отсюда выводъ коротокъ и простъ: редакція *Родника* въ нынѣшнемъ году повернула особенно круто отъ прежнихъ своихъ дѣтъ на выпускъ журнальных сборниковъ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ выходили дѣтскіе журналы двадцать, двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Какъ сборники, многія книжки *Родника* нынѣшняго года при мелкихъ недочетахъ очень недурны и вѣрны мысли сборниковъ, но какъ журнальныя книжки во многомъ неудовлетворительны.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 но- ября 1898 г.

Адамовъ, Н. П. Труды экспедиции свараженной лѣснымъ департаментомъ, подъ ред. проф. Докучаева. Спб., 1898 г.

Анучинъ, Е. (Изслѣдованіе). Записки урожаевъ по селеніямъ Херсонской губ. Изд. Херсон. казен. палаты. Херсонъ, 1898 г.

Арнольдъ, Э. К. Русскій лѣсъ. Т. II, ч. 1-я, съ 17 естампами на мѣди и 125 грав. на деревѣ. Изд. 2-е Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Спб., 1898 г.

В. В. Сборникъ образцовъ диктанта, выбран. изъ произведеній русскихъ писателей. Рига, 1898 г. Ц. 80 к.

Bauru-Raphael. Mariage sur le tard. Prix 3 fr. 50. Paris, 1897 г.

Belza, Stanislaw. Nad brzegami Bosny i Narenty. Варшава, 1899 г.

Беръ, П. Первые бесѣды съ дѣтьми о животныхъ, съ 259 рис. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, Н. Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Бюхеръ, К. Четыре очерка изъ обл. народнаго хозяйства. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.

Вальтеръ, В. Г. Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: „Что такое искусство?“ Складъ изд. у Н. П. Карбасникова. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Величкина, В. М. Швейцарія. Изд. „Посредника“. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Верещагинъ, В. В. 1) Листки изъ записной книжки. Ц. 1 р. 2) На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Съ рис. Ц. 1 руб. 50 к. М., 1898 г.

Вересаевъ, В. Очерки и рассказы. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Винаверъ, М. М. Старыя и новыя

вѣянія въ европейской адвокатурѣ. Спб., 1898 г.

Виноградовъ, П. Г. О прогрессѣ. М., 1898 г. Ц. 30 к.

Гальперинъ, С. И. Права и обязанности присяжнаго почетаеля по дѣлу торговой несостоятельности. Изд. кн. маг. Л. М. Ротенберга. Екатеринославъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаррисонъ, проф. Ф. Развитіе силъ и нарощеніе мышцъ гимна, съ рис. въ текстѣ. Спб., 1898 г. Ц. 35 к.

Гатцукъ, А. Календарь крестный на 1899 г. М., 1899 г. Ц. 15 к.

Геманъ, Ф. Пробужденіе еврейской націи. Изд. кн. маг. „Я. Х. Шермана“. Одесса, 1898 г. Ц. 40 к.

Гильти, К. Популярныя очерки по нравствен. философ. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.

Гобчанскій, І. Опытная психологія въ 2 част. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Русскій сельскій календарь. М., 1899 г. Ц. 20 к.

Градовскій, А. Ц. Собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гумиловъ, Л. Очеркъ исторіи социологіи. Изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Гюйо, М. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Ц. 2 руб.

Данвилль, І. Любовь съ психологической точки зрѣнія, пер. съ франц. І. Гольдмерштейна. Изд. О. И. Митурникова. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.

Данная для учета доходности мелкихъ торговъ и промышлен. предпріятій въ г. Москвѣ. М., 1898 г.

Дантъ Алигieri. Божественная комедія. Ч. II. Чистилище. Пер. съ итал. М. А. Горбова. М. 1898 г. Ц. въ пер. 6 р.

Движеніе на търговията на България съ туждитѣ държави. Движеніе на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ по-главнитѣ градове прѣзъ второто тримѣсечіе отъ 1898 година. София, 1898 г.

Диккенсъ, Чарльзъ. Колокола.

М., 1898 г. Ц. 20 к.

Дѣти грѣха. М., 1898 г.

Дюковъ, Е. За и противъ гомеопатіи.

Харьковъ, 1898 г. Ц. 50 к.

Дюпрень, Карлъ. Загадочность чело-

вѣческаго существа. Пер. съ нѣмец.

М. С. Алексанова. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Евреиновъ, А. А. Систематическій

сводъ узаконеній, распоряженій мин.

фин. и разъясненій правит. сената по

казенной продажѣ нитей. М., 1898 г.

Ц. 2 руб., въ перепл. 2 р. 50 к.

Журналъ засѣданій Александрійскаго

уѣзднаго земскаго собранія Херсонской

губ. Майск. XXXIV очередной сессіи

1898 г. Александрия, 1898 г.

Занески прѣамур. отдѣла Импер. геогр.

общества. Т. III, вып. III. Хабаровскъ,

1898 г.

Зинченко, Н. Россія и Китай. Крат-

кій истор. очеркъ русско-китайской тор-

говли. Спб., 1899 г. Ц. 10 к.

Злотчанскій, П. Сборникъ упраж-

неній и задачъ прямолинейной триго-

нометріи для средн. учебн. заведеній. Изд.

автора. Одесса, 1898 г. Ц. 75 к.

Зографъ, Н. Курсъ зоологіи (Черви,

плукожіи, сѣмѣнаки), съ 184 рис. Вып. II.

М., 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Золотаревъ, П. А. 1) Студенческое

цѣлство, его значеніе и причины. Ц.

20 к. 2) Этика брака. Ц. 30 к. М.,

1898 г.

Игнатьевъ, В. А. Отчетъ о дѣятел.

комиссіи по устр. народн. чтеній, со-

стоящ. при совѣтѣ общ. попеч. о нач.

образов. въ г. Томскѣ за 1897—8 г.

Томскъ, 1898 г.

Ильинъ, Вл. Экономическіе этюды и

статьи. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Италиинскій, А. Д. Очерки народ-

наго образованія во Франціи. Тифлисъ,

1898 г. Ц. 60 к.

Кантъ, В. Краткая систематическая

грамматика французскаго языка. М.,

1897 г. Ц. 80 к.

Кедринъ, Е. Е. Учебникъ прямоли-

нейной тригонометріи. Изд. К. И. Ти-

хомирова. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Кн га для чтенія по исторіи среднихъ

вѣковъ, составлена кружкомъ препода-

въ гелей подъ ред. проф. П. Г. Вино-

градова. Вып. I. Изд. 2-е. М., 1898 г.

П. 1 р. 50 к.

Кр., ковская, С. Великая пустыня.

Описаніе Сахары, съ 22 рис. Изд. О.

Н. Полюной. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Кр кишталовичъ. 1) О выдѣлкѣ

чѣшени и кирпичей. Огнестойкія крм-

ни и строенія. 2) Приспособленія для

необходимаго оздоровленія жилыхъ по-

мѣщеній. Новгородъ, 1898 г.

Кулешовъ, П. Н. Овца, ея внутр.

и наружн. строеніе, признаки полезно-

сти, болѣзни и пороки, главные типы

и пороки, съ хромолитограф. разборн.

таблицей. Изд. А. Ф. Давриена. Спб.,

1899 г. Ц. 2 р.

Лабріона, Антоніо. Къ вопросу о

материалистическомъ взглядѣ на исто-

рію. Изд. Н. И. Березина и М. Н. Се-

менована. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеж-

дина). Свѣдѣ начальниковъ промыш-

ленныхъ училищъ. Спб., 1898 г. Ц. 80 к.

Леруа-Волье, Пьеръ. Новыя англо-

саксонскія общества. Австралія, Новая

Зеландія и Южная Африка. Изд. Л. Ф.

Пантегьева. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Лудогоровъ, А. Изъ тѣснѣннѣй. По-

вѣсть. Софія, 1898 г. Ц. 1 л. 20 ст.

Маджи, Е. Н. Указатель числа ари-

метическихъ дѣйствій, необходимыхъ для

рѣшенія каждой задачи сборника Евту-

шевскаго. Ч. I. Тобольскъ, 1895 г. Ц.

10 коп.

Макшеева, Н. А. (Излож.). Отецъ.

Пов. по Франсуа Колле. М., 1898 г.

Ц. 20 к. (на пр. бум., 6 к.).

Матеріалы по изслѣдов. землепользованія

и хозяйствен. быта сельск. населенія

Ягutorовскаго округа, Тобольской губ.

Т. I. М., 1897 г.

Марксъ, К. Капиталь. Критика поли-

тической экономіи. Т. I, вып. 1-й. Изд.

О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. за оба

вып. 3 р.

Микуличъ, В. Мимочка. Изд. 2-е.

Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Милль, Д. С. Система логики силло-

гистической и индуктивной. Вып. V.

Изд. маг. Книжное дѣло. М., 1898 г.

Полн. ч. 3 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Морлей, Дж. Воспитательное значе-

ніе литературы. Пер. съ англ. Гольд-

мерштейна. Спб., 1898 г. Ц. 15 к.

Нач. нар. образованіе въ Тульской губ.

въ 1896—97 учебн. году. Тула, 1898 г.

Обзоръ сельско-хозяйствен. Вятской губ.

за 1896—97 г. Изд. Вятск. губер. зем-

ства. Вятка, 1898 г.

Ожеговъ, М. И. Моя жизнь и пѣ-

ни для народа. Изд. Е. А. Губанова.

М., 1898 г.

Описанія отдѣльныхъ русск. хозяйствъ.

Вып. I—Тульской губ.; вып. II—Ор-

ловской губ.; вып. III—Курской губ.;

вып. IV и VII—Воронежской губ.; вып.

V—Рязанской губ.; вып. VI—Тамбов-

ской губ.; вып. VIII—Саратовск. губ.

Спб., 1898 г.

Орловъ, Н. И. Катихизисъ химиче-

скихъ производствъ, Сѣрникоисное про-

изводство. Изд. К. И. Тихомирова. М.,

1898 г. Ц. 30 к.

- Отчет о деятельности общества попеченія о народномъ образованіи въ г. Красноуфимскѣ и его уѣздѣ за 1896—97 г. Пермь, 1898 г.
- Отчетъ о деятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ званій, сост. подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его И. В. Велик. Князя Алексія Александровича за 1897 годъ. М., 1898 г.
- Отчетъ по эссенбургской благотворительности. Краткія свѣдѣнія изъ исторіи и современ. положенія кавказскихъ минеральныхъ водъ. М., 1898 г.
- Очеркъ деятельности нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи за 1-е десятилѣтіе (1888—1898 годъ). Н.-Новгородъ, 1898 г.
- Пантюховъ, И. И. Къ статистикѣ кавказской патологии. Тифлисъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Penzoldt в Stintzing. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. 30. Т. V, ч. II. Спб., 1898 г.
- Перепись учащихся въ одноклассн. земск. школахъ Александр. уѣзда въ 1898 г. Александрія, 1898 г.
- Поповъ, А. Н. Простое пчеловодство какъ отрасль сельскаго хозяйства въ средней полосѣ Европ. Россіи. Спб., 1898 г. Ц. 20 к.
- Правдинъ, В. и Мюльманъ, Р. Сборникъ арифметич. задачъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Ч. I, изд. 3-е. Изд. Ф. И. Троскиной. Рига, 1898 г.
- Пругавинъ, А. С. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальн. народн. образованію. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Протоколы засѣданій твер. очерел. зем. собранія 8—21 января и 19—27 февраля и экстреннаго 29 мая 1898 г. и приложенія къ протоколамъ. Тверь, 1898 г.
- Пѣтуховъ, С. П. Стеклодѣле. Съ 198 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 20 к.
- Рассказы о Западной Сибири или о губерніяхъ Тобольской и Томской. Съ картой (планомъ) Сибири. Изд. „Посредника“. М., 1898 г. Ц. 30 к.
- Рахмановъ, В. Совѣты о томъ, какъ лечить наружныя болѣзни и ухаживать за больными. Изд. „Посредника“. М., 1898 г. Ц. 25 к.
- Ревилль, Альб. Какъ я повѣрилъ въ невѣжество Дрейфуса? Изд. кн.-газ. торговли С. В. Момаровскаго. Одесса, 1898 г. Ц. 25 к., съ перес. 30 к.
- Регель, Э. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Ч. I. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1898 г. Ц. 3 р.
- Де-Рузье, Поль. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи, подъ ред. и съ предисл. П. Струве (кладъ изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Руководство къ практической медицинѣ подъ ред. проф. V. Ebstein'a и др. J. Schwalbe. (5 томовъ). Пер. Говсена подъ ред. А. Х. Кузнецова. Изд. Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1898 г.
- Саводникъ, В. Э. Стихотворенія. 1891—1898 г. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Садовниковъ, Д. Наши земледельцы. (Разск. о заселеніи Сибири). Изд. 2-е. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1897 годъ. Новгородъ, 1898 г.
- Сборникъ статей. Теорія государства у славянофиловъ. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.
- Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. III. Дѣйствія Нижегород. учен. архив. комиссіи. Н.-Новгородъ, 1898 г.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ, съ распределеніемъ задачъ по типамъ для начал. народн. училищъ. Вып. I. Составленъ кружкомъ учителей москов. город. школъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1898 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, С. Т. Счастливый случай и др. разск. Изд. „Посредника“. М., 1898 г. Ц. 3 к.
- Статистика за училищата въ княжество България прѣвъ учебната 1895—96 година. Ч. I. Основни училища—общіе результаты по околии. София, 1897 г. Ц. 3 л.
- Сениговъ, У. П. Коммерческій словарь. Изд. П. П. Соѣкина. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1890 г. Вып. III, подъ ред. А. К. Голубева. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степовичъ, А. У. Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана съ 1 окт. 1897 г. по 1 окт. 1898 г. Кіевъ, 1898 г.
- Суперанскій, М. Э. Симбирскъ и его прошлое (1848—1898 гг.). Истор. очеркъ. Симбирскъ, 1898 г. Ц. 15 к.
- Сѣрошевскій, В. Матросы корабля Нележда. Съ 10 рис. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 35 к.
- Тобилевичъ, Ив. (Карпенко-Караго). 1) Сто тысячъ. Ком. въ 4-хъ л.; 2) Разумный и дуракъ. Ком. въ 5 л. Черкасскъ, 1898 г. Ц. 8 к.
- Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, гдѣхъ борьбы съ нимъ и въ выработкѣ нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Вып. I. Спб., 1898 г.
- Труды экспедиціи, снаряженной гласн. департаментомъ подъ рук. проф. Докучаева. Сборникъ отдѣл. Вып. 2. Спб., 1898 г.
- Труды экспедиціи, снаряженной гласн. департаментомъ подъ рук. проф. Докучаева. Научный отдѣл. 1) Ботанико-географ. изслѣдованія. Т. II, вып. 2; 2) Метеорологическія наблюденія. Т. III,

и къ вып. 1; вып. II; 3) Зоологи-
ческія вѣстѣдов. и наблюденія. Т. IV,
вып. 2. Спб., 1898 г.
и экспедицій, снаряженной лѣснымъ
департаментомъ подъ рук. проф. Доку-
мова. Отдѣлъ практическихъ работъ;
1) Искокультурныя работы. Т. III,
вып. 2; 2) Гидротехническія сооруже-
нія. Т. II, вып. 2. Спб., 1898 г.
издатель изданій министерства земледѣ-
нія и государственныхъ имуществъ по
сельско-хозяйственной и лѣсной части.
Спб., 1898 г.
Хельсонъ, В. И. По рѣкамъ Яса-
нѣ и Коркодопу, древній и современ-
ный какаргскій бытъ и письмена. (Съ
иллюстр.). Спб., 1898 г.
Миницынъ, А. Современное есте-
ствовѣдѣніе и психологія. Изд. журнала
„Миръ Божій“. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.,
съ перес. 1 р. 25 к.
Рябининъ, Ф. Руковод. для фельдше-
ровъ, сестеръ и братьевъ милосердія и
малой семьи. Изд. 4-е. Спб., 1899 г.
Ц. 1 р.
Рябининъ, Н. Каталогъ нотныхъ
записей, писемъ и портр. М. И.
Рябинина. Спб., 1898 г. Ц. 3 р.
Суринъ, А. Природныя богатства
Кавказа. Проектъ переустр. горячихъ
и минеральныхъ источниковъ, Тифлисъ,
1898 г.
Суринъ, А. А. Памятная книжка
и адресный указатель чиновъ уѣздной полиціи,

волостныхъ и сельскихъ начальниковъ.
1898 г. Ц. 40 к.
Чижовъ, Е. Тайны и чудеса Божьяго
міра. Изд. 2-е исправл. и дополн. Изд.
„Посредника“. М., 1898 г. Ц. 50 к.
Шантепи-де-ля-Соссей, Д. П.
Иллюстрированная исторія религій. Вып.
V. Изд. кн. маг. „Книжное Дѣло“. М.,
1898 г. Подп. ц. 10 р. съ перес. 12 р.
Шереметевъ, П. С. гр. Историко-
статистич. очеркъ народа, учителя и
учительницы въ Тульской губ. Тула,
1898 г.
Шимкевичъ, В. Популярныя біоло-
гическія очерки. Съ 65 рис. въ текстъ
и 4 портр. Изд. ред. журнала „Образо-
ваніе“. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шредеръ, Р. И. Живыя изгороди
и лѣсныя опушки. Съ введеніемъ П. А.
Стебута. 4-е изд. съ 29 оригинал. рис.
Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1898 г. Ц.
1 р. 20 к.
Штылько, А. Астраханская губто-
пись 1554—1897 гг. Астрахань, 1898 г.
Ц. 1 р.
Шумаковъ, С. Матеріалы для исто-
ріи Нижегородск. края. Вып. I. Н.-Нов-
городъ, 1898 г.
Юноша, Клеменсъ. Еврейскій
Донъ-Кихотъ. Пер. съ польск. Казань,
1898 г. Ц. 80 к.
Ярошевская, М. Т. Картинный гео-
графическій атласъ. 215 рис. М., 1893 г.
Ц. 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла“.

I Книги.

Беллетристика: „Сочиненія К. К. Случевского“. Томы IV, V и VI.	Стр. 423
Критика и публицистик: „Вѣлискій о воспитаніи индивидуаль- нои и общественнои“. Л. Сидова.—„Вѣлискій объ искусствѣ“. Сост. А. Н. Саминковъ.—„Принципы критики В. Г. Вѣлинскаго“. Ц. Балмалова.—„Брат- ская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“. 2-е изд.	426
Исторія, исторія литературы: „Протопопъ Аввакумъ“. А. К. Бо- роздина.—„Подѣлки рукописей и народныхъ глоссъ“. К. Н. Пытина.—„Полити- ческая исторія современной Европи“. III. Сеньюбоса.—„Талмудъ и его кри- тики“. Д-ра Б. Р-са.	428
Политическая экономія, статистика: „Переселенцы-арендато- ры въ Тургайской области“. 2-я часть отчета Кауфмана —„Отчетъ по дѣлому управленію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ“.—„Отчетъ по выкушной операціи за 1896 г.“.—„Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1896 г.“.—„Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ.“. Вып. II и III.	431
Естествознаніе: „Исчизикъ и нравы насѣкомыхъ“. Фабра.—„Experi- mental Morphology“. Чл. В. Дженпортъ'a.—„The development of the frog's egg“ ThH Morgan'a.	43
Медицина: „Высочайше разрѣшенный 2-й съѣздъ русскихъ дѣтелей по техническому и профессиональному образованію“. X секція.—„Охрана материн- ства“. Луи Франка д-ра Кейффера, Луи Менжю.—„Занкание. Его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе“. И. К. Хмелевскаго.—„Занкание, лепетаніе шепелявость и ихъ лѣченіе“. Грегора Филмозе	439
Сельское хозяйство: „Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей за 1895 г.“. Сост. А. Д. Педашенко.—„Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельско-хозяйств. и лѣсной части“. Сост. И. И. Мамонтовъ.—„Первое допозненіе къ тому же указателю“.—„Ли- тература по русскому почвовѣдѣнію съ 1765 по 1896 г.“. Сост. П. В. Отон- кій.—„Промышленное плододовство въ Сѣверной Америкѣ“. Сост. Я. Нилсънъ.	443
Справочныя книги: „Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефро- ма“. Полутомы 45, 46 и 47.	445

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, сентябрь, октябрь.—„Русскій Вѣстникъ“, сентябрь, октябрь.—„Дѣтское Чтеніе“, №№ 4—14.—„Родникъ“, №№ 3—10.	445
--	-----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“
съ 1 октября по 1 ноября.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ журнала Русская Мысль,

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой.)

Продаются слѣдующія книги:

- Ленорманъ, Ф.** Руководство къ древней исторіи Востока. Т. I и II; Ц. 6 р.
Веложъ, Ю. Исторія Греціи. Т. I. Ц. 2 р.
Моммсенъ. Римская исторія. Т. I, II, III и V. Ц. 16 р.
Виноградовъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к., вып. II—3 р. 30 к.
Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. 4 тома. Ц. 3 р. за томъ.
Лампрехтъ, К. Исторія германскаго народа. I—III т. Ц. 11 р.
Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. IV тома. Ц. 4 р. за томъ.
Ванъ-Мюнденъ. Исторія швейцарскаго народа. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Ц. 4 р.
Лабулэ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ. 3 части. Ц. 5 р.
Гринъ. Исторія англійскаго народа. Т. I—IV. Ц. 10 р. 50 к.
Герцбергъ. Исторія Византіи. Ц. 4 р.
Сорель, А. Европа и Французская революція. Т. I—IV. Ц. 11 р. 50 к.
Карно, И. Исторія Французской революціи. Ц. 1 р.
Минье. Исторія Французской революціи. Ц. 1 р.
Генссеръ. Исторія реформаци. Ц. 5 р.
Вердъ, Ч. Реформаци XVI вѣка. Ц. 1 р. 25 к.
Випперъ, Р. Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка. Ц. 3 р. 50 к.
Дюкурэ, Г. Исторія цивилизаціи. Ц. 1 р.
Гизо, Ф. Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Ц. 1 р.
Вокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Ц. 2 р.
Дрeперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Ц. 1 р. 50 к.
Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 6 томовъ. Ц. 24 р.
Костомаровъ. Русская Исторія. Т. I: Господство дома св. Владиміра X—XVI столѣтія. Ц. 3 р. 50 к.—Т. II: Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II, XVII стол. Ц. 2 р.—(Продолженіе) XVIII столѣтія. Ц. 1 руб. 60 к. Т. II.—(Окончаніе) XVIII стол. Ц. 1 р. 90 к. Т. II.
Миллюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.
Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Т. I и II. Ц. 3 р. за томъ.
Чичеринъ. Областиныя учрежденія Россіи въ XVII в. Ц. 3 р.
Русская Исторія съ древнѣйш. временъ до смутнаго времени. Изданіе „Библіотеки для самообразованія“, подъ редакц. Сторожева. Вып. I. Ц. 2 р. 75 к.
Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. Ц. 1 р. 25 к.
Латкинъ. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в. Т. I. Ц. 3 р. 75 к.
Миллюковъ. Очерки по истор. русской культуры. Ч. I. Ц. 1 р.
Латкинъ. Земскіе соборы (древней Руси). Ц. 3 р.
Забѣлинъ. Исторія русской жизни. Ч. I. Ц. 4 р.; ч. II—3 р. 25 к.

При книжномъ магазинѣ открытъ складъ учебныхъ пособій для иногороднихъ по физикѣ, химіи, географіи, геодезіи, по вопросамъ начальнаго обученія и т. д.

Книжный магазинъ принимаетъ годовую подписку на всѣ періодическія изданія какъ русскія, такъ и иностранныя.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

<p>Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей агоніи. Романъ. Ц. 1 р., съ пересмѣлою 1 р. 20 к.
 Асѣрьевъ, Н. М. Въ волостныхъ и уѣздахъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересмѣлка по уѣздамъ и разстоянію.
 Восрищевъ-Пушкинъ, А. М. Историческіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.</p> | <p>Вогословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
 Вурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
 Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.</p> |
|---|--|

Цѣны на „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

- Гольцевъ, В. А.** Вопросы для жизни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
— Литературные очерки. Ц. 1 р. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянью.
- Д-ръ Алексѣевъ, П. С.** О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Ц. 1 р.
- Доде, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Переводъ В. М. Ремезова. Ц. 1 р.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Женщина.** Статьи: Э. Ожешковой, М-ше А. Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 коп.
- Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Иллюстрированными чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекомен. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возра. библи. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
- Короленко, Владиміръ.** Очерки и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

- Мачтетъ, Григорій.** Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
- Михайловскій, Н.** (Критическій опытъ). Ц.
- Ожешкова, Элиза.** сказы. Пер. В. М. Лавр. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 2-хъ.
— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ.
- Посѣтъ Пушкина.** Сборникъ русскихъ постоувъ, составленный редакціей жур. „Мысль“. Ц. 2 р., съ пер.
- Сенкевичъ, Генри.** рассказы. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
— Предисловіями В. А. Голышова и удержаніи.
— Безъ догмата. Романъ. Лаврова. 4-е издѣвленіе.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.
— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес.
— Семья Полампскихъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес.
— Камо грядеши? Ром. изъ жизни. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 1 р.
— На ясномъ берегу. Повѣсть. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
- Столѣтовъ, А. Г.** лекція и рѣчи. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Мих.** Заключеніе сельскихъ хозяевъ. Ц.
- Чеховъ, Ан.** Островъ (путевыхъ записокъ). Ц.
- Эртель, А. И.** Гарденинъ и враги. Р.
- Юноша, Клеменсъ.** тинки деревенской жизни. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
- Сенкевичъ, Генрихъ.** Янко мученикъ. Ц. 1 к.
- Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

- Рассказъ про смутное время. Ц. 1½ к.
- Короленко, В. Г.** у
- Народный поэтъ Иванъ Гребенъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Библіотека „Русской Мысли“.

- Сенкевичъ, Г.** Черезъ степи. Цѣна 40 коп.
- Ремезовъ, М.** Клеопатра. Ц. 40 к.
- Иудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
- Византія и Византійки конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
- Альбовъ, М.** Юбилей. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, К.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
- Ожешкова, Э.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

- Палла Роза. Великій. Ц. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Итальянскаго Возрожденія.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Горѣвы. Охоннимъ бродомъ.
- Ладыженскій, Н.** вѣя. Ц. 25 к.
- Немировичъ - Данч.** Драма за сценой. Ц. 1 р.
- Немировичъ - Данч.** И. Лялька. Изъ сказокъ старины. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Научно-популярная библиотека „Русской Мысли“.

(под редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Голышева).

- Массе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
- Мере, В. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
- Мюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.
- Мюкло, Пастёръ. Заразные болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
- Нартъ, А. Реалинъ Индин. Ц. 1 руб.
- Оуппъ Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.
- Периданъ. Школа элосонія. А. В. Полюсовъ. Биографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.
- Проф. П. Гиро. Филотель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
- Андре Галле. Бошарне. Ц. 40 к.
- Вертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала
«Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1898 г.

- Алексѣевъ, П. С. Алкоголизмъ. Ц. 1 р.
- Вюхеръ, К. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства (статьи изъ книги: „Происхожденіе народнаго хозяйства“). Изданіе М. И. Водовозовой. Сб., 1898 г. Ц. 60 к.
- Вессъ, Сидней и Карольда Кокса. 8-ми часовой рабочій день. Пер. и издан. Д. Л. Муратова. (10% съ объявленной цѣны поступать въ Московск. комит. грам. для устройства сельск. библиот.) М., 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Верещагинъ. Листки (изъ записной книжки). М., 1898 г. Ц. 1 р.
- На войны въ Азіи и Европѣ. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гумиловичъ, Л. Очеркъ исторіи социологіи. Переводъ съ польскаго Леопольдовой Е. Сб., 1899 г. Ц. 40 к.
- Додэ, Альфонсъ. Ковочка госпожи де Сегена. Переводъ Е. В. Лавровой. Сб., 1897 г. Ц. 5 к.
- Долгоруковъ, В. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ III-й. Томскъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дрентельнъ, Елизавета. Аномалія развитія полового чувства у дѣвочки. М., 1899 г. Ц. 25 к.
- Дѣтскіе Изданіе магазина „Дѣтское Воспитаніе“. М., 1898 г. Ц. 1 руб. (на полгоду).
- Дѣтскіе Изданіе магазина „Дѣтское Воспитаніе“. М., 1898 г. Ц. 60 к.
- Журналъ журналовъ и энциклопедическаго обзорія за 1898 г. За августъ № 16, за сентябрь № 17 и 18, за октябрь № 19.
- Зеленко, С. О подготовкѣ преподавателя средней учебной введеній въ педагогическую дѣятельности. М., 1898 г. Ц. 25 к.
- Зографъ. Курсы зоологіи. Для студентовъ, медик. и сельскихъ хозяевъ. Вып. II. М., 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Курсы зоологіи. Для студент.-естествов., медик. и сельскихъ хозяевъ. Вып. I и II. М., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ильинъ, Владиміръ. Экономическіе этюды и статьи. Сб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Каро. Идея Бога и безсмертія души передъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Переводъ съ франц. подъ редакціей А. И. Введенскаго. Харьковъ, 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Колотиловъ. На велосипедѣ (Записки туриста). Сб., 1898 г. Ц. 1 р.
- Круковская, С. Рассказы о разныхъ странахъ и народахъ. Т. III. Великая пустыня (описаніе Сахары). Съ 22 рисунками. Сб., 1899 г. Ц. 40 к.
- Лабріола, Антоній. Въ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію. Изданіе Березина и Семенова. Ц. 50 к.
- Лысакъ, В. „Путешествіе“. Рассказы. М., 1898 г. Ц. 80 к.
- Милянсъ, Маршалъ. Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбриологію. Переводъ Николая Зографа. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Миллюковъ. Главныя теченія русской историч. мысли. Т. I. Второе изданіе редакціи журнала „Русской Мысли“. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Навилъ, Эрнестъ. Свидѣтельство Христа и единство христіанск. міра. Въ двухъ частяхъ. Пер. Барсова. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нозеръ, Фридолинъ, д-ръ. Методика Закона Божія. Пер. съ нѣм. цѣ. 2-го исправлен. изданія, подъ редакц. канд. богослов. С. Никитскаго. М., 1898 г. Ц. 75 к.
- Оле-Ляпрюнъ. Цѣнность жизни. Пе-

- револьв. съ франц. Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Харьковъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Прессансъ.** Христіанская семья. Переводъ съ франц. Н. И. Барсова. М., 1898 г. Ц. 75 к.
- Рубакинъ, Н. А.** Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII вѣка объ альбигойскихъ еретикахъ. М., 1898 г. Ц. 50 к.
- Саводникъ, В. Ѳ.** Стихотворенія. 1891—1898 гг. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи** (составл. кружкомъ преподават.). Вып. IV. М., 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Слюсаренко.** Указатель текущей педагогической литературы за 1897 г. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Сърошевскій:** Матросы (корабля "Надежда"). Съ 10 рисунками. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 35 к.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шимкевичъ.** Популярныя біологическія очерки. Изданіе редакц. журн. "Образованіе". Спб., 1898 г. Ц. 1 р.
- Шиппель, Максъ.** Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Переводъ съ нѣмц. Ульриха. Подъ редакц. Булгакова. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Ярошевская, М. Т.** Вокругъ картинки съ краткимъ текстомъ въ стихахъ и прозѣ для семьи и школы. I выпускъ I. Россія. М., 1898 г. Ц. 20 к.
- Федоровъ - Давыдовъ и Булгаковъ.** "Пчелка". Рассказы, сказки, стихотворенія для дѣтей. Съ рисунками Томикъ I—15 к. и томикъ II—15 к. I 1898 г.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли» складъ слѣдующихъ изданій **М. И. Водовозовой.**

- Магаймъ, Ѳ.** Профессиональные рабочіе союзы. Перев. Н. В. Водовозова. 1895 г., стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиббинсъ.** Англійскіе реформаторы. Перев. съ англійск. А. Санина. 1896 г., стр. 339. Ц. 1 р. 50 к.
- Гурвичъ, И.** Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англійск. 1896 г., стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.
- Землевладѣніе и сельское хозяйство.** Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1896 г., стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.
- Промышленность.** Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.
- Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи.** Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.
- Освобожденіе крестьянъ на Западѣ.** Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозовъ, Н.** Экономическія этюды. Ц. 2 р.
- Ильинъ, В.** Экономическіе этюды и статьи. Спб., 1899 г., стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.
- Эшли.** Экономическая исторія Англіи. Перев. съ англійскаго Н. Муравьева. Стр. 800. Ц. 2 р. 75 к.
- Шиппель, М.** Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣмц. В. Ульриха. Стр. 13. Ц. 50 к.
- Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности.** Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ стат. Ф. Кнаппа. Работы и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. В. Дена. Стр. 35. Ц. 1 р. 50 к.
- Бюхеръ, К.** Происхожденіе народныхъ хозяйствъ и образованіе общественныя классовъ. Перев. съ нѣмц. подъ редакціей С. Н. Булгакова. 1897 г., стр. 91. Ц. 50 к.
- Булгаковъ, С.** О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическія очерки. 1897 г., стр. 220. Ц. 1 р. 25 к.
- Э. Мейеръ.** Экономическое развитіе древняго міра. Пер. Гершензона. Ц. 60 к.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГЪ.

Изобрѣтенія полков. Малиновскаго.

Особая мастерская С. М. Анниевой. Москва, Арбатъ, д. 40. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА

Лампы для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, картинокъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за 20 к. марк.

ДИПЛОМЪ ЗА ВСЕРОССИЙСКУЮ ВЫСТАВКУ 1896 года.

Искренніе отзывы о фонаряхъ, получаемые нами отъ гг. заказчиковъ, а также различныхъ органовъ печати; благодарность, которую мастерская удостоилась получить отъ Е. И. В. Великаго князя Сергія Александровича за доставл. фонарей, также присужденный намъ ДИПЛОМЪ экспертами Всер. Выст. 1896 г.—Способствуютъ

НАИБОЛЬШЕЙ ПОПУЛЯРНОСТИ ИЗОБРЕТЕННАГО ПРИБОРА,
владѣющ. нами, какъ изобрѣтеніе, по нотаріальн. акту, на правахъ собствен.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Дактъ Алигieri,

Божественная комедія

ЧАСТЬ ВТОРАЯ—

ЧИСТИЛИЩЕ.

Переводъ съ итальянскаго

М. А. Горбова.

Съ объясненіями и примѣчаніями. М. 1898 г.

Цѣна въ перепл. 6 руб.

Подписка на 1899 г.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(36-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границей съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р.	— к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р.	— к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р.	— к.
" 6 "	5 "	50 "	" 6 "	6 "	— "	" 6 "	9 "	— "
" 3 "	3 "	— "	" 3 "	3 "	50 "	" 3 "	4 "	— "
" 1 "	1 "	— "	" 1 "	1 "	20 "	" 1 "	1 "	— "

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣднихъ, листами большого формата, съ приложеніемъ по нѣмѣ надобности, вѣстныхъ листовъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, zatrudняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ съ 1-го іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., съ 1-го марта 3 р. и съ 1-го густа 8 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая выписка газеты останавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ съ Москвы съ доставкой на 1 мѣсяць—85 к., съ пересылкой съ другихъ городовъ на 1 мѣсяць—1 р.

1898 г.

Годъ

ВЫШЛА IV-я (сентябрь-октябрь) КНИГА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи“

издаваемого Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ: Б. Н. Чичеринъ: «Реальность и самосознаніе». — В. Л. Герье: «О. Бонтъ и его значеніе въ исторической наукѣ». — П. А. Капновъ: «Красота и искусство». — Кн. С. Н. Трубецкой: «Религіозный идеализмъ евреевъ». — Я. Н. Колубовскій: «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи». — Критика и библиографія. — Извѣстія и замѣтки. — Психологическое Общество.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1898 г. по 1-е января 1899 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи:

МОСКВА, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. № 28.

Редакторъ В. П. Преображенскій

Предсѣдатель Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

городъ Ярославль съ 1-го декабря текущаго 1898 г. будетъ выходить по программѣ большихъ столичныхъ изданій еженедельная политическая, общественная и литературная газета

„СѢВЕРНЫЙ КРАЙ“.

Газета „Сѣверный Край“, не обходя важнейшихъ общихъ вопросовъ русской и европейской жизни, нацѣлена посвящать свое служеніе преимущественно пользамъ и нуждамъ Ярославской, Костромской, Вологодской и Архангельской губерній, Рыбинской уѣзда и торгово-промышленныхъ центровъ сѣвернаго края. Съ этою цѣлью она уже заручилась соглашеніемъ на сотрудничество со стороны многихъ столичныхъ и мѣстныхъ ученыхъ, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, а также приобрѣла собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и мѣстностяхъ сѣвернаго края.

Предоставляя въ каждомъ № вниманію читателей рядъ статей, телеграммъ, корреспонденцій, замѣтокъ, дневниковъ, мелкихъ извѣстій и еженедельный фельетонъ въ формѣ памфлета, повѣстей и т. д., — газета „Сѣверный Край“ будетъ включать, подъ разными рубриками, еще отдѣлы большихъ столичныхъ изданій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ „СѢВЕРНЫЙ КРАЙ“:

Безъ доставки и пересылки въ г. Ярославль:	Гг. годовые подписчики на 1899 г., вносящіе при подпискѣ всю подписную сумму, получаютъ газету въ декабрѣ текущаго года	Съ доставкой и пересылкой во все мѣсто Россіи:
На годъ . . . 7 р. — к.	БЕЗПЛАТНО.	На годъ . . . 8 р. — к.
„ полгода . . . 4 р. 20 к.		„ полгода . . . 5 р. — к.
„ 3 мѣсяца . . 2 р. 40 к.		„ 3 мѣсяца . . 2 р. 80 к.
„ 1 мѣсяцъ . . — р. 86 к.		„ 1 мѣсяцъ . . 1 р. — к.

Разсрочка допускается исключительно для годовыхъ подписчиковъ.

АДРЕСЪ: Ярославль, въ контору газеты „Сѣверный Край“.

Редакторъ-издатель **Ө. Г. Фалькъ**.

Открыта подписка на новый еженедѣльный журналъ

ЗНАМЯ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, НАУЧНЫЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Главная задача нашего изданія сводится къ обсужденію вопроса объ организаціи труда, объ упроченіи экономическаго быта трудящихся классовъ населенія. ЗНАМЯ выражаетъ увѣренность, что вопросъ о трудѣ есть центральный вопросъ культуры, отъ рѣшенія котораго зависитъ въ значительной степени наша національная будущность. Трудъ—это главный факторъ культуры и послѣдняя стоитъ на прочной почвѣ, если организація труда въ странѣ отвѣчаетъ требованіямъ христіанской нравственности. ЗНАМЯ будетъ выходить каждую недѣлю, отдѣльными книжками, до 4 печатныхъ листовъ текста. ПРОГРАММА: Обзоріе иностранной и внутренней жизни, II. Вопросы религіозные, философскіе и научные. III. Литературная критика. IV. Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія. Первая книжка, выходящая 1 декабря, высылается лицамъ, желающимъ ознакомиться съ идейной стороной изданія за одну 7 коп. марку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкою на годъ 5 р., $\frac{1}{2}$ года 3 р., $\frac{1}{4}$ года 1 р. 50 к., безъ доставки на годъ 4 р., $\frac{1}{2}$ года 2 р., $\frac{1}{4}$ года 1 рубль.

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Варсонофьевскій п., д. кн. Гагарина, Телеф. № 600.

Редакторъ **Н. Д. Облуховъ**.

Издательница **А. Д. Пустошнитъ**.

Первая книжка печатается въ 30,000 экзempl.

Открыта подписка на 1899 годъ на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

15-й годъ изданія.

Еженедѣльное общепользное изданіе съ рисунками въ тексты и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ номерѣ двухъ листовъ чертежей или образцовыхъ рисунковъ новыхъ надѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимся.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“ необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремесла и потребителямъ ремесленныхъ надѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

Для того, чтобы выбрать или заказать нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какими современными требованіями онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи „Ремесленная Газета“ оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ надѣлій. Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по различнымъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Руссола), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащіе описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесл. Газетѣ“ будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редація будетъ давать **БЕЗПЛАТНО** отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, редація располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** возможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и пр. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно съ **НАЛОЖЕННЫМЪ** платежомъ.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“ въ теченіе истекшихъ 14-ти лѣтъ успѣла приобрести огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того обилія полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

- 1) **50 №№** въ годъ, содержащихъ до 1.000 статей, со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ тексты и
- 2) **СТО** листовъ приложений (замѣняющихъ преміи къ „Рем. Газ.“), которые отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ выше 20 руб.
- 3) Иллюстрированный настѣнный календарь.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

Подписочная цѣна: 6 рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой, за полгода 4 рубля.

Полные экземпляры „Ремесленной Газеты“ со всеми приложениями за 1886 годъ по 10 руб., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг. (безъ книгъ) по 5 р. высылаются по первому требованію съ **наложеннымъ** платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. съ разойшлись.

„Ремесленная Газета“ рекомендована г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) и техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4. и библиотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Долгоруковская улица, домъ № 71.

Редакторъ-Издатель ученый инженеръ-механикъ **Е. А. ДЗНАЧЕНЪ**

10-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1899 г.

10-й годъ изданія.

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВЪСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемесячный журналъ открытій, изобрѣтений, усовершенствованій и вообще новостей по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакціи стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и техническая технология, желѣзнодорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусство, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографія выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и бібліографія; смѣсь: заметки о новостяхъ техники, промышленности, разныхъ мелкіхъ извѣстій и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на вопросы гг. подписчиковъ, торговли и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственными распоряженіями.

За истекшія девять лѣтъ въ составѣ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующія лица:

Профессоры, адъюнкты — профессоры и доценты технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскаго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго Политехническаго института и др. — В. И. Альбицкий, К. А. Владиміровъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Демьяновъ, Г. Ф. Денпъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. В. Котурникъ, Н. П. Лангоу, А. П. Дядовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Я. Никитинскій, П. П. Петровъ, А. И. Предтеченскій, В. М. Рудневъ, А. И. Силоревъ, Н. И. Тавицдаровъ, С. Л. Франкфуртъ, П. К. Худяковъ, Черемшнинскій, В. В. Шкателовъ и др.

Преподаватели, ассистенты, лаборанты — И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, П. В. Войнаровскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ, С. П. Лангоу, Л. М. Лалинъ, В. Д. Мѣшаевъ, Н. А. Пановъ, В. А. Панташевъ, К. М. Пѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, П. С. Страховъ, К. И. Тумскій, В. Г. Фоль-Бооль, А. Н. Шустовъ и др.

Представители фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій — М. И. Алтуховъ, И. К. Андруковъ, Н. Н. Аляничковъ, Л. Я. Арканъ, А. Г. Бахуль, В. Я. Бекетъ, Н. Е. Берозовскій, М. Берловъ, С. С. Блументаль, И. П. Боклевскій, С. Волястовъ, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Е. Я. Вайнъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К. Васильевъ, И. Видальскій, Ю. Ф. Вишневыскій, Г. В. Вдовинскій, С. Ганшинъ, П. Гарберъ, Л. Н. Глазовъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель, А. Ф. Гравинъ, А. В. Грушке, С. И. Гуляшамбаровъ, И. Гурвичъ, К. Деметровъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добраковъ, К. Дьячковъ, П. Ф. Ерченко, О. Фрементковъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Заворыкинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Забловъ, П. Касаткинъ, Д. Киричниковъ, Н. Киричниковъ, С. А. Козыминъ, А. И. Коробитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, А. Г. Лаписовъ, Л. К. Лейхманъ, Л. М. Лалинъ, П. А. Мамыхъ, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, И. М. Нелюбинъ, М. А. Нетыха, К. Ф. Неймайеръ, С. Ф. Николаевскій, С. Я. Никитинскій, М. И. Носачъ, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглобинъ, А. И. Онуфровичъ, П. А. Персияниновъ, Н. А. Песочкій, П. Т. Плаксинскій, В. Е. Полуэктовъ, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Т. Разуваевъ, К. Рейнеръ, А. С. Рейсеръ, Х. Х. Рейманъ, М. А. Рыловъ, А. Э. Сабекъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Спитицъ, В. А. Соловина, О. Старикъ, И. Тауберъ, А. А. Томсонъ, М. Н. Триполитовъ, А. Угаровъ, А. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, И. М. Фумъ, Г. Хелинскій, М. Я. Подлеръ, В. Черневъ, О. В. Шаньгинъ, д-ръ Юркевичъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія.

Полныя экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг. по 6 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе за всѣ девять лѣтъ сразу платятъ 90 руб.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№. Пробные №№ высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ по 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка — 16 руб. въ годъ съ перес. и доставк., за 1/2 года — 9 руб.

Учащимся скидка 25%.

Подъема принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. маг. Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71. Редакт.-над. учен. инж.-мех. К. А. Камчатцевъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

IV (1899) г.
изданія.**ДЕРЕВНЯ,**IV (1899) г.
изданія.

(Подъ редакціею П. Н. Елачина).

имѣющій задачей распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя главнымъ образомъ для хозяевъ - практиковъ, связанныкъ своею дѣятельностью и жизнью съ землею.

Журналъ „ДЕРЕВНЯ“ допущенъ въ библіотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Программа журнала: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство. **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:** смена хорошихъ сортовъ сельскохозяйственныхъ растений, планы и чертежи хозяйственныхъ построекъ.

Срокъ выхода ежемѣсячный, сброшюрованными книжками, съ рисунками. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** на журналъ „ДЕРЕВНЯ“: за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою **ТРИ** руб.

Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Громадный выборъ новыхъ изданій по сельскому хозяйству, ремесламъ, домоводству и проч. Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13. Полный каталогъ высылается бесплатно.

I (1899) г.
изданія.**Крестьянское Хозяйство.**I (1899) г.
изданія.

Новый, ежемѣсячный иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ,

(Подъ редакціею П. Н. Елачина).

предназначенный преимущественно для самыхъ мелкихъ хозяевъ, т.-е. для крестьянъ.

Срокъ выхода ежемѣсячный, сброшюрованными тетрадкамі, съ рисунками. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** на журналъ „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“: за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою **ОДИНЪ** руб.

Подписка принимается только въ конторѣ журнала „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“: С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Подробное объявленіе о журналахъ, съ отзывами печати, оглавленіемъ содержанія, съ пробными рисунками и проч., высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Наложениемъ платжомъ, въ кредитъ и съ разсрочкою платежа журналы „ДЕРЕВНЯ“ и „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“ не высылаются.

XIV годъ изданія. О подпискѣ на 1899 годъ на

ЗВѢЗДУ.

Изданіе Н. Н. ЖИВОТОВА, бывшаго постояннымъ сотрудникомъ газетъ: „Новости“, „Петерб. Листокъ“, „Петерб. Газеты“, „День“ и др.

„ЗВѢЗДА“ выходитъ по воскресеньямъ съ иллюстраціями и даетъ каждый мѣсяцъ большой томъ романовъ. Всего 12 книгъ. Въ томъ числѣ 4 тома

РОКАМВОЛЬ.

Къ „ЗВѢЗДѢ“ прилагаются моды и другія приложенія. При первомъ жъ „ЗВѢЗДѢ“ 1899 г. будетъ разосланъ:

ИСТОРИЧЕСКІЙ САЛОННЫЙ АЛЬБОМЪ

13×10 вершковъ: въ изящной обложкѣ на слоеной бумагѣ; 10 картинъ-гравюръ, изображающихъ всѣ послѣдніе историческіе моменты изъ путешествій Ихъ Величествъ за границей и посѣщеніе Августѣйшими Особами Петергофа. Превосходный памятникъ великихъ событій.

Подписная цѣна на 1899 г. съ пересылкою 6 р. Безъ книгъ (съ альбомомъ) 3 р. въ годъ. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Кабинетская, 22.

Отдѣленіе: Въ Москвѣ, Покровка, 52. Главноуполномоченный И. К. Голубевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДВА ЖУРНАЛА

XXXI „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ XXXI

И

„Педагогическій Листокъ“

на 1899 годъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Дѣтское Чтеніе“ разрѣшенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя бібліотеки и читальни; журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляціи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ помѣщаются: а) новѣсти, рассказы и сказки оригинальные и переводные, б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографія замѣательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣду-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) мутки, игры и завагіи; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

„Педагогическій Листокъ“ съ 1899 г. будетъ выходить отъ четырехъ до шести разъ въ годъ книжками отъ 4 до 5 листовъ. Разрѣшенъ къ выпискѣ въ учительскія бібліотеки (1896 г.).

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ будутъ печататься статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законодѣнью и общественно-школьнымъ вопросамъ, а также будутъ помѣщаться, кромѣ статей специально-педагогическаго характера, и статьи общенаучныя для самообразованія учителя, періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Анофриевъ, В. И., Альбовъ, М. Н., Баранцевичъ, Е. С., Вагнеръ, В. А., Нелюбо, В. Л., Гиларовскій, В. А., Глинскій, Б. В., Гольдцевъ, В. А., Гославскій, Е. П., Дрожжизъ, С. Д., Дружвинскій, Н. П., Ельяницкій, Ермиловъ, В. Е., Засодимскій, П. В., Зенченко, С. В., Ивановъ, И. И., Кашинъ, Н. Д., Киземеттеръ, А. А., Корелинъ, М. С., Коропчевскій, Д. А., Лавровъ, В. М., Ладженскій, В. Н., Лукашевичъ, К. В., Маминъ-Сибирякъ, Д. Н., Мачетъ, Г. А., Медвѣдовъ, Л. М., Мечъ, А. С., Михайловскій, Д. Л., Михѣевъ, В. М., Мордовцевъ, Д. Л., Невѣжинъ, П. М., Немировичъ-Данченко, В. И., Немировичъ-Данченко, В. И., Николаева, М. Е., Оболенскій, Л. Е., Острогорскій, Ал. Н., Острогорскій, В. П., Поповъ, И. В., докторъ, Потапенко, И. Н., Пріоровъ, М. К., Рубакинъ, Н. А., Семеновъ, Д. Д., Семеновъ, С. Т., Сергѣенко, П. А., Сызова, А. К., Скабичевскій, А. М., Стѣпцова, М. Н., Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А., Станюковичъ, К. М., Святловскій, Е. В., Тихомировъ, Дм. Ив., Тихомирова, Е. Н., Чеховъ, А. П., Эварницкій, Д. И., Фодоровъ-Давыдовъ, А. А. Въ художественномъ отдѣлѣ: Андреевъ, В. И., Бондаренко, Ф. Ф., Гутузава, И. Г., Конюсъ, Ю. Ф., Коровинъ, С. А., Максимовъ, В. М., Чячаговъ, К. И., Степановъ, А. С., Хохлаковъ и др.

Въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ въ 1899 г. среди другихъ произведеній, будутъ напечатаны: 1) Большая повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченка. 2) Рассказы Д. Н. Маминъ-Сибиряка, К. М. Станюковича, К. С. Баранцевича, И. Н. Потапенка. 3) Историческій рассказъ изъ временъ Петра Великаго „На разсвѣтѣ“, М. Н. Альбова. 4) Историко-біографическіе и литературно-культурные очерки Ив. Иванава, Д. А. Коропчевскаго, В. Б. Глинскаго. 5) Д. И. Эварницкаго: а) Доисторическіе обитатели южно-русскихъ степей по ихъ могильнымъ курганамъ; б) изъ исторіи Запорожской Сѣчи. 6) Историческая повѣсть „Дочь солда“ (За тысячу лѣтъ назадъ) А. К. Сызовой и ин. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“—съ перес. 6 руб. и 5 руб. безъ пересылки; „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“—5 руб. съ пересылк. и 4 руб. 50 коп. безъ перес. „Педагогическій Листокъ“ отдѣльно—2 руб. съ перес. и 1 руб. 75 коп. безъ пересылки.

Адресъ редакціи и главной конторы: Москва, Большая Молчановка, д. 24, Дм. Ив. Тихомирова.

Издательница Е. М. Тихомирова.

Редакторъ Д. М. Тихомировъ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна 6 руб. въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕХНИКЪ

ДЕШЕВЫЙ

русскій популярно-техническій и литературный

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ книжками въ 10 печати. листовъ

СЪ РИСУНКАМИ И ЧЕРТЕЖАМИ.

Кромѣ оригинальныхъ статей и отчета о русскихъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ журналахъ, даетъ выдержки по всѣмъ отраслямъ техники, химическимъ производствомъ, естествознанію и пр., взятыхъ

ИЗЪ 60 ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вниманію гг. подписчиковъ.

По содержанію своему „Общедоступный Техникъ“ одинаково полезенъ какъ и для ищущимъ техническаго самообразованія, такъ и специалистамъ-инженерамъ, и имѣющимъ имъ времени, ни возможности прочитывать всѣ техническіе русскіе и иностранные журналы; въ „Общедоступномъ Техникѣ“ читатели найдутъ ежемѣсячно то, что появляется новаго по всѣмъ отраслямъ техники, взятое изъ всѣхъ русскихъ и лучшихъ иностранныхъ журналовъ всего міра, изложенное въ сжатой формѣ, удобной для быстрого ознакомленія съ предметомъ.

Въ „Общедоступномъ Техникѣ“ за два года его изданія, такихъ выдержекъ изъ однихъ иностранныхъ журналовъ помѣщено было болѣе 2,800 номеровъ.

Программа журнала: Оригинальныя популярныя статьи по технике и промышленности простымъ языкомъ научныхъ статей о новѣйшихъ техническихъ свѣдѣніяхъ сообщаемыхъ лучшими европейскими и американскими журналами. Рекомендація книгъ для техническаго самообразованія. Распоряженія правительства, касающіяся: фабрикъ, заводовъ, правилъ поступленія въ техническія учебныя заведенія и пр., тамъ приобретаемыхъ. Литературный отдѣлъ: рассказы изъ фабричнаго и заводскаго быта, корреспонденція изъ провинціи, вопросы и отвѣты подписчиковъ, біографіи тружениковъ науки и техники и проч. Сельско-хозяйственный отдѣлъ: архитектура, машинное и технологія.

Въ приложеніи на 1899 годъ предположено помѣстить: 1) (продолженіе) строительнаго искусства инж. М. Приорова и 2) переводъ одного или двухъ популярныхъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій по электролиамикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна на годъ 6 р., съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россіи, и 5 р. въ годъ безъ доставки и пересылки въ Москвѣ, на полгода съ пересылкою 4 р. 80 коп. границу—9 р. Разсрочка допускается съ платою при подпискѣ—4 р. и 1 мая—2 р. За объявленія: за цѣлую страницу 20 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 12 р., за $\frac{1}{4}$ страницы 7 р. и $\frac{1}{8}$ страницы 4 р. за разъ

Адресъ редакціи: Москва, Тверская, Трехпрудный пер., № 11.

Редакторъ инженеръ М. Н. Приоровъ.

Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Техническаго общества.

Открыта подписка на 1899 г.

(11 годъ изданія)

на БОЛЬШУЮ ежедневную, политическую, общественную и литературную
ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

издаваемую безъ предварительной цензуры въ форматъ и по про-
граммѣ столь большаго и дорожкаго газетъ, и въ то-же время самую
дешевую изъ книгъ.

Въ настоящемъ году въ газетъ „Русскій Листокъ“ были помѣщены:

1. Много рисунковъ и портретовъ, а также даны два художествен-
ныхъ номера.2. Статьи „Таинственный старецъ“ и др., романъ Теске-Хонскаго
„Заходящее свѣтило“, а также романы и повѣсти Е. О. Дубровиной,
К. В. Назаровой, А. П. Павлова, Н. А. Хлопова и др.3. Статьи слѣдующихъ лицъ: Н. А. Баталкина, Ф. Н. Берга, В. В.
Вилибина, И. Божерянова, А. М. Введенскаго, протоіер. І. Г. Виногра-
дова, В. А. Гиларовскаго, графа П. П. Девіера, И. С. Дурново, Н. М.
Ежова, А. И. Елчинева, Н. Л. Казенкаго, П. И. Кичеева, А. В. Кру-
лова, Ф. Ф. Лашманова, В. А. Лунина, И. И. Родзевича, Р. А. Меча,
С. С. Окрейца, д-ра мед. Н. Я. Пасковскаго, Н. О. Рокшанина, П. А.
Серетенко, С. Ф. Шарапова и мног. другихъ, всего 163 сотрудниковъ.4. Имѣлись собственные корреспонденты за-границею, въ городахъ:
Парижъ (трое), Лондонъ, Вѣнь Берлинъ, Константинополь, Нью-Йор-
къ и другихъ.5. „Русскій Листокъ“ высылался подписчикамъ газетъ: „Утро“,
„Гласность“ и „Калужскій Вѣстникъ“, по соглашенію съ редакціями
этихъ газетъ, въ виду приостановки ихъ.

Въ наступающемъ 1899 г.

1. Съ ноября 1898 году будетъ устроена собственная типографія для
газеты, соответственно послѣднимъ требованіямъ типографскаго искус-
ства, съ электрической тѣлою, такъ что печать газетъ будетъ вполне
безукоризненна.2. Въ виду устройства Правительствомъ телефона между Петербур-
гомъ и Москвою, редакція газетъ „Русскій Листокъ“ открываетъ въ Пе-
тербургъ свое специальное отдѣленіе, дабы вся административная ново-
сти и извѣстія изъ Петербурга получались по телефону и помѣщались
въ газетъ одновременно съ петербургскими изданіями, благодаря чему вся
эти извѣстія въ нашей газетъ будутъ опережать въ провинціи петер-
бургскія газеты на двое сутокъ.3. Время отъ времени въ газетъ будутъ прилажаться отдѣль-
ные иллюстрированныя добавленія въ форматъ ежедневныхъ
журналовъ съ портретами, рисунками, фотографическими картами, карри-
катурами, шутками, МОДАМИ и пр.Дѣлающимъ газета высылается для ознакомленія въ теченіе недѣли
на семь двукопечныхъ марокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

6 р. на ГОДЪ съ доставкой и пересылкой ШЕСТЬ р.,
на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к. 6 р.
Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая ул.,
домъ № 20.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1899 ГОДУ

и а

ИЗВѢСТІЯ

Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ 1899 г. „Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ будутъ выходить еженедѣльно по прежней программѣ:

1) Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. 2) Распоряженія министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по министерству. 3) Циркулярныя предписанія по министерству его департаментамъ и отдѣламъ. 4) Отчеты и донесенія министерству. 5) Статьи о сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, т. п. 6) Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и сельского хозяйства вообще. 7) Личныя дѣла на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8) Метеорологическія свѣдѣнія. 9) Библиографическій отдѣлъ. 10) Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го января и съ 1-го июля. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкою и доставкою на годъ — 4 р., на $\frac{1}{2}$ года — 2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры „Извѣстій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ за 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 годы не получать въ редакцію по 2 р. за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894 г. въ 7 фунт. (1895, 1896, 1897 и 1898 гг.).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу — 25 коп., за $\frac{1}{2}$ страницы — 14 р., за $\frac{1}{4}$ страницы — 8 р., за $\frac{1}{8}$ страницы — 5 р. и за $\frac{1}{16}$ страницы — 3 р., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ 10% до 25%, сообразно числу напечатанныхъ разъ.

ОТВѢТА ПОДПИСКА НА 1899 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XIX годъ.

ОСКОЛКИ

XIX годъ.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „ОСКОЛКИ“ съ каррикатурами, вступающій въ девятнадцатый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1899 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1898 году.

Журналъ „ОСКОЛКИ“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакция старается, по мѣрѣ силъ и возможности, отыскиваться въ легкой и живой формѣ каррикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, анекдотами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столѣтней, такъ и современной. Рисунки печатаются частью черными, частью въ краскахъ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ — 9 р., на полгода — 5 р., на три мѣсяца — 3 р. За границу: на годъ — 10 р., на полгода — 6 р.

Безъ доставки и пересылки: на годъ — 8 р., на полгода — 4 р. 50 к., на три мѣсяца — 2 р. 50 к.

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала „ОСКОЛКИ“.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „ОСКОЛКИ“ въ С.-Петербургѣ (Сивасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели Н. Лейкинъ и Р. Голинъ.

1899 г.

НУВЕЛЛИСТЪ.

60-й г.

Музыкальный журнал для фортепiano и др. инструментовъ.**Юбилейный годъ.**

Съ 1-го января 1899 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 60-й годъ своего существованія. 60 лѣтъ—срокъ вообще большой для всякаго современнаго изданія не только въ Россіи, но и за границей. Въ данномъ же случаѣ нельзя не отмѣтить, что во всемъ мірѣ не существуетъ ни одного музыкальнаго журнала, издающагося безпрерывно столь долгій срокъ. Это ясно свидѣтельствуетъ, что публика по достоинству оцѣнила старанія и стремленія редакціи охладить журналъ дѣйствительно интереснымъ и полезнымъ. Достаточно вспомнить, что „НУВЕЛЛИСТЪ“ съ гордостью можетъ указать на то, что сотрудниками его были такіе композиторы, какъ Глинка, Бергомскій, Гендель, Чайковский, Балакиревъ и мн. др. Редакція и впредь будетъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы страницы журнала украшались именами лучшихъ и любимѣйшихъ отечественныхъ и иностранныхъ композиторовъ, надѣясь, что публика поддержитъ существованіе журнала еще на многія лѣта.

Съ 1-го января 1899 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 60-й годъ своего существованія со значительными улучшеніями какъ по выбору пьесъ, такъ и по разнообразію въ программѣ, подъ редакціей бар. В. Г. Врангеля и при непосредственномъ сотрудничествѣ Э. С. Кабелла.

Цѣль изданія „НУВЕЛЛИСТА“—доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ большой выборъ новыхъ лучшихъ музыкальныхъ сочиненій, но степени трудности доступныхъ для большинства. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ, какъ и прежде, выходить аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца.

ПРОГРАММА «НУВЕЛЛИСТА».

1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ композиторовъ въ двѣ и четыре руки. 2) Пьесы для скрипки, виолончели, флейты, корнета-а-пистона и др. инструментовъ съ аккомпаниментомъ фортепiano. 3) Русскія и иностранныя романсы для гитара. 4) Хоровое пѣніе. 5) Новые любимыя танцы.

ДѢТСКІЙ ОТДѢЛЪ.

6) Легкія дѣтскія пьесы для фортепiano. 7) Легкія пьесы для скрипки съ фортепiano.

8) Дѣтскія пѣсенки.

■ Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 страницъ большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 оторго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ. ■

Кромѣ сего редакція считаетъ необходимымъ присовокупить, что въ первыхъ №№ „НУВЕЛЛИСТА“ будущаго 1899 г. будутъ помѣщены любезно предоставленныя авторами крайне интересныя, нигдѣ не изданныя новинки: отрывки изъ новаго багита А. К. Глазунова, изъ новыхъ оперъ Ц. А. Кюи, Н. А. Римскаго-Корсакова и М. М. Иванова, фортепiанныя пьесы и романсы А. Н. Алфёраки, С. и Ф. М. Влюменфельдовъ, Н. Э. Соловьева, А. Табеева, П. П. Шенка и др.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ „НУВЕЛЛИСТЪ“ дастъ

П Р И М І Ю

полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ и въ теченіе года ДВА художественно-исполненныхъ ПОРТРЕТА знаменитыхъ музыкальныхъ дѣателей и Очеркъ исторіи музыки въ Россіи М. М. Иванова.

Подписная цѣна: на годъ 8 руб. безъ доставки, 6 руб. съ доставкой и пересылки.

За границу съ пересылкой 8 рублей.

Для гг. служащихъ допускается рассрочка черезъ ихъ казначействъ. Рассрочники по искински платятъ: городскіе—при подпискѣ 2 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 сентября 1 р.; иногородные—при подпискѣ 2 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 сентября 2 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальной торговлѣ М. ВЕРНАРДА, Большая Морская, № 26;—въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный провъздъ № 10;—въ Казани, въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Дира“;—въ Одессѣ, у Бальца;—въ Кіевѣ, у Илизовскаго;—въ Варшавѣ, у Гебетнера и Вольфа;—въ Тифлисѣ, у Маримана;—въ Ростовѣ на Дону, у Гершковича,

Редакторъ баронъ В. Г. Врангель.

Издатель Р. Р. Голина.

Открыта подписка на 1899 годъ.

XII-й
годъ издаванія**СЪВЕРЪ**XII-й
годъ издаванія

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ

Подписчики „Съвера“ въ 1899 году получаютъ:

52 №№

иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ цѣтками рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

12 №№

52 №№

еженедѣльнаго обзора „СЪВЕРЪ“

„СЪВЕРЪ“

въ форматѣ газетнаго и ота убористой печати.

12 №№

ежемесячнаго журнала „ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО“

въ которомъ будутъ даваться полезныя совѣты и указанія, необходимыя для сельскаго хозяйства и домашняго обихода.

12 №№

ежемесячнаго журнала „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

со множествомъ рисунковъ, новъ въ текстѣ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ.

12 №№

выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами, монограммами, рисунками дамскихъ рукодѣлій, вышиваній и пояснительнымъ текстомъ.

12 томовъ

„БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“ каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 страницъ, и болѣе страницъ плотнаго шрифта, изъ которыхъ будетъ дано собраніе сочиненій

ЮСИФА КРАШЕВСКАГО:

- 1) Два свѣта, 2) Панъ Твардовскій, 3) Остапъ Бондарчукъ,
- 4) Кунигасъ, 5) Ермола, 6) Янъ Собѣсскій, 7) Мученица на тронѣ, 8) Древнее сказаніе, 9) Уляна, 10) Черный день, 11) Чудакъ,
- 12) Гнѣвъ Божій.

Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ около 20 руб. съ

Романы и повѣсти І. Крашевскаго всегда пользовались большимъ успѣхомъ среди читающей публики. Кромѣ всѣхъ своихъ выдающихся литературныхъ достоинствъ, талантъ Крашевскаго обладаетъ еще и другимъ, неотъемлемымъ и незаменимымъ качествомъ, каждое произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера этого писателя, читается съ захватывающимъ интересомъ.

Годовые подписчики Съвера, кромѣ всѣхъ другихъ приложений, получаютъ безплатно

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

изъ 24 художественныхъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ къ собранію сочиненій

Генрика Сенкевича.

Иллюстрація эти, имѣя самостоятельное значеніе, какъ художественное произведеніе, еще болѣе рельефно выдѣляютъ полныя жизни и потрясающаго драматизма сцены, которыя созданы гениальнымъ перомъ знаменитаго художника слова.

Подписная цѣна остается прежняя:

6 РУБ. за годъ безъ доставки и перес. въ Сиб.

7 РУБ. съ достав. и перес. въ воеводъ города Россіи; за границу на годъ 11 руб.

На 6 мѣс. съ дост. и пер.	3 р. 50 к.
„ 3 „ „ „ „	1 „ 75 к.
„ 1 „ „ „ „	— „ 60 к.

Примечаніе. Бесплатныя бібліотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія начальныя школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе овященники и діаконы, фельдшера и фельдшерницы, и волостныя правленія пользуются исключительнымъ правомъ получать журналъ „Съверъ“, со всѣми къ нему приложениями и преміями, на особо-льготныхъ условіяхъ, а именно: за 3 руб. съ достав. и перес. Подписка на льготные экземпляры принимается исключительно въ Главной конторѣ журнала „Съверъ“ (Сиб., Екатеринбургъ, 4) только до 1 февраля 1899 года и не иначе какъ на годичный срокъ не болѣе 1 экземпляра на каждое лицо или учрежденіе, безъ права перехода.

Подписка адресуется въ Главную контору журнала „Съверъ“ (Сиб., Екатеринбургъ, 4) на имя издателя Н. Ѳ. Мертца.

Редакторъ А. А. Коринѣскій.

Издатель Н. Ѳ. Мертцъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

(Москва, Большая Никитская, д. Вельтищевой)

продаются

«Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. «Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ». Перев. Влад. Соловьева. Изд. второе. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. «О свободѣ воли». Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. «Избранныя философскія сочиненія». Съ портр. Лейбница. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб. (на лучшей бумагѣ) и 1 руб. 50 к. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ V. Бенедиктъ Спиноза. «Этика». Съ портр. Спинозы. Перев. Н. А. Иванцова. Издано подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ VI. Э. Нердъ. «Гегель». Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 коп.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

Н. Фишеръ. «Артуръ Шопенгауэръ». Перев. съ нѣмецк., подъ ред. В. П. Преображенскаго. М., 1895 г. XVI + 521 стр. Цѣна 3 руб.

В. Вундтъ. «Очерки Психологіи». Переводъ Д. Викторова, подъ ред. проф. П. Я. Грота, съ прил. статьи «Основанія экспериментальной психологіи». М. 1897. Ц. 1 р. 40 к. Для подписчиковъ журнала. 1 р. безъ пересылки.

Г. А. Гирнъ. «Анализъ вселенной въ ея элементахъ». Перев. съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Б. Никитская ул., Шереметевскій пер., д. Шеретева) принимает объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журнале на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а концѣ книги 25 руб.
- 2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ такое должно быть доставлено не позже 5 числа мѣсяца.
- 3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Ввиду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.
- 4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прилагаются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.
- 5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіи всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1886, 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку—по разстоянію.

VI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г. 175

VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Неурожаи и связанныя съ ними опасенія. — Наши отношенія къ Финляндіи. — Вѣротерпимость и православное духовенство. — Жюльскія епархіальныя училища. Е. И. Конради †. — Юбилей Е. Н. Водовозовой, А. К. Шеллера (Михайлова) и Е. Л. Маркова 182

VIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театр»: *Мирская во-
да*, драма изъ крестьянской жизни въ 4-хъ дѣйств., Евт.
Карпова. — «Новый театр»: *Идеальная жена*, ком. въ 4-хъ
дѣйств., Марко Прага, въ переводѣ Н. А. Лухмацовой. — «Ху-
дожественно-общедоступный театр»: *Царь Θεодоръ Иоанно-
вичъ*, траг. въ 4-хъ дѣйств., гр. А. К. Толстого. — *Венециан-
скій купецъ*, ком. въ 5-хъ дѣйств., Шекспира. Ан. «Выставка
картинъ и этюдовъ В. В. Верещагина». М. И. 192

IX. Я. П. ПОЛОНСКІЙ † 204

X. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика. —
Критика и публицистика. — Исторія, исторія литературы. —
Политическая экономія, статистика. — Естествознаніе. — Меди-
цина. — Сельское хозяйство. — Справочныя книги. — II. Пери-
одическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь. —
«Русскій Вѣстникъ», сентябрь и октябрь. — «Дѣтское Чте-
ніе», 1898 г. №№ 4—11. — «Родникъ», №№ 3—10. — III. Спи-
сокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская
Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 423

XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція
«Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3
час. дня.

Непринятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня
отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятые стихотворенія редакціей не сохраняются. Авторы, въ теченіе
3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихо-
твореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній
редакція не входитъ въ переписку.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагаются объявленія отъ
журналовъ: «Русское Богатство», «Дѣтское Чтеніе», «Вѣстникъ Вос-
питанія», «Журналъ новыхъ открытій и изобрѣтеній», «Спут-
никъ Здоровья», «Вокругъ Свѣта» и отъ газеты «Русское Слово».

Высочайше Утвержденное Товарищество

М. Б. Л. О. К.

ТОВАРИЩЕСТВО НА ПАЯХЪ, ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ

Въсовъ,

Велосипедовъ,

Пишущихъ машинъ,

Швейныхъ машинъ.

ПРАВЛЕНІЕ—МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ,

Кіевъ,

Одесса,

Варшава,

Екатеринбургъ,

Кокандъ.

Представители во всѣхъ большихъ городахъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовск. ул., собст. домъ.
1898.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ИГРОКИ.—И. Н. Потапенка. <i>Окончание</i> .	1
II. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Д. Шестанова.	38
III. ЧУДАЧКА. Повѣсть.—Ен. Лѣтковой. <i>Окончание</i> .	39
IV. СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА. Романъ. Александра Кьелланда. Переводъ съ норвежскаго О. А. А. <i>Окончание</i> .	81
V. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Т. А. Щепиной-Куперникъ.	144
VI. ГОРЕМЫЧНАЯ. Разсказъ.—Н. П. Анненковой-Бернардъ.	145
VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i> .	176
VIII. СЛУЧАЙ ИЗЪ ПРАКТИКИ. Разсказъ.—Ан. Чехова.	189
IX. ВОСПОМИНАНІЯ ПО ПОВОДУ ЧЕСТВОВАНІЯ ПАМЯТИ В. Г. БЪЛИНСКАГО.—М. А. Антоновича.	1
X. УЛУЧШЕНІЕ ЖИЛИЩЪ РАБОЧИХЪ ВЪ БЕЛЬГИИ.—М. И. Покровской.	13
XI. ДВА БЮГРАФА.—П. С. Когана.	27
XII. ПРАЗДНИЕЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.—Гр. Л. Намаровскаго.	36
XIII. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ ТЕАТРЪ.—А. С. Силъра.	48
XIV. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.—В. П. Вахтерова. <i>Окончание</i> .	78
XV. РУССКІЙ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ И ВОЗМОЖНАЯ ЕГО РЕОРГАНИЗАЦІЯ.—Н. П. Хитрово. <i>Окончание</i> .	103
XVI. КЪ ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ВЗГЛЯДАХЪ БЪЛИНСКАГО.—В. В. Калаша.	133
XVII. ИРОДЪ ВЕЛИКІЙ И ЕВРЕЙСТВО.—Вл. Потемкина.	137
XVIII. ПОПЫТКА ПЕРЕХОДА ОТЪ УЧАСТКОВАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ КЪ ОБЩИННОМУ.—Н. М.	156
XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театръ»: <i>Счастье съ уюлкъ</i> , ком. въ 3-хъ дѣйств., Германа Зудермана, перев. съ нѣм. Л. Н. Ленской.— <i>День судьбы</i> , пьеса въ 5-ти дѣйств.	

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

Газета «КУРЬЕРЪ» въ 1899 г. будетъ издаваться въ увеличенномъ форматѣ.

6 ноября минулъ первый годъ изданія газеты *Курьеръ*. Симпатіи, которыми встрѣтило общество начинанія молодого изданія, заставляютъ редакцію съ особой энергіей продолжать начатое дѣло и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы *Курьеръ* и въ будущемъ году продолжалъ быть живымъ и отзывчивымъ органомъ печати. Редакціей, между прочимъ, обращено особое вниманіе на отдѣлъ телеграфныхъ извѣстій: кромѣ обычныхъ корреспонденцій, всѣ важнѣйшія свѣдѣнія сообщаются корреспондентами *Курьера* по телеграфу, благодаря чему читатели *Курьера* имѣютъ возможность слѣдить за всѣми выдающимися событіями какъ русской, такъ и заграничной жизни безъ всякаго промедленія.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Л. Н. Андреевъ, В. И. Анофріевъ, П. П. Ашешовъ, проф. П. В. Безобразовъ, С. С. Бументаль, André Beaunier, Г. Н. Браунъ, В. М. Владиславлевъ, Глаголь, проф. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. Д. Гриневскій, В. Е. Ермиловъ, М. К. Югель, П. С. Коганъ, проф. М. С. Корелинъ, В. М. Лавровъ, Lami, проф. М. А. Липинскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Невѣжинъ, проф. С. П. Никоновъ, И. Д. Новикъ, И. Н. Потапенко, В. П. Преображенскій, М. Н. Ремезовъ, проф. А. Р. Свиршевскій, Н. А. Селявановъ, А. С. Скляръ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Д. И. Тихомировъ, Н. В. Тулушовъ, Я. А. Фейгинъ, Авт. П. Чеховъ и др.

Газета имѣетъ постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Мюнхенѣ, Неаполѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ, Римѣ и друг. городахъ.

Подписная цѣна

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города Россіи:

На 1 годъ	6 руб. — коп.	На 6 мѣс.	3 руб. 50 коп.
> 11 мѣс.	5 > 60 >	> 5 >	3 > 10 >
> 10 >	5 > 20 >	> 4 >	2 > 60 >
> 9 >	4 > 80 >	> 3 >	2 > — >
> 8 >	4 > 40 >	> 2 >	1 > 40 >
> 7 >	4 > — >	> 1 >	— > 75 >

При годовой подпискѣ чрезъ главную контору допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1-юля—2 р.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

При перемѣнѣ адреса уплачивается 20 коп.

Главная контора газеты помѣщается въ Москвѣ, Петровскія линіи. подъѣздъ № 3, и открыта отъ 10-ти час. утра до 6-ти час. веч., а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти час. утра до 4-хъ час. дня.

Открыта подписка на 1899 годъ

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„Русская Мысль“.

Условія подписки:

Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во все мѣсто				
Россіи	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — 1 р.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подпискою въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы блажайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Большая Никитская, Шереметевскій пер., домъ Шереметева 2/3, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магаз.

Н. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, № 33.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Горд. №.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на все издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ все существующія въ продажѣ книги и н. м.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1898 г.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1898 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Н. А. Вышнеградскій въ женскихъ гимназіяхъ. Е. 6. Лихачевой. 2) Правоучительная и педагогическая литература въ Россіи XVIII в. Ш. И. Демкова. 3) Воспоминанія о третьей Слб. гимназіи. К. К. Сентъ-Илера. 4) Бѣлинскій какъ педагогъ. С. Амевскаго. 5) Бѣлинскій о дѣтскихъ книгахъ. А. П. Малимова. 6) А. Н. Майковъ и педагогическое значеніе его поэзіи. М. 6. Амменскаго. 7) Къ вопросу о переемленіи учащихся въ среднееучебныхъ заведеніяхъ. А. С. Виреміуса. 8) Гигіена, какъ общеобразовательный предметъ преподаванія. М. С. Уварова. 9) О природѣ дѣтей. П. 6. Маатерова. 10) Два враждебныхъ взгляда въ области нравственнаго воспитанія. Л. Е. Оболенскаго. 11) Мысли о воспитаніи и обученіи. М. П. Ямозскаго. 12) Индивидуализація, какъ основа образованія. 6. С. Матѣева. 13) Забытый вопросъ. В. П. Вахтерова. 14) Психологія перваго дѣтства. Проф. Трэнс. Перевъ съ англійск. П. Г. Миниуева. 15) Значеніе физическаго образованія въ семьѣ и школѣ. Проф. П. 6. Лесгафта. 16) О значеніи реальнаго образованія. Н. А. Кричагина. 17) Къ вопросу о высшемъ техническомъ образованіи. Проф. Д. С. Зернова. 18) Къ вопросу о реформѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Л. Загорскаго. 19) Къ вопросу о новыхъ программахъ курса городскихъ училищъ. А. Козыменкова. 20) Еще къ вопросу о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ программахъ городскихъ училищъ. М. Васильева. 21) Организація городскихъ по Положенію 1872 года училищъ. С. Дмитріева. 22) О всеобщемъ обученіи. И. П. Бѣлоконскаго. 23) Къ вопросу о надзорѣ за начальнымъ народнымъ образованіемъ. А. М. Тютрюмова. 24) Письма о народной школѣ. М. Н. Ларіонова. 25) Первые воскресныя школы въ Россіи. Я. В. Абрамова. 26) В. Я. Стоюнинъ и воскресныя школы. Н. 6. Арепьева. 27) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1897 годъ. И. П. Бѣлоконскаго. 28) Притяжники и защитники древнихъ языковъ и желательная постановка ихъ въ нашихъ гимназіяхъ. К. Житомирскаго. 29) О постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности въ женскихъ гимназіяхъ. П. Селиванова. 30) Къ вопросу о преподаваніи русскаго языка въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. С. А. Бобровскаго. 31) Нѣсколько словъ о преподаваніи отечественной географіи въ средней школѣ. А. 6. Соколова. 32) Возвращеніе проф. Грабера на преподаваніе зоологіи въ средней школѣ. П. Фрейберга. 33) Критика и библіографія (болѣе ста рецензій). 34) Педагогическая хроника: а) Изъ хроники народнаго образованія въ зап. Европѣ. Е. Р. 6) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова. в) Хроника народныхъ библіотекъ. Его же. г) Хроника воскресныхъ школъ. Подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой. д) Санитарная хроника народныхъ школъ. Д-ра Г. М. Герценштейна. е) Хроника профессиональнаго образованія. В. В. Бирюковича и другія статьи и замѣтки по народному образованію.

Журналъ „Русская Школа“ въ 1899 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая. Вслѣдствіе увеличенія объема книжки подписная цѣна будетъ увеличена на одинъ рубль. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки 7 руб.; съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою 8 руб.; за границу 9 руб. въ годъ. Но сельскіе учителя, выписывающіе журналъ на свой счетъ, могутъ попрежнему получать журналъ за 6 руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 1 ть, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговка, 1, гимназія Гуревича) и книж. магаз. „Новаго Времени“ и Карбасникова. Журналъ „Русская Школа“ за 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднее-учебныхъ заведеній, а также для училищъ библіотекъ городскихъ училищъ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгеровъ	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. М. Воейкова	„ географіи.
Проф. Н. И. Карцева	„ исторіи.
Академика А. О. Новалевскаго	} „ біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шевлякова	
Проф. Д. И. Менделѣева	„ химико-технической и фабрично-заводской
Проф. А. В. Савѣтова	„ сельско-хозяйственный.
Владимира Соловьева	„ философіи.
Проф. Н. О. Соловьева	„ музыки.
А. И. Сомова	„ изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждыя два мѣсяца.

Вышелъ 49-й полутомъ **Праяга—Просрочка.**

Цѣна каждаго полутома 3 р. съ пересылкѣй.

Книги высылаются почтою, причемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзно-дорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ.

1) При задаткѣ въ 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и 60 р. высылаются 26, 30, 35, 40 и 49 книгъ; дальнѣйшее погашеніе производится уплатою дополнительныхъ сверхъ стоимости вновь высылаемой книги платежей въ размѣрѣ въ первыхъ четырехъ случаяхъ не менѣе 3 р. и въ послѣднемъ — не менѣе 6 р. на каждую вновь высылаемую книгу, т.-е. за такую уплачивается не менѣе или 6 р. 40 к. или 9 р. 40 к., изъ которыхъ 3 р. 40 к. собственно за новую книгу съ пересылкою, а 3 р. или 6 р. въ постепенное погашеніе долга. Деньги (6 р. 40 к. или 9 р. 40 к.) уплачиваются почти при полученіи книги, т.-е. наложеннымъ платежомъ.

2) По особому соглашенію задатки могутъ быть уменьшаемы, но при условіи увеличенія дальнѣйшихъ уплатъ. Минимальный задатокъ 10 р.

3) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на службѣ, общественный или имущественный цензъ, причемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточной.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1898.

Москва, типо-литографія Товарищестав И. Н. Кумаревъ и
Пименовская улица, собствен. домъ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ИГРОКИ.—И. Н. Поталенка. <i>Окончаніе</i>	1
II. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Д. Шестакова.	38
III. ЧУДАЧКА. Повѣсть.—Ем. Лѣтковой. <i>Окончаніе</i>	39
IV. СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА. Романъ Александра Къелланда. Переводъ съ норвежскаго О. А. А. <i>Окончаніе</i>	81
V. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Т. Л. Щепкиной-Нуперникъ	144
VI. ГОРЕМЫЧНАЯ. Разсказъ.—Н. П. Анненковой-Бернардъ . . .	145
VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	176
VIII. СЛУЧАЙ ИЗЪ ПРАКТИКИ. Разсказъ.—Ан. Чехова	189
IX. ВОСПОМИНАНІЯ ПО ПОВОДУ ЧЕСТВОВАНІЯ ПАМЯТИ В. Г. БЪЛИНСКАГО.—М. А. Антоновича	1
X. УЛУЧШЕНИЕ ЖИЛИЩЪ РАБОЧИХЪ ВЪ БЕЛЬГИИ.—М. И. Покровской	13
XI. ДВА БЮГРАФА.—П. С. Ногана.	27
XII. ПРАЗДНИКЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.—Гр. Л. Камаровскаго.	36
XIII. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ ТЕАТРЪ.—А. С. Силяра.	48
XIV. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.—В. П. Вахтерова. <i>Окончаніе</i>	78
РУССКІЙ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ И ВОЗМОЖНАЯ ЕГО РЕОРГАНИЗАЦІЯ.—Н. П. Хитрово. <i>Окончаніе</i>	103
КЪ ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ВЗГЛЯДАХЪ БЪЛИНСКАГО.—В. В. Калаша.	133

ХVII. ИРОДЪ ВЕЛИКІЙ И ЕВРЕЙСТВО.—Вл. Потемкина.	137
ХVIII. ПОПЫТКА ПЕРЕХОДА ОТЪ УЧАСТКОВАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢ- НІЯ БЪ ОБЩИННОМУ.—Н. М.	156
ХІХ. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театр»: <i>Счастье въ улокѣ</i> , ком. въ 3-хъ дѣйств., Германа Зудермана, перев. съ нѣм. Л. Н. Ленской.— <i>Дѣя судьбы</i> , пьеса въ 5-ти дѣйств., и 6-ти карт. И. В. Шпажинскаго.—«Художественно-общедо- ступный театр»: <i>Самоуправцы</i> , траг. А. Ѳ. Писемскаго.— Ан.—«Выставка картинъ русскихъ и французскихъ худож- никовъ».—М. К.	168
ХХ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Вопросъ о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній.—Юбилей В. И. Герье и выс- шіе женскіе курсы.—Приходъ и всесословная волость.—Под- твержденіе основныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ Им- ператора Александра II.—Открытіе памятниковъ М. Н. Му- равьеву и П. С. Нахичову.—Юбилей С. В. Максимова и Б. С. Баранцевича.—Памяти Е. П. Гребенки.	182
ХХІ. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	197
ХХII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія, психологія.—Исторія, исторія литературы.—Искус- ство.—Географія, путешествія.—Политическая экономія, ста- тистика.—Юридическія книги.—Учебники, дѣтскія книги.— Календари.—II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>ноябрь</i> .—«Русскій Вѣстникъ», <i>ноябрь</i> .—«Русское Богатство», <i>октябрь</i> .—«Міръ Божій», <i>октябрь</i> .—«Образованіе», 1898 г.— «Дѣтскій Отдыхъ», № 2—9.—III. Списокъ книгъ, посту- пившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря.—IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Би- блиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1898 г.	467
ХХIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

И Г Р О К И *).

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ главному событію, надо рассказать о нѣкоторыхъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ, которыя его подготовили.

Дѣло въ томъ, что наша жизнь въ Лейффертовкѣ, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ полковникъ въ отставкѣ, была сплошнымъ удовольствіемъ. Хотя мы продолжали официально числиться живущими у арендатора, нашего родственника, Петра Ивановича, но въ дѣйствительности мы у него въ домѣ только ночевали, а все остальное время проводили во владѣніяхъ полковника въ отставкѣ Порфирія Степановича Лейфферта.

Мы широко воспользовались отворенными воротами его парка и проводили жизнь въ его тѣнистыхъ аллеяхъ, подъ сѣнью удивительно разросшихся липъ, на берегу превосходно содержимаго пруда. Мои дѣти завладѣли лодкой и веслами и съ утра до вечера плавали по зеркальной поверхности пруда, ловили удочками карасей, топтали траву въ паркѣ и довольно жестоко обращались съ цвѣтами.

Приказчикъ и садовникъ Лейфферта въ этотъ періодъ времени пожелтѣли отъ злости, и, судя по взглядамъ, какіе они бросали на моихъ дѣтей, я былъ вполнѣ увѣренъ, что, будучи предоставлены своимъ страстямъ, они немедленно убили бы моихъ дѣтей.

Но полковникъ смотрѣлъ на это снисходительно, и, благодаря этому, мои дѣти остались жить. Мы замѣтили, что жена моя начала видимо поправляться именно съ того дня, какъ пріѣхалъ полковникъ. До этого времени она вела непрестанную борьбу съ мухами, крысами и другими врагами человѣка; она задыхалась въ

тѣсномъ помѣщеніи, а въ саду Петра Ивановича росли исключительно фруктовые деревья, не дававшія тѣни. Теперь ее нельзя было вытащить изъ парка и можно было сказать, что она отдыхала и наслаждалась жизнью. Долженъ сознаться, что и пища наша улучшилась. Достать хорошее мясо въ деревнѣ такъ же трудно, какъ и электрическое освѣщеніе. Скотъ бродить по черной землѣ облѣзлый и худой, да и рѣжутъ его на мясо только тогда, когда изъ него уже нельзя извлечь никакого другого толка. Петръ Ивановичъ говорилъ: «у насъ рѣжутъ скотъ не иначе, какъ наканунѣ его естественной смерти. Нужно быть дуракомъ и негодяемъ, чтобы зарѣзывать здоровую, годную къ работѣ скотину».

И намъ подавали къ обѣду тощій супъ, лишенный какого бы то ни было навара, и какія-то темныя волокна, вкусомъ похожія на нити конопли; изъ этого мяса удобнѣе было тѣять холстъ, чѣмъ питаться имъ.

Къ крайнему нашему изумленію, мы не нашли въ деревнѣ никакихъ овощей. Картофелемъ были засажены огромныя пространства, но онъ не былъ еще готовъ. Огурцы тоже еще только цвѣли. Ни салата, ни рѣдиски, ни бобовъ, ни рѣпы мы не встрѣтили никакихъ признаковъ.

— Голубчикъ мой, еслибъ я зналъ заранѣе, что вы пріѣдете, я бы все это посѣялъ, а такъ—къ чему же мнѣ это?—говорилъ мнѣ Петръ Ивановичъ.

— Но самъ ты съ семьей—неужели не ѣдите никакихъ овощей?

— Ну, гдѣ же намъ возиться съ такими пустяками? Мы съедемъ то, на что есть спросъ, что можно тотчасъ продать. Мы стараемся каждый клочъ земли занять такимъ продуктомъ, который дастъ доходъ. А въ нашихъ мѣстахъ ѣдятъ только существенное, т.-е. то, безъ чего нельзя прожить...

Молоко было превосходное, но я замѣтилъ, что всякій разъ, когда брали изъ погреба цѣльный кувшинъ, у Петра Ивановича дѣлалось хмурое лицо. Впослѣдствіи объяснилось, что они сами всегда пьютъ снятое молоко, а изъ сливокъ дѣлаютъ масло, которое и продаютъ въ губернскомъ городѣ. Отъ всего этого становилось тяжело. Мы начинали чувствовать себя какими-то грабителями, злоупотребляющими родственными отношеніями.

Но вотъ пріѣхалъ полковникъ и открылъ намъ свой богатый огородъ и свой молочный погребъ, назначивъ за все до смѣшного ничтожныя цѣны. У него рѣзали откормленных быковъ, молоко отъ выпоенныхъ телятъ, молодыхъ барановъ и предлагали намъ за б з-

дѣнокъ. И мы рѣшительно стали поправляться. И любопытнѣе всего то, что дѣлали все это, повидимому, исключительно для насъ, такъ какъ одному полковнику ничего этого не было нужно въ такомъ количествѣ.

— Скажи, пожалуйста, — спрашивалъ я у Петра Ивановича, — полковникъ всегда такъ любезенъ въ деревнѣ? Въ Петербургѣ я этого не замѣчалъ. Напротивъ, мнѣ всегда казалось, что ему свойственна нѣкоторая осторожность въ расходахъ, обыкновенно развивающаяся у старыхъ холостяковъ...

— Никогда ничего подобнаго не бывало! Я самъ просто изумленъ его предупредительностью. Когда онъ прїѣзжалъ сюда, мы почти не сообщались съ нимъ. Его огороды, птичники и т. п. охранялись, какъ заповѣдныя. Бывало, огурца не выпросишь парниковаго... Не понимаю, по какой причинѣ душа его до такой степени раскрылась...

Александра Ивановна слушала эти рѣчи и только побѣдоносно усмѣхалась. Очевидно, всю эту переиѣну въ полковникѣ и, слѣдовательно, все наше лѣтнее благополучіе она приписывала себѣ. Была ли она права, мы тогда еще не знали. Но несомнѣнно, что, если бы наше счастье находилось въ рукахъ не полковника, который почти неизмѣнно сохранялъ прекрасное расположеніе духа, а Сергѣя Николаевича Бултыгина, то мы всѣ погибли бы отъ голода и всяческихъ невзгодъ, — до такой степени суровый видъ былъ у этого человѣка.

Юный педагогъ рѣшительно обнаруживалъ неблагодарность. Мы спасли его отъ растерзанія насѣкомыми въ помѣщеніи бѣдной крестьянской вдовы, выхлопотавъ ему у Петра Ивановича сушильню, въ которой, хотя и вылавливалось каждую ночь по крысѣ, но все же съ помощью крысоловки кое-какъ жить можно было; мы доставили ему приличное общество и сносный столъ; наконецъ, мы приобщили его въ веселымъ пиршествамъ полковника, къ блаженному проведенію жизни въ его тѣнистомъ паркѣ. Онъ чуть не каждый день катался верхомъ на великолѣпныхъ скакунахъ Лейфферта, сопровождая Александру Ивановну, — словомъ, благодаря намъ, онъ проводилъ веселое и пріятное лѣто, — и онъ же былъ золъ, какъ собака, и скалилъ зубы, когда къ нему обращались съ какимъ-нибудь вопросомъ.

И съ каждымъ днемъ онъ становился все болѣе и болѣе хмурымъ. Іюль проходилъ, скоро его должны были призвать въ Петербургъ педагогическія обязанности, а у него щеки ввалились и

подъ глазами образовались такіе меланхолическіе синіе круги, что, казалось, онъ гримируется.

— Онъ несчастный игрокъ, не болѣе! — говорилъ по этому поводу Курбетовъ. — Его акціи только дѣлаютъ видъ, что колеблются, а въ сущности онъ валяется стремглавъ въ пропасть...

— На что ты намекаешь?

— Да вѣдь я съ нимъ живу въ сушильнѣ и наблюдаю. Съ нимъ безбожно играетъ твоя очаровательная родственница...

— Александра Ивановна?

— Она самая. Онъ влюбленъ въ нее до глупости, то-есть до готовности вступить въ бракъ. А она, вмѣсто того, чтобы сказать «нѣтъ», говоритъ: «посмотримъ». Это — подлое женское «посмотримъ». Оно означаетъ: ты мнѣ пока еще нуженъ, а потому я буду держать тебя около себя на всякій случай.

— Какой же тутъ можетъ быть случай?

— Какъ какой? Гм... Наивный ты человекъ, право! Полковникъ Лейфертъ именно въ томъ возрастѣ, когда одному становится жить страшновато. У него и ножка пошаливаетъ, и сердце не въ должномъ порядкѣ, и прочіе недуги. Ему навѣрно половину дня приходится приспособлять себя компрессы, растирать спиртомъ спину и прочее. Естественно, ему требуется нѣжный женскій уходъ...

— Ты думаешь, что полковникъ способенъ жениться?

— Я думаю, что онъ предпочелъ бы, что называется, *такка*. Но... это уже зависитъ отъ стойкости и ловкости твоей родственницы. А она, кажется, не лишена этихъ качествъ и ведетъ игру правильно. Но вѣдь и сорваться можетъ. Такъ на всякій случай — Бултыгинъ... Онъ все возьметъ, ибо его сердце доведено до бѣлѣн каленія.

Такъ смотрѣлъ на дѣло Курбетовъ. Несомнѣнно, это былъ самый счастливый человекъ въ нашей колоніи. Онъ пустилъ свои большія средства въ разныя «игры», которые онъ считалъ нитересными, и спокойно ждалъ результатовъ. Каждый день онъ внимательно прочитывалъ въ газетахъ отдѣлы спорта и биржи, принималъ въ расчетъ свѣдѣнія и спокойно ждалъ, когда выйдетъ его карта. Въ нашей же жизни онъ относился, какъ холодный наблюдатель.

— Я играю сознательно, а вы бессознательно, вотъ и вся разница, — говорилъ онъ: — я знаю, во что играю, и знаю свои шансы, а вы воображаете, что предпринимаете какія-то разумныя дѣйствія и что отъ васъ что-нибудь зависитъ. А въ сущности вы такъ же, какъ и я, зависите отъ того, какая выйдетъ карта. Вотъ — все

Посмотри-ка, какіе ловкіе ходы дѣлаетъ твоя очаровательная родственница!

А Александра Ивановна дѣлала дѣйствительно удивительные ходы. Прежде всего она заявила полковнику, что беретъ его домашнее хозяйство въ свои руки, и сдѣлала это такъ мило, что видъ такой былъ, какъ будто она дѣлаетъ это отъ скуки. Полковникъ подымался часовъ въ девять и, выйдя на террасу въ половинѣ десятого, находилъ тамъ Александру Ивановну, которая встрѣчала его звонкимъ смѣхомъ. Въ этотъ часъ она была хорошенькая больше, чѣмъ когда бы то ни было. Утреннія розы играли на ея щекахъ; завитки шелковистыхъ волосъ игриво дрожали на ея вискахъ; ей удивительно былъ къ лицу передникъ, который она завела для этого часа и который такъ мило отгѣнялъ ея красивыя формы. Полковникъ сразу вступалъ въ міръ очарованія. Онъ начиналъ день съ того, что набожно приглядывался къ ея ручкѣ, причемъ, такъ какъ рукава ея кофточка были короткіе, то онъ цѣловалъ почти на высотѣ локтя.

Но, вмѣстѣ съ красотой и снисходительностью добровольной хозяйки, его тутъ же покоряло и нѣчто другое. Вкусный ароматъ великолѣпно свареннаго кофе, видъ густыхъ сливокъ съ янтарной пѣнкой наверху, пара яицъ въ смятку, все, что нужно для его утренняго блаженства. Она собственноручно намазывала масло на хлѣбъ и клала сверху тончайшіе кусочки холодной телятины; ему оставалось только жевать и глотать и онъ это дѣлалъ, закусывая каждый кусокъ благодарственнымъ цѣлованіемъ руки.

За завтракомъ и обѣдомъ, когда непременно былъ у полковника кто-нибудь изъ нашей колоніи, Александра Ивановна разливала супъ, дѣлала салатъ и командовала слугами, которые только ее и слушались, какъ слѣдуетъ.

— Голубушка, да вѣдь я теперь живу какъ у Бога за пазухой! — съ восторгомъ говорилъ полковникъ.

Мало-по-малу она стала налагать печать своего вкуса и на его домашнюю обстановку. Слуги переставляли мебель по ея указанію, домъ, благодаря этому, обновлялся, и Порфирій Степановичъ находилъ, что все дѣлалось изящнѣе и удобнѣе.

Она даже составляла меню для обѣдовъ и завтраковъ, причемъ съ необыкновенной проницательностью угадывала его вкусъ.

— Удивительно! — восклицалъ, садясь за столъ, Порфирій Степановичъ: — мнѣ никогда еще въ жизни такъ не хотѣлось ботвиньи, какъ сегодня, и вотъ именно сегодня — ботвинья!

— Боже! Я еще вчера, когда ложился спать, думалъ о зеленыхъ бобахъ, и вдругъ сегодня зеленые бобы!

И при этомъ онъ благодарными очами смотрѣлъ на Александру Ивановну.

Былъ такой случай, когда Александра Ивановна два дня подрядъ была больна. Я встрѣтилъ Порфирія Степановича въ паркѣ. Онъ былъ угрюмъ, въ лицѣ его даже появилась желтизна, а, поговоривъ съ нимъ съ полчаса, я убѣдился, что онъ въ отвратительномъ настроеніи.

— Что съ вами, полковникъ? Въ деревнѣ я еще не видалъ васъ такимъ!—спросилъ я.

— Чортъ знаетъ что такое!—пробрюзжалъ Лейфертъ,—меня сегодня отравили!

— Какъ отравили?

— Помилюте, утромъ встаю, являюсь на балконъ—пустой столъ! Какіе-то кусочки хлѣба лежатъ на тарелкѣ и мухи ѣдятъ ихъ съ упоеніемъ. Требую кофе, мнѣ черезъ полчаса даютъ какую-то холодную бурду, какую-то настойку изъ шпанскихъ мушекъ... Приносятъ сливки—списались, свернулись... Скажите, ради Бога, какъ здоровье Александры Ивановны?

— Э, полковникъ, я вижу, что вы безъ Александры Ивановны шагу ступить не можете.

— Да, представьте, я и самъ въ этомъ убѣждаюсь... Вообразите, я сегодня даже не купался.

— Позвольте, однако, какую же роль въ вашемъ купаньи можетъ играть Александра Ивановна?

— Очень важную-съ. Она меня поощряетъ. «Полковникъ, какъ пора купаться! Полковникъ, ступайте купаться! Полковникъ, если вы сейчасъ не пойдете купаться, я разсержусь и уйду!» Ну, вотъ и идешь и купаешься. А я вѣдь лѣнивъ на эти вещи.

Придя домой, я рассказалъ объ этомъ Александрѣ Ивановнѣ. Она начала хохотать до упаду. Въ этотъ моментъ я усомнился въ томъ, что она дѣйствительно больна. И въ самомъ дѣлѣ, цвѣтъ лица у нея былъ превосходный, а настроеніе духа—какъ нельзя лучше.

— Я хотѣла бы, чтобы ему въ конецъ разстроили пищевареніе!—воскликнула она.

— Зачѣмъ вамъ это?

— Затѣмъ, чтобы эти неисправимые эгоисты-холостяки убѣдились въ благодѣтельномъ значеніи для мужчины женской заботливости. Надо учить ихъ.

— Съ какой стати вамъ, Александра Ивановна, брать на себя эту неблагодарную роль? — промолвилъ присутствовавшій здѣсь Бултыгинъ.

— Почему-жъ вы думаете, что она неблагодарная?

— Не могу себѣ представить, въ какой формѣ вы тутъ можете получить благодарность.

— И не старайтесь представить, Бултыгинъ.

Въ эти дни своей, какъ я убѣдился, мнимой болѣзни, она гуляла въ сопровожденіи Бултыгина въ фруктовомъ саду Петра Ивановича, а въ паркѣ даже не заглянула.

Зато, когда она «оправилась отъ болѣзни» и явилась во владѣніяхъ Порфірія Степановича, онъ радовался, какъ ребенокъ и, казалось, окончательно былъ у ея ногъ. Опять сумрачные своды его большого дома оживились веселымъ звонкимъ смѣхомъ и болтовней, опять нѣжная женская рука готовила ему по утрамъ удивительнаго вкуса кофе, все начало дѣлаться во-время, и пищевареніе полковника, которое играло важную роль въ его жизни, пришло въ норму.

У.

Былъ превосходный день, уже значительно склонявшійся къ вечеру. Мы обѣдали дома, а послѣ обѣда Бултыгинъ и Александра Ивановна ѣздили кататься верхомъ. Затѣмъ мы слышали легкій гулъ коляски, которая была, очевидно, подана къ крыльцу полковничьяго дома, потомъ явился Бултыгинъ, по обыкновенію угрюмый, изъ чего мы заключили, что Александра Ивановна поѣхала съ полковникомъ.

Мы сидѣли въ сушильнѣ, вдвоемъ съ Курбетовымъ, а Петръ Ивановичъ, необыкновенно игривый по случаю установившейся хорошей погоды, позволявшей ему убирать запоздалую рожь, вышелъ, чтобы устроить намъ неожиданную демонстрацію.

Дѣло въ томъ, что у насъ шелъ разговоръ о мужикѣ. Вопросъ былъ поставленъ Курбетовымъ, который говорилъ, что имѣетъ объ этомъ предметѣ такое же представленіе, какъ о древнемъ грекѣ: вѣкъ аористы и синекдохи досконально изучилъ, а самого грека н югда не видалъ.

— И объясни ты мнѣ ради Бога, ты живешь бокъ о бокъ съ этимъ загадочнымъ существомъ, что это за штука? Свѣдѣніями о немъ жить я, можно сказать, напичканъ отъ ногъ до головы, но напичканъ такъ, какъ порядочная нѣмецкая колбаса, въ которой есть

и мясо, и сало, и перец, и фисташка. Въ однихъ книжкахъ написано, что у мужика я долженъ учиться, какъ жить на свѣтѣ, что онъ знаетъ тайну сущности бытія, надъ которой напрасно ломали голову мыслители всѣхъ вѣковъ и народовъ, знаетъ да молчить... Что ему вѣдомы самыя высокіе, самыя чистыя идеалы и тому подобное. Въ другихъ начертано, что мужикъ есть существо озвѣрѣлое, утратившее совѣсть, и что его ничѣмъ не проймешь, какъ только палкой. Одни утверждаютъ, что его учить надо, другіе, что у него надлежитъ учиться, третьи, что на него просто надо надѣть ярмо, впрячь въ соху и пахать имъ землю для сбереженія благородной лошадиной силы... Научи ты меня, чему я долженъ вѣрить?

— Ничему!—довольно категорически отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Какъ же ничему? Что-нибудь про мужика да правда.

— Мужикъ то же, что и ты, что я и онъ. Мужикъ, это—просто запущенный человѣкъ. Вотъ и все.

— Какъ? А насчетъ этого какого-то особаго міровоззрѣнія, котораго интеллигентъ постигнуть не можетъ? Говорятъ, чтобы проникнуться имъ, надо года два походить въ лаптяхъ, напустить себя въ волосы насѣкомыхъ, пожить въ одной избѣ съ телятами и поросятами, а главное—пропитаться этакъ съ двѣ зимы отрубями съ пескомъ, либо съ древесной корой, на выборъ. Тогда будто бы тебя и осѣнитъ.

— Врутъ, все, братъ, врутъ! Все для украшенія рѣчи говорятъ. Все это, братъ, беллетристика.

— Какъ беллетристика?

— Да такъ вотъ, буквально: краснописаніе. Я тебѣ говорю: у мужика такія же мысли, такіе же вкусы, такое же пониманіе вещей, какъ и у нашего брата, только онъ самъ запущенъ. Построй-ка ты лачугу и рядомъ двухъэтажный каменный домъ и спроси его: гдѣ лучше жить хочешь? Такъ онъ сейчасъ весь свой скарбъ заберетъ и въ каменный домъ отправится. Зимой я иногда въ свободные дни зову къ себѣ охотихъ людей и читаю имъ кое-что. Такъ ты думаешь, они понимаютъ дѣло не такъ, какъ мы? Одинъ разъ нарочно прочиталъ имъ «Короля Лира», а потомъ что-то такое изъ Виктора Брылова и спрашиваю: что повашему лучше? Такъ всѣ въ одинъ голосъ: «Извѣстно, Лиръ куда лучше!» Говорю тебѣ: запущенный онъ человѣкъ, вотъ и все. Обучи ты его наукамъ, подстриги его, вымой въ банѣ, смей ему пиджачную пару, дай казенное жалованье, такъ онъ сейчасъ не

дѣлать совершеннѣйшимъ образомъ писать отношенія и доклады; власть резолюціи и воровать казенныя деньги... Да ты потой... Я тебѣ сейчасъ одинъ фокусъ покажу.

И онъ неожиданно скрылся, чтобъ организовать свой фокусъ. Въ то время, какъ мы съ Бурбетовымъ сидѣли, заинтересованные предстоящимъ развлеченіемъ, явился Бултыгинъ. По глазамъ мы догадались, что онъ сильно взволнованъ.

— Что тамъ у васъ случилось?—спросилъ его я.

— Ничего не случилось, а просто... Просто я уѣзжаю.

— Что? Вы? Куда? Почему?

— Такъ... Потому что... Потому что это Богъ знаетъ, что такое!...

— Что же именно?

— Ничего... Александра Ивановна такъ много позволяетъ этому развѣнченному полковнику, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ на нее какія-нибудь права...

— Что же она позволяетъ ему?

— Она ведетъ себя по отношенію къ нему самымъ вызывающимъ образомъ... Понятно, онъ чортъ знаетъ что воображаетъ.

— Волненіе мѣшаетъ вамъ быть точнымъ. Успокойтесь и изъясните, въ чемъ дѣло!—сказалъ Бурбетовъ.

— Да вотъ сейчасъ... Мы пріѣхали съ катанья... Полковникъ подошелъ къ ея лошади и хотѣлъ помочь слѣзть. Тутъ ничего нѣтъ такого... Но она вдругъ вздумала предложить ему пари... Держу, говоритъ, пари, что если я сойду къ вамъ на руки, то вы меня троните! Полковникъ выпятилъ грудь. Вы, — говоритъ, — оскорбляете во мнѣ стараго солдата. Принимаю пари. A discretion! Онъ протягиваетъ руки и она падаетъ ему въ объятія. И еще при этомъ хочется и кричить мнѣ: «Бултыгинъ, выручайте! Полковникъ меня задушить!» А я стою какъ болванъ... Не могу же я лѣзть въ нѣмъ въ драку!

— Ну-съ, что же дальше?—спросилъ Бурбетовъ.

— Полковникъ, пыхтя и кряхтя, понесъ ее на балконъ и усадилъ въ кресло. Я боялся, что онъ лопнетъ. У него глаза выпятились на лобъ... Но скажите, пожалуйста, что онъ послѣ этого долженъ подумать о ней?

— А дальше что?—повторилъ Бурбетовъ.

— А дальше—подали коляску и они поѣхали кататься.

— Значить, продолженіе слѣдуетъ. Ну, хорошо-съ. Исслѣдуемъ явленіе. Вообразите, что не полковникъ, а вы подошли къ лошади, не съ полковникомъ, а съ вами Александра Ивановна

держала пари, не въ полковничьи, а въ ваши объятія поступила она, а полковникъ при этомъ стоялъ въ сторонѣ.

— Это совсѣмъ другое дѣло... У насъ съ нею совсѣмъ другія отношенія.

— Безъ сомнѣнія. Это было бы какъ разъ наоборотъ. Вы были бы довольны, а полковникъ впалъ бы въ негодованіе. Ну что-жъ, значитъ, ваша карта бита, а полковничья взяла.

— Ну, и такъ какъ моя карта бита, то мнѣ и слѣдуетъ уѣхать. Пожалуйста,—обратился онъ ко мнѣ,—не можете ли вы выпросить для меня у Петра Ивановича подводу... У хотѣлъ бы сейчасъ.

— Полноте, Сергѣй Николаевичъ! Что за горячность такая!—возразилъ я.

— Нѣтъ, я даже вовсе не горячусь... Я очень спокойно пришелъ къ заключенію, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать... Если вы мнѣ не достанете лошадей у Петра Ивановича, такъ я у мужа какого-нибудь возьму. Вы не можете себѣ представить, какъ измучился.

— Хорошо, я попробую попросить у него.

Въ это время вошелъ Петръ Ивановичъ, но не одинъ, а въ сопровожденіи какого-то неизвѣстнаго намъ джентльмена. Неизвѣстный былъ высокаго роста, плечистый, съ длинными, зачесанными назадъ волосами, съ длинными усами и остроконечной бородкою. Густыя брови придавали ему нѣсколько суровый оттѣнокъ, но тонныя губы какъ-то застѣнчиво усмѣхались и самъ онъ чувствовалъ себя въ нашемъ обществѣ не по себѣ. Костюмъ, состоявшій изъ свѣтло-сѣрыхъ брюкъ, коричневаго пиджака, высокаго стоячаго воротничка и пестраго гастука, повязаннаго размашистымъ бантомъ, сидѣлъ на немъ неважно. Руки были въ бѣлыхъ шерстяныхъ перчаткахъ.

— Господа, позвольте вамъ представить моего пріятеля, — съ нѣсколько торжественной миной сказалъ Петръ Ивановичъ, — съѣздъ по имѣнію... Докторъ медицины... Если вамъ угодно, адвокатъ изъ губернскаго города, а то, пожалуй, предсѣдатель уѣздной земской управы.

Мы всѣ трое съ недоумѣніемъ смотрѣли на Петра Ивановича и на его страннаго пріятеля, у котораго было такъ много столь почетныхъ званій. Я внимательно разглядывалъ его и явственно чувствовалъ, что прекрасно знаю этого человѣка, но рѣшительно не могъ припомнить, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ его. А Петръ Ивановичъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Онъ могъ бы быть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, и четвертымъ, и еще очень многимъ, но обстоятельства, о которыхъ я скажу послѣ, помѣшали ему и потому онъ ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое, а нѣчто совсѣмъ иное.

— Баринъ... Да полноте!... Охота вамъ! Ну, что это, ей-Богу, — дергая его за рукавъ, промолвилъ джентльменъ густымъ скрипучимъ голосомъ, и для насъ съ Курбетовымъ стало ясно, что это не кто иной, какъ Прокофій.

Но что за неожиданная игривость со стороны солиднаго Петра Ивановича! Нужно было, чтобы погода дала ему весьма опредѣленные надежды на урожай, для того, чтобы онъ пришелъ въ такое настроеніе.

И какъ быстро и ловко видоизмѣнилъ онъ Прокофія. Вѣдь до сихъ поръ этотъ почтенный человѣкъ имѣлъ звѣроподобный видъ. Его волосы, которые онъ расчесывалъ не болѣе одного раза въ недѣлю, влохмьями торчали во всѣ страны свѣта, борода — широкая, обильная, поровила въ сторону и состояла изъ нѣсколькихъ комьевъ. Босые ноги были черны отъ грязи и солнца, кожа на нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потрескалась и, казалось, имъ не доставало только ногтей, чтобы окончательно приблизить его къ прародителямъ; а тѣло его было прикрыто лишь двумя предметами: парусиновыми штанами, заплатами, какъ говорилъ Курбетовъ, «въ самыхъ роковыхъ мѣстахъ», и рубахой.

Петръ Ивановичъ причесалъ его, искусно подстригъ ему бороду à la Henri IV, одѣлъ его въ свой собственный гардеробъ и такимъ образомъ превратилъ его въ джентльмена.

— Эхъ, братъ, какъ ты рано заговорилъ! — съ упрекомъ сказалъ Петръ Ивановичъ. — Ну, коли такъ, иди, ставь самоваръ.

Прокофій покачалъ головой и исчезъ. Минуты черезъ три мы видѣли его въ окно — ставящимъ самоваръ. Онъ былъ уже въ своемъ прежнемъ видѣ — въ парусиновыхъ штанахъ и рубахѣ, босой и безъ шапки, только волосы его все еще были въ порядкѣ и острая бородка придавала ему странный видъ.

— Бъ чему ты все это продѣлалъ съ почтеннымъ человѣкомъ? И какъ онъ согласился? — сказалъ я Петру Ивановичу.

— Я общалъ ему за это двугривенный, а то бы ни за что! А къ чему? Какъ къ чему? Я хотѣлъ показать вамъ, какъ легко запускеннаго человѣка превратить въ джентльмена, ежели заняться этимъ дѣломъ. Запущенъ онъ по всѣмъ статьямъ и эта, т.-е. вежливость, конечно, легче всего уступаетъ давленію. Но, право же, не такъ ужъ трудно обтесать его мозгъ и все прочее, ежели за-

няться этимъ основательно. И тогда этого самого дикаго человѣка, который теперь, ходя по двору, пугаетъ куръ и индюковъ своимъ звѣрскимъ видомъ, можно посадить на курульное кресло председателя земской управы и, повѣрьте, что онъ отлично поведетъ дѣло. Да только заняться некому. Вѣдь всѣмъ некогда, кто умѣетъ, а у кого много свободнаго времени, тотъ не умѣетъ и не хочетъ... Говорю вамъ: мужикъ—это просто запущенный человѣкъ и только...

Тутъ я взглянулъ на Бултыгина, который въ продолженіе всего этого инцидента сидѣлъ молча и, очевидно, все думалъ о своемъ бѣгствѣ.

— Послушай, Петръ Ивановичъ, не можешь ли ты дать Сергѣю Николаевичу сегодня лошадей, чтобы свезти его на станцію?—спрашивалъ я.

— Что-о? Лошадей? Сегодня? Да я, если ужъ это необходимо, скорѣе самъ впрягусь въ экипажъ и повезу на станцію, чѣмъ дамъ лошадей. У меня теперь самая горячая работа...

— Ну, тогда я у мужиковъ возьму!—рѣшительно воскликнулъ Бултыгинъ.

— За двадцать рублей никто не возьмется! Напрасно будете хлопотать. Да съ чего это вы вздумали?

— Такъ... Есть дѣла, требующія моего присутствія...

— Ну, вамъ придется подождать съ вашимъ присутствіемъ...

— Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ мнѣ остается пѣшкомъ уйти.

И Бултыгинъ, очевидно, не будучи въ состояніи сдерживать свое негодованіе, шумно направился къ двери и вышелъ изъ комнаты. Петръ Ивановичъ смутился.

— Что у него случилось? Если, правда, такъ ужъ необходимо, я, пожалуй, оторву лошадей отъ работы.

— Это твоя сестра ему досадила,—объяснилъ Курбетовъ,—что-то лишнее перепало полковнику. Онъ и рѣшилъ бѣжать.

— Только-то? Ну, изъ-за этого не стоить гонять лошадей. Есть дѣла поважнѣе!

— Ты считаешь свою игру болѣе важной, чѣмъ ихъ игру en trois?

— Ну, милый, моя игра, по крайней мѣрѣ, не безцѣльная... А этотъ молодой человѣкъ просто играетъ въ дурачки... Не могу понять, какъ это можетъ доставлять удовольствіе сестрѣ.

— Ты думаешь, что это только ради удовольствія?

— А ужъ, право, не знаю. Ничего я въ романтическихъ дѣлахъ не понимаю.

— Тутъ, братъ, не романическое, а матримоніальное дѣло выходить... Господинъ полковникъ, кажется, виситъ на ниточкѣ.

— Полковникъ? Ну, если и сестра думаетъ такъ же, то ей придется разочароваться... Полковника на эту удочку не поймать. Это онъ только разыгрываетъ дурака... Выходила бы поскорѣе за этого кислаго педагога, благо онъ готовъ подъять эту тяжесть на свои плечи.

— Э, это отъ нея никогда не уйдетъ!

— Однако-жъ, вотъ собирается даже пѣшкомъ уходить!

— Съ полдороги вернется...

Уже стемнѣло, когда произошло совершенно необычное движеніе. Въ первую минуту мы ничего не могли понять. Прежде всего—мы прозѣвали, какъ собралась мимолетная туча и пошелъ дождь. Мы въ этомъ убѣдились, когда взглянули въ окно. Дождь былъ крупный и частый, черезъ нѣсколько минутъ во дворѣ, въ выемкахъ, образовались лужи.

На крыльцѣ дома послышался топотъ ногъ, потомъ голоса.

— Какъ? Вы? Пѣшкомъ? Вы вся измокли! Что же это значить? Почему васъ не довели?—говорилъ въ высшей степени встревоженный голосъ Бултыгина, изъ чего мы заключили, что онъ еще не бѣжалъ.

— Оставьте меня, оставьте меня! Всѣ оставьте!—съ какимъ-то истерическимъ надрывомъ отвѣчалъ голосъ, повидимому, Александры Ивановны.

И затѣмъ хлопнула дверь и все замолкло. Къ намъ вбѣжалъ Бултыгинъ, весь всклокоченный.

— Что тамъ за трагедія?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Не знаю, не понимаю... Александра Ивановна каталась съ полковникомъ. По крайней мѣрѣ, они на моихъ глазахъ уѣхали... И вдругъ теперь она прибѣжала пѣшкомъ и не изъ парка, а прямо съ поля. Бѣжить подъ дождемъ, даже безъ зонтика... Я навстрѣчу, спрашиваю, что это значить, а она меня гонить прочь: отстаньте, я не могу васъ видѣть... Что же это такое?

При послѣднихъ словахъ голосъ его дрогнулъ, какъ у человѣка, соображающаго плакать.

— Можетъ быть, ихъ лошади понесли?—предположилъ Петръ Ивановичъ.

— Э, нѣтъ,—возразилъ Курбетовъ,—тутъ что-то романическое.

Бултыгинъ круто повернулся къ нему.

— Позвольте, однако, что тутъ можетъ быть романическаго? Что вы можете предположить?—спросилъ онъ, сверкая глазами.

— Вы, можетъ быть, хотите удовлетворенія?—съ невозмутимо-спокойной ироніей сказалъ Курбетовъ,—напрасно! Я драгъ изъ-за женщины не стану! Я могу драгъ только за идею!—пробавилъ онъ и самъ разсмѣялся.

Однако, никто изъ насъ не могъ растолковать столь странный способъ возвращенія домой Александры Ивановны. Но черезъ минуту въ сушильню вбѣжали дѣти и всѣ разомъ громкими голосами старались сообщить намъ что-то, касающееся тети Саши, и что-то, повидимому, тревожное. Мы не разобрали, въ чемъ дѣло, но я съ Петромъ Ивановичемъ, какъ родственники, сочли своимъ долгомъ тотчасъ же отправиться въ домъ, а Курбетова съ Булыгинымъ оставили въ сушильнѣ, предоставивъ имъ истреблять другъ друга.

VI.

Когда мы вошли въ комнату Александры Ивановны, здѣсь были уже наши жены и у нихъ былъ растерянный видъ. Александра Ивановна, вся измокшая, въ шляпѣ и въ перчаткахъ, лежала на кровати, уткнувшись лицомъ въ подушку, и оттуда раздавались глухія истерическія рыданія.

— Что тутъ случилось?—спросили мы.

— Ничего отъ нея нельзя добиться!—отвѣтила моя жена.

— Однако-жъ, надо добиться!—сказалъ Петръ Ивановичъ.— Чего ты реवेशь, Саша? Объясни, пожалуйста!

Александра Ивановна подняла голову:

— Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ! Прошу васъ, оставьте меня!

Затѣмъ—опять лицо въ подушку и снова рыданія.

— Что за исторія!—воскликнулъ Петръ Ивановичъ,—собаки на нее напали, что ли? Ну, подождемъ, пока она успокоится.

И мы въ добросовѣстномъ молчаніи прождали минуты двѣ. Рыданія одно время, было, усилились, потомъ пошли на убыль и, наконецъ, стали появляться съ промежутками.

Петръ Ивановичъ еще разъ попробовалъ задать общій вопросъ:

— Ну, въ чемъ же дѣло?

Но, не получивъ отвѣта, рѣшивъ, очевидно, примѣнить софатовскій методъ.

— Вѣдь ты каталась съ полковникомъ въ коляскѣ?

— Что-жъ изъ этого, что каталась? Я не понимаю... Ну, а-

— Зась, каталась! — былъ отвѣтъ въ довольно злостномъ тонѣ. Но е-таки былъ отвѣтъ и Петръ Ивановичъ рѣшилъ продолжать.

— Вы уѣхали вдвоемъ и тогда была хорошая погода?

— Отличная! Отстань, пожалуйста!

— Потомъ пошелъ дождь, поднялся вѣтеръ...

— Оставь меня въ покоѣ...

— Вы рѣшили вернуться домой и повернули...

— Господи! Повернули! Какъ это важно!

— Но домой вы уже не доѣхали вмѣстѣ.

— Да, не доѣхали.

— Полковникъ поѣхалъ одинъ, а ты, должно быть, выпрыгнула на дорогѣ, — это на тебя похоже.

Вдругъ Александра Ивановна быстро поднялась и сѣла.

— Всякая на моемъ мѣстѣ сдѣлала бы то же! Этотъ вашъ полковникъ просто негодяй, и я удивляюсь, какъ вы можете ему руку давать.

— Онъ сказалъ что-нибудь тебѣ?

— Сказалъ... Еще бы! Онъ наговорилъ цѣлую кучу гадостей... нѣ... Онъ осмѣлился дѣлать мнѣ такія предложенія... Такія предложенія...

— А, вотъ въ чемъ дѣло!

— Да, вотъ въ чемъ дѣло! — воскликнула Александра Ивановна и, вскочивъ съ мѣста, начала на подобіе вихря метаться по комнатѣ. — И главное, я знаю очень хорошо, что за меня никто не заступится. За меня никому заступиться! Я знаю, что всѣ смотрятъ на это легко и даже, пожалуй, скажутъ, что я сама виновата, я все это знаю, я знаю.

— Погоди, не бѣгай! Во-первыхъ, не правда, что за тебя никому заступиться. Мы всѣ за тебя горой станемъ. Но прежде надо знать, что случилось. Что именно онъ предложилъ тебѣ?

— Что предложилъ? Ты хочешь знать, что онъ предложилъ? Во-первыхъ, онъ началъ приставать ко мнѣ самымъ свѣрлымъ образомъ... Ну, да, приставать... съ своими гнусными объятіями... А потомъ... Потомъ предложилъ... предложилъ мнѣ... содержаніе.

— Что-о?

— Ну, да, вотъ это самое.

— Ахъ, негодяй! Ну, напрасно же ты думаешь, что за тебя кому заступиться! Я сверну ему одну спину, а зятъ другую... Баль, что у него ихъ только двѣ, а то бы и Курбетову, и Булыгину была бы работа.

П. тръ Ивановичъ вскипѣлъ самымъ искреннимъ образомъ и

кулаки его сжались до того, что казались сдѣланными изъ желѣза. Женщины тоже были возмущены, и полковникъ въ эту минуту былъ приговоренъ.

А дождь не прекращался. Я вспомнилъ, что въ сушильнѣ остались Бултыгинъ и Курбетовъ въ нѣсколько рискованныхъ отношеніяхъ. Высказавъ свое негодованіе и выразивъ готовность вступить на защиту поруганной чести родственницы, я вышелъ намѣреніемъ отправиться въ сушильню.

На крыльцѣ меня чуть не сшибъ съ ногъ Прокофій, неся впереди себя кипящій самоваръ. Теперь, когда его волосы были порядкѣ и борода à la Nègre IV своимъ острымъ концомъ тѣлачала впередъ, это занятіе было ему не къ лицу. Гораздо болѣе оно подходило ему, когда онъ былъ еще подобенъ звѣрю. Я пошелъ въ сушильню. Тамъ было темно, но, подойдя къ двери, я уже не убѣдился, что оставшіеся тамъ враги не сѣли другъ друга. Совершенно напротивъ, они вели мирную бесѣду. Курбетовъ разсказывалъ подходящий къ случаю анекдотъ, а Бултыгинъ смѣялся.

— Господа, да вы бы зажгли что-нибудь. А то можно подумать, что вы рѣшили покончить вашъ раздоръ американскіми дуэлями.

— Во-первыхъ, два человѣка, три недѣли прожившіе вмѣстѣ въ сушильнѣ, не могутъ питать другъ къ другу вражду, а во-вторыхъ, у насъ никогда и не бывало никакихъ свѣчей. Мы привыкли жить въ темнотѣ,—сказалъ Курбетовъ.

— Надо же хоть этимъ сдѣлать хозяину экономію,—замѣтилъ Бултыгинъ, изъ чего я заключилъ, что онъ совсѣмъ уже «отошелъ».

Я потребовалъ свѣчей, а пока ихъ принесли, Курбетовъ объяснилъ мнѣ, что ему удалось благоприятно повліять на міросозерцаніе Сергѣя Николаевича, доказавъ ему, что всякое наше дѣйствіе есть не болѣе, какъ ходъ въ огромной игрѣ, которую люди ведутъ на землѣ, послѣ чего Бултыгинъ рѣшилъ спокойно выжидать, когда выйдетъ его карта, чтобъ убѣдиться, взяла она или проиграла.

— Такъ что вы уже больше не собираетесь бѣжать?—спросилъ я у Бултыгина.

— Нѣтъ, я подожду.

Но столь философское спокойствіе его скоро кончилось. Принесли свѣчи. Я перешелъ къ событіямъ.

— Вообразите, полковникъ... оказался опаснымъ человѣкомъ и даже негодяемъ!—сказалъ я.

Бултыгинъ отъ окна перепрыгнулъ ко мнѣ.

— Что? Что вы говорите? Что онъ сдѣлалъ?

— Не убилъ, и даже не ранилъ, успокойтесь! Но онъ, очевидно, дурно понялъ кокетство Александры Ивановны.

— Да не мучьте же... говорите, что именно онъ сдѣлалъ!

— Прежде, чѣмъ говорить,—замѣтилъ Курбетовъ,—слѣдовало бы на Бултыгина надѣть горячую рубашку. Во всякомъ случаѣ его необходимо обезоружить. Послушайте, вы, какъ педагогъ, должны носить въ карманѣ перочинный ножикъ,—совершенно неизбѣжный атрибутъ педагогической дѣятельности,—давайте-ка его сюда!

— Ахъ, ваши шутки надоѣли мнѣ! Говорите, Василій Алексѣвичъ, что случилось!

Мы, очевидно, поджаривали его на медленномъ огнѣ. Но я, вправду, боялся, что, когда онъ услышитъ истину, его взорветъ и онъ побѣжитъ расправляться съ полковникомъ.

— Да видите ли, полковникъ, очевидно, эту роковую сцену, которую вы рассказали намъ,—на счетъ объятій-то!—принялъ какъ документъ на ввѣдь во владѣніе и во время катанья сдѣлалъ своей дамѣ нѣкоторыя предложенія, способныя оскорбить женщину, болѣе склоняющуюся къ законному браку, чѣмъ къ другой формѣ сожительства.

— Негодяй, нахаль, подлецъ!—воскликнулъ Бултыгинъ:—я почти предвидѣлъ, что этимъ кончится! У него была такая подлая рожа.

— Но если вы предвидѣли, то, значить, это было логично!—возразилъ Курбетовъ.

— Вы удивительный человѣкъ!—сильно кипятясь воскликнулъ Бултыгинъ и воззрился на Курбетова съ такимъ видомъ, какъ будто готовъ былъ вступить съ нимъ въ драку,—вы рѣшительно все готовы осмѣять, надъ всѣмъ вы издѣваетесь, ничего у васъ нѣтъ святого.

— Ну, батюшка мой, рѣчь тутъ идетъ далеко не о святомъ, а о порядочно-таки грѣшномъ.

— Рѣчь идетъ о чести женщины.

— Ну, ужъ и о чести... будто въ этомъ состоитъ честь?

— Я съ вами спорить не буду!—почти презрительно замѣтилъ Бултыгинъ,—во всякомъ случаѣ я не желаю прощать этому господину и не хочу также откладывать. Ему надо заплатить по заслугамъ сію же минуту.

И онъ сдѣлалъ движеніе по направленію къ двери, очевидно, собираясь бѣжать къ полковнику и тотчасъ же заплатить ему по заслугамъ.

— Позвольте, однако,—остановилъ его я и схватилъ за рукавъ,—какими же способами вы собираетесь платить ему?

— О, это все равно! Я не могу предусмотрѣть своихъ дѣйствій.

Бурбетовъ, очевидно, нисколько не обидѣвшійся, началъ самымъ мирнымъ образомъ уговаривать его.

— Но послушайте, Бултыгинъ, вы все-таки взвѣсьте всѣ обстоятельства. Во-первыхъ, вы человѣкъ молодой, а полковникъ личность почтеннаго возраста. У васъ цѣлы и невредимы всѣ ваши составныя части, тогда какъ полковникъ нѣкоторыми уже плохъ владѣть. Слѣдовательно, ваши шансы не равны, ежели, напримеръ, вы вступите съ нимъ въ драку. Попросту говоря, гусь свиньѣ не товарищъ. Во-вторыхъ, вы совершенно забываете, что вы педагогъ и что сіе высокое званіе обязываетъ васъ къ сдержанности и мирному образу дѣйствій, ибо какимъ же вы можете быть примѣромъ для юношества, ежели сокрушите полковнику ребра и онъ васъ призоветъ въ судъ? Въ разсужденіи вашей карьеры, напомню вамъ, что вы въ такомъ случаѣ никогда не получите мѣста инспектора, а тѣмъ паче директора, справедливо представляющаго для всякаго истиннаго педагога идеаль, къ которому надлежитъ стремиться.

Но Бултыгинъ ничего не хотѣлъ слушать и рвался на подвигъ. Тогда я съ своей стороны принялся урезонивать его.

— Послушайте... Наконецъ, вы не имѣете права этого дѣлать!—сказалъ я.

— Какъ не имѣю права? Почему не имѣю права? Развѣ заплатить по заслугамъ нахалу—надо имѣть еще какое-то особое право?

— Да, надо имѣть его. Помилуйте, вѣдь вы своимъ образомъ дѣйствій только набросите дурную тѣнь на Александру Иванову.

— Это какимъ образомъ?

— Совершенно ясно: что вы ей такое въ глазахъ полковника и всѣхъ другихъ? Ну, мы, положимъ, знаемъ, что вы влюблены въ нее, какъ котъ; но согласитесь сами, что это никакъ нельзя считать вашимъ официальнымъ положеніемъ. У Александры Ивановны есть близкіе люди. Они должны заступиться за нее и, можетъ быть, только съ ними полковникъ захочетъ вступить въ объясненіе. Но самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это поджидать Петра Ивановича. Онъ сообщитъ намъ, въ какой фазисъ вступило дѣло. И тогда мы рѣшимъ, что намъ слѣдуетъ предпринять.

Петра Ивановича намъ не пришлось ждать долго. Онъ явился почти тотчасъ послѣ моихъ словъ. И мы приступили къ совѣща-

ю. Бултыгинъ остался, но все время бѣшено шагаль по комнатѣ, какъ разъяренный звѣрь.

— Глупѣе этого ничего нельзя было придумать!—съ досадой воскликнулъ Петръ Ивановичъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ Курбетовъ,—нѣтъ такой глупой вещи на свѣтѣ, глупѣе которой нельзя было бы придумать!

— Очень можетъ быть!—согласился Петръ Ивановичъ,—по дѣлу въ томъ, что, насколько я могу судить, какъ посторонній наблюдатель, Саша сама во всемъ виновата, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ.

— Меня удивляетъ, что это именно вы говорите!—съ негодованіемъ воскликнулъ Бултыгинъ:—какимъ образомъ Александра Ивановна могла ждать такой дерзости?

— Ну, знаете, иногда даже я, глядя на то, какъ она дурачила его, ожидалъ чего-нибудь подобнаго. Но не въ томъ дѣло. Все равно надо защищаться. Я, положимъ, фермеръ, но вѣдь онъ не лордъ. Мы не феодалы, чортъ возьми, и онъ не полновластный сюзерень. Однимъ словомъ, такъ или иначе, а надо показать ему должное противодѣйствіе.

— Я прошу васъ, Петръ Ивановичъ, позвольте мнѣ взять это на себя!—сказалъ Бултыгинъ.

— Не совѣтую тебѣ это дѣлать,—промолвилъ Курбетовъ,—потому что онъ убьетъ полковника.

— Даже не потому,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—а просто, разъ у Саши есть братъ и зять, то странно было бы, если бы виѣшалось въ это дѣло постороннее лицо.

— Эхъ, господа, поручили бы вы мнѣ, а бы съ нимъ поговорилъ попросту,—воскликнулъ Курбетовъ и при этомъ показавъ свои огромные кулаки.

— Въ томъ-то и дѣло, что я самъ слишкомъ горячъ и не могу за себя ручаться...—промолвилъ Петръ Ивановичъ.

Было ясно, что мнѣ придется взять на себя объясненіе съ полковникомъ, потому что я отнесся къ эпизоду совершенно спокойно и вовсе не способенъ былъ горячиться по такому поводу. И я взялъ на себя эту неблагоприятную роль.

Было уже часовъ десять вечера, когда наше совѣщаніе кончилось. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился идти къ полковнику тотчасъ же, иначе онъ могъ бы подумать, что мы или не придали никакого значенія случившемуся, или простили ему, или, наконецъ, что хуже всего, трусили. Бултыгинъ, которому было не втерпеть, вызвался идти со мной и ждать въ паркѣ. Очевидно, его пылкое вообра-

женіе допускало возможность инцидента, при которомъ потребуетъ его помощь.

Отправляясь по назначенію, я обсуждалъ планъ своихъ дѣйствій. Собственно я не зналъ хорошенько, въ чемъ будетъ заключаться мое объясненіе съ полковникомъ. На дуэль я его не вызову, это я зналъ навѣрное. Я всегда считалъ это глупостью и вовсе не имѣлъ въ виду дѣлать для этого случая исключеніе. Я никогда въ жизни не дрался и не держалъ въ рукахъ никакого оружія, кромѣ перочиннаго и столоваго ножа.

Въ крайнемъ случаѣ придется сказать ему «подлеца», а я терпѣть не могъ ставить себя въ положеніе, когда надо говорить чело-вѣку дерзость. Право, я не былъ еще увѣренъ въ томъ, что полковникъ поступилъ подло, въ особенности послѣ разсказа Бултыгина.

Не знаю почему, но я вовсе не былъ настроенъ враждебно. Если игралъ роль врага, то какъ-то теоретически.

УП.

Ночь была прескверная. Дождь уже пересталъ, но пронесшіеся вихрь съ нимъ вихрь принесъ съ собой холодъ и сразу понизилъ температуру воздуха. Дулъ непріятный, почти осенній вѣтеръ. Въ общемъ это содѣйствовало омраченію моей души, и безъ того не особенно довольной выпавшей на мою долю миссіей.

Въ широкой аллеѣ парка, по которой мы шли, было совершенно темно. Я совсѣмъ не видалъ моего спутника и только чувствовалъ, что его длинная фигура движется рядомъ со мною, слышалъ, что мокрый песокъ дорожки подъ его ногами шипѣлъ какъ-то особенно выразительно, изъ чего я заключилъ, что въ душѣ Бултыгина кипитъ буря и онъ готовъ на всякое безумство; мы шли, инстинктивно руководствуясь только хорошимъ знаніемъ парка.

— Вы хотите ждать здѣсь?—спросилъ я моего спутника.

— Нѣтъ, я подожду у самого дома!—отвѣтилъ Бултыгинъ.— Въ случаѣ чего, вы можете позвать меня.

Я разсмѣялся.

— Неужели вы думаете, что можете до этого дойти! Кажется, мы съ полковникомъ оба приличные и воспитанные люди.

— Да, онъ доказалъ свою воспитанность...

— Ну, по-моему, онъ доказалъ только, что не вѣрно понималъ образъ дѣйствій Александры Ивановны.

Бултыгинъ свирѣпо фыркнулъ, но, такъ какъ въ это время

мъ пришлось повернуть къ дому и уже не вдалекѣ виднѣлся огонекъ, то ему не удалось отчитать меня; онъ только замѣтилъ:

— При такомъ настроеніи, я удивляюсь, какъ вы могли взять на себя объясненіе...

— Да вѣдь объясненіе не значитъ драка!—замѣтилъ я и привилъ:—Такъ вы останетесь здѣсь?

И затѣмъ я поднялся по широкимъ ступенькамъ на террасу. Здѣсь было совершенно темно, но сквозь занавѣску, закрывавшую изнутри стеклянную дверь, просвѣчивалъ огонекъ, очевидно, горѣвшій гдѣ-то въ глубинѣ дома. По нѣкоторымъ соображеніямъ, я догадался, что это въ кабинетѣ и что слѣдовательно и полковникъ тамъ.

Я осторожно пріотворилъ дверь и, войдя въ большую темную комнату, столь же осторожно притворилъ ее. Въ головѣ у меня мелькнуло соображеніе, что этикъ я окончательно пресѣкаю для Булыгина возможность подслушать наше объясненіе. Я, признаться, таки побаивался, какъ бы онъ не ворвался и не совершилъ какое-нибудь безуміе. Самъ я имѣлъ въ виду вести объясненіе хотя и въ нѣсколько строгомъ, но тѣмъ не менѣе спокойномъ тонѣ.

Пройдя эту комнату, я уже окончательно убѣдился, что свѣтъ идетъ изъ кабинета и направился туда. Когда я не слѣша щель по коридору, изъ кабинета послышался окликъ:

— Кто тамъ такой?

Это былъ голосъ полковника. Я разслышалъ въ немъ явную тревогу. Я отвѣтилъ:

— Это я.

— Кто же именно?—съ еще большею тревогой спросилъ полковникъ.

Я дошелъ до кабинета и остановился въ дверяхъ. Полковникъ уже могъ безошибочно разглядѣть, кто къ нему пришелъ.

— Ахъ... вы? Ну, да... такъ это вы? Что-жъ! Мнѣ очень пріятно...

Но улыбка, которую онъ хотѣлъ соорудить на своемъ лицѣ, вышла у него далеко не вполне, и я легко могъ догадаться, что мое появленіе ему не такъ ужъ пріятно. До моего прихода онъ, очевидно, въ волненіи шагалъ по кабинету, въ чемъ принимала дѣятельное участіе и его палка, помогавшая его больной ногѣ. Лицо его было очень красно, а дыханіе слишкомъ учащено.

— Да, полковникъ, это я, — довольно мрачнымъ голосомъ сказалъ я.

Что-жъ... прошу садиться... прошу...

И онъ такимъ жестомъ, какъ будто у него была деревянная рука, указалъ мнѣ на стулъ. Я направился къ указанному мѣсту и сказалъ:

— Садитесь и вы, полковникъ! Намъ предстоитъ непріятное объясненіе.

— Гм... Объясненіе? Какое же? Какой поводъ-съ?... Извольте я сяду... Не угодно ли?

Онъ протянулъ руку къ столу, явно предлагая мнѣ сигару. Я, по ежедневной привычкѣ (у него были чудныя сигары!) чуть было не взялъ; но вдругъ вспомнилъ, что явился къ нему въ качествѣ защитника поруганной чести моей родственницы, а слѣдовательно—врага, и потому сухо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, благодарю васъ!

— Въ чемъ же дѣло-съ, смѣю спросить?—на мою сухость отвѣчая холодомъ, спросилъ полковникъ.

— Я думаю, полковникъ, что вамъ это извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ! И вы сдѣлаете мнѣ одолженіе, если не заставите меня напоминать вамъ, какъ было дѣло.

— Нѣтъ, пожалуйста, расскажите... Очевидно... очевидно, вы знаете больше, чѣмъ я...

И полковникъ, неувѣренность въ томъ, что говорить, стараясь замаскировать громкимъ голосомъ. Я долженъ былъ начать объясненіе.

— Видите ли, полковникъ, вы сегодня, какъ это бывало каждый день, отправились кататься въ экипажѣ съ Александрой Ивановной, моею свояченицей...

— Точно такъ-съ!

— И обыкновенно случалось такъ, что вы возвращались обѣ въ экипажѣ или сюда, въ вашъ домъ, послѣ чего вы провожали Александру Ивановну до калитки парка, или, если бывало поздно, вы подвозили ее въ экипажѣ до нашего дома...

— Точно такъ!—повторилъ полковникъ.—Всего этого не могу отрицать...

— Но сегодня ваше катанье кончилось нѣсколько иначе. Александра Ивановна въ то самое время, когда вдругъ неожиданно разразилась буря и пошелъ дождь, вся измокшая, прибѣжала домой съ поля и тотчасъ же съ ней сдѣлалась истерика и мы едва могли привести ее въ себя...

— Вотъ какъ! Признаюсь, я этого не... не предполагалъ... Я очень, очень сожалѣю объ этомъ... И... даже встревоженъ. Но въ чемъ же собственно моя вина?

Полковникъ, очевидно, еще твердо стоялъ на своей позиціи и надѣялся удержать ее за собой.

— Дѣло въ томъ, полковникъ, что всякое явленіе имѣетъ свою причину и въ данномъ случаѣ причина, повидимому, заключалась въ васъ... въ вашемъ образѣ дѣйствій... Александра Ивановна явилась домою оскорбленная вами...

— Оскорбленная? Вотъ какъ! Не понимаю-съ... Не понимаю, какъ я могъ оскорбить ее при томъ чувствѣ, которое питаю и которое, кажется, ни для кого не было тайной...

— Никакія чувства, полковникъ, не даютъ права дѣлать оскорбительныя предложенія...

— Оскорбительныя? Странно!... Очевидно, я былъ ложно понять... Я былъ вовсе не понять въ такомъ случаѣ...

— Однако же, полковникъ, изъ вашихъ словъ Александра Ивановна могла понять, что вы предлагаете ей чуть ли не... чуть ли не содержаніе...

— Вотъ какъ-съ!—промолвилъ полковникъ и въ лицѣ его и въ голосѣ уже не чувствовалось прежней увѣренности. Очевидно, онъ не ожидалъ, что Александра Ивановна расскажетъ намъ все, какъ было.

— Да, именно это. Мы не имѣемъ основанія не довѣрять Александру Иванову.

— Да-съ... Конечно-съ... Было бы странно, если бы вы не довѣряли Александру Иванову...—растерянно говорилъ полковникъ, повидимому, придумывая, какъ выйти изъ затрудненія.—Ну-съ, и чѣмъ же вы пришли грозить мнѣ? Можетъ быть, я осужденъ на смерть? Ха-ха...

Но въ этомъ «ха-ха», увы, не было ни капли веселости, а проія, которую онъ хотѣлъ придать своему тону, выходила жалкой.

— Не можетъ быть, полковникъ, чтобы вы не знали, что въ такихъ случаяхъ бываетъ,—сказалъ я, нарочно придавая своимъ словамъ неопредѣленность.

— Дуэль?

И лицо полковника перекинулось усмѣшкой, которая должна была изображать сарказмъ, но изъ этого ничего не вышло, кромѣ довольно глупой гримасы. Я сразу понялъ, что передо мной сидитъ величайшій трусъ и, хотя самъ не собирався драться на дуэли и не считалъ возможнымъ допустить до этого Бултыгина, я тѣмъ не менѣе очень твердо сказалъ:

— Да, дуэль, разумѣется, дуэль!

То лицу полковника въ разныхъ направленіяхъ пробѣжали ка-

кіе-то зайчики. Онъ, очевидно безсознательно, схватился за ногу, которая тоже, должно-быть, отъ страха, заболѣла у него.

— И что-жъ... на пистолетахъ, конечно? — попробовалъ онъ еще разъ пустить въ ходъ иронию.

— Да, разумѣется, на пистолетахъ! Иначе не стоитъ пачкаться... — промолвилъ я съ удивительнымъ для меня самого нахальствомъ.

— Да-съ... Вотъ что-съ... Странно-съ!... — уже съ видимымъ замѣшательствомъ проговорилъ полковникъ. Очевидно, онъ почувствовалъ себя стоящимъ лицомъ къ лицу передъ неизбѣжностью дуэли на пистолетахъ, что, при его трусости, означало — передъ смертью.

Онъ съ трудомъ поднялся и началъ какъ-то нелѣпо, не по прямой линіи, а около стѣны, ходить по комнатѣ. Я молчалъ, предоставляя ему переживать свою душевную драму.

— Какъ странно! — наконецъ сказалъ онъ, продолжая свою прогулку. — Согласитесь, что странно, когда человѣкъ при извѣстныхъ чувствахъ... и вдругъ, вдругъ является оскорбителемъ...

Онъ ждалъ съ моей стороны реплики, но я промолчалъ. Полковникъ продолжалъ:

— Я позволилъ бы себѣ спросить, что же могло бы въ данныхъ обстоятельствахъ послужить, такъ сказать, искупительной жертвой?... Я позволю себѣ спросить это...

— Я не могу вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ! — сказалъ я.

— Но, однако-жъ, — говорилъ полковникъ, съ большими потугами обдумывая какое-то рѣшеніе, — однако-жъ, если, напримѣръ, человѣкъ дурно понять... Если самыя, такъ сказать, простыя движенія души... Ну, наконецъ, какой-нибудь неловкій жестъ...

Я ясно видѣлъ, что онъ дѣлаетъ отчаянныя потуги выпутаться и, такъ какъ для меня было ясно, что это ему не удастся, то я рѣшительно поднялся.

— Я нахожу, полковникъ, что вы выбрали неудобный случай для занятія психологіей... Мнѣ остается только удалиться и предоставить дѣлу принять свой естественный ходъ...

Чортъ знаетъ, откуда у меня взялась рѣшимость говорить съ человѣкомъ такимъ образомъ! Въ сущности, съ моей стороны это было злоупотребленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ струсливъ и растерялся. Я очень хорошо зналъ, что никакая дуэль не состоится, что если вопросъ о ней будетъ поставленъ серьезно, то полковникъ или увильнетъ, или откажется, или ударитъ, или, наконецъ, дастъ какое угодно удовлетвореніе, и я дѣйствовалъ наѣвр-

мея. Но очень ужъ меня занимало посмѣтрѣть, что изъ всего этого выйдетъ.

— Бакъ? Вы уходите? Но... но что же вы рѣшили?—спросилъ полковникъ, совершенно опѣшивъ.

— Полковникъ, вы заставляете меня повторяться! — отвѣтилъ я.

— То-есть, позвольте... Дуэль? Вы говорите—дуэль? Но... но вѣдь это же глупо! Согласитесь, что при моихъ чувствахъ къ Александру Ивановичу...

Онъ метался, онъ искалъ исхода, онъ готовъ былъ на все. А я не хотѣлъ помочь ему, потому что онъ не пробуждалъ во мнѣ никакой жалости. Напротивъ мнѣ было смѣшно и я чуть не прыгнулъ ему въ лицо. И, чтобъ избѣжать этого, я поклонился и выразилъ желаніе уйти.

— Погодите же... — завопилъ полковникъ. — Дайте же хоть сообразить... Ну, я неудачно выразился, ну, да... Если меня такъ поняли, то могли оскорбиться, я понимаю... Но если истинный смыслъ былъ другой... Если, напримѣръ, человѣкъ предлагаетъ руку и сердце... Ну, да, руку и сердце... Позвольте васъ спросить, въ чемъ тутъ оскорбленіе-съ?

Хотя я видѣлъ предъ собой человѣка, готоваго ухватиться за что угодно, лишь бы избавиться отъ опасности смѣтрѣть на дуло пистолета, но все же я никакъ не ожидалъ такого заключенія.

— Вы сказали что-то о предложеніи руки? — спросилъ я, желая услышать это отъ него еще разъ.

— Странно... О какомъ же другомъ предложеніи могла бы быть рѣчь у меня съ Александрой Ивановной, которую я такъ глубоко уважаю?

Сказавши эти слова, полковникъ остановился и посмѣтрѣлъ на меня почти побѣдительнымъ взглядомъ. Очевидно, онъ самъ не ожидалъ отъ себя этого и за десять минутъ раньше не предвидѣлъ, что можетъ произвести на свѣтъ такое радикальное рѣшеніе вопроса. И потому ему самому показалось, что онъ сказалъ что-то необыкновенное, потрясающее и въ конецъ уничтожающее всѣ мои возни. Съ другой стороны, мнѣ стало ясно, что передо мной стоитъ действительно настоящій трусъ, мелкій эгоистъ, до того любящій свою мелкую обыденную комфортабельную жизнь, что уже одно слово «дуэль», заключающее въ себѣ нѣкоторую возможность смерти, способно заставить его пойти наперекоръ всѣмъ своимъ взглядамъ и привычкамъ. Полковникъ былъ закоренѣлый холостякъ и зачѣтба, несомнѣнно, никогда не входила въ его расчеты. Онъ

любилъ ухаживать за женщинами, но намѣренія его по отношенію къ нимъ не подымались выше кратковременныхъ обязательствъ. Уже то предложеніе, какое онъ сдѣлалъ Александръ Ивановичъ въ экипажѣ и которое послужило яблокомъ раздора и привело меня сюда въ несвойственной мнѣ роли истителя и дуэлиста, было для него чрезвычайно и указывало на извѣстную глубину его чувства къ моей свояченицѣ... Но о женитьбѣ онъ, конечно, и не думалъ.

Однако, мнѣ даже до извѣстной степени льстило то обстоятельство, что онъ повѣрилъ въ серьезность моего вызова на дуэль. Значить, я хорошо игралъ свою роль.

— Это, конечно, мѣняетъ дѣло, полковникъ! Но странно, очень странно, что Александра Ивановна могла такъ ошибиться... Конечно, если только то, что вы говорите, серьезно...—отвѣтилъ я.

— Это совершенно серьезно... Увѣряю васъ, что это серьезно!

— Въ такомъ случаѣ, я считаю свою роль конченной... Мнѣ кажется, что въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть посредниковъ. Только, полковникъ, вамъ слѣдуетъ дѣлать ваше предложеніе какъ-нибудь такъ, чтобъ оно было правильно понято...

— Я это сдѣлаю... я... я непременно сдѣлаю это, но... боюсь, что сейчасъ мой визитъ обезпокоилъ бы Александру Ивановну...

«Ого! Все-таки онъ не теряетъ надежды какъ-нибудь отвертѣться и рассчитываетъ на время...» — подумалъ я и сказалъ вслухъ:

— Я этого не думаю. Она, кажется, совершенно оправилась... Притомъ же, едва ли было бы справедливо оставлять ее въ такомъ тревожномъ состояніи.

— Въ такомъ случаѣ... Въ такомъ случаѣ, я приду вслѣдъ за вами...—промолвилъ полковникъ и вздохнулъ, какъ человѣкъ, которому ничего больше не остается...

Я всталъ и началъ прощаться съ нимъ, совершенно въ такомъ тонѣ, какъ дѣлалъ это раньше, когда мы были съ нимъ пріятелями. Но уходя, я взглянулъ на него и мнѣ даже стало жаль бѣднаго человѣка, которому пришлось вынести такую страшную душевную борьбу. Лицо у него было красное и все покрыто каплями пота.

Я вышелъ изъ кабинета и вступилъ въ довольно длинный темный коридоръ. Чрезвычайное волненіе помѣшало полковнику быть по обыкновенію любезнымъ и потому мнѣ пришлось идти въ темнотѣ. Уже подходя къ двери, которая вела на террасу, я вспомнилъ о Бултыгинѣ. Во время объясненія я совсѣмъ не думалъ о немъ. И теперь мысль объ этомъ человѣкѣ показалаась мнѣ до того странною, что я даже на минуту остановился передъ дверью. Я и ед-

ставляя себѣ, какъ онъ нетерпѣливо ходить между кустами тамъ, въ паркѣ, въ глубокой темнотѣ, съ неистово бьющимся сердцемъ, кипящимъ любовью къ женщинѣ и жаждой отомстить за нее и вотъ мнѣ предстоитъ сообщить ему о столь буржуазномъ концѣ моего объясненія съ полковникомъ. Тѣмъ не менѣе, я вышелъ на террасу и тихонько окликнулъ его.

— Я здѣсь!—послышался отвѣтъ изъ темноты:—не могу понять, что вы могли тамъ дѣлать такъ долго?

— Мы объяснялись!—уклончиво отвѣтилъ я.

— Какія же тутъ могутъ быть объясненія?

— Да вотъ, видите ли... Я самъ такъ думалъ и въ первую минуту... какъ это ни странно... я даже намекнулъ на возможность дуэли...

— Обязательно!—горячо воскликнулъ Бултыгинъ.—Другого исхода не можетъ быть...

— А представьте, нашелся другой исходъ...

— Любопытно знать, какой?

— Самый мирный: полковникъ дѣлаетъ предложеніе Александрѣ Ивановнѣ...

Бултыгинъ нервно разсмѣялся.

— Вотъ какъ!... За кого же онъ принимаетъ Александру Ивановну, если думаетъ, что она, послѣ той мерзости съ его стороны, можетъ принять это предложеніе?

— Другъ мой, онъ принимаетъ ее за умную женщину...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да гдѣ у полковника, кажется, тысячь четырехста состоянія?... Ему за пятьдесятъ лѣтъ, онъ уже обремененъ всевозможными болѣзнями и, значитъ, не проченъ...

— Однако, Василій Алексѣевичъ, я не хотѣлъ бы слышать отъ васъ такое мнѣніе объ Александрѣ Ивановнѣ...

— Ахъ, знаете что, Сергѣй Николаевичъ, давайте-ка лучше подождемъ конца и посмотримъ, что выйдетъ. Неужто еще намъ съ вами ссориться изъ-за этихъ недоразумѣній? Полковникъ общалъ сейчасъ явиться и лично объясниться съ Александрой Ивановной...

— Но она его на глаза не пуститъ...

— А это ея дѣло.

Мы уже вышли изъ парка и были во дворѣ. Я довольно насмѣшливо посовѣтовалъ Бултыгину идти въ сушильню, а самъ появился въ домъ.

VIII.

Повидимому, Александра Ивановна знала о томъ, что я ушелъ къ полковнику, и ждала результата. Иначе было бы странно столь быстрое успокоеніе ея нервовъ. Во всемъ домѣ было тихо. Петръ Ивановичъ махнулъ рукой на всѣ эти «женскіе пустяки» и возился съ чѣмъ-то въ сараѣ, стараясь наверстать потерянное время. Дамы разошлись по своимъ комнатамъ. Я постучался въ дверь къ Александру Ивановичу и вошелъ.

Она уже переодѣлась и была теперь въ легкомъ, очень изящномъ капотѣ, придававшемъ ей слегка праздничный видъ. Уже это показалось мнѣ страннымъ, такъ какъ дѣло шло къ ночи. Она встрѣтила меня вопросительнымъ взглядомъ, полнымъ любопытства и вниманія.

— Я былъ сейчасъ у полковника, — сказалъ я.

— Да? И что же? — спросила Александра Ивановна.

— Если вы хотѣли, чтобъ я его убилъ, — полушутя отвѣтилъ я, — то я не исполнилъ своей задачи...

— Зачѣмъ же... убивать?

— Да вотъ Булыгинъ совершенно приготовился къ этому.

— Ахъ, Булыгинъ... да вѣдь онъ сумасшедшій!

— Значить, вы склоняетесь къ болѣе мирному рѣшенію недоразумѣнія?

— Я, право... ни къ чему не склоняюсь... Развѣ я о чемъ-нибудь просила?

— Тутъ дѣло не въ этомъ. Мы, конечно, и безъ вашихъ просьбъ должны были потребовать у полковника объясненій. Вотъ я и отправился съ этой цѣлью. Но, вообразите, что полковникъ все это толкуетъ совсѣмъ иначе.

— Какъ же?—съ величайшимъ любопытствомъ спросила Александра Ивановна.

— Да, знаете, до такой степени иначе, что просто непонятно, какъ могли вы разойтись во взглядахъ...

— Но какъ же, какъ же?—съ видимо возраставшимъ любопытствомъ воскликнула Александра Ивановна.

— Да просто онъ хотѣлъ сдѣлать вамъ вполне честное предложеніе.

— Предложеніе? Какъ предложеніе?—съ внезапнымъ волненіемъ промолвила Александра Ивановна, и на щекахъ ея вдругъ выступили красныя пятна.

— Да какъ вообще это дѣлается: предложеніе руки и сердца.

Александра Ивановна поднялась и рѣшительно закачала головой.

— Этого не можетъ быть... Нѣтъ, этого не можетъ быть...

— То-есть, если я вѣрно васъ понимаю, вы ни за что не приняли бы такого предложенія?

— Напротивъ... я вовсе не такъ глупа, какъ вы думаете.

— Позвольте, Александра Ивановна, я ничего подобнаго не думаю; но мнѣ казалось, что нѣжное чувство связываетъ васъ не съ полковникомъ, а съ Сергѣемъ Николаевичемъ... Впрочемъ, я не въ правѣ касаться этого... Это дѣло вполне ваше и только ваше.

— Да, но этого не можетъ быть... вы просто не такъ поняли... навѣрно! Съ какой стати полковникъ...—видимо путаясь, говорила Александра Ивановна, нервно прохаживаясь по комнатѣ.

Въ это время на крыльцѣ слышались медленные, неровные, тяжеловатые шаги, которые не могли принадлежать никому другому, какъ только полковнику. Я легко различалъ даже стукъ палки, на которую онъ опирался. И я съ увѣренностью сказалъ:

— Да вотъ, кажется, и полковникъ идетъ. Будетъ самое лучшее, если онъ самъ объяснится съ вами. Онъ навѣрно повторитъ вамъ то, что сказалъ мнѣ.

— Только, пожалуйста, не уходите... пожалуйста!—съ молящимъ взглядомъ произнесла она.

Я согласился остаться и пріотворилъ дверь, чтобы освѣтить входъ. Александра Ивановна быстро подошла къ зеркалу,правила кое-что въ напотѣ, слегка занялась своими шелковистыми волосами и вообще привела себя въ порядокъ.

— Сюда, полковникъ, сюда!—сказалъ я.

— Виноватымъ входъ не воспрещенъ?—стараясь быть шутливымъ, спросилъ полковникъ.

— Если вы пришли съ добрыми намѣреніями, то, конечно, нѣтъ... Двери открыты настежь!—сказалъ я.

— Батюшки мои, да какъ же могло быть иначе?—промолвилъ полковникъ, стоя уже на порогѣ комнаты.—Ну, да, форма была неудачна, въ этомъ я признаюсь и приношу повинную. Но намѣреній своихъ измѣнять не стану. Итакъ, глубокоуважаемая Александра Ивановна, позвольте при вашемъ почтенномъ родственникѣ позторить то самое предложеніе, которое вызвало съ вашей стороны столь пагубное для меня толкованіе.

— Я не понимаю, полковникъ,—съ видимымъ смущеніемъ начала было Александра Ивановна, но полковникъ перебилъ ее тономъ челоѡка, уже примирившагося съ своей участью и вполне овладѣвшаго своей ролью.

— Да тутъ и понимать нечего! Говорите да, или нѣтъ, вотъ и все! Если да, сейчасъ и ручки расцѣлю, а если нѣтъ, уберусь во свояси. Предлагаю вамъ руку и сердце и все прочее, что у меня есть. Да или нѣтъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло! — какъ-то почти произвольно вырвалось у Александры Ивановны, и въ глазахъ ея вдругъ загорѣлось сіяніе, которое она напрасно старалась скрыть. — Я, полковникъ... я... согласна...

Полковникъ какъ-то неожиданно крикнулъ, повидимому, отъ удовольствія, какъ дѣлаютъ послѣ выпитой залпомъ рюмки водки; потомъ отбросилъ въ сторону свою палку, быстро приблизился къ Александрѣ Ивановнѣ и въ самомъ дѣлѣ началъ цѣловать у ней ручки.

Мнѣ присутствовать при дальнѣйшемъ развитіи столь нѣжной сцены не представлялось никакихъ основаній. Я поклонился и вышелъ, не встрѣтивъ при этомъ съ ихъ стороны ни малѣйшаго протеста. На дворѣ была темень. Въ единственномъ огнѣ сушильни виденъ былъ неяркій огонь и какое-то движеніе вокругъ стола. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что туда внесли самоваръ и, очевидно, готовились совершать тамъ чаепитіе. Я вошелъ въ сушильню и въ дверяхъ столкнулся съ Прокофіемъ, котораго, благодаря его французской бородѣ, въ первую минуту вторично не узналъ.

Тутъ были Петръ Ивановичъ, Бурбетовъ и Бултыгинъ и сюда ждали дамъ.

— А! — встрѣтили меня Петръ Ивановичъ и Курбетовъ, — наконецъ - то!... Ну, — торжественно процитировалъ Бурбетовъ, — «чѣмъ же кончилось разно-красиво пѣнье?»

— Да кончилось очень обыкновенно, — отвѣтилъ я, и, въ то время какъ я уже собирался назвать обстоятельства ихъ настоящимъ именемъ, мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ Бултыгина и я подумалъ: «будетъ ли это вполнѣ безопасно?»

— Ну, какъ же именно? — спросилъ Бурбетовъ.

— Да, вѣдь вамъ, вѣроятно, говорилъ Бултыгинъ?

— Это насчетъ предложенія? Такъ это же ясно, что онъ просто отвиливаетъ. Хочетъ выиграть время, старый плутъ.

— Но однако же онъ въ настоящую минуту находится у Александры Ивановны.

— Что? Что? — голосомъ, полнымъ негодованія, воскликнулъ Бултыгинъ.

— Да, онъ находится у Александры Ивановны и только то, при мнѣ, повторилъ ей свое предложеніе.

— И она...—хотѣлъ было спросить Бултыгинъ, но я докончилъ за него:

— И она приняла его.

Бултыгинъ вдругъ неистово забѣгалъ по комнатамъ и бѣгалъ все время, пока мы обмѣнивались взглядами по поводу происшедшаго событія. Петръ Ивановичъ находилъ поступокъ сестры страннымъ, а Курбетовъ, напротивъ, видѣлъ въ немъ проявленіе высшей справедливости.

— Помилуй. Богъ,—говорилъ онъ,—этотъ пятидесятилѣтній эгоистъ, обладатель большого состоянія, которое ему досталось зря, рѣшительно безъ какихъ бы то ни было заслугъ съ его стороны, уже половину состоянія всади́лъ въ свою утробу и точно такъ же всади́лъ бы и остальное. Александра Ивановна—красивая дѣвушка, умная, съ прекраснымъ веселымъ характеромъ... она имѣетъ столько же правъ на жизнь, сколько и онъ. Такъ вотъ она и воспользуется этой оставшейся половиной... Полковника она будетъ держать въ подчиненіи, онъ передъ нею на заднихъ лапкахъ будетъ ходить и такимъ образомъ выйдетъ великолѣпное супружество, какое рѣдко встрѣчается въ природѣ.

Въ это время къ Петру Ивановичу, сидѣвшему за столомъ, подбѣжалъ Бултыгинъ. Видъ у него былъ странный, въ глазахъ была видна какая-то настойчивость, губы дрожали.

— Петръ Ивановичъ,—воскликнулъ онъ прерывистымъ, почти задыхающимся голосомъ,—ради Бога... ради самого Бога, прошу, умоляю васъ, дайте мнѣ лошадей доѣхать до станціи...

— Теперь? Сейчасъ?

— Сейчасъ... сейчасъ!... Сію минуту! Я прошу васъ...

— Но знаете послѣ дождя дорога отвратительная! — отговаривалъ его Петръ Ивановичъ.

— Это все равно... пожалуйста, если можете... я вамъ буду очень, очень благодаренъ.

— Но послушайте,—промолвилъ Курбетовъ,—вѣдь теперь до самого утра и поѣздовъ никакихъ не будетъ.

— Все равно... все равно... я поѣду сейчасъ!

— Батюшки, посмотрите-ка, какой дождь лупить!—сказалъ Курбетовъ, подходя къ окну; и въ самомъ дѣлѣ дождевыя капли, съ каждой секундой учащаясь, начали стучать о стекла.—Эхъ, право,—продолжалъ Курбетовъ,—и что за воспалительность такая? Ну, что изъ того, что вы уѣдете? Развѣ отъ этого что-нибудь измѣнится? Вѣдь отъ того, что вы уѣдете, Александра Ивановна не откажется выйти за полковника, ибо въ послѣднемъ случаѣ при-

шлось бы допустить, что она мгновенно изъ умной женщины вратилась въ глупую. Вѣдь поймите вы, какъ она умна! Я въ исторію вотъ какъ наблюдаю. Вѣдь полковника она, можно сказать тончайшей паутиной опутала и довела этотъ, порядочно уже испорченный кусокъ мяса, до изступленія. Вы думаете, эта сцена манія съ лошади, которую вы намъ такъ художественно разсказана была допущена зря?—какъ бы не такъ! Это, батюшка, планъ, сдѣланъ. Вѣдь полковникъ—натура грубая, хотя онъ и тонкія вина и курить дорогія сигары. Его тонкимъ кокетствомъ проймешь. А тутъ надо было «довести», надо во что бы то стало! Ну, вотъ умная женщина и пустила въ ходъ грубое слово. Вѣдь тутъ дѣло вотъ въ чемъ: надо было, чтобы полковникъ, эта грубая натура, такъ сказать, вышла изъ береговъ. Она и не замедлила выйти. Получилось оскорбленіе. Надо было, чтобы полковнику пришла опасность оказаться не джентльменомъ. Это случилось. Надо было, чтобы полковникъ струсилъ. И это не замедлило придти. Вотъ всѣ эти обстоятельства дружнымъ усиліемъ сломили закоренелый эгоизмъ стараго холостяка. И онъ сдѣлалъ предложеніе. Влюбленъ онъ въ нее, какъ котъ, а жениться боится изъ эгоизма... Теперь, какъ видите, всѣ эти препятствія уже сломаны женскимъ умъ побѣдилъ. Да здравствуетъ женскій умъ! Игра въѣрная, ходы были гениальныя...

— Петръ Ивановичъ, ради Бога, дайте мнѣ лошадей! — чуть плача, воскликнулъ Бултыгинъ.

Петръ Ивановичъ вдругъ поднялся.

— Хорошо, Сергѣй Николаевичъ, я сейчасъ распоряжусь, — видимою покорностью сказалъ онъ и вышелъ.

Курбетовъ долго еще отчитывалъ Бултыгина, доказывая, что тотъ проявляетъ неумѣстную горячность, что лучше бы ему остаться, да на свадьбѣ попить, но Бултыгинъ не слушалъ его, каждую минуту подходилъ къ двери и прислушивался, не поданы ли лошади, и, очевидно, безповоротно рѣшилъ уѣхать.

Минутъ черезъ пять послышался гулъ подъѣхавшаго къ дому экипажа. Гулъ этотъ сливался съ шумомъ все болѣе усиливавшагося дождя. Бултыгинъ подбѣжалъ къ стулу, на которомъ лежалъ его чемоданъ, наскоро побросалъ туда свои вещи, заперъ чемоданъ, быстро напялилъ на себя пальто, схватилъ шляпу и нерывисто протянулъ руку мнѣ, потомъ Курбетову.

— Прощайте!

— Прощайте, безумецъ, не понимающій своего счастья! — сказалъ ему Курбетовъ. — Собственно говоря, вы должны были бы на

ку монументъ воздвигнуть въ благодарность за избавленіе. Похоже на то, какъ если бы васъ приговорили къ повѣшенію, и вы бы уже стали набрасывать петлю, но вдругъ, и ни возмись, явился полковникъ, столкнулъ васъ съ мѣста, нависъ свою шею и былъ вздернутъ вмѣсто васъ... промолчалъ. Бултыгинъ, не слушая Курбетова, съ чемодана въ рукѣ выскочилъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько секундъ слышали шумъ отъѣзжавшаго экипажа.

IX.

Все остальное произошло такъ, какъ должно было произойти. Семь былъ соблюденъ полный порядокъ. И никакихъ выдающихся событій не совершилось.

Ближайшее воскресенье было свидѣтелемъ торжества, быть можетъ, величайшаго изъ торжествъ, какія только бывали въ тѣхъ мѣстахъ. Полковникъ нарядился въ мундиръ, который онъ получилъ вмѣстѣ съ отставкой. Разумѣется, мундиръ оказался ему по-настоящему узокъ, такъ какъ со времени отставки прошло уже около пяти лѣтъ, а за то время онъ порядочно-таки растолстѣлъ. Дѣла же новый мундиръ ему не было расчета, ибо въ частной жизни онъ носилъ штатское платье.

Александра Ивановна была въ бѣломъ платьѣ, которое необыкновенно быстро было сооружено нашими дамами. При этомъ дамы проявили большое искусство въ портняжномъ дѣлѣ и, надо сказать правду, что платье было сшито прекрасно, и Александра Иванна была въ немъ мила и кокетлива. Я и Курбетовъ, въ качествѣ шаферовъ, нарядились въ черные сюртуки. Это не вполне соответствовало торжественному моменту, но мы же не знали, что придется фигурировать въ столь почетной роли и потому, отправившись въ деревню, фраковъ съ собой не захватили.

Деревенская церковь была полна народу. Трудно понять, откуда узнали о предстоящемъ событіи. Никто не оповѣщалъ ихъ; было глашатаевъ, которые ходили бы по деревнѣ и объявляли народу о томъ, что владѣтельный полковникъ женится. Священникъ одѣлся въ самую лучшую ризу. Были зажжены всѣ свѣчи, и только нашлись въ церкви. Къ дьячку, обладавшему довольно-приятнымъ высокимъ теноромъ, присоединился басъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, грамотей, пѣвшій обыкновенно на влиросѣ, и они вместе составили хоръ. Дьяконъ, у котораго былъ довольно густой басъ, напрягалъ всѣ фибры, чтобы какъ можно громче и вы-

ше вынести конецъ Апостола. Все обошлось необыкновенно торжественно.

А послѣ вѣчанія въ замѣкъ отставного полковника былъ устроенъ настоящій банкетъ. Правда, приглашенныхъ было мало и тѣ, за исключеніемъ Курбетова, оказались родственниками, такъ какъ съ этого момента всѣ мы породнились съ полковникомъ. Тѣмъ не менѣе было пролито много шипучаго вина и обѣдъ вышелъ очень веселымъ.

Только погода не соответствовала радостному дню. Вотъ уже четыре дня, какъ шелъ непрерывный дождь, и всѣ земледѣльцы повѣсили носы, такъ какъ этотъ дождь былъ очень не кстати. Именно нужна была сухая погода для того, чтобы благополучно убрать и смолотить хлѣбъ. Поэтому у Петра Ивановича на лицѣ была какая-то странная смѣсь торжественности съ уныніемъ, и Курбетовъ, не пропускавшій случая сострить, говорилъ, что лицо его выражаетъ «торжественное уныніе».

Это было понятно. Хлѣбъ, только что скошенный, гнилъ на поляхъ. Такимъ образомъ радость Петра Ивановича, а съ нимъ и всѣхъ другихъ земледѣльцевъ, въ то время, когда послѣ засухи пошли дожди и зелень на поляхъ погустѣла и подросла, былъ преждевременна.

На другой день послѣ вѣчанія, когда Александра Ивановна уже переселилась въ помѣщичій домъ, въ этомъ домѣ началась торопливая возня. Молодая помѣщица торопила своего мужа на Кавказъ.

— Ему нужно лѣчиться!—говорила она.—Здоровье прежде всего.

По этому поводу Курбетовъ, отведя меня въ сторону, объяснился слѣдующимъ образомъ: «Ей просто здѣсь адски скучно и она надѣется на Кавказъ найти разнообразіе».

И въ самомъ дѣлѣ это было правдоподобно. Александра Ивановна пріѣхала въ деревню съ весьма опредѣленной цѣлью: во что бы то ни стало скрутить полковника. Она достигла этой цѣли и больше ей не зачѣмъ было сидѣть здѣсь. А Кавказъ представлялъ обширное поле для ея фантазій, и несомнѣнно она торопилась не столько для полковника, сколько для себя самой; она не хотѣла терять времени и спѣшила воспользоваться преимуществами своего новаго положенія.

Когда все было готово, состоялись проводы. Опять появилось на сцену шампанское, чокались, высказывали пожеланія, или здоровье отъѣзжающихъ и остающихся. Въ качествѣ новыхъ родственниковъ, мы цѣловались съ полковникомъ.

Можно было, однако, замѣтить, что въ послѣдній часъ передъ отъѣздомъ ихъ Петръ Ивановичъ ходилъ хмурый. Когда я освѣдомился о причинѣ такого не соответствующаго случаю настроенія, онъ объяснилъ мнѣ:

— Да видишь ли, я не заплатилъ ему арендной суммы. Пу, и понятно, меня раздражаетъ эта недоимка. Теперь онъ уѣзжаетъ, и, пожалуй, деньги ему нужны на дорогу. Можетъ быть, онъ и не потребуетъ, да вѣдь неловко...

— Да ты просто спроси у него!

— Гм... спроси! Но представь себѣ, что онъ скажетъ: да, мнѣ нужны деньги. Вѣдь все равно у меня нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки рѣшился напрямикъ сказать полковнику. «Ужъ извините, я опять прошу отсрочить мнѣ арендную плату».

Полковникъ замахалъ на него руками: «Полноте, что это вы? Вѣдь мы теперь люди свои; неужто намъ съ вами считаться?»

Только послѣ этого «отпущенія» Петръ Ивановичъ присоединился къ намъ и принялъ участіе въ нашихъ чоканіяхъ и взаимныхъ пожеланіяхъ. Затѣмъ они уѣхали.

Дня черезъ три случилось еще одно событіе. Какъ-то привезли почту. Курбетовъ по обыкновенію набросился на газеты и вдругъ съ его стороны послышалось какое-то странное криканье, какъ будто внутри у него что-то треснуло.

— Что это ты?

— Ахъ, чортъ бы побралъ мое легкомысліе! — воскликнулъ Курбетовъ. — Въ-время не опомнися и вотъ теперь мои бумаги кувыркомъ летятъ. Надо спѣшить, пока еще не совсѣмъ поздно. Послушай, Петръ Ивановичъ, не можешь ли ты снарядить верхового, послать на станцію?

— Зачѣмъ тебѣ верховой?

— Надо дать телеграмму моему банкиру на счетъ продажи бумагъ.

— Да вѣдь это теперь невыгодно.

— Разумѣется, невыгодно. Но теперь я только половину потеряю, а если еще задержу, то могу потерять все. И такъ какъ я могъ бы потерять все, а теряю только половину, то, слѣдовательно, я еще въ выигрышѣ. Вѣдь это ясно!

Снарядили верхового и Курбетовъ отправилъ свою телеграмму. А дождь вотъ уже вторую недѣлю лилъ непрестанно. Петръ Ивановичъ сперва надѣялся на то, что онъ прекратится и еще

можно будетъ просушить хлѣбъ, но потомъ потерявъ надежду и махнулъ рукой.

— Все пропало! — угрюмо произнесъ онъ. — Вотъ развѣ послѣ дождей трава выростетъ, можетъ на травѣ что-нибудь возьму.

Что касается собственно насъ, пріѣзжихъ петербуржцевъ, то мы рѣшительно ото всего выиграли. Благодаря родству съ владѣльцемъ имѣнія, мы пользовались всевозможными льготами, полковникъ приказалъ своимъ клевретамъ оказывать намъ чрезвычайныя любезности. Мы, теперь уже даромъ, получали отличное мясо, великолѣпныхъ откормленныхъ куръ, а по праздникамъ даже индюшекъ. Намъ присылали множество фруктовъ. Мы гуляли въ паркѣ и пили превосходное вино. Безъ сомнѣнія, это былъ чистый выигрышъ.

Наступила вторая половина августа. Мы стали подумывать о томъ, что пора возвращаться въ Петербургъ.

— Ну, что, — говорилъ Курбетовъ Петру Ивановичу, — ты и теперь будешь отрицать, что твое земледѣіе такая же игра, какъ моя биржа, тотализаторъ, рулетка и прочее, прочее? Вложилъ ты, братъ, въ землю все, что у тебя было, то же самое сдѣлалъ и я, только я вложилъ не въ землю, а въ бумаги. Ты потерялъ все, а я половину. Но могло случиться и обратное. Я могъ потерять все, а ты половину. Это простая случайность. И все оттого, что мы съ тобой плохіе игроки. А вотъ Александра Ивановна игрокъ тонкій, вотъ она и выиграла цѣлаго полковника со всѣмъ, что у него есть. А ставка эта хорошая... Но знаете, господа, — обратился онъ ко всѣмъ намъ, — кто больше всѣхъ выигралъ? Я вамъ скажу: Бултыгинъ. Вѣдь подумайте, онъ благополучно избѣжалъ самаго тяжкаго бремени, какое только можетъ наложить на человѣка судьба, — супружескихъ узъ! И въ то же время, господа, хотите держать пари, что въ Петербургѣ нашъ юный педагогъ сдѣлается лучшимъ другомъ полковника и будетъ посѣщать его домъ каждый день и въ особенности каждый вечеръ? Я держу пари на всю сумму, оставшуюся мнѣ отъ продажи моихъ бумагъ! Я такимъ образомъ продолжаю мою игру.

Однако же никто изъ насъ не подержалъ пари. Скоро мы простились съ Петромъ Ивановичемъ и его семействомъ и уѣхали въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ одной пріятной гостиней стало больше. Александра Ивановна оказалась чрезвычайно милой и привѣтливой хозяйкой, а полковникъ подчинился ей весь, «до кончиковъ ногтей».

къ опредѣлялъ Курбетовъ, и очень скоро растерялъ всѣ свои хостыя привычки. Послѣ медоваго мѣсяца, проведеннаго на Кавка-, онъ какъ-то очень ужъ быстро сталъ отяжелѣвать и все болѣдѣлся домохозяиномъ и чаще прибѣгалъ къ компрессамъ и всевозможнымъ снадобьямъ.

Но лучшимъ украшеніемъ гостиной полковника былъ несомнѣнно юный педагогъ Бултыгинъ, про котораго Александра Иванна говорила:

— Это учитель нашихъ будущихъ дѣтей...

И. Потапенко.

Изъ „Пѣсенъ свободы“ Камарь-Катиба *).

П т и ц ы.

Прилетай, соловей, изъ роскошныхъ вѣтвей,
Убаюкай ребенка мечтательнымъ сномъ.
Нѣтъ, онъ плачетъ сильнѣй, улетай, соловей:
Онъ не вырастетъ, нѣтъ, бесполезнымъ пѣвцомъ.
Ты, поповичъ **), покинь даль нѣмую пустынь,
Укачай мнѣ малютку задумчивымъ сномъ.
Нѣтъ, онъ плачетъ всю ночь; птица мрачная, прочь:
Онъ не вырастетъ, нѣтъ, терпѣливымъ попомъ.
Бѣ намъ, голубка, на зовъ, отъ гнѣзда, отъ птенцовъ,
Съ безутѣшною грустью спустишься съ высоты,
Нѣтъ, онъ плачетъ опять; птица, полно стонать:
Онъ не вырастетъ, нѣтъ, малодушенъ, какъ ты.
Брось, сорока, на мигъ прахъ богатствъ воровскихъ,
Стрекочи небылицы да сказки предъ сномъ.
Нѣтъ, онъ плачетъ до дня; улетай отъ меня:
Онъ не вырастетъ, нѣтъ, безпощаднымъ скупцомъ.
Боршунъ, коршунъ, — о, вотъ чихъ онъ пѣсенъ такъ ждетъ
Отъ добычи кровавой, и веселъ, и сытъ,
Гордый мститель взмахнулъ; сынъ мой къ груди прильнулъ
И подъ хищные клики, счастливый, онъ спитъ.

Д. Шестановъ.

*) Камарь-Катиба (1830—1892 гг.) одинъ изъ выдающихся представителей современной армянской поэзіи. Уроженецъ города Нахичевани, сынъ священника Гамри Паткаміаза, онъ кончилъ курсъ въ Юрьевскомъ университетѣ. Армянское издание его *Пѣсенъ свободы* вышло въ Москвѣ въ 1881 году, такимъ образомъ для насъ стихотворенія вдвойнѣ интересны, какъ возникшія подъ впечатлѣніемъ турецкихъ истязаній надъ ихъ христіанскими подданными, вызвавшихъ русско-турецкую войну.

**) Народное названіе ворона у армянъ.

Ч У Д А Ч Н А.

(Повѣсть).

VI.

Всю ночь Марина продумала о томъ, кто правъ и кто виновать и какъ жить дальше. Послѣ того, что случилось, ей казалось немыслимымъ продолжать прежнее, говорить одно, дѣлать совсѣмъ иное. Она чувствовала и понимала теперь больше, чѣмъ когда-либо, что надо отречься отъ этой никому не нужной суетни, которую называютъ жизнью. Она стремилась къ другой, простой, настоящей жизни и сознавала, что теперь пора перевести это стремленіе въ дѣло. Если у ея матери вырвалось искреннее убѣжденіе, что это все рисовка, тщеславіе, желаніе оригинальничать, то что же про нее думаютъ другіе? Но главное не въ «другихъ», а въ матери, мнѣніемъ которой она такъ дорожила. Вотъ отчего мама всегда отвѣчала шутками или презрительнымъ молчаніемъ на ея слова... Она не вѣрила въ ихъ искренность, думала, что Маруся рисуется въ гражданскія добродѣтели, а сама держится обѣими руками за то, чѣмъ живутъ онѣ. И мать имѣла полное право такъ думать: Марина не поступилась ничѣмъ ради тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ она говорила такъ красиво. Она продолжала жить, «какъ всѣ», ѣсть какъ всѣ, услаждать себя книгами, лекціями, театрами и концертами и ничего не дѣлала для тѣхъ, кого такъ жалѣла на словахъ. Ей стыдно даже признаться въ томъ, что она за все это время отдала за разные билеты въ пользу голодающихъ только тѣ двѣсти рублей, которые ей мать даетъ разъ въ зиму на «мелкіе расходы». Она ни въ чемъ ни минуты не почувствовала, что отдала ихъ, а въ душѣ была довольна, точно сдѣлала доброе дѣло.

*) Русская Мысль кн. XI,

— А-ахъ! — простонала Марина и взглянула на часы. — Было три часа ночи. До утра еще долгая зимняя ночь съ ея безмолвіемъ и темнотою. Маринѣ показалось невозможнымъ дожидаться утра. Ей хотѣлось сейчасъ же, сію минуту броситься къ матери, сказать ей все, что такъ мучило ее, умолить ее не думать о ней такъ дурно и помочь ей жить по-настоящему. Ей казалось уже невозможнымъ не оправдаться передъ матерью, не доказать ей, что она говоритъ только искренно, что она вскрываетъ все свое сердце передъ нею... И ей захотѣлось сію же минуту дать возможность матери заглянуть въ ея голову, въ ея сердце и убѣдиться, что она говоритъ только то, что думаетъ, что чувствуетъ...

Марина быстро встала, съ лихорадочной поспѣшностью нагнула на себя черный капотикъ и вышла изъ спальни. Въ коридорѣ и уборной, черезъ которые пришлось идти Маринѣ до комнаты матери, было темно и холодно. Марина шла осторожно ступая, боясь натолкнуться на что-нибудь и нашумѣть. Марья Андреевна была нервная и пугливая; Марина знала, что «мама всего боится» и съ дѣтства привыкла оберегать ее отъ всякихъ испуговъ. Она, заставъ дыханіе, остановилась у двери и прислушалась. Въ спальнѣ матери было совсѣмъ тихо. Должно быть, Марья Андреевна, какъ всегда, спала совершенно неслышно, и Маруся не посмѣла, не захотѣла нарушить ея сонъ. Опять чувство нѣжной жалости наполнило ее, и она тихо, тихо пошла назадъ и легла въ свою холодную дѣтскую кроватку.

Утромъ, когда горничная Паша пробѣжала по коридору на звонокъ генеральши, Марина уже сидѣла за столомъ и читала. Она читала только, чтобы убить время и не смотрѣть на часы въ тяжеломъ ожиданіи. Строчки скакали у нея передъ глазами, она перечитывала ихъ по нѣсколько разъ, и ничего не понимала. Собственные мысли и, главное, потребность оправдаться передъ матерью застилали все и не давали ей ни секунды покоя.

Она вошла въ спальню матери, какъ всегда, не спрашивая, не постучавъ въ дверь. Марья Андреевна полулежала на подушкахъ; голубая батистовая рубашка съ желтоватыми кружевами дѣлала ея худенькое лицо еще блѣднѣе. Марусю испугала эта блѣдность, но когда она увидала, что мама не забыла завить на ночь волосы на шпильки, она какъ-то безотчетно успокоилась. Передъ нею была та же самая мама, какую она привыкла видѣть каждое утро въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Она подошла и, какъ всегда, взяла ея руку и поцѣловала.

Марья Андреевна молчала. Маруся, какъ обыкновенно, сѣла на коврикъ у ея ногъ.

— Ты сердилъся на меня, мама?—кротко спросила Маруся.

Марья Андреевна пила маленькими глотками кофе и не отвѣчала.

— Прости меня, если я сказала не такъ... не то... Я не думала, что это такъ разсердить... обидить тебя... Ты только не сердись на меня... Не смотри на меня такъ...

— Оставимъ этотъ разговоръ, Маруся... Онъ ни къ чему хорошему не приведетъ.

— Нѣтъ, мама, напротивъ. Намъ надо договориться до конца... Надо, чтобы ты не сомнѣвалась во мнѣ, въ моей искренности, въ томъ, что все, что я говорю тебѣ—истинная правда...

— Опять!—съ досадой сказала Марья Андреевна.

— Что опять?—съ ужасомъ спросила Маруся.

— Опять громкія фразы о правдѣ, о добрѣ, о жертвахъ... Я не переношу этого...

Маруся долго молчала. Марья Андреевна глядѣла куда-то вдаль.

— Мама!—наконецъ, почти шепотомъ, робко сказала Марина, —отпусти меня къ голодающимъ.

— Что?!—съ испугомъ вскрикнула Марья Андреевна.—Еще что выдумашь?... Впрочемъ, послѣ твоихъ бредней и не то придетъ въ голову...

— Нѣтъ, мама, выслу...

— Полно, пожалуйста...

— Поѣдемъ вмѣстѣ, мама, въ Васильевку, устроимъ хоть одну столовую, накормимъ хоть одну сотню человѣкъ...

— Vous êtes folle, ma chérie,—прошептала Марья Андреевна по-французски, такъ какъ въ спальню вошла Паша, чтобы убрать кофе.

Марина вся задрожала отъ жесткости тона Марьи Андреевны и отъ того, какъ злобно смотрѣли ея заплаканные глаза, какъ сурово наморщился ея лобъ.

— Мама! Да ты не гляди на меня такъ... Ты не врагъ мнѣ...—искренно и горячо начала Маруся, какъ только горничная вышла изъ комнаты.—Отпусти меня раньше одну... Я все напишу тебѣ, устроюсь, тогда ты...

— Никуда, никуда я не пущу тебя,—вдругъ закричала высокимъ голосомъ Марья Андреевна.—Такъ и знай!... Ты съ ума сошла! Мать осрамить хочешь! Себя на вѣкъ скомпрометировать...

Поѣдетъ къ мужикамъ! Двадцатилѣтняя дѣвчонка одна по избамъ шляться будетъ... Бого осудить? Не тебя же!... Мать осудить...

— Не то, мама, не то...—пыталась остановить Марина, но Марья Андреевна опять начала плакать, опять стала жалѣть себя, и Марина опять ушла къ себѣ въ комнату, ничего не добившись.

Когда она вышла къ завтраку, горничная сказала ей, что «генеральша дома фрыштыкать не будутъ». Весь день и весь вечеръ Марина просидѣла въ своей комнатѣ, ожидая, что мать пришлетъ за ней, позоветъ ее. За обѣдомъ была Анна Евграфовна и Марья Андреевна все время говорила съ ней.

Настала опять ночь, тяжелая, безконечная ночь. Марина боялась лечь въ постель, боялась подушки, боялась своихъ думъ. Когда она пошла вечеромъ въ комнату матери, то невольно услышала, что она жалуется на нее Аннѣ Евграфовнѣ, жалуется точно такими же словами, какъ вчера тетѣ Сонѣ:

— Стыдно жить... За что, за что она такъ оскорбляетъ меня?

— Всякій по-своему съ ума сходить,—успокаивала ее Анна Евграфовна.

И Маруся уже не имѣла ни желанія, ни силъ идти въ комнату матери.

«Неужели сходить съ ума она, если видить, что бѣлое бѣло, а черное черно, а не всѣ они, не видящіе, и, главное, не желающіе видѣть правды?... И опять она почувствовала, что «все» на ихъ сторонѣ, и что она одна, совсѣмъ одна съ тѣмъ, что ей кажется правымъ и справедливымъ.

Когда она проснулась,—она сидѣла у стола, а мать стояла передъ нею, и опять—первое, что бросилось въ глаза Маруси, были двѣ шпильки на лбу съ закрученными на нихъ волосами.

— Мама! Что?—съ испугомъ спросила Марина, вскакивая со стула.

Марья Андреевна нѣжно поцѣловала дочь, и та схватила ее руки и стала радостно и нѣжно цѣловать ихъ.

— Ты чего же не ложишься?—заботливо спросила мать.—Вѣдь уже четыре часа ночи...

— Четыре часа? Что ты? А почему ты-то не спишь?..

— Не спалось... Вертѣлась, вертѣлась... Показалось, что кто-то ходитъ... Встала, пошла по комнатамъ—вижу свѣтъ у тебя... Сидитъ моя Марина Львовна, уткнувшись носомъ въ книгу... Изволь раздѣваться и ложиться въ постель...

Маруся почувствовала, что мать говоритъ неправду, что она не случайно зашла къ ней, и это наполнило ее радостью и счастьемъ.

ть. Она подошла къ матери, обняла ее за талию, положила ей голову на плечо и прошептала:

— Ты не сердись на меня?

— Маруся! Вѣрь, что я желаю счастья тебѣ,—сказала Марья Андреевна, точно заранѣе приготовленную фразу.

Она сѣла въ кресло къ письменному столу и заговорила такимъ тономъ, точно хотѣла поскорѣе высказать все, съ чѣмъ она пришла сюда:

— Не думай ты ни минуты, что я все дѣлаю изъ эгоизма... Эти всегда обвиняютъ родителей въ эгоизмъ... Не думай, что я недостаточно люблю тебя... Пстой! Дай мнѣ кончить... У тебя есть это убѣжденіе, что я недостаточно люблю тебя... Прежде, можетъ быть, это такъ и было... Когда ты родилась, я была слишкомъ молода, да и сердце было слишкомъ полно любовью къ твоему отцу... Потомъ долгая болѣзнь... Я умирала послѣ твоего рожденія. Постоянныя страданія, раздражительность... ну, эгоизмъ. Буду говорить совершенно искренно, какъ не про себя... Да—эгоизмъ. Вѣдь нѣтъ эгоистичнѣе больныхъ... Страданія дѣлаютъ ихъ равнодушными ко всему въ мірѣ, что не касается нашей особы... Это правда... И я была эгоистична и относительно тебя, и относительно Нины... Но мнѣ тяжело объ этомъ говорить...

Она умолкла. Маруся сидѣла у себя на кровати и ждала, что скажетъ мать дальше. Она еще никогда такъ не говорила съ ней.

— Ты очень хорошо знаешь всю мою жизнь... Но ты не знаешь, сколько проплакала я отъ оскорбительнаго одиночества, въ которомъ мнѣ пришлось жить послѣдніе годы жизни Льва Львовича... Ты была мала, я даже и возможности не допускала, чтобы ты могла догадаться о чемъ-нибудь... Передъ чужими я скрывала и лгала... Вотъ тутъ ты для меня была большимъ утѣшеніемъ, всегда милая, всегда ласковая... Я все-таки думала, что не одинока и вѣрила, что никогда не буду одинока... Когда умеръ твой отецъ—помнишь какъ мы съ тобой сразу подружились, ты спала въ моей комнатѣ и я все больше и больше привязывалась къ тебѣ... И вдругъ теперь...

Она оборвалась и, точно поборовъ что-то, опять заговорила:

— Маруся! Ты вдумайся только въ мою жизнь: развѣ я сколько-нибудь живу для себя? Мнѣ сорокъ лѣтъ, это еще не старость... Я не уродъ...

«Мама! Тебя и до сихъ поръ всѣ считаютъ красавицей»,—хотелось сказать Марусѣ, но она боялась прервать то искреннее на роженіе, которое овладѣло Марьей Андреевной.

— Посмотри на женщин моих лѣтъ. У каждой есть своя жизнь, своя привязанность, законная или незаконная, есть свои желанія и стремленія... У меня кромѣ тебя никого и ничего... Ты хочешь бросить меня.

Рыданія сдавили ей горло.

— Бросить? Никогда, мама!

— Ты знаешь, что я не могу отказаться отъ всего, чѣмъ жила до сихъ поръ, не могу и не считаю нужнымъ. И мое здоровье, и лѣта не позволяютъ мнѣ измѣнить жизнь такъ, какъ ты находишь это «честнымъ». Значить, мы должны разстаться... Это, — знай, Маруся! — убьетъ меня.

Это слово рѣзнуло Марину, какъ ножомъ.

— Ты говоришь всегда о добрѣ, о необходимости быть доброй и дѣлать добро. Знай: гораздо легче быть добрымъ къ человѣчеству, чѣмъ къ одному человѣку...

Она опять замолчала, точно давая Маринѣ время на размышленіе.

— Зачѣмъ идти далеко, чтобы дѣлать добро? Каждый день, на каждомъ шагѣ является возможность дѣлать добро, освѣщать жизни близкихъ... Напримѣръ, у тебя... Я не могу жить одинокая, я не могу жить безъ ласковыхъ, добрыхъ словъ, а ты хочешь бросить меня, уйти, дѣлать добро какимъ-то чужимъ людямъ, которыхъ ты никогда не знала, никогда и не видала... Подумай только, какъ это нелѣпо, какъ жестоко...

— Да я никогда не думала бросать тебя, мама. Ты это знаешь... Я была убѣждена, что ты рано или поздно прозрѣешь и увидишь, какъ искусственна наша жизнь, какъ нелѣпы наши метанія, какъ жалки наши волненія... Дай же и мнѣ все сказать тебѣ, мама... Не желаніе споровъ или ссоръ, въ самомъ дѣлѣ, руководитъ мною... Напротивъ, я хочу мира, хочу любви... Ты знаешь, что тебя я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ...

— И докажи это. Докажи... А не критикуй мою жизнь, мои взгляды, моихъ знакомыхъ. Ты думаешь, мнѣ легко жить, зная, что ты постоянно критикуешь, постоянно недовольна... Постоянно стремишься куда-то... Всѣ смѣются надъ тобой... Ты думаешь, мнѣ это пріятно?

Маруся встала и заходила по комнатамъ. Ей совсѣмъ не такъ и не о томъ хотѣлось говорить съ матерью, хотѣлось забыть объ этихъ «всѣхъ», съ которыми постоянно считается мать, и говорить только о ней, о себѣ, о ихъ разногласіи, и ихъ непониманіи друг друга. И она чувствовала, что опять ихъ объясненіе кончится ни-

жизнь. А надо было рѣшить, во что бы ни стало рѣшить, какъ жить дальше.

— Мама!—заговорила она горячо и искренно.—Мама! Научи же меня, какъ надо жить, чтобы не страдать отъ разлада съ совестью, чтобы не мучиться постоянно.

— Жить какъ всѣ живутъ.

— Я не понимаю этого.

— То-есть чего не понимаешь?

— Этой фразы твоей «жить какъ всѣ живутъ»... Условія жизни людей, ихъ привычки, наконецъ требованія такъ различны, что нельзя обобщать «какъ всѣ».

— Нѣтъ, вотъ что: рыба родилась въ водѣ—ей и жить въ водѣ всю жизнь... Такъ и ты: родилась ты въ извѣстныхъ условіяхъ, воспиталась, выросла въ нихъ—такъ и живи. Только тогда и ты будешь счастлива и близкимъ дашь счастье. Главное: не мудрствуй, не желай изъ себя изображать что-то искусственное... Помни, что ты самый обыкновенный человѣкъ, и не строй изъ себя Донъ-Кихота... Смѣшно это!

Марина опять сѣла, совершенно придавленная словами матери. Марья Андреевна взглянула на нее и сказала ласково и тихо:

— Маруся! Подойди ко мнѣ.

Марина быстро встала, подошла къ матери, опустилась передъ ней на колѣни и, склонивъ голову ей на руки, горько заплакала.

— Ты не обижайся на меня, не огорчайся,—нѣжно сказала Марья Андреевна.—Ето же, какъ не мать, скажетъ тебѣ правду? Я обязана сказать тебѣ ее... Надъ тобой смѣются, называютъ тебя чудачкой, смотреть на тебя какъ на ненормальную. Мнѣ жаль тебя... Жаль себя... Настъ только двое на свѣтѣ... Будемъ жить другъ для друга... Будемъ беречь другъ друга.

Она подняла голову Маруси и ласково поцѣловала ея мокрые глаза.

— Повторяю тебѣ, Маруся, всякое иное твое рѣшеніе убьетъ меня...

— Не говори такъ, мама. Ты знаешь, что для меня это невозможно...

— Ну, и будемъ жить, какъ жили! Забудь твои «хорошія» слова,—такія жестокія относительно твоихъ близкихъ... Забудь твои неясныя стремленія и помни, что я сказала тебѣ: легче быть добрымъ къ человѣчеству, чѣмъ къ одному человѣку... Я прошу у тебя только доброты ко мнѣ...

Марина подняла голову и увидала, что по милому, блѣдному

лицу матери текутъ крупныя слезы. Эти слезы такъ взволновали, такъ обрадовали ее, что она бросилась цѣловать мать и дала ей обѣщаніе жить только такъ, какъ она хочетъ.

И вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что Маруся держитъ это обѣщаніе, то-есть старается держать его: старается не спорить съ матерью, старается не высказывать своихъ мыслей, подавлять свои стремленія.

И постоянно горитъ въ ней надежда на то, что мать скоро приметъ ее и тогда начнется совсѣмъ иная, настоящая жизнь.

И теперь Марина лежала въ постели, закинувъ руки за голову и безотчетно ждала, что войдетъ мать и скажетъ ей: «Я все поняла!»

Въ дверь тихо постучались.

— Барышня! — раздался голосъ горничной.

— Паша! Войдите. Что мама?

— Проснулись... Кофе ужъ покушали... Она спрашиваетъ васъ: желаете ли вы поѣхать сегодня поздравить барыню и барышню Бородиныхъ? Если нѣтъ, надо пораньше телеграмму отправить... А то сегодня долго не дойдетъ...

— Ахъ, да! Сегодня 24-е! — сказала Маруся, торопливо спускаясь съ постели свои тоненькія ножки. — Скажите мамѣ, что я поѣду...

Маруся подбѣжала къ окну и подняла штору. День былъ сѣренькій. Съ неба валились хлопья рыхлаго снѣга. На улицѣ еще было пусто; посыльный съ круглой бѣлой картонкой, перевязанной красной тесемкой, вызвалъ у Марины невольное представленіе о сладкомъ пирогѣ, о семейномъ праздникѣ. И ей необходимо было поѣхать поздравить Бородиныхъ, необходимо потому, что она обѣщала матери.

УП.

— Марья Андреевна! Маруся! Здравствуйте!

Навстрѣчу Сноповымъ выбѣжала хорошенькая Катя Бородин и громко поцѣловала пріѣзжихъ.

— Поздравляю тебя... А мама гдѣ?

— Въ столовой... Пойдемте туда... Что ты такая блѣдная, Маруся?

И, не дожидаясь отвѣта, она закричала по направленію къ столовой:

— Мама! Посмотри, кто прѣхалъ! Сама Марина Львовна изволила пожаловать!

Хотя еще не было и трехъ часовъ, но въ столовой уже горѣла всякая лампа и свѣчи съ красными абажурчиками. За длиннымъ столомъ, уставленнымъ тортами, бабами, живыми цвѣтами и всевозможными сладостями, сидѣло цѣлое общество. Разговоръ шелъ много и скачками.

Столовая, темная, какъ всѣ петербургскія столовыя, была отблнана богато, почти роскошно. Громадная лампа-люстра спускалась надъ столомъ. Одна стѣна была почти сплошь увѣшана тапелазями, на другой висѣли двѣ «мертвыя натуры». Катя давно хотѣла замѣнить одну изъ нихъ, потрескавшуюся и почернѣвшую, картинъ поставцомъ, какъ у Сноповыхъ, только нечѣмъ было заплатить его. У Сноповыхъ стояло какое-то фамилное серебро, а такъ пришлось бы хоть у Кача покупать. Вообще обстановкой квартиры завѣдывала Катя. Отецъ былъ очень занятъ (какъ почти всѣ петербургскіе отцы), мать — «старого завѣта», какъ она сама про себя говорила, любила, чтобы, главное, въ домѣ было чисто, пропорно и не дорого бы стоило, а Зина, сестра Кати, — еще дурышка и ничего въ шикѣ обстановки не понимала. Катя же много выжнала, все замѣчала и въ тонкости изучила все, что касалось настоящей обстановки. Она давно уже сослала старую тяжелую мебель изъ гостиной и замѣнила ее низкой, уютной современной мебелью разныхъ фасоновъ и разнаго цвѣта. Она такъ заставила эту комнату, что мать постоянно ворчала на нее:

— Нагородила, нагородила, думаетъ хорошо! Пройти негдѣ! Она всѣ завѣсила, свѣту Божьяго не видно!

Но въ этомъ ворчаніи слышалась ласковая покорность вкусу и стѣнью общей любимицы — хорошенькой Кати.

Вообще Катя вертѣла всѣмъ домомъ, дѣлала новыя знакомства, приглашала къ себѣ, возила мать чуть не каждый день съ визитами и была всегда весела и довольна. Сегодня были ея именины и она, съ утра нарядно одѣтая и сіяющая, принимала гостей.

— Маруся! Садись сюда и изволь кушать... Тебѣ шоколаду? Ну, хоть фруктовъ? Очистить тебѣ грушу? Ты, кажется, знакома съ Павломъ Ивановичемъ Рѣшетовымъ? Павелъ Ивановичъ, очистите грушу для Марины Львовны...

Катя побѣжала навстрѣчу новой гостьѣ. Маруся протянула руку съѣду и придвинулась къ столу.

— Вы не видали, что мнѣ моя Катюша къ именинамъ поднесла? — съ довольной улыбкой спросила хозяйка дома Катерина Але-

Александровна, обращаясь въ одно время и къ Марьѣ Андреевнѣ и къ Маринѣ. — Посмотрите, что она нарисовала.

Въ углу стоялъ экранъ, на которомъ по атласу былъ нарисованъ букетъ хризантемъ.

— Чудесно! Чудесно! — искренно сказала Марья Андреевна. — Какъ ея занятія въ школѣ?

— Идутъ отлично... Опять за рисунокъ по фарфору премію получила... Вторую уже! — съ гордостью сказала Екатерина Александровна.

— И много работаетъ?

— Нѣтъ. Въ школѣ только... Нюкогда намъ... То у насъ гости, то мы въ гостяхъ... Во всю зиму у насъ ни одного свободнаго вечера нѣтъ... Возвращаемся часа въ четыре ночи... Не раньше! Вамъ хорошо, ваша Маруся не любитъ выѣзжать...

Марья Андреевна ничего не отвѣтила, только незамѣтно вздохнула.

— Дѣточка! Здравствуйте! Мама, вотъ кого я тебѣ веду...

Катя ввела въ столовую маленькую блондинку, и хозяйка бросилась къ ней съ тѣми же интонаціями, какъ и дочь:

— Дѣточка! Здравствуйте!

— Вамъ шоколаду? Чаю? Вотъ садитесь сюда, рядомъ съ Марусей.

Въ томъ кружкѣ, гдѣ вращалась Марина, всѣ звали мадамъ Ситонину «дѣточкой», хотя ей было уже лѣтъ тридцать. Но у нея были такіе свѣтлые волосы, такой вздернутый носикъ, что это прозвище, данное ей лѣтъ двѣнадцать тому назадъ ея мужемъ, такъ и осталось за ней. И въ манерѣ держать себя и въ жаргонѣ она была «дѣточка»: постоянно дурачилась, шалила, во всѣмъ приставала, говорила вмѣсто болитъ — «бобо», вмѣсто немножко — «миносько», хохотала звонко, молодо и такъ заразительно, что всѣмъ кругомъ становилось весело.

— Вы думаете, я одна пріѣхала? — шаловливо спросила она черезъ весь столъ, обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ, которая въ это время здоровалась съ толстымъ генераломъ. — Я сегодня съ генераломъ визиты дѣлаю.

Толстый генералъ съ веселымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Дѣточка громко расхохоталась.

— Нечего такъ смотрѣть на меня... Женѣ не скажутъ... Конечно, вмѣстѣ...

— Ей-Богу, на лѣстницѣ встрѣтились... — объяснилъ, смѣясь, генералъ. — Я говорю: не такъ скоро... Не могу я такъ спор...

Зинаида Дмитриевна говоритъ: я не хочу войти вмѣстѣ съ вами.. Боюсь васъ скомпрометировать... И упорхнула. А теперь что вы думала!

— Не оправдывайтесь, пожалуйста! Этотъ пріемъ: «случайно встрѣтились на лѣстницѣ» — ужъ устарѣлъ. Ça ne prend plus!... — и она опять засмѣялась, свергая свои бѣлыми, мелкими зубками.

— Что за прелесть эта дѣточка! — сказала Марья Андреевна.

Входили новые гости, прежніе уступали имъ свои мѣста и уходили. Батя, провожая, прибавляла всѣмъ, что просить пріѣхать вечеромъ, а нѣкоторыхъ шепотомъ приглашала и на обѣдъ. Разговоръ все время шелъ скачками.

— Ахъ! Это графъ Плаксинъ! Вѣдь онъ феноменально скупъ.

— А дочь еще скупѣе... Какой красавецъ у нея мужъ!

— Говорятъ, что онъ получаетъ назначеніе куда-то въ провинцію.

— Да, ему дають губернатора, — серьезно сказала Батя Бородинна.

Такъ какъ отецъ ея, старикъ Бородинъ, былъ очень видный чиновникъ, то Батя считала долгомъ знать всѣ перемѣщенія и назначенія и искренно интересовалась ими.

— Вы тоже, кажется, занимаетесь живописью? — обратился къ Маринѣ ея сосѣдъ.

— Нѣтъ. У меня ни малѣйшихъ способностей нѣтъ...

— Марина Львовна презираетъ это, — добродушно сказала тадамѣ Сигонина.

— Я? — удивленно спросила Марина. — Напротивъ. Я очень люблю искусство...

— Да?! А я думала... Это вѣдь достоиніе «ликующихъ и праздноболтающихъ», отъ которыхъ вы такъ стремитесь бѣжать...

И она по-дѣтски ласково заглянула ей въ глаза. Марина вся поблѣднѣла. Сигонина не замѣтила этого и уже поддразнивала чѣмъ-то Рѣшетова. Онъ сразу оживился и весело откинулся на спинку стула, чтобъ удобнѣе разговаривать за спиной Марины, которая раздѣляла его отъ Сигониной. Марина встала и подошла къ матери. Она не смѣла сказать ей: «пойдемъ», но думала, что Марья Андреевна сама уже считаетъ, что пора ѣхать. Когда она подходила, хозяйка дома, Батерина Александровна, говорила Марьѣ Андреевнѣ:

— Конечно, лучшаго мужа и желать нечего...

Марина увидала по безпокойному взгляду матери, что говорили ей о ней.

— Что ты такая блѣдная, Маруся? — спросила ее Катерина Александровна.

Она знала Марину съ рожденья и потому говорила ей «ты».

— Здорова?

— Да... Благодарю васъ, здорова...

— Вотъ, Катерина Александровна, поговорите вы съ ней... Можетъ быть, васъ послушается... Не могу упросить, чтобы посѣтовалась съ докторомъ...

— Да, мамочка, зачѣмъ? Я совсѣмъ здорова.

— Здорова?! Ничего не ѣсть, спать плохо!... А какъ поухдѣла! Всѣ меня спрашиваютъ: что съ вашей дочерью? А развѣ я знаю? Матери всегда все знаютъ послѣднія...

— Ты бы поговорила съ докторомъ Югансономъ, — сказала Катерина Александровна. — Удивительный врачъ! Вы вѣдь знаете Жоржика, племянника моего мужа? — обратилась она къ Марьѣ Андреевнѣ. — Помните? Онъ теперь товарищемъ прокурора въ провинціи... Женится... И вотъ у жены какіе-то припадки... Бродитъ сумасшествіемъ...

И началась длинная исторія о болѣзни какой-то незнакомой дамы.

Марья Андреевна дѣлала видъ, что съ большимъ интересомъ слушаетъ всѣ подробности этой странной болѣзни.

На другомъ концѣ стола весело разговаривали. Около мадамъ Сигониной собрался цѣлый кружокъ и всѣ чему-то смѣялись.

— А вечеромъ? Пожалуйста, къ намъ вечеромъ, — говорила Катя, провожая Сноповыхъ въ прихожую. — Маруся! Не смѣй отказываться! Обидишь смертельно, если не пріѣдешь!... Марья Андреевна! Пожалуйста!

— Я за нее не могу обѣщать... — сказала Марья Андреевна, но, взглянувъ на Марусю, ласково прибавила: — Не приставай къ ней, Катя! Она совсѣмъ у меня расклеилась. Посмотри, какая блѣдная!

— Такъ не пріѣдете? Какъ жаль! «Кто-то» очень огорченъ будетъ...

И Катя весело и задорно засмѣялась.

— Развѣ Сосновскій бываетъ у Бородиныхъ? — спросила Марья Андреевна, уже когда онѣ ѣхали на извозчикѣ.

Очевидно, послѣдняя фраза Кати запомнилась ей.

— Да... Катя его у насъ пригласила... А что?

— Нѣтъ. Я такъ.

Сосновскій былъ тотъ молодой человѣкъ, о которомъ говорили

Бородинна съ Марьей Андреевной, когда Маруся подошла къ нимъ. О лучшемъ мужѣ для Марины мать, конечно, и не мечтала: молодъ, богатъ, уменъ, на прекрасной дорогѣ и искренно увлеченъ Марусей. И Маруся одно время съ видимымъ удовольствіемъ болтала съ нимъ, хотѣла его передѣлать, стыдила его, что онъ мало работаетъ, преслѣдовала его за тотъ особый французскій языкъ, какимъ теперь говорятъ нѣкоторые молодые люди. Она презабавно дразнила его, грасируя на французскій ладъ: «dorlotter»... «parlotter»...

— Онъ у насъ что-то рѣже бывать сталъ, — сказала Марья Андреевна, преслѣдуя какую-то мысль.

Маруся вспыхнула и ничего не отвѣтила.

— У тебя было съ нимъ объясненіе? Скажи.

— Было.

— И что же?

— Я отказала.

— Почему?

— Потому что не люблю его... Онъ говорить — полюбите! Нѣтъ, никогда не полюблю я такого... Никогда! Онъ умѣетъ, когда захочетъ, говорить хорошія слова, умѣетъ дать понять, что ему не чужды хорошія стремленія. Все это вздоръ... Настоящій онъ — когда говорить съ такой Сигониной, что жизнь дана pour l'amour и въ это же время онъ считаетъ себя нужнымъ Россіи, «своей дорогой родиной», какъ онъ говорить... Не могу я этого слышать.

— Ты прежде къ нему иначе относилась.

— Да... Пока не узнала его... Онъ, когда я увидала его въ первый разъ, такъ искренно возмущался той *voûpçatîe*, которая, въ сущности, всему задаетъ тонъ теперь, что я не могла не сочувствовать ему... Потомъ онъ говорилъ еще обо многихъ хорошихъ вещахъ... Но я убѣдилась, что все это только слова... Со мной онъ говорить такъ, съ другой — совершенно иначе... Говорить о трудѣ, о долгѣ передъ родиной, а самъ ничего, ровно ничего не дѣлаетъ: «ходить на службу», какъ онъ цинично говорить про себя... Дано ему дарованіе, былъ бы, можетъ быть, хорошимъ художникомъ, а онъ что дѣлаетъ? *Je peinturlure!* — жеманно проговорила Маруся, передразнивая Сосновскаго. — Я ему прямо сказала, что мы не пара... Онъ очень горячо сталъ доказывать мнѣ, что мы можемъ быть счастливы, что ему невыносимы всѣ эти «ликующіе, праздничноболтающіе», наговорилъ мнѣ очень, очень много прекрасныхъ, громкихъ словъ... А сегодня я убѣдилась, какъ онъ мелокъ и ничтоженъ.

— Чѣмъ же убѣдилась?

Маринѣ не хотѣлось говорить про фразу, брошенную Сигониной, — не хотѣлось, во-первыхъ, потому, что мать очень любила «дѣточку», а во-вторыхъ — оттого, что Марья Андреевна и безъ того постоянно говорила, что надъ Мариной въ обществѣ смѣются, что она — притча во языцѣхъ и что ей, матери, очень это тяжело.

Маринѣ не хотѣлось огорчать мать и она не отвѣтила на ея вопросъ.

УШ.

Обѣдъ шелъ томительно. Марья Андреевна ничего не ѣла и избѣгала смотрѣть на дочь, что всегда было у нея признакомъ недовольства ею. У Марины кусокъ не шелъ въ горло, но она старалась ѣсть, чтобы не подчеркивать натянутаго настроенія, и нѣсколько разъ начинала говорить съ матерью. Та печально отвѣчала ей «да» или «нѣтъ».

Марина знала, что ея отказъ Сосновскому долженъ огорчить мать; она знала, что Марья Андреевна очень благоволила къ нему, какъ къ человѣку воспитанному, на хорошей дорогѣ, сдержанному, приличному, — вообще со всѣми тѣми качествами, изъ-за которыхъ у Маруси были постоянные споры съ матерью. Онъ приносилъ Марьѣ Андреевнѣ французскія книги, читалъ ей вслухъ *Figaro* и сдѣлался постояннымъ ихъ спутникомъ на выставкахъ и спектакляхъ. Марина видѣла, какъ мать покровительствовала этому и какъ возмущалась, когда говорили про «исторію» Сосновскаго съ мадамъ Сигониной и про то, что, «несмотря на *это*, онъ ищетъ богатую невѣсту». Марья Андреевна изъ себя выходила, защищая своего «любимца», какъ она называла Сосновскаго, а Маринѣ это было противно. И теперь ей было досадно, что у нихъ изъ-за него можетъ опять выйти ссора.

— Ты поѣдешь вечеромъ къ Бородинымъ? — спросила Марья Андреевна.

Она знала, что Марина отказалась ѣхать, и все-таки спрашивала. Это показалось Марусѣ желаніемъ мучить ее и недоброе чувство шевельнулось въ ней.

— Ты вѣдь слышала, мама, что я отвѣтила Катѣ...

— Такъ не поѣдешь?

— Нѣтъ... А что?

— Какъ хочешь... Ты знаешь, что я отступилась отъ тебя въ послѣднее время. Довольно мнѣ упрашивать тебя: пожалуйста по-

Идемъ туда-то... пожалуйста, одѣнься такъ-то... Слава Богу, ты не маленькая, сама за себя отвѣчать должна...

И дѣйствительно, въ эту зиму Марья Андреевна меньше приставала къ Марусѣ, меньше съ ней спорила, а въ послѣднее время даже стала какъ-то особенно ласкова и трогательно добра съ ней. Часто она говорила ей: «Я горжусь тобою», и когда видѣла Марусю печальною, съ заботливою внимательностью старалась развлечь ее. Марина была счастлива, что ихъ жизнь наладилась сносно, и она боялась всякаго столкновенія, всякихъ объясненій. И теперь ей хотѣлось покончить тяжелое настроеніе шуткой.

— Мама! Почему ты такъ огорчилась? Неужели изъ-за Сосновскаго?

— Мнѣ горько, что ты даже не поговорила объ этомъ со мной, Маруся... Я ужъ не говорю о совѣтѣ... Дѣти принципиально не признають совѣтовъ родителей... Я и не прошу тебя... Но я думала—мы друзья... Думала, что все-таки могу ждать, чтобы ты дѣлилась со мной.

— Чѣмъ дѣлиться, мама? Я ни минуты не колебалась въ моемъ рѣшеніи... Ты знаешь, могу ли я быть счастлива съ такимъ пошлякомъ, какъ Сосновскій.

— У тебя всѣ пошляки... Бого тебѣ надо—не знаю!... Навѣрное такъ и не выйдешь замужъ.

— И что же?... Лучше остаться дѣвушкой, чѣмъ выходить «такъ», какъ многія... Ни настоящей любви, ни общности возрѣній, ни даже взаимнаго уваженія—ничего. Зачѣмъ вышла, сама не знаетъ.

— Все-таки конечная цѣль всякой жизни—бракъ, семья... Иного смысла нѣтъ.

— Да. И тѣмъ серьезнѣе надо относиться къ нему... Надо любить, уважать, понимать и жалѣть другъ друга... Нужно запрячься въ одну запряжку и дружно и весело везти тяжелую ношу, именую жизнь... Идти къ одной цѣли, одними путями, говорить однимъ языкомъ, поклоняться однимъ и тѣмъ же богамъ.

— Опять громкія фразы!... Я думала, ты отреглаась отъ нихъ навсегда,—горячо сказала Марья Андреевна.—Я думала, что ты поняла весь комизмъ твоего фразѣрства,—продолжала она, видя, что Марина положила вилку и уставилась въ мать вопрошающимъ, испуганнымъ взглядомъ. Я такъ была рада, что ты стала у меня «настоящая», безъ громкихъ фразъ, безъ безсмысленныхъ порывовъ въ заоблачную высь, безъ непонятныхъ стремленій приносить

жертвы, пострадать... Ты стала такая простая, милая... Стала, как всё. И вдруг опять!...

«Какъ всё!» Марина поблѣднѣла и ничего не отвѣтила. Обѣд окончился въ молчаніи. Марья Андреевна ушла къ себѣ недовольная и огорченная. Марина заперлась въ своей комнатѣ.

Какъ всё!... Вотъ куда пришла со своими уступками, со своей безхарактерностью. Да, какъ всё! Она давно уже чувствуетъ, какъ мало-по-малу въ ней засыпають стремленія, теряются желанія, притупляется даже способность возмущаться, притупляется жажда освободиться отъ этого ничтожества своего, чужого, всего окружающаго. Прежде были частыя столкновенія, постоянно прорывался протестъ, постоянно давало себя знать стремленіе къ свободѣ, къ дѣлу, хотѣлось учиться, хотѣлось знать какъ можно больше... Мать не препятствовала; а какъ-то незамѣтно мѣшала; вся ихъ жизнь мѣшала. А жизнь направляла не Марина.

— Знаешь, мама, мы какъ бѣгли въ колесѣ... Все бѣжимъ, все торопимся, все хлопочемъ... И ни съ мѣста.

— Ну и что же?

— Развѣ въ этомъ жизнь?

— Такъ всё живутъ,—коротко отвѣчала Марья Андреевна.

«Жить, какъ всё», постоянно звучало въ ушахъ Марины, и она почти увѣровала въ это правило. Она видѣла, что такъ, какъ живетъ и понимаетъ жизнь ея мать — живутъ сотни, тысячи женщинъ не хуже, не глупѣе ея — Марины. Какое право имѣетъ она предъявлять къ жизни какія-то особенныя требованія? Почему ей нужно чего-то большаго и лучшаго? Являлось сомнѣніе въ своихъ силахъ и правахъ и замѣчалось увѣренностью въ собственномъ ничтожествѣ.

Она видѣла, что она такая же, какъ всё, съ ничтожными познаніями, съ ничтожнѣйшимъ запасомъ нравственныхъ силъ, съ мелкою душой и безъ всякихъ устоевъ. И она переставала бороться: къ ней въ комнату набивались шумныя подружки, она бросала книги и куда-то спѣшила, о чемъ-то болтала и цѣлыми днями чѣмъ-то волновалась. Марья Андреевна была довольна, въ домѣ стало шумно и весело, молодой говоръ звучалъ на всю квартиру.

— А Маруся все грустная, все чѣмъ-то недовольная, — иногда замѣчала Марья Андреевна.

А Маринѣ часто хотѣлось опять заговорить съ матерью, но она постоянно помнила *тотъ* разговоръ, *то* обѣщаніе и молчала: являлся страхъ огорчить мать, являлась жалость. Главное мѣшала жалость.

Марья Андреевна не понимала этого. Сколько разъ говорила она Маринѣ:

— Жалости въ тебѣ нѣтъ... Вы всѣ такія: къ чужимъ—жалость, къ своимъ—жестокость.

Разъ Марина не выдержала и сказала:

— Не понимаешь ты, мама, что главнымъ образомъ жалость иногда губить насъ... заставляетъ сжигать, чему мы поклоняемся, заставляетъ отрекаться отъ того, во что вѣримъ.

— Кого это «насъ»?

— Ты говоришь во множественномъ числѣ, я такъ и отвѣчаю. Думаю, что подъ словомъ «вы всѣ»—ты подразумѣвала—дѣти, т.-е. не маленькія дѣти, а дѣти своихъ родителей.

— Интересно, что ты сожгла? Отъ чего отрекалась?—раздражаюсь, спрашивала Марья Андреевна.

И Марина умолкала. Ей хотѣлось бы сказать матери, что невозможность желать, невозможность учиться и работать, невозможность уйти и освободиться—душать ее. Что ей невыносимо все уступать, только уступать... И она молчала.

И вотъ куда пришла она съ этимъ молчаніемъ. Сегодня за обѣдомъ она ясно поняла это; она поняла, что сама она давно уже участвуетъ, если не активно, то пассивно во всемъ этомъ ничтожествѣ, въ прожиганіи жизни, въ торжествующемъ глумленіи надо всѣмъ, что она прежде считала достойнымъ поклоненія. Когда она видитъ презрительное высокомеріе къ людямъ достойнымъ только уваженія, когда она слышитъ насмѣшки надъ хорошими словами и дѣлами, когда видитъ она самодовольную пошлость и торжествующую подлость,—она молчитъ. И не только молчитъ, но и считаетъ невозможнымъ не молчать. Малодушная боязнь, что ее обвинять въ рисовкѣ, въ фразѣрствѣ, а главное жалость къ матери приучили ее молчать. У себя въ комнатѣ—она училась, читала, возмущалась, стремилась. Съ другими—она молчала. Въ душѣ и въ сердцѣ она желала полного освобожденія отъ всѣхъ мелочей и условностей, спутавшихъ ее по рукамъ и по ногамъ,—на дѣлѣ она была раба и жила и дѣйствовала по-рабски.

— Да, раба, раба!—говорила Марина, нервно ходя по своей комнатѣ. — Имъ только это и падо... Только бы ничѣмъ не отдѣляться отъ нихъ, ничѣмъ не колотъ имъ глаза, ничѣмъ не будить ихъ совѣсть.

Она сѣла за столъ и взяла книгу. Въ дверь постучали.

— Кто тамъ? Войдите.

— Генеральша приказали просить васъ въ гостиную. Съ нимъ

барышни Штокманъ пріѣхали, — сказала горничная Паша и побѣжала въ кухню хлопотать о самоварѣ.

Барышни Штокманъ пріѣзжали иногда «посидѣть» къ Сноповымъ, и Марья Андреевна не знала, какъ убить этотъ вечеръ, да и сами Штокманъ — какъ вездѣ и всегда въ гостяхъ — очень скучали съ Марьей Андреевной и Марусей. Но онѣ считали долгомъ ѣздить къ нимъ хоть изрѣдка, чтобы Сноповы не обидѣлись на нихъ. И возвращаясь домой, обыкновенно говорили: «Ну, слава Богу! Теперь отдѣлались надолго отъ Сноповыхъ».

А Марья Андреевна, проводивъ ихъ, говорила: «Слава Богу! Теперь долго ужъ не пріѣдутъ. Тоска съ ними!»

Марина знала все это и теперь съ раздраженіемъ захлопнула книгу и пошла въ гостиную.

IX.

Большая пріемная доктора Югансона была полна больными. Дамы и мужчины, старые и молодые, толстые и худые принесли сюда свои настоящіе и воображаемые недуги. Въ комнатѣ было томительно скучно. Отъ красной мебели, красныхъ портьеръ и краснаго ковра больныя и испитыя лица казались совсѣмъ желтыми. Всѣ молчали и скучали. Изрѣдка шелестѣла перевернутая страница иллюстрированнаго журнала; время отъ времени раздавался нетерпѣливый кашель какого-то господина съ подергиваніемъ въ лицѣ. Четыре керосиновыя лампы горѣли тусклымъ краснымъ свѣтомъ.

Марина сдѣлала и эту уступку матери: отправилась къ доктору. Но она не знала, что сказать ему о себѣ.

— У меня вѣдь ничего не болитъ, — сказала она Марьѣ Андреевнѣ. — Какъ же я объясню ему мой приходъ?

— Скажи только, что тебѣ «стыдно жить», ужъ онъ пропущетъ, — добродушно смѣясь, отвѣтила Марья Андреевна.

Когда Маруся вошла въ пріемную, въ ней не было ни одного свободного стула. Какая-то дама, сидѣвшая на диванѣ, у стѣны, подвинулась въ уголокъ и рукой показала Маринѣ, что она можетъ сѣсть рядомъ съ ней.

— Благодарю васъ, — прошептала Марина и взглянула на сосѣдку.

Круглое, ясное личико показалось ей знакомымъ. Она еще рѣзъ посмотрѣла на нее. Та невольно улыбнулась и заговорила съ ней:

— Должно быть, придется очень долго ждать.

— Да! Нѣсколько часовъ. Иногда пріемъ идетъ до часу и чи.

— И неужели всегда такъ много?

— Говорять... Я въ первый разъ... А вы?—спросила Марина, чтобы поддержать разговоръ.

— Я тоже... Я не живу въ Петербургѣ.

Разговоръ упалъ, но сидѣть молча было невыносимо. Рядомъ съ Мариной двѣ толстыхъ барыни свистящимъ шепотомъ рассказывали другъ другу свои болѣзни: у одной отъ всякаго огорченія закатывались глаза, у другой—появлялась какая-то нервная сыпь, не дававшая ей покою. Они говорили о своихъ болѣзняхъ—какъ всѣ и всегда—съ особенною словоохотливостью и аппетитомъ.

Марина опять посмотрѣла на сосѣдку. Все въ ней привлекало ее: и маленькая, уютная фигура, и изящное простое платье, и барашковая шапочка—все было въ гармоніи съ ея яснымъ, кругленькимъ лицомъ.

— Ваша очередь скоро?—спросила Марина.

— Я не задолго до васъ пришла,—охотно отвѣтила она.—Задержали меня... Знаете, когда пріѣдешь не надолго, всѣхъ хочется повидать, всюду побывать... Вотъ и опаздываешь всюду.

— А вы откуда?—рѣшилась спросить Марина, поборовъ свою сдержанность.

— Изъ деревни... Изъ Т—ской губерніи... Пріѣхала сюда съ товаромъ, да и застряла... Ужъ думаю заодно—посоветуюсь съ Югансономъ... Когда опять въ Петербургъ попаду?... Не скоро теперь выберусь.

— Съ какимъ же товаромъ?

— Съ вышивками, съ кружевами и, главнымъ образомъ, съ матеріалами... Ручное производство... Бѣлое сукно, напимѣръ, видали?

— Ахъ, это «голодающее сукно»?

— Да, у васъ здѣсь такъ называютъ.

— Бѣлое? Узкое? У насъ изъ него одно время «голодающія платья» шили.

— Да... Прежде оно было узкое... Не умѣли наши бабы, или просто не хотѣли, ткать широкое... Когда я поселилась въ деревнѣ, меня поразила эта рутина. На каждомъ шагу рутина... Меня возмущало это... Я поѣхала въ 91 году съ одною пріятельницей кормить голодающихъ... Да вотъ и до сихъ поръ живу въ этой же самой деревнѣ.

— Вѣдь голода нѣтъ? Что же вы дѣлаете?

— А знаете, чѣмъ больше живешь въ деревнѣ, тѣмъ туже за-
вязывается узелъ, тѣмъ труднѣе уѣхать!... Меня что тамъ дер-

жить,—бабы! Вотъ теперь и у васъ здѣсь, и въ Европѣ феминистское движеніе, клубы, университеты, широкая женская дѣятельность... Все это прекрасно. Еще бы! Довольно женскому вопросу «вопросомъ» оставаться. Пора «разрѣшить». А бабы? Это не женскій вопросъ? Представьте вы себѣ эти милліоны существъ темныхъ, забытыхъ, полулюдей. У мужика—грамотность, у мужика—солдатчина, отхожіе промыслы... Онъ видитъ свѣтъ, людей, онъ еще можетъ стать человѣкомъ. А баба? Сидитъ она шесть мѣсяцевъ въ курной избѣ, сугробы выше крышъ, лучина едва свѣтитъ... Съ трехъ часовъ—въ избѣ тьма... Окошечки маленькія и тѣ затенены... Что дѣлать? О чемъ думать? Когда мы пріѣхали ихъ кормить—я въ моей петербургской наивности и представить себѣ не могла, что такъ можно существовать... Меня это поразило... Ткуть сукно, узкое какъ полотенца... Почему такое узкое?... Станы такіе... Ничего не подѣлаешь... А шире нельзя станки сдѣлать? Переглядываются, молчатъ. Точно имъ мысль и въ голову не приходила.

«И такъ живешь», говорятъ... Сносимъ! Намъ не на продажу!... «Почему не на продажу?» Да кому оно нужно? Имъ и въ голову не приходило, что кому-нибудь за границей ихъ деревни понадобится ихъ трудъ. Говорятъ: «Отъ скуки берешь прялку въ руки!»... Отъ скуки! И дѣйствительно, скука—бабья жизнь!... Я стала работать съ ними, выучилась ткать, завела широкіе станки, стала ткать разныхъ цвѣтовъ. Онѣ охотно перенимали у меня. Я вышила образцы англійскихъ матерій въ двѣ нитки... Пошли новыя комбинаціи оттѣнковъ... Работа оживилась и поглядѣли бы вы, какъ теперь работаютъ наши бабы. Появилось новое отношеніе къ дѣлу, ищутъ, добиваются... Выработались настоящія художницы, явилось наслажденіе работой... И знаете, это такъ захватываетъ, что я дожидаться не могу, когда опять буду дома.

Она говорила весело, возбужденно и точно была рада, что нашла кому повѣдать о своемъ счастьи.

Марина вся засвѣтилась.

— А почему вы надумали ѣхать?—спросила она.

— Буда ѣхать?

— Въ деревню... Какъ вы устроили это?

— Я тогда только что кончила курсы и искала дѣла, «живого дѣла», какъ у насъ говорятъ... Здоровье у меня хорошее, силъ много, а дѣтъ некуда... Семьи нѣтъ, замужъ не пришлось выйти... У меня была подруга по курсамъ... замужемъ, разошлась съ мужемъ... Денегъ много, цѣли въ жизни никакой... Металась, мета-

сь... захотѣла забыть немного свое горе, затопить его чужою водой... Мы и рѣшили поѣхать кормить голодающих... Намъ нажали нѣсколько особенно пострадавшихъ губерній и уѣздовъ. Мы выбрали одинъ изъ нихъ, руководствуясь только тѣмъ, что онъ очень далекъ отъ желѣзной дороги, что туда едва ли кто заѣдетъ... Вотъ и поѣхали... Она не долго тамъ нажила.

— Что же? Заболѣла?

— Нѣтъ, затосковала... Въ народу нельзя ѣхать лѣчиться, къ нему нельзя идти учиться, — надо его учить. А то у насъ думать, что деревня можетъ излѣчить отъ чего-то, научить чему-то... Народъ и до сихъ прикладываютъ къ больной утробѣ, какъ фланелевый набрюшникъ. Помните: у Тургенева? Вздоръ это! Деревня не отдыхъ, не потѣха, а тяжелый трудъ... Въ деревню надо ѣхать не отдыхать, не залѣчивать какіе-то свои душевные недуги, а работать... Она, т.-е. моя пріятельница, работать не могла... Она все плакала надъ собой, надъ своею разбитою жизнью, она не могла забыть своего горя... Какая же работа послѣ бессонной ночи, послѣ истерики? Она уѣхала и оставила столовую на меня. Я, какъ сказала вамъ, была сильная, здоровая, я хотѣла и умѣла работать... Вотъ и осталась.

— И довольны?

— Очень! — просто и искренно отвѣчала она. — У меня отличныя отношенія съ бабами... Мы — друзья... Мнѣ и легко жить въ деревнѣ.

— Хорошія онѣ? — восторженно спросила Маруся.

— Ну... со всячинкой... Какъ и мы. И между нами не всё — хорошія... Но и абсолютно дурныхъ ни между нами, ни между ними нѣтъ... Онѣ несчастныя, темныя, а потому часто злобныя и несправедливыя... Вотъ передъ моимъ отъѣздомъ исторія была. Есть тамъ у насъ одна баба Афімья Проскурякова. Настоящая художница... Необыкновенное чувство красокъ и линій... Я взяла ее въ мою школу помощницей преподавательницы... У меня тамъ школа вышивокъ и кружевъ. Изъ сосѣднихъ деревень очень много бабъ ходятъ учиться... Афімья составила цѣлую коллекцію узоровъ, всю зиму снимала съ замершихъ оконъ. Видали, какіе прихотливыя узоры морозъ на окнахъ раздѣлываетъ? Сотни комбинацій... Афімья вышила ихъ и принесла мнѣ въ школу. Понадобилось мнѣ эти узоры показывать на урокъ, взяла — они всё разваливаются. Что такое? Помотрѣла, всё нитки съ лѣвой стороны вышивки подрѣзаны. Вся работа Афімьи уничтожена. Кто сдѣлалъ? Почему? Всё въ одинъ голосъ называютъ Матрену Иванчикову. Она зла на Афімью за

какую-то телгу и давно грозила отомстить. Ну, назначили судъ. У насъ тамъ свой судъ учрежденъ... Матрена не запиралась, при- сказала, что сдѣлала «на зло...» Пришлось обвинить и наказать.

— Какъ же вы наказываете?

— Я не взяла ея товара... Она наготовила кружевъ множество... Матрена Иванчикова одна изъ лучшихъ кружевницъ у насъ. Что-жъ дѣлать? Приходится и къ такимъ жестокостямъ прибѣгать. Но это рѣдко...

Пріемная доктора мало-по-малу пустѣла. Пожилыя дамы, разговаривавшія свистящимъ шепотомъ о своихъ болѣзняхъ, уже ушли, ушелъ и нервный господинъ съ подергиваніями на лицѣ. Марина не видѣла ничего кругомъ. Она не пропускала ни одного слова изъ рассказовъ своей новой знакомой. Наконецъ, она увидала передъ собою то, чего ей такъ искренно хотѣлось, — такое дѣло, куда бы можно было вложить свою душу, свои личныя способности, свои индивидуальныя свойства.

— Когда я говорю, что хочу работать, мнѣ всегда отвѣчаютъ, что и въ Петербургѣ работать можно. Гдѣ? — я не знаю... Последніе годы я присматривалась ко всевозможнымъ отраслямъ женскаго труда. Кромѣ педагогическаго, къ которому у меня нѣтъ ни малѣйшаго призванія, все остальное — не работа, а служба. Вездѣ и всюду — служба. Въ конторахъ, въ страховыхъ обществахъ, въ телеграфѣ и въ редакціяхъ — это все служба. Сегодня заболѣю я или умру, завтра буду замѣнена такой же «служащей». И такая работа оправдывается только заработкомъ. А я лично не считаю даже себя вправѣ такъ работать. Это значитъ отнимать хлѣбъ отъ нуждающейся, сидѣть на чужомъ мѣстѣ. Нѣтъ, я хочу такого дѣла, гдѣ бы я была я, гдѣ бы я чувствовала, что я нужна дѣлу, а не оно нужно мнѣ.

Марина не замѣтила, что въ залѣ стало тихо и ея голосъ звучалъ безпокойно и звонко среди этой тишины. Больные смотрѣли на нее съ интересомъ и жалостью.

— Психопатка! — шепнулъ кто-то.

— Госпожа Ковалева, — раздалось изъ кабинета доктора.

Сосѣдка Марины встала.

— Я не прощаюсь съ вами, — обратилась она ласково къ Маринѣ. — Ваша очередь послѣ меня.

Докторъ отпустилъ ее скоро, не задержавъ онъ и Марину. Онъ нашелъ въ ней малокровіе, плохое питаніе, прописалъ мышьякъ, желѣзо и велѣлъ зайти черезъ двѣ недѣли. Когда она вышла въ

немную, она была пуста, только въ уголку сидѣла ея новая зна-
мая.

— Вы далеко отсюда?—спросила она.

— Нѣтъ, минутъ двѣнадцать ходьбы.

— Пойдемте, я провожу васъ до дому.

При прощаніи Марина взяла слово съ Александры Павловны
Ковалевой, что она придетъ къ ней завтра же.

Х.

Когда Марина вернулась отъ доктора, у Марьи Андреевны были
гости. Играли въ винтъ. Маруся поцѣловала мать, поздоровалась
съ ея партнерами и хотѣла пройти къ себѣ въ комнату.

— Ну, что докторъ?

— Ничего, мама. Я говорила, что ничего нѣтъ.

— То-то ты такая сіяющая, — сказала весело Марья Андреевна
и радостно пришла къ себѣ Марину.

Здоровье дочери очень заботило въ послѣднее время Марью Ан-
дреевну. Она видѣла, что Марина блѣднѣла и худѣла и не могла
ничѣмъ объяснить этого. Маруся была мягка, старалась не огорчать
мать, но Марья Андреевна не могла не видѣть, что точно какое-то
горе камнемъ давило ее, точно какая-то тоска съѣдала ее. И Марья
Андреевна не была ни минуты покойна за нее. Она постоянно при-
глядывалась къ ней, постоянно прислушивалась къ тому, что гово-
ритъ Маруся и какъ она говоритъ это. Ее мучило, что дочь слиш-
комъ долго и много сидитъ за книгами, но она не смѣла и не хотѣла
лишать ее этого единственного наслажденія. Очень часто она при-
ходила къ ней въ комнату, разспрашивала Марусю о томъ, что она
прочла, и сама понемногу заинтересовывалась тѣмъ же. Мало-по-
малу онѣ стали читать, бесѣдовать и Марья Андреевна любила слу-
шать горячія, честныя рѣчи дочери и невольно любовалась ею въ
эти минуты. Но какъ только дѣло касалось практическаго примѣ-
ненія хорошихъ словъ къ жизни, Марья Андреевна сейчасъ же спо-
койна съ дочерью.

Такъ, какъ-то у Марьи Андреевны случились денежные недо-
разумѣнія и непріятности. Она не спала ночи, осунулась и, по
обыкновенію, подѣлилась своимъ горемъ съ Мариной.

— Мама, да зачѣмъ мы такъ осложняемъ жизнь? Вѣдь въ сущ-
ности человѣку, въ матеріальномъ-то отношеніи, такъ мало надо.
Ты сама себѣ навязала очень много лишнихъ заботъ. Позволь мнѣ
ократить ихъ.

И она добродушно и ласково стала доказывать матери, как много у них лишнего въ жизни, въ одеждѣ, въ пищѣ, въ услугѣ въ обстановкѣ.

Марья Андреевна уже не раздражалась, какъ прежде, но и не уступала Марусѣ ни одного лишняго рубля въ тратѣ. Ей казалось немислимымъ измѣнить хоть что-нибудь въ ихъ жизни, сложившейся такъ уже десяти лѣтъ.

— Мы живемъ и такъ очень скромно. Не переѣзжать же въ лачугу съ одной прислугой и съ вонючей лѣстницей?

— Этого совсѣмъ и не надо, мама. Нашихъ средствъ хватитъ, чтобы жить и не въ лачугѣ. Только мнѣ жаль тебя, когда ты такъ волнуешься изъ-за денегъ.

— Не знаешь ты жизни совсѣмъ, — говорила Марья Андреевна, съ нѣжнымъ укоромъ глядя на дочь.

Но ей становилось все тяжелѣе и тяжелѣе цѣлые дни, цѣлыя мѣсяцы тратить на то, что Маруся называла «лишнее»: на визиты, покупки, заказы и примѣрки. Цѣлые дни, буквально цѣлыя дни проходили въ бѣготѣ и утомленіи. Ради чего? У Марьи Андреевны прежде было объясненіе: «такъ надо»: или «съ волками жить по-волчьи выть». Въ послѣднее же время она чаще и чаще находила въ своей жизни очень много ненужнаго, лишняго. Но измѣнила въ этой жизни ни одного дня.

— Мама! Какой я милый вечеръ провела, — сказала тихо Марина, присаживаясь къ матери.

— Когда?

— Сейчасъ.

— Да вѣдь ты у доктора Югансона была.

— Да.

— Марья Андреевна! Ты слышала, что я сказала по первому разу безъ козырей? — внушительно спросила Анна Евграфовна, игравшая съ Марьей Андреевной.

— Да... да... прости! Я думала у тебя только два туза.

— Маруся! Уходи, пожалуйста, отъ мамы! Ты ее развлекаешь. Изъ-за тебя мы большой шлемъ пропустили.

Марина весело размѣялась и ушла къ себѣ въ комнату, и спать она не могла. Ей хотѣлось непременно сегодня же все рассказать матери и предупредить ее, что къ ней придетъ Бовалева.

И опять, какъ всегда въ ихъ дружные дни, Марина пришла въ спальню матери, когда та уже легла спать, и подробно рассказала ей весь сегодняшний вечеръ.

— А она красива?—первое, что спросила Марья Андреевна, когда Маруся кончила свой рассказ.

— Она изъ такихъ, про которыхъ не знаешь, красивы онѣ или дурны, молоды или стары. Есть такія женщины. Пройдешь—замѣтишь. Начнешь говорить—глазъ не оторвешь. Да это ни чему здѣсь. Ты почему спросила?

— Просто по привычкѣ, — добродушно отвѣтила Марья Андреевна. — Когда начинается разговоръ о женщинѣ или дѣвушкѣ, я знаю почему, но прежде всего хочется знать, красива она или нѣтъ. Ну, рассказывай дальше. Она живетъ въ Лоханинѣ? Это вернѣе въ тридцати отъ насъ. Я помню...

— Она говоритъ, что до Васильевки верстъ двадцать пять. Она тамъ не бывала, но у нихъ въ деревнѣ есть нѣсколько бабъ изъ Васильевки, замужемъ за лоханинскими мужиками.

— Кто же теперь у насъ тамъ хозяйничаетъ?

— Жмотовъ... Но онъ продаетъ Васильевку. Второй годъ уже объявилъ о продажѣ... Онъ весь лѣсъ вырубилъ... Хозяйничать не хочетъ...

Маруся замолчала, ожидая, что скажетъ мать. Марья Андреевна же молчала.

Марина поджала подъ себя свои тоненькія ножки и, усаживаясь на кровати плотно и точно надолго, стала рассказывать все, что она слышала отъ Бовалевой.

Въ 1891 году вся ихъ мѣстность была захвачена неурожаемъ, такимъ, что никто изъ стариковъ даже и не запомнить. За годъ появились тифъ, цынга, куриная слѣпота. Хозяйство расщипали по щепочкамъ. Многія семьи разорились въ конецъ. Потомъ и лучшіе годы, но подняться было трудно, а для нѣкоторыхъ совсѣмъ невозможно. Въ прошломъ году—опять бѣда. Зима стояла свирѣпая, навознаго кирпича для топлива заготовлено было мало, такъ какъ скотъ пришлось распродать. Мужики разошлись по промысламъ. А бабы съ дѣтьми остались. И всѣ лишніе рты: старики, старики, старухи, хворые и малые остались на ихъ рукахъ. Мужики въ деревню присылаютъ мало. Когда пріѣдутъ—сами увезутъ. А до тѣхъ поръ баба бейся, какъ знаешь. И бьются.

— Если бы ты послушала, мама, какіе она факты приводила!

— Да онѣ, милая, попрошайки! Не знаешь ты нашего народа, — попыталась успокоить Марусю Марья Андреевна.

— Ты всегда говоришь это! И всѣ наши такъ же говорятъ. А ты почитай, я тебѣ дамъ книгу. Человѣкъ, прекрасно знающій насъ, прямо говоритъ, что это клевета, онъ доказываетъ, что му-

живу просить очень тяжело... И Ковалева приводила мнѣ яркіе примѣры... Въ голодные года, дѣйствительно, отъ просьбъ помочь, и кормить, дать возможность продержатъ скотъ до весны — отбою не было. Но чуть стало лучше, — никто не идетъ просить. По кусочкамъ ходятъ или старики, или убогіе. Мама! Ты только не начинай съ того, что мужики лѣнтяи, пьяницы и попрошайки. И не говори ты, какъ всѣ здѣсь, что хлѣбъ съ лебедой — эка важность! Всегда такъ! Тѣмъ хуже! Не должно этого быть, не можетъ!... Мама! Милая! Не говори, не говори.

— Да я молчу, молчу, — ласково улыбаясь, сказала Марья Андреевна.

Когда Маруся уходила къ себѣ спать и цѣловала по обыкновенію мать въ лобъ, въ щеки и въ губы, она шепнула:

— А мы Васильевку приобрѣтемъ назадъ?

Марья Андреевна ничего не отвѣтила. Но эта мысль не дала ей спать всю ночь. У Маруси было свое маленькое состояніе и вот уже два года, что Марья Андреевна больше не попечительница Марины можетъ сдѣлать со своими деньгами, что угодно, и Марья Андреевна давно ждетъ, что дочь съ ея чудаковатыми выходками рано или поздно и съ этими деньгами поступитъ не такъ, «какъ всѣ». Но почему-то ей никогда въ голову не приходила мысль Васильевкѣ.

Х.

Лампа подъ зеленымъ абажуромъ мягко освѣщала комнату Маруси; на низкомъ, широкомъ диванѣ, въ мягкихъ подушкахъ сидѣла Марья Андреевна и не спускала ласковыхъ глазъ съ дочери Маруси, опершись обѣими руками на столъ, слушала Александру Павловну, не пропуская ни слова. Голосъ Ковалевой звучалъ мягко и бодро въ этой тихой, уютной комнаткѣ.

— Да развѣ все перескажешь? Это надо видѣть. Если бы мы посмотрѣли, какъ перебивается, на примѣръ, Настасья Зюзина, вдова, скрюченная ревматизмомъ, слабая, худая. У нея трое ребятишекъ, мужъ умеръ во время послѣдняго тифа; какъ мыкаетъ она съ четырьмя дѣтьми молодая Стеша Комова, у которой мужъ сидитъ въ острогѣ, а Катерина Кострюкова, а Дарья Иванова — чахоточныя бабы, у которыхъ мужья служатъ гдѣ-то въ «губерніи», а онѣ должны напоить и накормить и дѣтей, и стариковъ своего рода. Если бы вы только взглянули, какъ давятся чернымъ хлѣбомъ и попреками наши старики и старухи, и разные другіе бо-...

илые, сидящіе тяжелой ношей на шеяхъ бабъ, измученныхъ, ослобленныхъ, безпомощныхъ.

Бовалева замолчала. Въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо.

— Барышня, вамъ письмо,—раздался за дверью голосъ горничной Паши.

— Дайте сюда,—отвѣтила Марина.

Она посмотрѣла на длинный лиловый конвертъ и сказала:

— Положите на письменный столъ.

— Тамъ посыльный ждетъ. Говорятъ: приказано отвѣтъ принести, очень нужно.

Марина поспѣшно вскрыла конвертъ, пробѣжала письмо глазами и молча передала его матери. Марья Андреевна, чтобы показать, что она не считаетъ Александру Павловну чужою, стала читать громко:

«Дорогая Маруся! Представь какое счастье, намъ достали цѣлыхъ четыре билета на генеральную репетицію спектакля графини Ростовой. И такъ какъ это сдѣлалъ милый Сосновскій, то два билета *по справедливости* принадлежать тебѣ. Напиши мнѣ сейчасъ же, поѣдешь ли ты, или нѣтъ, такъ какъ на нихъ масса желающихъ и я могу осчастливить ими двоихъ смертныхъ.

«Кромѣ того, узнай, пожалуйста, у твоей мамы (сама ты, навѣрное, не знаешь, вѣдь ты не отъ міра сего), гдѣ она покупала желтыя прозрачныя свѣчи, которые вставлены у васъ въ люстрѣ, въ гостиной. Мы съ мамой искали всюду, были сегодня, по крайней мѣрѣ, въ десяти свѣчныхъ лавкахъ и вездѣ намъ даютъ какія-то разрисованныя цвѣточками или простыя бѣлыя. А такихъ, какъ у васъ, нигдѣ нѣтъ! А онѣ такія стильныя!

«Отвѣть сейчасъ же. Надѣюсь, ты не будешь скрывать, какъ другія, твоихъ поставщиковъ.

Твоя Катя Бородина».

— Смѣшная дѣвочка! — сказала добродушно Марья Андреевна. — Ей непремѣнно нужно все точно такое, какъ у другихъ, — пояснила она Бовалевой. — Напиши ей, что эти свѣчи продаются только на Садовой № 102. Я сама ихъ очень долго искала. Помню, на Пашу разсердилась, что она не нашла, сама поѣхала искать и добилась-таки, — нашла!

— А насчетъ репетиціи что написать?

— Ты, конечно, не поѣдешь?

— Конечно, нѣтъ, — убѣжденно сказала Маруся.

— Ну, а я безъ тебя, ты знаешь, не ѣзжу.

Маруся написала нѣсколько словъ, быстро всунула въ кон-

верть, отдала его дождавшейся горничной, подошла къ Ковалевой съѣла въ прежнюю позу и сказала:

— Продолжайте, милая Александра Павловна.

— Мнѣ ужъ пора уходить. Вы знаете, я у васъ пять часовъ просидѣла. Для перваго визита этого, кажется, не полагается.

— Оставайтесь, Александра Павловна, — искренно воскликнула Марья Андреевна. — Расскажите мнѣ еще про нашу Васильевку. Все-таки, лучшее время жизни прожито мною тамъ. И думала я, что совсѣмъ забыла ее. А нѣтъ. Какъ начали говорить, такъ бы и полетѣла взглянуть.

— Да я сама только разъ была тамъ. Во время голода. Владелецъ не позволилъ намъ открыть тамъ столовую. Не дасть, говорить, развращать моихъ крестьянъ. Я помню, прѣхала я, крышки раскрыты, скотъ реветъ, режутъ дѣти. Ну, однимъ словомъ, все какъ полагалось тогда. И вдругъ одна баба въ какомъ-то яркомъ театральномъ костюмѣ, другая, третья — всѣ въ праздничныхъ нарядахъ. Что за праздникъ? Худыя, блѣдныя, испитыя и такіе пестрыя? Оказывается, что онѣ все, что у нихъ было «затрапезнаго» переносили, а ни конопля, ни ленъ не уродились, купить ни на что. Вотъ онѣ и донашивали праздничные наряды. Такъ у меня Васильевка и осталась въ памяти: голодные лица, тусклые глаза всѣхъ этихъ дѣвокъ и бабъ въ ихъ яркихъ одеждахъ. Жутко!

Она опять замолчала.

— У меня въ Васильевкѣ была пріятельница — фельдшерница и отъ нея я много слышала про вашу деревню. Последніе годы урожан очень плохи. Всѣ поголовно задолжены въ кабалу иѣстному кулаку. Къ намъ приходятъ оттуда бабы за работой на зиму. Плечуть. Говорятъ: ребятъ покорили совсѣмъ, о себѣ ужъ не думаютъ. Да что имъ дашь работать? Ничего онѣ не умѣютъ. За глазами нельзя матеріалъ довѣрить, а куда онѣ пойдутъ отъ семьи, отъ дѣтей? Вы спрашиваете про вашу Васильевку, про ту Васильевку, гдѣ жили, какъ вы говорите, ваши лучшіе годы, а передъ моими глазами встаетъ совсѣмъ другое: десятки, сотни лицъ, испитыхъ и несчастныхъ. Нищета, голодное прозябаніе въ темныхъ, сырыхъ хатахъ, въ тѣснотѣ, въ озлобленной обидѣ, въ немолчной заботѣ о кускѣ хлѣба. А болѣзни!... Гдѣ это прославляемое здоровье мужика? Гдѣ оно? На каждомъ шагу — истощенныя матери и больныя дѣти. А сколько этихъ мучениковъ съ поражениемъ рта и зѣва, которые со слезами глотаютъ черствый хлѣбъ, чуть не давятся имъ! Да что же я буду разстраивать васъ? Вы простите, что я говорю такъ несдержанно. Знаете, иногда такъ устанешь въ жалкихъ ус-

хотѣхъ измѣнить что-нибудь въ этомъ страшномъ горѣ, иногда придешь въ такое отчаяніе отъ жизни среди этихъ обездоленныхъ существъ и безъ возможности радикально помочь имъ, что просто кажется не вынесешь. Тогда я уѣзжаю сюда. И черезъ мѣсяцъ меня уже тянетъ назадъ и не вижу я другой жизни, какъ съ моими горюхами, какъ называютъ себя мои бабы.

— И неужели вамъ не хочется опять назадъ въ Петербургъ?

— Какъ? Жить здѣсь?! Ни за что на свѣтѣ! Здѣсь очень тяжело и мучительно жить...

— Есть же счастливые...

— Да! Торжествующіе, для которыхъ, какъ они думаютъ, солнце свѣтитъ, розы цвѣтутъ, снѣгъ выпадаетъ... Однимъ словомъ, для которыхъ весь міръ стоитъ... Ну, отъ этихъ лучше подальше... А другіе, хорошіе, они только изнываютъ въ непосильной борьбѣ, они постоянно бьются лбомъ о стѣну и ничего не могутъ сдѣлать!... И нечѣмъ помочь имъ!... А главное—на каждомъ шагѣ этотъ разладъ жизни съ совѣстью... Вотъ что здѣсь тяжело видѣть, вотъ что выгнало и меня отсюда... Что съ вами, милая?

Бовалева наклонилась къ Маринѣ и отняла ея руки отъ лица, по которому катились крупныя слезы.

— Господи! Вотъ какъ я васъ разстроила! Вы знаете, я, какъ всѣ фанатики, могу говорить безъ конца о томъ, что мнѣ дорого, а можетъ-быть и преувеличиваю что-нибудь... Успокойтесь, дорогая, успокойтесь... Марья Андреевна! Успокойте ее.

Но Марья Андреевна не двинулась. Она сидѣла блѣдная и не спускала добрыхъ, виноватыхъ глазъ съ Маруси.

— Ничего, ничего! — поторопилась сказать Марина и нервно стала ходить по комнатѣ.

— Вы сказали: разладъ жизни съ совѣстью... Да! Это то, что вѣрующіе люди называютъ адомъ... Возмущаешься, критикуешь, негодуешь... Все слова, слова и слова! А развѣ слова—жизнь? Жизнь — дѣло, какое бы ни было маленькое, но дѣло... И нѣтъ его... И вотъ такъ мы всѣ тутъ живемъ, т.-е. думаемъ, что живемъ, или шепотомъ негодуемъ... Мнѣ, напримѣръ, двадцать три года... И что я изображаю изъ себя? Такую же выѣздную дѣвицу, какъ и всѣ тѣ барышни, которыхъ на словахъ я такъ осуждаю! Развѣ въ головѣ-то, въ сердцѣ тѣ требованія, тѣ ожиданія, которыя навязываетъ жизнь? Жизнь?! Гдѣ она? Что она такое? Въ послѣднихъ классахъ гимназіи уже начинаешь ждать чего-то, «готовиться къ чему то»... Идешь куда-то! Говорятъ: «къ жизни»... И вотъ придешь. Вотъ жизнь. Да неужели?!

И она злобно захохотала.

Она ходила изъ угла въ уголъ и точно говорила сама съ собой.

— Пройдетъ еще годъ, два, пять, десять... Все это будетъ жизнь? Не стоило родиться, чтобы жить такъ.

Она точно забыла, что мать сидѣла тутъ же, точно не боялась уже огорчить или обидѣть ее.

— Вы, вѣдь, поймете, что значить: «стыдно жить»? Вы не будете смѣяться надъ этимъ? А у насъ смѣются и не терпятъ, чтобы будили ихъ совѣсть, и требуютъ молчанія и полного подчиненія ихъ законамъ. И слабыя, ничтожныя души подчиняются этимъ требованіямъ и боятся не жить «какъ всѣ» и молчать, когда хочется кричать отъ негодованія и плакать отъ горя!... И мало-по-малу пониманіе извращается, чуткость ослабѣваетъ, теряется способность не только дѣйствовать, но даже сочувствовать... Начинается жизнь изо дня въ день, примѣрная жизнь, «какъ у всѣхъ».

Ковалева съ испугомъ слѣдила за Мариной и за Марьей Андреевнѣй. Она поняла, что ея рѣчи довели дѣвушку до этого состоянія, и рѣшила успокоить ее.

— Вы очень строго относитесь, — начала было она, но Марина не слушала ее и продолжала:

— Прежде всего нужно быть, «какъ всѣ». Вамъ простятъ глупость, простятъ подлость и подличанье (о, это даже поощряется!), но не простятъ оригинальности... Общество, какъ полкъ, всѣ должны быть по утвержденному образцу, разнища въ чинахъ... Оттого всѣ люди нашего круга точно штампованные, и внѣшность, и одежда и слова—все штампованное... И вотъ, когда обезличилъ совершенно, когда дойдешь до поля въ смыслѣ нравственномъ и умственномъ, тогда только пользуешься и уваженіемъ, и любовью... Иначе, смѣются, негодуютъ... Говорятъ съ насмѣшкой о «новыхъ путяхъ», о «новыхъ горизонтахъ»; захватили грязными руками всѣ хорошія слова, закидали насмѣшками хорошія дѣла и стремленія... Не вѣрятъ въ искренность, видятъ во всемъ желаніе рисовки, оригинальничанья... «Живи, какъ всѣ!» Вотъ ихъ деспотическій девизъ.

— Ну, это отъ себя зависитъ.

— Отъ себя? Да, говорятъ, что отъ себя зависитъ устроить жизнь такъ или иначе; нужно только умѣть хотѣть... Да... А жалость? А совѣстливость? Когда былъ тотъ голодъ... Вотъ, когда мы уѣхали изъ Петербурга, какъ я хотѣла поѣхать тоже, поработать, потрудиться!... Меня не пустили! Меня удержали... Я хотѣла вѣрить, что должна жить, какъ всѣ, хотѣла быть всѣмъ пріятной и... стала отвратительной себѣ самой... Я уступала на каждомъ шагѣ,

каждую минуту, ломала всё мои желанія и стремленія, старалась убить въ себѣ всякое проявленіе моихъ личныхъ требованій... И чего же добила? Я изнываю отъ тяжести ежеминутныхъ мелочей, подъ властью ежеминутныхъ уступокъ, мнѣ говорятъ: ты больна, иди къ доктору. Я больна?! Мнѣ хочется сказать, что я стыжусь своей слабости и безхарактерности, что я перестала уважать себя за постоянныя уступки, хочется, чтобы поняли, какъ я страдаю отъ этой потери уваженія къ себѣ... И я молчу и молчу!...

— Почему же молчите?—горячо спросила Бовалева.

Марина остановилась и взглянула на мать.

Марья Андреевна все такая же блѣдная сидѣла на своемъ мѣстѣ, все такъ же виновато и любовно глядѣла на дочь. Марина бросилась передъ ней на колѣни и зарыдала.

— Прости, прости, прости!

Бовалева поспѣшила уйти отъ Сноповыхъ.

XI.

Въ большой спальнѣ Марьи Андреевны было почти совсѣмъ темно. Зажженная лампадка отъ образовъ стояла на туалетномъ столѣ и была заставлена книгой, чтобы свѣтъ не падалъ на кровать. Пахло лѣкарствами и тѣмъ особеннымъ запахомъ, которымъ всегда бываетъ пропитана комната больного.

Марина сидѣла у кровати матери, боясь пошевелинуться, боясь вздохнуть. Вотъ уже девятая сутки проводить она такъ! Девятая сутки! Онѣ кажутся ей одною безконечною, мрачною ночью. Сегодня, по словамъ доктора, долженъ быть кризисъ. Она тихо взглянула на часы и взяла мать за руку. Горячая, тяжелая рука повиновалась ей безъ малѣйшаго сопротивленія.

— Мама! лѣкарство пора принимать,—тихо сказала Марина.

— Да-а!—слабо протянула Марья Андреевна.

— Такъ повернись ко мнѣ немного... Хоть головой только...

— Да-а! — тѣмъ же бессознательнымъ звукомъ произнесла больная.

— Мамочка! Вотъ я налила. Прими, пожалуйста...

— Х-шо,—едва слышно прошептала Марья Андреевна и впала въ забытье.

Марина приподняла немного ея голову и влила ей въ ротъ лѣкарство. Марья Андреевна, не открывая глазъ, поморщилась, пошелокала губами, проглотила и опять забылась.

А Марина опять сѣла на свое мѣсто и, закрывъ правою ладонью глаза, старалась заснуть, забыться...

Она знаетъ, что нервныя горячки ушли въ область преданій, она вѣрить доктору, что у матери крупозное воспаленіе легкихъ, но ей не легче отъ этого. Она увѣрена, что причиной всему—тотъ разговоръ съ Ковалевой. Цѣлыхъ три дня послѣ него Марья Андреевна была сама не своя, ѣздила куда-то, пріѣзжала домой усталая и разстроенная, съ Марусей не разговаривала, а все плакала, да плакала такъ, какъ никогда ее не видала Маруся: тихо, горько и кротно. А на четвертый день утромъ, когда Паша только постучалась въ комнату Марины, она уже знала, что мать больна.

— Что мама?—быстро спросила она.

— Генеральша всю ночь не спали... У нихъ температура... Не велѣли васъ разстраивать, а за докторомъ послали...

Марина вскочила, какъ безумная, и бросилась въ комнату матери.

— Мама! Что съ тобой?

— Ничего... Не бойся... Такъ, лихорадить немного... Простудилась, должно быть.

— Позволь термометръ поставить.

— Я ставила.

— Сколько?

— Пустяки. Не беспокойся.

Марина взяла мать за руку, она была какъ раскаленная; пульсъ бился тревожно и неровно.

— Какая температура, мама?

— Около тридцати восьми.

Марина увидала градусникъ на ночномъ столикѣ и незамѣтно взяла его. Тонкая полоска ртути доходила до 39,9.

— Слава Богу, что она не разглядѣла правды, — подумала она, пугаясь за мать и вѣстѣ съ тѣмъ, желая прежде всего, чтобы она не волновалась, не боялась.

— Это ничего, мама, если около тридцати восьми... Инфлюэнца, должно быть.

— Конечно, пустяки, — сказала Марья Андреевна, хотя и знала, что съ ней начинается что-то серьезное, но, боясь огорчить дочь, старалась быть бодрой и спокойной. — Я встану... Только по-валяюсь немного... Ты оставь меня пока... Можетъ быть, я по-дремлю.

Когда черезъ часъ Марина услышала звонокъ изъ спальни матери, она застала ее съ горящими глазами и очень возбужденною.

— Паша! Неужели докторъ не пріѣзжалъ еще?—спросила она, не видя вошедшую дочь.

— Нѣтъ, мамочка, еще нѣтъ... А тебѣ очень нехорошо?

— Нѣтъ, дорогая, ничего, ничего, я встану. Только вот тутъ... И спина... А главное, не даетъ покоя княжна. Понимаешь?— она все спорить... Говорить: цѣль человѣческаго существованія— самосовершенствованіе—и эта цѣль достигается только въ монастырѣ... Только въ монастырѣ... Только въ монастырѣ...

Она еще нѣсколько разъ повторила эти слова. Ея голосъ, какой-то чужой, сухой голосъ уходилъ все дальше и дальше и, наконецъ, смолкъ.

Маруся поняла, куда мать ѣздила эти дни. Неужели хотѣла съ Верейской разрѣшить какіе-нибудь вопросы? Неужели жаловалась на Марину?

Докторъ прописалъ правильное и внимательное лѣченіе, приказалъ постоянно слѣдить за сердцемъ, и сталъ ѣздить два раза въ день.

И вотъ такъ идутъ девятыя сутки. Марина не знала, устала она или нѣтъ. Наступило какое-то оступленіе. Пріѣзжали друзья Марьи Андреевны, вызывали Марину, спрашивали ее о ходѣ болѣзни, о температурѣ, о снѣ матери. Маруся отвѣчала безучастно и коротко. Ее обвиняли въ безсердечности и неучтивости. Нѣкоторые, болѣе близкіе, въ глаза говорили ей это. Ей было все— все равно. Только бы всѣ они уѣхали и оставили ее вдвоемъ съ матерью.

Марина Андреевна горѣла и бредила, и этотъ бредъ доводилъ Марину до отчаянія и вмѣстѣ съ тѣмъ—она боялась пропустить хоть одно слово изъ него.

Княжна Верейская и какая-то мать Сергія, съ которыми—какъ поняла Марина,—видѣлась и бесѣдовала Марья Андреевна передъ болѣзнію, не сходили съ ея заплетавшагося языка и она съ открытыми глазами говорила имъ:

— Самосовершенствованіе... Самопознаніе... Все само, само... Тотъ же эгоизмъ... Традиціонныя чувства... глубокіе корни... Нельзя ихъ оскорблять!... Традиціи!... Маруся... Не браните Марусю... Она права, права.

Марина жадно вслушивалась въ то, что говорила мать, но голосъ больной—громкій и чужой приводилъ ее въ отчаяніе; и ей хотѣлось не слышать, уйти, исчезнуть.

— Княжна! Неужели только *résignation*? Кому она нужна эта *résignation*?

Одинъ день Марья Андреевна повторяла слово *résignation*, почти не останавливаясь, видно было, что оно мучило ее и она не могла

отвязаться от него. И Марина слушала его точно въ страшном кошмарѣ и не могла дожидаться, чтобы жаръ спалъ хоть немного, бредъ остановился.

Сегодня девятый день—день кризиса былъ особенно мучителенъ для Марины.

Больная металась, кашляла и тускло смотрѣла по сторонамъ. Стрѣлки часовъ, съ которыхъ почти не спускала глазъ Марина, казалось, остановились, а съ ними остановилось и время.

Наконецъ, пріѣхалъ докторъ. Марина слѣдила за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ взглядомъ.

— Что?—только она могла спросить его, когда онъ, озабоченный и нахмуренный, вышелъ изъ комнаты больной.

— Подождемъ до послѣ завтра. Да вы не пугайтесь. Еще ничего страшнаго нѣтъ, все идетъ своимъ чередомъ. Посмотрите, на кого вы стали похожи. Сами не свалитесь-ка, барышня.

Марина не слыхала ничего, что говорилъ докторъ. Вдругъ вся надежда на выздоровленіе матери исчезла, вдругъ все померкло кругомъ. Уже то, что лежало и горѣло тамъ, на постели въ комнатѣ, представилось ей чѣмъ-то чужимъ и враждебнымъ. А главное, почувялась невозвратимость прошлаго, непоправимость совершившагося.

«Неужели, неужели?—твердила она себѣ, прижавшись лбомъ къ стеклу окна и ничего не видя передъ собой.—Неужели ее уже не будетъ, никогда, никогда?»

И боль, острая боль сжала ей сердце, какъ тисками. Неужели конецъ? Еще нѣсколько дней тому назадъ—передъ самой болѣзнію мать сказала ей, что всѣ ихъ споры были—буря въ стаканѣ воды. А и вся ихъ жизнь? Мелкія столкновенія, мелкія страданія, ежедневная, ежеминутная борьба за мелочи, грошевые расчеты, грошевое самолюбіе и... конецъ!

Марина склонилась надъ матерью, смотрѣла на ея милое лицо и не могла, не хотѣла вѣрить концу. Нѣтъ! Этого не могло быть, не должно быть!

Еще вечеру температура больной еще поднялась; Марина—занесла цифру на таблицу, записала пульсъ и дыханіе, точно сама не сознавая, что она дѣлаетъ. Пріѣзжали Бородины, пожелали видѣть Марусю, она вышла къ нимъ, какъ во снѣ, отвѣчала на ихъ вопросы холодно и спокойно.

— Не понимаю я ее, — говорила Батя, спускаясь съ лѣстницы. — Такъ боготворила мать, и такъ холодно относится къ ея смерти.

— Современная молодежь! — отвѣтила со вздохомъ Катерина Александровна.

— Не обижай насъ, мама, не всё такія.

— И что въ ней нашелъ Сосновскій? Не понимаю.

Батя ярко покраснѣла.

— Уже кажется, онъ понялъ, что она совсѣмъ не то, чѣмъ онъ воображалъ ее. Увидѣлъ, что позёрка. А онъ любитъ натуры простыя и милыя.

Мать пристально посмотрѣла на дочь и не могла скрыть довольной улыбки.

«Что-жъ? Сосновскій отличная партія. Только вотъ эта исторія съ «дѣточкой», — подумала она».

Привѣзжала и «дѣточка». Madame Сигонина вызывала Марину и съ несвойственной ей серьезностью повторяла:

— Богъ спасетъ Марью Андреевну! Богъ спасетъ.

Предлагала привезти «батьюшку», къ которому у нея была протекція, говорила, что она подавала «за здравіе» и, прощаясь съ Мариной, почему-то прослезилась.

— Деревянная она какая-то, — говорила она черезъ минуту дождавшемуся ее въ наемной каретѣ Сосновскому. — Ни слезинки!... А я еще одно время васъ ревновала къ ней.

— И имѣли полное основаніе.

— Не смѣйте дразнить меня, — заплачу!

— А я васъ увезу къ себѣ.

— Не могу сегодня. Мужъ знаетъ, что я только къ Сноповымъ.

— Ну такъ что же? Марина Львовна нуждается въ утѣшеніи, вы могли, даже должны были, провести съ ней вечеръ.

— Нѣтъ, не вечеръ. А часъ, конечно, должна бы.

Она хитро засмѣялась. Сосновскій далъ кучеру свой адресъ.

Марина дѣйствительно была какъ деревянная. У нея уже не было силъ ни волноваться, ни надѣяться. Одно для нея было ясно: умереть мать — умереть и она.

XII.

Въ этомъ году Пасха была ранняя. Снѣгъ еще не совсѣмъ ста-
ялъ, но солнце свѣтило ярко и жарко. Выздоровленіе Марьи Андре-
евны, благодаря теплу и свѣту, шло настолько быстро, что она
рѣшила не отрицать обычнаго разговѣнья у себя и, какъ и въ
прошломъ году, пригласила всѣхъ «своихъ» послѣ церкви къ се-
бѣ. Такъ какъ докторъ сказалъ, что это не повредитъ здоровью
Марьи Андреевны, то Марина съ радостью принялась за пасхаль-

ныя хлопоты: почти всю Страстную недѣлю она ѣздила по лавкамъ, заказывала, покупала. Ветчина, телятина, гуличы, пасха, крашенныя яйца, фаршированная индѣйка—все было «какъ всегда», на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и прошлые годы, и Маруся была рада мысли, что это можетъ доставить удовольствіе матери.

Марья Андреевна легла спать, какъ велѣлъ докторъ, въ девять часовъ вечера, чтобы встать ночью и разговѣяться. Марина весь вечеръ просидѣла у себя за письмомъ Ковалевой, съ которой у нея завязалась правильная и частая переписка.

«Не надо кормить мужика даромъ, разбалуетъ онъ, будетъ надѣяться на даровой хлѣбъ, перестанетъ работать!» Вамъ придется постоянно выслушивать это. Да что же дѣлать-то? Научили бы. Вы знаете русскую деревню. И при нормальныхъ-то условіяхъ—мужикъ не каждый день видитъ «варево». А какъ прошлое лѣто все вышло, что же тутъ дѣлать-то? Хотѣлось мнѣ написать вамъ обстоятельно, подчеркнуть слова цифрами подворной переписи, да не могу сдѣлать обхода, грязь въ буквальный смыслъ непролазная; но ко мнѣ ходятъ цѣлые дни, ходятъ изъ сосѣднихъ деревень, была даже баба изъ Васильевки. Ужасно, невыносимо жить между голодными и не имѣть средствъ помочь имъ. Поторопитесь, пожалуйста, соберите что можете и вышлите хоть бы разговѣться былъ лишній кусокъ. Вы знаете русскаго человѣка, какъ горько для него, какъ унижительно не «встрѣтить праздника». Про насъ, т.-е. про нашу деревню, про моихъ бабъ я не говорю. Товаръ нашъ пошелъ ходко и въ Петербургъ, да и изъ Англіи я получила самыя лучшія извѣстія. Заказано три столовыхъ, то-есть портьеры, на окна и двери и скатерти на столы, изъ суроваго сукна съ вышивками разноцвѣтной бумагой. Въ осени мы будемъ богаты. Видите, у насъ хоть надежда есть; кругомъ же... Да пріѣдете, сами увидите, какая несчастная, темная русская деревня. Увидите, какъ нужны здѣсь умѣлыя руки, какъ нужны здѣсь хорошіе люди. Недостаточно накормить мужика, нужно его поучить, погнѣвить, помочь ему стать человѣкомъ. Да когда же вы пріѣдете? Я слышала, что на Васильевку есть покупатель въ Петербургъ (мнѣ говорила та баба, что приходила ко мнѣ за мукой); вотъ вы и пропустите навсегда ваше родное гнѣздышко, гдѣ, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣ-нибудь нужно участіе добраго человѣка».

Марина перечитывала это письмо въ третій разъ и теперь не дочитала его; въ прихожей прозвучалъ звонокъ. Марина заперла письмо въ ящикъ письменнаго стола и торопливо пошла въ гостиную, чтобы гости не разбудили раньше времени Марью Андреевну.

Пріѣхала Анна Евграфовна съ дочерью и съ женихомъ Сони, самымъ молодымъ человѣкомъ, котораго она въ началѣ этой зимы, у себя на вечерѣ представляла «брр-брр-брр...» Это былъ Строевъ, молодой человѣкъ, только что кончившій школу и начинавшій службу въ судѣ. Соня была немного старше его и обращалась съ нимъ какъ съ мальчикомъ.

— Мы объѣдню не стояли,—объяснила свой ранній пріѣздъ Анна Евграфовна.—Вотъ не пожелала,—добавила она, указывая на дочь.

— Да что же тамъ дѣлать? Всѣ кругомъ болтаютъ, смѣются... Прежде, когда я тоже флѣртировала, я любила эти пасхальные объѣдны... Теперь мой флѣртъ конченъ.

— А со мной?—спросилъ Строевъ.

— Такой въ церкви нельзя.

Соня кокетливо засмѣялась и приложила лѣвую ладонь къ губамъ жениха.

Батя Бородинъ пріѣхала съ матерью. Обѣ были въ бѣлыхъ платьяхъ, нарядныхъ, веселыхъ.

— Христосъ воскресъ!—объявила Катя весело.

И цѣлуя Марусю, тихо прибавила, ярко краснѣя:

— Какъ Сосновскому хотѣлось пріѣхать... Да не смѣлъ.

— А онъ тоже былъ въ Удѣлахъ?—спросила Марина, чтобы только сказать что-нибудь.

Батя многозначительно улыбнулась и конфузливо сказала:

— Да.

«Дѣточка» Сигонина явилась со своимъ троюроднымъ братомъ—офицеромъ, пріѣхавшимъ на праздники изъ Варшавы. Madame Буракова привезла своихъ двухъ дочерей и студента, влюбленнаго во вторую дочь.

— Христосъ воскресъ!

— Воистину!

— А вы въ какой церкви были?

— Ахъ, какая давка! Какая духота! Правда, что мало церквей въ Петербургѣ... Гдѣ же Марья Андреевна? Маруся! Что мама?

— Она сейчасъ выйдетъ... Отдыхаетъ.

— А какъ настроеніе?

— У мамы? Прекрасное!... Я давно ее такой не помню.

— Ея выздоровленіе—чудо какое-то!—сказала «дѣточка». — Никто вѣрить не хотѣлъ!

Марья Андреевна вышла въ свѣтломъ капотѣ, веселая и до-

вольная. И всё-таки сейчас же стало весело, всё нужно и ласково бросились къ ней и повели ее къ столу.

Яркій свѣтъ канделябръ, красиво убранный столъ, розы въ корзинахъ, розы въ вѣнкахъ и пасхахъ, бѣлыя платья и веселыя лица... Марина сѣла рядомъ съ матерью и старалась ловить всякое ея желаніе, всякій взглядъ.

— Чудная ветчина!—сказала Анна Евграфовна.—Вы у Романа?

— Это Марусю спросите... Она все хлопотала.

— Bravo, Маруся!... Вотъ моей стрелкѣ у тебя поучиться. А то хвалится, что въ хозяйствѣ ничего не смыслить... Сѣлка от костреца отличить не умѣетъ.

— Да гдѣ же мнѣ научиться-то, мамочка? У насъ этому не учили.

— Такъ и замужъ рано выходить,—шутя поддразнила ее Бардина.—Чѣмъ ты мужа кормить будешь?

— Онъ меня будетъ кормить.

— Конечно!—крикнула съ другого конца Сигонина.—Неужели намъ возиться съ такой гадостью? Говядина, баранина, телятина!... Фи!

Она такъ забавно сказала это, что всѣ засмѣялись.

— Она и такъ у меня, бѣдная, захлопоталась,—сказала Анна Евграфовна, какъ бы защищая дочь.—Подумайте, сколько хлопотъ у нея теперь съ квартирой... Все, все до послѣдняго гвоздя сама выбрала и распредѣлила.

— У меня такой хорошій помощникъ,—сказала Соня и съ гордостью показала на жениха.

Строевъ сидѣлъ весь красный и сконфуженный.

— У него такъ много вкуса... Такое чувство линій. Столовая прекрасно удалась. Все въ тонѣ, все заполнено... Буфетъ старомоденъ немного,—ну, да это переимѣнить современемъ можно... А вотъ гостиная...

— Что?—живо спросила Батя.—Бюверъ?

— Нѣтъ. Мама согласилась, что необходимо во всю комнату коверъ... И ужъ натянуть... Прелесть какъ вышелъ!... Я даже не ожидала.

— Значитъ, ковровыя недоразумѣнія кончены? Такъ что же еще?

— А стѣны? Подумай, такія громадныя стѣны и голыя? Что я на нихъ навѣшу?

— Да, это всегда самое трудное и дорогое.

— Картины—не приступишься! Особенно русскія... Гадости вѣшать не хочется. Не знаю, что и дѣлать!

— А посмотри, какъ у Барановыхъ. Катя хорошо устроила,—сказала Батерина Александровна, ловившая всякій случай, чтобы охвастаться дочерью.

— Да. Хорошо Барановымъ! Онъ—архитекторъ. Какія-то акварели, соборы, детали по стѣнамъ развѣшаны.

— А зачѣмъ выбрала въ мужа юриста? Вотъ теперь хотѣ «вещественныя доказательства» на стѣну и вѣшай!—задорно сказала Катя.

Всѣ весело засмѣялись и стали прощаться.

— Не забудьте, тетя, на Красную Горку моя свадьба!—ласково напомнила Соня, цѣлуя Марью Андреевну.—Вы вѣдь будете?

— Не знаю, дорогая... Если не уѣду—буду,—отвѣтила Марья Андреевна.

— Куда уѣдете? Маруся! Ты тоже?

Марина не знала, что отвѣтить и вопросительно взглянула на мать.

— Конечно и она! Конечно!

— Куда же? На югъ? Въ тепло? Вамъ надо поправиться... Это правда... Послѣ такой болѣзни.

Когда Марина стала улаживать Марью Андреевну спать, уже почти совсѣмъ разсвѣло.

— Подыми шторы,—сказала Марья Андреевна.—Мнѣ разсвѣтъ отчего-то всегда напоминаетъ дѣтство.

Марина потушила свѣчи, подняла шторы и сѣла на свое обычное мѣсто, на кровати, въ ногахъ.

Сѣренкій свѣтъ слабо освѣщалъ блѣдное лицо матери, ея узенькія плечи и худыя, безкровныя руки.

— Мама! Куда ты собираешься ѣхать?—спросила Маруся, какъ только онѣ остались вдвоемъ.

— Въ Васильевку.

— Куда? Въ Васильевку?—не вѣря своимъ ушамъ, переспросила Марина.

— Да... Я получила вчера письмо отъ Жмотова... Онъ назначилъ цѣну очень умѣренную. Говорить, что можетъ и уступить немного, чтобы я пріѣзжала «утоловаться»... Оказывается, что большой домъ заколоченъ, а онъ живетъ въ лѣвомъ флигелѣ, тотъ, что былъ у насъ для гостей... Помнишь?

Маруся молчала. Ея веселье сразу исчезло.

— Зачѣмъ, мама?—только спросила она.

— Ты, кажется, огорчена? Я думала, ты будешь въ восторгѣ.

— Ты это для меня... Я не поѣду. Я нигуда не хочу ѣхать... Будемъ жить, какъ жили до сихъ поръ, какъ тебѣ хочется, какъ ты привыкла... Я не хочу, я не хочу, мама, принять этой жертвы.

— Слушай, Маруся. Мы купимъ Васильевку и поѣдемъ туда сейчасъ же.

— Мамочка! Не говори такъ... Я прошу тебя не говори... Нигуда мы не поѣдемъ. Тутъ у насъ друзья, общество... Мы привыкли жить въ Павловскѣ, весело, шумно, дружно. Зачѣмъ мы поѣдемъ въ глушь, въ скуку, въ то мѣсто, гдѣ у тебя такія тяжелыя воспоминанія?

Марья Андреевна смотрѣла на дочь и ничего не понимала. Маруся не могла больше хитрить и, бросившись къ ней, горячо заговорила:

— Мамочка! Дай мнѣ жить для тебя одной... Чтобы ты была довольна каждой минутой твоего существованія... Ну, ради Бога... Не лишай меня этого счастья. Не отнимай его отъ меня... Ты увидишь, я не буду тебя мучить, какъ прежде... Ты увидишь, у меня не будетъ никакихъ капризовъ, никакихъ требованій... Только бы ты была довольна... Только бы ты была счастлива... Я знаю, я была не права. Я виновата, страшно виновата передъ тобой... Те перь мнѣ ничего не надо... Только всю жизнь отдать тебѣ.

Она плакала и обливала слезами блѣдныя руки матери. По лицу Марьи Андреевны тоже текли крупныя слезы.

— Мы поѣдемъ съ тобой въ деревню, — начала она, но Маруся опять перебила ее.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Надо знать что-нибудь, чтобы жить въ деревнѣ.

— Надо любить ее.

— Любить мало. Надо принести народу какое-нибудь знаніе. Нѣтъ, мама... Будемъ жить попрежнему, будемъ жить, какъ всѣ.

Марина вздрогнула отъ неожиданности послѣдней фразы и вдругъ умолкла.

— Маруся! Не думай, что я хочу только сдѣлать тебѣ уступку... Я много думала, пока дошла до убѣжденія, что ты права, а я — нѣтъ... И это убѣжденіе зачеркнуло всю мою прошлую жизнь. Да, да! Думать только о себѣ! Всю жизнь барахтаться въ своихъ печаляхъ, въ своихъ радостяхъ... Не думай, что мнѣ легко тебѣ говорить это... Въ мои годы новой жизни не начинаютъ.

Она присѣла на кровати, взяла Марину за руку и стала говорить шепотомъ, точно хотѣла передать дочери какую-то тайну

— Да, не начинают... Мнѣ сорокъ пять лѣтъ. Прожито много, очень много... И все для себя. Какъ прошла жизнь? Юность безъ порываній, замужство — безъ настоящей любви. Была влюбленность, капризъ—не знаю что, только не любовь... Ни одного дня для другого, ни одного часа не для себя. Какая же это любовь? Дочь?... Она тоже должна была существовать для меня... Весь день былъ наполненъ заботами и хлопотами. Мужъ, шутя, называлъ это «около себя». И такъ вся жизнь, долгая жизнь «около себя». Было и горе, были и слезы... Но горе и слезы только о себѣ... Я привыкла жалѣть только себя и хотѣла, чтобы всѣ меня жалѣли... Я искренно считала себя жертвой... Я искренно вѣрила, что я достойна только любви и поклоненія. Знаешь, есть натуры, qui se laissent adorer... Что можетъ быть ужаснѣе и ненужнѣе ихъ? Вотъ я была такая.

— Мама! Ты клеветешь на себя! — горячо воскликнула Марина.

— Я всегда хотѣла казаться лучше, чѣмъ я была на самомъ дѣлѣ... Всегда! Меня считали доброй. А въ чемъ сказывалась эта доброта? Въ томъ, что я отдавала мои старыя платья горничнымъ и разсылала на праздники подачки бѣднымъ!... Но я ни разу въ жизни не лишала себя чего-нибудь ради другого... Ни разу! Я никого не обижала, я не дѣлала зла... Да вѣдь это только оттого, что мнѣ ни до кого и ни до чего дѣла не было.

— Мама! Это не правда. Почему же у тебя такъ много друзей? Почему же тебя такъ любятъ?

— Милая! Развѣ любить за добродѣтели? Очень часто любятъ только за то, что ты ничѣмъ не лучше другихъ, не колешь глазами своимъ превосходствомъ... Кто меня любитъ,—посмотри!

— Я первая... Я обожаю тебя.

— Да ты родилась такая... Тебѣ чуть не съ трехъ лѣтъ надо было отдать кому-нибудь всю свою душу. Такая ужъ ты у меня несчастная!... Нѣтъ, счастливая, счастливая!... Любовь—вотъ счастье! Безъ нея жизнь—пустыня.

Она опустила голову и умолкла. Марина смотрѣла на нее, не смѣя шевельнуться. Она еще никогда въ жизни не видала мать такою, никогда не слыхала, чтобы она говорила такъ горячо и горько.

— Поздно! Поздно я сознала это. Учиться—поздно, поздно передѣлывать себя... Но никогда не поздно дать жить другому. Ты сказала, «хочу работать, хочу жить, а не спать». И ты права, безусловно права. Не перебивай меня... Выслушай! Я не приму не только жертвы, я не хочу ни малѣйшей уступки... Тебя называютъ чудачкой... Многие считаютъ тебя ненормальной... Я сама не

понимала, чего ты хочешь, просила тебя лѣчиться... Я и теперь не знаю, права ли ты, туда ли ты идешь, куда надо. Я знаю только одно: я не имѣю права обречь тебя на то, чѣмъ жила я. Ты какъ-то давно сказала: «Мы какъ бѣгли въ колесѣ!» Да, правда! И не дай тебѣ Богъ придти когда-нибудь къ сознанию, что ты всю жизнь безцѣльно вертѣлась въ своей клѣткѣ, возилась со своими бѣличьими волненіями, огорчалась бѣличьими печальми! Вся жизнь! И въ концѣ-концовъ, что-же? Безцвѣтная старость, сознание полной безцѣльности всей жизни! Я не могу обречь тебя на это... Я съ ужасомъ думаю, что ты можешь повторить меня... Я умоляю тебя: иди своей дорогой, дѣлай то, что ты находишь нужнымъ дѣлать, не трать жизнь на тѣ пустяки, на которые она ушла у меня... Уѣзжай изъ этой обстановки, отъ этихъ людей. Только одно прошу тебя: возьми меня съ собой! Не оставляй меня! Уведи меня отъ меня самой... Научи меня жить не только «около себя».

Она нѣжно прижалась къ плечу дочери и тихо заплакала.

Солнце уже взошло и его золотые лучи весело заглянули въ широкія окна и рассыпались по всей комнатѣ.

Ев. Лѣтова.

СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА *).

Романъ Александра Къелланда.

(Переводъ съ норвежскаго).

ХІІІ.

Лѣтомъ статскій совѣтникъ Беннесенъ жилъ въ небольшомъ рейцарскомъ домикѣ у самаго моря. Домикъ этотъ былъ выстроенъ на землѣ Фалькъ-Ольсена, а большая хозяйская вилла лежала в холмѣ шаговъ на двѣсти выше, — незначительное разстояніе немалюблило сближало ихъ. И такъ какъ домикъ статскаго совѣтника былъ очень тѣсенъ, то семья его пребывала болѣе вѣстѣ въ виллѣ Фалькъ-Ольсена въ красивомъ, помѣстительномъ большомъ домѣ.

Фру Беннесенъ, женщина, понимавшая толкъ въ экономіи, скоро подмѣтила преимущества такого хозяйства. А фру Фалькъ-Ольсенъ была въ восторгѣ отъ того тона, который вносила всегда семья статскаго совѣтника.

Такъ жили обѣ семьи каждое лѣто къ обоюдному довольству и радости. Но въ этомъ году дѣло совсѣмъ не ладилось, и все изъ-за того скучнаго акціонернаго банка. Общее собраніе было назначено на 20 августа. Старый совѣтникъ Фальбе дѣйствительно отказался отъ баллотировки, и Фалькъ-Ольсенъ забралъ себѣ въ голову, что на директорскихъ выборахъ на его сторонѣ будетъ голосъ статскаго совѣтника Беннесена, между тѣмъ какъ Беннесенъ съ невынованнымъ упорствомъ настаивалъ на томъ, что не можетъ отдать голосъ за оптоваго торговца иначе, какъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Все лѣто это носилось въ воздухѣ и портило всѣмъ настроеніе. Женщины дебатировали этотъ вопросъ въ короткихъ нервныхъ бесѣ-

*) *Русская Мысль*, кн. X, 98 г.

дахъ. Фру Фалькъ-Ольсенъ находила, что статскій совѣтникъ могъ бы прекрасно угодить ей Оле-Юганну, а фру Беннесенъ полагалъ, что оптовый торговецъ прекрасно могъ бы послѣдовать совѣту того челоуѣка, какъ ея Даниэль.

Утро многознаменательнаго дня, когда долженъ былъ избираться директоръ банка, каждая изъ нихъ провела дома въ ожиданіи маленькаго парохода, который привозилъ обыкновенно мужей къ обѣду.

Фру Беннесенъ находилась въ дурномъ настроеніи. Всѣ ея воды остались безъ результата. Статскій совѣтникъ сказалъ самымъ высокимъ тономъ: «Не могу, Аделанда; не смѣю». А когда онъ говорилъ такимъ тономъ, она знала, что онъ непоколебимъ. Она сидѣла въ своей маленькой, неудобной рабочей комнатѣ, въ которой собственно было невозможно сидѣть днемъ. На дворѣ лилъ дождь, а черезъ тонкія стѣны лѣтней постройки доносились шумъ и запахъ изъ кухни.

Лишь только пароходъ обогнулъ мысъ, фру Фалькъ-Ольсенъ поспѣшила къ пристани навстрѣчу мужу. Мужчины сошли съ парохода и вмѣстѣ пошли въ гору. Гнѣвъ оптоваго торговца долженъ былъ наконецъ вылиться наружу. Они прямо съ общаго собранія сѣли на пароходъ, биткомъ набитый народомъ.

— Этого я, право, не ожидалъ! — проворчалъ Фалькъ-Ольсенъ. — Меня удивляетъ, ей-Богу, удивляетъ, что вы рѣшаетесь на такія вещи, Беннесенъ.

— Мнѣ очень жаль, господинъ Фалькъ-Ольсенъ... Но я васъ предупреждалъ: я не могъ поступить иначе. Нѣкоторые соображенія...

— Соображенія! Право, эти соображенія должны бы васъ заставить обратить на меня кое-какое вниманіе... да-съ, вниманіе.

— Ну, ну, Оле-Юганнъ, не сердись, пожалуйста, — успокаивала его жена, подоспѣвшая къ нимъ навстрѣчу.

— Ахъ, я не понимаю, зачѣмъ ты вмѣшиваешься, матушка! Онъ, — здѣсь оптовый торговецъ указалъ концомъ сигары на статскаго совѣтника, — онъ подалъ голосъ за консула Линда, хотя отлично знаетъ, что если я только захочу... Но онъ самъ пожатъ объ этомъ, въ этомъ онъ можетъ быть увѣренъ.

— Выслушайте-ка меня, господинъ оптовый торговецъ Фалькъ-Ольсенъ, — началъ статскій совѣтникъ. Онъ былъ блѣденъ и углы его губъ подергивались, когда онъ старался улыбаться. — Неужели вамъ никогда не приходило въ голову, что вамъ необходимо... что вамъ недостаетъ кое-чего...

Статскій совѣтникъ подергалъ его осторожно за лѣвый отворотъ пальто.

— А, ну васъ съ вашими рѣчами! Ей-Богу, мнѣ ничего не нужно! Все на своемъ мѣстѣ — и сердце, и голова. Это вы сами скоро увидите!

И съ этими словами онъ заторопился къ дому.

Но фру Фалькъ-Ольсенъ, внимательно слѣдившая своими умными глазами за обоими въ продолженіе всего разговора, обмѣнялась бѣглымъ взглядомъ со статскимъ совѣтникомъ. Онъ кивнулъ.

— Можемъ ли мы надѣяться на это? — спросила она.

— Конечно, если онъ будетъ вести себя благоразумно... то есть, я хочу сказать, черезъ нѣкоторое время.

— Ужъ я позабочусь объ этомъ.

— Да, если бы вы могли, дорогая фру! — горячо воскликнулъ статскій совѣтникъ.

Онъ хотѣлъ схватить ея руку, но она была такъ заутана въ дождевой плащъ, что имъ пришлось протереться глазами.

Когда фру вернулась домой, Фалькъ-Ольсенъ сидѣлъ въ кабинетѣ въ шляпѣ и писалъ съ такимъ ожесточеніемъ, что перо скрипѣло.

— Ты пишешь, Оле-Йоганнъ? — небрежно бросила она.

— Да, я пишу ордеръ въ контору, чтобы приготовили счетъ Беннесену, сегодня же, сейчасъ же, не теряя ни минуты.

— Могу себѣ представить. Тебѣ, конечно, нѣтъ дѣла до его предложенія.

— Предложенія? Какого предложенія?

— Ты всегда любишь корчить дурака! — продолжала фру, снятая дождевой плащъ.

— Э, да что ты тамъ плетешь? Что ты хочешь сказать?

— Неужели ты, дѣйствительно, не понялъ? — спросила фру, выражая полнѣйшее удивленіе на лицѣ.

— Чего я не понялъ? Пожалуйста, не прикидывайся старой насѣдкой! — воскликнулъ Фалькъ-Ольсенъ и отвернулся.

— Нѣтъ, но скажи же мнѣ, Оле-Йоганнъ, неужели ты дѣйствительно не понялъ того, что хотѣлъ сказать статскій совѣтникъ? Развѣ ты не замѣтилъ, что онъ похлопалъ тебя вотъ тутъ?

— Ахъ, и ты начинаешь эту чепуху? Что же, онъ хотѣлъ сказать, что мнѣ недостаетъ положительности, что я долженъ быть такимъ же точно чучеломъ, какъ онъ самъ, но я...

Онъ остановился и уставился на жену, разразившуюся вдругъ веселымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты, голова! Оле-Іоганнъ, что бы съ тобой было, еслибѣ у тебя не было меня? Что такое, — она дотронулась до лѣваго отворота его сюртука, — что такое носить здѣсь обыкновенно такіе люди? Чего тебѣ тутъ недостаетъ, ну?

Оптовый торговецъ Оле-Іоганнъ Фалькъ-Ольсенъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и остановился передъ зеркаломъ. Онъ смотрѣлъ то въ зеркало, то на лѣвый отворотъ сюртука, нерѣшительно подергивая петличку.

— Такъ ты, правда, думаешь, что онъ хотѣлъ сказать...

— Конечно. Но только ты долженъ прежде применить къ имъ партіи, какъ онъ говорить. А ты, вѣдь, этого не хочешь.

— О, не будь въ этомъ слишкомъ увѣрена! — воскликнулъ супругъ, повернувшись на каблукахъ. — Одно другого стоитъ. Если они не требуютъ ничего другого, то...

— Но, дорогой мой, такъ вѣдь ты могъ получить и директорскій постъ, если бы только перешелъ раньше.

— Ахъ, этотъ жалкій директорскій постъ!... Неужели ты воображаешь, что я сталъ бы дѣлать что-нибудь изъ-за него? Но это, видишь ли, это совсѣмъ другое дѣло. Только мнѣ какъ-нибудь поскорѣе бы...

— Ты недавно сибѣлся надъ желтымъ хоромъ. Я замѣтилъ, что статскому совѣтнику это не понравилось.

— Браво, Мадлена! Я попрошу статскаго совѣтника принять меня въ желтый хоръ. О, Мадлена, ну, развѣ не правъ Соломонъ, говоря: тотъ, кто возьметъ себѣ хорошую жену... или что-то въ этомъ родѣ.

— Ну, не думаю, чтобы тебѣ было необходимо подражать Соломону въ супружескихъ дѣлахъ, — отвѣтила фру Фалькъ-Ольсенъ, снисходительно позволяя себя обнять.

Когда Гильда Беннесенъ, тоже пріѣхавшая съ пароходомъ, вошла въ столовую, горничная накрывала столъ.

— Ну, вотъ и ты! Промокла, небось, насквозь. Господь тебѣ вѣдаетъ, зачѣмъ тебѣ нужно было въ городъ въ такую погоду! вздыхала фру Беннесенъ. — Но ужъ съ тобой всегда случится что-нибудь такое.

— Право, мама, сегодня утромъ было совсѣмъ ясно.

— Ахъ, пустяки! Тебѣ не везетъ, вотъ въ чемъ дѣло. Оттого ты ничего кромѣ глупостей и нелѣпостей не дѣлаешь. А Алфреда развѣ нѣтъ съ тобой?

— Нѣтъ, онъ просилъ передать, что будетъ обѣдать въ отелѣ у зятя Іорта, кажется.

— Ахъ, этотъ противный Юръ! — вздохнула фру, провожая глазами пароходъ, отплывшій дальше.

Гильда уже привыкла къ такимъ разговорамъ. Она раздѣлась и повѣсила платье. Вернувшись снова въ столовую, она осмѣлилась сказать:

— Бѣдная Кристина! Она совсѣмъ нездорова. Не поговорить ли съ докторомъ Роде?

— Послушай, Гильда, — прервала ее мать и встала, покраснѣвъ до ушей, — ты уже не въ первый разъ пристаешь ко мнѣ съ этой дѣвушкой. Но теперь я говорю тебѣ разъ навсегда: я не хочу больше слышать ея имени. Ни слова о ней, слышишь ты? Мы сдѣлали для нея больше, чѣмъ сдѣлало бы на нашемъ мѣстѣ большинство, и ты сама знаешь, на что была похожа наша городская квартира послѣ свадьбы. Но теперь довольно! И чтобы нога твоя не была у нея! Понимаешь ты? О, Господи! И ничего-то отъ тебя не дождешься, кромѣ непріятностей и мученій!

Вошелъ и статскій совѣтникъ, но, почуявъ, какова погода, отретировался въ свою спальню и умывался тамъ до тѣхъ поръ, пока его позвали къ обѣду.

Когда всѣ сѣли, статскій совѣтникъ ласково заговорилъ съ Гильдой. Онъ видѣлъ, что ее журили.

— Долго ты гуляла съ камергеромъ, когда я васъ встрѣтилъ?

— Съ камергеромъ? — воскликнула фру. — Опять ты ему надѣдала! Ты просто становишься смѣшна, Гильда. Такъ бѣгать за нимъ!... Нѣтъ, что еще хуже, ты и его дѣлаешь смѣшнымъ.

— Но, Аделанда... — осторожно началъ статскій совѣтникъ.

— Ты же самъ можешь понять, Даніэль, что для такого красиваго, виднаго мужчины, какъ Дельфинъ, должно быть очень стѣснительно, что его постоянно видятъ съ такой неизящной дамой, чтобы не употребить болѣе сильнаго выраженія, какъ наша Гильда. Вѣдь это же ясно всякому, какъ Божій день.

Гильда выскочила изъ-за стола и бросилась наверхъ. Она заперлась въ своей маленькой комнаткѣ въ мезонинѣ и рыдала въ подушку. Что можетъ быть хуже? Она такъ некрасива, что мужчина становится смѣшнымъ, показываясь съ ней на улицѣ. Можетъ быть, Дельфинъ просто смѣется надъ ней? А она такъ вѣритъ ему.

Фру Беннесенъ тоже плакала.

— Ты виноватъ во всемъ, Даніэль. Если бы ты не поссорилъ насъ съ Фалькъ-Ольсенами, все было бы хорошо, а теперь...

— Успокойся, дорогая Аделанда, ради Бога, успокойся. Примиреніе близко.

— Ахъ, оставь ты, пожалуйста, свое: «успокойся, дорогая Аделаида», — передразнила его Фру, отрывая миску.

Въ эту минуту на маленькой верандѣ слышались шаги. Фру Беннесенъ не успѣла опустить крышку, какъ оптовый торговецъ Фалькъ-Ольсенъ стоялъ на порогѣ.

— Ахъ, какое счастье! — воскликнулъ онъ, весь сіяя, — вы еще не сѣли обѣдать. А я какъ разъ пришелъ просить васъ, Фру, отъ имени моей жены пожаловать попробовать пирожки, которыми она такъ гордится. А вы, господинъ статскій совѣтникъ, не откажите составить мнѣ компанію и выпить стакашъ бѣлаго портвейна. Не правда ли, — прибавилъ онъ, протягивая руку, — намъ обоимъ необходимо сегодня особенно подкрепиться?

Статскій совѣтникъ взялъ его руку и горячо пожалъ ее. Но Фру все еще сидѣла на мѣстѣ, пораженная какъ громомъ.

— Вотъ видишь! Я говорилъ тебѣ, что примиреніе близко, — шепнулъ онъ.

Она посмотрѣла на него съ выраженіемъ почти благоговѣнія во взорѣ и охотно позволила Фалькъ-Ольсену увести себя. А статскій совѣтникъ крикнулъ Гильдѣ, чтобы она приходила какъ можно скорѣе.

Возстановленіе дружескихъ отношеній между обѣими семьями было отпраздновано цѣлымъ рядомъ торжествъ. Но это не были «колоссальныя кормежки», какъ говорилъ Дельфинъ, но, напротивъ, интимныя обѣды, послѣ которыхъ мужчины долго сидѣли за столомъ и говорили много рѣчей.

Дельфинъ скоро провѣдалъ, въ чемъ дѣло, и не упустилъ случая позабавиться. Онъ преслѣдовалъ редактора Мортенсена, который сталъ теперь постояннымъ гостемъ у Фалькъ-Ольсена, изысканной вѣжливостью, доводившей его до отчаянія. Или пугалъ до смерти мадамъ Ольсенъ, увѣряя ее, что тотъ или другой изъ ее новыхъ гостей нигилистъ и носить въ заднемъ карманѣ револьверъ.

Самъ оптовый торговецъ принялъ совсѣмъ новую манеру — натуштую и сдержанную. Онъ ничего не начиналъ, не посовѣтовавшись съ статскимъ совѣтникомъ, и въ числѣ его гостей уже никогда не бывали лица, на приглашеніе которыхъ онъ не получилъ бы согласія или приказанія. Большой балъ, дававшійся каждую осень, былъ замѣненъ въ этомъ году чаемъ съ танцами. И оптовый торговецъ шепнулъ своей дочери, чтобы она не игнорировала помощника секретаря Юрта. Это было очень непріятно Софи, тѣмъ болѣе, что отецъ не могъ ничего больше сказать. Вообще

на была недовольна. Камергеръ не подходилъ къ ней, а побѣда надъ Іортомъ и Беннесеномъ казалась ей жалкимъ триумфомъ.

Друзьямъ выдалось тяжелое лѣто. Бромъ службы въ департаментѣ, на ихъ обязанности лежало развлекать зятя Іорта, оптоваго торговца Гармана. Они такъ добросовѣстно взялись за это, что у нихъ не осталось времени для своихъ сердечныхъ дѣлъ. Поэтому съ наступленіемъ зимняго сезона пришлось серьезно заняться ими. Въ планы Альфреда прежде всего входило всѣми правдами и неправдами завладѣть молодой женщиной, живущей въ швейцарской. Но однажды фру Беннесенъ призвала къ себѣ сына и сообщила ему что-то наединѣ въ спальнѣ. Послѣ этого онъ оставилъ Кристину въ покоѣ.

Удивительно, какъ быстро она измѣнилась. Ея блестящіе рыжіе волосы стали какими-то сухими; всю зиму она прохворала; у нея часто болѣло горло, и она жадовалась на лому на костяхъ.

Мужъ ея шнырялъ повсюду все съ той же обязательной улыбкой и еще неслышнѣе, чѣмъ прежде. Съ самой свадьбы она питала къ нему страшное отвращеніе. Но онъ хорошо обращался съ ней, и жизнь ихъ шла тихо и однообразно.

Андерсъ Мо постоянно обмѣнивался письмами со старшимъ лопманомъ Сэгусомъ и время отъ времени получалъ денежные пакеты. Но однажды въ іюлѣ онъ получилъ слѣдующее письмо:

«Господинъ департаментскій курьеръ Мо!

«Между прочимъ, вовсе не годится такъ поступать, потому что у него уже совсѣмъ не осталось денегъ. Посему я и пишу вамъ отъ своего имени, а самъ Ньедель не знаетъ этого. Я уже не вѣрю, что дѣло съ деньгами обстоитъ ладно, потому что сумма дошла до 950 кронъ. Если королевскіе слуги поглощаютъ эти деньги, то это не лучше того, что я видѣлъ въ Россіи, въ Петербургѣ, и я напечаталъ въ газетахъ, потому что несчастный человѣкъ совсѣмъ разорился и заболѣлъ отъ огорченія. Причину этого я приписываю вамъ, какъ его брату. Ради Божескаго милосердія, вы должны положить конецъ этому дѣлу, которое послано къ королю вотъ уже скоро два года. Но никакого отвѣта нѣтъ, а оди издержки. А также онъ очень желаетъ получить письмо отъ дочери своей Кристины, вашей супруги, и очень удивляется, что ей нечего написать, тѣмъ болѣе, что вы часто писали намъ, будто она очень желаетъ быть вашей женой и только стыдится вашихъ лѣтъ, почему мы, по вашей просьбѣ, и уговаривали ее. Но теперь я ничему не вѣрю.

Съ почтеніемъ Лорицъ Больдманъ Сэгусъ».

Дядя Андерсъ прочелъ это письмо въ департаментѣ, въ малень-

кой комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ статскаго совѣтника, гдѣ онъ сидѣлъ обыкновенно. Онъ сложилъ письмо и сунулъ его въ почтъ, покачавъ съ улыбкою головой.

Статскій совѣтникъ отворилъ дверь:

— Развѣ вы не слышите, Мо? Я звонилъ два раза.

Андерсъ Мо всталъ и взглянулъ на статскаго совѣтника съ той же бессмысленною улыбкой.

— Но Мо,—воскликнулъ статскій совѣтникъ.—Ей-Богу, мнѣ кажется, вы стали слишкомъ стары.

XIV.

Докторъ Іоганнъ Беннесенъ цѣлый годъ пробылъ въ Вѣнѣ. Единственно съ кѣмъ онъ переписывался—это съ Гильдой, и черезъ нее онъ узналъ еще лѣтомъ, что Бристина вышла замужъ за своего дядю. Съ этой минуты онъ совсѣмъ не писалъ домой и рѣшился остаться въ Вѣнѣ или уѣхать въ Америку. Но протосковавъ всю зиму, онъ почувствовалъ такое страстное желаніе увидѣть ее еще разъ, что въ срединѣ марта уѣхалъ домой.

Онъ подходилъ къ дому, томясь самыми противорѣчивыми думами и борясь съ своею нерѣшимостью. Такъ, значить, она любила не Альфреда. Но почему же она выбрала этого старика? Хотя онъ уже давно не отвѣчалъ на письма Гильды, она все-таки продолжала писать ему, и онъ зналъ, что Бристина хворала всю зиму. Подойдя къ дому отца, онъ не заглянулъ въ окна подвального этажа, а прямо прошелъ наверхъ поздороваться со своими.

Фру Беннесенъ вскрикнула, увидѣвъ сына. Его появленіе было для нея полною неожиданностью, такъ какъ никто не былъ увѣренъ, что онъ пріѣдетъ даже къ веснѣ.

— Извини, мама, я долженъ былъ бы телеграфировать,—сказалъ Іоганнъ.

Фру Беннесенъ долго смотрѣла на него съ удивленнымъ, напряженнымъ выраженіемъ на лицѣ. Но когда онъ подошелъ къ ней и улыбнулся ей своею доброю, грустною улыбкой, она прошептала, цѣлуя его:

— Ты такъ измѣнился, Іоганнъ! Я не узнала тебя сразу.

Вошла и Гильда и бросилась къ нему на шею.

— Здравствуй, здравствуй, дорогой Іоганнъ! Но какъ ты измѣнился.

— И ты находишь?—спросилъ Іоганнъ.

— Да вѣдь ты постарѣлъ на десять лѣтъ. У тебя сѣдые волосы и... что я вижу... ты ужъ начинаешь лысѣть, Іоганнъ!

Братъ улыбнулся своею обыкновенною улыбкой. Гильда внимательно всматривалась въ его лицо. Ей показалось, что онъ сталъ такимъ страннымъ, и она не замѣчала раньше, что онъ такъ сильно хромаетъ.

Вернувшись домой, статскій совѣтникъ Беннесенъ долго бесѣдовалъ въ спальнѣ съ женой. За обѣдомъ и онъ, и фру были такъ ласковы съ вернувшимся сыномъ, что у Юганна стало тепло на сердцѣ. Даже Альфредъ былъ милъ. Юганнъ хотѣлъ поговорить послѣ обѣда съ Гильдой, но фру Беннесенъ услала ее подъ какимъ-то предлогомъ въ городъ, лишь только они встали изъ-за стола.

Въ сумерки онъ пробрался украдкой внизъ. Но когда ему осталось только сойти со ступенекъ, ведущихъ въ комнату Кристины, онъ почувствовалъ прежнее стѣсненіе въ груди, только несравненно болѣзненнѣе. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и постучалъ. Старуха горничная, которой онъ не зналъ, отперла ему дверь. Онъ очутился въ той самой комнатѣ, о которой онъ такъ часто мечталъ, гдѣ мысленно онъ пережилъ столько сценъ и встрѣчъ съ Кристиной—сперва полныхъ надеждъ, потомъ, когда она вышла замужъ, такихъ тяжелыхъ. Но все время у него было такое чувство, точно она должна отдать ему отчетъ.

Знакомый запахъ въ этой комнатѣ пробудилъ все его воспоминанія, и его собственный голосъ звучалъ ему точно издалика, когда онъ спросилъ:

— Дома она?

Горничная взглянула на него:

— Барыня у себя.

Онъ вздрогнулъ, когда она сказала «барыня». Дверь въ старую комнату Кристины была открыта. Огня не было нигдѣ, но свѣтъ отъ газоваго фонаря съ улицы падалъ на полъ яркимъ четырехугольникомъ, и докторъ сразу увидѣлъ, что кто-то лежитъ на постели.

— Добрый вечеръ, Кристина,—сказалъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Больная приподнялась на постели и пристально посмотрѣла на него. Юганнъ схватился за притолку двери. Неужели это Кристина?... Она вскрикнула и вытянула впередъ руку, чтобы не подпустить его къ себѣ. Горничная захлопнула дверь спальни и сердито проворчала:

— Я думала, барыня знаетъ васъ.

— Что съ ней?

— Не знаю, — отвѣтила горничная и отвергла передъ нимъ входную дверь.

Докторъ Беннесенъ медленно поднялся по ступенькамъ. Онъ видѣлъ ее, видѣлъ ея лицо достаточно ясно, чтобы не забыть его никогда, еслибъ ему пришлось прожить даже сто лѣтъ. Чувство необъяснимаго ужаса охватило его. Въ одну секунду застегнувъ онъ свое пальто и побѣжалъ къ доктору Роде.

Старый докторъ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ газету.

— Э-э! смотрите-ка, нашъ профессоръ вернулся домой. Ну, здравствуй, мой милый, какъ поживаешь?—Докторъ Роде все еще говорилъ *ты* дѣтямъ статскаго совѣтника, которыхъ выросли на его глазахъ.

Юганнъ не отвѣтилъ ни слова на это дружелюбное привѣтствіе, но спросилъ коротко, не переводя духъ:

— Что съ Кристиной?

— Гм... съ Кристиной?—переспросилъ докторъ и снялъ очки.—Это та, что живетъ у васъ въ швейцарской? Ты видѣлъ ее?

— Да.

— Ну такъ ты самъ знаешь, что съ ней,—серьезно сказалъ старый докторъ.—Это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ случаевъ, которые мнѣ приходилось наблюдать. Ея здоровая кровь и крѣпкіе члены были какъ будто особенно предрасположены къ заразѣ.

— Но... но кто же заразилъ ее?—Юганнъ Беннесенъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и потъ катился по его лбу.

— Но, милый мальчикъ, какъ ты близко принимаешь это къ сердцу,—сказалъ докторъ Роде, начавшій кое-что понимать.—Боязно, ея мужъ. Онъ два раза лежалъ въ отдѣленіи кожныхъ болѣзней,—развѣ ты не зналъ этого? Онъ у меня записанъ здѣсь въ книгѣ—такая свинья!...—И докторъ началъ перелистывать толстую книгу, лежавшую на письменномъ столѣ.

— И вы знали это, и ничего не сказали?... Фу, докторъ Роде! это недостойно съ вашей стороны!—Юганнъ инстинктивно сжалъ кулаки.

— Милый мой мальчикъ, мнѣ очень жаль тебя!—отвѣтилъ старикъ.—Если бы ты былъ дома, я сказалъ бы тебѣ, какъ тяжело. Но ты самъ знаешь, что невозможно рассказывать такіе вещи. Сколько браковъ разстроилось бы такимъ образомъ, не говори уже о томъ, что для самого себя это невозможно. Въ тому же мнѣ казалось тогда, что твоему отцу ближе извѣстно это дѣло.

— Вы хотите еще къ тому же намекнуть, что и отецъ зналъ

О, вы старый циникъ!...—Добрые глаза Іоганна Беннесена дали молніи, и онъ ушелъ не простившись.

— Бѣдный мальчикъ!—сказалъ докторъ и снова взялся за га-гу.—Положительно ему не везетъ.

Всѣ знакомые Іоганна Беннесена нашли, что пребываніе за границей подѣйствовало на него въ высшей степени страннымъ образомъ. Онъ ни къ кому не ходилъ, никогда не бывалъ дома и возобновлялъ практики. Но ночью или поздно вечеромъ его часто встрѣчали съ приподнятымъ воротникомъ около дома статскаго вѣтника. Отсюда заключили, что онъ проводитъ много времени семьѣ. Но и этого не было въ дѣйствительности. Цѣлый день онъ бродилъ по окраинамъ города и только когда темнѣло, онъ приближался къ тому мѣсту, вокругъ котораго вертѣлись всѣ его мыслительныя думы.

Однажды вечеромъ онъ встрѣтилъ доктора Роде, какъ разъ, да тотъ шелъ къ Кристинѣ.

— Пойдемъ со мной, ты можешь помочь мнѣ,—сказалъ старикъ, повидимому совсѣмъ забывшій послѣднюю встрѣчу.—Іоганнъ шелъ за нимъ. Онъ не могъ противостоять желанію быть около нея.

Кристина вздрогнула, когда увидѣла его. Но докторъ Роде положилъ ей руку на плечо и сказалъ почти кротко:

— Ну, дружокъ, не будемъ притворяться. Жизнь была достаточно мрачна; надо радоваться, если подъ конецъ ее озаритъ свѣтъ и лучъ. И насколько я понимаю, единственное счастье, которое остается ждать—это позволить ему поухаживать за собой, въ на вашу долю выпалъ часокъ. Ну, дѣтки, поговорите.

Съ этими словами старый циникъ ушелъ. Іоганнъ Беннесенъ долго стоялъ на коѣннѣхъ у постели и изливалъ передъ Кристиной душу. Сначала она не понимала его. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, исчезало все непонятное, и ей становилось все яснее и яснѣе, между тѣмъ какъ слезы одна за другой капали на подушку. Вся ея затаенная любовь вырвалась теперь наружу. Она забыла о своей болѣзни и испытывала такое блаженство, о какомъ она когда не мечтала. Она забыла говорить ему вы, забыла всѣ тѣ вѣжливыя слова, которыми ее научили, и заговорила на своемъ простомъ выразительномъ крестьянскомъ языкѣ и объяснила ему, какъ случилось, и просила его простить ей, что она такъ мало понимала его. И они простили другъ другу все и вычеркнули прошлое, чтобы провести во взаимной любви часокъ, выпавшій на ихъ долю.

Съ этого дня докторъ Беннесенъ взялъ на себя уходъ за Кри-

стиной. Мать пытливно посмотрѣла на него, когда онъ сообщилъ это. И Юганнъ не могъ не отвѣтить ей такимъ же пытливымъ взглядомъ. Но онъ почувствовалъ невыразимое облегченіе, когда Беннесенъ сказала участливымъ тономъ:

— Бѣдная Кристина! Я такъ боюсь, что она заболѣла оттого, что живетъ въ подвальномъ этажѣ. Говорять, это очень нездорово, — я читала недавно.

Кристина и Юганнъ никогда не упоминали въ разговорѣ другъ съ другомъ имени дяди Андерса, и онъ съ своей стороны старался не встрѣчаться съ докторомъ Беннесеномъ. Вообще они говорили немного. Когда онъ оканчивалъ перевязки, облегчая ея страданія, насколько это было въ его силахъ, она любила, чтобы онъ сидѣлъ у ея постели. Она лежала тихо и смотрѣла на него, но не позволяла ему смотрѣть на себя, хотя онъ всячески старался увѣрить ее, что она въ его глазахъ все такая же, какъ и прежде.

Кристина не хотѣла въ больницу. Она вполне раздѣляла тотъ ужасъ, который такъ глубоко вкоренился у простого народа и нѣкогда не имѣлъ своихъ основаній. Но въ концѣ-концовъ докторъ убѣдилъ ее позволить перевезти себя въ больницу. Для ея переезда былъ назначенъ ясный солнечный день въ началѣ апрѣля. Почта принесла ей письмо отъ старшины, которое она съ трудомъ разобрала.

«Дорогая Кристина.

Ландфогтъ говорилъ мнѣ, чтобы я подалъ письменную жалобу. Я такъ и сдѣлалъ. А теперь моя жалоба вернулась ко мнѣ назадъ, и ты можешь себя представить, на что она похожа отъ всякихъ надписей: Пересылается сборщику податей... Возвращается судья и дорожному инженеру... Весь причтъ расписался на ней, и въ концѣ-концовъ оставалось только крошечное мѣстечко въ самомъ низу, и я написалъ тамъ: «Точъ въ точъ, какъ я ожидалъ. Сегусъ». Но судья очень сердится за это на меня. Но это еще ничего. Спасибо Богу, что тебѣ хорошо, какъ ты недавно писала. Потому что на самомъ дѣлѣ не хорошо. Я не хотѣлъ говорить тебѣ этого прежде, чтобы не огорчать тебя; но теперь надо наконецъ, написать, потому что стало слишкомъ скверно. Твой отецъ нищій, совсѣмъ нищій, и ничего у него нѣтъ, все сплыло съ этимъ дѣломъ, о которомъ мы говорили твой мужъ. И теперь онъ уже давно не работаетъ, а только сидитъ и смотритъ на стѣну. Говорю это тебѣ, чтобы ты пріѣхала домой, а то я ужъ давно ничего въ этомъ не смыслю, но мнѣ кажется, что онъ лишился ума. Но если ты не можешь пріѣхать, напиши ему что-нибудь, а главное о дѣлѣ.

Твой старый другъ Лорицъ Больдманъ Сегусъ».

Кристина бросилась на постель и зарыдала. Всю зиму заставляла она себя писать веселыя письма домой, и старшина отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Теперь она поняла, что они обманывали другъ друга, и у нея сжалось сердце по отцу, и по дому, и по родному краю. Она приподнялась на постели, чтобы написать отцу письмо.

«Дорогой отецъ.

Когда я узнала, что тебѣ такъ плохо, сердце мое переполнилось горемъ и стыдомъ. Я поняла, что я никогда не должна была въѣзжать отъ тебя. Но ты прости мнѣ и твердо вѣрь, что я го-мичо люблю тебя. Я не могу пріѣхать къ тебѣ, потому что я не-дородова. Но въ остальномъ мнѣ хорошо».

Кристина остановилась. Она писала каждое слово съ большимъ напряженіемъ. Она была увѣрена, что Богъ проститъ ей. Вѣдъша не говорить всей правды только для того, чтобы не огорчить отца, которому и безъ того тяжело..

У подъѣзда остановился экипажъ. Вошла горничная и про-шептала:

— Докторъ.

Это былъ больничный экипажъ, пріѣхавшій за ней. Кристиной овладѣлъ ужасъ, и когда она снова взялась за перо, она не могла больше ничего скрыть.

«Нѣтъ, дорогой отецъ. Все это неправда. Мнѣ нехорошо, мнѣ хуже, чѣмъ можно придумать. За мной пріѣхали изъ больницы. Я должна умереть. И я никогда больше не увижу ни тебя, ни моря, ни дома. Поклонись старшинѣ. Прощай.

Твоя Кристина».

Когда докторъ подошелъ къ постели, Кристина была такъ утом-лена, что онъ долженъ былъ поддерживать ее лѣкарствомъ. Онъ над-писалъ адресъ на ея письмѣ и помогъ перенести ее въ экипажъ.

Хотя переѣздъ былъ совершенъ со всѣми осторожностями, боль-ная была очень утомлена, когда ее привезли въ больницу и поло-жили въ постель. Она долго лежала съ закрытыми глазами. Но по-томъ она открыла ихъ, и по лицу ея скользнула улыбка. Она взгля-нула черезъ окно на ясное весеннее небо. Яркій солнечный свѣтъ заливалъ большую, чистую комнату, которую онъ приготовилъ для нея.

Кристина обернулась къ доктору и сказала:

— Спасибо тебѣ, Іоаннъ. Здѣсь мнѣ будетъ хорошо умереть.

Она вытянулась на чистой постели и закрыла глаза. Улыбка замерла на ея искаженномъ лицѣ, и она показалась ему такой же прекрасной, какъ въ былые дни.

XV.

Въ дождливую, бурную апрѣльскую ночь большой почтовый пароходъ, направлявшійся изъ Христіаніи въ Тромсе, остановился въ фіордѣ. Почтовый чиновникъ вышелъ на палубу и сдалъ почту на пристань. Маленькая парусинная сумочка заключала въ себѣ газеты и два-три письма, адресованныхъ въ ближайшее мѣстечко у фіорда.

— Будетъ качка, господинъ капитанъ?—крикнулъ почтовый чиновникъ вверхъ къ площадкѣ.

— Непремѣнно будетъ качка, господинъ почтовый чиновникъ,—отвѣтилъ капитанъ, наклоняясь черезъ перила.— Придетъ ся смотрѣть въ оба, когда будемъ подъѣзжать къ Эгерзунду.

— Спасибо!—пробормоталъ почтовый чиновникъ и поспѣшилъ въ свою маленькую, теплую каютку, гдѣ горѣла параффиновая свѣча подъ абажуромъ.

Въ Христіансандѣ принесли тяжелую почту. Тѣсная каюта наполнилась мѣшками и парусиновыми сумочками, отмѣченными почтовыми штемпелями. На маленькомъ спальномъ диванчикѣ лежали цѣлыя кучи свертковъ, и весь столъ подъ полками, раздѣленный на множество отдѣленьицъ, былъ заваленъ письмами и посылками.

Почтовый чиновникъ, полный молодой человекъ съ бѣлокурою бородкой, усѣлся на табуретѣ, снявъ фуражку съ желтымъ кантомъ, подулъ на руки и принялся приводить почту въ порядокъ, сортировать письма, распредѣлять ихъ по отдѣленьицамъ, упаковать въ большіе свертки и откладывать на диванъ тѣ, которые назначались подалѣе, спѣша воспользоваться временемъ, пока еще тихо.

Въ гостиной горѣли только двѣ лампы, да и то въ полусвѣтъ. Нѣсколько мужчинъ лежали на диванахъ, закутавшись въ пледы. Въ дамской было тихо; тамъ всѣ старались заснуть въ ожиданіи того момента, когда пароходъ выйдетъ въ открытое море.

Машина работала во-всю, издавая тяжелый ритмическій стукъ и регулярно покачивая корму. Ламповое стекло съ раздражающею правильностью стучало о что-то металлическое. Какой-то неутомимый пассажиръ расхаживалъ по верхней палубѣ взадъ и впередъ надъ головами тѣхъ, кому хотѣлось спать.

Буря проносилась надъ скалами и завывала къ снастямъ, но въ узкомъ фіордѣ море было совсѣмъ спокойно. Капитанъ кричалъ въ рупоръ, торопя перевязать грузъ, пока не началось волненіе.

Въ защищенной каютѣ почтмейстера письма были свалены въ

времени. Онъ отложилъ обширную сѣверную почту въ сторону и привелъ въ порядокъ мѣшочки, адресованные въ ближайшія мѣста остановокъ. Тутъ были всевозможныя письма съ различными надписями: огромныя пакеты, всѣ исписанные неуклюжими, кричущими буквами, атласистыя конвертики, испещренные кое-гдѣ тонкими дамскими штрихами, точно мушиными лапками, большіе казенныя пакеты съ сургучными печатами безъ марокъ, лотерейныя билеты, любовныя посланія, искы кредиторовъ и денежныя пакеты — цѣлый таинственный міръ сюрпризовъ, разочарованій, шутокъ, горя, разоренія и неожиданнаго счастья представляла собой маленькая, теплая каюта почтмейстера, спокойно и безстрастно пропускавшаго всѣ эти письма черезъ свои толстыя руки.

Судно начало медленно покачиваться изъ стороны въ сторону, и почтмейстеръ понялъ, что они приближаются къ выходу изъ Горда. Онъ поспѣшилъ привести все въ порядокъ, сложилъ, что можно на полъ, затѣмъ расчистилъ диванъ и держа въ рукахъ маленькій мѣшочекъ эгерзундской почты, сѣлъ въ самый уголокъ дивана подремать. Лампа продолжала мѣрно раскачиваться.

Опять начались несчастья въ дамской каютѣ. Всякій разъ, какъ скрипучая отворяла дверь, оттуда доносились стоны. Неутомимый пассажиръ, расхаживавшій по палубѣ, сидѣлъ теперь уничтоженный на мѣстѣ. Онъ былъ горько разочарованъ, такъ какъ одинъ изъ его друзей увѣрилъ его, что можно не поддаваться морской болѣзни, если только все время оставаться на свѣжемъ воздухѣ и находиться въ непрерывномъ движеніи.

Мужчины, лежавшіе въ гостиной, хватались за столъ, чтобы не упасть въ плевальницы. Дребезжаніе ламповаго стекла смѣнялось безчисленными мелкими звуками, которые повторялись всякій разъ, какъ пароходъ поднимался вверхъ по высокимъ волнамъ.

Въ защищенной каютѣ почтмейстера письма мирно покоились въ связкахъ, и самъ чиновникъ спалъ, держа въ рукахъ эгерзундскую почту. И всѣ прибрежныя жители, которымъ предназначались эти письма, спали по своимъ угламъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые безпокойно расхаживали взадъ и впередъ въ ночной темнотѣ и въ ожиданіи рѣшающаго извѣстія прислушивались къ завываніямъ бури, внушавшимъ страхъ за цѣлость почтоваго парохода.

— Господинъ почтмейстеръ, — крикнулъ капитанъ въ дверь, — мы подходимъ къ Эгерзунду.

— Вотъ она! — отвѣтилъ тотъ, вскакивая и протягивая руку, въ которой держалъ почту.

— Ого! Вы славно вздремнули, — засмѣялся капитанъ. — Доставайте-ка водку, а я принесу пиво.

— Отлично! — пробормоталъ почтмейстеръ спросонья.

Капитанъ тотчасъ же вернулся съ бутылкой и стаканомъ. Каютъ было такъ тѣсно, что онъ съ трудомъ могъ затворить за собою дверь.

— Дьявольская погода! — сказалъ онъ, пожимаясь. Вода капала на полъ съ его непромокаемаго пальто, и мелкія брызги при сверкали въ его курчавой бородѣ.

Изъ трюма послышался маленькій, звонкій колокольчикъ.

— Причаливай! — крикнулъ капитанъ, оставляя бутылку и выбѣгая изъ каюты. — Уже подошли?

Почтмейстеръ всталъ, потянулся, взялъ фуражку съ желтымъ кантомъ и вышелъ съ почтой.

День только что занимался — холодный, дождливый, сѣрый день. Голыя скалы казались совсѣмъ черными въ пасмурномъ воздухѣ, и частый дождь лилъ непрерывно.

Эгерзундская почта была скоро сдана. Пароходъ продолжалъ свой долгій путь, и почтмейстеръ снова сортировалъ письма.

XVI.

Было уже десять часовъ утра, а Ньедель Ватнемо еще не принимался за работу. Въ комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, полъ былъ черенъ, какъ земля. Бровать была завалена сѣрою соломой, поверхъ которой валялось нѣсколько войлочныхъ одѣялъ. Щелочда въ кухонной двери была сломана, и дверь не притворялась плотно. На очагѣ стоялъ котелокъ съ кофе и разогрѣвался на торфѣ.

Ньедель сидѣлъ и смотрѣлъ апатичнымъ взглядомъ въ крошечное окно. Онъ еще и на половину не кончилъ весеннихъ работъ, а уже была середина апрѣля. Огромныя руки его тяжело висѣли по сторонамъ, всклокоченная борода начала сѣдѣть, и спина округлилась еще больше. Безпомощность сквозила во всей исполинской фигурѣ этого человѣка, сгорбившагося въ низкой комнатѣ. На дворѣ лилъ дождь, и вѣтеръ вылъ въ трубы.

Мысли Ньеделя вращались все въ томъ же узкомъ кругу, изъ котораго онъ не выходилъ вотъ уже скоро два года, ни на минуту не отрываясь отъ этого безконечнаго «дѣла». Всѣ деньги, которыя поглотила эта тяжба, всѣ хорошія слова и обѣщанія брата, всѣ надежды и разочарованія — все это держало его въ постоянномъ напряженіи и парализовало его, точно какая-то темная, таинственная сила, съ которой онъ боролся въ потьмахъ, не понимая ничего.

На родинѣ въ горахъ онъ жилъ подѣ вѣчнымъ страхомъ камен-
ныхъ обваловъ, но жилъ какъ честный человѣкъ, и когда онъ по-
мѣлъ все, то этимъ дѣломъ и кончилось. Но здѣсь его преслѣдуетъ
то совсѣмъ другое. Буда бы онъ ни обернулся, онъ натыкался
на что-то мягкое и вмѣстѣ съ тѣмъ неподатливое. Когда онъ шелъ
по деревнямъ, всѣ отворачивались отъ него. На тинѣ при малѣйшемъ
ходѣ ему напоминали, что онъ находится подѣ слѣдствіемъ. Когда
онъ захотѣлъ снова приняться за свою канаву, повторилось то же
самое. Онъ былъ связанъ; вездѣ онъ натыкался на какое-нибудь
препятствіе. И онъ сидѣлъ на мѣстѣ или возился въ коровникѣ и
занимался домашними женскими работами, не помышляя о по-
лученіи.

Всматриваясь въ даль, Ньедель съ трудомъ отличалъ за дождемъ
осу недоконченной канавы. Это была его мечта, когда онъ при-
шелъ въ Бридсвигъ. Канавы должны были отдѣлять пески и предо-
хранять его владѣнія отъ наносовъ. Онъ думалъ вбить тамъ сваи
и посадить тростникъ, какъ пишутъ въ газетахъ. А теперь все это
пропало, и Серень Беревигъ преспокойно продолжаетъ себѣ возить
песокъ и изрѣзываетъ его поле колеями, которые придаютъ еще
большую силу пескамъ.

Старшина Сэгусъ вошелъ черезъ кухонную дверь.

— Здравствуй, Ньедель. Изъ Христіаніи пришло письмо.

Ньедель взглянулъ вверхъ и улыбнулся. Письма Бристины были
единственною радостью.

— Хочешь кофе, старшина?

— Нѣтъ, спасибо, — отвѣтилъ тотъ. Онъ не питалъ довѣрія
старшинѣ Ньеделя.

Старшина распечаталъ письмо и остолебенѣлъ, пораженный кри-
комъ строками и невѣрной рукой. Чернила расплылись въ кляксы
по тѣмъ мѣстамъ, куда попали слезы Бристины. Онъ прочелъ все
до конца, остановился и перечелъ еще разъ это короткое письмо,
которое содержало въ себѣ такъ много.

Ньедель не проронилъ ни слова, онъ только весь поблѣднѣлъ.
Когда старшина отложилъ письмо, онъ взялъ его и началъ всма-
триваться въ строчки, хотя и не умѣлъ читать по-писанному.

Но въ груди старшины накипѣло уже давно. Онъ вскочилъ и
крикнулъ:

— Тутъ какое-то мошенничество. Ньедель, это такъ же вѣрно,
какъ то, что меня зовутъ Лорицъ Больдманъ Сэгусъ! Это все про-
тивъ какого-то негодяя! Не вѣрю я твоему брату—вотъ что! Знай
ты! Прежде онъ расписывалъ намъ, что Бристина сама хочетъ

выйти за него замужъ и только боятся, какъ бы ты не былъ противъ этого. Онъ просто хотѣлъ заставить насъ уговаривать ее совѣтовать ей. Потомъ онъ натолековалъ намъ, что они живутъ счастливо. Но я уже давно замѣтилъ по письмамъ Кристины.

Дальше онъ не могъ говорить, голосъ измѣнилъ ему, онъ вышелъ въ кухню и нѣсколько разъ громко выругался.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — остановилъ его Ньедель и покачалъ головой, — не говори дурно объ Андерсѣ. Если бы ты только зналъ его...

Въ эту минуту входная дверь тихо отворилась, и Серень Беревигъ украдкой пробрался въ кухню.

— Что тебѣ надо? — крикнулъ Ньедель и всталъ.

Серень Беревигъ вошелъ въ комнату, стараясь на всякій случай держаться поближе къ старшинѣ.

— Я принесъ поклонъ и хорошія вѣсти, — сказалъ онъ широкимъ, любивымъ тономъ. — Отъ знакомыхъ изъ Америки. Я тоже получилъ сегодня письмо.

Ньедель поспѣшилъ спрятать письмо Кристины.

— Прежде всего поклонъ старшинѣ отъ сестры. Она евдохла, — ты вѣдь знаешь это? — мягко продолжалъ Серень.

Нѣтъ, старшина не зналъ. Серень Беревигъ досталъ письмо, — оно было отъ его брата, и прочелъ: — Мистрисъ Джонсонъ, сестра старшины изъ Бридсвига, проситъ меня передать ему, что она зоветъ его въ Америку жить съ ней, если онъ хочетъ, или арендовать земли по сосѣдству.

— Ей-Богу, я и самъ не разъ думалъ объ этомъ, — пробормоталъ старшина.

— Потомъ тутъ есть кое-что и для тебя, Ньедель, — продолжалъ Серень, пробѣгая глазами письмо.

— У меня нѣтъ знакомыхъ въ Америкѣ, — оборвалъ его Ньедель.

Серень улыбнулся.

— Коротка же у тебя память. А вотъ оно: У мистрисъ Джонсонъ живетъ еще дѣвушка изъ Бридсвига, ее зовутъ Ане, и она проситъ, чтобъ я послалъ поклонъ Ньеделю Ватнемо и передалъ ему, что ей тутъ хорошо, и что мальчикъ ея здоровъ, и что у него рыжіе волосы, какъ у отца.

Ньедель взглянулъ въ задумчивости вверхъ и потомъ сказалъ:

— Гм... такъ у него рыжіе волосы.

Серень Беревигъ взглянулъ пристально сперва на одного, потомъ на другого, и ему показалось, что минута самая подходящая.

— Ты, кажется, не кончилъ еще весеннихъ работъ, Ньедель? — торожно началъ онъ.

— А тебѣ что за дѣло!

Ньедель сразу овладѣлъ собой при звукѣ его голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты правъ. Но только ужъ такъ сосѣди всегда выѣзжаютъ, у кого что дѣлается. Ты вѣдь далъ за свою усадьбу 700 швейцарскихъ, а?

Ньедель только прорычалъ что-то въ отвѣтъ.

— Я говорилъ съ новѣренными Тоффе. Онъ былъ здѣсь на-
вѣхъ, — продолжалъ Серень, равнодушно выглядывая въ окно. —
Онъ говоритъ, что на твоей усадьбѣ не мало долговъ.

— Оставишь ты меня въ покоѣ, Серень? — угрожающимъ то-
номъ крикнулъ Ньедель.

— Ну, ну, — замѣтилъ старшина, — пусть Серень скажетъ,
то хочетъ. Ты увидишь, что это вовсе не такъ плохо. Ну, Серень,
выкладывай!

Такой оборотъ дѣла былъ не по нутру Серену Беревигу. И Нье-
дель, и старшина совершенно нарушали его планы. Но пришлось
имъ договорить сразу:

— Да я думалъ, что такъ какъ у Ньеделя такія незначитель-
ныя владѣнія въ нашей деревнѣ, онъ, можетъ быть, захочетъ про-
дать ихъ.

— Сколько даешь? — спросилъ Ньедель.

— Хе! Я же вѣдь не говорилъ, что именно я хотѣлъ бы...

— Сколько даешь? — сердито повторилъ Ньедель.

— 2,500 талеровъ.

— Это не идетъ! — выѣшался старшина. — Тогда Ньедель толь-
ко вынутаается изъ долговъ. Въ тому же, теперь подъ полемъ вдвое
больше земли, чѣмъ было, когда онъ покупалъ. Нѣтъ, Серень, ты
долженъ немножко раскошелиться.

— Я принимаю предложеніе, — сказалъ Ньедель и протянулъ
руку. — Торгъ конченъ.

Старшина хотѣлъ сдѣлать еще какое-то возраженіе, но Ньедель
установилъ его. Серень Беревигъ смутился. Онъ совсѣмъ не такъ
хотѣлъ обставить дѣло. Онъ вынулъ изъ кармана какой-то доку-
ментъ, завернутый въ газетную бумагу.

— Можетъ быть, можетъ быть... лучше было бы письменно...
вотъ у меня здѣсь... ги... такъ сказать, контрактецъ, который...

— Ты предусмотрительный человѣкъ, — сказалъ Ньедель съ
васиѣшкой. — Давай сюда перо, старшина.

Что ни говорилъ старшина — все было бесполезно. Ньедель

взялъ перо и намалевалъ нѣсколько толстыхъ палочекъ, которые должны были обозначать: Нѣдельник. Больше писать не было бы мѣста, но и этого оказалось достаточно.

Нѣдельник натянулъ теплую куртку, надѣлъ шапку на голову и тяжелою поступью вышелъ изъ дому.

— Ты долженъ будешь передѣлать контрактъ, если Нѣдельник потребуетъ, потому что онъ не въ своемъ умѣ, — сказалъ старшина, прежде чѣмъ последовать за Нѣделемъ.

Серенъ Беревигъ сложилъ контрактъ и сунулъ его въ карманъ съ гримасой, которую старшина къ счастью не замѣтилъ.

Нѣдельник шелъ впереди, старшина за нимъ. Когда они взобрались нѣ откосъ, старшина сказалъ:

— Ты долженъ ѣхать со мной въ Америку.

— Съ пустыми руками? — недовѣрчиво проговорилъ Нѣдельник.

— Съ такими кулачищами, какъ у тебя, можно далеко уѣхать, — отвѣтилъ старшина. — Что касается меня, мнѣ очень хочется. Ничего мое въ рукахъ у хорошаго человѣка, а домъ можно продать въ одинъ мигъ. Ѣдемъ, Нѣдельник, намъ нечего здѣсь дѣлать. Я плачу за тебя, пока ты не начнешь зарабатывать себѣ самъ. И, кромѣ того, у тебя вѣдь тамъ сынъ и, такъ сказать, жена, если ты хочешь. Ѣдемъ.

Нѣдельник остановился и посмотрѣлъ внизъ. Отсюда, сверху, то, что онъ сдѣлалъ за эти годы, казалось такимъ незначительнымъ. Онъ окинулъ взоромъ ограду своихъ владѣній; онъ зналъ каждый камень, который лежалъ тамъ, и вспомнилъ все свои труды. Потомъ онъ долго смотрѣлъ на песчаную равнину и неоконченную канаву, и у него стало такъ горько на душѣ. Онъ вспомнилъ все свои планы, когда переѣзжалъ сюда, вспомнилъ высокую Ане и то счастливое время, когда Кристина жила дома, и нѣтъ было такъ хорошо. Взглядъ его скользилъ по пескамъ, окаймленнымъ блестящимъ вѣнцомъ волнъ. Море разстилалось у его ногъ, такое сѣрое и безнадежное, и плотная цѣпь холмовъ удерживала мысль, которая рвалась на западъ. Сырой, влажный воздухъ становился все гуще, по мѣрѣ того, какъ улегалась буря и прекращался дождь. Такъ точно усиливалось недовольство, смѣнившее то возбужденіе въ которомъ Нѣдельник продалъ усадьбу и бросилъ все.

Но какъ ни сильна была его тоска по Кристинѣ, по самому себѣ и по своей разрушенной жизни, какъ ни велика была тяжесть, давившая его, — онъ точно увидѣлъ какой-то просвѣтъ послѣ словъ старшины, какъ будто началъ различать болѣе яркую точку въ этомъ сѣромъ, безотрадномъ туманѣ, въ который онъ пристально

матривался. Словно всё лучи собрались въ этой точкѣ, и онъ видѣлъ маленькую дѣтскую головку съ рыжими вьющимися волосами.

Ньедель глубоко вздохнулъ и изумленно оглянулся по сторонамъ. Онъ никогда не думалъ объ этомъ такъ, значить, есть еще что-то въ жизни, за что можно ухватиться.

— Ёдешь ты?— снова спросилъ старшина.

— Да, — отвѣтилъ Ньедель и выпрямился. — Только прежде я ѣду въ Христіанію, повидать Кристину и разузнать о дѣлѣ.

— О нѣтъ. Зачѣмъ намъ это дѣло? Не все ли равно?

— Я хочу слышать, что я былъ правъ, — отвѣтилъ Ньедель, и глаза его засвѣтились.

— Ну, ну, хорошо, — покорно согласился старшина. — Естатн и эмигрантскій пароходъ отходить теперь весной оттуда.

Въ глубинѣ души старшина находилъ, что вовсе недурно было побывать въ Христіаніи. Во-первыхъ, ради Кристины, а кромѣ того онъ питалъ тайную надежду, что въ столицѣ ему удастся, наконецъ, залучить того, кто стоитъ выше всѣхъ фогтовъ, инженеровъ и сборщиковъ податей. Любопытно было бы знать, въ порядкѣ ли это вещей, чтобы въ такой странѣ, какъ Норвегія, были совершенно непроходимыя дороги.

ХVІІ.

Недолго пролежала Кристина въ больницѣ, какъ уже опредѣлилось, что она должна скоро умереть. Болѣзнь, разрушившая въ такое короткое время ея крѣпкое здоровье, бросилась на мозгъ. Прележавъ безъ сознанія около сутокъ, Кристина медленно угасла поздней ночью.

Югантиъ былъ у нея до послѣдней минуты и, когда все кончилось, онъ пошелъ бродить по улицамъ, поднимая по обыкновенію воротникъ и не обращая ни на кого вниманія.

— Добрый вечеръ, докторъ Беннесенъ, — сказалъ камергеръ Дельфинъ, только что собиравшійся отпереть свою входную дверь. — Зайдемъ ко мнѣ, выкуримъ сигару и выпьемъ стаканъ вина.

«Что за чучело этотъ докторъ Беннесенъ», — подумалъ камергеръ, когда тотъ прошелъ дальше, не издавъ ни звука.

Войдя въ комнату, Дельфинъ снялъ сюртукъ, зажегъ лампу, — камергеръ возвращался изъ гостей, — и надѣлъ халатъ. Потомъ онъ зажегъ сигару, выпилъ стаканъ вина и началъ ходить взадъ и впередъ по своимъ двумъ красиво обставленнымъ комнатамъ, переживая мысленно весь день.

Со времени того достопамятнаго бала у Фальтъ-Ольсена отпущенія его къ Гильдѣ Беннесенъ становились все интимнѣе. Но послѣднее время, всю зиму, она явно избѣгала его. Правда, время ему удавалось настроить ее на прежній тонъ, но только на минуту. Потомъ она опять отталкивала его отъ себя, отталкивала какъ-то особенно робко, и онъ никакъ не могъ понять ее.

Бамергеръ Дельфинъ сбросилъ пепелъ въ каминъ и старался думать о другомъ. Сегодня вечеромъ Гильда прямо заявила ему, что не хочетъ больше ни гулять съ нимъ, ни танцовать.

Онъ снова попытался отогнать отъ себя эти мысли, но они опять возвращались назадъ. Наконецъ, онъ остановился передъ зеркаломъ и пристально посмотрѣлъ самому себѣ въ глаза.

— Но, Георгъ, что съ тобой?

Онъ выдвинулъ доску бюро и быстро написалъ:

«Дорогой Георгъ. Мнѣ очень грустно думать, что и ты, на котораго я такъ надѣялся, обанкротился. Потому что:

«Wer zum ersten Male liebt,
Sei's auch glücklos, ist ein Gott.
Aber wer zum zweiten Male
Glücklos liebt—der ist ein Narr».

Мадамъ Берресенъ рассказала мнѣ все: ты влюбленъ. Ну, это я, пожалуй, и допустилъ бы еще. Но что ты влюбленъ въ обезьяну съ собачьими глазами и плоскимъ носомъ—это указываетъ на извращеніе самыхъ благородныхъ чувствъ, и мнѣ горько за тебя.

Если бы ты былъ цѣльной натурой, но этого нѣтъ, и ты самъ отлично знаешь это; если бы ты состоялъ изъ двухъ половинокъ, я сказалъ бы тебѣ: это хорошо, мой другъ. Это самое лучшее лекарство для тебя, единственное средство спасти обломки твоего половинчатаго существованія. Бери ее, — тѣмъ она некрасивѣе, тѣмъ лучше. Войди съ ней въ салоны и громко скажи всѣмъ: Господи! я горжусь тѣмъ, что она выбрала меня. Тогда еще могла бы быть какая-нибудь надежда, тогда ты не былъ бы больше тѣмъ жалкимъ трусомъ, какимъ ты былъ всегда и какимъ останешься навѣки. Аминь».

Онъ отбросилъ перо и опорожнилъ стаканъ, стоявшій передъ нимъ.

Иоганнъ Беннесенъ очутился въ улицѣ Вергеланда потому, что сдѣлалъ большой крюкъ, до самаго предмѣстья, возвращаясь изъ больницы. Теперь его потянуло по привычкѣ къ дому отца. Ему

отбилось взглянуть еще разъ, когда уже все кончилось, на низкія киа подвального этажа, гдѣ онъ любилъ и страдалъ.

Подойдя къ дому, онъ увидѣлъ, что кто-то возится у входной вери. Докторъ сразу узналъ Андерса Мо и хотѣлъ пройти мимо. Но онъ замѣтилъ, что Мо время отъ времени покачивается на столону и, повидимому, не можетъ найти замочной скважины. Иоганнъ Беннесенъ понялъ, что старикъ пьянъ, и, несмотря на отращеніе, которое онъ питалъ къ этому человѣку, онъ подошелъ и юмогъ ему войти.

Андерсъ Мо протрезвился въ одну минуту, когда увидѣлъ, что это.

— Да, докторъ добрый человѣкъ, — началъ онъ своимъ вкрадчивымъ тономъ, — дѣйствительно добрый человѣкъ, и Бристина говорить то же.

Но лишь только онъ назвалъ ея имя и стануль лицо въ благочестивую гримасу, какъ Иоганнъ вышелъ изъ себя, схватилъ его за плечи и потрясъ изо-всѣхъ силъ.

— Она умерла! — крикнулъ онъ сквозъ зубы. — И ты убилъ ее!

Андерсъ Мо юркнулъ въ домъ и всунуль ключъ съ внутренней стороны, чтобы запереть за собой дверь. Онъ покачалъ головой и пробормоталъ пьянымъ голосомъ:

— Ахъ, ахъ, бѣдная Бристина! Такъ она умерла? Кто бы могъ повѣрить этому! Ни статскій совѣтникъ, ни фру...

— Не впутывай имени моего отца въ свои преступленія! — крикнулъ Иоганнъ и сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы войти за нимъ.

По опьянѣвшему лицу пробѣжала усмѣшка. Старикъ тихонько притворилъ дверь, оставивъ только небольшое отверстіе. Газовый свѣтъ падалъ прямо на блѣдное лицо съ длинными, хитрыми морщинами у рта и серебристыми сѣдыми волосами на вискахъ. И отчетливымъ, но не громкимъ голосомъ онъ сказалъ:

— И статскій совѣтникъ, и фру отлично знали это. Они нарочно женили меня на ней, чтобы она не досталась тебѣ! — и съ невыразимо злой гримасой онъ высунуль языкъ, потомъ захлопнулъ дверь и повернулъ два раза ключъ.

Иоганнъ Беннесенъ отшатнулся назадъ къ газовому фонарю и долго стоялъ на мѣстѣ, какъ парализованный.

По тротуару пробѣжалъ фонащикъ съ лѣстницей.

— Виновать! Посторонитесь-ка къ стѣнѣ, я потушу газъ.

Докторъ бросился въ сторону съ такой стремительностью, точно земля горѣла у него подъ ногами.

На востокъ начало свѣтлѣть. Сперва показалась сѣрая полоса,

потомъ она становилась все красивѣе и красивѣе, и наконецъ вышло солнце, привѣтливое, яркое весеннее солнце—это было первое мая, —освѣтившее крыши домовъ и позолотившее золотомъ церкви.

Іоаннъ Беннесенъ все шелъ и шелъ, дошелъ до старика горда, повернулъ назадъ и опять шелъ все съ тѣми же неподвижными взглядомъ впередъ, мучимый все тѣми же думами, тѣми же сомнѣніемъ.

Какъ ни противно было ему думать дурно о матери, онъ допускалъ, что она могла знать все: она невѣроятно боялась всего, что походило на скандалъ. Но отецъ!... этотъ возвышенный, блѣдный, городской человѣкъ... невозможно!... Этого онъ не могъ себѣ представить. Вѣдь Мо пьянъ, къ тому же онъ золъ, какъ дьяволъ. Онъ навѣрно сказалъ это только изъ злости.

Но мысли эти были безсильны успокоить Іоанна. Сомнѣніе жгло его, какъ огонь, ему была необходима увѣренность. Когда онъ наконецъ рѣшилъ пойти къ родителямъ и откровенно спросить ихъ, онъ успокоился. Однако, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы пойти къ нимъ ранѣе, какъ часа черезъ два, и докторъ пошелъ къ приставамъ, гдѣ жизнь была уже во всемъ разгарѣ.

Рабочіе и поденщики спускались къ гавани. Мастеровые бѣжали въ мастерскія съ кофейниками и бутербродами въ бумагахъ. Фабричныя дѣвушки громко рассказывали другъ другу свои ночныя похождения, между тѣмъ, какъ сонные полицейскіе расхаживали взадъ и впередъ въ ожиданіи утренней сѣны. Совершенно особенная, своеобразная публика встрѣчалась въ такое время—блѣдный, оборванный людъ. Кое-гдѣ, какой-нибудь оборванный господинъ, весело прошедшій ночь, пробираясь домой, поднималъ хвостъ—блѣдный и сконфуженный передъ яркими лучами утренняго солнца.

Аристократія города еще спала за спущенными гардинами и запертыми дверями. Это былъ благородный, величественный сонъ, подтверждающій тѣхъ, кто призванъ стоять на стражѣ города, государства и его интересовъ. И какъ ни было ярко утреннее солнце, оно не могло разъяснить тайны, почему спали тѣ, кто охранялъ, и не спали тѣ, кого охраняли. Движеніе охватывало узкія улицы, ведущія вдоль набережной и къ гавани.

Маленькіе пароходики со свистомъ отплывали отъ берега. Немного дальше въ бухтѣ стоялъ большой норвежскій пароходъ и ждалъ, пока расчистятъ для него мѣстечко у пристани. Рыбаки возвращались съ ловли и бранились съ купцами и толстыми тор-

ками, сбѣжавшимися на пристань съ большими плоскими кор-
нами.

Юганнъ Беннесенъ шелъ дальше къ крѣпостной пристани. Тамъ
стоялъ большой зеленый американскій пароходъ. Подъемная ма-
шина работала. Народъ бѣгалъ взадъ и впередъ. Вдоль набережной
стояли бочки съ масломъ. Кое-гдѣ возвышались пирамиды ящи-
въ, испещренныхъ по бокамъ норвежскими фамиліями и амери-
канскими адресами.

Изъ толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, одѣтыхъ въ новыя су-
винныя платья, отдѣлился высокій, худой господинъ въ темной
фуфъ и весеннемъ пальто.

— Здравствуй, Юганнъ. Ты такъ рано встаешь? Что же ты
здесь не узнаешь?

Юганнъ сразу узналъ его. Это былъ его старый товарищъ по
волѣ, котораго онъ не видѣлъ много лѣтъ.

— Гдѣ ты былъ все время?—спросилъ онъ.

— Въ Америкѣ, мой милый, — беззаботно отвѣтилъ тотъ. —
Агентомъ эмигрантовъ. Дѣла идутъ прекрасно, но чертовски много
заботъ и непріятностей. Вотъ, смотри, кажется, дѣло рѣшенное — на
плотахъ, которые эти люди уже купили себѣ, написано: «въ со-
провожденіи норвежскаго доктора». А этотъ господинъ, съ кото-
рымъ я уговорился, поднимаетъ теперь всякую чепуху... Но вѣдь
я же докторъ, Юганнъ, come along! Прекрасныя условія. Ты по-
пущай!...

Агентъ въ одну секунду изложилъ всѣ выгоды. Пока онъ бол-
талъ, его собственная идея казалась ему все прекраснѣе, и онъ
закончилъ:

— Ну, такъ рѣшено, дѣло кончено!... Смотрите, господа, вотъ
мой докторъ!

Юганнъ не могъ не улыбнуться на своего друга. Однако, онъ
отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ. Пожалуй, это было бы самымъ ум-
нымъ, что онъ могъ сдѣлать. Было уже около семи часовъ. Онъ
началъ дать окончательный отвѣтъ днемъ и вслѣдъ за тѣмъ от-
правился къ дому отца.

Теперь уже и въ лучшихъ кварталахъ города начиналось ожив-
леніе. Подмечались магазины и протирались зеркальныя стекла
конъ. Ревностные граждане улицы Карла-Юганна сами выставля-
ли на крышахъ флаги черезъ слуховыя окна, — въ этотъ день жда-
ли короля.

— Кто тамъ?—крикнула фру Беннесенъ, когда Юганнъ по-
пущалъ въ дверь спальни.

— Это я—Иоганнъ,—мнѣ надо поговорить съ отцомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иоганнъ, сюда нельзя!—Но онъ уже отворилъ дверь.

— Но, Иоганнъ!—сердито воскликнула фру, причась за нологъ кровати. Она была въ negligé, а статскій совѣтникъ лежалъ еще въ постели.

— Ахъ, извини, но мнѣ надо поговорить съ вами,—сердце его стучало такъ сильно, что онъ съ трудомъ могъ говорить.—Я пришелъ спросить тебя, отецъ, зналъ ли ты или мама что-нибудь о болѣзни Андерса Мо, когда Кристина выходила за него замужъ?

Статскій совѣтникъ заговорилъ послѣ нѣкоторой паузы:

— Я нахожу твое поведеніе въ высшей степени неумѣстнымъ.

— Отвѣчай мнѣ, отвѣчай мнѣ!—крикнулъ Иоганнъ.

Статскій совѣтникъ привскочилъ, сѣлъ на постель и попытался бросить на сына импонирующий взглядъ. Но это не вышло. Будь онъ въ полномъ блескѣ, ему, можетъ быть, и удалось бы сразу уладить дѣло. Но въ ночной рубашкѣ, небритый, съ растрепавшимися во всѣ стороны жидкими, сѣдыми волосами, онъ казался самымъ обыкновеннымъ старикомъ. Все уваженіе сына рухнуло вдругъ, какъ карточный домъ, и онъ сказалъ съ такимъ холодомъ въ голосъ, который почти испугалъ его самого:

— Отецъ, отецъ? я ошибся въ тебѣ!

Между тѣмъ фру успѣла вернуть себѣ присутствіе духа.

— Ты бы потрудился быть повѣжливѣе съ отцомъ, Иоганнъ. И, пожалуйста, выслушай меня благоразумно. Ты самъ, какъ докторъ, прекрасно знаешь, что порядочные люди не говорятъ о твоей болѣзни, на которую ты намегаешь.

— Вотъ именно!—крикнулъ сынъ.—Я много разъ думалъ объ этомъ. Самая ужасная болѣзнь можетъ подкрадываться инкогнито, потому что неприлично называть ее по имени. О! ты знаешь, что ты сдѣлала, мама!

— Что я сдѣлала? Да ты съ ума сошелъ, мой милый!—возмущенно воскликнула фру. Она никакъ не ожидала, чтобы простакъ Иоганнъ могъ явиться вдругъ въ роли судьи.

— Аделаида!—осторожно проговорилъ статскій совѣтникъ съ постели.

Но Иоганнъ продолжалъ уже совершенно спокойно. Теперь онъ былъ увѣренъ и пересталъ волноваться.

— Что вы помѣшали мнѣ жениться на ней, это я могу понять, и это я могъ бы, пожалуй, простить вамъ... Но что вы допустили ее до такой гибели... О! вы не знаете, чего была достойна эта

взвешка, и какъ она страдала! Теперь она умерла, и я уѣзжаю сегодня вечеромъ.

— Куда?—спросила мать.

— Въ Америку,—отвѣтилъ Іоганнъ въ дверяхъ.

— Въ Америку?...— Ни за что!... Даниэль!...— восклицала фру Беннесенъ.

— Это серьезный вопросъ, и мы прежде всего должны быть покойны,—отвѣтилъ статскій совѣтникъ.

Навстрѣчу Іоганну выбѣжала полуодѣтая Гильда. Она слышала изъ своей комнаты почти весь разговоръ.

— Іоганнъ, Іоганнъ!—крикнула она вполголоса.—Что такое? Ты опять уѣзжаешь?

— Да, Гильда, теперь я уѣзжаю навсегда въ Америку. Тебѣ пусто, бѣдняжка,—онъ обнялъ ее.

— О, да, да!—рыдала Гильда.—Ахъ, если бы ты могъ взять меня съ собой.

Она сказала это, не придавая особаго значенія словамъ. Но когда Гильда возразила, что мать ни за что не пуститъ ее, онъ рѣзко отвѣтилъ:

— О, вѣдь мы съ тобой ни больше, ни меньше, какъ неудачники! Кромѣ того, теперь мы можемъ и не спрашивать позволенія. Поѣдемъ. Ты будешь помогать мнѣ, пока не найдешь себѣ чего-нибудь лучше.

— Нѣтъ... но, Іоганнъ, ты говоришь серьезно?

— Почему же нѣтъ? Что ждетъ тебя здѣсь? Замужъ ты врядъ выйдешь,—прости меня, дорогая,—а для того, чтобы работать здѣсь, ты слишкомъ барышня. Тебѣ какъ разъ надо въ Америку. Въ эту минуту изъ спальни пришла фру Беннесенъ.

— Ахъ, ты еще не ушелъ, Іоганнъ? Отлично,—мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Гильда ѣдетъ со мной,—сказалъ Іоганнъ.

Фру Беннесенъ напряженно улыбнулась.

— Ну, очень рада: значить, все это шутка. Да я такъ и знала.

— Нѣтъ, мама, это серьезно,—отвѣтилъ Іоганнъ сухо.—Гильда, иди и улаживай свои вещи. Мы сегодня же вечеромъ должны выйти на пароходъ.

Гильда была такъ смущена и въ то же время поражена рѣшительнымъ тономъ своего робкаго брата, что невольно повиновалась и вышла изъ комнаты.

-- Слушай же, Іоганнъ!—сказала фру Беннесенъ и стала

передъ нимъ, — ты съ ума сошелъ или ты просто пьянъ! Неужели ты думаешь, что твой отецъ и я допустимъ такой скандалъ?

— Я приѣду за Гильдой сегодня вечеромъ, и если она не будетъ готова, то ты можешь ждать еще большаго скандала!

Онъ пошелъ къ двери.

Фру Беннесенъ испустила крикъ и упала въ кресло.

— Но, Юганнъ! — воскликнулъ статскій совѣтникъ, выходя изъ спальни съ брюками въ рукахъ, — помоги же матери! Ты видишь, она въ обморокъ.

— Она не въ обморокъ, — спокойно отвѣтилъ Юганнъ и пошелъ своимъ путемъ.

XVIII.

Агентъ эмигрантовъ потиралъ себѣ руки въ восторгъ, что дѣлъ съ докторомъ окончилось такъ удачно, и бросился встрѣчать новежскій пароходъ, подплывшій къ пристани и остановившійся передъ американскимъ судномъ.

Его зоркій глазъ, всюду разыскивавшій переселенцевъ, сразу остановился на Ньеделѣ и старшинѣ. Едва они сошли на берегъ, какъ онъ уже протискался къ нимъ черезъ толпу.

— Я вижу, эмигранты, — сказалъ онъ и поклонился.

Старшина отвѣтилъ на поклонъ; но когда агентъ хотѣлъ схватить у него изъ рукъ мѣшокъ, онъ никакъ не соглашался, чтобы такой важный господинъ несъ его вещи. Между тѣмъ агентъ болталъ безъ умолку, ведя приѣзжихъ черезъ толпу, собравшуюся у причалившаго парохода. Ньедель шелъ позади и смотрѣлъ на него это съ явнымъ недовѣріемъ.

— Смотрите, вотъ вашъ пароходъ — первый разрядъ, first class, altogether! Есть у васъ билеты? — спрашивалъ агентъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старшина.

— Very well! Билеты можно получить на пароходѣ. Пожалуйста, входите!

— Въ какое время отойдетъ пароходъ? — спросилъ Ньедель.

— Завтра рано утромъ, — отвѣтилъ агентъ и въ одну секунду изложилъ всѣ преимущества своего общества, такъ что у Ньеделя даже зарябило въ глазахъ. Какое счастье, что они попали именно къ нему, и какъ удобно, что они могутъ прямо сѣсть на пароходъ и избѣжать тратъ на ночлегъ.

Это послѣднее обстоятельство пришлось и имъ по вкусу, и они последовали на пароходъ за агентомъ, который въ четверть ча-

казалъ имъ койки второго класса, принесъ билеты, взялъ деньги, написалъ квитанціи и закончилъ, хлопнувъ въ ладоши:

— All right, first class, altogether!

Когда все это было улажено, они сошли на берегъ, и Ньедель переплылъ старшинѣ:

— Ужъ не жуликъ ли этотъ баринъ? Что-то онъ ужъ очень болтаетъ!

Но старшина снисходительно улыбнулся и замѣтилъ, что это по-американски.

Теперь оставалось только разузнать о дѣлѣ и потомъ разыскать больницу и навѣстить Кристину. Ньедель хотѣлъ идти прямо къ королю, но старшина опять засмѣялся надъ нимъ, а самъ началъ обращаться ко всѣмъ встрѣчнымъ и спрашивать дорогу въ департаментъ.

Но ему не везло. Большинство ограничивалось смѣхомъ или остротой. Другіе останавливались и пристально смотрѣли на нихъ. Друзья, дѣйствительно, представляли собой необыкновенную пару—маленькій, краснощекій старшина въ желтой морской курткѣ и мѣховой шапкѣ и длинный, согбенный великанъ съ косматою бородой и удивительно свѣтлыми дѣтскими глазами.

Они и сами почувствовали это, очутившись въ лучшихъ улицахъ. Тутъ старшина разспрашивалъ уже не такъ охотно. Они подошли къ зданію почты. Старшина проговорилъ со вздохомъ:

— Боже мой, уже десять часовъ!

Они стояли и разсматривали колокольню церкви Спасителя, когда изъ-за угла повернулъ изящный господинъ съ портфелемъ подъ мышкой.

Старшина собрался съ духомъ.

— Извините. Не можете ли вы сказать намъ, гдѣ департаментъ?

— Какой департаментъ?

— Развѣ ихъ много, не одинъ?—упавшимъ голосомъ спросилъ старшина.

— Ахъ, почтенные, — отвѣтилъ изящный господинъ, — какъ могла бы старая Норвегія держаться однимъ департаментомъ! Но что вамъ угодно въ департаментъ?

— Справиться о дѣлѣ, — сказалъ Ньедель.

— То-есть, — объяснилъ старшина, — насчетъ участка камышъ на берегу и насчетъ рва.

— Мало ли у насъ рвовъ во всѣхъ департаментахъ! — сказалъ додушный господинъ. — А тутъ еще съ камышами!

— Это тотъ департаментъ, въ которомъ статскій совѣтникъ, — пояснилъ старшина.

— Ахъ, милые мои! Въ какомъ же департаментѣ нѣтъ статскаго совѣтника. У насъ ихъ цѣлыхъ одиннадцать.

Старшина Сэгусъ совершенно отчаялся и безнадежно смотрѣлъ на своего друга.

— Тамъ мой братъ, — сказали Ньедель.

— Да, какъ его зовутъ?

— Его имя Андерсъ, Андерсъ Мо.

— Ахъ, Мо! Его я знаю отлично. Такъ онъ вашъ братъ? Идите за мной, — намъ по дорогѣ.

Съ этими словами изящный господинъ пошелъ впередъ, а друзья за нимъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

— Вотъ этотъ настоящій баринъ, — прошепталъ Ньедель, — ему стыдно идти съ нами.

— Я не очень-то ему вѣрю, — осторожно отвѣтилъ старшин.

— Вотъ я привелъ вамъ два типичнѣйшихъ образца вымиравшей расы «народа», — сказалъ Георгъ Дельфинъ регистратору Мортенсену, входя съ старшиной и Ньеделемъ. — А вамъ, господа, могу представить истиннаго друга народа Мортенсена.

Редакторъ торжественно всталъ и поклонился, хотя онъ никогда не чувствовалъ себя увѣреннымъ, когда начальникъ отдѣленія острилъ. Онъ произнесъ нѣсколько высокопарныхъ фразъ, стараясь выразить радость, которую онъ испытывалъ обыкновенно, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ самымъ ядромъ народа — честными норвежскими крестьянами, и что-то подобное.

Эта маленькая комедія привлекла и Эрсета и еще двухъ-трехъ чиновниковъ изъ сосѣдней комнаты. Старшина внимательно разсматривалъ блѣдное, одутловатое лицо Мортенсена, и то, что давно кипѣло въ его груди, рвалось наружу. Но по внѣшнему виду онъ оставался еще совершенно спокоенъ.

— Этихъ господъ, — сказалъ начальникъ отдѣленія, собираясь идти дальше, — я поручаю вашему особому вниманію, господинъ Мортенсенъ, не сомнѣваясь въ томъ, что вы съ удовольствіемъ воспользуетесь случаемъ показать себя истиннымъ и т. д.

— Извините, господинъ начальникъ отдѣленія, — началъ Мортенсенъ слегка раздраженнымъ тономъ, — но сегодня, право, нѣтъ жаль, у насъ слишкомъ мало времени для шутокъ.

— Для шутокъ. Мортенсенъ сказалъ для шутокъ? Слышалъ ли кто-нибудь изъ васъ, господа, что регистраторъ Мортенсенъ за-

мгъ: для шутокъ? Я не могу себя представить, — продолжалъ Дельринъ съ кривой усмѣшкой, внушавшей всегда ужасъ его врагамъ, — не могу себя представить, чтобы регистраторъ Мортенсенъ могъ честь мое приказаніе за шутку. Эти господа спрашиваютъ о камышѣ-то дѣлѣ, — которое яко бы находится у васъ, — относительно участка камышей на берегу и какого-то рва. Не угодно ли регистратору Мортенсену безотлагательно побеспокоить себя и, разыскавъ соответствующіе документы, сообщить рѣшеніе этимъ господамъ.

Редакторъ покраснѣлъ до корня волосъ, и зрители, замѣтивъ, что комедія принимаетъ такой оборотъ, бросились по своимъ мѣстамъ и нагнулись надъ кучами бумагъ.

Теперь рѣшился заговорить и старшина Сегусъ:

— Извините, но мы желаемъ видѣть самого статскаго совѣтника, а съ нимъ мы не желаемъ разсуждать.

— Я вполне съ вами согласенъ, — отвѣтилъ начальникъ отдѣленія и повелъ крестьянъ черезъ всѣ комнаты прямо къ дверямъ, ведущимъ въ кабинетъ статскаго совѣтника. Здѣсь онъ попросилъ ихъ подождать. Статскій совѣтникъ еще не приходилъ.

Прошло около часу прежде, чѣмъ явился статскій совѣтникъ. Онъ былъ въ ужаснѣйшемъ настроеніи. Жизнь научила его улыбаться тѣмъ довольнѣе, чѣмъ хуже было у него на душѣ. Но сегодня ему пришлось уже слишкомъ круто. Непріятности начались съ самаго утра и слѣдовали одна за другой. Во-первыхъ, послѣ злополучной сцены съ Іоганномъ у него была долгая и непріятная беседа съ Аделандой. Съ большимъ трудомъ удалось ему вразумить энергичную женщину, что насилие и запоры не представляютъ собой дѣйствительнаго средства противъ скандаловъ. Въ концѣ концовъ они остановились на такой тактикѣ: дѣлать видъ, что ничего не случилось, и разсказывать всѣмъ, что Іоганнъ захотѣлъ побывать въ Америкѣ, и Гильда поѣхала съ нимъ ради удовольствія.

— О, Боже, да вѣдь ни одна душа не повѣритъ этому! — сокрушалась фру.

— Все зависитъ отъ того, какъ разсказать, — отвѣтилъ мужъ.

Не успѣлъ онъ уладить это дѣло, какъ явился Альфредъ съ жалобнымъ лицомъ. Обстоятельства вынудили его какъ-то разъ выдать вексель, и какъ разъ сегодня истекъ срокъ, и... и... и...

Статскій совѣтникъ вспыхнулъ и собирался разразиться громовой рѣчью, но фру вытолкнула Альфреда въ переднюю и общалась ему помощь изъ хозяйственныхъ суммъ.

И надо же было всему этому случиться именно въ этотъ много-

знаменательный день, когда ждали короля послѣ долгаго отсутствія да еще въ такое время, когда особенно важно было устроить королю встрѣчу какъ можно торжественнѣе и громче.

Поэтому, когда статскій совѣтникъ вошелъ въ контору черезъ дверь своего кабинета, онъ съ трудомъ удержался, чтобы не выругаться при видѣ необыкновенныхъ посѣтителей, ожидавшихъ его.

Старшина тотчасъ же всталъ и началъ излагать дѣло, повторивъ заранее приготовленныя фразы и титулуя статскаго совѣтника «ваше высочество» къ неопишуемому восторгу Ньедела.

Статскій совѣтникъ пристально посмотрѣлъ на него, затѣмъ отворилъ дверь къ секретарю Эрсету и спросилъ:

— Что это за люди сидятъ здѣсь?

— Я не знаю... право, не знаю, господинъ статскій совѣтникъ,—отвѣтилъ секретарь Эрсетъ, маленький, сухой, сѣдой человѣчекъ.—Начальникъ отдѣленія Дельфинъ привелъ ихъ сюда, а ничего не знаю... ничего не знаю объ этомъ.

— Это такъ похоже на васъ,—пробормоталъ статскій совѣтникъ.—Попросите сюда начальника отдѣленія.

— Сейчасъ, сейчасъ, господинъ статскій совѣтникъ... Сейчасъ это будетъ сдѣлано.

Маленькій человѣчекъ соскочилъ со стула, заметался по комнатамъ, ища шляпу, потомъ вспомнилъ, что ему не зачѣмъ бѣжать на улицу и бросился къ другой двери, чтобы позвать Дельфина.

Статскій совѣтникъ прошелся въ ожиданіи нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Старшина умолялъ, дѣло начало ему казаться довольно страннымъ.

Статскій совѣтникъ въ значительной долѣ содѣйствовалъ быстрой карьерѣ Дельфина. Но послѣднее время камергеръ началъ внушать ему нѣкоторые подозрѣнія. Статскій совѣтникъ рѣшилъ даже посоветовать ему при случаѣ поискать себѣ какую-нибудь должность въ одномъ изъ небольшихъ городовъ. Но между тѣмъ Георгъ Дельфинъ съ своимъ языкомъ, внушавшимъ страхъ, и съ своими связями, являлся человѣкомъ, съ которымъ все-таки слѣдовало поддерживать дружескія отношенія, въ особенности же, когда дѣло грозило скандаломъ.

— Дорогой камергеръ,—началъ онъ поэтому, когда тотъ вошелъ,—я хочу попросить васъ о большомъ одолженіи. Видите ли, его величество,—какъ вамъ извѣстно,—прибудетъ въ четыре часа. И вотъ, большая часть почетныхъ лицъ города соберется ко мнѣ на небольшой завтракъ à la fourchette передъ торжественной встрѣ-

вѣй. Я, конечно, надѣюсь, что и господинъ камергеръ почтитъ меня своимъ присутствіемъ.

Дельфинъ поклонился.

— Но собственно я вотъ о чемъ хотѣлъ просить васъ, дорогой Дельфинъ, сходите, пожалуйста, къ намъ и помогите женѣ въ приготовленіяхъ. Это вѣдь одна изъ вашихъ специальностей. Я долженъ вамъ сказать, что Аделаида нѣсколько взволнована сегодня. Отеченіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ...—Статскій совѣтникъ попро-
бовалъ улыбнуться.—Юганти, какъ вы вѣроятно уже не разъ слы-
шали, давно поговариваетъ, что хотѣлъ бы проѣхать въ Америку.

Дельфинъ былъ настолько вѣжливъ, что отвѣтилъ утверди-
тельно.

— Ужъ у него всегда какая-нибудь затѣя,—продолжалъ стат-
скій совѣтникъ шутливымъ тономъ.—А тутъ какъ разъ превосход-
ный случай: онъ ѣдетъ въ качествѣ доктора при эмигрантахъ, а
Гильда съ нимъ для удовольствія.

— Фрѣкенъ Гильда?—воскликнулъ Дельфинъ, совершенно вы-
ходя изъ роли.

— Конечно, это очень легкомысленная затѣя, — засмѣялся
статскій совѣтникъ,—не правда ли? Сперва Аделаида и слышать
ничего не хотѣла. Но я сказалъ ей: оставь, пусть ѣдетъ. Поѣздка
въ Америку теперь не больше, какъ прогулка. Къ тому же и док-
торъ Роде находитъ, что морской воздухъ... ги...

Дельфинъ пробормоталъ что-то изъ вѣжливости, а статскій со-
вѣтникъ остался очень доволенъ собой. Когда камергеръ былъ уже
въ дверяхъ, онъ остановилъ его и шепнулъ ему дружелюбно:

— Какихъ это буеъ привели вы мнѣ сюда?

— Это крестьяне изъ западной провинціи, они спрашиваютъ
о дѣлѣ, которое было послано къ намъ. Я принялъ въ нихъ уча-
стіе, такъ какъ Мортенсенъ былъ немножко нелюбезенъ. Я пола-
галъ, что не стоить подавать поводъ...

— Совершенно вѣрно, дорогой Дельфинъ. Я займусь ими. Да,
Мортенсенъ,—между нами будь сказано,—немножко грубоватъ.

Когда начальникъ отдѣленія ушелъ, статскій совѣтникъ при-
вѣтливо обратился къ ожидавшимъ:

— Ну-съ, друзья, теперь я къ вашимъ услугамъ. Такъ, зна-
чить, это было дѣло о...

— О камышахъ,—подхватилъ старшина.

— О камышахъ?—статскій совѣтникъ позвонилъ.—Пожалуй-
ста, садитесь. Это мы скоро уладимъ.—Онъ позвонилъ еще разъ.—
Дѣло это недавно попало къ намъ?

— Осенью будетъ два года,—сказалъ Ньедель.

Статскій совѣтникъ вздрогнулъ при звукѣ его грубаго голоса. Онъ отворилъ дверь въ свой кабинетъ и крикнулъ:

— Мо!

Но Мо не было. Статскій совѣтникъ зазвенѣлъ ключами, пошелъ къ двери и такимъ тономъ спросилъ, гдѣ дѣло о камышахъ, что чуть не напугалъ до смерти секретаря экспедиціи.

Секретарь экспедиціи бросился къ своимъ протоколамъ, хваталъ то одинъ, то другой, перелистывалъ то впередъ, то назадъ, ища это проклятое дѣло, которое было прислано въ департаментъ уже скоро два года.

Статскій совѣтникъ пошелъ дальше, дошелъ до комнаты Мортенсена, гдѣ никогда прежде не бывала его нога, и навелъ на всѣхъ ужасъ звономъ своихъ ключей и настойчивыми разспросами о камышахъ-то камышахъ, о которыхъ никто никогда не слыхалъ.

Мортенсенъ попробовалъ было пустить въ ходъ ехидство:

— Какъ жаль, что начальникъ отдѣленія уже ушелъ. Можетъ быть, онъ могъ бы сказать намъ что-нибудь.

— Начальникъ отдѣленія Дельфинъ ушелъ по дѣламъ. И кромѣ того, бумаги давно должны были бы перейти дальше,—строго отвѣтилъ статскій совѣтникъ.—Прошу разыскать это дѣло сію же минуту. Документы должны быть найдены, понимаете вы, господа, и должны быть найдены сію же минуту.

Статскій совѣтникъ вернулся къ себѣ въ контору, и весь департаментъ обратился въ одинъ мигъ въ кипащій муравейникъ. Двери отпирались и запирались; каждую секунду показывались озабоченныя лица и снова исчезали. Мѣшки и свертки развязывались и вытряхались, между тѣмъ какъ писцы бѣгали взадъ и впередъ по длиннымъ коридорамъ и по лѣстницамъ—до самого чердака, гдѣ рылись въ пыли и бумагахъ, внѣ себя отъ волненія. Общій ужасъ росъ съ каждой минутой, а статскій совѣтникъ ежесекундно приотворялъ свою дверь и спрашивалъ:

— Ну, что же, нашли?

Секретарь экспедиціи вертѣлся отъ страха, какъ кубарь.

Но среди всего этого смятенія послышался вдругъ чей-то вопль, который повторялся потомъ другими все громче и громче, такъ что подъ конецъ казалось, будто весь департаментъ слился въ одинъ стонъ:

— Буда же дѣлся Мо? Что же не идетъ Андерсъ «всесильный»?

Наконецъ, пришелъ и онъ. Тихій, блѣдный и улыбающійся, проскользнулъ онъ въ контору статскаго совѣтника какъ разъ въ

мигнута, когда тамъ столпились перепуганные чиновники, изъ которыхъ каждый старался доказать, что дѣло о камышахъ никакъ могло быть въ его рукахъ.

Все вздохнули облегченно, когда показался маленькій человекъ, и статскій совѣтникъ обратился къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ чего-нибудь объ этомъ дѣлѣ.

— Знаю, — отвѣтилъ Мо, — оно лежитъ въ хаосѣ.

— Гдѣ? — спросилъ статскій совѣтникъ.

— У Мортенсена въ хаосѣ, — отвѣтилъ Андерсъ Мо съ кочимъ смѣшкомъ.

— Такъ какъ вы знаете, гдѣ документы, то достаньте ихъ инесите, — приказалъ статскій совѣтникъ.

Андерсъ Мо ушелъ, за нимъ послѣдовалъ негодующій Мортенсъ и другіе чиновники.

— Это твой братъ? — спросилъ старшина.

— Кажется, онъ. Я узнаю его по голосу, — нерѣшительно отвѣтилъ Ньедель. — Но только онъ сталъ гораздо меньше и такъ похлѣлъ.

Статскому совѣтнику пришло въ голову, что эта сцена могла произвести не особенно выгодное впечатлѣніе на крестьянъ. Чтобы хоть-нибудь его загладить, онъ обратился къ старшинѣ и ласково спросилъ:

— Позвольте узнать ваше имя?

— Старшина Лорицъ Больдманъ Сэгусъ.

Статскій совѣтникъ былъ очень удивленъ, услышавъ такое странное имя; а когда онъ узналъ, что Сэгусъ былъ лодманомъ, онъ двинулъ стулъ, подсѣлъ къ нему поближе и даже дружески похлопалъ его по плечу.

— Скажите же мнѣ, господинъ лодманъ, я думаю, временами вамъ плохо приходится тамъ на берегу?

— О, да, ваше высочество, если кто рѣшится выѣхать въ такую погоду далеко въ море, то довольно-таки плохо.

— Такъ-съ, такъ-съ, — проговорилъ статскій совѣтникъ, пожимая руки. — Я часто думаю съ гордостью о неустрашимыхъ, отважныхъ лодманахъ, которыхъ такъ много на нашихъ опасныхъ берегахъ. И мнѣ положительно пріятно завязать знакомство съ однимъ изъ нихъ.

— Хе, — нерѣшительно замѣтилъ старшина, — я теперь уже лодманъ. Ньедель тоже.

— Ага! — сказалъ статскій совѣтникъ и перемѣнилъ разго-

воръ. — Ловля сельдей составляет, вѣроятно, важный источник заработка въ вашей округѣ?

— О, да, для тѣхъ, кто занимается ею, — отвѣтилъ старшина находившій, что статскій совѣтникъ очень веселый господинъ.

— Шумная, пестрая жизнь на большихъ промысловыхъ пунктахъ, — продолжалъ статскій совѣтникъ, — затѣмъ столкновения съ представителями всѣхъ частей свѣта, — безъ сомнѣнія, все это должно оказывать развивающее вліяніе на жителей.

— Да, безъ дракъ не обходится, ваше высочество, — сказалъ старшина.

— Гм... ну, да, конечно... мелкія столкновения... Но скажите же мнѣ, — статскій совѣтникъ снова перемѣнилъ тему, — когда столько народу собирается вмѣстѣ, гдѣ находятъ они себѣ кровъ ночлегъ?

— О, ваше высочество, — отвѣтилъ старшина, — насчетъ ночлега довольно просто: ляжетъ на животъ, да и прикроется хвостомъ, сколько хватить.

— Бум-бум-бумъ, — напѣвалъ статскій совѣтникъ, расхаживая взадъ и впередъ и звеня ключами.

Но старшина, не ощущавшій никакого стѣсненія, наоборотъ находившій даже, что статскій совѣтникъ очень доступный человѣкъ, дернулъ Ньеделя и прошепталъ:

— Я спрошу насчетъ дороги.

Ньедель кивнулъ и старшина всталъ.

— Извините за беспокойство, ваше высочество, но я очень хотѣлъ бы спросить васъ кое о чемъ.

— Бъ вашимъ услугамъ, господинъ старшина.

— Не будете ли вы повыше всѣхъ ландфогтовъ, сборщиковъ податей и инженеровъ?

— Конечно, конечно, — подтвердилъ статскій совѣтникъ.

Глаза старшины засвѣтились радостью. Наконецъ-то онъ попалъ, куда надо, — теперь онъ выложитъ все. И негодованіе, навищавшее въ его груди, вылилось въ длинную рѣчь, которую, однако, статскій совѣтникъ не могъ толкомъ понять.

— О какомъ участкѣ дороги вы толкуете? — спросилъ онъ, указывая на большую карту, висѣвшую на стѣнѣ.

Старшина, привыкшій обращаться съ картами еще съ того времени, когда былъ шкиперомъ, скоро ориентировался. Статскій совѣтникъ надѣлъ золотой лорнетъ, досталъ циркуль изъ футляра, лежавшаго на столѣ, измѣрилъ участокъ съ необыкновенной точностью и заговорилъ своимъ спокойнымъ, ровнымъ тономъ:

— Посмотрите сюда, господинъ старшина, вотъ карта нашихъ дорогъ. Представьте себѣ, что всѣ эти красныя, желтыя и синія черточки вытянутся въ одну линію. Тогда получится весьма значительное протяженіе, не правда ли?

— Конечно, — согласился старшина. Онъ никакъ не могъ понять, куда клонится рѣчь.

— И если вы теперь для сравненія рассмотрите разстояніе между ножами этого циркуля... — статскій совѣтникъ поднялъ его вверхъ, — вы видите, это разстояніе не болѣе крошечнаго стебелька.

Старшина внимательно посмотрѣлъ на циркуль, потомъ взглянулъ вверхъ на статскаго совѣтника, потомъ опять внизъ на циркуль.

— Такъ видите ли, дорогой мой Сегусъ, какъ малъ этотъ участокъ, о которомъ вы говорите, относительно всей линіи дорогъ. А разъ вы сами соглашаетесь, что это такъ, то что же я могу вамъ сказать? Было бы слишкомъ требовать, чтобы тотъ, кто долженъ держать въ головѣ всю эту сложную систему сообщенія, распространялъ свою заботу на такую незначительную частичку цѣлаго, какъ эта. — Статскій совѣтникъ поднесъ циркуль къ своему лицу старшины.

Старшина уставился на него съ открытымъ ртомъ. Онъ не понималъ хорошенько словъ статскаго совѣтника, видѣлъ только, что и на этотъ разъ дѣло выскользнуло изъ рукъ, и чувствовалъ, что въ груди его закипаетъ опять.

Андерсъ Мо вернулся назадъ въ сопровожденіи Мортенсена, секретаря экспедиціи и прочихъ чиновниковъ, остановившихся въ дверяхъ и въ сосѣдней комнатѣ послушать, чѣмъ рѣшится это замѣчательное дѣло.

Несмотря на протесты Мортенсена, Андерсъ Мо перевернулъ вверхъ дномъ весь хаосъ, отыскавъ въ самомъ низу желтую обертку съ подвернутыми краями и преспокойно вытащилъ документы.

Всѣ рѣшили, не сговариваясь, что Андерсъ нарочно спряталъ эти документы, со зла.

Статскій совѣтникъ надѣлъ золотой лорнетъ и развернулъ обертку, поднявъ цѣлое облако пыли.

— Входящій номеръ написанъ вашей собственной рукой, господинъ секретарь экспедиціи. Сверьте входящій номеръ.

Маленькій человѣчекъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, но не успѣлъ онъ еще дотронуться до своихъ протоколовъ, какъ уже

былъ снова остановленъ голосомъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго.

Прочтя всего нѣсколько строкъ прошенія, статскій совѣтникъ воскликнулъ:

— Но какъ попалъ къ намъ этотъ документъ?

Когда секретарь экспедиціи вернулся назадъ, статскій совѣтникъ ткнулъ своимъ бѣлымъ, толстымъ указательнымъ пальцемъ въ какое-то слово текста, оставивъ подъ нимъ глубокий слѣдъ ногтя.

— Что здѣсь написано? Здѣсь написано: церковное владѣніе.

— Епископа изъ Христіансанда, — вставилъ Ньедель, затанцовавъ духъ и слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ происходящимъ.

— Слѣдовательно, это дѣло относится къ церковному департаменту и здѣсь ему не мѣсто, — сердито сказалъ статскій совѣтникъ.

— Да... но... но... — началъ секретарь экспедиціи, — я, право, уже не помню теперь... ей-Богу, не помню... но, можетъ быть, я тогда нашелъ, что суть дѣла такого свойства...

— Суть дѣла! — прервалъ статскій совѣтникъ очень строго. — Тутъ нечего толковать о сути дѣла! Департаментскіе порядки и обычаи требуютъ, чтобы всѣ дѣла, касающіяся прежнихъ церковныхъ имуществъ пересылались въ церковный департаментъ. Это старинное правило, съ которымъ господинъ секретарь, кажется, не могъ быть не знакомъ. Мо, возьмите эти документы и снесите ихъ въ церковный департаментъ.

Статскій совѣтникъ выпрямилъ свою внушительную фигуру, передавая бумаги Андерсу Мо. Толпа въ дверяхъ разсѣялась, и уничтоженный секретарь экспедиціи усѣлся на мѣсто и устоялся въ свои входящіе номера.

Ньедель не отрывалъ ни на минуту глазъ отъ документовъ, и когда братъ его безшумно удался съ ними изъ комнаты, онъ воскликнулъ:

— Ну, кто былъ правъ?

— Но, милый мой, — отвѣтилъ статскій совѣтникъ, — я не могу сказать вамъ этого. Если же вы, по истеченіи нѣкотораго времени, обратитесь съ этимъ запросомъ въ церковный департаментъ, вамъ, безъ сомнѣнія, сообщать окончательное рѣшеніе. До свиданья, господа. Я очень радъ, что могъ услужить вамъ.

Съ этими словами онъ вѣжливо выпроводилъ посѣтителей изъ конторы и затворилъ за ними дверь.

Ньедель шелъ, какъ въ чаду. Теперь онъ уже рѣшительно ничего не понималъ. Но старшина весь дрожалъ отъ бѣшенства. И когда Мортенсенъ торжественно поклонился ему, кипѣвшая злоба вылилась, наконецъ, наружу: старшина схватилъ бутылку съ чернилами, стоявшую на окнѣ, и изъ всѣхъ силъ бросилъ ея въ Мортенсена.

Редакторъ пригнулся. Бутылка ударилась въ стѣну за его конторкой и разбилась въ дребезги. Въ сосѣднихъ комнатахъ началось волненіе, но старшина и Ньедель поспѣшили внизъ. Неслышанное насиліе вызвало такую суматоху, что никто и не подумалъ преслѣдовать преступниковъ. Всѣ столпились около огромнаго чернильнаго пятна, отъ котораго во всѣ стороны расходились безчисленныя черныя полосы.

Въ головѣ сверхштатнаго помощника секретаря Юрта зародилась мысль, и ему очень хотѣлось подѣлиться ею, но онъ не былъ увѣренъ, острота ли это, или невѣроятная глупость. Временами ему приходилось жестоко обманываться на этотъ счетъ. Наконецъ онъ собрался съ мужествомъ и пробормоталъ вполголоса:

— Вартбургъ.

Оказалось, что это была острота, вызвавшая всеобщее и нескрываемое удивленіе. Сердце сверхштатнаго помощника секретаря переполнилось гордостью, и многіе усомнились въ эту минуту въ безнадежной глупости Юрта.

Всѣ рѣшили единодушно, что мѣсто Мортенсена будетъ называться отнынѣ Вартбургомъ и что достопамятная чернильная влякса должна сохраняться въ неприкосновенности. И она, дѣйствительно, такъ вѣялась въ стѣну около регистратора, что красовалась еще долго послѣ того, какъ Мортенсенъ перемѣнилъ свое мѣсто на лучшее. Всякій заботился съ своей стороны о томъ, чтобы и чернильная влякса, и острота Юрта сохранились до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать департаментъ, — то-есть, само собой разумѣется, вплоть до страшнаго суда.

XIX.

Было два часа. Дельфинъ убралъ гостинныя статскаго совѣтника въ своемъ излюбленномъ стилѣ, который, какъ онъ увѣрялъ, былъ въ модѣ въ Тюльери во времена второй имперіи.

Середина комнатъ была ничѣмъ не занята, чтобы можно было прохаживаться взадъ и впередъ. Но въ углахъ и подъ окнами были разставлены табуреты и кресла, на которыхъ могли располагаться отдѣльныя группы въ два-три человѣка, самое большее — въ четыре.

Своей неутомимой изобрѣтательностью и веселыми выдумками Дельфинъ разсѣялъ дурное настроеніе фру Беннесенъ, — по крайней мѣрѣ отчасти. Между тѣмъ и съ своей стороны камергеру удалось разузнать то, что онъ хотѣлъ, относительно неожиданнаго отъѣзда неудачниковъ.

Въ столовой былъ сервированъ изящный завтракъ — холодныя блюда съ подогрѣтымъ виномъ и шампанскимъ. Это было сдѣлано съ тѣмъ расчетомъ, чтобы гости могли завтракать, не стѣсняясь, по мѣрѣ того, какъ будутъ съѣзжаться. У всѣхъ были какія-нибудь свои дѣла, вызванныя предстоящей торжественной встрѣчей. А такимъ образомъ каждый могъ приходить и уходить, когда ему угодно. Въ тому же никому не было извѣстно, въ какое время можетъ явиться самъ хозяинъ. У него была масса дѣлъ и, кромѣ того, Даниэль, какъ сообщила фру Беннесенъ по секрету Дельфину, въ ужасномъ настроеніи.

Комнаты начали наполняться: военные въ мундирахъ, начальники департаментовъ и придворные въ полной формѣ, высшее духовенство города съ гофрированными воротниками, чиновники въ орденахъ, ассессоры, статскіе совѣтники, честолюбивые адвокаты, находящіеся на первой ступени своей карьеры, съѣзжались къ статскому совѣтнику Беннесену.

Оптовый торговецъ Фальгъ-Ольсенъ красовался въ своемъ новомъ мундирѣ желтаго хора.

— Я послалъ на кухню шампанское, — шепнулъ онъ фру, пожимая ей руку. Затѣмъ онъ быстро оглянулся по сторонамъ, спросилъ у нѣсколькихъ людей, попавшихъ ему подъ руку, не знаетъ ли кто-нибудь, когда вернется статскій совѣтникъ Беннесенъ и, наконецъ, остановился около Дельфина, который началъ разсыпаться въ комплиментахъ его новому мундиру.

— Настоящій шведскій офицеръ, — увѣрялъ камергеръ.

Оптовый торговецъ потрогалъ перевязъ шпаги и повертѣлся передъ зеркаломъ.

— Вы можете себя представить, камергеръ, какое это мученіе выбрать лошадь! У меня, видите ли, есть большой вороной конь, но онъ собственно ходитъ въ упряжѣ. Затѣмъ у меня есть сивка — роскошное животное! Вотъ посмотрѣли бы вы, что за прекрасная шерсть, какая гладкая! А какія у нея бедра! Я купилъ ее у одного барышника изъ западной провинціи. Но — видите ли, въ чемъ несчастье, — она немножко мала.

— Наполеонъ всегда ѣздилъ на маленькой лошади, — сказалъ Дельфинъ.

— Неужели? — радостно воскликнул Фальк-Ольсенъ. — А Мерльетенантъ увѣряетъ даже, что она слишкомъ хороша для желдаго хора.

— Такъ, значить, вы берете сивку? — спросилъ Дельфинъ необыкновенно серьезнымъ тономъ.

— Да, беру сивку, — рѣшительно отвѣтилъ оптовый торговецъ.

Однимъ изъ послѣднихъ явился судья Юртъ изъ западной провинціи, только что пріѣхавшій въ городъ. Ходили слухи, что онъ долженъ замѣнить стараго Фальбе, который вышелъ въ отставку, достигнувъ весьма почтеннаго — даже для норвежскаго сановника — возраста 82 лѣтъ.

Судья выражалъ радость, что встрѣтилъ Дельфина, который былъ когда-то его помощникомъ, и камергеръ водилъ его по комнатамъ и представлялъ наиболѣе вліятельнымъ лицамъ. Много лѣтъ не бывалъ уже судья Юртъ въ столицѣ и ему пришлось встрѣтиться теперь со многими новыми лицами.

Но онъ скоро ориентировался. Все это были больше извѣстныя старинныя полунѣмецкія фамиліи, сохранившіяся еще отъ временъ датскаго владычества и передававшіяся сановникамъ и чиновникамъ по наслѣдству. Да эти господа унаслѣдовали, повидимому, не только имена и должности своихъ отцовъ, но и внѣшній видъ. Они всѣ напоминали и фигурой, и посадкой Фридриха Седьмого: маленькія головки съ правильнымъ, красивымъ профилемъ, неподвижныя шеи и лица, обрамленныя коротко обстриженными бакенбардами, — всѣ словно сформированы по одному непреложному образцу.

Планъ Дельфина удался. Въ углахъ и подъ окнами образовались маленькія группки: посреди комнаты ходили отдѣльныя пары и тихо переговаривались между собой; остальные толпились вокругъ стола съ закуской и ѣли тутъ же или уносили съ собой тарелки въ другія комнаты.

Больше всѣхъ привлекалъ къ себѣ вниманіе высокій, худой господинъ съ длинными, посеребренными сѣдиной волосами. Это былъ норвежскій ваятель, имѣвшій ателье въ Стокгольмѣ. Говорили, что онъ пріѣхалъ съ цѣлью воспользоваться пребываніемъ короля въ Норвегіи и возбудить интересъ къ задуманной имъ національной статуѣ. МонуMENTъ, представлявшій собой союзную группу, долженъ былъ быть воздвигнутъ по плану на площади, на которой принимали присягу, передъ самымъ зданіемъ стортинга. Художникъ досталъ изъ кармана набросокъ карандашомъ и показывалъ его публикѣ.

Всѣ старались наперерывъ выражать интересъ и удивленіе: всѣ были до известной степени посвящены въ обстоятельства дѣла и понимали, что попасть въ комитетъ по постановкѣ статута—это все равно, что получить крестъ.

Набросокъ представлялъ Швецію въ видѣ женской сидящей фигуры, которая оперлась одною рукой на мечъ, а другою обнимала маленькаго мальчика, стоящаго около нея.

Художникъ рассказывалъ, что по первоначальному проекту мальчикъ долженъ былъ сидѣть на колѣняхъ у женской фигуры. Но предусмотрительность,—норвежцы вѣдь такіе необузданные,—заставила помѣстить мальчика сбоку, чтобы каждый могъ видѣть, что обѣ фигуры стоятъ наравнѣ. По той же причинѣ у мальчика на головѣ былъ надѣтъ огромный шлемъ, закрывавшій его до самыхъ ушей, и сбоку висѣлъ тяжелый мечъ. Все это—не безъ причины—должно было обозначать, что маленькій подданный можетъ при случаѣ и огрызнуться.

На всѣ косвенные намеки и предложенія художникъ, человѣкъ изворотливый, отвѣчалъ, что статскій совѣтникъ Беннесенъ уже былъ настолько любезенъ и взялъ на себя трудъ организовать комитетъ.

Камергеръ Дельфинъ свелъ судью Юрта съ однимъ изъ выдающихся пасторовъ города. Не зная другъ друга, собесѣдники разсуждали весьма осторожно о различіи между деревней и городомъ—такъ, въ общихъ чертахъ.

Послѣ нѣсколькихъ безразличныхъ замѣчаній судья воспользовался какимъ-то поводомъ и сказалъ:

— Меня часто удивляетъ, до какой степени невѣрныя и ложныя представленія обнаруживаетъ нашъ народъ. Человѣка въ немъ положенія это должно особенно поражать. Мы болѣе, чѣмъ кто либо другой, живемъ въ народѣ и съ народомъ. Ежедневныя дѣла сталкиваютъ насъ съ народомъ. Мы видимъ крестьянина и въ печали, и въ радости, видимъ его хорошія стороны такъ же, какъ и дурныя...

— Все, что вы говорите,—прервалъ его пасторъ,—положительно точно исходитъ изъ моего сердца, господинъ судья. Я вѣдь самъ болѣе пяти лѣтъ былъ пасторомъ въ деревенской общинѣ. И я имѣю полное право сказать безъ хвастовства, что пасторъ долженъ жить такъ, какъ жилъ я. Я прямо-таки жилъ въ народѣ и съ народомъ. Но именно потому-то всѣ эти современные громкіе пастирики народу и кажутся мнѣ...

— Да? Не правда ли?—весело прервалъ судья.

— Это положительно преднамѣренная переоцѣнка народа, это, въ сущности, не что иное, какъ одинъ отводъ глазъ, прикрывающій темныя, честолюбивыя замыслы.

— И ересь,—подхватилъ пасторъ. Они поняли другъ друга и продолжали разговоръ конфиденціальнымъ шепотомъ.

Редакторъ Мортенсенъ пришелъ довольно поздно. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ гостей, не имѣвшихъ орденовъ. Но по спокойной, размашистой манерѣ, съ которой онъ раскланивался направо и налево и похлопывалъ по плечу то того, то другого, легко было понять, что этотъ человѣкъ имѣлъ почву подъ ногами.

Онъ сильно измѣнился за послѣдніе годы, послѣ того, какъ принялъ на себя редакторство *Истиннаго друга народа*. О желтомъ жилетѣ не могло быть теперь и помину. Редакторъ былъ одѣтъ изящно и велъ себя съ сдержаннымъ достоинствомъ, которое такъ къ лицу представителю прессы.

Дельфинъ посмотрѣлъ пристально на Мортенсена и сейчасъ же смекнулъ, что у него была интимная бесѣда съ статскимъ совѣтникомъ.

И это, дѣйствительно, было вѣрно. Статскій совѣтникъ заговорилъ, было, съ Мортенсеномъ довольно раздраженнымъ тономъ относительно исторіи съ документами въ хаосѣ. Но Мортенсенъ коротко прервалъ его словами:

— Ахъ, господинъ статскій совѣтникъ, этотъ Мо становится, наконецъ, нестерпимъ. Онъ рассказываетъ повсюду какія-то таинственныя исторіи о нѣкоей мадамъ Глунке, которая...

— Гм,—отвѣтилъ статскій совѣтникъ,—вы правы. Я уже давно имъ недоволенъ. Онъ, повидимому, впадаетъ въ дѣтство.

Тонъ статскаго совѣтника измѣнился сразу. Когда Мортенсенъ вышелъ изъ кабинета, его блѣдное, одутловатое лицо сіяло торжествомъ.

Лучъ триумфа сохранился на немъ и до сихъ поръ. Онъ подошелъ къ Дельфину и сказалъ:

— Представьте меня, пожалуйста, судѣ Юрту.

— Нѣтъ, извините,—сухо отвѣтилъ камергеръ, оправляя передъ зеркаломъ свой орденъ Вазы.

Мортенсенъ подавилъ въ себѣ злобу.

— Я прошу васъ отъ имени статскаго совѣтника.

Дельфинъ пожалъ плечами и подвелъ Мортенсена къ судѣ.

— Господинъ судья Юртъ, мнѣ приказано представить вамъ регистратора Мортенсена.

Съ этими словами Дельфинъ повернулся и ушелъ въ кабинетъ фру Беннесенъ. Онъ искалъ Гильду, но ея не было нигдѣ.

Мортенсенъ поглялъ въ душѣ отомстить начальнику отдѣленія. Но когда онъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ, кто онъ такой, лицо судьи прояснилось. Они поговорили нѣкоторое время, и Мортенсенъ досталъ свою записную книжку, чтобы занести въ нее кое-какія біографическія подробности, которыя сообщилъ ему судья. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ злобѣ дня, и судья выразилъ опасенія и негодованіе по поводу нѣкоторыхъ печальныхъ явленій.

Но редакторъ отвѣтилъ успокоительно:

— Пока у насъ въ странѣ такая бюрократія...

— О, на судей и пасторовъ вы можете безусловно положиться, — сказалъ судья, стараясь отчеканивать слова рукой, какъ это обыкновенно дѣлалъ Беннесенъ.

— О, съ такими людьми, какъ статскій совѣтникъ Беннесенъ, у кормила правленія!... Что за человѣкъ! Такой деликатный и такой внушительный!... Не правда ли, господинъ судья, у него поразительное сходство съ Гёте?

— Поразительное, положительно поразительное, — пробормоталъ судья.

Статскій совѣтникъ Беннесенъ вошелъ какъ разъ въ эту минуту черезъ небольшую дверь, скрытую подъ драпировкой, и очутился среди гостей прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ замѣтить его. Онъ былъ одѣтъ въ парадный мундиръ со всѣми звѣздами и крестами, треуголку онъ держалъ подъ мышкой, перчатки въ лѣвой рукѣ. Правой рукой онъ поводилъ въ воздухѣ, раскланиваясь съ гостями на обѣ стороны. Улыбаясь, откинувъ слегка назадъ красивую голову, онъ прошелся съ достоинствомъ черезъ всѣ комнаты.

Онъ протянулъ руку одному изъ своихъ коллегъ и прошепталъ ему нѣсколько словъ, на которыя тотъ отвѣтилъ одобрительною улыбкой. Разговоры кругомъ затихли: всѣ слѣдили глазами за статскимъ совѣтникомъ, дѣлая видъ, что продолжаютъ говорить другъ съ другомъ.

Оптовый торговецъ Фалькъ-Ольсенъ, который уже съ четверть часа тому назадъ долженъ былъ бы сидѣть на лошади, подошелъ къ статскому совѣтнику — не съ тѣмъ дружески-небрежнымъ видомъ, съ которымъ подходилъ къ нему, бывало, въ старые годы, а съ почтительно-услужливою миной. Статскій совѣтникъ снисходительно наклонилъ къ нему ухо, и оптовый торговецъ шепнулъ:

— Я беру сивку.

Статскій совѣтникъ кивнулъ утвердительно, и какъ придворный курьеръ, спѣшащій съ важною депешей, бросился оптовый торговецъ черезъ гостиныя, стуча шпагой и распространяя сіяніе своего мундира въ свѣтлыхъ комнатахъ, залитыхъ яркими лучами майскаго солнца.

Между тѣмъ статскій совѣтникъ Беннесенъ продолжалъ свой обходъ, говоря каждому дружеское слово или давая небольшое наставленіе.

— Я нашелъ предсѣдателя для вашего комитета, — сказалъ онъ художнику, — судья Іортъ.

— Гм... вонъ тотъ господинъ у окна?—спросилъ художникъ въ плохо скрываемомъ разочарованіемъ въ тонѣ. — Но вѣдь этотъ господинъ, кажется, пріѣзжій.

— Онъ уже не будетъ больше пріѣзжимъ, — шепнулъ статскій совѣтникъ.

— О, понимаю, — отвѣтилъ тотъ по-шведски и приподнялъ брови дугой.

Потомъ всѣ замѣтили, что статскій совѣтникъ протянулъ руку судѣ Іорту. Онъ дѣлалъ это обыкновенно только относительно равныхъ себѣ по титулу, и всѣ рѣшили, что судья Іортъ будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, произведенъ въ статскіе совѣтники послѣ отставки стараго Фальбе.

— А мы съ редакторомъ Мортенсеномъ только что говорили о томъ, какъ хорошо, что въ наше опасное время можно по крайней мѣрѣ положиться на духовенство и судей, — судья повторилъ это безъ гордости.

— Или, другими словами, — отвѣтилъ статскій совѣтникъ, — религія и правосудіе на нашей сторонѣ.

— Что за человѣкъ! — вздохнулъ судья Іортъ, когда статскій совѣтникъ прошелъ дальше. Онъ невольно сравнилъ свою реплику съ репликой великаго человѣка и прибавилъ, выглядывая въ окно:

— О, да, правда, много надо для того, чтобы занимать такой постъ!

— Позвольте мнѣ, господинъ stato... господинъ судья, — всталъ Мортенсенъ почтительнымъ тономъ, — позвольте мнѣ напомянуть вамъ прекрасную старинную поговорку: «Бому Богъ даетъ власть, тому даетъ и способности и силу».

— Благодарю васъ за эти слова, благодарю васъ, господинъ редакторъ! — воскликнулъ судья и съ горячностью схватилъ его руку. — Да, вы правы — все это дается свыше! — И онъ поднялъ

глаза къ ясному весеннему небу, опускавшемуся куполомъ надъ крышей домовъ.

Сверхштатные помощники секретаря Юртъ и Беннесенъ начали хлопотать пробками шампанскаго, чѣмъ должно было выразить ихъ участіе въ знаменательныхъ событіяхъ дня, и общество двинулось къ столовой, гдѣ статскій совѣтникъ собиралъ понемногу самыхъ знатныхъ изъ гостей къ верхнему концу стола. Наступилъ глубокая тишина, когда Беннесенъ поднялъ бокалъ и началъ рѣчь.

— Господа! Когда я окидываю взоромъ это собраніе, одна мысль приходитъ мнѣ невольно въ голову: что соединяетъ насъ такъ тѣсно во-едино? О! это общая работа, общая преданность нашему высокому монарху.

Мортенсенъ не могъ удержаться отъ улыбки, стоя за драпировкой и записывая слова статскаго совѣтника. Онъ вспомнилъ, какъ онъ самъ держалъ рѣчь въ этой самой залѣ и на эту самую тему но только передъ другой публикой.

Однако, рѣчь статскаго совѣтника была сегодня гораздо торжественнѣе, чѣмъ обыкновенно. Особенно тщательно записалъ Мортенсенъ заключеніе.

— Да, господа, такъ говорится много вездѣ о томъ, что наше время—время усиленной работы. Но не велико число тѣхъ,—говорю это съ сожалѣніемъ,—не велико число тѣхъ, кто ясно сознаетъ, что значить настоящая работа, и кто настоящіе работники. Настоящіе работники,—ораторъ оглянулся по сторонамъ,—этотъ кругъ людей, ставящихъ порядокъ выше произвола, кругъ людей вѣрныхъ и покорныхъ непреложной правдѣ, которую отцы наши завѣщали намъ въ своихъ законахъ и въ своей вѣрѣ, кругъ людей стоящихъ на-стражѣ престола. Они проникнуты глубокимъ, твердымъ убѣжденіемъ, что прочная связь, соединяющая лучшія силы націи и поддерживающая общество въ тяжелое время раскола и измѣны, исходитъ отъ священной особы короля, сосредоточиваясь въ священной особѣ короля. Господа, да хранитъ Господь съ королевское величество.

— Да здравствуетъ король! — заревѣлъ оберъ-лейтенантъ Гробсъ. За этимъ послѣдовало оглушительное ура и звонъ бокаловъ. Даже самые сухопарые департаментскіе чиновники кричали пока не посинѣли, косясь по сторонамъ, всѣ ли исполняютъ свои обязанности.

Лишь только шумъ утихъ, въ комнату вбѣжалъ лакей и съ глубокимъ поклономъ подалъ статскому совѣтнику телеграмму въ серебряномъ подносѣ.

Статскій совѣтникъ распечаталъ депешу и прочелъ ее при глу-чайшемъ молчаніи.

— Господа! Черезъ полчаса королевскій поѣздъ будетъ на станціи.

Поднялось общее движеніе. Но статскій совѣтникъ сдѣлалъ жестъ рукой и все снова стихло.

— Господа!—сказалъ онъ звучнымъ, торжественнымъ голосомъ. — Каждый долженъ быть на своемъ посту. Минута серьезна. Его величество желаетъ, чтобы каждый гражданинъ исполнялъ свой долгъ.

Съ этими словами онъ быстро повернулся, отдавъ бѣглый поклонъ, сдѣлалъ знакъ судьи Юрту, и оба скрылись въ маленькой двери, драпировка которой безшумно упала за ними. Всѣ разошлись въ повышенномъ настроеніи, и Мортенсенъ записалъ въ своей книжкѣ: «Это былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ моментовъ, когда действительно ощущаешь бѣненіе пульса всемірной исторіи».

Фру Беннесенъ уже давно удалилась къ себѣ. Истощенная этими событіями дня, она бросилась на кровать и разразилась истерическими рыданіями.

Георгъ Дельфинъ расхаживалъ безостановочно по опустѣвшимъ комнатамъ. Онъ долженъ былъ спѣшить представиться во дворецъ, чтобы записаться на ужинъ, но не могъ уйти изъ этого дома, не увидавъ Гильду.

Лакеи и горничныя собирали со стола посуду, пили остатки шампанскаго и громко смѣялись. Камергеръ ушелъ въ самую отдаленную комнату. Онъ былъ въ нерѣшимости, былъ недоволенъ самимъ собой и все-таки не могъ уйти.

Наконецъ, онъ позвалъ горничную, которую онъ зналъ, и спросилъ о френкѣ.

— Френкъ въ своей комнатѣ, укладываетъ свои вещи. Развѣ слюдинъ камергеръ не знаетъ, что френкъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ Америку?—спросила горничная, хорошенькіе глазки которой искрились отъ шампанскаго.

Дельфину стало не по себѣ и онъ сказалъ:

— Спросите отъ меня френкъ, не будетъ ли она такъ добра ийти сюда на минутку. Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ ней.

Но когда дѣвушка ушла, онъ остановился въ испугѣ передъ зеркаломъ. Что онъ сдѣлалъ? Не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко? Что ему надо отъ Гильды? Какъ выйти изъ этого положенія? Но развѣ онъ самъ не желалъ этого больше всего?

Черезъ нѣсколько минутъ пришла френкъ Гильда. Она была

заплакана, но тѣмъ не менѣ камергеру сейчасъ же бросилось въ глаза выраженіе какого-то особеннаго спокойствія, лежавшее на всемъ ея лицѣ.

— Бѣдная мама, — сказала она, протягивая ему обѣ руки, — ей очень трудно свыкнуться съ мыслью, что я и Іоаннъ уѣзжаем такъ далеко. Да я въ сущности и сама никакъ не могу это понять.

Дельфинъ не отвѣчалъ, пораженный перемѣной, которую онъ замѣтилъ въ ней. Въ ней не осталось больше ни тѣни робости. Въ своемъ гладкомъ, простомъ платьѣ Гильда казалась ему такою твердой и готовою въ путь. Въ голосѣ ея и во всемъ существѣ было что-то увѣренное, и онъ уже не могъ говорить съ ней обычнымъ полушутливымъ, полупокровительственнымъ тономъ.

— Инѣ, конечно, будетъ очень чувствительно ваше отсутствіе, — нерѣшительно сказалъ онъ наконецъ.

Скорѣе звукъ его голоса, чѣмъ самыя слова, заставили ее взглянуть вверхъ. Глаза ихъ встрѣтились на минуту, и наступила короткая пауза.

— И васъ ничто не удерживаетъ здѣсь? — съ горечью воскликнулъ онъ.

— О, вѣдь вы же знаете... — Слезы снова навернулись у нея на глаза.

Онъ посмотрѣлъ на нее сбоку. Она стояла, наклонивъ голову, вертѣла въ рукахъ носовой платокъ. Дѣйствительно ли она такъ некрасива?

— И васъ ничто не удерживаетъ здѣсь? — Онъ забылъ, что уже спрашивалъ это раньше.

— Зачѣмъ вы хотите сдѣлать такъ, чтобы инѣ было еще такъ тяжело? — тихо спросила она и заплакала.

Георгъ Дельфинъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ чувствовалъ, что жизнь предлагаетъ ему счастье и предлагаетъ въ послѣдній разъ. Онъ попытался собрать все, что было въ немъ лучшаго. Но когда онъ остановился передъ Гильдой, она подняла голову и сказала:

— Нѣтъ, я больше не буду плакать. Я знаю, тамъ меня ждетъ лучшая жизнь. Прощайте, господинъ камергеръ, — спасибо, сердечное спасибо за вашу дружбу.

Она протянула ему руку и пристально и бодро посмотрѣла на него своими глубокими, полными слезъ глазами. И въ послѣднюю минуту онъ увидѣлъ, что она хороша. Но уже было слишкомъ поздно.

Гильда ушла, оставивъ за собой дверь полуоткрытой. Снова слуха Дельфина донесся шумъ изъ столовой. Онъ постоялъ съ нею

ту на мѣстѣ, потомъ взявъ шляпу и тихо вышелъ. На лѣстницѣ его нагнали сверхштатные помощники Юртъ и Беннесенъ, спускавшиеся съ чердака. Съ опасностью жизни они воздвигли на крышѣ бронный флагъ.

XX.

Много прошло времени, прежде чѣмъ Ньедель и старшина дошли до стараго, некрасиваго зданія больницы, въ которой лежала Кристина. Не обратись они случайно къ полицейскому Кнуду, они врядъ ли нашли бы ее. Было уже около трехъ часовъ, и весь народъ спѣшилъ къ улицѣ Карла-Юганна, чтобы посмотрѣть торжественную встрѣчу. Ни у кого не было ни времени, ни охоты останавливаться и давать отвѣты.

Но полицейскій Кнудсенъ, благополучно выдержавшій испытаніе, выручилъ ихъ изъ затрудненія, услыхавъ, кого они ищутъ; при его содѣйствіи они добрались до мѣста.

Въ дверяхъ больницы они встрѣтили одну изъ сидѣлокъ, уже всѣмъ собравшуюся бѣжать въ городъ. Старшина снялъ свою меховую шапку.

— Мы хотѣли повидать тутъ одну женщину, которую зовутъ Кристина Мо.

— Она умерла сегодня ночью, — нетерпѣливо отвѣтила женщина, торопясь уйти. — Она лежитъ во второй комнатѣ налѣво. Идите, идите, они только что отдѣлялись съ ней. — Съ этими словами она ушла, захлопнувъ за собой дверь.

— Ну, что дѣлать, Ньедель! Можетъ быть, это и самое лучшее, что могло случиться съ ней, — успокаивалъ старшина. — Пойдемъ назадъ.

— Я хочу ее видѣть, — отвѣтилъ Ньедель и вошелъ.

Они дошли до второй двери, которая была притворена. Изъ комнаты доносились голоса. Старшина отворилъ дверь, и они вошли.

У самаго окна стояло нѣсколько молодыхъ людей. Они всѣ обступили маленькаго, сѣдого человѣчка безъ сюртука, нагнувшагося надъ чѣмъ-то большимъ, бѣлымъ, лежавшимъ на столѣ. Бѣлая нога торчала въ воздухѣ.

— Мнѣ никогда не приходилось наблюдать, чтобы болѣзнь развивалась такъ быстро, — сказалъ докторъ Роде, обращаясь къ профессору. Старый циникъ не могъ удержаться, чтобы не пригласить профессора посмотрѣть интересный случай. Юганнъ Беннесенъ вѣжливо воспротивился, чтобы тѣло относили въ университетскій анатомическій кабинетъ.

— Ну, а мужъ, заразившій ее... что съ нимъ? — спросил профессоръ.

— Болѣзнь разыгралась и въ немъ и бросилась въ мозгъ. Что вамъ угодно? — спросилъ вдругъ докторъ, замѣтивъ вошедшихъ.

— Это ея отецъ, онъ хочетъ посмотрѣть, — отвѣтилъ старшина.

— О, нѣтъ, нѣтъ, мой милый. Этого нельзя! — сказалъ докторъ, стараясь предупредить ихъ. — Тутъ нечего смотрѣть.

Но Ньедель уже подошелъ къ самому столу. Молодые люди разступились, а профессоръ вскочилъ, разставивъ пальцы.

Кто-то поспѣшилъ набросить простыню, и, по мѣрѣ того, какъ она облегла тѣло, обнаружились широкія женскія бедра, такіе худалыя и обтянутыя, что на нихъ не осталось ничего, кромѣ костей и кожи. Длинные мертвые волосы беспорядочною массой свисали на виски, носъ совсѣмъ ввалился, и кожа была испещрена отвратительными красными и зеленоватыми пятнами.

— Это не она, — прошепталъ старшина и схватилъ Ньеделя за руку.

Но отецъ подошелъ къ умершей, откинулъ ей волосы съ лица и указалъ пальцемъ на большой шрамъ на вискѣ.

— Пойдемъ, Ньедель.

Старшина былъ блѣденъ, какъ смерть. Ньедель оглянулся на сторонамъ. Ему показалось, что всѣ эти господа относятся съ участіемъ къ его дочери, и онъ сталъ пожимать имъ руки. Но когда онъ подошелъ къ профессору, тотъ отступилъ назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, я не могу дать вамъ руки.

Только тогда замѣтилъ Ньедель блестящій ножъ въ его рукахъ и разставленные пальцы. Дрожь пробѣжала по его тѣлу, и онъ вышелъ за старшиной.

Когда они снова очутились на улицѣ, старшина пристально посмотрѣлъ въ лицо Ньеделю. Ньедель стиснулъ зубы и сжалъ кулаки.

— Онъ долженъ отвѣтить мнѣ за это! — пробормоталъ Ньедель.

— О, нѣтъ, — робко возразилъ старшина, — оставь ты Андерса въ покоѣ. Позаботимся-ка лучше, чѣмъ бы намъ подкрѣпиться. Я голоденъ, какъ камбала.

Ньедель былъ непоколебимъ. Старшина не хотѣлъ помочь ему разыскать домъ статскаго совѣтника, но Ньедель самъ спросилъ перваго попавшагося полицейскаго, и тотъ указалъ имъ дорогу.

Тысяча мыслей кипѣла въ тяжелой головѣ Ньеделя. Въ немъ шевелилось подозрѣніе, что братъ былъ виноватъ во всемъ несчастіи. Но гнѣва у него еще не было, одна тупая боль и жид

видѣть его, слышать, что скажетъ онъ въ свое оправданіе. Вѣдь, можетъ быть, у Андерса было что-нибудь такое, что извинить его.

Когда они спускались съ лѣстницы къ квартирѣ Андерса, старшина сказалъ:

— Ты долженъ обѣщать мнѣ одно, Ньедель, что ты не поднимешь руки на него. Помни, что онъ все-таки твой братъ.

— Можешь быть спокоенъ, — отвѣтилъ Ньедель.

Андерсъ брился, когда они вошли. Онъ повѣсилъ зеркало на подоконникъ окна, такъ что яркій дневной свѣтъ съ улицы падалъ ему прямо въ лицо. Онъ только что выбрилъ себѣ одну сторону, но на лѣвой щекѣ еще была мыльная пѣна.

Увидѣвъ, кто пришелъ, Андерсъ отложилъ бритву, и лицо его передернулось. Но затѣмъ черты его снова расплылись въ туповатую улыбку, которая послѣднее время почти не сходила съ его лица. Онъ протянулъ брату руку.

— Наконецъ-то ты пріѣхалъ, Ньедель, какъ это хорошо съ твоей стороны.

— Андерсъ, Андерсъ! — крикнулъ Ньедель и съ угрозой протянулъ впередъ огромные кулаки. — Что ты сдѣлалъ съ Кристиной!

Андерсъ точно очнулся при звукѣ его грубаго голоса. Онъ весь съежился и отскочилъ въ самый дальній уголъ комнаты. Лицо его поблѣло, онъ не отводилъ глазъ отъ огромныхъ кулаковъ. Но мало-по-малу онъ пришелъ въ себя — это было послѣднее напряженіе его потускнѣвшаго сознанія, вокругъ рта легли складки живой улыбки, и онъ заговорилъ жалобнымъ голосомъ:

— И какъ ты можешь, Ньедель, сердиться на брата, который былъ всегда такимъ слабымъ и больнымъ? Помнишь ты, какъ мы были маленькіе и собирали, бывало, верескъ для матери?

Ньедель опустилъ руки. Сколько воспоминаній всплыло вдругъ въ его памяти при звукахъ этого жидкаго, молящаго голоса, который былъ такъ хорошо знакомъ ему съ дѣтства, — голоса брата, котораго онъ такъ любилъ.

— И помнишь ты, что говорила, бывало, мать? — продолжалъ Андерсъ, не сводя глазъ съ лица брата. — Ты, Ньедель, — говорила она, — настоящій увалень, а вотъ Андерсъ... тотъ хитеръ какъ лисица.

Ньедель кивнулъ. Это было вѣрно. Онъ ясно видѣлъ передъ собой и мать, и хижину подъ скалой, и лугъ съ высокимъ верескомъ, который пахъ такъ хорошо на солнцѣ. И посреди всего стоялъ братъ, блѣдный, слабый, котораго всѣ щадили, всѣ носили на рукахъ. И все, что было съ тѣхъ поръ, исчезло, точно растаявъ,

какъ вѣшній снѣгъ. Онъ снова почувствовалъ себя ребенкомъ — большимъ, неуклюжимъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, какинъ онъ въ сущности и былъ всю жизнь, и въ немъ не осталось и искры гнева, когда онъ отвернулся и сказалъ:

— Андерсъ, Андерсъ! Ты не долженъ былъ дѣлать этого!

Наверху въ швейцарской старшина сказалъ:

— Хорошо, что ты не тронулъ его. Ты раскрышилъ бы его, какъ сухарь.

Теперь у Ньеделя не оставалось больше ничего. Онъ присла- нился къ стѣнѣ и громко зарыдалъ.

Старшина далъ ему выплакаться и потомъ повелъ его дальше. Ньедель повиновался, какъ дитя. Они отыскали небольшой погребъ и вошли въ него.

Старшина, бывавшій и въ Петербургѣ, и въ Копенгагенѣ, раз- вязно спросилъ себѣ бифштексъ и бутылку пива. Когда они сѣ- за столъ, раздался пушечный выстрѣлъ.

— Король пріѣхалъ, — сказала горничная. Она была не в духѣ, потому что ей пришлось остаться въ погребѣ и прислуживать этимъ крестьянамъ, когда весь городъ бѣжалъ смотреть на торжество.

XXI.

Былъ необыкновенно яркій день для такой ранней весны. Полу- денное солнце играло въ стеклахъ оконъ; дворцовый паркъ былъ окутанъ туманною пеленой, и дворецъ одиноко возвышался во всей своей красѣ, выдѣляясь на золотистомъ фонѣ города. Послѣ ка- даго салюта надъ крѣпостью поднимались густыя облака дыма, распространялись во всѣ стороны. Флаги торжественно развѣ- лись по вѣтру. Граждане слѣзили со всѣхъ сторонъ къ улицѣ Карла-Юганна, которая вся была запружена народомъ, стоявшимъ на площадяхъ и вдоль тротуаровъ.

Въ окна домовъ высовывались дамы въ новыхъ весеннихъ на- рядахъ. За ними стояли молодые люди и остриги. Вокзальная пла- щадь была оцѣплена полиціей. Желтый хоръ расположился в- всемъ своемъ великолѣпіи передъ самымъ вокзаломъ. Фальтъ-Ом- сенъ сидѣлъ на вытяжѣ на своей сивѣ и побѣдоносно посматривалъ на толпу.

Королевскій поѣздъ уже пришелъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, когда кончатся обычные привѣтственные церемоніи на перронѣ.

Отъ пристаней и изъ всѣхъ переулковъ сбѣгались матросы, на

мущины, женщины и рабочіе. Бѣдная публика спѣшила впереди всѣхъ. Поэтому, когда чей-то визгливый голосъ крикнулъ: «Да правствуетъ король! Ура!» привѣтствіе поддержали только слабые отдѣльные возгласы. Въ общемъ же подавляющая, мертвая тишина господствовала на площади все время, пока высокопоставленные господа садились въ экипажи.

Желтый хоръ помчался впереди всѣхъ, за нимъ королевская гвита. Время отъ времени какой-нибудь ревностный гражданинъ восклицалъ изъ всѣхъ силъ: «Ура!» Но слишкомъ сильное рвеніе тѣхъ лицъ какъ будто удерживало толпу, и возгласы раздавались отрывисто и глухо, пока не миновали брандвахту. Дальше же пошло лучше, и шведы, сидѣвшіе въ каретахъ, кивали другъ другу. Но только наверху, въ крѣпостной улицѣ, крики стали всеобщими. Роскошный бульваръ, ведущій отъ зданія стортинга ко дворцу, весь сіялъ, залитый полуденнымъ солнцемъ. Блестящая авалькада всадниковъ, мчавшихся въ галопъ, красивые экипажи, бѣлые мундиры, безчисленные группы нарядныхъ господъ, кричавшихъ во весь голосъ ура — все это повышало настроеніе, и возгласы повторялись уже съ воодушевленіемъ.

Улица Карла-Юганна кишѣла народомъ, и всѣ смотрѣли по направлению къ дворцу, куда прослѣдовала процессія всадниковъ и экипажей, извиваясь по холму блестящею змѣйкой, между тѣмъ какъ пыль отъ королевской коляски поднималась вверхъ золотымъ облакомъ, которое медленно опускалось на толпу въ видѣ благовонія.

Вокзальная площадь скоро опять опустѣла. Народъ большею частью спѣшилъ къ своимъ работамъ. Но все-таки цѣлая толпа мущинъ и молодыхъ людей слѣдовала черезъ весь городъ за общимъ потокомъ. Эти люди пришли въ праздничное настроеніе и ходили, что сегодня уже не стоило приниматься за работу. Воздухъ былъ такъ мягокъ, погода такъ хороша, и кругомъ говорилось о иллюминаціи и прочихъ торжествахъ.

Всю зиму король страдалъ нарывомъ въ горлѣ. Поэтому студенты устроили теперь факельное шествіе ко дворцу и пѣли: «Слушай насъ, Свеа, всѣмъ ты намъ мать». По этому же поводу въ Тиволи было назначено грандіозное гулянье съ декламаціей и фейерверкомъ. Народъ былъ на ногахъ до поздней ночи. Въ окрестностяхъ Тиволи и въ Студенческой рошѣ пахло дешевыми сигарами, прося землей и первою травой. Время отъ времени вѣтеръ доносилъ аромат душистыхъ тополей, липкія почки которыхъ начали трескаться.

Статскіе совѣтники, придворные, чиновники, военные и другіе мундирные господа съѣзжались къ ярко освѣщенному дворцу, между тѣмъ какъ королевское знамя развѣвалось на свѣтло-сѣромъ фонѣ вечерняго неба.

На пристани эмигрантскаго парохода стоялъ такой стужъ, крикъ и суматоха, что кое-кто изъ переселенцевъ плакалъ, сидя на своихъ ящикахъ. Ньедель и старшина сейчасъ же замѣтили своего агента; но онъ только крикнулъ имъ мимоходомъ: «All right,» — топаясь дальше. Онъ обливался потомъ и такъ задыхался, что годось его постоянно обрывался.

Нѣсколько носильщиковъ стояли у самыхъ сходней. Когда Ньедель хотѣлъ взойти за старшиной по доскамъ, одинъ изъ нихъ схватилъ своего товарищу:

— Вѣдь это, слышишь ты, стыдъ, что этимъ американцамъ позволяютъ вывозить изъ нашей страны такихъ великановъ!

Ньедель услышалъ это и протянулъ ему руку.

Носильщикъ побоялся попасть впросакъ и недовѣрчиво поволился на огромный кулакъ. Но, взглянувъ въ свѣтлые глаза Ньеделя, онъ хлопнулъ его по рукѣ и смущенно пробормоталъ:

— Ну, ну, ты самъ лучше знаешь, что дѣлаешь. Прощай счастливаго тебѣ пути, старина!

На пароходѣ суетня и суматоха были еще больше. Старшина утѣлся съ философскимъ спокойствіемъ на своей ящикъ передъ койкой, предоставляя остальнымъ шумѣть, сколько имъ угодно. Ньедель не могъ равнодушно смотрѣть на тяжелые ящики и огромные сундуки, которые ежеминутно вносили на пароходъ. Онъ то дѣло подходилъ и приподнималъ что-нибудь своими огромными медвѣжьими лапами. И когда матросы удивленно поглядывали на него, онъ только улыбался имъ въ отвѣтъ и кивалъ головой. Наконецъ онъ успокоился и утѣлся въ нишѣ окна. Но когда вносили что-нибудь особенно тяжелое, матросы кричали:

— Ну-ка, пусть медвѣдь подхватить!

Это льстило Ньеделя и разсѣивало его мрачныя думы. Ему захотѣлось приняться опять за тяжелую работу. Но къ ночи, когда шумъ стихъ и всѣ начали прощаться съ провожающими, онъ растаялъ, какъ масло, по выраженію старшины. У Ньеделя не было ни души, кому бы онъ могъ сказать прости, и поэтому ему казалось, что онъ долженъ пожимать руки всѣмъ, кто сходилъ на берегъ.

Старшина скоро замѣтилъ, что они принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ пассажировъ. Большая часть остальныхъ переселен-

ѣвъ были зажиточные землевладѣльцы, которые усиленно работали въ теченіе многихъ лѣтъ, откладывая на поѣздку въ Америку. Другіе получили уже оттуда пособіе на дорогу отъ родныхъ.

Поэтому на всемъ, что они дѣлали, лежала печать увѣренности и спокойствія. Сидя группами на средней палубѣ, они ѣли, пили изъ жестяныхъ чайниковъ и угощали другъ друга. Они внимательно присматривались ко всему, что дѣлалось вокругъ, разговаривали вполголоса, охотно отодвигались, если оказывались у кого-нибудь на пути, и, повидимому, думали только объ одномъ, какъ бы доѣхать благополучно и сберечь дѣтей.

На кормѣ, въ первомъ классѣ, было гораздо оживленнѣе. Здѣсь среди пассажировъ было много молодыхъ людей, прибывшихъ въ сопровожденіи друзей съ пѣніемъ и хлѣбомъ-солью. Одного хорошо одѣтаго юношу принесли уже мертвецки пьянымъ на пароходъ и прямо уложили спать. Въ числѣ отъѣзжающихъ было два-три служащихъ по торговымъ дѣламъ. Одинъ банкротъ, одинъ студентъ, котораго отправляли въ Америку по какимъ-то интимнымъ соображеніямъ, и одинъ недовольный инженеръ, который «отрихалъ отъ ногъ своихъ прахъ неблагодарной родины», какъ выразился его другъ за прощальной рюмкой въ гостиной, гдѣ было устроено небольшое пиръшество въ честь отъѣзжающихъ и ихъ остающихся друзей.

Въ одиннадцать часовъ прибылъ докторъ Беннесенъ съ сестрой. Они пріѣхали одни. Статскій совѣтникъ былъ во дворцѣ, Альфредъ отказался, а фру Беннесенъ лежала въ постели.

Понявъ наконецъ, что вопросъ объ отъѣздѣ поставленъ серьезно, она, повидимому, ощутила нѣчто въ родѣ раскаянія. Она долго держала дочь въ объятіяхъ и шептала ей о томъ, что Гильда должна простить мать, если она иногда бывала съ ней немного строга.

Неудачники покинули свой домъ съ нескрываемой грустью, и у Гильды такъ разболѣлась голова, что она сейчасъ же улеглась въ каютѣ, которую она заняла одна.

Шумъ въ гостиной понемногу стихалъ по мѣрѣ того, какъ компанія приближалась къ стадіи особой чувствительности. Докторъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ. Ночь была тихая и свѣтлая, но на юго-западѣ собирались темныя тучи. Недолго оставалось ждать дождя. На пароходъ не было слышно ни звука, кромѣ потрескиванія угля въ трюмѣ, да неровныхъ шаговъ доктора по палубѣ.

Время отъ времени вѣтеръ доносилъ изъ Тиволи трескъ раке-

ты или отдѣльную руладу оркестровой трубы. Ракеты и римскія свѣчи взвивались надъ крышами домовъ, прорѣзывали воздухъ цвѣтными столбами и угасали.

Югантиъ Беннесенъ долго ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ и смотрѣлъ на городъ, который онъ такъ хорошо зналъ и гдѣ прожилъ свою жизнь. Небольшое пространство между бортомъ парохода и набережной казалось ему пропастью, за которой онъ оставлялъ всѣ свои неудачи и разочарованія.

И все-таки ему не доставало мужества. Тысячи воспоминаній такъ крѣпко привязывали его, что ему было больно оторваться. Онъ не ждалъ многого по ту сторону океана.

Вѣрные друзья, наконецъ, разстались съ отъѣзжающими и расположились на набережной, чтобы спать хорошо. Но оказалось, что они были слишкомъ взволнованы; поэтому они молча побрели въ городъ.

Глубокая тишина, царившая въ городѣ и на пароходѣ, нарушалась только тяжелыми вздохами машины, точно просыпающагося великана.

Югантиъ Беннесенъ взглянулъ на часы. Было половина перваго. Тучи собирались все гуще и гуще. Онъ еще разъ оглянулся, чтобы запечатлѣть свое прошлое въ роскошной, мирной картинѣ весенней ночи и потомъ уже уйти въ каюту.

Въ эту минуту къ пристани подъѣхалъ экипажъ, миновалъ газовые фонари и остановился какъ разъ передъ американскимъ пароходомъ. Господинъ въ бѣломъ плащѣ и треуголкѣ выпрыгнулъ изъ экипажа и крикнулъ что-то вучеру. Минуту спустя Югантиъ Беннесенъ услышалъ голосъ, который показался ему знакомымъ. Господинъ спрашивалъ доктора Беннесена.

— Здѣсь! Меня спрашиваютъ?—крикнулъ Югантиъ съ палубы.

Пріѣзжій вошелъ по маленькой винтовой лѣстницѣ, и докторъ узналъ камергера Дельфина.

— Добрый вечеръ, докторъ! Вы, вѣрно, думаете, что я пьянъ! Да, впрочемъ, я и дѣйствительно пьянъ. Я попалъ въ немилость и старался заглушить свое горе. Ваша сестра здѣсь?

— Да. Она уже, вѣрно, спитъ.

— Пойдемте сюда,—сказалъ камергеръ, отворяя дверь въ маленькую курительную комнатку надъ гостиной.—Здѣсь мы можемъ поговорить немного на прощанье. Вы вѣдь не хотите спать, докторъ?

— Нѣтъ, ничуть,—отвѣтилъ Югантиъ и прибавилъ огня къ лампѣ.—Не хотите ли выкурить сигарку?

— Спасибо, но мнѣ бы больше хотѣлось выпить чего-нибудь, — камергеръ откинулъ пальто и бросился на диванъ въ своемъ пижамѣ золотомъ мундирѣ съ орденами и шпагой.

Иоганнъ Беннесенъ пошелъ внизъ добыть чего-нибудь напиться. Но такъ поздно ночью лакей могъ достать только виски и воду. Камергеръ увѣрилъ, что это его любимыя напитки, да и дѣйствительно было похоже на это. Проглотивъ стаканъ, онъ спросилъ:

— Такъ ваша сестра здѣсь?

— Да. Я думаю, она давно уже спитъ, — отвѣтилъ докторъ съ некоторымъ удивленіемъ.

— И какъ это вы можете, докторъ, уѣхать изъ города въ такое интересное время? Послушайте только, что здѣсь произошло въ этотъ благословенный вечеръ. Прежде всего: камергеръ Дельфинъ попалъ въ немилость. Затѣмъ, оптовый торговецъ Фалькъ-Ольсенъ получилъ орденъ за свою сивую кобылу. Затѣмъ, сверхштатные помощники секретаря Іортъ и Беннесенъ произведены въ камеръ-юнкеры, первый къ тому же помолвленъ.

— Пойдите, стойте! вы говорите слишкомъ быстро. Кто, вы сказали, помолвленъ?

— Іортъ. Когда отецъ его сталъ статскимъ совѣтникомъ, она согласилась — понимаете? Я хочу сказать, она... сивая кобыла Фалькъ-Ольсена... Софи, что ли, какъ ее тамъ зовутъ. А тому она отказала.

— Нѣтъ, камергеръ! — воскликнулъ Иоганнъ, — у меня даже голова закружилась.

— И у меня тоже. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія я имѣю отъ Мортенсена, который, несмотря на всѣ свои спичечныя исторіи, представленъ ко двору. О, какъ я удивляюсь вамъ, докторъ, что вы можете уѣхать отъ всего этого!

Лицо его сдѣлалось вдругъ такое вялое и старое, что Иоганну стало жаль его.

— Поѣдьте съ нами, камергеръ.

— Да вѣдь я же въ мундирѣ.

Но когда Иоганнъ улыбнулся, онъ прибавилъ:

— Вы думаете, что это жалкая острота, — нѣтъ, я говорю серьезно. Видите ли, мундирные всѣ остаются и размножаются въ нашей странѣ, — мундирные и инвалиды. Последняя корабельная крыса можетъ стать у насъ попечителемъ о бѣдныхъ. «Главное норвежское королевское попечительство о бѣдныхъ» съ чинами и мундирами, какъ у военныхъ комиссаровъ — вотъ одинъ изъ по-

ствова будущаго. Я самъ постарался бы занять этотъ постъ, если бы не попалъ въ немилость...

— Да, кромѣ того,—продолжалъ онъ, наливая себѣ новыя стаканы,—еслибъ я и могъ обойтись безъ родного города, то мой родной городъ не могъ бы обойтись безъ меня. Что было бы съ общими гражданами, которые спятъ теперь спокойно въ нашей жалкой столицѣ, еслибъ они проснулись завтра утромъ безъ камергера! Знаете ли, мой дорогой докторъ, что насъ особенно мучить? Сомнѣніе, боязнь, что у насъ не все *comme il faut*, не все по-европейски. И если спичечныя исторіи Мортенсена и не самыя приличныя, то у насъ по крайней мѣрѣ есть камергеръ Дельфинъ и еще кой-кто, кто видѣлъ свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что можетъ говорить обо всемъ: знаетъ всѣ имена, вывѣски, умѣетъ такъ повернуть серьезный разговоръ, что выйдетъ острова, умѣетъ собрать всѣ современные интересы въ карманно изданіе, сгруппировать всѣ жгучіе вопросы дня въ пять-шесть *bois* *shots*, которыя всякій можетъ запомнить и имѣть подъ руками, въ концѣ-концовъ соединяетъ основательное пониманіе дамскихъ нарядовъ съ непоколебимой серьезностью въ самыхъ страшныхъ департаментскихъ путаницахъ. Вотъ кто необходимъ столицѣ.

— О!—воскликнулъ онъ вдругъ, падая на столъ.—Я такъ усталъ отъ всего этого, такъ усталъ, такъ усталъ!

Безграничное, хватающее за сердце отчаяніе отразилось вдругъ во всей фигурѣ этого изящнаго молодого человѣка, разваливашагося въ своемъ мундирѣ на столѣ. Іоганнъ Беннесенъ понялъ, что это не простое опьяненіе. Онъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ съ искреннимъ участіемъ:

— Послушайте, Дельфинъ: вы несчастны, я тоже несчастенъ,—да идѣсь на пароходѣ, навѣрно, много несчастныхъ. Поѣдьте съ нами! Вамъ необходимо уѣхать отсюда.

Камергеръ поднялъ голову. На лицѣ его играла обычная насмѣшливая улыбка.

— Вы мнѣ напоминаете вашего превосходительнаго отца. Именно это самое сказалъ онъ мнѣ нѣсколько часовъ тому назадъ. «Вамъ необходимо уѣхать отсюда». Я и послѣдую его совѣту и помогу ему насчетъ мѣста полицеймейстера въ Олесундѣ.

Іоганнъ Беннесенъ отступилъ назадъ въ разочарованіи: это оскорбило его.

Камергеръ взялъ пальто и собрался идти, но медлилъ, точно хотѣлъ что-то сказать. Доктору онъ съ каждой минутой казался все страннѣе и страннѣе.

Наконецъ, Дельфинъ подошелъ къ сходнямъ и крѣпко пожавъ руку Іоганну, пробормоталъ:

— Поклонитесь сестрѣ и скажите ей отъ меня... и скажите ей отъ меня...—остальное вырвалось изъ его груди глухимъ рыданіемъ. Камергеръ повернулся, сошелъ на берегъ и сѣлъ въ экипажъ, который ждалъ его.

Кучеръ проснулся и снялъ съ лошадей попоны. Небо было все сплошь покрыто облаками, и уже цѣлый часъ шелъ дождь.

Докторъ стоялъ и смотрѣлъ на удалявшійся экипажъ и на длинныя тѣни лошадей, которыя падали на мокрыя улицы, когда экипажъ проѣзжалъ мимо газовыхъ фонарей. Это была послѣдняя картина родного города, которую онъ видѣлъ въ этотъ вечеръ.

Рано утромъ на слѣдующій день американскій пароходъ уже готовился къ отплытію. Но когда все было приведено въ порядокъ и винтъ началъ работать, шелъ уже седьмой часъ. Лишь только пароходъ приблизился къ главному острову, съ крѣпостнаго вала поднялось облако дыма, и пушечный выстрѣлъ прогремѣлъ въ тишомъ, сыромъ утреннемъ воздухѣ. Начались крики. Изъ оконъ на корабль высовывались любопытныя лица съ вопросами, что обозначаетъ этотъ салютъ.

Но Іоганну Беннесену такъ хотѣлось спать, что онъ даже не всталъ. Во второмъ классѣ тоже не обратили особаго вниманія на выстрѣлы. Тамъ всѣ испытывали такое чувство, что теперь кончены всѣ счеты со Старымъ Свѣтомъ и его салютами.

И между тѣмъ, какъ переселенческій пароходъ vyplывалъ черезъ фіордъ, двадцать одинъ торжественный выстрѣлъ огласилъ столицу. Густой желтый дымъ пушекъ окуталъ крѣпость и спустился надъ крышами домовъ въ сыромъ туманномъ воздухѣ.

XXII.

Двадцать одинъ выстрѣлъ долженъ былъ возвѣстить, что король уже уѣхалъ назадъ въ Стокгольмъ. Этого было достаточно для оппозиціонныхъ газетъ, которыя сейчасъ же воспользовались поводомъ наброситься на администрацію съ обычной безпощадностью. Вся пресса заволновалась. Всѣ старые спорные вопросы были подняты снова. Партія припомнила, какія знали, бранныя слова и перебрасывались ими, какъ воланами; а абоненты забавлялись, слѣдя за тѣмъ, какъ эти воланы взлетали въ воздухъ.

Кавалеръ ордена Фальгъ-Ольсенъ, поощренный политической бурей, расхаживалъ въ слѣдующее воскресенье передъ своимъ

большимъ зеркаломъ. Фру ходила за нимъ по пятамъ и съ гордостью разсматривала маленькую ленточку ордена въ петличкѣ.

— Слушай-ка, женка, намъ надо проѣхаться.

— Проѣхаться? Зачѣмъ? Развѣ ты не доволенъ? Вѣдь ты же получилъ...

— Ба! Орденъ это не что иное, какъ только первый шагъ.

— Но, Боже милостивый! — съ сердцемъ воскликнула фру Фалькъ-Ольсенъ, — какой ты сталъ сразу важный! Если орденъ только первый шагъ, хотѣла бы я знать, что же будетъ вторымъ шагомъ?

— Второй орденъ, — отвѣтилъ супругъ и вышелъ изъ комнаты.

Кто-то наговорилъ ему, что нѣмецкіе князья берутъ съ собой ордена, когда ѣздить на купанья, и что тамъ очень легко получить орденъ, особенно, если уже есть одинъ.

Итакъ, семья Фалькъ-Ольсенъ поѣхала въ Эмсъ. Черезъ нѣсколько недѣль Каролина Іельмъ получила письмо отъ Луизы, въ которомъ, между прочимъ, было написано:

«Ты не можешь себѣ представить, какъ пріятно просыпаться утромъ и не думать о Гансѣ! Какъ я могла быть такъ глупа! Онъ совсѣмъ не подходитъ ко мнѣ. Вчера мы катались на ослѣхъ, и одинъ англичанинъ, который ѣздилъ съ нами (папа говоритъ, что онъ лордъ) такъ утомился, что сегодня уже не можетъ сидѣть, какъ всѣ сидятъ, а почти лежитъ».

Каролина имѣла неосторожность прочесть это своей матери. На слѣдующій день фру Іельмъ сказала кузену Гансу:

— Ты, къ сожалѣнію, былъ слишкомъ правъ, осуждая Луизу. Поѣздка за границу окончательно погубила ее.

Кузенъ Гансъ вздохнулъ.

Андерсъ «всесильный» явно ослабѣлъ умомъ. Нѣсколько дней ходилъ онъ по департаменту и устраивалъ цѣлые скандалы, рассказывая такіе вещи, которыя совершенно не годится рассказывать. Наконецъ, статскій совѣтникъ Беннесенъ былъ вынужденъ принять какія-нибудь мѣры. При содѣйствіи редактора Мортенсена, ему удалось пристроить вѣрнаго слугу къ нѣкой мадамъ Глунге, которая открыла школу шитья для молодыхъ дѣвушекъ. Здѣсь ему жилось необыкновенно хорошо, такъ какъ оказалось, что онъ дѣлалъ за послѣднее время весьма значительные вклады въ сберегательную кассу.

Поживъ нѣкоторое время среди веселыхъ дѣвушекъ швейной школы Малы Бимбамъ, онъ, повидимому, совершенно забылъ департаментъ и все, что къ нему относилось. Зато онъ сталъ ходить

очень усердно въ церковь и стоялъ всегда на половинѣ женщинъ. Не одна молодая дама испытывала благоговѣйное чувство, держа въ рукахъ почтеннымъ старцемъ книжку псалмовъ. Трогательно было вѣрять на это блѣдное лицо, обрамленное бѣлоснѣжными локонами, спускавшимися на воротникъ сюртука.

Между тѣмъ пресса съ ожесточеніемъ играла въ волакъ. Особенно горячилась оппозиціонная партія. Сперва она недоумѣвала, что будетъ дѣлать въ совѣтѣ судья Юртъ, котораго никто не зналъ. Потомъ пошли намеки на какой-то ужаснѣйшій скандалъ въ департаментѣ статскаго совѣтника Беннесена: пропали, яко бы, какіе-то документы, открылись потайныя хранилища, — словомъ, цѣлый рядъ разоблаченій самаго компрометирующаго свойства.

Устные слухи были еще хуже. Они касались даже нѣкой женской особы по имени мадамъ Глунке, которую называли въ связи съ именемъ статскаго совѣтника Беннесена. Кромѣ того, весь городъ зналъ, вѣдь, что сынъ и дочь статскаго совѣтника уѣхали въ Америку, что называется, сломя голову послѣ страшнѣйшей семейной сцены. Но особенно была занята молва исчезновеніемъ Андерса Но, всесильнаго департаментскаго курьера.

Несмотря на все это, статскій совѣтникъ держалъ голову даже еще немного выше, тѣмъ обыкновенно, и на лицѣ его играла все та же улыбка достоинства, когда онъ раскланивался на улицѣ со знакомыми.

Тѣмъ не менѣе, безпокойство въ департаментѣ росло. Каждое утро всѣ набрасывались на «истиннаго друга народа»; но онъ держалъ себя спокойно: ни одной передовой статьи, которая могла бы заткнуть глотки крикунамъ и успокоить умы.

— Но Мортенсенъ долженъ же, наконецъ, заговорить! — воскликнулъ однажды писецъ Эрсетъ и ударилъ о столъ кулакомъ.

— Конечно, долженъ, — повторилъ камеръ-юнкеръ Юртъ, которому теперь хорошо жилось.

Весь департаментъ былъ согласенъ въ томъ, что Мортенсенъ долженъ, наконецъ, заговорить. Поэтому настроеніе было въ высшей степени подогрѣтое и напряженное, когда вошелъ редакторъ и бросилъ на столъ влажный листокъ.

Юртъ схватилъ газету и прочелъ: «Фабрикація сплетенъ и интригъ».

Наконецъ-то! Наступила мертвая тишина. Юртъ началъ читать вслухъ.

Въ передовой статьѣ доказывалось, что оппозиція, очевидно, лишена всякаго оружія, если позволяетъ себѣ настолько унижать-

ся, чтобы руководствоваться въ политикѣ слухами и бабьей болтовней, и что современное политическое положеніе должно быть признано наиболѣе желательнымъ съ точки зрѣнія каждаго благонамѣреннаго и просвѣщеннаго гражданина.

«И если между тѣмъ», читалъ Юртъ дальше. Но редакторъ вырвалъ газету.

— Дайте, я прочту самъ.

«И если между тѣмъ такое обыденное событіе, какъ увольненіе стараго департаментскаго курьера, можетъ подать поводъ къ скаблѣзнымъ статьямъ, то это во всякомъ случаѣ является знаменіемъ времени, которое говоритъ само за себя и на которое стоить обратить вниманіе. Потому что за этими интересомъ къ мельчайшимъ деталямъ государственнаго управленія кроется вѣчто совершенно иное, что должно быть вырвано съ корнемъ, чтобы не дать ему принести пагубные плоды для нашей общественной жизни.

«Эта свойственная низкимъ натурамъ и полуобразованнымъ людямъ ненависть ко всему выше ихъ стоящему, къ авторитету, обращается теперь и на начальство, данное намъ Богомъ, и, рубя объ руку съ наглымъ недоверіемъ, проникаетъ въ самые священные, потайные уголки семейной жизни, насмѣхается надъ всѣмъ возвышеннымъ и грозитъ обществу разложеніемъ и разнузданной анархіей.

«Многіе, навѣрно, успокаиваютъ себя мыслью, что норвежская бюрократія выдержитъ, и это совершенно вѣрно, но нашъ долгъ все-таки указать на болѣное мѣсто, потому что тамъ гнѣздится опасность для всего общества. Надо положить границы нахальству тѣхъ, кто и письменно, и устно набрасывается на все, что и на человѣческому, и божескому закону должно стоять выше суда кричащей толпы.

«И если честные граждане не направятъ на это соединенными усиліями, то мы скоро будемъ свидѣтелями полной деморализаціи народа, которому остается только открыто насмѣхаться надъ законами и представителями закона.

«Поэтому мы должны бодрствовать и слѣдить за знаменіемъ времени.

«Намъ нечего бояться. У насъ слишкомъ твердыя гарантіи въ лицѣ нашего возвышеннаго монарха, нашихъ братьевъ — народа и интеллигентной бюрократіи, которая столько времени охраняла наше общество и, конечно, останется вѣрна своему прошлому. Но, повторяемъ, мы должны бодрствовать и слѣдить за знаменіемъ времени. Злые, темныя силы бродятъ въ нашемъ обществѣ. Пусть

ний свѣтъ дня озарить ихъ — и они, подобно злымъ духамъ, безнужно, свирются во мракъ, породившій ихъ».

Среди собравшихся чиновниковъ поднялось всеобщее ликование. Эрсетъ потиралъ себѣ руки.

— Вотъ это правда! Вотъ имъ что! Слышали вы, батюшка Ганзенъ? Это какъ разъ для васъ!

Старый Ганзенъ нагнулся надъ кучей бумагъ. Но всѣ остальные чувствовали себя такъ, точно у нихъ съ плечъ свалилось тяжелое бремя. Весь скандалъ былъ сведенъ на пустяки, и болтуны мучили славную пощечину.

Мортенсенъ оглянулся и сказалъ:

— Вотъ видите, дѣти мои! Что было бы съ вами безъ меня? Не можетъ быть лучше и полезнѣе просвѣщенной, честной и благородной прессы?

Мортенсенъ говорилъ съ своей обычной двусмысленной улыбкой. Никогда нельзя было сказать съ увѣренностью, говорить ли онъ серьезно, или насмѣхается. Но на этотъ разъ никто не смѣялся, потому что въ эту минуту всѣ чувствовали, что Мортенсенъ правъ.

О. А. А.

„Есть въ жизни...“

Есть въ жизни свѣтъ; средь мрака и ненастья
Онъ нѣжно намъ сіяетъ съ дѣтскихъ лѣтъ;
Лелѣетъ насъ, какъ солнце—вешній цвѣтъ,
И намъ несетъ небесный даръ участя:

То—дружбы свѣтъ!

Есть въ жизни долгъ; какъ спутникъ неизмѣнный,
Не покидаетъ насъ онъ никогда.

При немъ—тоска исчезнетъ безъ слѣда
И удалится прочь порокъ надменный:

То—долгъ труда!

Есть въ жизни счастье; съ неба къ намъ летая,
Оно у насъ зажжетъ восторгъ въ груди!

Появится, и власть его святая
Намъ рай чудесъ откроетъ впереди.

При немъ волшебной силой обновленья
Съ души спадетъ гнетъ жизненныхъ веригъ,
И дышимъ мы!... То счастье—вдохновенья

Священный мигъ.

Т. Щепкина-Куперникъ.

ГОРЕМЫЧНАЯ

Разсказъ.

Какъ изъ машины винтъ негодный,
Быть можетъ, брошенъ будешь ты!

Н. Некрасовъ.

О, Боже! Зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь!!

Т. Гудъ.

Уже прошелъ годъ съ того злополучнаго дня, какъ Ольга Семеновна ушла изъ театра, т.-е. въ вѣжливой и категорической формѣ ей объявили, что больше не нуждаются въ ея услугахъ.

Дѣло было такъ: на первой недѣлѣ Великаго поста, въ поне-
дельникъ, какъ это обыкновенно ею практиковалось въ теченіе
мѣсяцъ пятнадцати лѣтъ, явилась Ольга Семеновна въ контору за
мучкой жалованья и кстати проститься съ управляющимъ Мак-
симомъ Леонидовичемъ (онъ же былъ и режиссеръ) до будущаго
вона.

Максимъ Леонидовичъ встрѣтилъ ее сухо и нѣсколько сконфу-
зленно.

— Вотъ что, милѣйшая Ольга Семеновна,—произнесъ онъ съ
заставкою и не глядя на нее,—я вамъ долженъ сообщить не
совсѣмъ пріятную новость.

У Ольги Семеновны дрогнуло сердце. Лѣтъ пять тому назадъ
имъ же Максимомъ Леонидовичемъ, въ томъ же тонѣ, ей была
сдѣлана сбавка жалованья до двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ
амѣнъ пятидесяти, которые она получала раньше.

— Неужто опять сбавка?—подумала она со страхомъ.—Бу-
детъ еще? Уже больше не изъ чего и сбавлять.

Она испуганно взглянула на Максима Леонидовича, игравшаго
мстою золотою цѣпью, увѣнчанною жетонами «отъ благодарныхъ
варищей» (вѣдь и ея рублишка три за все это время тоже пере-

пало на украшеніе цѣпочки Максима Леонидовича). Досадно сталъ Ольгѣ Семеновнѣ: вотъ вѣдь второй разъ непріятность онъ ей сообщаетъ, а ея кровныхъ, кровныхъ три рубля погублено на эти реликвіи.

— Неужто опять сбавка?—проронила она робко.

— Нѣтъ, милая барыня, хуже!...

Максимъ Леонидовичъ наморщилъ лобъ и пригнулъ къ правому плечу свою стриженую ежиною голову, а его упитанное, лоснящееся бритое лицо, съ толстымъ носомъ и крупными губами, выражало смущеніе.

— Хуже, милая барыня... Придется вамъ взять свои монетки и «прощаюсь ангелъ мой съ тобою»—*addio mia cara!*...

Но видя, что Ольга Семеновна не понимаетъ его замысловатости рѣчи, онъ прибавилъ:

— Да, любезнѣйшая Ольга Семеновна, придется намъ разстаться съ вами.

— Т.-е. какъ же?... Недовольны мною?... Неисправность какою по службѣ?... Я... всегда старалась... добросовѣстно...

Вся маленькая фигурка Ольги Семеновны какъ-то стала еще меньше, а голубые, выпуклыя глазки заморгали часто-часто. Дражащія руки начали вдругъ, безъ всякой надобности, поправлять на головѣ шляпку, а между тѣмъ какія-то очень, очень нужные слова никакъ не удавалось вызвать ей изъ памяти.

— Это... это несправедливо!...—наконецъ выпалила она, и морщинистыя щеки ея залилъ багровый румянецъ,—я столько лѣтъ работала и... всегда честно... Я думала мнѣ умереть дадутъ спокойно... Куда же я пойду? Вѣдь пенсіоновъ намъ не полагается.

— Что дѣлать, милая барыня, такова воля Аристарха Львовича. А онъ у насъ кремень, вы знаете... Что рѣшено, перерешать не будетъ... А тутъ еще двѣ новыхъ—даровыхъ... Соблазна великаго,—рѣшилъ сократить штатъ и васъ нашелъ лишнею.

— Но вѣдь я была всегда исправна... И куда же я пойду... Это несправедливо... несправедливо...—взволнованно повторяла Ольга Семеновна.

Максимъ Леонидовичъ проницательно пожалъ своими жирными плечами.

— *O sancta simplicitas!*... Захотѣли въ нашемъ мірѣ справедливости! Бто палку взялъ—тотъ и напралъ... Говорю я вамъ толкомъ, милая барыня: двѣ новыхъ сразу... Понимаете—двѣ... Одна совсѣмъ молоденькая, ученица... (онъ называлъ фамилію одного изъ крупныхъ актеровъ), т.-е. просто, должно быть, его амисшеа, а дру-

— барыня, постарше — адвокатская жена. Говорить: дѣтей своих я вырастила, хочу попробовать теперь свои силы на общественномъ поприщѣ, театр обожая, буду играть старухъ, все, что угодно и даромъ. Ну, нашъ, конечно, размякъ.

— Вѣдь это значить что же? Прихоть! Съ жиру бѣсятся, — видно проговорила Ольга Семеновна, — а меня въ шею, за всю-то службу... Очень хорошо!

— Что дѣлать, милая барыня! — улыбнулся Максимъ Леонидовичъ, — на томъ свѣтъ стоитъ: кошкѣ игрушки — мышкѣ слезки, — прихоть, вамъ — бѣда, а директору — прибыль, экономія... Видишь, вашъ полугодовой окладъ — 150 рубликовъ и цѣлы, и въ кармашкѣ лежатъ, амишкѣ можно лишнюю браслетку поднести... А у насъ тоже вѣдь не промахъ на этотъ счетъ.

И Максимъ Леонидовичъ подмигнулъ многозначительно.

— А вы вотъ что, милая барыня, — вдругъ перешелъ онъ на резвый тонъ, — садитесь и пишите прошеніе въ «Общество артистовъ»: такъ молъ и такъ — осталась безъ средствъ — прошу побѣ... Люди тамъ хорошіе, стараются, — авось внимлютъ гласу нечужаго.

— Максимъ Леонидовичъ! — вскинувъ на него полные отчаянья глаза, крикнула Ольга Семеновна. — Все это неправда! Я пойду къ Аристарху Львовичу.

Максимъ Леонидовичъ побагровѣлъ и произнесъ дѣловымъ, холоднымъ тономъ, почти грубо:

— Но... но... но... нельзя ли потише! Потрудитесь расписаться о полученіи слѣдующихъ вамъ двадцати пяти рублей и нашъ индентъ, какъ говорятъ газеты, исчерпанъ. Къ Аристарху Львовичу толкаться не пытайтесь, все равно не приметъ.

Машинально взяла Ольга Семеновна сѣровато-лиловую бумажку, машинально вытащила очки, надѣла на носъ и старательно ввела свою фамилію въ книгѣ; а въ глазахъ рябило и сердце стучало такъ громко и часто, что, казалось, жирный Максимъ Леонидовичъ долженъ былъ бы слышать его бѣніе. Но онъ ничего не вышаль и видимо, желая поскорѣе отдѣлаться отъ старухи, подавъ свою пухлую, украшенную бирюзовымъ перстнемъ, руку:

— Ну, барыня, будьте здоровы, не забывайте насъ грѣшныхъ пишите прошеніе... Послушайтесь совѣта.

Онъ дружески потрепалъ Ольгу Семеновну по плечу.

— Прощайте, — сухо отвѣтила старуха, — шутки не къ мѣсту. На улицѣ было свѣтло и весело; въ воздухѣ уже вѣяло весной. Въ Семеновнѣ казалось тяжелымъ, невѣроятнымъ сномъ все то,

что произошло съ нею сейчасъ въ конторѣ. Первые ея были возбуждены до послѣдней степени. Она во что бы то ни стало хотѣла стоять свое человѣческое право, но... какъ?

Она рѣшила пойти къ главной премьершѣ театра Вельгорской, которая всегда очень милостиво разговаривала съ нею и щедро платила ей за вязанныя прошивки и кружева. Вязать Ольга Семеновна, несмотря на свой ревматизмъ въ рукахъ, была болѣе мастерица.

Премьерша приняла несчастную старуху даже радостно. Это была странная, преуморительная женщина лѣтъ за сорокъ, болшая франтиха въ театрѣ, страшная неряха у себя дома.

Вельгорская потащила Ольгу Семеновну въ свою нарядную и ряшливую спальню, гдѣ царствовалъ невообразимый беспорядокъ: неубранная постель, на полу разбросанныя шелковыя, съ оборванными оборками, юбки и старыя стоптанныя туфли; на голубомъ масляномъ столѣ, передъ запыленнымъ роскошнымъ трехстворчатымъ зеркаломъ цѣлыя груды всевозможныхъ флаконовъ, слянокъ, парфюмныхъ рюмокъ съ духами, пудрой, различными притираниями. Запахъ брокаровскаго цвѣточнаго одеколона, смѣшанный съ букетомъ Noni-gant, такъ и висѣлъ въ воздухѣ.

Усадивъ на маленькій диванъ гостью и упершись всею своею мощною грудью въ стоящій передъ нею столъ, Вельгорская стала, захлебываясь, забрасывать Ольгу Семеновну повѣствованіями послѣднихъ событій въ городѣ.

— Голубушка, поѣдемъ, поѣдемъ!... Я знаю новую гадалку, удивительно гадаетъ... Поѣдемъ, — одной мнѣ скучно... а послѣ съѣздимъ къ «Нечаянной радости»... Но что съ вами? Милая, у васъ глаза будто заплаканы? — обратила она вдругъ вниманіе на разстроенный видъ старухи.

— Горе у меня! — и Ольгѣ Семеновнѣ удалось, наконецъ, повѣдать, зачѣмъ она пришла.

— Ахъ, онъ мерзавецъ! ахъ, подлецъ! — закричала Вельгорская, — свинья разжирѣвшая!! Это его штуки. И адвокатская жена, и эта ученица... Знаю я эти выдумки... Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — позвала Вельгорская, — слышали новыя мерзости нашего баши-бузукъ (такъ аттестовала она Максима Леонидовича): несчастную старуху гонять вонъ, потому что нужно, видите ли, мѣсто опростать двумъ новымъ какимъ-то негоддятамъ и, конечно, любовницамъ, если не настоящимъ, то будущимъ. Ужъ это съ тѣмъ возьмите!... Мерзавецъ, мерзавецъ! И нѣтъ на него расправы!...

— Насколько я припоминаю, — съ важностью произнесъ Павелъ Ивановичъ, — дѣло было при мнѣ: онъ тутъ не причесть, действительно это Аристархъ Львовичъ.

— И это подлецы! Всѣ, всѣ мужчины подлецы!... — продолжала кричать Вельгорская, и въ голосъ ея слышались слезы. — Вотъ совѣтуйте лучше что дѣлать? Онъ ей сказалъ прошеніе подать въ общество артистовъ». Вотъ вы членъ, — расскажите, какъ и что много.

— Расскажите, батюшка, — взмолилась Ольга Семеновна.

Павелъ Ивановичъ все съ тою же напыщенною важностью сообщилъ Ольгѣ Семеновнѣ прошеніе и обѣщалъ даже самъ послать на слѣдуетъ, намекнувъ многозначительно, что тамъ весь конекъ его друзья-пріятель и что можно заранѣе поручиться за нихъ, если онъ приложить къ прошенію свое письмо.

— Батюшка, заставьте Бога молить, — лепетала, со слезами шленія, обрадованная старуха.

— Ужъ онъ сдѣлаетъ, ужъ онъ сдѣлаетъ, — съ увѣренностью произнесла Вельгорская.

Она всучила насильно Ольгѣ Семеновнѣ десять рублей въ счетъ душихъ прошивокъ и увезла ее сначала къ гадалкѣ, потомъ къ «счастливой радости».

Полдня точно въ чаду пронеслись для Ольги Семеновны и когда разставшись съ Вельгорской, она очутились на улицѣ одна, — только ясно, со всей безпощадностью, предстала передъ ея глазами дѣйствительность.

— Что же теперь, куда? Домой... Батюшки! Про собакъ-то этихъ я забыла совсѣмъ; вѣдь голодные сидятъ, ждуть.

И, зайдя въ лавку, купивъ наскоро кусокъ мяса, хлѣба и супъ, поплелась несчастная старуха домой. Шла она тихо, испытывая страшную усталость, и почему-то въ обрывкахъ, отдѣльных эпизодами, вспоминалась ей ея прошлая жизнь. Вотъ она, маленькая дѣвушка, первый разъ выходитъ, въ незначительной роли, на сцену. Какъ, почему попала она на сцену — она и сама не знаетъ. И ея мать и тетки служили на сценѣ и бабушка была известной актрисой, и ей самой казалось тогда, что всѣ должны быть актрисами и больше ничего другого въ жизни дѣлать нечего, — только играть на сценѣ. Припомнилась и дальнѣйшая судьба — всѣ сѣренькія, хмуряя картинки: жалкая лямка актрисы на большія роли, недоѣданіе, недосыпаніе, хлопоты о приличномъ одѣвѣ, недоплата жалованья, замужство за суфлеромъ — пья-

ницей и мотомъ—дѣти, нужда... Переездъ въ Бѣлокаменную служба въ настоящемъ, хорошемъ, солидномъ театрѣ... Тутъ всѣ такъ посвободнѣе вздохнула: пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ жалованья, да работу кой-какую брала—вязала, вышивала, на муру рукой махнула... А удивительный былъ человекъ!... И нельзя сказать, чтобы дурной, и любилъ ее, и на дѣлѣ исправенъ, а снег такъ сдалъ и закатился съ товарищами: вернется домой пьяный, придирается, поколотить даже, бывало, зачастую... потомъ и нечетъ... «И пить—умереть, и не пить—умереть» одно твердить. Такъ и умеръ онъ... И не пожалѣла Ольга Семеновна, даромъ что двадцать пять лѣтъ прожила замужемъ. Столько муки за эти двадцать пять лѣтъ вытерпѣла, что только перекрестилась,—руки моля, развязала. Изъ пятерыхъ дѣтей дочка одна осталась въ живыхъ, подростокъ. Помогъ Богъ Ольгѣ Семеновнѣ дотянуть, вырастить ее... Только дочка тоже въ актрисы захотѣла, попробовала въ Москвѣ—удачи не было—уѣхала въ провинцію, замужъ вышла, да тоже не везетъ все: двое дѣтей, а заработки плохіе, тѣ дѣла приходилось Ольгѣ Семеновнѣ, при всей скудости средствъ оказывать дочкѣ хотя грошевую, а все же помощь...

Давно, давно уже знала Ольга Семеновна, что у жизни свои *любимые и нелюбимые*. У любимыхъ все такъ удачно складывается, идетъ словно какъ по маслу; у нелюбимыхъ—все не ладится, не клеится, подъ пальцами расползается... И такіе будто люди, а будто ихъ обошли, посадили куда-то за задній столъ и заставили только облизываться, глядя, какъ пиршествуютъ тѣ кто получше. Но Ольга Семеновна никогда не злобствовала. Правда, пока была молода, порою закипала въ душѣ какой-то невольный протестъ, хотѣлось и счастья, и воли, но съ годами и эти рѣзкіе порывы утихли; въ тяжелыя минуты зайдетъ, бывало, Ольга Семеновна въ церковь да и думаетъ, передъ какимъ-нибудь образомъ о своихъ житейскихъ невзгодахъ, стоитъ и думаетъ, потомъ вздохнетъ, проговоритъ: «На все Господни воля!»—и пойдетъ домой, какъ будто примиренная.

Одно, съ годами, яснѣе и яснѣе сознавала Ольга Семеновна, что всѣ, всѣ безъ исключенія, и любимые и нелюбимые—должны работать по мѣрѣ силъ и всѣ должны быть сыты и имѣть свой уголъ, а съ существованіемъ безпріютныхъ, голодныхъ Ольга Семеновна никогда не могла примириться.

Когда уѣхала и вышла замужъ дочка, одиночество стало угнетать Ольгу Семеновну и ей, какъ никогда въ жизни, захотѣлось привязанности, самой простой, самой несложной. Она всегда и

для животныхъ, а тутъ, какъ нарочно, дворничиха подарила ей облудившагося щеночка изъ породы мопсовъ. Ольга Семеновна стала растить его и привязалась страстно къ собачкѣ. Найденышъ (такъ называлась собачка) тоже оказывалъ необыкновенную признанность вскормившей его хозяйкѣ. Вскорѣ къ Найденышу приєдналась еще сверстница Лисичка, желтая, маленькая дворняжка, съ пушистымъ хвостомъ и острой мордочкой. Лисичку Ольга Семеновна подобрала на улицѣ, съ переломленной ногой, и долгое время Лисичка отличалась необыкновенной дикостью и осторожностью: все дрожала, поджимала хвостъ, ходила какъ-то крадучись по стѣнѣ и при малѣйшемъ шорохѣ вздрагивала, насторожившись и приподнявъ одну изъ переднихъ лапъ, останавливалась въ ожидательной позѣ, но, убѣдившись въ полной своей безопасности, продолжала ползти, пока не достигала дивана, подъ которымъ обивалась и откуда вытащить ее было довольно трудно. Оттуда вертели только два черныхъ глаза да слышалось робкое ворчаніе. Однако, въ концѣ - концовъ, недовѣріе къ людямъ и разочарованность Лисички были побѣждены, нога залѣчена, и Лисичка преобразилась въ очень рѣзвую и добродушную собаку. Узнавъ о страсти Ольги Семеновны, Вельгорская подарила старухѣ своего, найденнаго ей шпица. Появленіе этой царственной собаки было цѣлымъ событіемъ въ убогой комнаткѣ Ольги Семеновны. Найденышъ и Лисичка со злыми мордами набросились на дерзкаго пришельца, готовые, казалось, растерзать его на части. Шпицъ стоялъ, какъ вкопанный, на своихъ тоненькихъ ножкахъ и, горделиво приподнявъ острую мордочку, точно съ презрѣніемъ отгрызался на отчаянный лай своихъ враговъ. Изящная ли фигура шпица, или сознаніе своей силы, а его безпомощности, повліяли въ данномъ случаѣ (кто знаетъ психологію собачьей души), однако-жъ Найденышъ и Лисичка, все попрежнему лая, стали пятиться назадъ, усьлившись подъ диванъ и, точно сконфуженные, выставивъ оттуда морды, не отрывая глазъ отъ нежданнаго гостя, только слегка, какъ бы пугая, стали ворчать, въ то время какъ ихъ хвосты усиленно колотились по полу, выражая даже какъ будто нѣкоторое удовольствіе по поводу новаго знакомства. Шпицъ продолжалъ стоять, попрежнему въ вкопанный, пока Ольга Семеновна не взяла его на руки. Съ той поры шпицъ занялъ первенствующее мѣсто въ домѣ. Онъ премоножно вскакивалъ на колѣни къ Ольгѣ Семеновнѣ и, свернувшись плечкомъ, безцеремонно подтапливалъ своей узкой мордочкой подъ руку, выпрашивая ласки, въ то время какъ Найденышъ и Лисич-

на, скромно улегшись на полу, на подолѣ платья старухи, смотря ли добрыми, но завистливыми глазами на счастливца.

— Вотъ вѣдь и въ собачьей жизни, есть любимые и нелюбимые,—философствовала иногда Ольга Семеновна, глядя мягкую шелковую шерсть шпнца, и, поймавъ иногда себя на лишнемъ кусочкѣ сахара, перепавшаго на долю фаворита, сейчасъ же принималась просить прощенія у Найденыша и Лисички.

— Простите, милые,—сконфуженно говорила она,—и вы... и вы любимые... Ну, что сахаръ! вѣдь сыты? А главное, чтобы люди и скоты были всѣ, всѣ сыты!

Все время Великаго поста и лѣта, вплоть до начала сезона Ольга Семеновна занималась рукодѣльемъ—вязала самыхъ затѣливыхъ узоровъ прошивки и, проводя цѣлые дни за работой, бесѣдовала съ своими друзьями, какъ называла она собакъ.

— Такъ, такъ, такъ милые вы мои... вотъ эту петельку мы туда перекинемъ и выйдетъ удивительно замысловатый узоръ а?... Какъ вы думаете?—взглядывала она поверхъ очковъ на собакъ.

Найденышъ и Лисичка стучали по полу въ знакъ отвѣта хвостами, а шпнцъ, вытянувъ морду, норовилъ лизнуть прямо въ губы углубленную въ соображенія насчетъ замысловатаго узора хозяйку.

— Такъ, такъ, такъ...—продолжала задумчиво Ольга Семеновна, перекидывая петлю,—прошивка выйдетъ у-ди-ви-тельная... Мы ее выгодно продадимъ, да внукамъ на молочнишко и пошлемъ... И вамъ перепадетъ... пе-ре-падетъ...

А хвосты усиленно стучали по полу, въ знакъ сочувствія и согласія...

Иногда заходила къ Ольгѣ Семеновнѣ дворничиха, Анна Васильевна, рябая толстая баба, прислуживающая старухѣ, главнымъ образомъ въ качествѣ кухарки. Обѣдъ готовился въ дворничихой, такъ какъ при квартирѣ кухни не было. Придетъ Анна Васильевна и сядетъ передъ Ольгой Семеновной, подопретъ руку щеку, и пытливо поглядывая крошечными, совсѣмъ безъ рѣсницъ, сѣрыми глазами, затынеть протяжнымъ, гнусавымъ голосомъ, тономъ причитая:

— Ужъ какъ мнѣ тебя жалко... ужъ какъ мнѣ тебя жалко... и я сказать не могу.

— Отчего же это, Анна Васильевна?

— А ни къ тебѣ кто, ни ты никуда... Шла бы куда въ гос. т...

— Въ гости ходить — къ себѣ надо звать. Угощать нужно, а ты заработки мои знаешь, — самой едва хватаетъ да и дочкѣ, глядишь, послать другой разъ надо, вотъ ты и разсчитай!

— Ужъ именно, что правда, — вздыхала Анна Васильевна, — все-жъ-таки жалко!

Каждый Великій постъ Ольга Семеновна поджидала къ себѣ ючку и всегда почти вмѣсто дочки являлось только письмо отъ нея самаго безотраднaго свойства, вродѣ того, что «придется и на этотъ разъ отказаться отъ приѣзда въ Москву, милая мамаша, поѣдетъ мужъ, а я съ дѣтьми останусь тутъ».

Такимъ образомъ не видала Ольга Семеновна своей дочери цѣлыхъ пять лѣтъ.

Въ злополучный день, когда ей было отказано отъ мѣста, она, придя домой, нашла письмо отъ дочери и со страхомъ распечатала его.

«Дѣла наши совсѣмъ скверны, — прочла Ольга Семеновна. — На масляницѣ антрепренеръ заставилъ организовать товарищество. Все-таки удалось получить хоть гривенникъ за рубль — и то хорошо. Дѣти были больны коклюшемъ, теперь докторъ прописалъ коньякъ дорогой съ молокомъ по полчайной ложки на стаканъ. Купила бутылку въ три рубля. Теперь зимнее заложу, — тепло стало. Ѣхать въ Москву и мужу не придется. Будемъ искать ангажемента черезъ переписку. Говорятъ, лѣтомъ въ Челябинскѣ будетъ хорошо, — мужъ хочетъ туда пристроиться, а зимой думатьъ служить въ Вольскѣ. Комнату наняла за семь рублей, но провизія вздорожала ужасно, по случаю неурожая; рада, что хозяйка позволяетъ въ кухнѣ готовить, а то съ дѣтьми мѣка, — то то, то другое нужно, на керосиникѣ въ маленькой комнатѣ готовить неудобно и воздухъ дурной. Мужъ ругается, что я не занимаюсь собой, говоритъ: вмѣсто инжению тебѣ скоро старухъ надо будетъ играть. А что же дѣлать? Съ утра подовьешься, кофточку чистенькую надѣнешь, а за день такъ намаешься, что и свѣтъ не милъ. Зимой все-таки няньку держала, а теперь все самой надо дѣлать. Съ гардеробомъ бѣда: нынче пришлось три бальныхъ платья сдѣлать. На Гуельмину — подвѣчное, а обошлись они при самомъ большомъ стараніи около двухсотъ рублей. При моемъ жалованьи въ 60 рублей, да при томъ, что за два мѣсяца не получили, гдѣ же такіа деньги взять. У мужа знакомыхъ много изъ публики — уйдетъ другой разъ на весь день, а я одна, дѣтей уложишь и поговорить не съ кѣмъ. Наши всѣ разъѣхались и пойти некуда. Придетъ онъ, другой разъ, выпивши, ты разговаривать начнешь — онъ ру-

гается, говорить: артистъ долженъ искать общественной жизни, онъ общественный дѣятель, или начать упрекать, что я нища, что у меня гардероба нѣтъ; былъ бы у тебя гардеробъ, такъ можно было бы въ порядочный городъ поѣхать, а то рвани и подобаетъ по такимъ мурьямъ, какъ мы, таскаться. Или схватить себя за голову и кричить: артистъ не долженъ жениться, артистъ долженъ быть свободенъ. Такъ мнѣ горько, милая мамаша, такъ горько, что если бы не дѣти, — хоть руки на себя наложить!»!

Глубоко задумалась Ольга Семеновна, и когда вошла къ ней въ комнату Анна Васильевна, неся въ рукахъ небольшой котелокъ супомъ, она застала старуху сидящей неподвижно у окна, съ лицомъ на колѣняхъ и съ застывшимъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ.

— Что это, мать моя, съ тобою? — вскрикнула Анна Васильевна. — Аль померъ кто у дочки?

— Ничего, ничего, Анна Васильевна, я не совсѣмъ здорова.

— Ишь ты! должно простуду схватила... Ну васъ, лѣшій! — крикнула она на проголодавшихся собакъ, съ визгомъ скакавшихъ возлѣ нея. — Съ ногъ сбили окуянины... Только бы жрать!... Вѣрою нонѣ нѣту: поздно провизію ты принесла, — заявила она Ольгѣ Семеновнѣ. — Ужо вечеромъ зайду, можетъ, натереть супомъ надо.

— Хорошо. Ступай себѣ, Анна Васильевна... Ну, милые мои, что же мы теперь будемъ дѣлать, — обратилась, по привычкѣ, къ собакамъ Ольга Семеновна, накрошивъ имъ въ лоханку мяса и поливъ его супомъ. — Что же мы будемъ дѣлать? Вотъ десять рублей, что намъ дала Вельгорская, пошлемъ завтра внучишкамъ на молчишко, останется у насъ двадцать четыре рубля съ копейками впереди... ничего!

Найденышъ и Лисичка, прижавши уши, съ сосредоточеннымъ видомъ жадно лакали изъ лоханки, а шпицъ лежалъ въ сторонѣ на полу, съ выраженіемъ полного равнодушія, чуть не презрѣвъ къ ѣдѣ. Видя, что на него не обращаютъ вниманія, онъ подошелъ и ткнулъ морду въ колѣни Ольгѣ Семеновнѣ. Какъ ей ни было горько, но она засмѣялась и стала кормить его изъ рукъ.

Дни шли за днями, томительные, черные дни. И стала Ольга Семеновна усиленно, усиленно вязать свои прошивки, несмотря на нестерпимый лютъ въ рукахъ, и стала ждать пособія отъ «Общества артистовъ», да строить планы поступить куда-нибудь въ другой театръ.

Такъ прошелъ постъ. Передъ Пасхой явился къ ней высокий

ритый господинъ, съ длинными, зачесанными назадъ черными волосами и въ пенсне на горбатомъ носу. Онъ рекомендовалъ себя пентомъ «Общества артистовъ» и заявилъ, что ему поручено навести справки. Онъ закидывалъ вопросами струсившую до-нельзя Ольгу Семеновну, волновался, возмущался, ерошилъ волосы.

— Нѣтъ, это возмутительно, возмутительно! — кричалъ онъ. — У меня ужъ написано предложеніе основать фондъ для пенсіоннаго капитала... Вѣдь только императорскіе получаютъ, а получать должны всѣ, всѣ!... Вы прослужили сорокъ лѣтъ и вы на улицѣ... Нѣтъ, это возмутительно!... Я обязательно вношу предложеніе и буду говорить объ этомъ вопросѣ на съѣздѣ... Вы не повѣрите, какъ меня измучили всѣ эти дѣла! — онъ въ изнеможеніи опустил-ся на стулъ. — Я вѣдь не то, что другіе... Я душу вношу, понимаете ли вы, душу! Я сердцемъ болѣю за дѣла общества... Вы развѣ не слышали моей фамиліи? Я — Перелеткинъ, Перелеткинъ — не знаете?... Вы развѣ не читали послѣдняго отчета? Тамъ напечатана мнѣ благодарность...

И, вынувъ изъ кармана отчетъ, онъ указалъ на мѣсто, гдѣ было напечатано, что общее собраніе постановило выразить благодарность дѣйствительному члену общества И. И. Перелеткину за то, что по его ходатайству владѣлецъ обойной фабрики Вершинъ согласился скидывать, покупающимъ у него обои, членамъ общества, по два процента.

— Вѣдь вы понимаете, — кипятился Перелеткинъ, — вѣдь если бы каждый вносилъ, какъ я, свою душу въ это дѣло, чтѣ бы тогда было? Міръ можно завоевать!... Вы скажете: скидка съ обоевъ — пустяки. Нѣтъ-съ, не пустяки!... У меня знакомый фабрикантъ — я сейчасъ же и утилизирую его для общества... Вамъ не нужны обои, мнѣ не нужны, а другому нужны: онъ хочетъ обленить свою квартиру — вотъ и пожалуйста къ Вершинину, вотъ-съ вамъ и скидка... А нынче я выхлопоталъ у торговца желѣзнымъ товаромъ... такую же скидку. Ну, кто-нибудь изъ членовъ общества (между ними есть люди вѣдь и состоятельные), хозяйственный человекъ, вздумаетъ домъ строить — опять: пожалуйста!... Такъ нѣтъ-съ, изволите видѣть, нынче благодарности изъяснить не пожелали, — жельчно замѣтилъ Перелеткинъ, — нашли, что это совершенно бесполезное приобрѣтеніе, поэтому отклонили. Пусть бесполезное, — загорячился онъ снова, — но я старался, этимъ, наконецъ, создавалъ популярность тому же обществу и если я желаю, чтобъ объ этомъ было напечатано, — это вполне понятно. Меня, видите ли, кто-то упрекнулъ въ мелочномъ тщеславіи... Такъ это не мелочное,

нѣтъ-съ!... Разъ я работаю, не покладая рукъ, на пользу общества, я желаю, чтобы члены объ этомъ знали... А подъ сурдинку, для собственного самоуслаждения, я думаю, работать никому не сладко... Я душу вкладываю сюда, сердце, и желаю, чтобы объ этомъ знали всѣ... да-съ!... Вы членъ общества?

— Н-нѣтъ,—робко отвѣтила Ольга Семеновна.

— Ахъ, это возмутительно, это воз-му-ти-тельно!... И вотъ всегда такъ, всегда! Пришла нужда, сейчасъ къ обществу—помогите!... А членами быть не желаютъ...

— Да я не рѣшилась бы обратиться за помощью,—смущенно оправдывалась Ольга Семеновна.—Мнѣ посовѣтовали...

— Нѣтъ, я не про то... Мы поможемъ, мы непремѣнно поможемъ. Я вижу ваше положеніе, вникаю и возмущаюсь, но это — не вы одни, а всѣ... большинство... ни малѣйшаго интереса къ общему дѣлу, ни малѣйшей солидарности... Я объ этомъ непремѣнно буду говорить на съѣздѣ.

— Взносъ большой... я бы и рада... да мнѣ шесть рублей внести трудно, когда я и всѣхъ-то двадцать пять получала.

У Ольги Семеновны, при всей ея кротости, начинало закипать злобное чувство противъ дѣятельнаго агента.

— Пусть обложили бы по размѣру жалованья: кто получаетъ тысячи—пускай платитъ больше, а съ насъ грошевики и взять нечего; мнѣ каждый рубль не знаю какъ дорогъ!

— Великолѣпная идея,—вскочилъ съ мѣста Перелеткинъ.—Я войду съ этимъ предложеніемъ въ комитетъ и буду объ этомъ говорить на общемъ собраніи, да даже на съѣздѣ... Идея богатѣйшая! Нѣчто вродѣ общаго подоходнаго налога... Но вы не бойтесь! Я не присвою единолично себѣ вашу идею, я упомяну обязательно вашу фамилію, я укажу, что натолкнули меня на эту мысль вы, во время моего къ вамъ визита, по порученію общества... но разработаю, конечно, все это въ болѣе широкомъ планѣ.

Когда ушелъ энергичный Перелеткинъ, Ольгѣ Семеновнѣ захотѣлось бросить ему что-нибудь въ спину, напустить на него собакъ, чтобы онѣ схватили его за икры, закричать, что онъ ее измучилъ и лучше бы не приходилъ вовсе.

Но черезъ два дня онъ явился опять, на этотъ разъ на очень короткое время. Онъ торопился на общее собраніе общества драматическихъ писателей. Онъ написалъ два водевиля и одно либретто къ балету, что, по его мнѣнію, давало ему право считать себя виднымъ драматическимъ писателемъ.

— Вы знаете, конечно, мои водевиля,—спросилъ Перелеткинъ

Ольгу Семеновну и несказанно обрадовался, когда та объявила ему, что играла въ одномъ изъ нихъ небольшую роль старухи.

— А, вотъ какъ!... Ну отлично... А относительно того, что мы говорили—будьте покойны: я увѣренъ, что мой проектъ о пенсіяхъ будетъ принятъ и утвержденъ въ самомъ непродолжительномъ времени, а вопросъ о подоходномъ налогѣ въ пользу общества будетъ поднятъ. Успокойтесь, милѣйшая, мы еще выхлопочемъ вамъ пенсію. Если понадобится мой адресъ—вотъ онъ,—Передеткинъ бросилъ на столъ свою визитную карточку. —А теперь я торсплюсь... Что только дѣлается у насъ въ обществѣ драматическихъ писателей, вы не повѣрите, просто возмутительно!

Привезенныя имъ деньги точно жгли руки Ольгѣ Семеновны. Ни разу еще въ жизни не получала она милостыни, хотя бы даже въ благородной формѣ общественной благотворительности. Она заплакала.

— Пойду завтра искать мѣста. Неужто такъ ужъ свѣтъ клиномъ сошелся? Не можетъ быть, авось что-нибудь и выйдетъ... Богъ не безъ милости...

На другой день, принарядившись въ свое единственное приличное черное платье, въ которомъ обыкновенно являлась на репетиціи, Ольга Семеновна отправилась попытать счастье къ одному изъ антрепренеровъ небольшого частнаго театра.

Ее приняли не особенно вѣжливо. Дома антрепренера не оказалось, пришлось отправиться въ театръ. Къ самому *директору*, какъ громко величали его служащіе при театрѣ, не допустили, сказали: очень занятъ съ авторомъ новой пьесы, пришлось обратиться къ режиссеру, хотя тоже занятому переговорами съ машинистомъ, но отвѣтившему скоро и рѣзко: «Сейчасъ!» когда измызганный мальчишка, впустившій Ольгу Семеновну на сцену, доложилъ о ея присутствіи.

— Вамъ что?—обратился къ ней сердитымъ голосомъ долговзый, съ желчнымъ лицомъ, господинъ.

— Я бы хотѣла...

— Пожалуйте въ контору,—процѣдилъ онъ сквозь зубы и зашагалъ своими длинными ногами, не заботясь о непоспѣвающей за нимъ старухѣ. — Садитесь. Въ чемъ дѣло? — онъ указалъ ей на стулъ, а самъ, усѣвшись къ письменному столу, сталъ чертить на бумагѣ какіе-то рисунки и выводить цифры. — Въ чемъ дѣло?—отрывисто повторилъ онъ свой вопросъ, недовольный молчаніемъ посетительницы.

— Скорѣе къ дѣлу. Немога.

Онъ говорилъ вообще торопливо, лаконически, точно сердясь.

— Я бы хотѣла...

— Ну-съ!

— Я бы хотѣла... мѣста.

Ольга Семеновна почувствовала легкій приступъ удушья.

Режиссеръ осѣдлалъ въ пенсѣ свой необычайно длинный носъ и посмотрѣлъ на просительницу сѣрыми стальными глазами.

— У насъ полно, — отвѣтилъ онъ, снова принимаясь за свои рисунки и точно сердясь на кого-то. — Да, кромѣ того, не годитесь.

— Но я сорокъ лѣтъ прослужила на сценѣ, — вспыхнувъ, возразила Ольга Семеновна, съ неожиданной для самой себя храбростью. — Конечно, я не извѣстность, такъ не всѣмъ же имѣть таланты... да вѣдь и вторыя роли надо же кому-нибудь играть... Не годилась бы, такъ вѣрно сорокъ лѣтъ не продолжала бы.

Режиссеръ улыбнулся кривою усмѣшкой.

— Я въ вашей пригодности не сомнѣваюсь. Намъ, намъ вы не годитесь.

— Это даже обидно. Почему же?

— Шаблонъ уже надоѣлъ, стряхнуть съ себя все надо.

И онъ сдѣлалъ движеніе плечами, точно собирался дѣйствительно что-то стряхнуть съ себя.

— Мы предполагаемъ создать театръ совсѣмъ на новыхъ началахъ, — онъ сосредоточенно устремилъ взглядъ впередъ. — Совсѣмъ на новыхъ. Все, что вылилось въ извѣстныя формы — вонъ, вонъ и вонъ! Надо лѣпить изъ свѣжей глины, формировать. Никакихъ школъ, никакихъ традицій!... Чтобы ни выучки, ни опыта!... Юные, молодежь, будутъ играть, какъ на душу положить Богъ!... Талантовъ не нужно... Главное дисциплина, главное чтобы слушались хлыста... Оригинально это, странно... Да!... Зато ново, ново... Вотъ въ чемъ сила!... Театръ нашъ назывался «Развлеченіе», теперь онъ будетъ — «Возрожденіе».

— Оно и дешевле... безъ выучки, безъ опыта, все молодежь, платить меньше надо... дешевле, — съ нѣкоторой злобой проговорила Ольга Семеновна.

— Да-а и... дешевле! — съ тѣмъ же сосредоточеннымъ видомъ подтвердилъ режиссеръ.

Ощущая всю нелѣпость своего визита и разговора съ этимъ долговязымъ господиномъ, Ольга Семеновна поторопилась уйти, съ намѣреніемъ толконуться къ другому антрепренеру.

Этотъ принялъ ее самъ.

— И радъ бы, шерочка, да невозможно!—говорилъ онъ, поирая свои маленькія пухлыя ручки и посмѣиваясь не то добродушнымъ, не то злораднымъ смѣхомъ.

— Хе, хе, хе!...—и вся его шарообразная фигурка заерзала и стулѣ. — Мы люди маленькіе и доходы наши маленькіе, вы бы вѣдѣли, кто побольше, кто затѣи затѣиваютъ разныя,—и онъ называлъ театръ, гдѣ только-что была Ольга Семеновна. — Все на шикарную ногу-съ, хе, хе, хе... Затѣи новыя... вы бы туда-съ... а мы люди маленькіе, мы больше насчетъ того, чтобы повеселить публику-съ... Хе, хе, хе... да-съ, по-просту-съ, по старинѣ-съ... мы доросли умишкомъ до переворотовъ-то... Хе, хе, хе... да-съ... а вы бы такъ тру-ля-ля... повеселить публику... Мы и довольны!

— Да мнѣ все равно,—сурово отвѣтила Ольга Семеновна,—вѣдь кто-нибудь играетъ же у васъ старухъ? Мнѣ вѣдь не главнымъ мы и жалованье самое ничтожное.

— Ничего, шерочка, сдѣлать нельзя... и радъ бы, да нельзя! Семейство у меня—жена... когда что нужно подыграетъ; любимыицу еще я одну тутъ приспособилъ—толковая... Хе, хе, хе! Труппочку стараюсь подешевле, да поменьше: пригласишь эдакъ какую-нибудь звѣздочку или тузика, не изъ козырныхъ, чтобы красить труппочку,—ну, и баста, довольно... Хе, хе, хе! А осальное сойдеть... хе, хе, хе... Кабы вы, шерочка, помоложе были,—онъ захихикалъ и даже почему-то вздохнулъ при этомъ,—жалуй, мы столковались бы, молоденькая въ труппочкѣ никогда лишняя... Хи, хи, хи!... А то вы устарѣли, очень даже устарѣли-съ... Вамъ бы, шерочка, на покой, отдохнуть ужъ пора... Хе, хе, хе!

— И отдыхала бы, кабы ѣсть не хотѣлось... Не умирать же мнѣ съ голоду.

Ольга Семеновна поспѣшно поднялась съ мѣста, стараясь сдержать подступившія къ горлу слезы.

— А вы бы въ общество,—участливо затараторилъ толстякъ,—въ наше «Общество артистовъ», учрежденіе прекрасное... и вы бы туда. Тамъ богадѣленка, и помощь оказываютъ.

— Я обращалась,—помощь получила.

— Всѣ ресурсы, значить, испробовали, хе, хе, хе. Что дѣлать, шерочка, и радъ бы, да нельзя!

Онъ предупредительно довелъ старуху до дверей.

— Вотъ что, милые мои,—жаловалась собакамъ, вечеромъ, Ольга Семеновна,—и состариться-то нельзя, коли ты изъ нелюби-

мых... И нѣтъ тебѣ никакого пріюта и никому-то дѣла до тебѣ нѣтъ!

Собаки, словно всѣми силами стараясь утѣшить ее, толкались другъ друга, чтобы взобраться на колѣни и лизнуть ее прямо въ губы. Онѣ визжали, вертели хвостами, лаяли отрывистымъ, веселымъ лаемъ. Не обошлось безъ приключеній: шпицъ, какъ самый нетерпѣливый, наконецъ, не выдержалъ, огрызнувшись на Найденыша и куснувъ слегка Лисичку, побѣдоносно вскочилъ онъ на колѣни къ старухѣ и, положивъ ей на плечи свои переднія лапы, сталъ безцеремонно лизать ее лицо. Найденышъ и Лисичка въ столько отъ боли, сколько отъ обиды или изъ желанія возбудить въ себѣ жалость, завизжали благимъ матомъ и забились подъ стулъ, продолжая и тамъ жалобно визгивать.

— Ишь,—засмѣялась Ольга Семеновна,—зубастымъ-то и въ собачьемъ царствѣ лучше... Пошелъ ты, противный!—чуть ли не въ первый разъ прогнала она съ колѣнъ шпица и, взявъ на руки все еще визгивающихъ Найденыша и Лисичку, стала ихъ успокаивать, приговаривая:

— Обидѣли бѣдныхъ, обидѣли!... Вотъ мы ему зададимъ поганому, эгоистъ противный!—грозила она на шпица.

Собаки то подвывали ей въ тонъ, то храбро лаяли на виновника происшествія; а тотъ улегся въ отдаленіи, какъ бы непричастный ко всей этой сценѣ, и только взглядывалъ укоризненно, даже сердито, на Ольгу Семеновну.

— Такъ-то мои дружочки, такъ-то мои ненаглядные,—ласкала она собакъ.—Никому-то кроишь васъ до меня дѣла нѣтъ. Составилась старуха, чего землю топтать, взять бы привязать ей ремешекъ на шею—да въ воду. Кому рухлядь старая нужна!... А вамъ жалко было бы? Вѣдь жалко, да?

Найденышъ и Лисичка неизвѣстно почему вдругъ, какъ по команде, сорвались съ колѣнъ и бросились къ шпицу. Поднялась грызня.

— Цыцъ!—кричала Ольга Семеновна, стараясь заглушить своимъ голосомъ визгъ и лай, наполнявшій комнату. Она едва разняла собакъ, пустивъ въ ходъ на этотъ разъ даже плетку и растащивъ ихъ всѣхъ трехъ въ разные углы.

— Какъ вамъ не стыдно?—укоряла она ихъ, принимаясь за вязанье.—И безъ того тошнехонько, того гляди всѣ съ голоду перемремъ, а вы тутъ драки затѣваете... Вы бы подумали лучше, что дѣлать-то... что дѣлать? Вотъ что, бѣда!... Одна гибель! Будемъ кинуться, ужъ и не знаю... Общество артистовъ? Такъ вѣдь намъ

же вѣкъ подачками пользоваться... да и много ли? На это не живешь и... неприятно, — точно милостыня... Кабы, какъ тотъ бродяга говорилъ, всѣмъ бы пенсія полагалась, хоть самая маленькая, чтобы только прожить до могилы, тогда другое дѣло, будне милостыня, а ужъ, по положенію, свое, заслуженное... Съ жизнью тоже прожить трудно... Опять на матеріалъ деньги нужны, и рукой плохо владѣть стала... Страшно!

Ольга Семеновна даже закрыла глаза, пугаясь призрака грошей нищеты.

Прошла Пасха, наступило лѣто. Деньги были ужъ совсѣмъ на ходѣ. Заложила Ольга Семеновна свою шубку, нарядное платье стала продавать и эти деньги. Супъ теперь варился изъ фунта мака съ крупой, на три дня, и этимъ довольствовались и барышники, и собаки, подбѣбливая себя преимущественно хлѣбомъ.

— Нечего, нечего, — стыдила Ольга Семеновна шпица, продававшего всегда продѣлывать прѣжнія штуки передъ ѣдой, — рассчитывай теперь на сухари, поѣшь и черненькаго хлѣбца.

— Ужъ какъ мнѣ тебя жалко, какъ мнѣ тебя жалко! — почти каждый день причитывала Анна Васильевна. — Шла бы ты куда въ богадѣльню что ли, по крайности сыта будешь.

Стала и сама Ольга Семеновна подумывать о богадѣльнѣ.

— Ну, проѣмъ шубку и платье — больше и вещей цѣнныхъ вѣтъ, что тогда?... За всю-то мою рухлядь и тряпье дай Богъ рублей тридцать выручить — и больше никакихъ ресурсовъ... Пойми къ этому оглашенному, что ли? — вспомнила она о Перелеткинѣ, — пусть хоть совѣтъ какой дастъ... Звѣрье вотъ свое жалко, кому они нужны, кому дороги?... И не покормить никто.

Поплелась Ольга Семеновна къ Перелеткину. Тотъ принялъ ее очень любезно, обѣщалъ посодѣйствовать, не преминувъ и въ данномъ случаѣ напомнить Ольгѣ Семеновнѣ, что онъ душу и сердце свое вкладываетъ въ дѣла неблагодарнаго, по отношенію къ нему, общества.

Опять потянулись безконечные дни томительнаго ожиданія. Когда Ольга Семеновна снова навѣдалась къ Перелеткину, она нашла его въ страшно-раздраженномъ состояніи:

— Ваше дѣло не выгорѣло, — озадачилъ онъ сразу, — кроватки всѣ заполнены, да кромѣ того кандидатами человѣкъ десять записаны, и все заслуженныя, извѣстныя артистки. Вамъ, голубушка, на это дѣло плюнуть надо. Подавайте опять просьбу о пособіи. Но каковъ комитетъ?... Каковъ ареопагъ? — онъ кому-то

погрозилъ даже въ воздухѣ.—Что они дѣлають, что они тамъ дѣлають?... Возмутительно!... Мой проектъ о пенсіяхъ нашихъ удовлетворительнымъ,—слыхали вы это? Не-удовле-творительнымъ, а?... Каково? Да у нихъ у всѣхъ вмѣстѣ вятыхъ немъ ума въ головахъ, чѣмъ у меня въ мизинцѣ... Но я имъ покажу я имъ покажу! На весь свѣтъ ославлю, все выведу на чистую воду, весь этотъ ареопагъ... Возмутительно!... Я имъ душу, имъ свое сердце отдавалъ. Цѣнить не умѣли! Теперь, голубчикъ посмотримъ, чья возьметъ... На съѣздѣ буду говорить, весь у свой напругу, силъ не пожалѣю, но только попомнить они меня по-о-помнятъ!...

— Но какъ же это,—обратилась къ Перелеткину, подавленная своими мыслями, старуха:—вы говорите, «извѣстныя» записаны какъ же неизвѣстнымъ, которые маленькія роли играли? Тамъ у и стариться нельзя, что ли? Такъ какъ же—съ голоду, что ли, помереть мнѣ?

— Ужъ не знаю-съ, ничего не знаю-съ, я самъ теперь рстроень,—горячился Перелеткинъ,—но я имъ покажу, я имъ покажу, какъ слѣдуетъ цѣнить дѣятельныхъ людей, имъ душу, и сердце отдающихъ!...

Такъ и ушла Ольга Семеновна, не добившись толку отъ выслушеннаго въ себя общественнаго дѣателя, кѣмъ-то не оцѣненнымъ на кого-то или на что-то негодующаго.

Никогда еще старуха не боялась такъ письма отъ дочери, и въ эти мучительно-однообразные зловѣщіе дни.

По счастью письма были болѣе или менѣе утѣшительнаго характера.

«Сезономъ мы своимъ, въ Челябинскѣ, очень довольны,—писала дочъ,—хотя играли въ циркѣ и крысы бѣгали по сценѣ вотьятъ величиною. Играли у насъ гастролеры и надо мнѣ было и Реганы платье шить. Мужъ сказалъ: постарайся, гастролеры и гутъ насъ рекомендовать куда-нибудь. Плюсъ былъ у меня еще ирбитской куплень—семь аршинъ, къ нему шлейфъ изъ азиатской матеріи сдѣлала, по 40 коп. аршинъ, положила на толстую бузею, чтобы крѣпче стоялъ, и все-таки платье обошлось въ 40 р. Очень экономно мы жили, хотя мужъ сердился, скаредой называлъ. Онъ всегда такъ: есть деньги—всѣ спустить готовъ, а потомъ начнетъ всѣхъ проклинать: и меня, и дѣтей. Все-таки сшила къ концу сезона полтораста рублей. Ни за что не хотѣла тить, только дѣтямъ, къ зимѣ, теплое сшила,—здѣсь дешево, кон-

ить такъ мнѣ хотѣлось приберечь деньги, да не пришлось. Мужъ сшилъ себѣ по случаю шинель, цилиндръ, кольцо съ хризолитомъ, шпорить: въ посту, если въ Москву ѣхать, нужно быть прилично бѣтымъ, а деньги все равно выйдутъ. Мнѣ велѣлъ тоже «для жизни» черное платье себѣ шить съ голубой газовой вставкой, на случай, если въ Москву и мнѣ можно будетъ съѣздить, а то неизвестно, что зимній сезонъ скажетъ, быть можетъ не изъ чего одеть платье шить. Что-жъ, это правда! Платье вышло хорошенечко, но я такъ изголодалась и измучилась и такъ боюсь, каковъ зимній сезонъ будетъ, что и платье не веселить».

О своемъ положеніи и даже о своей отставкѣ Ольга Семеновна ничего не писала дочери, все надѣясь какъ-нибудь устроить свои дѣла, просила только адресовать письма прямо на квартиру, объясняя это тѣмъ, что въ театрѣ-де письма часто пропадаютъ.

Начались холода, и Ольга Семеновна никуда почти не выходила. Однако, въ одинъ прекрасный день, набралась она храбрости и позвонила у дверей квартиры Вельгорской. Дверь оказалась, впрочемъ, незапертой и когда вошла Ольга Семеновна, она услышала изъ сосѣдней комнаты неистовые вопли и крики:

— Подлецъ, подлецъ! — какъ зарѣзанная, кричала Вельгорская, — вы думали на шеромыжку... вы думали моими боками карьеру себѣ сдѣлать, а жениться на мнѣ ниже вашего достоинства?... Скажите, какой принцъ!... Ничего я для васъ не сдѣлаю! Для мужа—все!... А у любовника другое положеніе... Пусть ужъ любовникъ мнѣ угождаетъ, я угождать ему не стану... Нѣтъ!... Господи!... Господи!... Господи!... — крикъ перешелъ въ плачь, — я такъ его любила, а онъ подлецъ такой же, какъ и всѣ!

Ольга Семеновна двинула стуломъ въ передней, чтобы предупредить о своемъ присутствіи.

— Кто тамъ?

Въ дверяхъ показалась Вельгорская, раскраснѣвшаяся, растрепанная, съ заплаканными глазами.

— А, это вы... Вы бы въ другой разъ, теперь я не могу, — проговорила она раздражительно.

Ольга Семеновна протянула пакетъ съ кружевами.

— Вотъ вы заплатили тогда... я связала, — тутъ ровно на десять рублей.

— Ахъ, зачѣмъ это, зачѣмъ? — нехотя взяла пакетъ Вельгорская, — я вѣдь вамъ такъ... но теперь не могу ничего...

— Мнѣ и не нужно. Прощайте.

— Пойдите! — капризнымъ тономъ остановила ее Вельгоская, — пойдемъ ко мнѣ, въ будуаръ.

— Каковъ мозглякъ! — волновалась она, прохаживаясь взад и впередъ передъ Ольгой Семеновной по своей вѣчно неубранной спальнѣ. — Тля какая-то бѣлобрысая!... Не знаю, чѣмъ онъ пугилъ меня... чѣмъ?... Ахъ, дуры мы, дуры, дуры — вотъ что!

Она завалилась на кровать и все ея полное тѣло забилося отъ судорожныхъ рыданій.

То обращаясь въ мстительную богиню, то изливаясь въ жалобахъ на ничтожество мужского пола, долго еще не отпускала отъ себя Вельгоская Ольгу Семеновну. А на другой день старуха послучила отъ нея пакетъ съ десятью рублями и съ запиской, что деньги эти собраны ею по подпискѣ, между товарищами.

Съ болью въ сердцѣ приняла Ольга Семеновна присланные деньги.

— Вотъ и до форменной милостыни добралась!

А письма изъ города, гдѣ находилась теперь дочь, начали принимать зловѣщій характеръ.

Вотъ что писалось въ послѣднемъ изъ нихъ:

«Не даромъ я боялась зимы, не даромъ не тѣшило меня новое платье! Вотъ ужъ три мѣсяца, что мы здѣсь. Дѣла очень плохи. Распорядитель товарищества у насъ — женщина старая, толстая, всѣ главные роли играетъ. Оттого дѣла и плохи, а сказать нельзя, у нея библіотека и костюмы, которые она даетъ товариществу за очень скромную цѣну и мы всѣ у нея поэтому въ рукахъ. Живемъ впроголодь, питаемся картофелемъ и селедкой, дѣтямъ впрочемъ, молока немного покупаю. Мужъ цѣлыми днями сидитъ у распорядительницы, — кто говорить связался съ нею, но я не хотѣла такъ дурно думать о немъ. Просто, ѣсть она все-таки лучше нашего, за библіотеку и костюмы получаетъ изъ сборовъ, да и свидѣньи есть, обѣдаетъ каждый день по два, а то и по три блюда и его покормить. Я за него рада. А все-таки скучно, дорогая машина. Если бы было полное согласіе, и всякую нужду, кажется, легче перенести можно. Даже иногда вольныя мысли стали въ голову являться. Инженеру одному я въ Челябинскѣ нравилась, — такъ теперь досадно иногда, въ горькую минуту, дѣлается, зачѣмъ я не бѣгала его, все-таки, можетъ быть, немножко душой отдохнула бы. Дамы здѣсь совсѣмъ шальные — такъ на актеровъ и бросаются. Мы получаемъ записокъ видимо-невидимо, а по вечерамъ, часовъ въ семь, когда нѣтъ спектакля, прифрантятся и отправляются съ гитазистами по главной улицѣ гулять. Актеръ, — говорить, — да

нѣ испытывать ощущенія, не сидѣть же мнѣ около твоей юбки. Длины ночи, напролетъ, съ бунцами пьянствуетъ, и сказать нѣтъ нельзя,—ругается нехорошими словами. Вы бы не узнали его теперь, мамаша. Какой онъ хорошенькій былъ, когда изъ школы вышелъ и на мнѣ женился, и скромный такой былъ, теперь растолѣлъ, лицо раздулось и взглядъ даже измѣнился, совсѣмъ ужъ не такой взглядъ!... Скучно, мамаша, скучно!...»

А Ольгѣ Семеновѣ было ужъ не скучно, а страшно. Особенно ей страшны были длинные зимніе вечера, когда, боясь истратить лишнюю копейку, она не зажигала огня и ложилась въ темнотѣ на свою кровать. Точно призраки какіе-то отдѣлялись тогда отъ темныхъ стѣнъ, точно протягивали они длинные, съ крючковатыми пальцами руки, какъ бы пытаясь сдавить худую, морщинистую шею несчастной старухи.

— Вотъ она нищета, вотъ она!... Холодно, а то бы вышла на улицу... Тамъ свѣтло, люди ходятъ, магазины торгуютъ, извозники ѣздятъ... Да безъ шубы холодно...

И лежить старуха, лежить, лежить не смыкая глазъ, пока свѣтъ не забрезжится. День насталъ. Принесетъ ли онъ что-нибудь новое, радное?... Но откуда?... Отъ кого?... А все-таки, какъ будто бодрѣ почувствуетъ себя Ольга Семеновна, начнетъ въ комнатѣ прибираться, а тамъ и Анна Васильевна съ супомъ явится... хотя супъ теперь варился ужъ безъ мяса, изъ одной овсяной крупы, а все-таки «горяченькій»... И Ольга Семеновна съ большой радостью ожидала его появленія на столѣ. Только Анна Васильевна глядѣла теперь сурово. Ей за три мѣсяца не платили за ея услуги. Разъ два она такъ пнула ногой Найденыша, что тотъ визжалъ послѣ того, безъ отдыха, минутъ десять. Но Ольга Семеновна ничего не могла сказать. Она чувствовала себя глубоко виноватой и передъ Анной Васильевной и передъ всѣми, во всемъ виноватой, и въ томъ, что, умирая съ голоду, еще держитъ и кормитъ трехъ собакъ, и въ томъ даже, что существуетъ сама.

— Искала бы ты себѣ другую квартиру, что ли, — заявила ей однажды Анна Васильевна, — хозяинъ мужу выговаривалъ, — очень опасается, что ненадежна ты и держать не хочетъ.

— Господи, сколько лѣтъ живу и довѣря себѣ не заслужила! Вотъ устроится дѣла, тогда... — конфузаясь, какъ виноватая оправдывалась Ольга Семеновна, сознавая, въ глубинѣ души, что ужъ дѣламъ ея устроиться не суждено.

И собаки не веселили ее. Глядя, какъ онѣ, исхудалыя, съ поджатыми боками, уныло лакали горячую воду, съ небольшимъ ко-

личествомъ крупы, она чувствовала себя и передъ ними безгѣри виноватой. А отдать ихъ было некому, прогнать—жалко. И ласкались-то онѣ теперь совсѣмъ иначе, какъ бы тоже извиняясь въ чемъ-то, смотря печальными глазами и вяло, по привычкѣ только, помахивая хвостами.

Пришло время еще болѣе тяжелое. Обострившійся ревматизмъ уложилъ въ постель Ольгу Семеновну, и провалилась она, такимъ образомъ, недѣли двѣ. Анна Васильевна, хотя продолжала глядѣть сердито, однако приходила каждый день натирать старуху муравьинымъ спиртомъ и на свой счетъ пила ее молокомъ.

— Собакамы бы чего-нибудь, — слабымъ голосомъ напоминала Ольга Семеновна о своихъ питомцахъ.

— Кормила твоихъ идиоловъ... Ну, ихъ, лѣшихъ, въ болото!

И замолкала старуха, не желая еще больше сердить Анну Васильевну, единственного человѣка, которому было дѣло до нея.

Поднявшись на заднія лапы, положивъ на кровать переднія, грустными глазами глядѣли на больную Найденышъ и Лисичка, покорно ожидая отъ нея какого-нибудь привѣтствія, и нахохлившись вскакивалъ на постель грязный, заброшенный теперь шпигъ, долго брुшился, утапывая тюфякъ, пока не устраивалъ себѣ ямку, чтобы удобнѣе заснуть.

Все точно опустилось и потуснѣло вокругъ Ольги Семеновны.

Когда она оправилась, миновали и холода, въ легкомъ осеннемъ пальтишкѣ могла она бродить по улицамъ, не ощущая стужи. Дома сидѣть было невыносимо. Боясь встрѣтить кого-нибудь изъ прежнихъ сослуживцевъ, забиралась она въ самые отдаленные переулки и тамъ ходила до изнеможенія, только бы подольше не возвращаться домой. Дома понуро встрѣчали ее голодные собаки и непривѣтливо глядѣли холодными, темными стѣны убогаго нетопленого жилья. А когда ложилась она спать, три пары черныхъ собачьихъ глазъ таинственно и зловѣще сверкали въ темнотѣ.

Чтобы не беспокоить лишній разъ Анну Васильевну, старуха лишила себя «горяченькаго». Она покупала полфунта хлѣба, полбутылки снятого молока и дѣлила съ собаками эту скудную трапезу, разбавляя для нихъ молоко холодною водою. Иногда столъ разнообразился прибавкой требушины или печенки съ кусочкомъ студня, купленными на лоткахъ.

Чтобы добыть средства на свой нищенскій обѣдъ, она продавала на «толвучемъ», кое-что изъ бѣлья и разные жалкіе остатки

его далеко не богатого гардероба, чѣмъ возбудила даже подозрѣ-
в одной изъ торговыхъ.

— Да ты, милая, можешь, что краденое продаешь, по-одиночкѣ
искаешь?... Намъ вѣдь строго по этой части полиція воспрещаетъ.

— Поди погляди—у меня своя комната есть, я и вещи тебѣ
пашу,—отвѣтила Ольга Семеновна.

За послѣднее время особенно стала она бояться быть изгнан-
ной изъ своего насиженного угла. Она вставала чуть свѣтъ, вы-
шла гулять собакъ и возвращалась попозже домой, стараясь не
попасть на глаза Аннѣ Васильевнѣ, чтобы не услышать роко-
го для себя новость. Она пугалась малѣйшаго шороха,—ей все
казалось, что вотъ-вотъ пришли выгонять ее.

На улицѣ она вдругъ испуганно вздрагивала и, озираясь, при-
нималась къ забору или къ стѣнѣ какого-нибудь зданія, напоми-
вая въ эту минуту загнаннаго, затравленнаго звѣря. Утомленная
чувствуя ломоту въ больныхъ ногахъ, она добиралась до первой
самойки и просиживала на ней по цѣлымъ часамъ, глядя впередъ
стальными глазами... Потомъ поднималась—опять шла... останавли-
ваясь передъ окнами магазиновъ, на перекресткахъ улицъ, то-
ч стараясь что-то уяснить себѣ, что-то припомнить... и опять
шла безъ цѣли, безъ желанія идти...

Улицы большого города жили своею своеобразною шумною
жизнью. Торопливо бѣжали по тротуару занятые и праздные люди,
решали экипажи, зажигались огни, на высокихъ колокольняхъ
среззанивали въ колокола. Порою изъ раскрытыхъ дверей какого-
нибудь храма доносилось стройное пѣніе, а сгорбленная, старушечья
игурка, съ поникшею головой, плелась себѣ да плелась ни для
ого не интересная, никому не нужная.

.....

«Мамаша, милая мамаша!—въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней при-
ближающейся весны читала Ольга Семеновна,—куда дѣться мнѣ?
куда кинуться и у кого искать помощи? Какъ пережила я эту про-
мѣтную Масляницу—одному Богу извѣстно. Еще до Масляной на-
чалъ онъ приставать ко мнѣ, чтобы я ѣздила ужинать съ нимъ и
съ купцами. Со мной однимъ,—говорить,—имъ скучно, имъ хочетъ
и женскаго общества, ты недурненькая, когда пріодѣнешься; нель-
я отъ публики бѣгать, если играешь на сценѣ. Сначала я отказы-
валась, потомъ согласилась, чтобы ему пріятное сдѣлать и раньше
юмой увезти. Не тутъ-то было! Продержали они и меня до свѣту
и не удалось мнѣ его остановить даже, чтобы не былъ до такого

безобразія. Они и меня хотѣли напоить, да не удалось, хотя я и таки опьянѣла, а выпила очень мало. Съ непривычки, да и вы знаете, мамаша, какъ противны мнѣ пьяные люди, — я расслабилась. Они стали смѣяться, а мужъ больше всѣхъ. И хотя у него въ головѣ шумѣло немного, но мнѣ было невыносимо обидно, что мужъ такъ безжалостно относится къ моимъ чувствамъ. Ничего обтерпится! — кричалъ онъ дикимъ голосомъ, а они всѣ поддакивали, смѣялись и подливали мнѣ вина въ стаканъ. Толстый, старый купецъ — здѣшній тузъ — пытался обнять меня и, когда я оттолкнула его, спросилъ у мужа: что это значитъ. Мужъ посмотрѣлъ на меня сердито и отвѣтилъ: Ничего, цыплятъ по осени сътаютъ. Когда я привезла почти безчувственного мужа, на разсвѣтъ, домой и увидѣла въ зеркалѣ свое раскраснѣвшееся лицо, мне стало такъ больно, такъ стыдно, дорогая мамаша — точно я сдѣлала какое-то гнусное дѣло. На другой день мужъ спросилъ меня: что-то ѣдешь что ли съ нами сегодня? И когда я отказалась, хлопнула дверью, проговоривъ: пеняй потомъ на себя! Всю недѣлю онъ почти не говорилъ со мной, какъ вдругъ (я не знаю, смогу ли описать вамъ все: руки дрожать отъ волненія и слезы застилаютъ глаза), проснулась я ночью отъ страшнаго стука — это онъ вернулся домой, среди ночи, раньше чѣмъ обыкновенно. Одѣвайся сейчасъ, ѣдемъ! — сказалъ онъ мнѣ. Куда? спросила я его, перепуганная до смерти. — Не жорчи изъ себя наивности, побереги для себя этотъ тонъ. Ты нравишься (онъ мнѣ называлъ фамилію толстаго купца) и если не будешь душой, то всѣ наши дѣла устроятся. Я могу вамъ сказать, что со мною сдѣлалось: точно молотомъ ударило меня по головѣ и искры посыпались изъ глазъ. Такъ ты хочешь торговать мною, — закричала я внѣ себя, — но этого не будетъ. Ум, если я по своей волѣ никѣмъ не увлекалась, боясь тебя обидѣть, такъ ужъ какъ вещь я собою распоряжаться не позволю! Я говорила много, много и о своей жизни и о своихъ мукахъ, сказала про инженера въ Челябинскѣ. А, такъ ты мнѣ измѣняла ужъ, подлая! — крикнулъ онъ и ударилъ меня по лицу. Что было дальше, не помню. Произошло что-то страшное... Я плакала, кричала, проснулись дѣти и стали тоже плакать и кричать. А на другой день едва могла подняться съ постели, чтобъ идти въ спектакль. И мнѣ казалось, что случилось со мною самое страшное, что только можетъ случиться съ человѣкомъ. Мнѣ казалось, что я совсѣмъ, совсѣмъ потерянная, и всѣ видятъ насквозь синяки на моемъ тѣлѣ, полученные отъ побоевъ человѣка, котораго я такъ любила. Но это было только начало. Каждую ночь требовалъ онъ, чтобы я ѣхала

къ толстому купцу на свиданіе, и, получая отказъ, билъ меня безъ жалости, издѣваясь и оскорбляя самымъ возмутительнымъ образомъ. Теперь совершилось послѣднее: онъ бросилъ меня, объявивъ, что я ему надѣла и испортила всю его жизнь. Онъ бросилъ меня послѣ шестилѣтней совмѣстной жизни, болѣзную, голодную, съ двумя дѣтьми на рукахъ, безъ всякихъ средствъ... Онъ забралъ съ собою даже тѣ немногія вещи, которыя я могла бы продать, пока, чтобъ избавить отъ голода дѣтей, если ужъ не себя. Что же мнѣ теперь дѣлать, мамаша? Спасите меня!... Погибаю».

Какъ громомъ пораженная, сидѣла надъ письмомъ Ольга Семеновна. Что совершалось въ ея измученной, старой головѣ—никому неизвѣстно. Вдругъ она вскочила и стала поспѣшно собираться къ Перелеткину. Зачѣмъ? Она сама не могла ясно дать отчета. Въ головѣ мелькала какая-то мысль, въ сердцѣ—шевелилась смутная надежда.

Перелеткинъ, по обыкновенію, торопился по дѣламъ и былъ такъ, какъ говорится, на отлетѣ, а потому принялъ старуху въ передней. Онъ даже не далъ ей открыть рта:

— Не могу, не могу! Ничего теперь не могу-съ! Я умываю руки во всемя... Я самъ уѣзжаю на-дняхъ—хочу быть на общемъ собраніи... Возмутительно!... Я тамъ всѣмъ черняковъ наложу, въ будущемъ видѣ... У насъ, какъ мнѣ пишутъ, новая партія заражается, всѣхъ старыхъ хотятъ провалить... Какъ я буду радъ! Какъ я буду радъ!...

Когда онъ выходилъ уже за площадку лѣстницы, старуха поспѣшно бросилась къ нему, уцѣпилась за его пальто и, вся дрожащая, заливаясь слезами, проговорила:

— Не мнѣ... не мнѣ... я старая... мнѣ ничего не надо... а дочь у меня... дочь... молодая женщина... погибаетъ...

Перелеткинъ, пошаривъ въ карманъ, сунулъ ей въ руку рубль и быстрыми шагами повернулъ за уголъ переулка.

Долго стояла еще на улицѣ Ольга Семеновна, долго смотрѣла она въ ту сторону, куда исчезъ Перелеткинъ. Потомъ, точно припомнила что-то, встрепенулась, сжимая крѣпко въ рукѣ полученный рубль, и опрометью побѣжала на толкучку.

— Послушай, — обратилась она къ торговкѣ, когда-то заподозрившей въ ней воровку, — я всѣ свои вещи, всю комнату продаю; мужъ вѣдь у тебя мебелью старой торгуешь, вотъ и приходите завтра покупать и увидишь, какъ я живу...

Торговка согласилась.

— Весь рубль прокучу, — рѣшила Ольга Семеновна.

Она купила водки, сыру, колбасы, мяса и сухарей въ видѣ лакомства для собакъ.

— Анна Васильевна, вотъ вамъ гостинцы я принесла, — объявила она дворничихѣ, входя къ ней съ веселымъ лицомъ и подавая водку, сыръ и колбасу.

— Съ какой такой радости? — подозрительно проговорила Анна Васильевна, протягивая недовѣрчиво руку.

— Да ужъ бери, бери! за услугу твою благодарность, а завтра и деньги получишь.

Рябое лицо Анны Васильевны ослабилось.

— А въ дѣлахъ поворотъ какой?

— Хорошій поворотъ, хорошій!

— Ой-ли? Ну, вотъ со мной на радости и выпей, что ли... не побрезгуй!

Откупорила Анна Васильевна бутылку и, чокнувшись съ поморщившейся отъ водки старухой, опрокинула рюмку въ свой огромный ротъ.

— Что за радость у тебя, скажи? — проговорила она совсѣмъ ужъ добродушно.

— Дочка ко мнѣ прїѣзжаетъ.

— Ишь ты-ы!

— Да со всѣмъ семействомъ.

— А какъ же ты, милая, справишься? — сокрушенно помчала головой Анна Васильевна. — Съ капиталами-то, говорю, какъ справишься?

— Да вѣдь сказываю я тебѣ — поворотъ въ дѣлахъ... И деньги будутъ, и все будетъ.

— Ну, давай Богъ, давай Богъ... Выпьемъ, что-ль, еще на радостяхъ?

Но такъ какъ Ольга Семеновна отказалась, дворничиха, не приглашая ее больше раздѣлять компанію, пропустила еще рюмочки три-четыре одна.

— Что-жъ, Анна Васильевна, свари мнѣ сегодня горяченькаго...

— И-и, милая, съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Да вотъ я къ тебѣ, кстати, съ какой просьбой, — заговорила Ольга Семеновна, когда щеки подвыпившей дворничихи покрылись синевато-багровымъ румянцемъ и загорѣлись ея маленькіе зеленоватые глазки.

— Что, милая, что?

— Одолжи ты мнѣ — вотъ, чѣмъ вы крысь въ дворничихи!

равите... Завелись онѣ у меня, просто бѣда! Дочка прѣдетъ, дѣти маленькія...

— Неужто и къ тебѣ забрались? Ахъ, окаянныя!... У насъ баръ близко хлѣбный, — житья нѣтъ! Только тѣмъ и спасаемся, — хозяину аптекарь знакомый порошокъ даетъ... Возьми, милая, посыпь на хлѣбъ, либо на другое что, такъ и будутъ сдыхать, ахъ и будутъ сдыхать... и вовсе пропадутъ.

Не сразу рѣшилась войти въ свою комнату Ольга Семеновна. Она почему-то долго держалась за ручку двери, хотя замокъ уже былъ отпертъ. За дверями слышались радостные ворчанье и лай.

— Иначе нельзя, — проговорила она, переступая порогъ и точно выходя отвѣта на свою мысль. — Нѣтъ, иначе нельзя!... — повторила она твердо.

— Ну, друзья мои... ну, собачки мои милыя, — слегка дрожащимъ, но веселымъ голосомъ сказала Ольга Семеновна. — У насъ сегодня пиръ горой: поѣдимъ мы, наконецъ, горяченькаго, да какъ ѣдуется, съ говядиной!

Понятенъ ли былъ собакамъ смыслъ ея рѣчи, или просто подействовалъ на нихъ благотворно ея веселый, ласковый тонъ, столь чуждый за послѣднее время, но онѣ радостно залаяли въ отвѣтъ, а Найденышъ, уцѣпившись зубами за подолъ ея платья, пробѣжалъ по полу за Ольгой Семеновной, что въ былое время практиковалось имъ довольно часто въ моменты сильныхъ восторговъ. Но на этотъ разъ продѣланный имъ фокусъ былъ оставленъ безъ вниманія, не вызвавъ обычной улыбки на лицѣ старухи. Напрасно ожидалъ Найденышъ и обычного кусочка сахара.

Ольга Семеновна усѣлась въ свое кресло и, устремивъ вдаль печальные, задумчивые глаза, совершенно машинально перебирала и разглаживала шелковую пушистую шерсть на спинѣ шпнца.

— Ужъ какъ меня разморило съ твоей водки, какъ разморило, — внося приготовленный ею супъ, говорила Анна Васильевна. — Какой-то прѣдетъ — осерчаетъ; страсть не любить, когда я водку пью.

— А знаешь что, Анна Васильевна, принеси-ка мнѣ еще стаканчикъ, отвыкла я горячее-то ѣсть, аппетитъ отшибло, — тихо, словно извиняясь, произнесла Ольга Семеновна.

— Своимъ же добромъ да потчивать велишь?!... Инъ и впрямь выпей, — полегчаетъ!...

Когда осталась Ольга Семеновна одна, когда, поставивъ на столъ маленький стаканчикъ толстаго стекла, наполненный водкой,

словоохотливая дворничиха въ послѣдній разъ исчезла за порогомъ, оставивъ послѣ себя легкій спиртный запахъ, старуха почувствовала, что совершилось нѣчто странное и неизбежное. Точно сразу оторвало, отрѣзало ее съ ея собаками, привычками, желаніями и думами ото всего остального міра, шумъ котораго, какъ плескъ далекаго моря, слабо достигалъ до ея ушей...

Шумить улица, шумить народъ.

Съ ненавистью посмотрѣла она на стоящій передъ нею стаканъ водки и, зажмуривъ глаза, выпила залпомъ густую жидкость. Потомъ, закрывъ дверь на ключъ, подошла къ мискѣ съ горячимъ супомъ, откуда аппетитно выглядывалъ большой кусокъ жирнаго мяса. Не то безумными, не то ироническими глазами смотрѣла она на поднимающійся изъ миски паръ и вдыхала въ себя ароматный запахъ горячаго супа.

— Горяченькое... горяченькое, — посмѣиваясь, тихо прошептала она и затѣмъ вдругъ, точно подкошенная, свалившись на стулъ, стала плакать.

Она плакала долго, неудержимыми слезами, точно хотѣла изойти вся въ этихъ слезахъ, растопить въ нихъ свое старое изболѣвшее сердце. Какъ жалкій, одинокій челнокъ, погибала она въ пучинѣ житейскаго моря и кромѣ этихъ безпомощныхъ слезъ у нея не было другой защиты.

Она не проклинала, не злобствовала, — она сознавала себя всеѣмъ безсильной, всеѣмъ несчастной и покорялась.

Отрывистое тявканье собакъ, ожидающихъ ѣды, заставило ее очнуться.

Она подняла заплаканное лицо, отерла слезы и, вынувъ мясо изъ миски, стала рѣзать его мелкими кусками, потомъ сложила мясо въ собачью чашку и, крошивъ туда же сухарей, залила все это крошево супомъ.

Собаки нетерпѣливо повизгивали, чуя запахъ мяса.

Чашка стояла на столѣ, а старуха, внимательно сдвинувъ брови, съ необычнымъ для своего лица суровымъ выраженіемъ все смотрѣла и смотрѣла на приготовленное ея руками кушанье...

Кто-то толкнулъ ее въ колѣно. Это былъ шпиль, потерявшій терпѣніе.

Порывистымъ движеніемъ схватила она пакетъ, принесенный отъ дворничихи; дрожащими руками быстро высыпала половину изъ него въ чашку и, перемѣшавъ все это, поставила чашку на полъ.

Когда наголодавшіяся собаки жадно прильнули къ ѣдѣ, изъ ея груди вырвался короткій, жалобный крикъ.

Чуть не падая, добралась она до постели. Она положила голову на подушку и закрылась съ головой ватнымъ одѣяломъ, чтобы не видѣть и не слышать ничего.

Въ ушахъ звенѣло отъ выпитой водки, лихорадочный ознобъ тремъ приступомъ пробѣгалъ по дрожащему тѣлу и безумными скачками, какъ бѣшеное, колотилось сердце въ груди.

Но никто не слышалъ этого набата, зовущаго на помощь, — кто, кромѣ самой Ольги Семеновны.

— Молчи! — простонала она наконецъ.

А оно все колотилось и колотилось у стѣнки старческой груди, оно хотѣло расколоть эту жалкую, измученную грудь.

Ольга Семеновна еще плотнѣе укутала себя голову. Дѣйствительность стала мѣшаться съ какими-то дикими фантастическими образами, прошедшее съ настоящимъ.

Безумный ужасъ, безумная жалость и какой-то упорный жестокій голосъ будто твердить надъ ухомъ: «Иначе нельзя! Иначе нельзя!...»

Ольга Семеновнѣ все это кажется страннымъ, несбыточнымъ кошмаромъ... И кажется ей, что потолокъ надвинулся на нее и давилъ ее всею своею тяжестью.

... Иначе нельзя!... Иначе нельзя!... Иначе нельзя!... — хоромъ не поють чьи-то незнакомые дикіе голоса и хохочутъ злобнымъ, развѣвающимъ смѣхомъ, и воютъ, и плачутъ...

Пронзительный, раздирающій душу вопль огласилъ комнату. Ольга Семеновна вскочила. Это шпигъ, несчастный бѣленькій шпигъ, въ ногахъ ея постели, разставался съ своею жизнью, — съ жизнью маленькаго, комнатнаго звѣря, такой ничтожной, такой ненужной и такой дорогой для него самого. Корчась и виваясь отъ боли, онъ вылъ и оглашалъ комнату стонами, похожими на человѣческіе... Жалобнымъ воємъ вторили ему Найденышъ и Лисичка.

Ольга Семеновна схватила шпигъ и прижала его къ груди. Онъ метался и метался на ея рукахъ. Она гладила его, называя всевозможными ласковыми именами и смачивая слезами его пушистую шерсть...

Со свистомъ вылетало дыханіе изъ его маленькой груди... Появился какой-то трескъ, точно гдѣ-то далеко падало расколовшееся дерево, — то былъ предсмертный хрипъ несчастнаго животного.

Ольга Семеновна еще крѣпче прижала его къ себе. Шпигъ отъ широко-широко обезумѣвшіе глаза, весь болѣзненно съжился

ся и, поймавъ ея руку, судорожно вонзилъ въ палецъ своимъ бѣлыми острыми зубами. Когда съ послѣднимъ трепетомъ отлетѣла его жизнь, Ольга Семеновна разжала крѣпко стиснутыя челюсти и щеками освободила руку. На пальцѣ зияла двѣ маленькія, круглыя раны и изъ нихъ сочилась кровь.

Вставъ съ кровати, старуха подошла къ лежащимъ на полу Найденышу и Лисичкѣ. Угасающими мутными глазами они словно упрекали ее за свою преждевременную смерть, а конвульсивныя вздрагивающія лапы точно протягивались за спасеніемъ.

Ольга Семеновна прижалась губами къ выпуклому лбу Найденыша и въ то же время почувствовала едва ощутимое прикосновеніе чего-то мокраго и липкаго къ своей рукѣ, — это лизнула ее Лисичка, навсегда покидая міръ.

Ужъ совсѣмъ стемнѣло; только луна бросала въ окошко свой фосфорическій свѣтъ.

Мертвая тишина царила теперь въ комнатѣ, незадолго передъ тѣмъ наполненной стономъ и визгами умирающихъ животныхъ.

Ольга Семеновна приподнялась съ полу. Ей почудилось, что кто-то жалобно плачетъ въ углу у ея постели. Она подошла къ кровати. Никого.

— Это душа моя, — рѣшила она, — это моя душа плачетъ обо мнѣ.

И стало ей кого-то смертельно жалко, — себя ли, душу ли свою, или кого другого, она не знала. Она почувствовала, что кому-то стыдно, ужасно стыдно. Кому? Она тоже не знала.

Она стояла посреди комнаты, растерянная и блѣдная, и все пыталась припомнить, кого ей жалко и кому такъ стыдно. И вдругъ выпрямилась и съ пылающими глазами, точно обращаясь къ кому-то невидимо присутствующему, произнесла твердо и медленно:

— Бсѣмъ!

Она отомкнула входную дверь и твердыми, рѣшительными шагами подошла къ столу. Что-то величавое и грозное было теперь въ ея старческой фигурѣ, въ ея маленькомъ сморщенномъ лицѣ. Она налила въ тарелку совсѣмъ уже остывшій супъ и недрогнувшей рукой высыпала туда остатки порошка.

Изъ пальца капнула въ тарелку кровь.

... Съ ужасомъ вбѣжала въ дворницкую сообщить о случившемся пришедшая, на другой день, покупать мебель торговка.

Съ ужасомъ разводила руками перепуганная на смерть Анна Васильевна.

— И не въ домекъ мнѣ, — произнесла она растерянно, — крысь, говорила, травить... и не въ домекъ... На-те грѣхъ какой случился!...

Въ оставленной покойницей запискѣ, кромѣ просьбы «не винить никого» въ ея смерти, значилось: «А имущество мое немедленно продать. Три рубля долгу моего за услуги дворничихъ Аннѣ Васильевой прошу отдать. Остальныя всѣ вырученныя деньги отослать тотчасъ же дочери моей въ городъ N., Петровская улица, домъ № 20, артисткѣ Ольгѣ Павловнѣ Налимовой».

Н. Анненкова-Бернардъ.

КРЕСТОНОСЦЫ).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I.

Хотя Глава торопился въ Згожелицы, но, тѣмъ не менѣе, не могъ такъ скоро ѣхать, какъ бы ему желалось, потому что дороги сильно испортились. Послѣ суровой зимы и свирѣпыхъ морозовъ, послѣ снѣговъ, обильныхъ настолько, что подъ ними скрывались чуть не цѣлыя деревни, сразу наступила сильная оттепель. Лѣтый **), вопреки своему названію, оказался совсѣмъ не лютымъ. Прежде всего начались густые, непроницаемые туманы, потомъ пошли проливные дожди, отъ которыхъ на глазахъ таяли снѣжные сугробы, а въ промежуткахъ между дождями дулъ порывистый, совершенно мартовскій вѣтеръ, который на небѣ сгонялъ и разгонялъ тяжелыя тучи, а на землѣ завывалъ въ заросляхъ, гудѣлъ въ лѣсахъ и пожиралъ снѣга, подъ которыми еще такъ недавно деревья дремали въ своемъ тихомъ, зимнемъ снѣ.

Лѣса сразу потемнѣли. Такая мокреда радовала только однихъ рыбаковъ, остальной людъ укрывался въ хаты. Во многихъ мѣстахъ отъ деревни до деревни можно было пробраться только въ лодкѣ. Правда, нигдѣ не было недостатка ни въ плотинахъ, ни въ дорогахъ, проведенныхъ по лѣсамъ и болотамъ и замощенныхъ бревнами и кругляками, но теперь плотины размякли, а бревна на мокрыхъ мѣстахъ совсѣмъ расползлись и проѣздъ по дорогамъ становился не только опаснымъ, но иногда даже и совершенно не-

*) *Русская Мысль*, 98 г. кн. XI.

**) Luty — по-польски февраль.

возможнымъ. Чеху въ особенности туго приходилось въ многоозерной Великой Польшѣ, гдѣ весенніе разливы обыкновенно бывали больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а поэтому и дороги, въ особенности для конныхъ, болѣе трудны.

Глава долженъ былъ часто останавливаться и ждать по цѣлымъ недѣлямъ въ мѣстечкахъ или въ деревняхъ у шляхтичей, которые, по старинному обычаю, гостепріимно принимали его, жадно слушали его рассказы о крестоносцахъ и расплачивались за новости хлѣбомъ и солью. Прошла большая часть марта, прежде чѣмъ весна какъ слѣдуетъ водворилась въ Божьемъ мірѣ и прежде чѣмъ Глава очутился поблизости Згожельницъ и Богданьца. Сердце его билось при мысли, что вскорѣ онъ увидитъ свою госпожу, и хотя онъ зналъ, что она такъ же недоступна для него, какъ небесная звѣзда, любилъ и уважалъ ее всею душою. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ сначала заѣхать къ Мацьку, во-первыхъ, потому, что былъ посланъ къ нему; во-вторыхъ, чтобы сдать людей, которые должны были остаться въ Богданьцѣ. Збышко, послѣ побѣды надъ Ротгеромъ, забралъ всю его свиту, которая, по орденскимъ обычаямъ, состояла изъ десяти человѣкъ и столькихъ же коней. Два человѣка повезли тѣло убитаго въ Щитну, а остальныхъ Збышко, зная, какъ жадно старикъ Мацько набираетъ поселенцевъ, отослалъ въ подарокъ дядѣ.

Чехъ прибылъ въ Богданецъ, но не засталъ Мацька. Ему сказали, что онъ пошелъ съ лукомъ и съ собаками въ лѣсъ, но Мацько возвратился еще засвѣтло и, замѣтивъ, что къ нему пріѣхало много народу, ускорилъ шаги, чтобы принять пріѣзжихъ и угостить ихъ, какъ слѣдуетъ. Онъ узналъ Главу не сразу и, когда чехъ называлъ себя, въ первую минуту страшно перепугался, бросилъ лукъ и шапку на полъ и воскликнулъ:

— Господи, убили его!... Говори скорѣе, что ты знаешь.

— Онъ не убитъ, — сказалъ чехъ, — онъ въ добромъ здоровьѣ.

Услышавши это, Мацько немного устыдился, кашлянулъ и потомъ глубоко вздохнулъ.

— Слава Господу Іисусу! — сказалъ онъ. — Гдѣ же онъ теперь?

— Поѣхалъ въ Мальборгъ, а меня прислалъ сюда съ вѣстями.

— А зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Мальборгъ?

— За женою.

— Парень, побойся Бога! За какою женою?

— За Юрандовой дочерью. Разсказовъ моихъ хватитъ на всю ночь, но позвольте мнѣ, господинъ, отдохнуть хоть сколько-нибудь, потому что я очень усталъ, — ѣхалъ съ полуночи безъ отдыха.

Мацько на время прекратилъ свои разспросы отчасти потому,

что чуть не опѣмѣлъ отъ изумленія. Немного овладѣвъ собою, онъ крикнулъ слугѣ, чтобы тотъ подбросилъ дровъ въ каминъ и принесть бы чеху ѣсть, а самъ принялся расхаживать по комнатѣ и размахивать руками.

— Ушамъ своимъ не вѣрю... — говорилъ онъ самому себѣ. — Юрандова дочь... Збышко женать...

— И женать, и не женать, — отвѣтилъ ему чехъ.

И онъ мало-по-малу началъ рассказывать, что и какъ было, а Мацько слушалъ жадно, отъ времени до времени прерывая рассказъ вопросами, — ему не все было ясно въ рассказѣ чеха. Глава, напримеръ, въ точности не зналъ, когда именно Збышко женился, потому что свадебнаго пиршества не было вовсе, но утверждалъ, что свадьба была. Произошло это по соизволенію княгини Анны Дануты, а вышло на свѣтъ только послѣ пріѣзда вкестоносца Роттера, котораго Збышко вызвалъ на судъ Божій и съ которымъ бился въ присутствіи всего мазовецкаго двора.

— А-а! Ты говоришь, бился? — спросилъ съ пожирающимъ любопытствомъ Мацько и сверкнулъ глазами. — Ну, и что-жъ?

— Разрубилъ нѣмца на двѣ половины. И мнѣ Богъ помогъ управиться съ нѣмецкимъ оруженосцемъ.

Мацько снова закашлялся, но на этотъ разъ съ удовольствіемъ.

— Ну, — сказалъ онъ, — Збышко парень хоть куда. Послѣдній изъ Градовъ, но, Богомъ клянусь, не худшій. Скажите! А та исторія съ фризами? Тогда онъ былъ почти подростокъ...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на чеха и добавилъ:

— Но и ты мнѣ нравишься. И, по всей видимости, не врешь. Вралья я издали почую. Оруженосецъ еще ничего, потому что ты самъ говоришь, что съ нимъ немного было работы, а что ты этому собачьему сыну, Данфельду, руку вывернулъ, а передъ тѣмъ свалилъ тура, — это дѣла важныя.

Потомъ онъ вдругъ спросилъ:

— А добыча... хорошая?

— Мы взяли доспѣхи, коней и десять человѣкъ слугъ. Восемь молодыхъ господинъ прислалъ вамъ.

— А съ двумя остальными онъ что сдѣлалъ?

— Послалъ ихъ отвезти трупъ.

— Развѣ князь не могъ отослать его со своими слугами? Тѣ, конечно, не вернутся.

Чехъ улыбнулся при видѣ жадности, которую Мацько такъ часто обнаруживалъ.

— Моему молодому господину теперь уже нѣтъ надобности считывать на это, — сказалъ онъ. — Спыховъ — большое имѣніе.

— Большое, да что изъ того? Не ему еще оно принадлежить.

— А то кому же?

Мацько даже всталъ съ мѣста.

— Болтай пустяки! А Юрандъ?

— Юрандъ въ подземельи у крестоносцевъ и надъ нимъ висить оуть. Одинъ Богъ знаетъ, останется ли онъ живъ, а если останется, то выйдетъ ли на волю. Какъ бы то ни было, всендѣз Ба- читалъ его завѣщаніе и объявилъ всѣмъ, что наслѣдникомъ женъ быть молодой господинъ.

На Мацька всѣ эти новости, видимо, произвели огромное впечатлѣніе. Онъ были въ одно и то же время такъ благопріятны и такъ благопріятны, что онъ не могъ ни разобраться въ нихъ, ни при- ги въ порядокъ чувства, которыя поочередно овладѣвали имъ. Ёстіе о женитьбѣ Збышка въ первое время больно кольнуло, потому что онъ любилъ Ягенку, какъ родной отецъ, и изъ всѣхъ старался соединить ее со Збышкомъ. Но, съ другой стороны,

уже привыкъ къ несбыточности этой мысли, а съ другой — андовна въ приданое приносила то, чего не могла принести нка, — и благоволеніе князя и, какъ единственная дочь, гораздо шее приданое. Мацько видѣлъ Збышка въ будущемъ графомъ, подиномъ Богданица и Спыхова... Кто его знаетъ, можетъ быть,

будетъ и каштеляномъ. И ничего мудренаго нѣтъ; вѣдь гово- и же въ то время о захудаломъ шляхтичѣ: «было у него двѣ- цать сыновей, шестеро погибли въ битвахъ, шестеро сдѣлались телянами» *). И народъ, и отдѣльныя семьи стояли на пути успѣянія. Большое состояніе могло только помочь Збышку на и дорогъ и родовой гордости Мацька было чему радоваться. Но тревогахъ у старика не было недостатка. Онъ когда-то самъ, бы спасти Збышка, ѣздилъ къ крестоносцамъ и привезъ съ со- обломокъ желѣза, увязшій между его реберъ, а теперь самъ шко поѣхалъ въ Мальборгъ, сунулся волку въ пасть. Что онъ ь найдетъ, жену или смерть? «Не особенно ласково принять его ь, — подумалъ Мацько, — онъ только что зарубилъ ихняго зна- итаго рыцаря, а передъ тѣмъ напалъ на Лихтенштейна, а они, елатые, охочи до мести». При этой мысли старый рыцарь крѣп-

*) Во времена Пастовъ въ каждой провинціи былъ свой укрѣпленный городъ или вѣнныи замокъ, окруженный высокимъ валомъ и частоколомъ. Городъ этотъ по- ни назывался *castellum*, а начальникъ его — *castellanus*, что превратилось въ- сское *каштелянъ*. — Прим. пер.

ко закручинился. Бромъ того, ему на умъ пришло, что, пожалуй, не обойдется и безъ того, какъ бы Збышко, — «парень-то онъ ужъ очень бойкій», — не сцѣпился съ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Но это ему ничего. Больше всего Мацько опасался, что его схватятъ. «Они схватили старика Юранда и его дочь, когда-то не побоялись схватить самого князя, такъ станутъ ли стѣсняться со Збышкою?»

Тутъ онъ задалъ себѣ вопросъ: что будетъ, если Збышко уйдетъ цѣлымъ изъ орденскихъ рукъ, а жены своей не найдетъ? Сначала Мацько утѣшался было мыслью, что послѣ нея останется Сиховъ, но утѣшеніе это длилось не долго. Богатство — это хорошо, но для старика болѣе важенъ былъ родъ, Збышкины дѣти. «Если Дануська канетъ въ воду какъ камень и никто не будетъ знать, жива ли она, или умерла, Збышку нельзя будетъ жениться на другой, и тогда уже не станетъ больше Градовъ изъ Богданьца. Эхъ, а съ Ягенкой было бы не такъ!... Мочидолы тоже не шутка схватятъ, а такая дѣвка рожала бы дѣтей каждый годъ, какъ хорошая садовая яблоня». Горе Мацька превысило его радость по поводу новаго наслѣдства и, томимый этимъ горемъ и беспокойствомъ, онъ снова началъ спрашивать чеха, когда и какъ совершалась свадьба Збышка.

Чехъ отвѣтилъ на это:

— Я уже говорилъ вамъ, господинъ, что когда это было, я не знаю, а о чемъ я догадываюсь, за то ручаться не стану.

— А о чемъ ты догадываешься?

— Я не оставлялъ молодого господина во время болѣзни, спалъ съ нимъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Только одинъ разъ онъ приказалъ мнѣ уйти, а потомъ я видѣлъ, какъ къ нему пришла сама милостивая княгиня, а съ нею панна Юрандовна, панъ Лоршъ и ксѣндзъ Вышонецъ. Я даже подивился, зачѣмъ у пана на головѣ вѣнокъ, подумалъ, что пана будутъ причащать... Кажется быть, это такъ и было... Помню, что панъ приказалъ надѣть себя, какъ на свадьбу, подумалъ, что это для того, чтобы достойно принять Тѣло Христово.

— А потомъ какъ же? Они остались одни?

— Гдѣ тамъ! Да еслибъ и остались... панъ въ то время и бѣ не могъ безъ чужой помощи. А за паненкой уже явились люди отъ Юранда и на другой день она уѣхала...

— Збышко съ тѣмъ поръ и не видалъ ее?

— Ее и не одинъ человѣческій глазъ не видалъ.

Наступила минута молчанія.

— Какъ ты думаешь, — спросилъ немного погодя, Мацько, — дадутъ ее крестоносцы или не отдадутъ?

Чехъ покачалъ головой и небрежно махнулъ рукою.

— Я такъ думаю, — медленно сказалъ онъ, — что она ужъ пропала навсегда.

— Почему? — чуть не со страхомъ спросилъ Мацько.

— Если бы крестоносцы говорили, что она у нихъ, тогда была бы надежда. Можно было бы жаловаться или заплатить выкупъ, или отбить ее силой. Но они говорятъ такъ: мы отбили какую-то женщину и дали Юранду знать, онъ ее не призналъ, а за наше расхождение перебилъ столько нашихъ людей, сколько мы и во многихъ стычкахъ не теряли.

— Такъ Юранду показывали кого-нибудь?

— Говорятъ, что показывали, но Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть и неправда, а можетъ быть ему и показывали, да не ту. Правда только одно, что онъ перебилъ множество людей и что крестоносцы готовы поклясться, что никогда не похищали панну Юранду. Ужасно хитрое дѣло. Хотя бы магистръ и отдалъ приказъ, онъ тотчасъ же отвѣтитъ, что ея нѣтъ у нихъ. А кто можетъ доказывать противное? Вонъ, въ Цехановѣ, всѣ говорятъ объ Юрандонѣ письмѣ, будто его дочери нѣтъ у крестоносцевъ.

— А можетъ быть ея и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ у крестоносцевъ?

— Что вы, ваша милость! Еслибъ ее похитили разбойники, то, конечно, ни для чего другого, какъ для выкупа. Притомъ, разбойники не сумѣли бы ни письма написать, ни поддѣлать печать виховскаго пана.

— Правда. Но зачѣмъ она нужна крестоносцамъ?

— А мечь Юранду? Мечь имъ пріятнѣй меда и вина, а что имъ есть за что мстить, такъ это вѣрно. Спыховскій панъ былъ врагъ имъ, а что онъ натворилъ въ послѣдній разъ, то совсѣмъ обѣсило ихъ... Мой панъ, тоже, говорятъ, поднималъ руку на Миттенштейна, а потомъ убилъ Ротгера... Мнѣ-то Богъ помогъ, но я отрубилъ руку у собачьяго сына... Сообразите только: четверо ихъ было, злодѣевъ, а теперь въ живыхъ остался только одинъ, да и тотъ старикъ. У насъ тоже есть зубы, ваша милость.

Снова наступила минута молчанія.

— Ты ловкій оруженосецъ, — сказалъ, наконецъ, Мацько, — но какъ ты думаешь, что они съ нею сдѣлаютъ?

— Князь Витольдъ — сильный князь; говорятъ, самъ нѣмецкій цезарь кланяется ему въ поясъ, а что они сдѣлали съ его дѣть-

ми? Развѣ мало у нихъ замковъ, мало подземельевъ, мало колодезь, мало цѣпей и веревокъ, на которыхъ вѣшаютъ?

— Господи, что ты говоришь! — крикнулъ Мацько.

— Дай Богъ, чтобъ они и молодого пана не убрали куда-нибудь, хотя онъ поѣхалъ съ княжескимъ письмомъ и съ господиномъ де-Лоршемъ, а тотъ, говорятъ, человѣкъ сильный и состоитъ въ родствѣ съ разными княжескими фамиліями. Эхъ, не хотѣлось мнѣ сюда ѣхать, — тамъ и подраться можно было бы съ кѣмъ-нибудь, — да велѣли. Я слышалъ, какъ однажды мой панъ спрашивалъ у стараго спыховскаго папа: «А вы хитрый? Я насчетъ хитрости плохъ, а съ ними это только и надо. Охъ, — говоритъ, — вотъ дядя Мацько... этотъ бы все сдѣлалъ!» Поэтому-то онъ прислалъ меня сюда. Но Юрандовну и вы, господинъ, не найдете потому что она, можетъ быть, уже на томъ свѣтѣ, а со смертью самая хитрая хитрость ничего не подѣлаетъ...

Мацько задумался и отвѣтилъ только послѣ долгаго молчанія:

— Гм... Значить, тутъ и дѣлать нечего. Противъ смерти хитрость не поможетъ. Но еслибъ я поѣхалъ туда и узналъ бы хотъ то, что крестоносцы убили Юрандовну, то Спыховъ достался бы Збышку, а онъ могъ бы возвратиться и жениться на другой...

Мацько вздохнулъ, какъ будто сбросилъ съ сердца какую-то тяжесть, а чехъ несмѣлымъ голосомъ спросилъ:

— На паненкѣ изъ Згожелицъ?

— Ну, да! — отвѣтилъ Мацько, — тѣмъ болѣе, что къ сиротѣ Чтанъ изъ Рогова и Вилькѣ изъ Бжозовой пристають все больше и больше.

Чехъ вскочилъ съ мѣста.

— Паненка сирота? А рыцарь Зыхъ?

— Такъ, значить, ты ничего не знаешь?

— Ради Бога, что случилось?

— Правда, откуда тебѣ и знать, коли ты пріѣхалъ прямо сюда, а мы все время говорили съ тобою только о Збышкѣ. Осиротѣла она. Зыхъ згожелицкій, по правдѣ сказать, почти никогда не сидѣлъ дома, развѣ только тогда, когда у него бывали гости. Иначе ему тотчасъ же становилось тошно въ Згожелицахъ. Какъ-то абать и пишетъ ему, что ѣдетъ въ гости къ князю освѣцимскому, Пшемку, и зоветъ его съ собою. А Зыха медомъ не корми, потому что онъ зналъ князя и не разъ пировалъ съ нимъ. Завѣщаетъ онъ ко мнѣ и говорить: «Я ѣду въ Освѣцимъ, а потомъ въ Глевцы, а вы пока присматривайте за Згожелицами». Меня какъ будто что-то кольнуло, я и говорю ему: не ѣздите, берегите свое имѣніе и Яген-

ку, а то до меня доходятъ слухи, что Чтанъ и Вилькъ затѣваютъ что-то недоброе. А нужно тебѣ сказать, что аббать, по злобѣ на Збышка, хотѣлъ сосватать Ягенку съ Вилькомъ или Чтаномъ, но когда узналъ ихъ хорошенько — то вытурилъ обоихъ изъ Згожелицъ. Хорошо-то это хорошо, да только не очень, потому что они ужасно обидѣлись. Теперь стало немного спокойнѣе, — они подрались другъ съ другомъ и лежать, но раньше не было ни минуты покоя. Все обрушилось на мою голову, — и защита, и охрана. А Збышко хочетъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему... Что будетъ съ Ягенкой, я не знаю, а пока договариваю тебѣ про Зыха. Не послушалъ онъ моихъ словъ, уѣхалъ. Ну, веселились, пировали! Изъ Глевцевъ поѣхали къ отцу князя Пшемка, къ старику Носаку, который правитъ въ Цешинѣ. А тутъ Ясько, князь рациберскій, по злобѣ къ князю Пшемку, наслалъ на него разбойниковъ подъ предводительствомъ чеха Хшана. Князь Пшемко погибъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Зыхъ згожелицкій, — ему стрѣла угодила прямо въ грудь. Аббата оглушили желѣзнымъ цѣпомъ, такъ что онъ еще до сихъ поръ трясеть головою, ничего не понимаетъ и чуть ли не навсегда лишился языка. Ну, Хшана-то старый князь купилъ у Цампахскаго пана и такъ угостилъ его, что даже и старики не слыхали о подобныхъ мученіяхъ, но ни горя своего по сынѣ не утолилъ, ни Зыха не воскресилъ, ни Ягенкиныхъ слезъ не отеръ. Вотъ тебѣ и пирушка. Зыха шесть недѣль тому назадъ привезли сюда и похоронили.

— А какой рыцарь-то былъ! — съ сожалѣніемъ промолвилъ чехъ. — И я не лыкомъ шить, а подъ Болеславцемъ онъ въ одну минуту справился со мной и взялъ въ плѣнъ. Но это такая неволя, что я ее и на волю не промѣняю... Пошли ему, Господи, царство небесное! Эхъ, жаль, жаль, но больше всего жаль бѣдную паненку.

— Именно, бѣдную. Иные и мать такъ не любятъ, какъ она любила отца. Поэтому ей и не безопасно сидѣть въ Згожелицахъ. Послѣ похоронъ, — могилу Зыха еще снѣгъ не засыпалъ, — какъ Чтанъ и Вилькъ уже приступили къ згожелицкому двору. Къ счастью, я узналъ объ этомъ раньше, прискакалъ съ своими людьми на помощь и, благодареніе Богу, какъ слѣдуетъ поколотилъ ихъ. А послѣ битвы Ягенка какъ бросится мнѣ въ ноги: «коли нельзя мнѣ выйти замужъ за Збышка, — говорить, — такъ я ужъ лучше не выйду ни за кого, только, — говорить, — я лучше умру, чѣмъ выйду за кого-нибудь изъ нихъ». Правду я говорю тебѣ, не узнаешь ты Згожелицъ, потому что она обратила ихъ въ настоящую крѣпость. Потомъ они нападали еще два раза, но опять-таки

безъ всякаго успѣха. Теперь они на время утихли, потому что, какъ я говорилъ тебѣ, подрались другъ съ другомъ, такъ что ни одинъ, ни другой рукой и ногой шевельнуть не могутъ.

Глава не отвѣтилъ ничего, только при разсказѣ о Чтанѣ и Вилькѣ скрежеталъ зубами такъ, какъ будто кто-то раскрывалъ и запиралъ скрипучую дверь, потомъ изо всей мочи ударилъ по бедрамъ своими могучими руками, которыя, видимо, начали чесаться. Наконецъ, изъ его устъ съ трудомъ вылетѣли только слова:

— Провалиться бы имъ...

Но въ это время въ сѣняхъ послышались чьи-то голоса, двери внезапно распахнулись, и въ комнату ворвалась Ягенка, а за нею старшій изъ ея братьевъ, четырнадцатилѣтній Ясько, похожій на нее, какъ близнецъ.

Ягенка узнала отъ згожельцкихъ крестьянъ, что какіе-то вооруженные люди подъ предводительствомъ чеха Главы ѣхали въ Богданецъ, испугалась не меньше Мацько, а когда ей сказали, что между ними нѣтъ Збышка, почти увѣрила себя, что случилось какое-то несчастье и сломя голову помчалась въ Богданецъ разузнать, въ чемъ дѣло.

— Что случилось?... ради Бога! — крикнула она съ порога.

— Что можетъ случиться? — отвѣтилъ Мацько. — Збышко живъ и здоровъ.

Чехъ подбѣжалъ къ своей госпожѣ и, опустившись на одно колено, началъ цѣловать край ея платья, но Ягенка не замѣтила этого. Услышавши отвѣтъ стараго рыцаря, она повернула голову въ тѣнь и только спустя минуту, сообразивъ, что нужно было сказать какое-нибудь привѣтствіе, проговорила:

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа.

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣтилъ Мацько.

Ягенка только теперь увидала голову чеха возлѣ своихъ коленъ и наклонилась къ нему.

— Глава, я ото всей души рада видѣть тебя, но зачѣмъ ты покинулъ своего господина?

— Онъ отослалъ меня, милостивая паненка.

— Что же онъ приказалъ тебѣ дѣлать?

— Приказалъ ѣхать въ Богданецъ.

— Въ Богданецъ?... А еще что?

— Просить совѣта у стараго пана... приказалъ кланяться...

— Въ Богданецъ, и только? Ну, хорошо! А самъ онъ гдѣ?

— Самъ онъ поѣхалъ къ крестоносцамъ, въ Мальборгъ.

На лицѣ Ягенки снова отразилось безпокойство.

— Развѣ ему жизнь не мила? Зачѣмъ онъ поѣхалъ?

— Искать, милостивая паненка, того, чего никогда не найдетъ.

— И правда, что не найдетъ! — виѣшался Мацько. — Какъ разъ не вобьешь безъ молотка, такъ и желанія своего не исполнишь безъ воли Божіей.

— Что вы говорите?—спросила Ягенка.

Но Мацько на вопросъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Збышко говорилъ тебѣ что-нибудь объ Юрандовнѣ? Я слышалъ, что говорилъ что-то.

Ягенка сразу не отвѣтила ничего и только черезъ минуту, полая вздохъ, сказала:

— Говорилъ. Отчего бы и не говорить?

— Вотъ и хорошо, тогда и мнѣ легче будетъ отвѣтить,—проговорилъ старикъ.

И онъ началъ рассказывать то, что слышалъ отъ чеха, и самъ являлся, отчего порою ему было такъ трудно говорить и рѣчь его шла такъ беспорядочно. Но такъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ хитрый, а главнымъ образомъ заботился о томъ, какъ бы «спугнуть» Ягенку, то особенно настаивалъ на томъ, во что, прочемъ, и самъ вѣрилъ, что Збышко въ дѣйствительности никогда не былъ мужемъ Дануси и что она пропала для него навсегда.

Чехъ отъ времени до времени поддакивалъ ему, а дѣвушка слушала его съ низко опущенными рѣсницами и была такъ молчалива, что въ концѣ это молчаніе обезпеконило Мацько.

— Ну, а ты-то что?—спросилъ онъ, кончивъ свой рассказъ.

Ягенка не отвѣтила ничего, только двѣ слезы блеснули изъ-подъ ея опущенныхъ рѣсницъ и скатились по щекамъ.

Спустя минуту она приблизилась къ Мацьку, поцѣловала у него руку и сказала:

— Да будетъ благословенно имя Его.

— Во вѣки вѣковъ,—отвѣтилъ старикъ.—Торопись домой! Побудь у насъ.

Ягенка не хотѣла оставаться,—она не распорядилась насчетъ жиизна. Мацько зналъ, что въ Згожелицахъ живетъ старая шлях-инка. Сецехова, которая могла бы замѣнить молодую хозяйку, но особенно удерживалъ ее, понимая, что горе не любитъ показываться чужимъ глазамъ и что человѣкъ, словно рыба, которая опускается какъ можно глубже на дно, когда почувствуетъ въ себѣ стріе остроги.

Онъ только погладилъ дѣвушку по головѣ, а потомъ вмѣстѣ съ чехомъ проводилъ ее на дворъ.

Но чехъ вывелъ своего коня и поѣхалъ за паненкой.

Мацько возвратился въ комнату, вздохнулъ, покачалъ головою и началъ ворчать:

— Дуракъ этотъ Збышко, — по истинѣ дуракъ! Ахъ, этой дѣвой такъ и пахнетъ во всемъ домѣ!

И старикъ растрогался. Если бы Збышко, сейчасъ же по возвращеніи женился на ней, то какая бы радость теперь была у нихъ! А теперь что? «Только лишь вспомнишь про него, какъ у нея слезы изъ глазъ выкатятся, а малый все шляется по бѣлому свѣту и бѣдетъ до тѣхъ поръ стучать лбомъ въ мальборгскія стѣны, пока не есѣмъ не разобьетъ его, а въ домѣ все пусто, только, вонъ, шлемы глядятся со стѣнъ. Какой толкъ отъ этого хозяйства, зачѣмъ эти заботы, на что нужны Спыховъ и Богданецъ, коли ихъ некому будетъ оставить?»

Въ душѣ Мацька закипѣлъ гнѣвъ.

— Подожди ты, бродяга, — громко сказалъ онъ, — не поѣдешь тебѣ, дѣлай, что хочешь!

Но въ ту же самую минуту, какъ на зло, его охватила страшная тоска по Збышкѣ. «Да, не поѣдешь, — подумалъ онъ, — а дома увидишь развѣ? Чистое Божеское наказаніе!... Чтобъ этого мальчишки разу не увидать въ жизни, — да развѣ это возможно? Еще одного собачьяго сына одолѣлъ... и добычу взялъ... Другой посѣдѣлъ прежде, чѣмъ рыцарскій поясъ добудетъ, а его самъ князь отсалъ... И правильно, среди шляхты много храбрыхъ и дѣльных людей, но другого такого, пожалуй, не найдешь».

Мацько совершенно растрогался и началъ окидывать взглядомъ панцири, мечи и топоры, почернѣвшіе отъ дыма, какъ будто раздумывая, что взять съ собою и что оставить. Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты, во-первыхъ, потому, что не могъ сидѣть въ ней, во-вторыхъ, чтобы приказать подмазать телѣги и дать лошадямъ двойную дачу овса.

На дворѣ уже смеркалось. Мацько вспомнилъ Ягенку, вспомнилъ, какъ она только что съѣхала съ этого двора и вдругъ востосковался.

«Поѣду-то я поѣду, — подумалъ онъ, — а кто будетъ защищать дѣвку отъ Чтана и Вилька? Охъ, чтобъ ихъ громъ небесный разилъ!»

Ягенка съ Яськомъ тѣмъ временемъ ѣхала въ Згожелицы по длинной дорогѣ, а чехъ тащился за ними вслѣдъ съ сердцемъ, полнымъ любовью и горемъ. Передъ этимъ онъ видѣлъ слезы дѣвушки, а теперь смотрѣлъ на ея темную фигуру, едва замѣтную

реди лѣснаго сумрака, и отгадывалъ ея скорбь и мученія. И ему казалось, что изъ лѣсной глуши къ ней вотъ-вотъ протянутся хищныя руки Вильба или Чтана, и при этой мысли имъ овладѣвало трастное желаніе подраться. Желаніе это иногда становилось настолько непреодолимымъ, что ему хотѣлось схватиться за топоръ рубить придорожныя сосны и елки. Онъ чувствовалъ, что если орошенько разомнется, то это поможетъ ему. Хоть бы коня пустить во всю прыть, но впереди ѣдутъ такъ медленно, шагъ за шагомъ, почти ничего не говорить и даже Ясько, обыкновенно очень охливый, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, увидалъ, что сестра его расположена къ бесѣдѣ, и также погрузился въ молчаніе.

Но, когда они уже подъѣзжали къ Згожелицамъ, жалость въ сердцѣ чеха пересилила гнѣвъ къ Чтану и Вильбу. «Я не пощаю бы своей крови, чтобъ утѣшить тебя, но что-жъ я, несчастный, сдѣлаю, что скажу тебѣ?—думалъ онъ.—Развѣ то, что онъ приказалъ тебѣ кланяться... дай Богъ, чтобъ это утѣшило тебя».

Онъ подъѣхалъ къ Ягенкѣ и заговорилъ:

— Милостивая паненка...

— Такъ ты ѣдешь за нами?—спросила дѣвушка, точно пораженный отъ сна.—Ну, что скажешь?

— Я забылъ, что панъ приказалъ сказать вамъ. При разстанѣ въ Спыховѣ, онъ позвалъ меня и говорить: «Поклонись въ ноги Згожелицкой паненкѣ и скажи,—говорить,—что можетъ быть ее никогда не увижу, но за то, что она сдѣлала для меня и для яди, пусть Богъ наградить ее и пошлетъ ей доброе здоровье».

— Да наградить и его Богъ за доброе слово,—отвѣтила Ягенка.

Потомъ она прибавила такимъ страннымъ голосомъ, отъ котораго сердце чеха растаяло окончательно:

— И тебя, Глава.

Разговоръ прекратился на минуту, но чехъ былъ доволенъ и собою, и тѣмъ, что сказалъ паненкѣ. «По крайней мѣрѣ, она того не кажется, что ей не отплатили неблагодарностью». И въ его доброй оловѣ зародились вопросы, что бы сказать еще что-нибудь, и черезъ минуту онъ заговорилъ:

— Паненка...

— Что?

— Такъ... ничего... я хотѣлъ сказать то же, что говорилъ тарому пану: что та-то пропала для него на вѣки и что онъ никогда ее не отыщетъ, хотя бы ему помогалъ самъ магистръ.

— Она его жена,—отвѣтила Ягенка.

Чехъ покачалъ головою.

— Такая и жена...

Ягенка не отвѣтила ничего, но уже дома, за ужиномъ, когда Ясько съ младшими братьями пошли спать, приказала принести кувшинъ меду и спросила у чеха:

— Ты, можетъ быть, спать хочешь, а то я хотѣла бы поговорить съ тобою немного.

Чехъ былъ сильно утомленъ дорогой, но готовъ былъ говорить хоть до утра, и они начали разговаривать, вѣрнѣе—онъ подробно сталъ рассказывать о приключеніяхъ своихъ, Збышка, Юранда и Дануси.

В. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛУЧАЙ ИЗЪ ПРАКТИКИ.

Р а з с к а з ъ .

Профессоръ получилъ телеграмму изъ фабрики Ляликовыхъ: его просили поскорѣе пріѣхать. Была больна дочь какой-то госпожи Ляликовой, повидимому, владѣлицы фабрики, и больше ничего нельзя было понять изъ этой длинной, безтолково составленной телеграммы. И профессоръ самъ не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ своего ординатора Королева.

Нужно было проѣхать отъ Москвы двѣ станціи и потомъ на лошадахъ версты четыре. За Королевымъ выслали на станцію тройку; кучеръ былъ въ шляпѣ съ павлиньимъ перомъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ громко, по-солдатски: «Никакъ нѣтъ!» — «Точно такъ!» Былъ субботній вечеръ, заходило солнце. Отъ фабрики къ станціи толпами шли рабочіе и кланялись лошадямъ, на которыхъ ѣхалъ Королевъ. И его плѣнялъ вечеръ, и усадьбы, и дачи по сторонамъ, и березы, и это тихое настроеніе кругомъ, когда, казалось, вмѣстѣ съ рабочими теперь, наканунѣ праздника, собирались отдыхать и поле, и лѣсъ, и солнце, — отдыхать и, быть можетъ, молиться...

Онъ родился и выросъ въ Москвѣ, деревни не зналъ и фабриками никогда не интересовался и не бывалъ на нихъ. Но ему случалось читать про фабрики и бывать въ гостяхъ у фабрикантовъ и разговаривать съ ними; и когда онъ видѣлъ какую-нибудь фабрику издали, или вблизи, то всякій разъ думалъ о томъ, что вотъ снаружи все тихо и смирно, а внутри, должно быть, непроходимое невѣжество и тупой эгоизмъ хозяевъ, скучный, нездоровый трудъ рабочихъ, дразни, водка, насѣкомыя... И теперь, когда рабочіе почти-тельно и пугливо сторонились коляски, онъ въ ихъ лицахъ, картузахъ, въ походкѣ угадывалъ физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность.

Вѣхали въ фабричныя ворота. По обѣ стороны мелькали до-

мики рабочихъ, лица женщинъ, бѣлье и одѣла на крыльцахъ «Берегись!» — кричалъ кучеръ, не сдерживая лошадей. Вотъ широкій дворъ безъ травы, на немъ пять громадныхъ корпусовъ съ трубами, другъ отъ друга поодаль, товарные склады, бараки, и на всемъ какой-то сѣрый налетъ, точно отъ пыли. Тамъ и сямъ, какъ оазисы въ пустынѣ, жалкіе садики и зеленые или красные крыши домовъ, въ которыхъ живетъ администрація. Кучеръ вдругъ осадилъ лошадей, и коляска остановилась у дома, выкрашеннаго заново въ сѣрый цвѣтъ; тутъ былъ палисадникъ съ сиренью, покрытой пылью, и на желтомъ крыльцѣ сильно пахло краской.

— Пожалуйте, господинъ докторъ, — говорили женскіе голоса въ сѣняхъ и въ передней; и при этомъ слышались вздохи и шепотъ. — Пожалуйте, заждались... чистое горе. Вотъ сюда пожалуйте.

Госпожа Ляликова, полная, пожилая дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная, смотрѣла на доктора съ тревогой и не рѣшалась подать ему руку, не смѣла. Рядомъ съ ней стояла особа съ короткими волосами, въ ріпсе-пез, въ пестрой цвѣтной кофточкѣ, тощая и уже не молодая. Прислуга называла ее Христиной Дмитріевной, и Королевъ догадался, что это гувернантка. Вѣроятно, ей, какъ самой образованной въ домѣ, было поручено встрѣтить и принять доктора, потому что она тотчасъ же, торопясь, стала излагать причины болѣзни, съ мелкими, назойливыми подробностями, но не говоря, кто боленъ и въ чемъ дѣло.

Докторъ и гувернантка сидѣли и говорили, а хозяйка стояла неподвижно у двери, ожидая. Изъ разговора Королевъ понялъ, что больна Лиза, дѣвушка 20 лѣтъ, единственная дочь госпожи Ляликовой, наследница; она давно уже болѣла и лѣчилась у разныхъ докторовъ, а въ послѣднюю ночь, съ вечера до утра, у нея было такое сердцебіеніе, что всѣ въ домѣ не спали; боялись, какъ бы не умерла.

— Она у насъ, можно сказать, съ малолѣтства была хворенькая, — рассказывала Христина Дмитріевна пѣвучимъ голосомъ, то и дѣло вытирая губы рукой. — Доктора говорятъ — нервы, но когда она была маленькой, доктора ей золотуху внутрь вогнали, такъ вотъ, думаю, можетъ отъ этого.

Пошли къ больной. Совсѣмъ уже взрослая, большая, хорошаго роста, но некрасивая, похожая на мать, съ такими же маленькими глазами и съ широкой, неуиѣренно развитой нижней частью лица, не причесанная, укрытая до подбородка, она въ первую минуту

извела на Королева впечатлѣніе существа несчастнаго, убогаго, которое изъ жалости пригрѣли здѣсь и укрыли, и не вѣрилось, что была наслѣдница пяти громадныхъ корпусовъ.

— А мы къ вамъ,—началъ Корольевъ,—пришли васъ лѣчить. Работуйте.

Онъ назвалъ себя и пожалъ ей руку,—большую, холодную, некривую руку. Она сѣла и, очевидно, давно уже привыкшая къ стонамъ, равнодушная къ тому, что у нея были открыты плечи и грудь, дала себя выслушать.

— У меня сердцебіеніе,—сказала она.—Всю ночь былъ та-
кой ужасъ... я едва не умерла отъ ужаса... Дайте мнѣ чего-нибудь.

— Дамъ, дамъ... Успокойтесь.

Корольевъ осмотрѣлъ ее и пожалъ плечами.

— Сердце, какъ слѣдуетъ,—сказалъ онъ,—все обстоитъ благополучно, все въ порядкѣ. Нервы подгуляли немножко, но это такъ обыкновенно... Припадокъ, надо думать, уже кончился, ложитесь себѣ спать.

Въ это время принесли въ спальню лампу. Больная прищурилась на свѣтъ и вдругъ охватила голову руками и зарыдала. И впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Корольевъ уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вса она казалась ему молодой, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лекарствами, не совѣтомъ, а простымъ ласковымъ словомъ. Мать взяла ее голову и прижала къ себѣ. Сколько отчаянія, сколько горби на лицѣ у старухи! Она, мать, вскормила, вырастила дочь, жалѣла ничего, всю жизнь отдала на то, чтобъ обучить ее французскому языку, танцамъ, музыкѣ, приглашала для нея докторовъ учителей, самыхъ лучшихъ докторовъ, держала гувернантокъ, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачѣмъ столько мукъ, не понимала и терялась, и у нея было виноватое, тревожное, отчаянное выраженіе, точно она упустила что-то еще очень важное, что-то еще не сдѣлала, кого-то еще не пригласила, а кого — не вѣстно.

— Лизанька, ты опять... ты опять,—говорила она, прижимая къ себѣ дочь.—Родная моя, голубушка, дѣточка моя, скажи, что съ тобой? Пожалѣй меня, скажи.

Обѣ горько плакали. Корольевъ сѣлъ на край постели и взялъ за руку.

— Полноте, стѣдуетъ ли плакать?—сказалъ онъ ласково.—Вѣдь

на свѣтъ нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы этихъ слезъ. Ну, не будемъ плакать, не нужно это...

А самъ подумалъ:

— «Замужъ бы ее пора»...

— Нашъ фабричный докторъ давалъ ей кали-бромати, — сказала гувернантка, — но ей отъ этого, я замѣчаю, только хуже. По моему, ужъ если давать отъ сердца, то капли... забыла, какъ называются... Ландышевыя, что ли...

И опять пошли всякія подробности. Она перебивала доктору, мѣшала ему говорить и на лицѣ у нея было написано старая точно она полагала, что, какъ самая образованная женщина дома, она была обязана вести съ докторомъ непрерывный разговоръ и непременно о медицинѣ. Королеву стало скучно.

— Я не нахожу ничего особеннаго, — сказалъ онъ, выходя изъ спальни и обращаясь къ матери. — Если вашу дочь лѣчилъ фабричный врачъ, то пусть и продолжаетъ лѣчить. Лѣченіе до сихъ поръ было правильное и я не вижу необходимости мѣнять врача. Чего мѣнять? Болѣзнь такая обыкновенная, ничего серьезнаго.

Онъ говорилъ не спѣша, надѣвая перчатки, а госпожа Иванова стояла неподвижно и смотрѣла на него заплаканными глазами.

— До десятичасового поѣзда осталось полчаса, — сказалъ онъ, — надѣюсь, я не опоздаю.

— А вы не можете у насъ остаться? — спросила она, и ее слезы потекли у нея по щекамъ. — Совѣстно васъ беспокоить, будьте такъ добры... ради Бога, — продолжала она вполголоса оглядываясь на дверь, — переночуйте у насъ. Она у меня единственная дочь... Напугала прошлую ночь, опомниться не могу... Не уѣзжайте, Бога ради...

Онъ хотѣлъ сказать ей, что у него въ Москвѣ много работы, что дома его ждетъ семья; ему было бы тяжело провести въ чуждомъ домѣ безъ надобности весь вечеръ и всю ночь, но онъ поглядѣвъ на ея лицо, вздохнулъ и сталъ молча снимать перчатки.

Въ залѣ и гостиной для него зажгли всѣ лампы и свѣчи. Онъ сидѣлъ у рояля и перелистывалъ ноты, потомъ осматривалъ картины на стѣнахъ, портреты. На картинахъ, написанныхъ масляными красками, въ золотыхъ рамахъ были виды Брыма, бурное море съ карабикомъ, католическій монахъ съ рюмкой, и все сухо, зализано, бездарно... На портретахъ ни одного красиваго интереснаго лица, все широкія скулы, удивленные глаза; у Лизы отца Лизы, маленькій лобъ и самодовольное лицо, мундиръ и комъ сидитъ на его большомъ не породистомъ тѣлѣ, на груди

тъ и знакъ Краснаго Креста. Культура бѣдная, роскошь случайная, не осмысленная, не удобная, какъ этотъ мундиръ; помы раздражаютъ своимъ блескомъ, раздражаетъ люстра, и вспоминается эчemu-то рассказъ про купца, ходившаго въ баню съ медалью на шеѣ; и вспоминается недавній плачь...

Изъ передней доносился шепотъ, кто-то тихо храпѣлъ. И вдругъ въ двора послышались рѣзкіе, отрывистые, металлическіе звуки, какіхъ Королевъ раньше никогда не слышалъ и какихъ не понималъ вперь; они отозвались въ его душѣ странно и неприятно.

«Кажется, ни за что не остался бы тутъ жить»...—подумалъ онъ и опять принялся за ноты.

— Докторъ, пожалуйста закусить!—позвала вполголоса гувернантка.

Онъ пошелъ ужинать. Столъ былъ большой, со множествомъ закусокъ и винъ, но ужинали только двое: онъ да Христина Дмитриевна. Она пила мадеру, быстро кушала и говорила, поглядывая на него через pince-nez:

— Рабочіе нами очень довольны. На фабрикахъ у насъ каждую минуту спектакли, сами рабочіе играютъ, ну чтенія съ волшебнымъ фономъ, великолѣпная чайная и, кажется, чего ужъ. Они намъ очень приверженные и когда узнали, что Лизанья хуже стало, заказали молебень. Необразованные, а вѣдь тоже чувствуютъ.

— Похоже, у васъ въ домѣ нѣтъ ни одного мужчины, — сказала Королевъ.

— Ни одного. Петръ Никанорычъ померъ полтора года назадъ, и мы однѣ остались. Такъ и живемъ втроемъ. Лѣтомъ здѣсь, а зимой въ Москвѣ на Полянкѣ. Я у нихъ уже одиннадцать лѣтъ живу. Какъ своя.

Ему ужину подавали стерлядь, куриныя котлеты и компотъ; вина были дорогія, французскія.

— Вы, докторъ, пожалуйста, безъ церемоній,—говорила Христина Дмитриевна, кушая, утирая ротъ кулачкомъ, и видно было, что она жила здѣсь въ свое полное удовольствіе. — Пожалуйста, кушайте.

Послѣ ужина доктора отвели въ комнату, гдѣ для него была приготовлена постель. Но ему не хотѣлось спать, было душно и въ комнатѣ пахло краской; онъ надѣлъ пальто и вышелъ.

На дворѣ было прохладно; уже брезжилъ разсвѣтъ и въ сыромъ воздухѣ ясно обозначались всѣ пять корпусовъ съ ихъ длинными трубами, бараки и склады. По случаю праздника не работали, было въ огняхъ темно, и только въ одномъ изъ корпусовъ горѣла еще

печь, два окна были багровы и изъ трубы выѣстъ съ дымоуъ и рѣдка выходилъ огонь. Далеко за дворомъ кричали лягушки и пѣ соловей.

Глядя на корпуса и на бараки, гдѣ спали рабочіе, онъ онѣ думалъ о томъ, о чемъ думалъ всегда, когда видѣлъ фабрики. Пус спектакли для рабочихъ, волшебные фонари, фабричныя докторы, разныя улучшения, но все же рабочіе, которыхъ онъ встрѣтилъ с годня по дорогѣ со станціи, ничѣмъ не отличаются по виду отъ тѣ рабочихъ, которыхъ онъ видѣлъ давнѣ въ дѣтствѣ, когда еще было фабричныхъ спектаклей и улучшеній. Онъ, какъ медикъ, правильно судившій о хроническихъ страданіяхъ, коренная причина которыхъ была непонятна и неизлѣчима, и на фабрики смотрѣ какъ на недоразумѣніе, причина котораго была тоже неясна и не устранима, и всѣ улучшения въ жизни фабричныхъ онъ не считалъ лишними, но приравнивалъ ихъ къ лѣченію неизлѣчимыхъ болѣзней.

«Тутъ недоразумѣніе, конечно... — думалъ онъ, глядя на багровыя окна. — Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь эти сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна, пожилая, глуповатая дѣвица и рипсе-пез. И выходитъ такъ, значить, что работаютъ всѣ эти нити корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру.

Вдругъ раздались странные звуки, тѣ самыя, которые Борзевъ слышалъ до ужина. Около одного изъ корпусовъ кто-то билъ въ металлическую доску, билъ и тотчасъ же задерживалъ звукъ, такъ что получались короткіе, рѣзкіе, нечистые звуки, похожіе на «дер... дер... дер...» Затѣмъ полминуты тишины и у другомъ корпуса раздались звуки, такіе же отрывистые и непріятные, только болѣе низкіе, басовые — «дрин... дрын... дрын...» Одиннадцать разъ. Очевидно, это сторожа били одиннадцать часовъ.

Послышалось около третьяго корпуса: «жак... жак... жак...» И такъ около всѣхъ корпусовъ и потомъ за бараками и за воротами.

И похоже было, какъ будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище съ багровыми глазами, самъ дьяволъ, который владѣлъ тутъ и хозяевами, и рабочими, и обманывалъ и тѣхъ, и другихъ.

Королевъ вышелъ со двора въ поле.

— Кто идетъ?—окликнули его у воротъ грубымъ голосомъ

«Точно въ острогѣ»...—подумалъ онъ и ничего не отвѣтилъ.

Здѣсь соловьи и лягушки были слышнѣе, чувствовалась майская ночь. Со станціи доносился шумъ поѣзда; кричали гдѣ-то сонныя пѣтухи, но все же ночь была тиха, міръ покойно спалъ. Въ полѣ не далеко отъ фабрики стоялъ срубъ, тутъ былъ сложенъ матеріалъ для постройки. Королевъ сѣлъ на доски и продолжалъ думать:

«Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается—это дьяволъ».

И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и оглядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что эти багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку. Такъ думалъ Королевъ, сидя на доскахъ, и мало-по-малу имъ овладѣло настроеніе, какъ будто эта неизвѣстная, таинственная сила въ самомъ дѣлѣ была близко и смотрѣла. Между тѣмъ, востокъ становился все блѣднѣе, время шло быстро. Тягъ корпусовъ и трубы на сѣромъ фонѣ разсвѣта, когда кругомъ не было ни души, точно вымерло все, имѣли особенный видъ, не такой, какъ днемъ; совсѣмъ вышло изъ памяти, что тутъ внутри паровые двигатели, электричество, телефоны, но какъ-то все думалось о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, безсознательной силы...

И опять слышалось:

— Дер... дер... дер... дер...

Двѣнадцать разъ. Потомъ тихо, тихо полминуты и—раздается въ другомъ концѣ двора:

— Дрын... дрын... дрын...

— Ужасно непріятно!—подумалъ Королевъ.

— Жак... жак...—раздалось въ третьемъ мѣстѣ отрывисто, рѣзко, точно съ досадой,—жак... жак...

И чтобы пробить двѣнадцать часовъ, понадобилось минуты четыре. Потомъ затихло; и опять такое впечатлѣніе, будто вымерло все кругомъ.

Королевъ посидѣлъ еще немного и вернулся въ домъ, но еще долго не ложился. Въ сосѣднихъ комнатахъ шептались, слышалось шлепанье туфель и босыхъ ногъ.

— Ужъ не опять ли съ ней припадокъ?—подумалъ Королевъ.

Онъ вышелъ, чтобы взглянуть на больную. Въ комнатахъ было уже совсѣмъ свѣтло и въ залѣ на стѣнѣ и на полу дрожалъ слабый солнечный свѣтъ, проникшій сюда сквозь утренній туманъ. Дверь въ комнату Лизы была отворена, и сама она сидѣла въ креслѣ около постели, въ капотѣ, укутанная въ шаль, непричесанная. Сторы на окнахъ были опущены.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ Королевъ.

— Благодарю васъ.

Онъ потрогалъ пульсъ, потомъ поправилъ ей волосы, упавшіе на лобъ.

— Вы не спите,—сказалъ онъ.—На дворѣ прекрасная погода, весна, поютъ соловьи, а вы сидите въ потемкахъ и о чемъ-то думаете.

Она слушала и глядѣла ему въ лицо; глаза у нея были грустные, умные и было видно, что она хочетъ что-то сказать ему.

— Часто это съ вами бываетъ?—спросилъ онъ.

Она пошевелила губами и отвѣтила:

— Часто. Мнѣ почти каждую ночь тяжело.

Въ это время на дворѣ сторожа начали бить два часа. Послышалось—«деръ... деръ...» и она вздрогнула.

— Васъ беспокоятъ эти стуки?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Меня тутъ все беспокоитъ,—отвѣтила она и задумалась.—Все беспокоитъ. Въ вашемъ голосѣ мнѣ слышится участіе, мнѣ съ перваго взгляда на васъ почему-то показалось, что съ вами можно говорить объ всемъ.

— Говорите, прошу васъ.

— Я хочу сказать вамъ свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что у—

не болѣзнь, а беспокоюсь я и мнѣ страшно, потому что такъ должно и иначе быть не можетъ. Даже самый здоровый человѣкъ не можетъ не беспокоиться, если у него, напримѣръ, подъ окномъ ходитъ разбойникъ. Меня часто лѣчатъ, — продолжала она, глядя себѣ въ колѣни, и улыбнулась застѣнчиво, — я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лѣченія, но мнѣ хотѣлось бы поговорить не съ докторомъ, а съ близкимъ человѣкомъ, съ другомъ, который бы понималъ меня, убѣдилъ бы меня, что я права или неправа.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей? — спросилъ Королевъ.

— Я одинока. У меня есть мать, я люблю ее, но все же я одинока. Такъ жизнь сложилась... Одинокіе много читаютъ, но мало говорятъ и мало слышать, жизнь для нихъ таинственна; они мистики и часто видятъ дьявола тамъ, гдѣ его нѣтъ. Тамара у Лермонтова была одинока и видѣла дьявола.

— А вы много читаете?

— Много. Вѣдь у меня все время свободно, отъ утра до вечера. Днемъ читаю, а по ночамъ — пустая голова, вмѣсто мыслей какія-то тѣни.

— Вы что-нибудь видите по ночамъ? — спросилъ Королевъ.

— Нѣтъ, но я чувствую...

Она опять улыбнулась и подняла глаза на доктора и смотрѣла такъ грустно, такъ умно; и ему казалось, что она вѣрить ему, хочетъ говорить съ нимъ искренно и что она думаетъ такъ же, какъ онъ. Но она молчала и, быть можетъ, ждала, не заговорить ли онъ..

И онъ зналъ, что сказать ей; для него было ясно, что ей нужно поскорѣе оставить эти пять корпусовъ, и миллионъ, если онъ у нея есть, оставить этого дьявола, который по ночамъ смотреть; для него было ясно также, что такъ думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она вѣрить, подтвердилъ это

Но онъ не зналъ, какъ это сказать. Какъ? У приговоренныхъ людей стѣсняются спрашивать, за что они приговорены; такъ и у очень богатыхъ людей неловко бываетъ спрашивать, для чего имъ такъ много денегъ, отчего они такъ дурно распоряжаются своимъ богатствомъ, отчего не бросаютъ его, даже когда видятъ въ немъ свое несчастье; и если начинаютъ разговоръ объ этомъ, то выходитъ онъ обыкновенно стыдливый, неловкій, длинный.

— Какъ сказать? — раздумывалъ Королевъ. — Да и нужно ли говорить?

И онъ сказалъ то, что хотѣлъ, не прямо, а окольнымъ путемъ.

— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы

недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная бессонница; какъ бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы не мыслимъ такой разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей, или внуковъ вопросъ этотъ, — правы они, или нѣтъ, — будетъ уже рѣшонъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть.

— Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки? — спросила Лиза.

— Не знаю... Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

— Куда уйдутъ?

— Куда?... Да куда угодно, — сказалъ Королевъ и засмѣялся.

Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку.

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже солнце взошло однако, — сказалъ онъ. — Вамъ пора спать. Раздѣвайтесь и спите себѣ во здравіе. Очень радъ, что познакомился съ вами, — продолжалъ онъ, пожимая ей руку. — Выславный, интересный человѣкъ. Спокойной ночи!

Онъ пошелъ къ себѣ и легъ спать.

На другой день утромъ, когда подали экипажъ, всѣ вышли на крыльцо проводить его. Лиза была по-праздничному въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣткомъ въ волосахъ, блѣдная, томная; она смотрѣла на него, какъ вчера, грустно и умно, улыбалась, говорила и все съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла сказать ему что-то особенное, важное, — только ему одному. Было слышно, какъ пѣли жаворонки, какъ звонили въ церкви. Она въ фабричныхъ корпусахъ весело сіяла и, проѣзжая черезъ дворъ и потомъ по дорогѣ къ станціи, Королевъ уже не помнилъ ни о рабочихъ, ни о свайныхъ постройкахъ, ни о дьяволѣ, а думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлою и радостною, какъ это тихое, воскресное утро; и думалъ о томъ, какъ это пріятно въ такое утро, весной, ѣхать на тройкѣ, въ хорошей коляскѣ и грѣться на солнышкѣ.

Антонъ Чеховъ.

Воспоминанія по поводу чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго.

Боже мой, до чего мы, старики, дожили! Мы видимъ передъ собою
анное для насъ зрѣлище. Чествуется безбоязненно, открыто, торжествен-
и, говоря высокими слогами, почти всенародно, безъ всякихъ помѣхъ
особенныхъ препятствій и безъ чего-либо еще горшаго — память
Г. Бѣлинскаго, того самаго Бѣлинскаго, который во времена нашей
ести былъ подъ спудомъ, имя котораго было тогда запретнымъ и се-
тымъ, произносилось только втихомолку, съ оглядкой и опаской, какъ
не-нибудъ страшное «слово и дѣло» и котораго только смертельная
бѣза и смерть избавила отъ предстоявшаго ему, но нежеланнаго имъ
комства съ особой, которая считала себя «хозяиномъ» русской печати,
и это было съ Добролюбовымъ. Нынѣшнее поколѣнiе и даже поколѣнiе
предшествующее едва ли могутъ представить себѣ живо и ясно, ка-
къ тяжелымъ и удушливымъ туманомъ было окружено лѣтъ 50 тому на-
зъ знаменитое и ярко блестящее нынѣ имя отца русской литературной
общественной критики. И современники Бѣлинскаго съ ужасомъ отскочили
отъ человѣка, который отважился бы тогда открыто чествовать его,
живого или мертвого.

Бѣлинскій почти незамѣтно сошелъ съ жизненнаго поприща и никто
еще не помянулъ его добрымъ словомъ или даже хоть дурнымъ сло-
мъ, не говоря уже о вѣнкахъ, прочувствованныхъ рѣчахъ и т. п. (см.
эроны Достоевскаго, Некрасова, Тургенева, Салтыкова). Два журнала,
которыхъ онъ работалъ, *Современникъ* и *Отечественныя Записки*,
нѣсколькихъ строкахъ кратко сообщили объ его смерти. «Очевидно, —
суждаетъ г. Пыпинъ, — они не могли сказать больше» (стр. 561). Прошло
только лѣтъ; бренное тѣло Бѣлинскаго стало уже, конечно, вполне жер-
ю тѣлвн въ самомъ послѣднемъ и самомъ сыромъ разрядѣ самаго пле-
скаго въ Петербургѣ Волкова кладбища; можно было надѣяться и ожи-
тъ, что подъ влiянiемъ времени страхъ передъ открытiемъ имени Бѣлин-
ко если не совершенно пройдетъ, то по крайней мѣрѣ значительно
убѣетъ. Однако, несмотря на время, это имя продолжало оставаться

подъ спудомъ и быть страшнымъ. Въ 1855 году, значить черезъ семь лѣтъ по смерти Бѣлинскаго, въ *Современникѣ* начался печатаніемъ рядъ весьма замѣчательныхъ по тому времени статей *Очерки юголевскаго періода русской литературы*, изданныхъ теперь въ 1892 году отдѣльною книгой. первая статья явилась въ послѣдней декабрьской книжкѣ журнала за указанный 1855 годъ. По мысли автора, въ области критики описываемаго періода Бѣлинскій занималъ первое мѣсто и былъ руководящимъ и проложившимъ путь борцомъ и представлялъ собою, такъ сказать, центральную фигуру въ той картинѣ, которую рисовалъ авторъ въ своихъ статьяхъ. Однако же въ первыхъ четырехъ статьяхъ авторъ не отваживался назвать Бѣлинскаго по имени, говорилъ объ немъ подъ прикрытіемъ фигурныхъ словъ: *авторъ статей о Пушкинѣ; критикъ, которому принадлежатъ статьи о Пушкинѣ*; иногда называлъ его существительнымъ именемъ *критикомъ юголевскаго періода за отсутствіемъ (?) собственнаго имени* а иногда просто *человѣкомъ, который былъ органомъ этой критики*. Цензоръ вовсе не цензоръ вычеркивалъ въ статьяхъ имя Бѣлинскаго, а самъ авторъ не отваживался писать это имя. Мы имѣли случай видѣть цензурную корректуру этихъ статей. Цензоръ сильно кромсалъ ихъ и даже переламывалъ въ нихъ фразы. Курьезно при этомъ то, что цензоръ не переставалъ передѣлывать и измѣнять выдержки изъ печатныхъ статей Бѣлинскаго, въ свое время передъ напечатаніемъ уже, конечно, строго процензурованныхъ, такъ что незнающій человѣкъ могъ упрекнуть автора въ то, что онъ искажаетъ выдержки изъ статей Бѣлинскаго, приводитъ ихъ точно и съ измѣненіями. Въ одной, наприм., изъ такихъ выдержекъ, введенной въ послѣдней статьѣ *Очерковъ*, Бѣлинскій, защищая «натуральную школу» отъ упрековъ въ томъ, что она занимается изображеніемъ только грубаго простонародья, однихъ мужиковъ, спрашиваетъ: *а развѣ мужикъ не человѣкъ?* Цензоръ вычеркнулъ этотъ опасный вопросъ. той же выдержкѣ Бѣлинскій развиваетъ мысль, что многимъ не нравятся произведенія натуральной школы просто потому, что въ этихъ произведеніяхъ часто описываются непріятныя для нихъ вещи. Наприм., какойнибудь помѣщикъ естественно не понравится такого рода произведеніе: «Проклятая книга рассказываетъ ему подвиги его Никиты Федорыча, издѣлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чуждымъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителей своего барина. И ему-то, не знакомому ни съ какими человѣческими чувствами, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ.» Послѣднія слова цензоръ вычеркнулъ и вмѣсто ихъ написалъ: *поручено править имѣніемъ.* Тѣмъ строгій и храбрый цензоръ, вторично цензуровавшій и исправлявшій неоднократно процензурованное, одобренное цензурою и напечатанное, конечно не постѣснялся бы вычеркнуть изъ статей имя Бѣлинскаго. Но въ тогдѣ и дѣло, что этого имени не было въ авторскомъ оригиналѣ и въ цензурныхъ корректурныхъ листахъ; авторъ напередъ былъ вполне убѣжденъ, что это имя невозможно въ печати, что писать его значило бы понапрасну

раздражать цензора и задавать ему лишнюю работу, и потому предпочелъ вовсе не трогать этого имени и ограничиться только указанными обилиями.

Наконецъ, только уже въ пятой статьѣ *Очерковъ*, совершенно неожиданно и къ великому изумленію свѣдущей публики, было пропечатано чистымъ русскимъ языкомъ и полными русскими буквами: *Главнымъ деятелемъ критики золотвскаго періода былъ Бѣлинскій*. Такимъ образомъ открытіе изъ-подъ спуда и явленіе въ печати имени Бѣлинскаго послѣдовало въ юлѣ мѣсяцѣ, 1856 года, спустя 8 лѣтъ послѣ его смерти. А затѣмъ постепенно это имя стало привычнымъ и ходячимъ. Страхъ къ самому Бѣлинскому прошелъ и дѣло дошло до того, что въ 1859 г. стали издаваться его сочиненія, что, разумѣется, привело въ неописанный восторгъ его почитателей и всѣхъ друзей русской литературы. У Добролюбова этотъ восторгъ выразился такимъ образомъ. «Въ литературѣ нашей,—писалъ онъ въ *Современникъ*,—не можетъ быть новости отраднѣе той, которая теперь только что явилась изъ Москвы. *Наконецъ, сочиненія Бѣлинскаго издаются!* Первый томъ уже напечатанъ и полученъ въ Петербургѣ; слѣдующіе, говорятъ, не замедлятъ. *Наконецъ-то! Наконецъ-то!*... Что бы ни случилось съ русскою литературой, какъ бы пышно ни развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славою, ея украшеніемъ... Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди исполненные энтузіазма къ этому гениальному человѣку, и, конечно, это лучшіе люди Россіи!... Для нихъ навѣрно ни одна изъ нашихъ новостей не могла быть столь радостною, какъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. *Давно мы ждали его, и наконецъ дождались!* Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ напомнятъ намъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ, беззабѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности... Жизнь обманула насъ, какъ обманула и его; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святого восторга, тотъ вдохновенный трепетъ, тѣ чистыя, безкорыстныя увлеченія и мечты, которымъ можетъ быть никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться трудно и больно... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего развитія, въ немъ же и *тяжкій, горькій, неизгладимый упрекъ нашему обществу.*»

Послѣ столь продолжительныхъ ожиданій подобный радостный восторгъ вполне понятенъ. Въ этомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго были напечатаны полностью всѣ мѣста, вычеркнутыя петербургскимъ цензоромъ въ выдержкахъ, приведенныхъ въ *Очеркахъ*, а мѣста измѣненные и ослабленные имъ явились въ первоначальномъ подлинномъ видѣ, какъ они напечатаны были въ первый разъ. Такимъ образомъ Никитѣ Федорычу здѣсь

поручено было уже не *править имѣніемъ*, а *поручена судьба и участіе Антонова*. Также точно смутившій петербургскаго цензора вопросъ *а разет мужикъ не человекъ?* снова увидѣлъ свѣтъ и стоялъ на своемъ мѣстѣ.

Несмотря на то, что въ началѣ 1850 годовъ имя Бѣлинскаго находилось еще подъ спудомъ, мы, воспитанники одной провинціальной семинаріи, жившіе за городомъ въ самомъ строгомъ интернатѣ, отдѣленные отъ вѣшняго міра китайскою стѣной,—уже какимъ-то образомъ прослышали объ этомъ имени и знали, что оно запретное, страшное. Трудно сказать, кн насъ въ первый разъ познакомили съ этимъ именемъ, одинъ ли изъ нашихъ служителей, или кто-нибудь изъ вѣшняго міра; но можно утверждать навѣрное, что мы слышали его не отъ нашихъ профессоровъ. Положеніе относительно служителя съ перваго раза можетъ показаться страннымъ; но въ немъ нѣтъ ничего страннаго или невѣроятнаго. И вотъ почему. Былъ у насъ одинъ замѣчательный служитель, личность весьма оригинальная и очень загадочная. По вѣшнему виду онъ казался ли перворазряднымъ лакеемъ, или третьеразряднымъ интеллигентомъ. Самъ онъ, совершенно подобно Чичикову, избѣгалъ говорить о себѣ, и если говорилъ, то самыми общими мѣстами и тоже утверждалъ, что онъ страдаетъ за правду. Онъ по своему умственному уровню и развитію рѣзко выделялся изъ среды своихъ товарищей, большею частью отставныхъ солдатъ, которые чувствовали его превосходство надъ собою, хотя имъ крайне непріятно было его презрительное отношеніе къ нимъ и они съ злорадствомъ сообщали намъ по секрету, на ушко, будто его въ Москвѣ публично на площади выпороли розгами за то, что онъ подалъ какое-то прошеніе московскому генералъ-губернатору. Мы сами считали нежелательнымъ разспрашивать его объ этомъ, боясь его обидѣть. Онъ при всякой возможности вступалъ въ разговоры съ нами, заводилъ бесѣды и развлекалъ насъ самыми разнообразными рассказами. Во время этихъ бесѣдъ онъ изустно прекрасно декламировалъ намъ не напечатанные стихотворенія Пушкина и рассказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ новой русской исторіи. Эти рассказы просто ошеломили насъ; мы имъ не вѣрили и не хотѣли вѣрить, до того они противорѣчили всему складу нашихъ тогдашнихъ понятій и горячо опровергали ихъ съ учебникомъ Устрялова въ рукахъ, такъ какъ въ немъ не было даже малѣйшаго намёка на рассказанные эпизоды. Онъ же, къ нашему удивленію, относился къ нашимъ возраженіямъ и опроверженіямъ совершенно спокойно, даже полупрезрительно, вовсе не спорилъ съ нами, а только говорилъ: вы здѣсь живете, какъ въ монастырѣ, и ничего не знаете, кромѣ вашихъ книгъ, въ которыхъ многого не показано. Вотъ ежели бы вы жили въ Москвѣ, да послушали, что тамъ говорятъ, такъ узнали бы больше, чѣмъ изъ вашихъ книгъ. И дѣйствительно, его рассказы, какъ мы впоследствии убѣдились, въ общемъ были совершенно вѣрны, хотя въ подробностяхъ было много разукрашеннаго, вѣроятно, его

обшественною фантазій.—Такой субъектъ, конечно, могъ сообщить намъ о существованіи Бѣлинскаго, о которомъ онъ могъ слышать въ Москвѣ отъ лицъ, познакомившихъ его съ не напечатанными стихотвореніями Пушкина.

Но какъ бы то ни было, благодаря ли служителю или кому-либо другому, мы знали имя Бѣлинскаго; намъ даже было извѣстно, что оно запретное, что нашъ профессоръ словесности иногда въ своихъ объясненіяхъ на урокахъ повторяетъ сужденія и остроты этого Бѣлинскаго, но боится называть его по имени. Все это возбуждало въ насъ большой интересъ къ этому человѣку, котораго почему-то всѣ такъ боялись. Что же это за страшное имя такое, думали мы себѣ, и что же такого особеннаго написалъ или надѣлалъ этотъ страшный Бѣлинскій? Долго мы ломали голову надъ этимъ вопросомъ и не могли найти никакого отвѣта на него. Вотъ Пушкинъ, разсуждали мы, сочинялъ предосудительныя вольныя стихотворенія, которыя нельзя было печатать. Однако же изъ-за этого не стало страшнымъ и запретнымъ имя Пушкина, и оно вездѣ бросалось намъ въ глаза,—въ риторикѣ и пѣтикѣ, въ хрестоматіяхъ, въ исторіи литературы, и намъ задавали учить наизусть многія страницы его стихотвореній. Если Бѣлинскій написалъ что-нибудь подобное, вольное и такое, что не могло быть напечатано, то почему же, спрашивали мы себя, вслѣдствіе одного этого имя его сдѣлалось страшнымъ и таинственнымъ, между тѣмъ какъ при совершенно подобныхъ же обстоятельствахъ не случилось того же съ именемъ Пушкина. Нѣтъ, заключали мы, вѣроятно, Бѣлинскій написалъ что-нибудь еще болѣе вольное, чѣмъ Пушкинъ, а можетъ быть еще и надѣлалъ что-нибудь. Понятно, какъ все это должно было усиливать и разжигать нашъ интересъ къ Бѣлинскому и къ вопросу о томъ, почему именно это имя держится подъ спудомъ и подъ страхомъ.

Въ послѣднемъ вышемъ классѣ семинаріи намъ удалось узнать и прочесть нѣсколько статей Бѣлинскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* и въ *Современникѣ*. Въ статьяхъ было для насъ много новаго и крайне интереснаго; но чего-нибудь страшнаго или особенно вольнаго мы не нашли въ нихъ, и нашъ вопросъ ни на юту не подвинулся къ своему рѣшенію. Въ одной изъ статей умалились великій Державинъ и другіе прежде славные поэты. Намъ это не показалось особенно вольнымъ и дерзкимъ, такъ какъ нашъ профессоръ словесности даже въ знаменитой нѣкогда, въ *chef d'oeuvre*, одѣ Боя, которою онъ вообще восторгался, находилъ нигде не годными первыя строфы ея какъ по мыслямъ, такъ и по неуклюжести стиховъ; наприм., въ стихѣ *Живой съ движеніи вещества*, мысль онъ называлъ еретическою и пантеистическою, а неблагозвучность стиха находилъ достойною Тредьяковского. А другіе славные поэты тѣмъ менѣе могли быть славными въ глазахъ нашего профессора, а слѣдовательно—и нашихъ. Далѣе въ прочитанныхъ нами статьяхъ Бѣлинскій восторгался Гоголемъ, превозносилъ его великія заслуги въ литературѣ, въ которой съ него и благодаря ему началась новая цвѣтущая эра. Но мы сами были проникнуты таимъ же восторгомъ къ Гоголю, благодаря тому же профессору словесности,

который съ наслажденіемъ и мастерски читалъ намъ въ классѣ лучшія мѣста изъ сочиненій Гоголя, которые мы знали почти наизусть. Конечно, мы чувствовали, что сочиненія Гоголя тоже съ вольнымъ душекомъ; но въ нихъ же не было ничего особенно вольнаго или вообще предосудительнаго, и они же въ хрестоматіи, посвященной министру народнаго просвѣщенія, рекомендовались учащемуся юношеству въ поученіе и какъ образцы, достойные подражанія, и потому восторженная оцѣнка Гоголя не могла считаться предосудительнымъ литературнымъ проступкомъ. Такимъ образомъ и послѣ знакомства со многими статьями Бѣлинскаго намъ попрежнему казалось, что литературныя преступленія Бѣлинскаго, если даже считать ихъ преступленіями, далеко не соответствовали его литературному наказанію, т.-е. строжайшему литературному ostracismу и содержанію его писемъ подъ спудомъ и подъ страхомъ. Нѣтъ, попрежнему думалось намъ, должно быть, Бѣлинскій натворилъ чего-нибудь болѣе вольнаго и предосудительнаго; но чего же именно? И вопросъ нашъ попрежнему оставался вопросомъ.

Наконецъ, уже по переселеніи въ Петербургъ, въ духовную академію, намъ по секрету указали на зальцбрунское письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, какъ на самую сильную улику, какъ на страшное «слово и дѣло» Бѣлинскаго, за имѣніе и чтеніе котораго виновныхъ предавали строгому суду и подвергали еще болѣе строгимъ наказаніямъ. Большихъ трудовъ стоило намъ раздобыть это страшное и многообѣщавшее для насъ письмо. Но вотъ мы достали и съ замираніемъ сердца прочли это письмо и — были сильно разочарованы и раздосадованы. По прочтеніи письма нашъ вопросъ еще дальше отодвинулся назадъ отъ своего рѣшенія и сталъ еще болѣе неяснымъ и труднымъ. Да, въ этомъ письмѣ довольно вольнаго духу и съ этой стороны оно предосудительно и недозволительно; но чего-нибудь особеннаго, а тѣмъ паче страшнаго и заслуживающаго строгихъ литературныхъ наказаній мы въ немъ не нашли. Если это письмо, рассуждали мы, есть самая сильная улика противъ Бѣлинскаго и если затѣмъ онъ не призналъ ничего горшаго, и если по всей строгости онъ не можетъ быть признанъ невиновнымъ, то ему должно быть дано полное снисхожденіе. Въ стихотвореніяхъ Пушкина, какъ въ тѣхъ, которыя намъ декламировалъ нашъ служитель, такъ и въ другихъ подобныхъ, которыя намъ удавалось читать въ рукописяхъ, было несравненно больше этого вольнаго духа. И какъ нарочно въ это самое время намъ попали въ руки нѣсколько русскихъ книжекъ, напечатанныхъ, впрочемъ, *in partibus infidelium* и напомнившихъ намъ нѣкоторые рассказы нашего служителя. Въ нихъ самый необузданный вольный духъ бурлилъ и бушевалъ, какъ расходившееся море, и по сравненію съ ними письмо Бѣлинскаго показалось намъ невиннѣйшимъ лепетомъ наивнѣйшаго младенца. Послѣ всего этого мы еще менѣе были въ состояніи разрѣшить нашъ «проклятый» вопросъ, почему вообще содержалось подъ спудомъ имя Бѣлинскаго, почему содержалось такъ долго и что въ немъ было такого страшнаго. Вопросъ этотъ и до сихъ поръ остается для насъ такимъ же «проклятымъ» неразрѣшеннымъ вопросомъ, какимъ былъ при самомъ

вомъ его возникновеніи. И кажется, вообще, это—вопросъ неразрѣшимъ; по крайней мѣрѣ рациональное рѣшеніе его едва ли возможно. Въ томъ дѣлѣ, объясните намъ, пожалуйста, кто можетъ, почему даже къ вѣчному чествованію памяти Бѣлинскаго официальная педагогія отнѣсась черезчуръ сдержанно, чтобы не сказать больше?

Нинеходимъ сказать, насъ такъ же сильно занималъ, можно даже сказать—раздражалъ и мучилъ, другой «проклятый» вопросъ, совершенно аналогичный настоящему и относящійся къ сюжету изъ области послѣ гоголевскаго періода нашей литературы. Относительно этого сюжета можно поставить буквально тѣ же самые вопросы, какіе мучили насъ относительно Бѣлинскаго, и повторить буквально то же самое, что было сказано по поводу ихъ вопросовъ. И этотъ другой нашъ «проклятый» вопросъ тоже кажется разрѣшимымъ и не допускаетъ рациональнаго разрѣшенія. Кто проживетъ въ лѣтъ пятьдесятъ, тотъ, можетъ быть, дождется открытаго чествованія и этого сюжета,—такого же чествованія, какое мы устраиваемъ нынѣ и Бѣлинскаго. И исторія явится утѣшительницей и воздаятельницей задѣлъ числомъ за давнія заслуги!

По поводу этого послѣдняго чествованія, и вообще по поводу подобныхъ посмертныхъ съ 50-лѣтнею давностью чествованій неотвязчиво наваливается на отвѣтъ такой вопросъ: какъ относятся выдающіеся дѣятели во всѣхъ областяхъ и въ частности въ литературѣ къ этимъ слишкомъ поздалымъ посмертнымъ чествованіямъ или, выражаясь высокимъ слогомъ, поговорами потомства, къ справедливому суду исторіи, и какое удовлетвореніе или поддержку среди тяжелыхъ тревоженій ихъ жизни доставляетъ имъ мысль о торжественномъ признаніи потомствомъ ихъ заслугъ и о пятидесятилѣтнихъ чествованіяхъ. И въ нашемъ данномъ случаѣ какъ отнесся многострадаальный Бѣлинскій къ тому, еслибы кто-нибудь въ мучительныя минуты сомнѣній его въ успѣхъ своего дѣла и своей дѣятельности, при выносимомъ гнетѣ окружавшихъ его внѣшнихъ условій, сталъ бы утѣшать его такими словами: Эхъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, успокойтесь, забудьте ваши сомнѣнія, забудьте всѣ невзгоды; ваша дѣятельность плодотворна и ваше дѣло, хоть и поздно, но непременно восторжествуетъ; поспѣйте васъ оцѣнить; не пройдетъ и 50 лѣтъ, какъ русскіе люди съ восторгомъ будутъ произносить ваше славное имя; вамъ поставятъ памятникъ, въ честь вашу откроютъ библіотеки и школы, вашимъ именемъ станутъ звать улицы въ столицахъ и большихъ городахъ и т. д. До какой степени ободрили бы Бѣлинскаго и облегчили его жгучія внутреннія страданія подобныя утѣшительныя предсказанія, даже еслибы онъ повѣрилъ ихъ истинности и исполнимости? Что сказалъ бы Пушкинъ, еслибы ему люди горькихъ и жгучихъ терзаній читали въ утѣшеніе и назиданіе произведеніе г. Соловьева *Судьба Пушкина*?

Дѣйствительно, бывали примѣры въ исторіи, когда дѣятели ея при временныхъ припадкахъ сомнѣній и отчаянія и при упадкѣ духа ободряли себя мыслью о признаніи ихъ заслугъ потомствомъ и о справедливой оцѣнкѣ

ихъ исторіей. Многіе первоклассные и даже второклассные поэты твердо были увѣрены въ своемъ безсмертіи и утѣшали себя мыслью о памятникѣхъ и о чествованіяхъ потомства. Одинъ великій ученый въ предисловіи къ своему трактату говорить, что если современники не поймутъ и не оцѣнятъ его, то лѣтъ черезъ сто найдутся читатели, которые поймутъ и оцѣнятъ; писатель, говорилъ онъ, можетъ подождать сто лѣтъ подходящаго читателя, если наука ждала такого автора, какъ онъ, нѣсколько сотъ лѣтъ. И можетъ быть, дѣйствительно, великіе дѣятели въ то время, когда они приносятъ «священные жертвы» въ храмахъ ихъ дѣятельности, въ минуты одушевленія и особеннаго подъема ихъ духа, возвышаются надъ всѣмъ низменнымъ, ихъ окружающимъ, забываютъ всѣ тернія на своемъ пути и обращаютъ свои взоры къ потомству, къ исторіи. Но въ обыденной жизни, среди суетнаго свѣта, въ той безсмысленной, жестокой и безжалостной стѣнѣ, которая одинаково тѣснитъ и давитъ и великихъ и малыхъ людей, въ томъ великомъ житейскомъ омутѣ, который Салтыковъ называлъ «мучачами жизни»,—едва ли мысль о потомствѣ и объ исторіи можетъ служить утѣшеніемъ даже для самыхъ великихъ людей. Да и вообще мечта о признаніи и чествованіяхъ по истеченіи пятидесятилѣтней давности, этотъ журавль въ небѣ, едва ли можетъ облегчить тѣ страданія и муки, которые часто причиняютъ выдающимся дѣятелямъ ихъ современники.

Въ *Очеркахъ Гоголевскаго періода* авторъ, говоря о томъ, что по смерти Надеждина, извѣстнаго литератора, сразу оцѣнивашаго Бѣлинскаго, всѣ соединились въ похвалахъ умершему, котораго не читали при жизни,—высказалъ такое сожалѣніе: «Жаль только, что хвалы не проникаютъ въ нѣдра» (отдѣльное изданіе *Очерковъ*, стр. 174). И дѣйствительно, для Надеждина было бы гораздо пріятнѣе услышать такіа, хотя бы не единодушныя, похвалы при жизни. И Добролюбовъ даже о ближайшихъ, такъ сказать, немедленныхъ посмертныхъ признаній и чествованій думалъ не только не съ удовольствіемъ, но даже съ непріятнымъ чувствомъ досады и даже негодованія и мысль о нихъ не только не утѣшала, но даже болѣзненно раздражала его. Вотъ его извѣстное стихотвореніе, такъ сказать, предсмертное:

„Пускай умру—печали мало,
Одно страшить мой умъ больной—
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердіи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любяи предметомъ я,

Чтобъ все, чего желалъ такъ жажно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбулось мнѣ отрадно
Надъ рабочею моею доской“.

По всей вѣроятности, не одному Добролюбову, но и всякому дѣятелю было бы пріятнѣе и для успѣха его дѣятельности полезнѣе получить при жизни хоть частицу того, что сулятъ ему по смерти потомство и исторія. То, что, напримѣръ, значать для не существующаго Бѣлинскаго всѣ наши восторженныя чествованія его имени и прославленія его заслугъ? Рѣшительно ничего не значать; наши хвалы не проникнуть въ его могилу. Какъ же точно наши на полвѣка запоздавшія чествованія нисколько, ни в одну юту не изглаждать того горькаго неизгладимаго упрека русскому обществу изъ-за Бѣлинскаго, о которомъ говорилъ Добролюбовъ.—Изъ всего того, между прочимъ, вытекаетъ для насъ тотъ урокъ, что при нашихъ чествованіяхъ всякихъ умершихъ дѣятелей, особенно литературныхъ, намъ и слѣдовало бы забывать о живыхъ и при такихъ случаяхъ задавать себѣ вопросъ: не бѣдствуютъ ли среди насъ и вслѣдствіе нашей небрежности востойпѣйшіе изъ нашихъ современныхъ, хотя бы и скромныхъ дѣятелей? Это какъ часто,—да не только часто, но почти въ каждомъ некрологѣ, и въ скромнаго, но почтеннаго литературнаго работника приходится читать, что онъ постоянно бѣдствовалъ, голодалъ и умеръ чуть не съ голоду, оставивъ семью безъ куска хлѣба. По смерти труженика по поводу такого некролога мы расчувствуемся, умилимся и съ искреннимъ даже сожалѣніемъ подумаемъ: и такой-то человѣкъ бѣдствовалъ и никто-то ему бѣднѣгъ не помогъ; и какъ немного нужно было для этой помощи! Почти на дняхъ мы видѣли два подобныхъ примѣра. А было бы гораздо лучше практиковать это сочувствіе и умиленіе при жизни такихъ тружениковъ.

Память Бѣлинскаго чествовалась, конечно, при закрытыхъ дверяхъ, въ то время, когда имя его хотя и было разрѣшено, но открытое чествованіе его было невозможно. На такія закрытыя чествованія дерзали литераторы и члены московскаго кружка друзей Бѣлинскаго, такъ называемые люди сороковыхъ годовъ, хотя эти чествованія были очень скромны и безобидны.

Однажды нѣкоторые изъ этихъ друзей и почитателей рѣшились отпраздновать, конечно келейно, память Бѣлинскаго обѣдомъ. Этотъ обѣдъ сопровождался инцидентомъ, о которомъ мы уже разъ рассказывали подробно, и теперь повторяемъ здѣсь этотъ рассказъ:

«Покойный Николай Алексѣевичъ Некрасовъ рассказывалъ намъ, что друзья, ученики и почитатели Бѣлинскаго, люди сороковыхъ годовъ, ежегодно устраивали обѣды въ память Бѣлинскаго. На одномъ изъ этихъ обѣдовъ, въ пятидесятыхъ годахъ, присутствовалъ и Добролюбовъ. Вѣроятно, это и былъ «пышный обѣдъ», на которомъ, кромѣ «мудрыхъ бесѣдъ», было еще что-нибудь и участники котораго горячились изъ-за бѣднаго брата, разгоряченные или воспоминаніемъ о Бѣлинскомъ, или чѣмъ-нибудь

другимъ. Словомъ, этотъ обѣдъ и его участники произвели на Добролюбова такое впечатлѣніе, что онъ въ негодованіи прибѣжалъ домой, изложилъ свое негодованіе въ горячихъ стихахъ и немедленно разослалъ анонимно эти стихи наиболѣе выдающимся участникамъ обѣда. Въ числѣ другихъ это стихотвореніе получило и Николай Алексѣевичъ и, по его словамъ, сразу же догадался, кто авторъ его; да притомъ Добролюбовъ не скрывался передъ нимъ и самъ признался ему во всемъ. Николай Алексѣевичъ, конечно, и не подумалъ обидѣться на присланное ему стихотвореніе; но другіе извѣстные литераторы сильно обидѣлись и, узнавъ, что авторъ стихотворенія Добролюбовъ, ужасно разсердились на него и говорили, что «этотъ мальчишка самъ не понимаетъ Бѣлинскаго». И съ этого времени вообще началось охлажденіе между литераторами сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ.

У насъ есть одно рукописное стихотвореніе Добролюбова, писанное его собственною рукою, и, повидимому, относящееся къ случаю, о которомъ рассказывалъ Николай Алексѣевичъ, хотя утверждать это нѣверное мы не рѣшаемся. Стихотвореніе озаглавлено такъ: *На тостъ о память Бѣлинскаго, 6 іюня 1858 г.* Вѣроятно, 6 іюня было днемъ именинъ Бѣлинскаго, такъ какъ въ этотъ день бываетъ св. Виссаріона; и если обѣды въ память Бѣлинскаго устраивались въ этотъ день, то это еще болѣе можетъ подтвердить нашу догадку о происхожденіи этого стихотворенія. Вотъ часть этого стихотворенія:

„И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньи молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Онъ грозно шелъ на грозный бой
Съ самоотверженной душой.
Онъ, подъ огнемъ враговъ опасныхъ
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ лету груди самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

Исполненъ прямоты и силъ,
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стежю правды и добра.
Въ его нещадномъ отрицаньи
Видѣлась новая пора,
Пора дѣйствительнаго знанья.

И, умирая, думалъ онъ,
Что путь его уже свершенъ,
Что молодня поколѣнья,
По имъ открытому пути,
Пойдутъ безъ страха и сомнѣнья,
Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.

Но молодыя поколѣнья—
 Полны и страха, и сомнѣнья,—
 Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ томъ
 Въ смущеннѣ робкомъ суетятся
 И имъ проложеннымъ путемъ
 Умѣютъ только любоваться.

Не разъ я въ честь его бокалъ
 На пьяномъ пирѣ поднималъ
 И думалъ: „только! только этимъ
 Мы можемъ помянуть его!
 Лишь пошлѣмъ тостомъ мы отвѣтимъ
 На мысли свѣтлыя его!...“ и т. д.

При мысли о чествованіяхъ Бѣлинскаго намъ всегда и неизмѣнно придеть на память это стихотвореніе Добролюбова. Еще живѣе оно вспоминалось намъ по поводу настоящаго торжественнаго прославленія его вѣчной памяти. И невольно при этомъ само собою является горячее, страстное желаніе, чтобъ и къ нашимъ чествованіямъ никто не имѣлъ основаній и права рѣшиться приведенное стихотвореніе Добролюбова и, глядя на наши торжества, сказать намъ: «только, только этимъ вы можете помянуть его!» Мы воздвигаемъ нынѣ пьедесталъ для величественнаго высокаго образа и наши жертвоприношенія и чествованія должны соответствовать величію образа, и всякія мелочности, мизерности и банальности съ нашей стороны или бы оскорбленіемъ того, кому мы воздвигаемъ пьедесталъ.

Поднять и осушить бокалъ въ честь Бѣлинскаго, сказать горячую проговорившуюся рѣчь, пожертвовать 10 или 20 руб. на школу или читальню въ честь Бѣлинскаго или на памятникъ ему, написать пространнѣй и влиятельнѣй панегирикъ ему и т. п.—это не особенно цѣнные дары въ память Бѣлинскаго. Славной памяти дорогаго намъ литературнаго и общественнаго ритика и страдальца приличествовали бы съ нашей стороны дары болѣе стойкіе и болѣе существенные и жизненные. Было бы желательно, чтобы наши торжества въ честь Бѣлинскаго оживили въ насъ свѣтлый и учительный образъ этого не теоретическаго только и платоническаго, а практически-самоотверженнаго и горячаго борца за истину и свободу и за опираемые права человѣка, и возбудили или укрѣпили въ насъ желаніе, о мѣрѣ нашихъ силъ, подражать ему.

Извѣстно, что развитіе теоретическаго міровоззрѣнія Бѣлинскаго шло путемъ долгой и многофазной эволюціи, представлявшей какъ будто нѣкоторыя колебанія и отклоненія въ сторону, которыя онъ самъ называлъ «скачками» и «зигзагами». Но его нравственные принципы и стремленія, то гуманные и гуманизирующіе идеалы и благородные порывы ясно въ немъ опредѣлились и окончательно сформировались уже на самой зарѣ его общественной жизни. Они были какъ будто врожденны ему и эволюція ихъ очень рано завершилась вполне и окончательно, и онъ затѣмъ во всю жизнь оставался неизмѣнно вѣренъ имъ при всякихъ фазахъ эволюціи его теоретическихъ философскихъ воззрѣній.

Еще будучи студентомъ, Бѣлинскій написалъ трагедію, которая, по его словамъ, имѣла такую тенденцію. «Въ этомъ сочиненіи со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ» (у *Лымина*, I, стр. 58). Вотъ его идеалъ уже готовый, сложившійся и на служеніе ему онъ посвятилъ всего себя самоотверженно и всецѣло. Вся цѣнность его жизни, все величіе и значеніе его литературной дѣятельности заключались въ служеніи этому идеалу. Но этотъ же идеалъ былъ причиною и источникомъ всѣхъ злобныхъ терній его жизни. Эта трагедія навлекла на него неудовольствіе университетскаго начальства, которое признало трагедію вольнодумнымъ, безнравственнымъ произведеніемъ, взяло его на замѣчаніе, стало его пресѣдовать и вытѣснило изъ университета.—Затѣмъ Бѣлинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ говорилъ о себѣ: «Во мнѣ развилась какая-то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести.» Наконецъ, формулируя болѣе опредѣленно свой идеалъ, Бѣлинскій писалъ: «Я уже не кандидатъ въ члены общества, а членъ его, чувствую себя въ немъ и его въ себѣ, приросъ къ его интересамъ, впился въ его жизнь, слышу въ немъ мою жизнь и принесъ ей въ дань всего самого себя» (тамъ же, стр. 236). Вотъ высокій и поучительный образъ, достойный не только благоговѣйнаго созерцанія, но и дѣятельнаго подражанія!

Конечно, не всѣ мы обладаемъ тѣми могучими орудіями дѣйствія, которыя въ такомъ изобиліи заключались въ натурѣ Бѣлинскаго, не всѣ обладаемъ его разнообразными дарованіями, его страстностью и гениальностью; но несомнѣнно, что каждый изъ насъ при самыхъ скромныхъ силахъ и средствахъ могъ бы небезполезно трудиться, разумѣется, дѣятельно и энергично, на томъ пути, который указанъ Бѣлинскимъ, будь только на то наша добрая воля и рѣшимость. И наши торжества въ честь Бѣлинскаго не были бы праздными и безплодными, еслибъ они подкрѣпили въ насъ эту добрую волю и эту рѣшимость. Въ такомъ случаѣ никто,—даже наша собственная совѣсть,—не имѣлъ бы права примѣнять къ намъ приведенное негодующее стихотвореніе Добролюбова.

М. Антоновичъ.

Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Бельгіи.

Статистика показываетъ, что въ большихъ бельгійскихъ городахъ существуетъ чрезвычайная скученность. Въ Брюсселѣ при изслѣдованіи было найдено, что въ первомъ городскомъ участкѣ 578 семей рабочихъ занимали одной комнатѣ на семью, и въ семнадцати случаяхъ семья помѣщалась одной кровати. Во второмъ участкѣ 1,429 семей занимали по одной комнатѣ и 196 семей имѣли только по одной кровати. Въ третьемъ городскомъ участкѣ 401 семья помѣщалась каждая въ одной комнатѣ и у 77 семей было по одной кровати. Въ четвертомъ 462 семьи занимали по одной комнатѣ и 116 семей имѣли по одной только кровати.

Подобнаго рода факты вызвали усиленную дѣятельность бельгійскаго правительства и общества, которыя начали принимать различныя мѣры и уничтоженія зла. Среди послѣднихъ немаловажное значеніе имѣетъ изданіе нѣкоторыхъ законовъ. Изъ числа послѣднихъ законъ, изданный въ Бельгіи въ августѣ 1889 г., долженъ оказать и уже оказываетъ большое вліяніе на улучшеніе жилищъ рабочаго класса.

Въ первомъ параграфѣ этого закона говорится, что въ каждомъ правительственномъ округѣ учреждается одинъ или болѣе попечительныхъ комитетовъ, на обязанности которыхъ лежитъ: 1) Способствовать постройкѣ, продажѣ или сдачѣ внаймы рабочимъ здоровыхъ жилищъ за наличныя деньги или за ежегодный взносъ. 2) Изучать все то, что относится къ санитарному положенію домовъ, занимаемыхъ рабочими, и кварталовъ, населенныхъ преимущественно ими. 3) Способствовать развитію ссудо-сберегательныхъ кассъ, кассъ взаимной помощи и пенсіоннаго фонда.

Мѣстные попечительные комитеты выдаютъ преміи за порядокъ и чистоту въ жилищахъ и бережливость. Для этой цѣли они имѣютъ право принимать пожертвованія отъ различныхъ лицъ или по завѣщанію, а также и субсидіи отъ городскихъ властей.

Комитеты имѣютъ право наблюдать за санитарнымъ положеніемъ жилищъ рабочихъ и тѣхъ кварталовъ, гдѣ послѣдніе живутъ въ большомъ числѣ. Они занимаются статистикой, выясняющей условія, которыя существуютъ въ жилищахъ рабочихъ и указываютъ средства для ихъ

улучшения. Комитеты могут производить изслѣдованіе жилищъ рабочихъ съ согласія ихъ обитателей, дѣлаютъ различныя замѣтки относительно существующихъ въ нихъ условій: вентиляціи, водоснабженія и сами устрѣчаются въ удовлетворительномъ положеніи дренажа и правильнаго удаленія домашнихъ отбросовъ. Если при изслѣдованіи будетъ найдено, что жилище находится въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, то члены комитета имѣютъ право давать квартирантамъ, арендатору или домовладѣльцамъ совѣты и указанія, что надо сдѣлать для ихъ устраненія. Въ случаѣ, если подобными мѣрами жилище не можетъ быть улучшено, комитеты обращаются на него вниманіе мѣстныхъ властей или мѣстной санитарной коммиссіи.

Попечительные комитеты предлагаютъ общиннымъ или провинціальнымъ властямъ, а также и правительству различныя мѣры, принятіе которыхъ они считаютъ необходимымъ для улучшенія жилищъ рабочихъ. Правительство спрашиваетъ ихъ мнѣніе, всякій разъ, когда идетъ дѣло объ экспроприаціи кварталовъ, обитаемыхъ преимущественно рабочими. Они разсматриваютъ планы домовъ для рабочихъ, представляемые имъ общественными властями, компаніями или частными лицами, или предлагаютъ строителямъ типичныя планы домовъ, выработанныя сообразно съ программой высшаго санитарнаго совѣта.

Комитеты способствуютъ образованію сберегательныхъ кассъ, обществъ страхованія жизни, взаимной помощи, кредитныхъ, пенсіоннаго фонда. Для этой цѣли комитеты могутъ входить въ сношенія съ фабрикантами или рабочими. Они входятъ въ прямое сношеніе съ правительствомъ, провинціальными властями, мѣстною санитарною коммиссіей, мѣстными обществами взаимной помощи и проч.

Мѣстные попечительные комитеты состоятъ изъ пяти или восемнадцати членовъ, смотря по населенности данной мѣстности. Часть ихъ (три—четыре) назначается городомъ, а часть (два—восемь) правительствомъ.

Законъ 1889 года разрѣшаетъ главной сберегательной кассѣ, имѣющей правительственную гарантію, за небольшой процентъ давать деньги въ займы различнымъ обществамъ, которыя занимаются постройкой домовъ для рабочихъ. Главная сберегательная касса имѣетъ право давать деньги въ займы кредитнымъ обществамъ, акціонернымъ или кооперативнымъ, 2,5% въ годъ, а строительнымъ компаніямъ по 3%.

Кредитныя общества, имѣющія право на заемъ у главной сберегательной кассы, должны ссужать деньгами исключительно только тѣхъ рабочихъ, которые желаютъ выстроить или купить домъ для своего собственнаго помѣщенія. Рабочій можетъ самъ выбрать себѣ мѣсто и строить домъ по своему вкусу. Кредитное общество, ссужающее его деньгами, въ этомъ случаѣ играетъ роль совѣтника и даетъ ему необходимыя указанія. Кредитное общество, желающее получить ссуду у главной сберегательной кассы, не должно носить спекулятивнаго характера и обязано ограничить свой дивидендъ 3%. Ссуду оно можетъ получить только тогда, если мѣстный попечительный комитетъ дастъ о немъ благопріятный отзывъ. Тотъ

также и рабочій, желающій сдѣлать заемъ въ кредитномъ обществѣ, получившемъ ссуду изъ главной сберегательной кассы, долженъ сначала обратиться въ мѣстный попечительный комитетъ. Послѣдній наводитъ о немъ справки, и если онъ окажется честнымъ и порядочнымъ рабочимъ, то выдаетъ ему удостовѣреніе, которое присоединяется къ условію, заключенному кредитнымъ обществомъ съ рабочимъ.

Акціонерныя строительныя или кредитныя компаніи для полученія ссуды изъ главной вспомогательной кассы должны подчиняться извѣстнымъ правиламъ, которыя ставятъ ихъ подъ ея контроль. Они обязаны представлять ей ежегодные отчеты о своей дѣятельности.

Кредитныя общества образованы исключительно для выдачи денегъ взаимны и не имѣютъ права строить, продавать или сдавать дома вънаемъ. Послѣднее дѣлается строительными компаніями, кои имѣютъ право не ограничивать своего дивиденда извѣстнымъ процентомъ.

Стоимость дома, который строится или приобретается рабочимъ при помощи кредитныхъ обществъ, получающихъ ссуду изъ главной сберегательной кассы, не должна превышать 5,500 фр. При постройкѣ или покупкѣ дома рабочій обязанъ самъ уплатить десятую часть его стоимости. Кредитное общество даетъ ему три десятыхъ, а главная сберегательная касса—три пятыхъ. Если рабочій желаетъ, то онъ можетъ уплатить болѣе одной десятой части. Уплата его долга кредитному обществу и главной сберегательной кассѣ разсрочивается на десять, пятнадцать, двадцать или двадцать пять лѣтъ, смотря по условію. Заемщикъ можетъ производить уплату каждую недѣлю, черезъ двѣ недѣли или помѣсячно, какъ это представляется ему болѣе удобнымъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ кредитныхъ компаній, рабочій можетъ сдѣлать заемъ у главной вспомогательной кассы при помощи другого лица, которое служитъ поручителемъ за него.

Бельгійскій законъ 1891 года даетъ право главной сберегательной кассѣ присоединять страхованіе жизни къ займамъ, дѣлаемымъ съ цѣлью постройки домовъ для рабочихъ. Она можетъ застраховать жизнь своего заемщика, чтобы обезпечить возвратъ долга въ случаѣ его смерти. Для этой цѣли при ней устроено страховое бюро. Законъ допускаетъ страхованіе жизни для лицъ, возрастъ которыхъ равняется 21—55 лѣтъ. Периодъ страхованія назначенъ въ 10, 15, 20 и 25 лѣтъ. Рабочій, застраховавшій свою жизнь, долженъ дать знать директору страхового бюро о каждой перемѣнѣ своихъ занятій. Если онъ замедлитъ увѣдомить его объ этомъ или доставитъ невѣрные свѣдѣнія, то страхованіе считается потерявшимъ свою силу и рабочій лишается всей внесенной имъ суммы. То же бываетъ, если застраховавшій свою жизнь умереть отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, окончить жизнь самоубійствомъ или если его смерть ускорится какимъ-либо искусственнымъ способомъ.

Бельгійскій законъ 1893 года, служащій дополненіемъ закона 1889 года, освобождаетъ домъ рабочаго или бывшаго рабочаго, неспособнаго къ труду, отъ личнаго налога, налога на окна, двери и движимость и отъ поземель-

ных платежей, государственных и общинных. Такой льготой пользуются только те дома, в которых живут сами рабочие-собственники или которые сданы им в наемъ. Ежегодный доход такого дома не долженъ превышать 72—171 франкъ, смотря по числу жителей данной мѣстности. Законъ не освобождаетъ отъ вышеупомянутыхъ налоговъ техъ рабочихъ, которые имѣютъ болѣе нежели одного жилья, или которые владѣютъ своимъ собственнымъ и обрабатываемымъ ими самими участкомъ земли, величиною болѣе 1,235 акровъ.

Изъ этого краткаго изложенія сущности закона мы видимъ, что почетные комитеты, созданные имъ, могутъ играть очень важную роль въ улучшеніи жилищъ рабочаго класса. Ихъ вліяніе должно проявляться всюду: въ созданіи строительныхъ и кредитныхъ обществъ, въ изслѣдованіи жилищъ и цѣлыхъ кварталовъ, въ совѣтахъ мѣстнымъ властямъ и правительству. Безъ нихъ кредитныя и строительныя общества не могутъ получить ссуды изъ главной сберегательной кассы. Рабочій можетъ воспользоваться займомъ у послѣдней также только при ихъ посредствѣ. Такъ какъ почетные комитеты представляютъ изъ себя часто-мѣстные учрежденія, то они скорѣе всего могутъ судить о томъ, насколько созданная кредитная или строительная компанія отвѣчаетъ условіямъ, установленнымъ для нея закономъ 1889 года, при полученіи ссуды изъ главной сберегательной кассы. Въ качествѣ мѣстныхъ учрежденій имъ не трудно также узнавать дѣйствительно ли рабочій, испрашивающій ссуду для постройки или покупки себѣ дома, заслуживаетъ довѣрія своими качествами.

Немаловажное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ право комитетовъ производить изслѣдованіе санитарнаго положенія жилищъ рабочаго населенія, не ограничиваясь однимъ только констатированіемъ существующихъ условій, но дѣлая при этомъ попытки для ихъ улучшенія.

Тотъ, кому приходилось сталкиваться съ низшимъ классомъ населенія и близко присмотрѣться къ его жизни, знаетъ, съ какими невозможными условіями онъ способенъ мириться. Вслѣдствіе невѣжества и бѣдности они ютятся въ жилищахъ, находящихся въ полуразрушенныхъ домахъ. Въ этихъ квартирѣ рамы и полы сгнили, потолокъ протекаетъ, стѣны давно трескаются побѣлки, а онъ все-таки въ ней живетъ, довольно равнодушно глядя на запущенное положеніе своего жилища. Только по временамъ, когда его слишкомъ доймешь холодъ или дождевая вода въ большомъ количествѣ проникнетъ въ нему въ жилище, онъ начинаетъ жаловаться и негодовать на домовладѣльца. Но это продолжается только короткое время. Затѣмъ онъ опять впадаетъ въ равнодушіе къ дурному положенію своей квартиры. Бѣдный рабочій людь слишкомъ невѣжественъ и не обладаетъ необходимыми познаніями, чтобы измѣнить существующія условія своей жизни. Кромѣ того, бѣдность и всегда зависимое положеніе развиваетъ въ немъ нерѣшимость и нѣкоторый страхъ передъ всякимъ, имѣющимъ сравнительно съ нимъ болѣе высокое общественное положеніе. Бѣднякъ боится заявить домовладѣльцу о дурномъ положеніи своей квартиры или просить ремонта.

еще болѣе онъ боится пожаловаться властямъ. Онъ знаетъ, что вздумай только онъ заявить свои претензіи домовладѣльцу, то на его слова или въ обратнѣе никакого вниманія, или просто предложить выѣхать съ квартиры. Домовладѣлецъ не будетъ дорожить дешевымъ жильцомъ, такъ какъ маленькихъ квартиръ сравнительно съ числомъ желающихъ ихъ нажить всегда бываетъ мало и домовладѣльцу не трудно ихъ сдать. Не въ лучшее положеніе становится бѣдный жилецъ, если онъ вздумаетъ жаловаться на домовладѣльца властямъ. Въ такомъ случаѣ онъ почти навѣрное будетъ изгнанъ съ квартиры или домовладѣлецъ повыситъ плату за нее. Всѣ подобныя соображенія вмѣстѣ съ невѣжествомъ заставляютъ бѣдное населеніе мириться съ антисанитарными условіями своихъ жилищъ. Это создаетъ для домовладѣльца благоприятныя условія, такъ какъ онъ можетъ сводить до минимума издержки на свой домъ, стремясь получить возможно большій процентъ на затраченный капиталъ. Всѣми подобными условіями объясняется тотъ фактъ, несомнѣнно доказанный, что дома, населенные бѣдною, оказываются самыми запущенными въ санитарномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыми доходными.

Созданіе такихъ обществъ, которыя взяли бы на себя трудъ слѣдить за санитарнымъ положеніемъ жилищъ бѣднаго населенія и имѣли бы право дѣлать указанія самимъ жильцамъ, домовладѣльцу, что необходимо дѣлать для ихъ улучшенія, или сообщали объ антисанитарномъ положеніи жилищъ тѣмъ, кому объ этомъ знать надлежитъ, имѣетъ огромное значеніе. Такое общество служитъ посредникомъ между бѣдными жильцами и домовладѣльцами или властями; оно устраняетъ отъ первыхъ необходимость или мириться съ дурными условіями своихъ квартиръ, или жаловаться на домовладѣльца, рискуя быть изгнанными.

Созданіе подобнаго рода посредниковъ между бѣдными жильцами и домовладѣльцемъ или властями имѣетъ большое значеніе въ томъ отношеніи, что послѣднія часто относятся слишкомъ снисходительно къ домовладѣльцамъ и смотрятъ сквозь пальцы на разные санитарныя неурядицы. Таіе посредники могутъ побуждать санитарныя власти къ болѣе строгому исполненію своихъ обязанностей.

Для улучшенія жилищъ бѣднаго населенія очень много значитъ также, что подобнаго рода посредники могутъ знакомить общество съ такими фактами, о которыхъ послѣднее прежде не имѣло никакого понятія, и волей-неволей заставляютъ его подумать о способахъ для ихъ устраненія. Иному въ голову не придетъ, что въ одномъ домѣ съ нимъ или по сосѣдству, въ какомъ-нибудь темномъ и сыромъ углу, цѣлая семья занимаетъ одну только кровать. Но случай открываетъ ему подобнаго рода фактъ и онъ съ ужасомъ и удивленіемъ встрѣчаетъ его, спрашивая себя, какъ онъ могъ безплодно тратить свою жизнь и порядочныя средства въ то время, когда могъ бы сдѣлать изъ нихъ лучшее употребленіе, наприм., доставивъ этой семьѣ возможность за ту же цѣну помѣщаться въ маленькой комнаткѣ. Знать зло—значитъ до известной степени устранить его. Чѣмъ больше фак-

товъ будетъ извѣстно обществу объ его существованіи, тѣмъ скорѣ будутъ приняты мѣры для его устраненія. Вообще созданіе мѣстныхъ учрежденій вродѣ бельгійскихъ попечительныхъ комитетовъ въ высшей степени желательно. Общества санитарной помощи, существующія въ Америкѣ и Англій, показываютъ, что они могутъ имѣть большое вліяніе на улучшеніе жилищъ бѣднаго населенія.

Бельгійскій законъ 1889 года весь проникнутъ стремленіемъ, по возможности, облегчить бѣдному населенію постройку жилищъ. Созданіе кредитныхъ обществъ, право главной сберегательной кассы давать ссуды на постройку, страхованіе жизни — все это идетъ навстрѣчу той нуждѣ въ удовлетворительныхъ жилищахъ, которая постоянно господствуетъ въ большихъ городахъ. Благодаря кредитному обществу и главной сберегательной кассѣ, честный и трудолюбивый рабочій, накопившій 200 фр., можетъ купить или выстроить себѣ домъ въ 2,000 фр. Страхуваніе жизни даетъ ему возможность нѣсколько обезпечить семью на случай своей смерти. Длинный періодъ времени, назначаемый для уплаты долга, значительно облегчаетъ ему выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. Долгъ погашается постепенно, безъ большихъ жертвъ съ его стороны. Учрежденіе мѣстныхъ кредитныхъ обществъ даетъ ему возможность скоро найти средства, необходимыя для постройки дома.

Условія, которыя ставитъ рабочимъ бельгійскій законъ 1889 года, показываютъ, что онъ стремится улучшить положеніе наиболѣе трудолюбивой и порядочной части рабочаго класса, т.-е. того сорта людей, сохраненіе жизни и здоровья которыхъ особенно драгоцѣнно для каждой страны. Для того, чтобы получить ссуду для покупки или постройки дома, рабочій долженъ быть трудолюбивъ, бережливъ и порядоченъ. Только тогда попечительный комитетъ даетъ ему требуемое закономъ свидѣтельство.

Законъ 1889 года стремится вызвать самостоятельность самихъ рабочихъ и побуждаетъ ихъ самихъ позаботиться объ улучшеніи своего положенія, не ожидая, что о нихъ позаботятся другіе. Это составляетъ также немаловажное его достоинство. Очень часто люди мирятся съ самыми невозможными условіями просто вслѣдствіе непривычки къ самостоятельности. Дав толчокъ послѣдней значить способствовать устраненію многихъ нежелательныхъ явленій. Вообще бельгійскій законъ 1889 года можетъ во многихъ отношеніяхъ служить прекраснымъ образцомъ законодательныхъ мѣръ, принимаемыхъ для улучшенія существующихъ условій жизни бѣднаго населенія.

Бельгійское общество и сами рабочіе не остались индифферентны къ новому закону. Послѣ его изданія въ Бельгіи образовалось много строительныхъ и кредитныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью постройку домовъ для рабочихъ. Въ 1893 году тамъ насчитывалось около 64 подобныхъ обществъ: 56 акціонерныхъ и восемь кооперативныхъ. Капиталъ первыхъ достигалъ 4.434,000 фр. Попечительные комитеты создались во многихъ мѣстахъ королевства и проявляютъ большую дѣятельность. Они занимаются изслѣ-

иногда жилищъ бѣднаго рабочаго населенiя, создаютъ строительныя и кредитныя общества, вырабатываютъ планы дешевыхъ жилищъ и помогаютъ рабочимъ строить дома. Сами бельгiйскiе рабочiе за послѣднее время начинаютъ больше интересоваться закономъ 1889 года и пользоваться правами, которыя онъ имъ даетъ. Теперь нерѣдки случаи, что бельгiйскiй рабочiй строить себѣ домъ при помощи кредитнаго общества и боится за свою жизнь для полученiя необходимыхъ средствъ. По всей вѣроятности, въ будущемъ это стремленiе получить еще большее развитiе, такъ какъ законъ даетъ право и возможность улучшать жилище именно тѣмъ лицамъ, которыя наиболѣе страдаютъ отъ дурныхъ санитарныхъ условiй. Уже по этому одному надо думать, что законъ не останется мертвой буквой.

Еще ранѣе изданiя закона 1889 года въ Бельгii началась постройка хорошихъ и дешевыхъ жилищъ для бѣднаго населенiя. Въ семидесятыхъ годахъ тамъ образовалось нѣсколько акционерныхъ компанiй, имѣющихъ целью постройку и продажу домовъ рабочимъ.

Въ 1865 году бюро благотворительности въ Антверпенѣ получило разрѣшенiе затратить часть своихъ средствъ на постройку домовъ для рабочихъ. По настоящее время оно выстроило около 500 домиковъ, расположенныхъ на одной изъ окраинъ города, недалеко отъ промышленныхъ кварталовъ и новыхъ приморскихъ сооружений. Дома выстроены въ видѣ монiй, пересекаемыхъ улицами, шириною въ 10 — 12 метровъ. Улицы мощены, снабжены тротуарами и канализацiей. Среди колонiи сдѣланъ въѣздъ, величиною около 1,000 кв. метровъ, усаженный деревьями. При каждомъ домикѣ есть садъ или дворъ. Дома выстроены изъ краснаго кирпича и, благодаря маленькимъ украшенiямъ, имѣютъ довольно привлекательную наружность. Въ срединѣ и по концамъ улицъ находятся дома болѣе величинны и болѣе красивой внѣшности, предназначенные для лавочницъ полны жизни и движенiя. Здѣсь существуетъ множество мелкихъ промышленныхъ заведенiй: сапожныхъ, портняжныхъ, столярныхъ мастерскихъ и проч.

Типичный домикъ, предназначенный для одной семьи, занимаетъ поверхность, величиною около 646 кв. ф. Постройками покрыто менѣе половины. стальная часть представляетъ видъ двора или сада. Въ домѣ есть вымощенный подвалъ, предназначенный для храненiя топлива и провизiи. Жилыя комнаты могутъ хорошо вентилироваться при помощи сквозняка. Отрѣзокъ мѣсто расположено въ особомъ зданiи на дворѣ и имѣетъ непроницаемый выгребъ для нечистотъ, очищаемый городскими служащими мѣсяца въ три или шесть. Сзади дома находится цистерна со сводомъ, въ которую собирается дождевая вода. Для нѣсколькихъ семей устроенъ одинъ колодезь. Каждый домикъ содержитъ кухню, жилую комнату и двѣ спальныя. Постройка подобнаго домика обошлась обществу въ 3,400 фр. (350 фр. гонла земля и 3,050 фр. постройка). Наемная плата 325 фр. въ годъ. Такiя квартиры по сосѣдству стоятъ болѣе 400 фр.

Кромѣ домиковъ такой величины, въ колонiи существуютъ дома большихъ

размѣровъ, содержащіе шесть комнатъ и занятыя двумя семьями, и несколько домовъ для четырехъ семей.

Въ настоящее время недвижимость антверпенскаго благотворительнаго бюро оцѣнивается болѣе, нежели въ 3.500,000 фр. Со своихъ домовъ оно получаетъ около 200,000 фр. въ годъ квартирной платы и около 5% чистаго барыша. Значительную сумму для своихъ построекъ оно получаетъ отъ города въ видѣ займа срокомъ на 65 лѣтъ.

При наймѣ квартиру въ домахъ общества отъ жильцовъ требуютъ, чтобы они вносили залогъ въ 100 фр., который служитъ обезпеченіемъ въ случаѣ задолжанія квартиранта. Жильцы обязаны аккуратно вносить квартирную плату и могутъ должать только въ случаѣ болѣзни. За квартиру платятъ впередъ понедѣльно или помѣсячно. Если жилецъ думаетъ выѣхать, то онъ обязанъ увѣдомить объ этомъ за двѣ недѣли или за мѣсяць. Но это случается очень рѣдко, такъ какъ жильцы живутъ долго на одной квартирѣ. Есть такіе, которые занимаютъ одно и то же помѣщеніе по двадцати пяти лѣтъ. Жильцы затрачиваютъ на наемъ квартиры около 20% своего заработка.

Въ домахъ антверпенскаго благотворительнаго бюро живутъ камельники, сапожники, столяры, служители, сторожа, газопроводчики, фабричные и заводскіе рабочіе и проч.

Въ городѣ Варвѣ бюро благотворительности также начало свои постройки въ семидесятыхъ годахъ и въ настоящее время владѣетъ пятью маленькими домиками. Последніе выстроены въ два этажа и занимаютъ немного болѣе третьей части данной поверхности земли. Материалъ для постройки служилъ кирпичъ. Квартиры состоятъ изъ четырехъ комнатъ: двухъ спальнь, жилой комнаты и кухни. Во всѣхъ комнатахъ въ потолкѣ сдѣлано особое отверстіе, черезъ которое удаляется испорченный воздухъ. Отхожія мѣста устроены на дворѣ въ особомъ зданіи. Нечистоты употребляются для удобренія сада. Такая квартира стоитъ 10—12 фр. въ мѣсяць и предназначается только для одной семьи. Средній заработокъ жильцовъ равняется 1,5—2 фр. въ день. Желашіе могутъ приобрести квартиру въ свою собственность, дѣлая ежегодный дополнительный взносъ. Квартиранты въ домахъ благотворительнаго бюро освобождены отъ налога на движимость и должны платить только поземельный, 5,35 фр. въ годъ. Квартирная плата вносится помѣсячно, и жилецъ иногда успѣваетъ заплатить за шесть мѣсяцевъ, пока его соберутся выселить. Дома приносятъ обществу 4% чистаго дохода въ годъ. Въ нихъ живутъ фабричные рабочіе, мужчины и женщины, лавочники, рабочіе безъ опредѣленныхъ занятій и проч.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Брюсселѣ было создано два акціонерныя общества: общество брюссельской недвижимости и анонимное общество жилищъ рабочихъ. Первое основано въ 1865 г., а второе—въ 1868 году.

Общество «Брюссельская недвижимость» обладаетъ номинальнымъ капиталомъ въ пять милліоновъ франковъ. Каждая акція стоитъ 500 фр. и можетъ быть раздѣлена на пять частей, по 100 фр. каждая. На каждыя

бренныя за продажу акцій и полученныя въ видѣ займа, общество строитъ многоквартирные дома въ центральныхъ частяхъ города и пускаетъ ихъ рабочимъ. Акціонеры получаютъ 5% дивиденда.

Брюссельское анонимное общество жилищъ рабочихъ имѣетъ цѣлю не только сдачу квартиръ рабочимъ, но и продажу домовъ въ нихъ собственнымъ. Потому оно занимается, главнымъ образомъ, постройкой маленькихъ домовъ. Въ числѣ его акціонеровъ находится бельгійскій король и оно получаетъ нѣкоторую помощь отъ брюссельскихъ городскихъ финансовыхъ учрежденій.

Общество выстроило 246 маленькихъ домиковъ, въ которыхъ можетъ помѣститься только одна семья, и 24 многоквартирныхъ. Кроме того, имъ построено много домовъ, проданныхъ рабочимъ. Въ маленькомъ домикѣ есть кухня, двѣ спальныхъ комнаты, подвалъ и чердакъ. Квартиры въ домахъ аренднаго типа, состоятъ изъ кухни и одной или двухъ спальныхъ комнатъ. Такія квартиры стоятъ 3,92—6,02 фр. въ недѣлю. За маленький домикъ платятъ 3,85—5,11 фр. въ недѣлю. Въ домахъ общества живетъ около 526 семей. Акціонеры въ среднемъ получаютъ не болѣе 2% дивиденда въ годъ.

Здѣсь надо упомянуть еще о веремьевскомъ обществѣ для постройки домовъ рабочихъ, основанномъ въ 1861 г. Это общество не только строитъ новые дома, но покупаетъ и старые. Последнiе оно передѣлываетъ, улучшаетъ и затѣмъ продаетъ или сдаетъ въ наемъ рабочимъ. Квартира въ маленькомъ домикѣ стоитъ 240 фр. въ годъ. Капиталъ общества заключается въ акціяхъ (1.000,000 фр.). Акціонеры получаютъ порядочный дивидендъ, 4% въ годъ.

Постройка домовъ для рабочихъ въ г. Монсѣ представляетъ изъ себя частное предпріятіе. Эмиль Гойе устроилъ тамъ 86 домовъ. 74 изъ нихъ содержатъ въ себѣ каждыя четыре квартиры, состоящихъ изъ четырехъ комнатъ. Въ остальныхъ двѣнадцати домахъ при квартирахъ устроены кухни. Дома расположены на одномъ участкѣ земли въ видѣ колоній. Водоснабженіе производится при помощи артезианскихъ колодезевъ. Квартирная плата назначена въ 15—18 фр. въ мѣсяцъ. Эмиль Гойе затратилъ на постройку своихъ домовъ болѣе 500,000 фр. и получаетъ съ нихъ порядочный доходъ. Его жильцы состоятъ, главнымъ образомъ, изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, машинистовъ, ремесленниковъ и служащихъ въ арсеналѣ, вообще изъ рабочихъ, получающихъ порядочную заработную плату.

Бельгійскіе фабриканты не остаются равнодушными къ тому печальному положенію, въ какомъ находятся ихъ рабочіе, благодаря дороговизнѣ и недостатку жилищъ въ мѣстностяхъ, гдѣ расположены ихъ фабрики и заводы. Они принимаютъ довольно дѣятельное участіе въ устройствѣ домовъ для рабочихъ.

Одна изъ самыхъ старѣйшихъ бельгійскихъ промышленныхъ компаній, амьенно-угольная компанія Дьбуа-Дю-Люкъ, основанная въ 1685 году, начала постройку домовъ для своихъ рабочихъ еще въ 1838 году. По на-

стоящее время ею выстроено 335 домовъ, представляющихъ изъ себя группы различныхъ группы. Одна группа состоитъ изъ 166 домовъ, расположенныхъ въ видѣ четырехъ квадратовъ, внутри которыхъ находится дворъ величиною въ 59,000—71,000 кв. ф. Каждый домъ предназначенъ для одной семьи и содержитъ въ себѣ четыре комнаты и подвалъ. Всякая семья имѣетъ садъ, величиною въ 2,691 кв. ф., и, кромѣ того, по сосѣдству можетъ арендовать клочокъ земли для разведенія овощей и фруктовъ. Во всѣхъ домахъ устроено хорошее водоснабженіе и удаленіе нечистотъ. Квартиранты имѣютъ право пользоваться горячею водою, которая образуется вслѣдствіе охлажденія фабричныхъ паровъ. Постройка такого домика обошлась компаніи въ 1,700 фр. Онъ сдается за 8,5 фр. въ мѣсяцъ. Въ эту плату входятъ и газъ, которымъ жильцы могутъ пользоваться для освѣщенія своихъ комнатъ.

Во второй группѣ заключается 85 домовъ. Каждый стоитъ 2,200 фр. Квартирная плата въ нихъ назначена по 9,5 фр. въ мѣсяцъ. Въ третьей группѣ 84 дома. Квартирны стоятъ 5—8 франковъ вмѣстѣ съ газомъ. Въ двухъ послѣднихъ группахъ устроены хлѣбопекарныя печи, одна для семи семей. Въ домахъ компаніи помѣщается около 1,800 человѣкъ. Квартиранты имѣютъ право пускать къ себѣ постороннихъ лицъ только въ томъ случаѣ, если послѣдніе работаютъ на тѣхъ же коняхъ. За каждого посторонняго жильца компанія повышаетъ квартирную плату на 3 фр. въ мѣсяцъ. Если рабочій уходитъ со службы общества и остается жить въ однихъ домахъ, то квартирная плата также повышается на 3 фр. въ мѣсяцъ. Дома приносятъ компаніи незначительный доходъ.

Минная компанія «Grand Noign», находящаяся около города Монса, начала постройку домовъ для своихъ рабочихъ въ 1810 году и выстроила до 550 домовъ. Дома двухъэтажные, имѣютъ маленькіе садики и предназначены для одной семьи. Въ среднемъ за нихъ платятъ 2,40 фр. въ недѣлю. Компанія вычитаетъ квартирную плату изъ заработка своихъ жильцовъ.

Бельгійская компанія желѣзнаго и стального производства строитъ дома для сдачи и продажи ихъ своимъ рабочимъ. Она выстроила 156 домовъ, изъ которыхъ продано 24. Для приобрѣтенія дома въ свою собственность рабочій долженъ дѣлать ежемѣсячный взносъ, который рассчитывается компаніей такимъ образомъ, чтобы получать 4% чистой прибыли на затраченный капиталъ.

Домики, выстроенные обществомъ для помѣщенія одной семьи, заключаютъ въ себѣ около 9,000 куб. ф. и сдается за 200 фр. въ годъ. Эта цѣна гораздо ниже той, которую платятъ ея рабочіе за подобное же помѣщеніе въ сосѣдней мѣстности. Около каждого домика оставлено не застроеннымъ довольно большое пространство земли, предназначенное преимущественно для разведенія сада. Домики двухъэтажные, каменные, съ подвалами. Сухіе отбросы собираются въ особые ящики, которые опорожняются еженедѣльно городскими служащими. Отхожія мѣста расположены въ заданіи.

Пока жилецъ не внесетъ всей суммы, за которую онъ условился купить домъ, компанiя наблюдаетъ за недвижимостью и производитъ въ ней необходимыя поправки. Если покупатель умретъ, не уплативъ всей слѣдующей съ него суммы, то общество возвращаетъ вдовѣ всѣ внесенныя имъ деньги и домъ снова дѣлается его собственностью. Если рабочiй оставитъ нужбу компанiи, не внося всей суммы, за которую онъ купилъ домъ, то онъ можетъ продолжать уплату при условiи, что вмѣсто 4% онъ будетъ платить 6%.

Дома общества постоянно бываютъ всѣ заняты. Квартирная плата вносится помѣсячно и вычитается изъ заработка. Если рабочiй, живущiй на квартирѣ общества, уходитъ съ его службы, то онъ обязанъ очистить помещенiе черезъ двѣ недѣли.

Общество «Старой Горы», находящееся въ Шене, также строитъ дома на продажи и сдаетъ ихъ своимъ рабочимъ. Для того, чтобы побудить помѣднiхъ приобретать дома въ свою собственность, компанiя употребляетъ слѣдующiе способы. Она продаетъ землю по пониженной цѣнѣ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ покупателю деньги, необходимыя для постройки дома, и разрочивая уплату долга на длинный перiодъ времени. Рабочiй можетъ самъ выбрать и купить себѣ такой участокъ земли, какой ему нравится. Компанiя въ такомъ случаѣ даетъ ему матеріалъ для постройки по своей цѣнѣ. Общество само строитъ дома и продаетъ ихъ рабочимъ за умѣренную цѣну. Часть покупной суммы рабочiй долженъ уплатить тотчасъ же. Остальная часть вносится имъ въ продолженiе извѣстнаго перiода времени. Компанiя поощряетъ также частныя строительныя общества, которыя берутъ на себя постройку домовъ для ея рабочихъ. До 1889 г. болѣе тысячи простыхъ рабочихъ и мастеровъ, находящихся на ея службѣ, приобрѣли дома въ свою собственность.

Операции названной компанiи не ограничиваются одной Бельгiей. Всюду, гдѣ только существуютъ ея работы: во Францiи, Германiи, Швеции,—вездѣ она занимается улучшенiемъ жилищъ своихъ служащихъ, нѣмня свою дѣятельность сообразно съ обстоятельствами. Если ея работы находятся близи большихъ центровъ, то она поощряетъ строительныя компанiи. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ большихъ центровъ, она сама строитъ дома для своихъ рабочихъ.

Дома, выстроенные обществомъ «Старой Горы», рѣдко предназначаются для двухъ семей. Чаще всего въ нихъ помѣщается только одна. При домикахъ есть маленькiй садикъ, небольшой клочокъ земли для огорода и мѣстъ для помѣщенiя скота. Домикъ обыкновенно содержитъ четыре комнаты и стоитъ 80—100 фр. въ годъ. Квартирная плата вносится помѣсячно и поглощаетъ гораздо меньше десятой части заработка жильцовъ. Она вычитается изъ заработка. Жильцы имѣютъ право пускать къ себѣ постороннихъ лицъ, находящихся на службѣ компанiи.

Послѣдняя постоянно наблюдаетъ за санитарнымъ положенiемъ своихъ домовъ, и если квартира плохо содержится, то она имѣетъ право вычи-

стить и выбѣлать ее на счетъ своихъ жильцовъ. Компанія не допускаетъ продажу спиртныхъ напитковъ въ своихъ домахъ.

Въ противоположность только что названнымъ обществамъ, минная компанія въ Моріемонтѣ совсѣмъ не продаетъ домовъ, выстроенныхъ ею для своихъ рабочихъ. Она устроила 514 домиковъ для сдачи ихъ вънаемъ по слѣдующимъ. Постройка всѣхъ домовъ обошлась ей вмѣстѣ съ землей въ 1.850,000 фр. Ея первый домъ былъ открытъ для жилья въ 1840 году. Дома большею частью расположены въ видѣ группъ, заключающихъ въ себѣ по четыре дома каждая. Сзади домовъ оставлено довольно большое открытое пространство для двора или сада. Дома каменные, двухэтажные, съ подвалами и мансардой или безъ нея. Домъ безъ мансарды стоитъ 7,5 фр. въ мѣсяцъ, а съ мансардой 8,52 фр. Нѣсколько старыхъ домовъ, въ которыхъ живутъ вдовы или бездѣтныя семьи, сдаются по 6—7 фр. въ мѣсяцъ.

За послѣдніе десять лѣтъ компанія не повышала квартирной платы въ своихъ домахъ. Ея квартиры стоятъ на 50% дешевле подобныхъ же помѣщеній въ сосѣдней мѣстности. Она получаетъ съ нихъ до 46 тысячъ квартирной платы въ годъ. За вычетомъ различныхъ расходовъ: уплаты налоговъ, удаленія отбросовъ, ремонта, ей остается только ничтожная прибыль. Но компанія не гонится за барышомъ, такъ какъ, устраивая дома для своихъ рабочихъ, она имѣла цѣлью награждать лучшихъ изъ нихъ сдачей имъ квартиръ по дешевой цѣнѣ. Только лучшіе рабочіе имѣютъ право жить въ домахъ компаніи. Большинство ея жильцовъ состоитъ изъ рабочихъ, но есть также механики и машинисты. Квартира сдается рабочему по рекомендаціи начальника того отдѣленія, гдѣ онъ занимается. Квартирная плата вносится помѣсячно и вычитается изъ заработка. Если рабочий оставляетъ службу компаніи, то онъ долженъ очистить квартиру. Жильцамъ запрещено пускать къ себѣ постороннихъ лицъ.

Благодаря дешевизнѣ квартиръ въ домахъ общества, рабочій - жилецъ можетъ постепенно скопить себѣ нѣкоторую сумму денегъ, при помощи которой онъ покупаетъ свой собственный домъ. Такимъ образомъ, очень многіе рабочіе, около 20% всего числа взрослыхъ, приобрѣли себѣ недвижимость. Если рабочій вздумаетъ купить себѣ домъ, то компанія даетъ ему взаимны извѣстную сумму безъ всякихъ процентовъ. Долгъ постепенно вычитается изъ заработка.

Компанія выстроила для своихъ квартирантовъ хлѣбопекарныя печи, одну для каждыхъ восьми домовъ, и ванныя комнаты.

Кромѣ вышеописанныхъ, въ Бельгіи существуетъ еще много другихъ обществъ и фабрикантовъ, которые строятъ дома для рабочихъ. Вообще въ улучшеніи жилищъ послѣднихъ маленькая Бельгія далеко опередила всѣ большія европейскія государства, за исключеніемъ Англии. Въ ней дѣятельно занимаются постройкой дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ съ цѣлью продажи и сдачи ихъ рабочимъ.

Изъ предыдущаго мы видимъ, что въ Бельгіи преобладаетъ стремленіе

строить маленькіе домики для рабочихъ семей. Строители мало занимаются домами казарменнаго типа. Дома послѣдняго рода строятся только по необходимости въ центрѣ города. Кроме того, бельгійскіе общества и фабриканты строятъ преимущественно домики, предназначенные для одной только семьи. Домовъ, въ которыхъ содержится двѣ-четыре квартиры, очень мало.

Предпочтеніе, отдаваемое бельгійскими строителями маленькимъ одноквартирнымъ домамъ, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ Бельгii строятся много домовъ не только для сдачи квартиръ въ наемъ, но и для продажи ихъ рабочимъ. Тамъ очень замѣтно стремленіе сдѣлать послѣднихъ собственниками занимаемыхъ ими домовъ. Общества, фабриканты—все строить дома для этой цѣли. Даже самый законъ 1889 года стремится побудить рабочаго сдѣлаться собственникомъ маленькаго домика, доставляя ему возможность приобретать послѣдній при помощи кредитныхъ обществъ, главной сберегательной кассы и страхованія жизни.

Безъ всякаго сомнѣнія, это явленіе, до известной степени, зависитъ отъ стремленія самого бельгійскаго рабочаго сдѣлаться обладателемъ маленькой недвижимости. Это стремленіе явно проглядываетъ въ томъ фактѣ, что очень многіе дома, выстроенные разными обществами и фабрикантами, переходятъ въ собственность рабочихъ. Наприм., рабочіе минной компаніи въ Моріемонтѣ, которая не продаетъ выстроенныхъ ею домовъ, но только помогаетъ своимъ служащимъ строить себѣ жилища, все-таки стремится приобрести недвижимость и около 20% всего числа успѣла этого достигнуть.

Очевидно, бельгійскій рабочій старается хотя нѣсколько обезпечить себя на старость приобретеніемъ маленькой недвижимости, благодаря которой у него и у его семьи всегда будетъ свой собственный уголокъ. По всей вѣроятности, подобное стремленіе рабочихъ зависитъ отъ того, что въ промышленной Бельгii значительная часть фабричнаго населенія оказывается довольно постоянной и остается на одномъ мѣстѣ продолжительное время. Тотъ рабочій, который ищетъ фабричной работы на короткое время, наѣздное, не будетъ покупать себѣ дома вблизи мѣста своихъ занятій. Его купитъ только тотъ, кто рассчитываетъ на продолжительное пребываніе въ данной мѣстности.

Хотя довольно значительная часть бельгійскихъ рабочихъ стремится сдѣлаться собственникомъ недвижимости, но гораздо большая часть ихъ предпочитаетъ жить на наемныхъ квартирахъ. Въ Моріемонтѣ только 20% ихъ рабочихъ купили себѣ дома, 80% живутъ на наемныхъ квартирахъ. Очевидно, въ Бельгii, гдѣ правительство и общество проявляютъ явное стремленіе сдѣлать рабочаго собственникомъ недвижимости, существуютъ условія, препятствующія этому. Конечно, это зависитъ отчасти отъ того, что большая часть фабричныхъ рабочихъ тамъ оказывается мало постоянной, а отчасти отъ того, что ихъ заработокъ не настолько великъ, чтобы семья могла скопить небольшую сумму, которая нужна для ежегодной платы за домъ. Послѣдній покупается только наиболѣе искусными и бѣжливими рабочими. Остальные принуждены отказаться отъ такой роскоши.

Стремление строить преимущественно маленькіе домики для рабочих, которое такъ ясно замѣтно въ Бельгіи, до известной степени объясняется также и тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ строители избираютъ пригородныя мѣста, гдѣ земли много и она недорога. Рѣдко они избираютъ центральныя части города, гдѣ приходится отдавать предпочтеніе домамъ казарменнаго типа.

Постройка домовъ для рабочихъ въ пригородныхъ мѣстахъ способствуетъ то обстоятельство, что различныя промышленныя заведенія и фабрики находятся въ большомъ количествѣ внѣ бельгійскихъ большихъ городовъ. Кроме того, за последнее время въ Бельгіи обращено большое вниманіе на развитіе дешевыхъ и быстрыхъ путей сообщенія. Желѣзныя дороги и конки тамъ распространены всюду. Тамъ существуютъ утренніе и вечерніе поѣзда, специально предназначенные для рабочихъ. Плата за проѣздъ настолько дешева, что рабочій, имѣющій сравнительно небольшой заработокъ, каждый день можетъ ѣздить на работу изъ Антверпена въ Брюссель. Рабочій, живущій въ самомъ отдаленномъ предмѣстьѣ послѣдняго, можетъ ѣздить ежедневно на работу въ городъ, затрачивая 1,2—1,5 фр. въ недѣлю на проѣздъ по желѣзной дорогѣ.

При помощи дешевыхъ и быстрыхъ путей сообщенія Бельгія много способствуетъ разрѣшенію вопроса относительно улучшенія жилищъ рабочаго населенія. Дать рабочему возможность скоро проѣхать длинный конецъ за дешевую плату—значитъ дать ему возможность жить сравнительно далеко отъ мѣста своей работы и тѣмъ способствовать уменьшенію скученности. Обыкновенно рабочее населеніе стремится жить какъ можно ближе къ той фабрикѣ, заводу или иного рода промышленнымъ заведеніямъ, гдѣ оно находитъ себѣ занятіе. Поэтому около подобныхъ центровъ всегда существуетъ гораздо большая скученность въ жилищахъ, нежели въ болѣе отдаленныхъ отъ нихъ мѣстахъ. Около мѣста своей работы одинаково тѣснится и самый бѣдный рабочій, и болѣе достаточный. Создайте въ такихъ мѣстахъ дешевые и быстрые пути сообщенія, и тогда болѣе искусные рабочие, имѣющіе порядочный заработокъ, предпочтутъ нанять хорошую квартиру въ сравнительно отдаленныхъ мѣстахъ, нежели жить въ плохой близости. Благодаря этому обстоятельству, скученность около центровъ можетъ значительно уменьшиться. Вообще, при разрѣшеніи вопроса о доставленіи удовлетворительныхъ жилищъ рабочему населенію не слѣдуетъ упускать изъ виду то значеніе, которое имѣютъ въ этомъ отношеніи дешевые и быстрые пути сообщенія. Устройство послѣднихъ въ высшей степени желательно во всѣхъ промышленныхъ центрахъ.

Женщина-врачъ М. И. Покровская.

Два біографа.

I.

Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что однажды Богъ пожелалъ обнаружить передъ всѣми святость одного благочестиваго человѣка, и ютъ, когда, послѣ долгаго странствованія по святымъ мѣстамъ, онъ вернулся на родину и вошелъ въ церковь, всѣ колокола во всѣхъ церквахъ того мѣстечка начали трезвонить. Такъ же точно должны были бы зазвонить колокола всего земного шара 28 августа 1749 года, когда ровно въ 12 часовъ, въ полдень, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ явился на свѣтъ Іоганнъ Вольфгангъ Гёте, долженствовавшій въ такой огромной мѣрѣ увеличить славу нашей планеты (!).

Всякій невольно вспомнить «высокій штиль» автора «Оды на день вѣшества на престолъ императрицы Елизаветы», когда прочтетъ приведенныя выше слова. Этими словами начинается переведенное недавно на русский языкъ сочиненіе Бельшевскаго о Гёте *).

Читатель готовъ еще простить автору его чрезмѣрное преувеличеніе при мысли о произведеніяхъ, которыя, если и не доставили огромной славы нашей планетѣ, то останутся незыблемыми памятниками величія человѣческаго гения. Но каково становится удивленіе читателя, когда онъ узнаетъ, что неумѣренные восторги Бельшевскаго менѣе всего вызваны произведеніями его кумира.

Тому,—говоритъ авторъ книги,—кто во-очію видѣлъ великолѣпное, переливающееся безчисленными цвѣтами сіяніе, окружавшее эту личность (Гёте), чьи его поэтической славы казались не болѣе какъ узенькимъ пятномъ, вѣнчаннымъ въ этомъ ореолѣ. Тому казалось, что Гёте-человѣкъ болѣе великъ, нежели Гёте-поэтъ, и то, что онъ пережилъ, должно быть выше того, что онъ написалъ. То же впечатлѣніе выносимъ и мы, люди позднѣйшаго времени, старающіеся посредствомъ изученія и при помощи воображенія возсоздать передъ собою личность Гёте. Изъ всѣхъ его про-

*) А. Бельшевскій: „Гёте, его жизнь и произведенія“. Переводъ О. А. Рахманова, подъ редакціей П. И. Вейнберга. Т. I. Сиб., 1898 г.

изведеній самымъ богатымъ по содержанію, самымъ плѣнительнымъ, болѣе всего достойнымъ удивленія и восхищенія представляется намъ его собственная жизнь.

И дѣйствительно, Бельшевскій не пожалѣлъ трудовъ на то, чтобы въстать на всѣ мельчайшія подробности этой жизни. Однако, при всей ретивости и добросовѣстности, автору не удалось выяснитъ истинное значеніе великаго поэта, не удалось—вслѣдствіе неправильности приѣмовъ, которыми онъ держался. Трудъ Бельшевскаго явно обнаруживаетъ недостатки, являющіеся результатомъ односторонности біографическаго метода. Но особенно рѣзко видны эти недостатки односторонне понятой теоріи Сентъ-Бева и сопоставленія книги Бельшевскаго съ статьей Фаге, напечатанной недавно въ *Revue Bleue* *).

Фаге пришелъ къ прямо противоположнымъ выводамъ.

Творенія Гёте,—говоритъ авторъ статьи,—не имѣютъ себѣ равныхъ своему величію, но жизнь его не представляетъ ничего особеннаго. «*Se petit comte souce et sois grand comte fleuve*»—это изреченіе ни къ чему не примѣнимо въ такой степени, какъ къ Гёте. Будущій авторъ «Фауста» является предъ нами въ Страсбургѣ ничтожнымъ студентомъ. Онъ бесѣдуетъ немного съ Гердеромъ, восхищается соборомъ, читаетъ Шекспира, котораго Вольтеръ и Лессингъ ввели въ моду. Затѣмъ онъ отправляется въ путешествіе, правда, не особенно далекое. Онъ влюбляется сначала въ кроткую дѣвушку, невѣсту мелкаго буржуа, которая отнюдь не намерѣвается удовлетворить пламенную страсть поэта; затѣмъ онъ переноситъ эту страсть на замужнюю женщину, столь же ординарную, какъ и предметъ его первой любви, происходящую изъ того же мелкаго мѣщанства. Мужъ этой дамы, которая не прочь позабавиться легкимъ флиртомъ, выпроваживаетъ молодого донъ-жуана. Далѣе Гёте утверждается въ Веймарѣ и становится первымъ министромъ государства. Веймаръ—городокъ въ 7,000 жителей. Первый министръ этой страны представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ помощника префекта въ захолустномъ уголкѣ Франціи. Но всѣ желанія поэта съ быткомъ удовлетворены этимъ высокимъ положеніемъ, и онъ въ восторгѣ. Онъ восхищенъ свѣтской жизнью, которую ведетъ въ Веймарѣ, и ролью увеселителя, которую играетъ и при дворѣ, и въ городѣ. Онъ ничего не дѣлаетъ въ теченіе десяти лѣтъ: до такой степени онъ всосался въ интриги и развлечения саксонскаго захолустья. Онъ заводитъ затѣмъ знакомство, которое, кажется, создано на интеллектуальной почвѣ, съ г-жею фонъ-Штейнъ; женщина эта была старше его семью годами. Немного поздно отправляется онъ въ Италію, беретъ къ себѣ въ домъ ничтожную гриметку, на которой въ концѣ-концовъ женится. Достигнувъ почти шестидесятилѣтняго возраста, онъ влюбляется въ семнадцатилѣтнюю дѣвочку, дочь мелкаго іенскаго книгопродавца. Меланхолично протекаетъ его глѣ

*) *M. Emile Faguet: „Un essai sur Goethe“. Revue Bleue, 17 sept. 1898, pp. 371—374.*

кая старость, но безъ болѣзней: онъ чувствуетъ себя прекрасно. У него масса поклонниковъ, но нѣтъ друзей. Онъ проводитъ долгіе часы въ разговорахъ съ Эккерманомъ, глуповатымъ простакомъ, у котораго есть одно неоцѣнимое достоинство, именно: умѣнье говорить только о Гёте и ни о чемъ другомъ.

Такова, по мнѣнію Фаге, въ краткихъ словахъ біографія поэта. Его жизнь, ничтожная и бѣдная выдающимися событіями, не можетъ сравниться съ существованіемъ другихъ поэтовъ, какъ Данте, Шекспиръ, Тассо, и даже такихъ, какъ Буало.

Уже одно это коренное различіе во взглядахъ обоихъ ученыхъ несомнѣнно заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Бельшевскій слишкомъ основательно изучилъ жизнь Гёте, чтобы его книгу можно было обойти молчаніемъ. Фаге принадлежитъ къ числу выдающихся современныхъ историковъ литературы, и трудно заподозрить въ несерьезности или непродуманности тѣ взгляды, которые онъ высказываетъ.

Но мы не станемъ подробно останавливаться на отдѣльныхъ сужденіяхъ обоихъ біографовъ, перечислять ошибки и крайности, въ которыя они впадаютъ. Цѣль настоящей замѣтки—выяснить нѣкоторые недостатки біографическаго метода и показать, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ по временамъ обоихъ ученыхъ неумѣренное подчиненіе этому методу.

II.

Нѣтъ сомнѣнія, что побудительною причиною, привлекающей наше вниманіе къ извѣстному поэту, служатъ его произведенія. Писатель, жизнь котораго полна выдающихся событій и поучительныхъ примѣровъ, но который не оставилъ послѣ себя замѣчательныхъ твореній, будетъ преданъ справедливому забвенію. Представимъ себѣ съ другой стороны, что художнику не пришлось сыграть крупной роли въ окружающей его жизни, но изъ столкновеній съ ней, лишенныхъ внѣшняго блеска, онъ сумѣлъ извлечь достаточно матеріала для того, чтобы подслушать пульсъ своего времени, чтобы глубоко проникнуть во внутренній міръ современнаго ему человѣка.

Такой художникъ дастъ въ своихъ произведеніяхъ пластическое изображеніе своего времени; онъ оставляетъ ключъ къ пониманію цѣлой эпохи, ея мировоззрѣнія, ея умственнаго и нравственнаго обихода. Черпая матеріалъ для своихъ твореній изъ современной жизни, онъ всесторонне освѣщаетъ извѣстныя вѣчныя стороны человѣческаго духа, особенно рѣзко проявившіяся въ данную эпоху и благодаря этому обезпечиваетъ безсмертіе своимъ произведеніямъ: они навсегда останутся лучшимъ источникомъ для пониманія человѣческой души и внутренняго смысла историческихъ событій.

Само собою разумѣется, что при изученіи произведеній извѣстнаго писателя центръ тяжести долженъ лежать не на внѣшнихъ фактахъ его

жизни; они могли дать его произведеніямъ только форму, ту оболочку, къ которую онъ облекъ извѣстное содержаніе. Главное вниманіе изслѣдователя должно быть обращено на идеи, которыми жило современное общество и которыя доставили писателю возможность облечь въ конкретные образы цѣлое міровоззрѣніе.

Биографическій методъ отводитъ ничтожное мѣсто средѣ, въ которой жилъ и изъ которой черпалъ свой матеріалъ писатель. Характеръ писателя и внѣшнія событія его жизни—вотъ главные предметы изслѣдованія у сторонниковъ этого метода. Фаге самъ прекрасно сформулировалъ сущность этого метода. Цѣль его создать интеллектуальную біографію избраннаго автора, слѣдовать за нимъ со дня рожденія до самой смерти; выводить его дѣйствія изъ его характера, а измѣненія характера—изъ условій, въ которыхъ онъ находился. Читая какое-нибудь произведеніе писателя,—продолжаетъ Фаге,—вы должны объяснить его, какъ одно изъ такихъ дѣйствій, вытекающихъ изъ его характера или изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя онъ переживаетъ, или только что пережилъ. Вы должны сопровождать его до могилы, ни на минуту не отдѣляя его жизни отъ его произведеній, ни на минуту не упуская изъ виду его самого.

Для того, чтобы показать, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ подобное одностороннее пониманіе своей задачи, мы остановимся на тѣхъ главахъ книги Бельшевскаго, которыя посвящены анализу крупнѣйшаго изъ Гётевскихъ произведеній перваго періода,—анализу «Вертера» *).

Авторъ начинаетъ съ подробнаго описанія Лотты.

Это,—говоритъ онъ,—была тонкая изящная блондинка съ голубыми глазами и чрезвычайно пріятнымъ выраженіемъ лица, здоровая, веселая, немного задорная, рѣшительная и увѣренная, не обремененная никакою ученостью, тонко чувствующая, но чуждая всякой слезливой сентиментальности, энергичная и трудолюбивая: сердце радовалось, глядя на нее. Она съ раннихъ лѣтъ привыкла къ дѣятельной жизни. Судьба щедро надѣлила Буффа (сы отца) дѣтьми. Изъ шестнадцати человѣкъ у него осталось одиннадцать и т. д.

Сообщивъ массу подобныхъ подробностей, необходимыхъ для пониманія человѣка, увеличившаго славу нашей планеты, авторъ переходитъ къ описанію счастливаго случая, доставившаго Гёте возможность познакомиться съ Лоттой.

Молодые чиновники судебной палаты,—разсказываетъ онъ,—рѣшили устроить балъ. Кестнера, жениха Лотты, задержали служебныя обязанности и онъ не могъ отправиться вмѣстѣ со всѣми. Лотта присоединилась къ двумъ дѣвицамъ, изъ которыхъ одна была незнакомая ей дѣвушка, приглашенная Гёте на танцы, а другая—его старшая кузина Ханге. Молодому поэту было поручено зайти за ней въ домъ Нѣмецкаго ордена или, какъ его короче называли, Нѣмецкій домъ.

*) Второй томъ изслѣдованія Бельшевскаго еще не вышелъ.

Читатель невольно начинает задумываться надъ вопросомъ, что собственно было великаго во всѣхъ этихъ обыденныхъ фактахъ, описаніе которыхъ переполняютъ книгу. Неужели они именно дали автору поводъ поставить жизнь Гёте выше его произведеній. Невольно является вопросъ: въ чемъ эти подробности? Но, протомивъ насъ продолжительное время, авторъ, наконецъ, обнаруживаетъ цѣль своихъ описаній. Начинается приложеніе теоріи Сентъ-Бёва: великое произведеніе вытекаетъ изъ характера писателя и изъ внѣшнихъ событій его жизни.

Можно,—говоритъ Бельшевскій,—предположить (хотя ничто не мѣшаетъ и не дѣлать такого предположенія), что придя туда (въ Нѣмецкій домъ), онъ (Гёте) засталъ Лотту въ той обстановкѣ, которую онъ описалъ въ «Вертерѣ»: въ вечернемъ туалетѣ, нарядывающую хлѣбъ своимъ маленькимъ братьямъ и сестрамъ. Все послѣдующее, т.-е. поѣздка въ Фольперстгаузенъ, балъ, возвращеніе назадъ въ главныхъ чертахъ происходило, вѣроятно, такъ, какъ изображено въ «Вертерѣ», *измѣнены только два факта*, заслуживающіе вниманія: во-первыхъ, Гёте въ этотъ день еще не зналъ, что Лотта—невѣста Кестнера и, во-вторыхъ, Кестнеръ не отсутствовалъ на балѣ, подобно Альберту въ «Вертерѣ», но пріѣхалъ немного позднѣе.

Итакъ, вся разница между «Вертеромъ» и эпизодомъ съ Шарлоттой заключается въ двухъ незначительныхъ фактахъ. Таковы перлы біографической критики. Можно подумать, что всѣ вопросы, связанные съ «Вертеромъ», сводятся къ тому, былъ ли Гёте въ своемъ знаменитомъ романѣ точнымъ фотографомъ, или онъ далъ нѣкоторый просторъ своей фантазіи. Допустимъ даже, что всѣ эти ни на чемъ не основанныя предположенія Бельшевскаго справедливы, что Гёте дѣйствительно засталъ Лотту въ томъ видѣ, въ какомъ она изображена въ «Вертерѣ», что все послѣдующее произошло совершенно такъ же, какъ въ «Вертерѣ»,—допустимъ, что все это такъ, но какое, спрашивается, значеніе кроется въ этомъ? Или авторъ хочетъ сказать намъ, что не будь бала чиновниковъ, Лотта не поѣхала бы туда, не удержи Кестнера служебныя обязанности, Гёте не познакомился бы съ Лоттой и... можетъ быть не написалъ бы «Вертера». Какъ ни курьезно подобное заключеніе, но оно всегда должно получиться въ результатѣ біографической критики, если только ея сторонникъ будетъ последователенъ до конца.

III.

Но прослѣдимъ далѣе за ходомъ мыслей Бельшевскаго. Обрисовавъ до мельчайшихъ оттѣнковъ настроеніе, въ которое впалъ Гёте послѣ разлуки съ Лоттой, авторъ заключаетъ: «Только послѣ того, какъ вышло въ свѣтъ то поэтическое твореніе, въ которомъ отразились отношенія Гёте къ Лоттѣ (авторъ продолжаетъ упорно только съ этой точки зрѣнія смотрѣть на «Вертера»), фантастическій культъ Лотты потерялъ для Гёте свою пре-

лестъ. Извѣстно, что такіе поэтическия отраженіи явились «Вертеръ». Итакъ, самое появленіе романа, по мнѣнію Бельшевскаго, вызвало исключительную потребность Гёте излить накопившіяся у него чувства по отношению къ Лоттѣ. Фаге справедливо замѣтилъ, что такой способъ излученія Гёте и его произведеній только унижаетъ послѣднія.

Правда, Бельшевскій и самъ чувствуетъ, что романа съ Лоттой недостаточно для созданія великаго произведенія, онъ чувствуетъ, что «Вертеръ» есть нѣчто большее, чѣмъ фотографическій снимокъ съ довольно ординарной любовной исторіи. Поэтому нашъ авторъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Вейцларовскій эпизодъ представляетъ собою основное ядро, а вокругъ него какъ кристаллы сгруппировались общія идеи. Главная идея приблизительно та же, что и въ Гецѣ: столкновеніе между требованіемъ личности и законами свѣта, между жаждою и дѣйствительностью. Самъ Гёте находился постоянно въ такомъ конфликтѣ. Его неукротимое стремленіе встрѣчало на каждомъ шагѣ преграды въ устройствѣ государства, церкви и гражданскаго общества, или было ограничено волей другихъ людей. Застой, вялость и ничтожество общественной жизни представляли рѣзкое несоотвѣтствіе съ его жаждой тревогъ, движенія и великихъ дѣлъ».

Въ этихъ словахъ лучше всего обнаружилась та небрежность, съ которой біографическая критика относится къ эпохѣ и къ ея идеямъ. Опредѣляя идею «Вертера», критикъ довольствуется замѣчаніемъ, что она приблизительно та же, что и въ «Гецѣ». Исписавъ сотни страницъ біографическими подробностями, Бельшевскій не позаботился даже провести параллель между идейнымъ содержаніемъ Вертера и Геца, сваливъ того и другого въ общую кучу и ограничился общими фразами о застоѣ, вялости и ничтожествѣ общественной жизни. Почему же этотъ застой, вялость и ничтожество въ данный моментъ произвели «Вертера», а нѣсколькою годами раньше «Геца»? Да и вообще гдѣ и когда чьи-нибудь стремленія не ограничивались волей другихъ людей? Кто не находилъ ограниченія своимъ стремленіямъ въ устройствѣ либо государства, либо церкви, либо гражданскаго общества? Всѣ эти общія заключенія ничего не говорятъ намъ и знакомство съ книгой Бельшевскаго ничего не прибавляетъ къ пониманію «Вертера», какъ культурно-историческаго памятника. Каждая эпоха вырабатываетъ новыя отношенія между отдѣльной личностью съ одной стороны и общественными, религіозными и политическими учрежденіями съ другой, вырабатываетъ новыя взгляды на эти отношенія. Автору нельзя было ограничиться общимъ указаніемъ на столкновеніе между личностью и обществомъ. Ему слѣдовало обрисовать характеръ этого конфликта въ вертеровскую эпоху. Наконецъ, онъ долженъ былъ указать на связь Вертера съ сентиментальной литературой въ Англіи и съ *Новой Элизой* Руссо.

Тогда стало бы понятно, что «Вертеръ» интересенъ для насъ не въ качествѣ странички изъ біографіи Гёте: въ немъ запечатлѣнъ одинъ изъ крупныхъ моментовъ въ культурномъ развитіи человѣчества.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать односторонность

рісмовъ, которыхъ держится авторъ разбираемаго труда. Онъ до конца одетъ анализъ знаменитаго романа въ томъ же духъ. Кончина Іерусалѣа, — говоритъ Бельшевскій, — дала Гёте недостающій сюжетъ. Описавъ даже положеніе Гёте въ домъ Brentano и дружбу поэта съ г-жею Brentano, Бельшевскій говоритъ: «Г. Brentano понялъ эту дружбу иначе. Произошло урное столкновение не столько между Brentano и поэтомъ, сколько между упругими, — это были ужасныя минуты, заставившія поэта надолго покинуть домъ Brentano. Это обстоятельство, случившееся черезъ нѣсколько нѣдѣль послѣ свадьбы Максы, послужило основаніемъ для развязки «Вертера». Въ немъ Гёте нашелъ тонъ и краски, необходимыя для второй вѣсти».

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе содержанія романа, характеристика его героя, похвала его автору за тонкость психологическаго анализа, за теплоту чувства, за простоту и естественность стиля, и все это заканчивается слѣдующимъ совершенно неожиданнымъ заключеніемъ:

«Если сегодня еще впечатлѣніе такъ сильно, то можно себѣ представить, каково оно было въ свое время, когда произведеніе это явилось изрѣшеніемъ мучительно напряженнаго состоянія, самымъ полнымъ выраженіемъ того настроенія мировой скорби, которымъ Германія была охвачена уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и которое развилось отчасти юдъ вліяніемъ мрачной англійской поэзіи и сѣтованій Руссо на цивилизацію за порчу нравовъ, а отчасти благодаря условіямъ тогдашней жизни, иппенной всякой дѣятельности, оставлявшей богатый досугъ для изслѣдованія мельчайшихъ изгибовъ сердца, какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. То, что выстрадалъ Гёте, выстрадали тысячи другихъ, хотя можетъ быть и не столь глубоко, не столь разносторонне. Но ни одинъ не сумѣлъ выразить эти страданія божественнымъ (!) языкомъ».

Мы назвали эту тираду неожиданной, и дѣйствительно читатель совершенно не подготовленъ къ ней. Въ книгѣ Бельшевскаго нѣтъ исторической перспективы; мы не знаемъ, какія условія создали почву, на которой выросли страданія этихъ тысячъ людей, — тѣхъ тысячъ, которыя были погрязены появленіемъ «Вертера». Авторъ не пояснилъ намъ, почему Германія «уже нѣсколько лѣтъ» была охвачена настроеніемъ мировой скорби. Онъ ни словомъ не обмолвился о содержаніи «мрачной англійской поэзіи», содѣйствовавшей развитію этого настроенія. Отъ насъ остался скрытымъ путь, которымъ въ Германію проникло ученіе Руссо. Біографическія подробности, въ которыя съ такой любовью погружается авторъ, не пролили свѣта на эти факты. А между тѣмъ именно эти факты, какъ совершенно неожиданно обнаруживается въ концѣ, создали благоприятную почву, на которой только и могло расцвѣсти растеніе, подобное «Вертеру».

Вертеръ, — говоритъ Бельшевскій, — могъ развиваться только благодаря нѣсколькимъ предшествовавшимъ вѣкамъ. Они создали такую глубокую, такую утонченную внутреннюю жизнь, о которой древнія времена не имѣли понятія.

Желая возвеличить Гёте, авторъ долженъ былъ показать, что Гёте пріобрѣлъ своимъ Вертеромъ яркій свѣтъ на умственную и нравственную исторію этихъ вѣковъ, что онъ внесъ крупную лепту въ дѣло пониманія самаго интереснаго историческаго процесса—процесса культурнаго развитія человѣчества. Тогда мы могли бы съ значительными ограниченіями признать справедливость восторговъ Бельшевскаго передъ Гёте. Читая же книгу Бельшевскаго въ теперешнемъ ея видѣ, остается только удивляться, за что авторъ благоговѣетъ передъ своимъ кумиромъ, что побуждаетъ его курить о немъ самымъ обыкновеннымъ поступкамъ, подвигамъ невысокимъ, подчасъ пошлаго флирта, выходкамъ, которымъ не позавидуетъ даже бешабашный кутила временъ Ричардсона.

Въ его книгѣ нѣтъ оправданія для созданнаго имъ культа Гёте. Біографія автора «Фауста», несмотря на всѣ усилія Бельшевскаго, остается живымъ описаніемъ обыкновеннаго человѣка.

IV.

Въ то время, какъ Бельшевскій съ такимъ стараніемъ изучалъ каждый моментъ эпизода съ Шарлоттой, тщательно собирая изъ этого эпизода матеріалъ для объясненія «Вертера», Фаге отнесся къ роману Гёте и Шарлотты съ полнымъ пренебреженіемъ. Гёте,—говоритъ онъ,—любилъ Шарлотту, онъ покинулъ ее, повидимому легко утѣшился и написалъ «Вертера», въ которомъ возлюбленный Шарлотты кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Фаге считаетъ основательнымъ упрекъ, который часто дѣлали Гёте за то, что онъ заставилъ застрѣлиться Вертера, а самъ даже и не подумалъ о самоубійствѣ. Гёте,—говорилъ Фаге,—покинулъ Шарлотту въ слезахъ и вскорѣ утѣшился съ Фридерикой. Но какія клятвы онъ нарушилъ? Шарлотта была невѣстой другого. Она осталась вѣрна своему жениху и нашла такое же утѣшеніе въ его любви, какое Гёте нашелъ въ любви къ Фридерикѣ. Кто же изъ двохъ покинулъ другого? Они оба были только блудолюбивы. Оба не были склонны къ излишней романтичности. Только одинъ изъ нихъ оказался способнымъ изъ пріятнаго приключенія, не имѣвшаго послѣдствій, извлечь безсмертный романъ.

Этотъ скачокъ отъ эпизода съ Шарлоттой къ «Вертеру», сдѣланный Фаге, выясняетъ значеніе романа еще менѣе, чѣмъ книга Бельшевскаго.

Фаге, по крайней мѣрѣ, не побоялся открыто сознаться въ несостоятельности біографическаго метода, отъ котораго все-таки не отступать въ своей статьѣ.

«Біографическій методъ,—говоритъ онъ,—пригоденъ не для всѣхъ авторовъ, и я боюсь, что менѣе всего онъ удобенъ въ примѣненіи къ Гёте. Конечно, хорошо не отдѣлять жизнь писателя отъ его произведеній, но это заставляетъ постоянно обращаться отъ произведеній писателя къ его біографіи. А если произведенія его велики, а жизнь ничтожна, то это только

слабляеть впечатлѣніе и унижаетъ произведеніе, по крайней мѣрѣ, нужно».

Несмотря на оговорки, это признаніе очень любопытно въ устахъ Фаге, автора книги о Вольтерѣ, представляющей блестящее примѣненіе метода энтъ-Бёва къ историко-литературному изслѣдованію. Фаге ошибся только въ своей оговоркѣ. Научный историко-литературный методъ не можетъ годиться для однихъ и не годиться для другихъ писателей. И слова Фаге наводятъ на мысль, что самая роль, которую онъ отводитъ жизни писателя при изученіи его произведеній, опредѣляется французскимъ писателемъ не вѣрно. Біографія поэта всегда имѣетъ извѣстное вспомогательное значеніе: она помогаетъ отдѣлить въ его произведеніяхъ элементъ личный отъ общихъ идей его времени, содѣйствуетъ выясненію современнаго поэту міровоззрѣнія, которое должно стоять въ центрѣ изслѣдованія. Если бы Фаге бельшевскій правильно оцѣнили эту роль біографическаго элемента, они не пришли бы къ совершенно противоположнымъ выводамъ, не впали бы въ крайности, изъ которыхъ нѣкоторыя указаны нами. Тогда читатель могъ бы хоть отчасти понять восторги Бельшевскаго и не остался бы въ недоумѣніи передъ вопросомъ: «Чѣмъ въ такой огромной мѣрѣ Гёте увеличилъ лаву нашей планеты?»

П. С. Ноганъ.

Праздникъ двадцатипятилѣтія института между- народнаго права. (1873—1898 г.)

Осенью текушаго года институтъ международнаго права праздновалъ свой 25-лѣтній юбилей. Хотя такой срокъ существованія для ученаго общества еще не особенно продолжителенъ, но, въ виду пройденнаго институтомъ за это время пути и достигнутыхъ имъ результатовъ, онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ не только въ жизни этого собранія, но и въ наукѣ вообще. Желательно, чтобы побольше существовало такихъ скромныхъ, но дѣльных и безкорыстныхъ обществъ, которыя устремляютъ всѣ свои усилія на пользу науки въ видахъ укрѣпленія, въ сношеніяхъ народовъ, справедливости и мира (*Justitia et pax*, какъ гласитъ девизъ института).

За истекшее 25-лѣтіе (съ 11 сентября 1873 г., когда состоялся въ Гентѣ первый съѣздъ его учредителей) институтъ созывалъ 19 съѣздовъ и издалъ (съ 1877 г.) 17 томовъ своего *Ежегодника* (*Annuaire de l'Institut de droit international*) и Обзоръ своихъ работъ въ годъ наступленія ему двадцатилѣтія. Въ этихъ изданіяхъ мы находимъ весьма полную и обстоятельную картину всего, сдѣланнаго институтомъ, а равно свѣдѣнія обо всѣхъ его членахъ и трудахъ ихъ. Поэтому заключенный въ нихъ матеріалъ представляетъ высокій научный интересъ не только для интернаціоналистовъ, но и для юристовъ вообще.

Отпраздновать свой праздникъ институтъ пожелалъ, и не безъ основанія, въ странѣ Гроціи—въ Гагѣ, гдѣ уже онъ разъ собирался въ 1875 г. Туда влекло его и желаніе оказать почетъ одному изъ старѣйшихъ своихъ членовъ и учредителей—Ассеру—и дать возможность своимъ гостямъ принять участіе въ праздникахъ, происходившихъ въ Гагѣ по случаю вѣнчанія на престолъ юной нидерландской королевы, Вильгельмины.

Этотъ съѣздъ въ Гагѣ происходилъ съ 18 по 26 августа (н. с.) и отличался оживленнымъ характеромъ. Ему посвященъ послѣдній, только что вышедшій (17-й) томъ *Ежегодника**). На первомъ же собраніи, при блестя-

*) *Annuaire de l'Institut de droit international*. 1898. Vol. XVII, p. 177— 02.

ней публикѣ и въ присутствіи многихъ министровъ (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, юстиціи, финансовъ и колоній) и членовъ дипломатическаго корпуса, парламента, суда, университета и т. д., вновь избранный въ президенты института и одинъ изъ его основателей, Ассеръ, и главный секретарь его, Лееръ, посвятили свои рѣчи прошлому институту, причемъ первый остановился на его работахъ, а второй — на его членахъ и преимущественно усопшихъ.

Начнемъ съ послѣднихъ.

I.

Успѣху и научному значенію работъ института много способствовало то, что онъ съ самаго начала сумѣлъ группировать вокругъ себя выдающихся ученыхъ и, вѣрный этой традиціи, понемногу включилъ въ свой составъ чуть ли не всѣхъ авторитетныхъ знатоковъ международного права Европы и Америки. Вслѣдствіе этого онъ дѣйствительно сдѣлался своего рода академіею или высшею ученою инстанціею по этому предмету.

На первомъ учредительномъ собраніи въ Гентѣ (въ сент. 1873 г.) были выработаны программа и уставъ института. На этомъ съѣздѣ присутствовали 11 человекъ, изъ которыхъ въ живыхъ остаются еще пять: Ролентъ-Жекменъ, Муанье, Ассеръ, Кальво и Пьерантони *). Отцами института Лееръ называетъ, кромѣ двухъ первыхъ, еще Либера, но вѣрнѣе поставить на это мѣсто Блюнчли, который тогда же намѣтилъ и программу дѣятельности института. Къ этимъ прямымъ основателямъ института должно еще присоединить двухъ косвенныхъ: Либера и нашего соотечественника, покойнаго харьковскаго профессора, Каченовскаго. Съ этимъ, впрочемъ, согласенъ и Лееръ въ другомъ мѣстѣ (въ исторической замѣткѣ, предпосланной его *Обзору* работъ института за первое двадцатилѣтіе). Въ Гентѣ къ названнымъ лицамъ были присоединены еще 26 ученыхъ въ качествѣ членовъ-основателей института. Всѣ они, извѣстные интернаціоналисты, отошли уже въ вѣчность **), кромѣ троицы: Уестлека, Эсперсона и Д'Оливекрона. Первыми сотрудниками (*associés*) избраны Ривье и Альб. Ролентъ. Смерть только что унесла передъ съѣздомъ въ Гагъ (21 іюля н. с.) Ривье, этого опытнѣйшаго и преданнѣйшаго работника института, и эта смерть набросила немалую тѣнь на его юбилейныя торжества ***). Онъ принадлежалъ, — говоритъ Лееръ, — къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые находятъ себя наслѣдниковъ, но не замѣстителей.

Первоначальная организація института была такова: президентомъ избранъ Манчини, въ товарищи ему: Блюнчли и Парѣ (не присутствовавшій въ Гентѣ), въ главные секретари — Ролентъ-Жекменъ, ставшій на многіе по-

*) Умерли: Блюнчли, Фильдъ, Манчини, Лоримеръ, Лавеле и Безобразовъ.

**) Имена ихъ въ *Tableau général de l'institut* 1893, p. 235 et 236.

***) Памяти его посвятилъ прекрасный некрологъ Лееръ: *Annuaire*, vol. XVII, p. 342 — 347.

слѣдующіе годы душою института. За послѣднее пятилѣтіе *) президентами его состояли: Муанье (1892—94 г.), Рено (1894 г.), Уестлекъ (1895 г.), Бруза (1896 г.), Гоосъ (1897 г.) и Ассеръ (съ авг. 1898 г.). Главнымъ секретаремъ является (съ 1892 г.) Дееръ, казначеемъ—Эд. Роленъ, передавшій это мѣсто въ Гартъ Буасо (Voiseau).

По уставу, выработанному въ Гентѣ, члены института были раздѣлены на три категоріи: почетные, дѣйствительные и сотрудники. Число двухъ послѣднихъ категорій опредѣлено въ количественномъ отношеніи и въ процентномъ: между представителями различныхъ національностей. Званіе почетнаго члена сначала предоставлялось тѣмъ, кто окажутся благотворителями для института и внесутъ ему не менѣе 3,000 фр., но съ 1880 г. оно превращено, какъ и подобаетъ, въ чисто-научное отличіе и предназначается тѣмъ членамъ и сотрудникамъ института или даже лицамъ, не принадлежащимъ къ нему, которые «особенно» отличаются въ области международного права». Званіе это давалось доселѣ съ большимъ выборомъ; имъ пользовались: Бартоломи, Филлиморъ, Филъдъ, Гольдшмидтъ, Люка, Маміани, Парѣ, Тюисъ. Въ настоящее время институтъ имѣетъ 9 почетныхъ членовъ **), изъ нихъ трое удостоены этого въ Гартъ: Муанье, Уестлекъ и Феро-Жиро. Кромѣ того, Муанье и Роленъ-Жекменъ, за ихъ многочисленныя заслуги, состоятъ почетными президентами института.

Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ членство давалось въ институтъ либо прямо, либо тѣмъ, которые были ранѣе сотрудниками. На этомъ основаніи къ 37 членамъ 1873 г. шестнадцать лицъ были еще выбраны непосредственно въ члены. Но въ 1878 г. нашамъ неудобнымъ такое различіе въ ихъ выборѣ и постановили не назначать никого членомъ, кто ранѣе не былъ сотрудникомъ, а отъ сотрудниковъ стали требовать дѣйствительнаго участія въ работахъ института либо на его сѣздахъ, либо въ коммиссіяхъ. Только для четырехъ лицъ было допущено съ тѣхъ поръ исключеніе изъ этого правила ***). Съ 1873 по 1898 г. въ составъ института избрано въ цѣломъ 196 человекъ. Нынѣ (къ сент. этого года) онъ состоитъ изъ 9 почетныхъ членовъ, 56 дѣйствительныхъ и 53 сотрудниковъ ****). Россія имѣетъ въ немъ пять представителей: петербургскихъ профессоровъ Мартенса и Ивановскаго, попечителя въ Петербургѣ Капустина, Вакселя, директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, и автора настоящей статьи.

Всѣми текущими дѣлами института завѣдуетъ бюро. Оно нынѣ состоитъ изъ президента, Ассера; двухъ вице-президентовъ, Капустина и Пьеран-

*) О президентахъ и прочихъ должностныхъ лицахъ его за первое двадцатилѣтіе см. въ статьѣ нашей объ институтѣ въ *Русской Мысли* 1893 г., сентябрь.

**) Муанье, Уестлекъ, Кальво, Оливекрона, Феро-Жиро, бар. Ламбермонъ, Гартъ, бар. Курсель, Рахузенъ.

***) Для Гарта, Ламбермонъ, Курсель и Рахузена, избранныхъ прямо въ почетные члены.

****) По уставу число дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ не должно превышать 60.

ни; постоянного главного секретаря, Леера; ежегодного главного секретаря (т.-е. избираемого на годъ), Гарбургера; двухъ секретарей, Кебеджи-гр. Ростворовскаго, и казначея, Буасо.

II.

Переходимъ къ работамъ института. Изъ нихъ особенно интересны для насъ тѣ, которыя оказали извѣстное воздѣйствіе на международную жизнь тѣмъ подтвердили научную прозорливость института, который сумѣлъ о этихъ вопросахъ взять на себя починъ.

Какъ цивилистъ, Ассеръ начинаетъ свой обзоръ съ частнаго международного права. Съ первыхъ же сѣздовъ институтъ поставилъ на очередь изученіе правилъ, которыя могли бы быть рекомендованы государствамъ для введенія ихъ въ международные договоры съ цѣлью единообразнаго рѣшенія столкновеній между ихъ различными гражданскими и уголовными законами. Институтъ началъ съ гражданского процесса и постепенно перешелъ къ изученію коллизій между гражданскими законами (разныхъ странъ) по вопросамъ: о правахъ иностранцевъ, личномъ статутѣ, наследованіяхъ, бракахъ, разводѣ, опекѣ надъ малолѣтними и совершеннолѣтними. По этимъ вопросамъ представили интересные доклады: самъ Ассеръ, Аритцъ, Уестлэкъ, Бруза, Баръ, Лееръ, Глассонъ. Эти занятія не прошли безслѣдно благодаря дипломатическимъ конференціямъ, которыя, по почину нидерландскаго правительства, были созваны въ Гагѣ, въ 1893 и 94 годахъ. Послѣ этого Нидерланды назначили специальную комиссію, председателемъ которой состоитъ Ассеръ, съ цѣлью подготовить матеріалы для будущихъ конференцій и выработать проекты законовъ, нужныхъ для исполненія трактатовъ. Такія же комиссіи существуютъ въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ Мартенса, въ Бельгіи—статсъ-секретаря Ландсгера и недавно назначена такая же во Франціи въ предсѣдательствѣ Рено и въ составъ которой вошелъ еще другой членъ института, Лене. Если бы,—замѣчаетъ Ассеръ,—другія державы послѣдовали этому примѣру и еслибъ удалось установить между этими комиссіями непосредственныя сношенія, чрезъ это много были бы ускорены и облегчены дальнѣйшіе переговоры.

Въ области торговаго права институтъ не ограничился задачею устраненія коллизій между разномѣстными законами, но приступилъ даже къ выработкѣ основныхъ началъ для законовъ единообразныхъ. Онъ это сдѣлалъ въ общихъ чертахъ для нѣкоторыхъ частей морского права, но въ особенности заслуживаетъ вниманія выработанный имъ, по предложенію покойнаго его члена Норсы, подробный проектъ единообразнаго закона о векселяхъ и бумагахъ на предъявителя.

Но съ 1888 г. институтъ не пошелъ далѣе по этой дорогѣ, отчасти потому, что этого рода вопросы не относятся, съ точки зрѣнія науки, къ международному праву, отчасти изъ желанія предоставить ихъ разработку

другимъ обществамъ, въ составъ которыхъ входятъ, наравнѣ съ юристами, и представители торговли и судоходства.

Не менѣе потрудился институтъ, въ разсматриваемый нами періодъ, и надѣ задачами публичнаго международного права.

Вслѣдъ за русско-турецкой войной онъ высказался, на основаніи работъ Тюмса и Мартенса, за нейтрализацію Суэзскаго канала. Этотъ принципъ признанъ позднѣе державами въ Константинопольскомъ договорѣ 1888 г. послѣ того, какъ текстъ его былъ подготовленъ парижскою конференціей 1885 г., въ составъ которой входили три члена института.

По отношенію къ другой артеріи международныхъ сношеній, рѣкъ Конго, институтъ, по почину Муанье, возвысилъ свой голосъ за необходимость установить на ней свободу судоходства и обезпечить ее международнымъ соглашеніемъ. Это его желаніе и было выполнено берлинскою конференціею 1885 г., на которой засѣдало и нѣсколько его членовъ.

Институтъ серьезно занимался вопросомъ о территориальномъ морѣ. Тутъ починъ былъ данъ Берклеемъ. Институтъ призналъ для территориальнаго моря шестимильную границу отъ берега съ пункта наибольшаго отлива. Въ связи съ этимъ онъ разработалъ подробно и вопросъ о національности торговыхъ судовъ и о правѣ ихъ на флагъ. При этомъ имъ руководило стремленіе подойти ближе къ типу однообразнаго на этотъ счетъ закона. То же можно сказать объ изслѣдованіяхъ его по другому, сродственному съ этимъ предмету о національности или подданствѣ лицъ вообще.

Институтъ далѣе, по предложенію Рено, рекомендовалъ охрану международныхъ кабелей, что было подтверждено позднѣйшею парижскою конвенціей 1884 г. Къ сожалѣнію, охрана эта признана только на время мира, а не войны, и только что окончившаяся американско-испанская война ясно указала на возникающія отсюда немаловажныя неудобства для нейтральныхъ.

Вообще институтъ не мало занимался правомъ войны и нейтралитета. При самомъ его основаніи была назначена коммиссія для изученія трехъ такъ называемыхъ вашингтонскихъ правилъ объ обязанностяхъ нейтральныхъ. Институтъ пришелъ относительно ихъ къ опредѣленнымъ заключеніямъ. Позднѣе, по предложенію Блюнчли и Ролень-Жекменъ, онъ тщательно разсмотрѣлъ проектъ брюссельской деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны и составилъ свое *Руководство (Manuel)* по этой части международного права, причемъ онъ пользовался содѣйствіемъ и указаніями своего военнаго члена, бывшаго военнаго министра Нидерландовъ.

Работы Брузы и Клеена дали институту возможность одобритъ регламентъ о военной контрабандѣ. Этотъ актъ составленъ въ смыслѣ благопріятномъ для нейтральныхъ, такъ какъ въ немъ отвергнуты понятія о контрабандѣ относительной и случайной. Съ особенною тщательностью институтъ изучилъ призовое право. Относящійся къ нему уставъ былъ составленъ и разработанъ съ большими подробностями покойнымъ Буле-

ингомъ. Въ этомъ уставѣ опредѣляются не только общія начала призываго права, но и организація и юрисдикція тѣхъ судовъ, которые призваны пріимать эти начала. Быть можетъ, при изученіи этого столь интереснаго регламента можетъ возникнуть мысль: согласятся ли государства принять рекомендуемые въ немъ международныя призывныя суды? Это юза вопросъ будущаго, но введеніе ихъ составило бы несомнѣнный великій шагъ впередъ надъ господствующею практикою, которая далеко не всегда обезпечиваетъ безпристрастнаго рѣшенія по этимъ спорамъ.

Институтъ на первыхъ же сессіяхъ разсмотрѣлъ и одобрилъ выработанный Гольдшмидтомъ уставъ дѣлопроизводства для международныхъ третейскихъ судовъ и этимъ далъ свою санкцію принципу третейской юрисдикціи въ международныхъ расприхъ. Хотя и этотъ регламентъ не былъ принятъ правительствами, но они за послѣдніе годы вступаютъ все чаще и рѣшительнѣе на путь третейской юстиціи для рѣшенія своихъ несогласій. Достойнъ вниманія еще другой фактъ: правительства стали избирать въ третейскіе судьи членовъ института: Мартенсъ, уже состоявшій ранѣе такимъ судьей, избранъ недавно Великобританіею и Венецуелою въ предѣатели третейскаго суда, имѣющаго разсмотрѣть ихъ споръ о границахъ въ Гвіанѣ. Дежарденъ получилъ порученіе рѣшить споръ между Англіею и Бельгіею изъ-за высылки съ территоріи послѣдней англійскаго гражданина Бентъ-Тилле. Ривье незадолго передъ смертію былъ выбранъ Россіею и Англіею въ третейскіе судьи по спору относительно ловли китиковъ. Англія потребовала крупную сумму вознагражденія за канадскія суда, взятые русскими крейсерами въ территоріальныхъ водахъ Россіи, при ихъ преслѣзованіи за эту ловлю.

Бъ указаннымъ Ассеромъ работамъ института должно присоединить еще другія, не менѣе важныя. Всѣ онѣ либо хорошо резюмируютъ начала, уже вошедшія въ международную практику, либо значительно ее исправляютъ и расширяютъ, представляя кроми того образцы настоящей международной кодификаціи по сложнымъ и труднымъ вопросамъ.

Таковы регламенты: о посольскомъ и консульскомъ правѣ, о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ; о выдачѣ преступниковъ, объ изгнаніи иностранцевъ, о занятіи новыхъ территорій, заключенія: о мирной блокадѣ, о бомбардированіи открытыхъ мѣстъ, о неприкосновенности частной собственности на морѣ во время войны, объ установленіи уніи для издачія трактатовъ и т. д. Всѣ эти работы, если и не вошли въ жизнь цѣлкомъ, представляютъ однако высокій научный интересъ, принадлежа больше или менѣе извѣстнымъ специалистамъ и являясь результатами долгихъ совѣстныхъ ихъ обсужденій. Но, помимо научнаго значенія ихъ содержанія, онѣ интересны еще съ другой стороны—своею связью съ текущею политическою жизнью народовъ, ибо мотивами къ нимъ всегда служатъ какіе-либо факты международной практики, вскрывающіе пробѣлы либо въ нормахъ, либо въ организаціи международнаго права. Изучая эти нецелостатки, и не съ одной только теоретической стороны, а и съ практиче-

ской и жизненной, институтъ всегда озабоченъ лучшимъ ихъ устраненіемъ на почвѣ и сообразно съ дѣйствующими принципами права вообще.

III.

Юбилейныя засѣданія института происходили, какъ замѣчено, въ Гагѣ. На этомъ съѣздѣ участвовало 27 дѣйствительныхъ членовъ и 16 сотрудниковъ, принадлежащихъ къ 16 различнымъ національностямъ *). Изъ Россіи былъ Капустинъ, петербургскій попечитель, но не пріѣхалъ проф. Мартенсъ, такъ аккуратно посѣщающій всѣ съезды института. При открытіи этого съезда члены его были привѣтствуемы прекрасною рѣчью нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Бофора. Онъ не скрылъ отъ собранія, что нѣкоторыя явленія современной намъ международной жизни могутъ наводить на ея изслѣдователей тяжелое раздумье: усиливашіеся разрывъ и антагонизмъ народовъ на экономической почвѣ, непрерывный ростъ вооруженій. «Военные и морскіе бюджеты стали теперь настоящими марами для министровъ финансовъ всѣхъ странъ». Но все-таки не умираетъ вѣра въ будущее тотъ, кто изучаетъ исторію человѣчества въ целомъ. Онъ знаетъ, что всѣ великія идеи идутъ къ своему осуществленію, хотя не прямо и со многими задержками, но несомнѣнно. Какъ привѣтъ, министръ указалъ на принципъ неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ. Провозглашенный еще Пруссіею и Соединенными Штатами въ ихъ договорѣ 1785 г. и требуемый столькими интернационалистами, онъ, въ теченіе нашего вѣка, хотя еще не получилъ полного признанія отъ правительствъ, однако сдѣлалъ большіе шаги въ этомъ направленіи. Уже теперь каперство отмѣнено навсегда, признана неприкосновенною какъ нейтральная собственность подъ непріятельскимъ флагомъ, такъ и непріятельская подъ нейтральнымъ флагомъ. Война текущаго года подтвердила намъ, что эти начала успѣли уже пустить въ общественномъ сознаніи столь глубокіе корни, что даже державы, не присоединившіяся къ деклараціи 1856 г. и, поэтому, имѣвшія полную свободу не слѣдовать имъ, однако сейчасъ же признали ихъ, какъ только очутились въ войнѣ. Это самъ по себѣ весьма знаменательный фактъ, который можетъ насъ хотя отчасти утѣшить отъ многихъ другихъ печальныхъ впечатлѣній, вызванныхъ этою войною. Съѣздъ въ Гагѣ сопровождался цѣлымъ рядомъ пріемовъ. Обѣ королевы, несмотря на прекращеніе официальныхъ пріемовъ по случаю наступавшаго торжества коронованія Вильгельмины, удостоили однако аудіенціи членовъ бюро института, причемъ онѣ обратились къ каждому изъ нихъ (это были представители Бельгіи, Франціи, Германіи и Италіи) на родномъ для него языкѣ.

Однако въ Гагѣ институтъ не только пировалъ, но и поработалъ серьезно. Онъ покончилъ съ большимъ регламентомъ (изъ 46 статей) о юри-

*) Изъ 11 человѣкъ, участвовавшихъ на первомъ съѣздѣ въ Гентѣ (1873 г.) тамъ находились: Роланъ-Жекменъ, Ассеръ и Пьератоми, а изъ избранныхъ въ Гентѣ лицъ: Вестлекъ и Альб. Роланъ.

ескомъ положеніи кораблей и ихъ экипажей въ иностранныхъ портахъ *). Еще на предшествующемъ сѣздѣ, въ Копенгагенѣ, институтъ свое предварительное согласіе на первую часть этого регламента, посвященную мирному времени. Теперь, въ Гагѣ, онъ рассмотрѣлъ вторую часть: о принудительныхъ мѣрахъ во время войны—и придалъ всей работѣ окончательную редакцію. Главными авторами ея, въ качествѣ младчиковъ, были Форо-Жиро и Клеенъ.

Кромѣ этой главной работы, институтъ одобрилъ еще нѣсколько заключеній о сношеніяхъ между судебными властями различныхъ государствъ по поводу неоконченныхъ еще дѣлъ и о значеніи въ международномъ правѣ гарантальныхъ актовъ. Поставлены на очередь три новые вопроса: изслѣданіе принципа нейтралитета (по предложенію Деканъ); о правахъ третьихъ государствъ по отношенію къ странѣ, которая не можетъ или не хочетъ выполнить своихъ финансовыхъ обязательствъ передъ гражданами ихъ государствъ (внесено Буасо и Кретьенъ); объ ограниченіяхъ ввоза и вывоза въ международной торговлѣ (сдѣлано Штёркомъ и Весничемъ). Временный интересъ этихъ вопросовъ очевиденъ для всякаго. Внося подобное предложеніе, Весничъ поставилъ особенно на видъ, что государства, включая торговые договоры, которые формально воспрепятствуютъ всякое ограниченіе ввоза и вывоза товаровъ, въслѣдствіи однако обходятъ это условіе различными внутренними административными распоряженіями, что вызываетъ между ними ожесточенную таможенную войну. Такія дѣйствія отбрасываются весьма дурно на ихъ добрыхъ отношеніяхъ и, въ сущности, равносильны частичной отміткѣ самихъ договоровъ. Необходимо съ большею ясностью опредѣлить и, по возможности, ограничить проявленіе подобныхъ поведеній. Въ ближайшіе годы наступаетъ срокъ, на который заключены нѣкіе торговые договоры и, поэтому, институту слѣдовало бы безотлагательно заняться этимъ вопросомъ съ цѣлію рекомендовать правительствамъ, чтобы они въ своихъ новыхъ договорахъ предусматривали обращеніе къ третейской юрисдикціи во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обхода этихъ договоровъ.

Изъ постороннихъ сообщеній заслуживаетъ особеннаго вниманія записка Пьерантони о недавно заключенномъ (23 іюля, въ Римѣ) третейскомъ договорѣ между Аргентиною и Италіею, по почину первой. Въ немъ 12 статей. Высокія стороны обязываются представлять на рѣшеніе третейскаго суда всѣ могущіе возникнуть между ними споры, какова бы ни была ихъ природа и причина, если имъ не удастся устранить ихъ дружелюбно, путемъ непосредственныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Вышесказанное въ настоящей статьѣ условіе объ обращеніи къ третейскому суду (*clause d'arbitrage*) распространяется даже на несогласія, которыя могли возникнуть ранѣе подписанія этого договора. Когда наступитъ случай, сто-

*) Règlement sur le régime légal des navires et de leurs équipages dans les ports étrangers (Ann. XVII, p. 273—287).

роны заключаютъ особенную конвенцію, въ которой опредѣляютъ: предметъ спора, объемъ полномочій третейскихъ судей и всѣ прочія подробности, касающіяся порядка дѣлопроизводства. За отсутствіемъ же подобной конвенціи, судъ, по желанію сторонъ, самъ опредѣлитъ вопросы права, факта, требующіе разсмотрѣнія для рѣшенія спора. Въ случаяхъ отсутствія конвенціи или непредусмотрѣнія ею указанныхъ вопросовъ, помѣгаются слѣдующія правила:

Судъ составляется изъ трехъ членовъ. Каждое государство назначаетъ по одному изъ нихъ. Эти двое третейскіе судьи выбираютъ третьяго. Вслучаѣ несогласія между ними на этотъ счетъ, этотъ общій судья (*l'arbitre*) назначается главою государства, къ которому обратятся. Если стороны не могутъ согласиться относительно выбора этого государства, тогда эта обращается по очереди къ президенту Швейцаріи и къ королю Швейцаріи и Норвегіи. Общій третейскій судья, назначенный такимъ образомъ, становится предсѣдателемъ суда. Не дозволяется назначать на это нѣсколько разъ одно и то же лицо.

Третейскіе судьи не могутъ быть гражданами договаривающихся государствъ, ни жить на ихъ территоріяхъ (*ni domiciliés ou résidents*). Они должны имѣть никакого интереса въ вопросахъ, составляющихъ предметъ спора. Если судья, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не можетъ исполнять своей должности, онъ замѣщается тѣмъ же способомъ, какимъ былъ назначенъ. При отсутствіи спеціального на этотъ предметъ соглашенія сторонъ, судъ самъ назначаетъ время и мѣсто для своихъ засѣданій, — мѣсто отдаленное отъ территорій договаривающихся государствъ. Онъ выбираетъ языкъ, на которомъ ведется производство, и назначаетъ всѣ сроки и формы судебного разбирательства, а равно мѣры, которыя сочтетъ необходимыми въ видахъ устраненія могущихъ возникнуть при разбирательствѣ препятствій. Стороны въ свою очередь обязываются предоставить судьямъ всѣ матеріалы, имѣющіеся у нихъ и необходимые для дознанія. Доверенный отъ каждой стороны присутствуетъ на засѣданіяхъ суда и является представителемъ своего правительства по всѣмъ дѣламъ, связаннымъ сданнымъ разбирательствомъ. Судъ компетентенъ для рѣшенія вопросовъ о законности собственнаго учрежденія, о дѣйствительности компромисса, а также относительно толкованія послѣдняго.

Рѣшеніе судъ постановляетъ по принципамъ международнаго права, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда компромиссомъ предписываются спеціальныя правила, или когда онъ разрѣшаетъ судьямъ выступить и въ качествѣ посредниковъ (*amiables compositeurs*). При отсутствіи противоположнаго об этомъ постановленія всѣ рѣшенія суда дѣйствительны, если они приняты большинствомъ голосовъ.

Рѣшеніе суда оканчиваетъ всякій споръ. Оно составляется въ двухъ экземплярахъ и подписывается всѣми судьями. Въ случаѣ отказа одного изъ судей отъ подписи, объ этомъ дѣлается оговорка въ рѣшеніи, которое однако дѣйствительно, если одобрено абсолютнымъ большинствомъ

Не дозволяется присоединять къ рѣшенію мотивы несогласнаго съ тѣмъ члена. Оно сообщается сторонамъ чрезъ ихъ представителя при судѣ. Каждая изъ сторонъ платитъ свои издержки и несетъ половину общихъ расходовъ на содержаніе суда.

Рѣшеніе, законно постановленное, оканчивается въ границахъ своего дѣйствія споръ между народами. Оно должно указывать на срокъ, въ теченіе котораго подлежитъ исполненію. Суду предоставляется рѣшать и несогласія, которыя могутъ возникнуть по поводу исполненія его рѣшенія.

Это рѣшеніе не подлежитъ обжалованію и доверяется чести договаривающихся сторонъ. Но до выполненія приговора допускается просьба о пересмотрѣ его тѣмъ же судомъ, если, во-первыхъ, рѣшеніе было основано на какомъ-либо подложномъ или невѣрномъ документѣ, и, во-вторыхъ, если въ цѣломъ или въ частяхъ было вызвано фактическою ошибкой положительнаго или отрицательнаго характера, проявленною въ дѣйствіяхъ или документахъ процесса.

Настоящій договоръ заключается на десять лѣтъ со дня обмѣна его ратификацій. Если онъ не будетъ отиѣненъ за шесть мѣсяцевъ до наступленія этого срока, онъ продолжается на новыя десять лѣтъ и такъ далѣе.

Кромѣ единственнаго пункта объ обжалованіи рѣшенія, этотъ договоръ отвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ современною теоріею международного права къ подобнаго рода договорамъ и надо только пожелать, чтобъ онъ скорѣе былъ ратификованъ и нашелъ побольше себѣ подраателей. Лордъ Рей сдѣлалъ оговорку, что Англія и С.-Штаты имѣли своихъ членовъ въ составѣ женеваго и парижскаго третейскихъ судовъ и лучше-де обезпечиваетъ интересы тяжущихся сторонъ. Мнѣніе, съ которымъ, однако, можно не согласиться.

Деканъ, воздавъ должное Италіи за вступленіе ея, съ легкой руки Манни, на путь третейской юстиціи, напомнилъ собранію, что это—не единственный договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ (*arbitrage général et permanent*). Бельгія заключила не менѣе шести такихъ договоровъ. Большая часть изъ нихъ заключены со странами вѣввропейскими. Что же касается государствъ Европы, то первый такой примѣръ былъ поданъ договоромъ Швейцаріи съ Конго (16 ноября 1889 г.). Между странами исключительно европейскими самое широкое и общее условіе о компромиссѣ мы находимъ въ ст. 7 договора 5 іюля 1894 г. Голландіи съ Португаліею. Въ ней мы читаемъ: «всякій вопросъ или несогласіе относительно толкованія или исполненія настоящей деклараціи, а равно всякій другой вопросъ, который можетъ возникнуть между обѣими странами, лишь бы онъ не касался ихъ зависимости и автономіи и не былъ рѣшенъ ими полюбовно,—предоставляется на рѣшеніе двухъ третейскихъ судовъ, изъ которыхъ каждое правительство назначаетъ по одному. Въ случаѣ разногласія между обоими судьями, они сообща избираютъ третьяго, который и постановляетъ рѣшеніе». Договоръ Швейцаріи съ Конго предусматриваетъ случай несогласія между членами относительно выбора третьяго и говорить, что въ этомъ случаѣ

«онъ назначается правительствомъ, на которое укажутъ оба суды, въ жребіемъ». Представителемъ Швейцаріи при составленіи этого договора былъ Ривье.

Приведенный нами договоръ Итали съ Аргентиной,—говоритъ Деканъ,—особенно замѣчателенъ по тому органическому развитію, которое онъ даетъ условію о компромиссѣ и третейской процедурѣ вообще.

Въ заключеніе былъ рассмотрѣнъ вопросъ о времени и мѣстѣ будущаго сѣзда института и постановлено: не созывать сѣзда въ 1899 г., а предоставить бюро въ свое время рѣшить: быть ли слѣдующему сѣзду весною 1900 г. или въ обычное время, въ началѣ осени и гдѣ именно? Весною возможно, что въ Мадридѣ, откуда идутъ уже давно приглашенія. Устроитъ же сѣздъ въ Парижѣ во время всемірной выставки нашли неудобнымъ и тѣмъ основаніямъ, которыя были высказаны противъ сѣзда тамъ, еще и по поводу предшествующей всемірной выставки въ Парижѣ, въ 1889 г. Искусъ сообщилъ, что изъ общаго мнѣнія съ Мартенсомъ и Капустинымъ онъ несетъ убѣжденіе, что Институтъ ожидаетъ, въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, радушный пріемъ и въ Россіи, съ чѣмъ, конечно, мы можемъ только согласиться.

До сихъ поръ институтъ собирается всего 19 разъ: 4 раза въ Швейцаріи: въ Женевѣ (1874 и 1892 г.), Цюрихѣ (1877 г.) и Лозаннѣ (1888 г.); по 3 раза въ Бельгіи: въ Гентѣ (1873 г.), въ Брюсселѣ (1879 и 1885 г.) и въ Германіи: въ Мюнхенѣ (1883 г.), Гейдельбергѣ (1887 г.) и Гамбургѣ (1891 г.); по два раза въ Голландіи: въ Гагѣ (1875 и 1898 г.); въ Италіи: въ Туринѣ (1882 г.), въ Венеціи (1896 г.); въ Англіи: въ Оксфордѣ (1880 г.), Кембриджѣ (1895 г.); во Франціи: въ Парижѣ (1878 и 1894 г.) и 1 разъ въ Даніи: въ Копенгагенѣ (1897 г.).

IV.

Обозрѣвая въ цѣломъ дѣятельность института за истекшее первое двадцатипятилѣтіе его существованія, нельзя не сказать, что онъ блистательно оправдалъ надежды, которыя возлагались на него при его учрежденіи и благородными основателями и всегда стремился надъ разработкой и расширеніемъ основныхъ началъ международного права въ современномъ обществѣ. Въ этой области онъ дѣйствительно является наиболѣе авторитетнымъ органомъ правосознанія цивилизованнаго міра. Учрежденіе вполне частное, институтъ отиѣченъ, однако, характеромъ строго-научнымъ, беспристрастнымъ и международнымъ. Въ этомъ—тайна его силы и залогъ великой для него будущности. Уже теперь въ обширной сферѣ международного права нѣтъ почти вопроса, надъ которымъ онъ такъ или иначе не потрудились бы и не высказали своего мнѣнія послѣ долгаго и зрѣлаго труда.

Наша увѣренность въ свѣтломъ будущемъ института основывается не только на этомъ его прошломъ, но и на природѣ той потребности, кото-

ия его вызвала къ жизни: въ наше время едва ли не всякая дѣятельность людей выходитъ за политическія границы отдѣльнаго государства и стремится стать на почву и облечься въ формы международныя. Потребность въ болѣе правильной и рациональной организаціи этихъ международныхъ сношеній сказывается все настойчивѣе какъ для государствъ, такъ и для частныхъ лицъ и обществъ.

Какъ бы посредникомъ между этими двумя великими сферами сношеній является институтъ, который, на-ряду съ дѣятельностью дипломатовъ и отдѣльныхъ ученыхъ, создаетъ для международного права третій органъ—общественнаго научнаго труда. Таковой особенно важенъ въ международной области, гдѣ національныя теченія и предрасудки часто невыгодно отражаются на дѣйствіяхъ правительствъ и на мнѣніяхъ ученыхъ. Стоя мужественно на стражѣ правды и справедливости, институтъ въ то же время работаетъ и надъ укрѣпленіемъ и расширеніемъ мира въ жизни народовъ, а это даетъ ему право на благодарность всѣхъ, кому дороги интересы чело-вѣчества.

Гр. Л. Намаровскій.

Современный русскій театръ.

«Театръ!... Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души своей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до восторженнаго изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театръ болѣе всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ воздымаетъ ураганъ песчаный потокъ въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи?... Что же такое, спрашиваю васъ, театръ? О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній!... Здѣсь живете не своею жизнью, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещете не за свою опасность; здѣсь ваше холодное я исчезаетъ въ пламенномъ вѣнцѣ любви. Если васъ мучитъ тоскостная мысль о трудномъ подвигѣ вашей жизни и слабости вашихъ силъ, вы здѣсь забудете ее; если душа ваша алкала когда-нибудь любви и упоенья, если въ вашемъ воображеніи мелькалъ когда-нибудь плѣнительный образъ давно вами забытый, какъ мечта несбыточная, — здѣсь эта жажда всныхиваетъ въ васъ съ новою, неукротимою силой, здѣсь этотъ образъ снова явится вамъ, и вы увидите его очн, устремленные на васъ съ тоскою и любовью, упоетесь его обаятельнымъ дыханіемъ, содрогнетесь отъ огненнаго прикосновенія его руки... О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете»...

Такъ писалъ о театрѣ въ своихъ *Литературныхъ мечтаніяхъ* великій критикъ - идеалистъ, память котораго мы недавно чествовали. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе 60 лѣтъ — и Боже мой! — какая громадная разница между отношеніемъ къ театрѣ современнаго интеллигентнаго человѣка и отношеніемъ Бѣлинскаго. Кто изъ насъ считаетъ театръ самовластнымъ властелиномъ своихъ чувствъ? Кто видитъ въ немъ попрежнему истинный храмъ искусства, при входѣ въ который мы мгновенно отдѣляемся отъ земли?

освобождаясь отъ всѣхъ житейскихъ отношеній? Кто изъ насъ, наконецъ, испытываетъ въ театрѣ тѣ высокія, восторженные чувства, которыя испытывалъ Бѣлинскій? Правда, мы еще продолжаемъ, по привычкѣ, называть театръ храмомъ Мельпомены, но эти слова давно потеряли серьезный смыслъ. Но же такое произошло за это время? Или мы стали такъ сухи и черствы, то искусство перестало насъ интересовать? Или мы такъ увлечены задачами дѣйствительности, что намъ не до театра? Нѣтъ, объ искусствѣ мы говоримъ больше, чѣмъ когда-нибудь, и даже воскрешаемъ забытыя теоріи вѣлаго искусства; наша сѣрая, тоскливая дѣйствительность не способна насъ увлечь, и мы больше, чѣмъ когда-нибудь чувствуемъ потребность вырваться отъ нея «въ чарованья красныхъ вымысловъ». Произошло то, то театръ палъ. Въ храмѣ, гдѣ когда-то возносились жертвы чистой и строгой богинѣ искусства, теперь разыгрываются глупѣйшіе фарсы, безмысленныя пьесы, представляющія собой жалкую пародію искусства; вмѣсто речей, благоговѣнно исполняющихъ свое дѣло, мы сплошь и рядомъ видимъ жалкихъ ремесленниковъ, которые не задумаются исказить до неузнаваемости любое произведеніе, — людей, для которыхъ сцена явилась послѣднимъ пристанищемъ послѣ неудачъ, постигшихъ ихъ на всѣхъ другихъ предпріятіяхъ. Что имъ Гекуба и что они ей? — невольно вспоминаются при видѣ ихъ слова Гамлета. Да, театръ палъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Однако, театръ слишкомъ дорогъ намъ, чтобы мы могли ограничиться лишь констатированіемъ печальнаго факта его упадка. Необходимо изслѣдовать это явленіе ближе, тщательно изучить симптомы его, раскрыть его причины и подумать о мѣрахъ къ его устраненію.

Недавно вышли изъ печати два тома трудовъ перваго всероссійскаго сѣзда сценическихъ дѣятелей, происходившаго въ Москвѣ въ мартѣ прошлаго года. Эти труды даютъ намъ богатый матеріалъ для характеристики современнаго русскаго театра. Мы, можетъ быть, не найдемъ въ нихъ всесторонняго выясненія причинъ упадка театра, мы, можетъ быть, не всегда будемъ согласны съ мѣрами, которыя предлагались на сѣздѣ для его подлѣтія, но кто лучше этого собранія, состоявшаго болѣе чѣмъ изъ 1,300 членовъ, самымъ близкимъ образомъ прикосновенныхъ къ сценѣ, могъ обрисовать истинное положеніе современнаго театра?

Выражаясь словами артиста Ленскаго, сѣздъ представлялъ собою «собраніе врачей, окружившихъ постель больного искусства». Что сценическое искусство переживаетъ серьезную, тяжелую болѣзнь — въ этомъ единодушно ходились всѣ. Перелистывая эти два тома, вы прямо поражаетесь тѣмъ, сколько жалобъ, сколько горечи принесли съ собою на сѣздъ его члены. Эти люди, измученные, разбитые, съ больной душой, съ истрепавшимися нервами, въ одиночку работавшіе въ разныхъ углахъ Россіи, точно обрадовались возможности сойтись вмѣстѣ и излить, наконецъ, то, что накопилось у нихъ за долгіе годы молчаливыхъ страданій и униженій. Вспомнились и матеріальныя невзгоды, и вѣчное бродяжничество, и унижительная

зависимость от кулака — антрепренера, и постоянные уколы самолюбия, этому болезненно-развитому актерскому самолюбию, а главное — вспомнившее собственное падение, превращение из юноши, мечтавшего о служении святому искусству, в обыкновенный тип мелкого провинциального актера — полились горькие жалобы и слова укоризны. Безпощадно разоблачались все дурные стороны актерской среды, раскрывались язвы большого организма, и картина получалась такая, которая значительно превосходит все, что было нам известно о падении сцены.

Раньше всего поднялись жалобы на крайнюю материальную необеспеченность актерствующей братии. Уже в первой речи, произнесенной на съезде его почетной председательницей Н. М. Медвѣдовой, было указано на то, что «пора позаботиться о провинциальномъ актерѣ, вспомнить, что онъ прежде всего человекъ, утолить его голодъ, отереть его слезы». «Всѣмъ вамъ знакома жизнь современнаго Несчастливцева, — сказала артистка, — всѣмъ вамъ известно, что послѣ дурно сыгранной драмы на сценѣ, тамъ, въ полутьмѣ кулисъ, между пыльных и дырявыхъ декораций, разыгрываются нерѣдко такіа «драмы за сценой», отъ которыхъ затрепещетъ само мужественное сердце, заблещутъ слезы на самыхъ суровыхъ глазахъ. Тамъ и настоящіе короли Лиры, и сломленные жизненной борьбой Борделии, наконецъ, тамъ просто голодные и страдающіе люди». «О крайней, вопиющей необеспеченности» актеровъ говорилъ г. Селивановъ. Г. Ленскій указалъ на «почти всеобщій голодъ среди многочисленной семьи русскихъ актеровъ, — голодъ, являющійся самымъ жгучимъ вопросомъ настоящаго съезда». Въ такихъ или даже еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ говорится о необеспеченности актеровъ чуть ли не во всѣхъ докладахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ докладовъ, резюмируя общее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ съезда, г. Крешлевъ указываетъ на то, что вопросъ о материальномъ обеспеченіи сценическихъ дѣятелей, по общему сознанию членовъ съезда, является однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ вопросомъ.

Одновременно съ этими жалобами и, такъ сказать, въ связи съ ними, раздавались жалобы на упадокъ театра вообще. «Провинциальный театр въ агоніи, — читаемъ мы въ докладѣ Н. М. Медвѣдовой, — имъ заправляютъ, за рѣдкими исключеніями, люди совершенно чуждые искусству, публике его не посѣщаетъ, сборовъ нѣтъ, актеры не получаютъ жалованья, голодъ, холодъ, нищета — ихъ удѣлъ». «Если посмотрѣть безпристрастнымъ окомъ на нашъ російскій современный театръ и его служителей, — пишетъ другой докладчикъ г. Панинъ, — то невольно глубокая тоска западаетъ въ душу. Въ самомъ дѣлѣ, столько безотрадныхъ картинъ въ этомъ болотѣ, что свѣтлыя, отрадные явленія безсмысленно тонутъ въ грязной массѣ». «Объ упадкѣ театральнаго дѣла въ провинціи, — пишетъ г. Арбенинъ, — такъ много говорилось и писалось за послѣдніе годы, что вопросъ этотъ давно уже сталъ общимъ мѣстомъ. Паденіе провинціальной сцены — фактъ не поддающій сомнѣнію... Любовь къ театру за послѣднее время замѣтно слабѣетъ. Въ пуб-

нѣтъ прежняго воодушевленія, и отъ театральной залы все чаще и чаще вѣетъ холодомъ и апатіей».

Сами актеры сознавали, что ихъ печальное матеріальное положеніе стоитъ въ тѣсной связи съ упадкомъ театра вообще. Это видно изъ первой же резолюціи, принятой съѣздомъ и указывающей, кромѣ необезпеченности актерскаго труда, и на отрицательныя стороны нравственного и художественнаго строя всего театрального дѣла.

Въ чемъ же причины этого упадка театра и связаннаго съ нимъ печальнаго матеріальнаго положенія актеровъ?

Большинство членовъ съѣзда склонно было искать эти причины въ исто-внѣшнихъ условіяхъ и, прежде всего, въ самой организаціи театрального дѣла. Съѣздъ жестоко осудилъ какъ частную антрепризу, такъ и возникшія за послѣднее время артистическія товарищества, — двѣ чаще всего встрѣчающіяся формы театральныхъ предпріятій. «Антрепренерство, — читаемъ мы въ одномъ докладѣ, — есть привилегія нѣкоторыхъ лицъ эксплуатировать публику и актеровъ, язва, продающая одновременно народное благосостояніе и драматическое искусство». Лѣтъ 25—30 тому назадъ нерѣдко встрѣчался типъ антрепренера-мецената, который не только не заботился о барышахъ, но часто тратилъ свои деньги и разорялся на театр. Теперь этотъ типъ давно исчезъ. Театръ попалъ въ руки Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, — людей, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющихъ, чаще всего бывшихъ буфетчиковъ или содержателей «вѣшалки». Вотъ какъ рисуетъ дѣятельность антрепренера одинъ изъ докладчиковъ, г. Панинъ. Набравъ въ Москвѣ труппу и выдавъ членамъ ея авансы, антрепренеръ пріѣзжаетъ однимъ изъ первыхъ въ снятый городъ и выпускаетъ широко-вѣщательное театральное объявленіе. Черезъ нѣсколько недѣль съѣзжаются актеры. Денегъ къ этому времени у антрепренера обыкновенно уже нѣтъ, а тутъ надо писать декорациі, подновить костюмы, сдѣлать кое-какую бутфорію, да еще и актеры пристають за деньгами. Приходится закладывать будущіе доходы, — какъ, наприим., вѣшалку, — и прибѣгнуть къ займамъ. Здѣсь идутъ въ дѣло костюмы и бібліотека, которые закладываются съ правомъ пользоваться ими все время, но съ тѣмъ, что если передъ спектаклемъ деньги не будутъ внесены, то не будетъ ни костюмовъ, ни пьесы. Какъ бы то ни было, деньги добыты, и сезонъ отърывается. Предположимъ лучшій случай: первая пьеса, въ которой участвуютъ лучшія силы труппы, прекрасно обставленная, имѣетъ успѣхъ. Труппа хорошо рекомендовала себя, и публика усердно посѣщаетъ театр. Проходитъ нѣсколько времени, всѣ первые сборы ушли на расплату съ кредиторами, на нужды труппы, и денегъ на обстановку для послѣдующихъ пьесъ нѣтъ. Кредита въ городахъ также нѣтъ. А между тѣмъ отказаться отъ обстановочныхъ пьесъ невозможно. Героння должна появиться во что бы то ни стало въ «Медеѣ», «Маріи Стюартъ» и «Іоаннѣ д'Аркѣ», герой угрожаетъ покинуть труппу, если не поставятъ «Гамлета», «Уриель-Акосту» и «Коварство и любовь»; да и сама публика любитъ костюмныя пьесы. И вотъ

приходится всѣхъ этихъ Гамлетовъ, Мюнхелей, Велларіевъ и т. д. им пускаться въ костюмахъ шутовъ въ соответствующей обстановкѣ. Проходить мѣсяць, другой, и костюмныя пьесы уже не привлекаютъ. Тутъ антрепренеръ пускается во всѣ тяжкія, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заманить публику. Ставятся, приблизительно, слѣдующія пьесы: «Всадникъ безъ головы», «Убіиство Коверлей», «Лѣсной бродяга», «Убіиство въ деревнѣ Мортонъ», «Казнь водой и огнемъ» и т. д. Здѣсь и убійства, и отравленія, и крушенія поѣздовъ, все, что хотите. И несчастные актеры, голодные, чуть ли не съ пѣной у рта отъ злости на судьбу, произносятъ страшные монологи, внутренне проклиная искусство, благодаря которому они принуждены такъ ломаться. Если мелодрамы успѣха не имѣютъ, ставятъ фарсы. Актеры ходятъ чуть ли не на головахъ, вставляютъ цѣлыя сцены отсебятины, канканируютъ. Не вышло съ фарсомъ, бросаются къ опереткѣ, къ либретто оперы «Жидовка». Словомъ, антрепренеръ безтолково мечется, не зная, что бы ему такое предпринять для того, чтобы заманить къ себѣ потонѣйшую публику. Случается, что въ труппѣ найдутся люди, любящіе искусство, но что они могутъ сдѣлать, застрявъ въ глухое время сезона въ провинціальномъ городѣ, откуда они не имѣютъ даже средствъ выбраться. Вотъ краткій, но выразительный діалогъ, приведенный въ одномъ изъ докладовъ: «Жрать хотите?» — «Хочу». — «Играйте такой-то фарсъ». — «Но, извините, вѣдь это пасквиль на искусство!...» — «Не хотите, — убирайтесь». — «Куда?...» Волей-неволей нужно играть, ибо нужно жрать... Послѣ всего этого метанія отъ трагедій къ комедіи, отъ комедіи къ фарсу, отъ фарса къ опереткѣ, а отъ оперетки къ мелодрамѣ, труппа окончательно подрываетъ всякое довѣріе къ себѣ и сборы падаютъ. Тогда антрепренеръ пускается на самыя отчаянныя выдумки: ставить двѣ большихъ пьесы чуть ли не въ 20 картинъ за одинъ вечеръ, даетъ право съ однимъ билетомъ посѣтить два спектакля; наконецъ, приглашаетъ на гастроли дуровскихъ крысъ, разыгрываетъ между публикой самоваръ или живую корову. Театръ окончательно опустѣлъ, актеры страшно бѣдствуютъ, антрепренеръ скрежещетъ зубами. Кое-какъ сезонъ дотягивается, и актеры, не дополучившіе 60% жалованья, рады-радешеньки, если могутъ добраться до Москвы не по шпаламъ, а обычнымъ путемъ передвиженія.

Замѣтите, это еще не худшій случай. Бываетъ и такъ, что антрепренеръ, какъ только начнетъ терпѣть убытки, объявить себя несостоятельнымъ и ретируется. Тогда труппа остается на произволъ судьбы, и актеры буквально умираютъ съ голоду, если только надъ ними не сжалятся добрые люди и не поддержать ихъ кое-какъ.

Бываютъ и такіе антрепренеры, которые на театральное дѣло смотрятъ лишь какъ на кулисы, прикрывающія совѣтъ другого рода предпріятія. Такъ, въ докладѣ г. Арбенниа мы встрѣчаемъ такой разговоръ антрепренера съ завсегдатаями театра, а то и съ «представителями отъ города» предъ началомъ сезона: «Ну, труппочку набралъ, пальчики оближете: А. — красавица, Б. — просто конфетка, Г. — обворожительная блондинка, Д. изъ

нужно было ваять, хоть и бездарность круглая: хвостъ за ней тянется (т.-е. толпа поклонниковъ). «А женщины есть?»—обычный вопросъ не только въ провинціальныхъ, но и въ иныхъ столичныхъ театрахъ».

Одна артистка рассказала автору доклада любопытный эпизодъ, случившійся съ ней въ г. Н., куда она была приглашена на лѣтній сезонъ. У антрепренера было введено характерное для современнаго театра правило, по которому актеры и актрисы, по окончаніи спектакля, вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, должны были появляться на террасѣ буфета въ саду, чтобы принимать участіе въ попойкахъ просвѣщенныхъ любителей «искусства». Такъ какъ приглашенная артистка не хотѣла подчиниться этому правилу, то антрепренеръ предложилъ ей уѣхать, хотя она и пользовалась успѣхомъ у публики.

Такова дѣятельность кулака-антрепренера. Не лучше, если не хуже еще, дѣятельность товариществъ, или, вѣрнѣе сказать, распорядителей товариществъ, которые фактически являются полными хозяевами дѣла. Обыкновенно актеръ, имѣющій библіотеку и костюмы, снимаетъ театръ и составляетъ товарищество. Расходовъ онъ при этомъ не несетъ никакихъ, такъ какъ всѣ расходы по организаціи дѣла вписываются имъ въ счетъ будущаго заработка товарищества. При обыкновенныхъ условіяхъ ему цѣна 200 руб. въ мѣсяцъ, а тутъ онъ назначаетъ себѣ 200 руб. какъ представителю, 200—какъ режиссеру, да 200—какъ актеру. Вмѣстѣ съ нимъ первыя марки получаетъ его жена или сожительница. Затѣмъ онъ гарантируетъ себѣ проспектабельную плату за костюмы и библіотеку въ такихъ размѣрахъ, что сезонная выручка вдвое превышаетъ дѣйствительную стоимость имущества. Въ качествѣ хозяина дѣла, распорядитель свои деньги кладетъ въ карманъ самымъ исправнымъ образомъ, и лишь то, что остается, дѣлится между товарищами. Членъ съѣзда г. Колюпановъ привелъ два такихъ примѣра. Распорядитель н.-скаго товарищества опредѣлялъ вечеровые расходы за сезонъ въ 12—14 тысячъ съ условіемъ, что если эта сумма окажется недостаточною, то товарищество должно доплачивать недостающую сумму. И это въ театрѣ, гдѣ валовой доходъ за весь сезонъ едва достигалъ 18—20 тысячъ. Другой распорядитель бралъ съ товарищества 60% за театръ съ расходами, а изъ остальныхъ 40%—100 марокъ получалъ какъ режиссеръ, 200—какъ актеръ и столько же его подруга жизни. Сколько же оставалось товариществу, если даже при блестящихъ дѣлахъ валовой сборъ рѣдко достигалъ 3,000 руб. въ мѣсяцъ? Другой докладчикъ, г. Панинъ, характеризуетъ такимъ же образомъ дѣятельность товариществъ, указываетъ еще на то, что и отчетная часть ихъ не всегда чиста. Наприм., одинъ распорядитель показавъ расходы въ 300 руб. на одни гвозди, т.-е. считая 100 спектаклей, по 3 руб. на спектакль. Товарищи большею частью безпрекосно подчиняются распорядителю, а если найдется какой-нибудь протестантъ, его всегда легко выжить. Какъ видите, въ товариществѣ актеръ закабаленъ еще больше, чѣмъ въ антрепризѣ, «но русскій актеръ,—читаемъ мы въ докладѣ г. Арбенина,—привыкъ къ кабалѣ,—до того при-

выкъ, что сознательно идетъ на нее. Потому что въ дѣйствительности и идти некуда: кабала вездѣ».

Но, можетъ быть, въ товариществѣ больше, чѣмъ въ антрепризѣ, играютъ интересы искусства? Ничего подобнаго. И здѣсь безобразный репертуаръ и безтолковое метаніе отъ трагедіи къ комедіи, затѣй къ мелодрамѣ, фарсу, къ опереткѣ; только въ антрепризѣ существуетъ еще некоторая дисциплина, а въ товариществѣ и этого нѣтъ. Неудивительно послѣ этого, что товарищества встрѣтили на съѣздѣ еще больше осужденія, чѣмъ антреприза, и были признаны полными и яркими искаженіемъ театрнаго дѣла.

Когда люди озлоблены, когда они терпятъ голодъ и холодъ, когда ихъ преслѣдуютъ на каждомъ шагѣ неудачи, естественно имъ искать причины своихъ несчастій во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Такова ужъ психология человѣческая: своими успѣхами мы обязаны себѣ, своему уму, своимъ способностямъ, своими неудачами—внѣшнимъ условіямъ, людямъ, отъ которыхъ мы непосредственно зависимъ и т. д. Такимъ образомъ, и актеры раньше всего искали причины всѣхъ своихъ несчастій въ антрепренерахъ, распорядителяхъ товариществъ, въ публикѣ, которая будто бы, во что бы то ни стало, требуетъ однихъ фарсовъ и оперетокъ, въ гастроляхъ столичныхъ артистовъ, надолго истощающихъ въ данномъ городѣ и матеріальныя ресурсы, и интересъ къ театру, и даже въ любительскихъ спектакляхъ, которые также составляютъ будто бы крупную конкуренцію профессиональнымъ актерамъ. Къ чести съѣзда, однако, надо сказать, что параллельно съ этимъ направленіемъ шло и другое, выразившееся въ стремленіи къ самообвиненію и самобичеванію. Мало того, это стремленіе приняло видъ настоящаго всенароднаго покаянія. Эта черта придаетъ Московскому съѣзду особый психологическій характеръ. Члены съѣзда наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшили раскрыть всѣ недостатки актерской среды. Даже теперь, читая эти холодные, безстрастные протоколы, вы такъ и видите предъ собою это возбужденное, волнуемое собраніе нервныхъ, больныхъ, изломанныхъ людей, которыхъ охватилъ порывъ покаянія. Въ цѣломъ рядѣ докладовъ актерская среда была обрисована самыми мрачными красками. Г. Ленскій, напримѣръ, указалъ на то, что ни высокая арендная плата за театры, ни эксплуатація антрепренерами труда актеровъ, ни наѣзды столичныхъ труппъ не могли вызвать упадка театра. Если театр гибнетъ, то онъ обязанъ этимъ тому, что подавляющее число актеровъ состоитъ изъ людей, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющихъ. Бѣда даже не въ томъ, что у насъ мало талантливыхъ актеровъ: труппа, въ которой найдется два-три талантливыхъ человѣка, поддерживаемыхъ 10—15 тружениками, уже прекрасная труппа,—но дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ актеровъ-тружениковъ, которые любили бы свое искусство. Вообще все наличное число актеровъ можно раздѣлить,—по мнѣнію г. Ленскаго,—на три категоріи. Первую составляютъ люди даровитые, любящіе искусство и понимающіе его истинное значеніе. Вторую категорію состав-

Ихъ люди, поступившіе на сцену по призванію, но въ послѣдствіи разочавшіеся въ ней. Отдавъ сценѣ лучшіе годы своей жизни, они не въ силахъ покинуть ее и высвободиться отъ засасывающей ихъ тины. Третья категория состоитъ «изъ людей бездарныхъ, отовсюду выгнанныхъ, ни къ какому труду не способныхъ, цинично высмѣивающихъ въ другихъ всякій рывъ къ работѣ, къ развитію и гибельно влияющихъ на все молодое, явнее, что только имѣетъ несчастье попасть въ эту мрачную среду»... Эти дѣтели, по увѣренію г. Ленскаго, составляютъ $\frac{2}{10}$ каждой труппы, нерѣдко и цѣлую труппу.

И эта характеристика многократно прерывалась аплодисментами, подкрѣпившими полное согласіе слушателей съ докладчикомъ...

Г. Селивановъ, также удостоившійся овацій, говорилъ о крайне низкомъ уровнѣ интеллигентности большинства служителей искусства и, въ свою очередь, указывалъ на совершенно небрежное отношеніе ихъ къ дѣлу. Получая роль, которая ему не подъ силу, актеръ, ничтоже сумняшася, беретъ карандашъ, вымарываетъ все трудное, можетъ быть то, чѣмъ актеръ болѣе всего дорожитъ, а затѣмъ съ помощью суфлера говорить ее въ сценѣ.

Еще болѣе рѣзкими красками изображалъ актерскую среду г. Александръ. «Одному Богу извѣстно,—говорилъ онъ,—изъ какой грязи выполняющіе микробы толпятся у кулисъ и самымъ безперемоннымъ образомъ ротискиваются къ рампѣ. Не призваніе, не любовь къ искусству, создавая нѣкогда Мочаловыхъ, Садовскихъ, Шумскихъ, Самойловыхъ, влечетъ къ рампѣ,—нѣтъ. Это ясно доказываютъ намъ ихъ самохвальство, отпугиваніе корифеевъ искусства, беззастѣнчивое рекламированіе себя, всякое отсутствіе скромности, этого вѣрнѣйшаго спутника истиннаго таланта. Блѣдное тщеславіе при полнѣйшемъ отсутствіи даже тѣни самолюбія, манія стараться на вершину не трудомъ и работой, а путемъ обмана, лжи, рекламы, вотъ отличительныя черты этого, къ величайшему прискорбію, мнущаго себя актеромъ, тунеядца... Когда въ жизни оборвутся у меня съ нити къ добыванію средствъ, когда всѣ двери для меня окончательно закроются, говорятъ эти паразиты, то я поступлю на сцену... *Меньшинство же истинныхъ артистовъ* буквально затираются все увеличивающейся массой саранчи... Антрепренеры набираютъ актеровъ и актрисъ, по фотографическимъ карточкамъ, хранящимся въ нѣкоторыхъ театральнхъ агентствахъ. Къ самому докладчику обращались антрепренеры и представители товариществъ съ просьбой порекомендовать имъ опереточныхъ и водеvilныхъ артистокъ, «необходимыхъ имъ не столько для сцены, сколько для нѣкоторыхъ представителей городовъ и властей, любящихъ съ актрисами кататься за городомъ». Театръ и кафе-кабакъ такъ перемѣшались, что трудно отличить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой. Мудрено ли послѣ этого, что театръ не посѣщается? «Какой нравственный семьянинъ повезетъ свою жену и дѣтей къ безнравственнымъ людямъ въ безнравственный домъ? А въ такіе безнравственные дома

превращают наши театры, съ одной стороны, заправилы-кабатчики, ставящіеся за последнее время все больше и больше во главѣ театральнаго дѣла, а съ другой—безнравственнаго поведенія служители искусства. Не чего стѣсняться, когда болѣзнь доходить уже до горла... Посмотрите внимательно вокруг себя, что творится на нашихъ сценахъ... Актеръ беззаботный, вѣчно веселый, добросердечный и отзывчивый на всякій блудный городной поступокъ—исчезъ. Мѣсто его занялъ угрюмый, желчный, недоверчивый, хитрый и себялюбивый, до отвращенія практичный, пьяница циникъ. Вмѣсто труда и таланта—онъ хочетъ взять однимъ нахальствомъ а вдохновеніе онъ черпаетъ въ бутылкѣ коньяку.

Надо замѣтить, что докладъ г. Александрова вызвалъ упреки въ увеличеніи темныхъ сторонъ сцены; но мнѣ кажется, что возраженія относились не столько къ содержанію доклада, сколько къ рѣзкимъ выраженіямъ, которыя употреблялъ г. Александровъ. Мы иногда спокойно и слушиваемъ самыя горькія истины, сказанныя сравнительно мягкимъ тономъ, и оскорбляемся даже при пустомъ упрекѣ, выраженномъ рѣзко. Не даромъ французы говорятъ *c'est le ton qui fait la musique*. Рѣзкій и задорный тонъ г. Александрова испортилъ всю его музыку. Въ сущности то же самое, что говорилъ г. Александровъ, мы находимъ и въ докладѣ Селиванова, и въ докладѣ г. Ленскаго, зачислившаго подавляющее число актеровъ, $\frac{3}{10}$ всего ихъ количества, въ свою третью категорію, и въ нѣмаломъ рядѣ другихъ докладовъ, которыхъ я коснусь еще ниже; между тѣмъ всѣ они были встрѣчены аплодисментами, а нѣкоторые докладчики даже удостоились овацій. Мало того, въ одной изъ резолюцій, единогласно принятой сѣздомъ, прямо указывается на «замѣтный притокъ въ среднесценическихъ дѣятелей людей, не имѣющихъ данныхъ для поддержанія лучшихъ художественныхъ и моральныхъ идеаловъ сценическаго искусства».

Но независимо отъ того, что тонъ г. Александрова не понравился, и нужно еще забывать, что на сѣздѣ была и простая публика, были представители прессы, отчеты о засѣданіяхъ печатались въ газетахъ. Согласитесь, что многихъ могло покоробить при мысли о томъ, что осужденіе актерской братіи, выраженное г. Александровымъ въ такой рѣзкой формѣ, станетъ достояніемъ печати. Одинъ изъ ораторовъ, протестовавшихъ противъ доклада, именно указалъ на то, что собравшіеся артисты найдутся на виду у публики и прессы; конечно, на людяхъ неудобно было употреблять такіа рѣзкіа выраженія, но, повторяю, такую же картину какую представилъ г. Александровъ, я нашелъ, кромѣ указанныхъ мною, и въ цѣломъ рядѣ другихъ докладовъ.

Мы изобразили выше дѣятельность антрепренеровъ. Теперь посмотримъ, какъ проводятъ свою жизнь актеры, и какъ они работаютъ. Вотъ какъ рисуетъ актерскій бытъ г. Панинъ. Кончился сезонъ, и актеры тянутся въ Москву, на театральныя рынѣ. Начинаются ежедневныя безцѣльныя свиданія агентовъ, и затѣмъ день проводится въ ресторанѣ, а ночь въ при-

льскомъ кружкѣ или кафе-шантанѣ. Скучныя актерскія средства мало-малу истощаются, закладывается все, что можно заложить, и актеръ съ истощеніемъ ожидаетъ приглашенія въ какую-нибудь труппу, а вмѣстѣ съ этимъ необходимаго аванса. Съѣзжаются антрепренеры, и измучившаяся тѣла актеровъ накидывается на нихъ. Начинаются интриги и сплетни съ целью возвысить себя и унижить конкурента въ глазахъ предпринимателя. Наконецъ, контрактъ подписанъ и полученъ авансъ, дающій возможность существовать нѣкоторое время. Подходить дѣло, забранный авансъ истощается, и актеръ съ тоской думаетъ о томъ, какъ ему быть. Въ это время является какой-нибудь запоздавшій антрепренеръ и предлагаетъ новыя, еще выгодныя условія. Актеръ нарушаетъ уже данное слово, подписываетъ новый контрактъ и опять беретъ авансъ. Иногда актеръ заключаетъ такимъ образомъ 4—5 контрактовъ. Въ началѣ сезона онъ уѣзжаетъ къ своему антрепренеру, разославъ всѣмъ остальнымъ письма съ отказомъ и рѣшеніемъ при первой возможности уплатить обратно забранныя впередъ деньги. Первая возможность не представляется, деньги не возвращаются, антрепренеръ въ самомъ началѣ сезона остается безъ необходимыхъ артистовъ. На это печальное явленіе, также, конечно, не рисующее актеровъ въ выгодномъ свѣтѣ, кромѣ г. Панина, указывало и много другихъ доводчиковъ.

Наступилъ сентябрь, труппа съѣхалась въ провинціальный городъ, кое-къ актеры устроились по квартирамъ. Всѣ дѣятельно принимаются за работу, роли учатъ на зубокъ и безпрекословно повинуются указаніямъ режиссера. Первые спектакли сошли отлично, и актеры находятся въ самомъ радужномъ настроеніи. Но вотъ сборы, вслѣдствіе неумѣнья антрепренера вести дѣло или плохого репертуара, падаютъ; жалованье актерамъ держивается. Между тѣмъ ресурсы никакихъ, въ кредитъ также не идутъ въ чужомъ городѣ, гдѣ нѣтъ знакомыхъ, нѣтъ прочныхъ связей. Да вообще актеры кредитоспособностью не пользуются. Радужное настроеніе смѣняется пессимизмомъ. Актеръ встаетъ съ постели съ мыслью о томъ, дуть ли ему самоваръ, будетъ ли у него обѣдъ и т. д. Прежнее рвеніе исчезаетъ, актеры начинаютъ небрежно относиться къ своему дѣлу, а неумное исполненіе вызываетъ дальнѣйшій упадокъ сборовъ. Подступаетъ острая нужда, когда не на что и папиросъ купить. Вотъ тутъ начинается иногда повальное пьянство всей труппы. Такимъ образомъ мало-малу вырабатывается привычка къ алкоголю, привычка, которая по-тѣ уже неразлучна съ актеромъ. «Еще въ болѣе худшемъ, въ болѣе опасномъ положеніи оказываются актрисы: тѣ изъ 10-ти 9 падаютъ, и что еще страшнѣе—падаютъ изъ нужды». Въ труппѣ полная дезорганизация, сцены дошли до совершенной апатіи. Кое-какъ они дотягиваютъ тяжелую шку и уѣзжаютъ въ Москву, чтобы въ слѣдующемъ году повторить то же самое.

Въ такихъ же мрачныхъ краскахъ обрисована актерская среда и въ началѣ г. Арбеннина, гдѣ представленъ послѣдовательный ходъ паденія

молодого человѣка или молодой дѣвушки, идущихъ на сцену по призванію и поддержанныхъ въ своемъ стремленіи послужить «святому искусству» людьми компетентными, которые нашли у нихъ талантъ и способности къ сценѣ. Они сразу попадаютъ въ атмосферу интригъ, зависти, борьбы некакого самолюбія и всеобщей погони за этимъ заманчивымъ театральнымъ призракомъ, который называется успѣхомъ. Ни откуда ни пріѣта, ни ласки ни помощи. Молодые актеры предоставлены самимъ себѣ: пробивайся, какъ знаешь; и они начинаютъ пробиваться, принося въ жертву успѣху все, «с потерей человѣческой добропорядочности включительно». Удалось актеру завоевать положеніе, «является новая забота удержать это положеніе, и онъ дѣйствительно, оберегаетъ его съ рѣдкимъ усердіемъ; за хорошую роль онъ готовъ перегрызть горло, и успѣхъ товарища, — будь это родной его братъ, — для него острый ножъ. Полное отсутствіе общихъ интересовъ, корпоративной солидарности, совмѣстной работы, поддержки — вотъ что знаменуетъ внутренній міръ провинціальной сцены. Чтобы завоевать себѣ положеніе путемъ успѣха, актеръ идетъ на всякіе компромиссы съ своею совѣстью: ради протекціи онъ безстыдно льститъ и унижительно гнетъ спину передъ сильными и въ свою очередь стремится изобразить изъ себя какую-то силу передъ слабыми; онъ замскиваетъ у прессы, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ родамъ грубой рекламѣ, изыскиваетъ пути къ завязыванью знакомствъ, преимущественно съ молодежью (ради поддержки) и съ зажиточнымъ классомъ (ради подарковъ и бенефисовъ), и въ погонѣ все за тѣмъ же успѣхомъ, зачастую, падаетъ нравственно... А мало ли скандальныхъ репутацій у нашихъ извѣстныхъ артистовъ и артистокъ, именно только «скандальныхъ» а между тѣмъ эти репутаціи (теперь это особенно въ цѣнѣ) прямая ступень къ успѣху». Наоборотъ, люди талантливые, но не умѣющіе ловко вести свои дѣлишки, затираются и остаются въ тѣни. Мѣсто таланта и самоусовершенствованія заняли пройдохество, низкопоклонство и подхалимство.

Какъ вамъ, наприм., нравится такое явленіе, носящее на театральной жаргонѣ названіе «лови карасей»? Состоитъ оно въ томъ, что «служители искусства» выискиваютъ для ужиновъ и обѣдовъ на чужой счетъ добычу въ лицѣ богатаго человѣка или купца-самодура. Такой субъектъ издѣвается надъ актеромъ, всячески третируетъ его, подчасъ не постыдится плеснуть ему въ лицо бокалъ шампанскаго, а подъ сердитую руку и прогонитъ отъ себя, какъ послѣдняго лакея. А бываетъ еще, «что служители святого искусства», въ погонѣ за даровымъ угощеніемъ и за скидкой въ гостиницѣ, вынуждены служить у хозяина заведенія тѣмъ-то вродѣ арфистокъ и агородныхъ столичныхъ ресторанахъ: они приводятъ изъ театра гостей изъ публики, и тѣмъ больше ихъ приводятъ артистъ или артистка, тѣмъ большей они пользуются «скидкой», тѣмъ большимъ «уваженіемъ» хозяина».

Читатель видитъ, что ни г. Панинъ, ни г. Арбенинъ не пожалѣли красокъ для изображенія актерской среды. Она вышла въ нихъ изображеніи не чище въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ у Александрова; разница только та, что послѣдній осуждаетъ безъ снисхожденія, а гг. Панинъ

Арбенинъ ссылаются, какъ на смягчающія вину обстоятельства, на годъ, на безысходную нужду; г. Александровъ высказываетъ свое мнѣніе ясно и заодно, а доклады г. Арбенина и Панина проникнуты гуманнымъ гневомъ и глубокою жалостью къ актерамъ. Да и какъ не пожалѣть ихъ несчастныхъ, которые, точно «тучки небесныя, вѣчныя странники», вечно бродяжничаютъ изъ города въ городъ, не находя нигдѣ себѣ ни рѣзта, ни пристанища? Оторванные отъ семьи, встрѣчая полуснисходительное, полупрезрительное отношеніе со стороны общества, живя въ этой ювнтой закулисной атмосферѣ зависти, сплетень, интригъ, больные, изурничавшіеся, изломанные, голодные могутъ ли они не пасть нравственно? Надо имѣть слишкомъ суровое сердце, чтобы бросить камнемъ осужденъ въ этихъ несчастныхъ.

Я могъ бы привести еще цѣлый рядъ другихъ докладовъ, рисующихъ низкій уровень актерской среды *), но мы вездѣ найдемъ одно и то же. Имѣчу только, что всѣ докладчики, останавливавшіеся на этомъ явленіи, изображали общую картину, говорили не объ исключительныхъ личностяхъ, о большинствѣ.

Если въ такихъ краскахъ изображается положеніе актеровъ, то каково а должно быть положеніе актрисъ? Я не хочу этимъ сказать, что женщина по существу менѣ устойчива въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ мужчина,—я очень далеко отъ такой мысли,—но кто же не знаетъ, что женщина на сценѣ больше служитъ предметомъ настоячивыхъ домогательствъ мужчинъ, чѣмъ всякая другая, больше окружена соблазнами, чѣмъ гдѣ бы ни было? И вотъ всѣ эти соблазны, въ связи съ тяжелыми, матеріальными и нравственными условіями жизни, вызываютъ здѣсь паденіе женщины чаще, чѣмъ во всякой другой средѣ. О женщинѣ на сценѣ говорить во многихъ докладахъ, а одинъ докладъ, г-жи Тарловской-Расторгуевой, же специально былъ посвященъ «женскому вопросу». Указавъ на то, что женщина на сценѣ нуждается въ покровительствѣ сильнѣе, чѣмъ въ другіхъ средѣ, что всѣ видятъ въ актрисахъ прежде всего доступныхъ женщинамъ, что $\frac{1}{2}$ изъ нихъ пользуются покровительствомъ донъ-жуановъ, криковъ и литераторовъ, г-жа Тарловская спрашиваетъ: «Неужели нѣтъ исоба оградить тѣхъ несчастныхъ, которыя хотятъ честно служить искусству?... Неужели женщина должна пролагать себѣ дорогу къ славѣ всегда цною своей личности и за потерянную честь свою надѣтъ на голову лавровый вѣнецъ? Если такъ должно быть, то вы—честные мужья и отцы не смотрѣтъ на *постыдный торгъ бѣлыхъ невольницъ*».

Г-жа Майборода-Свирская также указала на то, что въ театральномъ мірѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно встрѣтить слабое понятіе о нравственности. «Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ актрисъ, живя въ свѣтѣ, получили бы званіе профессиональных женщинъ, а сцена даетъ имъ званіе свободной женщины».

*) См. еще доклады гг. Карамазова, Колупанова, Вірославскаго, Кувардина и др.

Да и что остается женщинам дѣлать, когда жалованье ея часто развѣситъ 20—25 руб.? Вѣдь на эти деньги нельзя существовать, а тутъ еще явится вопросъ о костюмахъ.

Замѣчу кстати, что на вопросъ о костюмахъ останавливались иныя докладчицы, какъ на играющій важную роль въ судьбѣ женщины сценѣ. Въ самомъ дѣлѣ, г-жа Свирская говорила объ актрисахъ, получающихъ 20—25 руб. А даже при окладѣ въ 200—300 руб. развѣ можно носить костюмы въ сотни рублей каждый? Между тѣмъ антрепренеры не отдадутъ предпочтеніе актрисѣ, имѣющей много тряпокъ, передъ другою, хотя бы и болѣе талантливой.

Мы уже коснулись выше доклада г. Панина, утверждавшаго, что изъ 10 актрисъ 9 падаетъ подъ вліяніемъ тяжелой матеріальной нужды. Тотъ же докладчикъ указывалъ и на слабое развитіе въ актерской средѣ сценическаго начала, которое часто замѣняется нелегальнымъ сожитіемъ. Считаясь вѣчно изъ города въ городъ, актеръ не имѣетъ возможности завести прочныя знакомства и чаще всего женится на актрисѣ, съ которою вмѣстѣ служить. Такъ какъ содержать прилично на свои средства актеръ не можетъ, а попасть въ одну труппу рѣдко удается, супруги разъѣзжаются, а разъѣхавшись на годъ, на два, отвыкаютъ другъ отъ друга, является новое увлеченіе, и брачныя узы разорваны; «въ результатъ имѣются не скрѣпленные сезонныя сожитія, доходящія не только до гримасъ, но даже смѣшныхъ инцидентовъ». Въ какомъ положеніи находятся несчастныя актерскія дѣти, не трудно себѣ представить. Г. Панинъ называетъ ихъ «паріями человѣчества».

Да, тяжело положеніе актера, но еще тяжелѣе положеніе женщины сценѣ. И что всего печальнѣе, жертвовать честию приходится не только изъ матеріальной нужды, но сплошь и рядомъ для достиженія успѣха, для котораго, казалось бы, достаточно одного таланта, и въ этомъ паденіи и рѣдко виноваты самые товарищи ея по искусству. Г. Арбенинъ говоритъ, что въ актерской средѣ существуетъ особое выраженіе: такой-то актеръ «вытѣхалъ на хвостѣ» такой-то актрисы, а такую-то актрису «вытащилъ» такой-то актеръ. «Что стоитъ молодой актрисѣ это «вытащить», и сколько актеровъ «съ положеніемъ», водъ видомъ особаго покровительства начинающимъ актрисамъ, занимается этимъ «вытаскиваніемъ», ни для кого не тайна: это самое заурядное явленіе закулисной жизни провинціальныхъ театровъ».

Читая эти доклады, въ такомъ печальномъ свѣтѣ изображающіе положеніе русской актрисы, невольно вспоминаешь Анниньку и Любиньку изъ «Господъ Головлевыхъ» Салтыкова. Онѣ тоже мечтали о счастливой трудовой жизни, о служеніи «святому искусству», но что стало съ этими мечтами? Вмѣсто тихой жизни труда, онѣ встрѣтили бурное существованіе, наполненное безконечными кутежами и наглымъ цинизмомъ, вѣчнымъ святого искусства—«помойную яму». Когда Аннинька, пріѣхавшая къ Головлевымъ послѣ смерти бабушки Анны Петровны, остается одна и здѣсь

Первый раз на досугъ провѣряетъ впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ своей жизни актрисы, она вдругъ поняла несомнѣнно, что «прежняя барышня» умерла навсегда, что отнынѣ она только актриса жалкаго провинціального театра, и что положеніе русской актрисы очень недалеко отстоитъ отъ положенія публичной женщины». Ее преслѣдовали воспоминанія «о пролитыхъ вонюхъ гостиницахъ, о вѣчномъ гвалтѣ, несущемся изъ обихъ столовой и изъ бильярдной, о нечесанныхъ и не мытыхъ половыхъ, репетиціяхъ среди царствующихъ на сценѣ сумерекъ, среди полотняныхъ украшенныхъ кулисъ, до которыхъ дотронуться гнусно, на сквозномъ вѣтрѣ, въ сырости... А потомъ: офицеры, адвокаты, циническія рѣчи, пущенныя бутылки, скатерти, залитыя виномъ, облака дыма, и гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ. И что они говорили ей, съ какимъ цинизмомъ къ ней прикасались... Особливо тотъ, усатый, съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, съ воспаленными глазами, съ вѣчнымъ запахомъ конюшни... Ахъ, что онъ изорилъ!...»

Таковы были воспоминанія чистой еще дѣвушки. Но дальше было еще хуже,—сестры поступили на содержаніе; пошла бурная жизнь съ кутежами, вѣчнымъ угаромъ, закончившимся скандаломъ: покровители были убиты въ растратѣ общественныхъ денегъ, одинъ застрѣлился, другой угодилъ въ Сибирь. Сестры, за которыми укрѣпилась скандальная репутация, гали переходить изъ рукъ въ руки, опускались все ниже и ниже; «скандалы слѣдовали за скандалами, побойща за побойщами, но сестры были невучи, какъ кошки, и все жили, все желали жить. Онѣ напоминали тѣхъ калыхъ собаченокъ, которыя, несмотря на опшариванія, израненныя, съ перешибленными ногами, все-таки лѣзутъ въ облюбованное мѣсто, визжать и лѣзутъ». Вы знаете, чѣмъ это кончилось: Любинька отравилась, а Аннинька, у которой не хватило мужества покончить съ собой, разбитая, пьяная и надломленная уѣхала въ Головлево къ Іудушкѣ пить водку и растягивать постылающую жизнь...

Страшно подумать, что фантазія художника не преувеличила дѣйствительности, и что и теперь Анниньки и Любиньки на каждомъ шагѣ встрѣчаются на провинціальной сценѣ. А между тѣмъ, повидимому, это такъ...

Итакъ, предъ нами полная картина упадка современнаго театра.

Какія же мѣры предлагались на сѣздѣ для поднятія его? Такъ какъ причины упадка театра, въ глазахъ членовъ сѣзда, сводились, главнымъ образомъ, къ необезпеченности актеровъ, къ ихъ недостаточной подготовкѣ и низкому моральному уровню большинства изъ нихъ, то въ эту сторону и были направлены усилія докладчиковъ. Большинство предлагаемыхъ мѣръ имѣло въ виду улучшеніе матеріальнаго положенія актеровъ и поднятіе художественной подготовки и нравственнаго уровня ихъ. Здѣсь я долженъ раньше всего отмѣтить крайне несимпатичное тѣніе, выразившееся въ стремленіи оградить себя отъ всякой конкуренціи, притомъ, часто совершенно мнимой, и въ желаніи различнаго рода изощреній, стѣсненій и ограниченій. Одинъ изъ членовъ сѣзда, г. Ме-

рянскій, мѣтко охарактеризовалъ это теченіе словами героя Успенскаго «тащить и не пущать». Я упомянулъ уже вскользь, что многіе вкладчики въ числѣ прочихъ причинъ, губительно вліяющихъ на матеріальное положеніе театра, указывали на гастроли столичныхъ артистовъ. Это казалось бы, вовсе не столь важный вопросъ совершенно неожиданно принялъ очень острый характеръ и вызвалъ страстные дебаты на сѣздѣ. Обнаружился какой-то ожесточенный, въ высшей степени печальный антагонизмъ между провинціальными и столичными актерами. На гастроли указывали какъ на одно изъ самыхъ крупныхъ золъ, называли ихъ язвами, разъѣдающей самый корень театральнаго сѣзда, о столичныхъ артистахъ отзывались какъ объ алчныхъ, жадныхъ людяхъ, которые не совѣстятся при полной своей обеспеченности, вырвать послѣдній кусокъ хлѣба изъ рта голодающаго провинціального артиста. Напрасно нѣкоторые члены сѣзда предостерегали своихъ товарищей отъ увлеченій и совѣтовали имъ бороться со столичными артистами на художественной почвѣ, а не путемъ запрещеній! Имъ возражали, что борьба неравная. Превія приняли такъ страстный характеръ, что предсѣдатель долженъ былъ остановить нѣкоторыхъ ораторовъ, а г. Кремлевъ предложилъ сѣзду единогласно заявить, что никто императорскихъ артистовъ не ругать, не имѣть желанія ругать и что самое слово «ругать» аудиторія признастъ непарламентарнымъ. Но некоторые ораторы дошли до того, что предложили просить дирекцію императорскихъ театровъ, если она уже не можетъ совсѣмъ воспретить своимъ артистамъ наѣзды на провинцію, то посылать ихъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ, но при этомъ сборы, за покрытіемъ расходовъ, должны поступать въ фондъ русскаго театральнаго общества для улучшенія театральнаго дѣла въ провинціи. Составленная въ этомъ смыслѣ резолюція была единогласно принята первымъ отдѣломъ сѣзда, но затѣмъ столь же единогласно отвергнута общимъ собраніемъ по предложенію предсѣдателя сѣзда г. Потѣхина, который нашелъ ее неудобною, безтактною и не соответствующею достоинству сѣзда.

Я охотно допускаю, что гастроли императорскихъ артистовъ, дѣйствительно, наносятъ крупный матеріальный ущербъ провинціальнымъ актерамъ. Но, вѣдь, кажется, въ этомъ вопросѣ есть еще одна заинтересованная сторона—провинціальная публика. Почему она обязана наслаждаться игрою мѣстныхъ артистовъ, не смѣя мечтать о чемъ-нибудь лучшемъ? Мы видели, какъ относятся къ своему дѣлу провинціальные артисты и какими пьесами они угощаютъ публику. Почему же публикѣ не отдохнуть хотя двѣ, три недѣли въ году на хорошемъ репертуарѣ и хорошемъ исполненіи? Провинціальные актеры говорятъ, что гастроли надолго истощаютъ матеріальные ресурсы и художественные интересы публики и что театръ отсутствуетъ до и послѣ нихъ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, онъ пустовалъ бы и безъ гастролей, и во всякомъ случаѣ, повторяю, матеріальный ущербъ, который испытываютъ отъ гастролей мѣстные актеры, какъ это ни печально, не можетъ быть причиной лишенія публики болѣе здоровыхъ и вы-

ихъ эстетическихъ наслажденій, чѣмъ какія ей могутъ дать провинціаль-
ные актеры. Говорятъ еще, что пріѣзжія труппы состоятъ только изъ
уухъ-трехъ выдающихся артистовъ, а остальные амплуа замѣщаются вто-
степенными и третъстепенными артистами. Но ужъ это будетъ дѣло пуб-
лики разбираться въ достоинствахъ труппы. Если труппа будетъ плоха,
я не буду имѣть никакого успѣха и потерпѣть убытокъ. А если она
будетъ имѣть успѣхъ, значитъ, она хороша или, по крайней мѣрѣ, лучше
остальной труппы. Но, во всякомъ случаѣ, какова бы она ни была, она не
должна ставить такихъ пьесъ, какъ «Всадникъ безъ головы», «Убіиство въ
рунѣ Мортонъ», «Казнь водой и огнемъ» или либретто оперы «Жидовка».

Представимъ себѣ, что въ провинціи расплодилось бы столько худож-
никовъ, сколько теперь провинціальныхъ актеровъ, и что они такъ же плохо
сознали бы, какъ послѣдніе плохо играютъ. Что бы вы сказали, если бы
провинціальные Рафаэли вздумали бы хлопотать о воспрещеніи выставокъ
личныхъ художниковъ на томъ основаніи, что эти выставки подрыва-
ютъ интересъ публики къ ихъ мазнѣ? Что бы вы сказали, если бы при та-
кихъ же обстоятельствахъ мѣстные лекторы ходатайствовали бы о воспре-
щеніи читать въ провинціи столичнымъ лекторамъ, мѣстные литераторы
если бы о воспрещеніи столичнымъ журналистамъ писать въ мѣстныхъ
газетахъ и т. д.? Силою обстоятельствъ жизнь сложилась такъ, что сто-
лицы сосредоточиваютъ въ себѣ лучшее, наиболѣе талантливое въ области
литературы, науки и искусства. Въ высшей степени полезно поэтому,
чтобы провинція находилась въ постоянномъ общеніи со столицами. Этого
бываетъ даже не только забота о духовныхъ интересахъ провинціи, но и
вѣчная справедливость, такъ какъ своимъ блескомъ столицы въ значи-
тельной степени обязаны именно провинціи, которая дала имъ не одного
выдающагося человѣка.

Г. Т. Селивановъ, ратовавшій за воспрещеніе гастролей, ссылался на
идею свободной конкуренціи. «Принципъ *laissez faire, laissez passer*,—го-
воритъ онъ,—отслужилъ свой вѣкъ и въ экономической наукѣ, и въ госу-
ственномъ правѣ; пора отрѣшиться отъ него и въ театральномъ дѣлѣ». *Селивановъ* плохой экономистъ, если полагаетъ, что отиѣна принципа
laissez faire, laissez passer должна вести къ предпочтенію недоброкаче-
ственного товара предъ доброкачественнымъ, а тѣмъ болѣе къ созданію
исключительнаго положенія для перваго. Не говорю уже о томъ, что съ точки
зрѣнія г. Селиванова, при отиѣнѣ принципа *laissez faire, laissez passer*
области искусства прежде всего слѣдовало бы не воспретить гастролы
личныхъ артистовъ, а, наоборотъ, доброй половиной провинціальныхъ
артистовъ воспретить появляться на сценѣ.

Я еще понимаю ужасъ провинціальныхъ актеровъ предъ гастролными
личными, но чѣмъ помѣшали имъ бѣдные любители или, какъ они ихъ
саркастично называютъ, губители драматическаго искусства? Между тѣмъ
говорится, что это также «язва», что и любители—зло, въ корень под-
рывающее благосостояніе провинціальныхъ актеровъ. Одинъ докладчикъ

даже рекомендовать запрещеніе любительскихъ спектаклей, въ качествѣ одной изъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для поднятія театра; другой вкладчикъ предлагалъ, если ужъ разрѣшать любительскіе спектакли, то безъ выпуска афишъ и права публичной продажи билетовъ и не въ мѣстахъ, предназначенныхъ для публичныхъ зрѣлищъ. Мотивомъ этихъ предложеній выступало то, что любительскіе спектакли болѣею частью даются съ благотворительною цѣлью, и билеты въ этихъ случаяхъ навязываются полиціей въ угоду лицамъ, заведующимъ благотворительными учрежденіями или участвующимъ въ спектакляхъ. Два, три такихъ спектакля въ году и матеріальное положеніе мѣстной труппы подорвано. Пусть даже такъ, хотя мнѣ это представляется сильнымъ преувеличеніемъ, но кажется, въ такомъ случаѣ, умѣстнѣе было бы не воспрещать любительскіе спектакли, а хлопотать, чтобы билеты на нихъ не навязывались полиціей.

Любопытно, что среди докладовъ есть одинъ, авторъ котораго, г. Николаевъ, хлопоталъ о развитіи любительскихъ кружковъ во всѣхъ углахъ нашего отечества, гдѣ профессиональные артисты не могутъ постоянно существовать. Онъ предлагалъ съѣзду ходатайствовать о томъ, чтобы забота объ этомъ была возложена на городскія и земскія учрежденія. Могу себѣ представить, какъ съѣздъ принялъ это предложеніе. Въ протоколахъ съѣзда указано кратко, что собраніе встрѣтило докладъ г. Николаева несочувственно.

До чего дошло на съѣздѣ это стремленіе въ огражденію себя отъ какой бы то ни было конкуренціи, видно изъ того, что было предложено даже ходатайствовать о воспрещеніи двумъ однороднымъ труппамъ (двумъ драматическимъ или двумъ опернымъ) играть въ одномъ городѣ: городъ долженъ остаться въ монополіи у той труппы, которая раньше пріѣхала. *Tarde venientibus ossa!* И даже такое нелѣпое предложеніе, затрогивавшее уже интересы не только публики или столичныхъ артистовъ, но и интересы самихъ провинціальныхъ актеровъ, нашло себѣ горячую поддержку и получило выраженіе, правда лишь платоническое, въ одной изъ резолюцій съѣзда, въ которой говорится о нежелательности одновременной дѣятельности двухъ однородныхъ труппъ въ одномъ городѣ.

Запретительныя мѣры предлагались на съѣздѣ и противъ рецензентовъ. И этотъ вопросъ вызвалъ страстные пренія, доказавшія, какъ много накопилось въ средѣ актеровъ раздраженія противъ представителей печати. Когда люди раздражены, трудно ждать отъ нихъ безпристрастнаго и справедливаго обсужденія вопроса. Это и было блистательно доказано членами съѣзда. Еще г. Кремлевъ, представившій докладъ по вопросу о рецензентахъ, предлагалъ ограничиться констатированіемъ факта, что современныя театральныя рецензіи часто способствуютъ паденію театральнаго дѣла и выраженіемъ пожеланія, чтобы между актерами и рецензентами установились дружественныя отношенія. Другіе пошли гораздо дальше. Нѣкоторые предлагали ходатайствовать объ установленіи университетскаго цензуры.

и рецензентовъ, иначе говоря—о запрещеніи писать рецензіи лицамъ, не имѣвшимъ университетскаго образованія. Одинъ даже нашелъ, что одного знатока историко-филологическаго образованія мало, а нужно еще «спеціально-драматическое», да кромѣ того рецензенты должны быть матеріально-обеспечены и независимы (!). Къ сожалѣнію, остроумный авторъ этого предложенія не объяснилъ, въ чемъ должно заключаться это спеціально-драматическое образованіе, которое долженъ получать рецензентъ по окончаніи историко-филологическаго факультета. И такія требованія предъявлять къ рецензентамъ въ то время, когда съѣздъ не принялъ опредѣленной резолюціи относительно какого-нибудь ценза для самихъ актеровъ. Достаточно замѣтить, что при такихъ требованіяхъ Бѣлинскій не имѣлъ права писать театральныя рецензіи. Еще лучше были другія предложенія. Г. Т. Селивановъ требовалъ, чтобы газеты давали мѣсто возраженію актера на рецензію. Это напоминаетъ недавній процессъ Дюбу съ редакторомъ *Revue des Deux Mondes*. Полагаю, что ни одинъ уважающій себя актеръ, также какъ и ни одинъ уважающій себя писатель, не станетъ путемъ полемики опровергать мнѣніе критики о его бездарности. Можно возражать противъ нападеній на вашу личность, но не противъ истинныхъ отзывовъ о степени вашей талантливости.

Еще одинъ докладчикъ предлагалъ ходатайствовать предъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати о воспрещеніи лицамъ не компетентнымъ писать рецензіи, а другой—требовалъ правительственнаго контроля надъ ответственностью рецензентовъ. Это ужъ, какъ видите, прямо пахнетъ полицейскимъ сыскомъ. Дальше этого, кажется, уже некуда было идти. И не менѣе я читаю въ протоколѣ преній по этому предмету слѣдующее: «Г. Тычинскій излагаетъ мѣры противъ рецензентовъ. Съѣздъ отвергаетъ эти мѣры и признаетъ, что всѣ мелкія замѣчанія не должны включаться въ журналъ, который попадетъ въ труды съѣзда и получить широкое оглашеніе». Можете себѣ представить, какія мѣры излагалъ г. Тычинскій, когда ихъ не сочли возможнымъ включить въ журналъ. Въ концѣ концовъ съѣздъ, сознавая, что принятіе «мѣръ» противъ рецензентовъ лежитъ внѣ его компетенціи, рѣшилъ ограничиться просьбой, обращенной къ редакціямъ газетъ и журналовъ о томъ, чтобы они внимательнѣе и строже относились къ выбору своихъ представителей въ театрѣ.

Безспорно, что современные театральныя рецензіи часто не удовлетворяютъ элементарнымъ литературнымъ требованіямъ; безспорно также, что въ мелкой прессѣ среди рецензентовъ есть личности неблаговидныя, носящая характерную кличку распивочно-бутербродныхъ рецензентовъ. На съѣздѣ было рассказано не мало фактовъ, крайне неблагопріятно рисующихъ отношеніе многихъ «представителей печати» къ театру. Наприм., въ одномъ докладѣ, присланномъ за коллективною подписью членовъ труппы, было сказано на нѣсколько городовъ, гдѣ при редакторахъ мѣстныхъ газетъ существуютъ актрисы, которыхъ необходимо брать въ труппу, чтобы извѣщать преслѣдованія ея газетами. Я самъ недавно встрѣтилъ въ одной

провинціальной газетѣ статью стараго театральнаго антрепренера, разсуждающаго о томъ, какъ онъ «угощалъ» рецензентовъ. Но могутъ ли эти хія или даже недобросовѣстные рецензисы способствовать паденію театра. Едва ли. Никакіе бутербродные рецензенты не создадутъ прочнаго успѣха бездарной труппѣ и точно также не уронятъ въ глазахъ публики хорошаго труппу. Господа актеры преувеличиваютъ вліяніе рецензентовъ на публику. У насъ имѣется достаточно другихъ причинъ, объясняющихъ паденіе театра, чтобъ нужно было привлекать къ отвѣтственности еще и рецензентовъ. Обвинять послѣднихъ въ паденіи театра все равно, что обвинять критиковъ въ упадкѣ литературы. И затѣмъ, какое бы зло ни представляли иные рецензенты, во всякомъ случаѣ противъ нихъ надо бороться такими мѣрами, какія предлагались на сѣздѣ.

Параллельно со всякаго рода ограниченіями и запрещеніями шли предложенія положительныхъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду регламентацію театральнаго дѣла. Такъ, одинъ взымалъ къ помощи правительства, которое должно можетъ спасти современный театръ; другой—рекомендовалъ составленіе театральнаго устава, на подобіе устава промышленности, за нарушеніе котораго полагалась бы опредѣленная гражданская, уголовная или хотя бы даже полицейская отвѣтственность; третій—предлагалъ изданіе органа «общественнаго къ выпискѣ всѣмъ актерамъ»; четвертый—совѣтовалъ выдавать особые патенты на званіе гастролера; пятый—находилъ необходимыми оглашеніе въ газетахъ и немилосердное бичеваніе безнравственныхъ поступковъ отдѣльныхъ актеровъ, такъ какъ «тѣмъ настойчивѣе и строже гдѣ преслѣдуется пороки, тѣмъ сильнѣе и устойчивѣе тамъ добродѣтели»; шестой—для огражденія сцены отъ пьесъ безнравственнаго характера, рекомендовалъ учредить театральные комитеты изъ литераторовъ и профессоровъ словесности, которые уже послѣ прохожденія пьесъ черезъ цензуру разсматривали бы ихъ съ литературной, сценической и нравственной точки зрѣнія. Если авторъ скроетъ источникъ, откуда онъ заимствовалъ пьесу, то комитетъ печатаетъ объ его неблаговидномъ поступкѣ въ театральномъ органѣ, и никакой комитетъ больше отъ автора пьесъ не принимаетъ; такимъ образомъ будетъ создано въ русскихъ писателяхъ стремленіе къ самобытному творчеству...

Много еще было сдѣлано предложеній въ этомъ родѣ, но полагаю, что и приведенныхъ достаточно для характеристики этого направленія, видѣшаго спасеніе театра во внѣшней регламентаціи театральнаго дѣла. Упомяну развѣ еще о предложеніи учредить всероссійскій театральный совѣтъ, который долженъ вѣдать театральное дѣло во всей Россіи. Эту идею проводили нѣсколько докладчиковъ, причемъ одинъ, г. Александровъ, представилъ обширный проектъ союза, предусматривавшій всѣ подробности дѣла, начиная съ покупки и постройки театровъ въ разныхъ городахъ и командировки туда труппъ, подъ начальствомъ директоровъ, вплоть до служебныхъ формуляровъ и наказанія актера за «произнесеніе непримѣльныхъ выраженій въ присутствіи дамъ».

Если бы всѣ мѣры, предлагавшіяся на сѣздѣ, сводились, съ одной стороны, къ различнымъ ограниченіямъ и запрещеніямъ, а съ другой—ко всякаго рода вѣншей регламентаціи дѣла, то вся заслуга перваго сѣзда женическихъ дѣателей состояла бы лишь въ томъ, что онъ выяснилъ предъ нами истинное положеніе современнаго русскаго театра. Къ чести сѣзда, однако, надо сказать, что онъ намѣтилъ не мало мѣръ, которыя, дѣйствительно, могутъ способствовать поднятію театра.

Сюда надо отнести раньше всего предложеніе о томъ, чтобы веденіе театральныхъ предпріятій взяли на себя городскія управленія. Такая задача не только не будетъ противорѣчить компетенціи городскихъ управленій, но и прямо соответствуетъ городскому положенію, возлагающему, между прочимъ, на города попеченіе объ устройствѣ театровъ.

Многіе наши города, и въ числѣ ихъ даже такіе небольшіе, какъ Могилевъ, Житомиръ и др., какъ извѣстно, имѣютъ городскіе театры; другіе могли бы ихъ построить или скупить въ свои руки готовые частныя театры. Обзаведшись театромъ, городъ избираетъ дирекцію для управленія имъ и приглашаетъ на службу опытнаго режиссера. На первыхъ порахъ городъ затрачиваетъ извѣстную сумму на приобрѣтеніе обстановки и театрального имущества; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ дѣло упрочится, можно будетъ увеличить расходы на эти статьи. При этомъ городъ можетъ разсчитывать на большую экономію сравнительно съ частнымъ антрепренеромъ. Антрепренеръ шьетъ костюмы изъ плохого матеріала, декорации пишетъ на бумагѣ или перекрашиваетъ существующія и т. д. Поступаетъ онъ такимъ образомъ оттого, что невыгодно дѣлать хорошее: послѣ сезона имущество его будетъ странствовать въ сундукахъ изъ города въ городъ и все равно испортится; а многое, какъ, наприм., инныя декорации или бутафорскія вещи, — и вовсе возить неудобно, такъ какъ въ нѣсколько поѣздокъ перевозка можетъ превысить стоимость вещи. Городу же выгоднѣе все дѣлать изъ хорошаго матеріала, такъ какъ онъ имѣетъ возможность сохранять свое имущество.

Мы видѣли, какое губительное вліяніе на театральное дѣло оказываетъ несостоятельный антрепренеръ, не имѣющій средствъ ни для того, чтобы прилично обставить пьесы, ни для того, чтобы аккуратно выплачивать жалованье актерамъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится городъ. Арендныхъ денегъ за театръ онъ платить не долженъ, а между тѣмъ онъ поглощаютъ громадную часть антрепренерскаго бюджета. Очень часто еще лицо, снимающее театръ, переуступаетъ его другому, а тотъ третьему, и плата такимъ образомъ все растетъ. Городу незачѣмъ гнаться за сборомъ, котораго ждетъ докучливый кредиторъ; незачѣмъ, слѣдовательно, ставить отвратительныя пьесы съ кривыми названіями и судорожно метаться отъ одного рода искусства къ другому, въ надеждѣ заманить къ себѣ публику не мытьемъ, такъ катаньемъ. Городъ будетъ имѣть возможность прилично обставить пьесы. На первыхъ порахъ репертуаръ будетъ огра-

ниченный, но не мѣръ того, какъ будетъ увеличиваться театральное имущество города, расширится и репертуаръ.

Труппу городъ набираетъ постоянную, а не на сезонъ, и актеры, такимъ образомъ, получаютъ годовое жалованье. Уже это одно сильно подниметъ ихъ матеріальное положеніе. А выѣстъ съ осядлостью и улучшеніемъ матеріальнаго положенія, безспорно, поднимется и нравственный уровень актерской среды, на которую оказываютъ такое губительное вліяніе бродяжничество и крайняя необеспеченность. Доходы отъ театра городъ употребляетъ на улучшеніе дѣла, на пенсію артистамъ, потерявшимъ способность къ труду, на устройство благотворительныхъ учреждений для нихъ и т. д.

Противъ этого проекта можно было бы возразить, что городу надобно постоянно смотрѣть одну и ту же труппу. Но этого однообразія, какъ основательно было указано во многихъ докладахъ, можно будетъ избѣгнуть посредствомъ обмѣна труппами между разными городами. Наприм., Кіевъ посылаетъ въ Харьковъ на извѣстное время свою драматическую труппу, а получаетъ оттуда оперную и т. д.

Безспорно, что такая организація дѣла гораздо болѣе обезпечиваетъ за театромъ значеніе учрежденія, служащаго образовательнымъ и нравственнымъ цѣлямъ, чѣмъ частная антреприза. Конечно, повсемѣстное осуществленіе ея требуетъ времени. Финансовое положеніе многихъ нашихъ городовъ такое, что не позволить имъ необходимыхъ на первыхъ порахъ болѣе или менѣе крупныхъ затратъ на постройку зданія и пріобрѣтеніе театральнаго имущества. Но есть у насъ не мало городовъ, гдѣ и сейчасъ возможна такая организація дѣла. Остальные могутъ впоследствии воспользоваться ихъ опытомъ и указаніями.

Мы видѣли, что въ числѣ прочихъ причинъ, способствующихъ паденію театра, сѣздъ указалъ и на то, что чуть ли не большинство актерствующей братіи состоитъ изъ людей не подготовленныхъ къ сценѣ. Въ виду этого еще въ одной изъ первыхъ своихъ резолюцій сѣздъ призналъ, что одной матеріальной обезпеченности актеровъ недостаточно для поднятія дѣла, а необходима серьезная любовь къ дѣлу и извѣстная художественная подготовка самихъ актеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, нигдѣ теорія «нугра» не получила такого широкаго распространенія, какъ у насъ. Между тѣмъ, еще Бѣлинскій замѣтилъ, что «одно вдохновеніе, одно непосредственное чувство есть счастливый даръ природы, богатое наслѣдство безъ труда и заслуги; только изученіе, наука, трудъ дѣлаютъ человека достойнымъ и законнымъ владѣльцемъ этого чисто-случайнаго наслѣдства, — и они же утверждаютъ его дѣйствительность, а безъ нихъ оно теряется, и прелматывается». Вдохновеніе, природный талантъ — очень рѣдкій даръ и далеко не каждый хорошій актеръ обладаетъ имъ. Въ Россіи насчитываютъ въ настоящее время свыше 6,000 актеровъ; стало-быть, приблизительно такой спросъ есть на нихъ. Можно ли требовать, чтобы вся эта арія актеровъ состояла исключительно изъ даровитыхъ лицъ? Но можно и должно

бовать, чтобы каждый актеръ любилъ свое дѣло и обладалъ извѣстной художественной подготовкой. Г. Ленскій въ своемъ докладѣ справедливо сказалъ на то, что труппа, въ которой найдется два, три, много четыре развитыхъ актера, поддерживаемыхъ 10—15 дисциплинированными трушниками,—труппа блестящая. «Недостатокъ дарованія,—читаемъ мы опять Бѣлинскаго,—долженъ замѣниться умомъ, образованностью, изученіемъ. Не такіе актеры, которые ни одной роли не сыграютъ художественно и, въ то же время, не испортятъ никакой роли, за какую ни возьмутся. Таковы актеры — дѣло важное, истинное сокровище для каждого театра. Они не блещутъ, но даютъ возможность блеснуть другимъ. Безъ нихъ невозможно очарованіе истинности представленія» (т.-е. ансамбль).

Признавъ необходимость художественной подготовки для актеровъ, съездъ остановился на вопросѣ о цензѣ для нихъ, но не зналъ, въ какой мѣрѣ его установить, и отложилъ обсужденіе этого вопроса до будущаго съезда. Мнѣ кажется, что если цензъ необходимъ, то не общеобразовательный, а специальный, который могли бы дать спеціальныя театральныя школы. (Само собою разумѣется, что это не исключаетъ необходимости общаго образованія для актеровъ; въ тѣхъ же спеціальныхъ школахъ можно преподавать и нѣкоторые общеобразовательные предметы.) А въ какомъ случаѣ вопросъ о цензѣ разрѣшается самъ собою, вмѣстѣ съ открытіемъ такихъ школъ. Когда у насъ будетъ достаточно лицъ, спеціально подготовленныхъ для сцены, они, естественно, вытѣснятъ лицъ, не получившихъ подготовки.

Симпатичная мѣра для поднятія уровня образованія актеровъ была предложена г. Селивановымъ. Онъ проектировалъ устройство для актеровъ правильно организованныхъ популярныхъ курсовъ публичныхъ лекцій въ Москвѣ, во время Великаго поста. Курсы эти должны дать общую исторію русской и иностранной литературы, характеристику произведеній русскихъ и иностранныхъ классиковъ, особенно драматическихъ. Желательны лекціи о томъ, какъ обрисовано проявленіе чувствъ (радость, смѣхъ, горе, вѣсть, грусть и т. д.) лучшими писателями; лекціи объ историческихъ лицахъ; о сценической красотѣ и сценическомъ реализмѣ; наконецъ, и спеціальныя лекціи врачей о различныхъ вышнихъ видахъ болѣзней и смерти, какъ они могутъ быть переданы со сцены. На такія лекціи должна быть доступъ и публика, на вкусы которой онѣ могутъ оказать самое благотворное вліяніе.

Съездъ призналъ желательность такихъ курсовъ не только въ Москвѣ, но и въ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ была предложена и организація постоянныхъ школъ.

Въ числѣ другихъ причинъ, которыя могли бы способствовать поднятію современнаго театра, члены съезда указывали и на отмену цензурныхъ стѣсненій, которыми обставлено разрѣшеніе въ постановкѣ драматическихъ произведеній. По мнѣнію г. Тимковскаго,—унадокъ театра въ значительной степени зависитъ отъ того, что на сцену не могутъ найти

себѣ доступа произведенія, широко изображающія жизнь общества. Особенно подробно останавливались на этомъ вопросѣ малорусскіе артисты, — г-жа Зеньковецкая, гг. Саксаганскій, Карпенко-Карый и др., доклады которыхъ, замѣчу встать, одни изъ лучшихъ, какіе были представлены на сѣздѣ. Г-жа Зеньковецкая находитъ, что чѣмъ меньше будетъ цензурныхъ стѣсненій, которымъ въ значительной мѣрѣ обязаны своей безжизненностью, мертвенностью и шаблонностью современные сценическія произведенія, чѣмъ болѣе будутъ доступны сценѣ всѣ стороны современной жизни, тѣмъ выше будетъ воспитательное значеніе театра, тѣмъ сильнѣе будетъ и интересъ публики къ театру.

Такого же мнѣнія держатся и гг. Саксаганскій и Карпенко-Карый. «Въ послѣднее время, — читаемъ мы въ ихъ докладѣ, — не появилось на сценѣ ничего такого, что хотя бы сколько-нибудь рисовало нашу действительную жизнь со всеми ея огорченіями, тормозами и недостатками. Дѣйствительной жизни нѣтъ на сценѣ, и сцена не можетъ служить тѣмъ вѣяніемъ, для которыхъ она существуетъ; она не затрагиваетъ ни единымъ штрихомъ того, что затронули въ свое время «Ревизоръ», «Горе отъ ума», «Доходное мѣсто», «Бѣдность не порокъ» и другія пьесы Островскаго. И дѣмъ тутъ не въ томъ, что, нѣтъ дескать, талантливыхъ драматурговъ, — нѣтъ, тѣ же писатели, что ставятъ теперь репертуаръ для всѣхъ театровъ, могли бы писать гораздо лучше и интереснѣе, если бы цензура такъ безжалостно не стѣсняла ихъ въ выборѣ темъ. Пусть только цензура не доводитъ своего вѣто до крайности, пусть она слѣдитъ только за тѣмъ, чтобы въ пьесы не попадало чего-нибудь дѣйствительно безнравственнаго, — и это большое мѣсто (отсутствіе репертуара) въ короткій срокъ заживетъ, и мы увидимъ на сценѣ комедіи, которыя будутъ слушаться съ живымъ интересомъ и дадутъ хорошіе результаты какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Такое зависимое положеніе драматическихъ произведеній отъ чрезмѣрно строгой цензуры заставляетъ всѣхъ писателей принаравливать свои произведенія къ требованіямъ цензуры, а страхъ предъ тѣмъ, что продолжительный литературный трудъ не увидитъ свѣта, не позволяетъ развернуться творчеству, и оно должно вертѣться въ узкихъ рамкахъ шаблонныхъ компиляцій, любовныхъ интригъ, какъ были въ колесѣ. Отсюда — однообразіе и скука».

Я не раздѣляю увѣренности докладчиковъ, что однообразіе и скука современныхъ сценическихъ произведеній зависятъ исключительно отъ цензурныхъ условій, но надо сознаться, что значительная доля правды въ этихъ словахъ есть.

Но если не легки общія цензурныя условія для драматическихъ произведеній, то еще тяжелѣе они для малорусскаго театра. Для малорусской сцены воспрещены переводы на малорусскій языкъ драматическихъ произведеній съ другихъ языковъ, пьесы изъ жизни интеллигенціи и пьесы изъ прошлой жизни Малороссіи. Приходится, слѣдовательно, брать темъ исключительно изъ престопадной жизни, да и тутъ разрабатывать,

ивнымъ образомъ, любовные сюжеты, изукрашивая пьесы пѣніемъ и песней. Между тѣмъ народъ вездѣ, а въ Малороссіи въ особенности, лю-
 бить пьесы историческія, пьесы съ серьезнымъ, идейнымъ содержаніемъ.
 Отъ того, малорусскій театръ долженъ мириться съ требованіемъ, чтобы
 вѣстѣ съ малорусской пьесой въ одинъ вечеръ ставилась и русская.
 Но въ томъ, что въ высочайшемъ указѣ, разрѣшившемъ малорусскія
 представленія, было поставлено для нихъ ограниченіе, чтобы «не было
 гранвамо специальныхъ малорусскихъ театровъ». Эти слова толкуются
 томъ смыслѣ, что вѣстѣ съ малорусской пьесой должна быть постав-
 ка и русская. Первоначально требовали даже, чтобы русская пьеса со-
 жмала не меньше актовъ, чѣмъ малорусская. Публикѣ, такимъ обра-
 зомъ, проходило высиживать иногда цѣлыхъ десять актовъ. Въ послед-
 нее время стали ограничиваться лишь требованіемъ, чтобы кромѣ мало-
 руской пьесы ставился русскій водевилъ, но и это требованіе тяжело от-
 вается на антрепренерахъ, вынужденныхъ держать специальныхъ акте-
 ровъ для русскихъ водевилей.

Съѣздъ рѣшилъ возбудить ходатайство объ отиѣнѣ ограниченій суще-
 ствующихъ для малорусской сцены и о подчиненіи малорусскихъ пьесъ
 цѣй драматической цензурѣ.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ была встрѣчена на съѣздѣ идея народ-
 го театра. Въ этомъ отношеніи съѣздъ оказался au courant лучшихъ
 рмленій современнаго общества. Въ рѣчи, произнесенной на первомъ
 засѣданіи съѣзда, предсѣдатель третьяго отдѣла г. Карповъ указалъ
 появленіе въ театрѣ *новаго зрителя*. Зритель этотъ—«просвѣщенный
 имотой народъ, душѣ котораго стала существенно необходима умствен-
 ная пища». Онъ смотритъ на театръ не какъ на праздную забаву, а какъ
 нравственную школу, куда онъ идетъ учиться. Невское общество на-
 дныхъ чтеній разослало своимъ посѣтителямъ опросные листки, спраши-
 вая о томъ, какъ они смотрятъ на театръ. Отвѣты, полученные обще-
 ствомъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, какъ серьезно относится про-
 ой зритель къ театру. Г. Карповъ рассказывалъ, что въ бытность его
 жиссеромъ Невскаго общества ему самому случалось видѣть, съ каки-
 мъ напряженнымъ вниманіемъ толпа въ 6—8 тысячъ человекъ, стоя плече
 плечо, съ затаеннымъ дыханіемъ слушала пьесы Островскаго, Гоголя
 Грибоедова. Даже въ матеріальномъ отношеніи спектакли Невскаго об-
 щества имѣютъ полный успѣхъ, съ избыткомъ покрывая всѣ расходы.

То же самое рассказывалъ г. Даниловъ о пензенскомъ народномъ те-
 атрѣ. Этотъ театръ открылъ свою дѣятельность, почти безъ всякихъ средствъ,
 маѣ 1896 г. Въ теченіе лѣта было дано 16 спектаклей, которые посѣ-
 ло 18,780 человекъ. Сборы не только окупили всѣ расходы, но и дали
 лишекъ на будущее время. И такого быстраго успѣха удалось достигнуть,
 ркась чисто-художественнаго репертуара, состоявшаго, главнымъ образомъ,
 ь пьесъ Островскаго.

О появленіи новаго зрителя говорилъ и г. Тимковскій, высказавшій

твёрдое убѣжденіе, что театръ долженъ повернуть свой фронтъ къ народу. Этотъ новый зритель мало учился, но зато сберегъ душевную свѣжесть. Онъ не пойметъ иногда всѣхъ оттѣнковъ характера того или иного лица, но зато многое прочувствуетъ глубже интеллигентнаго зрителя. Когда *искусство для народа* получитъ у насъ полное право гражданства, тогда наступитъ новая эра для русскаго театра.

Среди ряда докладовъ, посвященныхъ дѣлу народнаго театра, особенно любопытенъ докладъ екатеринославскаго машиниста Борозниченко. Онъ съобщаетъ съѣзду, что образовалъ изъ товарищей кружокъ любителей, съ цѣлью «развить театральное дѣло между ремесленниками города Екатеринослава, чтобы предотвратить ихъ отъ дурныхъ наклонностей». Любители ходатайствовали передъ мѣстной администраціей о разрѣшеніи имъ давать свои спектакли, но администрація къ этимъ просьбамъ осталась глуха: «предпочитая оставить ихъ въ прежнемъ омутѣ». Борозниченко просилъ съѣздъ помочь ему указаніемъ, какимъ образомъ добиться разрѣшенія сдѣлать любительскій кружокъ. Это, какъ видите, новый зритель самъ являеться о своемъ существованіи.

Достоинно вниманія, что первыя попытки устройства народнаго театра выходять изъ деревни. Еще въ 1862 году С. А. Юрьевъ устроилъ у себя въ имѣніи, въ с. Воскресенскомъ, Колязинскаго уѣзда, Тверской губ. первый народный театръ для крестьянъ. Театръ просуществовалъ два лѣтнихъ сезона и привлекалъ множество зрителей изъ близкихъ и дальнихъ селъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ былъ устроенъ деревенскій театръ въ с. Муравьянскѣ, Тверской губ. Затѣмъ идутъ театры Бунакова въ с. Метинѣ, Воронежской губ., Шеншина при земскихъ школахъ, въ Брамскомъ уѣздѣ, Орловской губ., Лавровой въ селѣ Кривцовѣ, Орловской губ., Аксаковой въ с. Языковѣ, Самарской губ. и др. Въ Петербургѣ первый народный театръ былъ устроенъ лишь въ 1869 году, а въ Москвѣ въ 1876 году, во время Всероссийской Политехнической выставки.

Вопросу о деревенскомъ театрѣ были посвящены на съѣздѣ два доклада г. Ерилова и г. Бурджалова. Г. Ериловъ привелъ, между прочимъ, разсказъ актера Беккаревича о спектакляхъ, устроенныхъ лѣтъ 12 тому назадъ труппой молодыхъ актеровъ сначала въ с. Балаково, Самарской губ., а затѣмъ въ посадѣ Дубовка, Саратовской губ. Спектакли вызвали живѣйшій интересъ среди населенія. Отношеніе къ игрѣ актеровъ было самое непосредственное. Гоголевская «Женитьба», наприм., вызывала поминутный неудержимый хохотъ. По окончаніи спектакля многіе подходили къ актерамъ и спрашивали: «Что же, вышла все-таки замужъ Анастасья Тихоновна, женился ли Подколесинъ? и т. д.»

О живомъ непосредственномъ отношеніи простого народа къ игрѣ говоритъ и г. Бурджаловъ, разсказавшій по личнымъ воспоминаніямъ о спектаклѣ, устроенномъ въ селѣ Кривцовѣ, Орловской губ., въ 40 миляхъ отъ желѣзной дороги. За три лѣтнія поѣздки въ деревню репертуаръ труппы, въ которой находился г. Бурджаловъ, состоялъ изъ слѣдующихъ

пьесъ: «Бѣдность не порокъ», «Женитьба», «Пѣснь о купцѣ Балашиниковѣ», «Жоржъ Данденъ», «Борисъ Годуновъ», «Дочь короля Рене», «Шемакины пуды» и «Пройдоха» (перед. изъ французской пьесы «Адвокатъ Пателенъ»). Изъ всѣхъ этихъ спектаклей г. Бурджаловъ вынесъ впечатлѣніе, что деревенская публика хорошо понимала сущность пьесы и характеры дѣйствующихъ лицъ. Даже такая пьеса, какъ «Жоржъ Данденъ», была прекрасно понята. Многія выраженія пьесы, какъ, наприм., слова «Бѣдняга ты, Жоржъ Данденъ», часто цитировались потомъ.

Эта чуткость простого зрителя къ тому, что дѣлается на сценѣ, эта глубокая впечатлительность его, о которой единогласно свидѣтельствовали всѣ докладчики и ораторы, касавшіеся этого вопроса, должны заставить насъ съ особенной внимательностью относиться къ репертуару народнаго театра. Мы видѣли, какимъ успѣхомъ пользовались среди простой публики пьесы Гоголя, Островскаго, Грибоедова, Мольера. Это даетъ указаніе на то, что никакихъ пьесъ, специально приноровленныхъ къ народному пониманію, не требуется. Народный репертуаръ долженъ быть вполне художественный и состоятъ изъ лучшихъ пьесъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Весьма вѣроятно, что успѣхомъ у народа пользовались бы и разныя трескучія мелодрамы и пошлые фарсы, но разъ народу доступенъ художественный репертуаръ, то наша святая обязанность оберегать его отъ всѣхъ этихъ суррогатовъ искусства, которыми безъ устали угощаютъ насъ саміе современные театры.

Къ сожалѣнію, дѣло народнаго театра отчасти тормозится тѣмъ, что пьесы для него должны проходить черезъ специальную цензуру. Это крайне ограничиваетъ репертуаръ и создаетъ иногда чрезвычайную путаницу. Такъ, пьесы, разрѣшенныя для Василеостровскаго театра, не разрѣшаются для театровъ Невскаго общества. Съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о примѣненіи къ народнымъ театрамъ общей драматической цензуры. Съѣздъ также рѣшилъ ходатайствовать о томъ, чтобы мѣстныя полицейскія власти содѣйствовали артистамъ, устраивающимъ спектакли въ деревняхъ и селахъ, и не тормозили дѣла медленнымъ разрѣшеніемъ афишъ.

Что касается практическаго осуществленія дѣла народнаго театра, то съѣздъ нашелъ необходимымъ ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ о назначеніи особаго фонда для постройки театровъ въ небольшихъ городахъ и торговыхъ селахъ и для выдачи пособія труппамъ, которыя предпримутъ въ нихъ устройство народныхъ спектаклей. Такъ какъ министерство финансовъ при введеніи питейной реформы имѣло, между прочимъ, въ виду и борьбу съ пьянствомъ, то вполне естественно ожидать отъ него содѣйствія дѣлу народнаго театра. Съ такой же просьбой должно войти русское театральное общество и въ губернскія земскія управы.

Но гдѣ, спрашивается, взять труппы для деревенскихъ театровъ?

На съѣздѣ рекомендовались артистическія поѣздки въ деревни, для чего лучше всего была бы организація подвижныхъ труппъ. Но расходы на

такія поѣздки могли бы окупиться, и то не всегда, лишь въ большихъ селахъ. Мнѣ кажется, что, кромѣ подвижныхъ труппъ изъ профессиональныхъ актеровъ, цѣлесообразна была бы организація труппъ изъ мѣстныхъ любителей, которыхъ можно было бы набрать изъ самихъ крестьянъ и мѣстной интеллигенціи. Иначе деревенскіе спектакли попрежнему будутъ оставаться лишь случайнымъ явленіемъ. А что такая организація дѣла возможна, видно изъ сообщеній, попадающихъ въ настоящее время въ печать, по поводу народныхъ спектаклей, устраниваемыхъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, недавно, въ *Русскомъ Богатствѣ* было помѣщено письмо изъ Черниговской губерніи, авторъ котораго рассказываетъ о томъ, какъ онъ организовалъ въ одномъ мѣстечкѣ труппу для народныхъ спектаклей изъ среды простонародья. Недавно также я встрѣтилъ въ *Полт. Губ. Вѣд.* рассказъ нѣкого г. Горленка о крестьянскомъ спектаклѣ, на который ему пришлось присутствовать 1 октября этого года, въ селѣ Мануиловкѣ, Кременчугскаго уѣзда. Театральныя представленія съ участіемъ актеровъ - крестьянъ, по инициативѣ мѣстной помѣщицы А. А. Орловской, устраиваются здѣсь время отъ времени уже года два. Театральной залой служитъ зданіе бывшей ткацкой фабрики, гдѣ устроена постоянная сцена съ неприхотливыми декораціями. Въ спектакляхъ принимаютъ иногда участіе представители мѣстной интеллигенціи или, вѣрнѣе, представительницы, такъ какъ трудно найти среди крестьянокъ исполнительницъ для ответственныхъ женскихъ ролей. Г. Горленко шелъ на спектакль съ предубѣжденіемъ, надѣясь въ лучшемъ случаѣ услышать толковое чтеніе ролей и видѣть актеровъ, стѣсненныхъ въ сценическихъ движеніяхъ, прерывающихъ ходъ дѣйствія досадными паузами, прислушиваніемъ къ суфлеру, какъ это бываетъ на «господскихъ» любительскихъ спектакляхъ. Тѣмъ больше было его удивленіе и даже восхищеніе всѣмъ, что онъ увидѣлъ и услышалъ. Шла пьеса г. Кропивницкаго «Двѣ семьи». Г. Горленко видѣлъ передъ собою исполнителей, совершенно ясно и даже толково понимающихъ изображаемые характеры и играющихъ вполне непринужденно. Даже второстепенный персоналъ прекрасно справился съ своею задачею и не уступалъ заправскимъ актерамъ. Пьеса шла всего съ трехъ или четырехъ репетицій, такъ какъ разучивалась еще въ рабочую пору и репетиціи могли происходить только по праздникамъ. Всѣ актеры съ увлеченіемъ относятся къ дѣлу и роли учатъ на зубокъ. Ни аплодисментовъ, ни вызововъ тутъ нѣтъ, и сцена, такъ сказать, сливается съ окружающей дѣйствительностью. Этотъ спектакль, говоритъ г. Горленко, служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ той талантливости и способности къ развитію, которыми отличается нашъ народъ.

Въ статьѣ г-жи Лавровой «Народные спектакли въ деревнѣ» (*Образованіе* 1896 г., кн. 2) также указывается на образованіе крестьянскихъ труппъ. Г-жѣ Лавровой извѣстны даже примѣры участія актеровъ-крестьянъ въ прибыли отъ сборовъ со спектаклей.

Итакъ, народъ, жаждущій просвѣщенія, отзывчивый, впечатлительный, способный глубоко чувствовать, — вотъ та новая аудиторія, навстрѣчу ко-

ой долженъ идти русскій театръ, вотъ новое поприще, раскрывающее-предъ русскимъ актеромъ. Театръ слишкомъ долго служилъ интересамъ литературной публики, пора ему подумать и о народѣ. И если задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы учить и воспитывать, то эта простая аудитория способна доставить актеру высшее нравственное удовлетвореніе.

Въ этомъ горячемъ сочувствіи, которое встрѣтила на сѣздѣ идея нашего театра, мы видимъ лучшую заслугу перваго сѣзда сценическихъ деятелей.

Мы видѣли, что на сѣздѣ были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія о причинахъ упадка современнаго театра; но при всемъ разнообразіи, въ они имѣли одну общую черту. Почти всѣ ораторы и докладчики искали причины въ специальныхъ условіяхъ сцены: въ необеспеченности актеровъ, въ несостоятельности и неумѣлости частныхъ антрепренеровъ и распорядителей товариществъ, въ небрежномъ отношеніи актеровъ къ дѣлу, въ невысокомъ нравственномъ уровнѣ ихъ и т. д. Сообразно съ этимъ и мы, предложенныя на сѣздѣ для поднятія театра, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, упорядоченіе самой организаціи дѣла и поднятіе образовательнаго и нравственнаго уровня актерствующей братіи. При этомъ упомянули изъ виду одно положеніе огромной важности: театръ не есть что-либо обособленное, а тѣсно связанъ съ жизнью той эпохи и того народа, одинъ изъ которыхъ онъ фундационируетъ, и подчиненъ общимъ законамъ развитія даннаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы по фрескамъ и орнаментамъ, сохранившимся на какой-нибудь полуразрушенной колоннѣ, стараемся возстановить характеръ эпохи, создавшей ихъ, если по типамъ, изображеннымъ на старинныхъ картинахъ или гравюрахъ, мы угадываемъ стремленія и идеалы тогдашняго общества, то что сказать о театрѣ, этомъ, если можно такъ выразиться, самомъ гибкомъ, самомъ отзывчивомъ искусствѣ, послѣ литерары наиболѣе полно отражающемъ всѣ настроенія, господствующія въ данный моментъ? Извѣстно, наприм., что Тэнъ для характеристики той или иной эпохи придавалъ значеніе не только литературѣ, живописи или архитектурѣ, но даже одеждѣ или мебели. Всѣ эти мелочи домашней жизни могли ему, какъ онъ выражался, возстановлять самую мысль современниковъ. Но что лучше театра, пользующагося для своихъ цѣлей содѣйствіемъ различныхъ искусствъ и благодаря этому производящаго особенно сильное впечатлѣніе на зрителя, отражаетъ психологію современнаго человека? Не даромъ же теперь часто такъ появляются историко-литературныя изысканія о положеніи театра въ различныя эпохи. И если мы теперь вѣдоушно констатируемъ упадокъ театра, то причины этого явленія не искать не въ специальныхъ условіяхъ сцены, но крайней мѣрѣ, не самымъ образомъ въ нихъ, а въ окружающихъ условіяхъ современной жизни, вѣрнымъ барометромъ которой служить театръ.

Собственно говоря, мысль о томъ, что упадокъ театра находится въ

связи съ общими условіями современной жизни, была высказана на сѣздѣ въ двухъ-трехъ докладахъ (г-жей Зеньковецкой, гг. Н. И. Николаевымъ и Тимковскимъ), но она не оказала никакого вліянія на направленіе работъ сѣзда, да, по правдѣ сказать, пожалуй, и не могла оказать, потому что какія же практическія мѣры въ этомъ смыслѣ сѣздъ могъ предложить? Между тѣмъ здѣсь, именно, по нашему мнѣнію, лежитъ корень вопроса.

И раньше всего упадокъ театра стоитъ въ тѣсной связи съ упадкомъ литературы. Я не говорю о драматической литературѣ, потому что драматическая литература не можетъ быть отдѣлена отъ остальной литературы, съ которой у ней общіе законы развитія. Господа артисты жалуются на пустоту зрительныхъ залъ, на равнодушіе публики къ театру. Но гдѣ же тѣ пьесы, которыя могли бы заставить сердца наши биться любовью, жалостью, состраданіемъ или, наоборотъ, возмущеніемъ, ненавистью, негодованіемъ? Гдѣ пьесы, которыя могли бы вызвать въ зрительномъ залѣ бурю восторговъ и всѣхъ насъ, безъ различія званія и положенія, слить въ одномъ общемъ *человѣческомъ* чувствѣ? Вы скажете: а Шекспиръ, Шиллеръ, Гоголь, Островскій? Прекрасно. Но не можетъ же театръ вѣчно жить однимъ старымъ репертуаромъ. Мы желаемъ видѣть еще пьесы, изображающія нашу современную жизнь, но этихъ пьесъ нѣтъ. Мы наполняемъ театръ въ первыхъ представленіяхъ въ надеждѣ увидѣть образы, выхваченные изъ нашей среды, услышать бленіе истинной жизни, но, увы! уходимъ разочарованные, съ тоскою, думая о томъ «съ кого они портреты пишутъ, гдѣ разговоры эти слышатъ?»

Съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что въ жалобахъ актеровъ на публику есть значительная доля правды. Если современные антрепренеры предпочитаютъ глупѣйшіе фарсы и раздирательныя мелодрамы серьезному репертуару, то значитъ есть публика, которая предпочитаетъ спросъ на такого рода искусство. По Сенькѣ шапка. Можетъ быть, театрѣ не слѣдовало бы идти навстрѣчу грубымъ запросамъ массы, можетъ быть, ему слѣдовало бы стараться поднять публику до себя, а не самому спуститься до нея—это другой вопросъ; но фактъ тотъ, что есть масса публики, которой чужды интересы истиннаго искусства, и которая видитъ въ театрѣ одну лишь забаву. Эта неинтеллигентная грубая масса, лишь внѣшнимъ образомъ приобщенная къ благамъ культуры, оказываетъ самое пагубное вліяніе на театральное дѣло.

Но позвольте,—слышу я возраженіе читателей,—если упадокъ театра, кромѣ специальныхъ условій сцены, зависитъ отъ упадка литературы и отъ низкаго уровня значительной части публики, иначе говоря, зависитъ отъ тѣхъ общихъ причинъ, которыя вызвали какъ упадокъ литературы, такъ и народненіе этой публики съ грубыми запросами и вкусами, то причѣмъ же тутъ актерскіе сѣзды, чѣмъ могутъ они помочь горю? Развѣ, напримѣръ, сѣзды литераторовъ могли бы поднять литературу и вызвать къ жизни новые, болѣе сильные и болѣе яркіе таланты?

Никакіе сѣзды сами по себѣ не поднимутъ ни театра, ни литературы,

способствовать ихъ поднятію они безусловно могутъ. Дѣло въ томъ, въ смыслѣ на общія условія вовсе не обязываетъ насъ къ тому, чтобы положить ненужныя руки на пустой груди». Не слѣдуетъ забывать, что какое бы значеніе мы ни придавали общимъ условіямъ, активнымъ дѣятель на общественной аренѣ все-таки является личность. Процессъ развитія общества именно и состоитъ во взаимодействіи между общими условіями и дѣятельностью отдѣльныхъ личностей. И если работа и усилія единой личности не могутъ оказать вліянія на общія условія, — развѣ если это какая-нибудь выдающаяся личность, — то коллективная работа многихъ лицъ уже составляетъ весьма замѣтный факторъ въ общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія всякіе съѣзды лицъ, занимающихся общественной дѣятельностью, могутъ имѣть очень большое значеніе. Наконецъ, если актерскіе съѣзды не оказываютъ никакого вліянія на общія условія, вызывающія упадокъ театра, все же остается еще множество специальныхъ причинъ, гибельно отражающихся на положеніи театра и вполне уже достаточныхъ воздѣйствію съѣздовъ. Представьте себѣ, что, точно по мановенію волшебнаго жезла, современные драмодѣлы превратятся въ Гоголей и Островскихъ. Но если актеры въ огромномъ большинствѣ случаевъ будутъ состоять изъ людей совершенно не подготовленныхъ для сцены, если матеріальное положеніе ихъ останется столь же жалкимъ, какъ теперь, то трудно думать, никакіе Гоголи и Островскіе не поднимутъ театральнаго дѣла. Поднятіе же уровня подготовкѣ актеровъ, улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія, болѣе нормальная организація театральнаго дѣла — все это вопросы, на правильное разрѣшеніе которыхъ съѣзды безусловно могутъ оказать большое вліяніе. Первый съѣздъ не принесъ еще никакихъ осязаемыхъ результатовъ, но въ такомъ большомъ, сложномъ дѣлѣ вообще трудно ждать скорыхъ результатовъ. Слѣдующіе съѣзды будутъ продолжать работу, начатую первымъ.

Не нужно только упускать изъ виду, что одно упорядоченіе театральнаго дѣла еще не подниметъ русскаго театра. Расцвѣтъ театра наступитъ вѣсть съ расцвѣтомъ литературы, вѣсть съ поднятіемъ уровня нашей общественной жизни. Тогда снова мы увидимъ на сценѣ великія произведенія, съ безсмертными, художественными типами, и театръ станетъ казаться, какъ называлъ его Гоголь, съ высоты которой великіе писатели будутъ проповѣдывать намъ вѣчные идеалы правды, добра и красоты.

А. Скляръ.

Нравственное воспитаніе и начальная школа *)

VII.

Замѣчательно, что ни одинъ типъ не разрабатывался въ русской литературѣ такъ часто и такъ усердно, какъ типъ лиричнаго, устранившагося отъ дѣлъ и общественной жизни человѣка. Этотъ типъ воспроизводитъ нашими беллетристами съ тѣхъ поръ, какъ стала существовать русская литература, и продолжаетъ воспроизводиться и въ наши дни. Мѣняющіяся времена и внѣшнія условія жизни, мѣняются темпераменты героевъ повѣстей и романовъ, мѣняются отношенія авторовъ къ этому типу; но типъ въ своихъ основныхъ чертахъ остается одинъ и тотъ же, хотя изучаемъ беллетристами въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ. *Ивановъ* Чехова, герцогъ Эртеля *Карьера Струкова*, Тимковскаго *Маленькія дѣла и большія просты*, Вересаева *Безъ дорогъ*, напоминаютъ намъ Пушкинскаго «Евгенъ Онегинъ», Тургеневскаго «Рудина», Лермонтовскаго «Печорина», Гоголевскаго «Тентетникова» и Гончаровскаго «Обломова». Всѣ они, хотя и разными путями, приходятъ къ одному и тому же концу. Всѣмъ имъ не чужды думы «надъ бѣдствіями человѣчества», «безвѣстныя, безыменныя страданія», стремленія «куда-то вдаль». Правда, что различно проявляются у нихъ эти стремленія. У Обломова «сладкія слезы потекутъ по щекамъ». Случается то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, къ лжи, къ вѣселию, къ разлиту въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать челоука на его язвы; и вдругъ загораются въ немъ мысли... онъ, движимый нравственною силой, въ одну минуту измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистательными глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ благихъ послѣдствій могли бы онъ дать отъ такого высокаго усилія! Но смотришь... бури и волненія смирятся въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ... Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 98 г.

вебу, съ грустью провожаетъ солнце, великолѣпно садящееся за чѣй-то четырехэтажный домъ».

Произведеніе Гончарова дало поводъ знаменитому русскому критику къ блестящей характеристикѣ современнаго ему русскаго общества. Критикъ не былъ согласенъ съ Гончаровымъ, воображавшимъ, будто Обломовка откинула свой вѣкъ. «Обломовка,—говоритъ критикъ,—есть наша прямая родина. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова и еще рано писать намъ надгробное слово». Онъ видитъ Обломова и въ помѣщикахъ, толкующихъ о правахъ человѣчества, и въ чиновникѣ, жалующемся на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, и въ офицерѣ, разсуждающемъ объ утомительности парадовъ... «Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей,—продолжаетъ онъ,—горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самыя (а иногда и новыя) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку... Остановите этихъ людей и скажите: «вы говорите, что нехорошо то и то,—что же нужно дѣлать?» Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: «да какъ же это вдругъ?» Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣчалъ Натальѣ: «что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, что это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами» и проч. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины».

Современныя намъ разновидности этого стараго типа идутъ дальше Обломова. Свои мечты они пробуютъ иногда воплотить въ дѣло. Но они очень скоро устаютъ въ борьбѣ съ суровою дѣйствительностью. Натискъ гражданскихъ ихъ замысловъ жизненныхъ вліяній приводитъ къ одному и тому же концу: къ апатіи, равнодушію, сознанію своего безсилія, разочарованію или къ безплоднымъ мукамъ совѣсти, отчаянію, тоскѣ.

Есть что-то роковое въ русской жизни, что заставляетъ нашихъ художниковъ слова на разные лады описывать на протяженіи цѣлаго столѣтія разновидности одного и того же типа. Какой другой языкъ такъ богатъ синонимами одного и того же понятія: лежебокъ, соня, байбакъ, сидень, иженъ, увалень, дармождъ, бездѣльникъ, трутень, коптителъ неба, границель мостовыхъ, паразитъ и т. д. Этотъ роковой недугъ, это преобладаніе пассивнаго элемента въ характерѣ русскаго человѣка не могло не обратить на себя и вниманія нашей педагогической литературы. Знаменитый нашъ педагогъ Ушинскій выразилъ главную руководящую идею своей *Антропологии* или, вѣрнѣе сказать, всей своей педагогической дѣятельности въ лучшей изъ своихъ статей *Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи*. «Если бы люди,—говоритъ Ушинскій,—нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго высказываетъ все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполне замѣняющую всякій трудъ человѣка, то самое развитіе человечества остановилось бы, развратъ и дикость завладѣли бы обществомъ».

И онъ иллюстрируетъ свою мысль цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Онъ сравниваетъ характеръ римскаго гражданина въ тотъ періодъ, когда онъ отъ себя переходилъ къ занятіямъ консула и диктатора, съ характеромъ римскаго обжоры времени Домиціана, когда цѣлый міръ присылалъ въ вѣчный городъ изысканнѣйшія произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ, когда римляне презирали всякій трудъ, когда ими овладѣло равнодушіе къ жизни, выразившееся въ безчисленныхъ самоубійствахъ, изображенныхъ Тацитомъ, когда вся жизнь Рима представляется мрачною оргіей, въ которой столько же несчастія и душевныхъ страданій, сколько разврата, рабства и даромъ доставшихся богатствъ.

Обращаясь къ отдѣльнымъ сословіямъ, онъ находитъ, что какъ только необходимость труда, будетъ ли это наука, торговля, промышленность, выкидаетъ какое-нибудь сословіе, оно вырождается и уступаетъ свое мѣсто другимъ, болѣе энергичнымъ, болѣе предпринчивымъ и трудолюбивымъ слоямъ населенія.

Ушинскій приглашаетъ насъ всмотрѣться въ фзіономію отъѣзжавшаго кулака и утверждаетъ, что «напрасно мы стали бы искать выраженія членовѣческаго достоинства на блѣмъ, гладкомъ, румяномъ, какъ крысина яблоко, и лоснящемся, какъ атласъ, лицѣ сидѣльца въ охотовой шубѣ, похаживающаго около своей лавки... Морда толстаго бота, выглядывающаго въ окно той же лавки, глядитъ разумнѣе!»

Только труду люди обязаны минутами высокихъ наслажденій. Ушинскій приводитъ въ примѣръ художника, который, посвятивъ всю свою жизнь труду въ области искусства, постоянно наслаждается произведеніями художества. Но если онъ броситъ трудъ, а станетъ только любоваться, то наслажденіе быстро станетъ утрачивать свою цѣну и, наконецъ, совершенно исчезнетъ. И живопись, и поэзія, и музыка должны служить отдохновеніемъ послѣ труда, или должны находиться въ живой связи съ трудомъ человека, когда же они дѣлаются предметами праздной прихоти, то не только теряютъ всю свою развивающую силу, но дѣйствуютъ отрицательно на нравственные и умственные силы.

Онъ беретъ семейную жизнь и также приходитъ къ выводу, что семейное счастье можетъ быть прочнымъ только тогда, когда жена является дѣйствительною помощницею мужа, когда супруговъ связываетъ общая работа. Если этого нѣтъ, молодые, полюбившіе другъ друга люди, недолго плаваютъ въ блаженствѣ. Чувство удовлетворенной страсти скоро притупляется въ ихъ жизнь закрадывается скука, и оба супруга начинаютъ поглядывать по сторонамъ, искать наслажденій внѣ домашней жизни и вихрь самъ скоро уноситъ ихъ въ разныя стороны.

Даже удовлетвореніе нашихъ благороднѣйшихъ порывовъ великодушія и любви могутъ дать прочное счастье только тогда, когда они требуютъ отъ насъ постоянной и плановѣрной работы на пользу ближнего. Если мы ограничимся только созерцаніемъ своихъ подвиговъ, доставшихся намъ безъ труда и усилій, мы рискуемъ сдѣлаться несносными, бесполезными

ыми и безвозвратно погибнуть нравственно. Выводъ отсюда ясенъ. Онъ въ, какъ само человѣчество. «Только животворная сила труда служить источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ нравственности и счастья». Выводъ, къ которому приходитъ талантливый педагогъ путемъ своихъ наблюдений и обзора историческихъ явленій, всего лучше было бы иллюстрировать наблюдениями надъ нѣкоторыми психическими больными. Такъ, напримеръ, фактъ, который мы находимъ у психіатра Бильо. Больной 65 лѣтъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, лимфатическаго темперамента, интеллигентно развитого ума и средней чувствительности. Онъ былъ нота-ромъ, любилъ свое дѣло и былъ совершенно здоровъ и физически, и душою. Но вотъ онъ, правда, не безъ колебаній, продалъ свою нотаріаль-ную контору. Оставшись безъ привычныхъ занятій, онъ впадаетъ въ меланхолю, не принимаетъ пищи и, наконецъ, покушается на самоубійство. Его болѣе была поражена у больного воля. Часто онъ былъ совершенно силенъ рѣшиться на какое-нибудь дѣйствіе, хотя его умъ былъ попреж-му здоровъ, онъ могъ правильно разсуждать и вполне ясно понималъ необходимость дѣйствія, на которое однако же не чувствовалъ себя способ-нымъ, какъ бы оно легко и просто ни было. Онъ не могъ рѣшиться на бѣздъ, но не могъ также оказать сопротивленія, когда его отправляли въ изгнание. Онъ не могъ подписать своей фамиліи на довѣренности, что хотѣлъ выдать своей женѣ передъ отъѣздомъ. Когда ему приходила мысль прогуляться, онъ вставалъ съ мѣста, надѣвалъ шляпу, готовился итти, но не могъ двинуться съ мѣста, хотя его ноги были вполне здоровы. Онъ хотѣлъ итти въ театръ—и не могъ, хотѣлъ иногда принять участіе въ какомъ-нибудь разговорѣ—и не могъ на это рѣшиться. И подобныхъ примѣровъ много, хотя послѣдствія перерыва привычной дѣятельности и не всегда вы-ступаютъ въ такой рѣзкой формѣ. Однако же далеко не всякій трудъ даетъ человеку душевное удовлетвореніе и душевный покой, возвышаетъ его въ нравственномъ отношеніи, развиваетъ его силы, поддерживаетъ его человѣ-ческое достоинство. Трудъ подневольный, трудъ изъ-подъ палки, трудъ крѣ-пкого или каторжника не возвышаетъ, а принижаетъ работника, угне-тъ и деморализируетъ. Трудъ, не согласный съ требованіями совѣсти и совѣсти, трудъ Разуваева, трудъ Сквозника-Дмухановскаго точно также раз-рушительно дѣйствуетъ на человѣческую личность.

Превосходную иллюстрацію нравственно-перерождающаго вліянія труда на души мы находимъ въ разсказѣ Горькаго *Сутрупи Орловъ*. Самъ Орловъ—горькій пьяница, бьетъ и мучитъ свою жену; но въ свѣтлые про-свѣты онъ сознаетъ все безобразіе своей жизни и совершенно правильно исправляетъ свое поведеніе «каторжной ихъ жизнью».

Но вотъ во время холеры Орловъ попадаетъ на службу въ баракъ, ра-ботать здѣсь съ удивительною энергіей и совершенно перерождается въ нравственномъ отношеніи: не пьетъ, мирно и тихо живетъ съ женою, а въ дѣлѣ за больными проявляетъ необыкновенное самоотверженіе. И вотъ въ концѣ онъ самъ говоритъ о вліяніи на него работы въ баракѣ. «Жизнь

здѣсь безпокойное, но хорошее житье, ежели говорить правду. *Божье дѣло*. «Примуся я тутъ работать—даже небу жарко станетъ, вотъ какъ! Потому есть причина у меня на это. Во-первыхъ, люди здѣсь, я тебѣ скажу, существующіе на землѣ! Во-вторыхъ, *работа сама*. Это, братъ, великое дѣло, вродѣ войны, наприкладъ. Холе́ра и люди—кто кого? Тутъ ужъ *требуется* и чтобы все было въ аккуратѣ. Что такое холера? Это *надо помнить* и сейчасъ ваяя ее тѣмъ, чего она не терпитъ. Мнѣ докторъ Кашенинъ говорилъ: ты, говоритъ, Орловъ *человѣкъ* въ этомъ дѣлѣ *нужный*... Иная жизнь, иное и поведеніе мое будетъ... Вѣдь, ежели я въ иное время *былъ* жалъ тебя,—отъ тоски это, Мотря... Трудно яснѣе, вѣрнѣе и проще выразить, каковъ долженъ быть трудъ, чтобы онъ возвышалъ нравственный личность работника. Надо, чтобы онъ представлялся намъ *Божьимъ*, хорошимъ *дѣломъ*, направленнымъ на пользу общую; надо, чтобы и самъ работникъ и люди, которымъ онъ вѣрить, считали его *нужнымъ человекомъ въ этомъ дѣлѣ*; надо, чтобы сама работа не была только механическая, безсмысленною работою, а чтобы въ ней и *ужъ требовался*, требовалась *помысль* (что такое холера? и проч.). И если такой работы нѣтъ, если трудъ не отвѣчаетъ требованіямъ нашего разума и совѣсти, неидетъ на общую пользу, если ни самъ работникъ, ни другіе не считаютъ его *нужнымъ челоѣкомъ въ этомъ дѣлѣ*, если работа, рассчитанная только на мускулы, не требуетъ никакого напряженія ума, то наступаетъ недовольство жизнью и отвращеніе къ труду, иррачная апатія, гнетущая тоска и скука и непреодолимое желаніе потопить эту душевную боль и пустоту въ немонныхъ развлеченіяхъ: или въ пьянствѣ, или въ скотскомъ развратѣ и т. п.

Намъ скажутъ, что странно говорить о значеніи труда по отношенію къ дѣтямъ народа. Нашъ мужикъ отправляется на работу съ солнечнымъ восходомъ и оканчиваетъ ее съ солнечнымъ заходомъ. Не намъ надо учить его трудолюбію, а самимъ надо учиться у него терпѣнью и выносливости въ трудѣ. И это правда. Только близорукость или недобросовѣстность могутъ обвинять въ лѣнности нашъ простой народъ. Но однако можемъ мы установить въ трудѣ нашего простолюдина наличность всѣхъ условий при коихъ трудъ даетъ полное нравственное удовлетвореніе?

И прежде всего здѣсь по условіямъ, отъ самого народа не зависящимъ мало здраваго пониманія законовъ природы, съ которыми приходится имъ дѣло простолюдину въ своей работѣ. Чтобы не прорывало плотинъ и мельницъ, народная мудрость указываетъ, какъ на самое надежное средство на какую-то траву «синь»; чтобы избавиться отъ таракановъ, по мѣтѣ простолюдина, надо поймать бѣлаго таракана и потрясти его за ногу; въ важныхъ случаяхъ жизни крестьянинъ обращается къ колдуну, а тотъ совѣтуется съ своимъ малымъ братомъ домовымъ; чтобы укротить дракаваго мужа, крестьянка поитъ его водою, въ которой варить палецъ, отъъятый отъ трупа младенца. По представленію суевѣрнаго крестьянина, колдуну его водить лѣшій, въ водѣ покушается утопить водяной, дона-вѣтитъ и его лошадей, и его самого домового; деревенскіе колдуны и вѣдь-

уять его здоровье и сокращаютъ его вѣкъ; недобрые люди дѣлаютъ на поляхъ заломы, глязятъ его, ставятъ изъ мести къ нему переломленныя свѣчи передъ иконою Іоанна Воина и тѣмъ причиняютъ ему всевозможныя болѣзни; онъ вѣритъ въ появленіе антихриста и считаетъ прыску предохранительной оспы антихристовою печатью; онъ ежегодно ожигаетъ свѣтопреставленія. Если мы сравнимъ его міросозерцаніе съ міросозерцаніемъ культурнаго человѣка, то разница окажется неизмѣримо больше. Какая существуетъ между имущественными состояніями Ротшильда и мѣщанскаго крестьянина. Тысячи опутывающихъ его со всѣхъ сторонъ вѣрій мѣшаютъ ему понять зависимость между явленіями природы, объяснить, отчего истощается его почва, разстраивается его хозяйство, рождается его скоть, умираютъ его дѣти.

Орловъ въ разсказѣ Горькаго видитъ преимущество своей новой работы въ баракѣ въ томъ, что «тутъ умъ требуется... Что такое холера? надо понять и сейчасъ ваяя ее тѣмъ, чего она не терпитъ». Тамъ, въ всѣ невзгоды объясняются внимательствомъ вѣдьмъ, колдуновъ, лѣхъ, домовыхъ и проч., ума требуется немного. Еще меньше требуется вниманія естественныхъ причинъ того или другого явленія. Затѣмъ хоть голову надѣ изслѣдованіемъ причинъ, когда и безъ того все ясно: все зависитъ отъ каприза и прихотей какого-нибудь колдуна или домового. Эта удивительно сложная сеть суевѣрій является непреодолимою преградой на пути къ пониманію естественныхъ причинъ окружающихъ простыхъ явленій, а стало-быть и на пути къ улучшенію народнаго труда. А же лишается человѣческій трудъ его воспитательнаго, морализующаго значенія; она же гонитъ крестьянина въ кабакъ заливать грусть-тоску женой. Не даромъ рѣшительно всѣ наблюдатели народной жизни приводятъ въ связь эти два явленія: умственную оброшенность народа и его нищество.

Вотъ что, напримѣръ, писалъ намъ учитель сельской школы г. Давыдо: «Наше мѣстечко обширное, здѣсь много магазиновъ, полныхъ разныхъ товаровъ, но ни одной книжной лавки. Книга не заняла у насъ робающаго мѣста. Одурачивающая жидкость хранится подъ золотымъ пыжомъ, а книжка скромно лежитъ на рогожевой подстилкѣ вѣстѣ съ дешевымъ товаромъ, засыпаемая пылью, ропчущая на свою судьбу, что у врага много попочетелей, а у нея никого». Недаромъ наши попочетельныя о народной трезвости являются наиболѣе энергичными ходатаями предъ истерствомъ народнаго просвѣщенія объ ослабленіи тѣхъ путей, препятствій и тормозовъ, какіе ставятъ дѣлу народнаго просвѣщенія сотни ограничительныхъ циркуляровъ, капризы и свѣтобоязнь мѣстнаго учебнаго начальства.

Нѣтъ, при такихъ условіяхъ народный трудъ не дастъ, не можетъ работнику полнаго нравственнаго удовольствія, не избавитъ его отъ скуки жизни, не разовьетъ его умственныхъ и нравственныхъ

А между тѣмъ, казалось бы, что, напримѣръ, земледѣльческій трудъ содержитъ въ себѣ всѣ элементы, необходимые для полного душевнаго удовлетворенія. Что онъ кормитъ и поитъ всѣхъ насъ, что это Божье доброе дѣло,—это такъ ясно, такъ неоспоримо. Что крестьянинъ нуженъ въ этомъ насущномъ дѣлѣ человекъ—это признали даже щедринскіе гонимы-Робинзоны. Что имъ можно заинтересоваться, полюбить его,—это доказывается уже тѣмъ, что ни одна отрасль труда неоповестивалась такъ часто и съ такимъ успѣхомъ и въ народной поэзіи, и въ художественной литературѣ, какъ именно земледѣльческій трудъ. Что «тутъ умъ требуется», что тутъ многое «надо понять», если не представить себѣ весь этотъ ужасъ народныхъ суевѣрій,—видно уже изъ того, съ какою массою различныхъ отраслей знаній пришлось бы имѣть дѣло земледѣльцу, еслибы онъ захотѣлъ вести раціональное хозяйство.

Ему надо изучать и полеводство, и огородничество, и садоводство, и стало бытъ имѣть свѣдѣнія о жизни растений, объ ихъ питаніи, о почвѣ и т. д., ему надо знать скотоводство, быть немного и ветеринаромъ, и плотникомъ, и каменщикомъ, и грабаремъ, и продавцомъ, онъ можетъ быть и пчеловодомъ, и кустаремъ, и я не знаю, съ какою только отраслью знаній не сопрягаются его занятія.

Въ то же время нашему народу нельзя отказать и въ дарованіяхъ: каждый разъ, когда крестьянинъ становится въ сколько-нибудь благопріятныя условія для своего умственнаго развитія, онъ поражаетъ насъ своими быстрыми успѣхами. Мы уже указывали выше на примѣръ нѣмца всѣмъ извѣстныхъ самоучекъ изъ народа. Но сколько вышло изъ этой среды лицъ неизвѣстныхъ нашей литературѣ, но точно также удивляющихъ насъ при встрѣчѣ съ ними своею необыкновенною даровитостью! Вотъ что, напримѣръ, рассказываетъ П. Н. Обнинскій въ своей статьѣ «Трудная помощь, какъ общественный коррективъ» объ одномъ такомъ самоучкѣ: «Кончивъ сельскую школу, крестьянскій мальчикъ Т—ой губерніи былъ отданъ въ мастерство. Переходя отъ мастера къ мастеру и спасаясь отъ побоевъ, онъ попалъ въ переплетное заведеніе и сталъ читать. Желаніе познанія увлекло его. Голова трещала отъ проклятыхъ вопросовъ (дѣла сначала попался Шопенгауэръ); спаввали подмастерья и товарищи, бѣда хозяйева, угнетала нужда. Юноша продолжалъ читать и читать. Поступивъ затѣмъ въ книжный магазинъ, онъ успѣлъ ознакомиться со всѣми философскими системами и особенно заинтересовался социальными вопросами. «Я убѣдился,—разсказывалъ онъ,—что насильственные перевороты ведутъ лишь къ торжеству реакціи и притомъ они несовмѣстимы съ братскою любовью къ людямъ, но все мое міросозерцаніе было опрокинуто и сдѣлано мучили меня». Онъ искалъ дѣла, разумнаго и полезнаго обществу дѣла. Страдальческій бытъ нашихъ ремесленниковъ былъ знакомъ ему изъ личнаго опыта. Въ Т—вѣ, гдѣ ему пришлось прожить всего долѣе, былъ этотъ представлялся особенно невыносимымъ, благодаря злоупотребленіямъ ремесленной управы и бездѣйствію губернской администраціи. Отъ ли

и ремесленной бѣдноты онъ велъ долгій и сложный судебный процессъ въ нѣтъ. Я читалъ его записки по этому дѣлу,—они сдѣлали бы честь любому юристу: глубина и трезвость мысли, горячая любовь къ правдѣ и къ безпомощнымъ искателямъ ея, мѣткія толкованія закона, сила аргументаціи—это было просто изумительно. Заинтересовавшись затѣмъ защитою трагическаго дѣтства (что и послужило поводомъ къ нашему знакомству), я началъ съ рѣдкимъ успѣхомъ сотрудничать въ двухъ изданіяхъ, съ благодарностью принявшихъ его первые опыты. Отбывая воинскую повинность въ П—вѣ, онъ часто бывалъ въ Москвѣ и подолгу бесѣдовалъ со мною. Съ возрастающимъ, захватывающимъ духъ интересомъ выслушивалъ этого скромнаго молодого человѣка въ солдатскомъ мундирѣ нестройной фигуры, съ блѣднымъ лицомъ и впалой грудью. Я воочию видѣлъ передъ собою живую, дѣйственную мощь народнаго генія, которая, словно зеленый ростокъ на камнѣ, вопреки всѣмъ и всему пробивалась наружу».

Этотъ примѣръ чрезвычайно типиченъ. Біографія любого самоучки представляетъ тѣ же самыя существенныя черты. Вся разница только въ масштабахъ. Одинъ сталъ читать потому, что натолкнулся на добраго развитого учителя, снабжавшаго подростка или мальчика интересными книгами, другой—потому что получилъ доступъ въ бібліотеку, третій—потому что нѣлся переплетнымъ ремесломъ.

Но если трудъ земледѣльца даетъ съ одной стороны столько пищи для размышленій, и если съ другой стороны нашъ народъ отличается удивительною изобретательностью, то почему же онъ вноситъ въ трудъ такъ мало знанія, почему его приемы такъ рутинны, отсталы, примитивны. Несомнѣнно, что экономическія и иныя условія играютъ здѣсь чрезвычайно видную роль. Но не отъ насъ—народныхъ учителей,—зависитъ разрѣшеніе этихъ накопившихся вопросовъ. Для насъ важно знать, что минимальными условіями проявленія народнаго генія являются хорошая книга и хорошая школа. Не менѣе важно для насъ знать, что можетъ сдѣлать школа, чтобы заставить ребенка и юношу полюбить умственный трудъ и внести затѣмъ свой элементъ и въ свои земледѣльческія занятія, и въ свою общественную дѣятельность въ сельскомъ обществѣ, въ волости, въ земствѣ, въ уѣздѣ... и въ воспитаніе своихъ дѣтей. Какъ можно достигнуть этого? Въ другихъ своихъ работахъ по методикѣ преподаванія мы подробнѣе говоримъ о томъ, что во главу угла всего строя начальной школы долженъ быть положенъ интересъ къ преподаванію; и потому мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ существенно важномъ элементѣ. Такое преподаваніе имѣетъ въ виду развитіе общій и безкорыстный интересъ къ знанію. Здѣсь мы ставимъ вопросъ значительно уже. Можно задаться цѣлью дать определенное направленіе будущей дѣятельности нашего воспитанника. Можно, напримеръ, поставить своею задачею заставить его полюбить прочную любовь сельско-хозяйственный трудъ, построенный на рациональныхъ началахъ, съ книгами и счетами въ рукахъ, съ опытами на экспериментальномъ участкѣ, можно заставить его полюбить общественную работу въ

деревнѣ. Какъ поступаютъ люди, когда хотятъ увлечь другихъ на какое-нибудь определенное дѣло? Люди моего поколѣнія хорошо помнятъ широкое общественное и, пожалуй, даже народное движеніе, охватившее нашу страну въ 1876 году и направленное къ освобожденію славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ. Сотни и тысячи русскихъ людей шли добровольно пострадать за правое дѣло, за освобожденіе угнетенныхъ братьевъ. Англичане называли это движеніе новымъ, крестовымъ походомъ. Что же дѣлали люди, руководившіе этимъ движеніемъ? Въ газетахъ они описывали въ яркихъ краскахъ звѣрства башибузуковъ, мученія, претерпѣваемые братьями-славянами, ихъ угнетенное положеніе. Они изображали въ привлекательныхъ краскахъ подвиги самоотверженія нашихъ добровольцевъ.

Писали, наприимѣръ, объ одномъ старикѣ-солдатѣ. Онъ ополчается и идетъ пѣшкомъ, спрашивая дорогу, за тысячи верстъ, подрагаться съ турками за братію, и ведетъ съ собою девятилѣтнюю дочку. «Найдутся,—говорить,—добрые люди, что поберегутъ мою дочку, пока я хожу. А ужъ я пойду, послужу дѣлу Божію». Каждый номеръ газетъ сообщалъ то о самоотверженіи добровольцевъ, то о пожертвованіяхъ идущихъ и отъ старообрядцевъ, и отъ православныхъ. И народъ несъ свои гроши на Божье правое дѣло, и тысячи людей бросали домъ и семью и шли жертвовать своею жизнью. Руководители движенія одновременно дѣйствовали и на чувства, и на разумъ народа. Въ простыхъ и образныхъ разсказахъ они внушали, что это правое, Божье дѣло, что положеніе угнетенныхъ славянъ невыносимо, что тотъ, кто придетъ имъ на помощь, сдѣластъ большое доброе дѣло, будетъ образцомъ для другихъ. Они опоэтизировали въ глазахъ народа защищаемое ими дѣло, изображали красоту подвига, дѣяніе его привлекательнымъ, чарующимъ. Именно такъ надо поступать всякій разъ, когда хочешь заставить полюбить то или другое определенное дѣло. Вы хотите воспитать въ ученикахъ любовь къ земледѣльческому труду и своей нивѣ, развить въ нихъ потребность не застыть на рутинѣ, а читать, дѣлать наблюденія и опыты, вы воспользуетесь богатѣйшими матеріалами, какіе даетъ наша художественная литература, чтобы опоэтизировать этотъ трудъ, рельефнѣе представить его привлекательныя стороны. Одинъ Бѣльцовъ даетъ почти вполне достаточное число стихотвореній, посвященныхъ на него поэзіей земледѣльческаго труда, во всѣхъ его видахъ. Онъ опоэтизировалъ и трудъ косаря («Ахъ, ты, степь моя, степь привольная!...»), и пахаря («Весело на пашнѣ, я самъ другъ съ тобою, слуга и хозяинъ...»), и ниву (*Урожай*) и проч. На примѣрахъ, фактахъ вы можете значеніе земледѣльческаго труда для государства, для общества, для народа. Вы будете въ образахъ, въ разсказахъ говорить и читать о тѣхъ улучшеніяхъ, какія можетъ внести въ это дѣло наука, знаніе.

На примѣрахъ же, взятыхъ хотя бы изъ біографій нашихъ самоучекъ изъ народа, вы покажете, что связать земледѣльческій трудъ съ книжнымъ и опытнымъ изученіемъ сельскаго хозяйства—дѣло возможное для всякаго

мотиваго: стоить только сильно захотѣть. Не будемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ начинать съ разсужденій и отвлеченныхъ построений: пусть общіе и частные выводы сдѣлаютъ уже сами ученики. Наше дѣло — дать имъ матеріалы: примѣры, образы, факты, одновременно дѣйствующие и на умъ, и на чувство, а стало-быть и на волю ученика. Пока ваши ученики малы, они не могутъ дѣлать попытокъ къ рациональному веденію хозяйства, но могутъ читать, учиться, производить нѣкоторые опыты, и такая работа на первыхъ порахъ будетъ достаточнымъ исходомъ того умственного возбужденія, какое имъ дастъ рядъ поучительныхъ образовъ, обогатившихъ ихъ умъ.

Вы хотите заинтересовать учениковъ ежедневной школы и еще болѣе ослухъ учащихся въ воскресныхъ классахъ общественной дѣятельностью въ деревнѣ, вы воспользуетесь такими доступными и любимыми имъ книжками, какъ, наприкладъ, *Дѣлатели золота* Цшоке, или сказаніями Блинова о сельскомъ обществѣ, волостномъ сходѣ и пр.

Вы познакомите ихъ съ общественной дѣятельностью въ деревнѣ нашихъ юнечекъ изъ народа. Эти примѣры покажутъ ученикамъ, какъ велики могутъ быть результаты общественной работы даже необременнаго никакою работой, но разумно пользующагося книгою; тѣ же примѣры убѣдятъ, что такая плодотворная общественная дѣятельность возможна для всякаго, кто рѣшится на такую работу, что для этого нужны только знанія, ихъ можно найти въ соответствующихъ книгахъ. Ученики сопоставятъ то, что они прочтутъ, съ тѣмъ, что они видятъ вокругъ себя, и поймутъ, какой степени деревня нуждается въ общественныхъ работникахъ, какъ имъ терпится она отъ того, что среди ея обывателей нѣтъ знающихъ, полезныхъ и думающихъ объ ея нуждахъ людей. Въ глазахъ дѣтей работа на общую пользу будетъ вполне справедливо окружена ореоломъ возвышеннаго, Божьяго дѣла, гдѣ требуется и умъ, и любовь, и готовность нѣкоторыя жертвы. Вы будете чаще и чаще, по всякому подходящему случаю, возвращаться къ образамъ, примѣрамъ, фактамъ, иллюстрирующимъ значеніе и красоту жизни для своего общества. Исходомъ и здѣсь будетъ жить на первыхъ порахъ чтеніе соответствующихъ книгъ, пріобрѣтеніе новыхъ, нужныхъ деревенскому общественному работнику; но школа сама, а мы объ этомъ подробно говоримъ въ другой своей работѣ, представитъ очень много возможностей дать исходъ общественнымъ чувствамъ ребенка и на практическомъ дѣлѣ.

Сдѣлать извѣстный, опредѣленный трудъ привлекательнымъ — это лучшее средство дать надлежащее направленіе волѣ. Даже лѣнивый начнетъ любить трудъ, разъ трудъ будетъ манить его силою своей привлекательности. Пусть каждому изъ насъ припомнить, какая огромная разница была въ нихъ занятіяхъ въ школѣ между любимыми и нелюбимыми предметами. Я самъ разсказывалъ о себѣ, что онъ былъ по природѣ лѣнивъ, постоянно чувствовалъ себя усталымъ, больнымъ, что умъ его отличался медлительностью, вниманіе — разсѣянностью, его память была слаба, онъ

былъ почти лишень воображенія. Что же заставило его совершить такъ гигантскій трудъ, требующій невѣроятныхъ усилій, обогатившій науку новыми открытіями, которымъ не было ничего подобнаго за все вѣстек столѣтіе? Это чудо сдѣлала только привлекательность идеи, овладѣвшей всѣмъ его существомъ, руководившей всѣми его работами. Тѣ же черты мы найдемъ въ дѣятельности Золя, который, по собственному признанію, предпочитаетъ прелесть отдыха работѣ, обладаетъ посредственнымъ вниманіемъ, быстро устаетъ и въ молодости боялся сдѣлаться неудачнымъ начинающимъ сотни вещей, но не оканчивающимъ ни одной. Балзакъ самъ признавался въ трудно побѣдимомъ стремленіи къ лѣни. Ньютонъ въ высшіе годы ученія въ деревенской и городской школахъ признанъ былъ исправнымъ лѣнтяемъ, но потомъ удивилъ міръ колоссальными работами, возможными только для величайшаго генія. Мы могли бы сколько угодно продолжать перечень знаменитыхъ людей (Руссо, Гёте, Альфиери и т. д.) лѣнливыхъ и слабыхъ отъ природы, но выполнившихъ затѣмъ удивительныя и по своей колоссальности, и по своимъ результатамъ работы. И всѣ эти люди во всю ихъ жизнь руководила плодотворная, привлекательная, очаровавшая ихъ господствующая идея, своего рода конекъ, устойчивая, неотступная мысль, господствовавшая надъ ними или въ продолженіи жизни, или же сѣнявшаяся затѣмъ другою такою же господствующею идеей. Такая мысль возникаетъ въ ихъ умѣ почти постоянно, независимо, сама собою, безъ всякихъ усилій вниманія; она, какъ всякая сама произвольная мысль, является въ сознаніи непринужденно, легко и свободно, не утомляетъ, не сопровождается усталостью. Она облегчаетъ работу, дѣлаетъ ее привлекательною, неутомительною и, можно сказать, бодрющею и продуктивною. Она становится для нихъ болѣе чѣмъ мыслью, — жизнью. «Что такое великая жизнь? — спрашиваетъ Альфредъ де-Вильгельмъ, — отвѣчаетъ: — Юношеская мысль, осуществленная въ зрѣломъ возрастѣ».

Вся разница между господствующею идеей великихъ людей и самою обыкновенною челоуѣка не въ силѣ этой идеи. Встрѣчаются невѣрные идеи и у очень дурныхъ людей и, однако, эти идеи точно также даютъ направленіе жизни. Вся разница только въ содержаніи идей. Одни диктуютъ страсть къ деньгамъ; другими управляетъ честолюбіе; третьяго ослѣпляетъ страсть къ удовольствіямъ и т. д.

Все дѣло въ томъ, чтобы замѣнить узкія, абсурдныя, эгоистическія идеи плодотворными, широкими, великодушными, справедливыми и гуманными, а для этого необходимо возможно ярче представить въ образѣ въ движеніи, въ краскахъ, формахъ и звукахъ, а не въ отвлеченныхъ построеніяхъ, всю ихъ чарующую красоту, всю прелесть ихъ обаянія, всю привлекательность ихъ проявленій; необходимо возможно чаще возвращаться къ нимъ; необходимо представить данныя цѣли практически осуществимыми.

Говоря о трудѣ, нельзя обойти молчаніемъ одну особенность русскаго челоуѣка. Мы способны на чрезвычайныя усилія, бурныя проявленія жизни, но временныя, а не постоянныя, подъ давленіемъ случайнаго импульса

Эти вспышки напряженной энергии и вдохновения, эти порывы на часъ, истощающіе организмъ, обыкновенно сменяются продолжительнымъ бездѣйствіемъ, празднымъ препровожденіемъ времени, жизнью увальня и байбака до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь новый импульсъ, — будетъ ли это возродившееся вдохновеніе или матеріальная необходимость, — снова не разбудитъ въ насъ силу, спавшихъ непробуднымъ сномъ до того времени.

Мнѣ приходилось наблюдать жизнь нѣсколькихъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ эта черта русскаго обывателя особенно рѣзко бросается въ глаза. Тамъ всевозможныя засѣданія и присутствія обыкновенно приурочиваются къ какому-нибудь опредѣленному числу каждаго мѣсяца. Наступаетъ это число — и зазвенѣли колокольчики ямщиковъ, переполнились всѣ помѣщенія постоянныхъ дворовъ и гостиницъ, засуетились дѣлопроизводители и дворянской опеки, и крестьянскихъ учреждений, и училищнаго совѣта, и тюремнаго комитета, и воинскаго присутствія и десятка другихъ мѣстныхъ учреждений, заскрипѣли перья, открылись засѣданія, продолжающіяся часто до 3 часовъ ночи. Рѣшаются тысячи дѣлъ, выслушиваются тысячи просителей, отвѣтчиковъ, свидѣтелей, составляется неимоверная масса постановленій, ходатайствъ, представленій и предписаній. Удивляешься, бывало, какъ можетъ человѣческій организмъ выдержать такую напряженную, безъ перерыва и отдыха, дѣятельность. Но прошла эта страдная пора, эта горячка работы — и разъѣдутся по своимъ мѣстнымъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ, заснетъ городъ, разойдутся по домамъ секретари и писцы и будутъ коротать время, спать, ѣсть, ухаживать за барышнями или играть въ карты.

Въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній есть тоже своего рода страдная пора — это экзамены, требующія отъ учащихся огромнаго напряженія силъ, изнуряющіе учениковъ и рѣзко нарушающіе обычный порядокъ учебныхъ заведеній.

Даже исторія русская представляетъ, повидимому, полную аналогію съ такою лихорадочною работою въ отдѣльные моменты, сменяемою затѣмъ продолжительною спячкою. Чудеса самоотверженія и подвиговъ, кипучая, поражающая воображеніе дѣятельность, небывалый подъемъ духа въ годы опасностей или въ эпохи преобразованій и сменяющій ихъ затѣмъ полный и до отчаянія продолжительный застой.

Люди благихъ порывовъ, рыцари на часъ — это наши родные типы. Есть сказка о спящемъ богатырѣ. На него возлагаютъ огромныя надежды, и ждутъ, когда онъ проснется. И онъ проснулся. Онъ обнаружилъ колоссальныя силы, но кончилъ тѣмъ, что нашелъ дупло по своему росту, влѣзъ туда и снова заснулъ. И здѣсь мы видимъ хорошо знакомыя намъ черты. Можно различно объяснять происхожденіе этихъ свойствъ русскаго народа. Можно, напримѣръ, видѣть причину этой особенности русскаго народа въ условіяхъ земледѣльческаго труда. Въ короткое лѣто приходится выносить нашему земледѣльцу изумительный по напряженности трудъ, тогда какъ долгая зима нерѣдко обрѣзаетъ нашего крестьянина почти на полное без-

дѣйствіе. Но чѣмъ бы мы ни объясняли свойства нашего характера, если они оставляютъ желать лучшаго, съ ними можно и должно бороться. А что этотъ горячечный трудъ, эти періоды крайняго напряженія, всыпши вдохновенія и порывы неестественно-бурной энергіи, смѣняющіеся продолжительною спячкою, дѣйствуютъ разрушительно на организмъ, непродолжительно поглощаютъ массу энергіи и даютъ жалкіе результаты,—одна изъ это надо доказывать. Едва ли кто будетъ оспаривать, что самый утѣренный, но регулярный изъ дня въ день трудъ, съ достаточными промежутками для отдыха, дастъ несравненно лучшіе результаты и будетъ въдесятеро успѣшнѣе содѣйствовать укрѣпленію и развитію всѣхъ способностей человѣка. Дарвинъ работалъ съ 8 до 9 час. утра, затѣмъ отдыхалъ среди своей семьи до 10¹/₂ час., когда онъ снова возвращался въ свою лабораторію и работалъ до 12 час. Болѣе продолжительной работы онъ не могъ вынести, по слабости своего здоровья. И однако же, несмотря на то, что его рабочій день равнялся лишь 2¹/₂ час., кого другого могли бы мы поставить съ нимъ рядомъ по колоссальности сдѣланной работы? Золя работаетъ въ день только три часа и, однако, это не мѣшаетъ ему давать каждый сезонъ по замѣчательному, хорошо обдуманному и тщательно отдѣланному роману. Мы можемъ забыть о геніальности этихъ людей, но уже одно количество сдѣланной ими работы, безъ всякаго отношенія къ ея качеству, должно бы показать намъ, что значить регулярный, ежедневный трудъ по часамъ. Эта привычка начинать и оканчивать дневную работу въ опредѣленный часъ обуславливаетъ и свѣжесть мозга, и продуктивность труда. Она же освобождаетъ насъ отъ излишнихъ усилій, чтобы заставить себя приняться за работу. Когда я ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ берусь за перо, это дѣлается самопроизвольно, почти инстинктивно, по привычкѣ, безъ всякихъ усилій надъ собою, безъ всякой борьбы съ противодействующими стремленіями. Но когда меня выбиваетъ что-нибудь изъ колеи, когда надолго нарушается заведенный порядокъ и привычка уже не приходитъ мнѣ на помощь, я вынужденъ дѣлать надъ собою каждый разъ значительныя усилія, чтобы взяться за работу. У органовъ нашего тѣла есть у каждаго свой кругъ дѣятельности и покоя. Продолжительность этихъ періодовъ различна: она очень мала для сердца, длиннѣе для легкихъ, еще длиннѣе для желудка. Для мозга кругъ дѣятельности—суточный, съ своими приливами и отливами силъ, съ періодами работы и отдыха. И надо, чтобы эта смена покоя и дѣятельности, эти приливы и отливы совершались правильно въ одни и тѣ же часы дня и ночи.

Школьныя занятія располагались бы вполне сообразно съ этими принципомъ, если бы здѣсь болѣе вниманія обращалось на соразмѣрность классныхъ и домашнихъ работъ съ силами учениковъ и если бы уничтожены были тѣ нарушенія обычнаго порядка, какія вносятся въ нашу школьную жизнь экзаменами.

Но и за всѣмъ тѣмъ хорошо извѣстно, что привычки къ регулярнымъ занятіямъ, приобретенныя въ школѣ, чрезвычайно быстро разрушаются и

ходѣ ученика изъ школы въ жизнь. Необходимо, стало быть, чтобъ эти привычки не были только бессознательными, нужно, чтобъ ученикъ выно-
силъ изъ школы твердое убѣжденіе въ томъ, что только регулярный трудъ
спасаетъ и успѣхъ, и здоровье, и даетъ человѣку нравственное удо-
твореніе. Эта задача ближе касается воскресныхъ школъ и вообще обу-
щенія взрослыхъ; но она не должна быть чуждой и начальной школы.

И это убѣжденіе въ необходимости регулярнаго труда подростокъ и
взрѣвываяющій курсъ начальной школы, ученикъ почерпнетъ не изъ отвле-
ченныхъ разсужденій, а изъ цѣлесообразно подобранныхъ живыхъ примѣ-
ровъ, изъ разсказовъ, изъ біографій и изъ художественныхъ произведеній.
Включенные выводы изъ этихъ примѣровъ сдѣлаетъ уже самъ ученикъ.

Любопытны въ этомъ отношеніи опыты лѣченія лѣни, развивающейся
почвѣ вырожденія, неврастенія и вообще нервныхъ болѣзней.

Докторъ Морисъ Флѣри, которому приходилось, и часто съ успѣхомъ,
лечить невропатическія лѣнныя, принадлежавшихъ къ самымъ разнообраз-
нымъ общественнымъ положеніямъ—отъ писателей и композиторовъ до
кошечниковъ, отъ праздныхъ богачей до жалкихъ голяковъ, пользовался
лѣдующимъ методомъ. Флѣри, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ,
старался опредѣлить призваніе больного и помогать ему выбрать занятія.
Когда выборъ былъ сдѣланъ, онъ развивалъ предъ больнымъ всю житей-
скую важность предстоящаго дѣла, заинтересовывалъ его надеждой на
добытіе славы и благополучія впослѣдствіи, объяснялъ ему всю пре-
стѣ удовольствія собой. Онъ говорилъ объ этомъ настойчиво, безпрестан-
но. Когда онъ видѣлъ, что данная идея стала для больного дорогой и
важною, что его мозгъ завоеванъ, Флѣри старался сдѣлать и самую идею,
подчиненную ей работу привычною. Онъ объяснялъ больному, въ какой
часъ утреннихъ часовъ надо приниматься за работу, какъ надо принимать-
ся за нее, сколько времени нужно работать. И это не были простыя док-
торскія приказанія. Онъ убѣждалъ больного, доказывалъ цѣлесообразность
предложеннаго режима. За исполненіемъ этихъ требованій Флѣри слѣдилъ
самъ и поручалъ слѣдить родственникамъ больного. Разумѣется, что боль-
ному предписывался трудъ умственный и только посылный, постепенно
увеличиваемый. И больные очень часто выздоравливали: упорные лѣнныя
становились трудолюбивыми людьми. Говоря о людяхъ, привыкшихъ рабо-
тать въ опредѣленные часы дня, Флѣри прибавляетъ: «Ихъ умъ, привык-
нувъ автоматически возбуждаться въ извѣстный часъ дня, призываетъ ихъ
къ работѣ, властно требуетъ ее, когда наступалъ этотъ часъ. Работа
становилась для нихъ правильной потребностью, такъ сказать—голодомъ
для пищи».

VIII.

Всѣ вышепоименованныя средства нравственнаго воспитанія и под-
держанія школьной дисциплины обращены къ лучшимъ свойствамъ дѣт-
ской природы. Поддерживаетъ ли учитель порядокъ во время урока си-

лою интереса къ занятіямъ, вызываетъ ли вниманіе и прилежаніе путемъ предупредительныхъ мѣръ въ организаціи занятій, дѣйствуетъ ли на дѣтѣ примѣромъ, образомъ или нравственнымъ внушеніемъ съ цѣлью пробудить въ нихъ лучшія свойства дѣтской природы и вызвать ихъ на цѣлесообразную дѣятельность, упражняетъ ли ихъ волю, содѣйствуетъ ли образованію ихъ идеаловъ, работаетъ ли надъ образованіемъ добрыхъ привычекъ и наклонностей,—онъ во всѣхъ этихъ случаяхъ опирается на то, что есть лучшаго въ дѣтскомъ сердцѣ и умѣ, и подавляетъ то, что есть въ нихъ грубаго, жестокаго, эгоистичнаго. И благо учителю, если для него будутъ достаточно этихъ могущественныхъ, хотя еще до сихъ поръ очень мало использованныхъ орудій нравственнаго воспитанія. Довольствуясь ими одними, учителю не придется прибѣгать къ мѣрамъ, опирающимся на грубыя эгоистическія стороны дѣтской души. Его ученики будутъ жить въ обществѣ высшихъ наслажденій, ихъ будетъ удовлетворять интересъ къ знаніямъ, взаимная любовь и дружба съ учителемъ и съ товарищами, наконецъ идеалы, не надо будетъ искать другихъ низменныхъ, грубо-эгоистическихъ мотивовъ. Удовольствіе побѣды надъ трудностями урока, побѣды надъ самимъ собою, сочувствіе къ нимъ любимыхъ существъ — будутъ ихъ лучшею наградою. Огорченіе любимаго учителя, укоры разнотой совѣсти, стыдъ передъ друзьями будутъ ихъ высшими наказаніемъ и въ другихъ видахъ наказаній они нуждаться не будутъ.

Но въ школахъ употребляются иногда и другія мѣры исправленія. Рассмотримъ и мы каждую изъ нихъ въ отдѣльности и со стороны пользы, какой отъ нихъ ожидаютъ, и со стороны вреда, какой они несомнѣнно приносятъ. Говорятъ, что похвала и награды со стороны учителя дѣйствуютъ сильныя и пріятныя ощущенія успѣшнымъ ученикамъ; и тѣмъ самымъ уваженіе и довѣріе къ учителю, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ его похвала. Насколько распространено это мнѣніе, видно изъ того, что балловая система, рассчитанная на эти стимулы, разработана нашими педагогами съ такою тщательностью, какъ будто бы это былъ краеугольный камень всего воспитанія и обученія. Было бы неудивительно, если бы эта работа производилась только въ управленіи министерства народнаго просвѣщенія, занимавшимся съ особеннымъ усердіемъ этимъ вопросомъ. Управление учебнымъ вѣдомствомъ у насъ всегда принадлежало администраторамъ, а не педагогамъ. Но вопросъ этотъ постоянно выходилъ изъ душевныхъ канцелярскихъ сферъ и въ педагогическую литературу и въ педагогическія собранія. Я хорошо помню, какъ долго петербургское, нынѣ несуществующее педагогическое общество занято было вопросами о томъ, какая изъ двухъ балловыхъ системъ лучше: пятибалльная или двѣнадцатibalльная. Педагоги занимавшіеся этимъ вопросомъ, справедливо думали, что хорошіе баллы поощряютъ учениковъ. Но способные и прилежные ученики меньше нуждаются въ поощрительныхъ мѣрахъ, тѣмъ слабые и лѣнныя, а послѣднихъ хвалить было бы несправедливостью по отношенію къ лучшимъ. Порицаніе и хула учителя, выражена ли она балломъ или выговоромъ, обыкновенно

оставляют дѣтямъ глубокое чувство страданія и принадлежать къ числу болѣе тяжелыхъ наказаній. Но мы видѣли уже выше, насколько угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ это наказаніе на слабого ребенка, какой огромный вредъ можетъ оно принести, внушивъ ему ужасную мысль о томъ, что онъ никуда не годится, что ему никогда не стать хорошимъ ученикомъ, хорошимъ ребенкомъ, хорошимъ человекомъ.

Есть цѣлый рядъ наказаній, опирающихся на чувство страха и применяемыхъ потому жестокими мѣрами. Несомнѣнно, что эти мѣры сильно дѣйствуютъ въ томъ случаѣ, когда надо разрушить какое-нибудь мѣреніе дѣйствія, когда надо остановить драку. Нельзя однако путемъ страха возбудить какую-нибудь способность къ дѣятельности, нельзя путемъ страха сдѣлать ученика внимательнымъ и пріятнымъ. Страхъ можетъ только разрушать, но никогда не можетъ вызвать къ жизни что-нибудь полезное. Страхомъ можно остановить мятежъ толпы, но нельзя аставить эту толпу сдѣлать какой бы то ни было подвигъ, возбудить какую бы то ни было энергію, кромѣ развѣ энергіи паническаго бѣства. И, однако, даже въ первомъ случаѣ страхъ едва ли не приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Страхъ—это чувство крайняго угнетенія и страданія; это—анемія мозга. Страхъ подавляетъ всякую душевную и физическую дѣятельность. Страхъ истощаетъ силы и приводитъ къ физическому изнеможенію и изнуренію. Отъ страха человекъ теряетъ и сообразительность, и память. Въ крайнихъ своихъ формахъ онъ можетъ повести къ серьезнымъ расстройствамъ.

Врачи утверждаютъ, что страхъ является одною изъ причинъ дѣтской истеріи. Даже самыя легкія тѣлесныя наказанія, связанныя либо съ испугомъ, либо съ ожиданіемъ наказанія, нерѣдко настолько потрясаютъ нервную систему, что въ результатѣ получаются истерическіе припадки. Въ школахъ, гдѣ часто прибѣгаютъ къ мѣрамъ, рассчитаннымъ на чувство страха, господствуетъ подавленное, угнетенное настроеніе, отсутствіе жизнерадостности, а это нерѣдко влечетъ за собою тяжелыя нервныя страданія, на примѣръ—ту же истерію.

Психіатры подробно описали одну болѣзнь подъ именемъ боязни пространства, боязни мѣстъ—агорафобіи, гдѣ особенно рельефно выступаетъ роль чувства страха въ психической дѣятельности. Для насъ совершенно безразлично, реальны или призрачны причины, вызывающія страхъ въ больныхъ агорафобіей. Для насъ гораздо важнѣе выяснить, какое вліяніе оказываетъ страхъ на больного. Одинъ врачъ рассказываетъ объ одномъ такомъ больномъ, что когда ему приходится перейти черезъ какую-нибудь большую площадь въ Берлинѣ, то ему представляется, будто предъ нимъ находится пространство въ нѣсколько миль, черезъ которое онъ никогда не перейдетъ. Другой врачъ описываетъ больного, который, прогуливаясь по улицамъ и дойдя до того мѣста, гдѣ рядъ домовъ оканчивался, никакимъ образомъ не могъ принудить себя идти дальше. Его воля мгновенно

утрачивала всякую энергію. Нѣкоторые больные могутъ ходить только возлѣ кустарниковъ или деревьевъ.

Было разсказывать про одного человѣка, который 30 лѣтъ отъ роду во время народнаго возмущенія попадаетъ въ толпу и переживаетъ чувства сильнаго испуга. Съ тѣхъ поръ онъ уже не въ состояніи оставаться одинъ ни въ комнатѣ, ни на улицѣ. Если же ему случается иногда выйти одному, то онъ останавливается и не двигается съ мѣста, пока его не уведутъ. Онъ потерялъ всякую энергію воли; онъ могъ жить, только руководясь волею другихъ. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что страхъ парализуетъ волю человѣка. Больной подъ вліяніемъ этого чувства теряетъ способность къ дѣйствию. Если не всегда чувство страха влечетъ за собою столь тяжкія и рѣзко выраженные разстройства, зато всегда это чувство вызываетъ, хотя бы временное и незамѣтное ослабленіе воли, а частое повтореніе такого воздѣйствія на ребенка приведетъ въ концѣ концовъ къ тому же плачевному результату и создастъ существо, лишенное всякой энергіи и инициативы. Жестокость этой системы воспитанія еще рельефнѣе выступитъ передъ нами, если мы припомнимъ, что страхъ и безъ того едва ли не преобладающее чувство въ дѣтскомъ возрастѣ. Маленькій ребенокъ боится всего. Онъ плачетъ въ темной комнатѣ, онъ пугается сильныхъ звуковъ, напримѣръ, стука желѣзно-дорожнаго поѣзда, лая собаки, онъ испытываетъ страхъ, появляясь въ незнакомой обстановкѣ, онъ боится людей, которыхъ встрѣчаетъ первый разъ.

Въ разсказѣ Короленка *Ночью* мы находимъ мастерское изображеніе дѣтскаго страха, возникающаго на почвѣ одиночества и разгоряченнаго воображенія. «Утромъ, послѣ пробужденія, ему (маленькому Васѣ) казалось, будто кто-то склоняется надъ нимъ, кто-то ходитъ сзади, кто-то глядитъ на него и дышетъ. Воображеніе чутко настраивалось и онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ на освѣщенномъ пространствѣ, точно это былъ вершина горы, а кругомъ раскинулась темная и враждебная бездна». Въ темнотѣ ему чудятся страшные образы. «Прежде другихъ появились, какъ и всегда, высокій, щеголеватый господинъ, весь въ зеленомъ, съ ослѣдительно бѣлыми воротничками и манжетами. Лица у него не было, и это-то казалось особенно страшно».

Ребенокъ испытываетъ страхъ передъ какою-нибудь грандіозною картиной природы. Пьеръ Лоти живописно рисуетъ чувство ужаса, испытаннаго имъ, когда онъ ребенкомъ впервые увидалъ море при вечернемъ освѣщеніи. Оно показалось ему какимъ-то живымъ существомъ темно-зеленаго, почти чернаго цвѣта, — чѣмъ-то коварнымъ и страшнымъ, готовымъ поглотить человѣка. Дѣти часто боятся движущихся тѣней, нерѣдко боятся самыхъ безобидныхъ домашнихъ животныхъ, часто боятся своихъ сновъ, испытывая въ страхъ передъ созданіями собственнаго воображенія. Чувство страха и безъ того омрачаетъ жизнь ребенка съ самой колыбели. Не даромъ Жоржъ-Зандъ думаетъ, что страхъ составляетъ самый главный источникъ дѣтскихъ страданій.

Можетъ быть, нигдѣ не культивируется такъ чувство страха, какъ именно въ деревенской средѣ. Даже изъ области ученія христіанской любви народная фантазія сумѣла какимъ-то образомъ создать устрашающіе образы.

Лучшій знатокъ нашей деревни Г. И. Успенскій въ разсказѣ *Волей-волей* даетъ яркое описаніе вліянія страшныхъ образовъ, созданныхъ деревенскою фантазіей, на дѣтское сердце. «Не знаю, какъ кому,—разсказываетъ Тяпушкинъ,—но мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы представленія народа о раѣ, о наградахъ на небесахъ, были такъ же подробно и ясно выработаны, какъ представленія объ адѣ... Въ раю, сколько я знаю, никто, никогда не указалъ мнѣ никакихъ подробностей обстановки, никакого удовлетворенія настрадавшейся на землѣ душѣ, кромѣ золотыхъ блочекъ, да архангельскаго пѣнія. Тогда какъ адъ—это другое дѣло! Адъ азработанъ народною фантазіей до мельчайшихъ подробностей; здѣсь все изслѣдовано такъ подробно, точно изслѣдователи имѣли въ рукахъ программу на этотъ счетъ отъ какого-нибудь статистическаго комитета... Воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ адскихъ мученій, кривокъ, вогнутыхъ ребра, огня, полыми и сирада, имѣли едва ли не самое сильное и важное значеніе для дальнѣйшей участи моего сердца. Можно положительно сказать, что я едва только вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ концовъ мнѣ предстоитъ кривъ въ ребро и огонь...» (Т. II, стр. 492).

Въ разсказѣ *Мамы ребята* тотъ же писатель изображаетъ «позаникованія» интеллигентныхъ дѣтей у дѣтей деревни. Деревня разработала юпрость о чортѣ во всѣхъ подробностяхъ. «Деревенскій чортъ,—по словамъ Успенскаго,—былъ такое же дѣйствительно существующее лицо, какъ вотъ потъ лавочникъ, или кузнецъ, или становой. Всѣ видѣли его собственными глазами: одного онъ схватилъ въ водѣ за ногу; другой наткнулся на него въ банѣ; третьяго онъ водилъ цѣлую ночь вокругъ болота и чуть не утопилъ; четвертый своими глазами видѣлъ, какъ чортъ ходилъ у него по крышѣ, и ростомъ былъ болѣе четырехъ сажень. Разказы обо всемъ этомъ отличались необыкновенною реальностью, а слѣдовательно неотразимо дѣйствовали на воображеніе. Чувство страха, почти паническаго передъ невѣдомымъ, таинственнымъ зломъ, было также однимъ изъ приобрѣтеній, «попанименованныхъ» у деревни.

Бине въ послѣднее время далъ любопытное изслѣдованіе относительно страха. Онъ предлагалъ вопросы воспитателямъ 6-ти различныхъ учебныхъ заведеній, сравнилъ имъ съ наблюденіями надъ своими дѣтьми и дѣтьми знакомыхъ, а также съ отвѣтами взрослыхъ, способныхъ хорошо анализировать собственные ощущенія, и пришелъ къ слѣдующему общему выводу. Угнетающій характеръ страха, по его мнѣнію, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ менѣе реальна вызвавшая его причина. Наиболѣе сильныя формы страха возникаютъ тогда, когда это чувство вызывается безразсудною боязнью чего-либо неопредѣленнаго, воображаемаго, неяснаго. Въ связи съ этимъ выводомъ стоитъ наблюденіе, что наиболѣе сильному и продолжительному страху

подвергаются люди съ живымъ воображеніемъ. Если сопоставить этотъ выводъ съ тѣмъ фактомъ, что ребенокъ живетъ воображеніемъ, то ставтъ понятно, сколько совершенно ненужнаго ни для кого зла и страданій причиняется миллионамъ дѣтей этою атмосферой окружающихъ ихъ суевѣрій, этими безконечными и страшными разсказами про домовыхъ, колдунь и дѣвятихъ.

Не усиливать это и безъ того преобладающее чувство въ ребенкѣ, а ослаблять его всѣми возможными способами въ безпомощныхъ, слабыхъ и часто беззащитныхъ дѣтяхъ—вотъ истинная задача школы и воспитанія.

Когда страхъ внушается взрывомъ учительскаго гнѣва, то это еще хуже. Гнѣвъ заразителенъ, жестокость учителя порождаетъ жестокость въ ученикахъ, равно какъ кротость учителя дѣлаетъ кроткими учениковъ, а равнодушіе учителя къ нуждамъ учащихся вызываетъ такія же отношенія и среди учениковъ. Какъ можетъ потомъ учитель останавливать ученика отъ вспышекъ гнѣва, учить его кротости, когда такъ недавно онъ самъ разразился по адресу класса или отдѣльнаго ученика цѣлымъ градомъ гнѣвныхъ восклицаній.

Если мѣры, рассчитанныя на чувство страха, еще держатся до сихъ поръ и въ семьяхъ, и въ школахъ, то это свидѣлствуетъ только либо о лѣности воспитателей и родителей, либо о ихъ полной неспособности къ своему дѣлу. Всѣ понимаютъ, что убѣдить и разъяснить полезнѣе, чѣмъ приказывать, что внушить важнѣе, чѣмъ наказывать; но это требуетъ и времени, и труда, и умѣнья, а приказать и наказать—это такъ легко, такъ просто. Не надо много наблюдательности, чтобы убѣдиться, что система, основанная на страхѣ, забьетъ слабого ребенка, сдѣлаетъ лицемеромъ и лжецомъ ребенка сообразительнаго, который скоро найдетъ, что для него выгодно притворяться послушнымъ и примѣрнымъ, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ, ожесточить ребенка правдиваго и искренняго. Въ Англіи считали, что молодые преступники, наказанные розгами, чаще другихъ возвращались въ тюрьму.

Спенсеръ приводитъ любопытный примѣръ, показывающій преимущество кроткаго обращенія въ воспитаніи. Онъ сообщаетъ фактъ, переданный ему одною французенкой, въ домѣ которой онъ останавливался въ Парижѣ: «Изменяясь передъ нами въ безпокойствѣ,—говоритъ онъ,—причинаюмъ всѣмъ въ домѣ маленькимъ мальчикомъ, съ которымъ не могли справиться ни въ семьѣ, ни въ школѣ, французенка выразила опасеніе, что другого средства для его исправленія не остается, кромѣ того, которое совершенно удалось относительно его старшаго брата, а именно отправить его въ англійскую школу. Она разсказывала, что съ этимъ старшимъ братомъ также не могли сладить ни въ одной изъ французскихъ школъ; она пришла въ отчаяніе и по чьему-то совѣту послала мальчика въ Англію, откуда онъ вернулся домой настолько хорошимъ, насколько былъ прежде дурень. Такую замѣчательную перемену она всецѣло приписывала сравнительной мягкости англійской школьной дисциплины».

Въ школьной практикѣ такой именно характеръ дисциплины является мѣрь уже широко-распространеннымъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ одинъ изъ учителей Хорольскаго уѣзда г. Симоновскій: «Наказанія, насмѣшки, розы со стороны учителей порождаютъ слишкомъ душливую школьную атмосферу, въ которой, къ несчастію, приходилось жить каждому изъ насъ, опешившихъ среднюю школу. Со стороны учениковъ въ отношеніи къ нерошему учителю допускаются и даже узаконяются всякая ложь, обманъ, вѣзость. Это ли здоровая почва для воспитанія чувствъ общественности? Ни вообще трудно быть справедливымъ судьей взрослыхъ, то почти невозможно быть справедливымъ въ дѣлахъ и отношеніяхъ малышей, въ особенности же, когда учитель налагаетъ наказанія въ состояніи раздраженія и запальчивости. Неправедливыя же отношенія навсегда вырываютъ глубокую, непроходимую почву между учителемъ и дѣтьми. По моему мнѣнію, къ такого испорченнаго мальчика (за весьма рѣдкими исключеніями), когда нельзя было бы перевоспитать путемъ чисто-нравственныхъ мѣръ. Если учитель любовно, тепло и сердечно относится къ испорченному ребенку. Мальчикъ почувствуетъ любовь вокругъ себя, откроетъ учителю свою душу и сдѣлается морально лучшимъ. Правда, много любви, терпѣнія, такта, пониманія дѣтской природы нужно со стороны учителя, чтобы нравственно перевоспитать испорченнаго: жизнь, вѣдь, учить тоже по-своему, а жизнь—великій учитель! Но я глубоко вѣрю въ дѣтскую природу и въ могущественное дѣйствіе любви на человѣка. До сихъ поръ вѣра моя не измѣнилась».

И мы увѣрены, что всякія наказанія и награды, всякіе баллы и экзамены мало-по-малу отойдутъ въ область печальныхъ преданій, какъ давно похоронены въ этой области и жестокости египетской и римской ученической пытки средневѣковой школы, когда педагоги не могли и вообразить, что можно обучать и воспитывать безъ розги и плети. Исторія хотя и колебаніями, и съ приостановками, иногда даже съ попятными временными движеніями, все же ведетъ насъ къ человѣколюбію, къ разуму и богу.

Нигдѣ среди цивилизованныхъ странъ школа не играетъ такой выдающейся роли въ дѣлѣ культуры и смягченія нравовъ населенія, какъ у насъ. На Западѣ общественная жизнь бьетъ ключомъ и ежедневно внозитъ въ народную среду тысячи идей; народы Запада вышли на культурно-поприще за нѣсколько столѣтій раньше нашего; и многія завоеванія культуры вошли въ кровь и плоть населенія, передаются дѣтямъ чуть ли не съ молокомъ матери; тамъ давно уже не знаютъ многихъ изъ тѣхъ преступлѣній, какія мы, въ силу историческихъ условій, встрѣчаемъ на пути развитія культуры; тамъ школа является только однимъ изъ безчисленныхъ дѣлъ въ дѣлѣ прогресса. Совсѣмъ не такъ стоитъ дѣло у насъ. Тѣ ноги изъ нашихъ организацій, которыя преслѣдуютъ культурныя задачи, крайне незначительны въ числѣ, слишкомъ молоды по своему происхожденію, не располагаютъ достаточными силами и средствами, принуж-

дены считаться съ тысячами препятствій всѣхъ видовъ и могутъ оказывать на населеніе только слабое вліяніе въ то время, какъ слѣды врандебныя культурѣ импонируютъ своимъ могуществомъ, своею организациею и опираются на вѣковую рутину, традиціи, наслѣдственность и пережитки Газета, играющая такую видную роль за границею, у насъ не доходитъ до народа. Периодическихъ изданій у насъ мало. Въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки выходятъ 20 тысячъ периодическихъ изданій, у насъ, при населеніи вдвое превышающемъ населеніе Америки, выходитъ газетъ частныхъ 57 ежедневныхъ и 110 не ежедневныхъ, да правительственныхъ 10 ежедневныхъ и 97 не ежедневныхъ. Даже Японія, всего четверть вѣка назадъ выступившая на культурное прище, издаетъ въ годъ болѣе 2,000 газетъ. Чтобы сравняться съ Соединенными Штатами какая-нибудь Пермская губернія пропорціонально своему населенію должна бы располагать 800 газетъ, а до этого числа очень далеко и всей Россіи. Народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ стало возможно устроить только послѣ изданія закона 11 октября 1889 года, но и теперь еще разрѣшеніе на открытіе народныхъ чтеній въ деревнѣ обставлено такою волокитою и требуетъ столько хлопотъ, что не могло бы хватить на устройство двухъ университетовъ. Не удивительно, что народныя аудиторіи и до сихъ поръ представляютъ собою рѣдкіе оазисы на мрачномъ фонѣ безразличнаго отношенія къ тому, какъ коротаетъ досуги простой русскій человѣкъ, какою духовною пищею онъ питается. Число нашихъ народныхъ библиотекъ и книжныхъ складовъ ничтожно. Народный театръ приходится отнести къ области благихъ пожеланій. лекціяхъ для простого народа пока еще нѣтъ и поминуту. Нѣсколько было посчастливилось народнымъ школамъ, которыя считаются теперь десятками тысячъ. И какъ бы ни были слабы лучи свѣта, какія проходятъ въ родную среду чрезъ наши начальныя школы,—это почти единственное культурное смыслъ лучи для 90% всего русскаго населенія. Почти естественно, что мы возлагаемъ на школу и больше задачъ, и больше надеждъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто на Западѣ. И въ числѣ этихъ задачъ изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ смягченіе нравовъ населенія, подъѣмъ чловѣческаго достоинства и чувства чести. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи русская жизнь поразительно отстала отъ жизни Запада. Кто былъ видѣлъ домашнюю жизнь простолюдина, тотъ приходитъ въ удивленіе, какимъ образомъ можетъ выносить чловѣческое существо всѣ виды истязаній, какимъ подвергаются иногда русскія женщины и дѣти. Наши народные пѣсни полны изображеніями горькой доли русской женщины.

„Мужикъ жену водилъ
По морозу нагишомъ,
По крапивѣ босикомъ“,—

заунывнымъ, хватающимъ за сердце напѣвомъ поетъ русская крестьянка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ журналовъ появилась статья *Бабы стоны*, гдѣ авторъ (мировой судья), на основаніи

ихъ личныхъ наблюденій, дать цѣлый рядъ раздражающихъ душу картинъ. Ближе знакомый съ народомъ покойный Достоевскій, по поводу самоубійства одной женщины, не выдержавшей жестокаго обращенія мужа, рисуетъ яркую картину истязаній. Но мы воздержимся цитировать это мѣсто, — слишкомъ ужъ безчеловѣчна картина. Слишкомъ она бьетъ по нервамъ. Обратимъ вниманіе читателя только на одну подробность.

«Женщина, — говоритъ Достоевскій, — удушилась въ маѣ, поутру, должно быть, въ ясный весенній день. Ее видѣли наганутъ избитую, совсѣмъ обесцвѣтшую. Ходила она тоже передъ смертью въ волостной судъ и вотъ тамъ-то и промолвила ей: «Живите согласнѣе». Скажутъ, что это исключительное явленіе; но, должно быть, не настолько уже оно исключительное, или волостной судъ ничего другого не могъ сказать на жалобу несчастной женщины, какъ «живите согласнѣе». На послѣдней передвижной выставкѣ обратилъ на себя вниманіе жанръ г. Максимова — «Опять буяннѣе». Здѣсь представлено уже дѣйствительно самое зауряднѣйшее явленіе, безъ гущенныхъ красокъ, совершенно такъ, какъ это бываетъ чуть не въ каждой крестьянской избѣ. «Самъ» неистовствуетъ въ избѣ, выбросивъ уже весь скарбъ на дворъ въ разбитое имъ же окно. Молодая жена съ ребенкомъ на рукахъ, безпомощная, жалкая, дрожитъ отъ страха у дверей, а избитый, запуганный подростокъ плачетъ у ногъ матери. Стоитъ вдуматься въ подобныя всѣмъ знакомыя картины, чтобы представить себѣ весь ужасъ безчеловѣчія, какой и до сихъ поръ еще нерѣдко можно встрѣтить въ семьѣ простолюдина.

Истязанія, какія происходятъ въ деревнѣ, совершаются у всѣхъ на глазахъ. Стоны и крики жертвъ расходившагося самодура слышать сосѣди; наиболѣе любопытные часто соберутся, чтобы посмотреть на это зрѣлище, тѣмъ болѣе, что деревня такъ бѣдна развлеченіями. На ихъ глазахъ какой-нибудь малютка, только-что избитый отцомъ, смотритъ на истязанія матери и плачетъ, ломая ручки; а собравшіеся зрители слышать стоны матери и никто изъ нихъ не тронется съ мѣста, чтобы унять буяна, который на ихъ глазахъ дико, ненасытно, злобно, звѣрски расправляется съ беззащитными; вѣдь онъ имѣетъ, по понятіямъ деревни, всѣ права на то, чтобы учить жену и дѣтей. Волостной судъ въ этихъ случаяхъ скажетъ только одно: «живите согласнѣе». И во всей деревнѣ, во всей волости не найдется никого, кто бы заступился за горемычную женщину, за истязуемаго ребенка. Жестокіе нравы, изумительное безсердечіе и безучастіе окружающихъ къ судьбѣ «малыхъ сихъ»; полная безпомощность бабъ и дѣтей, безъ всякой надежды на переи́ну своего положенія, — вотъ атмосфера, въ которой живутъ и воспитываются тысячи и милліоны многострадальных деревенскихъ дѣтей. Спросите народныхъ учителей, вышедшихъ изъ крестьянской среды, и они подтвердятъ вамъ, что дѣйствительно такова атмосфера, въ которой воспитывается большинство крестьянскихъ дѣтей. Школа можетъ и должна внести лучъ свѣта въ эту непроглядную тьму, своимъ примѣромъ показать, что убѣждать дѣйствуютъ на дѣтей лучше и вѣрнѣе,

тѣмъ какія-либо наказанія. И школа уже и теперь дѣлаетъ кое-что въ этомъ направленіи. Въ моихъ рукахъ находятся сводки мнѣній по этому вопросу, высказанныхъ учителями Полтавской и Бурской губерній. «Бывшіе ученики, становясь въ послѣдствіи главными членами семьи, обнаруживаютъ гуманныя чувства въ семейныхъ отношеніяхъ,—сообщаютъ одинъ,—училище замѣтно смягчаетъ нравы и обычаи»; пишутъ другіе. «Подъ вліяніемъ училища нравы населенія сильно измѣнились къ лучшему и очень смягчились отношенія къ женщинамъ»,—говорятъ третьи. «Въ семействѣ грамотныхъ гуманнѣе отношенія къ дѣтямъ и отношенія между другими» и т. д.

Еще характернѣе отзывы о вліяніи школы, полученные отъ бывшихъ учениковъ. «Въ грамотныхъ семьяхъ жить веселѣе: тамъ хорошіе порядки, грамотные меньше пьянствуютъ и ругаются»; «неграмотный идти, какъ бурлакъ, подойдетъ къ хороводу и говорить сранины своимъ»; «неграмотные и праздника-то не умѣютъ провести: пообѣдать, не отканувъ, обыкновенно садятся они въ избушкѣ по нѣсколько человѣкъ вѣстѣ судять, да рядять: тотъ лѣнтяй, другой—скупой, третій—жадный. Попадеть въ такую компанію грамотный человѣкъ, начнетъ читать душеполезныя книги и неграмотный человѣкъ, выйдя изъ такой компаніи, навѣрное, будетъ держать и не скоро переимѣнитъ свою мысль и дѣло на худое». «Грамотный человѣкъ въ свободное время можетъ что-нибудь изъ книгъ изучить, развлечь себя чтеніемъ во время скуки, удержитъ себя отъ тяжелыхъ дѣлъ и дурныхъ примѣровъ». «Неграмотные вѣрять въ разные глупости, выполняютъ старинные языческіе обряды, обижаютъ другъ друга и сами не замѣчаютъ этого». Такъ характеризуютъ вліяніе начальной школы и смягченіе нравовъ бывшіе ея питомцы. Еще труднѣе направить къ добру взрослого человѣка, а между тѣмъ даже это послѣднее удастся сдѣлать воскресной школою для взрослыхъ. Фабричныя воскресники даже поговорили сложили: «Пересталъ пить, знать сталъ въ школу ходить». Кузнецъ 43 лѣтъ—ученикъ уржумской воскресной школы самъ рассказываетъ, что и поступленія въ школу страшный былъ пьяница, билъ жену, бранился; теперь же очень-очень рѣдко бываетъ выпивши, а до прежняго безобразія уже никогда не доходить *). Мы не сомнѣваемся, что разъ школа поставитъ совершенно опредѣленно, какъ одну изъ главныхъ задачъ, смягченіе нравовъ населенія, поставить ее выше чисто-вѣщныхъ цѣлей вроде вылитрафіи, правописанія и приготовленія къ экзамену, она добьется въ тысячу разъ болѣе видныхъ, болѣе благодѣтельныхъ результатовъ, чѣмъ достигаетъ теперь. Въ связи съ жестокими нравами находится еще другое зло нашей деревни, это—забитость ея обывателей, отсутствіе чувства собственного достоинства, понятія о личной чести. Трудно было выработать этимъ понятіямъ въ средѣ, гдѣ такъ часто приходится мириться не только съ оскорбленіями, но и съ физическими истязаніями, гдѣ такъ рѣдко рѣшается слово «право», но постоянно говорить о безропотномъ исполненіи

*) „Вѣтшкольное образованіе народа“, стр. 218.

малей часто фантастическихъ обязанностей. Рѣдкія попытки проявить чувство своего достоинства со стороны мужа въ лучшемъ случаѣ оканчиваются комическими эпизодами.

Г. И. Успенскій изображаетъ пьяненькаго мужа, попробовавшаго показать, что и онъ не хуже другихъ. И вотъ на одной изъ станцій подходитъ онъ къ буфету закусить и подобно прочимъ грозно восклицаетъ: бутенброту! но увидавъ господъ, пугается, тотчасъ же сбрасываетъ запку и бурчитъ: «дозвольте бутенброту ваше вскародіе». Сформировать и поднять чувство собственного достоинства въ народѣ—это такая задача, изъ которой стѣдуетъ ничуть не менѣе поработать, чѣмъ надъ культурою грамотности. Несомнѣнно и теперь хорошая начальная школа поднимаетъ чувство личнаго достоинства въ своихъ ученикахъ. Объ этомъ имѣютъ и нѣсколько смутныя понятія, сами ученики начальной школы. «Неграмотнаго могутъ обидѣть во всякихъ случаяхъ,—пишетъ одинъ бывшій ученикъ,—и ничего ему не подѣлать, потому что онъ не знаетъ никакихъ законовъ». «Грамотному нигдѣ не страшно, ежели онъ живетъ по закону; неграмотный, когда и по закону дѣлаетъ, а ему говорятъ: не по закону». Чужое чувство чести, заключающее въ себѣ значительную долю эгоизма, индивидуальнаго съ нѣкоторою частью героизма, вполне доступно и ребенку. На развитіе этого чувства нужно такъ немного. Уважать человѣка въ ребенкѣ, не оскорблять его, деликатно относиться къ его чувствамъ—вотъ то, что требуется отъ учителя въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ развитіе этого чувства прямо ведетъ къ очеловѣченію отношеній въ крестьянской средѣ. Очеловѣченіе же народной массы ничему повредить не можетъ; озвѣрѣніе ни для кого и ни для чего не нужно; жестокіе нравы, возмужные только при отсутствіи чувства собственного достоинства въ массахъ городскихъ, едва ли найдутъ теперь защитниковъ даже среди мракобѣсовъ. И встрѣтятся теперь особенныхъ препятствій на этомъ пути и со стороны широкаго народа. Народъ, несмотря на свою дикость, грубость, безсердечность и подчасъ прямо-таки жестокость, напластованную на него исторію, все же сохранилъ въ глубинѣ души искру Божію, красоту человѣческаго лица, большой запасъ энтузіазма и рвется къ свѣту, ищетъ идеаловъ.

Работа на поприщѣ народнаго образованія въ Россіи—благодарная работа. Для всѣхъ теперь очевидны результаты оживленія, наступившаго въ этой сферѣ съ начала текущаго десятилѣтія. Десятками тысячъ считаются открыты за это время новыя начальныя школы; болѣе нежели въ 25 губерніяхъ поставленъ на ближайшую очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи народа. Десятками тысячъ считаются вновь открытыя школьныя библіотеки и тысячами народныя библіотеки, воскресныя школы, народныя чтенія и книжныя склады. И народъ сознательно идетъ навстрѣчу этому движенію, переполняя школы, аудиторіи и библіотеки, принося на это дѣло свои гроши и свои усилія, принимая иногда на себя и самую инициативу устройства этихъ учреждений. А между тѣмъ много ли въ самомъ дѣлѣ людей беззавѣтно и искренно отдали себя служенію этому дѣлу и не было

ли гораздо больше людей, сознательно и упорно затруднявших это течение. Если бы возможно было сдѣлать подсчетъ съ одной стороны усилій, направленныхъ къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ населенія, а съ другой силъ, затраченныхъ на то, чтобы не разбирая средствъ, во что бы то ни стало дать ему задній ходъ, то еще вопросъ, на чьей сторонѣ оказался бы плюсъ и на чьей минусъ. А между тѣмъ движеніе къ знанію, свѣту и правдѣ за это пятилѣтіе все-таки отмѣчено несомнѣнными успѣхами; и этотъ успѣхъ былъ бы въ тысячу разъ больше, если бы энергія, затраченная на то, чтобы ставить ему преграды, нашла другое, болѣе достойное примѣненіе. Народное образованіе—это такое поприще, гдѣ всякое малѣйшее усиліе въ прогрессивномъ направленіи, всякій грошъ, всякая самая скромная попытка даетъ для всѣхъ очевидные, для всѣхъ, казалось бы, одинаково желательные результаты. Это дѣло должно быть поставлено внѣ партій и выше ихъ. Умственное и нравственное развитіе народа никому помыслить не можетъ. Невѣжество и темнота народная никому не нужна. Образованный народъ скорѣе и вѣрнѣе пойметъ и оцѣнитъ всякую мѣру, предпринятую въ его интересахъ, и окажетъ ей свое сочувствіе и поддержку. Только злоупотребленіямъ нужна народная темнота; но злоупотребленія одинаково ненавистны всѣмъ честнымъ людямъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Чистое, хорошее дѣло не боится свѣта. Но необходима спѣшить. Если теперь же не будетъ принято самыхъ энергичныхъ и широкихъ мѣропріятій къ очеловѣченію народныхъ массъ, если насъ удержитъ отъ этого шага непонятная свѣтобоязнь и какое-то странное отвращеніе къ широкимъ программамъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, то будетъ уже поздно. Тысячи признаковъ показываютъ, что въ духовной жизни народа происходитъ кризисъ. Предоставленный случаю и подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій современной дѣйствительности, народъ—и этого всего естественнаго ожидать при такихъ условіяхъ—направитъ огромный запасъ своего энтузіазма въ сторону варварства и дикости, жестокостей и изувѣрства, куда толкаютъ его унаслѣдованные имъ пережитки.

В. Вахтеровъ.

Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизація *).

Тайный инквизиціонный процессъ просуществовалъ у насъ болѣе столѣтія. Несмотря, однако, на такой промежутокъ времени, процессъ этотъ оставилъ о себѣ хорошихъ воспоминаній и, главнымъ образомъ, по тому, что обвиняемые не только обезличивались, но, подъ давленіемъ теоріи формальныхъ доказательствъ **), даже были и лишены права свободно защищать свои интересы на судѣ. Кромѣ того, военно-судныя комиссіи находились въ полной зависимости отъ военно-административной власти, коей представлялись приговоры на конфирмацію. Приговоры военно-судныхъ комиссій военно-административная власть могла измѣнять и опредѣленное этимъ комиссіями подсудимымъ наказаніе не только уменьшать, но и увеличивать. Такое шаткое положеніе военно-судныхъ комиссій, какъ органовъ судебной власти, возбуждало въ комиссіямъ этимъ со стороны подсудимыхъ полное недовѣріе, тѣмъ болѣе, что и аудиторы, руководившіе комиссіями, не только не обладали въ сферѣ ихъ служебной дѣятельности самостоятельностью, а напротивъ—находились даже какъ бы въ положеніи исполнительныхъ органовъ военно-административной власти. Нельзя не замѣтить, что до 1862 года образовательный цензъ большинства аудиторовъ

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1898 г.

**) Несмотря на гуманнѣе императрицы Екатерины II, что выразилось и въ ея „Наказѣ“, теорія формальныхъ доказательствъ не была, однако, отвергнута императрицею, и въ этомъ случаѣ „Наказъ“ императрицы Екатерины II не солидаренъ съ учненіемъ Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Какъ извѣстно, сочиненіе Беккарія въ большей части Западной Европы принято было вначалѣ не вполне сочувственно, такъ какъ высказанныя въ этомъ сочиненіи убѣжденія Беккарія не согласовались со старыми традиціонными началами тайнаго инквизиціоннаго процесса. Книга Беккарія была переведена на русскій языкъ уже послѣ начертанія императрицею Екатериною II „Наказа“. „Наказъ“ 1767 года,—говоритъ г. Зарудный въ предисловіи своемъ къ переводу книги Беккарія,—хотя и не принятъ въ прошедшемъ столѣтіи за основу нашего уголовного судопроизводства, но „Наказъ“, слово по слову, все-таки проникнулъ въ плоть и кровь русскаго законодательства, такъ что въ Сводѣ Законовъ 1832 года ученіе Беккарія уже поставлено на первомъ планѣ.

не былъ вполне удовлетворительнымъ, такъ какъ аудиторская школа, и затѣмъ и аудиторское училище въ тридцатилѣтній періодъ дали только триста шестьдесятъ девять аудиторовъ, то-есть на каждый годъ приходилось не болѣе тридцати образованныхъ юристовъ на всѣ военно-сухопутныя войска и флотъ, а стало-быть большинство аудиторовъ, при отдѣльных частяхъ войскъ, было изъ писарей, не получившихъ ни общаго, ни юридическаго образованія *).

*) Императоръ Петръ Великій со дня учрежденія аудиторовъ не переставалъ заботиться объ ихъ образованіи, но только съ императрицы Екатерины II начинается специальное приготовленіе къ званію аудиторовъ; такъ, при кадетскомъ корпусѣ была учреждена касседа юриспруденціи. Затѣмъ въ 1765 году, по преобразованіи кадетскаго корпуса въ Императорскій Шляхетскій корпусъ, при корпусѣ этомъ была образована касседа юриспруденціи съ особымъ профессоромъ, и на обязанности этого профессора возлагалось читать: правоученіе, право естественное, право международное, права государственныя и экономію государственную. Для руководства рекомендовалось сочиненіе Пuffендорфа: „О должностяхъ челоуѣка и гражданина“, и переводъ Барбейрака. Указанныя науки объясняны были слушать тѣ изъ воспитанниковъ, которые признавались неспособными къ строевой военной службѣ, или считались болѣе склонными къ службѣ гражданской, чѣмъ военной. По упраздненіи касседы юриспруденціи при Императорскомъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ лица, предназначаемыя въ аудиторы, получали юридическое образованіе при различныхъ канцеляріяхъ и управленіяхъ, что продолжалось до 1832 года, когда въ повелѣніи Императора Николая I была учреждена аудиторская школа. Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію аудиторской школы было упраздненіе „военно-учительскаго института“, гдѣ, между прочимъ, нѣкоторые изъ воспитанниковъ и приготовились въ аудиторы. Аудиторская школа сперва имѣла три класса, а затѣмъ была преобразована въ четырехклассное учебное заведеніе. Въ двухъ высшихъ классахъ упоминаемой школы преподавались: русскіе законы, исторія русскаго законодательства, основаніе гражданского и уголовного права, порядокъ дѣлъ слѣдственныхъ и порядокъ судопроизводства, риторика, логика и психологія. Успѣшно окончившіе курсъ школы проходились въ унтеръ-офицеры съ наименованіемъ аудиторскими помощниками и отсылались въ аудиторіатскіе департаменты военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ, откуда, по приобрѣтеніи практическаго навыка, назначались аудиторами въ военно-сухопутное и морское вѣдомства. Къ сожалѣнію, однако, въ званіе аудиторовъ проходились и штабные писаря, что крайне тормозило распространеніе въ арміи образованныхъ аудиторовъ. Въ 1846 году аудиторская школа была преобразована въ аудиторское училище, причѣмъ преподаваніе юридическихъ наукъ расширено; такъ, въ аудиторскомъ училищѣ, между прочимъ, преподавались: исторія русскаго законодательства, русскіе государственные и гражданскіе законы, военная администрація, военно-уголовные законы и военное судопроизводство, въ соединеніи съ практическими занятіями по дѣлопроизводству. Въ то время, когда директоромъ аудиторскаго училища былъ генералъ-майоръ Роговскій, а генералъ-аудиторомъ Якобсонъ, программы преподаванія различныхъ наукъ въ училищѣ были измѣнены и расширены. Въ 1854 году, по ходатайству генералъ-аудитора Якобсона, былъ ограниченъ доступъ аудиторскихъ писарей въ аудиторы и по его же инициативѣ былъ открытъ доступъ въ аудиторы лицамъ, окончившимъ полный курсъ въ университетахъ, духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. До назначенія въ аудиторы указанныхъ лицъ объяснено было, въ продолженіе не болѣе года, практически подготовиться къ будущей своей службой дѣятельности. Назначенный послѣ Якобсона генералъ-аудиторомъ Силосовъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи назначенія въ аудиторы

Какъ извѣстно, военно-судныя комиссіи могли постановлять приговоры всякаго рода: обвинительный, оправдательный и оставленіе въ подозрѣніи. Послѣдній приговоръ ставилъ субъектовъ въ положеніе крайне стѣснительное, въ особенности же тѣхъ, которые признавали себя совершенно виновными, ибо достаточно было какого-либо факта или доноса, чтобы прекращенное уголовное преслѣдованіе было снова начато по тому же дѣлу *).

На недостатки нашего военно-уголовнаго судопроизводства было обращено вниманіе еще и въ царствованіе императора Николая I, вскорѣ послѣ преобразованія военно-судныхъ комиссій изъ учреждений временныхъ въ постоянныя. Всѣ попытки, однако, остались безплодными и, главнымъ образомъ, потому, что система военнаго судопроизводства заключала въ себѣ такіе недостатки, которые были тѣсно связаны съ характеромъ процесса тайнаго инквизиціоннаго и принятою теоріей ормальныхъ доказательствъ.

Послѣ отиѣны тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, послѣдовавшихъ въ цар-

воарей военнаго вѣдомства, что и подняло общественное положеніе аудиторовъ. Въ 1867 году аудиторское училище было преобразовано въ военно-юридическое, которое непосредственно и было подчинено по учебной части генералъ-аудитору военно-сухопутнаго вѣдомства, Философову. Причемъ въ военно-юридическомъ училищѣ общій классъ преподаванія исторіи, географіи и иностранныхъ языковъ были упразднены, что и давало возможность въ специальныхъ классахъ расширить программы юридическихъ наукъ. Такимъ образомъ, въ военно-юридическомъ училищѣ только преподавались: военно-уголовное законодательство, военно-уголовное судопроизводство, военно-административные законы, уголовное право, уголовное судопроизводство, гражданское право, гражданское судопроизводство, государственное право, энциклопедія законодательства, исторія русскаго права, финансовыя законы, полицейскіе законы, судебная дисциплина, церковное право, психологія и русскій языкъ. Въ виду военно-судебной формы въ 1866 году еще при аудиторскомъ училищѣ были образованы офицерскіе классы, куда и было принято безъ предварительнаго экзамена, по личному усмотрѣнію генералъ-аудитора, двадцать офицеровъ военно-сухопутнаго вѣдомства, пять—морского и десять офицеровъ въ качествѣ вольнослушателей. Впрочемъ, еще до утвержденія положенія о военно-юридическомъ училищѣ, въ главномъ военно-учебномъ комитетѣ былъ возбужденъ вопросъ о совершенномъ упраздненіи сего училища, такъ какъ было уже предположено образованіе военно-юридической академіи, что, дѣйствительно, и состоялось въ 1869 году. Несмотря, однако, на это, военно-юридическое училище просуществовало до 1878 года, когда и было окончательно упразднено". См. мнѣніе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Пятьдесятъ лѣтъ специальной школы и образованія военныхъ законовѣдовъ въ Россіи“ и т. д. Сочиненіе это вышло въ свѣтъ подъ редакціей начальника Военно-Юридической академіи.

*) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 25 октября 1865 года его императорскаго вѣщества генералъ-адмирала, военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ вносили рельефно изображенныя недостатки нашего стараго военнаго судопроизводства и судопроизводства: такъ, между прочимъ, въ докладѣ этомъ говорится, что медленность и часто замѣчаемыя упущенія нашихъ военно-судныхъ комиссій зависѣли не отъ случайныхъ причинъ, а были необходимыми послѣдствіями органическихъ недостатковъ нашей военно-судной части, что и требуетъ кореннаго преобразованія нашего военно-уголовнаго судопроизводства". „Сборн. зак. работъ по состав. воен.-суд. устава“, стр. 137.

ствование Царя-Освободителя императора Александра II, и снятия системы уголовных взысканий, являлась необходимость не только въ измѣненіи положеній Военно-судебнаго устава, но и въ улучшеніи, въ гуманномъ отношеніи, Военскаго устава о наказаніяхъ, почему въ 1856 году и былъ возложенъ на сенатора Кангера составленіе новаго Военскаго устава о наказаніяхъ, а въ 1859 году было объявлено высочайшее повелѣніе, по вѣсеніи въ государственный совѣтъ проекта общаго уголовного судопроизводства, приступить къ составленію проекта военнаго судопроизводства и судопроизводства, что и было возложено на особую комиссію. Комиссія эта, однако, приступила къ работѣ только въ 1862 г., а именно—уже послѣ Высочайшаго утвержденія основныхъ положеній по преобразованію судебной части въ Россіи. При составленіи проекта новаго военнаго судопроизводства и судопроизводства означенная комиссія должна была обязательно руководствоваться выработанными уже нижеслѣдующими основными положеніями: 1) образовать въ центральныхъ мѣстахъ войскъ постоянные военные суды; 2) для наблюденія за правильнымъ производствомъ судебныхъ дѣлъ учредить при судахъ этихъ прокуроровъ; 3) предоставить судамъ полную самостоятельность, изъявъ приговоры ихъ отъ вліянія военныхъ начальниковъ; 4) предоставить право обжалованія приговоровъ военныхъ судовъ прокурорамъ и подсудимымъ, но только порядкомъ кассационнымъ, каковыя протесты и жалобы и должны восходить на ревизію генераль-аудиторіата; 5) въ случаѣ признанія генераль-аудиторіатомъ протестовъ и жалобъ основательными, судебныя дѣла, съ отмѣненными приговорами, должны передаваться для постановленія новыхъ рѣшеній въ другіе военные суды той же инстанціи; 6) предоставить право подсудимымъ объяснять на судѣ свои оправданія лично или чрезъ защитниковъ; 7) по возможности секретить въ военныхъ судахъ письменное производство, замѣнивъ оное производствомъ гласнымъ и публичнымъ, и 8) изыскать средства для теоретическаго и практическаго подготовленія офицеровъ къ исполненію обязанностей различныхъ судебныхъ органовъ.

Высочайше учрежденная комиссія приступила къ работѣ въ ноябрѣ 1862 года и въ двадцати трехъ засѣданіяхъ успѣла уже вполне начертать проектъ новаго судопроизводства и судопроизводства. Проектъ Высочайше учрежденной комиссіи былъ первоначально переданъ на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія генераль-аудиторіатовъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, а затѣмъ проектъ этотъ, по его исправленіи, былъ внесенъ въ Высочайше учрежденный при государственномъ совѣтѣ комитетъ.

Въ виду согласованія положеній проекта военно-уголовнаго судопроизводства съ положеніями для общаго уголовного судопроизводства членъ означеннаго комитета министръ юстиціи Замытнинъ даже высказалъ, что «было бы болѣе соотвѣтственнымъ военно-судебный уставъ изложить въ такомъ видѣ, чтобы въ немъ содержались одни только исключенія изъ общаго порядка судопроизводства, безъ повторенія тѣхъ правилъ, которые одинаково должны быть соблюдаемы какъ военными, такъ и общими судами».

шой порядок изложенія, — по мнѣнію Замятнина, — выставить рельефно всѣ особенности военныхъ судовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать нагляднымъ образомъ на то соотношеніе, которое существуетъ между общимъ и спеціальнымъ военно-уголовнымъ судопроизводствомъ. Кромѣ того, указанный порядок изложенія неминуемо повлечетъ за собою желанное единство въ направленіи общихъ и военныхъ судовъ имперіи, что окончательно уничтожитъ всякую разрозненность между военными и общими уголовными судами*). Соображенія министра юстиціи Замятнина вполне основательны, и предложенный Замятнинымъ порядок изложенія нашихъ военныхъ нормальныхъ законовъ не отличался оригинальностью, такъ какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, какъ, напримѣръ, во Франціи, военные кодексы, устанавливающіе военно-уголовное судопроизводство, включаютъ въ себѣ только такія постановленія, которыхъ не существуетъ въ общихъ уголовныхъ кодексахъ. Мнѣніе министра юстиціи Замятнина, однако, принято не было и въ XXIV кн. Св. Военн. постановленій вошли тѣ положенія, которыя были проектированы комиссіею для военно-покупнаго вѣдомства. Въ 1882 году, въ царствованіе Императора Александра III, по Высочайшему повелѣнію была назначена особая комиссія при главномъ военно-судномъ управленіи, для пересмотра постановленій XIV кн. Св. Военн. пост. изд. 1869 г. Оконченныя работы этой комиссіи были Высочайше утверждены и XXIV кн. Св. Военн. постановленій изд. 1869 года была замѣнена «Уставами военно-судебными», которые получили примѣненіе на практикѣ въ 1883 и 1884 гг.

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію Военно-судебнаго устава“. Оспаривая на статью проекта, коимъ устанавливался порядокъ разсмотрѣнія главныхъ военнымъ судомъ законодательныхъ вопросовъ, министр юстиціи Замятнинъ, между прочимъ, замѣтилъ, что право, предоставленное главному военному суду, по разрѣшенію законодательныхъ вопросовъ, можетъ легко повлечь за собою, что тѣ перемены, которыя современемъ будутъ сдѣланы въ военно-уголовномъ судопроизводствѣ, будутъ согласоваться съ тѣми поправками и измѣненіями, которыя могутъ оказаться необходимыми въ общемъ порядкѣ уголовного судопроизводства, установленнаго Судебными Уставами 20 ноября 1864 года, и такимъ образомъ современемъ можетъ поколебаться столь полезная связь между общимъ порядкомъ отправленія правосудія и спеціально-военнымъ. „Сборн. закон. работъ по составленію Военно-судебнаго устава“. Спб., 1867 г.

Дѣйствительно, что предполагалъ министр юстиціи Замятнинъ, впоследствии и свершилось, и между кассационными рѣшеніями главнаго военного суда и правительствующаго сената возникло разномисліе по поводу примѣненія судами общихъ положеній уголовного судопроизводства. Разномисліе это коснулось даже и до примѣненія общихъ положеній Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, такъ напримѣръ: сенатъ признавалъ въ своихъ кассационныхъ рѣшеніяхъ покушенія на вѣзбу, а главный военный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ до 1879 года отрицалъ въ вѣзбѣ эту ступень преступленій, но признавалъ, однако, покушеніе на убійство съ цѣлю ограбленія, а потому лица, судившіяся военными судами за покушеніе на разбой, приговаривались даже къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ, чѣмъ лица, судившіяся общими же судами за покушеніе на убійство съ цѣлю ограбленія. См. статью Н. П. Ситрова, *Юридическій Вѣстникъ* за 1880 и 1881 гг.

Неоспоримо, что военно-судебная реформа, послѣдовавшая въ царствованіе Императора Александра II, должна быть отнесена къ числу событій весьма важныхъ, въ гуманномъ отношеніи, такъ какъ реформа эта не только подняла уровень нравственнаго состоянія войска, но и способствовала развитію въ войскахъ довѣрія къ военнымъ судамъ. Кроме того реформа эта парализировала произволъ военно-административной власти и наложенію взысканій порядкомъ дисциплинарнымъ за такія преступленія, за которыя наказанія могли быть опредѣлены только судебною властью^{*)}. Военная подсудность, установленная военно-уголовными законами 1839 г., была Высочайше учрежденною въ 1862 г. комиссіей значительно ограничена въ объективномъ и субъективномъ отношеніяхъ, и такое ограниченіе вызывалось скорѣе не нравственнымъ состояніемъ нашей военной силы, а требованіемъ времени и установленіемъ общаго уголовного процесса смѣшаннаго типа.

Въ XXIV кн. Св. воен. постановленій изд. 1869 года подробно опредѣлена военная подсудность за преступленія специально-воинскія и общія, такъ за совершеніе общихъ преступленій и проступковъ воинскіе чины, чины пограничной стражи и казаки нерегулярныхъ войскъ подлежатъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, если общія преступленія и проступки учинены ими во время нахождения ихъ на дѣйствительной службѣ. Для рекрутскаго времени принятія ихъ на службу признается и за начало для нихъ военной подсудности. Чиновники военного министерства подлежатъ сужденію военныхъ судовъ за общія преступленія и проступки только тогда, когда упомянутыя правонарушенія будутъ совершены при исполненіи ими обязанностей службы и такъ далѣе. Наконецъ, гражданскія лица по мирному времени подлежали военному суду въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, но за преступленія, указанныя въ Высочайшемъ указѣ.

Кромѣ того XXIV кн. Св. воен. постановленій 1869 г. указывалъ и на смѣшанную подсудность: такъ, если въ совершеніи воинскимъ чиновъ преступленія общаго принимало участіе лицо гражданское, то воинскій

*) Изъ рѣшеній главнаго военного суда за 1870, 1871 и 1872 гг. видно, что при обсужденіи главнымъ военнымъ судомъ вопроса о правильности назначенія наказанія за повтореніе простой кражи, взысканіе наложенное за первую простую кражу порядкомъ дисциплинарнымъ, не можетъ служить основаніемъ для примѣненія рецидива.

Какъ извѣстно, новые суды военные начали функционировать съ 1869 г., а въ 1872 г. въ періодической печати уже стали появляться различныя замѣтки и даже статьи, указывающія, что со времени военно-судебной реформы количество преступленій въ войскахъ увеличилось: такъ, напримѣръ, газета *Русскій Миръ*, даже привела статистическія данныя о томъ, что въ казачьихъ донскихъ полкахъ до указанной реформы почти не существовало преступленій, а съ 1871 года преступленія въ землѣ Войска Донскаго постоянно стали увеличиваться. Конечно, такіе замѣтки и статьи были построены на полномъ незнаніи военной бытовой жизни стараго порядка, а также и того крайне важнаго обстоятельства, что до военно-судебной реформы военные начальники, по наложенію взысканій на своихъ подчиненныхъ порядкомъ дисциплинарнымъ, пользовались почти неограниченною властью.

нѣ вмѣстѣ съ лицомъ гражданскій судится общимъ уголовнымъ судомъ, наоборотъ, гражданское лицо, принимавшее участіе въ совершеніи воинскій чиномъ или чиновникомъ военнаго министерства преступленія служебнаго или относящагося до нарушенія законовъ дисциплины судится вмѣстѣ съ своими участниками въ судѣ военномъ *).

По нынѣ дѣйствующему уставу военно-судебному 1884 г. военная подсудность, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, осталась та же, которая и допускалась XXIV кн. Св. воен. постановленіе изд. 1869 г. Смѣшанная подсудность тоже не подверглась измѣненію **).

При обсужденіи вопроса о военной подсудности нѣкоторые изъ членовъ упомянутой комиссіи высказались въ пользу ограниченія военной подсудности одними только преступленіями, имѣющими характеръ исключительно воинскій, но мнѣніе этихъ членовъ принято не было и комиссія опредѣлила расширить военную подсудность и на преступленія общія. Разрѣшая вопросъ, должны ли воинскіе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ военной, подлежать военному суду за всѣ роды преступленій, или только за нѣкоторые изъ нихъ, комиссія высказалась, что «лица, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ, должны подлежать военному суду за всѣ роды преступныхъ дѣяній, такъ какъ подобное правило принято всѣми европейскими военно-уголовными законодательствами, кромѣ англійскаго. Неудобства смѣшанной подсудности для военнo-служащихъ состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что большая часть преступленій военно-служащихъ соединена съ нарушеніемъ порядка службы, храненіе которой составляетъ цѣль учрежденія военнаго суда; притомъ два ли предстоитъ возможность провести рѣзкую черту между преступленіями, подлежащими вѣдѣнію военнаго суда и тѣми, которыя будутъ разсматриваться судомъ общимъ гражданскимъ, а потому и нельзя будетъ избѣгнуть вмѣшательства общихъ судовъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, собственно до военной службы относящихся и имѣть въ подробности неизвѣстныхъ ***).

Необходимо замѣтить, что Высочайше учрежденная комиссія, при обработкѣ проекта военнаго судоустройства и судопроизводства, имѣла еще въ виду комплектованіе нашего войска при помощи рекрутскаго наѳура, но, несмотря даже на это, изложенныя соображенія комиссіи не глѣчаются устойчивостью и главнымъ образомъ потому, что сама ком-

*) Всѣ опредѣленія Высочайше утвержденной комиссіи относительно военной подсудности вошли въ XXIV кн. Св. воен. постановленій и составляютъ положенія, изложенныя въ 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 1178 и 1179 ст.

**) Не останавливаясь на различныхъ изгибахъ военной подсудности перейдемъ къ оцѣнкѣ соображеній Высочайше учрежденной комиссіи къ 1862 года какъ по установленію военной подсудности, такъ равно и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ, относящимся до военнаго судоустройства и судопроизводства.

***). Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава», стр. 6.

комиссія допустила сужденіе воинскихъ чиновъ за общія преступленія военными, а общими уголовными судами при наличности подсудности смешанной *). Конечно, такая уступка общему уголовному судопроизводству была не вынужденная, ибо комиссія могла для охраненія изолированнаго положенія военного сословія, принять раздѣльность процесса подобно тому, какъ это допускается нѣкоторыми военно-уголовными кодексами государствъ Западной Европы при смѣшанной подсудности **). Провести рѣзку между преступленіями общими и специально воинскими всегда возможно и не трудно, въ особенности по нарушеніямъ законовъ дисциплины и требованіямъ военной службы, такъ какъ по характеру своему преступленія эти рѣзко отличаются отъ преступленій и проступковъ общихъ. Болею внимательства общихъ уголовныхъ судовъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ «собственно до военной службы относящихся» не имѣетъ совершенно никакого значенія, такъ какъ сама комиссія по преступленіямъ общимъ, совершеннымъ воинскими чинами съ участіемъ гражданскихъ лицъ, допустила вторженіе гражданскихъ судебныхъ органовъ въ бытовую военную жизнь и военные порядки. Кромѣ того, ограниченіе военной подсудности по отношенію къ преступленіямъ общимъ не только существуетъ въ Англіи, но также въ Швейцаріи и отчасти въ Италіи ***).

Наконецъ, комиссія въ своемъ проектѣ допустила вторженіе гражданской судебной власти въ бытовую военную жизнь и военные порядки, не только въ періодъ послѣ преданія суду, но и въ періодъ предварительнаго разслѣдованія, какъ увидимъ ниже. По поводу невозможности ограниченія военной подсудности, комиссія между прочимъ указываетъ также и на то обстоятельство, что «военные составляютъ и должны составлять какъ бы отдѣльное сословіе въ государствѣ, а потому и всѣ преступленія ихъ должны подлежать разсмотрѣнію специального военного суда ****). Изложенныя соображенія комиссіи относительно изолированія военной корпораціи и могутъ имѣть тоже серьезнаго значенія, ибо такое изолированіе военного сословія отъ остальнаго общества въ настоящее время совершенно невозможно въ виду обязательнаго отбыванія военной службы всѣми членами общества и краткосрочности оной службы. Да, наконецъ, всякое изолированіе военной силы не можетъ привести на практикѣ къ хорошимъ результатамъ, ибо при наличности изолированія военной корпораціи общество невольно будетъ относиться къ положенію этой корпораціи съ нѣкоторою подозрительностью, что едва ли желательно. Распространивъ военную подсудность по преступленіямъ общимъ, совершеннымъ воинскими чинами, комиссія однако не рѣшилась отнять право у чиновниковъ, с-

*) Смори 1178 ст. XXIV кн. Св. воен. постановленій изд. 1869 г., и 1261 ст. вѣдѣ дѣйствующаго устава военно-судебнаго 1884 г.

**) Смори журналъ *Русская Мысль* №№ 7 и 8 за іюль и августъ мѣсяца.

***). Смори тотъ же журналъ, тѣ же нумера за іюль и августъ мѣсяца.

****) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава 1862 года“, стр. 8.

стоящихъ на службѣ въ военномъ министерствѣ, судиться за такія же преступленія общими уголовными судами гражданскаго вѣдомства, что совершенно справедливо, но при этомъ однако нельзя не замѣтить, что и военные чиновники, находясь въ средѣ военной корпораціи, какъ бы сливаются съ оной, а стало-быть и при сужденіи ихъ общими уголовными судами внутренніе бытовые военные порядки тоже невольно на судѣ могутъ обнаружиться. Нельзя отрицать, что существовавшая военная подсудность въ царствованіе Императора Николая I значительно ограничена, но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы дальнѣйшее ея ограниченіе было бы невозможно въ особенности при наличности существующаго въ настоящее время у насъ обязательнаго отбыванія воинской повинности всѣми сословіями общества.

Не допуская ограниченія военной подсудности одними только преступленіями воинскими, комиссія между тѣмъ, въ интересахъ достиженія правосудія, признала однако необходимымъ и въ судахъ военныхъ установить раздѣленіе судейскихъ функцій, то-есть образовать при судахъ этихъ присяжное жюри *) не только для разрѣшенія вопросовъ, съ фактической стороны, о виновности по преступленіямъ общимъ, но и специально воинскимиъ. Проектированное комиссіею хотя и не осуществилось, но важно то, что, устанавливая и для военныхъ судовъ раздѣленіе судейскихъ функцій, комиссія тѣмъ самымъ признавала, что уголовный судъ, гдѣ судейскія функціи раздѣляются: на судей факта и судей права, гораздо компетентнѣе того суда, гдѣ обѣ эти функціи какъ бы сливаются, что совершенно справедливо, но только для преступленій общихъ, ибо отрицаніе даже дѣйствительно совершившагося факта по преступленіямъ общимъ не имѣетъ серьезнаго значенія, тогда какъ по преступленіямъ специально воинскимиъ всякое оправданіе подсудимаго въ преступленіи, дѣйствительно имъ совершенномъ, можетъ невольно поколебать дисциплину въ войскахъ. Такимъ образомъ существованіе военныхъ судовъ безъ раздѣленія судейскихъ функцій и вызывается только наличностью преступленій специально военно-корпоративныхъ, а не преступленій общихъ; почему и послѣднія преступленія, совершенныя воинскими чинами, должны быть переданы въ вѣдѣніе общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства, но на этомъ еще остановимся впослѣдствіи.

Впрочемъ и сама Высочайше учрежденная въ 1862 году комиссія признала, что приведенныя ею соображенія по поводу расширенія военной подсудности на преступленія общія могутъ быть оспариваемы **), что совершенно вѣрно и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что между преступленіями общими и требованіями законовъ дисциплины не существуетъ не только никакой связи, но даже и никакого соотношенія, ибо возник-

*) См. журналъ *Русская Мысль* № 7, за іюль.

**) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 6.

новеніе преступленій общих не имѣть никакого сродства съ возникновеніемъ преступленій по нарушенію законовъ дисциплины и требованіямъ военной службы, а потому и изъятіе преступленій общихъ изъ военной подсудности ни въ какомъ случаѣ не можетъ повліять на умаленія дисциплины въ войскахъ.

Правда, въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы военная подсудность расширена и на преступленія общія, но на такое ненормальное и несоотвѣтствующее требованію времени положеніе уже обращено періодическою печатью вниманіе, что и вынудило, какъ, напримѣръ, въ Германской имперіи, приступить къ пересмотру дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законовъ.

Обращаясь къ установленію военного судоустройства, комиссія, между прочимъ, высказала, что «организация судовъ военныхъ должна быть сообразена такъ, чтобы она одновременно удовлетворяла многимъ условіямъ, отвѣчающимъ требованіямъ какъ общегосударственнымъ, такъ и специально-военнымъ. Если бы требованія общегосударственныя и специально-военныя сходились во всѣхъ точкахъ, то вопросъ объ устройствѣ специально-военныхъ судовъ разрѣшился бы принятіемъ для войскъ того же устройства, какое предполагается для гражданского вѣдомства. Но такъ какъ въ дѣйствительности требованія военныя суть нѣрѣдко слѣдствія правилъ и отношеній, далеко не сходныхъ съ общими житейскими условіями и отношеніями, и какъ существованіе подобнаго рода специальныхъ требованій поддерживается только искусственно, между тѣмъ какъ строгое поддержаніе ихъ составляетъ жизненный вопросъ для арміи, то и выходитъ, что принятіе для специально-военныхъ судовъ безъ измѣненія устройства общегосударскихъ судилищъ совершенно невозможно» *). Соображенія комиссіи справедливы, но почему же комиссія при дальнѣйшей разработкѣ военного судопроизводства уклонилась отъ изложенныхъ соображеній и не только допустила въ судахъ военныхъ раздѣленіе судейскихъ функцій даже на преступленіямъ специально-воинскимъ, но и не озаботилась о полномъ изолированіи военного вѣдомства отъ вмѣшательства гражданской судебной власти.

Далѣе комиссія излагаетъ и главнѣйшія войсковыя требованія, которыя, по мнѣнію комиссіи, должны заключаться: «во-первыхъ, не только въ охраненіи, но, если можно, усиленіи воинской дисциплины и тинопочитаніи; во-вторыхъ, въ оставленіи за непосредственными военными начальниками не только надзора, но и отвѣтственности за соблюденіе въ частяхъ должнаго порядка и повиновенія; и въ-третьихъ, въ обезпеченіи личности каждаго отъ произвола и несправедливости высшихъ и, съ другой стороны, обезпеченіи высшихъ отъ происковъ подчиненныхъ» **). Нельзя, одна-

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 13.

**) Тамъ же, стр. 13—14.

и этомъ забывать, что охраненіе и даже усиленіе требованій законовъ дисциплины возлагается, дѣйствующими нашими военными законоположеніями, непосредственно на отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ, коимъ и предоставляется извѣстная дисциплинарная власть, причемъ отдѣльные военные начальники и являются прямыми отвѣтчиками передъ закономъ за нарушение во вѣренныхъ имъ частяхъ упадка дисциплины, а потому военные суды, какъ бы ни были приговоры ихъ строги, не могутъ, безъ вмѣшательства военно-административной власти, охранить требованіе законовъ дисциплины.

Относительно судоустройства Высочайше учрежденная въ 1862 году комиссія установила три типа военныхъ судовъ, а именно: полковые, военно-окружные и главный военный судъ. Предоставляя полную независимость судамъ военно-окружнымъ и главному военному суду, комиссія, вѣдь, не рѣшилась это сдѣлать для судовъ полковыхъ, чѣмъ и признала этимъ судамъ характеръ скорѣе не судебныхъ учреждений, а какъ-то дисциплинарныхъ комитетовъ, имѣющихъ большое сродство съ французскими дисциплинарными судами, но послѣдніе суды во Франціи отнесены къ учрежденіямъ не судебнымъ, а административнымъ. Впрочемъ, сама комиссія въ своихъ соображеніяхъ называетъ полковые суды судами дисциплинарными или исправительными, и если рѣшается судамъ этимъ дать названіе полковыхъ, а въ артиллеріи бригадныхъ, то единственно тому, что суды эти должны быть тѣсно связаны съ тою частью войскъ, въ которыхъ будутъ учреждены.

Относительно необходимости установленія полковыхъ и бригадныхъ судовъ комиссія, между прочимъ, высказала нижеслѣдующія соображенія: Если разборъ всѣхъ проступковъ, за кои взысканія переходятъ за пределы взысканій дисциплинарныхъ, возложить на военные суды, то суды и были бы чрезмѣрно завалены маловажными дѣлами, да, наконецъ, обвинившихся пришлось бы по этапамъ отправлять въ суды на довольно большое разстояніе, а это послѣднее обстоятельство особенно невыгодно, къ какъ пересылка по этапу стоила бы казнѣ дорого и для подсудимыхъ (да бы не малымъ физическимъ наказаніемъ *).

Устанавливая затѣмъ подсудность полковымъ, а въ артиллеріи бригаднымъ судамъ, комиссія, между прочимъ, признала, что «нижніе чины, не пользующіеся особыми правами по происхожденію и воспитанію, за проупки, не влекушіе за собою отдачу въ военно-исправительныя роты **), должны быть подсудны судамъ дисциплинарнымъ или, вѣрнѣе, исправительнымъ, не отдѣляемымъ отъ административной власти военныхъ начальниковъ, исполняющихъ въ войскѣ ту же обязанность, которую въ граждан-

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 15.

**) При начертаніи проекта въ числѣ наказаній для нижнихъ чиновъ, не пользующихся особыми правами по состоянію, существовали еще военныя исправительныя роты. См. журналъ *Русская Мысль*, кн. VII, въ прикѣпчаніи къ тексту.

скомъ быту должны будутъ исполнять мировые судьи» *). Сравненіе военныхъ начальниковъ съ мировыми судьями не совсѣмъ вѣрно, ибо хотя военные начальники имѣютъ право налагать наказаніе на своихъ подчиненныхъ, но не тѣмъ, однако, порядкомъ, который установленъ для мировыхъ судей. Кроме того, изъ приведенныхъ соображеній ясно видно, что комитетъ твердо рѣшился поставить полковые и бригадные суды въ полную зависимость отъ власти административной.

Составъ полкового, а также и бригаднаго суда комитетъ опредѣлялъ нижеслѣдующій: предсѣдатель, штабъ-офицеръ, два члена изъ оберъ-церковъ и дѣлопроизводитель суда тоже изъ строевыхъ офицеровъ, причемъ назначеніе этихъ всѣхъ лицъ въ составъ суда комитетъ предоставлялъ личному усмотрѣнію полковыхъ, а въ артиллеріи бригадныхъ командировъ, то-есть тѣхъ военныхъ начальниковъ, при частяхъ коихъ суды и учреждались.

Отсутствіе, въ составѣ полковыхъ и бригадныхъ судовъ, лицъ со специально-юридическимъ образованіемъ и было причиною неправильнаго функционирования этихъ судовъ, что крайне вредно отражалось на интересахъ подсудимыхъ, и лицъ, принимавшихъ участіе въ процессѣ, въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Контроль, установленный комитетомъ надъ дѣйствіемъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ, оказался крайне ненадежнымъ, ибо военные начальники, коимъ представлялись на ревизію дѣла полковыхъ и бригадныхъ судовъ, были тоже не юристы, а потому и утверждали нелепые приговоры, постановленные съ нарушеніемъ прямого смысла закона. Наконецъ, многочисленный составъ суда гораздо компетентнѣе судовъ трехчленныхъ, ибо при разрѣшеніи вопросовъ о виновности подсудимыхъ, въ первомъ случаѣ, мнѣніе предсѣдателя суда не можетъ имѣть существеннаго значенія, тогда какъ во второмъ случаѣ, при раздѣльности мнѣній членовъ суда, заявленіе предсѣдателя имѣетъ уже рѣшающее значеніе **).

Высочайше учрежденная въ 1862 году комитетъ опредѣлила, что дѣланіе полковому или бригадному суду должно принадлежать тому военному начальнику, который и возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе, а потому комитетомъ и возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли сформированіе полковыхъ и бригадныхъ судовъ основать на выборномъ началѣ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ той отдѣльной части, при которой судъ будетъ учрежденъ. При окончательномъ вотированіи этого вопроса, выборная система была, однако, отвергнута и, между прочимъ, потому, что «выборное начало непримѣнимо къ военному быту и не согласуется съ условіями военной службы». Да, наконецъ, если и признать выборное начало, при назначеніи членовъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ, предназначенныхъ собственно для разрѣшенія о нижнихъ чинахъ, то справедливость требовала бы допустить и н

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 16.

**) Въ дарствованіе Императора Петра Великаго полковые суды были именитые. См. журналъ *Русская Мысль*, кн. XI.

хъ чиновъ, въ качествѣ членовъ упомянутыхъ судовъ, что невозможно *)). Воды, по отношенію къ принятію выборнаго начала, пожалуй, основательны, но едва ли справедливо лишать не опороченныхъ воинскихъ нижнихъ чиновъ права быть членами полковыхъ и бригадныхъ судовъ, тѣмъ лѣе, что это даже допускается въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы **). Наконецъ, въ историческомъ прошломъ, а именно: въ царствованіе императора Петра Великаго до 1721 года, въ составъ полковыхъ судовъ входили и нижніе чины ***). Затѣмъ комиссія установила и общія положенія судопроизводства для полковыхъ и бригадныхъ судовъ. Возбужденіе уголовного преслѣдованія комиссія предоставила исключительно военнымъ начальникамъ, пользующимся правами полковаго командира. Относительно приговоровъ судовъ, комиссія опредѣлила, что приговоры должны представляться на утвержденіе военныхъ начальниковъ тѣхъ частей, при нихъ суды и будутъ учреждены. Подсудимымъ комиссія предоставила лишь право приносить жалобы на приговоры и дѣйствіе судовъ тѣмъ военнымъ начальникамъ, къ которымъ приговоры и представлялись на утвержденіе. То же касается до власти военныхъ начальниковъ по отношенію къ приговорамъ судовъ, то комиссія установила, что утвержденный военнымъ начальникомъ приговоръ немедленно обращается къ исполненію, а въ противномъ случаѣ все производство полковаго или бригаднаго суда должно быть правлено на усмотрѣніе суда военного вмѣстѣ съ мнѣніемъ военного начальника, не согласившагося утвердить приговоръ. Кроме того, комиссія шилась предоставить военнымъ начальникамъ право опредѣленное подсудимымъ приговорами судовъ наказаніе уменьшать.

Не лишены интереса соображенія комиссіи о лишеніи подсудимыхъ права обжалованія приговоровъ, полковыхъ и бригадныхъ судовъ, въ военно-окружные суды. По поводу этому комиссія высказала, что «хотя юридической точки зрѣнія было бы справедливо дозволить и подсудимому апеллировать въ военный судъ на рѣшеніе полковаго и бригаднаго судовъ и такое дозволеніе, безъ сомнѣнія, могло бы обезпечить одинъ подсудимаго отъ несправедливаго рѣшенія суда, коего члены, назначенные командира, отдающаго провинившагося подъ судъ, назначающаго судей и confirмующаго приговоръ. Съ другой же стороны, необходимость такого дозволенія очевидна. Военныхъ судовъ не можетъ быть много, такъ что нѣрѣдко суды эти будутъ удалены на весьма большое разстояніе отъ мѣста совершенія проступка, да и притомъ подача апелляціонныхъ жалобъ крайне отяготитъ военные суды» ****). Приведенныя соображенія комиссіи вполнѣ рельефно обнаруживаютъ и сомнѣнія самой ком-

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 18.

**) См. журналъ *Русская Мысль*, кн. VII и VIII.

**) См. журналъ *Русская Мысль*, кн. XI.

**) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 19.

миссiи въ полной компетентности полковыхъ и бригадныхъ судовъ при наличности того судоустройства и судопроизводства, которыя сама коммиссiя проектировала для этихъ судовъ, и все это, къ сожалѣнiю, было допущено, главнымъ образомъ, изъ практическихъ соображенiй, не правственная сторона, конечно, должна заслонять всякiе практическiе выводы. Дѣйствительно, по проекту коммиссiи, положенiе подсудимаго въ полковыхъ и бригадныхъ судахъ крайне невыносимо, — онъ не только не можетъ идти на судъ защитника, но даже и лишенъ права обжалованiя приговора въ рядкомъ апелляціоннымъ и кассационнымъ. Такимъ образомъ участь подсудимаго вполне зависитъ отъ воли и желанiя того военного начальника, который и подтверждаетъ о немъ приговоръ. Между тѣмъ, военные начальники, какъ не юристы, утверждали, да едва ли и не будутъ утверждать приговоры, постановленные съ нарушенiемъ закона, а стало-быть подсудимымъ, какъ и оказалось на практикѣ, приходилось нерѣдко переносить на казанiе выше мѣры ими содѣяннаго.

Членъ коммиссiи, генералъ-аудиторъ флота Глѣбовъ, не соглашаясь съ изложеннымъ мнѣнiемъ коммиссiи, признавалъ справедливымъ для достиженiя правосудiя предоставить подсудимымъ право обжалованiя приговоровъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ въ военные суды. Кромѣ того, Глѣбовъ предложилъ организовать полковые и бригадные суды по типу общихъ уголовныхъ судовъ безъ присяжныхъ засѣдателей, то-есть такихъ и нынѣ существующихъ судовъ, которыми подсудны дѣла по преступленимъ, не влекущимъ за собою какихъ-либо праволишенiй.

Въ мнѣнiи своемъ Глѣбовъ опирался еще и на то, что полковымъ судамъ подсудны такiя преступленiя, которыя влекутъ за собою переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, сопряженный не только съ ограниченiемъ призыва по службѣ, но и влекущiй за собою при рецидивѣ даже и тѣлесное наказанiе, а потому полковые суды и не могутъ быть приравнены къ судамъ имѣющимъ характеръ дисциплинарныхъ учрежденiй *). Нельзя отрицать, что мнѣнiе члена коммиссiи, Глѣбова, вполне справедливо и устойчиво, тѣмъ болѣе, что подсудность полковымъ судамъ распространяется не только на преступленiя специально воинскiя, но и общiя, предусмотрѣнныя уголовнымъ о наказанiяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Устанавливая правило судопроизводства для полковыхъ и бригадныхъ судовъ, коммиссiя однако не рѣшилась «ограничить права потерпѣвшихъ въ дѣлѣ лицъ, предоставивъ имъ право обжалованiя приговоровъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ въ военные суды и притомъ порядкомъ апелляціоннымъ **), чѣмъ и окончательно уничтожило всякую равноправность между подсудимымъ и потерпѣвшимъ въ дѣлѣ лицомъ. Къ подачѣ апелляціонныхъ жалобъ коммиссiя допустила потерпѣвшихъ лицъ не только

*) «Сборникъ законодательныхъ работъ по составленiю военно-судебнаго устава», стр. 20 и 21.

**) «Сборникъ законодательныхъ работъ по составленiю военно-судебнаго устава», стр. 71.

по приговорамъ обвинительнымъ, но и оправдательнымъ, причѣмъ для слѣднѣяго случая опредѣлила, что «если по разсмотрѣніи военнымъ судомъ дѣла полкового или бригаднаго суда по жалобѣ потерпѣвшаго окажется, что оправдательный приговоръ постановленъ неправильно, то убытки, понесенные потерпѣвшимъ, должны пасть на председателя и членовъ этихъ судовъ, какъ допустившихъ постановленіе приговора, не согласнаго съ существомъ дѣла» *). При установленіи въ полковыхъ и бригадныхъ судахъ процесса смѣшаннаго типа такая отвѣтственность состава не понятна, ибо полковые и бригадные суды обязаны основывать свой приговоръ не на теоріи формальныхъ доказательствъ, но на внутреннемъ убѣжденіи, а изъ этого слѣдуетъ, что и при добровольномъ признаніи подсудимаго судъ не можетъ быть лишенъ права, по соображенію обстоятельствъ дѣла, постановить оправдательный приговоръ. По тѣмъ преступленіямъ, которыя могутъ оканчиваться примиреніемъ, коммиссія допустила примирительныя разбирательства въ полковыхъ и бригадныхъ судахъ, съ установленіемъ извѣстнаго рода процессуальной обрядности. Всѣ проектированныя положенія относительно полковыхъ судовъ, по разсмотрѣніи въ комитѣ, учрежденномъ при государственномъ совѣтѣ и послѣ Высочайшаго утвержденія вошли въ XXIV кн. Св. Военн. постановленій 1869 года, затѣмъ и въ Уставы военно-судебные 1883 — 1884 гг., но съ нѣкоторыми редакціонными поправками. По Уставамъ военно-судебнымъ 1883—1884 гг. судоустройство и судопроизводство для полковыхъ судовъ осталось то же, какъ и было проектировано Высочайше учрежденною коммиссіей въ 1862 году. Такимъ образомъ, по Уставу военно-судебному 1884 года подсудимые также лишены права не только обжалованія приговоровъ порядкомъ апелляціоннымъ и кассационнымъ, но и не могутъ имѣть защитниковъ на судѣ. По Уставу военно-судебному 1884 года полковымъ и бригаднымъ судамъ предоставляются широкія права по производству судебного слѣдствія: такъ, суды могутъ приводить свидѣтелей къ присягѣ, налагать штрафы на свидѣтелей за неявку, входить въ сношеніе съ гражданскими судебными мѣстами и лицами, производить осмотры, обыски, выемки, освидѣтельствованія и даже вызывать экспертовъ для дачи точныхъ объясненій на судѣ. Такая самостоятельность судовъ однако прекращается послѣ объявленія приговоровъ, ибо участь подсудимыхъ зависитъ уже тогда отъ воли и желанія военнаго начальника, конфірмирующаго приговоръ. Военный начальникъ однако тоже не вполнѣ свободенъ по отношенію къ участи подсудимыхъ, ибо военный начальникъ не можетъ, даже по преступленіямъ воинскимъ, совершенно помиловать подсудимаго или, находя приговоръ неправильнымъ, передать, собственною властью, дѣло къ новому разсмотрѣнію въ другомъ составѣ присутствія, какъ это допускается, напримѣръ, въ Англіи **).

*) «Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава», стр. 47.

**) См. журналъ *Русская Мысль* за іюль и августъ мѣсяцы, кн. 7 и 8.

поступленія дѣлъ изъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ, по несогласію военныхъ начальниковъ, при разсмотрѣніи этихъ дѣлъ, не можетъ выйти за предѣлы требованій военныхъ начальниковъ: такъ, напримѣръ, если военно-окружной судъ по разсмотрѣніи журнала полкового суда, — а въ журналы эти заносятся показанія свидѣтелей, — найдетъ, что подсудимый неправильно обвиненъ, то все-таки не можетъ разсмотрѣть дѣло по существу, если военный начальникъ будетъ указывать лишь на неправильное примѣненіе закона.

Такой конструкціи судовъ, какъ наши полковые и бригадные суды, въ государствахъ Западной Европы не существуетъ даже и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ военно-уголовной процессъ тайнаго инквизиціоннаго характера *).

Вотъ почему, въ виду обязательнаго отбыванія воинской повинности всѣми сословіями общества, а съ другой стороны, въ виду расширенія и военно-судебному уставу 1884 года военной подсудности полковыхъ и бригадныхъ судовъ реорганизація этихъ судовъ и является существенной необходимостью. Въ тому же едва ли военные начальники, какъ не юристы, могутъ быть признаны вполне компетентными лицами при оцѣнкѣ преступленій общихъ, ибо преступленія эти, какъ, напримѣръ, присвоеніе, по нововидности своей и различными оттѣнками, могутъ принимать характеръ даже простой гражданской сдѣлки.

Изъ циркулярнаго предписанія военнаго министра, по военно-судебной части отъ 8-го апрѣля 1886 года за № 1776, видно, въ какомъ печальномъ положеніи находилась дѣятельность полковыхъ и бригадныхъ судовъ до 1885 года, а зорко наблюдать за названными судами военно-прокурорскій надзоръ лишентъ всякой возможности **).

Принимая въ соображеніе цѣль настоящаго труда, остановимся теперь на тѣхъ деталяхъ военнаго судоустройства и судопроизводства, которые имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ намѣченнымъ вопросамъ.

*) Тамъ же.

**) Было уже указано, что полковые и бригадные суды часто грѣшили, да ели и теперь не грѣшатъ въ примѣненіи законовъ о наказаніи и въ квалификаціи преступленій, что и вынудило военнаго министра въ 1884 году, въ виду отсутствія и полковыхъ и бригадныхъ судовъ „лицъ, обладающихъ юридическими познаніями“, установить чрезъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства провѣрку правильности производства дѣлъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ съ момента возникновенія уголовного преслѣдованія и до приведенія утвержденныхъ военными начальниками приговоровъ въ исполненіе*. См. циркулярное предписаніе военнаго министра по военно-судебной части отъ 1886 года за № 1776. Изъ указаннаго циркуляра видно, что упущенія были обнаружены нижеслѣдующія: 1) въ періодъ возбужденія уголовного преслѣдованія по отношенію къ опредѣленію подсудности; 2) не исполненіемъ предѣлными полковыхъ и бригадныхъ судовъ всѣхъ требованій, возлагаемыхъ на нихъ закономъ, въ періодъ подготовительныхъ къ суду распоряженій; 3) неисполненіемъ предѣлными полковыхъ и бригадныхъ судовъ существенныхъ требованій закона при судебныхъ разсмотрѣніяхъ дѣлъ; 4) по отношенію къ составленію и веденію журналовъ судебныхъ засѣданій; 5) неправильнымъ и несоотвѣтствующимъ требованіямъ законовъ составленіемъ приговоровъ съ существеннымъ нарушеніемъ по опредѣленію и

Рѣшаясь предоставить военнымъ судамъ, въ сферѣ ихъ профессиональной дѣятельности, полную независимость отъ власти военно-административной, Высочайше учрежденная въ 1862 году коммиссія не рѣшилась учредить военные суды при дивизіяхъ на томъ основаніи, что «военные суды, стоя постоянно при дивизіонныхъ штабахъ, сдѣлаются какъ бы принадлежностью сихъ штабовъ и невольно подчинятся начальникамъ дивизій» *). Опасенія едва ли устойчивы, важенъ законъ, обрисовывающій вѣстную дѣятельность, а не мѣстное положеніе, тѣмъ болѣе, что чины, входящіе въ постоянный составъ военныхъ судовъ, по проекту коммиссіи могли бы составлять отдѣльное военно-судебное вѣдомство, до нѣкоторой степени изолированное отъ военно-административной власти. Опредѣливъ составъ военно-окружныхъ судовъ, коммиссія признала необходимымъ установить и для военныхъ судовъ процессъ смѣшаннаго типа, окончательно упразднивъ теорію формальныхъ доказательствъ и главнымъ образомъ потому, что вопросы о виновности подсудимыхъ должны быть разрѣшаемы единственно по внутреннему убѣжденію судей, не стѣсняясь активескою стороною дѣла.

Дѣйствительно, коммиссія и проектировала, что вопросъ, изложенный активески, о виновности подсудимаго, долженъ начинаться такъ: виновенъ ли подсудимый въ приписываемомъ ему дѣяніи, причемъ судъ, при разрѣшеніи такого вопроса, между прочимъ, могъ признать подсудимаго виновнымъ и по недоказанности **). По Уставу военно-судебному 1884 года хотя и удержаны въ деталяхъ прежнія правила о постановкѣ вопросовъ о виновности, но редакція измѣнена. По упомянутому уставу уже требуетъ, чтобы вопросы о виновности начинались такъ: совершилъ ли подсудимый дѣяніе и такъ далѣе. Такая постановка вопросовъ невольно гнѣсаетъ судъ при разрѣшеніи вопросовъ о виновности подсудимыхъ, а все положеніе суда очень близко къ положенію того суда, который долженъ руководствоваться не внутреннимъ убѣжденіемъ, а теорією формальныхъ доказательствъ. Конечно, указанная Уставомъ военно-судебнымъ 1884 года, постановка вопросовъ о виновности дѣйствительно вымывается преступленіями по нарушенію законовъ дисциплины, а пожалуй неисполненіемъ требованій военной службы, но ни въ какомъ случаѣ такая редакція вопросовъ не можетъ быть допущена по преступленіямъ

актера преступленій и 6) по утвержденіи военными начальниками неправильныхъ приговоровъ, причемъ изъ двухъ тысячъ дѣлъ полковыхъ и бригадныхъ судовъ, погубившихъ на ревизію въ военно-прокурорскіе надзоры военно-окружныхъ судовъ, казалось возможнымъ признать только сто одиннадцать дѣлъ правильно произведенныхъ, а изъ остальнаго количества дѣлъ по сто десяти дѣламъ было признано необходимымъ даже отиѣнить приговоры.

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, гр. 25.

**) Проектированное коммиссією относительно постановки вопросовъ о виновности подсудимыхъ вошло въ XXIV кн. Св. Военн. постановленій 1869 года.

общимъ, и въ особенности имущественнымъ: кражамъ, мошенничествами и другимъ.

При опредѣленіи состава военно-окружныхъ судовъ комиссія раздѣляла этотъ составъ на постоянный и временной, то-есть на судей карманных и временныхъ членовъ отъ войска *), причемъ, въ виду недостаточнаго спеціального юридическаго образованія постоянныхъ военныхъ судей, комиссія признала необходимымъ ввести въ составъ судовъ въ качествѣ членовъ оныхъ и лицъ гражданскихъ изъ аудиторск. мѣра эта, въ виду учрежденія Военно-Юридической академіи, была признана временною **). Установленнымъ Судебнымъ Уставамъ 1864 года несмѣняемость для предсѣдателя и членовъ общихъ уголовныхъ судовъ, комиссія принять для предсѣдателя и военныхъ судей военно-окружныхъ судовъ не рѣшилась въ интересахъ военной службы, хотя и признала, что такая несмѣняемость много бы способствовала совершенному отдѣленію военно-окружныхъ судовъ отъ военно-административной власти, что и придавало бы дѣйствіемъ означенныхъ судовъ полную самостоятельность ***). Комиссія поэтому и проектировала, что предсѣдатели и военные судьи могутъ быть переводимы только по распоряженію военнаго министра, а увольняемы и смѣщаемы по постановленіямъ главнаго военнаго суда. Отноительно военной прокуратуры комиссія постановила, что при каждомъ военно-окружномъ судѣ долженъ быть военный прокуроръ съ помощниками, причемъ на должности эти должны быть назначаемы по преимуществу «лучшіе изъ чиновниковъ аудиторскаго вѣдомства». Мѣра эта однако была принята только за недостаткомъ офицеровъ, юридически подготовленныхъ, но нельзя не замѣтить, что чиновники вполне добросовѣстно исполняли обязанности военной прокуратуры и между ними было не мало лицъ съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ ****).

*) Число временныхъ членовъ было опредѣлено шесть, за исключеніемъ двухъ запасныхъ. Въ число шести временныхъ членовъ входили штабъ и оберъ-офицеры, которые принимали участіе не только въ разрѣшеніи вопросовъ о виновности съ фактической стороны, но также и вопросовъ по примѣненію законовъ означая, что и вошло въ Уставы военно-судебные 1883—1884 гг., но съ тою лишь разницею, что число временныхъ членовъ уменьшено до четырехъ. См. журналъ *Русской Мысли* за іюль мѣсяца, кн. VII.

**) Члены изъ гражданскихъ лицъ присутствовали въ судебныхъ и распорядительныхъ засѣданіяхъ суда, но не имѣли права предсѣдательствовать. Съ 1883 года и Уставу военно-судебному упразднены гражданскіе члены въ военныхъ судахъ. Нельзя отрицать, что при началѣ сформированія постоянныхъ составовъ военно-окружныхъ судовъ, члены изъ аудиторск. были хорошими помощниками и даже, такъ сказать, руководителями военныхъ судей по профессиональной ихъ судейской обязанности: надо сознаться, что члены изъ аудиторск., рѣшительно отказавшись отъ теоріи формальныхъ доказательствъ, съ которой они вполнѣ основались, были въ нововведеніи ихъ дѣлѣ не рутинерами.

***). Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава, стр. 31.

****) Первымъ главнымъ военнымъ прокуроромъ былъ статсъ-секретарь Владимиръ Дмитриевичъ Философовъ, нынѣ уже умершій. Владимиръ Дмитриевичъ Философовъ по

Согласно Уставу военно-судебному 1883 года, должности председателей военно-окружных судовъ, военныхъ судей, военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей стали исключительно замѣщаться офицерами, окончившими курсъ въ Военно-Юридической академіи, и только должности секретарей и ихъ помощниковъ предоставлены чиновникамъ военно-судебнаго вѣдомства. Устанавливая по возможности равноправность стонъ, комиссия не рѣшилась отнять право у подсудимыхъ вѣрять заступу на судѣ своихъ интересовъ постороннимъ лицамъ, а потому и опредѣлила, что подсудимый, подлежащій сужденію въ военно-окружномъ судѣ, долженъ имѣть защитника, если только онъ отъ того добровольно не откажется. Разрѣшая вопросъ, кто можетъ быть защитникомъ у подсудимаго, комиссия единогласно пришла къ заключенію, что роль эту нельзя возложить на строевыхъ офицеровъ на томъ основаніи, что «распространеніе въ войскѣ адвокатуры было бы, безъ сомнѣнія, мѣрою пагубною для войска, и не ловко офицеру, состоящему въ военной службѣ, защищать другого офицера или въ особенности нижняго чина—по нарушеніямъ законовъ дисциплины. Наконецъ, распространеніе между строевыми офицерами страсти въ адвокатуру внесло бы въ войско духъ противорѣчія, наклонность къ ногоглагольствованію и нерѣшительность дѣйствій» *). Вотъ почему комиссия и допустила къ защитѣ подсудимыхъ, въ военно-окружныхъ судахъ, и всѣхъ, безъ исключенія, преступленіямъ, присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ, чиновниковъ, исполняющихъ обязанности кандидатовъ и вообще всѣхъ гражданскихъ лицъ, имѣющихъ право на защиту по уголовнымъ дѣламъ. Проектированное комиссіею вошло въ XXIV кн. Св. Воен. постановленій 1869 года.

много-правовенныхъ качествъ былъ спеціально-юридически образованъ и отличался римотою и безпристрастіемъ. Будучи же главнымъ военнымъ прокуроромъ, Владиміръ Дмитріевичъ Философовъ нерѣдко высказывалъ, что, допуская чиновниковъ военно-судебнаго вѣдомства къ занятію должностей военной прокуратуры и военныхъ слѣдователей, онъ тѣмъ самымъ желаетъ задержать наплывъ офицеровъ для занятія этихъ должностей, такъ какъ, по мнѣнію Владиміра Дмитріевича Философова, профессиональная дѣятельность органовъ военно-судебной власти рѣшительно не имѣетъ никакой связи и даже никакого отношенія къ боевой дѣятельности войскъ, для чего, собственно говоря, офицеры и существуютъ. Несмотря, однако, на это, была учреждена Военно-Юридическая академія, но офицеры, окончившіе въ ней курсъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, хотя при Владимірѣ Дмитріевичѣ Философовѣ и прикомандировывались къ военно-окружнымъ судамъ, но никакими особенными преимуществами среди чиновниками кандидатами, изъ окончившихъ курсъ въ Военно-Юридическомъ чинищѣ, не пользовались по назначеніямъ къ исполненію указанныхъ обязанностей. При Владимірѣ Дмитріевичѣ Философовѣ большинство прокуроровъ военно-окружныхъ судовъ было изъ чиновниковъ военно-судебнаго вѣдомства. Короче говоря, въ указанное время въ военно-судебномъ вѣдомствѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ чиновниковъ, а не офицеровъ, изъ которыхъ обязательно однако назначались военные судьи и председатели.

*) „Оборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, т. 37.

Между тѣмъ, коммиссія, образованная въ 1882 году для пересмотра ХІІІ кн. Св. Воен. постановленій 1869 года, пришла однако къ тому убѣжденію, что предоставить, въ военно-окружныхъ судахъ, подсудимымъ право свободной защиты невозможно, почему, по отношенію къ защитѣ, и отдѣлила преступленія общія отъ специально-воинскихъ, предоставивъ по послѣднимъ преступленіямъ право быть защитниками подсудимыхъ только офицерамъ, состоящимъ при военно-окружныхъ судахъ въ должности индидатовъ, а также и офицерамъ изъ строя, что и вошло въ Уставъ военно-судебный 1884 года *). Такимъ образомъ, взглядъ послѣдней коммиссіи на защиту подсудимыхъ по преступленіямъ воинскимъ оказался совершенно противоположнымъ взгляду высочайше учрежденной коммиссіи въ 1862 году.

Для производства предварительныхъ слѣдствій по преступленіямъ, подлежащимъ вѣдѣнію военно-окружныхъ судовъ, коммиссія установила институтъ военныхъ слѣдователей, но права сихъ лицъ, по профессиональной ихъ дѣятельности, ограничила, такъ какъ, по мнѣнію коммиссіи, права, предоставленныя Судебными Уставами судебнымъ слѣдователямъ перенести на военныхъ слѣдователей невозможно и, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что въ вопросѣ о производствѣ слѣдствій въ военномъ вѣдомствѣ, болѣе нежели во всякомъ другомъ вопросѣ, особенности военной службы удаляютъ быть военно-служащихъ отъ быта гражданскаго **). Для производства въ военно-окружныхъ судахъ коммиссія признала необходимымъ учредить должности секретарей и ихъ помощниковъ, а также и извѣстное количество писарей.

Для обжалованія по судебнымъ дѣламъ приговоровъ, постановленныхъ военно-окружными судами, коммиссія допустила только одинъ порядокъ кассаціонный, ибо, по мнѣнію коммиссіи, «идея объ апелляціи, при разрѣшеніи вопроса о виновности или невинности подсудимаго, совершенно не совмѣстима съ разрѣшеніемъ указанныхъ вопросовъ судьями по внутреннему лишь убѣжденію совѣсти и убѣжденію, сложившемуся не въ силу искусственныхъ законныхъ доказательствъ, а въ силу личныхъ впечатлѣній, полученныхъ при видѣ самого подсудимаго въ минуты открытой и гласной его борьбы съ истиною ***). Приведенное мнѣніе справедливо, но почему же коммиссія допустила апелляціонный порядокъ обжалованія приговоровъ въ полковыхъ и бригадныхъ судахъ, несмотря на то, что и въ эти суды законъ налагаетъ обязанность, вопросъ о виновности или невинности разрѣшать тоже по одному лишь внутреннему убѣжденію? Какъ высшую инстанцію для военныхъ судовъ коммиссія проектировала главный военный судъ, какъ судъ кассаціонный ****). Составъ главнаго военного суда коммиссія установила постоянный, но Уставъ военно-судебный 1883 годъ

*) Уставъ военно-судебный 1884 г., ст. 738.

**) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“ стр. 40.

***) Тамъ же, стр. 41.

****) Тамъ же, стр. 43.

какъ въ составъ онаго суда и двухъ временныхъ чиновъ, генераловъ. Къ жалѣнн, не извѣстно, чѣмъ руководствовалась коммиссія, образованная на пересмотра XXIV кн. Св. Воен. постановленій 1869 года, вводя въ составъ главнаго военнаго суда двухъ временныхъ членовъ не юристовъ для частія при разрѣшеніи вопросовъ спеціально юридическихъ *). По отношенію къ судопроизводству въ военно-окружныхъ судахъ коммиссія не рѣшилась принять постановленіе ст. 4 Судебныхъ Уставовъ, то-есть отдѣлѣть часть судебную обвинительную по вопросу о возбужденіи уголовного преслѣдованія отъ власти административной, такъ какъ, по мнѣнію коммиссіи, возбужденіе уголовного преслѣдованія въ военномъ вѣдомствѣ должно принадлежать, безусловно, военнымъ начальникамъ, а не военнымъ прокурорамъ, дѣятельность коихъ должна начинаться послѣ уже преданія обвиняемыхъ суду **). Какъ было уже замѣчено, коммиссія допустила вмѣшательство гражданской власти въ военную среду, и такое вмѣшательство начинается съ періода дознанія: такъ коммиссія опредѣлила, что по преступленіямъ и проступкамъ общимъ, совершеннымъ воинскими чинами, не при исполненіи ими обязанности службы, дознанія производятся общей полиціею, если преступленіе или проступокъ совершены въ мѣстности, состоящей въ вѣдѣніи гражданской власти. Повидимому, сфера дѣятельности общей полиціи по отношенію къ производству дознаній о воинскихъ чинахъ вольно была ограничена, но на практикѣ оказалось, что преступленія общія въ мѣстностяхъ, находящихся въ вѣдѣніи гражданской власти, преимущественно совершаются воинскими чинами не при исполненіи обязанности службы. Такого вмѣшательства гражданской власти въ военно-бытовую среду ни однимъ изъ государствъ Западной Европы положительно не допускается ***).

Въ сборникѣ законодательныхъ работъ по начертанію военно-судебнаго устава изложены цѣлый рядъ соображеній коммиссіи по предмету опредѣленія сферы юрисдикціи военной прокуратуры и военныхъ слѣдователей. Военной прокуратурѣ и военнымъ слѣдователямъ коммиссія не рѣшилась предоставить тѣ права, какія предоставлены такимъ же органамъ судебной власти въ гражданскомъ вѣдомствѣ ****), ибо, по мнѣнію коммиссіи, въ военномъ вѣдомствѣ нельзя допустить, безъ вѣдома военныхъ начальниковъ, непосредственныхъ дѣйствій военной прокуратуры и военныхъ слѣдователей, такъ какъ такое самостоятельное вмѣшательство названныхъ лицъ могло бы на практикѣ къ неблагопріятнымъ для военной службы столкно-

*) См. Уставъ военно-судебный 1883 г., ст. 53—54.

**) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“ стр. 49.

***) См. журналъ *Русская Мысль*, кн. VII и VIII.

****) Какъ извѣстно, по судебнымъ уставамъ Императора Александра II, прокурорамъ и судебнымъ слѣдователямъ, предоставлено право возбуждать уголовное преслѣдованіе по личному усмотрѣнію, сообщеніямъ администраціи, заявленіямъ потерпѣвшихъ лицъ, а судебнымъ слѣдователямъ, кромѣ того, по требованіямъ прокуратуры.

веніямъ властей» *). По мнѣнію комиссіи, «власть прокуратуры и военныхъ слѣдователей должна начинаться лишь тамъ, гдѣ кончается дисциплинарная власть военныхъ начальниковъ и власть полковыхъ и бригадныхъ судовъ» **).

Поэтому комиссія и опредѣлила, что возбужденіе уголовного преслѣдованія въ военномъ вѣдомствѣ по дѣламъ, подлежащимъ сужденію военными окружными судами, должно исключительно принадлежать военнымъ начальникамъ. Что же касается до военной прокуратуры и военныхъ слѣдователей, то послѣдніе могутъ приступить къ производству предварительныхъ слѣдствій не иначе, какъ по сообщеніямъ военныхъ начальниковъ, а первые, въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ власти, могутъ наблюдать за производствомъ предварительныхъ слѣдствій. За военными начальниками, какъ лицами, возбудившими уголовное преслѣдованіе, комиссія признала право вмѣшательства въ дѣйствія военныхъ слѣдователей по предметамъ разслѣдованія. Военной прокуратурѣ комиссія также предоставила право доводить до свѣдѣнія военного начальства и дѣлать представленіе главному военному прокурору о случайно обнаруженныхъ общихъ преступленіяхъ, учиненныхъ воинскими чинами. По общимъ преступленіямъ, не соединеннымъ со служебными нарушеніями и совершеннымъ воинскими чинами въ мѣстѣ, находящемся въ вѣдѣніи общей полиціи, комиссія предоставила право производства предварительныхъ слѣдствій судебнымъ слѣдователямъ гражданского вѣдомства, безъ всякаго вмѣшательства военно-административной власти и военной прокуратуры.

Такое новое вмѣшательство гражданской судебной власти уже вполне парализируетъ изолированное положеніе военной корпораціи, ибо хотя предварительныя слѣдствія и производятся тайно, но въ интересахъ разслѣдованія не можетъ быть воспрещено судебнымъ слѣдователямъ и вторгаться во внутреннюю бытовую военную жизнь. Не придавая самостоятельности военной прокуратурѣ и военнымъ слѣдователямъ, комиссія тѣмъ самымъ поставила эти органы въ полную зависимость отъ военного начальства, хотя, впрочемъ, и допустила до извѣстной степени пререканіе по предмету преданія суду между военною прокуратурою и военнымъ начальствомъ, и такія пререканія, не допускаемыя военно-уголовными кодексами Западно-Европейскихъ государствъ ***), не могутъ имѣть серьезнаго значенія въ отношеніи самостоятельности дѣйствій.

Интересно, что комиссія не признала безусловно необходимымъ по дѣламъ, подсуднымъ военно-окружнымъ судамъ, производство предварительныхъ слѣдствій по нарушеніямъ законовъ дисциплины и требованіямъ военной службы въ виду того, что преступленія эти могутъ быть совершены столь очевидно, что всякое, помимо дознанія, дальнѣйшее разслѣдованіе

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“, стр. 55.

**) Тамъ же.

***). См. журналъ *Русская Мысль*, кн. VII и VIII.

(дѣтъ «одною формальностью, замедляющею лишь окончаніе дѣла» *). Такой взглядъ комиссіи совершенно справедливъ и въ особенности по на-
ушеніямъ законовъ дисциплины, гдѣ не только дѣйствіе, слово, но даже
символическій жестъ имѣютъ значеніе, а потому и детали этихъ пре-
гупленій крайне скоро и легко позабываются свидѣтелями. Кроме того,
омиссія признала необходимымъ допустить производство предваритель-
ыхъ слѣдствій и слѣдственными комиссіями по особо важнымъ дѣламъ,
ричемъ комиссіи эти должны быть назначаемы не иначе, какъ по распо-
женію военнаго министра или начальниковъ военныхъ округовъ.

Принимая въ соображеніе, что «власть надъ подчиненными лицами,
ринадлежащая военнымъ начальникамъ, какъ истекающая изъ лежа-
ихъ на нихъ обязанностей, не позволяетъ извѣтъ изъ вѣдѣнія воен-
ыхъ начальниковъ рѣшеніе вопросовъ о преданіи обвиняемыхъ суду» **),
омиссія и предоставила право преданія суду военнымъ начальникамъ.
тобы предать суду, военный начальникъ долженъ разсмотрѣть слѣдствен-
ое дѣло, сообразить и сопоставить количество уликъ и затѣмъ совер-
енное правонарушеніе отнести къ извѣстному закону матеріальному, что
два ли сдѣлать легко, не будучи юристомъ, и въ особенности по преступ-
еніямъ общимъ. По тяжкимъ преступленіямъ, влекущимъ за собою право-
ишеніе въ гражданскомъ вѣдомствѣ, вопросъ о преданіи суду разрѣшается
е единоличною властью, а судебными палатами въ коллегіальномъ составѣ
ристовъ, что совершенно справедливо. Разрѣшая вопросъ о преданіи суду,
омиссія, между прочимъ, ссылается на порядки, существующіе въ госу-
арствахъ Западной Европы, но въ Италіи и Баваріи такой важный во-
просъ, какъ преданіе военному суду, разрѣшается трехчленною коллегіею
ъ присутствіи органа обвинительной власти и подлежитъ даже кассацион-
ому обжалованію. Затѣмъ комиссія, установивъ степень власти военныхъ
начальниковъ по преданію суду, вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлила, что гене-
ралы по преступленіямъ по службѣ должны предаваться суду высочайшею
властію, а за преступленія общія—по постановленію главнаго военнаго
суда ***).

Порядокъ о преданіи суду военнаго министра и другихъ высшихъ
должностныхъ лицъ, а также и чиновъ военно-судебнаго вѣдомства опре-
дѣленъ особый. По дѣламъ, подсуднымъ военно-окружнымъ судамъ, слѣд-
ственные дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе въ военно-прокурорскій надзоръ
и затѣмъ вмѣстѣ съ заключеніемъ онаго надзора представляются къ надле-
жащему военному начальнику, который и долженъ дать свое послѣднее
рѣшеніе, согласенъ или не согласенъ на преданіе обвиняемаго суду. Въ
случаѣ несогласія военно-административной власти на преданіе суду, ком-

*) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“,
стр. 61.

**) „Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава“
стр. 62.

***) Тамъ же, стр. 65.

миссія допустила пререканіе между этою властію и военно-прокурорским надзоромъ. Въ томъ же случаѣ, если военный начальникъ, вопреки замеченія военно-прокурорской власти, предастъ обвиняемаго военному суду, то военно-прокурорскій надзоръ долженъ подчиниться требованію военного начальника и внести въ судъ обвинительный актъ, но въ дальнѣйшемъ дѣйствовать по личному его убѣжденію, ибо въ этомъ случаѣ военный начальникъ обязанъ и сформулировать предметы обвиненія. Все проектированное коммиссіею съ нѣкоторыми измѣненіями вошло въ XXIV кн. (а Воен. постановленій 1869 года, а затѣмъ было перенесено въ нынѣ дѣствующій Уставъ военно-судебный 1884 года. Дальнѣйшая оцѣнка дѣталей нашего военно-уголовнаго процесса *) не имѣетъ прямого отношенія къ цѣли настоящаго труда, а потому, не останавливаясь на этихъ дѣтеляхъ, замѣтимъ лишь, что высочайше учрежденная въ 1862 году коммиссія для начертанія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства во многомъ отступила отъ основныхъ положеній, высочайше утвержденныхъ, 29 сентября 1862 года. Какъ извѣстно, проектъ, составленный высочайше утвержденною въ 1862 году коммиссіею, былъ для окончательнаго разсмотрѣнія внесенъ въ комитетъ, высочайше учрежденный при Государственномъ совѣтѣ. Въ сборникѣ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава изложены и различныя мнѣнія членовъ комитета. Не имѣя возможности помѣстить въ настоящемъ трудѣ всѣхъ выдающихся мнѣній членовъ означеннаго комитета, укажемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ, такъ: генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ полагалъ, что положенія о военныхъ судахъ, какъ не имѣющихъ характера чисто-судебныхъ постановленій, не должны входить въ общую систему военно-судной организаціи; министръ-юстиціи Замiatинъ заявлялъ, что, въ силу военной подзаконности, предварительныя слѣдствія по преступленіямъ общимъ, совершеннымъ военскими чинами, но подсуднымъ военнымъ судамъ, должны быть производимы не судебными, а исключительно военными слѣдователями.

Бѣда ли можно сомнѣваться, что наши военные формальные законы страдаютъ отсутствіемъ строго-выдержанной системы не только въ дѣтеляхъ, но и въ общемъ согласованіи положеній съ основами уголовного процесса смѣшаннаго типа. При наличности обязательнаго отбыванія воинской повинности всѣми сословіями общества, реорганизація хотя бы низшихъ военныхъ судовъ, полковыхъ и бригадныхъ, вызывается существенно необходимою.

*) Публичность судебныхъ засѣданій и устность, допущенныя XXIV кн. (а Воен. постановленій 1869 г., Уставомъ военно-судебнымъ 1884 г. ограничены такъ: по преступленіямъ, относящимся до нарушенія законовъ дисциплины, судебныя засѣданія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ присутствія, а по отношенію къ устности свидѣтели, проживающіе далѣе ста верстъ отъ мѣста нахождения суда, хотя бы они и были означены въ спискѣ военно-прокурорскаго надзора, не имеютъ прилагаться къ обвинительному акту, вызываются въ судъ по распоряженію распорядительнаго засѣданія суда только въ томъ случаѣ, когда личныя показанія ихъ на судѣ, какъ существенно важныя, будутъ признаны необходимыми.

Реорганизация нашихъ низшихъ судовъ главнымъ образомъ должна заключаться: во-первыхъ, въ приданіи этимъ судамъ характера не какихъ-то комитетовъ, вполне зависящихъ отъ военно-административной власти, и судебныхъ учреждений, дѣйствующихъ независимо и на основахъ уступки, гласности и равноправности сторонъ, и во-вторыхъ, для правильнаго функционированія въ составъ этихъ судовъ обязательно должны войти лица со специально-юридическимъ образованіемъ.

Чтобы рѣшиться однако на реорганизацию нашихъ полковыхъ судовъ, необходимо признать, что интересы власти не должны заслонять путь къ осуществленію правосудія.

Предоставленіе военнымъ начальникамъ не только права подтверждать приговоры судовъ, но и смягчать подсудимымъ наказаніе, будетъ вполне достаточною гарантіею къ поддержанію власти военныхъ начальниковъ. Выпущеніе же права военного начальника быть контролеромъ по дѣламъ судебнымъ не только не умалитъ значенія военного начальника, но даже и освободитъ его отъ несправедливаго положенія быть контролеромъ по дѣлу само ему извѣстному.

Реорганизация нашихъ низшихъ судовъ должна быть слѣдующая. По упраздненіи полковыхъ судовъ, вмѣсто нихъ должны быть учреждены: для пѣхоты и кавалеріи — суды дивизионные, а для войскъ остальнаго рода оружія — бригадные.

Право сформировывать означенные суды должно принадлежать начальникамъ дивизій и командирамъ бригадъ. Каждый дивизионный и бригадный судъ долженъ состоять изъ председателя — штабъ-офицера, дѣлопроизводителя — оберъ-офицера и временныхъ членовъ изъ оберъ-офицеровъ, по два отъ каждаго чина. Можно, конечно, допустить въ составъ судовъ и нижнихъ чиновъ — унтеръ-офицерскаго званія, въ виду того, что сужденію дивизионныхъ и бригадныхъ судовъ должны подлежать только нижніе чины. Кромѣ того, въ составъ дивизионныхъ и бригадныхъ судовъ должны входить постоянные органы обвинительной власти изъ чиновниковъ военно-судебнаго вѣдомства, специально-юридически образованныхъ.

Председатель и дѣлопроизводитель назначаются не менѣе какъ на годъ и изъ войскъ, расположенныхъ въ мѣстѣ нахожденія дивизионныхъ или бригадныхъ штабовъ *). Что же касается до временныхъ членовъ, то они могутъ назначаться по каждому дѣлу отдѣльно, какъ, напримѣръ, въ Англіи **), или по нѣсколькимъ дѣламъ, но на срокъ не болѣе семи сутокъ, сообразуясь съ накопленіемъ дѣлъ.

Возбужденіе уголовного преслѣдованія и преданіе суду должны принадлежать командирамъ полковъ и лицамъ, пользующимся ихъ правами, для чего всѣ эти лица по возбужденію уголовного преслѣдованія противъ под-

*) Штабъ-офицеры, назначаемые председателями судовъ, во время не судебнаго засѣданія должны исполнять строевыя обязанности.

**) См. журналъ *Русскія Мысли*, кн. VII—VIII.

чиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ пересылаютъ копіи съ приказовъ и извѣщеній къ состоящимъ при судахъ органамъ обвинительной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлаютъ распоряженіе о пересылкѣ обвиняемыхъ въ мѣста расположенія дивизионныхъ или бригадныхъ штабовъ. По прибытіи обвиняемыхъ имъ выдаются органомъ обвинительной власти, въ присутствіи председателя суда и дѣлопроизводителя, копіи съ обвинительныхъ актовъ и списокъ вызываемыхъ по ихъ дѣлу свидѣтелей, причемъ и дѣлается распоряженіе председателемъ суда о назначеніи къ подсудимымъ защитниковъ. Подсудимымъ предоставляется право дополнять списокъ свидѣтелей, и на просьбы по этому предмету разрѣшаются председателемъ суда совѣстно съ органомъ обвинительной власти. По исполненіи всѣхъ приготовительныхъ распоряженій председатель лично сообщаетъ начальнику дивизіи или бригады о необходимости сформировать судъ, послѣ чего и дѣлается назначеніе временныхъ членовъ. Обвинительные акты должны заключать въ себѣ только фактическое изложеніе предметовъ обвиненія и указаніе нарушенныхъ законовъ, какъ это требуется англійскимъ военно-уголовнымъ законодательствомъ *). Послѣ открытія судебного засѣданія дѣлопроизводителемъ прочитываются обвинительный актъ и копія съ приказа о преданіи суду и затѣмъ исполняются председателемъ тѣ формальности, которыя указаны въ уставѣ военно-судебномъ 1884 года для военно-окружныхъ судовъ. Послѣ привода свидѣтелей къ присягѣ и по окончаніи судебного слѣдствія допускаются заключительныя пренія, причемъ послѣднее возраженіе на рѣчь обвинителя предоставляется защитнику подсудимаго, а по окончаніи преній послѣднее слово предоставляется подсудимому. Послѣ чего составляется председателемъ вопросный листъ по обвинительному акту, а если предметы обвиненія сторонами будутъ измѣнены, то вопросный листъ дополняется. Засѣданія по преступленіямъ относящимся къ нарушенію законовъ дисциплины — при закрытыхъ дверяхъ. По преступленіямъ общимъ подсудимыхъ могутъ защищать гражданскія лица имѣющія право на уголовную защиту, а по нарушеніямъ законовъ дисциплины и требованіямъ военной службы — офицеры, что и допускается уставомъ военно-судебнымъ 1884 года. Для разрѣшенія вопроса о виновности, председатель и временные члены удаляются въ отдѣльную комнату. По разрѣшеніи вопроса о виновности председатель возвращается въ залъ засѣданія, гдѣ и объявляетъ подсудимому, что онъ признанъ виновнымъ, причемъ и объясняетъ въ какомъ преступленіи, а затѣмъ, получивъ отъ дѣлопроизводителя письменныя свѣдѣнія о прежней судимости подсудимаго и отзывы о немъ начальства, председатель снова возвращается къ временнымъ членамъ для постановленія приговора **). Приговоръ объявляется подсудимому въ присутствіи всего состава суда.

*) См. журналъ *Русская Мысль* за июль и августъ мѣсяцъ, кн. VII—VIII.

**) Всѣ письменныя свѣдѣнія, дающія характеристику нравственности подсудимыхъ, не должны быть извѣстны временнымъ членамъ до разрѣшенія вопроса

По всѣмъ преступленіямъ приговоры могутъ быть обжаловаемы только кассационнымъ порядкомъ. На подачу кассационныхъ жалобъ должно быть предоставлено право органу обвинительной власти, подсудимому или его защитнику и потерпѣвшему отъ преступленія. Приговоры по преступленіямъ общимъ должны быть признаны окончательными, а приговоры по нарушеніямъ законовъ дисциплины и требованіямъ военной службы представляются въ конфирмацію къ военному начальнику, предавшему обвиняемаго суду. Военному начальнику, по преступленіямъ, специально воинскимъ, должно быть предоставлено право уменьшать подсудимому наказаніе или даже его совершенно помиловать, но въ послѣднемъ случаѣ военный начальникъ долженъ приложить къ дѣлу письменное изложеніе мотивовъ.

Кассационные жалобы и протесты должны поступать въ главный военный судъ, а въ случаѣ отмены приговоровъ дѣло разсматривается въ утомъ составѣ присутствія. Вообще судопроизводство для дивизионныхъ бригадныхъ судовъ должно быть вполне согласовано съ судопроизводствомъ въ военно-окружныхъ судахъ, но только безъ установленія распорядительныхъ засѣданій. При установленіи такихъ судовъ не можетъ быть рѣши объ ограниченіи существующей въ настоящее время военной подсудности полковымъ судамъ, такъ какъ дивизионные и бригадные суды, какъ многочисленные, будутъ гораздо компетентнѣе не только единоличныхъ судовъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, но даже и мировыхъ съездовъ. Впрочемъ, такіе низшіе равноправные суды существуютъ въ настоящее время въ Баваріи, Швейцаріи и отчасти въ Англіи.

Выше приведенными данными достаточно уже разъяснена полная возможность ограниченія подсудности военно-окружнымъ судамъ одними только преступленіями, относящимися до нарушенія законовъ дисциплины и требованій военной службы, а потому, чтобы эту возможность сдѣлать еще устойчивѣе, необходимо разрѣшить два вопроса: во-первыхъ, могутъ ли быть признаны военные начальники вполне компетентными лицами по характеристикѣ преступленій общихъ, и во-вторыхъ, передача общихъ преступленій, въ дѣланіе общихъ уголовныхъ судовъ не повлечетъ ли за собою упадка дисциплины въ войскахъ. На первый вопросъ отвѣтимъ отрицательно, ибо военные начальники, въ большинствѣ случаевъ, не юристы, а для характеристики преступленій общихъ необходимо специально юридическое образованіе, и если маловажныя общія преступленія не требуютъ еще строгой дѣлки, то это нельзя отнести къ преступленіямъ общимъ тяжкимъ. Дѣлительнѣе сѣбѣ серіи однихъ только разнообразныхъ подлоговъ, договоръ, шантажей и такъ далѣе ставятъ иногда и юристовъ при оцѣнкѣ такихъ преступленій въ крайне затруднительное положеніе. Неоспоримо, что для правильной оцѣнки преступленій общихъ необходимо не только быть юристомъ, но и слѣдить за всѣми рѣшеніями уголовного кассационнаго департамента или невинности, такъ какъ такіа свѣдѣнія могутъ оказывать давленіе на убѣжденіе судей и невольно отражаться при разрѣшеніи ими вопросовъ по предѣламъ обвиненій.

парламента правительствующаго сената. Может ли военный начальник, обязанный главнымъ образомъ слѣдить за развитіемъ военного искусства, посвятить себя при этомъ еще и изученію общаго уголовного права и всѣмъ тонкостямъ юриспруденціи? Конечно, нѣтъ, и даже при всѣхъ его желаніяхъ по недостатку времени. Допустить, что воинскіе чины могутъ совершить лишь преступленіе общее несложное, нельзя, такъ какъ офицерамъ закономъ разрѣшается не только вступать въ различныя гражданскія сдѣлки, быть опекунами, но даже и вступать въ различныя товарищества по разнымъ пріятіямъ. Вотъ почему военный начальникъ, не будучи юристомъ, новымъ долженъ соглашаться, по преступленіямъ общимъ, съ военною прокуратурою по предмету оцѣнки закона, но военная прокуратура можетъ тогда ошибаться.

Что же касается до преступленій специально-воинскихъ, то по оцѣнкѣ такихъ преступленій со стороны юридической военные начальники могутъ быть признаны компетентными лицами, такъ какъ преступленія эти вытекаютъ изъ основныхъ требованій, опредѣляющихъ существованіе военной корпораціи. Правда, въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ существуетъ много преступленій, по подрядамъ казеннымъ, постройкамъ и такъ далѣе, но преступленія эти едва ли мѣсто въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, и по указаннымъ преступленіямъ, вопросъ о преданіи суду разрѣшается въ большинствѣ случаевъ не строевыми военными начальниками. На второй вопросъ тоже придется отвѣтить отрицательно и главнымъ образомъ потому, что уставъ военно-судебный 1884 года уже допускаетъ вышатаиваніе гражданской судебной власти въ военную среду.

Вышатаиваніе гражданской судебной власти не уменило однако значенія законовъ дисциплины. Да наконецъ понятіе о преступленіи вообще не сливается во многихъ случаяхъ съ обычнымъ правомъ, какъ, напримѣръ, взятки, допускаемыя простымъ народомъ, закономъ преслѣдуются. Можно было бы привести много такихъ случаевъ, гдѣ понятія народной мудрости въ разрѣзъ съ требованіями закона, но достаточно будетъ замѣтить, что по характеру совершеннаго общаго преступленія можно даже не зная лица, приблизительно опредѣлять его сословное положеніе. Вотъ почему на скамьяхъ подсудимыхъ въ военно-окружныхъ судахъ нерѣдко фигурировали за общія преступленія фельдфебеля и унтеръ-офицеры, то-есть лица, вполне усвоившія всѣ требованія военной службы, причемъ и преступленія эти въ большинствѣ случаевъ заключали въ себѣ признаки издомства, лихоимства, вымогательства и присвоенія частнаго движимаго имущества. Каждый новобранецъ поступаетъ въ военную службу съ вполне сложившимися понятіями объ обыденной жизни и для него является новизною требованія военной службы. Пересоздать сложившіяся понятія у новобранца невозможно, да и едва ли въ состояніи это сдѣлать военный начальникъ, ибо понятія такіе не высказываются до времени не обнаруживаются. Приведенныхъ данныхъ едва ли не будетъ достаточно, чтобы признать, что передача общихъ преступленій, совер-

миныхъ воинскими чинами, въ вѣдѣніи общихъ уголовныхъ судовъ не считать за собою упадка дисциплины въ войскахъ.

Кромѣ того общія преступленія одинаково позорны для воинскаго чина гражданина, такъ почему же не предоставить воинскому чину право судиться за общія преступленія судомъ народнымъ? Наконецъ, положеніе воинскаго чина, такъ сказать, распадается. Принадлежа къ военной корпорации, воинскій чинъ обязанъ исполнять всѣ требованія военной службы, какъ гражданинъ не освобождается отъ всѣхъ требованій, вытекающихъ изъ общественной жизни. Могутъ возразить, что преступленія общія часто соединяются со служебными нарушеніями; но отдѣлить такія преступленія тогда возможно. Если преступленія общія, подсудныя военно-окружнымъ судамъ, можно передать въ вѣдѣніе общихъ уголовныхъ судовъ, то невольно рождается вопросъ, является ли необходимымъ привлекать на службу по военно-судебному вѣдомству такую массу офицеровъ, которые въ настоящее время состоятъ на службѣ въ иныхъ вѣдомствахъ. Изъ книжки общаго состава чиновъ военно-судебнаго вѣдомства за 1898 г. видно, что въ военно-судебномъ вѣдомствѣ состоитъ на службѣ пятьдесятъ генераловъ, сто семьдесятъ четыре штабъ-офицера и шестьдесятъ одинъ оберъ-офицеръ, то-есть такая масса генераловъ и штабъ-офицеровъ, которая едва ли не будетъ достаточна для офицерскихъ должностей нѣсколькихъ корпусовъ. Неоспоримо, что профессиональная дѣятельность чиновъ военно-судебнаго вѣдомства не имѣетъ боевому назначенію войска не только реальнаго, но и нравственнаго значенія, и сравнивать вѣдомства: артиллерійское, инженерное, интендантское и даже военно-медицинское, по ихъ дѣятельности, съ военно-судебнымъ вѣдомствомъ совершенно невозможно. Количество судныхъ дѣлъ, поступающихъ въ военно-окружные суды, не превышаетъ восьмидесяти дѣлъ на каждаго военнаго судью, причемъ немного меньше половины такихъ дѣлъ должно быть отнесено къ преступленіямъ общимъ. Такимъ образомъ при ограниченіи военной подсудности одними преступленіями специальными на должности предсѣдателей и военныхъ судей военно-окружныхъ судовъ можно бы назначать штабъ-офицеровъ и генераловъ генеральнаго штаба, но со специально-юридическимъ образованіемъ. Военные же прокуроры и ихъ помощники, секретари и помощники секретарей должны быть назначаемы изъ чиновниковъ военно-судебнаго вѣдомства. На практикѣ же доказано, что военная прокуратура изъ чиновниковъ вполне добросовѣстно исполняла свои обязанности, да и въ настоящее время нѣкоторые изъ помощниковъ военныхъ прокуроровъ, — чиновники. Является однако вопросъ, необходимо ли военной прокуратурѣ знать до тонкости всѣ интимныя стороны военно-бытовой жизни. Едва ли однако это необходимо, такъ какъ законъ точно опредѣляетъ обязанности коронныхъ обвинителей, которымъ хотя и предоставляется право дѣйствовать по убѣжденію, но въ пределахъ собранныхъ и обнаруженныхъ предварительнымъ и судебнымъ слѣдственными всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а потому военная прокуратура и не можетъ уклониться, въ особенности по нарушеніямъ воинскимъ, отъ призна-

нія действительно совершившагося факта. Если подсудность военно-окружным судамъ будетъ ограничена одними преступленіями специально военными, то едва ли нужны военные слѣдователи, такъ какъ и въ настоящее время допускается преданіе военному суду на основаніяхъ данныхъ, собранныхъ изъ знаніемъ. Да, наконецъ, производства предварительныхъ слѣдствій въ военномъ вѣдомствѣ крайне дорого стоить казнѣ, а на практикѣ расходъ этотъ не оправдывается характеромъ преступленій. Въ важныхъ случаяхъ могутъ быть наряжаемы слѣдственные комиссіи, что и допускается Уставомъ военно-судебнымъ 1884 года. Для полученія специально-юридическаго образованія офицеры, окончившіе курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, могли бы быть прикомандированы для слушанія курса и менѣе какъ на два года въ военно-юридическому училищу, которое слѣдовало бы возстановить. Для отправленія должностей военныхъ судей и председателей офицеры генеральнаго штаба должны быть назначаемы не болѣе какъ на два года и затѣмъ обращаемы къ профессиональной боевой ихъ дѣятельности. Количество временныхъ членовъ должно быть увеличено до двѣнадцати. Детали, относящіяся до военного судопроизводства должны быть оставлены тѣ же, какія и существуютъ въ Уставѣ военно-судебномъ 1884 года, но, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями въ виду ограниченія военной подсудности. Приговоры военно-окружныхъ судовъ, какъ относящіеся до нарушенія законовъ дисциплины и требованій военной службы, должны представляться на конфирмацію тѣхъ военныхъ начальниковъ, которыми и сдѣлано распоряженіе о преданіи суду, причемъ военнымъ начальникамъ должно быть предоставлено право уменьшать подсудимымъ наказанія, опредѣленные приговорами, хотя бы нормальное наказаніе уже было смягчено судомъ.

Вопросъ о положеніи Военно-Юридической академіи довольно обширный и солидный, а потому и можетъ быть только предметомъ отдѣльной работы, но нельзя однако не замѣтить, что по теоріи разработки права Военно-Юридическая академія уступаетъ мѣсто юридическимъ факультетамъ университетовъ.

Вопросъ объ упраздненіи Военно-Юридической академіи былъ поднятъ въ 1876 году главнымъ военнымъ прокуроромъ, а въ 1880 году государственнымъ контролемъ и главнымъ образомъ потому, что академія эта не приносила никакой пользы арміи, такъ какъ офицеры, окончившіе курсъ въ этой академіи, за незначительными исключеніями, не возвращаются въ ряды арміи.

Если должности при военно-окружныхъ судахъ военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ, секретарей должны быть предоставлены чиновникамъ военно-судебнаго вѣдомства, то невольно зарождается вопросъ: не должно ли Военно-Юридическая академія уступить мѣсто военно-юридическому училищу съ отдѣленіемъ для офицеровъ?

Въ настоящемъ трудѣ обойдены детальныя вопросы, что совершенно понятно, такъ какъ цѣль настоящаго труда — вопросы общіе.

Н. П. Хитровъ.

ъ вопросу о педагогическихъ взглядахъ Бѣлинскаго.

1. *Оеоктисовъ*: «Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ». Изданіе II. Спб., 1898 г.)

Расположенный въ хронологическомъ порядкѣ сводъ мнѣній Бѣлинскаго опредѣленному специальному вопросу представляетъ частный и общій интересъ. Взглядами великаго критика на дѣтскую литературу очень часто руководствовались и даже злоупотребляли, выхватывая безъ оговорокъ дѣльныя мысли; многіе изъ этихъ взглядовъ далеко не потеряли своего значенія и для теперешняго времени. Внимательно и осторожно сгруппированный въ полномъ сводѣ матеріалъ по опредѣленному вопросу многое освѣщаетъ, фиксируетъ впечатлѣнія, разсѣивавшееся при чтеніи 12 томовъ, позволяетъ окинуть однимъ взглядомъ всё подлежащія данныя и сдѣлать дѣе правильные и устойчивые выводы. Кромѣ того, на частномъ примѣрѣ можетъ быть показанъ умственный и нравственный ростъ самого Бѣлинскаго.

Въ исторіи этого роста легко подмѣтить правильность, послѣдовательность, равномерность; его отдѣльныя проявленія находятся въ тѣсной связи, и всѣ измѣненія въ основномъ міровоззрѣніи отражаются на мнѣніяхъ по частнымъ вопросамъ. На педагогическихъ взглядахъ Бѣлинскаго, такимъ словомъ, можно прослѣдить почти всѣ этапы его духовнаго развитія.

«Упорствуя, волнуясь и спѣша», Бѣлинскій всю жизнь стремился къ истинѣ, хотя не всегда ее одинаково понималъ. Удивительное соединеніе инстинкта безъ односторонности и критицизма при страстной потребности во вѣрѣ, съ пылкою страстностью отстаивалъ онъ убѣжденія данного момента, въ пылу борьбы доходилъ даже до крайностей, но не закрывалъ глазъ на факты, которые не укладывались въ излюбленную имъ теорію, — разрывался сомнѣніями, переживалъ мучительные идейные кризисы, разбивалъ прежніе кумиры, имѣлъ мужество публично признаваться въ своихъ промахахъ и ошибкахъ, переходилъ отъ отчаянія къ новой вѣрѣ—до новыхъ мнѣній.

Только передъ смертію сталъ онъ на болѣе твердую почву, близокъ

былъ къ окончательной кристаллизаци. Общественныя условія, которыя раньше мѣшали выработкѣ опредѣленнаго и жизнеспособнаго міровоззрѣнія, измѣнились скорѣе даже къ худшему, но полное ихъ отрицаніе и проповѣдь «священной войны противъ нихъ», до которой доходилъ Бѣлинскій, диалектическимъ путемъ своего развитія, дали его «великому сердцу» *сугубую* гармонію и духовное единеніе съ наиболѣе симпатичными и здоровыми проявленіями тогдашней русской дѣйствительности. Вполнѣ опредѣлявшаяся ненависть къ настоящему и глубокая вѣра въ будущее создаютъ Бѣлинскому нравственную гегемонію надъ всѣми наиболѣе честными и культурными элементами русскаго общества, по свидѣтельству ожесточеннаго противника Бѣлинскаго, Ивана Аксакова.

Демократъ и плебей до мозга костей, предшественникъ разночинцевъ 60-хъ годовъ, Бѣлинскій слылъ и дѣйствовалъ въ золотой вѣкъ буржуазно-эстетической культуры, который быстро смѣнился почти полнымъ ея разложеньемъ. Онъ не ассимилировался съ нею, какъ сдѣлалъ другіе разночинцы 20—30-хъ годовъ (Мерзляковъ, Плетневъ, Погодинъ, Никитенко),—онъ былъ сильно, но не безнадежно очарованъ нѣкоторыми проявленіями ея тонкой, нѣжной, но нѣсколько болѣзненной красоты: мы говоримъ о дворянскомъ романтизмѣ 30—40-хъ годовъ,—романтизмѣ Лермонтова и Кирсановыхъ.

Между тѣмъ въ его натурѣ было много зародышей здороваго реализма, развитію которыхъ сильно мѣшала самая характеръ эпохи, вліяніе кружковъ и литературы, условія личной жизни. Падая и подымаясь, проклиная паденія и радостно привѣтствуя новую мелькавшую впереди истину, Бѣлинскій шелъ медленными, но вѣрными шагами къ реализму, который сдѣлался лозунгомъ 60-хъ годовъ: не даромъ шестидесятники чувствовали такъ живо свое внутреннее сродство съ «неистовымъ Виссаріономъ».

Въ ту же сторону двигались и литература, и общество—съ силой, которая разрушала всѣ препятствія. Подготавливается почва для ближайшаго будущаго, взгляды и требованія выясняются, растетъ рѣзкая критика современнаго режима, увѣренность въ его полной несостоятельности и близкомъ крушеніи. Аксакову остается въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. съ горечью противопоставлять популярность Бѣлинскаго въ провинціи почти полной неизвѣстности славянофильства.

Нараставшій несмотря на всѣ препятствія, потокъ свободно и сильно хлынулъ въ концѣ 60-хъ годовъ.

И Бѣлинскій и общество шли отъ романтизма къ реализму, отъ большого пессимизма и мировой тоски къ опредѣленному общественному міровоззрѣнію,—къ проповѣди борьбы, негодованію на безпомощное и ничтожное слабоболіе, на перевѣсъ фантазіи и чувства надъ волею и разумомъ, на практичность и отсутствіе жизнеспособности.

Поклонники шеллинговскаго романтическаго эстетизма, абсолютнаго идеализма Фихте и «сухихъ тумановъ» гегеліанства отстаиваютъ теперь «чуждой горшокъ» противъ «бога», Аполлона Бельведерскаго, дѣлается раз-

начальникомъ публицистической критики, выдвигаетъ социальныя задачи искусства. Отсюда насмѣшки надъ разочарованными героями, мечтателями романтиками (ѣдвія и пылкія у Бѣлинскаго половины 40-хъ годовъ, потому что онъ, со свойственною ему страстностью, между прочимъ казнилъ самого себя и свое прошлое),—отсюда проповѣдь реализма и практической, рѣзкая критика увлеченія сказками при воспитаніи дѣтей. Конечно, осмѣиваніе Александра Адуева, защита практическаго дядюшки, отрицательное отношеніе къ предназначеннымъ для дѣтскаго чтенія сказкамъ у Бѣлинскаго, общественныя взгляды Гончарова, развѣнчиванье дворянъ-романтиковъ у Тургенева и Писемскаго—симптомы одного и того же общественнаго движенія.

Смѣна взглядовъ Бѣлинскаго на воспитаніе и дѣтскую литературу такимъ образомъ даетъ матеріалъ и для характеристики личнаго развитія великаго критика и современной ему интеллигенціи: отдѣльныя мнѣнія Бѣлинскаго вытекали изъ его общаго міровоззрѣнія, которое, въ свою очередь, находилось въ тѣсномъ взаимодействіи съ окружающею средой.

Даже самаго поверхностнаго знакомства съ сочиненіями Бѣлинскаго достаточно для того, чтобы понять, что его взгляды на воспитаніе и дѣтскую литературу не стояли одиноко, что они тѣсно связаны съ другими его взглядами, что они—результатъ индивидуальнаго и общественнаго роста.

Шеллингянецъ—Бѣлинскій требуетъ, чтобы въ дѣтяхъ «развивали чувство безконечнаго», чтобы надлежащимъ образомъ воспитывали эстетическое чувство,—говорить о наслажденіи, доставляемомъ арабскими сказками Гофманомъ, совѣтуетъ «давать дѣтямъ больше и больше созерцанія общаго, человѣческаго, мірового», дѣйствовать на дѣтей «черезъ фантазію посредствомъ фантазій» (г. Теокистовъ, стр. 10, 14, 15, 17, 19, 23, 24, 29, 31). Бѣлинскій-реалистъ называетъ фантазію самою опасною изъ душевныхъ способностей, считаетъ Гофмана вреднымъ для дѣтей писателемъ, удивляется странной манерѣ «искать поэзіи въ сказкахъ, а не въ истинѣ и дѣйствительности, считаетъ «лучшими книгами для дѣтей» «такія книги, которыя бы весело знакомили ихъ съ землею, съ природою и отчасти съ исторіей», думаетъ, что «естественныя науки сильнѣе всего могутъ заинтересовать дѣтей» (ibid. 32, 44, 51). По его мнѣнію «фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находится въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ» (Соч., XI, 55—6).

На разныхъ полюсахъ своего развитія Бѣлинскій высказывался различно и по болѣе частнымъ вопросамъ: онъ считаетъ, наприм., чтеніе біографій знаменитыхъ ученыхъ для дѣтей сначала полезнымъ, затѣмъ излишнимъ (г. Теокистовъ, стр. 12), сказки Пушкина неудачными, фальшивыми—и безконечно народными, доступными для всѣхъ возрастовъ и сословій (ibid. 7, 8, 18), находитъ сокращенія и выпуски въ переводахъ классическихъ произведеній нужными и ненужными (ibid., 47, 48).

Мѣнялись взгляды на народность, на отношенія между моральнымъ и

эстетическимъ чувствами, педагогіей, жизнью и психическимъ міромъ ребенка—и это сейчасъ же отражалось на оцѣнѣ дѣтскихъ книгъ и педагогическихъ мѣръ. Рядъ подобныхъ фактовъ указанъ и въ прекрасной работѣ г. Сѣдова: «Бѣлинскій о воспитаніи индивидуальномъ и общественномъ» (М. 1898 г., стр. 1—2, 4, 6—7, 8—10, 13, 24—*противъ абстрактнаго идеализма*, 18—9, 26, 28—9, 30, 39—43, 45—7, 53—4).

До извѣстной степени г. Теокистовъ принималъ во вниманіе все это и совершенно справедливо вооружается противъ тѣхъ рецензентовъ дѣтскихъ книгъ, которые ссылаются на отдѣльные, случайно выхваченныя мѣста Бѣлинскаго, не считаясь съ ними *en masse*, не обращая вниманія на ихъ исторію и только злоупотребляютъ его именемъ.

Ихъ методическая ошибка достаточно освѣщается тѣмъ матеріаломъ, который приведенъ г. Теокистовымъ въ его брошюрѣ и на основаніи котораго можно недурно познакомиться съ исторіей взглядовъ Бѣлинскаго на дѣтскую литературу. Жаль только, что г. Теокистовъ допустилъ нѣстами неловкія выраженія (напр., цитатами изъ Бѣлинскаго «можно доказать все, что угодно; онъ можетъ служить и нашимъ, и вашимъ»), привелъ не весь матеріалъ, бралъ только то, что непосредственно относится къ дѣтской литературѣ, и опускалъ тѣсно связанныя съ нимъ разсужденія по другимъ вопросамъ воспитанія *), пропускалъ сдѣланное Бѣлинскимъ изложеніе содержанія малозвѣстныхъ произведеній, необходимое для пониманія текста,—позволилъ себѣ мѣстами пропуски и сокращенія, не удерживая годовъ и вообще не соблюдая хронологической послѣдовательности. Все это портитъ, конечно, хорошо задуманную работу, хотя и не лишаетъ ее нѣкотораго научнаго и прикладнаго значенія.

Въ концѣ (стр. 56—8) коротко, толково и вполне правильно, по моему мнѣнію, изложены взгляды Бѣлинскаго на дѣтскую литературу,—такъ сказать, послѣдней формациі.

Отмѣтивъ для издателей сочиненій Бѣлинскаго слѣдующій фактъ. Въ *Современникѣ* за 1847 г. г. Теокистовъ нашелъ рецензію на V—VII книжки *Новой библіотеки для воспитанія*. Сходство ея съ обычными рецензентскими приѣмами Бѣлинскаго заставило его обратиться за разъясненіями къ компетентному и вполне освѣдомленному лицу—А. Д. Галахову, который категорически подтвердилъ догадку г. Теокистова. Судя по приведеннымъ отрывкамъ, эта рецензія очень любопытна.

Брошюра г. Теокистова заключается спискомъ разобранныхъ Бѣлинскимъ произведеній дѣтской литературы.

В. Калашъ.

*) Удобнѣе было, конечно, разсматривать ихъ одновременно, какъ сдѣлали г. г. С., Сѣдовъ и друг.

Иродъ Великій и еврейство *).

I.

Когда, въ 586 году до Р. Х., стѣны Іерусалима пали подъ ударами иudeевъ, гнѣвъ Навуходоносора, раздраженнаго сопротивленіемъ осажден- ныхъ, не зналъ границъ. Дѣти іудейскаго царя и его вельможи были ерщвлены на глазахъ Седекіи; самъ царь былъ ослѣпленъ и отведенъ въ Вавилонъ. Мятежный городъ былъ преданъ пламени и разрушенію и оро на мѣстѣ его леги безобразныя груды почернѣвшихъ и дымящихся звалинъ. Въ огнѣ погибло и святилище Сіона — знаменитый храмъ Со- мона. Двадцать тысячъ лучшаго населенія страны увелъ побѣдитель въ плѣдо: лишь сельскихъ жителей и пролетаріатъ оставилъ онъ въ опусто- анной области царства Іудейскаго. Такъ закончилась безумная попытка реевъ возстановить свою національную независимость.

Уже съ чисто-внѣшней стороны эти событія представляются грандіоз- ными. Гибель націи, столь замѣчательной дарованіями, столь гордой на- ждами на великое будущее, уготованное ей впереди всемогущимъ Ягве, ннымъ Богомъ Израіля, столь исключительной по оригинальности и бо- тству ея духовнаго содержанія, кажется, какъ будто, несправедливостью, ызываетъ смущеніе и горькое чувство обиды... Легко себѣ представить, кое впечатлѣніе должна была произвести она на самихъ сыновей Израіля.

Но—«напрасно трудились народы, и племена мучили себя для огня!» идавленные грубой внѣшней силой, разоренные и поработанные язы- ками, идеалисты еврейства съ глубокой ироніей, смѣшанной съ презри- льнымъ состраданіемъ, смотрѣли на царство земного, тѣннаго начала. (апрасно трудились народы, и племена мучили себя для огня!...) Уничто- яющее пренебреженіе преходящей славой міра и непоколебимая вѣра въ чную истину своего великаго предназначенія слышатся въ этомъ гордомъ згласѣ, въ глубокой реальній смыслъ котораго стѣитъ всмотрѣться каж- му вдумчивому историкъ. На порогъ XX столѣтія послѣ Рождества Хри-

*) Докладъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Историческаго общества при императорскомъ Московскомъ университетѣ 22 февраля 1898 г.

стова мы уже ясно можем видѣть, въ чемъ состояла культурная ветхозавѣтнаго Израиля. Дать человечеству совершеннѣйшую изъ ранъ открыть міру высшую форму богопознанія — вотъ что предстояло еврейскому народу исполнить въ заключеніе своего тысячелѣтнаго историческаго существованія. Конечно, въ самомъ основаніи *свѣтскаго* (profane) государства съ его типической организаціей религіозная, ближе — теократическая тенденція должна была находить себѣ коренное противорѣчіе. Судьба неуклонно устраняла такое противорѣчіе, облегчая правильное развитіе ветхозавѣтной религіи. Любопытно, что даже географическія условія страны, гдѣ изначала поселился Израиль, — страны, лежащей на самой роутѣ изъ Сиріи въ Египетъ, — препятствовали образованію сильнаго и независимаго еврейскаго государства: они неизмѣнно способствовали замедленію ея тѣми могучими народностями, которыя оспаривали другъ у друга владычество надъ Востокомъ. Несмотря на это, въ періодъ царей Израиля удается образовать уже *одно* политическое цѣлое и покорить съ мелкія сосѣднія племена. Но очень скоро — при Соломонѣ — обнаруживается въ молодомъ государствѣ внутреннее броженіе. Разразившись бурнымъ мятежомъ по вступленіи на престолъ Ровоама, оно раздѣляетъ царство еврейское на двѣ части, изъ которыхъ ни одна не могла сохранить своей внѣшнюю самостоятельность. Правда, при даровитой династіи Омри созданное царство достигаетъ значительнаго могущества и покрываетъ себя своей блестящихъ побѣдъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, внутреннее объединеніе его получаетъ замѣтные успѣхи въ постепенномъ процессѣ политической централизаціи. Однако, кровавый государственный переворотъ, подготовленный патниками теократіи, свержаетъ эту династію съ престола Самаріи, и тогда царство Израильское быстро идетъ къ упадку и въ 722 году падаетъ, со всѣми почти культурными признаками, уничтоженное ассирійцами. Остается царство Іудейское, но территорія его слишкомъ незначительна, какое же политическое будущее можетъ ожидать его впереди? Признавая господство Ассура, народъ еврейскій навсегда долженъ былъ отказаться отъ гордыхъ стремленій независимой національности. Тогда религія и нравы Ягве стали убѣжищемъ оскорбленному національному чувству. Съ горечью отвращая взоръ отъ печальной и жалкой дѣйствительности, въ возвышенныхъ религіозныхъ мечтаніяхъ, въ свѣтломъ царствѣ обѣтованнаго Мессіи находилъ себѣ еврейскій патриотъ отраду и утѣшеніе. Вопросы культа, естественно, пріобрѣтали для него при подобныхъ условіяхъ все большее и большее значеніе. Такъ назрѣвалъ и совершался переворотъ 621 года. Сомнѣнно, что, помимо идеи централизаціи культа, въ основѣ реформы стояла иерократическая тенденція: книга Хелкім должна была служить опорой господства садокитовъ — священниковъ іерусалимскихъ. Но иерократія не уживается съ государствомъ: во главѣ общественной организаціи можетъ стоять или только свѣтская, или только духовная власть. Царство Іерусалима было торжествомъ іерократовъ. Послѣ 586 года еврейскій народъ не могъ образовать общины, но не націю, — церковь, но не государство, — историческое

ь понятнымъ изумленіемъ останавливается передъ зрѣлищемъ того, какъ дѣйная, стихійная сила халдеевъ разрѣшаетъ трудную дилемму и обезпечиваетъ великое будущее религіи Ветхаго Завета.

Не сразу, конечно, умерла нація еврейская и церковь водворилась на авзавинахъ государства. Политическія стремленія не вдругъ исчезли изъ ряды избраннаго народа послѣ разрушенія Іерусалима. Знаменитое возстаніе Маккавеевъ было самой бурной вспышкой національнаго единодушія. То, основанное мятежомъ противъ деспотизма Антиоха Епифана, государство Асмонеевъ можетъ существовать до той лишь поры, пока ставить себѣ чисто-охранительную задачу. Какъ только, утвердившись на престолѣ Іерусалима, Асмонеи захотѣли вступить на обычный путь *свѣтскаго* государства, они столкнулись съ упорной оппозиціей іудейства. Цари рѣзко разошлись съ народомъ,—и царство погибло. Явленіе, весьма интересное и глубоко-поучительное для историка. Оно наглядно показываетъ намъ, насколько безсильными остаются попытки разомъ порвать связи, соединяющія настоящее націю съ ея многовѣковымъ прошлымъ, и внѣшними факторами сообщить жизни ея направленіе, противное основнымъ свойствамъ ея исконнаго склада. Характеръ народа слагается столѣтіями и не мѣняется разомъ: роковой законъ наслѣдственной передачи равно сказывается въ жизни личностей, поколѣній, націй. И исторія Израіля — до нашихъ дней даже—представляетъ замѣчательную картину его неумолимаго дѣйствія.

Эпоха Ирода Великаго, ближайшаго преемника Асмонеевъ, — одна изъ наиболее яркихъ сторонъ этой грандіозной картины. Царь, одаренный блестящими способностями правителя, воина и политика, обладающій гибкимъ, хотя и мало образованнымъ умомъ человѣка, едва ли не съ дѣтства пригужденнаго бороться съ обстоятельствами, препятствовавшими ему достигнуть цѣли его властолюбивыхъ стремленій, пытается изъ Іудеи создать свѣтское государство, построенное на началахъ греко-римской цивилизаціи. Съ желѣзной энергіей, съ изумительнымъ умѣньемъ пользоваться самыми различными условіями времени и мѣста въ своихъ интересахъ, онъ хочетъ разрушить ту стѣну, которой отдѣлило себя іудейство отъ «нечистыхъ», стремится привить отечеству Маккавеевъ начала матеріальной и духовной культуры Рима и Эллады. Но такая задача превышаетъ индивидуальныя человѣческія силы, хотя бы онѣ и были исключительными. Всѣ старанія Ирода разбились о несокрушимую традицію іудейства. Жизнь царя представляетъ зрѣлище трагическаго противорѣчія между стремленіями *личности* и глубокимъ процессомъ народнаго развитія. Тридцать лѣтъ правленія иудейца не могли уничтожить тысячелѣтнее прошлое Израіля: народъ избранный осуществилъ свое назначеніе и на почвѣ, политой кровью борьбы за вѣру и идеалы ветхозавѣтнаго еврейства, родилось универсальное ученіе, исполнившее законъ и пророковъ. Это ученіе произноситъ уничтожающій судъ надъ «царствомъ отъ міра сего», которому служилъ Великій Иродъ.

Все, сказанное нами, достаточно опредѣляетъ то руководящее направ-

леніе, которому будемъ мы слѣдовать въ нашемъ изложеніи. Отказываясь отъ полной и всесторонней характеристики столь замѣчательнаго вѣка Ирода Великаго, мы ограничимся задачей менѣе широкой и болѣе соотвѣстной внѣшнимъ условіямъ настоящаго сообщенія. Мы рассмотримъ отношенія Ирода къ господствующимъ направленіямъ современнаго ему еврейства. Быстрый обзоръ событій мы будемъ прерывать иногда, останавливаясь надъ особенно важными и наиболѣе интересными сторонами нашего предмета: такъ развернется передъ нами картина, полная глубокаго историческаго значенія. Единство внутренняго смысла господствуетъ въ разнообразіи: насколько удалось намъ уловить это единство, покажетъ самъ опытъ нашъ въ его цѣломъ.

II.

Намъ не придется, конечно, останавливать наше вниманіе на всѣхъ событіяхъ жизни Ирода, которыя предшествовали воцаренію идушейца въ Иерусалимъ. До 37-го года Иродъ скорѣе подготовлялъ почву для своей дѣятельности, приспособляясь къ извѣстнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, нежели осуществлялъ свою собственную программу, послѣдовательно проводя ее въ дѣйствительность. Нужно замѣтить, однако, что уже очень рано ему пришлось на собственномъ опытѣ извѣдать, какую непримиримую ненависть питали евреи къ идумейцамъ. Еще юношей 15-ти лѣтъ отправленный отцомъ въ Галилею съ нѣкоторыми административными полномочіями, Иродъ дерзко превысилъ свою власть и грубо нарушилъ законъ іудейскій, произвольно, безо всякаго суда предавъ смерти захваченныхъ нарушителей общественнаго порядка—Езекию съ его товарищами. Такое самоуправство вызвало въ Іудеѣ бурю негодованія. Только защита съ стороны Секста Цезаря, тогдашняго правителя Сиріи, и содѣйствіе добродушнаго старика-первосвященника Гиркана помогли смѣлому юношѣ избѣгнуть того тяжкаго наказанія, которымъ хотѣлъ раздраженный сангедринъ Иерусалима положить предѣлъ дерзкому произволу зазнавшихся идумейцевъ. Но этимъ конфликтомъ борьба рода Иродова съ іудеями далеко не закончилась. Напротивъ, она еще только разгоралась, причемъ средствами попеременно становились то ядъ, то золото, то тайныя интриги, то открытая сила. Она послѣдовательно унесла у Ирода отца и двухъ братьевъ; она заставила его со всей семьей, съ имуществомъ, съ приверженцами бѣжать изъ Іудеи, населеніе которой было на сторонѣ законной династіи Асмонеевъ и даже въ язычникахъ—пареянахъ—привѣтствовало освобожденіе своихъ отъ ненавистнаго господства идумейцевъ. Она принудила Ирода въ Римѣ искать себѣ защиты, оружіемъ римскихъ легионовъ и наемниковъ завоевать собственное царство и приступомъ брать свою столицу жители которой подверглись при этомъ свирѣпому избиенію. Съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ минуя эти драматическіе эпизоды, общій смыслъ которыхъ раскроется намъ впоследствии, мы прямо перейдемъ къ 37 году до Р. X.,

ду, когда Ироду удалось, наконецъ, водвориться на престолѣ Давидовомъ и стать фактически царемъ Іудеи.

Можно ли думать, однако, что съ этого момента для Ирода наступило время, когда онъ могъ безмятежно наслаждаться плодами своей побѣды? а самомъ дѣлѣ, еще лѣтъ двѣнадцать, по крайности *), сыну Антипатра пришлось напряженно бороться съ нѣсколькими враждебными ему силами, изъ которыхъ каждая могла бы уничтожить его, если бы замѣчательная ловкость и неусыпная осторожность энергичнаго идумейца не помогали ему избѣгать опасныхъ столкновений. Одинъ какой-либо необдуманный шагъ могъ безповоротно погубить Ирода: мы убѣдимся въ томъ, ближе взглянувъ на условія, отъ которыхъ зависѣло положеніе новаго царя Іудеи.

Прежде всего—народъ. И раньше еще онъ съ нетерпѣніемъ сносилъ правленіе дома Антипатра **). Ожесточенное сопротивленіе, которое оказывало населеніе Іудеи своему новому царю, обнаружило всю глубину этого недовольства. Правда, Иродъ оружіемъ сумѣлъ подавить мятежъ противъ своей власти. Но сынъ Антипатра былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы послѣ этого считать свое положеніе въ Іерусалимѣ достаточно обезпеченнымъ. Иродъ видѣлъ, что оппозиція лишь на время притаилась, подавленная внѣшними мѣрами, но не уничтоженная ими окончательно. Онъ понималъ, что насиліе не можетъ примирить народъ съ царемъ,—и потому рѣшилъ избрать инныя средства для упроченія своей власти. Выдающіяся дарованія политика и энергія мужественнаго правителя обнаруживаются уже въ первыхъ шагахъ Ирода въ этомъ направленіи.

Мы знаемъ, что сама судьба заставила еврейскій народъ сосредоточиться, главнымъ образомъ, на вопросахъ религіи. Исполненіе закона Божія стало основной задачей Израиля послѣ 586 года: жизнь націи, стѣсненная въ области политической, нашла себѣ убѣжище въ храмѣ Ягве и въ синагогѣ. Но церковный обрядъ не исчерпывалъ и десятой части религіозныхъ обязанностей вѣрующаго, опредѣляемыхъ установленіями Божиими. Законъ развился въ огромное множество предписаній, съ которыми еврею приходилось считаться на каждомъ шагѣ и нарушеніе которыхъ влекло за собою, по его мнѣнію, самыя гибельныя послѣдствія. «Кто плохо совершаетъ омовенія рукъ, тотъ изверженъ будетъ изъ міра», гласила характерная іудейская пословица. Между тѣмъ, знаніе всѣхъ мелочныхъ предписаній закона, сохранявшихся въ устной, по преимуществу, традиціи, было для большинства, для массы, невозможно. Поэтому понятно, что учителя синагоги, раввины, которые были знатоками «торы»,—стали совершенно необходимыми для народа,—болѣе необходимыми, чѣмъ сами священники. Къ нимъ обращался іудей во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ. Нерѣдко раввинъ являлся даже высшей судебной инстанціей

*) Ср. схему *Schürer'a*: „Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi“. I, 389. 1889.

**) *Josephi Flavii Antiquitatis*, 14. 15. 2; ср. 17. 11. 1 и сл.

и ловкой ссылкой на писаніе или цитатой изъ закона авторитетно разрѣшалъ споръ тяжущихся сторонъ. «Фасеге леги вереш» — «строить ограду вокругъ закона», было его задачей. Законъ, данный общинѣ іудейской Эзрой, уже устарѣлъ: приспособить его къ новымъ потребностямъ жизни при помощи самаго утонченнаго изученія ветхозавѣтныхъ книгъ, распространяющагося на чисто-внѣшнія подробности и особенности текста, путемъ прѣмовъ аллегорическаго толкованія и числового метода каббалы — вотъ какова была историческая роль раввиновъ. Синагога, въ которой сосредоточилась ихъ дѣятельность, приобрѣла для общины іудейской совершенно исключительное значеніе: помимо молитвы, чтенія торы и пророковъ, здѣсь постоянно происходили академическіе диспуты, привлекавшіе множество благоговѣнно внимающихъ слушателей и изумившіе себя отголосокъ въ толпѣ, тѣснившейся у дверей школы, — здѣсь рѣшались самыя жгучіе вопросы, занимавшіе общину *). Носители новѣйшаго, современнѣйшаго пониманія установленій Божіихъ, раввины въ глазахъ народа значили больше даже, чѣмъ самый законъ. И мы не должны недоумѣвать, читая въ Талмудѣ слѣдующее: «Слова учителя важнѣе закона... Въ законѣ есть и важное, и неважное, — слова учителя всѣ важны... Поэтому, сынъ мой, почитай ученіе мудраго больше, чѣмъ законъ... Страшнѣе передъ учителемъ подобенъ страху Божію».

Учителями народа въ эпоху Ирода были *фарисеи* Peruschim, арамейскіе perischin — отдѣлившіеся, избранные, чистые, святые, — такъ назывались іудействѣ многочисленная (при Иродѣ состоявшая изъ 6 тысячъ человекъ) партія людей, знающихъ законъ и строго соблюдающихъ всѣ его предписанія. Мы улыбаемся, услышавъ, что среди нихъ были такіе ревностные исполнители его, которые въ субботы не двигались съ мѣста, чтобы не нарушить заповѣди объ отдыхѣ въ седьмой день недѣли. Но, помня о томъ исключительномъ значеніи, которое имѣлъ законъ для ослѣпленнаго іудейства, нельзя удивляться тому величайшему уваженію, съ какимъ относился народъ къ фарисеямъ. Держась правила великаго своего учителя Гиллеля: «не отдѣляйся отъ общины», — они были, конечно, *народною* партией, но партией чисто-*религіозной*. Съ народомъ ихъ связывалъ, прежде всего, законъ, — съ народомъ соединяли ихъ также ненависть и презрѣніе ко всему не-іудейскому и къ «goim» — нечистымъ, язычникамъ. Но однимъ изъ главнѣйшихъ основаній господства ихъ въ іудействѣ была ихъ эсхатологія. Мы знаемъ, какъ безжалостно разбила судьба гонимыя надежды Израиля на всемірное его владычество, какъ мало соотвѣтствовала жалкая дѣйствительность его великолѣпнымъ мечтаніямъ о томъ, что станетъ Іерусалимъ столицей народовъ, и храмъ Сіона — центромъ земли. Послѣ 586 года евреямъ пришлось пережить цѣлый рядъ горькихъ разочарованій, за которые не могъ вознаградить ихъ

*) Напримѣръ, вопросъ объ изученіи греческаго языка евреями, рѣшенный въ положительномъ смыслѣ, при помощи ссылки на Быт., IX, 27.

говѣнный блескъ царства Маккавеевъ. Тогда взоръ Израиля съ тоской въ надеждой сталъ обращаться къ загадочному будущему, въ таинственной области которой ищетъ себѣ успокоенія и мира человеческая мысль, смущенная ударами жизни. Такъ развилась роскошная эсхатологія іудейства, сохраненная для насъ интереснѣйшею апокалиптическою литературой того времени и нашедшая себѣ столь причудливое выраженіе въ фантастическихъ образахъ талмудической Агады. Носителями этихъ чудесныхъ вѣръ іудейства были фарисеи. Бесѣды *regiuschim* о воскресеніи мертвыхъ, страшномъ судѣ, о загробномъ существованіи, о пришествіи Мессіи возжидали въ народѣ страстный интересъ и жадное вниманіе и образовали сную духовную связь между учителями и ихъ наивными почитателями, иначе тяготившимися безотрадными условіями настоящаго.

Полную противоположность фарисеямъ представляла менѣе многочисленная и менѣе популярная партія *саддукеевъ*.

Члены или приверженцы жреческой аристократіи (*zadokim*), центромъ которой былъ храмъ іерусалимскій, саддукеи являлись и прогрессивнымъ, консервативнымъ элементомъ въ іудействѣ. Поскольку изъ постоянныхъ прикосновеній съ греческимъ міромъ они вынесли знакомство съ высокою цивилизаціей и любовь къ ней, они, конечно, могли быть названы редовыми людьми своего времени и своего народа. Но, несмотря на свой либерализмъ въ этомъ отношеніи, саддукеи долгомъ своимъ считали всѣмъ одними охранять нерушимость *закона* — *торы*, на которомъ основывалъ ихъ собственное привилегированное положеніе въ іудейской общинѣ. Не признавая казуистическихъ тонкостей раввиновъ и синагоги, они требовали *реальной* пониманія заповѣдей Божіихъ, называя неканоническимъ все, что выработано было ученіемъ книжниковъ. Но это значило отвергать, за что бились Маккавеи и проливали кровь свою народъ, — это значило и наперекоръ прогрессу іудейства и сопротивляться тому всемогущему давленію времени, которое не знаетъ ничего неизмѣннаго и не падаетъ заново, созданныхъ людьми. Дорожа своимъ положеніемъ, не желая слиться съ фарисеями, саддукеи были кастою враждебной народу и синагогѣ. Вѣроятно, сами же саддукеи могли ли они привлекать къ себѣ сердца, требуя буквального пониманія заповѣди «око за око, зубъ за зубъ», когда фарисеи шли, что, уничтожая *одну* жизнь, человекъ отвѣтствененъ за разрушеніе *цѣлаго* міра, и когда Гиллель основнымъ правиломъ этики провозгласилъ самую истину, которую спустя тридцать лѣтъ повторить Иисусъ? Можно ли было въ то время, когда тоскующій народъ въ чудесныхъ картинахъ будущаго искалъ себѣ отрады и утѣшенія, толковать это будущее историко-раціоналистически, понимая воздаяніе, какъ земное счастье и горе, рипая воскресеніе мертвыхъ и игнорируя надежды на пришествіе Мессіи. Можно ли было тогда, когда страстно напряженная вѣра ждала въ Ягве чудесъ, не признавать почти вѣщательство Бога въ дѣло міра холодными ссылками на *тору* опровергать ученіе о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ, глубоко укоренившееся въ іудействѣ со времени плѣна вавилон-

сваго? Саддукеи думали спасти себя и свое господство союзомъ съ Римомъ, но народъ ненавидѣлъ «нечистыхъ». Они надѣялись на внушительную пышность храмового обряда, совершаемаго ими, но краснорѣчіе синагоги едва жало верхъ надъ великолѣпіемъ храма. Да и можно ли было этимъ средствомъ поддержать свой авторитетъ въ глазахъ народа, когда тотъ видѣлъ какъ, брезгая жертвоприношеніемъ, первосвященникъ эпикуреецъ надѣвалъ перчатки, чтобы не запачкать себя выхоленныхъ рукъ?... Однако, онъ и брезговалъ десятиной!...

Наконецъ, наиболѣе крайниги и въ такой крайности нѣсколько урелигиознымъ даже направленіемъ *chassidim* въ современномъ Ироде іудействъ были *ессеи*. Независимо отъ чисто-іудейскаго своего происхожденія секта эта была несомнѣнно окрашена вліяніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ ученій Востока и, конечно, не можетъ быть совершенно обойдена молчаніемъ и характеристикъ внутренняго состоянія іудейской общины до христіанскаго вѣка. Не вполнѣ признавая выдающійся интересъ ея религіознаго міровоззрѣнія, а также и внѣшней организаціи, мы не будемъ, однако, останавливаться на ней нашего вниманія: въ исторіи Ирода *ессеи* не играли важной роли. Въ своей преувеличенной заботѣ и чистотѣ, обособившись даже отъ своихъ единоплеменниковъ, враждебные храму и проживая въ меньшинствѣ, вдали отъ городовъ, они были *раскольниками* іудейства, не имѣвшими почти никакого общественнаго значенія. Конечно, тенденціозныя изказанія апологетовъ іудейства, — Флавія и Филона, — легко могутъ ввести въ заблужденіе относительно этой секты; съ другой стороны, поддаваясь непреодолимому соблазну лишить христіанство его самобытности и оригинальности, иные изслѣдователи готовы были видѣть въ *ессействѣ* серьезную, и не вполнѣ удачную и не совсѣмъ своевременную попытку провести новую жизнь тѣ же начала, которыя впоследствии будетъ излагать Христосъ. Однако, спокойное научное изученіе вопроса безжалостно разрушило это фантастическое представленіе.

Поэтому сказаннаго о *ессействѣ* вполнѣ достаточно для бѣлаго обозрѣнія теченій, съ которыми встрѣтился Иродъ во внутренней жизни іудейства *).

Итакъ, время Ирода было періодомъ, когда въ Іудеѣ господствовали фарисеи. Съ ними былъ народъ, — съ ними волей-неволей приходилось идти и правителямъ.

Еще Гирканъ I, стремясь сдѣлать Іерусалимъ столицей *саттскаго* государства, пытался было опереться на аристократическую партію саддукеевъ. Но бурный мятежъ народа, возбуждаемаго фарисеями, явился послѣдствіемъ такой политики и показалъ ближайшему преемнику царя всю ея опасность для трона. Поэтому, умирая, Александръ Іанней совѣтовалъ супругѣ своей и преемницѣ Александру не ссориться съ *peruschim*. Царица послѣдовала этому

* О *ессейяхъ* ср. *Schürer*, о. с., II, соотв. главу; на русск. языкѣ нѣтъ еще изслѣдованія о *ессействѣ* г. Чемена. Казань, 1889 г. Нѣсколько многословное, но интересное, какъ сводъ литературныхъ мнѣній по данному вопросу.

ету: правленіе ея было рѣшительнымъ торжествомъ фарисеевъ. Борьба Иродана II съ Аристократомъ была, въ сущности, возобновленіемъ соперничества синагоги съ храмомъ, раввиновъ со священниками, религіи съ политикой. Побѣда Гиркана окончательно упрочила преобладаніе peruschim Іерусалимѣ. И Ироду приходилось самымъ серьезнымъ образомъ считаться съ ихъ значеніемъ въ народѣ.

«Люби трудъ, ненавидь господство и не тянись къ знати». Таково было одно изъ основныхъ житейскихъ правилъ, которыми учили фарисеи. Оно и выразило въ себѣ весь *политическій индифферентизмъ* этой партіи. Иродъ понималъ это. Онъ сознавалъ, что peruschim могли съ нимъ примириться, хотя бы даже какъ съ неизбежнымъ зломъ только; для этого достаточно лишь не трогать ихъ, не раздражать притѣсненіями: такъ можно и самый народъ заставить спокойно сносить правленіе царя иудеи. А этого и добивался Иродъ на первыхъ порахъ въ Іерусалимѣ. И вотъ видимъ, что, едва завладѣвъ своею столицей, онъ уже старается всѣми средствами расположить къ себѣ двухъ главныхъ представителей партіи фарисеевъ—Полліона и Самея. Политика эта оказывалась самою удачною: она успѣла настолько примирить іудейскій народъ съ царемъ, что Иродъ могъ сосредоточить свои силы на борьбѣ съ другими препятствіями, вставшими ему на дорогѣ. Какія же то были препятствія?

Если, лаская фарисеевъ, Иродъ и успѣлъ, хотя нѣсколько, умиротворить народъ, то все же въ Іерусалимѣ у него остались враги, которыхъ никакими средствами не могъ привлечь на свою сторону. То были аристократы іудейскіе, члены сангедрина, сторонники Антилона и законной династіи Асмонеевъ. Извѣстно, съ какой ненавистью смотрѣли они на возвышеніе иудейскаго дома, какъ хотѣли воспользоваться кровавой расовой Ирода надъ мятежниками Галилеи, для того, чтобы свергнуть съ ея позорное господство Антипатра и его сыновей, съ какимъ страстнымъ одованіемъ жаловались они Антонію на дерзкій произволъ иудейцевъ, какъ погубить Ирода, который помогалъ партіи республиканцевъ. Ставши врагомъ іудеи, сынъ Антипатра слишкомъ хорошо помнилъ все это.

Онъ понималъ, что только истребленіемъ аристократіи іудейской можно обезпечить себя отъ ихъ козней. И, со свойственной ему рѣшимостью, онъ вступаетъ на этотъ кровавый путь. Сорокъ пять человѣкъ изъ знати Иудеи онъ предалъ смерти. Имущество ихъ переходило къ нему въ собственность. Современникъ гражданскихъ войнъ Рима, Иродъ зналъ цѣну пролитій... Часть полученныхъ такимъ образомъ богатствъ пошла на уплату обѣщаннаго Антонію вознагражденія за помощь, оказанную иудейцу въ то время, когда пріѣхавъ въ Римъ, Иродъ искалъ себѣ защиты противъ Антилона.

III.

«Поднимайся ступенью выше, выбирая себѣ друга; выбирая себѣ жену, спускайся ступенью ниже»... Такъ гласитъ одно назидательное изреченіе

Талмуда. Иродъ всегда искалъ дружбы тѣхъ людей, которые въ какомъ нибудь отношеніи стояли выше его и потому могли быть ему полезны. Такимъ образомъ онъ оказывался вѣрнымъ исполнителемъ правила столъ чуждыхъ ему, вообще, іудеевъ. И это обезпечило ему блестящіе политическіе успѣхи. Всѣ козни завистливой Клеопатры на гибель покровителя его, Антонія, не могли поколебать положеніе идумейца, который и у твоего мыслю Октавіана - Августа сумѣлъ снискать себѣ расположеніе и милости. Однако, это еще не давало Ироду полного удовольствія. Въ глубинѣ своего сердца великолѣпный царь Іудеи долженъ былъ чувствовать себя невыразимо несчастнымъ. Слагая съ себя корону и прочія эмблемы царскаго достоинства и, какъ частный человѣкъ, удаляясь въ укромныя внутреннія покои своего дворца, онъ вмѣсто мирнаго отдохновенія и ходилъ тамъ для себя однѣ лишь душевныя муки—постоянныя и губительныя въ ихъ раздражающемъ вліяніи на его характеръ. Замѣчательно, что отчасти такая судьба Ирода была роковымъ послѣдствіемъ отсутствія отъ только что приведеннаго нами завѣта мудрости Іудейской, который опредѣлялъ должныя основанія брака. Женою идумейца была царица Маріамна. Мало того, что она происходила изъ враждебнаго Ироду дома Асмонеевъ, что дѣдъ ея Гирканъ и братъ Аристокбулъ погибли жертвами властолюбивыхъ стремленій сына Антипатрова,—и по происхожденію своему, и по нравственной природѣ она стояла неизмѣримо выше своего мужа. Она сознавала это превосходство и гордилась имъ. Внѣшнимъ образомъ отдаваясь чувственному обаянію могучихъ и страстныхъ ласкъ своего величественнаго льва, она не уважала въ Иродѣ человѣка, неосторожно, чисто женски шутила надъ нимъ подчасъ, принимая своевольный тонъ повелительницы въ обращеніи съ самолюбивымъ до бѣшенства царемъ, который долженъ былъ призывать на помощь все свое самообладаніе, чтобы не дать воли гнѣву при дерзкихъ выходкахъ смѣлой красавицы. Рано или поздно, однако, буря должна была разразиться. Ядовитое шипѣніе наушницъ-матери и сестренниваго Ирода, коварныя интриги Александры—матери молодой царицы и необдуманная рѣчь самой Маріамны ускорили наступленіе катастрофы. Свирѣпая казнь несчастной красавицы явилась трагическимъ заключеніемъ исторіи Маріамны и была отчаянной попыткой Ирода разсѣчь Горни узлы этихъ ненормальныхъ и невыносимыхъ семейныхъ отношеній. Идумеецъ жестоко поплатился за свой безчеловѣчный поступокъ. Бѣда, которая постигла его послѣ смерти Маріамны, навсегда оставила на немъ свою неизгладимую, роковую печать. Она на всю жизнь ожесточила Ирода: онъ сталъ мраченъ и нетерпѣливъ, раздражителенъ и, порою, свирѣпъ. Словно кровавая мгла застилала съ тѣхъ поръ взоръ его тяжелой пеленой. Въ болѣзненно возбужденномъ мозгу Ирода послѣ изжитаго царемъ страшнаго потрясенія рождались чудовищныя призраки. Идумейцу вездѣ мерещилась измѣна, вездѣ чудились заговоры и казни. Даже ночью, когда все погружалось въ глубокой сонъ, Иродъ не находилъ покоя: часто онъ пробуждался съ пронзительнымъ крикомъ, ощущая

ка чье-то молчаливое и грозное присутствіе у своего ложа. И, несмотря все это, едва оправившись послѣ недуга, онъ съ какимъ-то злобнымъ естествомъ, словно вызывая на борьбу враждебныя силы или мстя кому-то за собственное несчастіе, сталъ необычайно рѣзко проводить свою программу въ Иудеѣ. Такой открытый и рѣшительный характеръ его дѣятельности съ 25 года придаетъ послѣдующему періоду его правленія особый интересъ и важное значеніе для изслѣдователя.

Словно издѣваясь надъ лучшими преданіями іудейства, Иродъ построилъ населенія столицы театр, амфитеатръ, стадій, ипподромъ. Въ честь его высокаго друга и покровителя, императора Августа, онъ установилъ игры и зрѣлища въ Иудеѣ, возобновляемыя черезъ каждые четыре года. Музыканты, борцы, пѣвцы и возницы, актеры и миимы начали являться въ Іерусалимъ пестрой и шумной толпой, наполняя улицы столицы разноязычнымъ говоромъ, смѣхомъ и легкомысленнымъ весельемъ. Циркъ ревѣли дикіе звѣри, привозимые издалека для сраженія съ осужденными на смерть преступниками. Великолѣпіе увеселеній было изумительно: вездѣ блистало дорогое убранство, видѣлись роскошныя ткани, золото и серебро... Но то, что въ другомъ мѣстѣ встрѣчено было бы восторгомъ, возбуждало у іудеевъ только ужасъ и отвращеніе. Негодованіе юдное противъ царя, который служитъ мерзости, не знало границъ и имѣло, наконецъ, угрожающій характеръ.

Противъ Ирода составилъ заговоръ. Десять гражданъ пошли встрѣтить идумея въ театрѣ, скрывъ подъ одеждой кинжалы. Но царскіе агенты развѣдали объ этомъ: злоумышленники были схвачены. Терзаемые стоками пытками, передъ лицомъ мучительной смерти, они смѣло призывались въ намѣреніи убить тирана. Если весь народъ и не рѣшался оттого возстать противъ царя, то все же онъ былъ на сторонѣ заговорщиковъ: толпа растерзала того, кто донесъ о ихъ планѣ, изуродованный пѣль былъ брошенъ собакамъ. Это было грознымъ предостереженіемъ для идумея. Но Иродъ не боялся: смерть и заключеніе безпощадно наказывали и ропотъ...

Что, спрашивается, руководило царемъ въ его стремленіи привить іудеямъ вкусъ къ зрѣлищамъ? Нельзя думать, конечно, чтобы Иродъ слѣдовалъ въ этомъ, исключительно, *политическому расчету* и, подобно римскимъ императорамъ или Меттерниху, въ играхъ и зрѣлищахъ цѣнилъ въ средство отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ общественной жизни.

Царь хотѣлъ, прежде всего, сгладить рѣзкія стороны еврейской культуры, приобщить Іудею къ великой Римской имперіи, образовать сыновей имперіи въ римско-эллинскомъ духѣ. Онъ хотѣлъ либеральнаго іудейства, которое въ плоть свою и въ кровь усвоило бы правило Рима—*cuique sua religio est, nostra nobis...* Но это значило добиваться невозможнаго. Это значило впадать въ то же непонятное заблужденіе, которому давался Ламенэ, желавшій гуманнаго и терпимаго католицизма... «*Ces gions absolues comme l'islamisme, le judaïsme, ne souffrent pas de partage*»,

справедливо замѣчаетъ Ренанъ: «Si elles ne règnent pas, elles se disent persécutées»... Иродъ не сознавалъ или не признавалъ этого. Онъ пытался примирить свой народъ хотя бы съ показной—приятной и блестящей стороной языческой цивилизаціи. Великолѣпныя зрѣлища и торжественныя игры и представлялись ему, повидимому, вѣрнѣйшими средствами достигнуть такой цѣли.

Должно замѣтить, впрочемъ, что Иродеевъ отличался вообще удивительною впечатлительностью въ отношеніи господствующих теченій времени. Извѣстно, что установленіе принципата Августомъ внесло спокойствіе и порядокъ въ Римское государство, до той поры раздираемое гражданскими войнами, и способствовало роскошному расцвѣту мирныхъ занятій, т. е. торговли, промышленности, знаній, искусствъ. Несомнѣнно, что этотъ культурный подъемъ оказалъ свое дѣйствіе и на Ирода. Помимо театровъ и зрѣлищъ, о которыхъ мы уже говорили, царь іудейскій оставилъ намъ по себѣ во множествѣ, часто грандіозныхъ и великолѣпныхъ построекъ, которыя воздвигалъ онъ при своей жизни. Изумительно, какъ хватало у него средствъ на всѣ его сооруженія. Но еще болѣе странно, конечно, видѣть, какъ деньги благочестиваго іудейства шли на предметы «столь не религіозные, и шли, исчезая съ умамрачающей скоростью. Казалось въ стремленіи Ирода завѣщать свое имя потомству съ помощью каменья было что-то безпокойно-напряженное, что-то лихорадочно-торопливое, какъ будто царь постоянно боялся того, что какая-либо неожиданная случайность помѣшаетъ ему выполнить такую задачу, или, созерцая все новыя доказательства своего величія и славы, старался отогнать отъ себя какія-то мрачныя, грызущія сердце мысли и воспоминанія...

Отчасти, онъ достигъ своей цѣли,—и долго послѣ его смерти жили въ Иродѣ, связанное съ грандіозными развалинами и страшной легендой.

Мы знаемъ, что культъ императора Августа, распространившись въ провинціямъ, сдѣлался тамъ прочно установившейся религіей. Повсюду двигали храмы въ честь «божественнаго цезаря».

Иродъ съ своей стороны построилъ ихъ не менѣе четырехъ—въ Бетринъ, Себастию, Паниадѣ, Батаней. Чтобы почтить достойно своего государственнаго покровителя, онъ реставрировалъ Самарію, пострадавшую въ время Асмонеевъ за свою преданность эллинизму, и назвалъ его Себастией. Маленькій сидонскій городокъ, называвшійся прежде башней Ситона, преобразился въ великолѣпный приморскій портъ — Кесарію; здѣсь находился храмъ Рима Августа съ чудесной колоннадой, которая въ наше время украшаетъ piazzeta Венеціи. Анеедонъ получилъ названіе имени друга Цезаря, Агриппы и сталъ Агриппеиономъ. Не былъ и Иродомъ и Антоніемъ: старая башня Барисъ, возвышавшаяся съ вѣрной стороны надъ храмомъ въ Іерусалимѣ, была исправлена Иродомъ и названа по имени умершаго римскаго полководца и возлюбленнаго Емпаатры. Память царя объ отцѣ, матери, братѣ, Маріамнѣ, любимцѣ и пиетѣ сказывается въ именахъ городовъ — Антипатриса, Кипреса Раматъ.

са, въ названіяхъ башенъ дворца въ Іерусалимѣ. Близъ Виллеема на юго-востокѣ выросла грозная крѣпость Иродейонъ, развалины которой мы до нашего времени. Александрейонъ, Гирканія, Массаса, Махера — неприступными замками. Наконецъ, въ Іерусалимѣ выстроены были дворцы — чудо роскоши и искусства, съ восхитительнымъ паркомъ, полнымъ озеръ, съ ручейками, прудами и всякими подобными затѣями.

Несомнѣнно, что отчасти Иродъ имѣлъ въ виду оживить свою страну путемъ заселенія извѣстныхъ мѣстностей, поднять ея торговую дѣятельность съ помощью основанія новыхъ городовъ. Но, помимо этого, въ его общественной дѣятельности мы можемъ уловить еще особую уже чисто-историческую тенденцію, весьма характерную для его царствованія. Иродъ создаетъ рядъ крѣпостей внутри своей страны. Таковы Иродейонъ, Александрейонъ, Гирканія, Махера, Массаса. Повидимому, онъ дѣлаетъ это столько ради защиты своихъ владѣній отъ вѣншихъ нападеній, сколько на случай народнаго мятежа противъ его власти. Въ крѣпостяхъ онъ держитъ наемныя войска — иноземцевъ, на вѣрность которыхъ разсчитываетъ. Обстоятельство весьма любопытное и вѣское: оно показываетъ, насколько мало въ сущности довѣрялъ Иродъ народу и какъ ясно существовалъ онъ ту глухую ненависть, которую питали евреи къ своему иудеецу.

Говоря вообще, Иродъ никогда не отличался безкорыстіемъ. Каждый поступокъ его связывался съ расчетами личной выгоды. Правда, мы видимъ, что даже по отношенію къ иноземнымъ городамъ и народамъ сынъ Антипатра обнаруживаетъ иногда замѣчательную щедрость: онъ помогаетъ, прим., Родосу, Никополису, Антиохіи, Хіосу, Аскалону, Тиру, Сидону, Блосу, Триполису, Птолемаидѣ, Дамаску, Лакедемону, Аеянамъ... Здѣсь онъ проводитъ великолѣпную центральную улицу (Антиохіа), тамъ даетъ субсидіи на снаряженіе флота (Родосъ) и воздвигаетъ храмъ; еще въ Антиохіи онъ имѣетъ строить общественныя зданія (Никополь)... Это можетъ, вѣроятно, показаться удивительнымъ, но не надолго. При своемъ честолюбіи, Иродъ добивался того, чтобы молва о его царской щедрости разносилась повсюду, чтобы вездѣ имя его произносили съ удивленіемъ, чтобы самозванцы Римъ заговорили о царѣ іудейскомъ... Онъ достигъ своего: Августъ и Агриппа не разъ высказывали мысль, что не въ маленькой Іудеѣ должно бы править сыну Антипатра.

Этого мало, впрочемъ. Иродъ стремился къ тому, чтобы имя его было связано съ установленіями, которыя приобрѣли себѣ безсмертную славу; въ своихъ денежныхъ пожертвованіяхъ онъ добивался того, что ему было почетное званіе непремѣннаго и постояннаго аганомеа, т. е. члена коллегии на знаменитыхъ олимпійскихъ играхъ, которыя начали уже приходить въ упадокъ въ его время. Да ясно, что отношеніе Ирода къ вѣнней земной славѣ было совѣмъ не тѣмъ, какое усвоили себѣ сыны римлянъ: иудеецъ усердно служилъ той «суетѣ суетъ», которую такъ измѣряло благочестивое іудейство.

Царь и самъ признавался въ томъ, что іудеевъ любить меньше, нежели грековъ. Онъ окружилъ себя эллинами по происхожденію или образованію: изъ нихъ «звѣзда первой величины» былъ знаменитый Николай Дамасскій, энциклопедистъ своего времени. Философъ школы перипатетиковъ, онъ развлекалъ мало образованнаго, но не чуждаго высшихъ наукъ царя бесѣдами о вопросахъ реторики, исторіи, отвлеченнаго знанія. Онъ былъ повѣреннымъ Ирода въ самыхъ важныхъ дѣлахъ: и о жизни царя такъ хорошо намъ извѣстна, то этимъ, конечно, мы главнымъ образомъ обязаны Николаю и его 'Історія Каболохъ', которой пользовался Флавій. Въмѣстѣ съ нимъ при дворѣ находились два или три ученика грека, носившіе имя Птолемеевъ, затѣмъ Андромакъ и Гемеллъ, бывшіе одно время учителями сыновей Ирода, но впоследствии впавшіе у него въ немилость; были еще лакедемонянинъ Эвриклъ, игравшій недостойную роль наущника около подозрительнаго идумейца и, наконецъ, риторъ Ириней.

Такъ изолировался Иродъ отъ іудейства. Понятно, онъ не могъ положить къ себѣ народъ. Пусть расцвѣли въ его царствованіе промышленность и торговля Іудей; пусть уничтожили онъ въ странѣ разбои; пусть щедро помогали населенію во время голода, освобождали фарисеевъ и садисеевъ отъ обязанности приносить ему присягу въ вѣрности, обязанности противной ихъ законамъ. Ничего не могло привлечь народъ на сторону царя идумейца. Синагога называла Ирода «нечистымъ сосудомъ» и въ обрѣзанія, которые носилъ царь, унижали его въ глазахъ эллиновъ и иудеевъ. Трагическое положеніе между двумя враждебными другъ другу народами, изъ которыхъ ни одна не хотѣла признать идумейца своимъ.

Отношенія іудейства къ царю все болѣе и болѣе обострялись: и сына Антипатрова необходимо было такъ или иначе придать нѣкъ спокойный характеръ. Сознавая это, Иродъ рѣшился доказать свое уваженіе къ религіи Израиля дѣломъ, смѣлостью котораго поражаетъ насъ иудейскіе и свидѣлствуетъ краснорѣчиво о замѣчательной энергіи этой природы идумейца.

На мѣстѣ стараго храма іерусалимскаго, который существовалъ уже триста лѣтъ и казался незначительнымъ рядомъ съ выросшими вокругъ него великолѣпными постройками, Иродъ задумалъ воздвигнуть новое грандіозное святилище Ягве. Но въѣдъ это значило повторить великій подвигъ Соломонова царствованія, взять на себя священную задачу, въ которой весь Израиль, вернувшійся изъ плѣна вавилонскаго, трудился двадцать лѣтъ. Понятно, что, когда царь сообщилъ народу о своемъ замыслѣ, многими благочестивыми сердцами овладѣлъ ужасъ: будетъ, если средствъ Ирода не хватитъ на окончаніе постройки, и народъ останется безъ храма. Идумецъ старался успокоить возмущенныхъ іудеевъ: едва зарождавшійся протестъ былъ подавленъ настоятельнымъ царя, увѣреннаго въ своей силѣ. Послушное орудіе въ рукахъ сына Антипатрова, первосвященникъ Симонъ и не рѣшался противорѣчить воленіямъ идумейца.

Такъ Иродъ приступилъ къ самому дѣлу.

Работы начались въ 19 году. Въ нихъ сразу сказались смѣлость и жрота творческаго замысла. Срыть храмъ Зоровавелевъ до основанія, двинуть на его мѣстѣ огромную насыпь и на ней возвести колоссальное зданіе—это было предпріятіемъ, по-истинѣ, грандіознымъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ, какія знаетъ исторія. Величавыя колоннады, скрадывающія тяжесть массивной толщи стѣнъ, легкія галлерей, брошенные на головокружительной высотѣ, глубокіе подземные переходы, великолѣпныя оружія украшенія, рѣзные карнизы, дѣльная работа—все это составляло картину, поражающую взглядъ, и вызывало изумленіе и восторгъ у современниковъ. Въ главныхъ своихъ частяхъ храмъ сооруженъ былъ въ восьмидесяти лѣтъ; въ цѣломъ онъ оконченъ былъ только въ 62 году и такимъ образомъ существовалъ всего на всего шесть-семь лѣтъ до возстанія іудейскаго въ 70 году, когда былъ разрушенъ римлянами. Работы шли съ напряженною энергіей, причѣмъ соблюдаемы были всѣ требованія закона: вышеники въ числѣ тысячи человѣкъ смотрѣли за правильнымъ ходомъстройки и собственноручно въ восемнадцать мѣсяцевъ соорудили уаос рама. Не менѣе десяти тысячъ искусныхъ художниковъ было привлечено къ дѣлу. Народное воображеніе украсило легендами то время, когда строили храмъ Божій: іудеи рассказывали, что даже дождь тогда выпадалъ только ночью, чтобы не помѣшать работамъ.

Этотъ храмъ іерусалимскій былъ, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣлъ Иродова царствованія. Онъ возвышалъ идумейца въ глазахъ народа, создавалъ ему на нѣкоторое время ту популярность, которой до той поры напрасно добивался сынъ Антипатра. Но мы знаемъ уже жъ недолговѣчно было величественное сооруженіе Ирода. И въ исторіи христіанства оно даже не имѣло въ сущности особаго значенія. Іисусъ осѣтилъ его, но наибольшее вниманіе Его въ храмѣ привлекла къ себѣ «бѣдная вдова съ скромною лептою». Ученики хотѣли обратить Его взоръ на великолѣпные святилища, на его подавляющую громаду. «Истинно говорю вамъ, не останется здѣсь камня на камнѣ: все будетъ разрушено», равнодушно замѣтилъ Христосъ.

IV.

Громадныя постройки Ирода требовали, конечно, колоссальныхъ затратъ. Поэтому народъ іудейскій изнемогалъ подъ тяжестью налоговъ и юдатеи; въ немъ развивалось глубокое недовольство царемъ, переходившее временами въ глухой, но грозный ропотъ. Однако, Иродъ умѣлъ справляться съ непокорными. Наемныя войска были у него всегда готовы, чтобы въ-время подавить броженіе. Всѣ тѣ, которые рѣшались открыто высказываться противъ идумейца или неосторожно обнаруживали свое несочувствіе его правленію, были схватываемы агентами Ирода и заключаемы въ крѣпости: тамъ, за безмолвными стѣнами, въ мрачныхъ

казематахъ политическіе преступники пропадали навсегда для своихъ родныхъ и близкихъ, которые тщетно ихъ искали повсюду. Городъ и вся страна были полны парскими сыщиками: всякія сходбища были строго и воспрещены. Полиція не позволяла гражданамъ прохаживаться группами, заботилась и о томъ, чтобы дома были не слишкомъ густо заселены, конечно, заботилась не ради санитарныхъ соображеній. Система тайнаго и гласнаго надзора царилла повсюду. Въ народѣ говорили, что самъ Иродъ не гнушается иногда обязанностей шпиона: одѣтый въ платье простого человѣка, онъ прокрадывается ночью изъ дворца и ходитъ по темнымъ улицамъ города, прислушиваясь къ разговорамъ. И горе тѣмъ, которые въ откровенной бесѣдѣ порицали иудейца: царь подвергалъ ихъ безпощадному преслѣдованію и не оставлялъ до тѣхъ поръ, пока не находилъ ихъ уже совершенно безвредными. Зная характеръ и приемы сына Антипатрова, легко представить себѣ, какими средствами обезвреживалъ царь своихъ беспокойныхъ подданныхъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Иродъ обнаруживалъ уже крайній деспотизмъ. Надъ властью первосвященника, наприм., онъ прямо смѣлся. Послѣ Анапела онъ сдѣлалъ первосвященникомъ какого-то Исуса, сына Фавія, а за нимъ Симона—сына Боезова изъ Александріи, дочь котораго прельстила царя своею красотой. Чтобы взять ее въ жены, Иродъ рѣшилъ возмѣнить положеніе ея отца,—потому Симонъ и сталъ первосвященникомъ. Пріизволъ этихъ распоряженій царя былъ для всѣхъ очевиденъ: и, несмотря на это, народъ оставался спокойнымъ. Отмѣчаемъ это явленіе потому, что оно ясно показываетъ намъ, насколько утратила свое значеніе въ іудействѣ высшая духовная власть, ставши игрушкой въ рукахъ правителя.

Іосифъ Флавій сообщаетъ, что, ставши царемъ, Иродъ казнилъ всѣхъ членовъ сангедрина. Допустимъ даже, что въ этомъ показаніи есть своя доля тенденціознаго или патетическаго преувеличенія. Во всякомъ случаѣ, отношеніе иудейца къ сангедрину весьма ярко выражаетъ историческій характеръ Иродова правленія. Извѣстно, что іерусалимскій сангедринъ—институтъ, развившійся изъ аристократической *герусіа* іудейства въ эпоху Маккавеевъ,—приобрѣлъ мало-по-малу значеніе главнѣйшаго судебно-административнаго учрежденія въ Іудеѣ. Члены его, собираясь до шести разъ въ недѣлю, рѣшали подъ предсѣдательствомъ первосвященника самыя разнообразныя дѣла внутренней жизни общины. При замиреніи Иродомъ Азій Помпей сдѣлалъ Іудею податною областью. Римъ уничтожилъ въ ней царскую власть и подчинилъ страну правителю Сиріи. Вскорѣ затѣмъ (57—55 г.) Скваръ Габиній раздѣлилъ ее на пять податныхъ и судебныхъ округовъ, причемъ судъ и администрація сосредоточились въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ сангедринахъ: въ Іерусалимѣ, Іерихонѣ, Газарѣ, Сепфорѣ и Амаѣ. Цѣль такого устройства была понятна. Разбить Палестину на пять независимыхъ другъ отъ друга аристократій, противопоставить стремленіямъ націоналистовъ саддукеевъ вліяніе *peruschim* и синагоги, представители которой являлись преобладающимъ элементомъ въ сангедринѣ.

слабить центральное значеніе Іерусалима, ожививши областное самоуправленіе,—вотъ чего добивался Габиній, слѣдуя основному правилу римлянъ *divide et impere*. Система, созданная имъ, была поэтому «торжествомъ римской политики». Однако, когда управленіе Іудеей—сначала фактически, съ теченіемъ времени и формально перешло въ руки идумейскаго дома, порядокъ этотъ постепенно измѣнялся. Власть надъ страной снова начала централизоваться: въ эпоху Ирода процессъ этотъ выразился съ наибольшею силой. Излагая исторію сына Антипатрова, первоисточники наши почти не говорятъ о дѣйствіяхъ сангедрина. Отсюда Schürer не безъ основанія заключаетъ, что учрежденіе это окончательно лишено было Иродомъ своего значенія. Фактъ, вполне допустимый въ правленіе идумейца, который систематически устранялъ всѣ условія, ограничивавшія господство то въ Іудей.

Матеріальный успѣхъ царствованія былъ замѣчателенъ. Если бы задачей Мессіи было возстановить царство Давида и Соломона во всемъ его вѣшнемъ блескѣ, то Иродъ, конечно, оказался бы тѣмъ помазанникомъ оживымъ, о которомъ мечталъ Израиль въ теченіе столькихъ столѣтій. Но отношеніе іудейства къ дѣятельности сына Антипатрова ясно свидѣтельствовало о томъ, какъ мало раздѣляли евреи того времени суетное стремленіе идумейца къ земной славѣ. «*Un vrai Juif, — замѣчаетъ Renan, — les travaux d'Irode paraissent des oeuvres sans but ou des oeuvres de pur égoïsme, on s' imagine qu'il vivra toujours*». И всѣ тѣ мѣры, которыя принималъ царь для того, чтобы задушить народный протестъ противъ его власти, назывались безсильными. «*La rage était dans les coeurs, — le silence était absolu*».

V.

А время между тѣмъ текло и текло, неумолимо разрушая въ своемъ безразличномъ движеніи все матеріальное, земное, все созданное людьми и ими же людьми прежде всего. Не избѣгнулъ его рокового вліянія и великій Иродъ: старился и овъ, хотя и скрывалъ это, окрашивая сѣдые волосы въ черный цвѣтъ. Но это не могло отсрочить неизбежную развязку: пестящій жизненный путь царя близился къ концу. Ироду пора было остановиться назадъ, свести итоги пережитаго, отдать себѣ отчетъ въ его смыслѣ и значеніи. Но «суета суетъ», разъ овладѣвши всѣмъ существомъ идумейца, навсегда уже сохранила надъ нимъ свою силу. И есть что-то странное, дикое и ужасное въ зрѣлищѣ того, какъ жадно стремился дряхлѣющій, разрушающійся человѣкъ взять отъ жизни, что еще можно, и съ жестокою чудовищнаго эгоизма избивалъ всѣхъ тѣхъ, которые ему мѣшали или просто казались подозрительными.

А подозрѣнія страшнаго старика, поддерживаемыя постоянными интригами женщинъ дворца, падали на самыхъ близкихъ Ироду людей, даже эти царя дѣлались его жертвами. Такъ погибли сыновья Маріамны, Але-

ксандръ и Аристобулъ; такъ пропалъ первенецъ Ирода—Антипатръ. Но, наконецъ, силы измѣнили и самому Ироду. Новый мятежъ въ Иерусалимѣ и казнь сына добила иудея, и безъ того истощеннаго страшною жизнью, какую онъ велъ: царь тяжело занемогъ и умеръ въ невыразимыхъ страданіяхъ, сознавая съ бессильной яростью, что народъ радуется мученіямъ тирана и съ нетерпѣніемъ ждетъ его желаннаго конца.

Въ хроникѣ праздниковъ іудейскихъ Megillath Taanith, смерть Ирода отмѣчена, какъ день ликованія. Уже одно это достаточно ясно показываетъ намъ, какую непримиримую ненависть питалъ народъ къ своему царю—иудею, какъ тяготился онъ его правленіемъ. Ненавидѣли Ирода и хрістіане: съ именемъ его они связали самыя мрачныя сказанія. Онъ пытался изъ Іудеи создать свѣтское государство, стремился привить своему народу римско-эллинскую цивилизацію, уничтожая ея индивидуальныя особенности, думалъ отвлечь его вниманіе отъ вопросовъ религіи, отъ грѣзъ о будущей жизни, отъ царства Мессіи. Если бы планъ Ирода удался, то попытка эта увѣнчалась бы успѣхомъ. Театръ убилъ бы іудейскую школу; состязанія въ ристалищѣ замѣнили бы академическіе споры учителей; риторы, пѣвцы и мимы стали бы на мѣсто книжниковъ и величавыхъ мудрецовъ синагогъ, а въ храмѣ Ягве водворился бы мертворожденный культъ цезарей, и поселились бы безчисленныя божества, собравшіяся въ римскій пантеонъ со всѣхъ концовъ земли.

Этого не случилось, да и не могло случиться. Отчаянныя усилія иудея не были въ состояніи измѣнить направленіе, которому слѣдовало развитіе еврейскаго народа. И потому все царствованіе Ирода было сплошной ошибкой, роковымъ недоразумѣніемъ, полнымъ дѣйствительнаго трагизма.

Основанное Иродомъ царство оказалось крайне непрочнымъ. Умеръ иудеецъ—и немедленно началась въ Палестинѣ анархія. Одно возстаніе слѣдовало за другимъ. Напрасно избивалъ іудеевъ Архелай, тщетно жгли римляне мятежные города и распинали ихъ жителей тысячами. Населеніе страны не хотѣло подчиняться династіи Ирода. Безпорядки эти длились до той поры, пока Августъ не вызвалъ Архелая въ Римъ и не лишилъ его вѣдѣній. Іудея, Идумея, Самарія образовали особую область имперіи, связанную съ Сиріей и управляемую прокураторомъ изъ сословія всадниковъ (6 г. по Р. Х.)

Но и этотъ порядокъ не удовлетворялъ іудеевъ. Пусть освобождены были они отъ военной службы; пусть на мѣдной монетѣ ихъ не было изображеній императора; пусть орлы легионовъ всегда оставались внѣ стѣнъ Іерусалима. Налогъ въ пользу фиска и, особенно, *цель* казались имъ вопиющимъ беззаконіемъ. Вражда ихъ къ Риму все росла: шестьдесятъ лѣтъ спустя положеніе это разрѣшилось взрывомъ, который разрушилъ Іерусалимъ.

Руководствомъ Израиля въ политикѣ была его религія: это погубило евреевъ, какъ націю. Руководствомъ Ирода въ религіи была его политика: это погубило иудея, какъ царя Іудеи. Такая антитеза не вполнѣ очевидна, впрочемъ, объясняетъ намъ трагическую судьбу сына Антипатрова, сына

одной роковой для идумейца силы она не принимаетъ въ расчетъ. Этой силой были женщины. Женщины разбили жизнь Ироду, какъ *человѣку*, разбили потому, что въ отношеніяхъ къ нимъ царь былъ слишкомъ неостороженъ, чрезчуръ полагаясь на свою силу. И въ этомъ онъ опять - такъ былъ прямою противоположностью еврейству. Я уже не стану говорить о томъ, что *аскетизмъ* былъ высшимъ выраженіемъ нравственнаго идеала Израиля; не буду также останавливаться надъ характерной, несомнѣнно, для настроенія еврейскихъ идеалистовъ ролью, какую играетъ женщина во многихъ сказаніяхъ Ветхаго Завета *), или надъ страстными филиппиками Исаи противъ іерусалимскихъ красавицъ, которыхъ безжалостно бичуетъ и позоритъ пророкъ въ своемъ пламенномъ негодованіи. Замѣчу лишь, что современная Ироду синагога заботливо предостерегала сыновей Израиля относительно женщинъ, сурово осуждая даже довѣрчивую бесѣду мужа съ женой. Иродъ не слышалъ или не слушалъ этихъ предостереженій. Послѣдствіемъ этого были тѣ домашнія смуты, которыя окончательно изуродовали жизнь царя, превративъ его въ кровожаднаго тирана, память о которомъ живетъ до нашихъ дней, и самое имя котораго стало почти нарицательнымъ.

Но мы не должны, впрочемъ, всецѣло отдаваться враждебному къ Ироду чувству. Конечно, принимая въ качествѣ отдѣльнаго эпизода исконной, старой, какъ само челоуѣчество борьбы, идеализма съ противоположными силами, трагическая судьба сына Антипатрова даетъ своему наблюдателю извѣстное нравственное удовлетвореніе. Однако, стоя на высотѣ объективной исторической правды, мы обязаны помнить, что Иродъ былъ жертвой не столько своихъ пороковъ, сколько своего положенія. Коротко говоря, онъ не понималъ народа, которымъ призванъ былъ править,—не понималъ его, какъ не понимали Израиля многіе милліоны людей до и послѣ Ирода. И разсматриваемый съ этой стороны, сынъ Антипатра достоинъ скорѣе жалости, нежели ужаса или отвращенія.

Владиміръ Потемкинъ.

*) Напрям., въ разсказахъ о грѣхопаденіи, о дочеряхъ Лота, искушеніи Іосифа, Самсонѣ, Соломонѣ и пр., и пр.

Попытка перехода отъ участковаго землевладѣнія къ общинному.

(Къ вопросу о судьбахъ общины въ Россіи).

Въ настоящее время въ Перкинской волости, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, наблюдается весьма интересный случай стремленія крестьянъ всей волости перейти отъ участковаго землевладѣнія къ общинному. Это стремленіе остается пока одной попыткой и не принимаетъ реальныхъ формъ, какъ видно будетъ дальше, лишь вслѣдствіе чисто-внѣшнихъ препятствій.

Бывшіе государственные крестьяне всѣхъ селеній названной волости въ 1872 году, согласно составленнымъ и утвержденнымъ подлежащею властью приговорамъ, постановили перейти отъ общиннаго владѣнія къ подворному. Это единственная волость во всемъ уѣздѣ, гдѣ совершился столь рѣдко встрѣчающійся переходъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому. Ни въ одномъ селеніи другихъ мѣстностей Моршанскаго уѣзда такого перехода не совершалось ни раньше, ни послѣ. Чтобы получить представленіе о причинахъ, вызвавшихъ этотъ переходъ среди крестьянъ одной лишь волости, обратимся къ сборнику статистическихъ свѣдѣній по Моршанскому уѣзду (изд. тамбовскаго губ. зем. 1882 г.), гдѣ этотъ случай объясненъ довольно подробно.

«Пахотныя угодья,—говоритъ сборникъ,—обществъ Перкинской волости принадлежать къ худшимъ въ Моршанскомъ уѣздѣ; они большею частью песчаныя и пловатыя, даже посредственныя черноземныя почвы составляютъ лишь малую часть полей. Земледѣіе здѣсь можетъ быть поставлено удовлетворительно только при тщательномъ удобреніи полей. Но это въ прежнее время сознавали весьма немногіе; большинство крестьянъ волости совсѣмъ не удобряло полей; получая же плохіе урожаи хлѣбовъ, давно обратилось къ промысламъ. И въ настоящее время наибольшая часть крестьянъ Перкинской волости имѣетъ опредѣленные постоянные промыслы: въ Атмановомъ Углу всѣ поголовно пильщики, въ Перкинѣ и Семинѣ многіе занимаются у землевладѣльцевъ расчисткою выкупленныхъ лѣсовъ

водъ пашню, жгутъ уголь, ходятъ на донскія каменноугольныя копи, плотничаютъ, промышленяють мелкою лѣсною торговлею. Только одинъ изъ прежнихъ доходныхъ промысловъ крестьянъ Перкинской волости съ недавняго времени въ совершенномъ упадкѣ, это извозъ, которымъ много занималось крестьянъ всѣхъ обществъ волости. Причина упадка, почти совершеннаго прекращенія извознаго промысла—проведеніе желѣзныхъ дорогъ и послѣдовавшій затѣмъ упадокъ огромной прежде хлѣбной торговли г. Моршанска. Село Перкино и дер. Семикино расположены на почтовомъ трактѣ; презъ эти селенія совершалось огромное торговое движеніе, въ которомъ крестьяне и принимали участіе извозомъ и ямщиною. Прекращеніе этого торговаго движенія на Моршанскъ чрезъ Перкинскую волость весьма не выгодно отозвалось на благосостояніи мѣстныхъ крестьянъ. Въ это время должно было выступить на первый планъ въ хозяйствѣ крестьянъ земледѣліе, на которое они не обращали прежде должнаго вниманія. Цѣна на землю вмѣстѣ съ цѣнами на хлѣбъ вдругъ сильно поднялась, а между тѣмъ поля крестьянъ Перкинской волости оставались въ прежней запущенности, весьма мало удобрялись, вслѣдствіе чего и давали годъ отъ году худшіе урожан. Состоятельные и болѣе дальновидные люди стали понимать, что хлѣбопашество выгодно, что пренебрегать имъ отнюдь не слѣдуетъ, но и эти люди не находили расчета надлежащимъ образомъ удобрять свои пашни, такъ какъ у обществъ Перкинской волости утвердился обычай передѣлять свои поля не болѣе, какъ черезъ 2—3 года».

Къ числу такихъ дальновидныхъ и состоятельныхъ людей принадлежалъ старшина Перкинской волости Ивановъ, «человѣкъ дѣльный, нажившій себѣ значительное состояніе лѣсною промышленностью, во всякомъ случаѣ—лицо энергичное и несомнѣнно пользовавшееся въ своей волости большимъ влияніемъ, приобретеннымъ долговременною службой въ должности волостного старшины. Этотъ старшина и возымѣлъ мысль разомъ и навсегда прекратить вредный обычай крестьянъ своей волости часто передѣлять свои мірскія поля».

Въ этомъ смыслѣ подъ влияніемъ энергичнаго старшины и составлены были приговоры всѣхъ селеній волости о раздѣлѣ земли на подворные участки. Приговоры всѣхъ обществъ составлены одновременно и имѣютъ одну общую редакцію:

«До выдачи владѣнныхъ записей,—говорится въ приговорѣ,—мы періодически передѣляли землю на число душъ, сколько окажется таковыхъ, записанныхъ въ ревизію при новой народной переписи, или передѣляли оную при исключеніи крестьянъ изъ нашего общества, переходившихъ въ значительномъ числѣ въ многоземельныя губерніи или же при причисленіи въ нашему селенію изъ разнаго сословія лицъ, каковой постоянный раздѣлъ земель крайне затруднялъ насъ и не могъ дать по хозяйству развитія въ хлѣбопашествѣ; большая же часть изъ насъ, хозяевъ, изъ опасенія, что состоящій въ его владѣніи участокъ земли современемъ при новомъ раздѣлѣ можетъ перейти къ другому домохозяину, не удобрялъ

онный; через то самое при урожаѣ и не получалъ должнаго вознагражденія противу тѣхъ землевладѣльцевъ, которые ведутъ правильный хозяйствъ и съ удобреніемъ земель получаютъ прибыль вдвое болѣе. А потому, дабы положить всему преграду, мы и согласились передѣлять» и т. д.

Такимъ образомъ, единственною причиною, вызвавшей переходъ крестьянъ Перкинской волости отъ общиннаго владѣнія къ подворному, является желаніе удержать въ вѣчномъ владѣніи участокъ земли, чтобы удобрять его надлежащимъ образомъ.

«Очевидно,—говорить составитель сборника,—что приведенныхъ въ приговорѣ мотивовъ слишкомъ недостаточно для объясненія необходимости перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному. Но нужно сказать, что полного перехода къ такой формѣ землевладѣнія у крестьянъ Перкинской волости и не состоялось: у всѣхъ обществъ остались попрежнему въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи выгоны и лѣсныя угодья, а часть усадебныхъ и часть пахотныхъ угодій въ прежнемъ общинномъ владѣніи съ передѣлами по душамъ. Напримѣръ, у перкинскаго общества всѣхъ усадебныхъ, пахотныхъ, покосныхъ и выгонныхъ угодій имѣется 2.305,9 десятины и еще продовольственного лѣса—260,5. Между тѣмъ, въ раздѣлѣ на подворные участки поступило только 119½ десят., состоящихъ изъ усадебныхъ, огородами, садами, гумениками и конопляниками, и 1.317 дес. пахотныхъ, раздѣленныхъ на 3 поля. Всѣ остальные угодья оставлены въ общинномъ пользованіи, въ томъ числѣ нѣсколько приусадебной земли и значительный пахотный участокъ. Сѣнокосы свои крестьяне Перкинской волости передѣляютъ ежегодно, не вошедшіе въ подворный раздѣлъ пахотные участки—попрежнему черезъ 2—3 года».

Нельзя не придти на основаніи приведенныхъ данныхъ къ болѣе тѣмъ вѣроятному заключенію, что подворно-участковое землевладѣніе вмѣсто общиннаго крестьянамъ Перкинской волости было навязано совершенно искусственно и насильственно имѣвшимъ большое вліяніе въ окружной гласности старшиной Ивановымъ. Сильный, вліятельный или стоящій у власти человекъ и въ настоящее время имѣетъ полную возможность къ проведенію въ крестьянской средѣ тѣхъ или иныхъ своихъ желаній, или мѣропріятій, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, желаютъ ли послѣднихъ сами крестьяне. Достаточно вспомнить дѣятельность саратовскаго земскаго начальника Жеденева, чтобы понять, какой просторъ дѣятельности подобнымъ властнымъ опекуновъ представлялся деревнѣ почти 30 лѣтъ тому назадъ. Старшина же Ивановъ, по отзывамъ крестьянъ, былъ въ то время всесильнымъ для своей волости и все, что только хотѣлъ, «гнулъ подъ свою руку». Нѣсколько характерныхъ свидѣтельствъ о насильственномъ проведеніи своей мысли перехода отъ общиннаго владѣнія земель къ участковому со стороны старшины Иванова мы находимъ и въ статистическомъ сборникѣ.

«Агитація между крестьянами теперь покойнымъ старшиной Ивановымъ,—говорится въ сборникѣ,—въ пользу раздѣла полей подворнымъ,

обы потому ужъ не передѣлять ихъ, была начата въ 1870 году. Сколько жно заключить по нынѣшнимъ заявленіямъ крестьянъ, все дѣло уже ло предрѣшено старшиною лично, и онъ добивался только отъ всѣхъ шествъ постановленія соотвѣствующихъ мірскихъ приговоровъ. Формальное, хотя далеко не сознательное согласіе крестьянъ было получено». тѣмъ въ сборникѣ есть слѣдующее характерное мѣсто, указывающее, кими путями добивался волостной старшина согласія крестьянъ къ переходу на подворные участки. «Въ с. Атнамовъ Уголь крестьяне, между прочимъ, заявили, что многіе изъ нихъ не были совсѣмъ на той сходб, которая рѣшала вопросъ о раздѣлѣ земли на подворные участки, что поыйный старшина собирать ту сходку не въ селѣ, а гдѣ-то на выгонѣ коло вѣтряной мельницы». Эти показанія отводятъ весьма сомнительное всто для другого, указаннаго въ приговорѣ фактора: очевидно, сознание реда общиннаго владѣнія массой на переходъ къ подворному владѣнію е вліяло.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ сознание крестьянъ твердо проникло соание о пользѣ замѣны общиннаго владѣнія подворнымъ, то, во-первыхъ, но росло бы и укрѣплялось среди крестьянъ Перкинской волости, а, вторыхъ, переходъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому, трудно думать, тобъ ограничился одной только волостью. Я позволю себѣ не согласиться съ составителемъ сборника, что пахотныя угодья Перкинской волости относятся къ самымъ худшимъ въ Моршанскомъ уѣздѣ. Правда, почва Перкиной волости не представляетъ чистаго чернозема, здѣсь проходитъ полоса брыхъ, песчано-черноземныхъ почвъ, но, во всякомъ случаѣ, эта мѣстость не принадлежитъ по почвеннымъ условіямъ къ худшимъ въ уѣздѣ. отчасъ на сѣверъ, напримѣръ, отъ Перкинской волости идетъ мѣстность очти съ чисто-песчаною почвой, гораздо худшей, чѣмъ въ Перкинской волости, и такихъ мѣстностей съ чисто-песчаными почвами разбросано по ѣзду очень много. Затѣмъ, на сѣверъ къ Моршанску отъ Перкинской волости лежитъ цѣлый рядъ волостей — Булеватовская, Отъясеная, Черкиная, Пижерская, также лишившихся извоза, которымъ они занимались до проведенія желѣзныхъ дорогъ. Во всѣхъ этихъ волостяхъ почва не лучшая, тѣмъ въ Перкинской волости, всѣ эти волости занимаютъ тѣми же отхожими заработками. Казалось бы, что эти однородныя условія должны были привести къ перемѣнѣ формы землевладѣнія у крестьянъ сосѣднихъ съ Перкинской волостью. Однако, ничего подобнаго ни въ этихъ волостяхъ, ни во всемъ уѣздѣ не наблюдалось и не наблюдается.

Что касается самихъ крестьянъ Перкинской волости и укрѣпленія въ ихъ сознаниі пользы и выгоды отъ участковаго землепользованія сравнительно съ общиннымъ, то вотъ что мы находимъ по этому вопросу въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Моршанскому уѣзду: «Личными разспросами у крестьянскихъ обществъ мы вполнѣ убѣдились, что они слишкомъ далеки еще отъ самаго пониманія, будто бы, установленной у нихъ формы подворнаго владѣнія. Безъ преувеличенія можемъ сказать, что, не-

смотря на подробные разспросы крестьянъ о порядкахъ землевладѣнія могли бы уѣхать изъ Перкинской волости не узнавши, что тамъ тамъ подѣлена на подворные наследственные участки. Но этого не случилось, благодаря присутствію при нашихъ разспросахъ старшины *). Сами крестьяне, т.-е. масса ихъ, отнюдь не хотѣтъ даже признавать, что у нихъ установлено личное землевладѣніе и что передѣлы земли уже невозможны. Нынѣ большинство крестьянъ всѣхъ обществъ волости очень жаждетъ пріизвести общій передѣлъ земельныхъ угодій на наличныя души. Волостной старшина, конечно, не допускаетъ такого передѣла земли, указывая, что она подѣлена уже на наследственные участки. А крестьяне упрекаютъ его и это, думаютъ, что онъ напрасно стѣсняетъ ихъ, и увѣряютъ при этомъ, что они никогда не давали согласія подѣлить землю «навѣчно». Въ обществѣ с. Агмановъ-Уголь очень недолго существовала та разверстка земли, какая сдѣлана была при устройствѣ подворнаго владѣнія. Крестьяне при объясненіи, что намѣренными имѣть тогда кварталами владѣли года 4, потому опять передѣляли поля по-старому и что въ послѣднее десятилѣтіе происходила у нихъ жеробовка на землю не одинъ разъ. Какъ видно изъ всего вышесказаннаго, — заключающаго составитель сборника, — подворное землевладѣніе крестьянъ Перкинской волости далеко нельзя еще признавать фактомъ и даже весьма сомнительно, чтобы такая форма землевладѣнія когда-либо дѣйствительно здѣсь утвердилась».

Таково впечатлѣніе изслѣдователя Моршанскаго уѣзда, получившаго отъ крестьянъ, участковыхъ владѣльцевъ Перкинской волости, спустя 10 лѣтъ со времени перехода ихъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому и 15 лѣтъ тому назадъ. Четверть столѣтія, такимъ образомъ, протекло со времени перемѣны формы землевладѣнія; за эти 25 лѣтъ сознаніе собственности и землю должно бы было глубоко проникнуть въ понятія крестьянъ, а на года и преимущества участковаго землепользованія глубже и глубже укореняться въ ихъ умахъ. Однако, Перкинскимъ обществомъ 4 апрѣля 1896 г. былъ составленъ слѣдующій приговоръ: «Мы, нижеподписавшіеся, бывъ числа на сельскомъ нашемъ сходѣ, имѣли сужденіе о томъ, что у насъ левая пахотная земля раздѣлена на подворные участки, между тѣмъ владѣніе подворными участками для насъ оказывается крайне неудобнымъ и слѣдующимъ причинамъ: 1) такъ какъ семейное положеніе современнаго каждаго измѣняется, т.-е. изъ большого семейства членовъ дѣлается меньшимъ, а изъ малаго увеличивается, слѣдовательно въ натурѣ семействъ малому требуется сравнительно съ большимъ малый земельный надѣлъ, семейству съ большимъ количествомъ членовъ болѣе земельного надѣла притомъ мало-семейные домохозяева большесемейнымъ домохозяевамъ свои ихъ надѣловъ не уступаютъ, хотя бы съ исправнымъ платажомъ налоговъ и повинностей, 2) натуральная повинность у насъ отбывается опять и

*) Въ настоящее время (какъ и въ годъ изслѣдованія) старшиной въ Перкинской волости состоитъ сынъ старшины Иванова — виновинникъ перемѣны формы землевладѣнія

дѣлами, въ которыхъ имѣется большее число взрослыхъ членовъ, хотя и имѣющихъ земельнаго надѣла. Вообще мы подворное участковое владѣніе землей считаемъ для насъ не удобнымъ, а потому съ общаго всѣхъ съ согласія постановили: ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи намъ какъ пахотную полевою землю подворнаго участкового дѣлія, такъ и луговую землю, находящуюся въ общинномъ владѣніи, дѣлить на наличныя души». Ходаками по настоящему дѣлу обществомъ изданы крестьяне: Саяпинъ и Перетокинъ. Земскій начальникъ 2-го стана Моршанскаго уѣзда предписаніемъ отъ 6 апрѣля 1896 года, за 355, приговоръ относительно уполномочія крестьянъ Саяпина и Перетокина призналъ законнымъ и вошедшимъ въ силу. Такимъ образомъ крестьяне въполнѣ на законной почвѣ, съ вѣдома и разрѣшенія мѣстной власти, въ 25 лѣтъ глухого ропота и недовольства насильственно водвореннымъ участковымъ землевлдѣніемъ, рѣшили попытаться сговориться относительно перехода вновь къ общинному владѣнію.

Но всей вѣроятности, согласно чьему-нибудь указанію на то, что принятый приговоръ составленъ слишкомъ въ общей формѣ, крестьяне отъ апрѣля того же года составляютъ слѣдующій дополнительный приговоръ: мы, нижеподписавшіеся, въ дополненіе къ приговору нашему, состоявшемуся 4 апрѣля, имѣли сужденіе относительно неудобствъ между нами дѣлія землею, раздѣленною на подворные участки по приговору, состоявшемуся въ 1872 году, каковое владѣніе, предназначенное къ улучшенію каждаго хозяйства, какъ нынѣ, съ теченіемъ времени, на практикѣ доказавъ для весьма многихъ изъ насъ, владѣльцевъ, далеко не соответствующему назначенію, неудобно и невыгодно, такъ что нѣкоторые изъ насъ или свои и не удобрили за недостаткомъ работниковъ при крупномъ истокѣ, а нѣкоторые, немногіе, хотя и удобрили, но, имѣя малоземельный истокъ, по многочисленности семействъ получали съ него далеко не достаточное количество для семейства хлѣба, даже и на пятую часть года, потому какъ для людей, такъ и на кормъ скота всякій хлѣбъ приходится пріобрѣтать покупкой почти круглый годъ, а потому, въ силу изложеннаго при семъ приговорѣ договора владѣльцевъ подворныхъ участковъ о добровольномъ желаніи ихъ пустить свои участки въ общій земельный переделъ, мы приговоромъ симъ постановили: за исключеніемъ земли, находящейся подъ усадьбами и огородами, всю нашу землю, какъ состоящую въ подворномъ владѣніи въ количествѣ 1,317 дес. 1,200 саж., такъ и въ общинномъ владѣніи въ количествѣ 788,9 дес. раздѣлить на наличныя души каждаго пола, сколько таковыхъ въ настоящее время окажется налицо живыхъ. Участокъ крестьянина Павла Яковлева Скорняка въ 9 дес. саж., какъ выкупленный отъ казны единовременнымъ взносомъ приходящей суммы, и участокъ крестьянина Александра Яковлева Иванова въ 17 дес., какъ не изъявившаго добровольнаго желанія пустить таковой въ общій переделъ, оставляемъ ихъ неприкосновенными въ подворномъ владѣніи. По разрѣшеніи намъ таковаго раздѣла мы, ге

причиняя казнѣ никакихъ убытковъ и ущерба, всѣ причитающіеся съ ней земли выкупные платежи и всѣ прочіе окладные сборы обязуясь исправно платить за круговомъ другъ за друга порукою».

Изъ приведенныхъ приговоровъ видно, что необходимое единогласіе между крестьянами Перкинской волости для перехода отъ участковаго землевладѣнія къ общинному было достигнуто, за исключеніемъ одного домохозяина Александра Яковлева Иванова, о которомъ во второмъ приговоре оговорено, что его земля не поступаетъ въ общій передѣлъ. Этотъ Ивановъ и есть настоящій волостной старшина Перкинской волости, сынъ тогдашнѣ всесильнаго старшины Иванова, который сдѣлалъ крестьянамъ этой волости прививку участковаго землевладѣнія. Настоящій старшина, состоя старшиною уже болѣе 15 лѣтъ, чѣмъ успѣлъ пріобрѣсти значительную силу въ своей мѣстности, конечно, отчасти въ силу сыновней почтительности и памяти отца, отчасти и, навѣрно болѣе, въ силу эгоистическихъ соображеній, противоудѣствуетъ и, какъ мы находимъ указаніе въ статистическомъ сборникѣ, за время своего старшинства противоудѣствовалъ переходу крестьянъ снова къ общинѣ. Какъ указано въ приговорѣ, на долю старшины Иванова приходится въ настоящее время полевой нахотной земли находящейся въ участковомъ владѣніи, 17 дес. (съ усадьбой землей, которая по приговору не входитъ въ предполагающіяся въ передѣлъ земли, остающаяся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи; у старшины Иванова земли 21 дес. 1,800 саж., не считая земли, причитающейся на его долю въ общинномъ владѣніи); разлука съ такимъ участкомъ конечно, не входитъ въ интересы старшины Иванова. При переходѣ отъ участковаго владѣнія къ общинному, т.-е. при осуществленіи передѣла и наличныхъ душахъ, на долю старшины Иванова изъ всей земли, находящейся какъ въ участковомъ, такъ и общинномъ пользованіи, падаетъ всего 7 дес. 1,822 саж. (не считая усадьбаго участка); принимая въ соображеніе землю одного лишь участковаго владѣнія, старшина получаетъ только 5 дес. вмѣсто имѣющихся у него теперь 17 дес. Такимъ образомъ, при осуществленіи перехода отъ участковаго землепользованія къ общинному старшина долженъ потерять 12 дес. Легко представить себѣ, почему сомнительный старшина Ивановъ противоудѣствовалъ и противоудѣствуетъ переходу отъ участковаго владѣнія къ общинному, а его отецъ, покойный старшина Ивановъ, такъ упорно стремился къ прививкѣ участковаго владѣнія въ своей волости. Достигши единодушія и соглашенія для перехода отъ участковаго владѣнія къ общинному, за исключеніемъ одного старшины Иванова, какъ сказано въ приговорѣ, Перкинское общество издѣляетъ участокъ Иванова изъ общаго владѣнія. Изъ частныхъ бесѣдъ съ крестьянами мы вынесли впечатлѣніе, что крестьяне согласны на всевозможные выходы, лишь бы старшина успокоился, отвязался отъ нихъ и не тормозилъ передѣла. Ему предоставляется возможность выкупа участка дальнѣйшаго владѣнія въ настоящемъ его видѣ, крестьяне даже и

ости выкупъ за него, лишь бы только отдѣлаться отъ навязаннаго имъ вѣкового землепользованія.

Представленный въ уѣздный сѣздъ вышеприведенный приговоръ не былъ утвержденъ сѣздомъ на томъ основаніи, что «два крестьянина, Иванъ Митрохинъ и Иванъ Телмохинъ, не участвовали въ приговорѣ, крестьянинъ же Иванъ Поповъ хотя и изъявилъ свое согласіе уступить имъ участокъ для передѣла, но нынѣ не даетъ этого согласія, считая переходъ отъ подворнаго владѣнія мирскою землею къ общинному для себя невыгоднымъ. Затѣмъ уѣздный сѣздъ указываетъ на то, что въ приговорѣ обозначенъ срокъ передѣла и не приведенъ расчетъ душевыхъ участковъ, причитающихся на каждого домохозяина. Перкинскими обществомъ составленъ отъ 28 іюля того же года новый приговоръ съ точнымъ расчетомъ душевыхъ участковъ, причитающихся на каждого домохозяина, согласно новому передѣлу и съ указаніемъ срока передѣла на 12 лѣтъ. Въ приговорѣ, между прочимъ, значится: «Земля должна передѣляться та, которая входитъ въ составъ подворныхъ участковыхъ лицъ, заключившихъ договоръ, подворно-участковые владѣльцы, не участвовавшіе въ договорѣ и несогласные на передѣлъ земли, сохраняютъ свои права на вѣчное потомственное пользованіе ихъ подворными участками земли».

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого приговора, но Перкинское общество неожиданно для себя получило слѣдующее объявленіе отъ начальника губерніи: «До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ вашихъ односельчанъ изъ своекорыстныхъ видовъ подстрекаютъ общество крестьянъ Перкина къ составленію приговора о переходѣ отъ подворнаго пользованія надѣльной землей къ общинному. Предупреждаю васъ, что ваши соотечественники вовсе не думаютъ о вашей пользѣ, а заботятся только о своей общественной выгодѣ, что они уговариваютъ васъ перейти къ общинному землепользованію только потому, что, ссужая васъ деньгами, хотятъ отобрать у несправныхъ своихъ должниковъ землю не черезъ полюсно, какъ это приходится имъ дѣлать теперь при подворномъ пользованіи, а къ одной сѣбѣ, что, конечно, для нихъ выгодно. Затѣмъ разъясняю вамъ, что приговоръ отъ участковаго землепользованія къ общинному по закону п. 7, т. 51 общ. пол. о крестьянахъ и разъясненія правительствующаго сената, № 3345, 1878 г. долженъ быть составленъ непременно всѣми домохозяевами единогласно, т.-е. буде хотя одинъ домохозяинъ на такой передѣлъ не изъявитъ своего согласія, то приговоръ не будетъ допущенъ къ исполненію. Если же, сохрани Богъ, вы дозволите себѣ, несмотря на запрещеніе вашего начальства, приступить къ передѣлу самовольно, то понесете весьма тяжкое наказаніе, а ваши совѣтчики и подстрекатели, какъ бы богаты они ни были, будутъ наказаны вдвое. Настоящее мое объявленіе предписываю вывѣсить на видномъ мѣстѣ въ перкинскомъ волостномъ правленіи и оглашать его на сходахъ общества крестьянъ с. Перкина». При чтеніи этого объявленія начальникомъ губерніи невольно возникаетъ мысль о томъ, что передъ высшей губернской властью дѣло о попыткѣ крестьянъ Перкинской волости измѣ-

нить или, точнѣе говоря, возстановить форму нарушеннаго у нихъ имѣнія, представлено въ несоотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ, что дошедшіе до начальника губерніи слухи, на основаніи которыхъ создано объявленіе крестьянамъ Перкинской волости, не были, повидимому, достаточно провѣрены. Какъ было сказано раньше, Перкинское общество составило рядъ приговоровъ по вопросу о переходѣ къ общинному владѣнію и исполнѣ законной почтѣ, съ вѣдома и разрѣшенія участковаго земскаго начальника. Земскій начальникъ призналъ вошедшей въ законную силу ту часть приговора, которая касается избранія крестьянъ, Саяпина и Переткина уполномоченными для ходатайства о разрѣшеніи перехода къ общинному землепользованію. Никакихъ уклоненій отъ требованій закона, никакихъ стремленій въ сторону насильственныхъ дѣйствій крестьянъ Перкинскаго общества замѣтно совершено не было. Одинъ изъ уполномоченныхъ, избранныхъ крестьянами для ходатайства, состоитъ въ настоящее время церковнымъ старостой, чего, навѣрно, не могло бы быть въ томъ случаѣ, если бы его дѣйствія были направлены въ незаконную сторону. Намъ лично пришлось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго священника, отзывы объ этомъ уполномоченномъ, какъ о членѣ очень «степенномъ» и далекомъ отъ мысли производить какую-либо суету въ умахъ своихъ односельчанъ. Намъ извѣстно, конечно, насколько правильно, въ смыслѣ подсчета голосовъ и опроса о согласіи или несогласіи на переходы отъ участковаго владѣнія къ общинному, составлены приговоры. Остается не вполне извѣстнымъ, было ли достигнуто то единеніе (кромя отказа старшины Иванова) на переи́ну формы землевладѣнія, о которомъ говоритъ приговоръ, въ дѣйствительности. Кромя приговора составленъ еще договоръ между домохозяевами, о чемъ говорится въ приговорѣ. Видѣть этотъ договоръ намъ не приводось. Можетъ быть, въ приговорѣ и договорѣ есть тѣ или иные недочеты и неправильности, просидящіе скорѣе отъ неумѣнья и незнанія, какъ нужно правильно составить приговоръ по вопросу, который представляется и новымъ и сложнымъ, тѣмъ отъ отсутствія соглашенія между домохозяевами Перкинскаго общества. Уѣзднымъ сѣздомъ указаны такіе недочеты и неправильности, не позволяющіе Перкинскому обществу измѣнить у себя форму землевладѣнія. Можно только сказать, на основаніи мотивовъ, по которымъ сѣздъ не утвердилъ приговоръ Перкинскаго общества, что недочеты, встрѣтившіеся въ приговорѣ, не исключаютъ возможности соглашенія между домохозяевами, требуемаго п. 7, ст. 51 общ. пом. о крестьянахъ для перехода отъ участковаго владѣнія къ общинному. Сѣздъ указываетъ на неучастіе въ приговорѣ только 2 крестьянъ, Ананія Митрохина и Ивана Теломохина. Если случится, что эти 2 домохозяина были только пропущены въ приговорѣ, хотя, быть можетъ, и участвовали въ немъ; если же они, дѣйствительно, совершенно не изъявили согласія на переходъ къ общинному владѣнію, то, можетъ быть, крестьяне нашли бы какой-нибудь выходъ изъ положенія, чтобы 2 только домохозяина не могли остановить цѣлаго общества отъ

перехода къ общинѣ. Здѣсь возможно опять-таки выдѣленіе участковъ неогласныхъ изъ общаго владѣнія, включительно до преждевременнаго выпу-
ска этихъ участковъ.

Что касается 3-го домохозяина, Ивана Попова, то онъ, давши согла-
сіе на переходъ къ общинному владѣнію, впоследствии измѣнилъ свое
вѣщеніе. Подобный случай, конечно, нисколько не удивителенъ. Скорѣе
ожно удивляться тому, что случай такого отказа только одинъ и что
вышло всего 3 домохозяина, не изъявившихъ согласія на передѣлъ. Но
огласіе на переходъ къ общинному владѣнію какихъ-нибудь 3—5 домо-
хозяевъ въ громадномъ обществѣ, состоящемъ изъ 334 домохозяевъ, когда
къ соглашенію на этотъ переходъ есть сильное противодействіе въ лицѣ
огатаго и вліятельнаго старшины, свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, о край-
не единодушномъ стремленіи крестьянъ Перкинскаго общества перейти къ
общинному землевладѣнію.

Перкинское общество съ самаго начала своихъ хлопотъ о разрѣшеніи
перейти къ общинному владѣнію съ чрезвычайнымъ тактомъ старается от-
калать отъ себя всякое подозрѣніе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Всѣ
приговоры составлялись съ вѣдома земскаго начальника, имъ были утверж-
дены уполномоченные ходатаи; въ приговорѣ отъ 22 апрѣля опредѣленно
говорится о выдѣленіи участковъ крестьянъ Скорнякова и Иванова, какъ
«не пожелавшихъ свои участки пустить въ общій передѣлъ»; затѣмъ въ
приговорѣ отъ 28 іюля сказано, что «всѣ несогласные на передѣлъ земли
сохраняютъ свои права на вѣчное потомственное владѣніе ихъ подворными
участками земли». Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ крестьянъ совершенно
не проявлялось и тѣни какого-либо насилія или самовольства.

Наконецъ, по поводу объявленія г. губернатора возникаютъ еще слѣ-
дующія немаловажныя соображенія:

При всякомъ передѣлѣ земли наиболѣе заинтересованною стороною но-
ваго передѣла всегда выступаютъ домохозяева съ меньшимъ надѣломъ,
многосемейные и нуждающіеся бѣдняки. Богатѣи деревни при передѣлахъ
земли являются наиболѣе устойчивою, консервативною частью общества,
не желающей новаго передѣла. Вообще передѣлы земли совершенно не въ
интересахъ богатѣй и нигдѣ не наблюдается во время передѣловъ, чтобы
о нихъ хлопотали зажиточные крестьяне. Тѣмъ болѣе это примѣнимо, ког-
да рѣчь идетъ о переходѣ къ общинѣ отъ участковаго владѣнія. Вотъ что
говоритъ, между прочимъ, составитель сборника по Моршанскому уѣзду:
«главными сторонниками старшины (т.-е. проведенія имъ участковаго зем-
левладѣнія вмѣсто общиннаго въ Перкинской волости), сколько намъ из-
вѣстно, были именно сравнительно богатые крестьяне, которымъ обычно-
венно общинные порядки передѣловъ земли, періодическаго сравненія ея,
кажутся стѣснительными». Между тѣмъ, объявленіе тамбовскаго губерна-
тора объясняетъ желаніе Перкинскаго общества перейти отъ участковаго
владѣнія къ общинному проясками богатѣй. Еще непонятнѣе мотивы, по

которымъ богачи якобы агитируютъ въ пользу перехода къ общинному землепользованию.

Можно изслѣдовать десятковъ тысячъ общинъ и ни въ одной не окажется, чтобы земля каждаго домохозяина была къ одной междѣ, въ одномъ участкѣ. Излишняя дробность участковъ является даже слабой и нежелательной стороной общиннаго владѣнія. Подчасъ земля разбросана по одному полю у каждаго домохозяина въ десяткахъ кленовъ, загоновъ или угловъ. Дробностью крестьянскихъ полосъ, какъ возраженіемъ противъ общины, пользуются всегда противники послѣдней. Мнѣніе, что при общинномъ владѣніи земля у крестьянъ ограничивается къ одной междѣ и нѣе черезполосна, чѣмъ при участковомъ владѣніи, является глубокимъ заблужденіемъ, которое могло создаться лишь благодаря полному незнакомству съ общинными порядками.

Наконецъ, остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ богачи агитируютъ за переходъ къ общинѣ потому, что, «сужая крестьянъ дыганами, хотятъ отобрать отъ несправныхъ своихъ должниковъ землю». Известно, что при общинномъ землепользованіи по закону земля нѣкоимъ образомъ не подлежитъ ни отобранію, ни отчужденію. Наоборотъ, при участковомъ владѣніи отчужденіе является вполне доступнымъ и возможнымъ. Думается, что перкинскіе богачи это знаютъ хорошо, и было бы странно въ этомъ смыслѣ ожидать отъ нихъ агитаціи къ переходу отъ участковаго владѣнія къ общинному.

Вышеприведенное объявленіе разомъ прекратило среди крестьянъ Перкинской волости всякіе толки о передѣлѣ и переходѣ къ общинному владѣнію. Да и то сказать, кому хочется быть заподозреннымъ и обвиненнымъ въ возбужденіи и «подстрекательствѣ къ незаконнымъ дѣйствіямъ». Всякую мысль у крестьянъ о возвращеніи къ общинному владѣнію, по ихъ словамъ, «коломъ вышибло», крестьяне махнули на все рукой, лишь одинъ старшина Ивановъ не безъ радости и удовольствія чувства гордости и силы потираетъ руки отъ удовольствія и усмѣхается себѣ въ бороду.

Такъ закончилась попытка Перкинскаго общества перейти отъ участковаго владѣнія къ общинному или, точнѣе говоря, возстановить у себя общинное владѣніе, нарушенное у нихъ непростительнымъ благодушіемъ въ лицѣ старшины Иванова. Соглашеніе Перкинскаго общества, согласно закона, требующаго для перехода къ общинѣ единогласія всѣхъ домохозяевъ, можетъ быть, и было бы достигнуто, если бы вышнее внимательство не прекратило разомъ всѣ толки среди крестьянъ объ этомъ переходѣ. Ни видѣли, что съѣздомъ было указано на несогласіе перейти къ общинѣ только 3 домохозяевъ, изъ всего громаднаго общества, причѣмъ одинъ изъ нихъ сначала согласился на переходъ, а потомъ передумалъ; во всякомъ случаѣ, отсутствіе согласія на переходъ къ общинѣ трехъ, даже 10 домохозяевъ изъ трехъ сотенъ не можетъ служить опорой того мнѣнія, что въ перкинскомъ обществѣ есть склонность къ участковому землевладѣнію. Нами было приведено раньше впечатлѣніе изслѣдователей «ростъ

искаго землевладѣнія въ Моршанскомъ уѣздѣ. Изъ него видно, какъ далеко были тогда крестьяне Перкинской волости отъ пониманія участковаго землевладѣнія. Это было въ 1880 году, чрезъ 8 лѣтъ послѣ перехода общины къ подворному владѣнію. То же самое мы видимъ и теперь, 5 лѣтъ спустя. Въ чемъ бы ни искали объясненія этого непониманія частковаго землевладѣнія и такой упорной склонности нашего народа къ общинѣ, какими бы причинами экономического, почвеннаго или фискальнаго характера ни обуславливали существованіе общины, одно выступаетъ съ несомнѣнной ясностью, что въ данномъ случаѣ крестьяне желали именно общины, въ ней одной видятъ они нормальную форму землевладѣнія и что искусственно привитая другая форма является для нихъ нежелательной обузой. Едва ли также можно спорить, что мнѣніе наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, ищущее выраженія и осуществленія въ закономѣрныхъ формахъ, должно и по закону, и по здравому смыслу, и по нравственнымъ основаніямъ играть первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ. Можно сколько угодно спорить о пользѣ или вредѣ общины, можно строить какія угодно теоріи, но нельзя отрицать также и самой жизнью права на самоопредѣленіе въ столь скромныхъ и совершенно законныхъ предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что мы видѣли, къ чему ведетъ это внѣшнее усвоеніе непонятныхъ и не усвоенныхъ сознательно началъ. Несомнѣнно, что и впредь въ землевладѣніи перкинцевъ будетъ царствовать вредная неопредѣленность.

Н. М.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Счастье съ уютомъ*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Германа Зудермана, переводъ съ нѣмецкаго Л. Н. Ленской.—*Дѣя судьбы*, пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ, И. В. Шпажникаго.—Художественно-общедоступный театр: *Самоуправленіе*, трагедія А. Ѳ. Писемскаго.—Выставка картинъ русскихъ и французскихъ художниковъ.

Въ истекшемъ (ноябрѣ) мѣсяцѣ на сценѣ Малаго театра были поставлены двѣ новыя пьесы: переводная *Счастье съ уютомъ*, Зудермана, въ бенефисъ А. П. Ленскаго, и оригинальная *Дѣя судьбы*, г. Шпажникаго. Обѣ,—въ добрый часъ сказать,—успѣхъ имѣли, хотя и не особенно блестящій. Нашу бесѣду съ читателемъ мы начнемъ съ произведенія г. Шпажникаго, какъ оригинальнаго, болѣе крупнаго и для насъ болѣе интереснаго, по мысли, ради которой написана эта пьеса, выводящая на сцену нѣкоторыя любопытныя картинки современной жизни. Авторъ обдуманно и осторожно называлъ свое произведеніе «пьесой», а не комедіей, ибо подъ наименованіе «пьесой» можно подвести все, что угодно, любое сценическое сочиненіе, тогда какъ подъ названіемъ «комедіи» мы издавна разумѣли нѣчто совершенно опредѣленное, стройно и логически развивающееся и вполне законченное. Картины, составляющія содержаніе «пьесы» нашего почтеннаго драматурга, очень интересны и живы, но между ними мы не видимъ той послѣдовательно-необходимой связи, изъ которой въ дѣйствительности слагается «судьба» человѣка или «двѣ судьбы», сводящихъ двухъ человѣкъ вмѣстѣ на ихъ жизненныхъ путяхъ. «Судьба» человѣка, т. е. счастье или несчастье, благополучіе или неблагополучіе,—зависитъ не всецѣло отъ него самого. Если бы такъ это было, то, разумѣется, каждый изъ насъ устранивалъ бы свою «судьбу» самымъ наилучшимъ образомъ. И всѣ мы, непрерывно, всѣми своими силами хлопочемъ объ этомъ, изъ-за этого боремся съ неблагоприятными обстоятельствами, преодолеваемъ невѣстныя препятствія или выбиваемся изъ силъ, когда не умѣемъ или не можемъ справиться съ такими жизненными условіями, которыя препятствуютъ намъ достигнуть желаемаго. Иногда такая борьба принимаетъ характеръ въ особенности драматическій, если она становится внутреннею борьбой, борьбой съ самимъ собою, обусловленною болѣе или менѣе несправедли-

ными конфликтами между желаніями и долгомъ, между страстями и обязанностями. Тогда мы имѣемъ дѣло съ сюжетомъ для драмы и съ достаточными элементами для таковой. При иныхъ обстоятельствахъ, по виду, ить можетъ, и сходныхъ нѣсколько, когда человекъ терзается изъ-за ничтожныхъ пустяковъ, геройски ломится въ отпертыя двери, совершаетъ подвиги по недоразумѣнію,—передъ нами проходитъ комедія, насъ забавляющая. Всякое явное несоотвѣтствіе между затраченными энергіей и силами, съ одной стороны, и возможными отъ того результатами, съ другой—ничто, и тѣмъ оно забавнѣе, чѣмъ наивно искреннѣе герой, совершающій нужные подвиги. Въ «пѣсѣ» г. Шпажинскаго мы не видимъ ни такихъ элементовъ драмы, ни такихъ положеній комедіи. Герой пьесы, князь Баскаковъ (г. Южинъ) пріѣхалъ въ Москву и очутился въ драматическомъ положеніи образованнаго нищаго, которому предстоитъ либо умереть съ голоду въ холодномъ и сыромъ подвалѣ, либо идти на улицу и просить милостыню. На это рука не поднимается и языкъ не поворачивается. А молодой князь не вѣлъ уже цѣлыя сутки, хозяинъ его съ квартиры гонить. Молодой человекъ явился въ Москву на послѣдніе гроши искать занятій и работки, ничего не нашель, какъ это не рѣдко бываетъ, и дошелъ до такой нищеты настолько обтрепаннымъ, что уже въ люди показаться не можетъ. Въ моментъ такой-то безвыходной крайности къ князю Баскакову яляется «дѣловая особа» Ошуркова (г-жа Каратыгина) и, послѣ нѣкоторыхъ предисловія, предлагаетъ ему вступить въ фиктивный бракъ съ богатою дѣвицей, которой нужно «прикрыть грѣхъ», попутавшій ее съ женатымъ человекомъ. «Дѣловая особа», съ своей точки зрѣнія, не видитъ въ комъ бракъ ничего дурного и для князя неудобнаго: очень многіе и «хорошіе» люди женятся изъ-за денегъ и принимаютъ на себя извѣстныя супружескія обязанности. А тутъ—князь повѣщается, получить условленные нежки и навсегда распрощается съ супругой, которая отправляется за границу производить на свѣтъ «плодъ любви несчастной». Дальше обязательства никакихъ, «чисто, благородно» и, несомнѣнно, очень выгодно,—едюжи Ошуркова кому-нибудь другому, такъ всякій за такое благополучіе ватится обѣими руками и «по гробъ жизни» останется благодаренъ. Въ комъ Ошуркова убѣждена, и мы думаемъ, что за людьми стоворчивыми у и дѣло не станетъ. Князь оказался не такимъ покладистымъ, онъ готовъ орѣе пустить себѣ пулю въ високъ, чѣмъ согласиться на такую подлую выку. Но застрѣлиться у него не хватаетъ характера, револьверъ изъ къ выпадаетъ, а Ошуркова пользуется колебаніемъ молодого человека и выываетъ ему пятьсотъ рублей въ томъ разсчетѣ, что, получивши деньги, онъ уже не откажется отъ исполненія того, за что онѣ даны. Во второмъ дѣствіи, передъ нами богатый домъ Нины Михайловны Повѣтовой (г-жа молова), молодой дѣвушки изъ хорошаго общества, согрѣшившей съ блестящимъ офицеромъ Гремячевымъ (г. Рыжовъ). Ихъ «грѣху» покровительствуетъ и, повидимому, не мало содѣйствовала среднихъ лѣтъ вдова Бегина (г-жа Федотова), дама крайне легкихъ взглядовъ на жизнь, люби-

тельница скабрзных книгъ и анекдотовъ, а тѣмъ паче любовныхъ включеній въ дѣйствительной жизни. Когда оказалось, что грѣхъ Повѣтовой надо «прикрывать», Бедрагина взялась черезъ Ошуркову за присканіе подходящаго для того человѣка. Живя на правахъ компаньонки - друга у Повѣтовой, она уговорила ее воспользоваться столь удобнымъ способомъ спасти репутацію порядочной дѣвушки въ глазахъ общества, которое охотно идетъ на всякія сдѣлки и на обманы ради того, чтобы соблюдены были условныя приличія, такъ называемые «аррагессы». Съ этою дамою совершенно согласенъ офицеръ Гремячевъ, очень довольный тѣмъ, что самъ онъ и обманенная имъ дѣвушка такъ легко и «съ честью» выйдутъ изъ пресквернаго положенія. Сама Повѣтова далеко не охотно соглашается на такую сдѣлку, которая тяжело претитъ ея честной и прямой натурѣ. Она и въ «грѣхъ» и впала потому только, что повѣрила Гремячеву, будто ему удалось добиться развода съ женой. Но разводъ, совершенно неожиданно для нея, не состоялся. И теперь для того, чтобы «sauver les arragences», ей предстоитъ одно изъ двухъ: или скрыть ребенка, т.-е. съ нимъ разстаться и отъ него отречься или «купить» себѣ фиктивного мужа, а своему ребенку мнимого, но мнимого отца. Подъ вліяніемъ уговоровъ Бедрагиной и Гремячева, подъ вліяніемъ признаваемыхъ и принимаемыхъ обществомъ негѣпныхъ и нѣкого и обманывающихъ «аррагессы», она соглашается на безчестную сдѣлку, сознавая въ душѣ всю неблаговидность такого поступка. Когда дѣло представляется уже слаженнымъ, почти поконченнымъ, въ домъ Повѣтовой приходитъ оборванный, иззябшій и изголодавшійся князь Баскаковъ и бросаетъ на столъ деньги, оставленные у него Ошурковой. «Я съ голоду умираю въ трущобѣ,—говоритъ онъ,—никто не далъ мнѣ работы, никто не хотѣлъ помочь мнѣ! Вамъ понадобилось скрыть свой позоръ, понадобился подлецъ, который пошелъ бы на низкую сдѣлку и продавался бы какъ вѣдьма. Вотъ деньги являются сами, являются тысячи. Вы находите подлую тварь, которая обдѣлываетъ темныя дѣла, эксплуатируетъ нищету и несчастіе. Вы шлете ее къ тѣмъ убитымъ судьбой, къ тѣмъ задавленнымъ горемъ, которые вопіютъ къ состраданію!... Вы заботились только о себѣ. Вы не дали себѣ труда подумать, какое клеймо позора будетъ носить всю жизнь тотъ несчастный, кого вы купили. За то, что онъ съ голоду умираетъ только за это, вы лишаете его чести и чистой совѣсти! У голодного, холодного бѣдняка вы отнимаете послѣднее: честное имя! Вѣдь это что-то вѣщное!» «Жестокій урокъ! Ужасная правда!»—восклицаетъ Нина, опившись, послѣ ухода Баскакова. На этотъ разъ всѣ уговоры и доводы Бедрагиной оказываются недействительными. Повѣтова сознаетъ «страшный ужасъ паденія, до котораго довели ее Бедрагина и Гремячевъ». Она чувствуетъ «всю низость лжи и обмана, которыми они хотѣли ее спасти». «Меня оскорбили, какъ негодную женщину, и этимъ я обязана имъ и Гремячеву!—говоритъ Нина.—Исходъ одинъ, надо подчиниться ему, и исполнить то, что велитъ мнѣ совѣсть и долгъ, не боясь ни презрѣнія, ни позора. И я это исполню». Зававѣсь, и эффектный конецъ второму дѣй-

гива. Да какъ будто и комедіи конецъ въ смыслѣ обуславливавшихъ ее драматическихъ конфликтовъ. Но не конецъ это «пьесѣ», въ которой авторъ хотѣлъ показать въ лицахъ отношеніе общества къ благороднымъ орывамъ опомнившейся дѣвушки, рискнувшей рѣзко порвать со всѣми аппарансами». Баскаковъ вернулся въ подвальную трубочу и отъ всего ережитаго свалился опасно больнымъ. За нимъ, какъ нянька, ухаживаетъ цинъ изъ «коечниковъ», нищій Лукичъ (г. Макшеевъ), въ больномъ принимаетъ самое живое участіе молодая дѣвушка изъ «общества», Калерія Павловна (г-жа Яблочкина), по порученію и на деньги одной особы, пожелавшей остаться неизвѣстною. Зритель догадывается, конечно, кто эта особа. Передъ нами проходятъ фигуры обитателей угловъ: пропойцы бывшего пѣвца Авессаломова (г. Садовскій), торговки Мары (г-жа Порошина), поденщицы Степаниды (г-жа Музиль), хованна подвала Кыфарскаго (Музиль). Въ 1-й картинѣ 4-го дѣйствія—засѣданіе попечительства о бѣдныхъ. Князь Баскаковъ оправился физически и нравственно, по милости Калеріи Павловны онъ получилъ мѣсто въ банкѣ и состоитъ секретаремъ попечительства. И тутъ-то совершенно случайно онъ встрѣчается съ (иной) Повѣтовой. Между 3 и 4 дѣйствіями прошло три года. Нина вернулась изъ-за границы «съ дѣвочкой», ни отъ кого этого не скрываетъ, къ великому негодованію своего общества, ни у кого бывать не хочетъ, къ себѣ никого не принимаетъ. Къ попечительству она обратилась за дѣйствіемъ въ устройствѣ дома для даровыхъ квартиръ бѣднякамъ, изымающимъ въ гнилыхъ трущобахъ. Въ помощники Повѣтовой предлагаетъ попечительства рекомендуетъ Баскакова. Послѣ тяжелаго объясненія Повѣтовой, Баскаковъ становится ея правою рукой въ такомъ благомъ дѣлѣ, какъ призрѣніе несчастныхъ. Проходитъ еще годъ, и въ пятомъ дѣйствіи мы присутствуемъ при освященіи дома для даровыхъ квартиръ. Большинство членовъ попечительства, а за ними и всего общества, настроено очень враждебно противъ Повѣтовой, заподозриваютъ ее въ разныхъ гадостяхъ, въ любовной связи съ Баскаковымъ, сплетничаютъ про нее и въ глаза дѣлаютъ непріятности. Этими они доводятъ Повѣтову до такого состоянія, что она готова все бросить и уѣхать навсегда за границу. Молодую женщину удерживаютъ убѣжденія старика Шмелева (г. Рыаковъ), друга покойнаго отца Нины, благороднаго резонера пьесы. Оконательно же останавливаетъ ее въ Москвѣ, при ея добромъ дѣлѣ, финальное объясненіе съ княземъ Баскаковымъ. Они другъ друга любятъ, вступятъ въ бракъ и вмѣстѣ, дружно, будутъ работать на благо нищей братіи. Эти четыре дѣйствія представляютъ собою не драму, а то, что произошло въ дѣйствующими лицами послѣ окончанія драмы; это—очень хорошо написанныя и сами по себѣ очень любопытныя картины изъ быта «коечниковъ» и изъ жизни столичныхъ попечительствъ о бѣдныхъ, напоминающихъ отчасти «акробатовъ благотворительности». Какъ талантливый писатель и опытный драматургъ, г. Шпагинскій сумѣлъ придать этимъ картинамъ большую живость и сценичность, правдиво раскрылъ въ нихъ нѣ-

которыя темныя стороны нашего, такъ называемаго, «порядочнаго», общества, дорожащаго *аппарансами* много больше, чѣмъ сущностью человѣческихъ отношеній. Публика, очевидно, почувствовала это, поняла правдыя обличенія автора и дружными аплодисментами и вызывами выразила ему свое сочувствіе. Въ общемъ пьеса была разыграна не такъ идеально хорошо, какъ мы привыкли то видѣть на сценѣ Малаго театра. Мы думаемъ, что произошло это не по винѣ артистовъ, а главнымъ образомъ отъ недостаточной опредѣленности характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. У героя Баскакова не хватаетъ силы на геройство, и исполнителемъ этой роли приходится энергію замѣнять нервностью. Г. Южинъ дѣлаетъ это превосходно, его искусству мы отдаемъ полную справедливость, мы восхищаемся имъ, но тѣмъ не менѣе непоколебимымъ остается сознаніе, что это—не то. И вотъ того, что для насъ было бы, именно, «то», не артисту не достаётъ, а роли, которую онъ долженъ играть. Баскаковъ застрѣлиться хочетъ и не застрѣливается,—на это его не хватаетъ. А почему бы ему не застрѣлиться? Отъ неудачнаго выстрѣла, особливо въ грудь, люди нерѣдко выздоравливаютъ. Правда, тогда пришлось бы написать не сколько иную пьесу. Зато и герой вышелъ бы другимъ, болѣе сильнымъ, и «судьба» (остаться живымъ) была бы на своемъ мѣстѣ и сдѣлала бы свое дѣло. А въ концѣ-концовъ Баскаковъ, бѣднякъ на банковскомъ положаніи, все-таки женится на очень богатой невѣстѣ. Героиня Нина Петровна, превосходно изображенная г-жею Ермоловой, проявляетъ еще нѣтъ признаковъ серьезнаго характера, чѣмъ естественно уменьшается значеніе ея поступковъ. Подъ чужимъ вліяніемъ довольно ничтожныхъ людей она «соглашается» купить себѣ мужа; подъ вліяніемъ раздраженныхъ рѣчей незнакомаго оборванца она принимаетъ крайне важное для дѣвушки рѣшеніе; подъ вліяніемъ злостныхъ толковъ людей, которыхъ она не уважаетъ, Нина готова бросить прекрасное и ею излюбленное дѣло, и, наконецъ, подъ вліяніемъ страстной вспышки она «соглашается» выйти замужъ за красиваго князя, т.-е. подчиниться основнымъ требованіямъ того же общества, прикрыться законнымъ бракомъ и «sauver les apparences». Вся очень серьезная исторія о вопросѣ большой важности сведена «на пѣть», торжествуютъ аппарансы, сбрендили «герои» подъ чужими вліяніями, ибо у нихъ не хватаетъ «своего», чтобы идти противъ условности низменнаго и безнравственнаго кружка ничтожныхъ людей, «акробатовъ приличій и благотворительности». Вотъ почему изъ превосходной группы первыхъ русскихъ артистовъ выходитъ все-таки—не то! И, тѣмъ не менѣе, публика довольна пьесой г. Шпагинскаго. А почему?—Полагаемъ, потому, что онъ ребромъ поставилъ два вопроса: «кто виноватъ?»—и «что дѣлать?» Въ наше время эти вопросы такъ назрѣли въ обществѣ, столько надѣлали горя и такіа причиняють страданія, что постановка ихъ въ публичномъ освѣщеніи,—хотя бы и безъ категорическаго разрѣшенія,—передъ такими аудиторіями, какъ театральныя залы, есть большая заслуга автора. Г. Шпагинскій можетъ остаться недоволенъ нашимъ отзывомъ.

го пьесѣ, но мы-то очень довольны г. Шпажинскимъ и его пьесой, посмотрѣвши которую, каждый изъ зрителей непременно и глубоко задумается надъ жгучими вопросами: «кто виноватъ?»—и «что дѣлать?»—Кажый рѣшить ихъ, быть можетъ, по-своему, но въ душѣ всякаго такая ихъ остановка расшевелитъ честныя и гуманныя чувства. А съ такими хорошими впечатлѣніями мы далеко не часто выходимъ изъ нашихъ театровъ.

Германъ Зудерманъ большая величина въ современной нѣмецкой литературѣ. Какъ таковую, разбирать его здѣсь не мѣсто. Передъ нами его омедея *Счастье въ уголкѣ*, только о ней мы и будемъ говорить. Жилъ въ маленькомъ городкѣ сѣверной Германіи «ректоръ общинной гимназіи» Видеманъ (г. Ленскій). Отъ перваго брака у него трое дѣтей: Елена (г-жа Музиль), слѣпая шестнадцати-лѣтняя дѣвушка и два сына, лѣтъ 12 и 13, Эмиль и Фрицъ (экстерны Лѣсновскій и Лаццилинъ). Видеманъ, спустя нѣкоторое время послѣ смерти первой жены, вступилъ во второй бракъ съ Елизаветой (г-жа Ермолова), воспитанницей и, кажется, дальней родственницей богатыхъ бароновъ фонъ-Рекницъ. Такимъ образомъ Елизавета, ю рожденію, воспитанію и привычкамъ, принадлежитъ къ болѣе высшему обществу, чѣмъ скромный инспекторъ захолустной гимназіи, человекъ очень ютченый и умный, но неудачникъ, забитый судьбою. Елизавета,—какъ выясняется дальше,—вышла замужъ не по любви. Въ этомъ бракѣ съ пріятнѣйшимъ и добрейшимъ человекомъ она искала защиты отъ собственнаго увлеченія и отъ ухаживанія барона фонъ-Рекницъ (г. Южнинъ), женаго на ея большой пріятельницѣ Беттиѣ (г-жа Благово). Въ домъ своего юмолодого мужа Елизавета внесла тихое счастье въ мирномъ провинціальномъ «уголкѣ». Она — отличная хозяйка, дѣтямъ замѣнила родную мать, для самого ректора она — чудная жена, и онъ обожаетъ ее, не нарадуется своему «счастью въ уголкѣ», относится къ женѣ, какъ къ существу высшаго юрядка, снизошедшему до него, приниженнаго житейскими невзгодами, которыя даетъ ему рѣзко чувствовать окружный инспекторъ гимназій, докторъ Орбъ (г. Федотовъ). Но учитель Видеманъ, тѣмъ не менѣе, блаженствуетъ, онъ, благодаря Елизаветѣ, нашелъ полное счастье въ мирѣ, тишинѣ и покоѣ. Такъ ли счастлива Елизавета? Это — вопросъ особый, мало занимающій господина ректора, который изъ-за своего благополучія не видитъ, что дѣлается вокругъ него и въ его семьѣ. Елизавета только покорила такому «счастью въ уголкѣ», но отнюдь не забыла своего житія въ замкѣ барона, ни своего увлеченія фонъ-Рекницемъ, ни его пылкихъ ухаживаній. И вотъ самъ Рекницъ пріѣзжаетъ въ ихъ городокъ, по случаю ярмарки, въ силу старыхъ отношеній, помѣщается съ женою въ домѣ ректора, съ новою страстностью возобновляетъ свои объясненія въ любви шетно пытающейся удалиться отъ него хозяйкѣ дома. Съ тѣмъ виѣсть, баронъ убѣждаетъ Видемана бросить учительство и переѣхать въ его помѣстье въ качествѣ управляющаго и арендатора. Елизавета не выдерживаетъ и бросается на шею блестящему барону. Ночью она собирается тайно уйти изъ дома мужа. Предупрежденный объ этомъ Видеманъ подкараули-

васть ее, но не за тѣмъ, чтобъ удерживать Елизавету, а чтобъ сердцемъ проститься съ нею, — ни въ чемъ ее не винить и не упрекать, а искренно поблагодарить за ту долю настоящаго счастья, которое она дала ему. Молодая женщина сильно потрясена, глубоко растрогана добротой и великодушiемъ тихаго ректора. Такимъ она видитъ его въ первый разъ въ жизни, поддается очарованiю его невидной, но прекрасной личности и со словами истинной и прочной любви припадаетъ къ груди умиленнаго супруга. Барона они выпроводятъ раннимъ утромъ и ни на какiя богатства и благополучiя не промѣняютъ своего тихаго «счастья въ уголкѣ». Пьеса разграна превосходно, несмотря на ультро-пѣвецкiй тонъ, съ которымъ наши уважаемые артисты отлично справились, изъ-за котораго выдвинули на надлежащее мѣсто общечеловѣческiя черты характеровъ и чувства. Считаемъ своею обязанностью отмѣтить, что г-жа Музиль была очень нмъ естественна въ довольно трудной роли шестнадцати-лѣтней слѣпой дѣвушки, и совсѣмъ хороша была г-жа Благово въ небольшой, но характерной роли нелюбимой жены барона фонъ-Рекницъ.

4-го ноября въ Художественно-общедоступномъ театрѣ была дана старая трагедiя А. Ө. Писемскаго *Самоуправцы*, шедшая когда-то очень давно на сценѣ Малаго театра еще при Самаринѣ и Шумскомъ. Дѣйствие трагедiи происходитъ въ 1797 г. въ помѣстьи богатѣйшаго князя Ишнина, i весьма возможно, что основная фабула взята авторомъ изъ тогдашней дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ произведение это, нѣсколько мелодраматичное, даетъ очень вѣрное изображенiе жизни и характеровъ того времени. Въ этомъ смыслѣ *Самоуправцы* представляютъ собою настоящую историческую драму, хотя въ ней нѣтъ ни одного лица, нмъ котораго зналъ бы въ исторiи. Тутъ на сценѣ не исторiя, а главнымъ образомъ подиный бытъ вельможнаго барства сто лѣтъ назадъ, съ его ужасными «самоуправствами», не останавливавшимися ни передъ какими неистовствами и жестокостями. Старый князь и генералъ-аншефъ Платонъ Ишниковъ (К. С. Станиславскiй) женился на молоденькой дѣвушкѣ-сѣдкѣ, Настасьѣ Петровнѣ (М. Ф. Андреева), дочери мелкопомѣстнаго дворянина Дѣвочкина (г. Артемъ). Тутъ же по сосѣдству живетъ въ отпущу молодой офицеръ Рыковъ (г. Ланской), влюбленный въ молодую княгиню. Она отвѣчаетъ ему взаимностью. Младшiй братъ генерала, князь Сергiй, любовныя искательства котораго рѣзко отвергнуты княгиней, перехватилъ ея любовное письмо къ Рыкову и предательски открылъ новѣрность жено до бѣшенства ревнивому старику. Начинаются жестокiя самоуправства стараго барина, при помощи крѣпостной дворни. Дворецкаго (г. Мейнерхольдъ) и горничную княгини (г-жу Мундъ), знавшихъ объ отношенiяхъ князя къ Рыкову, заковываютъ въ цѣпи и заключаютъ въ подвальный торгъ княжескихъ палатъ. Та же участь постигаетъ княгиню Настасью Петровну и офицера Рыкова. Старый деспотъ и самоуправецъ, ради издѣвательства надъ несчастными, устраиваетъ надъ ними какой-то дикiй судъ, при чемъ роль судьи поручаетъ своему крѣпостному шуту Бадушкину (г. Буди-

овъ). Вѣшательство властей черезъ капитанъ-исправника (г. Судьбининъ) вѣдетъ ровно ни къ чему, ибо мѣстные власти трепещать передъ могуществомъ знатнаго и богатаго князя и закуплены его податками. Тогда мелкопомѣстный дворянинъ Дѣвочкинъ, отецъ княгини, подговариваетъ шайку разбойниковъ, съ которыми давно ведетъ пріятельство, и во главѣ ихъ вооруженною рукою нападаетъ на усадьбу князя. Они громятъ и грабятъ кладовыя, взламываютъ подвальные тюрьмы, освобождаютъ заключенныхъ и принимаются хозяйничать даже въ домѣ генерала, во время балки тяжело раненнаго въ голову. Всѣмъ этимъ изумительнымъ безобразіямъ полагаетъ конецъ прибытіе губернатора (г. Тарасовъ) съ отрядомъ солдатъ. Заканчивается трагедія смертью стараго князя, который въ послѣднія минуты прощаетъ жену, передаетъ ей все свое состояніе съ тѣмъ, чтобы она вышла замужъ за любимаго ею Рыкова. Разбирать эту пьесу, порядочно-таки устарѣвшую, мы считаемъ совершенно излишнимъ. Она очень эффектна, представляетъ собою вѣрную и характерную картину нравовъ конца прошедшаго столѣтія, поставлена превосходно, мы сказали бы образцово, если бы не было нѣкоторыхъ, по нашему мнѣнію, недочетовъ, которыхъ скажемъ ниже, и прекрасно разыграна. Противъ извлеченія изъ стараго репертуара такихъ пьесъ мы рѣшительно ничего возразить не можемъ и, наоборотъ, считаемъ это дѣло полезнымъ, служащимъ къ чести и славы «Художественнаго» театра. К. С. Станиславскій показалъ себя въ роли стараго князя настоящимъ и сильнымъ артистомъ. Отличными помощниками ему были: г. Лужскій, довольно типично изобразившій молодого французившагося шалопая «свосыря» (франта) конца XVIII в.; г-жа Равская, мило и тонко сыгравшая роль тихой, но далеко не забытой и энергичной молодой княгини, изъ типа тѣхъ женщинъ былыхъ временъ, которыя не падали въ обморокъ и не дрожали ни передъ каторгой, ни передъ смертью. Г. Артемъ очень хорошо провелъ небольшую, но ответственную роль дворянина Дѣвочкина. Онъ не былъ Шумскимъ въ этой роли, но вала ему и честь за то, что, послѣ Шумскаго онъ былъ въ ней, несомнѣнно, первымъ. Мы въ долгу остались бы передъ г. Бурджаловымъ, если бы не отмѣтили очень хорошаго исполненія имъ роли шута Кадушкина, и не исполнили бы своей обязанности, если бы промолчали о томъ, что г. Тарасовъ изображалъ собою шута, а не губернатора крутыхъ временъ императора Павла Петровича. Вышла каррикатура и, притомъ, ни на что не нужная, съ существомъ дѣла не сообразная. По режиссерской части мы должны отмѣтить совсѣмъ ненужную возню на сценѣ во время нападенія разбойниковъ на усадьбу князя Ишмина. Нѣкто, болѣе насъ «догадливый», объяснялъ намъ, что это—«разбойники дерутся въ общей свалкѣ изъ-за обычаевъ». Съ такимъ объясненіемъ мы не можемъ согласиться: насколько намъ извѣстно, награбленная добыча составляла общее достояніе шайки и поступала «на дуванъ», т.-е. въ раздѣлъ, по совершенномъ окончаніи экспедиціи. Держась строго исторической реальности, надо поставить дѣло такъ, чтобы награбленное стаскивалось въ одинъ ворохъ, подъ распоряженіемъ

и наблюденіемъ всаула Саранки (г. Савинъ). Тутъ нужна суэта и сѣбѣ, а никакъ не междоусобная свалка. Губернаторъ представленъ слишкомъ драматичнымъ и каррикатурнымъ, безъ всякой въ томъ надобности и не совсѣмъ въ соотвѣтствіи съ энергичностью его дѣйствій. Намъ сказать могутъ, что мы придираемся къ мелочамъ. Да, совершенно вѣрно, но придираемся мы потому, что очень цѣнимъ задачи и усилія дирекціи «Художественнаго» театра, искренно желаемъ, чтобы такія усилія и старанія приводили къ наилучшимъ результатамъ, соотвѣствующимъ той любви къ дѣлу и симпатичному труду, которые положены на то, чтобы сдѣлать эту сцену на самомъ дѣлѣ «художественною». Если бы мы смотрѣли на сцену Б. С. Станиславскаго и Вл. Ив. Немировича-Данченко только какъ на «антрепризу» съ коммерческою цѣлью, мы иначе относились бы къ ихъ предпріятію. Но дѣло въ томъ, что они, гг. Станиславскій и Немировичъ-Данченко, правдиво и задушевно хотятъ послужить искусству и, по нашему убѣжденію, послужить ему могутъ въ направленіи добромъ. Вотъ почему мы требуемъ многого отъ тѣхъ, кто сдѣлать можетъ многое, ибо имъ «дано многое» въ матеріальномъ отношеніи и въ смыслѣ любви къ дѣлу.

Ан.

Выставку картинъ русскихъ и французскихъ художниковъ, которую устроили гг. Аванцо и Питэ назвали «Union Artistique. Russie-France» можно рекомендовать всѣмъ любителямъ искусства. Правда, на выставкѣ больше корифеевъ, нежели chef-d'oeuvres'овъ, больше знаменитыхъ именъ, чѣмъ выдающихся произведеній; но зато тамъ цѣлая масса картинъ, которыя воспроизводятъ подлинную жизнь съ замѣчательнымъ техническимъ искусствомъ, а весьма многія изъ нихъ передаютъ и ту красоту въ обыкновенной житейской сценѣ, которой и не замѣтитъ простой наблюдатель дѣйствительности. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ (правда, очень немногихъ) картинахъ за художественно исполненнымъ образомъ скрывается и значительная мысль, способная занять вдумчиваго зрителя. Наконецъ, весьма поучительно сопоставить нашихъ художниковъ съ французскими, въ особенности съ точки зрѣнія выбора сюжета и отношенія къ различнымъ явленіямъ настоящей и прошлой жизни.

Одно изъ первыхъ мѣстъ на выставкѣ принадлежитъ картинѣ г. Рипина *Парижское кафе*. Большое полотно съ массой разнообразныхъ лицъ—едва ли простое воспроизведеніе случайной толпы большого города. Художникъ—не фотографъ, и его картина представляетъ попытку изобразить типичныхъ посѣтителей парижскихъ кафе. На правой (отъ зрителя) сторонѣ картины—два пошлыхъ шапона, и одному изъ нихъ художникъ придалъ почему-то каррикатурно-дурацкій видъ; за столикомъ на этой же сторонѣ господинъ съ жирнымъ лицомъ и рыжая дама съ отталкивающимъ фizioноміей—это представители сытой буржуазіи, и отношеніе къ нимъ художника совершенно ясно. Весьма краснорѣчивы также фигуры на лѣвой сторонѣ картины: уткнувшійся въ газету пролетарій и красивое, умилое

поди на въ цилиндрѣ—другого представителя той же демократіи. Менѣе въ центрѣ картины: костюмъ, поза и лицо женщины въ черномъ, у которой, повидимому, только что произошла какая-то сцена съ отошедшими полами, недостаточно выразительны; между тѣмъ на виновниковъ этой ны обращено вниманіе и рыжей дамы, и семьи, занимающей сосѣдній ликъ. Но что же именно произошло?

Другая картина г. Рѣпина *Нежданная*—этиюдъ варіація его знаменитѣе ждали и имѣетъ интересъ для исторіи его художественной мысли. Не вполне ясенъ сюжетъ превосходной акварели знаменитаго Э. Мейе—*Проводникъ*. Судя по недовѣрчивымъ лицамъ конныхъ солдатъ и ихъ напряженно уставленнымъ на проводника взорамъ, онъ ведетъ говъ противъ своихъ соотечественниковъ; но его безстрастно спокойн физіономія нѣсколько противорѣчитъ этому предположенію. Или, мотъ быть, по мысли художника, туповатая физіономія проводника и должобъяснить и нѣсколько извинить его измѣну? Превосходно задумана тина другой меньшей знаменитости—г. J. Lefebvre *Леди Годива*, котор въ XI в. голая проѣхала по городу, исполняя капризъ своего мужа, щавшаго за это уменьшить городскіе налоги. Къ сожалѣнію, исполнекартины гораздо ниже ея замысла: лицо и фигура Годивы, славившейсвоею красотой и добротой, совершенно незначительны и не выражаъ ни того, ни другого, а только стыдъ и смущеніе. Совершенно наобоъ картина г-жи Демонъ-Бретонъ *Измаилъ* написана на избитую тему, весьма замѣчательна по обработкѣ сюжета. Художница съ замѣчательо экспрессіей написала страдающее лицо мальчика и съ необыкновенноюкостью уловила свойственную восточной женщинѣ покорность судьбѣпроникнутомъ страданіемъ лицъ его матери. Кромѣ того, картина принаетъ къ себѣ превосходно написанной раскаленной пустыней и жиин позами Агари и ея сына.

Но если выставка и не богата оригинальными и глубоко задуманными жетами, зато очень многія картины безъ большихъ претензій и вполнеоужественно воспроизводятъ разныя стороны жизни. Такова, наприм. тина г. J. Bail *Отдыхъ*. Лицо поваренка, растянувшагося въ кухнѣнапирисой въ зубахъ, написано съ замѣчательною живостью и выраельностью. На выставкѣ очень много картинъ съ надписями: «мечты», «издумье» и т. п., но ни одна изъ нихъ не передаетъ настроенія съ такою ѣефностью, какъ *Отдыхъ* г. Bail. Поваренокъ тоже мечтаетъ, и по егооолько надменной миѣ видно, что въ мечтахъ онъ высоко поднимаетсяъ своимъ дѣйствительнымъ положеніемъ. Очень живо написаны лицааховъ на картинѣ г. T. Chartran—*Утренняя въ монастырѣ Grande artreuse*, но намъ представляется не вполне удачной композиція этой тины: при всемъ разнообразіи лицъ, вслѣдствіе отсутствія обстановки тель не схватываетъ сцены во всей ея цѣлости, не въ состояніи перетисъ къ заутренѣ и получить отъ нея цѣлостное впечатлѣніе. *Рожденская индюшка* знаменитаго J. Breton представляется съ перваго

взгляда очень не художественной по темъ: на первомъ планѣ женщина держитъ въ рукахъ только что зарѣзанную индюшку, изъ которой льется кровь; около нея стоитъ мальчикъ, въ позѣ и лицѣ котораго живѣйшій интересъ къ эпизоду и большое удовольствіе по поводу случившагося. Но сцена написана такъ живо, что зритель легко переносится въ ту среду, гдѣ индѣйки ѣдятъ только на Рождествѣ, и естественное удовольствіе мальчика, предвкушающаго праздничныя радости, получающій смыслъ и примираетъ съ сюжетомъ.

Было бы слишкомъ долго подробно останавливаться на всѣхъ картинахъ, воспроизводящихъ разныя стороны дѣйствительной жизни. Мы упомянемъ только тѣ изъ нихъ, которыя выдаются живостью воспроизведенія и изысканствомъ техники. Сюда слѣдуетъ отнести картину г. Н. Сain — *Внѣшнее рожденіе*. Больная г. Сain совсѣмъ поправилась и видѣ въѣхотъ не по здоровой, чѣмъ посѣтителница; но бесѣда двухъ дамъ передана очень живо. Очень пріятное впечатлѣніе производитъ красота сцены на картинѣ г. J. Duré — *Спокойствіе*: отъ женщинъ, увлеченныхъ своею работою, такъ и пышетъ здоровьемъ. На картинѣ г. G. Haquette — *Дождливая навстрѣчу кораблю*, замѣчательно схвачено и передано движеніе гробовъ. Небольшая, но прелестная картина г. В. Lemeunier — *Хорошіе часы* — показываетъ необыкновенное умѣнье художника уловить и передать красоту въ будничной сценѣ. Очень правдиво и жизненно написана другая картина Лемёнъ — *Подъ дождемъ*. Весьма красива также картина младшаго Meissonier — *Кюветъ*, въ которой тонко схвачено настроеніе момента.

Въ этомъ умѣньѣ схватить сущность момента и перенести его на холстѣ русскіе художники не уступаютъ французскимъ. Безукоризненна въ этомъ отношеніи маленькая картинка г. Лебедева — *Маленькая*: зритель съ труда переносится въ уголокъ усадьбы, и ему совершенно ясно, о чемъ говорятъ двѣ совсѣмъ живыя фигуры на лѣвой сторонѣ картины. Г. Курнецовъ съ необыкновенною живостью изобразилъ, какъ гимназисты утаиваютъ арбузы: мальчики совершенно ушли въ свое занятіе, и это умѣніе неподражаемо передано въ ихъ фигурахъ. Весьма пріятное впечатлѣніе производитъ нѣсколько идиллическая картинка г. Пелевина — *Дядюшка мушкетеръ*: сосредоточенное лицо читающаго мальчика и съ большими маніемъ слушающій его дѣдъ — все это правдивое отраженіе въ искусствѣ того луча свѣта, который вноситъ въ крестьянскую жизнь народная жизнь. Обычныя Варьки г. Лемоха очень хорошо написаны на его картинѣ *Улица*, только онѣ нѣсколько понадоѣли.

Но при одинаковости интереса къ живой дѣйствительности у художниковъ обѣихъ національностей, французскія жанровыя картины даже болѣе или менѣе случайно составленной выставкѣ, очень характерно отражаютъ нѣкоторыя стороны современнаго настроенія французскаго общества. На выставкѣ бросается въ глаза сравнительно очень большое количество картинъ изъ солдатской жизни и изъ жизни народныхъ классовъ.

революціонной Франціи. Въ первой категоріи принадлежать: обѣ картины г. Е. Р. Верне-Bellescour — *На маневрахъ и Бесѣда*, двѣ картины и два рисунка г. Е. Detaille, всѣ три картины (*Въ цѣпи*, *Сунгъ* и *Невольная остановка*) г. Р. Grolleron, обѣ картины г. М. Роу — *Обѣдъ на маневрахъ* и *Вирасиръ у водопоя*, двѣ картинки и три акварельныхъ рисунка г. А. de-ville, и *Водопой* г. J. Dupré. Всѣ эти многочисленныя картины однородно своему сюжету и по отношенію къ темѣ различныхъ художниковъ. Они всѣ онѣ представляютъ мирныя сцены изъ военной жизни: дружескую бесѣду солдатъ, приготовленіе обѣда на маневрахъ и т. п., и всѣ проникнуты чрезвычайно теплымъ чувствомъ. Съ какою заботливостью любовью написалъ, наприм., М. Роу своего вирасира! Сколько привлекательности и задумчивости сумѣли вложить въ простую солдатскую беду гг. Верне-Bellescour и de-Neuville въ своей картинѣ *Укрѣпленіе С. ера*! Какимъ привѣтливымъ добродушіемъ проникнута другая картинка г. Ж. Белькура или *Невольная остановка* г. Детайля! Чѣмъ объяснить это настроеніе современныхъ французскихъ художниковъ? Шовинизмомъ? Этого вовсе нѣтъ на выставкѣ, даже, наоборотъ, можно замѣтить противоположное настроеніе. Не говоря уже о томъ, что большинство картинъ маленькихъ полотнахъ изображаютъ повседневную мирную жизнь солдатъ, немногія сцены войны совершенно чужды воинственнаго воодушевленія. Такова картина г. Guinard *Быстро*; на картинѣ г. Гроллерона *Въ окопѣ* солдаты только заинтересованы своимъ дѣломъ и честно исполняютъ свой долгъ. Даже въ славномъ военномъ прошломъ родины художники ищутъ вниманіе не на блескъ оружія. Одна изъ лучшихъ историческихъ картинъ на выставкѣ — *Французская армія на развалинахъ Каренга* г. Clairin, но этотъ превосходный жанръ, который переноситъ въ данную обстановку, отлично иллюстрируетъ пестрый составъ революціонныхъ генераловъ, причемъ картина намекаетъ не на военное, а на культурное значеніе египетскаго похода. Французскіе художники не стыдятся раннихъ воспоминаній о 1812 г.; но они или просто его иллюстрируютъ, какъ это дѣлаетъ г. Детайль въ картинѣ *Польскій уланъ въ 1812 г.*, или подчеркиваютъ бодрость, съ которой переносили невзгоды солдаты «великой арміи», какъ это прекрасно выражено въ живо написанной Flameng фигурѣ солдата (1812 г.). Единственная картина на сюжетъ, происходящий изъ военныхъ успѣховъ Франціи, *Покореніе мамелюковъ* г. Bourgain; но это суховато написанный жанръ, совершенно свободный отъ шовинизма. Откуда же такое сочувствіе французскихъ художниковъ къ солдатской жизни? Не слѣдуетъ ли видѣть въ немъ отраженіе въ искусствѣ того сочувствія къ арміи, которое сильно подогрѣто во Франціи послѣдними процессами? Искусство всегда очень отзывчиво къ общественнымъ мнѣніямъ, а французы особенно отличаются своею впечатлительностью. Другая характерная особенность французскихъ художниковъ на выставкѣ г. Аванцо — ихъ отношеніе къ своему прошлому. Большинство изъ нихъ съ любовью останавливается на жизни фешенебельнаго общества

дореволюціонной Франціи. Иногда нарядные кавалеры и дамы стараго порядка украшаютъ пейзажъ, какъ, наприм., на картинѣ г. Flameng *Море съ шарами*, а чаще всего художники берутъ красивыя сценки изъ ихъ семейной жизни. Такъ г. V. H. Lesur изображаетъ изящный менуэтъ, г. Leboigъ *Рыбную ловлю*, а на другой картинѣ г. Лезюра *Колонида* чрезвычайно хорошо написана будничная сцена ихъ уличной жизни; такія же сцены также хорошо исполненныя принадлежатъ младшему Мейсону (*Бродячіе музыканты*), г. J. Girardet (*Вожакъ медведя*). Т. М. Leboigъ нарисовалъ кромѣ элегантной *Рыбной ловли*, какъ двѣ изящныхъ дамы разбираютъ изъ красивыхъ шкафовъ въ красивыхъ переплетахъ книги (*Библиотечка*). Е. Sourel изобразила хорошенькую *Цепточинну времени Людовика XV*. Чѣмъ объясняется такой интересъ къ жизни «старога порядка?» Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ эпоху своего разложенія старый порядокъ хранилъ красивую оболочку, и художникъ въ правѣ брать красоту всю гдѣ онъ ее находитъ. Но характерно, что на выставкѣ нѣтъ ни одного художника, который попытался бы поглубже заглянуть въ прошлое и искать красоты въ другихъ классахъ тогдашняго общества. Такое однородное изображеніе недалекой старины заставляетъ предполагать, что французскіе художники относятся къ ней не только съ эстетической точки зрѣнія, и въ этомъ проявляется нѣкоторая тенденціозность. Не отразился ли здѣсь одно изъ теченій современнаго общественнаго настроенія во Франціи. Впрочемъ, на выставкѣ есть одинъ художникъ г. H. Laissement, историческіе интересуютъ другая эпоха. Въ его большой исторической картинѣ *Послѣдній извѣстїя*, одной изъ лучшихъ на выставкѣ по разнообразію и выразительныхъ позъ и лицъ, сюжетъ обработанъ эпически, но въ маленькой картинкѣ *За стаканомъ вина—1806* г. чувствуется иное отношеніе къ эпохѣ.

Наши русскіе художники и вообще не особенно заинтересованы русскимъ прошлымъ, а на выставкѣ г. Аванцо есть только работа г. Насрова — *Пр. Сергій благословляетъ кн. Дмитрія Донскаго на Куликовскую битву*. Но въ произведеніяхъ этого художника до искусства приходится доискиваться довольно долго; поэтому мы предпочитаемъ повторить о его художественныхъ приемахъ въ другой разъ и по другому, болѣе важному поводу. Историческія картины гг. Бѣльева и Семирадскаго изображаютъ чужую старину. *День памяти* г. Бѣльева иллюстрируетъ религиозную жизнь древнихъ христіанъ, какъ она протекала въ катакомбахъ, но намъ не удалось перенестись въ эту обстановку и картина не произвела на насъ значительнаго впечатлѣнія. Болѣе удачно ищеть красоты античномъ мірѣ г. Семирадскій, выставившій три картины: *Канатная скачовица*, *Египетскій танецъ* и *Амулетъ*, изъ которыхъ двѣ первыя болѣе значительныя по размѣру, сходны по сюжету и почти одинаковы по колориту. Всѣ эти картины—прекрасно написанная иллюстрація древней жизни, и ихъ главное достоинство—живыя и интересныя фигуры.

Можетъ быть, слѣдуетъ также поставить въ связь съ современными

гроснѣмъ сравнительное обиліе на выставкѣ французскихъ картинъ религиознаго содержанія. Но всѣ онѣ мало согрѣты религиознымъ чувствомъ, факторы страдаютъ манерностью и даже вычурностью. Наиболѣе значительная изъ нихъ—*Быство въ Египетѣ* г. Е. Toudouze. Сюжетъ обраванъ вполне реально, а въ то же время и не безъ поэзіи. Путники явились вечернею порой у высокой каменной стѣны; Іосифъ остался речъ осла, а Св. Дѣва съ Младенцемъ поднимается по лѣстницѣ къ каменѣ просить ночлега. Кругомъ разбросаны тачки, грабли, сбура и брѣзъ куры (при лунѣ и при звѣздахъ!) Но художникъ считъ необходимымъ гѣтить, что это не простые странники: поэтому онъ поставилъ луну какъ гъ за головою Богородицы и превратилъ такимъ образомъ небесное свѣтило иконописный нимбъ. Зачѣмъ это нужно? Но г. Тудузъ этимъ не огранился: онъ такъ нарисовалъ пѣтушій гребень, что отъ него идетъ сіяніе. Что это техническая случайность или авторскій замыселъ? Проще, но неудачнымъ колоритомъ, написана *Св. Дѣва* г-жи Демонъ-Бретонъ. городица на открытомъ воздухѣ готовить пишу для Младенца; изъ Его ювы исходитъ сіяніе, а Св. Дѣва оставлена безъ нимба. Почему такая думѣра въ обработкѣ религиозныхъ сюжетовъ? Другая картина той же дожницы *Преріаль* представляетъ какую-то фигуру съ иконописнымъ ичикомъ, вѣроятно, аллегорическое изображеніе весны и не производитъ какого впечатлѣнія. Нельзя назвать удачной и тройную картину г-жи М. таиге *Чудо св. Розины*. У художницы была неподходящая натурщица, горю она еще разъ нарисовала въ другой картинѣ (*Розы*), и тамъ она тѣе на своемъ мѣстѣ. Въ центральной картинѣ, гдѣ св. Розина изобрана съ розами, въ ея лицѣ нѣтъ ничего религиознаго, а скорѣе есть что-чувственное; нѣкоторый проблескъ религиознаго одушевленія проявляется на лицѣ св. Розины въ той части картины, гдѣ она молится о прещеніи цвѣтовъ въ хлѣбы; но этотъ проблескъ исчезаетъ безъ слѣда и же замѣняется нѣкоторой жеманностью по совершеніи чуда. Въ общемъ ѣ французскія картины такого содержанія на выставкѣ г. Аванцо отражаютъ на себѣ характеръ современнаго французскаго благочестія: въ нихъ ть что-то дѣланное, вычурное. Двѣ картины на религиозные сюжеты выавилъ и русскій художникъ г. Кошелевъ: недурной этюдъ головы Спателя и голову ангела, написанную съ какою-то полной блондинки, въ ицѣ которой нѣтъ ничего ангельскаго.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну особенность французскихъ дожниковъ, которая послѣ смерти Перова, за исключеніемъ г. В. Маковаго сравнительно рѣдко встрѣчается въ русской живописи: именно юръ въ обработкѣ сюжета. Такимъ настроеніемъ проникнуты всѣ три ревосходно написанныя картины г. G. Vibert, причемъ въ акварели *Послъ ренады* юморъ схваченъ въ самой сценѣ, а въ двухъ остальныхъ картинахъ *Разбитая бутылка* и *Благочестивыя размышленія*—въ выражеіяхъ лицъ, замѣчательныхъ по своей экспрессіи. Въ этомъ же духѣ написана картина г. J. Wogms—*Пололамъ*, только лицо женщины, ожидающей

своей очереди выпить, недостаточно выразительно. Такое же настроение проявляется и въ военномъ жанрѣ *Невольная остановка* г. Гроллера въ сюжетахъ, заимствованныхъ изъ прошлаго, наприм., въ двухъ акциях г. Bougain—*У обидни* и *Жена начальника*. При этомъ всѣ картины написаны съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ: шутильвый сюжетъ не занимаетъ большого полотна и юморъ почти никогда не переходитъ въ карикатуру. Нѣсколько карикатурна, да и то больше по сюжету, чѣмъ по обработкѣ, фигура пожилого мужа, испугавшагося предстоящихъ тратъ со стороны молодой жены на картинѣ г. J. Bégaud—*У ювелирного магазина*.

Весьма значительную часть выставки составляетъ изображеніе женской красоты или, точнѣе говоря, женскихъ головокъ и голаго тѣла. Для удовлетворительнаго выполненія художественной задачи при изображеніи женскаго лица достаточно двухъ условій—хорошей техники и подходящей позы. Хорошо нарисовать красивую женщину—и выйдетъ хотя и незначительная, но пріятная для глазъ картинка, и такихъ картинокъ, русскихъ и французскихъ, довольно много на выставкѣ. Таковы, наприм., двѣ работы г. Харламова, *Римлянка* г. Семирадскаго, *У фонтана* г. Бакланова, *Фадетта* г. Blanchard, *Венеціанка* г. Chattran и т. п. Но всѣмъ многіе художники не ограничиваются чисто внѣшнимъ изображеніемъ: стараются схватить существенную черту характера изображаемой женщины или, что бываетъ чаще, ея настроеніе въ данный моментъ. Это уже болѣе трудная задача и удачное ея разрѣшеніе дѣлаетъ картину значительнымъ психологическимъ этюдомъ. Въ такихъ случаяхъ художники обыкновенно подчеркиваютъ свою мысль названіемъ картины, иногда заимствуя его изъ исторіи или изъ литературы, иногда отыскавъ то настроеніе сюжета, которое художникъ имѣлъ въ виду передать въ своей картинкѣ. На выставкѣ есть три картины съ такимъ заимствованнымъ названіемъ, но всѣ онѣ не оправдываютъ текста. Еще удачнѣе другихъ *Саламбо* г. Richter, который нѣсколько напоминаетъ героиню романа Флобера; но *Клоринда* г. Жюльенъ просто хорошенькая барышня въ маскарадномъ костюмѣ, которая лучше въ обыкновенномъ костюмѣ на другой его картинѣ, а *Дездемона* г-жи Гюйонъ не имѣетъ ничего общаго съ чудной страдальницей Шекспира. Чѣмъ удаются картины съ менѣе претенціозными названіями. Такъ, на предметъ личикъ у *Маленькой лгуньи* г. Харламова, вся ея дѣтская душа и маленькая балерина г. Carrier-Belleuse заключаетъ въ себѣ цѣлую драму. Сутоловатая дѣвочка съ неуклюжими ногами, но съ красивымъ лицомъ и въ школьнѣ наказана ослиной шапкой; балерины изъ нея, навѣрное, не выйдетъ, а сколько ей предстоитъ огорченій, гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ школьное наказаніе. Довольно выразительны, особенно благодаря жесту *Мечты* г. J. Ballavoine и другія еще болѣе красивыя *Мечты* г. Луиса, также поза у *Щеюлихи* г. Лемана. Но на выставкѣ есть много головъ, у которыхъ и съ каталогомъ въ рукахъ не найдешь соотвѣствующаго изображенія. Таковы, *Отдыхъ* г. Жако, *Раздумье* г-жи Bordes-Guyon, *Маленькая*

г. Лефевръ etc. Кромѣ того, можно указать нѣсколько головокъ, въ горыхъ, несмотря на блестящую технику, художнику не удалось уловить внѣшней, ни внутренней красоты. Таковы, наприм., *Головка* г-жи L. Bema, *Головка* г. Mille, *Туалетъ* г-жи Гюйонъ. Если это не портреты, кому нужны такія головки?

Болѣе трудную и сложную задачу для истиннаго художника представляет изображеніе женскаго тѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ сюжетъ заключаетъ въ себѣ много красоты; но при его обработкѣ художникъ долженъ уловить и перенести на полотно чистую красоту, такъ сказать, одухотворить женское тѣло; иначе его картина можетъ вызвать зрителя непріятное чувство или даже породить такія вожделѣнія, которыя имѣютъ ничего общаго съ эстетикой. Изъ массы голыхъ тѣлъ на выставкѣ, французскихъ и русскихъ, мы не замѣтили ни одного истинно-художественнаго произведенія. Наиболѣе удачной картиной намъ показалось *купанье* г. J. L. Gérôme: по крайней мѣрѣ, здѣсь есть жизнь, есть красивыя тѣла и позы, хотя сидящая фигура на первомъ планѣ нѣсколько портитъ впечатлѣніе. Но другая картина того же художника *Массажъ* какою-то издѣвательство надѣ зрителемъ. Не бьетъ въ глаза и нѣсколько кивляетъ пейзажъ голая *Купальщица* г. Ковальскаго, который мотивировалъ отсутствіе костюма и привлекаетъ вниманіе зрителя на выразительное лицо Сюжетты. Менѣе удачна *Дѣвочка за умывальникомъ* г. Кузнецова, которая напрасно раздѣлась и легко можетъ простудиться, что, впрочемъ, и дѣлаетъ картину интересной для зрителя. То же самое можно сказать довольно красивой *Нимфѣ-охотницѣ* г. Лефевра, которая совсѣмъ не похожа на божество, хотя бы третъестепенное. Точно также трудно понять, въ чемъ заключается художественный смыслъ и эстетическое значеніе такихъ картинъ, какъ некрасивая *Золушка*, посаженная на какомъ-то арнязѣ г. Dubufe, другая голая дама того же художника, почему-то названная *Сонъ* и т. п.? Г. J. Rixens мотивируетъ неподходящій костюмъ своей дамы тѣмъ, что ее застали *Врасплохъ*; но онъ придалъ такое довольно, почти блаженное выраженіе ея лицу, что трудно понять, кто засталъ ее въ такомъ костюмѣ и этимъ доставилъ ей такое удовольствіе. Непріятное впечатлѣніе производитъ картина г. Штембера *Въ мечтахъ*. Онъ придалъ лицу дѣвочки какое-то странное, неестественное выраженіе, не имѣющее ничего общаго съ мечтательностью, и во всей ея фигурѣ есть что-то неестественное, натянутое, почти страдальческое, такъ что становится досадно, зачѣмъ художникъ раздѣлъ на показъ эту дѣвочку и заставилъ ее такъ жалко гримасничать. Говорятъ, очень хорошо написана *Патурищица* г. H. Lerolle; можетъ быть, такой слѣпой колоритъ подходитъ къ сюжету, сглаживая его рѣзкость; но въ общемъ онъ едва ли содѣйствуетъ силѣ и чистотѣ эстетическаго впечатлѣнія.

Всѣ картины, изображающія животныхъ, совершенно безукоризненны. Трудно рѣшить, чьи *Кошки* лучше—г. G. Bettinger, или г. Риццони, или г. E. Lambert на его картинѣ *Опрокинутая корзина*. Несомнѣнно, что всѣ

онѣ—кошки идеальныя, гораздо красивѣе и выразительнѣе действительныхъ. То же самое можно сказать о собакахъ гг. А. Гезне и Ш. Натан-Лёон, одна изъ картинъ котораго *Въ чужихъ владѣніяхъ* превосходно передаетъ цѣлую собачью психологію.

Пейзажъ представленъ на выставкѣ г. Аванцо чрезвычайно обильно. Не имѣя возможности коснуться всѣхъ картинъ такого содержанія, мы отмѣтимъ только тѣ изъ нихъ, которыя намъ показались особенно характерными въ какомъ-нибудь отношеніи. Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производятъ по здоровому, жизнерадостному настроенію двѣ картины г. Е. В. Debat-Polzac *Молодые тращи* и *У ручья*. Въ томъ же духѣ написанъ пейзажъ г. Киселева. Манера г. Понсана оживляетъ пейзажъ подхлѣбными фигурами иногда можетъ усиливать эффектъ, и этотъ пріемъ очень рѣдко пространенъ у французскихъ художниковъ. Такова, наприм., прелестная *Идиллія* г. G. Laugée, *Сборъ травы* г-жи Сонрадь, *Въ окрестностяхъ Тулона* г. F. Montepard etc. Очень хорошо подчеркиваетъ свой пустынный пейзажъ г. Demontъ фигурой Орфея. Весьма удачно пользуется этимъ же пріемомъ г. Голынский въ своей картинѣ *На берегу моря*, г. Матвѣевъ (*Послѣдніе цвѣты*) и г. Виноградовъ *На зарѣ*. Изъ пейзажей г. J. Ch. Szin намъ особенно понравились *Вечеръ* и *Ворота Монтрейль*; но лирическое настроеніе картина г. R. Billote *Вечеръ въ ландахъ*, *Вечерняя звѣзда* г. I. M. J. Iwill, *На пастбищѣ* г. L. Le Poittevin, видъ въ деревнѣ Frosne г. J. Monchablon и въ особенности другая картина этого художника *Дамы Анамъ въ Шатильонѣ*, а также написанное въ духѣ старыхъ мастеровъ *Возвращеніе стада* г. Гильяра. По отношенію къ пейзажу русскія художники, но крайней мѣрѣ, на выставкѣ г. Аванцо, слѣдуютъ отдаленному первенству передъ ихъ французскими собратьями. Не говоря уже о превосходной картинѣ покойнаго Шишкова, *Весна* и *Зима* г. Брыкина, картины гг. Клевора, Левитана (*Подъ вечеръ*) и Сейтгофа, акварели г. Гриценка, этюды Полѣнова—могутъ съ честью занять мѣсто на любой выставкѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о немногихъ предметахъ весьма своеобразной художественной дѣятельности или, точнѣе говоря, кривлянья, если не крайней испорченности вкуса. Сюда относятся двѣ картины г. L. Chalop. Его полуголая *Женщина съ обезьяной*, ноги которой покрыты какой-то чешуей, просто некрасивая и вычурная неглупость; другая картина того же художника изображаетъ чрезвычайно безобразную женскую голову съ отвратительными рыжими косами. На что и кому нужно такое художественное произведение? Въ томъ же родѣ и не менѣе отталкивающее впечатлѣніе производятъ два рисунка г. А. Р. Boll, изображающіе полуголую и совершенно голую даму. Говорятъ, что у г. Ролла образцовый рисунокъ, не спорю, но при такомъ отношеніи къ темъ тѣмъ выше будетъ техника, тѣмъ противнѣе картина; а вызывать въ зрителѣ тошноту вовсе не задача художественнаго творчества. Г. Rosset - Станиславъ оригинальничаетъ на другой ладъ: на лицѣ его *Внимательности* тѣни и

пожены такъ густо, что лица совершенно не видно. Въ томъ же родѣ и другая его картина *Въ сумеркахъ*. Точно также ничего не видать и на пейзажѣ г. Лероля *Сумерки*. Если картину нельзя рассмотреть, то для чего же она написана? Русскій художникъ г. Нестеровъ иногда старается нарисовать такъ, чтобы ни на что не было похоже, и его рисунки *Адамъ* и *Ева* вполне достигаютъ этой цѣли.

Кромѣ картинъ, на выставкѣ г. Аванцо есть нѣсколько произведеній скульптуры, и нѣкоторые изъ нихъ не лишены интереса. Наибольшей оригинальностью отличаются статуэтки кн. П. Трубецкого. Если смотрѣть на нихъ издали, онѣ производятъ впечатлѣніе живостью, причемъ можно уловить намекъ на выраженіе лица, а въ статуэткѣ *Ожиданіе* хорошо схвачено и вѣрно передано настроеніе. Но кн. Трубецкой импрессионистъ въ скульптурѣ, и его статуэтки лишены детальной отдѣлки и производятъ впечатлѣніе неоконченныхъ эскизовъ. Самая крупная по размѣру скульптура на выставкѣ—это *Офелія* г. Антокольскаго, которая ничего не прибавитъ къ славѣ знаменитаго художника. Большинство произведеній иностранныхъ скульпторовъ ближе подходятъ къ художественной промышленности, чѣмъ къ искусству и въ этомъ смыслѣ не лишены интереса. Такъ, очень хорошъ *Наполеонъ* г. Мейссонье; недурень и *Бонапартъ* Gégôme, который очень просто и съ настроеніемъ обработалъ еще другой, довольно изъясненный сюжетъ—гладіатора, убившаго льва на аренѣ (*Plaudite, cives*). Недурно задумана ваза г. Монселъ, а также недурно исполнена *Лисная муза* г. Дроуотъ и *Сокольникъ* г. Мёне. Остальная скульптура и мало красива, и незначительна: такъ, г. Вагеау придалъ своей *Исторіи* совершенно нелѣпый жестъ, точно она кого-то хочетъ разнести, что ей совершенно не полагается, а декадентскія *Мечты* г. Монсеа производятъ отталкивающее впечатлѣніе.

М. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вопросъ о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній.—Юбилей В. И. Гуса и высшіе женскіе курсы.—Приходъ и всесословная волость.—Подтвержденіе основнхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.—Открытие памятниковъ М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову.—Юбилей С. В. Максимова и К. С. Баранцевича.—Памяти Е. П. Гребенки.

И въ педагогической, и въ общей печати давно уже подымался вопросъ о необходимости подготовки для учителей средне-учебныхъ заведеній. Въ послѣднее время вопросъ этотъ вызвалъ довольно оживленную полемику. *Противъ* спеціальной подготовки высказались гг. Випперъ (*Вѣстникъ Воспитанія*) и Фортунатовъ (*Русскія Вѣдомости*), за такую подготовку—гг. Вагнеръ (въ нашемъ журналѣ), Тихомировъ и Гольцевъ (въ *Курсѣ*). Въ разгаръ этой полемики въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появился знаменательный циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ. По общему признанію,—говорить циркуляръ,—однимъ изъ главныхъ недостатковъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ признать отсутствіе спеціальной подготовки учителей въ этихъ заведеніяхъ. «Вслѣдствіе этого они въ первые годы своей дѣятельности производятъ опыты, не всегда удачныя, надъ своими учениками, причемъ приобретаемые такимъ путемъ педагогическіе приемы пропадаютъ безъ пользы для слѣдующихъ за ними молодыхъ преподавателей».

Министерство при нынѣшнихъ условіяхъ, по признанію циркуляра, не имѣетъ возможности своевременно выяснить достоинства и недостатки кандидатовъ на учительскія должности. «Между тѣмъ,—продолжаетъ г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія,—преподаватели безъ необходимой подготовки, а иногда и безъ надлежащихъ педагогическихъ способностей, въ значительной мѣрѣ затрудняютъ прохожденіе учениками курса учебныхъ заведеній и ослабляютъ благотворное вліяніе на нихъ школы, вызывая справедливыя сѣтованія родителей. Для устраненія указанныхъ заявленій представляется необходимымъ принять мѣры, которыя обеспечивали бы желательную педагогическую подготовку и осмотрительный выборъ начинающихъ преподавателей».

«Изложенныя соображенія,—говоритъ Н. П. Боголѣповъ,—нуждаются въ томъ, чтобы просить ваше превосходительство обсудить въ попечительскомъ совѣтѣ».

при участіи лицъ, коихъ вы признаете нужнымъ пригласить, и представить въ министерство не позднѣе 1 апрѣля 1899 г. съ вашимъ заключеніемъ отвѣты на нижеслѣдующіе вопросы: 1) Въ какой формѣ было бы желательно осуществить мысль о педагогической подготовкѣ преподавателей средних учебныхъ заведеній—въ формѣ ли одного или немногихъ центральныхъ учреждений для всей имперіи, или по округамъ, въ видѣ особыхъ семинарій или курсовъ, самостоятельныхъ или при существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ послѣднемъ случаѣ, при какихъ именно, или въ какой-либо еще иной формѣ? 2) Какимъ образомъ, по какимъ предметамъ и въ теченіе какого времени должна вестись подготовка кандидатовъ на учительскія должности? При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе лишь существенно необходимыя требованія, не увлекаясь теоретическою полною и многостороннею выполненію задачи и сообразуясь съ практическими условіями русской жизни, но, во всякомъ случаѣ, не забывая, что должно готовить не только учителей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и воспитателей подрастающихъ поколѣній. 3) Какія матеріальныя средства могутъ быть изысканы на мѣстахъ для осуществленія намѣченныхъ предположеній? Само собою разумѣется, что изысканіе мѣстныхъ средствъ въ значительной мѣрѣ облегчило бы и ускорило достиженіе цѣли. Нельзя при этомъ не пожелать вообще, чтобы при обсужденіи матеріальной стороны вопроса попечительскій совѣтъ имѣлъ въ виду скромное и практичное его разрѣшеніе. Забота объ улучшеніи педагогическаго персонала средних учебныхъ заведеній налагаетъ на министерство обязанность озаботиться въ то же время и улучшеніемъ быта преподавателей, особенно ихъ матеріальнаго положенія, поэтому покорнѣйше прошу ваше превосходительство также обсудить въ попечительскомъ совѣтѣ, а если признаете нужнымъ, то и въ иномъ совѣщаніи, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и формѣ желательно увеличить содержаніе и пенсіи служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы обезпечить безбѣдное существованіе этихъ лицъ, отвѣчающее ихъ общественному положенію. При обсужденіи даннаго вопроса слѣдуетъ, не выходя изъ предѣловъ благоразумной умѣренности, имѣть въ виду, что было бы желательно избавить преподавателей въ будущемъ отъ необходимости обременять себя непосильнымъ числомъ уроковъ, что такъ вредно отзывалось на ходѣ учебнаго дѣла. Въ цѣляхъ всесторонняго выясненія вопросовъ о подготовленіи учителей среднихъ учебныхъ заведеній и улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства, если признаете нужнымъ, предложить эти вопросы на обсужденіе существующихъ во вѣренномъ вамъ кругу педагогическихъ обществъ. Для соображеній вашихъ и попечительскаго совѣта, а равно педагогическихъ обществъ, если вы привлечете ихъ къ обсужденію дѣла, при семъ прилагаются относящіеся къ возбужденнымъ вопросамъ журналы ученаго комитета за №№ 1155 и 1262, а также проектъ учрежденія педагогической семинаріи, составленный однимъ изъ педагоговъ Московскаго учебнаго округа. Эти приложенія, однако, не должны

стѣнять свободы обсужденія постановленныхъ вопросовъ. Они предназначаются не для руководства и не для отзыва, а лишь для соображенія.

Не подлежитъ сомнѣнью, что вознагражденіе, теперь получаемое учителями нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, черезчуръ мало. Учитель, въ особенности семейный, долженъ набирать множество уроковъ, чтобы мало-малыски сносно существовать. Онъ, такимъ образомъ, бываетъ въ сѣбѣ только истомленный, а черезъ нѣсколько лѣтъ или выбивается изъ силъ, или начинаетъ равнодушно относиться къ педагогическимъ задачамъ своего преподаванія. Эта часть циркуляра вызвала въ печати единодушное сочувствіе. По отношенію къ первому пункту циркуляра обнаружилось, наоборотъ, важное разногласіе.

Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія какъ будто склоняется къ мысли объ отдѣльномъ учрежденіи для подготовки преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ поняли циркуляръ *Московскія Вѣдомости*, напримѣръ. Намъ не извѣстенъ, къ сожалѣнію, проектъ учительской семинаріи, составленный московскимъ педагогомъ; но, по нашему мнѣнію, не цѣлесообразно создавать специальное учрежденіе для подготовки учителей. Всѣ такія профессиональныя учрежденія, дорого стояща, всегда отличались и будутъ отличаться рутинною, одностороннею, всего болѣе пагубною въ живомъ дѣлѣ воспитанія и образованія.

Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предостерегаетъ противъ увлеченія теоретическою полнотою задачи, предлагаетъ принять во вниманіе лишь существенно необходимыя требованія. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ взглядомъ, мы думаемъ поэтому, что педагогическая подготовка будущихъ учителей совершенно возможна и въ высшей степени желательна въ самомъ университетѣ. Съ переходомъ, положимъ, на третій курсъ студентъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ могъ бы опредѣлить, избираетъ ли онъ себѣ педагогическую карьеру. Если онъ рѣшается на это, то ему необходимо прослушать въ университетѣ исторію педагогическихъ идей и общій курсъ педагогики. Эти предметы и психологію возможно и очень полезно читать совместно студентамъ обоихъ факультетовъ, въ интересахъ предупрежденія односторонности. Въ крайнемъ случаѣ, если бы такая подготовка оказалась еще недостаточною, ее могли бы дополнить однолѣтніе курсы при университетѣ же.

Мы не будемъ, конечно, говорить о подробностяхъ дѣла: это лежитъ на обязанности специалистовъ. Для насъ важно, во-первыхъ, призваніе необходимости педагогической подготовки учителей среднихъ учебныхъ заведеній и, во-вторыхъ, указаніе на вредъ учительскихъ семинарій, отдѣльных отъ университета.

Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія справедливо указываетъ на то, что большинство молодыхъ людей, посвящающихъ себя педагогической дѣятельности, матеріально не обезпечено. Циркуляръ говоритъ поэтому, что «необходимо одновременно озаботиться и содержаніемъ кандидатовъ на учительскія должности въ теченіе ихъ подготовленія къ про-

зананію». Эта цѣль была бы достигнута стипендіями тѣмъ студентамъ, которые стануть готовиться въ учителя.

Вѣроятно, не далеко то время, когда аналогичный вопросъ поднимется и для женскихъ учебныхъ заведеній. Н. П. Боголюбъ разрѣшилъ уже женщинамъ-учительницамъ преподавать французскій языкъ въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ младшихъ классахъ. Нѣтъ никакого серьезнаго основанія не допускать женщинъ, получившихъ высшее образованіе, къ преподаванію по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Естественно, что и имъ необходима будетъ педагогическая подготовка.

Съ судьбами высшаго женскаго образованія въ Россіи неразрывно связано имя В. И. Герье, котораго такъ торжественно чествовала Москва 29 ноября. Многочисленныя привѣтствія были получены изъ Петербурга и изъ провинцій. *Русская Мысль*, привѣтствуя юбиляра, сердечно желаетъ ему возстановить имъ созданное дѣло, вновь открыть имъ учрежденные имшіе женскіе курсы въ Москвѣ. Мы помнимъ, какъ на призывъ профессора Герье горячо откликнулись лучшія силы Московскаго университета, какъ близко къ сердцу приняли интересы высшей женской школы покойный С. М. Соловьевъ и также скончавшійся уже профессоръ-протоіерей І. М. Иванцовъ-Платоновъ. «Всякій истинно просвѣщенный челоѣкъ», — говорилъ Иванцовъ-Платоновъ, при открытіи курсовъ профессора Герье въ 1872 году, — всякій благонамѣренный гражданинъ, всякій добрый семьянинъ будетъ, конечно, радоваться, видя распространеніе въ обществѣ предложеній и средствъ къ образованію женщинъ, видя въ самихъ женщинахъ все болѣе и болѣе развивающееся стремленіе къ образованію».

Послѣ циркуляра г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія можно надѣяться, что вопросъ о подготовкѣ учителей станетъ на практическую почву. Но научные споры и теоретическія разногласія никакими циркулярами разрѣшиться не могутъ. Поэтому мы будемъ стараться бѣждать нашихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько лицъ воинѣ компетентныхъ и отличныхъ преподавателей. Мы обратимъ ихъ вниманіе на слѣдующія соображенія, высказанныя Д. И. Тихомировымъ. Университетъ, — говоритъ онъ, — даетъ преподавателей не для однихъ только старшихъ классовъ средней школы, но и для низшихъ; педагогическая подготовка, хотя въ рамкахъ и довольно узкихъ, все же признаетъ необходимою для учителя этихъ послѣднихъ классовъ; слѣдовательно, учебное заведеніе, выдающее учительскіе дипломы, обязано выдавать и необходимыя для учителя спеціальныя педагогическія знанія. Утверждаютъ, что учителю старшихъ классовъ нужно лишь обстоятельно знать «свой предметъ» и неослабно слѣдить за его дальнѣйшей научной разработкой, а педагогическихъ же знаній онъ не нуждается; но, принявъ учениковъ къ учителя младшихъ классовъ, можетъ ли онъ, учитель старшихъ классовъ, правильно и послѣдовательно продолжать ихъ дальнѣйшее развитіе, будучи обстоятельно освѣдомленъ, что и какъ дѣлалъ его предшественникъ? Уже и ради этого одного и учителю старшихъ классовъ необходима

та же специально-педагогическая подготовка. Для учителя низших классов признается нужным некоторое усвоение методики обучения в смысле «внушения» ему преподавательской «техники», и эта «техника преподавания» стоит, будто бы, у защитников специальной подготовки учителя на первом плане. Противники педагогической подготовки, очевидно, не осведомлены, что методика обучения, в современном ее положении, займется не о внушении техники преподавания (и можно ли внушить технику?), она ставит себя задачей разработку и разъяснение общих основ преподавания каждого предмета в зависимости от его научного содержания, а равно и от психических законов восприятия и усвоения данного рода знаний учащимися. Ставя целью обучения общее образование ученика, общее развитие его духовных сил, методика указывает учителю не только на те или другие приемы обучения, соответствующие данной цели, но и на изучение и самого учебного материала, определяя его пригодность и непригодность в зависимости от его доступности и общеобразовательного значения, как в общем, так и в частности; раздвигая вопрос как учить, ставится и разрабатывается вопрос: чему учить—вообще и в каждом отдельном предмете в частности? Надеемся, что все эти знания необходимо нужно иметь учителю, прежде чем он начнет действовать в потемках опыты обучения живых и разумных существ. И не одно только обучение детей ставит себя целью методика, но и воспитание их, т.-е. разумное и гуманное воздействие на них волею, в образование их характера, а эта задача еще более усложняет дело преподавателя, требуя от него соответствующих знаний и умения. А школьные порядки и дисциплина—достойны ли они внимания будущего учителя и воспитателя? То же самое нужно сказать и относительно условий и законов физического воспитания,—мы думаем, что и эти знания безусловно необходимы каждому педагогу *)).

В газетах вновь поднялись толки о необходимости организовать новую земскую единицу. На этот раз таковую хотят видеть в *приходе*. Кажется, *Новое Время* пустило в ход эту мысль, что свидетельствует о том, что где-то наверху об этом в самом деле думают. Защитники прихода, как начального органа местного самоуправления, указывают, разумеется, на значение церкви и священника в жизни населения. Но все эти соображения,—говорят *Новости*,—могут, очевидно, относиться только к территориям со сплошным православным населением. У нас же имеются и весьма обширные территории со сплошным иновѣрческим населением. Между тем, едва ли признано будет возможным присвоить иновѣрческим приходам роль земских единиц. Следовательно, для районов с преобладающим иновѣрческим населением придется искать какую-либо другую организацию. Далее возникает вопрос о тех же местностях, население которых, в предѣлах иногда очень малых,

*) *Курьер*, № 317.

ительныхъ территорій, принадлежить къ нѣсколькимъ вѣроисповѣданіямъ или даже религіямъ, причѣмъ представители каждой изъ нихъ имѣютъ и свои приходы. Нельзя же въ такихъ мѣстностяхъ исключить иновѣрцевъ изъ той организаціи, которая будетъ создана съ преобразованіемъ приходовъ въ земскія единицы».

Иновѣрцы составляютъ значительный процентъ населенія не на окраинахъ только, но даже и въ центральныхъ губерніяхъ. *Петербургскія Вѣдомости*, приведя соображенія *Новостей*, говорятъ, что странно было бы порить противъ совершенно вѣрнаго положенія, что «искомая земская единица должна объединять не только представителей всѣхъ сословій, проживающихъ на данной территоріи, но и представителей всѣхъ религій или вѣроисповѣданій, что и служить непреодолимымъ препятствіемъ къ сліянію и съ приходомъ».

Противъ прихода, какъ ближайшаго органа самоуправленія, возстали, по ругимъ, конечно, соображеніямъ, и *Моск. Вѣдомости*. Газета находитъ, что въ новомъ проектѣ замѣнено только слово: вмѣсто всесословной или сословной волости говорится «приходъ». Существующая организація приходовъ, по вѣрному на этотъ разъ замѣчанію *Моск. Вѣд.*, совсѣмъ неприменима къ завѣдыванію административно-хозяйственными дѣлами. Газета совершенно резонно указываетъ на различныя задачи церкви и самоуправления. «Забота о путяхъ сообщенія, — указываетъ передовая статья *Моск. Вѣд.*, — объ организаціи медицинской помощи, о матеріальномъ безпеченіи школъ и т. д., и т. д. — все это отрасли чисто-гражданскаго правленія, которыя будутъ только искусственно притянуты къ приходской организаціи. Безсословный приходъ будетъ въ сущности тою же безсословною волостью, территоріальныя границы которой совпадаютъ съ границами прихода, и въ кругъ дѣятельности которой, между прочимъ, входитъ попечительство о мѣстномъ церковномъ благоустройствѣ. Несомнѣнно, что въ такой общественной организаціи чисто-мірскія дѣла будутъ безусловно преобладать надъ дѣлами церковными, а потому и присвоеніе ей наименованія церковнаго прихода едва ли будетъ правильно».

Кончаютъ *Моск. Вѣд.* такими словами: «Лучше уже съ полною открытностью требовать низшихъ земскихъ единицъ въ формѣ безсословныхъ волостей, какъ это и предполагалось полтора года тому назадъ, — по крайней мѣрѣ, никто не будетъ вводиться этимъ въ заблужденіе, и церковь не будетъ служить ширмами для дѣлъ, ничего общаго съ церковью не имеющихъ».

Изъ приведенныхъ отзывовъ очевидно, что идея сдѣлать приходъ мелкою земскою единицею встрѣчена въ общемъ очень не сочувственно и противъ нея выдвинуты вполне основательныя возраженія.

Забавно, что *Моск. Вѣд.*, возражающія противъ давно защищаемаго вѣдѣствія и во многихъ органахъ печати (объ этомъ много писалъ покойный С. Аксаковъ) предложенія установить ближайшую къ населенію мелкую земскую единицу, безсословную волость, упрекаютъ земство въ стремленіи... къ бюрократической централизаціи. «Земскія учрежденія, — говоритъ га-

Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какой это ужасъ: въ Чувшѣ республика, въ Тетюшахъ—республика, въ Чебоксарахъ—республика по отношенію къ губернатору!

А между тѣмъ вопросъ о желательныхъ и весьма полезныхъ измѣненіяхъ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ давно и серьезно разрабатывался земствомъ (при земскомъ положеніи Императора Александра II). Указавъ, напримѣръ, на работы тверского земства. Еще въ 1881 году новоторскіе гласные внесли въ губернское земское собраніе записку, въ которой излагались мотивированныя предложенія широкихъ преобразованій *). Записка предлагала собранію «ходатайствовать о замѣнѣ настоящей административно-фискальной крестьянской волости безсословною волостью, которая бы представляла собою земскую единицу низшаго порядка, по образцу той, какую изображаетъ изъ себя городъ съ новымъ городскимъ управленіемъ, какъ городъ, будучи самостоятельнымъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, онъ входитъ въ то же время, какъ подчиненная единица въ единицу высшаго порядка—уѣздное земство; такимъ же образомъ входили бы въ нее и безсословныя волости. Существующая теперь крестьянская волость не есть, подобно сельской общинѣ, естественная, органическая единица, созданная самою жизнью, но есть учрежденіе искусственное, сочиненное для цѣли внѣшнихъ—полицейскихъ и фискальныхъ. Поэтому уничтоженіе ея ни въ чемъ не нарушитъ естественныхъ основъ крестьянскаго быта. Напротивъ, установленіе безсословной единицы, болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, имѣющей земскій, хозяйственный характеръ, было бы въ высшей степени полезно, такъ какъ уѣздъ слишкомъ великъ, интересы его слишкомъ разнообразны и представители его—гласные земскихъ собраній—не находясь въ такой непосредственной близости къ мѣстному населенію и его нуждамъ, въ какой могли бы быть къ нему представители волости, не могутъ такъ живо интересоваться и быть такъ близко знакомы съ мелкими, но часто весьма насущными потребностями одного околотка. Конечно, волостные сходы существуютъ и теперь, но они имѣютъ только административный, а не хозяйственный характеръ, почти исключительно собираясь для выбора и учета должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Во всякомъ случаѣ участіе въ волостномъ сходѣ жителей той же мѣстности, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ, кромѣ крестьянскаго, конечно, на равныхъ правахъ съ крестьянами, особенно тѣхъ изъ жителей, которые обладаютъ сравнительно большими образованіемъ, могло бы только быть благотворно, внося въ составъ сходовъ элементъ образованности, а въ сужденіяхъ ихъ многосторонность. Высказываемая по этому поводу нѣкоторыми болѣе или менѣе слишкомъ большого вліянія на рѣшенія сходовъ со стороны почитавшихся едва ли основательна, не только у насъ, но даже и въ тѣхъ мѣстахъ,

*) Гласные предлагали, между прочимъ, «ходатайствовать о скорѣйшей отмене подушной подати и замѣнѣ ея налогомъ общимъ и равномернымъ для всѣхъ русскихъ гражданъ и падающимъ на каждого соответственно его сѣмью и способности, а чѣмъ вышѣе уничтожается и несправедливое раздѣленіе народа на податныя сословія» (*Протоколъ заст. новоторск. уѣздн. зем. собр., 1881*).

ѣ помѣщичій элементъ имѣеть гораздо большее значеніе. И теперь влія-
тельный по своему богатству или значенію помѣщикъ можетъ всегда дѣй-
ствовать на сходѣ, если не непосредственно, то черезъ посредство частью
ихъ изъ крестьянъ, которые находятся отъ него въ экономической зави-
мости, частью, еще проще, чрезъ предводителя, непрѣмннаго члена или
правника. Вліяніе, законнымъ образомъ проявляемое имъ въ качествѣ
законнаго члена схода, всегда будетъ лучше такого, дѣйствующаго
инымъ путемъ. Притомъ же помѣщики могли бы служить противовѣ-
съ міроѣдамъ и кулакамъ изъ самой крестьянской среды, вредное влія-
е которыхъ опаснѣе и въ настоящее время ничѣмъ не сдерживаемо».

Если бы публицисты, всячески нападающіе на земство, внимательно по-
знакомились съ его трудами, то они убѣдились бы, какъ велики и плодо-
урны были эти труды.

Мусульманское движеніе въ Андиганѣ, вызванное религіознымъ фана-
тизмомъ и быстро и энергично прекращенное, дало лишній поводъ нашимъ
гранителямъ выступить противъ основныхъ началъ *Судебныхъ Уставовъ*
Императора Александра II. На всѣ лады начали доказывать, что неза-
исимый судъ ослабляетъ будто бы власть, что не будь этого суда, не
могло бы и мусульманскаго возстанія. Несмотря на вопіющую нелѣпость
ихъ толковъ, они все-таки вносили въ общество нѣкоторую тревогу.
равительство признало необходимымъ успокоить общество, и въ *Прави-
ельственномъ Вѣстникѣ* заявлено, что «признано невозможнымъ коле-
тъ основной принципъ вводимыхъ въ край Судебныхъ Уставовъ Импе-
тора Александра II, — независимость чиновъ судебного вѣдомства и от-
авленіе правосудія внѣ надзора мѣстной администраціи».

8 ноября открытъ въ Вильнѣ памятникъ Муравьеву, 18 числа того же
ісяца — Нахимову въ Севастополѣ.

18 ноября 1853 года Павелъ Степановичъ Нахимовъ уничтожилъ подѣ
шопомъ турецкій флотъ, почему Государь Императоръ и избралъ этотъ
нь для торжественнаго открытія памятника знаменитому адмиралу.

Нахимовъ былъ душою героической севастопольской обороны. Его бо-
творили и моряки, и солдаты, и народъ. Простой, скромный, глубоко
брый адмиралъ нравственно властвовалъ надъ окружающими, по его
аку всякій готовъ былъ идти на вѣрную смерть.

28 іюня 1855 года, на Корниловскомъ бастионѣ, непріятельская пуля
ертельно ранила Нахимова.

Одинъ изъ современниковъ адмирала такъ его характеризуетъ: «Па-
мъ Степановичъ Нахимовъ былъ не изъ тѣхъ начальниковъ, къ кото-
ымъ подходили съ приниженнымъ чувствомъ страха подчиненности и со-
занія полнѣйшей зависимости отъ того, которой ногой онъ всталъ съ
стели; Нахимова боялись огорчить, а огорчить его можно было тому,
по въ душѣ и на дѣлѣ былъ плохой морякъ, кто не любилъ плавать и
по былъ несправедливъ или излишне строгъ къ своимъ подчиненнымъ.

Пишущий эти строки, четыре года сряду плавая на кораблѣ «12 Апосто-
ловъ» подъ флагомъ Нахимова, не запомнить ни одного наказанія ли-
чками или розгами провинившагося матроса; несправимо-лѣнными ли
пьяницъ обыкновенно списывали съ корабля въ береговыя команды, это
практиковалось во всей его дивизіи. Вотъ отчего Нахимовъ и былъ от-
цомъ и другомъ своихъ подчиненныхъ. Въ службы ему не становились
«во фронтъ» и не прикладывали руку къ кокардѣ, а почтительно снимали
фуражки и съ глубочайшимъ уваженіемъ кланялись. Нахимовъ даже не
любилъ, когда ему въ службы говорили: «Ваше превосходительство». Вице-
адмиралъ на кораблѣ-съ,—говаривалъ онъ,—здѣсь у меня есть не
собственное имя; меня зовутъ Павелъ Степановичъ» и при этомъ онъ пр-
тягивалъ руку, которую пожималъ всякій мичманъ, удостоившійся этой
чести за свое плаваніе и любовь къ морю *).

Есть имена, которыя объединяютъ. Мы, противники войны и милитеризма, благоговѣнно привѣтствуемъ открытіе памятника великому военачальнику, бывшему и великимъ гражданиномъ. Непріятель явился на нашу землю и русскіе люди умирали, защищая родную страну. Неустанно и самоотверженно руководить этою защитой, сохранять въ теченіе вѣснечна, подъ градомъ ядеръ и пуль, ясность духа и глубокую гуманность—это истиннѣ безсмертная заслуга.

Государь Императоръ почтилъ память Нахимова своимъ присутствіемъ на торжествѣ 18 ноября.

20 ноября исполнилось сорокапятилѣтіе литературной дѣятельности С. В. Максимова, 23 декабря наступаетъ юбилей (25 лѣтъ) литературной дѣятельности К. С. Баранцевича. *Русская Мысль* присоединяетъ свое поздравленіе обоимъ юбилярамъ къ многочисленнымъ заявленіямъ уваженія и сочувствія, которыя они получаютъ и получаютъ.

3 декабря минуло полвѣка со смерти Евгенія Павловича Гребенка. Отличную характеристику этого писателя даетъ *Правительственный Вѣстникъ* **). Онъ,—говоритъ газета,—горячо любилъ литературу и не только самъ работалъ въ ней по мѣрѣ силъ и таланта, но, — на преподавательскомъ посту,—явился распространителемъ ея среди юношества и поощралъ своихъ учениковъ въ любви къ ней. Любовь къ родной не покидала его ни на шагъ въ его житейской путнѣ. Онъ былъ глубоко правъ, сказавъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,
Мнѣ въ душу запали далеко, далеко
Всѣ думы отчизны моей“...

P.S. Намъ получено черезъ г. мирового судью 7-го участка Читинскаго округа
наго суда (изъ Срѣтенска) 25 р. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Денегъ
будутъ отправлены въ Самару, для дѣтей въ неурожайныхъ мѣстностяхъ.

*) С.-Петербург. Вѣдом., № 330.

**) № 262.

ИНОСТРАННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось сообщеніе по дѣламъ Крита. Въ немъ дается ясный и послѣдовательный обзоръ переговоровъ между великими державами и Турціей, изложены тѣ препятствія, съ которыми пришлось бороться Россіи, Франціи, Англіи и Италіи, прежде чѣмъ имъ удалось достигнуть своей цѣли—удаленія съ острова турецкихъ войскъ властей. Правительственное сообщеніе говоритъ о *нѣкоторыхъ колебаніяхъ* турецкаго правительства. Колебанія прекратились, когда Порты увидѣла, что четыре державы рѣшили настоять на своемъ и удалить съ Крита турецкія войска хотя бы силою. На островѣ будетъ гдѣ-то вѣять, лишь турецкій флагъ, какъ символъ непрочныхъ верховныхъ правъ султана надъ го христіанскими подданными.

«Для довершенія задачи, поставленной державами,—говорится въ правительственномъ сообщеніи,—въ видахъ окончательнаго разрѣшенія криткаго вопроса, необходимо было тотчасъ же озаботиться прочнымъ водвореніемъ на островѣ центральной административной власти. И такъ какъ окончательное соглашеніе державъ о выборѣ лица для генералъ-губернаторскаго поста еще не состоялось и во всякомъ случаѣ требовало предварительнаго утвержденія султана, въ силу признанныхъ за его величествомъ извѣстныхъ правъ,—а между тѣмъ положеніе дѣлъ на островѣ требовало рѣшительныхъ мѣропріятій,—то, по инициативѣ Императорскаго правительства, державы пришли къ единодушному рѣшенію просить греческаго королевича Георгія принять на себя званіе верховнаго комиссара Крита, уполномоченнаго державами для установленія административнаго управленія, на основаніи автономныхъ началъ, выработанныхъ въ минувшемъ году многими посланцами въ Константинополь.

«Вслѣдствіе сего представители Россіи, Франціи, Италіи и Англіи въ Лондонѣ не замедлили, по порученію своихъ правительствъ, обратиться къ его величеству королю Эллиновъ съ просьбою разрѣшить королевичу Георгію принять вышеозначенное званіе на нижеслѣдующихъ главныхъ условіяхъ:

«Верховный комиссаръ получаетъ временное, на трехлѣтній срокъ, полномочіе для умиротворенія Крита и организаціи управленія островомъ.

«Означенный комиссаръ признаетъ верховныя права султана на Критомъ.

«Его первою заботой будетъ установленіе, въ согласіи съ народнымъ собраніемъ, автономнаго управленія, которое должно обеспечивать личную и имущественную безопасность, а равно и религиозную свободу всѣхъ критянъ безъ различія исповѣданій.

«Ему надлежитъ затѣмъ немедленно приступить къ учрежденію жандармеріи или мѣстнаго ополченія, долженствующихъ охранять порядокъ на островѣ. На первоначальную организацію управленія островомъ четырьмя державами ассигнуются необходимыя средства».

Правительственное сообщеніе прибавляетъ, что автономное управленіе положить для критянъ начало новаго періода жизни и устранить кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ такъ долго былъ несчастный островъ.

Такимъ образомъ, благодаря единодушію и настойчивости четырехъ великихъ державъ, побѣдоносная для турокъ война съ Греціей окончилась потерей для султана населеннаго преимущественно греками острова. Нельзя не приветствовать этого успѣха европейской дипломатіи и нельзя не порадоваться тому, что главная при этомъ роль принадлежала нашему отечеству. Населенію Крита обеспечена теперь свобода вѣроисповѣданія и самоуправленія. Если бы державы продолжали подобную дѣятельность, если бы они поставили на ближайшую очередь введеніе самоуправленія въ африканскихъ провинціяхъ Турецкой имперіи, что было торжественно обѣщано берлинскимъ трактатомъ,—то они оказали бы безсмертную услугу дѣлу мира и справедливости.

Германія, а за нею и Австро-Венгрія уклонились отъ участія въ разрѣшеніи критскаго вопроса. Дружба императора Вильгельма II къ турецкому султану и къ *тремя стами милліонами магометанами* объясняетъ въ достаточной степени это уклоненіе. Слѣды такой дружбы можно замѣтить и во внутренней политикѣ прусскаго правительства. Изъ Шлезвига безъ всякаго не только основанія, но и повода высылаются датчана, изъ сѣверныхъ съ Австріей провинцій—чехи и поляки. На запросъ въ парламентъ объ этихъ высылкахъ графъ Тунъ отвѣтилъ въ выраженіяхъ, рѣзкихъ по отношенію къ прусскому правительству. Запросъ былъ сдѣланъ и въ германскомъ рейхстагѣ, вождѣмъ свободомыслящихъ Рихтеромъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Бюловъ, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, оставилъ въ сторонѣ вопросъ, хороши или дурны высылки, объяснилъ, что отношенія Германіи къ Австро-Венгріи и Даніи онѣ испортить не могутъ: каждому государству принадлежитъ право удалять съ своей территоріи иностранцевъ. Бюловъ исходитъ изъ такого понятія о суверенитетѣ государства, которое сильно подорвано современнымъ международнымъ правомъ, признающимъ за государствомъ по отношенію къ иностранцамъ не только права, но и обязанности. Странно звучать поэтому заявленія бывшаго прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, теперь президента провинціи Шлезвигъ-Гольштейнъ, сдѣланныя имъ корреспонденту копенгагенской газеты *Politikens*.

тъ сказалъ, что изгнанныя имъ лица не подали къ этому ни малѣйшаго вода. «Если я ихъ выселяю,—сказалъ президентъ,—то исключительно цѣлью сдѣлать непріятность ихъ хозяевамъ, остающимся въ Душъ (!) тчанами и которыхъ я не могу изнать, такъ какъ они—прусскіе подданные. Я не намѣренъ допускать агитаціи, которая ведется на сѣверѣ сѣренной мнѣ провинціи. Я рѣшилъ покончить съ нею,—и покончу. Выбѣнія возобновятся снова, если Данія будетъ продолжать допускать мнѣги для протеста противъ мѣръ, которыя я счелъ нужными принять во сѣренной мнѣ провинціи (!), и если датчане, ставшіе прусскими подданными, не примирятся окончательно со своею участью. Именно, я не желаю, чтобы они продолжали свои поѣздки въ Ютландію, гдѣ они принимаютъ участіе въ собраніяхъ, относящихся враждебно къ германской идеѣ, если они будутъ продолжать посылать своихъ дѣтей въ высшія учебныя заведенія Даніи, то я стану карать еще съ большею строгостью» *).

Я либеральная и умѣренно-консервативная печать Германіи протестуетъ противъ этого административнаго произвола.

Германское правительство, выразивъ сочувствіе предложенію нашего сударя о созваніи въ цѣляхъ противодѣйствія милитаризму международной конференціи, не преминуло вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ парламентъ проектъ значительнаго увеличенія военныхъ расходовъ и, по всей вѣроятности, благодаря поддержкѣ партіи центра, которая будетъ приобретена какими-либо уступками въ эту сторону, законопроектъ получить въ рейхстагѣ большинство.

Борьба все растущей идеи мира съ постоянно увеличивающимися возмущеніями усложняется и событіями на дальнемъ Востокѣ, и выступленіемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ качествѣ великой военной державы. Испанія вполне заслужила свое пораженіе. Она только зорилась собственныя колоніи, только угнетала ихъ населеніе своими администраторами и фанатизмомъ католическихъ монаховъ. Американскій агъ оградить свободу совѣсти и неприкосновенность собственности и на Кубѣ, и на Филиппинахъ; но американцы обнаружили во время войны съ паніей такой шовинизмъ и такіа хищническія наклонности, что старая Европа должна призадуматься.

Англія на этотъ разъ осталась довольна успѣхами Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Ея государственные люди чаще, чѣмъ когда-то, говорятъ о родственной связи и общности интересовъ обоихъ народовъ. Въ стремленіяхъ Чемберлена и его единомышленниковъ Америка является уже могучею союзницей Великобританіи противъ Россіи и Франціи. Но, по справедливому замѣчанію *National-Zeitung*, что американцы гутъ имѣть противъ русскихъ и французскихъ? Тамъ, гдѣ Англія имѣетъ свои интересы, гдѣ она въ особенности уязвима,—въ Индіи, въ долинѣ Нила,—тамъ американцы почти вовсе не заинтересованы. По вѣрному

*) Петерб. Вѣдом., № 323.

опять указанію берлинской газеты, нѣтъ ни малѣйшаго повода для нарушенія традиціонной дружбы великой заатлантической республики съ нашимъ отечествомъ, нѣтъ основаній и для того, чтобы испортились добрыя отношенія между Америкой и Франціей.

Если сближеніе Великобританіи съ Америкой принадлежитъ еще къ области гаданій, то улучшеніе отношеній между Франціей и Италіей есть совершившійся фактъ: заключенъ торговый договоръ, прекращающій таинственную войну этихъ государствъ. Французская и итальянская печать при вѣтствуютъ торговое соглашеніе и какъ хорошую экономическую иѣру, и какъ примирительный политическій актъ, который долженъ повести къ дальнѣйшему улучшенію франко-итальянскихъ отношеній, доведенныхъ при Бриселѣ до послѣднихъ предѣловъ враждебности, совмѣстимыхъ съ сохраненіемъ мира.

Либеральная англійская партія, переживающая по смерти Гладстона знаменательный кризисъ, теперь лишилась вождя: Гаркортъ отказался быть лидеромъ оппозиціи. Преемникомъ ему называютъ лорда Розберри. Если извѣстіе окажется вѣрнымъ, то либеральная партія подается въ сторону иностранной политики Чемберлена. Въ области внутренней политики у либераловъ нѣтъ такой программы, которая встрѣчена была бы сильнымъ сочувствіемъ общественнаго мнѣнія. Ирландскій гомъ-руль снятъ съ очереди, то же произошло и съ проектами уничтоженія или измѣненія палаты лордовъ. Англійское правительство и, повидимому, большинство англійскаго народа теперь озабочены въ особенности колониальными успѣхами и расширеніями. Парламентская жизнь поэтому въ ближайшемъ будущемъ грозитъ Великобританіи никакими бурями.

Не то въ Австро-Венгріи. Непримируемая и страстная обструкція нѣцель - централистовъ почти парализируетъ законодательную дѣятельность австрійскаго рейхсрата; въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ выразилась обструкція венгерской оппозиціи. Барону Банфи пришлось приостановить засѣданія парламента. Президентъ и вице-президентъ палаты вышли въ отставку, начались серьезныя волненія на улицахъ Буда-Пешта. Въ либеральной партіи обнаружился расколъ, оппозиція рѣшительно возстаетъ противъ принятой министерствомъ формы соглашенія съ Австріей.

Въ Цислейтаніи, по § 14 конституціи, кабинетъ можетъ распустить парламентъ и безъ него управлять неопредѣленное время. Это очень опасный опытъ, на который рѣдкіе министры рѣшаются, стараясь, притомъ, по возможности сократить его. По венгерской конституціи такого опыта нельзя производить, и правительственное большинство пытается прибѣгнуть къ совершенно исключительной мѣрѣ: собираются подписи депутатовъ подъ законъ, предоставляющимъ отъ имени большинства министерству Банфи право безъ парламентскихъ засѣданій. Это будетъ диктатурой большинства, нарушеніемъ основныхъ парламентскихъ правилъ, и въ то же время явится не рѣшеніемъ, а лишь отсрочкою кризиса. По газетнымъ извѣстіямъ, венгерскій министръ-президентъ продолжаетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ императора Франца-Иосифа.

Такимъ образомъ внутреннее положеніе Австро-Венгріи рисуется въ очень мрачныхъ краскахъ. Примирительныхъ голосовъ не раздастся. Печально протекъ юбилей царствованія престарѣлаго монарха и на тяжеломъ историческомъ распутьи стоитъ его многоплеменное государство.

Чехи попрежнему обнаруживаютъ замѣчательную стойкость въ борьбѣ за свое національное самоуправленіе, но и для нихъ выпадаетъ мало хорошихъ дней. Такимъ днемъ, послѣ открытія памятника Палацкому, было торжественное чествованіе дня рожденія восьмидесятилѣтняго Ригера. Оно приняло вполнѣ національный характеръ: заслуженнаго вождя старо-чеховъ горячо привѣтствовала не только эта партія, но и чешская аристократія, и младо-чехи. Всѣ адреса и рѣчи были проникнуты мыслью о необходимости объединенія, объ устраненіи внутреннихъ разногласій въ виду общей и великой цѣли борьбы за автономію и за равноправность съ австрійскими гѣмцами. Самъ юбиляръ говорилъ, конечно, въ томъ же духѣ. «Мы повинимъ, — сказалъ онъ, — что мы небольшой народъ. Правда, мы не стоимъ одиноко: за нами стоитъ славянскій міръ; но все же мы должны стараться соединить всѣ свои силы въ дружной общей работѣ всѣхъ чеховъ отъ аристократовъ до послѣдняго поденщика».

Князь Шварценбергъ отъ имени молодого поколѣнія чешской аристократіи выразилъ глубокую благодарность Ригеру и младо-чехамъ Подлинному (пражскій городской голова) и Ангелю (депутатъ) за ихъ старанія объ объединеніи партій. Рѣчь эта была покрыта бурными выраженіями восторга.

Франція никакъ еще не можетъ достойно покончить съ дѣломъ Дрейфуса и его послѣдствіями — процессомъ Пикара, Золя и т. д. Справедливость подвигается, но медленно, среди отчаянныхъ усилій Рошфоровъ, Деруледовъ и Дрюмоновъ, которые не отступаютъ передъ уличными драками, передъ призывомъ къ генераламъ расправиться и съ министерствомъ, и съ кассационнымъ судомъ, передъ бунтомъ и убійствомъ. Общественное мнѣніе все настойчивѣе требуетъ полного свѣта. Протестъ противъ преслѣдованій Пикара генераломъ Цурлинденомъ и его соучастниками принялъ форму чрезвычайно внушительной манифестаціи. Число подписавшихся, среди которыхъ находится цвѣтъ французской науки и искусства, приближается къ двумъстамъ тысячамъ. Это — грандіозное пробужденіе старой великодушной Франціи.

Правительство, въ угоду такъ сильно скомпрометированнымъ генераламъ, возбудило судебное преслѣдованіе противъ сотрудника газеты *L'Aurore*, Урбэна Гоге, за его книгу *Армія противъ націи* *). Надо замѣтить, что книга эта составлена изъ статей, которыя Гоге печаталъ въ теченіе двухъ почти лѣтъ въ газетѣ. Гоге сильно нападаетъ на многихъ изъ современныхъ вождей французской арміи, зараженныхъ клерикализмомъ и

*) *Urbain Gohier: „L'Armée contre la Nation“.*

реакционными стремлениями. Нападки эти справедливы, но выражены въ страстной и рѣзкой формѣ. Оскорбленія, безспорно, разсыпаны въ кнѣгѣ щедрою рукою, но рукою просвѣщеннаго, искренняго и глубоко честнаго гражданина. Рѣзкость и страстность объясняются тѣмъ, что Франція переживаетъ опасный кризисъ, что тѣсный союзъ шовинизма и клерикализма грозитъ странѣ неисчислимыми бѣдствіями и можетъ довести до междоусобія.

Слѣдуетъ прибавить, что нападенія на генеральный штабъ раздавались и много раньше дѣла Дрейфуса и шли съ разныхъ сторонъ. Съ запросомъ правительству по поводу возбужденія преслѣдованія противъ Гоге выступилъ Фурнье. Министръ-президентъ Дюпюи, оправдывая эту итру, прочелъ нѣсколько выдержекъ изъ названной книги. Тогда Фурнье сталъ приводить цитаты изъ статей Барреса, Дрюмона и другихъ крикуновъ антисемитизма, гдѣ о генералахъ и арміи говорилось въ выраженіяхъ, далеко превышающихъ по рѣзкости обвиняемыя мѣста изъ книги Гоге. Дрюмонъ писалъ, напримѣръ, что нѣтъ существа болѣе несчастнаго, какъ чловѣкъ, оторванный отъ семьи и деревни, заключенный въ казарну, которая является школою пьянства и всяческихъ пороковъ.

Дѣло принимаетъ для правительства еще болѣе неблагоприятный оборотъ, потому что Гоге подкрѣпляетъ свои мѣткія отзывы бывшаго и нынѣшняго военнаго министра, Фрейсина, бывшаго и нынѣшняго морскаго министра Докруа. Гоге призываетъ ихъ въ свидѣтели правильности всѣхъ своихъ обвиненій.

Отношенія между Норвегіей и Швеціей не улучшаются. Норвежскій стортингъ въ третій разъ, послѣ двукратнаго неутвержденія королевемъ, принялъ законопроектъ объ отдѣльномъ норвежскомъ торговомъ флагѣ. По норвежской конституціи королевской власти принадлежитъ право не безусловнаго запрещенія, а лишь двукратной пріостановки парламентскихъ постановленій. Принятое въ третій разъ постановленіе стортинга получаетъ силу закона безъ утвержденія короля. Но шведское правительство, по послѣднимъ извѣстіямъ, не намѣрено уступать. Россія, какъ близкая сосѣдка Швеціи и Норвегіи, должна съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ на Скандинавскомъ полуостровѣ. Вожди норвежской демократіи всегда относились къ намъ сочувственно, указывая на благосмысленное отношеніе нашего правительства къ Финляндіи, на его миролюбивыя вообще стремленія. Пріязненные чувства даровитаго, впергичнаго и просвѣщеннаго народа естественно вызываютъ симпатіи и съ нашей стороны. Швеція, противясь самостоятельности Норвегіи, какъ государства, обнаруживаетъ недалновидный эгоизмъ. Какой ущербъ достоинству и силѣ шведскаго королевства былъ бы нанесенъ въ томъ случаѣ, если бы на торговыхъ норвежскихъ судахъ развивался только норвежскій флагъ, безъ законовъ государственнаго единенія со Швеціей? Насильственно поддерживая это единеніе, силою оружія заставить норвежцевъ подчиниться — дѣло несправедливое, и небезопасное.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь

1898 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Философія, психологія. — Исторія, исторія литературы. — Искусство. — Географія, путешествія. — Политическая экономія, статистика. — Юридическія книги. — Учебники, дѣтскія книги. — Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», ноябрь. — «Русское Богатство», октябрь. — «Міръ Божій», октябрь. — «Образованіе», 1898 г. — «Дѣтскій Отдыхъ», № 2—9. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1898 г. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1898 годъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Очерки и рассказы“. В. Вересаева. — „Юнкерскіе годы 25 лѣтъ назадъ“. В. С. Кри-
женко. — „Искушеніе“. Истор. романъ XVIII в. И. С. Бяляева. — „Собраніе сочиненій
Генриха Гейне“.

Очерки и рассказы В. Вересаева. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мелкіе „очерки и рассказы“ г. Вересаева очень милы и симпатичны своею безыскусственностью и выраженными въ нихъ добрыми чувствами автора, любящаго, безъ сантиментальности, природу, людей и музыку. Очеркъ *Загадка* весь состоитъ въ изложеніи впечатлѣній, которыя произвела на рассказчика красивою лѣтнею ночью импровизація на скрипкѣ невидимаго имъ музыканта. Содержаніе этого „очерка“ совершенно непередаваемо. Его надо прочесть въ подлинникѣ, чтобы ясно понять настроеніе автора и тѣ ощущенія, которыя онъ пережилъ въ полумракѣ росистаго сада подъ загадочные звуки прекраснаго инструмента, доставившаго слушателю высокое наслажденіе. Въ рассказѣ *Порывъ* авторъ изображаетъ маленькія, но очень значительныя семейныя сцены изъ тѣхъ, что порою становятся причиною при-
корбной розни между „отцами и дѣтьми“. Въ деревнѣ паводокъ подтопилъ плотину, грозитъ ночью снести мельницу съ семейю и со всѣми пожитками мельника. Изъ барской усадьбы посылаютъ на помощь работника. Пятнадцатилѣтній гимназистъ рвется туда же, но его отецъ, младшій сынъ усадьбы, категорически запрещаетъ юношѣ „соватья не въ свое дѣло“ и приказываетъ отправляться спать. Ночью съ мельницы приходятъ самыя тревожныя вѣсти. Мальчика охватываетъ неодолимый „порывъ“, гимназистъ тайкомъ уходитъ изъ дому и, въ сопровожденіи работника, отправляется въ лодкѣ, съ опасностью жизни, къ мѣсту катастрофы. На слѣдующее утро отецъ очень рѣзко и не совсѣмъ осторожно „задаетъ“ сыну за ослушаніе, требуетъ, чтобы юноша просилъ прощенія. Но юноша не признаетъ себя виновнымъ: онъ поддался великодушному „порыву“, исполнилъ свой долгъ, и не въ чемъ ему про-

ситъ прощенія. Обоюдное непониманіе ведетъ къ раздраженію и кладетъ начало розни между сыномъ и отцомъ, такъ какъ каждый изъ нихъ считаетъ себя абсолютно правымъ... И мы знаемъ, и мы въ жизни видимъ, сколько бѣдъ и горя причиняетъ „отцамъ и дѣтямъ“ подобное убѣжденіе въ своей абсолютной правотѣ. Лучшій изъ рассказовъ г. Вересаева—самый большой изъ нихъ, цѣлая повѣсть: *Безъ дороги*. Тутъ уже не одни „отцы и дѣти“ бредутъ врознь, а совершенно самостоятельные люди, одушевленные прекраснѣйшими порывами, не находятъ себѣ надлежащаго пути къ „настоящему“ дѣлу и другиму, ищущимъ такого дѣла, не умѣютъ указать вѣрнаго къ нему пути. Повѣсть хорошо продумана и прочувствована и отлично написана. Главный выводъ изъ нея такой, что крайне трудно, если не совсѣмъ невозможно, найти настоящую дорогу въ томъ мракѣ вѣковаго неяснѣйства, по милости котораго народныя массы въ дикости своей доходятъ до страшнаго озвѣренія, а интеллигенція отбилась отъ нихъ и ихъ отъ себя отбила, иля „безъ дороги“, невѣдомо куда и зачѣмъ, въ погонѣ за личными удобствами, за спокойнымъ и безпечальнымъ житіемъ. Въ результатъ получился рядъ своеобразныхъ и изумительныхъ неслѣпостей, которыя очень живо и раскрываетъ авторъ. Интеллигенція, „господа“ идутъ въ годину бѣдъ, въ холеру, помогать „темному“ народу, а народъ встрѣчаетъ ихъ не только съ недобѣріемъ, но прямо враждебно. Врачи работаютъ самоотверженно, геройски, можно сказать, ихъ принимаютъ за злодѣевъ и отравителей. Одному изъ нихъ, герою повѣсти *Безъ дороги*, удается съ неимовернымъ трудомъ добыть довѣрія и любви отдѣльныхъ личностей. Но для массы онъ остается чужимъ, и достаточно одной неистовой выходки пьянаго безумца для того, чтобы толпа въ душѣ добрыхъ и честныхъ мастеровыхъ напала на несчастнаго врача и избива его на смерть... Повѣсть написана очень искренно и правдиво. Одинъ лучъ свѣта не можетъ разогнать мракъ въ „темномъ царствѣ“.

Юнкерскіе годы 25 лѣтъ назадъ. В. С. Кривенко. Спб., 1898 г. Цѣна 40 коп. Авторъ рассказываетъ о томъ, какъ жилось молодымъ людямъ въ юнкерскихъ училищахъ четверть вѣка назадъ, съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ многихъ товарищей и нѣкоторыхъ начальниковъ и преподавателей. Вообще видно, что г. Кривенко вынесъ изъ училища очень хорошія впечатлѣнія и, по прошествіи многихъ лѣтъ, остается доволенъ пройденною школой, хотя и называетъ ее иногда въ шутку „академіей шагистики“. Авторъ живо и интересно описываетъ слотры, лагерную жизнь и производство въ офицеры. Людямъ военныхъ эта книжка напомнитъ ихъ прошлое, насъ, штатскихъ, она знакомитъ съ интимною жизнью юнкеровъ въ ихъ закрытомъ учебномъ заведеніи. Книжка написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ, съ большимъ увлеченіемъ и съ любовью къ далекому прошлому.

Искушеніе. Историческій романъ XVIII вѣка. И. С. Бѣляев. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ этой книжкѣ нѣтъ ничего „историческаго“, кромѣ описанія допросовъ и пытокъ въ тайной канцеляріи. Произведеніе г. Бѣляева есть просто плохой и скучный романъ, повѣствующій не объ одномъ, а о нѣсколькихъ „искушеніяхъ“, который подвергался нѣкой іеромонахъ Антоній, необычайной красоты. И былъ ему тѣ искушенія отъ женскаго пола: первая искушала его подвыпившая купеческая вдова Верещагина, жившая въ собственномъ домѣ въ Московую рѣку. Изъ этого „искушенія“ отецъ Антоній вышелъ неколебимымъ, посоветовавши разжирѣвшей вдовѣ выходить поскорѣ

гужь. Второе „искушеніе“ было ему въ его келіи отъ рясофорной нахини 35-ти-лѣтней Антоніи. Достойный инокъ превозмогъ и тутъ славы плоти, безъ особенныхъ усилій, ибо соблазнительница была молода, мало привлекательна и очень нахальна. Въ третій же разъ пыталась его искушать исподволь, не торопливо, богатая княжна князя Аванасьева Тюфякина, 25-ти-лѣтняя красавица, сама во всемъ случившаяся на семнадцатомъ году, при благосклонномъ содѣйствіи ителя-француза. Добродѣтель іеромонаха весьма пошатнулась въ гро- сада княжны Тюфякиной, гдѣ она бросилась на шею отцу Антонію. Въ ту же ночь и совсѣмъ уже ничего отъ иноческой добродѣтели не осталось, когда предприимчивая княжна въ соблазнительномъ костюмѣ ялась къ отцу Антонію въ комнату, отведенную іеромонаху въ ея еженскомъ домѣ. Послѣ такого грѣхопаденія Антоній, по желанію княжны, рѣшился сложить съ себя иноческій санъ и вступить въ бракъ очаровательницей аристократкой. Но тутъ-то ихъ Немезида и при- нутила: по доносу церковнаго сторожа, инвалида Пахомыча, отца Антонія, іеродіаконъ Нектарій и двухъ водовавшихъ бабъ забрали въ ную канцелярію, допрашивали про какой-то сумъ вздоръ, потомъ Паховъ разстригли, всѣхъ жестоко пытали, приговорили къ самымъ жкимъ наказаніямъ за то, что они болтали какія-то глупости про ксѣя Григорьевича Разумовскаго, а іеромонахъ Антоній, слышавшій , на нихъ не донесъ. Разстриженнаго Антонія сослали на вѣчное тѣ въ Соловки. Написанъ романъ въ такомъ духѣ, такимъ языкомъ тономъ, какимъ писались повѣсти 20-хъ годовъ. Нѣтъ тутъ ни изо- женія быта, ни своеобразной рѣчи половины XVIII вѣка. Авторъ, идному, самъ объ этомъ понятія не имѣетъ и, между прочимъ, ни- же сумняшася, рассказываетъ о томъ, какъ князь Одоевскій съ одою женой и крошкой ребенкомъ пріѣхалъ въ Соловецкій мона- рь въ „ямской коляскѣ, такъ называемой, нѣмецкой почтой, въ ко- ой въ рѣдкихъ случаяхъ доставлялись богатые богомольцы изъ сангельска до Соловковъ“. Выходить, — по морю, аки по суху, да „съ колокольчикомъ!“

Собраніе сочиненій Генриха Гейне. Под. ред. П. Вейнберга. 1898 г. Т. 1, 2, 3. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 к. Едва ли можно указать кого-нибудь другого изъ великихъ европейскихъ поэтовъ, оромъ такъ не повезло въ русской литературѣ, какъ Гейне. Въ то мя, какъ о Шиллерѣ, Гётѣ, Шекспирѣ и другихъ на русскомъ язы- существуетъ нѣсколько прекрасныхъ переводныхъ или оригиналь- ныхъ научныхъ изслѣдованій, о Гейне мы до сихъ поръ не имѣемъ нительно ничего, кромѣ двухъ, трехъ журнальныхъ статей и ком- ятивной біографіи, приложенной къ первому изданію его сочиненій, ораго давно уже не существуетъ въ продажѣ. Что же касается пе- ода его произведеній, то безъ чувства глубокаго сожалѣнія нельзя спомнить о прежнемъ изданіи. Читатель, который, не зная нѣмец- о языка, по этому изданію захотѣлъ бы познакомиться съ великимъ томъ, навѣрное, закрылъ бы книгу по прочтеніи одного-двухъ сти- вореній и рѣшилъ бы, что слава нѣмецкаго поэта непомѣрно раз- а. Дѣйствительно, за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній, все альное не даетъ никакого представленія о красотѣ оригинала. До- очно сказать, что два чудныхъ послѣднихъ стиха знаменитаго сти- воренія „Ein Jüngling liebt ein Mädchen“ (Das ist eine alte Geschichte, h bleibt sie immer neu), переведены слѣдующимъ образомъ:

„Эта старая погулка
Вѣчно кажется всею новой“.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, до какой степени сильна потребность въ новомъ, дѣйствительно полномъ и хорошемъ изданіи произведеній поэта, которое могло бы дать русскому читателю хотя приблизительное представленіе о немъ. Новый переводъ предпринять под редакціей П. Вейнберга, извѣстнаго знатока Гейне. Вышедшіе кон три тома содержатъ въ себѣ произаическія сочиненія Гейне: „Путевыя картины“, „Флорентинскія ночи“, „Романтическую школу“ и проч. Следовательно пока выполнена наиболѣе легкая часть задачи. Мы не будемъ пока подробно останавливаться на этомъ переводѣ, не будемъ указывать на неловкій или неуклюжій переводъ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстъ. Въ общемъ эта часть задачи выполнена удовлетворительно, особенно если принять во вниманіе трудности, сопряженныя съ переводомъ такого писателя, какъ Гейне. Мы дадимъ подробный разборъ всего изданія на страницахъ *Русской Мысли*, когда появятся тома содержащіе стихотворенія поэта. Желательно, чтобы редакция изданія обратила на эту часть особенное вниманіе и собрала бы переводъ сколько-нибудь достойные имени великаго поэта. Тогда всѣ многочисленные почитатели его искренне поблагодарили бы ее за выполненіе этой сложной задачи.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. Кн. 43 и 44.—„Въ защиту идеаловъ разума. Избранная бібліотека соврем. западн. мыслителей. П. Цѣнность жизни. Олимпикъ. III. Иден Бога и безсмертія души передъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Гераклитъ. Психо-физиологія гениа и таланта“. *Макса Нордау*.

Вопросы Философіи и Психологіи. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Книги 43-я (III) и 44-я (IV). Москва 1898 г. *Вопросы Философіи* энергично продолжаютъ свое служеніе привлеченной мысли и въ каждой книгѣ предлагаютъ разнообразное и интересное содержаніе. Не только чистое умозрѣніе, но и философія наукъ, и гуманитарныхъ, и естественно-историческихъ, составляютъ предметъ ихъ серьезнаго вниманія. Въ послѣднихъ выпускахъ журналы мы встрѣчаемъ нѣсколько выдающихся статей. Въ очеркѣ *Достоинство разума* Вл. С. Соловьевъ дѣлаетъ очень тонкій и остроумный анализъ мышленія. И. Ф. Огневъ излагаетъ *Естественно-историческое воззрѣніе Биша* и въ связи съ ними касается того новѣйшаго течения въ біологіи, которое ищетъ своихъ основъ не только въ самомъ существованіи, но и въ психологіи и теоріи познанія. В. И. Герье продолжаетъ свое историко-философское изслѣдованіе объ О. Контѣ обстоятельно разбираетъ взгляды знаменитаго мыслителя на ходъ историческаго процесса и на отдѣльныя событія европейской жизни; проф. Герье займетъ видное мѣсто въ литературѣ о позитивизмѣ. С. Н. Трубецкой въ прекрасныхъ статьяхъ *Мессіанистскій идеалъ евреевъ въ связи съ ученіемъ о Логосѣ* и *Религіозный идеалъ евреевъ* и ходитъ съ объективнымъ и строго-научнымъ критеріемъ къ тѣмъ вопросамъ объ еврейскомъ монотеизмѣ и его стадіяхъ, на которые обыкновенно набрасывается пелена традиціи. Б. Н. Чичеринъ въ статьѣ *Реальность и самосознаніе* подвергаетъ эмпирическую теорію сознанія не новой, даже въ его собственныхъ устахъ, критикѣ; на-ряду

безными и ясными аргументами читателя поражаетъ то, что г. Чиничъ часто шлетъ своимъ философскимъ противникамъ упреки въ эстетической ненормальности и, въ особенности по адресу Тэна, не дитя на выраженія, вродѣ „невѣроятный бредъ“ (Мѣ 44, стр. 537), „упая шутка“ (стр. 510) и т. п. П. А. Каленовъ предпосылаетъ своимъ возраженіямъ на эстетическіе взгляды Н. А. Иванцова изложеніе своего собственнаго пониманія *Красоты и искусства*; г. Каленовъ ставитъ красоту апіорнымъ моментомъ челоѣческаго духа, или, какъ онъ выражается, психической аксіомой; произведенія искусства возмужаютъ въ челоѣкѣ смѣшанное чувство горечи и отрады, такъ какъ оно, въ томъ или другомъ видѣ, изображаетъ вѣчную борьбу идеальнаго и эгоистическихъ стремленій, принциповъ *служить* и *жить*. Въ вступленіи Вл. Н. Ивановскаго къ *вопросу о самообразовательномъ движеніи* характеризуетъ свѣтлое и типичное для нашего времени явленіе— *University-Extension* на Западѣ и у насъ; въ частности г. Ивановскій сматриваетъ самообразовательныя программы по философіи. Въ *Материалахъ для исторіи философіи въ Россіи* Я. Н. Колубовскій дѣлаетъ очень трудновъ П. Л. Лаврова и вкратцѣ излагаетъ ихъ содержаніе. О. Шаталовъ анализируетъ *Бессознательную психическую дѣятельность и ея роль въ жизни челоѣка*. Обѣ книги по обыкновенію заканчиваются разнообразнымъ критико-библіографическимъ отдѣломъ.

Въ 1899 году *Вопросы Философіи* будутъ издаваться при содѣйствіи Петербургскаго Философскаго Общества. Союзъ двухъ Обществъ, смящихся къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ свободной и глубокой мысли, несомнѣнно, будетъ имѣть очень важное и благотворное значеніе. Онъ объединитъ на страницахъ журнала всѣ философскія силы Россіи, и эта дружная совмѣстная дѣятельность приведетъ къ всеобщей и успѣшной разработкѣ великихъ „вопросовъ философіи и психологіи“.

„Въ защиту идеаловъ разума“. Избранная бібліотека современныхъ западныхъ мыслителей.—II. Цѣнность жизни. Олѣ-Ляпрюна, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ.—III. Идеи жизни и безсмертія души передъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Профессора, члена Парижской Академіи Наукъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей профессора философіи въ Московской духовной академіи А. И. Введенскаго. Харьковъ, 1898 г. Въ VIII томѣ *Русской Мысли* за 1896 г. мы отмѣчали уже первый выпускъ этого изданія—книгу Навиля *Что такое философія?* Мы отмѣтили тогда такую тенденцію всей „избранной бібліотеки“ отъ сочиненія Навиля, а именно то, что само по себѣ, независимо отъ „защиты идеаловъ“. Это было такъ и естественно, потому что трудъ женевскаго профессора служилъ бы введеніемъ ко всей серіи выпусковъ и только подготовлялъ спекулятивную почву для дальнѣйшихъ частныхъ вопросовъ. Другое же—книги Олѣ-Ляпрюна и Каро: онѣ касаются самыхъ животрепещущихъ и главныхъ элементовъ того міровоззрѣнія, на защиту котораго ополчились издатели. Въ виду этого, не только въ бібліографической замѣткѣ, но и въ обширной статьѣ было бы невозможно, для издателя *Русской Мысли*, объективно разобрать основныя взгляды французскихъ авторовъ и противопоставить имъ свои возраженія. Мы ограничимся поэтому только нѣсколькими строками.

Не столько „идеалы разума“ сами по себѣ нуждаются въ оправданіи и защитѣ, сколько иные изъ тѣхъ, кто выдаетъ себя за ихъ поборниковъ и кто на самомъ дѣлѣ дискредитируетъ великія идеи долга,

безсмертія, свободы воли. Подъ эгидой міросозерцанія, которое характеризуется этими лозунгами, совершалось и совершается так много зла, неправды и насилія, подъ оболочкой небеснаго скрывается так много алчное и недостойное тяготѣніе къ земнымъ удобствамъ, что по нечестнымъ людямъ подозрительно отшатнулись отъ тѣхъ убѣжденій, которыми можно найти и кровавую печать Торквемады, и злѣйшую подпись Тартюфа. Въ толпѣ самозванныхъ исповѣдниковъ спиритуализма теряются чистыя, искреннія, религіозныя души. Именно въ этомъ, а не въ философской критикѣ свободныхъ умовъ, заключается то, что колеблетъ жизненные устои „идеаловъ разума“. Каро въ своей книгѣ жалуется, что къ приверженцамъ духовно-нравственнаго міровоззрѣнія относятся недоувѣрчиво. „Вы напрасно, — говоритъ онъ, — стали бы утверждать, что стоите за всѣ условія и гарантіи свѣтской жизни за всѣ права свободной мысли, за гражданское общество, за взаимную независимость духовной и свѣтской властей, церкви и государства“ (стр. 173). Но спрашивается: кто виноватъ въ этомъ недоразумѣніи, кто создалъ распространенное мнѣніе, будто „права свободной мысли не уживаются съ идеями Абсолюта, безсмертія, долга?... И наъ не жется, что защитники „идеаловъ разума“ должны прежде всего и энергичнѣе всего позаботиться о разрушеніи этого предрасудка, „объяснить древней правды“. Такая защита можетъ быть очень плодотворной, она произведетъ большее впечатлѣніе, скорѣе убѣдитъ, чѣмъ теологическія диссертаціи.

Книга Ола-Ляпрюна посвящена вопросу о смыслѣ и цѣнности жизни. Этотъ смыслъ авторъ видитъ въ долгѣ, любви, религіи. Хотя по духу онъ воззрѣній идея христіанина для него выше идеи человѣка, но онъ все-таки считаетъ возможнымъ совмѣстную дѣятельность христіанина и нехристіанина; впрочемъ, эта уступка имѣетъ у Ляпрюна характеръ только компромисса. Произведеніе французскаго автора содержитъ въ себѣ много правильныхъ мыслей, и съ его существенными выводами согласны и люди иного лагеря. Къ сожалѣнію только, книга очень многословна и изобилуетъ разными фіоритурами, которыя, можетъ быть, убѣждаютъ въ оригиналѣ, но поражаютъ въ русскомъ переводѣ.

Сочиненіе Каро и переведено гораздо лучше, и написано серьезнѣе съ большей сосредоточенностью мышленія. Оно критически излагаетъ воззрѣнія Ренана, Тэна и Вашро и выясняетъ идеи Бога и безсмертія такъ, какъ ихъ понимаетъ спиритуалистическая философія. Въ книгѣ Каро доктрины, которыя онъ опровергаетъ, имѣютъ во всякомъ случаѣ честнаго противника съ солидной аргументаціей. Отстаивая важность и значеніе чувства для нравственныхъ наукъ, авторъ и темъ своимъ строитъ главнымъ образомъ на эмоциональной основѣ. Богъ — вѣчное живое, разумное и любящее Существо; индивидуальное безсмертіе несомнѣнно, но бесполезны всякія попытки предвидѣть и объяснить его конкретную форму, — таковы господствующія идеи всей книги.

Психо-фізіологія генія и таланта. Макса Нордау. Переводъ М. А. Б. Ц. 60 к. Общій характеръ писаній Нордау извѣстенъ русской публикѣ. Услужливые переводчики считаютъ своимъ долгомъ оглашать книжный рынокъ всѣмъ, что только ни выходитъ изъ пера болтливаго пера этого развязнаго автора. Нордау вздумалъ написать нѣсколько десятковъ страницъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, и далъ неумѣлую характеристику генія и таланта. Господинъ М. А. Б. Ц. перевелъ, а г. Югансонъ издалъ эти страницы, и такимъ образомъ русскіе читатели имѣютъ полную возможность ознакомиться съ мыслями

Нордау. И вотъ изъ его книжки, которая очень желаетъ быть острой, они вынесутъ, что геній — это только счастливый организмъ, особенное строеніе мозговыхъ центровъ, и ничего больше; что замѣчательные художники, музыканты, виртуозы не могутъ быть геніями, какъ какъ работа кистью или игра на рояли свидѣлствуетъ только развитіи мускулатуры и ни о чемъ больше; что поэты, которые возбуждаютъ эмоціи, нравятся главнымъ образомъ женщинамъ и поэтому ни не геніи, а геніи — только одаренные сильной волей и умомъ общественные дѣятели и никто больше. Всѣ эти глубокія соображенія авторъ излагаетъ, перемигиваясь съ читателями, сыплетъ каламбурами, охотно затрогиваетъ множество темъ и катится на своихъ словесныхъ алазкахъ вплоть до послѣдней страницы. Въ результатъ — ни намека на психологію, очень мало сомнительной фізіологіи и очень много амонадѣяннаго невѣжества въ вопросахъ о человѣческомъ духѣ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени". *Шляпкина*. — „Исторія русской литературы XIX в.". Вып. I. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху". *Смирновскаго*. — „Къ лекціямъ по исторіи русской литературы". *Архателскаго*.

Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. Шляпкина. *пб.*, 1898 г. До сихъ поръ еще въ исторіи стариннаго русскаго театра много неясностей, противорѣчій и пробѣловъ. Разсѣянные въ литературѣ намеки ясно доказываютъ, какъ мало еще мы знаемъ о немъ, хоть многое погубило, если не откроется какъ-нибудь благодаря счастливому случаю.

Давно ужъ было извѣстно пристрастіе Натальи Алексѣевны къ театру, ея театралныхъ представленійхъ и пьесахъ, но только теперь г. Шляпкину удалось найти рукопись, которая познакомила насъ съ характернымъ репертуаромъ царевны. Рукопись содержитъ, къ сожалѣнію, не полные тексты, а роли съ репликами для выхода и ухода, въ окончаніемъ репликъ предшествующихъ лицъ и другими замѣтками. Но и въ этомъ неполномъ видѣ она представляетъ большой научный интересъ, такъ какъ даетъ все-таки матеріалъ для характеристики репертуара.

Репертуаръ отличался пестротой: въ него входили и школьныя драмы истеріальнаго типа, и передѣлки популярныхъ повѣстей; на немъ гразилось вліяніе школьныхъ представленій Полоцкаго, нѣмецкаго ятра Грегори и Куншта. Это смѣшеніе — типическая черта Петровской литературы. Печатаетъ г. Шляпкинъ и характерное „Царевнѣ и Великій Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ... поднесеніе въ прозѣ и стихахъ отъ ба и холопа Лукашки Голосова“. Къ изданію приложены ноты.

Для нашей небогатой литературы по исторіи театра книга г. Шляпкина, несомнѣнно, крупное пріобрѣтеніе; много даетъ она, въ частности, для характеристики литературныхъ нравовъ эпохи преобразованія.

Исторія русской литературы девятнадцатаго вѣка. Вып. I. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху. Смирновскаго. *Спб.*, 1899 г. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Смирновскій подробно пересказываетъ своихъ предполагаемыхъ читателей: это — „студентъ, курсистка, офицеръ-академикъ, гимназистъ старшихъ классовъ и, наконецъ, всякій желающій подробнѣе познакомиться съ исторіей нашей литературы XIX вѣка... быть можетъ, заглянетъ и преподаватель“.

Предназначая такимъ образомъ свою книгу главнымъ образомъ для учащейся молодежи и „большой публики“, г. Смирновскій одному Карамзину Екатерининской и Павловской эпохъ посвящаетъ около 300 большихъ страницъ!

Несмотря на свои чудовищные размѣры, характеристика молодыхъ Карамзина страдаетъ многими пробѣлами. Г. Смирновскій не знакомъ со многими крупными произведеніями литературы о Карамзинѣ *). Блѣды, обивчивыми и неправильными штрихами обрисованъ европейскій сентиментализмъ, совсѣмъ неправильно освѣщено значеніе Дружескаго общества, смутно передано мировоззрѣніе Карамзина. Нагромождая мелочи, злоупотребляя пересказомъ общезвѣстныхъ произведеній, г. Смирновскій упускаетъ изъ виду общій характеръ эпохъ, исторію развитія своего героя, основныя особенности его нравственной личности. Все это написано тяжелымъ и нескладнымъ стилемъ: „Послѣ сравнительнаго затишья въ нашей литературѣ въ царствованіе императора Павла, дѣятельность ея ознаменовалась появленіемъ *Вѣстника Европы* Карамзина“ и т. д.

Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Архангельскаго. Казань, 1898 г. Это, собственно, краткій конспектъ лекцій съ обильными библиографическими указаніями, очень полезный для справокъ. Указанія относятся къ слѣдующимъ вопросамъ: задачи исторіи литературы и приемы ея изученія, главные труды по славяно-русской филологіи, труды по исторіи русской литературы общаго характера, древнѣйшей славянской культурѣ, методикѣ изученія народно-поэтическихъ произведеній, мифологии и разнымъ видамъ народной поэмы. Русская литература этихъ вопросовъ перечислена полно, почти безъ пропусковъ. Мы не замѣтили ссылокъ на *Русскія народныя представленія о загробной жизни* Генерозова, нѣкоторыя работы гг. Сумцова, Ляцкого, Попова, Драгоманова, Перетца и т. д.

Иностранная литература перечислена довольно случайно, съ большими пробѣлами.

Самый конспектъ и неизвѣстно для чего вставленные поверхностныя замѣтки о развитіи языкознанія (стр. 9—14) представляютъ мало интереса, подробныя же библиографическія указанія пригодятся студентамъ, начинающимъ преподавателямъ и ученымъ.

ИСКУССТВО.

„Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ“. Изд. С. В. Кульженко. — „Искусство и художественная промышленность“. Подъ ред. Н. П. Собко.

Соборъ св. кн. Владиміра въ Кіевѣ. Изданіе С. В. Кульженко въ Кіевѣ. Цѣна 10 руб. Въ Кіевѣ, стольномъ городѣ великаго князя Владиміра, освященъ 20 августа 1896 г. великолѣпный храмъ-памятникъ просвѣтителю христіанствомъ земли Русской. Въ Кіевѣ же издателемъ С. В. Кульженкомъ выпущено въ свѣтъ описаніе этого храма съ 105 иллюстраціями въ текстѣ и съ 42 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Въ этихъ снимкахъ фототипіей и хромолитографіей съ поволотою заключается главное значеніе книги г. Кульженко, дающей очень ясное и опредѣленное понятіе о необыкновенной и ори-

*) Мы не нашли, по крайней мѣрѣ, ссылокъ и слѣдовъ знакомства съ работами Буслаева, Тихоурава, со *Стариной и Новизной* и т. д.

нальной прелести кievскаго храма, во внутренней отдѣлкѣ котораго въ грандіозною силой проявилось современное русское искусство, воодушевленное религіозною идеей. Для выполненія составленной профессоромъ Праховымъ программы расписанія собора, были приглашены вѣстные русскіе художники: В. М. Васнецовъ, М. В. Нестеровъ, П. Свѣдомскій и В. А. Катабринскій. Самымъ выдающимся изъ нихъ, по силѣ таланта и вдохновенія, и по размѣрамъ совершенной имъ работы, является В. М. Васнецовъ. Онъ расписалъ 4,000 квадр. арш., 5 картинъ и 30 отдѣльных фигуръ, не считая медальоновъ. Самое знаменитое и прославившее художника произведеніе его есть запрестольное изображеніе на стѣнѣ Пресвятой Богородицы съ Младенцемъ Христомъ на рукахъ, которую составитель книги, по справедливости, называетъ „истинно русскою Мадонной“. Кисти М. В. Нестерова принадлежатъ иконостасы внизу и на хорахъ, 2 картины на обѣихъ запрестольныхъ стѣнахъ хоръ и Богоявленіе въ крестильнѣ. По выраженію проф. Прахова, „фряжскіе живописцы“, — въ отличіе отъ первыхъ двухъ „греческихъ“, — П. А. Свѣдомскій и В. А. Катабринскій написали 18 картинъ и 84 отдѣльных фигуры. Всѣ эти произведенія въ отличныхъ снимкахъ даны въ книгѣ г. Кульженка, равно и многіе орнаменты и детали внутренней обстановки собора. Все это сдѣлано въ русско-византійскомъ стилѣ, безъ рабскаго подражанія древней византійщинѣ, слишкомъ сухой и суровой. Судя по снимкамъ, наши художники заимствовали у византійцевъ ихъ золоченые фоны иконъ и строгость письма, но самыя изображенія одухотворены собственнымъ русскимъ и современнымъ глубоко-религіознымъ чувствомъ и пониманіемъ изображаемыхъ лицъ и событій. О самомъ храмѣ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, мы не говоримъ и говорить не можемъ, ибо полнѣйшимъ образомъ мы его не видали. Что же касается книги г. Кульженка, то она представляетъ собою роскошнѣйшее изданіе (in 4°), превосходно воспроизводящее, повидимому, всѣ художественныя сокровища новаго кievскаго храма. Объяснительный текстъ составленъ кратко и очень толково, съ указаніемъ не только смысла и достоинствъ каждой картины и иконы, но и съ замѣчаніями о ихъ недостаткахъ тамъ, гдѣ ихъ усматриваетъ авторъ. Изяществомъ и чистотою работы кievская мастерская г. Кульженка можетъ смѣло соперничать съ лучшими однородными заведеніями нашихъ столицъ, а выпущенная этою мастерскою книга займетъ, навѣрное, одно изъ выдающихся мѣстъ въ бібліотекахъ любителей истинно-художественныхъ изданій.

Искусство и Художественная Промышленность, ежемѣсячное иллюстрированное изданіе Императорскаго общества поощренія художествъ, подъ редакціей Н. П. Собко. Двойной выпускъ № 1 и 2, октябрь-ноябрь 1898 г. Ц. 2 руб. Въ нашемъ обществѣ много разъ сознавалась потребность въ періодическомъ изданіи, специально посвященномъ искусству. Первое такое изданіе начало выходить въ 1807 г. подъ заглавіемъ *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*. Издатель его былъ И. Ѳ. Буле, „публичный ординарный профессоръ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. Журналъ прекратился въ томъ же году и возобновленъ подъ тѣмъ же заглавіемъ черезъ 16 лѣтъ тогдашнимъ секретаремъ Императорской академіи художествъ Вас. Ив. Григоровичемъ. Съ апрѣля 1823 г. до марта 1824 г. вышло шесть номеровъ, да въ 1825 году — еще три, и затѣмъ изданіе прекратилось. Въ своей вступительной статьѣ г. Собко даетъ обзоръ этихъ и слѣдовавшихъ за ними художественныхъ журналовъ и указываетъ на

причины, обуславливавшія ихъ прекращеніе. Въ предисловіи „отъ редакціи“ говорится, между прочимъ: „Приступая къ осуществленію своихъ задачъ, редакція новаго журнала ставитъ себѣ цѣлью распространеніе въ массахъ публики возможно точныхъ и вѣрныхъ понятій и знаній по художественной части; знакомство ея со всякими новыми идеями и принципами въ той же области; борьбу какъ со старою рутиной, такъ и съ новѣйшими вредными направленіями въ той или другой области искусствъ и художественныхъ промысловъ; наконецъ развитіе въ обществѣ идеи о *народности* въ искусствѣ и промышленности“... Задачи прекрасныя, имъ наше полное сочувствіе и сердечныя пожеланія успѣха редакціи. Далѣе мы читаемъ въ заявленіи „отъ редакціи“: „Самая драгоценная часть въ такомъ журналѣ — хорошее воспроизведеніе всякаго рода и вида художественныхъ созданій, въ особенности мѣстными силами“... И это превосходно и очень своевременно, но на первый разъ выполнено не совсѣмъ такъ, какъ бы то желательно. Въ первомъ (двойномъ) выпускѣ, въ началѣ его, имѣется 25 воспроизведеній довольно старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ картинъ, изъ которыхъ далеко не всѣ могутъ быть названы первоклассными. А нѣкоторыя ихъ воспроизведенія исполнены неудовлетворительно, нѣмало настолько слабо, что въ нихъ почти ничего нельзя разобрать, напримеръ: Максимовъ *Приходъ колдуна на Свадьбу*, Савицкаго *Встрѣча иконы*, Клодта *Милостыня царичи* и нѣк. др. Если бы, вмѣсто 25 болѣе или менѣе плохихъ снимковъ съ картинъ, старыхъ, много разъ воспроизведенныхъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, редакція дала пять образцово сдѣланныхъ снимковъ съ наиболѣе выдающихся новѣйшихъ картинъ, публика была бы, навѣрное, болѣе довольна и получила бы отъ того большую пользу въ смыслѣ развитія вкуса и вниманія такихъ художественныхъ вещей, какъ портретъ В. М. Васнецова (о-фортъ В. В. Матѣ), и такихъ отлично стильныхъ, хотя и фантастическихъ, какъ снимокъ въ краскахъ съ декораций *Палаата Бердья* (для *Синишурочки*, Островскаго). Очень хороши и весьма интересны снимки съ произведеній В. М. Васнецова въ текстѣ отличной статьи объ этомъ самобытномъ русскомъ художникѣ В. В. Стасова. Для развитія „народности“ въ искусствѣ имѣютъ несомнѣнное и большое значеніе хромолитографічныя снимки съ украшеній и заглавныхъ буквъ старинныхъ русскихъ, вѣрнѣе, славянскихъ книгъ. Въ первомъ выпускѣ такихъ снимковъ довольно много, выборъ ихъ очень хорошъ, а воспроизведеніе — превосходно. Большой интересъ представляетъ какъ сама по себѣ, такъ и по причинѣ, ее вызвавшей, статья М. М. Антокольскаго, озаглавленная: *По поводу книги г. Л. Н. Толстого объ искусствѣ*. Для слѣдующихъ выпусковъ редакціей обѣщаны: „Новыя произведенія М. М. Антокольскаго“ и замѣчательныя, но до сихъ поръ публикованныя только по слухамъ, „Миніатюры изъ Евангелія и Апокалипсиса“, М. П. Соловьева (со снимками въ краскахъ). О нихъ мы много слышали. Въ лежащемъ передъ нами выпускѣ журнала воспроизведенъ проектъ фасада торговыхъ рядовъ въ Москвѣ В. В. Верещагина. Въ художественномъ изданіи, поставившемъ себѣ одною изъ задачъ проведеніе въ обществѣ идеи *національности* въ искусствѣ, очень желательно было бы найти самое внимательное отношеніе къ истинно *русскому* въ архитектурѣ, — въ той области, въ которой уже давно идутъ поиски за настоящимъ національнымъ и, несмотря на старанія художниковъ, не дающа до сихъ поръ вполне удовлетворительныхъ результатовъ. „Русскій стиль“ въ архитектурѣ пока все-таки нѣтъ, но изъ этого отнюдь не

слѣдуетъ, чтобъ его не могло быть. Онъ долженъ быть, его надо создать. А для того, чтобы создать его, надо искать неослабно мотивы для него, надо думать и работать, не опуская головы и рукъ отъ неудачъ. На обязанности журнала *Искусство и Художественная Промышленность* лежитъ всѣми мѣрами помогать поискамъ и направлять ихъ на путь наиболѣе правильный. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что усилія журнала въ этомъ направленіи принесутъ большую пользу русскому зодчеству и въ промышленность нашу внесутъ истинно-художественные и національные элементы. На этомъ пути журналъ встрѣтитъ сочувствіе всего русскаго общества и лучшихъ представителей современнаго искусства.

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

„По бѣлу свѣту. За Атлантическимъ океаномъ“. В. В. Святловскаго.

По бѣлу свѣту. За Атлантическимъ океаномъ. В. В. Святловскаго. Изд. М. С. Копылова. Съ 100 рис. въ текстѣ. Екатеринославъ, 1899 г. Ц. 4 руб. Въ объемистой книгѣ, на 477 страницахъ большого формата и очень убористаго шрифта, докторъ В. В. Святловскій описываетъ свою поѣздку на всемірную выставку въ Чикаго, которую авторъ называетъ „Колумбійскою“, тогда какъ ее было правильнѣе называть „Колумбовскою“, такъ какъ она была устроена въ память открытія Америки Колумбомъ, а не въ штатѣ Колумбіи. Свои путевыя повѣствованія д-ръ Святловскій начинаетъ съ выѣзда изъ Полтавы черезъ Кіевъ, Вѣну, Цюрихъ и Парижъ. Съ первой же главы мы видимъ, что съ нами бесѣдуетъ не заурядный туристъ, спѣшащій подѣлиться съ читателемъ поверхностными наблюденіями и кое-какими налету схваченными впечатлѣніями. Д-ръ Святловскій умѣетъ путешествовать серьезно и изъ посѣщенія чужихъ странъ и городовъ извлекать очень много поучительнаго для себя и для читателей. Въ его разсказахъ, — въ особенности, со времени прибытія его въ портъ Нью-Йорка, — передъ нами раскрывается очень много совершенно новаго для насъ и такого, что способно весьма существенно измѣнить наши взгляды на жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ и на порядки, господствующіе въ великой заатлантической республикѣ, представляющей многимъ чуть не идеальной страной свободы и равенства. И чѣмъ дальше подвигается повѣствованіе автора, чѣмъ ближе становится его знакомство съ Америкой, тѣмъ опредѣленнѣе и точнѣе раскрывается передъ нами убѣжденіе г. Святловскаго, что внѣшняя грандіозность и наружный блескъ Соединенныхъ Штатовъ отнюдь не способствуютъ ни счастью ихъ гражданъ, ни даже ихъ личной свободѣ. Эмигранты, прибывающіе изъ Стараго Свѣта, уже на кораблѣ, подвозящемъ ихъ къ Нью-Йорку, испытываютъ на себѣ всю тяжесть американскихъ порядковъ, доходящихъ до безпощадной жестокости. Китайцевъ совсѣмъ не допускаютъ въ Соединенные Штаты. Эмигрантовъ-европейцевъ осматриваютъ, свидѣтельствуя, сортируютъ, какъ привозный рабочій скотъ и такъ же безцеремонно и грубо. Специальныя таможенныя и карантинныя учрежденія изслѣдуютъ ихъ не только со стороны ихъ здоровья и способности къ труду, но и со стороны ихъ имущественнаго положенія и даже нравственности, производятъ имъ самый строгій отборъ и забракованныхъ отправляютъ обратно въ Европу на счетъ доставившихъ ихъ пароходныхъ обществъ. Особенно недоброжелательно относятся къ переселен-

ленцамъ еврейскъ изъ Германіи и Россіи. Безусловно не допускаются въ Соединенные Штаты „женщины въ интересномъ положеніи, не имѣющія удостовѣренія о бракѣ, или путешествующія отдѣльно отъ мужей и семьи коихъ не ожидаютъ ихъ въ Америкѣ“. Всѣмъ прибывающимъ прививаютъ оспу. Полицейскіе чиновники тщательно провѣряютъ паспорта „и безпаспортныхъ засаживаютъ на три мѣсяца въ тюрьму“, а затѣмъ выпроваживаютъ вонъ... Авторъ говоритъ, между прочимъ: „Грязь на улицѣ (Нью-Йорка, Чикаго и др. городовъ) колоссальная, которая развѣ только можетъ сравниться съ Константинопольскою, и въ дѣлѣ уличной чистоты и опрятности нашимъ городамъ нечего завидовать Нью-Йорку“. Увеселенія американцевъ, по словамъ автора, до крайности грубы, ихъ театры носятъ балаганный характеръ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ вотъ что: „Американскіе города съ точки зрѣнія уличной опрятности не далеко ушли отъ нашего Бердичева, всюду вонь и не просыхающія лужи невылазной грязи. Трогуары въ самыхъ богатыхъ городахъ зачастую деревянные и прогнившіе, того и гляди, подломятся“... „Шумъ и гвалтъ на улицахъ невообразимые, что превращаетъ американскую улицу въ какую-то невообразимую толкучку“... Народныя уличныя празднества настолько дикі, что не поддаются описанію. „Праздновалась годовщина американской независимости и рожденія великой республики (4 іюля). Еще съ вечера накануне толпа ревѣла и гудѣла на всѣхъ перекресткахъ, пускала ракеты, стрѣляла изъ револьверовъ и подкладывала петарды подъ колеса конокъ. Стрѣльба продолжалась всю ночь, и къ утру можно было подумать, что находишься въ осажденномъ городѣ. Къ пушечнымъ выстрѣламъ примѣшивался трескъ и грохотъ взрывающихся петардъ, импшекъ, ракетъ и какихъ-то особенныхъ бураковъ съ динамитною начинкой“... „День 4 іюля въ Чикаго далъ въ результатѣ *сто девятидцати* пожаровъ, изъ коихъ 72 серьезныхъ, и 36 человекъ тяжело ранены, обожженныхъ, ослѣпшихъ и убитыхъ револьверными выстрѣлами“... Хорошо веселье для культурнаго народа! „Пожары въ Америкѣ,—продолжаетъ авторъ,—крайне часты, и общественная безопасность оставляетъ желать очень многого. Полиція повсемѣстно въ Штатахъ крайне слаба, и *судъ Линча* составляетъ въ странѣ обычное явленіе“. Полиція, при всей своей ничтожности,—по рассказамъ д-ра Святловскаго,—безобразничаетъ въ Штатахъ много болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Железныя дороги возятъ въ Америкѣ съ неимоверною быстротой и дороги мѣста въ поѣздахъ обставлены съ замѣчательнымъ комфортомъ, но общіе желѣзно-дорожные порядки не лучше европейскихъ. Реклама въ Америкѣ дошла до того, что „въ театрахъ не рѣдко весь первый рядъ креселъ занимаютъ безукоризненно одѣтые джентельмены, на лоснящихся лысинахъ коихъ отчетливо объявленіе о мылѣ Пирса“.

Значительная часть книги г. Святловскаго занята довольно подробнымъ описаніемъ выставки въ Чикаго, причемъ приведены очень интересные статистическія свѣдѣнія, дающія возможность сравнить размѣры нѣкоторыхъ производствъ въ Штатахъ и въ европейскихъ государствахъ, а равно прослѣдить ростъ промышленности въ Америкѣ. Трудъ г. Святловскаго представляетъ собою самое обстоятельное описаніе Нью-Йорка, Ніагары, страны краснокожихъ индѣйцевъ, города мормоновъ и Чикаго. Всѣмъ, желающимъ сколько-нибудь подробно ознакомиться съ Сѣверной Америкой, мы очень рекомендуемъ эту отличную изданную книгу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. Туганъ-Барановскаго. — „Данныя о положеніи питейнаго дѣла въ Богородскомъ уѣздѣ“. Собр. П. А. Распозовымъ. — „О свободномъ золотомъ промыслѣ въ связи съ водвореніемъ этого промысла въ Охотскомъ краѣ“. Л. Яческаго.

Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Туганъ-Барановскаго. Томъ I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Спб., 1898 г. Книга Туганъ-Барановскаго весьма интересна и богата по содержанію. Авторъ ставитъ свою задачу прослѣдить строй и судьбы русской фабрики подъ влияніемъ измѣненія общественно-экономической среды. Авторъ отмѣчаетъ въ началѣ первой главы сильное развитіе въ XVII и XVIII в. торговаго капитала въ Москвѣ, и этотъ торговый капитализмъ, по мысли автора, и явился тѣмъ базисомъ, на которомъ основалось и развилось крупное производство въ эпоху Петра (стр. 8) и только вслѣдствіе этой подготовленности русской экономической жизни мѣры Петра, направленной на развитіе въ Россіи крупной промышленности, имѣли успѣхъ (стр. 14), но самая политика Петра также была не случайностью, а диктовалась экономическою необходимостью. „Промышленное переустройство Россіи по западно-европейскому образцу было такъ же необходимо, какъ и переустройство ея арміи на европейскій ладъ. Для того, чтобъ успѣшно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порохъ, оружіе, солдатское сукно, полотно, вообще принадлежности военнаго обмундированія и многое другое“ (стр. 14).

Но особенности строя тогдашней русской экономической жизни не давали возможности создаться у насъ капиталистической фабрикѣ: у насъ не было тогда класса свободныхъ рабочихъ. „Вся масса сельскаго населенія была несвободна, — часть была крѣпостными государства, часть — помѣщикамъ. Городское населеніе было немногочисленно и въ значительной степени слагалось изъ тѣхъ же крѣпостныхъ“ (стр. 17). Эта особенность русской жизни и повела къ созданію у насъ *крѣпостной* фабрики, т.-е. фабрики, гдѣ контингентъ рабочихъ состоитъ изъ крѣпостныхъ.

Самый составъ фабрикантовъ видоизмѣняется въ зависимости отъ общественныхъ отношеній. Запрещеніе Петра III, подтвержденное впоследствии Екатериной, приобрѣтаетъ къ фабрикамъ крестьянъ, ставитъ дворянъ въ привилегированное положеніе и значительное число фабрикъ переходитъ въ ихъ руки.

Авторъ хорошо прослѣживаетъ противоположность интересовъ, обнаружившихся въ Екатерининской комиссіи, борьбу землевладѣльческаго класса и купечества за право обладанія фабрикой. Но здѣсь же авторъ отмѣчаетъ и борьбу купечества съ крестьянскими промыслами и особенно подчеркиваетъ послѣднюю, такъ какъ крестьяне, съ развитіемъ кустарныхъ промысловъ, очевидно, оказывали конкуренцію кушамъ (фабрикантамъ). Фабрикантъ же тогда соединялъ въ себѣ и функціи купца. Хотя и была одно время запрещена фабрикантамъ мелочная торговля, но на весьма короткое время, и потомъ снова она была разрешена; фабриканты же вообще стремились захватить въ свои руки мелочную торговлю. Авторъ отмѣчаетъ, наоборотъ, сочувственное отношеніе дворянства къ развитію крестьянскихъ промысловъ, объясняя это развитіемъ класса оброчныхъ крестьянъ, а „такъ какъ размѣръ оброка

опредѣлялся зажиточностью крестьянъ, то естественно, что дворяне были непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы крестьянскіе промыслы развивались* (стр. 40). Между тѣмъ, въ это время значительное число фабрикъ было въ рукахъ крестьянъ, а затѣмъ нѣкоторые отрасли почти сплошь перешли въ руки дворянъ, наприм. суконное производство, какъ самъ приводитъ авторъ на стр. 28. Автору, на нашъ взглядъ, слѣдовало бы здѣсь сдѣлать болѣе детальный анализъ, дѣйствительно ли эти дворянскія ходатайства о развитіи крестьянскихъ промысловъ диктовались тѣми интересами, какъ это предполагаетъ авторъ. Авторъ ниже самъ приводитъ примѣръ, какъ кн. Щербатовъ, защищавшій прежде крестьянскіе торги, затѣмъ измѣнилъ свое мнѣніе (стр. 46, прим. 1). Такой расколъ въ средѣ дворянства вполне естествененъ, если мы будемъ имѣть въ виду отмѣченный уже нами выше фактъ. т.-е., что въ это время въ рукахъ дворянства было значительное число фабрикъ, а слѣдовательно крестьянскіе промыслы могли составлять имъ конкуренцію. Авторъ самъ же отмѣчаетъ, что крестьянская промышленность въ XVIII в. развивалась въ большей степени, чѣмъ крупная (стр. 48), что „крестьяне сами выдѣлывали для себя грубое сукно, которое нерѣдко поступало и въ продажу“ (стр. 50). „Кустарное шелковое ткачество, возникшее не раньше половины XVIII вѣка, къ концу этого вѣка достигло уже такого развитія, что коломенскіе шелковые фабриканты не могли дѣлать легкой шелковой тафты и платковъ изъ-за конкуренціи кустарей“ (стр. 51). Между тѣмъ многія изъ крупныхъ фабрикъ принадлежали тогда дворянамъ (стр. 41). А ниже (стр. 103) мы узнаемъ, что крестьянскія фабрики выдѣлывали и дешевыя шелковыя ткани. Далѣе дворянство и крестьянство сталкивались и на производствѣ полотна. Такъ авторъ на стр. 106 говоритъ, что „число мелкихъ полотняныхъ фабрикъ въ дворянскихъ имѣніяхъ было также очень велико“, а на стр. 51 видно, что только одна Тверская губ. въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія вывозила на продажу до 10 мил. аршинъ *крестьянскую* (курсивъ нашъ) холста, а если это такъ, то становится недостаточно выясненнымъ у автора такое единодушіе въ средѣ дворянъ въ пользу крестьянскихъ промысловъ. Любопытно, что въ Екатерининской комиссіи „депутаты отъ крестьянъ высказались въ смыслъ ограниченія права дворянства заводить фабрики (см. прим. 2, стр. 32). Авторъ далѣе весьма правдоподобно объясняетъ быстрое развитіе кустарныхъ промысловъ тѣмъ, что на тогдашнихъ фабрикахъ работа производилась руками, а слѣдовательно многія новыя производства могли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и на фабрикахъ, вестись самими крестьянами, въ ихъ собственныхъ избахъ. У крестьянъ не было только техническаго знанія, и фабрики играли огромную роль въ развитіи крестьянской промышленности, являясь практическою школою для кустарей. При такихъ условіяхъ фабричныя рабочіе, оставая фабрику, легко могли завести такой же промыселъ у себя въ деревнѣ.

Отсюда естествененъ антагонизмъ между купечествомъ и крестьянами, такъ ярко отразившійся въ Екатерининской комиссіи, но непонятно для насъ это единодушіе (за исключеніемъ князя Щербатова, и то первоначально защищавшаго крестьянскіе промыслы) дворянскаго класса въ пользу поддержанія крестьянскихъ промысловъ. Но позднѣе авторъ ослабляетъ этотъ антагонизмъ купеческой фабрики и крестьянскихъ промысловъ и, аргументируя, впадаетъ въ противорѣчіе съ собою: „антагонизмъ этихъ двухъ формъ производства (т.-е. фабрики и кустаря въ эту эпоху обнаруживался еще очень слабо. Только изрѣдка и

наемъ о конкуренціи кустаря съ фабрикой... Отсутствие антагонизмажду фабрикой и кустарною избой всецѣло объясняется тѣмъ, что жнѣйшія и крупнѣйшія фабрики (суконныя, полотняныя и т. д.) производили товары, почти не выдѣлывавшіеся кустарями; поэтому и слуге въ столкновенія фабрики съ кустаремъ не представлялось" (стр. 52).

Коренное измѣненіе экономической жизни мало-по-малу привилегію въ крѣпостныхъ рабочихъ,—привилегію, за которую такъ боролись XVIII в. фабриканты, превращаетъ въ бремя для послѣднихъ. Фабриканты стараются теперь отдѣлаться отъ этого контингента крѣпостныхъ рабочихъ: при новыхъ условіяхъ съ введеніемъ машиннаго производства сдѣлалось невыгоднымъ работать посессионными людьми (стр. 156). Владѣнне послѣдними очень стѣсняло фабриканта: онъ долженъ былъ изготовлять въ одномъ и томъ же количествѣ изъ года въ къ одни и тѣ же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались нѣмъ; онъ обязанъ былъ давать разъ навсегда опредѣленную работосвоимъ рабочимъ и оплачивать ее, каковъ бы ни былъ сбытъ его варовъ (стр. 147). Благодаря этому мы и видимъ изданіе закона 40 г., ликвидирующаго посессионныя фабрики.

Авторъ приписываетъ техническую отсталость русской желѣзодѣлательной промышленности *системѣ принудительнаго труда* (курсивъ авра), ссылаясь при этомъ на Заблоцкаго-Десятовскаго. И лишь въ причаніи указываетъ вторую причину, а именно: монопольное положеніе уральскихъ заводовъ (стр. 80—81). Это утвержденіе автора требуетъ бы поясненія и дальнѣйшихъ доказательствъ: одна ссылка на разгѣ хлопчатобумажной промышленности, покоящейся на свободномъ удѣ, здѣсь недостаточна; въ самомъ дѣлѣ и условія той и другой расли промышленности съ технической стороны различны: хлопчатобумажная промышленность въ большей степени требуетъ квалифицированнаго труда, какого крѣпостной рабочій не могъ дать, въ желѣзодѣлательной же, ограничивающейся у насъ главнымъ образомъ выплавкою чугуна, такого квалифицированнаго труда не требовалось; слѣдственно, примѣнять здѣсь методъ разницы рискованно, тѣмъ болѣе, и теперь наша уральская желѣзодѣлательная промышленность разается гораздо слабѣе промышленности юга Россіи. Здѣсь уже называется мысль, что дѣло здѣсь не въ крѣпостномъ трудѣ, а въ кихъ-то другихъ причинахъ. Мы готовы подписаться подъ общей рмулировкой авторомъ своего положенія: крѣпостной трудъ, несовстимый съ новыми техническими условіями, становится рѣшительнымъ тормозомъ промышленности (стр. 83), но авторъ не достаточно мизировалъ условія горнозаводской промышленности, а построилъ ѣй выводъ лишь на одной *аналогіи* съ хлопчатобумажной промышленностью.

Въ области земледѣлія помѣщики находили для себя выгоднымъ впостной трудъ, говорить г. Туганъ-Барановскій. „Развитіе денежно хозяйства и появленіе производства хлѣба на рынокъ расширяли рщинную работу въ то время“. Техника тогдашней нашей желѣзодѣлательной промышленности была едва ли выше земледѣльской техники, и естественно, что крѣпостной трудъ дольше держался въ жеодѣлательной промышленности.

Весьма интересна глава VI „Фабрика и кустарная изба“, гдѣ аву вскрываетъ намъ ходъ развитія кустарничества и фабрики. Аву особенно останавливается здѣсь на бумаготкацкой промышленнои. Причинами перенесенія производства изъ фабрики въ кустарную

избу были, конечно, несложность работы, простота технических приемов, что и давало возможность самим же фабричным рабочим, въ возвращеніи къ себѣ домой, насаждать у себя ту же промышленность, но въ мелкихъ размѣрахъ. Отсюда часто кустарничество является въ видѣ результата длинной эволюціи, въ основаніи которой лежало крупное производство. „Фабрики тогда порождали кустаря. Вокругъ каждой крупной фабрики, какъ грибы послѣ дождя, выскакиваютъ новые кустарныя заведенія, съ такимъ успѣхомъ конкурирующія съ фабрикой, что послѣдней приходится плохо“ (стр. 209). Итакъ, здѣсь и домашняя промышленность порождала фабрику, а фабрика порождала домашнюю промышленность (стр. 210). Кустарь съ успѣхомъ конкурировалъ съ фабрикой,—онъ буквально былъ послѣднюю (стр. 231). Оттого мы и слышимъ столько жалобъ и въ XIX в. со стороны фабрикантовъ противъ кустарей.

Авторъ прекрасно прослѣживаетъ связь развитія нашего фабричнаго законодательства съ ростомъ движенія фабричнаго населенія. Такъ этимъ послѣднимъ фактомъ былъ вызванъ актъ 1845 г., запрещающій дѣтямъ въ возрастѣ до 12 лѣтъ ночную работу на фабрикахъ, гдѣ самыя причины лежать и въ основѣ акта 1897 г. Но любопытно, что акты 1845 и 1897 гг., созданные при особой обстановкѣ, будучи, такъ сказать, вырваны временемъ, не были обставлены никакими карающими мѣрами, а съ созданіемъ акта 1845 г. не было вовсе создано правилъ надзора за исполненіемъ этого акта (стр. 171). Авторъ сидитъ далѣе за развитіемъ нашихъ фабрикъ въ связи съ европейскими движеніями; такъ онъ пытается установить связь нашихъ кризисовъ съ кризисами, имѣвшими мѣсто въ то время въ Западной Европѣ. Онъ же отмѣчаетъ вліяніе европейскаго революціоннаго движенія 1848 г. на обнаружившееся у насъ стремленіе къ сокращенію крупныхъ фабрикъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ (стр. 174).

Отмѣтимъ еще очень интересную главу IV (ч. II) — „Борьба фабрикъ съ кустаремъ“. Здѣсь авторъ рисуетъ, какъ подъ вліяніемъ измѣняющихся условій перевѣсъ въ борьбѣ между кустаремъ и фабрикой все болѣе болѣе переходитъ на сторону послѣдней. Авторъ отмѣчаетъ любопытное явленіе, какъ подъ вліяніемъ усиливавшейся конкуренціи кустарная мастерская въ Павловѣ дѣлается все мельче и мельче.

Въ VII гл. (ч. I) и въ V гл. (ч. II) авторъ анализируетъ умственные теченія нашей литературы въ связи съ общественными классами. Преобладаніе интересовъ дворянства въ Александровскую эпоху своеобразно скрашивало тогдашнюю литературу: въ ней ратовалось тогда за свободную торговлю, крѣпостное право, мелкое производство. Разнородный классъ капиталистовъ придавало новое направленіе нашей литературѣ; послѣдняя явно склонилась въ пользу фабрики.

Намъ не понятно только, почему авторъ не пользуется трудами комиссіи, учрежденной московскимъ генераль-губернаторомъ княземъ В. А. Долгорукимъ; онъ, кажется, упоминаетъ эту комиссію только одинъ разъ и то по совершенно второстепенному вопросу (стр. 171) а между тѣмъ эта комиссія играла важную роль въ исторіи развитія нашего фабричнаго законодательства. Точно также хотя авторъ и зываетъ въ предисловіи, что онъ опускаетъ промышленность польскаго края, и авторъ имѣлъ основаніе не разбирать судьбы польской промышленности, но едва ли онъ былъ вправѣ опустить польскую промышленность, поскольку она оказывала вліяніе на развитіе русской промышленности.

Въ общемъ, книга г. М. Туганъ-Барановскаго представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу; она изложена на обширномъ изученіи литературы и несомнѣнно завоеуетъ мѣсто въ нашемъ обществѣ соотвѣтствующее своимъ достоинствамъ и значенію.

Данныя о положеніи питейнаго дѣла въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, собранныя и обработанныя исправ. должн. землемѣрнаго члена богородскаго по питейнымъ дѣламъ пригласительнаго П. А. Роспопова. Изданіе московскаго губернскаго земства. М., 1898 г. Книга эта, представляющая собою въ высшей степени полезное изслѣдованіе, выпущена въ свѣтъ въ ноябрѣ настоящаго года въ качествѣ приложенія къ статистическому ежегоднику Московской губерніи за 1898 годъ, съ предисловіемъ проф. Н. А. Какукова. Г. Роспоповъ, благодаря своему служебному положенію, имѣлъ въ распоряженіи своемъ весь спеціально-питейный матеріалъ, относящійся къ его задачѣ, который онъ очень умѣло использовалъ, острожно сопоставивъ его съ другими показателями благосостоянія населенія, въ томъ числѣ съ данными (по большей части совершенно новыми) въ мало изученной области статистики народнаго потребленія. Въ трудѣ Роспопова находимъ полную картину питейной, если можно такъ выразиться, жизни Московской губерніи вообще и въ частности Богородскаго уѣзда. Какъ извѣстно, Московская губернія—наканунѣ введенія законной продажи питей и учрежденія попечительства о народной трезвости. Эти послѣднія, также, какъ и земство, въ книгѣ г. Роспопова находятъ обильный матеріалъ, который долженъ быть положенъ въ основѣ соображеній о мѣрахъ серьезной борьбы противъ пьянства и его вредныхъ послѣдствій. При всемъ нашемъ сочувствіи къ изслѣдованію Роспопова, не можемъ обойти молчаніемъ литературныя недостатки его работы. Крайне неровное изложеніе, непріятная пестрота стиля и въ совсѣмъ не серьезная манера надергивать случайныя цитаты, куда ни попало, представляются тѣмъ болѣе досадными, что трудъ Роспопова обладаетъ несомнѣнными серьезными достоинствами. Видно, литературная сторона дѣла совсѣмъ не занимала автора, отдавашаго все свое вниманіе таблицамъ, составленнымъ,—надо отдать справедливость,—превосходно. Именно на таблицы „убита масса кропотливаго, сдѣланнаго труда, свидѣтельствующаго о самомъ живомъ интересѣ къ дѣлу“, какъ говоритъ въ предисловіи г. Кабуковъ, тутъ же высказывающій вполне понятное пожеланіе, чтобы „московское земство, серьезно занимавшееся изслѣдованіемъ вопроса о вліяніи и распространеніи алкоголизма, приобрѣло возможность получить и по другимъ уѣздамъ губерніи такія же свѣдѣнія, собранныя по тому же образцу и тѣмъ же способомъ“, какъ по уѣзду Богородскому.

Пожеланіе это легко бы осуществилось, если бы примѣръ г. Роспопова нашелъ подражаніе со стороны другихъ представителей акцизнаго вѣдомства Московской губерніи.

О свободномъ золотомъ промыслѣ въ связи съ водвореніемъ того промысла въ Охотскомъ краѣ. Л. Ячевскаго. Спб., 1898 г. Крупные золотопромышленники въ печати и на сѣздахъ неустанно пропагандируютъ идею о безусловной необходимости сдать имъ на откупъ восточное побережье Сибири. Въ брошюрѣ г. Ячевскаго, основательно изучившаго положеніе русской золотопромышленности и въ воззрѣніяхъ своихъ на наше о ней законодательство примыкающаго къ воззрѣніямъ В. И. Семевскаго, высказаннымъ въ недавно вышедшемъ

капитальномъ изслѣдованіи его о *Работѣ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ*, и г. Надина, автора интересной статьи въ *Русской Мысли* (№ 2-й, 1898 г.), весьма убѣдительно доказывается нецѣлесообразность и вредъ, съ народно-хозяйственной и государственной точекъ зрѣнія дальнѣйшаго сохраненія теперешняго status quo золотого промысла. При этомъ г. Ячевскій осторожно обнаруживаетъ всю несостоятельность ничтожность возраженій, встрѣчаемыхъ защитниками свободы золотого промысла со стороны ея противниковъ, — возраженій, большей частью заимствуемыхъ изъ копилки устарѣвшихъ курьезовъ. По совершенно справедливому мнѣнію автора, необходимо дать полный просторъ „вольному старателю“, принимающемуся за развѣдку и добычу золота, какъ за всякую другую работу, обеспечивающую ему кусокъ хлѣба, и выдающему въ свое собственное дѣло всю свою энергію и знанія. Тому же работнику, напоминающему, по типу, мелкаго золотопромышленника, выросшаго и окрѣпшаго на американской почвѣ, правительство должно отводить на льготныхъ и поощрительныхъ началахъ особые дѣлянки. Эта форма золотого промысла, какъ показываетъ примѣръ Америки, Австраліи и Африки, имѣетъ еще ту хорошую сторону, что способствуетъ образованію громадныхъ акционерныхъ обществъ съ большими капиталами и прекрасно поставленной техникой; между тѣмъ какъ наши единичные или множественные монополисты обыкновенно ни о чемъ не заботятся и сплосъ и рядомъ или вовсе запускаютъ свои прииски или сдаютъ ихъ въ аренду нерѣдко небольшимъ участками.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами“. Сост. Ф. Мартенса. — „Положеніе о крѣпостныхъ пошлинахъ“. Сост. С. Михайловъ и Н. Берберовъ. — „Ученыя записки Импер. Моск. унвер. Вып. 14. Вып. канонъ при болѣшомъ требникѣ“. А. Павлова. — „Выборный мировой судъ“. Сборникъ статей.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ X. Трактаты съ Англіей 1832—1895 гг. Спб., 1898 г. Новый томъ X. Пятидесятилетия труда проф. Ф. Ф. Мартенса оканчиваетъ третью серію собранія трактатовъ и конвенцій, посвященную трактатамъ съ Англіей. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, авторъ, печатая тексты конвенцій и трактатовъ, предваряетъ ихъ обширными историческими очерками, которые въ совокупности даютъ полную исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей съ 1832 по 1896 годъ. Очерки эти представляютъ глубокий интересъ благодаря обширному архивному матеріалу, разработанному авторомъ, и заключаютъ въ себѣ весьма много новыхъ и любопытныхъ данныхъ, касающихся политики Россіи въ царствованіе Николая I.

Промежутокъ времени, охватываемый разсматриваемымъ томомъ, является весьма интереснымъ періодомъ нашей дипломатической исторіи съ одной стороны, благодаря многимъ выдающимся личностямъ, принимавшимъ участіе со стороны какъ Россіи, такъ и Англіи въ тогдашнихъ дипломатическихъ переговорахъ, а съ другой стороны, благодаря первостепенной важности тѣхъ вопросовъ, которые этими переговорами затрагивались. Не имѣя возможности подробно разбирать содержаніе поваго тома труда проф. Мартенса, укажемъ лишь на наиболѣе выдающіеся моменты.

вающія вниманія мѣста. Такъ, въ очеркѣ передъ актомъ № 442 авторъ подробно занимается средне-азиатскимъ вопросомъ, поставленнымъ тридцатыхъ годахъ на очередь лордомъ Пальмерстономъ и сохранившимъ весь свой животрепещущій интересъ до настоящаго времени.) меньшій интересъ представляютъ дипломатическіе переговоры съ глѣй по восточному вопросу и по заключенію конвенціи о закрытіи сфора и Дарданелловъ,—конвенціи, столь откровенно нарушенной въ 53 году проходитъ англійскаго и французскаго флотовъ черезъ про- вы, обстоятельно изложенные авторомъ въ очеркахъ передъ актами 442 и слѣдующими. Но безспорно наиболѣе глубокий интересъ представляетъ историческій очеркъ передъ актомъ № 456, гдѣ проф. Мар- нъ на основаніи многихъ новыхъ документовъ и фактовъ излагаетъ нъ за шагомъ воѣ перипетіи переговоровъ между Россіей и Англійей, нведшихъ роковымъ образомъ къ Крымской войнѣ; въ этихъ пере- ворахъ особенно рельефно вырисовывается личность императора Ни- лая I, бывшаго, какъ извѣстно, руководителемъ и душой политики осіи; укажемъ, между прочимъ, на весьма любопытную переписку колая I съ королевой Викторіей передъ началомъ Крымской войны гр. 333—337).

Изданъ настоящій томъ такъ же хорошо и аккуратно, какъ и преды- шіе, и нужно съ нетерпѣніемъ ожидать появленія слѣдующихъ то- въ образцоваго, вполне цѣннаго для выясненія нашей дипломатиче- ой исторіи труда проф. Мартенса.

Положеніе о крѣпостныхъ пошлинахъ. Составили С. Михай- ъ и Н. Берберовъ. Изданіе неофициальное. Спб., 1898 г. На- оящее изданіе заключаетъ въ себѣ полный текстъ Положенія о крѣ- стныхъ пошлинахъ, причемъ подъ отдѣльными статьями составители нѣстали толкованія на основаніи рѣшеній и указовъ сената и цир- ларовъ министерства финансовъ, а также соответствующія статьи ажданскихъ законовъ, устава гражданскаго судопроизводства и дру- ыхъ частей свода законовъ. Въ обширномъ приложеніи, составляю- емъ вторую часть книги, авторы привели цѣликомъ тѣ сенатскіе аззы и рѣшенія и циркуляры, на которые имѣются ссылки въ первой юти книги. Въ концѣ книги помѣщена табель, опредѣляющая закон- ю оцѣнку для исчисленія пошлинъ. Все изданіе составлено полно и ьуратно и можетъ служить весьма полезнымъ практическимъ пособіемъ.

Ученныя записки Императорскаго Московскаго университета. гдѣлъ юридическій. Выпускъ 14. Номоканонъ при большомъ ребникѣ. А. Павлова. Новое, переработанное изданіе. М., 1897 г. звѣстный, капитальный трудъ проф. Павлова о Номоканонѣ, вышедшій ьвымъ изданіемъ въ 1872 году, появился нынѣ вторымъ изданіемъ, ь совершенно переработанномъ видѣ. Вся книга проф. Павлова со- юитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ излагаетъ исторію Номо- канона, какъ памятника греческаго, южно-славянскаго и русскаго цер- яннаго права; во второй онъ даетъ греческій и славянскій тексты номоканона съ обширными и весьма цѣнными объяснительными и кри- ческими примѣчаніями къ каждой статьѣ сборника. Обѣ части книги, ь сравненію съ первымъ ея изданіемъ, потерпѣли значительныя измѣ- нія. Вся исторія Номоканона написана авторомъ совершенно заново , надо признать, является въ настоящемъ своемъ видѣ гораздо болѣ ьной и обстоятельной, чѣмъ прежде. Во второй части книги авторъ бавилъ всю первую составную часть Номоканона и издалъ греческій жсть въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, такъ какъ въ первомъ изда-

ни текст издавался авторомъ по одному списку, а во второмъ — шести. Благодаря этому, изданіе текста является болѣе точнымъ и правильнымъ. Точно также значительно увеличены и исправлены примѣчанія къ статьямъ сборника; примѣчанія эти, благодаря обширной эрудиціи автора, являются наиболее цѣнною частью его труда, заключающія въ себѣ обстоятельное толкованіе каноническихъ институтовъ и церковныхъ каноновъ, и дѣлають трудъ проф. Павлова настольною книгою при изученіи русскаго церковнаго права.

Выборный мировой судъ. Сборникъ статей. Спб., 1898 г. Въ настоящее время, когда оканчиваются работы комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ и когда, слѣдовательно, вопросъ о томъ, быть ли не быть выборному мировому суду, получаетъ свое окончательное разрѣшеніе, весьма полезно вспомнить минувшую дѣятельность мирового суда и, сравнивъ ее со столь недавней, но уже такъ ярко обрисовавшейся дѣятельностью замѣстителей мировыхъ судей — земскихъ начальниковъ, дать ей надлежащую оцѣнку. Эту цѣль и преслѣдуетъ разсматриваемая книга, представляющая изъ себя сборникъ, въ составъ котораго входятъ статьи: *Мировой судъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II* Бруна, *Къ 30-лѣтію мирового суда* Джаншіева, *Мировые судьи и ихъ преемники* Обнинскаго, *Къ вопросу объ образовательномъ цензѣ и продолжительности службы мировыхъ судей* Окунова, а также замѣтки С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда по вопросу о выборности мировыхъ судей и выдержка изъ отчета министерства юстиціи о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій. Наиболѣе интереса представляютъ статьи Джаншіева и Обнинскаго, обрисовывающія съ двухъ разныхъ сторонъ мировой судъ. Г. Джаншіевъ даетъ живое и полное изображеніе той роли, которую игралъ въ народной жизни мировой судъ. Уже съ перваго времени своего появленія новый, столь близкій народу мировой судъ снискалъ къ себѣ глубокое довѣріе народа, благодаря своей простотѣ, доступности, быстротѣ. И мировые судьи въ своей дѣятельности принимали всѣ усилія достойно поддержать это довѣріе. Стремясь привить дотогѣ безправной массѣ народа сознаніе о личномъ его достоинствѣ, сознаніе своихъ законныхъ правъ и обязанностей, мировые судьи „полагали возвысить престижъ своей власти не грубостью и жестокостью, а мягкостью, а потому всѣмъ, безъ различія званій, стали говорить „вы“, — не стѣсненіемъ гарантій правосудія, а распространеніемъ ихъ, не произволомъ и самовластіемъ, а строгимъ соблюденіемъ законности“. Это настроеніе мировыхъ судей и сдѣлало то, что, по словамъ извѣстнаго судебного дѣятеля и писателя А. Ф. Кони, „камеры ихъ стали не только мѣстомъ доступнымъ народу правосудія, но и школой порядочности и уваженія къ чловѣческому достоинству“. 1889 годъ разрушилъ весь мировой институтъ, на мѣстѣ коего появились земскіе начальники, яркую характеристику дѣятельности которыхъ мы находимъ въ статьѣ г. Обнинскаго. Земскіе начальники, обладая широкою, по усвоенной практикѣ дискреціонною властью надъ „сельскими обывателями“, не стѣсняясь злоупотребляли ею; въ теченіе менѣе чѣмъ десяти-лѣтняго существованія земскихъ начальниковъ, основныя черты ихъ дѣятельности обрисовались вполне ясно: „безпредѣльность личнаго усмотрѣнія“, главный масштабъ рѣшеній и мѣропріятій, полная, умышленно-предвзятая и откровенная невнимательность къ закону, охрана лишь землевладѣческихъ интересовъ во что бы то ни стало и „попечительствъ надъ крестьянами, выражающееся лишь муштрованіемъ, насильствен-

имъ введеніемъ не обязательнаго, запретами не воспрещеннаго и, наконецъ, широкая эксплуатація судебной розги и административныхъ зачехленій“. Конечно, такая дѣятельность не могла возбудить довѣрія и уваженія, и народъ „отвернулся, приунылъ, испугался и сталъ терпѣливо переносить всѣ строгости“.

Много лѣтъ просуществовалъ выборный мировой судъ, возбуждая въ себѣ общее уваженіе и симпатію, и было бы грустно, еслибы теперь эти реформы нашего судопроизводства не были сохранены и укрѣплены въ немногіе обломки, которые сохранились до сего времени. Будемъ дѣяться, что этого не случится.

УЧЕБНИКИ, ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Общедоступная анатомія и фізіологія человѣка и животныхъ“. Э. Ретерера.—
элементарный курсъ ботаники для нѣмецкихъ сельско-хозяйственныхъ школъ“. Сост.
Ф. Кричовъ.—„Приключенія двухъ братьевъ Авосья и Небосья“. Н. Тимковская.—
народы Россіи. Остатки, акуты, вотяки, рассказы объ осетинахъ“. Подъ ред. Н.
Кружина.—„Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ, Фригифъ Хансезъ“. Очеркъ
Н. Поповой.—„Сокровище стараго герцога“. Эркманъ-Шатриана.—„Бобылка
мрена“, „Деревенская тѣма“. Рассказы Е. Постыловой.—„Что такое страховка и
какъ она идетъ“. О. Жиринова.—„Волшебныя сказки Перро“. 7 сказокъ, изд. Е. В.
Леровой.—„Библіотека нашихъ дѣтей“. Рассказы и очерки, изд. Е. В. Леровой.

Общедоступная анатомія и фізіологія человѣка и животныхъ.
Ретерера, профессора Парижскаго университета. Съ 380 по-
типажами въ текстѣ и 6 отдѣльными раскрашенными рисун-
ками. Перевелъ со втораго французскаго изданія Г. А. Паперна.
Ю., 1898 г. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 2 р. Ясно сознаваемая
нужность, а потому все болѣе и болѣе увеличивающаяся потреб-
ность въ общемъ естественно-историческомъ образованіи, безспорно,
главнѣйшею причиною того, что спросъ на руководства, которыя знакомятъ
и въ общедоступной формѣ съ различными отдѣлами естествознанія,
значительно превышаетъ предложеніе. Мы подразумеваемъ здѣсь того
единаго человѣка, который въ своемъ стремленіи къ образованію не
состоитъ въ удовольствіи тѣми художественными брошюрками никому
извѣстныхъ авторовъ, которыя тысячами выбрасываются на нашъ
низкій рынокъ.

Между тѣмъ, такихъ руководствъ, которыя, оставаясь строго на-
учными, были бы въ то же самое время и общедоступными, такъ не-
много, что ихъ можно „по пальцамъ перечесть“, а потому нельзя не
ожидать появленія въ русскомъ переводѣ такого руководства,
какъ *Общедоступная анатомія и фізіологія человѣка и животныхъ*
Ретерера.

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ авторъ знакомитъ читателя
различіемъ между органическими и неорганическими тѣлами, съ
структурой и дѣленіемъ, образованіемъ зародыша, состав-
омъ тѣла, органами и аппаратами, слѣдуетъ первая часть, посвящен-
ная анатоміи и фізіологіи, начиная съ органовъ пищеваренія и кончая
органами чувствъ. Отличительною чертой этого руководства является
то, что авторъ, выяснивъ строеніе и направленіе какого-нибудь аппа-
рата въ тѣлѣ человѣка, въ краткихъ словахъ знакомитъ читателя съ
тѣмъ же аппаратомъ и въ животномъ ряду.

Вторая часть вкратцѣ затрогиваетъ вопросы классификаціи и про-
исхожденія животныхъ и даетъ краткую характеристику животныхъ
классовъ.

Опрятно изданная, снабженная множеством прекрасно исполненных рисунковъ, значительно облегчающихъ пользованіе книгой, *Общедоступная анатомія и физиологія* Э. Ретерера, безъ сомнѣнія, найдетъ обширный кругъ читателей.

Элементарный курсъ ботаники для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Составилъ С. Ф. Кривцовъ, преподаватель Марининской сельско-хозяйственной школы. Съ 156-ю рисунками въ текстѣ. Одобрень учен. ком. мин. зем. и госуд. имущ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1898 г. Цѣна 40 коп. Элементарный курсъ ботаники С. Ф. Кривцова представляетъ изъ себя, собственно говоря, не что иное какъ очень хорошо составленный, примѣнительно къ программѣ преподаванія ботаники въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, конспектъ краткаго учебника ботаники И. П. Бородинна. Расположеніе учебнаго матеріала въ *Элементарномъ курсѣ ботаники* С. Ф. Кривцова отъ расположенія такового же въ *Краткомъ учебникѣ ботаники* И. П. Бородинна единственно отличается тѣмъ, что въ первомъ—морфологическій очеркъ заканчивается описаніемъ строенія семени и отличія его отъ споры, тогда какъ въ послѣднемъ эти морфологическій очеркъ начинается. Большинство рисунковъ заимствовано изъ того же источника. Въ общемъ—это хорошій элементарный курсъ ботаники, который, помимо своего спеціальнаго назначенія, можетъ быть весьма полезнымъ пособіемъ для начинающихъ.

Приключенія двухъ братьевъ Авося и Небося. Не то сказка, не то быль. Н. Тимковскаго. Съ 9-ю рисунками К. Н. Чичагова. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Москва, 1896 г. Изданіе книжки помѣчено 1896 годомъ и наша замѣтка о ней является запоздалой. Это весьма жаль, потому что журнальная замѣтка представляетъ изъ себя одно изъ лучшихъ вспомогательныхъ средствъ для введенія книжки въ публику, а книжка г. Тимковскаго вполне этого заслуживаетъ. У насъ мало хорошей беллетристики, спеціально приспособленной для народнаго чтенія, и произведенія, подобныя *Авосю и Небосю*, весьма желательны. Приключенія двухъ братьевъ, Авося и Небося, описаны въ сказочной формѣ, которая, тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ разсказу сохранить вполне реальный характеръ. Фигуры братьевъ прямо типичны, а въ изложеніи авторъ удачно подражаетъ тону народныхъ сказокъ, что придаетъ разсказу своеобразный интересъ, особенно въ глазахъ читателей изъ народа. Прибавимъ, что разсказъ ведется до конца съ неослабывающимъ интересомъ и къ концу проникнутъ живымъ и добродушнымъ юморомъ.

Народы Россіи. Подъ редакціей Н. Харузина. 1) Остяки, Д. Турскаго, цѣна 6 к.; 2) Якуты, К. Сергѣева, цѣна 3 к.; 3) Вотги, В. Х., цѣна 5 к.; 4) Разказы объ Осетинахъ, Н. Ж., цѣна 8 к. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1898 г. Настоящее изданіе, судя по обложкѣ, не ограничится вышедшими 4-мя книжками, и въ составъ его войдетъ еще цѣлый рядъ этихъ графическихъ очерковъ о народностяхъ, населяющихъ Россійскую имперію. Подобныя популярныя изданія являются весьма желательнымъ вкладомъ въ бібліотеку народныхъ начальныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что каждый очеркъ изданъ отдѣльно и стоитъ дешево. Изъ вышедшихъ наиболѣе удачны по исполненію очерки о вотякахъ и остякахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ составители очень умѣло воспользовались имѣвшимся матеріаломъ, придавъ ему интересную и популярную форму и читатель получить опредѣленное представленіе о физиономіи этихъ

ждыхъ ему племенъ. Что касается до двухъ другихъ очерковъ, объзутахъ и объ осетинахъ, то и они не могутъ быть названы неудачными; но первый изъ нихъ страдаетъ нѣкоторой сухостью изложения, составитель второго слишкомъ блѣдными красками описываетъ гранозную природу Кавказа, изображеніе которой должно непременно повѣстовать несвѣдущаго читателя своей необычайностью для того, чтобы могъ составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе о томъ, что такое Кавказъ. Однако, эти недостатки не такъ значительны, и книжки все-таки прочтутся съ интересомъ и пользою. Изданы онѣ недурно, но рисунки исполнены не все отчетливо. Къ каждому очерку приложена ютвѣтствующая карта Европейской или Азіатской Россіи, что даетъ возможность читателю ориентироваться самому относительно мѣста, занимаемаго даннымъ народомъ.

Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ, Фритіофъ Нансенъ. Черкъ О. Н. Поповой. Съ 38-ю рисунками. Цѣна 50 к. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Нигдѣ въ разбираемой книжкѣ не указано, для какого рода читателей она предназначается. Судя, однако, по тону, которымъ ведется разсказъ, намъ представляется, что она написана и для дѣтей, и для народа. Всякому извѣстно, какъ трудно написать біографическую характеристику живого человѣка, хотя бы онъ была личность извѣстная всему міру, потому что частныя и наимѣнѣе интересныя подробности ея жизни не могутъ быть опубликованы. Нансенъ представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Его открытая, посредственная и общительная натура рисуется вполне отчетливо въ совокупности его собственныхъ записокъ и того небольшого запаса фактовъ объ его личной жизни, которыя успѣли проникнуть въ публику. Г-жѣ Поповой удалось интересно скомпилировать матеріалъ, и въ результатъ получился занимательный очеркъ, изъ котораго читатель не только познакомится съ личностью знаменитаго полярнаго путешественника, но и узнаетъ довольно подробно конечные результаты о путешествіяхъ. Что касается рисунковъ, то хотя не все изъ нихъ исполнено отчетливо, но нѣкоторые недурны.

Романы, сказки и повѣсти. Сокровище стараго герцога (изъ японскихъ сказокъ). Эриманъ-Шатріана. Переводъ съ французскаго Е. А. Никольской. Съ 5-ю рисунками. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1898 г. Книжка хотя и носитъ названіе сказки, но на самомъ дѣлѣ очень мало походитъ на сказку. Это скорее преданіе, рассказанное въ мистическомъ и фаталистическомъ тонѣ, и относящееся къ сравнительно недавнимъ временамъ. Разсказъ ведется довольно интересно, хотя непомѣрно растянутъ. Переводъ и рисунки хороши.

Бобылка Матрена. Разсказъ изъ жизни деревни.—Деревенская ма. Разсказъ. Е. Пospѣловой. Изданіе К. Тихомирова. Москва, 1898 г. Цѣна 4 к. + 7 к. Разсказы г-жи Пospѣловой очень похожи на разсказы, которые писались и пишутся специально для народнаго юнія авторами средней руки. Въ нихъ есть и нравоучительная тенденція, и поучительные примѣры, и специфическія народныя словечки, модѣ „ажно“, „духъ сопреть“, „кабыть“ и т. п., которыми такъ любятъ щеголять авторы и въ особенности авторы народныхъ разсказовъ. Совершенно отсутствуетъ только талантъ, и, благодаря его отсутствію, въ разсказахъ г-жи Пospѣловой нечего искать ни живыхъ одей, ни болѣе или менѣе типичнаго изображенія деревенской жизни. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что разсказовъ г-жи Пospѣловой не

слѣдуетъ совѣтъ читать; напротивъ, въ нихъ есть хотя бы тѣ положительныя данныя, что они, во-первыхъ, правдоподобны, а во-вторыхъ—мораль въ нихъ довольно естественно вытекаетъ изъ содержания. Хорошихъ книгъ для народнаго чтенія не такъ много, чтобы пренебрегать этими качествами.

Что такое страховка и куда она идетъ. О. Жирнова. Москва, 1898 г. Цѣна 7 к. Книжка г. Жирнова прочтется въ деревнѣ не безъ пользы. Всякому крестьянину приходится имѣть дѣло со страховкой, но далеко не всякому извѣстно, что такое страховка. Г. Жирновъ довольно подробно и толково разъясняетъ сущность страхования и въ то же время даетъ нѣсколько полезныхъ указаній относительно роли земства въ этомъ дѣлѣ и той помощи отъ него, на которую можетъ рассчитывать деревня ради возможнаго обезпеченія своихъ построекъ отъ пожара.

Волшебныя сказки Перро, въ переводѣ Е. В. Лавровой: 1) Сѣняя борода, съ 2-мя иллюстраціями, цѣна 3 к.; 2) Красная шапочка, съ 3-мя иллюстраціями, цѣна 2 к.; 3) Волшебница, съ 14 иллюстраціей, цѣна 2 к.; 4) Спящая красавица, съ 4-мя иллюстраціями, цѣна 4 к.; 5) Рикъ-хохолокъ, съ 1-й иллюстраціей, цѣна 3 к.; 6) Мальчикъ съ пальчикъ, съ 6-ю иллюстраціями, цѣна 5 к.; 7) Золушка, съ 3-мя иллюстраціями, цѣна 4 к. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1898 г. Намъ уже приходилось разбирать эти сказки въ томъ же изданіи, но сбросированными въ одну книжку. Настоящее изданіе удобнѣе перваго, особенно для народныхъ школъ, гдѣ, какъ извѣстно, желательны изданія небольшихъ дешевыхъ книжекъ. Изданы сказки по цѣнѣ хорошо и рисунки выполнены отчетливо.

Библіотека нашихъ дѣтей: 1) Н. М. Пржевальскій, біографическій очеркъ П. И. Мамаева, съ портретомъ Н. М. Пржевальскаго, цѣна 10 к.; 2) Ивонна, съ французскаго (по разсказу Августа Байи), съ рисунками, цѣна 4 к.; 3) Отецъ и сынъ, съ французскаго, разсказъ Августа Байи, съ рисунками, цѣна 3 к.; 4) Императоръ и разбойникъ, съ французскаго, по разсказу Р. Домбръ, съ рисунками, цѣна 3 к. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб., 1898 г. Книжка г. Мамаева *Путешественникъ Н. М. Пржевальскій* прочтется дѣтьми съ большимъ интересомъ. Автору біографическаго очерка, приуроченнаго для дѣтскаго чтенія, приходится преодолевать много трудностей при разработкѣ матеріала. Кромѣ достоверности и интересной группировки фактовъ, обрисовывающей данную личность, требуется умѣнье отгнѣнить и подчеркнуть тѣ или нѣны стороны ея характера, имѣющія особенную цѣнность въ глазахъ маленькаго читателя. Г. Мамаеву вполне удалось отмѣтить постоянство Пржевальскаго и то упорство и настойчивость, которыя являлись отличительными чертами знаменитаго путешественника. Къ сожалѣнію, авторъ въ своемъ очеркѣ слишкомъ мало говоритъ о научныхъ результатахъ трудовъ Пржевальскаго. Популярное изложеніе могло бы ознакомить дѣтей съ научной дѣятельностью путешественника, которая и сдѣлала его имя знаменитымъ, и очеркъ много бы выигралъ отъ этого.

Разсказы Байи *Ивонна* и *Отецъ и сынъ* повѣствуютъ: 1-й—о самоотверженной любви одной дѣвочки къ своимъ родителямъ, а 2-й—о приблизительно такихъ же качествахъ одного мальчика. Дѣйствіе имѣетъ въ томъ, такъ и въ другомъ разсказѣ происходитъ въ рыцарскія времена. Оба разсказа достаточно анекдотичны и сантиментальны,

и любятъ читать о геройскихъ подвигахъ своихъ сверстниковъ, и въ такомъ чтеніи нѣтъ ничего незаконнаго и вреднаго.

Разсказъ *Императора и разбойника* интереснѣе, живѣе и правдоподобнѣе разсказовъ Байи, и хотя онъ гораздо короче и носить тотъ анекдотическій характеръ, но образы дѣйствующихъ лицъ—императора Іосифа австрійскаго и разбойника Сбогара—довольно опредѣленны.

КАЛЕНДАРИ.

Хрестный календарь на 1899 г. А. Гатцука. — Русскій сельскій календарь на 1899 г. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. — Сахалинскій календарь на 1899 г.

Хрестный Календарь на 1899 годъ. А. Гатцука, Москва. Ц. 5 к. Въ 1800 г. академіи наукъ дана „привилегія“ на изданіе календарей „для удешевленія ихъ“. Въ 1865 г. эта „привилегія“ отмѣнена и разрѣшено всѣмъ изданіе календарей. Первый отмѣною „привилегіи“ воспользовался Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ и выпустилъ въ Москвѣ, по не бывало дешевой цѣнѣ (10 и 15 к.), *Хрестный Календарь*, вступающій теперь въ 34-й годъ изданія, по формѣ и программамъ, установленной основателемъ, скончавшимся въ 1892 году. Въ немъ же самымъ видѣ изданіе *Хрестнаго Календаря* продолжаютъ напечатывать покойнаго А. А. Гатцука, и изданіе это пользуется огромнымъ распространеніемъ во всей Россіи. Въ каждомъ выпускѣ печатаются: *Временникъ событій* за истекшій годъ (съ іюля по іюль), некрологи наиболѣе выдающихся лицъ, сообщается о различныхъ юбилеяхъ. Все это составляетъ своего рода краткую лѣтопись, иллюстрированную многими портретами. Статья болѣе подробная посвящена войнѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки съ Испаніей, окончившаяся жестокимъ разгромомъ родины Донъ-Кихота, лишающей теперь всѣхъ своихъ колоній. Особую статею отмѣчено занятіе русскими Портъ-Артура и Талиенвана. Къ статьѣ приложена карта Печилійскаго залива. Въ календарѣ имѣется подробная карта желѣзныхъ дорогъ Россіи съ продолженіемъ ихъ въ Закавказьѣ, въ Закаспійской области, въ Сибири, въ Финляндіи и Западной Европѣ до Берлина, Дрездена и Вѣны. Карта сдѣлана очень четко и для справокъ удобна.

Русскій Сельскій Календарь на 1899 годъ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 20 к. Въ общемъ, календарь этотъ составленъ хорошо. Изъ него деревенскій людъ можетъ почерпнуть много полезныхъ и разнородныхъ свѣдѣній, а равно указанія о „хорошихъ“ книгахъ для самообразованія, о руководствахъ по сельскому хозяйству, садоводству, огородничеству и нѣкоторымъ домашнимъ производствамъ. Находимъ нужнымъ замѣтить составителю календаря одинъ промахъ, „который мы считаемъ существеннымъ: въ статьѣ *О деньгахъ* авторъ говорить, что „съ прошлаго года золотыя монеты приготавлиются цѣнностью въ 15 руб. и въ 7 р. 50 к.“ Далѣе напечатано: „Остаются въ обращеніи золотыя монеты, отчеканенныя до прошлаго года въ 10 руб. и въ 5 руб.“, — ихъ теперешняя цѣна 15 р. и 7 р. 50 к. Это можетъ повести къ недоразумѣніямъ, такъ какъ въ обращеніи есть пяти-рублевые золотые цѣною въ 5 р. кредитныхъ. Намъ извѣстно, что подъ Москвою даже новые золотые пятирублевки сбывались за 7 р. 50 к. Въ *Сельскомъ Календарѣ* это необходимо было пояснить. Въ той же статьѣ невѣрно сообщеніе, будто есть у насъ кредитные билеты въ

50 руб.; таковые давно изъяты изъ обращенія. Приложенная къ календарю „Карта російскихъ желѣзныхъ дорогъ“ слишкомъ нестро и неудобна для деревни. Изображенія въ политипажахъ швейцарскихъ и американскихъ видовъ представляются намъ совершенно ненужными. На ихъ мѣстѣ лучше было бы дать что-нибудь намъ болѣе близкое и поучительное. Эти маленькіе недочеты не мѣшаютъ намъ, однако, пожелать этому календарю самаго широкаго распространенія среди сельскаго и городского рабочаго народа.

Сахалинскій Календарь на 1899 годъ. Ц. 1 руб. Книга эта, нами только что полученная, состоитъ изъ двухъ частей: 1 „Отдѣлъ официальный“; 2—„Матеріалы для изученія о-ва Сахалина“. Собственно „календарныя“ свѣдѣнія доведены въ ней до minimum'a, и это солидное произведеніе правильнѣе было бы назвать: *Сахалинскій Ежегодникъ*. Его первый отдѣлъ почти сплошь занятъ любопытными таблицами, дающими весьма обстоятельную и полную картину движенія разнороднаго населенія этой далекой пенитенціарной колоніи, ея экономическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго положенія. На основаніи этихъ таблицъ можно, до извѣстной степени, дѣлать предположенія о насущныхъ потребностяхъ колоніи и о томъ, что необходимо для ея дальнѣйшаго развитія. Островъ занимаетъ 890 верстъ въ длину съ сѣвера на югъ, при ширинѣ отъ 25 до 200 верстъ, обладаетъ большими естественными богатствами въ лѣсахъ, земляхъ, годныхъ для культуры, въ каменномъ углѣ, нефти и минералахъ, а также въ рыбныхъ и охотничьихъ промыслахъ. Всѣ эти богатства пока едва тронуты, вслѣдствіе specialнаго назначенія острова для ссылки въ каторжныя работы и отсутствія частно-предпринимательскихъ капиталовъ, повидимому, не рискующихъ пока опираться на подневольный трудъ ссыльныхъ или совсѣмъ некультурныхъ коренныхъ обитателей острова, о которыхъ довольно полныя свѣдѣнія имѣются во второмъ отдѣлѣ книги. Этотъ же второй отдѣлъ даетъ понятіе о житьѣ-бытьѣ на Сахалинѣ тамошняго общества, состоящаго исключительно изъ чиновниковъ и ихъ семействъ. Эксплуатація продуктовъ моря, рыбъ, тресковъ, морской капусты и проч. весьма рискуетъ попасть всецѣло въ руки предприимчивыхъ японцевъ, уже теперь захватившихъ значительныя береговыя полосы. Къ книгѣ приложена хорошая карта острова и планъ его главнаго поселенія, поста Александровскаго и его окрестности.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, ноябрь. — „Русскій Вѣстникъ“, ноябрь. — „Русское Богатство“, октябрь. — „Міръ Божій“, октябрь. — „Образованіе“, 1898 г. — „Дѣтскій Отдыхъ“, №№ 2—9 (окончаніе).

Былъ ли Герценъ славянофиломъ или западникомъ, и къ кому изъ нихъ онъ долженъ быть поставленъ ближе?—разъясненію этого вопроса посвящена въ *Вѣстникѣ Европы* интересная статья г. Вязовскаго: *Славянофилы, западники и Герценъ*. Прочитавъ статью, вы станете въ этомъ историко-литературномъ спорѣ на сторону тѣхъ, которые видятъ въ Герценѣ яркаго представителя такъ называемаго „западническаго“ направленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вамъ становится понятнымъ и то, почему славянофилы могли находить въ статьѣ Герцена оружіе для защиты своихъ воззрѣній. Дѣло въ томъ, что

тотъ блестящій писатель не признавалъ долговѣчности буржуазнаго строя Западной Европы; строй этотъ, по его наблюденіямъ, разлагается, умираетъ. Но умираетъ не самая цивилизація Запада, какъ думали славянофилы, а отживаютъ свое время экономическія и политическія формы жизни. Формы эти не выполнили возлагавшихся на нихъ надеждъ, онѣ стали въ противорѣчіе съ выработанными западной культурой гуманистическими идеалами и идеями о правахъ гражданина. Одною изъ любимыхъ мыслей Герцена была часто указываемая имъ параллель между переживаемой нами эпохой и временемъ появленія Римъ христіанства. Какъ тогда изжившій свое нравственное содержаніе языческій міръ долженъ былъ уступить мѣсто „новому міру“, такъ и теперь буржуазному строю идетъ на смѣну общественный порядокъ, задачей котораго будетъ доставить всѣмъ гражданамъ возможно равномѣрное участіе въ благахъ цивилизаціи. Хотя всѣ появившіяся до сихъ поръ ученія о преобразованіи стараго міра въ новый крайне отрывочны по своему содержанію: „это только первый лепетъ, реченіе по складамъ, какъ выражается Герценъ, но кто же не видитъ, — спрашиваетъ онъ дальше, — не чувствуетъ сердцемъ огромнаго содержанія, просвѣтлывающаго даже черезъ одностороннія, далеко не полныя стремленія и ученія? Но какъ долго продлится переходное состояніе? — вотъ вопросъ, важный для всякаго живого человѣка. Подъ влияніемъ различныхъ событій общественной жизни Герцену нерѣдко казалось, что переходное состояніе продлится долго, что оно захватитъ собою нѣсколько поколѣній. Это были для него моменты тяжелой душевной скорби, скорби близкой къ отчаянію. Въ одну изъ такихъ минутъ у Герцена вырвались слѣдующія слова: „Утративъ вѣру въ клички и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя. Видя, что все рушится, я хотѣлъ спастись, хотѣлъ начать новую жизнь, бѣжать, скрыться... Я стучался, какъ путникъ, потерявшій дорогу, какъ нищій, во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и расспрашивалъ о дорогѣ; но каждая встрѣча и каждое событіе вели къ одному результату: я уцѣлѣлъ, но безъ всего“. Описывая душевное состояніе римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, Герценъ находитъ въ этомъ состояніи много сходнаго съ своимъ собственнымъ: они также были во враждѣ съ прошедшимъ, потеряли вкусъ къ настоящему, ускользало отъ нихъ и будущее. Тяжело, очень тяжело, — говоритъ онъ, — жить въ такія переходныя эпохи для всякаго мыслящаго человѣка; всѣ вопросы принимаютъ какой-то „скорбный“ характеръ: люди готовы принять самое нелѣпое ихъ рѣшеніе, лишь бы успокоиться. Фанатическія вѣрованія идутъ рядомъ съ холоднымъ невѣріемъ, безумныя надежды — объ руку съ отчаяніемъ. Несчастныя „промежуточныя поколѣнія“, они не принадлежатъ ни къ тому, ни къ другому міру, они несутъ всю тягость зла прошедшаго и отлучены отъ всѣхъ благъ будущаго... Событія, послѣдовавшія за 1848 годомъ, послужили для Герцена сильнѣйшимъ стимуломъ въ его разочарованіи въ нравственныхъ силахъ европейскаго общества. По романтической етруа идеалиста, — замѣчаетъ г. Бѣлозерскій, — сложившагося въ мечтательные тридцатые годы, не замолкала въ Герценѣ. Его восторженное отношеніе къ Европѣ до 1848 года смѣнилось потомъ, послѣ разочарованія, такимъ же восторженнымъ отношеніемъ къ Россіи, какъ къ странѣ, для которой легче, чѣмъ для какой-либо другой европейской страны, разрѣшить социальный вопросъ. Въ то время какъ наро-

ды Европы, — пишет Герценъ, — чувствуютъ себя усталыми, Россія является народомъ, полнымъ юношескихъ стремленій. Передъ лицомъ исторіи русскій человѣкъ бѣднѣе еврея: въ прошломъ у насъ нѣтъ великихъ преданій, которыми стоило бы дорожить или которыя слѣдовало бы отстаивать. Но въ этой бѣдности есть свои хорошая сторона: намъ легче, чѣмъ кому бы то ни было, освободиться отъ самихъ себя, отъ нравовъ своихъ отцовъ. Мыслящій русскій человѣкъ — самый свободный человѣкъ на свѣтѣ; мы свободны, потому что начинаемъ жить съизнова. вмѣстѣ съ тѣмъ, для дѣла правильнаго, благотворнаго развитія социальныхъ формъ, Герценъ усматриваетъ громадное значеніе въ сохраненіи русскимъ народомъ общиннаго пользованія землей. Герценъ дорожилъ имъ, какъ ячейкой, изъ которой при благоприятныхъ условіяхъ могутъ выработаться болѣе совершенныя общественныя формы. Сильное умственное и нравственное движеніе, оживившее наше общество въ дни крестьянской реформы, укрѣпляло въ Герцена въ Россію, въ ея живыя, творческія силы, и эта вѣра не покидала Герцена въ теченіе всей его публицистической дѣятельности, несмотря на многіе горькіе сюрпризы, какіе доставляла ему реальная дѣйствительность. вмѣстѣ съ тѣмъ, эта вѣра въ творческія силы русскаго народа не закрывала Герцену глаза на порядки современной Россіи, не склоняла его идеализировать настоящее. Чтобы жить въ Россіи, — писалъ Герценъ, — была сколько-нибудь сносною, „надобно постоянно влѣзать на какую-нибудь верхушку историческаго созерцанія, съ высоты которой только и можно мириться съ русской ежедневностью“.

Въ журналѣ *Миръ Божій* продолжается печатаніе статьи Людвига Штейна, содержащей въ себѣ основательный разборъ ученія Ницше. Здѣсь, въ октябрьской книжкѣ, разсматривается самая дикая, она же и самая центральная часть ученія Ницше, а именно его ученіе о морали. Книга Ницше *Jenseits von Gut und Böse*, гдѣ по преимуществу изложены его воззрѣнія на мораль, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ большимъ умомъ и большой душой. Пусть читатель, незнакомый съ воззрѣніями Ницше на мораль, приготовится услышать сейчасъ несообразности, переходящія всякіе предѣлы. До сихъ поръ одной изъ важнѣйшихъ задачъ цивилизаціи считалось самоусовершенствованіе человѣка, развитіе въ немъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ. По утвержденію же Ницше, „прирученіе дикаря“, ростъ въ челоѣчествѣ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ, было регрессомъ. Человѣкъ регрессировалъ, сталъ „болѣе добродушнымъ, благоразумнымъ, обходительнымъ, христіанскимъ“. Такъ какъ въ этомъ вырожденіи христіанская мораль играетъ важную роль, то надо употребить всѣ усилія, чтобы ее прибрать прочъ. Ницше называетъ себя „иммoralистомъ и антихристомъ“. Разъ признавъ ошибкой задачу всей цивилизаціи, состоящую въ нравственномъ самоусовершенствованіи человѣка, то и средства, которыми она для этого пользовалась, въ томъ числѣ и вся доннынъ существовавшая мораль, должны быть рѣшительно отвергнуты. Христіанская мораль есть мораль рабовъ, рабская мораль. Въ этой морали „выдвигаются и озабочены свѣтомъ тѣ особенности, которыя служатъ къ облегченію существованія страдающимъ; здѣсь мы имѣемъ состраданіе, услужливую руку помощи, теплое сердце, терпѣніе, трудолюбіе, смиреніе, расположеніе къ добруму имени, такъ какъ все это полезныя для рабовъ свойства“. Между тѣмъ, для Ницше идеаломъ является сильный и эгоистическій

словѣкъ, дающій полный просторъ своимъ инстинктамъ. Силень, въ мысляхъ Ницше, тотъ, кто со всей энергіей, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, проявляетъ свою жажду могущества. Сущность жизни или, то то же, жажды могущества составляютъ присвоеніа, нарушенія, поренія себя чужого и болѣе слабаго, притѣсненія, суровость, установленіе собственныхъ формъ". Основными чертами этого сильнаго идеальнаго человѣка Ницше являются злоба и утонченная жестокость. Видѣть страданія,—говоритъ онъ,—пріятно, а причинять страданія еще пріятнѣе". Вся европейская цивилизація представляетъ регрессъ потому, что человѣкъ становится все менѣе и менѣе эгоистиченъ. „Человѣкъ вырождается, когда онъ становится альтруистомъ, такъ какъ гонимъ составляетъ существенное достоинство сильной души". Приведемъ много подобныхъ же афоризмовъ Ницше по предмету морали, Людвигъ Штейнъ съ полнымъ основаніемъ даетъ о нихъ слѣдующій отзывъ: „Это—циническое отверженіе всего, что до сихъ поръ считалось благороднымъ и возвышеннымъ, это—рѣшительное извращеніе всѣхъ этическихъ цѣнностей, которому хватаетъ смѣлости назвать идеаломъ то, что согласно consensus omniumъ презиралось въ теченіе многихъ тысячелѣтій, какъ по существу своему негодное, все это превосходить своимъ распутнымъ радикализмомъ все, что до сихъ поръ, когда-либо, высказывалось сторонниками эгоизма". И каковъ долженъ быть хаосъ въ умахъ въ переживаемую нами переходную эпоху,—когда многое изъ прежнихъ нравственныхъ устоевъ подвергается сомнѣнію, а нарождающееся взаимнѣе еще не установилось,—каковъ, повторяемъ, долженъ быть хаосъ въ умахъ, если ученіе Ницше не только нашло себя обширный кругъ читателей, но нашло и послѣдователей. Людвигъ Штейнъ свидѣтельствуетъ, что доунигъ Ницше „ничего нѣтъ истиннаго, все позволительно!", не заглушается единодушнымъ ироническимъ смѣхомъ образованныхъ людей; напротивъ, часть общества, пресыщенная жизнью, погрязшая въ утонченныхъ порокахъ большихъ городовъ, потерявшая вѣру въ нравственность и культуру и, что всего хуже, въ самую себя, встрѣтила это ученіе неистовымъ влкомъ радости. Въ Германіи,—по его словамъ,—главную армію ницшеанства образуетъ младо-германская натуралистическая школа. Наша эпоха,—говоритъ Штейнъ,—черезчуръ нервно разстроена; въ такую эпоху есть надобность бороться даже и съ такими ученіями, какъ ученіе Ницше.

Въ „Критическихъ замѣткахъ" той же книжки журнала, мы нашли весьма мѣткое указаніе на основной тонъ послѣднихъ произведеній А. П. Чехова, рѣзко отличающій ихъ отъ прежнихъ работъ этого писателя. Ни одинъ изъ современныхъ беллетристовъ,—говоритъ авторъ замѣтки,—не вызываетъ такого живѣйшаго интереса, какъ г. Чеховъ своими послѣдними произведеніями. Причину этого критикъ видитъ не только въ томъ, что предъ нами первоклассный новеллистъ, не имѣющій себя равнаго, пожалуй, даже и на Западѣ, гдѣ за смертью Гюи де-Мопассана это мѣсто осталось вакантнымъ. „Есть что-то въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Чехова,—продолжаетъ авторъ,—что углубляетъ ихъ содержаніе, придаетъ имъ какую-то терпкость и остроту, волнуется и причиняетъ острую боль читателямъ. Читатели, конечно, помнятъ его *Мужиковъ* и *Моя жизнь*, изъ-за которыхъ столько копій ломалось въ свое время, что одно уже указываетъ на ихъ выдающееся общественное значеніе. Но его послѣдніе три разсказа, появившіеся въ лѣтнихъ книжкахъ *Русской Мысли*, не менѣе глубоки, жгучи и значительны". Здѣсь, какъ и въ *Мужикахъ*, изображены самыя больныя мѣста нашей

жизни, къ которымъ г. Чеховъ сталъ какъ-то особенно чутокъ въ своихъ послѣднихъ работахъ. По справедливому указанію критика, замѣчается и еще одна особенность, совершенно новая для г. Чехова, который отличался всегда поразительной объективностью въ своихъ произведеніяхъ, за что нерѣдко его упрекали въ равнодушія и безпринципности. Теперь же г. Чеховъ не можетъ удержаться, чтобы въ-стами не высказаться, вкладывая въ реплики героевъ задушевные свои мысли и взгляды, какъ, напримѣръ, заключеніе разсказа *Человекъ а футляръ*, тирада Ивана Ивановича о невозможности жить такъ долго или патетическое воззваніе къ добру въ разсказѣ *Крыжовникъ*. Можно сказать, что мракъ и отвратительная пошлость изображенныхъ имъ картинъ вырываютъ изъ груди художника невольный стонъ. Онъ не можетъ оставаться только художникомъ и помимо воли становится моралистомъ и обличителемъ. Такая новая черта крайне знаменательна для настроенія автора. Въ немъ какъ бы назрѣваетъ какой-то переломъ, прорывается нѣчто, сближающее его съ другими нашими великими художниками, которые никогда не могли удержаться на чисто-объективномъ творчествѣ.

Въ *Русскомъ Богатствѣ* напечатано начало новой повѣсти г. Маминъ-Сибиряка *У теплому моря*. На сценѣ пока четыре лица: три босаяки, въ числѣ которыхъ спившійся докторъ, и жена доктора. Причиной гибели доктора—покинувшая его жена, которую онъ глубоко любилъ и продолжаетъ любить. Босаяки, ради тепла и солнца, прибыли изъ Петербурга въ Крымъ. Здѣсь докторъ встрѣчается съ своею женой, пришедшей на гастроли въ Ялту. На этомъ пока повѣсть и оканчивается. Кто слѣдилъ за нашею беллетристикой, тотъ не могъ не замѣтить, что за послѣднее время въ ней чаще и чаще встрѣчаются фигуры „босаяковъ“, „золоторотцевъ“, „ракло“,—различныя названія одного и того же общественнаго класса. Несомнѣнно, одна изъ главныхъ причинъ этого факта заключается въ сильно возросшемъ въ численности классѣ босаяковъ, какъ результатъ разрушенія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Каждому общественному классу присущи нѣкоторыя психическія особенности, присущи онѣ и классу босаяковъ. Изъ всѣхъ нашихъ писателей наибольшее вниманіе міру босаяковъ удѣлялъ до сихъ поръ г. Горькій. Въ его произведеніяхъ имѣется уже цѣлая галлерея босаяцкихъ фигуръ. Но, нельзя не признать, что фигуры въ галлерей г. Горькаго слишкомъ картинны, слишкомъ исключительны. Г. Горькій не любитъ останавливаться на обычныхъ явленіяхъ жизни, на среднихъ теченіяхъ; его влечетъ на изображеніе чего-либо яркаго, необыкновеннаго. Отсюда большинство его босаяцкихъ фигуръ или герои, или взяты въ героическій моментъ ихъ жизни. Иного характера босаяки въ названной выше повѣсти. Г. Маминъ-Сибирякъ большой художникъ и художникъ-реалистъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ много художественнаго творчества и никакого вымысла. Всѣ его персонажи цѣлкомъ взяты изъ жизни; но они не списаны, а созданы: изображены не тѣ или другія ихъ черты, изображены они какъ цѣльные и вполне понятные всякому образы. Таковы и босаяки въ новой повѣсти г. Маминъ-Сибиряка.

Говоря въ началѣ нашего обзорѣ о статьѣ г. Бѣлозерскаго и резюмируя социальныя взгляды Герцена, мы видѣли, что однимъ изъ основаній вѣры Герцена въ то, что Россія легче, чѣмъ какой-либо другой странѣ, перейти къ новымъ формамъ общественной жизни, къ тѣмъ формамъ, когда земля и орудія труда будутъ находиться во владѣніи

щинъ,—однимъ изъ основаній для этой вѣры служило общинное пользованіе русскимъ народомъ землей. Наличные порядки общиннаго землеадѣнія могли быть несовершенны; но для Герцена имѣлъ значеніе мѣстный фактъ общиннаго пользованія землей, изъ котораго, какъ изъ ейки, при благопріятныхъ условіяхъ, могли развиваться болѣе совершенныя общественныя формы. Мы знаемъ теперь, что такіа благопріятныя условія не наступили и разстройство земледѣльческаго хозяйства деревни составляетъ одно изъ самыхъ бѣдственныхъ явленій русской жизни. По этому предмету заслуживаетъ быть отмѣченной статья

Воронова *Неурожай и продовольственное дѣло*, напечатанная въ *усскомъ Вѣстникѣ*. Помимо содержанія статьи, не лишентъ значенія самый фактъ появленія ея въ названномъ журналѣ; онъ свидѣтельствуетъ о возрастающей солидарности въ сужденіяхъ объ основныхъ причинахъ разстройства нашего народнаго хозяйства. Нельзя не порадоваться росту такой солидарности. Единство въ воззрѣніяхъ серьезной печати представляетъ силу, вліяющую на законодательство и экономическую политику. Указавъ, какія громадныя площади захватываютъ неурожай послѣднихъ лѣтъ, почему и бѣдствія отъ нихъ обрушиваются на десятки миллионѣвъ поселянъ, авторъ совершенно правильно ставитъ неурожай въ зависимость отъ упадка земледѣльческой производительности. Возрастающее пониженіе въ Россіи урожайности констатируется и официальными свѣдѣніями. Населеніе старается возмѣстить недостатокъ хлѣбовъ расширеніемъ площади посѣвовъ и увеличиваетъ запашки. Въ густонаселенныхъ губерніяхъ крестьяне распахали посѣвы до послѣдней возможности; здѣсь уже почти совершенно уничтожены луга и пастбища. Уменьшая количество луговъ, усиленные запашки все болѣе сокращаютъ запасы корма для скота, послѣдствіемъ чего является упадокъ скотоводства и увеличеніе числа безлошадныхъ дворовъ въ мѣностяхъ. Съ уменьшеніемъ количества скота обработка земли все болѣе ухудшается, что неминуемо ведетъ къ дальнѣйшему пониженію урожайности. Такой ходъ явленій въ земледѣльческой промышленности народа, — прибавимъ мы отъ себя, — могъ бы быть остановленъ единственно поднятіемъ производительности почвы. Но для этого необходимо, чтобы у сельскаго населенія были средства для производства сельскохозяйственныхъ улучшеній. Но, какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, у *крестьянъ четвертой* сельскаго населенія не только не остается никакихъ денежныхъ средствъ на улучшенія, а едва даже хватаетъ на поддержку существующихъ уже способѣвъ хозяйства. Финансовая система съ ея громаднымъ бюджетомъ и съ ея раскладкой налоговъ играетъ едва ли не главную роль въ дѣлѣ отсутствія у народа средствъ на сельскохозяйственные улучшенія. Несмотря на крайнюю скудость достатковъ нашего сельскаго населенія, оно, тѣмъ не менѣе, въ прямыхъ и косвенныхъ налогахъ несетъ на себѣ почти всю тяжесть государственнаго бюджета, достигшаго въ текущемъ году почти *полтора* миллиарда рубль. Такой ходъ народнаго хозяйства не можетъ продолжаться долго. Государственный бюджетъ остановится въ своемъ ростѣ и не откуда будетъ брать средствъ для прокормленія голодающаго періодически населенія то въ той, то въ другой части Имперіи. Авторъ статьи справедливо указываетъ, что наша печать уже давно и настойчиво говоритъ о необходимости мѣръ, способствующихъ усиленію производительности земледѣлія. Нынѣшній министръ земледѣлія еще шесть лѣтъ назадъ издалъ прекрасную книгу *Неурожай и народное бѣдствіе*, въ которой очертилъ подробный планъ реформъ, требующихся для подъема на-

шего сельско-хозяйственного производства и для улучшения условий сельского быта. Но выполнение реформъ въ этой важнѣйшей области народной жизни все отлагается за недостаткомъ требующихся для этого денежных средствъ.

Образованіе, 1898 г. Вновь поднятъ въ печати и въ обществѣ вопросъ, который вызываетъ не только у насъ „домашній старый споръ“, но и на Западѣ волнуетъ сердца многихъ и многихъ друзей подрастающаго поколѣнія.

Какъ, на какихъ началахъ реформировать среднюю школу? Что она нуждается въ коренной реорганизациіи, объ этомъ уже никто не спорить. И нашъ новый министръ народнаго просвѣщенія справедливо заявлялъ, что измѣненія, и притомъ серьезнѣйшія, необходимы въ настоящее время, — недостатки школьныхъ уставовъ слишкомъ уже очень ны для всѣхъ и каждаго.

Г. Звѣздичъ въ ноябрьской книжкѣ *Образованія* началъ свой, еще не оконченный этюдъ по вопросу о томъ, что даетъ классическое образованіе. Любопытны приводимыя авторомъ мнѣнія профессоръ мѣнского университета. Проф. Антонъ Менгеръ обращаетъ вниманіе на двойственность задачи, взятой на себя школой нашихъ дней: она хочетъ и пристально углубиться въ духъ отдаленной „классической“ древности, и въ то же время охватить всю огромную новую культуру. Задача слишкомъ сложна, а потому и невыполнима, надо выбрать что-нибудь, ибо, прибѣгая къ грубой, но справедливой русской поговоркѣ: „за двумя зайцами погонишься—ни одного не схватишь“.

Стоять ли игра свѣтъ?—спрашиваетъ себя проф. Менгеръ, —и мы радуемся, ли мы гораздо больше на это дѣло, чѣмъ оно того стоитъ, судя по получаемымъ отъ него результатамъ?

Въ высшей степени обстоятельно занялся обсужденіемъ этого вопроса вѣнскій журналъ *Die Waage*. Всѣ выдающіяся силы мѣстнаго университета выбрали этотъ журналъ органомъ общаго мнѣнія по интересующему всю тамошнюю интеллигенцію вопросу о выгодахъ и невыгодахъ классическаго образованія.

Больше всего жалуются судьи этого образованія на пренебреженіе къ изученію природы, отличающее современныхъ преподавателей и учениковъ гимназій, на потерю способности къ усвоенію конкретныхъ явленій жизни, замѣчаемую въ учащихся, изощренныхъ въ усвоеніи различныхъ тонкостей изъ области такихъ отвлеченныхъ, но и безплодныхъ для жизни явленій, какъ законы уклоненій и измѣненій въ формѣ мертвыхъ языковъ.

Одинъ изъ профессоровъ-медиковъ, на основаніи богатыхъ впечатлѣній личнаго наблюденія, приходилъ къ ужасающимъ, по своему смыслу, выводамъ о тупости внѣшнихъ воспріятій у студентовъ, поступившихъ со скамьи древне-классической гимназіи прямо на медицинскій факультетъ. При обращеніи съ больными эти врачи сами производятъ впечатлѣніе пациентовъ, страдающихъ нѣкоторыми существенными дефектами: у нихъ есть глаза, но они не видятъ; они не сообщаютъ величины и длины предмета; въ ихъ представленіи сливается величина зерна мака съ горошиной; они произносятъ слова, съ которыми не связываютъ никакого представленія; они быстро записываютъ вообще всякое внѣшнее воспріятіе ими наблюденіе и ничего не могутъ воспроизвести точно. Зато они мастера заучивать все наизусть и клянутся словами учителя.

Много цѣльнаго вмѣщаютъ въ себя и другія статьи по вопросамъ

оль, особенно народной, помѣщаемыя въ *Образованіи*, но особеннаго иманія заслуживаютъ въ немъ популярно-научные этюды какъ русскихъ, такъ и западныхъ ученыхъ, а также критическія и историкотературныя статьи, принадлежащія перу лучшихъ нашихъ профессоровъ - популяризаторовъ. Между прочимъ, очень интересны статьи о вѣйшихъ писателяхъ: Короленкѣ, Гаршинѣ, Помяловскомъ, Максимѣ Горькомъ и др.

Журналъ можетъ сослужить полезнѣйшую службу людямъ, стремящимся къ самообразованію—этой жгучей злобѣ дня переживаемаго нами времени. И онъ выполняетъ свою задачу съ большимъ умѣньемъ.

Дѣтскій Отдыхъ (семнадцатый годъ изданія) выходитъ въ Москвѣ въ редакціи Я. Л. Барскаго (преподаватель въ московскихъ гимназіяхъ), который редактируетъ его четвертый годъ. Журналъ обилень оригинальной беллетристикой: повѣстей и рассказовъ, въ семи книжкахъ—пятнадцать названій, переводныхъ статей—двадцать, путешествій—восемь, естественно-научныхъ очерковъ—два, сообщеній о современныхъ бытіяхъ въ отдѣлѣ „Отголоски“—двадцать семь. Все это говорить ясно, что редакция *Дѣтскаго Отдыха* въ настоящемъ году усиленно стремится поставить свое изданіе на правильную журнальную почву и отошла отъ характера повременнаго сборника, какимъ явился въ 1898 году, какъ мы сказали выше *), *Родникъ*. Движеніе двухъ дѣтскихъ московскихъ журналовъ *Дѣтскаго Чтенія* и *Дѣтскаго Отдыха* въ общемъ направленіи ихъ—удовлетворить читателей современнымъ и жизненнымъ матеріаломъ—явленіе отрадное. Каждый изъ нихъ, конечно, идетъ своимъ путемъ, каждый имѣетъ свою фizioномію, какъ и должно тому, но это движеніе въ дѣтской журналистикѣ у насъ новое и давеча пора для него поработать, оставивъ старые шаблоны и отживающіе трафареты, выходившіе изъ взглядовъ, что подросткамъ - читателямъ надо давать ту же науку, что даютъ систематически и наши учебныя заведенія, только въ видѣ какъ бы дополнительныхъ очерковъ, особенно обильно предлагавшихся по отдѣлу естествознанія, или азокъ, повѣрій, преданій, чему журналъ *Родникъ* въ нынѣшнемъ году отдалъ почти двѣ трети двухстолбцовыхъ, плотно напечатанныхъ страницъ въ своихъ десяти книжкахъ, забывая даже о гигиенѣ глазъ оихъ читателей. Чтобы быть справедливымъ, говоря о вѣрномъ и влательномъ направленіи журнала *Дѣтскаго Отдыха*, мы должны сказать въ частности о выдающихся, удачныхъ его рассказахъ и очеркахъ, также слабыхъ или шаблонныхъ, помня, что совершенство сразу дается и къ нему надо идти такъ же, какъ восходить на вершину высокой горы, откуда открываются болѣе широкіе горизонты; но и при избѣжныхъ ошибкахъ и промахахъ пріятно видѣть, что путникъ идетъ своей цѣли безъ одышекъ и остановокъ, какъ, мы видимъ, идетъ и *Дѣтскій Отдыхъ*. Въ названныхъ книжкахъ *Дѣтскаго Отдыха* самымъ выдающимся беллетристическимъ произведеніемъ является повѣсть *Портленокъ* П. Невѣжина. Содержаніе ея очень просто: бойкій и шаловливый мальчикъ, съ настойчивымъ отъ природы характеромъ, Ганя, сынъ сельскаго учителя, ведетъ свободную жизнь со школьными крестьянскими ребятами, то образовывая изъ нихъ армію и дѣлая разныя нападенія на стадо, на птицъ, то дѣлая вылазки на зрѣлую рязню, то заводя игры въ разбойники, зажигая костры за селомъ, тревожить и крестьянъ, и своихъ родителей. Но умираетъ отецъ Гани

*) *Русская Мысль* 1898 г., кн. XI.

отъ скоротечной чахотки, и мальчикъ, прозванный „пострѣленнымъ въ родной семьѣ и на селѣ, подѣ влияніемъ короткой, но душевно рѣши умиравшаго отца, перерождается, вся сила его настоящихъ предпринимчиваго характера устремляется на науку, на желаніе вырваться изъ нужды. Этому много содѣйствуетъ тяжелое положеніе его и новой обстановкѣ жизни при перѣздѣ въ городъ къ богатой теткѣ сестрѣ матери, гдѣ онъ долженъ былъ войти въ сопрیکосновеніе и двоюродными братьями, избалованными, залюбленными родителями, дѣдами. Усердныя занятія, сдержанность, въ связи съ наслѣдственными слабостями, выдвигаютъ Ганю, дѣлаютъ его рано взрослымъ, такъ что онъ уже двѣнадцать лѣтъ репетируетъ за пять рублей въ мѣсяцъ одинъ изъ своихъ слабыхъ товарищей. Мать его при помощи брата мужа и лучаетъ мѣсто начальницы пріюта въ другомъ городѣ; Ганя перѣзжаетъ съ ней туда, поступаетъ въ другую гимназію, гдѣ его встрѣчаютъ недружелюбно и учителя, и товарищи, какъ пришлаго за мѣсяцъ и рѣдъ переходными экзаменами, но энергія Гани отъ препятствій крѣпнетъ, — онъ и здѣсь выходитъ съ честью. Это содержаніе при повседневной жизненной разработкѣ его захватываетъ читателя и невольно заставляетъ. Многія мѣста разсказа, какъ, напримѣръ, томительное ожиданіе отца, какъ первые дни при перѣздѣ Гани въ городъ въ квартиру къ теткѣ, какъ появленіе его у директора Толбина съ просьбой дать ему пятирублевое репетиторство, какъ встрѣча его въ городскомъ саду съ Максимомъ, товарищемъ по жизни въ селѣ, представляютъ истинно-правдивыя и трогательныя сцены. Написана повѣсть живо, подробно, мѣстами образнымъ языкомъ. Не можемъ того же сказать о разсказѣ *Первые шаги* г-жи Лукашевичъ, по темѣ близкомъ къ упомянутой повѣсти г. Невѣжина, но содержаніе его, какъ видно, написанное и не проверено жизненною правдой. Дѣвицы-гимназистки оканчиваютъ курсъ своего образованія. Оля Убранцева, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего мечтаетъ совершить великіе подвиги. Она, выходя изъ слѣдній разъ изъ гимназіи, заявляетъ подругамъ: „Я чувствую въ себѣ *примига* (!) необычайной силы (!) и хочу совершить подвигъ“. — „Начинай, указывая путь (!), а мы не отстанемъ!“ — весело отвѣтили ей. Возвратившись домой, Оля Убранцева начинаетъ первый подвигъ своей борьбой съ бабушкой изъ-за обстановки въ своей комнатѣ, короче изъ-за новой мебели, которую ей подарила бабушка; старушка, или „высокая, худощавая, ватанутая въ корсетъ“, но „*стиснула* изъ замка“ — положимъ, сухощавыя особы не выплываютъ, какъ молнии, но скорѣе бойко ходятъ, — не бѣда, авторъ пожелалъ, чтобъ ея сухонькая старушка выплывала — и пускай ее выплываетъ... Бабушка, какъ видно, съ вѣншей стороны, и съ внутренней неясна для самого автора, ясно она и для читателя, хотя сочинительница и говоритъ за нее много, бросая нерѣдко такіа ничего не выясняющія реплики: „войдешь, дѣвочка, во вкусъ“, „тебѣ необходимо имѣть хорошенекій *уголокъ* (!)“. На такому уголку сразу узнается (!) молодая дѣвушка съ ея привычками и вкусами“, и все въ этомъ родѣ шаблонные разговоры и бабушки, собравшихся въ тотъ же вечеръ къ героинѣ разсказа ея подруги, напримѣръ: „милая моя Марусечка (слащавое сюсюканье уменьшительными словечками взрослыхъ дѣвушекъ!) какъ-то не вѣрится, что и съ тобой кончили“. „Да, Николай Петровичъ былъ не только нашъ учитель (не совсѣмъ грамотно — *былъ учитель*...) онъ былъ и воспитатель. Онъ имѣлъ нравственное вліяніе, самъ того не зная“ (!) (сама безосознательная ивность, выходитъ!), или: „дѣвицы, будетъ вамъ черезъ затылокъ,“

о рукой, лѣвое ухо чесать“,—говорить одна изъ подругъ (не правда, какая острота, какая красота рѣчи!) или: „охъ, дѣвицы, выросли съ каланчу: велики, велики, а ума-то не накопили“. Это, видите, передразниванье окончившихъ курсъ гимназистокъ своего учителя Иванова, которое заканчивается такою репликой: „чего вы, Верва, какъ *молодой теленокъ весной разырались*“. Остроумень же и въ современный намъ учитель женской гимназіи, напоминающій собою дореформеннаго учителя, ушедшаго въ далекую вѣчность глухъ уголковъ, но что дѣлать, если сочинительница, изображая современную женскую гимназію, какъ бы на память о прошломъ вызвать изъ могилы тѣни ушедшихъ, давно уже изображенныхъ въ нашей беллетристикѣ болѣе ясно и правдиво. Послѣ передразниванья учителей, дѣвицы читаютъ стихи, мечтаютъ о подвигахъ. Наташа говоритъ: „Я бы хотѣла уйти куда-нибудь далеко, далеко, ухаживать за какими-нибудь прокаженными. Я думаю поступить лучше всего въ сестры милосердія“. Ольга Убранцева говоритъ: „Меня влекутъ (!) къ себѣ дѣти... споди, какая прелесть эти маленькія *мордашки* — такія глупенькія, изащитныя (какая слащавость у дѣвицы, собирающейся на великіе подвиги и весь подвигъ-то этотъ заключается въ короткихъ и простыхъ словахъ: „я хочу быть учительницей!“). Неужели сочинительницѣ не вѣстно, что сотни, тысячи учительницъ, работающихъ десятки лѣтъ, думаютъ и не говорятъ о своемъ трудѣ, какъ о подвигѣ. Зачѣмъ же надобилось ей выпускать такую героиню-фразѣрку на дѣло простое, важное и крайне отвѣтственное. Сочинительница „дальновидна“,—она выпускаетъ Олю Убранцеву на учительство, и не дѣлаетъ это прохвально, помѣщая ее въ обыкновенную школу, а заставляя ее собирать бѣдъ, одѣвать ихъ и кормить, говоря короче, создавать свою маленькую школу, а чтобы бабушка не препятствовала этому „великому подвигу“, она вызываетъ изъ-за границы, для одолженія худенькой старушки бабушки, ходящей плавно, крестнаго Оли, „очень умнаго, добраго, богатаго человѣка“. Вотъ и является этотъ крестный, по желанію автора, и восклицаетъ, увидя крестницу: „Какъ выросла! Какая стала *славная* (!) глазки добрые и на кисейныхъ барышень не похожа!“ Удивительное умно и неоригинально говорить этотъ „очень умный человѣкъ“, къ рекомендуетъ его авторъ, но спасибо ему и за то, что онъ погнѣ автору благополучно закончить рассказъ: это—примирить бабушку внучкой, доставить удовольствіе Олѣ — повѣрить крестному много вѣстныхъ думъ“ (какихъ—это остается тайной автора, крестнаго и Оли, и пусть будетъ ихъ тайной!). Мы вѣримъ автору на-слово, что эти думы пришли по сердцу старику“, что этотъ старикъ „съ *молодой душой*“, съ которымъ „много задушевныхъ вечеровъ“ провела Оля, всюду вносилъ оживленіе и радость, всѣмъ было пріятно поговорить съ нимъ, послушать его“; но что онъ говорилъ, что слушали, авторъ, сожалѣнію, скрываетъ, но, думаемъ, не безынтересно бы было это знать и читателямъ, которые не лишены тоже жажды оживленія и радости, но рассказъ „чудесно“ кончается: бабушка не только санкціонируетъ школу внучки, но отдаетъ свою собственную половину подъ ея школу. Бабушка обнимаетъ ее „нѣжно и крѣпко, какъ никогда еще не обнимала“. ... Ахъ, какая милая, милая „бабуся“, какъ она быстро переродилась въ суровой, чопорной старушки, понявъ разомъ великій подвигъ своей внучки! Къ слову должны сказать, мысль устройства у насъ подобныхъ школъ, между прочимъ, была высказана извѣстнымъ педагогомъ П. Острогорскимъ, напечатавшимъ объ этомъ письмо къ русскимъ

материалъ, насколько помнится, года четыре тому назадъ въ педагогическомъ журналѣ *На помощь матерямъ*. Думаемъ, если, впрочемъ, и ошибаемся, оттуда сочинительница и заимствовала тему этого рассказа, изложивъ ее по-своему въ беллетристической формѣ. Мысль сама по себѣ прекрасная, но разработана она слабо, шаблонно и наврядъ и захватить читателя. Какъ равно и ея бабушка очень напоминаетъ бабушку П. В. Засодимскаго въ его рассказѣ *Милочка*, напечатанномъ, кажется, два года тому назадъ тоже въ *Въ Дятскомъ Отдыхѣ*. Изъ рассказовъ болѣе другихъ написанъ трогательно, правдиво и искренно *На помелищѣ* В. Сысоева и его же повѣсть *Маленькое царство*; и ни въ одной видны живыя лица, именно то, что видѣлъ, зналъ и наблюдал авторъ,—въ этомъ живая искра и воспитывающая творческая художественность. Его Кроминъ—живой человѣкъ, „и онъ въ царствѣ лѣсовъ и полей“, какъ прекрасно заканчиваетъ авторъ свою повѣсть, не остался одинокимъ и безпомощнымъ, потому что всю душой привязанъ къ труду и трудящимся людямъ, и они сторицею заплатили ему за эту любовь. И малыша—Митю не покинутъ добрые люди, если онъ пойдетъ по одной дорогѣ за своимъ отцомъ“. Недуренъ и правдивъ рассказъ *Арктика* Бланный Е. Чебышовой-Дмитріевой. Живая, тепло и поэтично написанная картинка съ натуры *На плоту* А. Смирнова. Живое и обстоятельно изложено біографическій очеркъ *Великій сказочникъ* (Алф-сена) Алтаева. Къ слабымъ и скучнымъ рассказамъ, къ сожалѣнію, мы должны отнести: *Безстрашный Платонъ* В. Сысоева, *Именины* В. Новоспаскаго, *Дѣнь сестры* Клавдіи Лукашевичъ. Изъ переводныхъ произведеній въ книжкахъ *Дятскаго Отдыха* самымъ интереснымъ является историческій романъ *Наслѣдіе Карла Великаго* Карла Ден-са, съ французскаго О. А. Затѣмъ рассказы *Чудо Пурри* — Бланши Р. Киплинга, съ англійскаго, *Швабъ* Яна Рутковскаго, съ польскаго, *Тѣни Болеслава* Прусса, *Дятство Марка Аврелія* А. О., съ англійскаго. Живо написаны *Очерки родного края* Андрея Осипова. Много издѣлнй братскихъ и интересныхъ дано въ отдѣлѣ „Отголоски“. Интересны статьи изъ путевыхъ замѣтокъ *На Выксу* В. Харузиной. Жаль, что и нынѣшнемъ году въ *Дятскомъ Отдыхѣ* по количеству очень бѣденъ научный отдѣлъ, — онъ весь исчерпывается культурно-ботаническимъ очеркомъ *Хлопчатникъ* В. Фрейберга и небольшою статейкой по Гроссу *Игры животныхъ* В. Ф.—га,—и только. Стихотвореній помѣщено четыре: *Два камня*, крымское сказаніе, *Въ лесу*, *Роза и ландышъ* М. Д. Языкова и *Смотри, какая темнота* Виктора Мюра. Лучшія изъ нихъ *Роза и ландышъ* и *Смотри, какая темнота*, — они звучны и поэтичны, а въ сказкѣ *Роза и ландышъ* есть и мысль, хотя и маленькая. Для большого количества очерковъ *Родного края*, не забывъ *Хлопчатникъ*, *Дятскій Отдыхъ* почему-то совсѣмъ замолчалъ родную исторію, а она могла бы въ живыхъ, талантливыхъ рассказахъ много осветить родной край, заинтересовать читателей и заставить полюбить ихъ и родину, и пришлое родное, откуда вышло и настоящее, современное, откуда пойдеть, какъ идетъ живая рѣка въ ея теченіи, и наше будущее. *Дятскій Отдыхъ*, судя по его общему содержанию, видимо, стремится къ своему родному, мы ему искренно желаемъ, больше и больше разнообразія, меньше и меньше пробѣловъ или совсѣмъ непонятно удаленія отъ тѣхъ отдѣловъ, какъ, напримѣръ, историческаго, которые могутъ дать жизненность и живость журналу.

Выходить еще третій уже годъ въ Петербургѣ *Востокъ*, съ наименованіемъ журнала для дѣтей. *Востокъ* появляется даже два

ре книжки въ годъ, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ ихъ при-
ять журналомъ, такъ какъ двѣнадцать книжекъ изъ этого числа, вы-
ходящихъ по пятнадцатымъ числамъ каждаго мѣсяца, представляютъ
себя переводныя повѣсти или научныя компиляціи; двѣнадцать
тонкихъ тетрадокъ, выходящихъ по первымъ числамъ мѣсяца въ
хрустобцовомъ текстѣ, даютъ большею частью по маленькому ориги-
альному разсказу, затѣмъ по двѣ, по три статейки компилятив-
ныхъ, большею частью по естествознанію, потомъ тутъ же по раз-
зѣнку для маленькихъ дѣтей, такъ называемыхъ „бебе“, и въ кон-
цѣ каждой синенькой тетради прилагаются по двѣ, по четыре стра-
нички рецензій о дѣтскихъ книжкахъ. Послѣднія странички въ этихъ
книжкахъ, нужно полагать, печатаются для родителей. Изъ всего это-
видно, что *Всходы*, уходя отъ всего современнаго, являются
дѣтской журналистикѣ сборниками, служащими подспорьемъ и по-
мощіемъ дѣтскихъ книжекъ, къ слову сказать, появляющихся у насъ
послѣдніе годы, особенно осенью, въ большомъ количествѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 де- кабря 1898 г.

- Авенариусъ, В. П.** Школа жизни великаго юмориста. 3-я повѣсть изъ біограф. трилогіи. „Ученнческіе годы Гоголя“. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1898 г.
- Allou, Roger, et Chenu, Charles** Великіе адвокаты XIX в. Съ предисл. Жюль Симона. Пер. прис. нов. В. В. Быховскаго. Вып. I. Съ портретами. Изд. журн. „Судебныя Драммы“. М., 1898 г. Ц. 75 к.
- Аминторъ - фонъ.** За правду и за честь женщины. Cis-Moll-соната противъ „Крейцеровой сонаты“ Л. Н. Толстого. Изд. 2-е. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.
- Архангельская, А. Г.** Для чего доктора дѣлаютъ операціи и какою отъ того бываетъ польза больному. Изд. ком. по распр. гигиен. знаній въ народѣ. М., 1898 г. Ц. 5 к.
- Библиотека „Всходоу“.** 1) Клеяъ Калли. Ц. 50 к. 2) Исторія одного мальчика. Ц. 50 к. 3) Дитя моря. Ц. 25 к. 4) Похождения Тима. Ц. 25 к. 5) Въ странѣ палымъ. Ц. 50 к. 6) Вымершія чудовища. Ц. 25 к. 7) Удивит. приключенія Тартарена Тарасконскаго. Ц. 25 к. 8) Печать Цезаря. Ц. 50 к. 9) Воспоминанія одного америк. школьника. Ц. 25 к. 10) За правое дѣло. Ц. 25 к. 11) Приключенія молодого натуралиста. Ц. 60 к. 12) Въ странѣ чудесъ. Ц. 25 к. 13) Смѣлые мореплаватели. Ц. 25 к. 14) Голодовка у сѣвернаго полюса. Ц. 25 к. Спб., 1896—97 гг.
- Библиот. маленькаго читателя.** 1) Друзья дѣтей. Ц. 40 к. 2) Новая звѣздочка. Ц. 25 к. 3) Въ городѣ и деревнѣ. Ц. 30 к. М., 1898 г.
- Биографическ. бібліотека Ф. Павленкова.** 1) Вашингтонъ. Ц. 25 к. 2) Мартинъ Лютеръ. Ц. 25 к. 3) Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Ц. 25 к. 4) Демосеенъ и Цицеронъ. Ц. 25 к. 5) А. И. Герценъ. Спб., Ц. 25 к. 1898 г.
- Брандесъ, Г.** Литература XIX в. и ея главнѣйшихъ теченій. Англ. литература. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.
- Брокгаузъ, Ф. А., и Беронъ, И. А.** Энциклопедическій словарь. Т. XXV. Прага—Просвѣтъ отъ Спб., 1898 г.
- Веббъ, Сидней.** Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ. Изд. Н. Н. Березина и М. Н. Семенова. Спб., 1899 г. Ц. 15 к.
- Величкина, В. М.** Швейцарія. М., 1898 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р.** Вильгельмъ фонъ-Гурбольдтъ, описаніе его жизни и характеристика. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1899 г. Ц. 3 р.
- Гебель, В.** Начала прикладной тригонометріи и собраніе задачъ для учебн. и коммерч. училища. Изд. автора. М., 1898 г. Ц. 30 к.
- Германъ, Ф. Л.** Къ исторіи мекс. диспута (Отвѣтъ мекс. оппонента). Харьковъ, 1898 г.
- Догановичъ, А.** Пчелиный домъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. М., 1898 г. Ц. 40 к., въ перлѣ 50 к.
- Дорфъ, Д. Я.** Сибирская язва. 1-е изд. съ 4 рис. Изд. ком. по распр. гигиен. знаній въ народѣ. М., 1898 г. Ц. 6 к.
- Ebstein, W., Schwalbe, J., Кузнецовъ, А.** Руководство къ практической медицинѣ. Харьковъ, 1896 г. Подп. цѣна 34 р.
- Еропкинь, А. В.** Ражскій уѣздъ. Исслѣд. по нѣкот. податн. вопросамъ надѣльн. земледѣлія. Ражскъ, 1896 г. Иллюстрированная свѣдѣніемъ 6-ти лѣтъ

Ф. Павленкова. Сказки: Перро, Абельри-сена, Гримма и Английскія сказки. Спб., 1898 г. Цѣна по 10 к. и 15 к.

Аблуконъ, Н. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. маг. „Канжонное Дѣло“. М., 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Арлейль, Т. Герои и героическое въ исторіи. Изд. 2-е Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Асниненко, Ю. И. Сочиненія. Т. I. Лубин, 1898 г. Ц. 80 к.

Лодтъ, Э. Исторія первобытныхъ людей. Съ 88 рис. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.

Филь, Т. (передъ. съ нѣм.). Алхимикъ. Ист. рассказъ. Изд. ред. журн. „Восходъ“. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Bossa, Luigi. Histoire des Doctrines économiques avec une préface de A. D. schamps. Paris, 1899 г.

Бругловъ, А. В. Рассказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. Н. Н. Ольшевскаго. М., 1898 г. Ц. 35 к., въ вапкѣ 50 к.

Журналъ крестьянское хозяйство. Новыя еженѣдн. иллюстрир. сельско-хозяйств. журналъ. 1-й годъ издаванія. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. въ годъ.

Лансонъ, Г. Исторія французской литературы XVII и XVIII вв. Изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб., 1899 г. Ц. по 1 р.

Лоренцъ, Г. Элементы высшей математики. Т. I. М., 1898 г. Ц. 3 р.

Бартынненко, М. П. Очерки фельдшерства въ Херсонск. губ. Изд. „Медицинскаго журнала“. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.

Бартиновъ, П. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Симбирскъ, 1898 г.

Бензисъ, А. Исторія религій. Пер. съ англ. 2-е изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Мордвиновъ, А. Конференція мира и военное дѣло. Спб., 1899 г. Ц. 25 к.

И. Ю. Отчетъ по главному тюремному управленію за 1896 г. Спб., 1898 г.

Народы Россіи. 1) Якуты. Ц. 3 к. 2) Волга. Ц. 5 к. 3) Остѣи. Ц. 6 к. 4) Рассказы о кавказск. племяхъ „Осетивахъ“. Ц. 6 к. Подъ ред. Н. Харузина. Изд. О-ва распроостр. полезныхъ книгъ. М., 1898 г.

Народное образованіе въ Херсонск. губ. за 1896 г. Херсонъ, 1898 г.

Научно-образовательная бібліотека. 1) Гринъ. Краткая исторія англ. народа. Въ 3-хъ вып. Вып. II. Ц. 70 к. 2) Токвилъ. Старый порядокъ и революція. Подъ редак. П. Г. Виноградова. Ц. 60 к. 3) Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. II и III, съ 9 таблиц. и 47 рис. Съ предисл. проф. А. П. Пашова. Ц. 28 к. М., 1898 г.

Neijas. Rahwa. Leht. Ревель, 1898 г.

Обычное право крестьянъ Харьк. губ. Вып. II. Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ. Подъ ред. В. В. Иванова. Харьковъ, 1898 г.

Оржельскій, М. Польскій вопросъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 60 к.

Отчетъ общ. взаимн. вспомош. учащимъ и учившимъ въ нач. нар. училищахъ и школахъ Вятск. губ. за 1896—97 гг. Годъ I-й. Вятка, 1897 г.

Отчетъ общ. взаимн. вспомош. учащимъ и учившимъ въ нач. нар. училищахъ и школахъ Вятск. губ. съ 1 іюля 1897 г. по 1 іюля 1898 г. Вятка, 1898 г.

Отчетъ по дѣлому управленію минист. земл. и госуд. имущ. за 1897 г. Спб., 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности комит. по устройству сельскихъ бібліотекъ и народн. читальнъ и учрежд. имъ бібл. за 1897 г. Харьковъ, 1898 г.

Отчетъ о дѣлѣ С.-Петерб. О-ва „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“ за 1896—97 гг. Спб., 1898 г.

Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ приютовъ, состоящ. подъ непосредств. Ихъ Импер. Величества покровительств. за 1896 г. Спб., 1898 г.

Лименовъ, Э. Миръ животныхъ. Въ очеркахъ и картинахъ. Составл. по Брему, Фогту и др. Изд. ред. журн. „Восходъ“. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Petrinjenis. Bosnen und das Kroatische Staatsrecht. Agram, 1898 г.

Полиновскій, М. Б. Искорки. Юморист. и сатир. стихотворенія. 2-е изд. кн. маг. Я. Х. Шермана. Одесса, 1898 г. Ц. 30 к.

Полибий. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Перев. съ греческ. Э. Г. Мищенко, съ его предисл., примѣчаніями, указателями, картами. Т. III. М., 1899 г. Ц. 4 р.

Программы чтенія для самообразованія. 3-е изд. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 1899 г. Ц. 45 к.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.

Робине (въ излож.). Положит. философія Огюста Канта. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Розенквистъ, А. Къ статистикѣ вѣполового зараженія сифилисомъ. М., 1898 г.

Роміасъ, С. Семья Никитинныхъ. Романъ-хроника. Т. I и II. М., 1899 г. Ц. за 2 т. 4 р. 50 к.

Роспоповъ, П. А. Данниа о положенія питейнаго дѣла въ Борородск. у., Моск. губ. М., 1898 г.

Сабатье, А. Жизнь и смерть. Публ. лекція. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

- Сатаровъ, В. Н.** Систематическій диктагъ. Изд. Е. И. Тихомирова. М., 1898 г. Ц. 30 к.
- Сборовскій (горн. инженеръ).** Отчетъ по поездкѣ на XVI Всероссийск. выставку. Омскъ, 1898 г.
- Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностран. городовъ.** Вып. VIII. М., 1898 г.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи.** Составл. кружкомъ преподавателей. Вып. IV. Съ 5 портрет. и 73 черт. М., 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Свѣдѣнія кратк. статист. о нач. школахъ Псковскаго уѣзда за 1896—97 уч. годъ.** Псковъ, 1898 г.
- Сеньбосъ.** Политическая исторія современной Европы. Пер. съ фр., подъ ред. проф. А. Травецкаго. Изд. Ф. Павленкова. Слб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Славнинъ, К. С.** Первоуча. Азбука для самоучекъ и учащихся въ школахъ. Изд. 2-е, испр. Екатеринбургъ, 1898 г. Ц. 20 к.
- Соборъ св. кн. Владимира въ Кіевѣ.** Изд. С. В. Кульженка. Кіевъ, 1898 г.
- Соколовъ, Е. О.** Положеніе нач. нар. образованія въ Тобольск. губ. за 1896—97 уч. годъ. Тобольскъ, 1898 г.
- Сосницкій, А.** 1) Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографич. очеркъ. Ц. 25 к. 2) Гавриилъ Романовичъ Державинъ. Біографич. очеркъ. Ц. 25 к. М., 1899 г.
- Сперанскій, Н.** О дурной болѣзни. Изд. ком. по распр. гигиен. знаній въ народѣ. М., 1898 г. Ц. 5 к.
- Статистическій сборникъ по С.-Петербуржской губерніи 1897 г.** Вып. III и IV. Слб., 1898 г.
- Статист. очеркъ. Зимній сезонъ 1897—98 г. въ нов. город. театрѣ въ Иркутскѣ.** Иркутскъ, 1898 г.
- Статистика за училищата въ княжество България прѣзъ учебната 1896—97 година.** Ч. I. Основни училища. — Общи резултати по околии. София, 1898 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 4-е, съ прилож. „Наши антидарвинисты“. Изд. В. Н. Маракуева. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тиндаль, Дж.** Уроки по электричеству. Съ рис. Перев. съ англ. Е. А. Прядченскій. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Слб., 1898 г. Ц. 50 к.
- Тиченеръ, Е. В.** Очерки психологіи. Изд. Ф. Павленкова. Слб., 1898 г. Ц. 1 р.
- Трайль, І. Д.** Общест. жизнь Англій. Т. V. Изд. К. Т. Соцдаденкова. М., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Труды комиссій по распространенію гигиеническихъ знаній въ народѣ. Разсѣянныя народными изданіями по медали и гигиенѣ.** М., 1898 г. Ц. 50 к.
- Тѣнъ, И. В.** Шекспиръ. 2-е изд. І. Бранскаго. Одесса, 1898 г. Ц. 15 к.
- Ученія залиска Императ. Москов. университета. Отдѣлъ юридическій.** Вып. XV, XVI.
- Фельдманъ, О. А.** (подъ ред.) Систематическій сборникъ очерковъ по отечествознанію. Изданіе Импер. Александровскаго лицея. Слб., 1898 г.
- Филипповъ, М. М.** Историческія повѣсти. Слб., 1898 г. Ц. 1 р., съ илр. 1 р. 20 к.
- Фуллеръ, А.** Психологія французскаго народа. Изданіе Ф. Павленкова. Слб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Цигельротъ, д-ръ.** Нервность и много времени, причины ея и средства къ устраненію. Изд. Ф. Павленков. Слб., 1898 г. Ц. 25 к.
- Чичеринъ, В. О.** Народники и претъвительствѣ. М., 1899 г. Ц. 3 р.
- Шантепи де-ля-Соссей, Д. П.** Иллюстрированная исторія религій. Вып. VII. М., 1898 г.
- Шафровъ, И.** Учебникъ геометріи. Курсъ 4-го года городск. училищъ. 12 черт. и 150 задачъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1898 г. Ц. 35 к.
- Шильдеръ, Н. К.** Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Т. III. Изд. А. С. Суворина. Слб., 1897 г.
- Шопенгауэръ, Ар.** Миръ какъ выш. и представленіе. Пер. А. Фета. Съ портр. Шопенгауэра. 4-е изд. А. Ф. Маркса. Слб., 1898 г. Ц. 2 р., съ илр. 2 р. 50 к.
- Эмге, А. 1)** Проза. Т. I. Ц. 50 к. 2) Стихи. Т. II. Ц. 50 к. Слб., 1896 г.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Пер. съ фр. Ф. Павленков. 2-е изд. Ф. Павленкова. Слб., 1898 г. Ц. 1 р.
- Юревичъ, Г. Я.** Сборникъ арметическихъ задачъ для начальн. училищъ. Ч. I и II. Слб., 1899 г. Ц. 10 к.
- Яблонскій, П. О.** Альманахъ Емгодникъ 1899 г. Слб., 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Очерки и рассказы“. В. Вересаева.— „Юнкерскіе годы и вѣтъ назадъ“. В. С. Кривенко.— „Искушеніе“. Истор. романъ XVIII в. И. С. Яковлева.— „Собраніе сочиненій Генрика Гейне“	468
Философія, психологія: „Вопросы Философіи и Психологіи“. Кн. II и 44.— „Въ защиту идеаловъ разума“. Избранная бібліотека соврем. западн. исследателей. II. Цѣнность жизни. Ол.-Ляпунова. III. Идеи Бога и безсмертія души передъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро. — „Психо-физиологія гениа и таланта“. Макса Нордау	470
Исторія, исторія литературы: „Царевна Наталья Алексѣевна и вѣкъ ея времени“. Шляпкина.— „Исторія русской литературы XIX в. Вып. I: вѣдѣнія въ до-Александровскую эпоху“. Смирновскаго.— „Къ лекціямъ по исторіи русской литературы“. Архангельскаго	473
Искусство: „Соборъ св. князя Владиміра въ Кіевѣ“. Изд. С. В. Кульневскаго.— „Искусство и художественная промышленность“. Подъ ред. Н. П. Собко	474
Географія, путешествія: „По бѣлу свѣту. За Атлантическимъ океаномъ“. В. В. Святловскаго	477
Политическая экономія, статистика: „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. Туланъ-Барановскаго.— „Данная о положеніи питейнаго дела въ Богородскомъ уѣздѣ“. Собр. П. А. Роспоповымъ.— „О свободномъ золотомъ промыслѣ въ связи съ водвореніемъ этого промысла въ Охотскомъ краѣ“. Ячевскаго	479
Юридическія книги: „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами“. Сост. Ф. Мартенсъ.— „Положеніе крѣпостныхъ пошлинахъ“. Сост. С. Михайловъ и Н. Берберовъ.— „Ученыя записки Импер. Моск. универс. Вып. 14: Номоканонъ при большомъ требніи“. А. Павлова.— „Выборный мировой судъ“. Сборникъ статей	494
Учебники, дѣтскія книги: „Общедоступная анатомія и физиологія чловѣка и животныхъ“. Э. Реттерера.— „Элементарный курсъ ботаники для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ“. Сост. С. . Ф. Кривцовъ.— „Приключенія двухъ братьевъ Авося и Небоса“. Н. Тимковскаго. — „Народы Россіи. Остяки, куты, вотяки, рассказы объ осетинахъ“. Подъ ред. Н. Харузина.— „Герой популярной ночи и вѣчныхъ льдовъ, Фритіофъ Нансенъ“. Очеркъ О. Н. Попова.— „Сокровище стараго герцога“. Эркманъ-Шатриана.— „Бобылка Матрена“, „Деревенская тѣма“. Рассказы Е. Постоловой. — „Что такое страховка и куда она	

идеть". О. Жирнова.—„Волшебныя сказки Перро". 7 сказокъ, изд. Н. В. Лавровской.—„Библиотека нашихъ дѣтей". Разказы и очерки, изд. Е. В. Лавровской. 48

Календари: „Крестный календарь на 1899 г.". А. Гатцука.—„Русскій сельскій календарь на 1899 г.". Сост. И. Горбунова-Посадова.—„Сахалинскій календарь на 1899 г.". 49

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", ноябрь.—„Русскій Вѣстникъ", ноябрь.—„Русское Богатство", октябрь.—„Миръ Божій", октябрь.—„Образованіе", 1898 г.—„Дѣтскій Отдыхъ", №№ 2—9 (окончаніе) 49

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря по 1 ноября.

IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1898 г.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

изобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1898 годъ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

Брамовъ, Я. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Кн. IX, стр. 368.

Рнольдъ, С. Задачи пониманія исторіи. Кн. VI, стр. 231.

Индельбандтъ. Исторія древней философіи. Перев. слушательницъ высшихъ курсовъ, подъ редакціей проф. А. Введенскаго. Кн. X, стр. 393.

Иппертъ, Р. Школьное преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука. Кн. IX, стр. 867.

Юпросы Философіи и Психологіи. Кн. II, стр. 56; кн. VI, стр. 229; кн. XII, стр. 470.

Рмиловъ, В. Въ борьбѣ съ рутиной. Кн. VIII, стр. 318.

Ибекъ. О сущности и цѣли научнаго образованія. Рѣчь, произнесенная въ годовщину Базельскаго университета. Кн. IX, стр. 369.

Избранная бібліотека соврем. западн. мыслителей. „Въ защиту идеаловъ разума.“ II. Цѣнность жизни. Оле-Лапрюна. III. Идея Бога и безсмертія души передъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро. Кн. XII, стр. 471.

Каръевъ, Н. Основные вопросы философіи исторіи. Кн. III, стр. 95.

— Введеніе въ изученіе социологіи. Кн. III, стр. 95.

Ланге, Н. Учебникъ логики. Кн. VIII, стр. 316.

Луговской, П. На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Кн. X, стр. 393.

Макензи, Д. Этика (ученіе о нравственности.) Кн. VII, стр. 263.

Морлей, Д. Воспитательное значеніе литературы. Кн. IX, стр. 868.

Нордау, Максъ. Психо-физиологія генія и таланта. Перев. М. А. Б. Кн. XII, стр. 472.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. Кн. VII, стр. 261.

Риль, А. и Зиммель, Г. Фридрихъ Ницше. 1) Художникъ и мыслитель. 2) Этно-философскій силузъ. Кн. V, стр. 189.

Руссо, Ж. Исповѣдь. Кн. VII, стр. 264.

Стоюнинъ, В. О преподаваніи русской литературы. Кн. VIII, стр. 318.

Съдовъ, Л. Психологія юношескаго возраста. Кн. V, стр. 191.

Шохоръ-Троцкій, С. Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариметики въ школѣ и дома. Кн. VIII, стр. 320.

Щегловъ, В. Гр. Л. Н. Толстой и Фридрихъ Ницше. Кн. V, стр. 189.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Баранцевичъ, К. Сказки жизни. Кн. V, стр. 180.

Вѣляевъ, И. С. Испушеніе. Истор. ром. XVIII в. Кн. XII, стр. 468.

Вересаевъ, В. Очерки и рассказы. Кн. XII, стр. 467.

Гиппиусъ, З. „Зеркала“. Вторая книга рассказовъ. Кн. I, стр. 4.

Горькій, М. Очерки и рассказы. Кн. VIII, стр. 307.

Грибовскій, В. Студенческіе рассказы. Кн. I, стр. 6.

Загоскинъ, М. Полное собраніе сочиненій. Кн. VII, стр. 257.

Ивановичъ. Собраніе соч. Кн. I, стр. 3. Кн. IX, стр. 365.

Клюкинъ, А. Злобы жизни. Рассказы. Кн. III, стр. 93.

„Кребула“. Сборникъ, изд. на грузинск. яз. кн. Ак. Церетели. Кн. I, стр. 6.

- Кривенко, В. С.** Юнкерские годы 25 лѣтъ назадъ. Кн. XII, стр. 468.
- Купринъ, А.** Миліонеры, очерки и рассказы. Кн. III, стр. 91.
- Лысакъ, В.** Подорожники. Разск. Кн. VI, стр. 226.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Легенды. Кн. V, стр. 179.
- Наумовъ, Н.** Собрание сочиненій. Кн. II, стр. 51.
- Ожешкова, Э.** Сильвакъ. Ром. Кн. I, стр. I.
- Привѣтъ, Сборникъ.** Кн. III, стр. 95.
- Ромеръ, Ф.** Сказки и правда. Повѣсти, рассказы и статьи. Кн. V, стр. 181.
- Рышковъ, В.** На больничныхъ койкахъ.—Въ паутинѣ. Кн. III, стр. 92.
- Саловъ, И.** Забытыя картинки. Пов. и разск. Кн. II, стр. 54.
- Свѣтловъ, В.** Въ невѣдомую даль. Ром. Кн. IV, стр. 133.
- Случевскій, К.** Сочиненія. Кн. V, стр. 177; кн. IX, стр. 363; кн. XI, стр. 423.
- Смѣловъ, А.** Аскетъ и др. рассказы. Кн. X, стр. 390.
- Собрание сочиненій Генриха Гейне,** подъ ред. П. Вейнберга. Кн. XII, стр. 469.
- Свѣрошевскій, В.** Въ сѣтахъ. Пов. Кн. VI, стр. 225.
- Тарановскій, Н.** Повѣсти и рассказы. Кн. IV, стр. 135.
- Умановъ-Капдуновскій, В.** Незамѣтныя драмы: Млечный путь, Страсть и др. рассказы. Кн. X, стр. 389.
- Шелли.** Сочиненія въ переводѣ К. Бальмонта. Кн. VII, стр. 259.
- Юровскій, Н.** Идеальность. Ром. Кн. II, стр. 53.

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА.

- Балталоуъ, Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго.** Кн. XI, стр. 427.
- Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ.** Кн. XI, стр. 427.
- Бѣлинскій, В.** Семь статей. Кн. VIII, стр. 310.
- Избранныя статьи для семьи и школы. Кн. X, стр. 392.
- Винаверъ, М.** Стария и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ. Кн. X, стр. 392.
- Второй сѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому образованію въ Россіи.** Секція IX общихъ вопросовъ. Ч. I и II. Изд. подъ ред. В. Вахтерова. Кн. VI, стр. 227.
- Вѣдомство дѣтскихъ приютовъ и его задачи.** Кн. VIII, стр. 315.
- Ганзенъ, П.** Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Кн. VIII, стр. 312.
- Глѣбовскій, В.** Императрица Екатерина и ея царствованіе. Кн. IV, стр. 137.

- Головинъ, К.** Русскій рожажъ и русское общество. Кн. V, стр. 183.
- Касаткинъ, Н.** Отчетъ о дѣятельности постоянной коммисіи по техническому образованію московскаго отѣмлія Имп. Р. Т. Общ. за 1896—97 г. Кн. VIII, стр. 314.
- Кудашева, Е., кн.** Умственныя способности женщины. Кн. III, стр. 96.
- Маллесонъ, Ф.** Первоначальное воспитаніе дѣтей. Кн. VII, стр. 260.
- Матвѣевъ, А.** Въ поискахъ истины о народѣ. Кн. IV, стр. 136.
- Михайловскій, Н.** Сочиненія. Кн. III, стр. 96.
- Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ.** Кн. VI, стр. 228.
- Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1896—1897 гг.** Кн. VIII, стр. 260.
- Очеркъ состоянія начального образованія въ Полтавской г.** Кн. IX, стр. 370.
- Романовичъ, П.** Отчетъ о состояніи народныхъ начальныхъ училищъ г. Саратова въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1896—97 учебный годъ. Кн. IV, стр. 137.
- Сальниковъ, А.** Бѣлинскій объ искусствѣ. Кн. XI, стр. 427.
- Свѣдѣнія объ открытіи и организаціи первыхъ училищъ и вечернихъ воскресныхъ классовъ для рабочихъ.** Кн. VIII, стр. 314.
- Сѣдовъ, Л.** Бѣлинскій о воспитаніи индивидуальномъ и общественномъ. Кн. XI, стр. 426.
- Черняевъ, Н.** „Капитанская дочка Пушкина“. Историко-критическій этюд. Кн. VIII, стр. 311.

———
Dolling, R. Ten years in a Portsmouth alum. Кн. V, стр. 188.

ИСТОРИЯ.—АРХЕОЛОГИЯ.—БЮГРАФИИ.—МЕМОАРЫ.

- Архангельскій.** Къ лѣтислѣтію по исторіи русской литературы. Кн. XII, стр. 474.
- Ананасьевъ.** Наполеонъ I. Кн. VIII, стр. 322.
- Вородинъ, А.** Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. Кн. XI, стр. 423.
- Ванъ-Мюйденъ.** Исторія нидерландскаго народа. Кн. III, стр. 98.
- Гаспарі, А.** Исторія итальянской литературы. Кн. I, стр. 13.
- Гнѣдичъ, П.** Исторія искусствъ. Кн. I, стр. 11.
- Дубровинъ, Н.** Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ

архива собственной Е. И. В. Канцелярии. Кн. I, стр. 7.
 Ежегодник коллегіи Павла Галагана. Кн. X, стр. 400.
 Кюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Кн. VII, стр. 267.
 Белинский, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Кн. IX, стр. 375.
 Златковский, М. А. Н. Майковъ. Біограф. очеркъ. Кн. X, стр. 402.
 Ивановскій, Н. Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи. Кн. X, стр. 402.
 Историческое обозрѣніе. Т. IX. Сборн. историч. общ. при Петерб. университетѣ, изд. подъ ред. Н. Карѣева. Кн. X, стр. 399.
 Гардуччи, Д. Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи. Кн. II, стр. 64.
 Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Сост. кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. П. Виноградова. Кн. II, стр. 61.
 Ковалевскій, М. Происхожденіе современной демократіи. Кн. IV, стр. 188.
 Конисскій, А. Тарас Шевченко-Грушевскій. Кн. V, стр. 194.
 Лансонъ, Г. Исторія французской литературы. Кн. V, стр. 193.
 Пашенковъ, И. Е. И. Станевичъ. Кн. I, стр. 11.
 Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Кн. VII, стр. 268.
 Мейеръ, Э. Экономическое развитіе древняго міра. Кн. VII, стр. 266.
 Муркосъ, Г. Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. Перев. съ арабскаго. Кн. III, стр. 97.
 Надлеръ, В. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона. Кн. V, стр. 192.
 Петерсонъ, О. и Балабанова, Е. Западно-европейскій знось и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ. Кн. IV, стр. 140.
 Пыпинъ, А. Исторія русской литературы. Кн. II, стр. 59.
 — Подѣлки рукописей и народныхъ пѣсень. Кн. XI, стр. 430.
 Р—съ, А. Талмудъ и его критики. Кн. XI, стр. 432.
 Савенковъ, И. Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. Кн. IV, стр. 144.
 Самоквасовъ, Д. Архивный инвентарь. Кн. IV, стр. 142.
 Семейскій, В. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Истор. изслѣдованіе. Кн. X, стр. 394.
 Сеньбобосъ, Ш. Политическая исторія современной Европы. Кн. XI, стр. 430.
 Смирновскій. Исторія русской литературы XIX в. Вып. I. Карамзинъ въ

до Александровскую эпоху. Кн. XII, стр. 473.
 Сорель, А. Монтескьѣ. Кн. I, стр. 10.
 Сумцовъ, Н. Пѣсни о Травинѣ. Кн. I, стр. 11.
 — Новая наука г. Безсонова. Кн. I, стр. 15.
 — Этюды о Пушкинѣ. Кн. IX, стр. 139.
 Тенъ-Бринкъ, В. Лекціи о Шекспирѣ. Кн. VII, стр. 269.
 Трачевскій, А. Германія наканунѣ революціи и ея объединенія. Кн. II, стр. 63.
 Шерръ, I. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Кн. IX, стр. 373.
 Шляпкинъ, Ц. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. Кн. XII, стр. 473.
 Щепкинъ, М. Записки. Новая глава. Кн. I, стр. 10.
 Языковъ, Д. Жизнь и труды А. Н. Майкова. Кн. X, стр. 402.
 Яхонтовъ, С. Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. XII. Кн. I, стр. 9.
 Эминъ, Н. Переводы и статьи по духовной армянской литературѣ. Кн. X, стр. 401.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. — СТАТИСТИКА.

Аргутинскій-Долгоруковъ, А. Исторія сооруженія и эксплуатаціи Закавказской жел. дороги за 25 лѣтъ ея существованія съ 1871—1896 годъ. Кн. IV, стр. 149.
 Вертранъ, Л. Общества взаимной помощи въ Бельгіи. Кн. IV, стр. 148.
 Бюхеръ, К. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Кн. V, стр. 199.
 Волконскій, Кн. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Кн. VII, стр. 274.
 Гобсонъ, Д. Эволюція современнаго капитализма. Кн. V, стр. 196.
 Гурьевъ, А. Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. I. Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей. Кн. VI, стр. 231.
 Дементьевъ, Е. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Кн. V, стр. 197.
 Изъ экономической жизни Западной Европы. Кн. VII, стр. 275.
 Кауфманъ. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. Кн. XI, стр. 434.
 Кэрнсъ, Д. Логическій методъ политической экономіи. Основныя принципы. Цѣнность. Международная торговля. Кн. VIII, стр. 324.
 Метенъ, А. Соціализмъ въ Англіи. Кн. X, стр. 411.

- Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. Кн. V, стр. 198.
- Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Т. IV. Кн. V, стр. 197.
- Отчетъ по главному управленію министерства земледѣлія и государ. имуществъ. Кн. XI, стр. 435.
- Отчетъ по выкупной операціи за 1896 г. Кн. XI, стр. 435.
- Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1896 г. Кн. XI, стр. 436.
- Роспоповъ, П. А. Данниа о положенія питейнаго дѣла въ Богородскомъ уездѣ. Собр. Кн. XII, стр. 483.
- Скворцовъ, А. Основанія политической экономіи. Кн. X, стр. 409.
- Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1897 г. Кн. III, стр. 103.
- Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ. за 1896 г. Вып. III. Матеріалы по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ селеніяхъ С.-Петерб. губ. Вып. II. Начальное народное образованіе въ 1895—96 учебномъ году. Кн. XI, стр. 436.
- Тойнби, А. Промышленный переворотъ въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи. Кн. III, стр. 101.
- Туганъ-Барановскій, Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-эконом. изслѣдованіе. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в. Кн. XII, стр. 479.
- Ячевскій, Л. О свободномъ золотомъ промыслѣ въ связи съ водвореніемъ этого промысла въ Охотскомъ край. Кн. XII, стр. 483.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

- Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Кн. VII, стр. 277.
- Воротынскій, В. Задачи судебной психопатологіи и современное ея значеніе для врача и юриста. Кн. VIII, стр. 326.
- Гернетъ, А. Законодательство о приобрѣтеніи дворянскаго достоинства Россійской имперіи. Кн. X, стр. 409.
- Дружининъ, Н. Общепонятное законодѣданіе. Кн. II, стр. 65.
- Юридическ. положеніе крестьянъ. Кн. V, стр. 200.
- Закревскій, И. О настоящемъ и будущемъ суда присяжныхъ. Кн. III, стр. 105.
- Краевскій, А. Практическія замѣтки о свойствахъ составительнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Кн. I, стр. 16.
- Ляховецкій, Л. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ. Кн. IV, стр. 151.
- Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ

- иностранными державами. Томъ XI. Трактаты съ Англіей 1832—1895 г. Кн. XII, стр. 484.
- Мартыновъ, Н. Справочныя книги для опекуновъ и поечителей. Кн. стр. 17.
- Михайловъ, С., и Берберовъ Н. Положеніе о крѣпостныхъ имѣніяхъ. Кн. XII, стр. 486.
- Никоновъ, С. Круговая порука, какъ обезпеченіе обязательствъ. Кн. III, стр. 106.
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1896 г. Кн. VIII, стр. 328.
- Павловъ, А. Ученныя записки Импер. Моск. универ. Вып. XIV. Нововведенія при большомъ требніи. Кн. XII, стр. 485.
- Павловъ-Сильванскій, Н. Заключеніе-патронать. Кн. VIII, стр. 328.
- Рабиновичъ, И. Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. Кн. VII, стр. 279.
- Сборникъ статей. „Выборный ипреніи судъ“. Кн. XII, стр. 486.
- Тимосевъ, А. Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Практич. руководств. Кн. IV, стр. 149.
- Туръ, Н. Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ. Кн. V, стр. 281.
- Удинцевъ, В. Поссессионное право. Кн. VI, стр. 233.
- Фишеръ, С. Человѣкъ и животное. Этноко-юридическій очеркъ. Кн. VII, стр. 327.
- Чубинскій, М. Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Кн. VII, стр. 278.
- Современная борьба взглядовъ на ипртивъ суда присяжныхъ. Кн. X, стр. 486.
- Шершеневичъ, Г. Очерки по исторіи кодификаціи гражданскаго права. Кн. IV, стр. 152.
- Яцерицынъ, П. Положеніе о выдѣлѣ на жительство. Кн. IV, стр. 150.
- Федотовъ-Чеховскій, В. Въ вопросу объ улучшеніи складчатой шати въ Россіи. Кн. VII, стр. 278.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ИШШЕСТВІЯ.

- Андрѣ. Къ сѣверному полюсу на ипртатѣ. Кн. VII, стр. 278.
- Апостоловъ, Л. Географіа. очеркъ Кубанской области. Кн. VIII, стр. 328.
- Геккеръ, Н. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Кн. IX, стр. 379.
- Дигамма. Маньчжурія и китайскія восточная желѣзная дорога. Кн. II, стр. 144.
- Догуревичъ, Т. Денежная библіотека русскаго наоминика: Сибѣ Asia. Распространеніе христіанства въ Сибѣ. Кн. IX, стр. 379.
- Красновъ, А. Чайные округы

- тропическихъ странъ Азіи. (Культурно-географическіе очерки дальняго Востока). Кн. X, стр. 405.
- Гейсертъ, С. Географическіе этюды. Кн. IX, стр. 375.
- Гансенъ, Ф. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Кн. III, стр. 100.
- Гавелъ Алеппскій, архидіаконъ. Описание путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Кн. IX, стр. 380.
- Гайсель, В. Матеріалы для антропологии таранчей. Кн. IX, стр. 378.
- Гокровская, В. Справочная книга по географіи. Кн. IX, стр. 376.
- Гуцкій, П. Къ оазисамъ Сахары и по Италіи. Кн. VII, стр. 272.
- Горничъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Кн. VII, стр. 271.
- Гватловскій, В. В. По блгу свѣту. За Атлантическимъ океаномъ. Изданіе М. С. Копылова. Кн. XII, стр. 477.
- Гизаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Доброботскаго Бѣза-Бахши. Кн. VIII, стр. 330.
- Гарьяновичъ, И. Матеріалы къ антропологии армянъ. Кн. IX, стр. 379.
- Геревкова, А. Очерки современной Японіи. Кн. V, стр. 195.
- Гейнъ, П. Великорусскіе въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Кн. IX, стр. 377.
- Грейдеръ, Д. Намъ дальній Востокъ. (Три года въ Уссурийскомъ краѣ.) Кн. III, стр. 99.
- Страна восходящаго солнца. Разсказы о японцахъ. Кн. IV, стр. 146.
- Готстремскій, Ф. Краткій очеркъ Минской губ. въ физико-географическомъ и статистико-экономическомъ отношеніяхъ. Кн. VIII, стр. 830.
- Hahn, E. Die Hausthiere und ihre Beschreibungen zur Wirtschaft des Menschen. Кн. IX, стр. 376.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

- Алленъ, Г. Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Кн. I, стр. 18.
- Эрандтъ, А. Учебникъ зоологіи для студентовъ, приуроченный къ программамъ испытанія въ государственной физико-математической комиссіи. Кн. VIII, стр. 832.
- Браунеръ, А. Краткій опредѣлитель дичи степной полосой Россіи. Кн. I, стр. 18.
- Варшингъ. Основы ботаники. Систематика растеній. Кн. III, стр. 107.
- Г., М. Конспектъ описательной анатоміи человѣка. Кн. VIII, стр. 332.
- Гексли, Т. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Кн. II, стр. 66.

- Гельмгольцъ, Г. Популярныя рѣчи. Кн. II, стр. 67.
- Дюкло, Э. Пастѣрь, броженіе и самозароженіе. Кн. IV, стр. 153.
- Злотчанскій, П. Погода и предсказаніе ея. Кн. IV, стр. 153.
- Зографъ, Н. Курсъ зоологіи для студентовъ естественниковъ, медиковъ и сельскихъ хозяевъ. Кн. V, стр. 202.
- Ивановъ, Д. Основныя черты оро-географическаго строенія хребта Сихота-Алина. Т. I. Вып. III Записокъ приамурскаго отдѣла Импер. рус. географич. общ. Кн. VIII, стр. 333.
- Корольковъ, А. Перемѣнные токи и трансформация ихъ. Кн. VI, стр. 237.
- Лампа, А. Силы природы и естественныя законы. Кн. VI, стр. 235.
- Силы и законы природы. Кн. VI, стр. 235.
- Линдеманъ, К. Основы общей зоологіи. Кн. VIII, стр. 335.
- Лубенцовъ, А. Хамкенская и Пхеньнанская провинціи Кореи. Т. II. Вып. III Записокъ приамурскаго отдѣла Импер. русск. геогр. общ. Кн. VIII, стр. 333.
- Люпке. Основаніе электрохиміи. Кн. II, стр. 67.
- Маршаллъ, М. Развѣтленіе человѣческаго зародыша. Кн. VII, стр. 281.
- Мерсье, А. Срѣзы изъ центральной нервной системы. Кн. II, стр. 67.
- Нансенъ, Ф. Среди льда и ночи. Кн. I, стр. 17.
- Неймайръ, М. Исторія земли. Кн. IX, стр. 382.
- Паркеръ, Т. Лекціи по элементарной биологіи. Кн. VIII, стр. 331.
- Писаревъ, В. Основы разумнаго пчеловодства. Кн. VIII, стр. 334.
- Поповъ, П. Отчетъ о работахъ по изслѣдованію магнитныхъ аномалій Курской губ. въ 1897 г. въ связи съ вопросомъ о залежахъ желѣзныхъ рудъ. Кн. VI, стр. 234.
- Потѣхинъ, А. Естественная исторія пчелы. Кн. VIII, стр. 334.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Сост. кружкомъ преподавателей. Вып. I. Кн. IV, стр. 152. Вып. II. Кн. X, стр. 414.
- Святскій, И. Исторія электричества. Кн. III, стр. 108.
- Симоничъ, Н. Гипотеза функціи атомнаго вѣса элементовъ. Кн. VII, стр. 281.
- Сириусовъ, М. Краткій историческій обзоръ развитія ученія о питаніи растеній, какъ введеніе въ земледѣльческую химію. Кн. IV, стр. 153.
- Скаловскій. О физико-географическихъ условіяхъ Черноморскаго бассейна въ связи съ вліяніемъ Восточнаго. Кн. I, стр. 18.
- Свѣченновъ, И. Физиологическіе очерки. Кн. VII, стр. 280.

- Фабръ.** Истинный и нравы насекомых. Кн. XI, стр. 437.
Ферворнъ, М. Общая физиология. Основы учения о жизни. Книга III, стр. 107.
Хэдзонъ, У. Натурализм на Ла-Платъ. Кн. I, стр. 19.
Чуевскій, И. Физиология человека. Кн. I, стр. 17.
Этаръ. Новѣйшія химическія теоріи. Кн. VI, стр. 236.

Morokhowetz, L. Physiologie Russe. Кн. VIII, стр. 335.

- Davenport, B.** Experimental Morphology. Кн. XI, стр. 438.
Morgan, T. The development of the frog's egg. An introduction to experimental embryology. Кн. XI, стр. 439.

МЕДИЦИНА.

- Викторовъ, П.** Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броун-Секаровскаго способа леченія болѣзней. Кн. VI, стр. 238.
Высочайше разрѣшенный 2-й съѣздъ русскихъ дѣателей по техническому и профессиональному образованію. X секція. Школьная гигиена и физическія упражненія. Кн. XI, стр. 439.
Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Изд. подъ ред. И. Мержеевскаго. Кн. X, стр. 415.
Жуковскій. Болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Кн. IV, стр. 155.
Кацъ, Г. Очки, ихъ польза и вредъ. Кн. IV, стр. 154.
Кохъ, Г. Нервная жизнь человека въ дни здоровья и болѣзни. Кн. VIII, стр. 337.
Кувалдинъ, В. Къ вопросу о примѣненіи мыльной пробы къ опредѣленію жесткости воды въ санитарной практикѣ. Кн. V, стр. 203.
Ламанъ. Діетическое измѣненіе нормальнаго состава крови, какъ основная причина всѣхъ болѣзней. Книга IV, стр. 154.
Пибовъ, В. О гравелленіи. Практич. руководство къ назначенію и примѣненію гравельныхъ ваннъ. Кн. VII, стр. 287.
Лѣсневичъ, В. Очерки изъ исторіи медицинъ. Кн. IV, стр. 156.
Михайловъ, Н. Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія на востоцѣ Россіи. Кн. VII, стр. 288.
Никольскій, В. Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ. Кн. I, стр. 20.
Пенцольдтъ и Штинцингъ. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Кн. II, стр. 68.
Покровская, М. Санитарный надзоръ надъ жилищами и санитарная ор-

- ганизация въ различныхъ государствахъ. Кн. III, стр. 110.
Рахмановъ, В. Общелестный лечебникъ. Кн. VI, стр. 238.
Ротъ, О. Клиническая термиметрія. Кн. VII, стр. 288.
Славянскій, К. Частная патологія и терапия женскихъ болѣзней. Кн. IV, стр. 155.
Степановъ, А. Лечебникъ домашнихъ животныхъ. Кн. IV, стр. 156.
Тезяковъ, Н. Земская медицина, и болѣзненность и смертность населения въ Елизаветградскомъ уѣздѣ въ 1897 г. Кн. I, стр. 21.
Фильровъ, Г. Занкание, летаніе, шепелювость и ихъ леченіе. Кн. II, стр. 441.
Фонъ-Якша. Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней. Кн. I, стр. 21.
Хмѣлевскій, И. Занкание, его сущность, причины, предупрежденіе и леченіе. Кн. XI, стр. 441.

ТЕХНОЛОГІЯ.

- Гавриленко, А.** Курсы механическихъ технологій металловъ. Кн. VII, стр. 23.
Менделѣевъ, Д. Основы фабрично-заводской промышленности. Книга I, стр. 24.
Usher-Elfen. Современные способы обработки деталей машинъ и сборки ихъ. Кн. VII, стр. 284.
Шуховъ, В. Политехническа. обществ. состоящее при Импер. техник. училищѣ. Кн. VII, стр. 283.

ИСКУССТВО.

- Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—97 гг.—Приложеніе.** Книга 3-я. Редакторъ А. Молчановъ. Кн. IV, стр. 162; кн. VIII, стр. 323; кн. I, стр. 403; кн. VII, стр. 290.
**Искусство и художественная промышленность, ожебѣлочное и иллюстрационное изданіе Импер. общества поощренія художествъ, подъ ред. Н. П. Соко. Вып. I и II. Кн. XII, стр. 475.
Карбеловъ, П. Грузинскіе народныя и церковныя пѣсньи. Кн. X, стр. 404.
Собръ св. кн. Владиміра въ Киевѣ. Кн. С. В. Кульженка. Кн. XII, стр. 474.**

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

- Müller, F.** Ueber den Ursprung der Grusinischen Schrift. Кн. X, стр. 407.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Варгинъ, В.** Элементарный курсъ общаго земледѣлія. Вып. I—V. Кн. I, стр. 22.
Варлихъ, В. Важнѣйшія бо

нихъ культурныхъ растений, причиняе-
мыхъ паразитными грибами. Книга I,
стр. 24.
Асильевъ, Н. Уходъ за сельско-хо-
зяйственными полевыми растеніями.
Кн. I, стр. 22.
Ласовъ, И. Краткій учебникъ обща-
го земледѣлія. Кн. VIII, стр. 339.
Ольhoff, Э. Рациональное кормленіе
сельско-хозяйственныхъ животныхъ.
Кн. III, стр. 109.
Ольцъ, О. Сельско-хозяйственное сче-
товодство. Кн. VIII, стр. 339.
Пичуновъ, Н. Прививка и ея при-
мѣненіе у различныхъ деревьевъ и ку-
старниковъ. Кн. IX, стр. 382.
**Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкото-
рыхъ русскихъ хозяйствъ.** Кн. I, стр. 23.
Сукъ, В. Практическій хозяйнъ-птице-
водъ. Кн. III, стр. 109.
Юбанскій, Ф. Культура ячменя.
Кн. VIII, стр. 340.
Амонтовъ, И. Указатель изданій
министерства земледѣлія и государствен-
ныхъ имуществъ по сельско-хозяйствен-
ной и лѣсной части. Кн. XI, стр. 442.
Первое дополненіе къ тому же указа-
телю. Кн. XI, стр. 442.
Гѣмець, Я. Промышленное плодотво-
дство въ Сѣверной Америкѣ. Кн. XI,
стр. 443.
Отоцкій, П. Литература по русскому
почвовѣдѣнію съ 1765—1896 г. Кн. XI,
стр. 442.
Гедашенко, А. Указатель книгъ,
журнальныхъ и газетныхъ статей по
сельскому хозяйству за 1895 г. Кн. XI,
стр. 442.
Пржепѣорскій, В. Орошеніе луговъ
въ связи съ ихъ осушеніемъ по систе-
мѣ Петерсонъ. Кн. VIII, стр. 333.
Раунеръ, С. Искусственное орошеніе
земельныхъ угодій. Кн. I, стр. 23.
Семполовскій, А. Руководство къ
разведенію сѣмянъ и улучшенію воздѣ-
лываемыхъ растений. Кн. VIII, стр. 341.
Смирновъ, П. Общедоступная и де-
шевая бібліотека сельско-хозяйственной
техники: „Какъ дѣлаютъ мыло?“ Кн. IX,
стр. 382.
Совѣтовъ, А., и Адамовъ, Н.
Матеріалы по изученію русскихъ почвъ.
Кн. VIII, стр. 338.
Стебутъ, И. Сборникъ статей по сель-
скому хозяйству. Кн. IX, стр. 381.
Таргонскій, В. Къ вопросу о влія-
ніи лѣсовъ на явленіе града въ Евро-
пейской Россіи. Кн. VIII, стр. 338.
Трухановскій, М. Основы ученія
объ удобреніи почвъ. Кн. VIII, стр. 341.
„Хозяинъ“, журналъ сельскаго хозяйства
и экономіи. Кн. VII, стр. 284.
Циммерманъ, Э. Очерки американ-
скаго сельскаго хозяйства. Кн. III,
стр. 109.
Шатиловъ, И. Руководство къ раз-

веденію лѣсовъ на черноземѣ. Кн. VIII,
стр. 340.
Шостаковъ, П. Хлѣбн. тарифы. Кн. VIII,
стр. 341.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Авенариусъ, В. Гоголь-студентъ.
Кн. VIII, стр. 344.
Алтаевъ, А. Свѣжинки. Разск. для
малютокъ. Кн. IV, стр. 157.
Барышниковъ, П. Учебникъ рус-
ской грамматики. Кн. III, стр. 112.
„Библіотека нашихъ дѣтей“. Разказы и
очерки. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А.
Попова. Кн. XII, стр. 490.
Боголѣповъ, Е. Хрестоматія для на-
чальныхъ училищъ. Кн. VIII, стр. 344.
Варавва, М. Начальный курсъ ана-
томіи и физиологіи человѣка и гигиены.
Кн. IV, стр. 161.
Васильевъ, В. Ариметика хробныхъ
чиселъ. Кн. IV, стр. 162.
Ветнекъ, К. Краткій очеркъ міеологіи
грековъ и римлянъ. Кн. I, стр. 28.
Виноградовъ, Н. Начальная химія
для школъ и самообразованія. Кн. IV,
стр. 158.
Вольногорскій, П. Въ лѣсу и въ
полѣ. Кн. IV, стр. 156.
Гартлебень, А. Статистическая таб-
лица всѣхъ государствъ земного шара.
Кн. I, стр. 27.
Гейгеръ, Л. Открытіе огня. Кн. IV,
стр. 159.
Генкель, А. Краткій очеркъ морфо-
логіи и органогенеза цвѣтковыхъ расте-
ній. Кн. III, стр. 112.
Гольденбергъ, А. Собраніе ариме-
тическихъ упражненій для гимназій и
реальныхъ училищъ. Кн. IV, стр. 162.
Григорьева, О. Кораллы. Разск. и
сказки для маленькихъ дѣтей. Кн. III,
стр. 113.
Даневская, С. Открытіе Америки.
Разск. для дѣтей. Кн. IX, стр. 385.
Додэ, А. Козочка господина Сегена.
Кн. IX, стр. 385.
Догановичъ, А. Оомка-дурачокъ.
Разск. Кн. VIII, стр. 346.
Жадовскій, Е. Курсъ ботаники. Кн.
IV, стр. 160.
Желентъ, Е., аббатъ. Элементарный
курсъ ариметики. Кн. III, стр. 111.
Желиховская, В. Мала былинка да
вынослива. Кн. IV, стр. 157.
Жирновъ, О. Что такое страховка и
куда она идетъ. Кн. XII, стр. 490.
Житецкій, П. 1) Теорія поэзіи. 2)
Очерки изъ исторіи поэзіи. Кн. IX,
стр. 383.
Ивановъ - Артюховъ, В. Курсъ
алгебры духовныхъ семинарій. Кн. III,
стр. 110.
Ивинъ, А. Въ городѣ и деревнѣ.
Кн. VIII, стр. 346.

Калмыковъ, В. Библіотека маленькаго читателя. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Кн. VIII, стр. 348.

Крепелинъ, К. Прерода въ комнатѣ. Кн. III, стр. 114.

Кривцовъ, С. Ф. Элементарный курсъ ботаники для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Кн. XII, стр. 488.

Ливій, Т. Событія пунической войны. Кн. X, стр. 417.

Линбергъ, А. Маленькій географическій атласъ съ объяснительнымъ. Кн. III, стр. 112.

Маевскій, В. Осенняя флора Средней Россіи. Кн. IV, стр. 160.

Мандрыка, М. Житейскій задачникъ для дѣтей. Кн. I, стр. 29.

Массонъ, Ж. Пушокъ и пушилка или самъ себя выручай. Кн. IX, стр. 384.

Народы Россіи. Остакъ, якутъ, вотяки, рассказы объ осетинахъ. Подъ ред. Н. Харузина. Кн. XII, стр. 488.

Никульцевъ, П. Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Кн. II, стр. 69.

П. Л. Сочиненія на темы по русскому языку. Кн. X, стр. 416.

Перро. Волшебныя сказки. Кн. IX, стр. 384; кн. XII, стр. 490.

Петровъ, К. Русскій языкъ. Синтаксисъ въ образцахъ. Кн. I, стр. 26.

— Русскій языкъ. Этимологія въ образцахъ. Кн. X, стр. 417.

Плято - Ф. Рейснеръ. Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука для обученія въ одинъ мѣсяцъ нѣмецкому языку. Кн. VIII, стр. 345.

Позняковъ, Н. Товарищъ. Пов. изъ школьной жизни. „Почитать бы!“ Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Кн. III, стр. 118.

Попова, О. Н. Герой подлунной ночи и вѣчныхъ льдовъ, Фритіофъ Нансенъ. Очеркъ. Кн. XII, стр. 489.

Поповъ, И. Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи человѣка. Учебникъ. Кн. IV, стр. 160.

Поспѣлова, Е. „Вобылка Матрена“. „Деревенская тѣма.“ Рассказъ. Кн. XII, стр. 489.

Потапенко, Н. Два таланта (библіотека дѣтскаго чтенія). Кн. VIII, стр. 342.

Ретереръ, Э. Общедоступная анатомія и физиологія человѣка и животныхъ. Пер. съ франц. Кн. XII, стр. 487.

Рогова, О. Бодякъ Хмельницкій. Кн. IV, стр. 158.

Рюдбергъ, В. Приключеніе маленькаго Вигга въ ночь подъ Рождество. Кн. IX, стр. 384.

Смирновскій, П. Басни Крыловъ съ приложеніемъ портрета автора, и біографіи, написанной П. Плетневимъ примѣчаніями, состав. по Ковалеву пяти вступовъ о басняхъ Крыловъ. Кн. I, стр. 26.

Терешкевичъ, А. Новая географія. Кн. I, стр. 27.

Тимковскій, Н. Приключенія кулѣ братьевъ Авося и Небоса. Кн. II, стр. 488.

Ф—тъ, Г. Завоеваніе воздуха. Кн. VIII, стр. 344.

Финиковъ, Н. Латинскія хрестоматія. Кн. I, стр. 25.

Фѣдо, Ф. Химикъ-любитель. Кн. VIII, стр. 343.

— Научныя забавы. Кн. VIII, стр. 344.

— Ботаникъ-любитель. Кн. IV, стр. 161.

Харузина, В. Сказки русскихъ изъ родцвъ. Кн. X, стр. 418.

Эркманъ-Шатріанъ. Романы, сказки и повѣсти. Сокровище стараго герцога. Перев. съ франц. Кн. XII, стр. 483.

Ярошевская, М. Первоначальная географія съ картинками. Кн. I, стр. 27.

Meуег, К. Das Amulett. Книга IV, стр. 347.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.—КАЛЕНДАРІИ.

Брокгаузъ, Ф., и Ефронъ, А. Энциклопедическій словарь. Кн. I, стр. 69; кн. XI, стр. 444.

Гатцукъ, А. Крестный календарь на 1898 г. Кн. I, стр. 30.

— Крестный календарь на 1899 г. Кн. XII, стр. 491.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Русскій сельскій календарь на 1899 г. Кн. XII, стр. 491.

Кутузовъ. Нѣмецко-русско-французскій техническій словарь. Кн. IV, стр. 164.

Островскій, Д. Путеводитель по Северу Россіи. Кн. VII, стр. 289.

Сахалинскій календарь на 1899 г. Кн. XII, стр. 492.

Сеславинъ, Д. Карманный ортографическій словарь. Кн. VIII, стр. 343.

Ступинъ, А. Современный календарь на 1898 г. Кн. I, стр. 30.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ журнала Русская Мысль,

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой.)

Продаются слѣдующія книги:

- Кеббъ. Исторія греческой литературы. Ц. 1 р.
 Гаффи. Исторія классич. періода греческой литературы. 2 тома. Ц. 1 р.
 Эдестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.
 Спарі. Исторія итальянской литературы. 2 т. Ц. 3 р. каждый.
 Кноръ. Исторія испанской литературы. 1—3 т. Ц. 9 р. 50 к.
 Пнкель, Горнъ. Исторія скандинавской литературы. Ц. 2 р.
 Уденъ, Э. Шекспиръ. Ц. 2 р.
 Юссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Ц. 1 р. 25 к.
 Ттнеръ. Французская литература въ XVIII вѣкѣ. Ц. 2 р.
 Андесъ. Англійская литература XIX вѣка. Ц. 75 к.
 Аховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка.
 Ц. 1 р. 50 к.
 Ттнеръ, Г. Англійская литература (1660—1770). Ц. 1 р. 50 к.
 Нсонъ. Исторія французской литературы XIX вѣка. Ц. 1 р.
 О же. Исторія французской литературы XVIII вѣка. Ц. 1 р.
 О же. Исторія французской литературы XVII вѣка. Ц. 1 р.
 Андесъ. Французская литература XIX вѣка. Ц. 2 р.
 Аховъ. Гёте и его время. Ц. 1 р. 25 к.
 Ереръ. Исторія нѣмецкой литературы въ 2-хъ ч. Ц. 5 р. 50 к.
 Андесъ. Литературные портреты. Ц. 1 р. 85 к.
 Ороженко. Исторія западной литературы. Ц. 1 р.
 О же. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Ц. 75 к.
 Селовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Ц. 1 р. 75 к.
 Рышневскій. Очерки Гоголевскаго періода. Ц. 2 р.
 О же. Замѣтки о современной литературѣ. Ц. 2 р.
 Ппинъ. Исторія русской литературы, въ 4-хъ т. Ц. 10 р.
 Бробиловъ. Полное собраніе сочиненій. 4 т. Ц. 7 р.
 Исаревъ. Полное собраніе сочиненій. 1—6 т. Ц. по 1 р. за томъ.
 Плинскій. Полное собраніе сочиненій. 1—4 т. Ц. по 1 р. 25 к. за томъ.

Книжный магазинъ „Русской Мысли“ принимаетъ годовую подписку на всѣ издательскія изданія.

При магазинѣ находится складъ изданій книжнаго магазина „Знаніе“ и журн. „Образованіе“.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

<p>Пютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). На-
 ихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р., съ
 ересылкою 1 р. 20 к.
 Ттыревъ, Н. М. Въ волостныхъ
 исаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по
 вѣсту и разстоянію.
 Брищевъ - Пушкинъ, А. М.
 мпирическіе законы дѣятельности рус-
 ского суда присяжныхъ (съ атласомъ).
 Ц. 4 р.</p> | <p>Богословскій, В. С., проф. Пяти-
 горскія и съ ними смежныя минераль-
 ныя воды. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.
 1 р. 80 к.
 Бурже, Поль. Трагическая идиллія.
 (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н.
 Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
 Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ
 Ц. 75 к.</p> |
|--|--|

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ
 народныхъ, пользуются уступкой 10%.

- Гольцевъ, В. А.** Вопросы для и жн-ни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Литературные очерки. Ц. 1 р. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянью.
- Д-ръ Алексѣевъ, П. С.** О пль-стѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Ц. 1 р.
- Подъ, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконтъ. (Послѣдній приключ. знаменитаго Тар-тарена). Переводъ В. М. Ремезова. Ц. 1 р.
- Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Женщина.** Статьи: Э. Ожешковой, М-те А. Доде, Парло Вазанъ, Жауры Маргольтъ, Карменъ Сильва, D. Менанъ. Ц. 40 коп.
- Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 80 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 80 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 80 к. Выпуски II и III рекомендов. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. среди. учеб. заведеній муж. и женщ.
- Короленко, Владиміръ.** Очерки и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

- Маттеи, Григорій.** Сказки. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- Михайловскій, Н. К.** Шахъ. (Критическій опытъ). Ц. 1 р.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3-хъ т. Ц. 1 р. 50 к.
- Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ т. Ц. 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и издаваемый редакціей журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р., съ пер. Ц. 2 р. 50 к.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, и предисловіемъ В. А. Гольца 2-е изд. коллечное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
- Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.
- Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. Ц. 1 р. 80 к.
- Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
- Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Камо градеши? Ром. изъ временъ Ирона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
- На южномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
- Стольцовъ, А. Г.** Общественныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
- Чеховъ, Мих.** Закромъ. Сказки для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ан.** Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
- Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ домъ, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 1 р.
- Юноша, Клеменсъ.** Силы. Вѣттики деревенской жизни. Перев. съ нѣ В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Ябло мушкетера. Ц. 1 к.
- Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

- Рассказъ про смутное время на Руси. Ц. 1 1/2 к.
- Короленко, В. Г.** Убийство. Ц. 4 к.
- Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Шаткинъ. Изд. 2-е. Ц. 1 1/2 к.

Библіотекa „Русской Мысли“.

- Сенкевичъ, Г.** Черезъ степи. Ц. 40 к.
- Ремезовъ, М.** Клеопатра. Ц. 40 к.
- Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
- Византія и Византія конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
- Эпиклоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.
- Альбовъ, М.** Юбилей. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, К.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
- Ожешкова, Э.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

- Панна Роза. Великій. Среди мѣсяца. Ц. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Очеркъ Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Буря Гордыни. Охотники брови. Ц. 1 р.
- Ладыженскій, Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.
- Немировичъ - Данченко, В.** Драма за сценой. Ц. 1 р.
- Немировичъ - Данченко, В.** И. Ляля. Изъ сказокъ дѣтства. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Научно-популярная библиотечка „Русской Мысли“.

(под редакцией Е. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

- ассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
 ере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
 юкло, Э. Пастёръ. Броженіе и сажозарожденіе. Ц. 40 к.
 юкло, Пастёръ. Заразные болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
 артъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.
 ауппъ Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.
 ьериданъ. Школа элословія. А. В. Пожосса. Биографическій очеркъ Шеридана Ц. 60 коп.
 роф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
 ндре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.
 ертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 к.
 еккель, Э. Натурализмъ похъ тропиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала
 «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1898 г.

- лексѣвъ. Полный словотолкователь и объяснитель иностранныхъ словъ. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
 арачѣевъ. Голубь почтовый и домашній. М., 1898 г. Ц. 50 к.
 зрокгаузъ. Энциклопедическій словарь. 49-й полутомъ (Праяга—Просочка отпуски). Спб., 1898 г. Ц. 8 р.
 Зальтеръ. Волшебный фонарь, его устройство и обращеніе съ нимъ. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 Веббъ, Сидней. Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ. Спб., 1899 г. Ц. 15 к.
 Виноградовъ, П. Г. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Составленная кружкомъ преподавателей. Вып. III. М., 1898 г. Ц. 2 р.
 Воробьевъ. Кирпично-гончарное и фарфоровое производство. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 Гофманъ, Францъ. Бѣдный мальчикъ. Перев. съ нѣмц., въ папкѣ съ рисунками. М., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
 Грефъ. Альбомъ рисунковъ мебели въ стилѣ „Рококо“. М., 1898 г. Ц. 8 р.
 — Альбомъ рисунковъ готической мебели. М., 1898 г. Ц. 3 р.
 Даневская, С. Открытіе и завоеваніе Мексики. Разсказъ для дѣтей. М., 1898 г. Ц. 60 к.
 — Открытіе Америки. Разсказъ для дѣтей. М., 1898 г. Ц. 60 к.
 Джіованіоли. Спартакъ. Романъ. Перев. съ итальянскаго. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
 Дмитриевъ. Приготовленіе солода. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 — Картофель и способы приготовленія изъ него разныхъ продуктовъ. М., 1898 г. Ц. 2 р.
 — Молочное хозяйство. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
 — Пчеловодство. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 Дьяконова, А. Первая зорька. Сборникъ стихотвореній для дѣтей, съ рис., въ папкѣ. М., 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
 Знамя. № 1 еженедѣльн. политич. науч. и литерат. журнала. М., 1898 г. Ц. 10 к.
 Каэнъ. Устройство электрич. освѣщенія. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
 Козловъ и Мельниковъ. Школа живописныхъ и малярныхъ работъ. М., 1898 г. Ц. 2 р.
 Коренблитъ. Нѣмецко-русскій техническій словарь. М., 1898 г. Ц. 13 р. 50 к.
 Краузе. Альбомъ рисунковъ фантастической и роскошной мелкой мебели. М., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
 Крыловъ. Басни, съ рисунками. М., 1898 г. Ц. 12 к.
 Ксавье и Мегронъ. Свѣчное, мыловаренное и самотопенное производство. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 Лансонъ. Исторія французской литературы. XVII вѣкъ. Перев. съ франц. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
 — Исторія французской литературы. XVIII вѣкъ. Перев. съ франц. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
 Лейхстъ. Мыловареніе. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
 Маджугина. Искусственные цвѣты и растенія, способы ихъ изготовленія. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
 Макаровъ. Домашній квасоваръ. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 Маленькіе разсказы для дѣтей въ стихахъ и картинахъ. М., 1898 г. Ц. 50 к.
 Мароховцевъ. Домашне-фабричное колбасное производное. М., 1898 г. Ц. 1 р.
 Мельниковъ. Школа садоводства и огородничества. М., 1899 г.
 Мионовъ. Бѣленіе пряжи и тканей. М., 1898 г. Ц. 1 р.

- Нигофъ.** Руководство къ устройству плотинъ и запрудъ. М., 1898 г. Ц. 2 р.
- Петровъ.** Канатно-веревочное производство. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Ратковъ.** Корзиночное производство. М., 1898 г. Ц. 50 к.
- Регелевъ-Мурскій.** Цѣтовое производство комнатное и на открытомъ воздухѣ. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Розелеръ.** Гальванопластика. М., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Роміасъ, Сергій.** Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. 2 т. М., 1899 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Ротмундъ.** Современный красильщикъ. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Рыльскій.** Кожевенное и шерстяное производство. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Садовниковъ, Д.** Наши землепроходцы. Разказы о заселеніи Сибири. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Симоненко.** Приготовленіе клеенки и разныхъ издѣлій изъ каучука. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Костяны и роговые издѣлія. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Москательные товары и способы ихъ приготовленія. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Производство клея. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Домашняя фабрика чернилъ. М., 1898 г. Ц. 80 к.
- Симсонъ.** Набивное ситно-бумажное производство. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Томсонъ.** Производство англійскихъ красокъ. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Руководство по устройству ледниковъ. Производство льда. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Фореель, Августъ.** Алкоголь и душевное расстройство, лекція. М., 1898 г. Ц. 20 к.
- Хирыякова, А.** Бѣлыя невольники и другіе разказы для дѣтей, въ видѣ рис. М., 1898 г. Ц. 65 к.
- Шилтовъ, А., проф.** д-ръ. О безсмертіи души. Изд. 2-е. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Юрьинъ, Н.** Въ сонномъ царствѣ. Сказка для дѣтей. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли» складъ слѣдующихъ изданій **М. И. Водовозова.**

- Магаймъ, Э.** Профессиональные рабочіе союзы. Перев. Н. В. Водовозова. 1895 г., стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиббинсъ.** Англійскіе реформаторы. Перев. съ англійск. А. Санина. 1896 г., стр. 339. Ц. 1 р. 50 к.
- Гурвичъ, И.** Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англійск. 1896 г., стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.
- Землевладѣніе и сельское хозяйство.** Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1896 г., стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.
- Промышленность.** Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.
- Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи.** Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.
- Освобожденіе крестьянъ на Западѣ.** Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозовъ, Н.** Экономическіе этюды. Ц. 2 р.
- Ильинъ, В.** Экономическіе этюды и статьи. Сиб., 1899 г., стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.
- Эшли.** Экономическая исторія Англіи. Перев. съ англійскаго Н. Мурашова. Стр. 800. Ц. 2 р. 75 к.
- Шиппель, М.** Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣмц. В. Ульриха. Стр. 135. Ц. 50 к.
- Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности.** Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнаппа. Работы и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. В. Дена. Стр. 351. Ц. 1 р. 50 к.
- Вюхеръ, К.** Происхожденіе народныхъ хозяйствъ и образованіе общественныхъ классовъ. Перев. съ нѣмц. подъ редакціей С. Н. Булгакова. 1897 г., стр. 91. Ц. 50 к.
- Булгаковъ, С.** О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій очеркъ. 1897 г., стр. 28. Ц. 1 р. 25 к.
- Э. Мейеръ.** Экономическое развитіе древняго міра. Пер. Германовна. Ц. 60 к.

открыта подписка на 1899 г. (XVIII годъ изданія) на журналъ
для дѣтей

РОДНИКЪ

Однѣе изданіе „РОДНИКА“ состоитъ изъ 12 книгъ (около 1,200 столбц. текста
и 500 рисунковъ).

„Родникъ“ одобренъ и допущенъ всѣми вѣдомствами для всѣхъ учебныхъ
заведеній.

Содержаніе «РОДНИКА» составляютъ:

I. Беллетристика, въ которой редакция старается давать больше такихъ вещей,
которыя съ интересомъ прочтутъ и взрослые, для чего постоянно привлекаетъ въ
журналъ писателей, работающихъ въ журналахъ для взрослыхъ. Безусловно не допу-
скаются произведенія, затрогивающія съ предвзятой точки зрѣнія вопросы рели-
гиозные, національные и сословные. Передѣлки классическихъ произведеній не по-
мѣщаются.

II. Биографіи главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли“.

III. Статьи и очерки, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ
народовъ.

IV. Статьи популярно-научнаго характера изъ исторіи, географіи, естествен-
ныхъ наукъ, относящіяся до родного быта и природы и написанныя главнымъ обра-
зомъ русскими учеными и путешественниками, хорошо изучившими родину.

V. Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися событіями
русской и иностранной жизни.

VI. Описанія игръ, занятій, опытовъ и мелкихъ свѣдѣній научнаго характера.

Переводы съ иностранныхъ языковъ даются въ умеренномъ количествѣ, въ виду
того, что дѣтскій журналъ прежде всего долженъ знакомить дѣтей съ родной при-
родой и жизнью.

Обращено особенное вниманіе на вышность изданія: „РОДНИКЪ“ печатается
изъ толстой вѣленевой бумаги, на которой значительно лучше выходятъ рисунки, и
ромѣ того она отличается прочностью, что, конечно, имѣетъ немаловажное значе-
ніе для дѣтской книги. Помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ,
въ „РОДНИКЪ“ помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и синими съ произ-
веденій извѣстныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Вмѣстѣ съ „РОДНИКОМЪ“ издается ежемѣсячный педагогическій
листокъ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ,

посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и
дѣтскаго чтенія.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“ выходитъ ежемѣсячно выпусками большого фор-
мата въ 32—64 столбца убористой печати.

Условія подписки на 1899 годъ прежнія:

За годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“—5 руб. На годъ съ дост. и пе-
ресылк. за 12 книгъ „Родника“ и 12 №№ „Воспитанія и Обученія“—6 руб. За гра-
ждану 8 руб. Отдѣльно за 12 №№ педаг. листка „Воспитаніе и Обученіе“—2 руб.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 106, при книжномъ магазинѣ
Н. Мореза.

За издателя Н. Морезъ.

Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

1899 г.

Годъ X.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи“

изданіе Московскаго Психологическаго Общества, состоя-
щаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ

Журналъ издается подъ редакціей *В. П. Преображенскаго*, при не-
средственномъ содѣйствіи *Н. Я. Грота*, *Л. М. Лопатина* и *кн. С. Н.*
Трубецкаго и при ближайшемъ участіи *В. А. Гольцева*, *В. Н. Иа-*
новскаго, *Н. А. Иванцова*, *С. С. Корсакова*, *Вл. С. Соловьева*, *А. А.*
Токарскаго, *Н. А. Умова*.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ фе-
рала, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами не менѣе 15 печатныхъ
листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1899 г. по 1-е января 1900 г.) безъ доставлѣ-
н 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—
7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе
священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ
журнала принимаются *только* въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ кон-
торѣ журнала: МОСКВА, Большая Никитская, Шереметевскій пер.,
д. гр. Шереметева, ¹/₂, кв. № 28 (въ помѣщеніи журнала „Рус-
ская Мысль“).

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНІЕ V-й (ноябрь-декабрь) книги журнала
за 1898 годъ: *Б. Н. Чичеринъ*: «Философія права. I. Введеніе».—*А. Я.*
Кожевниковъ: «Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ
волненій».—*Н. Я. Гротъ*: «Понятіе прогресса».—*В. И. Герье*: «О. Богъ
и его значеніе въ исторической наукѣ».—*П. А. Каленко*: «Красота
искусство».—*В. А. Вагнеръ*: «Психологія насѣкомыхъ».—*Н. И. Карпъ*:
«Новый историко-философскій трудъ» (*С. С. Арнольди* «Задачи пониманія
исторіи»).—*Критика и бібліографія*.—*Извѣстія и замѣтки*.—*Психологическое Общество*.

Редакторъ *В. П. Преображенскій*

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества *Н. Я. Гротъ*.

ЮБИЛЕЙНО-ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПОДПСКА «КОНЦА ВѢКА»

НА ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

1899 г.—„конецъ вѣка“ богатъ сюрпризами: въ этомъ году „Будильникъ“ достигаетъ 35-лѣтняго возраста и настоящая редакция „Будильника“ празднуетъ свой 15-лѣтній юбилей. Въ 1899 же году Россія чествуетъ 100-лѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина.

Все это „событія“, радостныя для просвѣщенныхъ читателей, вызывающія всеобщую подписку на журналъ „Будильникъ“ въ 1899 г.

„Будильникъ“ не останется въ долгу, такъ какъ онъ журналъ для всѣхъ и обо всемъ.

Онъ желанный другъ дома, занимательный гость въ обществѣ, хороший спутникъ въ дорогѣ и добрый товарищъ въ одиночествѣ.

Провинцію, которую приходится усиленно будить на зарѣ XX вѣка, „Будильникъ“ въ каждомъ номерѣ щекочетъ перомъ и карандашомъ, выставляя ея дѣятели, часто раскрашенныхъ, но безъ прикрасъ.

„Будильникъ“ даетъ въ каждомъ № журнала приложенія — веселыя пѣсни и рассказы иностраннаго производства.

Въ 1899 г. годовые подписчики получаютъ по случаю 100-лѣтія рожденія А. С. Пушкина небывалую премію:

„Евгеній Онѣгинъ“.

Полный текстъ поэмы съ портретами А. С. Пушкина, П. И. Чайковского и иллюстраціями фотогр. К. А. Фисера, снятыми со сценъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“ въ Императорскихъ театрахъ Москвы и Петербурга.

Кромѣ того годовымъ подписчикамъ бесплатно:

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЮРПРИЗЪ.

(Сюрпризъ будетъ разосланъ подписчикамъ въ началѣ 1899 г., что, кстати, приучитъ любопытныхъ къ терпѣнію...)

Все мѣняется къ „концу вѣка“, за исключеніемъ подписной платы на „Будильникъ“: на годъ съ преміей и сюрпризомъ—10 р.; безъ преміи—9 р. Въ Москвѣ дешевле на 1 р. Скупнымъ—разсрочка: 3 р. при подпискѣ и 3 р.—1 іюня 1899 г. Пробный № „Будильника“ высылается за три 7 коп. марки.

Подписныя деньги адресуются: МОСКВА, РЕДАКЦІЯ „БУДИЛЬНИКА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА Иллюстрированную Библиотеку НИВЫ на 1899 г.,

которая будетъ содержать въ себѣ:

большое роскошно - иллюстрированное изданіе in folio

ТРАГЕДИИ

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА

Въ двухъ частяхъ, съ 25 эстампами, гравированными на мѣди, 132 гравюры на деревѣ по рисункамъ знаменитаго германскаго художника ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙ-БЕРТЦА, исполненными въ гравюрѣ извѣстѣйшими граверами.

Роскошное изданіе „ФАУСТЪ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1899 года въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ (по одному выпуску въ мѣсяцъ).

Въ обширной, неисчерпаемо-богатой и разнообразной сокровищницѣ европейскихъ литературъ найдется немного такихъ перловъ, такихъ совершенныхъ и умительныхъ твореній человѣческаго гения, какъ гётевскій „ФАУСТЪ“... Блжжнн, приступающему къ чуднымъ его страницамъ, „ФАУСТЪ“ доставляетъ особое, своеобразное наслажденіе: интимн, жизнерадостный юноша находитъ въ немъ прелесть повѣсть любви Фауста и Маргариты, съ ея печальною развязкою; зрѣлый читатель видитъ въ Фаустѣ гениальное воплощеніе того алчущаго правды духа человѣчества, который вѣчно стремится впередъ; наконецъ, на склонѣхъ дѣтъ, читатель находитъ дѣльный міръ идей въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ намека творенія, словно въ зеркалѣ, отразившаго въ себѣ всѣ движенія человѣческой мысли за послѣдніе три столѣтія.

Классическимъ образцовымъ переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабжаетъ, въ примѣчаніяхъ, всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Предлагаемое нами теперь новое удешевленное изданіе „Фауста“ по формату, количеству бумаги, эстампамъ, гравюрамъ и печати будетъ до такой степени соответствовать первому дорогому изданію, стоившему въ переплетѣ 40 руб., что ихъ нельзя будетъ отличить другъ отъ друга. Но, вмѣсто 40 руб. (а съ пересылкой свыше 45 руб.), низкая цѣна для дешеваго изданія назначена нами въ 14 р. (съ перес. 16 р.), причемъ, чтобы облегчить подписчиковъ, допускается еще разсрочка платежа. Полнѣе, что тотчасъ по заключеніи подписки цѣна будетъ возвышена до 20 р.

О высокомъ качествѣ иллюстрацій къ „ФАУСТУ“ могутъ дать нѣкоторое понятіе копія съ эстамповъ на мѣди, помѣщенные, въ значительно уменьшенномъ видѣ, въ иллюстрированномъ объявленіи о подпискѣ на „ФАУСТА“, которое, по первому требованію, высылается бесплатно.

Подписная цѣна на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одному выпуску въ мѣсяцъ: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—14 р.; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ (Ришельевская, № 12)—15 р. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи—16 руб. Съ перес. за границу—20 руб. Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Отдѣльные выпуски „ФАУСТА“ не продаются, и изданіе, не подпискѣ, съ казеннымъ платеніемъ и въ переплетѣ не высылаются. Только первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно за 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп. (можно прислать почтовыми марками въ записныхъ письмахъ). Лица, выписавшія первый выпускъ „ФАУСТА“, могутъ подписаться на все изданіе со 2-го выпуска, уплачивая только ГОРОДСКИЕ подписчики на 1 руб., а ИНОГОРОДНЫЕ—на 1 руб. 50 коп.—Имѣется въ отдѣльной продажѣ роскошный переплетъ на „Фауста“ изъ лучшаго англійскаго картона, съ кожанымъ (шагреновымъ) корешкомъ, украшенный золотыми тисненіями, — по цѣнѣ 3 руб., съ перес. 4 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ съ подробными условіями разсрочки платежа высылается бесплатно.

Требованія и данги адресовать: въ контору издан. А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ, Мал. Морская, № 12.

Подписка на 1899 г.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(36-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.		на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.		на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.	
6	5	50	6	6	—	6	9	—
3	3	—	3	3	50	3	4	80
1	1	—	1	1	20	1	1	90

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить еженежно, не включая дней послѣпраздничныхъ, лѣтами большого формата, съ приложеніемъ по мѣрѣ надобности, дополнительныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. многогородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся одновременнымъ взносомъ одовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальѣйшая высылка газеты прѣстанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ *отъ Москвы съ доставкой* на 1 мѣсяць—85 к., *съ пересылкой отъ другихъ городовъ* на 1 мѣсяць—1 р.

Открыта подписка на 1899 годъ на ежемѣсячный литературный журналъ

ЖЕНСКОЕ ДѢЛО.

Журналъ Женское дѣло ставитъ своей главной цѣлью отвѣчать на всѣ запросы русской женщины не только какъ матери, но и какъ члена семьи и общества.

Въ виду все болѣе и болѣе усложняющихся условій культурной жизни и вполнѣ опредѣлившася женскаго движенія у насъ и за границей, журналъ „Женское дѣло“ является необходимымъ подспорьемъ какъ въ вопросахъ чисто семейнаго характера, такъ и въ вопросахъ женскаго образованія и труда на различныхъ поприщахъ дѣятельности общественной.

Въ Европѣ, не говоря уже объ Америкѣ, издается множество подобныхъ журналовъ, а всѣ они имѣютъ большой кругъ читателей; у насъ въ Россіи подобнаго рода изданіе является впервые.

Разобраться въ вопросахъ, которые лежатъ въ основу „Женскаго дѣла“, задача трудная, но она можетъ быть значительно облегчена, если интеллигентная женщина нашего обширнаго отечества будетъ смотрѣть на него какъ на свое личное дѣло и примутъ участіе въ трудахъ редакціи и въ распространеніи самаго журнала.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Исторія развитія женщины и ея положеніе въ семьѣ, обществѣ и государствѣ у насъ и за границей. 2) Лѣтопись женскаго движенія и женскаго труда у насъ и за границей. 3) Біографія женщинъ выдающихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности. 4) Беллетристика и стихотворенія оригинальными и переводными. 5) Голоса изъ провинціи. 6) Критика и бібліографія по женскому вопросу. 7) Отчеты о женскихъ конгрессахъ, союзахъ, обществахъ научныхъ, художественныхъ, благотворительныхъ и проч. 8) Смѣсь. 9) Объявленія. При статьяхъ о женщинахъ, выдающихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности, будутъ помѣщаться ихъ портреты, а также снимки съ картинъ и другихъ произведеній женскаго творчества.

Подписная цѣна на годъ за 12 книгъ шесть руб. съ доставкой и пересылкой семь руб. За границу девять руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гомчарная, № 10, куда гг. подписчики и книгопродавцы просятъ исключительно обращаться.

Редакторъ-издательница А. М. Пшкова-Телистреза.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!**популярный семейный журналъ д-ра Зарубина.**

(Шестой годъ изданія).

Выходить еженедѣльно въ количествѣ 52 №№.**Необходимо каждому!!**

Журналъ „Будьте Здоровы“ дастъ въ 1899 году: 52 №№ журнала, большого формата, съ рисунками. 52 бесплатныхъ приложения. Бесплатная ПРЕМІЯ всѣмъ годовымъ подписчикамъ: Популярный Альманахъ-Календарь „Будьте Здоровы“! Бесплатно каждому подписчику: медицинскіе и гигиеническіе совѣты, рецепты и наставленія.

Подписная цѣна съ пересылкой, преміей и со всѣми приложениями: 7 р. въ годъ, 4 р. полгода, 2 р. четверть года и 70 к. за одинъ мѣсяцъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Журналъ „Будьте Здоровы“ въ общедоступныхъ статьяхъ даетъ каждому все, что нужно знать для сохраненія и укрѣпленія здоровья и для предупрежденія и лѣченія болѣзней домашними средствами.

Гигіена жилища, одежды и пищи.—Гигіена работы, отдыха и развлеченія.—Гигіена цѣломудрія и красоты, брака и новобрачныхъ.— Половая гигиена.— Гигіена нервныхъ людей.—Гигіена женщинъ и дѣтей.—Гигіена современнаго интеллигентнаго челоука вообще и отдѣльныхъ профессій: чиновника, военнаго, учителя и проч.—Уходъ за кожей, волосами, глазами, зубами и т. д.—Гигіена слабогрудныхъ и инокровныхъ.—Гигіена старости, тучности и худобы, сна и ночи.—Гигіена характера, чувствъ, умственнаго труда.—Здоровье тѣла и крѣпость духа,—равновѣсіе умственныхъ и физическихъ силъ.

Популярная домашняя медицина.—Какъ сохранить здоровье, какъ предупредить болѣзни, какъ избѣгать всего вреднаго для организма, какъ обходиться домашними средствами, какъ лѣчиться безъ помощи врача, какъ облегчать припадки и утишать боль.—Какъ лѣчить хроническія болѣзни, тянущіеся годами.—Популярное описание лѣченіе болѣзней.—Дезинфекція, фальсификація, домашняя косметика, домашняя аптека и приготовленіе лѣкарствъ, нервныя и половыя извѣстности, сердечныя и почечныя извѣстности, онанізмъ, половое безсилье и проч., и проч.

Совѣты и рецепты бесплатно.**„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“.**

Выходить ежедневно. Форматъ большахъ столичныхъ газетъ. Посвященъ преимущественно разработкѣ вопросовъ юго-восточной области Европейской Россіи. Подписная цѣна съ пересылкою: за годъ 7 руб., 6 мѣс.—4 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 1 мѣсяцъ—1 руб.

Книжный магазинъ „Сар. Дневника“ принимаетъ подписку на полное собраніе сочиненій *Марко Воечка*. Собраніе составитъ 8 томовъ, цѣною 10 руб. безъ перес.

Вышли первые пять томовъ: I и II. (Украинскіе рассказы.—Маруса. Ц. 2 р. 25 к.). III. (Живая душа.—1 р. 25 к.). IV. (Записки Причетника.—1 р. 25 к.). (Повѣсти и рассказы изъ русскаго быта.—1 р. 25 к.).

Последніе три тома должны выйти къ веснѣ 1899 г. Подписная цѣна на изданіе съ перес.—7 р. 50 к. Внесшіе 6 руб., получаютъ вышедшіе пять томовъ при полученіи 6-го тома, высылаютъ остальные деньги. Можно подписываться разсрочку: за каждый присланный томъ по 1 р. 25 к.; высылается по одному тому пока не будетъ внесена вся подписная сумма, дающая право на всѣ остальные томы.

Адресъ: Саратовъ—„Саратовскому Дневнику“.

ИЗВѢСТІЯ ЮЖНО-РУССКАГО ОБЩЕСТВА АККЛИМАТИЗАЦИИ.

Годъ III.

До настоящаго времени „Извѣстія Южно-Русскаго Общества Акклиматизаціи“ выходили по мѣрѣ накопленія матеріала серіями. Съ января же 1899 г. они начнутъ выходить регулярно каждый мѣсяцъ книжками до 5 печатныхъ листовъ по значительно расширенной программѣ, обнимающей собой всѣ задачи, которыя по уставу преслѣдуетъ южно-русское общество акклиматизаціи.

ПРОГРАММА ИЗВѢСТІЙ:

1) Мѣропріятія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій по растеніеводству и животноводству. 2) Открытія и изобрѣтенія въ области растеніеводства и животноводства. 3) Монографіи и замѣтки по растеніеводству и животноводству. 4) Корреспонденціи. 5) Библиографія книгъ и временныхъ изданій по растеніеводству и животноводству. 6) Журналы засѣданій южно-русскаго общества акклиматизаціи и его отдѣловъ и доклады, сдѣланные въ нихъ. 7) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой—3 р., для гг. членовъ южно-русскаго общества акклиматизаціи 1 р. 50 к. Пробный первый номеръ высылается заказною бандеролью за 6 семикопѣчныхъ марокъ.

Адресъ редакціи и конторы: Харьковъ, Университетская горка, контора Н. В. Петрова.

Редакторъ Н. В. Петровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

Журналъ политическій, литературно-художественный и сатирическій съ карриатурами РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

„Развлечение“ вступаетъ въ 41 г. своего существованія.

„Развлечение“—журналъ вполне семейнаго характера, не потворствуетъ грубымъ кускамъ толпы, а старается быть всегда вполне корректнымъ и приятнымъ.

„Развлечение“ въ 1899 г., не возвышая подписной платы 6 р. дастъ своимъ подписчикамъ:

1. Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ перомъ, карандашомъ и въ краскахъ извѣстныхъ аррикатуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себя массу художественныхъ рассказовъ, оцѣнокъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину правды современнаго общества столицъ и провинціи (провинціальныя злобы дня и курьезы будутъ смѣшаться въ текстѣ и рисункахъ).

2. Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей. (Иллюстраціи эти полны захватывающаго интереса по своему художественному исполненію).

Годовая цѣна журнала шесть рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ три руб., въ мартѣ—одинъ руб., въ апрѣлѣ—одинъ р. и въ маѣ—одинъ р.

Пробный № высылается за три семикопѣчныя марка). Адресъ: Москва, журналу „Развлечение“.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ журналъ „Развлечение“ дастъ въ видѣ приложенія одинъ сборникъ юмористическихъ рассказовъ популярнаго юмориста А. Педру (А. П. Падурова).

САМАЯ ДЕШЕВАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

САМАЯ ДЕШЕВАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

5^{Р.}
НА ГОДЪ.

съ портрет. государственныхъ и обществен. дѣятелей и иллюстрац. выдающихся событий.

Газета «Московский Вѣстникъ» издается въ форматъ и объемъ большихъ столичныхъ газетъ. Особое вниманіе обращено на нужды и интересы провинціи, съ каковою цѣлью имѣются собственные корреспонденты въ многочисленныхъ городахъ и мѣстечкахъ Россіи. Событія иностранной жизни представляются съ возможной полнотой, разнообразіемъ и своевременностью собственными корреспонденціями изъ наиболѣе крупныхъ городовъ западной Европы и Нового Свѣта: Парижа, Берлина, Вены, Будапешта, Мадрида, Лондона и Нью-Йорка. Ежедневно полное и всестороннее отраженіе всѣхъ событий текущей жизни. Ежедневно статьи и фельетоны по общественнымъ вопросамъ и на злобы дня. Ежедневно романы, повѣсти, рассказы.

Желая придти на помощь своимъ подписчикамъ и установить съ ними дѣятельную связь, газета охотно принимаетъ на себя трудъ отвѣчать на запросы подписчикъ, присылаемъ въ редакцію.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ 5 руб., на полгода 3 руб., на мѣсяць 60 к.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1906 г., УЖЕ СЪ НОЯБРЯ ТЕКУЩЕГО ГОДА БУДУТЪ ПОЛУЧАТЬ ГАЗЕТУ СЪ ТЕКУЩЕГО ГОДА, ВО ДНѢ ПОДПИСКИ ВЕСЕЛѢДНО.

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ газетъ, Потроши, Куликовскій пер., д-Арбатская.

НА ПОЛГОДА

3^{Р.}

САМАЯ ДЕШЕВАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

печатается и въ концѣ текущаго года выйдетъ въ свѣтъ большая адресъ-календарная, торгово-промышленная и справочная книга:

Вся Область Войска Донского на 1899 годъ.

Издание это по обширности своихъ адресныхъ свѣдѣній, многочисленности торговыхъ адресовъ и цѣнности приложеній, въ видѣ картъ, плановъ, всевозможныхъ рисунковъ и проч., является первою попыткой дать объ Область Войска Донского обстоятельную справочную книгу, которая, замѣняя собою выходившее въ теченіе несколькихъ лѣтъ наше предшествовавшее изданіе „ВЕСЬ РОСТОВЪ“, вмѣстѣ съ собою заключить въ себя адресныя и торговыя свѣдѣнія о всѣхъ остальныхъ городахъ и округахъ области.

Содержаніе изданія «Вся Область Войска Донского» на 1899 г. вкратцѣ слѣдующее:

- I. Историческіе и статистическіе очерки объ Область, городахъ и проч.
- II. Отдѣлъ общій: Главное управленіе Россіи, календари, статистика, коммерція, судъ, почта, телеграфъ, желѣзныя дороги, пароходства и проч.
- III. Отдѣлъ областной: адресныя и торгово-промышленныя свѣдѣнія: учрежденія административныя, общественныя, учебныя, духовенство и проч., общества благотворительныя, ученые, профессиональныя и проч., больницы, врачи, нотариусы, адвокаты и проч., торгово-промышленныя адреса по роду производствъ въ слѣдующемъ порядкѣ:
 - а) Новочеркасскъ, Александровскъ-Грушевскій и Черкасскій округъ.
 - б) Округа: I Донской, II Донской, Усть-Медвѣдицкій, Хопевскій, Донецкій и Луганскій.
 - в) Таганрогъ и Таганрогскій округъ.
 - г) Ростовъ-на-Дону, Нахичевань, пос. Азовъ и Ростовскій округъ.
 Свѣдѣніямъ о городѣ Ростовѣ, какъ важнѣйшемъ торговомъ пунктѣ Область, будутъ уделены особенное вниманіе и полнота ихъ во многомъ превзойдетъ прежде опубликованныя о немъ данныя въ книгѣ „Весь Ростовъ“.
- IV. Справочныя свѣдѣнія.
- V. Приложенія: Карта Область Войска Донского, портреты административныхъ лицъ, виды и планы гг. Новочеркасска, Ростова, Таганрога и Нахичевани, планы театровъ.

Приемъ объявленій въ книгу ОТКРЫТЬ.

По выходѣ въ свѣтъ „Вся Область Войска Донского“ будетъ разослана въ административныя и общественныя учрежденія области, станичныя и волостныя правленія, общественныя собранія, клубы и лучшія гостиницы Новочеркасска, Ростова, Таганрога, Нахичевани и Александровска-Грушевскаго, на станціи прорѣзывающихъ Область желѣзныхъ дорогъ—Владикавказской, Юго-Восточной и Екатериновской и на пассажирскіе пароходы, плавающие по Дону, Азовскому и Черному морямъ.

Съ заказами на объявленія и рекламы среди текста, а равно и за другими свѣдѣніями обращаться въ контору изданія типо-литографія И. Теръ-Абрамянъ, въ Ростовъ-на-Дону, Бол. Садовая ул., собств. д., № 61.

Издатель А. Теръ-Абрамянъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

(Восемнадцатый годъ изданія)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и изслѣдованію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія въ видахъ выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выпущенныя изъ редакціи задачи будутъ посвящены всѣ три главныя отдѣла журнала: I) оригинальнымъ статьямъ; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика библіографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлы библиографическихъ справокъ и отдѣлы приложений, въ который войдутъ: а) рисунки и полнѣйшія фототипіи, и б) научныя матеріалы, около 10 печатныхъ листовъ въ годъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. Б. Антоновича, проф. П. Я. Армашевскаго, А. А. Андриѣвскаго, проф. Д. И. Багалъя, А. Е. Броецкаго, Н. О. Бѣляшевскаго, Н. П. Василенка, В. И. Виченка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. О. Т. Голубова, проф. Н. П. Дашкевича, Н. С. Ефименка, А. Я. Ефименка, П. И. Жатецкаго, Н. И. Жатецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Квядницкаго, С. А. Бурицкого, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучинскаго, С. С. Лаврова, В. Г. Ласкоронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Д. П. Миллера, Н. В. Могилевскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, А. И. Малинина, О. Д. Николаевскаго, проф. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Писаревскаго, В. С. Писаревскаго, Л. В. Падальки, А. К. Полинскаго, А. А. Русова, проф. Н. О. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, А. В. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. И. Степанова, К. И. Старичкаго, А. А. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, А. И. Щербини, Х. П. Яшуржинскаго и др.

Цѣна за годовое изданіе:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой	10 руб. — 1.
Безъ доставки и пересылки	8 „ 30,
За границу	12 „ —,

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прошлые годы, кромѣ 1882 и 1886, по 3 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается съ конторъ редакціи:

(Кузнечная ул., 14), въ книжной торговлѣ журнала „Кіевская Старина“ (Бѣловская, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется книжная торговля (Бѣловская, 14), значительно болѣе обширная сравнительно съ прошлымъ годомъ. Подробный каталогъ высылаютъ а по требованію.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Нау.

го декабря вышла въ свѣтъ и разослана гг. подписчикамъ декабрьская книжка (№ 12) 1898 г.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ОДЕРЖАНИЕ: 1) Портретъ фельдмаршала графа Д. А. Милютина. На отдѣльномъ лѣтѣ. 2) Зеленныя горы. Изъ воспоминаній дѣтства. Д. М. Мамма-Сибиряка. Съ картинками Ф. Ф. Бондаренна. 3) Сестра милосердія. Повѣсть. Гл. VIII—X. Окончаніе. П. А. Сергѣенна. 4) На покой. Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стих. И. А. Белоусова. 5) Кусочки. Разсказъ. Е. П. Муратовой. Съ рисунками В. Левитскаго. 6) Зима. Стихотвор. П. Голова. 7) Алица. Разсказъ. Съ рисунками А. Знаменской. 8) Чудная фея. Загадка. Вѣры Петеминной. 9) * * * Стих. Витора Мюра. 10) Сказки природы. Снѣго-я глыба. В. М. Сысоева. 11) Забава. Баллада. А. А. Федорова-Давыдова. 12) Жарночокъ. Разсказъ. Джона Беннета. Гл. XX—XXXIX. Окончаніе. Съ англійскаго. М. Ремдестевской. Съ рисунками. 13) Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. Гл. II—V. Окончаніе. М. С. Корелина. Съ рисунками. 14) Императоръ Александръ II. Гл. XXV—XXXIII. Окончаніе. Ив. Ив. Иванова. 15) Страницы изъ исторіи. Въ пятидесятилѣтію города Ейска. Е. Т. 16) Но блгу-свѣту. Изъ переписки ухъ покрутъ. Римъ. Съ рисунками. Е. Т. 17) Изъ книгъ и журналовъ. Изъ жизни книгъ вѣрѣй и животныхъ: 1) Крокодилы въ Индіи. 2) Ягуаръ и аллигаторъ. Медвѣди. Съ рисункомъ. 4) Местъ тигра. 5) Долговѣчность животныхъ. 18) Путешествіе. 19) Объявленія.

Январская книжка (№ 1) 1899 года выйдетъ до праздника Рождества. Подписная цѣна на годъ: *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* съ пересылкою — 5 р.; *Дѣтское Чтеніе* безъ *Педагогическаго Листка* съ пересылкою — 5 руб.; безъ пересылки — 4 р. 50 к.; *Педагогическій Листокъ* съ пересылкою — 2 р., безъ пересылки — 1 р. 75 к.

Цѣль редакціи и главной конторы: Москва, Большая Молчановка, д. 24. Дм. Ив. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ А. М. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

„УРАЛЕЦЪ“.

Выходитъ въ г. Уральскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ.

Телефонъ редакціи № 9-й. Третій годъ изданія. Телефонъ редакціи № 9-й.

Газета выходитъ по слѣдующей программѣ:

Руководящія статьи по вопросамъ общаго и мѣстнаго характера. 2) Распоряженія центрального правительства и его мѣстныхъ органовъ. 3) Телеграммы Телеграфнаго генералства. 4) Уральскія новости дня (мѣстная хроника). 5) Отдѣльныя статьи по извѣстному краю. 6) Извѣстія изъ Россіи и заграничій. 7) Фельетоны: литературнаго, общественнаго, историческаго и научнаго характера. 8) Корреспонденціи. 9) Судебныя извѣстія. 10) Забѣтки о новыхъ книгахъ (библиографія). 11) Почтовый ящикъ. 12) Уральскіе рѣчки. 13) Разныя разности. 14) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой:

На годъ (съ янв. 1899 г.).	На $\frac{1}{2}$ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 75 к.	75 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му марта 1 руб., къ 1-му мая 1 руб. и къ 1-му октября 1 руб.

ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ 5 КОП.

За новыя годовыя подписчики, внесшіе полную годовую плату за 1899 годъ, получаютъ газету со времени подписки и до конца года бесплатно.

Подписка принимается: въ УРАЛЬСКѣ, въ конторѣ редакціи „Уральца“ (уголъ Михайловской и Крестовой ул., домъ А. В. Симакова), въ магазинѣ А. П. Шашикова и въ Уральскомъ отдѣленіи Русскаго Торгово-Промышленнаго Коммерческаго банка.—Въ ГУРЬЕВѣ: въ магазинѣ Ларина.—Въ ИЛЕКѣ: въ аптекѣ провизора И. М. Лапидеса. Для обращающихся по почтѣ подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи.

Издатель Н. А. Ванюшинъ.

Редакторъ Б. А. Турыбринъ.

Открыта подписка на 1899 годъ на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

15-й годъ изданія.

РЕЖЕДНЕВНОЕ общепольное изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ номерѣ двухъ листовъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимся.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“ необходима спеціальному школьнику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремесла и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

Для того, чтобы выбрать или заказать нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какими современными требованіями онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи „Ремесленная Газета“ оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій. Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по следующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Руссовъ), кожнo-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ обширномъ изложеніи даются надлежащіе описанія, указанія и рецепты практической работы.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесл. Газетѣ“ будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ ежедневныхъ сообщеній о различныхъ газетныхъ новостяхъ, редакция будетъ давать **БЕЗПЛАТНО** отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ специальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, редакция располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимого и дорогого (многимъ недостающаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** все возможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно и **НАЛОЖЕННЫМЪ** платежомъ.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“ въ теченіе шестидесяти 14-ти лѣтъ успѣла приобрести огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайняго дешевизны, но главнымъ образомъ вследствие того обилія полезнаго и необходимого ей всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) **50 №№ въ годъ**, содержащихъ до 1.000 статей, со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и

2) **СТО листовъ приложений** (замѣняющихъ преміи къ „Рем. Газ.“), которые можно стоять въ розничной продажѣ свыше 20 руб.

3) **Иллюстрированный настѣнный календарь.**

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

Подписная цѣна: 6 рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой за полгода 4 рубля.

Полные экземпляры „Ремесленной Газеты“ со всеми приложениями за 1886 годъ по 10 руб., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг. (безъ книгъ) по 5 р. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. съ разошлись.

„Ремесленная Газета“ рекомендована г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а такъ же 4) для библиотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Долгоруковская улица, домъ № 7

Редакторъ-Издатель ученый инженеръ-механикъ **К. А. КАЗНАВЪ** КВ

1-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1899 г.

10-й годъ изданія.

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемесячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще новостей по всемъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и техническая технология, желѣзнодорожное дѣло, архитектура, инженерное и ронтенное искусство, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографія выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и бібліографія; смѣсь: зачатки о новостяхъ техники, промышленности, разныхъ мелкихъ извѣстіяхъ и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на вопросы гг. подписчиковъ, торговая и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія.

За истекшія девять лѣтъ въ составъ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующія лица:

Профессоры, адъюнкты-профессоры и доценты технологическихъ институтовъ Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскаго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго Политехническаго института и др.—В. И. Альбицкий, К. А. Владимировъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Демьяновъ, Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. В. Котурникий, Н. П. Ланголь, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Я. Никитинскій, П. П. Петровъ, А. И. Редеченскій, В. М. Рудневъ, А. И. Сидоровъ, Н. И. Тавилдаровъ, С. Л. Франкгрътъ, П. К. Худяковъ, Черевашинскій, В. В. Шкателовъ и др.

Преподаватели, ассистенты, лаборанты — И. П. Александровъ, А. П. Величковъ, П. В. Войнаровский, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ, С. П. Ланвой, Л. М. Лялинъ, В. Д. Мѣшаевъ, Н. А. Пановъ, В. А. Цантелъевъ, К. М. Тѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, П. С. Страховъ, К. И. Тумскій, В. Г. ван-Бооль, А. Н. Шустовъ и др.

Представители фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій — М. И. Алтуевъ, И. К. Андрюковъ, Н. Н. Алячниковъ, Л. Я. Арканъ, А. Г. Бадюль, В. Я. Билинъ, Н. Е. Березовскій, М. Берловъ, С. С. Блументаль, И. П. Боклевскій, С. Бокстовъ, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Е. Я. Вайнъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К. Васильевъ, И. Видавскій, Ю. Ф. Вишневицкій, Г. В. Вдохшевскій, С. Ганшинъ, П. Арберъ, Л. Н. Глазовъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель, А. Ф. Грязновъ, А. В. Рухке, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, К. Дементьевъ, А. Н. Державинъ, И. А. Обряковъ, К. Дьяконовъ, П. Ф. Ерченко, В. Ефреминовъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Звадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Заворыкинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Збловъ, П. Касаткинъ, Д. Кирпичниковъ, Н. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Оренблitzъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, А. Г. Лаписовъ, Л. К. Лейхманъ, М. Лялинъ, П. А. Мамухъ, А. Мейро, А. П. Милгисскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Валлеръ, И. М. Нелюбинъ, М. А. Нетыкса, К. Ф. Неймайеръ, С. Ф. Николаевскій, Я. Никитинскій, М. И. Носачъ, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Пурфовичъ, П. А. Персиянновъ, Н. А. Песокскій, П. Т. Плаксицкий, В. Е. Полутовъ, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Т. Разуваевъ, К. Рейнеръ, А. С. Рейеръ, Х. Х. Репманъ, М. А. Рыловъ, А. Э. Сабетъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, И. Сяпцацъ, В. А. Солонина, О. Старикъ, И. Тауберъ, А. А. Томсонъ, М. Н. Руполовскій, А. Угаровъ, А. Фахтѣвъ, А. Фехдоровъ, Н. А. Филиповъ, И. М. ухсъ, Г. Хелимскій, М. Я. Цоллеръ, В. Черневъ, О. В. Шавыгинъ, д-ръ Юркеичъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія.

Всѣ экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе за всѣ девять лѣтъ сразу платятъ 90 руб.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№. Пробные №№ высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ по 1 р. 50 к. отпускается разсрочка — 16 руб. въ годъ съ перес. и доставк., за 1/2 года — 9 руб.

Учащимся скидка 25%.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. маг. Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71. Редакт.-над. учед. ниж.-мех. Л. А. Казначеевъ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1899 ГОДУ

на

ИЗВѢСТІЯ

Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ 1899 г. „Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ будутъ выходить *еженедѣльно* по прежней программѣ:

1) Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. 2) Распоряженія министра. Извѣщенія въ личномъ ставѣ и награды по министерству. 3) Циркулярныя предписанія по министерству, его департаментамъ и отдѣламъ. 4) Отчеты и донесенія министерству. 5) Свѣдѣнія о сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, т. п. 6) Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и сельскаго хозяйства вообще. 7) Тѣлѣны цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8) Метеорологическія свѣдѣнія. 9) Библиографическій отдѣлъ. 10) Объявленія.

Подписка принимается на годъ и на полугодіе съ 1-го января и съ 1-го іюня. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА; съ пересылкою и доставкою на годъ — 4 р., на $\frac{1}{2}$ года — 2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры „Извѣстій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ за 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 годы можно получать въ редакціи по 2 р. за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря на разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894 г.) и въ 7 фунт. (1895, 1896, 1897 и 1898 гг.).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу—25 р., за $\frac{1}{2}$ страницы—14 р., за $\frac{1}{4}$ страницы—8 р., за $\frac{1}{8}$ страницы—5 р. и за $\frac{1}{16}$ страницы—3 р., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ от 10% до 25%, особаючись числу напечатанныхъ разъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XIX годъ.

ОСКОЛКИ

XIX годъ.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „ОСКОЛКИ“ съ каррикатурами, вступая въ девятнадцатый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1899 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1898 году.

Журналъ „ОСКОЛКИ“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ каррикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, оценками, юморомъ и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью въ краскахъ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на три мѣсяца—3 р. За границу: на годъ—10 р., на полгода—6 р.

Безъ доставки и пересылки: на годъ—8 р., на полгода—4 р. 50 к., на три мѣсяца—2 р. 50 к.

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала „ОСКОЛКИ“.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „ОСКОЛКИ“ въ С.-Петербургѣ (Славская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели Н. Лейкинъ и Р. Гечинъ.

Открыта подписка на 1899 г.

(11 годъ изданія)

на БОЛЬШУЮ ежедневную, политическую, общественную и литературную
ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

издаваемую безъ предварительной цензуры въ форматъ и по про-
граммѣ естѣственно-научной и дорожной газетъ, и въ то-же время самую
дешевую изъ книгъ.

Въ настоящемъ году въ газетѣ „Русскій Листокъ“ были помѣщены:

1. Многo рисунковъ и портретовъ, а также даны два художествен-
ныхъ номера.

2. Статьи „Таинственный старецъ“ и др., романъ Теска-Хомскаго
„Заходящее сѣтло“, а также романы и повѣсти Е. О. Дубровиной,
К. В. Назаревой, А. П. Павлова, Н. А. Хлопова и др.

3. Статьи слѣдующихъ лицъ: Н. А. Батамина, Ф. Н. Берга, В. В.
Былибина, И. Божерянова, А. М. Введенскаго, протоіер. І. Г. Виногра-
дова, В. А. Галароскаго, графа П. П. Дегіера, Н. С. Дурново, Н. М.
Ежова, А. И. Елишева, Н. І. Казенскаго, П. Н. Кичеева, А. В. Кру-
лова, Ф. Ф. Лащманова, В. А. Лукина, Н. Н. Родзевича, Р. А. Меча,
С. С. Окрейна, д-ра мед. Н. Я. Плосковскаго, Н. О. Рокшанина, П. А.
Сергѣенко, С. Ф. Шаранова и мног. другихъ, всего 163 сотрудниковъ.

4. Имѣлись собственные корреспонденты за-границею, въ городахъ:
Парижѣ (трое), Лондонѣ, Витѣ, Берлинѣ, Константинополѣ, Нью-Йор-
кѣ и другихъ.

5. „Русскій Листокъ“ высылался подписчикамъ газетъ: „Утро“,
„Гласность“ и „Калужскій Вѣстникъ“, по соглашенію съ редакціями
этихъ газетъ, въ виду пріостановки изд.

Въ наступающемъ 1899 г.

1. Съ ноября 1898 году будетъ устроена собственная типографія для
газеты, соответствующая послѣднимъ требованіямъ типографскаго иску-
ства, съ электрической тѣлою, такъ что печать газеты будетъ стоить
безукоризненно.

2. Въ виду устройства Правительствомъ телефона между Петербур-
гомъ и Москвою, редакція газеты „Русскій Листокъ“ открываетъ въ Пе-
тербургѣ свое специальное отдѣленіе, дабы ея административныя ново-
сти и извѣстія изъ Петербурга получались по телефону и помѣщались
въ газетѣ одновременно съ петербургскими изданіями, благодаря чему ея
эти извѣстія въ нашей газетѣ будутъ опережать въ провинціи петер-
бургскія газеты на двое сутокъ.

3. Время отъ времени къ газетѣ будутъ прилагаться отдѣль-
ныя иллюстрированныя добавленія въ форматѣ ежедневныхъ
журналовъ съ портретами, рисунками, географическими картами, карри-
катурами, шарами, МОДАМИ и пр.

Желающимъ газета высылается для ознакомленія въ теченіе недѣли
за семь двухкопѣчныхъ марокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на ГОДЪ съ доставкой и пересылкой ШЕСТЬ р.,
на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к.

Адресъ главной конторы: Моонва, Мясницкая ул.,
домъ № 20.

6 р.

6 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

IV (1899) г.
изданія.**ДЕРЕВНЯ,**IV (1899) г.
изданія.

(Подъ редакціею П. Н. Еланина).

имѣющій задачею распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству сведения, пригодныя главнымъ образомъ для хозяевъ - практиковъ, свѣдѣніе о хозяйственной и жизни съ землею.

Журналъ „ДЕРЕВНЯ“ допущенъ въ библіотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Программа журнала: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство. **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:** смена хорошихъ сортовъ сельскохозяйственныхъ растеній, планы и чертежи хозяйственныхъ построекъ.

Срокъ выхода ежемѣсячный, сброшюрованными книжками, съ рисунками. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** на журналъ „ДЕРЕВНЯ“: за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою **ТРИ** руб.

Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Громадный выборъ новыхъ изданій по сельскому хозяйству, ремесламъ, домоводству и проч. Адресъ: „ДЕРЕВНЯ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13. Полный каталогъ высылается бесплатно.

I (1899) г.
изданія.**Крестьянское Хозяйство.**I (1899) г.
изданія.

Новый, ежемѣсячный иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ.

(Подъ редакціею П. Н. Еланина).

предназначенный преимущественно для самыхъ мелкихъ хозяевъ, т.-е. для крестьянъ.

Срокъ выхода ежемѣсячный, сброшюрованными тетрадками, съ рисунками. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** на журналъ „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“: за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою **ОДИНЪ** руб.

Подписка принимается только въ конторѣ журнала „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Подробное объявленіе о журналахъ, съ отзывами печати, оглавленіемъ содержанія съ пробными рисунками и проч., высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Наложеннымъ платежомъ, въ кредитъ и съ разсрочкою платежа журналы „ДЕРЕВНЯ“ и „КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“ не высылаются.

XIV годъ изданія. О подпискѣ на 1899 годъ на

ЗВѢЗДУ.

Изданіе Н. Н. ЖИВОТОВА, бывшаго постояннымъ сотрудникомъ газетъ: „Новости“, „Петерб. Листокъ“, „Петерб. Газета“, „День“ и др.

„ЗВѢЗДА“ выходитъ по воскресеньямъ съ иллюстраціями и даетъ каждый мѣсяцъ большой томъ романовъ. Всего 12 книгъ. Въ томъ числѣ 4 тома

РОКАМВОЛЬ.

Къ „ЗВѢЗДѣ“ прилагаются моды и другія приложенія. При первомъ № „ЗВѢЗДЫ“ 1899 г. будетъ разосланъ:

ИСТОРИЧЕСКІЙ САЛОННЫЙ АЛЬБОМЪ

13×10 вершковъ: въ изящной обложкѣ на слоновоѣ бумагѣ; 10 картинъ-гравюръ изображающихъ всѣ послѣдніе историческіе моменты изъ путешествій Имъ Величества за границы и посѣщеніе Августѣйшими Особами Петергофа. Превосходный альбомъ великихъ событий.

Подписная цѣна на 1899 г. съ пересылкою 3 р. Безъ книгъ (съ альбомомъ) 3 р. въ годъ. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Кабинетская, 22.

Отдѣленіе: Въ Москвѣ, Покровка, 52. Главноуполномоченный И. К. Го- бачъ

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна 6 руб. въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

ВШЕДОСТУПНЫЙ ТЕХНИКЪ,

Д Е Ш Е В Ы Й

русскій популярно-техническій и литературный

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ХОДИТЬ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ КНИЖКАМИ ВЪ 10 ПЕЧАТН. ЛИСТОВЪ
СЪ РИСУНКАМИ И ЧЕРТЕЖАМИ.

мѣ оригинальныхъ статей и отчета о русскихъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ журналахъ, даетъ выдержки по всѣмъ отраслямъ техники, химическихъ производствъ, естествознанія и пр., взятыхъ

ИЗЪ 60 ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вниманію гг. подписчиковъ.

По содержанию своему „Общедоступный Техникъ“ одинаково полезенъ какъ ищущимъ техническаго самообразованія, такъ и специалистамъ-инженерамъ, не вѣщимъ ни времени, ни возможности прочитывать всѣ техническія русскія и иностранныя журналы; въ „Общедоступномъ Техникѣ“ читатели найдутъ ежемѣсячно все что посылается новаго по всѣмъ отраслямъ техники, взятое изъ всѣхъ русскихъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ всего міра, изложенное въ сжатой формѣ, удобной для быстрого ознакомленія съ предметомъ.

Въ „Общедоступномъ Техникѣ“ за два года его изданія, такихъ выдержекъ изъ иностранныхъ журналовъ помѣщено болѣе 2,300 номеровъ.

Программа журнала: Оригинальныя популярныя статьи по технике и перепечатанные простыми языкомъ научныхъ статей о новѣйшихъ техническихъ свѣдѣніяхъ, издаваемыхъ лучшими европейскими и американскими журналами. Рекомендація книгъ по техническаго самообразованія. Распоряженія правительства, касающіяся фабрикъ, заводовъ, правилъ поступленія въ техническія учебныя заведенія и правъ, тамъ обрабатываемыхъ. Литературный отдѣлъ: рассказы изъ фабричнаго и заводскаго быта, корреспонденція изъ провинціи, вопросы и отвѣты подписчиковъ, біографіи труженниковъ науки и техники и проч. Сельско-хозяйственный отдѣлъ: архитектура, машины и технология.

Приложеніе на 1899 годъ предполагается помѣстить: 1) (продолженіе) строительнаго устава инж. М. Пріорова и 2) переводъ одного или двухъ популярныхъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій по электродинамикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна на годъ 6 р., съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россіи, и 5 р.—годъ безъ доставки и пересылки въ Москвѣ, на полгода съ пересылкою 4 р. За мѣсяцъ—9 р. Разсрочка допускается съ платою при подпискѣ—4 р. и 1 мал.—2 р. За объявленія: за цѣлую страницу 20 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 12 р., за $\frac{1}{4}$ страницы 6 р. и $\frac{1}{8}$ страницы 4 р. за разъ.

Адресъ редакціи: Москва, Тверская, Трехпрудный пер., № 11.

Редакторъ инженеръ М. Н. Пріоровъ.

Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Техническаго общества.

„Отъ редакціи журнала Русская Мысль“.

Редакція *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя

Н. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Нассе и Ленксонъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна 80 к.

Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна 80 к.

Дюкло. Пастёръ: I. „Исслѣдованіе о броженіи и самоворожденіи“. Цѣна 40 к.

Вартъ: „Религіи Индіи“. Цѣна 1 руб.

Гауптсъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна 50 к.

Шериданъ: „Школа злословія“. *Помощь*: Биографическій очеркъ Шеридана. Цѣна 80 коп.

Проф. П. Гиро: „Фистель-де-Куланжъ“. Цѣна 50 к.

Дюкло. Пастёръ: II. „Заразные болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна 40 к.

Андре Галле. „Божарне“. Ц. 40 коп.

Верто. Наука и нравственность. Ц. 60 к.

Геккель, Э. Натуральность похъ тропиками. Ц. 80 к.

По соглашенію редакціи

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“ и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Въ книжномъ магазинѣ журн. „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ В. И. ЛАВРОВА

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь“ изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октяб. 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ издан. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожаными корешкомъ) 42 руб.

За пересылку прилагивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, можно быть высладе съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при закатѣ должи бы приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

1-го. Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ могутъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежегодно по 2 рубля, впродъ до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (по 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выдѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ въ коленкоровомъ переплетѣ за 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 3 р. и получаютъ въ концѣ года 32 руб. и стоимость пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выдѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4-го по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, такое же будетъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до февраля 1896 г.

и 6-ти карт. И. В. Шпажинскаго. — «Художественно-общедоступный театр»: *Самоуправцы*, траг. А. Θ. Писемскаго. — Ан. — «Выставка картинъ русскихъ и французскихъ художниковъ». М. Н. 168

X. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Вопросъ о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. — Юбилей В. И. Герье и высшіе женскіе курсы. — Приходъ и всесословная волость. — Подтвержденіе основныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II. — Открытіе памятниковъ М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову. — Юбилей С. В. Максимова и К. С. Баранцевича. — Памяти Е. П. Гребенки 186

XI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г. 197

III. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Философія, психологія. — Исторія, исторія литературы. — Искусство. — Географія, путешествія. — Политическая экономія, статистика. — Юридическія книги. — Учебники, дѣтскія книги. — Календари. — II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», ноябрь. — «Русскій Вѣстникъ», ноябрь. — «Русское Богатство», октябрь. — «Міръ Божій», октябрь. — «Образованіе», 1898 г. — «Дѣтскій Отдыхъ», №№ 2—9. — III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря. — IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1898 годъ. 467

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

и личныхъ переговоровъ, приема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1 — 3 час. дня.

принятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

принятые стихотворенія редакціею не сохраняются. Авторы, въ теченіе 6 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

и этой книгѣ прилагаются для всѣхъ безъ исключенія подписчиковъ извѣщенія отъ конторы журнала «Русская Мысль», отъ журналовъ: «Вопросы Философіи и Психологіи», «Образованіе», «Жизнь», «Дерево», и «Крестьянское Хозяйство», «Всходы» отъ издателя «Русскій Стокъ», отъ книгоиздательства А. Ф. Девриена, каталогъ книжнаго издана А. Ф. Девриена и № газеты «Русь»; для всѣхъ подписчиковъ, живущихъ въ московскихъ и петербургскихъ объявленіе отъ журнала «Хозяинъ».

Высочайше Утвержденное Товарищество

М.Б.О.К.

ТОВАРИЩЕСТВО НА ПАЯХЪ, ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ

*Въсобо,
Велосипедовъ,
Пишущихъ машинъ,
Швейныхъ машинъ.*

ПРАВЛЕНІЕ—МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ,

Варшава,

Кіевъ,

Екатеринбургъ,

Одесса,

Копенгъ.

Представители во всѣхъ Сольныхъ Городахъ.

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

1-month loans may be renewed by calling 642.3405

1-year loans may be recharged by bringing the books to the Circulation Desk

Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

APR 3 1985

JUL 3 1984

RET'D APR 12 1984

LIBRARY USE APR 1 '86

NOV 03 1991

AUTO DISC OCT 15 '91

SEP 10 2002

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

FORM NO. DD6, 60m, 1/83

BERKELEY, CA 94720

©